

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гогиев Х.М. Правовое положение ГУКХ НКВД РСФСР и его предприятий в период НЭП.....	6
Инароков И.Р. Нальчик и Приэльбрусье в механизме реализации советской правовой политики в сфере туризма и курортного дела.....	10
Карев Д.А. Правовая природа церковного права через призму исторической школы права.....	14
Инароков И.Р. Туризм и курортное дело как объекты правовой политики советского государства: историко-правовое разграничение....	17
Ковалева В.В., Никулин Д.С. Юридическая природа экспериментальных правовых режимов.....	21
Кожевников В.В., Панченко В.Ю. О перспективных направлениях общетеоретических исследований правовой культуры.....	24
Корнилов А.Р., Храмов А.Ю. Цифровой суверенитет как новый критерий типологии политических режимов: сравнительно-правовой анализ подходов ЕС, КНР и РФ к регулированию интернет-пространства.....	29
Овчаров П.О. К вопросу о деформации правосознания молодежи в следствие пренебрежения уроками истории.....	33
Орлов И.И. Эволюция уголовно-правового обеспечения воинской обязанности в России.....	36
Попков Е.А., Косов Р.В. Реализация модели цифрового государства в системе государственного управления Российской Федерации.....	40

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Алексеев П.В. Актуальные вопросы социальной поддержки военнослужащих.....	45
Ананьев В.А. Система административно-правовых средств, применяемых органами внутренних дел при реализации мер безопасности в отношении защищаемых лиц: классификация, проблемы эффективности и пути оптимизации.....	48
Андреева Н.В. Финансово-правовое регулирование полномочий Банка России деятельности оператора финансовой платформы.....	52
Алексеев Р.К. Проблемы и новые вызовы в сфере защиты прав человека в Российской Федерации после выхода из европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.....	55
Барсукова Л.И., Лазарев С.А. Нормативное закрепление социально-правового статуса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих в Камчатском крае.....	59
Власова Е.Л., Перетолчин А.П. Разграничение и взаимодействие административной и дисциплинарной ответственности в сфере госзакупок.....	63
Воробьева Ю.Ю. К вопросу о классификации профилактических мер в сфере обработки персональных данных.....	68
Гантемирова Т.У. «Мягкое право» и принцип правовой определенности в российском правопорядке.....	71
Гилязетдинова Г.Р. Административная ответственность за нарушение требований возрастной маркировки при розничной продаже компьютерных игр: проблемы правоприменения и перспективы ужесточения санкций в КоАП РФ.....	76
Грибанова А.С. Технологии противодействия коррупции и их роль в правотворческом процессе.....	80
Губанова О.А. Одновременное получение пенсии по выслуге лет и инвалидности военнослужащему.....	83
Ершов А.А. Санкционные ограничения как обстоятельство непреодолимой силы: критерии судебной квалификации в практике верховного суда Российской Федерации (2023–2024).....	86
Жданова Н.С. Изучение системы образовательных правоотношений в обществоведческом курсе современной общеобразовательной школы.....	89
Зацепина О.Г. Судебный контроль как гарантия соблюдения пределов продления сроков доследственной проверки.....	93
Белобородов М.В., Ильин А.П., Булатова Е.Е. Правовой статус коммерческого банка в Российской Федерации: понятие, элементы и содержание.....	97
Киселев В.В. Принципы правового статуса личности как основа конституционного строя.....	100

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Издатель: ООО «Издательство «КноРус»

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:

ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018

ISSN 2220-5500

Подписной индекс Роспечати: 82319

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; Барабанова Светлана Васильевна, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; Бирюков Павел Николаевич, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; Галушкин Александр Александрович, д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; Казачкова Земфира Мухарбиевна, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; Калининченко Пауль Алексеевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Кожанков Антон Юрьевич, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); Липатов Эдуард Георгиевич, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Липски Станислав Андреевич, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Махтаев Махтай Шапиевич, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Мещерякова Ольга Михайловна, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Панченко Владислав Юрьевич, д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Рузакова Ольга Александровна, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Сангаджиев Бадма Владимирович, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; Степанян Армен Жоресович, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Цареградская Юлия Константиновна, д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; Четвериков Артем Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Чихладзе Леван Теймуразович, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; Шохин Сергей Олегович, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); Щукина Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; Скитович Виктор Викторович, доктор юридических наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Джинджолия Рауль Сергеевич, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; Стойко Николай Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:

Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,

117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. Дата выхода в свет: 15.07.2026

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Кочарян А.Ю. Правовая стандартизация процедур распределения государственной поддержки: развитие инструментов предсказуемости для субъектов предпринимательства	103
Лобачев Е.Д. Сравнительно-правовой анализ регулирования азартных игр в Англии и России (XVII – конец XIX века): от запрета к натуральному обязательству	107
Кочарян А.Ю. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как фактор повышения эффективности бюджетной поддержки предпринимательства	112
Логункова С.С. Особенности регулирования деятельности цифровых платформ в рамках действующего российского законодательства	115
Маховых Р.Р. Соотношение единой системы публичной власти и местного самоуправления в контексте Муниципальной реформы 2025 г.	119
Рупашева С.А. Публично-правовые аспекты регулирования личных фондов в Российской Федерации	122
Ситдыков И.И. Закрепление принципа полноты и достоверности государственного реестра медицинских изделий как средство обеспечения правовой определенности, стабильности оборота и защиты прав добросовестных лиц	126
Володин Ю.А., Скариндов А.С. К вопросу о возможности принятия модельного меморандума о контроле судов государством порта в арктических портах Российской Федерации	130
Сохань М.М. Соотношение целевой природы утилизационного сбора и принципа общего (совокупного) покрытия расходов бюджета: зарубежный опыт финансово-правового регулирования	134
Тарасов А.П. Публично-правовая гарантия права на обращение в государственные органы	139
Ячин А.А. Правовой режим налоговых данных и цифрового профилирования как элемент обеспечения налогового суверенитета Российской Федерации	143
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
Алиева С.А. Особенности и проблемы межотраслевого правового регулирования цифровых объектов в Российской Федерации	147
Анфилов Д.П. Доктрина <i>culpa in contrahendo</i> в системе частноправовых средств защиты права	150
Косарева В.В., Афанасьев Г.С. Понятия «родственник» и «свойственник» в контексте законодательства о несостоятельности (банкротстве)	153
Анфилов Д.П. Принцип процессуальной экономии: от вспомогательного инструмента к системообразующему началу ГПК	157
Афонин А.А. Историческая обусловленность фрагментарности российского инвестиционного законодательства	161
Бабенко А.А. Правовая охрана видеоигр в авторском праве Великобритании	164
Баландин Д.В. Налогово-правовые механизмы стимулирования инвестиций в нематериальные активы в рамках государственно-частного партнерства	170
Валевская А.А. ESG-принципы и обязанности контролирующих лиц: новые тренды корпоративного права	174
Веденева И.С. Принудительное лицензирование в авторском праве	177
Володин О.Е. Квaziкорпоративный договор как способ защиты интересов кредиторов	181
Григорьева Н.В. К вопросу об определении понятия «алиментные обязательства» в семейном праве России	185
Грызлова А.А. Комбинированные (гибридные) определения суда первой инстанции в гражданском процессе (на примере заочного производства): проблемы обжалования и пути их разрешения	188
Гущин С.Д., Арипова С.А., Баранник М.Д., Литвинов Г.О., Машарипов Ю.Ю. Изъятие земельных участков и объектов недвижимости для целей строительства	191
Грызлова А.А. Признание экономической ценности домашнего труда при разделе имущества супругов: зарубежный опыт и перспективы реформирования российского семейного законодательства	194
Гущин С.Д., Арипова С.А., Баранник М.Д., Литвинов Г.О., Машарипов Ю.Ю. Юридическая ответственность за нарушение обязательных требований безопасности при строительстве	199
Железцов М.Л. Конвергенция принципов корпоративного управления в правовых системах России и Бразилии	203
Заикин Д.И. Соотношение способов правовой защиты из договора международной купли-продажи товаров, предусмотренных законодательством стран БРИКС	207
Заников Р.В. Дефект юридически значимых сведений в механизме административно-правовой защиты личности от информационных угроз	210
Ибрагимов Х.Ш. К вопросу о защите прав собственников при реновации жилищного фонда	215
Ивакин В.И., Ермишкин А.Ю., Малыгин В.П. Теоретико-методические основы преподавания учебной дисциплины «Этико-правовая культура банкротства»: её предмет, программа и экосистема	218
Ильин А.П., Булатова Е.Е., Белобородов М.В. Недостоверная реклама финансовых услуг: проблемы правового регулирования и меры юридической ответственности в Российской Федерации	222
Капрановский А.С., Чумакова О.В. Автономность воли сторон и ограничение свободы договора при использовании смарт-контрактов	225
Корнеев И.Е. К вопросу определения существенных условий договора энергоснабжения	229
Королёв Е.Э. Правовое регулирование смарт-контрактов при совершении сделок с цифровыми финансовыми активами	233
Курносоев В.М. Теоретические основы приватизации земельных участков в РФ	237
Латыпов А.М., Клявляев Д.Р., Неткач А.П., Елькина Е.Р., Кызылоол М.В. Правовые формы и пределы закрепления бережливого управления в локальном нормотворчестве проектной организации	241
Лошкарёва Е.А. Правовые проблемы сохранения тайны усыновление	245
Луков А.В. Основные аспекты при проведении строительно-технической экспертизы качества выполнения строительных работ (на примере отделочных работ)	248
Маркова Е.В. Пути совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности в целях обеспечения её законности в современных условиях	252
Мирошниченко К.В. Пределы автономии воли в квазикорпоративном договоре	256
Пфаненштиль В.В. ГОСТ Р 71177–2023 в практике структурирования ЕРС-контрактов: что меняется в работе юриста	260
Салеев Э.Р. Вопросы юридической квалификации недействительных сделок должника с неравноценным встречным исполнением	264
Симолян Г.М. Судебная защита наследственных прав в Российской Федерации: подведомственность, подсудность и модели рассмотрения дел	269
Синева Н.А., Демидов И.А. Правовое регулирование договора франчайзинга в международном частном праве	271
Скиба В.В., Михайлюк М.А., Яковенко К.А., Соколянская Е.Д., Кондаурова Ю.А. Проблемы правового регулирования электронных договоров в Российской Федерации	274
Смолина Ю.В. Правовые коллизии, возникающие в процессе надления наставническими функциями	277
Соловьёв А.А. Суд по делам о промышленной собственности Республики Чили: компетенция и особенности правового положения	282
Телибекова И.М. Содержание страховой услуги по договору образовательного страхования	285
Теплякова О.А., Савина А.А. Правовой статус педагогического работника: актуальные вопросы	289
Кулявцев Н.И., Князькин Н.Е., Решетников Е.А., Ильина Э.Э., Токтан А.П. Правовое регулирование использования беспилотных технологий и дистанционного мониторинга в строительстве	293
Трепачков П.М. Условие о депонировании результатов интеллектуальной деятельности в договорах о распоряжении исключительным правом: природа и функции	296
Кулявцев Н.И., Князькин Н.Е., Решетников Е.А., Ильина Э.Э., Токтан А.П. Правовое регулирование цифровизации строительного контроля	300
Тхазеплов К.А., Ионова Н.А. Процедурные и содержательные аспекты брачного договора: сравнительный анализ законодательства России, США и Италии	303
Филиппов А.П. Трансформация договора коммерческой концессии в условиях цифровизации	306
Хавжокова З.Б., Зумакулова З.А., Карамурзова И.Б. Развитие доктрины «патентного троллинга» в российском праве: разграничение законной защиты исключительных прав и злоупотребления ими	309
Чесноков Р.С. Правовой режим расчетов и ЦФА в условиях ограничительных мер	312
Шипов М.В. Финансовый мониторинг в цифровой среде: правовые риски и направления регулирования	316
Шихалёва О.С. Электронные сделки с недвижимостью через нотариуса: особенности, проблемные вопросы	319
Якименко М.С., Симолян Д.Г., Кудряшев А.В., Волчков В.Н., Хромушкин В.И. Проблемы правового обеспечения деятельности технического заказчика в строительстве	322
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
Апатов С.Э. Модели управления пенитенциарной средой как фактор предупреждения преступлений против сотрудников исправительных учреждений	325

<i>Балахов И.М.</i> История развития государственного механизма противодействия незаконному игорному бизнесу в России (1990-е годы – настоящее время).....	328
<i>Белов Д.А.</i> Противодействие вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность в условиях цифровизации.....	332
<i>Богатырев В.И.</i> Искусственный интеллект как средство выявления признаков преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок.....	336
<i>Бордакова А.Г.</i> Роль формирования цифрового права в системе российского законодательства как фактор предупреждения преступности.....	340
<i>Головкин М.Н.</i> Виртуальное имущество как объект уголовно-правовых отношений: теоретические подходы к определению.....	344
<i>Джелилов А.М.</i> Уголовное осуждение в системе мер уголовной ответственности.....	347
<i>Дружинин И.Д.</i> Влияние ограничений в экономических правах, основанных на личностных характеристиках субъекта, на внутрисудебную обстановку в дореволюционной России.....	351
<i>Емельяненко А.В.</i> Этапы становления судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации.....	355
<i>Карая М.Б.</i> Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации полностью автономного судна.....	359
<i>Карсаков А.В.</i> К вопросу об усмотрении следователя при принятии процессуальных решений.....	363
<i>Кесаев С.Т., Меньшиков А.Д., Паляев М.П., Паркутов Н.Д., Семенов А.Г.</i> Анализ судебной практики по делам об экономических преступлениях.....	366
<i>Клычев А.Р.</i> Уголовно-правовая характеристика и криминологические особенности преступлений, совершаемых в кредитно-банковской сфере с использованием цифровых технологий.....	369
<i>Ковалев Д.В.</i> Особенности доказывания в стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных участниками нежелательных международных или иностранных организаций религиозной направленности.....	372
<i>Корнеева К.И.</i> Уголовная ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних по законодательству Франции и России.....	375
<i>Королёв А.Г.</i> Эволюция уголовно-правовых мер противодействия уклонению от уплаты налогов в современной России.....	380
<i>Костяков А.А.</i> Классификация апелляционных представлений прокурора в уголовном процессе.....	383
<i>Кудрина Е.А.</i> Автоматизированное распределение уголовных дел между судьями в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта: гарантии права на законный состав суда.....	386
<i>Кузнецов Н.К.</i> Обман как признак состава фальшивомонетничества: разграничение статей 186 и 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	391
<i>Матюшкина А.В.</i> Организационно-правовые формы криминалистической деятельности в довоенные и годы Великой Отечественной войны.....	394
<i>Кузнецов Н.К.</i> Обман как функциональный способ совершения преступления и эрозия доверия к цифровой среде оборота.....	399
<i>Наумов В.В.</i> О некоторых особенностях уголовной ответственности за экологические преступления по законодательству России и Китая.....	402
<i>Нетесов И.С.</i> Проблемные вопросы уголовно-правовой оценки вознаграждения.....	406
<i>Оганесян Е.Г.</i> Объективное вменение как проблема правоприменительной практики: критерии разграничения умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда при квалификации преступлений против жизни и здоровья.....	410
<i>Пеньковцев Н.Р.</i> К вопросу об исключении статьи 210.1 из Уголовного кодекса Российской Федерации.....	414
<i>Слободенюк М.А.</i> Предупреждение киберпреступлений несовершеннолетних: проблема формирования правосознания в условиях кризиса читательской культуры.....	419
<i>Смирнов В.П.</i> Совершение преступления с использованием вредоносных компьютерных программ: проблемы правоприменения.....	422
<i>Царев Д.П.</i> Принудительные работы в системе уголовных наказаний: от альтернативы лишению свободы к самостоятельному виду наказания.....	426
<i>Юнусов А.А., Валиуллина Д.А., Гарева З.Ф.</i> К вопросу допустимости принуждения при производстве освидетельствования.....	430
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Захаров А.А.</i> Договорно-правовое обеспечение привлечения иностранных перевозчиков по маршрутам Северного морского пути.....	434
<i>Изотова Г.С.</i> Краткий обзор подходов к толкованию международных договоров на этапе классического международного права.....	437
<i>Кочетов Д.С., Досаев Т.Х., Досаев Э.Х.</i> Концептуальные основания западных классификаций политических режимов и критический анализ евроцентричных подходов.....	440

<i>Ню Лян, Дементьев А.А.</i> Дилемма применения принципа « <i>pos bis in idem</i> » в конфликте юрисдикции по трансграничным преступлениям между Китаем и Россией – на примере процедуры судебной помощи по «Соглашению между Китаем и Россией о судебной помощи».....	443
<i>Сейдалы А.Ж.</i> Влияние китайской философии на принятие всеобщей декларации прав человека.....	448
<i>Чувахин П.И.</i> Генезис и эволюция института односторонних экономических санкций в международном праве.....	452

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

<i>Корякин Е.В., Лушников И.Д., Маркевич А.С.</i> Международные санкции: понятие, правовая природа и влияние на отношения в сфере международного частного права.....	457
<i>Анисимов А.А., Заряев В.А.</i> О вопросах регламентации и совершенствования уголовно-правовых норм главы 26 УК РФ «Экологические преступления».....	461
<i>Горбунов Н.С.</i> Влияние экономических санкций на обеспечение продовольственной безопасности: международно-правовой аспект.....	464
<i>Денчик А.Г.</i> Правовая природа соглашения об изъятии недвижимости для целей комплексного развития территории: проблемы теории и практики.....	468
<i>Емельяненко А.В.</i> Направления развития судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации в контексте цифровизации.....	472
<i>Иналкаева К.С.</i> Бюджетные механизмы разграничения власти в условиях российского федерализма и их влияние на реальный объем полномочий субъектов РФ.....	476
<i>Иналкаева К.С.</i> Конституционноправовые основы модели сбалансированного российского федерализма и синергия законодательных, управленческих и бюджетных механизмов.....	479
<i>Круглова И.А.</i> Частно-правовые проблемы регулирования правоотношений участников рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов.....	482
<i>Курносов В.М.</i> Анализ современной процедуры приватизации и ее экономико-правовых проблем.....	485
<i>Морозов С.Ю., Вилкова Е.А.</i> Правовой анализ договора о целевом обучении.....	489
<i>Ныркова Т.Ю.</i> К вопросу об отдельных аспектах нормативного правового регулирования выборов депутатов представительных органов муниципальных образований.....	493
<i>Огурцова О.С.</i> Иное детство: восприятие детей-инвалидов в эпоху античности и раннего русского государства.....	497
<i>Ревина В.В.</i> Пропаганда терроризма в цифровой среде: уголовно-правовая квалификация и проблемы доказывания.....	500
<i>Уразаева М.Ю.</i> Проблемы и перспективы реализации социально-экономических прав в условиях современных вызовов: взгляд конституционного суда.....	504
<i>Чимитцыев В.А.</i> Теоретические аспекты гражданско-правовой ответственности заказчика по контракту со встречными инвестиционными обязательствами (офсетному контракту).....	507
<i>Архипова А.И.</i> Разграничение доведения до самоубийства, склонения к самоубийству и опосредованного причинения смерти: критерий автономии воли потерпевшего и вопросы квалификации.....	510
<i>Бутяева Н.А.</i> Корреляционные связи элементов криминалистической характеристики признаков в сфере благотворительной деятельности и их значение для первоначального этапа расследования.....	514
<i>Гомозова О.Ю.</i> Недопустимость недобросовестного поведения субъектами наследственных прав.....	518
<i>Ионцев М.А.</i> О частноправовых основах комплексного регулирования цифровых прав и цифровых валют, заложенных в основу Законопроекта № 1194918–8 «О цифровой валюте и цифровых правах».....	522
<i>Капитанова Э.В.</i> «Финансовое ДНК» как инструмент преодоления обезличивания денежных средств в системе процессуальных средств доказывания по уголовным делам о взяточничестве.....	526
<i>Кузнецов А.И.</i> Исполнение обеспечительных мер в международном коммерческом арбитраже: проблемы конкурирующей юрисдикции и пути решения.....	531
<i>Марченко И.А.</i> Особенности нотариального удостоверения сделок с цифровыми активами и виртуальным имуществом.....	533
<i>Соболев Н.Г.</i> К вопросу об аутоагрессивном поведении осужденных, не несущем угрозу жизни: психолого-педагогические направления профилактики.....	536
<i>Соколов А.Н.</i> Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в эпоху СССР.....	539
<i>Виноградова Т.Г., Магомедмирзоева Д.Я., Семилетова Я.И., Магомедмирзоев М.М.</i> Правовые и институциональные аспекты модернизации финансового контроля в России на современном этапе.....	542
<i>Токарев Г.О.</i> Злоупотребление правом на льготное налогообложение при переводе земель сельскохозяйственного назначения в иные категории.....	546

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Gogiev Kh.M.</i> The legal status of the main directorate of the NKVD of the RSFSR and its enterprises during the NEP period	6
<i>Inarokov I.R.</i> Nalchik and the Elbrus Region in the Mechanism of Implementing Soviet Legal Policy in Tourism and Spa-Resort Affairs	10
<i>Karev D.A.</i> The legal nature of church law through the lens of the historical school of law	14
<i>Inarokov I.R.</i> Tourism and Spa-Resort Affairs as Objects of the Soviet State Legal Policy: A Historical and Legal Distinction	17
<i>Kovaleva V.V., Nikulin D.S.</i> Legal nature of experimental legal regimes	21
<i>Kozhevnikov V.V., Panchenko V.Yu.</i> On promising directions of general theoretical research of legal culture	24
<i>Kornilov A.R., Khramov A.Yu.</i> Digital sovereignty as a new criterion for the typology of political regimes: comparative legal analysis of the approaches of the EU, China and the Russian Federation to the regulation of the internet space	29
<i>Ovcharov P.O.</i> On the issue of the deformation of the legal consciousness of youth as a result of neglect of history lessons	33
<i>Orlov I.I.</i> The evolution of the criminal law regulation of military obligation in Russia	36
<i>Popkov E.A., Kosov R.V.h</i> Implementation of the digital state model in the public administration system of the Russian Federation	40

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Alekseev P.V.</i> Current issues of social support for military personnel	45
<i>Ananyev V.A.</i> The system of administrative and legal means used by the internal affairs bodies in the implementation of security measures for protected persons: classification, efficiency problems and ways of optimization	48
<i>Andreeva N.V.</i> Financial and legal regulation of the powers of the Bank of Russia and the activities of the financial platform operator	52
<i>Alekseev R.K.</i> Problems and new challenges in the protection of human rights in the Russian Federation after the withdrawal from the European convention on human rights	55
<i>Barsukova L.I., Lazarev S.A.</i> Normative consolidation of the socio-legal status of the indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East living in the Kamchatka territory	59
<i>Vlasova E.L., Peretolchin A.P.</i> Division and interaction of administrative and disciplinary liability in public procurement	63
<i>Vorobyova Yu.Yu.</i> On the classification of preventive measures in the field of personal data processing	68
<i>Gantemirova T.U.</i> «Soft Law» and the Principle of Legal Certainty in the Russian Legal Order	71
<i>Gillazetdinova R.G.</i> Administrative liability for breaching age-rating requirements in the retail sale of computer games: challenges in law enforcement and prospects for tougher sanctions under the Code of Administrative Offences of the Russian Federation	76
<i>Gribanova A.S.</i> Anti-corruption mechanisms and their role in the lawmaking process	80
<i>Gubanova O.A.</i> Simultaneous receipt of long-term and disability pensions for military personnel	83
<i>Ershov A.A.</i> Sanctions restrictions as force majeure: criteria of judicial qualification in the practice of the supreme court of the Russian Federation (2023–2024)	86
<i>Zhdanova N.S.</i> Studying the system of educational legal relations in the sociology course of a modern general educational school	89
<i>Zatsepina O.G.</i> Judicial control as a guarantee of compliance with the extension limits of pre-inspection deadlines	93
<i>Beloborodov M.V., Ilyin A.P., Bulatova E.E.</i> Legal status of a commercial bank in the Russian Federation: concept, elements and content	97
<i>Kiselev V.V.</i> Principles of the Legal Status of an Individual as the Basis of the Constitutional System	100
<i>Kocharyan A.Yu.</i> Legal standardization of state support distribution procedures: developing predictability instruments for business entities	103
<i>Lobachev E.D.</i> A comparative legal analysis of the regulation of gambling in England and Russia (17th – late 19th century): from prohibition to natural obligation	107
<i>Kocharyan A.Yu.</i> Digitalization of control and supervisory activities as a factor in increasing the efficiency of budgetary support for entrepreneurship	112
<i>Logunkova S.S.</i> Features of the regulation of digital platforms within the framework of current Russian legislation	115
<i>Makhovykh R.R.</i> The relationship between the unified system of public authority and local self-government in the context of the Municipal Reform of 2025	119
<i>Rupasheva S.A.</i> Public law aspects of the regulation of private foundations in the Russian Federation	122
<i>Sitdykov I.I.</i> Consolidating the principle of completeness and reliability of the state register of medical devices as a means of ensuring legal certainty, stable turnover, and protecting the rights of bona fide individuals	126
<i>Volodin Yu., Skaridov A.</i> On the possibility of adopting a model memorandum on port state control of vessels in arctic ports of the Russian Federation	130
<i>Sokhan M.</i> The interrelation of the special-purpose nature of the recycling fee and the principle of total coverage of budget expenditures: foreign experience of financial and legal regulation	134
<i>Tarasov A.P.</i> Public law guarantee of the right to appeal to state bodies	139

<i>Yachin A.A.</i> Legal regime of tax data and digital profiling as an element of ensuring the tax sovereignty of the Russian Federation	143

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Alieva Saida Afgan.</i> Features and Problems of Cross-Sectoral Legal Regulation of Digital Objects in the Russian Federation	147
<i>Anfilofeyev D.P.</i> The doctrine of culpa in contrahendo in the system of private law remedies	150
<i>Kosareva V.V., Afanasyev G.S.</i> The concepts of “relative” and “in-law” in the context of insolvency (bankruptcy) legislation	153
<i>Anfilofeyev D.P.</i> The Principle of Procedural Economy: From an Auxiliary Tool to a System-Forming Foundation of the Code of Civil Procedure	157
<i>Afonin A.A.</i> Historical Conditionality of the Fragmentation of Russian Investment Legislation	161
<i>Babenko A.A.</i> Legal Protection of video games under UK Copyright Law	164
<i>Balandin D.V.</i> Tax-legal mechanisms for stimulating investments in intangible assets within public-private partnerships	170
<i>Valevskaya A.A.</i> ESG Principles and the Responsibilities of Controlling Parties: New Trends in Corporate Law	174
<i>Vedeneva I.S.</i> Compulsory Licensing in Copyright Law	177
<i>Volodin O.E.</i> A quasi-corporate agreement as a way to protect creditors’ interests	181
<i>Grigoreva N.V.</i> On the question of definition of the concept of «alimony obligations» in the family law of Russia	185
<i>Gryzlova A.A.</i> Combined (hybrid) rulings of the court of first instance in civil procedure (on the example of default proceedings): problems of appeal and ways to resolve them	188
<i>Gushchin S.D., Aripova S.A., Barannik M.D., Litvinov G.O., Masharipov Yu.Y.</i> Seizure of land plots and real estate for construction purposes	191
<i>Gryzlova A.A.</i> Recognition of the economic value of domestic labor in the division of spouses’ property: foreign experience and prospects for reforming Russian family law	194
<i>Gushchin S.D., Aripova S.A., Barannik M.D., Litvinov G.O., Masharipov Yu.Y.</i> Legal liability for violation of mandatory safety requirements during construction	199
<i>Zheleztsov M.L.</i> Convergence of corporate governance principles in the legal systems of Russia and Brazil	203
<i>Zaikin D.I.</i> The Correlation of Remedies under Contracts for the International Sale of Goods Provided for by the Legislation of the BRICS Countries	207
<i>Zanikov R.V.</i> A defect in legally significant information in the mechanism of administrative and legal protection of an individual from information threats	210
<i>Ibragimov Kh.Sh.</i> On the issue of protecting the rights of owners during the renovation of the housing stock	215
<i>Ivakin V.I., Yermishkin A.Yu., Malygin V.P.</i> Theoretical and Methodological Foundations of Teaching the Discipline «Ethical and Legal Culture of Bankruptcy»: Its Subject, Program, and Ecosystem	218
<i>Ilyin A.P., Beloborodov M.V., Bulatova E.E.</i> Misleading advertising of financial services: problems of legal regulation and measures of legal liability in the Russian Federation	222
<i>Kaplanovsky A.S., Chumakova O.V.</i> Autonomy of the Parties’ Will and Limitation of Freedom of Contract in the Use of Smart Contracts	225
<i>Korneev I.E.</i> On the issue of determining the essential terms of the energy supply contract	229
<i>Korolyov Ye.E.</i> Legal regulation of smart contracts when making transactions with digital financial assets	233
<i>Kurnosov V.M.</i> Theoretical Foundations of Land Privatization in the Russian Federation	237
<i>Latypov A.M., Klyavyaev D.R., Netkach A.P., Elkina E.R., Kyzyl-ool M.-A. V.</i> Legal Forms and Limits of Embedding Lean Management in the Local Rule-Making of a Design Organisation	241
<i>Loshkareva E.A.</i> Legal Issues of Maintaining Adoption Secrecy	245
<i>Lukov A.V.</i> The main aspects of the construction and technical expertise of the quality of construction work (using the example of finishing works)	248
<i>Markova E.V.</i> Ways to improve legal regulation of entrepreneurship to ensure its legality in modern conditions	252
<i>Miroshnichenko K.V.</i> Limits of Party Autonomy in a Quasi-Corporate Agreement	256
<i>Pfanenshtil V.V.</i> GOST R 71177–2023 in the practice of structuring EPC contracts: what changes in a lawyer’s work	260
<i>Saleev E.R.</i> Questions of the legal qualification of invalid debtor transactions with non-equivalent performance	264
<i>Simonyan G.M.</i> Judicial protection of inheritance rights in the Russian Federation: jurisdiction, jurisdiction and models of consideration of cases	269
<i>Sineva N.A., Demidov I.A.</i> Legal Regulation of Franchising Agreements in International Private Law	271
<i>Skiba V.V., Mikhailyuk M.A., Yakovenko K.A., Sokolyanskaya E.D., Kondaurova Yu.A.</i> Legal Regulation of Electronic Contracts in the Russian Federation	274
<i>Smolina Yu.V.</i> Legal conflicts that arise in the process of assigning mentoring functions	277
<i>Solovyev A.A.</i> The Industrial Property Court of the Republic of Chile: Competence and Specifics of Legal Status	282
<i>Telibeikova I.</i> The content of the insurance service under the educational insurance contract	285

<i>Tepliyakova O.A., Savina A.A.</i> The legal status of teaching employees: topical issues.....	289
<i>Kulyavtsev N.I., Knyazkin N.E., Reshetnikov E.A., Ilyina E.E., Toktan A.P.</i> Legal Regulation of the Use of Unmanned Technologies and Remote Monitoring in Construction	293
<i>Trepakov P.M.</i> The depositing clause for intellectual property assets in agreements on the disposal of exclusive rights: legal nature and functions.....	296
<i>Kulyavtsev N.I., Knyazkin N.E., Reshetnikov E.A., Ilyina E.E., Toktan A.P.</i> Legal Regulation of Digitalization of Construction Supervision	300
<i>Tkhazeplov K.A., Ionova N.A.</i> Procedural and content aspects of a marriage contract: comparative analysis of Russian, U.S., and Italian legislation.....	303
<i>Filippov A.P.</i> Transformation of the commercial concession agreement in the context of digitalization.....	306
<i>Khavzhokova Z.B., Zumakulova Z.A., Karamurzova I.B.</i> Development of the Doctrine of «Patent Trolling» in Russian Law: Distinguishing Lawful Protection of Exclusive Rights from Their Abuse	309
<i>Chesnokov R.S.</i> Legal regime for settlements and digital financial assets under restrictive measures	312
<i>Shipov M.V.</i> Financial monitoring in the digital environment: legal risks and directions of regulation	316
<i>Shikhaleva O.S.</i> Electronic real estate transactions through a notary: features and problem issues.....	319
<i>Yakimenko M.S., Simonyan D.G., Kudryashev A.V., Volchkov V.N., Khromushkin V.I.</i> Legal Support for Technical Customer Activities in Construction.....	322

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Apatov S.E.</i> Models of managing the penitentiary environment as a factor in preventing crimes against correctional officers.....	325
<i>Balakhoev I.M.</i> The Development of the State Mechanism for Countering Illegal Gambling in Russia (the 1990s–Present)	328
<i>Belov D.A.</i> Countering the involvement of minors in extremist activities in the context of digitalization	332
<i>Bogatyrev V.I.</i> Artificial intelligence as a means of identifying crimes in public and municipal procurement	336
<i>Bordakova A.G.</i> The role of the formation of digital law in the system of russian legislation as a factor of crime prevention.....	340
<i>Golovko M.N.</i> Virtual property as an object of criminal law relations: theoretical approaches to the definition.....	344
<i>Dzhellilov A.M.</i> Criminal Conviction in the System of Criminal Liability Measures.....	347
<i>Druzhinin I.D.</i> The impact of the restrictions on economic rights that are based on the personal characteristics of the subject, on the domestic political situation in pre-revolutionary Russia	351
<i>Emelyanenko A.V.</i> Stages of the Development of Forensic Tax Expertise in the Russian Federation	355
<i>Karaya M.B.</i> Criminal liability for violation of traffic safety rules and operation of a fully autonomous vessel.....	359
<i>Karsakov A.V.</i> On the Issue of Investigator's Discretion in Procedural Decision-Making.....	363
<i>Kesaev S.T., Menshikov A.D., Papyan M.P., Parkhutov N.D., Semenov A.G.</i> Analysis of judicial practice in cases of economic crimes	366
<i>Klychev A.R.</i> Criminal law characteristics and criminological features of crimes committed in the credit and banking sphere using digital technologies	369
<i>Kovalev D.V.</i> Peculiarities of evidence at the stage of initiation of criminal proceedings on crimes committed by participants of undesirable international or foreign religious organizations.....	372
<i>Korneeva K.I.</i> Analysis of French Criminal Legislation on Liability for Crimes against the Family and Minors.....	375
<i>Korolev A.G.</i> The evolution of criminal law measures to combat tax evasion in modern Russia.....	380
<i>Kostyakov A.A.</i> Classification prosecutor's appeals in criminal proceedings.....	383
<i>Kudrina E.A.</i> Automated Allocation of Criminal Cases Among Judges in the Context of Artificial Intelligence Technologies: Safeguards of the Right to a Lawful Court Composition.....	386
<i>Kuznetsov N.</i> Deceit as an element of counterfeiting: distinguishing articles 186 and 159 of the Criminal code of the Russian Federation.....	391
<i>Matyushkina A.</i> Organizational and legal forms of forensic activities in the pre-war and the years of the Great Patriotic War.....	394
<i>Kuznetsov N.</i> Deceit as a functional method of committing a crime and the erosion of trust in the digital environment of circulation	399
<i>Naumov V.V.</i> On some features of criminal liability for environmental crimes under the legislation of Russia and China.....	402
<i>Netesov I.S.</i> Problematic issues in the criminal legal assessment of remuneration causing of harm in the classification of crimes against life and health.....	410
<i>Penkovtsev N.R.</i> On the issue of excluding article 210.1 from the criminal Code of the Russian Federation	414
<i>Slobodenyuk M.</i> Prevention of juvenile cybercrime: the problem of legal consciousness formation in the context of the reading culture crisis.....	419
<i>Smirnov V.P.</i> Committing a crime using malicious computer programs: problems of law enforcement	422

<i>Tsarev D.L.</i> Forced labor in the system of criminal penalties: from an alternative to imprisonment to an independent type of punishment.....	426
<i>Yunusov A.A., Valiullina D.A., Gareeva Z.F.</i> On the issue of the admissibility of coercion during examination	430

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Zakharov A.A.</i> Contractual and legal framework for engaging foreign carriers along the northern sea route.....	434
<i>Izotova G.S.</i> A brief overview of approaches to the interpretation of international treaties at the stage of classical international law	437
<i>Kochetov D.S., Dosayev T.Kh., Dosayev E.Kh.</i> Conceptual foundations of non-western classifications of political regimes and a critical analysis of Eurocentric approaches	440
<i>NiuLiang, Dementev Andrey.</i> The dilemma of applying the principle of “non bis in idem” in the conflict of jurisdiction over cross-border crimes between China and Russia – taking the judicial assistance procedures under the “Sino-Russian Treaty on Judicial Assistance” as the analysis object.....	443
<i>Seydaly Adilkhan Zhumakhanuly</i> The influence of Chinese philosophy on the adoption of the universal declaration of human rights.....	448
<i>Chuvakhin P.I.</i> The Genesis and Evolution of the Institution of Unilateral Economic Sanctions in International Law	452

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Koriakin E.V., Lushnikov I.D., Markevich A.S.</i> International sanctions: concept, legal nature and impact on relations in the field of private international law	457
<i>Anisimov A.A., Zaryaev V.A.</i> On issues of regulation and improvement of criminal law norms of chapter 26 of the Criminal code of the Russian Federation «Environmental crimes».....	461
<i>Gorbunov N.S.</i> The impact of economic sanctions on food security: an international law aspect	464
<i>Denchik A.G.</i> The legal nature of the agreement on the expropriation of real estate for the purposes of complex development of the territory: problems of theory and practice	468
<i>Emelyanenko A.V.</i> Directions for the Development of Forensic Tax Expertise in the Russian Federation in the Context of Digitalization	472
<i>Inalkaeva K.S.</i> Budgetary mechanisms of power distribution under Russian federalism and their impact on the real scope of powers of the constituent entities of the Russian Federation.....	476
<i>Inalkaeva K.S.</i> Constitutional and legal foundations of the balanced model of russian federalism and the synergy of legislative, managerial and budgetary mechanisms	479
<i>Kruglova I.A.</i> Private law problems of regulating legal relations between participants in the digital payment and financial instruments market.....	482
<i>Kurnosov V.M.</i> Analysis of modern privatization procedure and its economic and legal problems	485
<i>Morozov S.Yu., Vilko A.E.</i> Legal analysis of the targeted education agreement.....	489
<i>Nyrkova T.Yu.</i> On certain aspects of the regulatory legal framework for elections of representatives of municipal entities	493
<i>Ogurtsova O.S.</i> A Different Childhood: The Perception of Children with Disabilities in Antiquity and the Early Russian State	497
<i>Revina V.V.</i> Terrorist propaganda in the digital environment: criminal law qualification and problems of proof.....	500
<i>Urazeva M.Yu.</i> Problems and prospects of realization of socio-economic rights in the context of modern challenges: the view of the constitutional court.....	504
<i>Chimitsyrenov V.A.</i> Theoretical basis of civil liability of the customer under a contract with counter-investment obligations (offset contract)	507
<i>Arkhipova A.I.</i> The distinction between causing suicide, incitement to suicide and indirect perpetration: the criterion of the victim's volitional autonomy and issues of legal classification	510
<i>Butyaeva N.A.</i> Correlations of elements of criminalistic characteristics of embezzlement in the field of charitable activities and their significance for the initial stage of the investigation	514
<i>Gomozova O.J.</i> Inadmissibility of bad-faith conduct by subjects of inheritance rights	518
<i>Iontsev M.A.</i> On the private law basis for the comprehensive regulation of digital rights and digital currencies, which forms the basis of Bill № 1194918–8 «On Digital Currency and Digital Rights»	522
<i>Kapitonova E.V.</i> «Financial DNA» as a tool for overcoming the anonymization of funds in the system of procedural evidentiary means in criminal bribery cases.....	526
<i>Kuznetsov A.I.</i> Enforcement of interim measures in international commercial arbitration: problems of competing jurisdiction and solutions.....	531
<i>Marchenko I.A.</i> Features of notarization of transactions with digital assets and virtual property	533
<i>Sobolev N.G.</i> On the Issue of Non-Life-Threatening Autoaggressive Behavior in Convicts: Psychological and Pedagogical Approaches to Prevention	536
<i>Sokolov A.N.</i> The institution of circumstances excluding the criminality of an act in the era of the USSR.....	539
<i>Vinogradova T.G., Magomedmirzoeva D.Ya., Semiletova Ya.I., Magomedmirzoev M.M.</i> Legal and institutional aspects of financial control modernization in Russia at the present stage	542
<i>Tokarev G.O.</i> Misuse of the right to beneficial taxation when transferring agricultural land to other categories	546

Правовое положение ГУКХ НКВД РСФСР и его предприятий в период НЭП

Гогиев Хазбулат Магомедович,

аспирант Поволжского института управления имени
П.А. Столыпина – филиал федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации»

E-mail: gogievhm@proton.me

НЭП представляет важную веху в отечественной истории, и изучение развития коммунального хозяйства в указанный период представляет актуальность с теоретико-методологических позиций, что позволяет более глубоко проанализировать исторический опыт применительно к современным кризисным условиям в коммунальном хозяйстве. Автор исследует вектор трансформации сектора коммунального хозяйства в РСФСР в период проведения НЭП. Автором отмечается обособленность развития коммунального хозяйства в данный период, которая заключалась в сохранении государственного ведения в области городского хозяйства (недопущении частного сектора в коммунальное хозяйство при переводе предприятий коммунального хозяйства на хозяйственный расчет) и в управлении местным хозяйством со стороны ГУКХ НКВД РСФСР. Автор выделяет причины и основания данного обособленного вектора развития коммунального хозяйства, среди которых отмечаются особенности политической конъюнктуры, обстоятельства, связанные с осуществлением плана ГОЭРЛО, демобилизацией, потоками беженцев, вынужденных переселенцев и военнопленных, а также общая кризисная обстановка в государстве. Автор рассматривает некоторые итоги проведения НЭП для городского хозяйства и возможности повторения некоторых управленческих решений в области коммунального хозяйства в условиях современной Российской Федерации.

Ключевые слова: коммунальное хозяйство, местное хозяйство, городское хозяйство, НКВД РСФСР, ГУКХ, Главное управление коммунального хозяйства.

Изучение проблематики как учреждений коммунального хозяйства в историческом разрезе, так и Новой экономической политики (далее – НЭП) находит отклик у исследователей. Так, в 2021 г. в Новосибирске по случаю столетия начала проведения НЭП была проведена конференция, на которой докладчики обращались к различным теоретическим и практическим аспектам осуществления НЭП [См.: 1]. Исследование вопросов реорганизации структурных подразделений НКВД РСФСР по управлению коммунальным хозяйством в период НЭП нашло свое отражение в диссертационном исследовании А.В. Лобанова [См.: 2]. В.М. Куликов, В.В. Шайхиев провели детальный анализ нормативно-правовых актов в связи с переводом предприятий коммунального хозяйства в русло политики НЭП [См.: 3]. П.П. Смирнов провел изучение НЭП с точки зрения политологического анализа [См.: 4]. С другой стороны, специфика направленности развития управления и функционирования предприятий коммунального сектора экономики в контексте проведения НЭП нуждается в более детальном описании для теоретико-методологических целей. Данная тема представляется актуальной, поскольку опыт развития учреждений местного хозяйства в условиях смешанной экономической модели управления экономикой позволит оценить риски и перспективы в условиях современных коммунальных вызовов и угроз, которые имеет место быть в Российской Федерации. Имеет смысл определить общую направленность вектора развития городского хозяйства в рассматриваемый период относительно вектора НЭП.

Окончание Гражданской войны было связано с завершением первоначальных процессов строительства советской республики, окончанием кризисного периода в управлении – но не в экономике и народном хозяйстве. Напротив, экономическая ситуация представляла собой системный кризис в области продовольственной безопасности, энергетического снабжения и в других областях народного хозяйства, что вызывало широкое народное недовольство. «1921 год был ознаменован вооруженным подавлением большевиками массового сопротивления власти. ... На X съезде большевиков в марте 1921 г. принимается новая экономическая политика. Именно это спасло Россию от неминуемой экономической катастрофы» [5] – отмечает Л.А. Боева.

Переход к НЭП был вынужденным, и в отечественной историографии распространена позиция, что, изначально, данная политика предполагалась временной, имела целью решить как экономические, так и политические задачи.

Анализ положений Декрета СНК от 9 августа 1921 г. «Наказ Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики», позволяет в общих чертах обрисовать контуры НЭП. Так, ВСНХ и его местные органы брали на себя роль непосредственного управления отдельными отраслями производства, крупными предприятиями или другими важными с государственной точки зрения предприятиями, при том, такие предприятия начинали вести свою деятельность на основании хозяйственного расчета (что означало хозяйственно-оперативную самостоятельность предприятия [См.: 6]). Остальные предприятия должны были быть либо сданы в аренду, либо закрыты. Отдельно отмечается, «что в области народного хозяйства государство при данном состоянии своих государственных ресурсов и впредь до поднятия хотя бы основных отраслей его никаких хозяйственных услуг никому даром оказывать не может. В ряде принимаемых мер надо обратить внимание на ... переход к ведению коммунальных предприятий на началах оплаты и т.д.» [7].

В данной оговорке прослеживается позиция, что «ведение коммунальных предприятий», в сущности, есть государственная услуга (или совокупность государственных ресурсов), при прямом толковании данного положения. При том, сам по себе факт введения платности коммунальных услуг не следует рассматривать как внедрение «рыночных» механизмов, как отказа государства от ведения коммунального хозяйства. Коммунальное хозяйство оставалось в ведении государства (местных советов и НКВД) на протяжении всего периода проведения НЭП (и далее).

В учебнике от 1928 г. Л.А. Велихов пишет: «В СССР допущение концессий на коммунальные предприятия было декретировано постановлением ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 г., но, к счастью, до сих пор ни одного концессионного договора заключено не было» [8]. Под концессиями следует понимать предоставление предприятий частным ли-

цам, без вмешательства в оперативную работу предприятия со стороны государственных органов [См.: 9]. Как видно, авторы тех лет, нередко, занимали критические позиции по отношению к частному участию в области коммунального хозяйства, что, в целом, сочеталось с общим курсом партийно-политического руководства государством по восприятию НЭПа как вынужденной и временной меры. К тому же, после масштабного опыта национализации периода «военного коммунизма», и со стороны частных инвесторов, представляется, не было энтузиазма вступать в концессионные отношения, из опасений повторения негативного (для инвесторов) опыта.

«Допущение рыночных элементов и частной инициативы при ведении городского хозяйства наталкивалось на недоверие власти к ним, что проявлялось почти во всех сферах коммунального хозяйства» [10] – подводит итог Е.А. Кириллова, анализируя работу учреждений коммунального хозяйства Петрограда в начальный период проведения НЭП.

Непривлечение частного сектора в область коммунального хозяйства могло быть связано не только с опасениями по поводу неэффективности частного управления в данной сфере, но и исходя из интересов корпоративной солидарности, так как посредством полномочий в области местного бюджетирования, городские Советы могли решать вопросы финансирования ремонта различных предприятий коммунального хозяйства [См.: 11] – а направление финансовых потоков в сторону частных лиц могло восприниматься не в полной степени отвечающим интересам строительства социалистического государства. Поэтому, в отношении экономического статуса предприятий коммунального хозяйства в период проведения НЭП можно подвести следующую схему: коммунальные предприятия перешли на хозрасчет и на платность услуг, но не в сторону развития частного сектора (за определенными исключениями).

Важное отличие сектора городского хозяйства от других отраслей народного хозяйства в рассматриваемый период заключалось в том, что центральное руководство сферой местного хозяйства осуществлял НКВД РСФСР и лице Главного управления коммунального хозяйства (далее – ГУКХ), как структурного органа в его составе.

Данное обстоятельство можно объяснить тем, что переход к НЭП был во многом вынужден для советской власти – был обусловлен критическим положением в экономике и возрастающим недовольством со стороны, в первую очередь, крестьянства, которое испытывало наибольшую форму экономического давления со стороны большевистской власти, и среди которого находили популярности идеи о свободной торговле. Вот что по этому поводу докладывал В.И. Ленин на X съезде РКП(б): «Что значит этот лозунг свободы торговли, выдвигаемый мелкобуржуазной стихией? Он показывает, что в отношениях пролетариата и мелких земледельцев есть такие трудные проблемы, есть такие задачи, которые мы еще не решили. ... мы имеем не только меньшинство, но и значительное меньшинство пролетариата и огромное большинство крестьянства. ... Нужно поднятие промышленности, а для этого нужно топливо, а раз нужно топливо, нужно рассчитывать на дрова, а рассчитывать на дрова – значит рассчитывать на крестьянина и на его лошадь. Когда мы все внимание направляем на восстановление хозяйства, мы должны знать, что перед нами мелкий земледелец, мелкий хозяин, мелкий производитель, работающий на товарный оборот до полной победы крупного производства, до его восстановления» [12]. Во многом, политические пертурбации в крестьянской среде обуславливали проведение той или иной экономической политики. По мнению А.В. Скрыпникова, «идеология большевистской революции всегда говорили о своей опоре на пролетариат. В реальности успешность преобразований во многом определялась тем, как их воспримет и поддержит крестьянство, составившее в 1920 гг. большую часть населения страны» [13].

Представляется, что основной вектор проведения НЭП был направлен в те отрасли (сектора) экономики, которые были наиболее близки крестьянству, а сектор коммунального хозяйства, напротив, наиболее близок городским слоям (рабочим, пролетариату). Если брать за верное положение о значительном факторе политической конъюнктуры в основах перехода к реализации политики НЭП, то перевод сектора коммунального хозяйства «на рыночные рельсы» не имел особой надобности.

Лобанов А.В. в своем диссертационном исследовании подчеркивает особое место ГУКХ в структуре НКВД РСФСР, как по организационному пути и положению данного структурного подразделения, так и по отношению (имевшему, скорее, негативный характер) к нему со стороны основных правительственных чиновников, включая само руководство НКВД РСФСР. В целом, общим вектором в реорганизации НКВД РСФСР после окончания Гражданской войны было сужение полномочий данного органа до сугубо функций по охране общественного

порядка. Современниками подчеркивалось, как отмечает А.В. Лобанов, нелогичность соединения органа по управлению коммунальным хозяйством со структурой, которая, одновременно, занимается вопросами охраны общественного порядка, исполнения наказаний и пр [См.: 2]. Окончательное отделение ГУКХ от НКВД РСФСР произошло лишь 31 декабря 1930 г [14].

С точки зрения современных позиций, с данной критикой нельзя в полной мере согласиться, поскольку управление городским хозяйством является исторически традиционной функцией верховного управления внутренних дел в России.

Возвращаясь к судьбе ГУКХ НКВД РСФСР в период НЭП, следует выделить несколько факторов (оснований), которые могли способствовать запоздалому отделению ГУКХ от НКВД РСФСР (поскольку данное намерение актуализировалось в среде правительственных чиновников того времени уже с начала проведения политики НЭП):

1) В кризисных послевоенных условиях сама по себе реорганизация ГУКХ НКВД РСФСР могла усугубить кризис в области городского хозяйства в переходный управленческий период, даже если сама суть и назначение реорганизации имели более эффективный характер в перспективе;

2) В условиях осуществления плана по электрификации ГОЭРЛО (одобрен Постановлением СНК от 21 декабря 1921 г.) [См.: 15] требовалась значительная консолидация управленческих ресурсов, включая полномочия у центрального органа по комплексному управлению сектором коммунального хозяйства. Аналогично, реализация столь масштабного плана по электрификации самой большой страны на планете требовала решать задачи обеспечения государственно-управленческой стабильности (учитывая короткие сроки реализации данного плана);

3) Масштабная демобилизация миллионов солдат, а также управление потоками беженцев, вынужденных переселенцев и военнопленных требовали комплексной работы в сфере, как общественной безопасности, так и в области коммунального хозяйства, так как данные лица нуждались в определенном попечении, в том числе, в вопросах коммунального благополучия. Отметим, что Центральное управление по эвакуации населения так же было на особом положении в НКВД РСФСР.

Не следует забывать и о трудовой повинности, в рамках которой граждане (горожане, в особенности) могли привлекаться к уборке улиц и т.д. Соответственно, требовался стабильный контроль над исполнением трудовой повинности как составной части общественной безопасности, что было напрямую связано со сферой коммунального хозяйства.

Это все позволяет сделать вывод о том, что несмотря на критику современников, ГУКХ имело свои основания нахождения в структуре НКВД РСФСР, и, представляется, выделение его в отдельный обособленный административный орган ранее 1930 г. не представлялось возможным в силу социально-экономической и исторической обстановки. Отметим так же, что, во много, во второй половине 1920-х годов деятельность по управлению коммунальным хозяйством была критически важной для НКВД РСФСР в контексте сохранения существования самого НКВД РСФСР, на что может указывать то обстоятельство, что ГУКХ было реорганизовано вместе с ликвидацией НКВД РСФСР, как органа государственной власти.

Куликов В.М., Шайхiev В.В. в своем исследовании отмечают, что «переход на «нэповские» методы хозяйствования в сфере ЖКХ происходил медленно и не одномоментно» [3], соглашаясь с тем, что в целом, итог данного периода проведения НЭП был благотворен для сектора городского хозяйства. Как отмечает Л.А. Муравьева, к 1926 г. «выработка электроэнергии на 40% превысила довоенный уровень» [16]. Не малую роль в этом, конечно, сыграла реализация плана ГОЭРЛО. Реализация подобных инициатив способствовали меры по материальному стимулированию рабочих умственного труда – технической интеллигенции, что, впрочем, порождало в обществе социальную напряженность. «... к середине 1920-х годов, после денежной реформы и стабилизации рубля, разрыв между материальным достатком рабочего и специалиста стал значительным. И это, естественно, не могло не вызывать в уже привыкшем к эгалитаризму обществе отрицательное отношение» [17]. Учитывая данный контекст, перевод предприятий коммунального хозяйства в частный сектор мог еще больше подорвать чувство эгалитаризма в среде рабочего класса, так как пока коммунальное хозяйство находится в ведении государства (местных советов), государство обладает необходимыми полномочиями по ответственному контролю за ценовой обстановкой в области коммунальных услуг.

Вместе с тем, следует отметить, что функционирование предприятий коммунального хозяйства неразрывно связано с обстановкой в области жилищного хозяйства. Так, период проведения НЭПа

охарактеризован т.н. демунципализацией, то есть передачей квартир (обратно) частным лицам в собственность, либо на условиях аренды. Как отмечает И.В. Упоров, «во многих городах не было специального аппарата непосредственного управления городским хозяйством (городских коммунальных отделов). И получалось, что в таких городах имела власть (городской Совет), но не было управленческих структур, которые выполняли бы волю этой власти, поскольку в городах городским хозяйством занимались исполнительные органы губернского уровня» [18].

Таким образом, вектор жилищной политики и коммунальной политики несколько отличались – жилищная политика отчетливо двигалась в частный сектор, как в вопросах владения жилыми помещениями, так и в вопросах строительства жилых помещений. Следует вспомнить и о том, что период проведения НЭП был так же временем экспериментов в области бытовой жизни горожан. Так, «в конце 1920-х годов было построено шесть экспериментальных «коммунальных» домов» [19], в которых жилые и коммунальные части многоквартирного дома были отделены друг от друга, однако, данные архитектурно-жилищные новации и по сей день остаются примером опытных образцов смелых планов, в которых переплелись различные идеологические установки рассматриваемой эпохи, в последствие, сменяющиеся практико-ориентированным расчетом.

По мнению В.И. Клисторина, «эпоха НЭПа за годы советской власти обросла множеством мифов, которые стали жить своей жизнью. При всех последующих попытках экономических реформ в нашей стране с 1950-х до конца 1980-х политики и экономисты нещадно эксплуатировали тему НЭПа. Но все последующие реформы оказались и не такими радикальными, и менее результативными. Главное – они не смогли преодолеть модель экстенсивного развития экономики, повысить эффективность управления и сократить отставание в технологическом развитии от лидирующих стран» [20]. Следует признать, что для большей части горожан период НЭПа был временем тяжелым, в котором «главная черта повседневной жизни – её нестабильность, выражаемая нарастанием жилищной катастрофы, усилением кризиса семейных отношений, множеством житейских проблем, которые человеку приходилось разрешать самому, вырабатывая индивидуальную стратегию выживания» [21] – как отмечает И.А. Гатауллина.

Что касается вопроса о том, допустимо ли в настоящее время в современной Российской Федерации повторить управленческий опыт периода проведения НЭП в области коммунального хозяйства – то есть, сохранив финансово-оперативную самостоятельность предприятий коммунального хозяйства, перевести их на государственный контроль, уменьшив до минимума роль частного сектора в их деятельности, то наша позиция – допустимо. Представляется, что отделение ГУКХ из НКВД РСФСР, в конечном итоге, было разумной мерой по реорганизации, и в настоящее время не следует передавать контроль за коммунальным хозяйством в ведение Министерства внутренних дел Российской Федерации, поскольку и в период проведения НЭП признавалась определенная нелогичность в том, что ГУКХ находится в составе НКВД РСФСР. Отметим, между тем, что на то были существенные исторические и социо-экономические основания.

Литература

1. Ильиных В.А., Шарапов С.В. Новая экономическая политика: грани изучения // Историко-экономические исследования. 2021. № 4. С. 720–730.
2. Лобанов А.В. Переход к НЭП и реорганизация НКВД РСФСР: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лобанов Андрей Викторович. – Москва, 1998. 213 с.
3. Куликов В.М., Шайхiev В.В. Перевод предприятий жилищно-коммунального хозяйства с военно-коммунистических методов управления на принципы нэпа (1920–1928 гг.) // Journal of new economy. 2004. № 8. С. 116–123.
4. Смирнов П.П. Новая экономическая политика: политологический анализ // KANT: SS&H. 2023. № 3 (15). С. 56–62.
5. Боева Л.А. Идеологическое обеспечение нэпа // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2010. № 2. С. 31–41.
6. Маричева Л.И., Юрьев В.В. Хозяйственный расчет. Учебное пособие по курсу политической экономики. Куйбышев, 1968. С. 10.
7. Декрет Совета Народных Комиссаров от 9 августа 1921 г. «Наказ Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917–1928 гг. М.: Политиздат, 1967.

8. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства: в 2 частях. Ленинград: Государственное издательство. 1928. С. 462–463.
9. Фатьянов Я.И. НЭП: основные преобразования и итоги // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 7. С. 125–128.
10. Кириллова Е.А. Коммунальное хозяйство и частный капитал Петрограда при переходе к нэпу // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. № 1 (18). С. 187–193.
11. Григорьева А.Г., Лебедева А.Д., Лукин В.К. Городское хозяйство как предмет ведения местных Советов в годы новой экономической политики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 87–91.
12. Десятый съезд РКП(б). 8 марта-16 марта 1921 г. М.: Партиздат, 1933. С. 37–38.
13. Скрыпников А.В. Нэл: несостоявшаяся альтернатива // Вестник ТГПУ. 2006. № 1. С. 47–51.
14. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 31 декабря 1930 г. «О мероприятиях, вытекающих из ликвидации Наркомвнудела РСФСР и наркомвнуделов автономных республик» // СУ РСФСР. 1931. № 4. Ст. 38.
15. Постановление Совета Народных Комиссаров от 21 декабря 1921 г. «О плане электрификации России» // «Известия ВЦИК» № 4 (1443), 5 января 1922 г.
16. Муравьева Л.А. Новая экономическая политика // Финансы и кредит. 2002. № 10 (100). С. 43–51.
17. Золотарев О.В. НЭП, власть и интеллигенция // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3. С. 5–13.
18. Упоров И.В. Решение городских дел местными органами власти в Советской России периода НЭП // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 8 (114). С. 208–212.
19. Муравьева Л.А. Закат новой экономической политики // Финансы и кредит. 2002. № 23 (113). С. 87–95.
20. Клисторин В.И. Историко-экономический анализ НЭПа // «ЭКО». Всероссийский экономический журнал. 2021. № 11 (569). С. 190–192.
21. Гатауллина И.А. Городская повседневность среднего Поволжья в 1920-е гг // Известия АлтГ У. 2008. № 4–3. С. 52–61.

THE LEGAL STATUS OF THE MAIN DIRECTORATE OF THE NKVD OF THE RSFSR AND ITS ENTERPRISES DURING THE NEP PERIOD

Gogiev Kh.M.

P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The New Economic Policy represents a significant milestone in Russian history, and studying the development of public utilities during this period is relevant from a theoretical and methodological perspective, allowing for a more in-depth analysis of historical experience in relation to the current crisis in public utilities. The author examines the transformation of the public utilities sector in the RSFSR during the NEP. The author notes the isolated nature of public utilities development during this period, which consisted of maintaining state control over urban management (preventing the private sector from entering public utilities when public utilities were transitioned to a cost-accounting system) and the management of local utilities by the Main Directorate of Public Utilities of the NKVD of the RSFSR. The author highlights the causes and foundations of this isolated development, including the specific political environment, circumstances related to the implementation of the GOEL-RO plan, demobilization, the influx of refugees, internally displaced persons, and prisoners of war, as well as the overall crisis situation in the country. The author examines some of the results of the NEP implementation for the municipal economy and the possibility of repeating some management decisions in the field of public utilities in the conditions of the modern Russian Federation.

Keywords: municipal services, local services, city services, NKVD of the RSFSR, GUKKH, Main Directorate of Municipal Services.

References

1. Ilyinykh V.A., Sharapov S.V. New Economic Policy: Facets of Study // Historical and Economic Studies. 2021. No. 4. pp. 720–730.
2. Lobanov A.V. Transition to the NEP and the Reorganization of the NKVD of the RSFSR: specialty 12.00.01 "Theory and History of Law and State; History of Doctrines of Law and State": dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Lobanov Andrei Viktorovich. – Moscow, 1998. 213 p.
3. Kulikov V.M., Shaikhiyev V.V. Transfer of Housing and Public Utilities Enterprises from Military-Communist Management Methods to NEP Principles (1920–1928) // Journal of New Economy. 2004. No. 8. Pp. 116–123.
4. Smirnov P.P. New Economic Policy: Political Science Analysis // KANT: SS&H. 2023. No. 3 (15). Pp. 56–62.
5. Boeva L.A. Ideological Support for the NEP // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Historical Sciences. 2010. No. 2. Pp. 31–41.
6. Maricheva L.I., Yuryev V.V. Cost Accounting. Textbook on Political Economy. Kuibyshev, 1968. P. 10.
7. Decree of the Council of People's Commissars of August 9, 1921 "Instruction of the Council of People's Commissars on the Implementation of the Principles of the New Eco-

conomic Policy" // Decisions of the Party and Government on Economic Issues. In 5 volumes: Collection of documents for 50 years. Volume 1. 1917–1928. Moscow: Politizdat, 1967.

8. Velikhov L.A. Fundamentals of the urban economy: in 2 parts. Leningrad: State Publishing House. 1928. Pp. 462–463.

9. Fatyanov Ya.I. NEP: Main Transformations and Results // Economy and Business: Theory and Practice. 2018. No. 7. Pp. 125–128.

10. Kirillova E.A. Municipal Economy and Private Capital of Petrograd during the Transition to the NEP // Vestn. Perm. University. History Series. 2012. No. 1 (18). Pp. 187–193.

11. Grigorieva A.G., Lebedeva A.D., Lukin V.K. Municipal Economy as a Subject of Jurisdiction of Local Councils during the Years of the New Economic Policy // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2018. No. 1. Pp. 87–91.

12. Tenth Congress of the RCP(b). March 8–March 16, 1921. Moscow: Partizdat, 1933. Pp. 37–38.

13. Skripnikov A.V. NEP: A Failed Alternative // Bulletin of the TSPU. 2006. No. 1. Pp. 47–51.

14. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of December 31, 1930 "On the Measures Arising from the Liquidation of the People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR and the Peo-

ple's Commissars of Internal Affairs of the Autonomous Republics" // SU RSFSR. 1931. No. 4. Art. 38.

15. Resolution of the Council of People's Commissars of December 21, 1921 "On the Plan for the Electrification of Russia" // Izvestia of the All-Russian Central Executive Committee, No. 4 (1443), January 5, 1922.

16. Muravyova L.A. New Economic Policy // Finance and Credit. 2002. No. 10 (100). Pp. 43–51.

17. Zolotarev O.V. NEP, Power and the Intelligentsia // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2019. No. 3. Pp. 5–13.

18. Uporov I.V. Resolution of Urban Affairs by Local Authorities in Soviet Russia during the NEP Period // Economy and Business: Theory and Practice. 2024. No. 8 (114). Pp. 208–212.

19. Muravyova L.A. Sunset of the New Economic Policy // Finance and Credit. 2002. No. 23 (113). Pp. 87–95.

20. Klistorin V.I. Historical and Economic Analysis of the NEP // "ECO". All-Russian Economic Journal. 2021. No. 11 (569). Pp. 190–192.

21. Gataullina I.A. Everyday life in the Middle Volga region in the 1920s // Izvestiya Altai State University. 2008. No. 4–3. P. 52–61.

Нальчик и Приэльбрусье в механизме реализации советской правовой политики в сфере туризма и курортного дела

Инароков Идар Русланович,

аспирант Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского Государственного университета им. Х.М. Бербекова; главный специалист-эксперт юридического отдела Главного управления МЧС России по Кабардино-Балкарской Республике; ассистент Института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства Кабардино-Балкарского Государственного университета им. Х.М. Бербекова
E-mail: idarinarokov@yandex.ru

Цель статьи состоит в выявлении региональной специфики реализации советской правовой политики в сфере туризма и курортного дела на материале Нальчика и Приэльбрусья. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический, институциональный, сравнительно-правовой и региональный методы, позволившие сопоставить общесоюзные нормативные решения с практикой их конкретизации в Кабардино-Балкарии. Установлено, что Нальчик выступал городом-курортом с лечебно-ресурсным, санитарно-планировочным и санаторно-курортным режимом, тогда как Приэльбрусье формировалось как высокогорная территория туризма, альпинизма, рекреационного освоения, безопасности и природоохранных ограничений. Показано, что Кабардино-Балкария не являлась простой иллюстрацией общесоюзной политики: региональная специфика проявлялась через решения органов власти, профсоюзные структуры, туристско-экскурсионные организации, планирование, санитарные режимы и освоение горных территорий. Особое внимание уделено сочетанию лечебно-курортной и маршрутно-туристской моделей в пределах одной автономной республики, а также переходу позднесоветского регулирования к природоохранным ограничениям. Региональный материал раскрывает зависимость правовой политики от статуса территории, инфраструктуры и природного ресурса. Сделан вывод о сочетании двух различных юридических моделей, что позволяет точнее понять механизм советской правовой политики как связь централизованного регулирования, регионального исполнения и ресурсных ограничений.

Ключевые слова: Нальчик, Приэльбрусье, Кабардино-Балкария, правовая политика, советское право, курортное дело, туризм, альпинизм, санитарная охрана, профсоюзы.

Введение

Кабардино-Балкария занимает особое место в истории советской правовой политики в сфере туризма и курортного дела. Ее значение определялось не только наличием природных лечебных факторов и горных ландшафтов, но и тем, что в пределах одной автономной республики сложились два различных по юридической природе объекта. Нальчик развивался как город-курорт, связанный с лечебными ресурсами, санитарной охраной, планировкой и санаторно-курортной сетью. Приэльбрусье формировалось как высокогорная территория туризма, альпинизма, спортивного и рекреационного освоения, где правовое значение имели маршруты, безопасность, транспорт, туристские базы и природоохранные ограничения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью рассматривать советскую туристско-курортную политику не только как общесоюзную систему актов и учреждений, но и как практику региональной конкретизации. Центральные органы власти задавали социальные цели, режимы и плановые ориентиры, однако их исполнение зависело от природных условий, административно-правового статуса территории, возможностей местных органов, профсоюзных структур, ведомств и туристско-экскурсионных организаций. На материале Нальчика и Приэльбрусья особенно ясно видно, что один регион мог одновременно реализовывать лечебно-курортную и туристско-альпинистскую модели правового воздействия.

Цель статьи состоит в выявлении механизма реализации советской правовой политики в Кабардино-Балкарии через сопоставление Нальчика и Приэльбрусья. Научная проблема заключается в том, чтобы показать регион не как пассивный объект общесоюзных решений, а как площадку их правовой и организационной конкретизации. Научная значимость исследования связана с уточнением историко-правового понимания региональной реализации: нормативный акт приобретал фактическое содержание только тогда, когда он соединялся с планировкой города, санитарным режимом, распределением путевок, созданием туристских баз, подготовкой кадров, строительством дорог и ограничением рекреационной нагрузки.

Литературный обзор

Региональная проблематика Нальчика и Приэльбрусья опирается на несколько групп источников и исследований. Работы З.М. Кешевой и Л.А. Хоконовой о курорте Нальчик показывают длительную историю формирования городского курортного образа и позволяют рассматривать Нальчик как территориальный бренд, связанный с лечебными ресурсами, городской средой и советским курортным наследием [14, с. 100–103]. Исследование З.М. Кешевой о природно-географических ресурсах Кабардино-Балкарии дает основание рассматривать туристско-курортное развитие региона не как случайный набор объектов, а как следствие устойчивых природных предпосылок, которым советская власть придавала правовое и организационное значение [13, с. 63–68].

Сведения Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики о становлении Всесоюзной здравницы – курорта Нальчик и о комсомольской стройке под Эльбрусом важны как источники, фиксирующие институциональное и инфраструктурное измерение регионального развития [15; 16]. Приэльбрусье раскрывается также через путеводитель Б.М. Бероева, где природное описание, летопись покорения Эльбруса и туристские маршруты соединяются с представлением о высокогорной территории как пространстве организованного туризма и альпинизма [17]. Эти материалы сами по себе не являются нормативными актами, однако позволяют реконструировать региональную среду, в которой общесоюзные решения получали конкретное содержание.

Нормативную основу анализа составляют декрет об образовании Объединенной Кабардино-Балкарской автономной области, конституционные нормы о праве на отдых и охране здоровья, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении 1969 г., постановления о передаче здравниц профсоюзам, развитии туризма и экскурсий, генеральном плане Нальчика, упорядочении застройки курортных территорий, Положении о курортах, индивидуальном положении о курорте Нальчик и создании национального парка «Приэль-

брусью» [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Именно эти акты позволяют перейти от описания достопримечательностей к историко-правовому анализу.

Степень научной разработанности темы можно оценить как фрагментарную. История Нальчика, Приэльбрусья, советского туризма и санаторно-курортного обслуживания исследована в региональном, историческом и отраслевом аспектах, но вопрос о том, как в пределах Кабардино-Балкарии взаимодействовали две различные юридические модели – курортно-лечебная и туристско-высокогорная, – требует специальной историко-правовой реконструкции.

Материалы и методы

Материалами исследования являются нормативные акты Союза ССР, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и материалы о Кабардино-Балкарии, научная литература о Нальчике, Приэльбрусье, истории туризма и курортного дела, а также положения диссертационного исследования о правовой политике советского государства в туристско-курортной сфере. Особое значение имеют постановление Совета Министров РСФСР от 13 марта 1959 г. № 367 о развитии курорта Нальчик и базы отдыха, туризма и альпинизма в районе Эльбруса, постановление о генеральном плане Нальчика 1966 г., постановление 1983 г. об утверждении Положения о курорте Нальчик и постановление 1986 г. о создании государственного природного национального парка «Приэльбрусье» [9; 10; 11; 12].

Методологическую основу составляют историко-правовой, формально-юридический, институциональный, сравнительно-правовой и региональный методы. Историко-правовой метод позволяет проследить развитие от раннего признания природных предпосылок к позднесоветскому режимному управлению территориями. Формально-юридический метод используется для анализа нормативных актов, компетенции органов и правовых режимов. Институциональный подход раскрывает роль местных Советов, органов здравоохранения, профсоюзов, туристско-экскурсионных структур и ведомств.

Сравнительно-правовой метод применяется для сопоставления Нальчика и Приэльбрусья как объектов разной юридической природы. Региональный метод позволяет оценить не только содержание общесоюзных актов, но и механизм их исполнения на конкретной территории. Исследовательская схема включает публичную цель, нормативное основание, субъект исполнения, правовой режим, инфраструктурное решение, форму доступа граждан и выявленное противоречие.

Результаты

Первый результат исследования состоит в установлении того, что Кабардино-Балкария была не периферийной иллюстрацией общесоюзной туристско-курортной политики, а региональной площадкой ее конкретизации. Образование Объединенной Кабардино-Балкарской автономной области в 1922 г. создало административно-правовую основу, внутри которой природные и лечебные ресурсы региона постепенно переводились в язык советского управления [4]. В дальнейшем изменение статуса автономии, деятельность местных органов, участие профсоюзов и ведомств определяли практические формы реализации общесоюзных решений.

Второй результат связан с Нальчиком. Его правовая специфика заключалась в сочетании курортного и городского режимов. Как город-курорт Нальчик нуждался не только в санаториях, но и в санитарной охране, регулировании застройки, коммунальном обеспечении, сохранении зеленых зон, охране лечебных факторов и планировочной дисциплине. Постановление о генеральном плане города Нальчика 1966 г. показывает, что курортная функция была связана с территориальным развитием города, а не существовала отдельно от градостроительной и коммунальной политики [10].

Третий результат состоит в том, что Приэльбрусье формировалось по иной юридической логике. Здесь ключевыми были высокогорный маршрут, туристская и альпинистская инфраструктура, безопасность, сезонность, транспортная доступность, подготовка инструкторов, размещение туристов и охрана природной среды. Путеводитель Б. М. Бероева отражает сложившееся представление о Приэльбрусье как территории маршрутов, альпинизма и организованного посещения [17]. Комсомольская стройка под Эльбрусом показывает инфраструктурный масштаб освоения, где правовые решения соединялись со строительством и массовой мобилизацией [15].

Четвертый результат выражается в особой роли постановления Совета Министров РСФСР от 13 марта 1959 г. № 367, которое в одной формуле соединяло развитие курорта Нальчик и базы отдыха, туризма и альпинизма в районе Эльбруса [9]. Для регионального анализа этот акт принципиален: он не смешивал два объекта, а задавал совместную программу развития разных правовых моделей. Нальчик требо-

вал лечебно-курортного и планировочного режима; район Эльбруса – туристско-альпинистской инфраструктуры, безопасности и освоения высокогорной территории.

Пятый результат связан с профсоюзным механизмом. Передача санаториев и домов отдыха профсоюзам в 1960 г. изменила практику управления социальной инфраструктурой, поскольку профсоюзные организации получили возможность распределять значительную часть санаторно-курортного и оздоровительного обслуживания [5]. В Кабардино-Балкарии это означало включение региональных здравниц и объектов отдыха в государственно-профсоюзную систему, где путевка, плановая емкость, ведомственная принадлежность и социальный статус трудящегося определяли реальную доступность отдыха и лечения.

Шестой результат касается туристско-экскурсионной массовизации. Постановление 1969 г. о развитии туризма и экскурсий в стране и в РСФСР закрепляли расширение сети маршрутов, туристских баз, бюро путешествий и экскурсий, повышение роли профсоюзных структур и методическое обеспечение массового туризма [6]. Для Приэльбрусья это означало перевод природной привлекательности в организованную систему маршрутов, размещения, сопровождения и безопасности, а для Нальчика – усиление связи курорта с экскурсионным обслуживанием и рекреационным образом региона.

Седьмой результат раскрывает позднесоветскую трансформацию. Индивидуальное положение о курорте Нальчик 1983 г. закрепило необходимость специального режима для города-курорта, а создание национального парка «Приэльбрусье» в 1986 г. показало, что высокогорная территория уже не могла регулироваться только через строительство и расширение посещаемости [11; 12]. Массовость туризма и отдыха породила проблему охраны природной среды, что превратило природоохранные ограничения в самостоятельный элемент правовой политики.

Обсуждение

Нальчик и Приэльбрусье позволяют увидеть разные стороны одной советской модели. В Нальчике правовая политика была сосредоточена на лечебном ресурсе, санитарной охране, планировке, санаторной сети и городской инфраструктуре. Здесь курортный статус требовал ежедневного режима города: охраны источников, чистоты воздуха и воды, зеленых зон, коммунального хозяйства, контроля за строительством и согласования экономического развития с лечебным назначением территории.

В Приэльбрусье правовая политика действовала иначе. Высокогорная территория не могла быть сведена к санаторно-курортной логике, поскольку ее значение определялось маршрутом, подъемом, альпинистской подготовкой, туристской базой, транспортом, безопасностью и сезонным режимом. Если Нальчик требовал санитарно-планировочной дисциплины, то Приэльбрусье требовало маршрутной организации, инструкторского сопровождения, технического обеспечения и учета природных рисков. Создание национального парка стало признанием того, что рекреационное освоение должно ограничиваться охраной природных комплексов [12].

Связь общесоюзного регулирования с региональной реализацией проявлялась через многоуровневый механизм. Центральные акты задавали цели, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика конкретизировала управленческие и плановые решения, Кабардино-Балкарская АССР и местные органы обеспечивали исполнение на территории, а профсоюзные и туристско-экскурсионные структуры превращали правовые предписания в путевки, маршруты, базы, санаторные места и экскурсионные программы. Без этого промежуточного уровня советская правовая политика оставалась бы нормативной декларацией.

Историко-правовая закономерность состоит в том, что позднесоветский этап не был простым ростом сети здравниц и туристских учреждений. Он выражал усложнение режимного управления. Нальчик нуждался в индивидуальном курортном режиме, Приэльбрусье – в природоохранном статусе и безопасности массового посещения. Одновременно сохранялись ресурсные ограничения: дефицит мест, зависимость от транспорта, коммунальной инфраструктуры, кадров, снабжения и межведомственной координации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Кабардино-Балкария в советский период выступала самостоятельной площадкой реализации правовой политики в сфере туризма и курортного дела. Ее значение состояло не только в наличии курортных и горных ресурсов, но и в том, что эти ресурсы были включены в разные правовые режимы, организационные механизмы и формы доступа граждан.

Нальчик и Приэльбрусье являлись различными по юридической природе объектами. Нальчик развивался как город-курорт с лечебно-ресурсным, санитарно-планировочным и санаторно-курортным режимом. Приэльбрусье формировалось как высокогорная территория туризма, альпинизма, рекреационного освоения, безопасности и природоохранных ограничений. Их сопоставление показывает, что региональная туристско-курортная система не была однородной.

Общесоюзная правовая политика реализовывалась в регионе через многоуровневый механизм: нормативные акты, решения республиканских и местных органов, профсоюзные структуры, туристско-экскурсионные организации, санитарные режимы, планирование и инфраструктурное освоение территорий. Именно эта связка позволяла превращать общие социальные цели советского государства в конкретные региональные решения.

Позднесоветская трансформация выразилась в переходе от расширения сети и массовизации к режимному управлению качеством, санитарно-планировочными ограничениями, природоохранными пределами и безопасностью. В этом смысле Нальчик и Приэльбрусье демонстрируют не две частные истории, а две взаимодополняющие линии реализации советской правовой политики в Кабардино-Балкарии.

Литература

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=3007&req=doc> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 12.03.2026).
3. Закон СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=21343&req=doc> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета от 16 января 1922 г. «Об образовании Объединенной Кабардино-Балкарской Автономной Области» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350902-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ob-obrazovanii-obedinennoy-kabardino-balkarskoy-avtonomnoy-oblasti-16-yanvarya-1922-goda> (дата обращения: 12.04.2026).
5. Постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1960 г. № 335 «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/57418014/> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров СССР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 30 мая 1969 г. № 411 «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711100> (дата обращения: 01.05.2026).
7. Постановление Совета Министров СССР от 28 августа 1970 г. № 723 «О мерах по упорядочению застройки территорий курортов и зон отдыха и строительства санаторно-курортных учреждений и учреждений отдыха» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/6556136/> (дата обращения: 01.04.2026).
8. Постановление Совета Министров СССР от 5 сентября 1973 г. № 654 «Об утверждении Положения о курортах» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12136628/> (дата обращения: 30.03.2026).
9. Постановление Совета Министров РСФСР от 13 марта 1959 г. № 367 «О развитии курорта Нальчик и базы отдыха, туризма и альпинизма в районе Эльбруса».
10. Постановление Совета Министров РСФСР от 21 мая 1966 г. № 466 «О генеральном плане города Нальчика» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/568907579> (дата обращения: 12.04.2026).
11. Постановление Совета Министров РСФСР от 14 марта 1983 г. № 128 «Об утверждении Положений о курортах Нальчик, Сергиевские минеральные воды, Шмаковка, Зеленоградск, Светлогорск-Отрадное и Хилово» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/71366982/> (дата обращения: 30.04.2026).

12. Постановление Совета Министров РСФСР от 22 сентября 1986 г. № 407 «О создании государственного природного национального парка «Приэльбрусье» в Кабардино-Балкарской АССР» [Электронный ресурс] // Меганорм. URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/72/postanovlenie_pra_vitelstva_rf_ot_09_10_1995_N_990_ob/0/postanovlenie_sovmina_rsfsr_ot_22_09_1986_N_407_o_sozdanii.html (дата обращения: 18.05.2026).

13. Кешева З.М. Природно-географические ресурсы Кабардино-Балкарии как факторы формирования туристических брендов [Электронный ресурс] // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36). С. 63–68. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-63-68. URL: https://www.kbgi.ru/fmedia/8_%D0%BA%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 28.03.2026).

14. Кешева З.М., Хоконова Л.А. Курорт Нальчик как территориальный бренд: история формирования и развития // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 100–103.

15. Архивная служба Кабардино-Балкарской Республики. Комсомольская стройка под Эльбрусом [Электронный ресурс] // Архивная служба Кабардино-Балкарской Республики. URL: <https://arhiv.kbr.ru/news/publikatsii/komsomolskaya-stroyka-pod-elbrusom-.html> (дата обращения: 07.06.2026).

16. Архивная служба Кабардино-Балкарской Республики. Становление и развитие Всесоюзной здравницы – курорта Нальчик [Электронный ресурс] // Архивная служба Кабардино-Балкарской Республики. URL: <https://arhiv.kbr.ru/news/publikatsii/stanovlenie-i-razvitiye-vsесоюзной-zdravnitsy-kurorta-nalchik.html> (дата обращения: 16.03.2026).

17. Бероев Б.М. Приэльбрусье: очерк природы, летопись покорения Эльбруса, туристские маршруты. М.: Профиздат, 1984. 208 с.

NALCHIK AND THE ELBRUS REGION IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTING SOVIET LEGAL POLICY IN TOURISM AND SPA-RESORT AFFAIRS

Inarokov I.R.

Institute of Law, Economics and Finance of H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Main Directorate of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters for the Kabardino-Balkarian Republic, Institute of Management, Tourism and Hospitality Industry of H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

The purpose of the article is to identify the regional specificity of implementing Soviet legal policy in tourism and spa-resort affairs through the cases of Nalchik and the Elbrus Region. The methodological basis includes historical-legal, formal-legal, institutional, comparative-legal and regional methods, which made it possible to compare all-Union normative decisions with their implementation in Kabardino-Balkaria. The study establishes that Nalchik functioned as a spa-resort city with a therapeutic-resource, sanitary-planning and sanatorium-resort regime, while the Elbrus Region developed as a high-mountain area of tourism, mountaineering, recreation, safety regulation and environmental restrictions. Kabardino-Balkaria is shown not as a mere illustration of all-Union policy, but as a regional platform for its legal concretization through public authorities, trade-union structures, tourism organizations, planning and territorial development. The conclusion emphasizes the coexistence of two different legal models within one autonomous republic.

Keywords: Nalchik, Elbrus Region, Kabardino-Balkaria, legal policy, Soviet law, spa-resort affairs, tourism, mountaineering, sanitary protection, trade unions

References

1. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: approved by Resolution of the Extraordinary Eighth Congress of Soviets of the USSR of December 5, 1936 [Electronic resource]. ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=3007&req=doc> (accessed: 11.04.2026).
2. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted by the Supreme Soviet of the USSR on October 7, 1977 [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (accessed: 12.03.2026).
3. USSR Law No. 4589-VII of December 19, 1969 "On Approval of the Fundamentals of Legislation of the USSR and the Union Republics on Healthcare" [Electronic resource]. ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=21343&req=doc> (accessed: 10.04.2026).
4. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of January 16, 1922 "On the Formation of the United Kabardino-Balkarian Autonomous Oblast" [Electronic resource]. Electronic Library of Historical Documents. URL: <https://docs.historyrus-sia.org/ru/nodes/350902-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ob-obrazovanii-obedinennoy-kabardino-balkarskoy-avtonomnoy-oblasti-16-yanvarya-1922-goda> (accessed: 12.04.2026).
5. Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 335 of March 10, 1960 "On the Transfer of Sanatoriums and Rest Homes to Trade Unions" [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: <https://base.garant.ru/57418014/> (accessed: 10.05.2026).

6. Resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the Council of Ministers of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions No. 411 of May 30, 1969 "On Measures for the Further Development of Tourism and Excursions in the Country" [Electronic resource]. Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711100> (accessed: 01.05.2026).

7. Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 723 of August 28, 1970 "On Measures to Streamline the Development of Resort Territories and Recreation Zones and the Construction of Sanatorium-Resort and Recreation Institutions" [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: <https://base.garant.ru/6556136/> (accessed: 01.04.2026).

8. Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 654 of September 5, 1973 "On Approval of the Regulations on Resorts" [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: <https://base.garant.ru/12136628/> (accessed: 30.03.2026).

9. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 367 of March 13, 1959 "On the Development of the Nalchik Resort and the Recreation, Tourism and Mountaineering Base in the Elbrus Area."

10. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 466 of May 21, 1966 "On the Master Plan of the City of Nalchik" [Electronic resource]. Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/568907579> (accessed: 12.04.2026).

11. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 128 of March 14, 1983 "On Approval of the Regulations on the Resorts of Nalchik, Sergievskie Mineralnye Vody, Shmakovka, Zelenogradsk, Svetlogorsk-Otradnoe and Khilovo" [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: <https://base.garant.ru/71366982/> (accessed: 30.04.2026).

12. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 407 of September 22, 1986 "On the Creation of the Priyelbrusye State Nature National Park in the Kabardino-Balkarian ASSR" [Electronic resource]. Meganorm. URL: https://meganorm.ru/mega_doc/dop1/72/postanovlenie_pravitelstva_rf_ot_09_10_1995_N_990_ob/0/postanovlenie_sovmina_rsfsr_ot_22_09_1986_N_407_o_sozdanii.html (accessed: 18.05.2026).

13. Kesheva Z.M. Natural-Geographical Resources of Kabardino-Balkaria as Factors in the Formation of Tourist Brands [Electronic resource]. Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, 2018, no. 1 (36), pp. 63–68. DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-63-68. URL: https://www.kbigi.ru/fmedia/8_%D0%BA%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (accessed: 28.03.2026) [in Russian].

14. Kesheva Z.M., Khokonova L.A. The Nalchik Resort as a Territorial Brand: History of Formation and Development. Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy, 2019, no. 3 (42), pp. 100–103 [in Russian].

15. Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic. Komsomol Construction Project near Elbrus [Electronic resource]. Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic. URL: <https://arhiv.kbr.ru/news/publikatsii/komsomolskaya-stroyka-pod-elbrusom-.html> (accessed: 07.06.2026) [in Russian].

16. Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic. Formation and Development of the All-Union Health Resort – Nalchik Resort [Electronic resource]. Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic. URL: <https://arhiv.kbr.ru/news/publikatsii/stanovleni-i-razvitie-vsesoyuznoy-zdravniitsy-kurorta-nalchik.html> (accessed: 16.03.2026) [in Russian].

17. Beroev B.M. Priyelbrusye: An Essay on Nature, a Chronicle of the Conquest of Elbrus, Tourist Routes. Moscow, Profizdat, 1984. 208 p. [in Russian].

Карев Дмитрий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет
E-mail: kdmity07@mail.ru

Актуальность исследования продиктована потребностью комплексного переосмысления роли церковного права внутри национальной правовой системы с учетом трансформированной юридической действительности и обращения к богатому наследию русской дореволюционной правоведческой школы. В статье рассматриваются базовые доктринальные подходы к определению юридической природы церковного права. Особое внимание уделяется концепциям исторической школы права и ее российских представителей: Н.С. Суворова, Н.К. Соколова, Н.А. Заозерского, М.А. Остроумова. В результате исследования, церковное право можно квалифицировать как наднациональный феномен, обладающий специфическими регулятивными механизмами и занимающий определенное место в правовой системе. Итоговые выводы демонстрируют, что концепция о церковном праве как наднациональном феномене может быть признана обоснованной в социально-культурном и религиозном смысле, требующая уточнения в юридическом смысле.

Ключевые слова: церковное право, каноническое право, система права, публичное право, частное право, историческая школа права, государство, Церковь.

Считается общепринятым, что церковное право представляет собой уникальный правовой феномен, имеющий двойственную правовую природу. В равной мере и дисциплина церковного права рассматривается через призму двойственности: для некоторых она является отраслью богословия, для других – это область права. Аргументы в пользу юридической природы церковного права можно выразить следующими тезисами:

- 1) в широком смысле церковное право формирует внешний устав функционирования отдельной социальной группы, реализующей свои жизненно необходимые задачи (*ubi societas, ibi ius*);
- 2) канонические нормы служат императивом для регулирования внешних взаимодействий членов Церкви, отделяясь от внутренне-нравственных установлений христианства;
- 3) законы церковной жизни определяют границы компетенций ее членов, пресекая любые нарушения с помощью установленных санкций.

Тем не менее, изучение и содержание правовой природы церковного права тесно переплетено с теологическими аспектами, поскольку основные концепции церковного права берут начало в христианском учении. Так, источники церковного права невозможно анализировать вне контекста богословских категорий, и в данной науке нет места для критического пересмотра догматических положений.

В конце девятнадцатого века возникли дебаты относительно значимости канонического права в правовой системе, которые вызвали широкое разнообразие мнений. Ключевые аргументы по этому вопросу были систематизированы М.А. Остроумовым в его исследованиях, где им были сформулированы основные положения о представлении церковного права:

- 1) церковное право включено в структуру национальной правовой системы;
- 2) каноническое право относится к сфере частного права;
- 3) церковное право включает в себя элементы как публичного, так и частного права.
- 4) церковное право относится к категории позитивного публичного права [1 с. 37–38].

Каноническое право представляет собой отдельный правовой комплекс, который Ф. К. фон Савиньи [2] и Г.Ф. Пухта [3] выделяют как третью, автономную отрасль, независимую как от общественного, так и от частного права. В отличие от этого, Ф.Ю. Шталь [4], Ф. Вальтер [5] и И.К. Блюнчли [6] аргументируют, что церковное право, параллельно с государственным правом, должно быть категоризовано как одна из составляющих сфер публичного права.

Н.С. Суворов в рамках своей преподавательской деятельности в Демидовском юридическом лицее в Ярославле в 1876 (1877) году изучал церковное право [7]. Он выделил две сущности Церкви: первая – как Божественное Царство, преображающее верующих и объединяющее их на основе христианской любви и нравственных принципов; вторая – как земную институцию, сплавляющую верующих через священные тексты, духовенство и ритуалы. Он продолжил анализировать церковное право, как комплекс правил, регулирующих функционирование Церкви в социальных рамках. Суворов охарактеризовал эволюцию представлений о церковном праве среди европейских ученых и акцентировал принципиальную автономию Церкви от государственных структур и суверенность её законодательства от мирского правопорядка.

Лекция Суворова открывается рассмотрением реакции натуралистических мыслителей эпохи Реформации на доминирование средневековой Церкви в политической сфере. Пропагандисты естественного права стремились избавить государство от дуальности власти, полностью отрицая законное существование Церкви и любых других форм общественных ассоциаций, основанных на природных правах.

Английский философ Томас Гоббс утверждал, что Церковь должна быть интегрирована в структуру государства, и в последнем должно заключаться решающее право по вопросам веры [8]. В отличие от него, немецкий мыслитель Христиан Томазий проводил четкое различие между светским правом, направленным на регулирование общественного порядка, и внутренними, духовными благами, которые касаются личной совести и не требуют формирования религиозных организаций. Самуэль фон Пуфендорф, другой немецкий ученый, предло-

жил концепцию естественной религии, инкорпорированной в светское право. Жан-Жак Руссо, выдающийся французский мыслитель, выступал за создание так называемой гражданской религии, которая опиралась бы на принципы государства, отличаясь от традиционных религиозных догм. В контексте Германии, как отмечает Н.С. Суворов, реформационное движение повлияло на то, что Церковь стала подчиняться государственным интересам. Карл фон Роттек в своих работах по теории права аргументировал, что Церковь следует рассматривать как сообщество верующих, устои которого базируются на естественных правах, а не на канонических законах. Роттек видел церковные отношения через призму частного права, предполагая, что статус юридического лица может быть предоставлен Церкви только государством. Однако, по мнению Суворова, такой подход не учитывает божественное происхождение и миссию Церкви [8].

В рамках этой теории утверждается, что не государство является творцом права, а сам народ, понимаемый не как абстрактное понятие по Жан-Жаку Руссо, а как динамическая совокупность групп, способных к объединению и разъединению в зависимости от своих интересов. Общество воспринимается как интегральное тело, охватывающее все аспекты человеческой деятельности, стремление которого направлено на реализацию основных целей существования. Среди множества органических сфер общественной жизни многие еще не полностью сформированы, но предполагается, что в будущем они обретут независимость и уникальную организацию. Предполагается, что прежде всего из этих базовых компонентов сформируются структуры, такие как правительство и религиозные организации. В рамках данной концепции функция правительства заключается в фасилитации достижения общественных целей, в то время как в корпорациях вырабатывается специфическое корпоративное право, которое, хотя и учитывает общепринятые юридические стандарты, исходит из внутренних правил самой корпорации.

Специфическое положение Церкви становится центральным фактором при оценке её взаимоотношений с государственной властью и понимании статуса канонического права.

Генрих Аренс, известный защитник органической концепции права и государства, признавал Церковь одной из автономных сил в социокультурной эволюции, стоящей рядом с государством [9]. Он воспринимал их как различные, но взаимодействующие элементы, объединенные через их структурные и функциональные связи в единую социальную систему, которая интегрирует как законодательные, так и духовные элементы общественной жизни. При этом Аренс отмечал различие между общественным правом, которое он ассоциировал с государственным (публичным) правом, и его спецификацией на разнообразные сферы регуляции.

Это выделяет их значимую роль и глубину связей с социокультурной жизнью обществ. В его аналитике, деятельность Церкви и государства определяются как ключевые элементы публичного права, принимая во внимание внутренние церковные и международные государственно-церковные правовые отношения.

Г. Трейчке поддержал взгляды ученых, которые определили каноническое право, как самостоятельную систему права, отличную от частного и публичного права, и рассматривающую её как особую отрасль права [10]. Эту точку зрения разделяли такие известные юристы, как Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта, И.К. Блюншли, Ф.Ю. Шталь [11] и Э.Л. Рихтер [12], которые признавали уникальный статус канонического права христианских Церквей в структуре правовых наук.

Именитый немецкий правовед Ф. К. фон Савиньи вместе с своим учеником Г.Ф. Пухта относили каноническое право к независимой системе, отдельной от государственного и частного права. Швейцарский юрист И.К. Блюншли утверждал, что в христианских странах государственные структуры и церковные институты функционируют как две независимые единицы.

К Федору Юлиусу Шталю присоединился взглядами протестант и канонист Эмилий Людвиг Рихтер, который рассматривал действующее в рамках Церкви каноническое право, применимое к ее сторонникам, как публичное.

Н.С. Суворов, анализируя взгляды известных правоведов, задает вопрос о возможности признания полной автономии русского церковного права в юридической науке, аналогично практике в западноевропейских странах. Аргументируя в пользу этого, он обращает внимание на уникальные характеристики церковного права: во-первых, его историческое развитие, когда законодательство формировалось самой Церковью на протяжении более трех столетий; во-вторых, специфику сферы применения, где право церковное рассматривается как действующее в рамках «высшего мира» и связанное с моральными аспектами деятельности Церкви и представлениями о Божьем царстве, выходящем за пределы земного бытия; в-третьих, особенности методов под-

держания и защиты правопорядка в церковной среде, которые включают наставничество и просвещение без ограничения человеческой свободы, при этом государство не претендует на право вмешательства в церковные дела своими средствами.

Характеристики канонического правосудия формируются на основе уникальности Церкви по сравнению с другими организациями и государственными институтами, поскольку Церковь является опекуном духовных нужд общественных слоев и наций. Также, как и государственные органы, Церковь обладает способностью к законодательной деятельности. Эта аргументация убеждает Н.С. Суворова в том, что правовой режим Церкви представляет собой автономную юридическую систему, отдельную отрасль права. Такой же подход прослеживается в последующих работах профессора Н.С. Суворова.

Таким образом, в теории Николая Семеновича церковное право делится на две главные категории:

1) Внутрцерковное или еще называемое внутреннецерковным право, которое представляет собой систему норм и правил, сформировавшихся на основании христианских догм и учений, которые направлены на регулирование внутренних структур и процессов в церковных организациях. Оно включает в себя положения об устройстве церковных институтов, а также определяет права и обязанности как управляющих органов, так и прихожан. Такое право возникает из самой сущности и исторической практики Церкви.

2) Государственно-церковное право (внешнее) – организует взаимоотношения между Церковью, государством и различными религиозными организациями. В контексте политики, законодательными источниками этого правового направления служат либо исключительно государственные институты, либо совместная деятельность государства и Церкви [8].

Суворов также уточняет, что положение императора как верховного патриарха Церкви не отменяет автономии церковного законодательства.

В научной среде попытки признать отдельные комплексы норм как самостоятельные отрасли законодательства часто не несут в себе стойкого теоретико-правового обоснования, сомневаясь в структурированности системы права на уровне отраслей и подотраслей. Тем не менее, некоторые научные исследования все же включают церковное право в категорию отраслей права, но подчеркивается необходимость дальнейшей конкретизации и обоснования его строения, будь то в аспекте его внутреннего или внешнего регулирования.

Обращаясь к центральной проблематике, важно подчеркнуть, что Николай Суворов, являясь убежденным сторонником исторической методологии, эффективно продемонстрировал в контексте обсуждения роли церковного права важную роль принципов, лежащих в основе доминирующей на тот период западноевропейской юридической парадигмы, для развития русского научного дискурса по церковному праву.

Некоторые исследования ошибочно приписывают Н.С. Суворову упрощенное понимание церковного права, рассматривая его как публичное и равнозначное государственному. Эту точку зрения неверно поддержал известный российский канонист А.С. Павлов, утверждавший, что юристы, полагающие церковное право частью публичного права, следуют традиции римских правоведов [13]. Римляне определяли публичное право через его компоненты: священные религиозные обряды, духовенство и должностные лица – «*publicum ius in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit*».

Н.С. Суворов, представляя свою точку зрения в диалоге с А.С. Павловым, утверждал, что даже те правоведы, которые не считают церковь интегральной частью государства и церковное право – частью государственного правового поля, поддерживают идею о публичности церковного права. Они рассматривают его как самостоятельную, параллельно существующую систему в отношении государственного права. Это подтверждает возможность существования публичного церковного права вне контекста римского правопонимания.

А.С. Павлов, в дебатах с Н.Н. Фальком [14] и Т. Марезолем [15], утверждает, что церковное право является уникальной и независимой отраслью права, которую нельзя классифицировать ни как частное, ни как публичное. Следовательно, это элемент более обширного правового континуума. При этом, оценивая методологическую строгость А.С. Павлова, можно заметить, что он не предоставляет в своих лекциях цитат источников своих убеждений, в отличие от Н.С. Суворова. Комментируя различия между церковным и международным правом, а также ход своих аргументов, которые практически идентичны выводам И.Ф. Шульте, Павлов подчеркивает влияние исторической школы права на его собственные размышления.

Анализируя взгляды Н.С. Суворова и других отечественных церковных юристов, таких как Н.К. Соколов [16], Н.А. Заозерский [17] и М.А. Остроумов, можно утверждать, что они единогласно рассматри-

вают церковное право как неотъемлемую часть общей правовой системы. Образовательные ресурсы, связанные с этой тематикой, отражают влияние исторической юридической школы, что способствовало правильному пониманию уникальной, автономной природы церковного права и его эффективной интеграции в правовую систему.

Остановившаяся в начале XX века русская наука церковного права не смогла разработать обновлённое видение роли данной области в правовой системе. В эпоху советской власти развитие церковного права было подавлено, поскольку идеология социализма отрицала важность и самостоятельность этой отрасли, рассматривая её как элемент «буржуазного» права, чётко разграниченного на публичное и частное. Современное российское право все ещё не полностью освободилось от этих рамок, пропагандируя лишь отраслевое деление права и не определяя точное место церковного права в системе. Недостаточно развитый научный аппарат не способен адекватно отразить уникальность источников и специфику церковного права.

Можно отметить, что в научном сообществе российских правоведов второй половины 19-го и начала 20-го века складывалась общая точка зрения по поводу уникального статуса церковного права в рамках юридической системы. Несмотря на некоторое разнообразие взглядов, церковные юристы того времени не считали нужным подчинять церковное право государственной юрисдикции или делать его зависимым от государственного права, которое воспринималось как верховный регулятор в политическом контексте.

К примеру, Н.С. Суворов анализировал церковное право, видя в нем автономный раздел общей правовой системы, который не зависит от государства, и рассматривал его как часть вне государственного публичного права. Однако те аспекты, которые складывались с активным вовлечением государственных структур, он оценивал, как элементы государственного публичного права.

С учетом общественного статуса и законных интересов Церкви, как заметил Ф.Ю. Шталь, для тех, кто не принадлежит к ее членам, разумно принять идейную конвенциональность, представляя Церковь как структуру, занимающуюся частно-целевой деятельностью.

Концепция исторической школы права, показывает на органичность свободы Церкви и ее внутренних норм. Взгляды представителей данной школы говорят о интеграции церковного права в общую правовую систему, сохраняя характерные черты правовой традиции.

Таким образом, церковное право пропитано религиозными учениями и регулирует отношения среди верующих не столько через юридические императивы, сколько через добровольное следование духовным канонам. Эта система правил обладает высшим, божественным измерением, плохо вмещающимся в традиционные рамки правоведения. Поэтому идея признания уникального статуса церковного права как надгосударственного феномена, стоящего вне разделения на частное и публичное право, может быть полезной, учитывая его многовековую историю и специфические механизмы правового регулирования.

Данная точка зрения должна основываться на том, что церковное право не может быть ограничено рамками позитивного права и существовать в представлениях законодателя. Церковное право существует и функционирует в рамках социально-культурного и религиозного пространства. Например, это проявляется в признании канонических правил Вселенских Соборов, вне зависимости от территориальных границ государств, показывая тем самым уникальный правовой феномен.

Конечно, данная концепция требует дополнительного научного обоснования. С одной стороны номы церковного права, формируются в независимости от законодателя и имеют Божественное происхождение и их легитимность связана с канонами Церкви. Это является показателем признака наднационального феномена церковного права. С другой стороны, в современных правовых условиях церковное право не может рассматриваться в смысле приоритета над национальным законодательством.

Концепция о церковном праве как наднациональном феномене может признана обоснованной в социально-культурном и религиозном смысле, требующая уточнения в юридическом смысле.

Литература

1. Остроумов М.А. Очерк православного церковного права. Харьков, 1893. Т. 1. С. 37–38.
2. Savigny F. K. von. System des heutigen römischen Rechts. Berlin, 1840. Bd. 1. S. 27.;
3. Puchta G.F. Coursus der Institutionen. Leipzig, 1841. Bd. 1. S. 75;
4. Idem. Einleitung in das Recht der Kirche. Leipzig, 1840. S. 29.
5. Stahl F.J. Die Philosophie des Rechts. Heidelberg, 1845. Bd. 1. S. 239.
6. Walter F. Juristische Encyclopädie. Bonn, 1856. S. 62–63.

7. Bluntschli J.C. Allgemeines Staatsrecht, geschichtlich begründet. München, 1857. Bd. 2. S. 252–253.

8. Суворов Н.С. Курс церковного права. Ярославль, 1889. Т. 1. С. 17

9. Суворов Н.С. Вступительная лекция по церковному праву, читанная в Демидовском юридическом лицее // Временник Демидовского юридического лицея. 1877. Кн. 15. II. С. 29–56

10. Аренс Г. Юридическая энциклопедия, или Органическое изложение науки о праве и государстве, на основании принципов этической философии права / пер. с нем. М., 1863. С. 78

11. Treitschke H. von. Die Gesellschaftswissenschaft. Leipzig, 1859. S. 50–57.

12. Savigny F. K. von. System des heutigen römischen Rechts. S. 27–28.

13. Puchta G.F. Einleitung in das Recht der Kirche. S. 29.

14. Bluntschli J.C. Allgemeines Staatsrecht. München, 1857. Bd. 2. S. 287

15. Stahl F.J. Die Philosophie des Rechts. Heidelberg, 1845. Bd. 1. S. 239.

16. Richter A.L. Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts. Leipzig, 1886. S. 6–7.

17. Павлов А.С. Курс церковного права. С. 11.

18. Falck N.N. Juristische Encyclopädie. Leipzig, 1851.

19. Marezoll T. Lehrbuch der Institutionen des römischen Rechtes. Leipzig, 1866. S. 7.

20. Соловьев Н.К. Из лекций по церковному праву. С. 31–32.

21. Заозерский Н.А. Право православной греко-восточной церкви... С. 45, 48

THE LEGAL NATURE OF CHURCH LAW THROUGH THE LENS OF THE HISTORICAL SCHOOL OF LAW

Karev D.A.

Samara State University of Economics

The relevance of the research is dictated by the need for a comprehensive rethinking of the role of canonical (ecclesiastical) law within the national legal system, taking into account the transformed legal reality and the appeal to the rich heritage of the Russian pre-revolutionary school of jurisprudence. The article discusses the basic doctrinal approaches to determining the legal nature of church law. Special attention is paid to the concepts of the historical school of law and its Russian adherents: N.S. Suvorov, N.K. Sokolov, N.A. Zaoversky, M.A. Ostroumov. The author argues that internal canon law should be qualified as an autonomous branch of public law outside the state, with its own ecclesiastical self, original sources and specific regulatory mechanisms. External church law is interpreted as an integral part of state public law, forming an interdisciplinary institution that regulates the activities of religious associations. The final conclusions demonstrate that the proposed paradigm helps to preserve the continuity of the Russian confessional legal tradition, provides a holistic presentation of church legal content in academic courses, and adequately represents the uniqueness of the legal status of the Church in a pluralistic modern society.

Keywords: church law, canon law, legal system, public law, private law, historical school of law, internal church law, external church law

References

1. Ostroumov M.A. Essay on the Orthodox Church Law. Kharkov, 1893. T. 1. S. 37–38.
2. Savigny F. K. von. System of today's Roman law. Berlin, 1840, vol. 1, p. 27;
3. Puchta G.F. Coursus of the Institutions. Leipzig, 1841. vol. 1. p. 75;
4. Idem. Introduction to the Law of the Church. Leipzig, 1840, p. 29.
5. Steel F.J. The philosophy of law. Heidelberg, 1845, vol. 1, p. 239.
6. Walter F. Legal Encyclopedia. Bonn, 1856, pp. 62–63.
7. Bluntschli J.C. General constitutional law, historically grounded. Munich, 1857, vol. 2, pp. 252–253.
8. Suvorov N.S. Kurs tserkovnogo prava. Yaroslavl, 1889. T. 1. P. 17
9. Suvorov N.S. Introductory lecture on church law, read in the Demidov legal lyceum // Vremennik of the Demidov legal lyceum. 1877. Book. 15. II. Pp. 29–56
10. Arens G. Yuridicheskaya entsiklopediya, ili Organicheskoe izkazanie nauki o prave i gosudarstva, na osnove printsipov eticheskoy filosofii prava [Legal encyclopedia, or Organic presentation of the science of law and the state, on the basis of the principles of ethical philosophy of law]. Moscow, 1863. P. 78
11. Treitschke H. von. The Social Science. Leipzig, 1859, pp. 50–57.
12. Savigny F. K. von. System of today's Roman law. pp. 27–28. Puchta, G. F., Introduction to the Law of the Church, p. 29.
14. Bluntschli J.C. General Constitutional Law. Munich, 1857, vol. 2, p. 287
15. Steel F. J. The philosophy of law. Heidelberg, 1845, vol. 1, p. 239.
16. Richter A.L. Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts. Leipzig, 1886, pp. 6–7.
17. Pavlov A.S. Kurs tserkovnogo prava [Course of Church Law]. P. 11.
18. Falck N.N. Legal Encyclopedia. Leipzig, 1851.
19. Marezoll T. Textbook of the Institutions of Roman Law. Leipzig, 1866, p. 7.
20. Sokolov N.K. Iz lektzii po tserkovnomu pravu [From lectures on church law]. Pp. 31–32.
21. Zaoversky N.A. Pravo pravoslavnoy greko-vostochnoy tserkvi... pp. 45, 48

Туризм и курортное дело как объекты правовой политики советского государства: историко-правовое разграничение

Инароков Идар Русланович,

аспирант Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского Государственного университета
им. Х.М. Бербекова; главный специалист-эксперт
юридического отдела Главного управления МЧС России
по Кабардино-Балкарской Республике; ассистент Института
менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства
Кабардино-Балкарского Государственного университета
им. Х.М. Бербекова.
E-mail: idarinarov@yandex.ru

Цель статьи состоит в историко-правовой реконструкции критериев, позволяющих разграничить туризм и курортное дело как взаимосвязанные, но юридически неоднородные объекты правовой политики советского государства. Методологическую основу исследования составили историко-правовой, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и институциональный методы, примененные к нормативным актам, научной литературе и материалам диссертационного исследования о туристско-курортной политике в Кабардино-Балкарии. Установлено, что курортное дело в советской модели строилось вокруг лечебной территории, природного лечебного ресурса, санитарной охраны, медицинской специализации и санаторно-курортного обслуживания, тогда как туризм организовывался через маршрут, туристскую базу, экскурсионную программу, инструкторское сопровождение, безопасность и групповое обслуживание. Показано различие санаторной путевки как формы доступа к лечению и туристской путевки как формы включения гражданина в организованную программу отдыха. Дополнительно раскрыта связь разграничения с правом на отдых, охраной здоровья, профсоюзным распределением и плановым управлением. Сделан вывод о том, что общее социальное назначение отдыха, оздоровления и восстановления трудоспособности не устраняло различий между двумя правовыми режимами, а именно через эти различия раскрывается механизм советской правовой политики.

Ключевые слова: правовая политика, советское государство, туризм, курортное дело, санаторно-курортное обслуживание, право на отдых, охрана здоровья, профсоюзы, плановое управление

Введение

Советская туристско-курортная сфера нередко описывается как единая система отдыха, лечения и организованного досуга трудящихся. Такое описание справедливо лишь на уровне социальной цели, поскольку за внешне близкими учреждениями и формами обслуживания находились разные юридические конструкции. Санаторий, дом отдыха, туристская база, экскурсионное бюро и альпинистский лагерь могли обслуживать одну категорию граждан и распределяться через близкие профсоюзные каналы, но правовой смысл их деятельности определялся не названием учреждения, а объектом регулирования, кругом компетентных органов, режимом территории и способом допуска гражданина к соответствующему благу.

Актуальность исследования связана с тем, что советское государство рассматривало отдых, восстановление трудоспособности, укрепление здоровья и воспитательное воздействие не как частную услугу, а как публично значимое направление социальной политики. Конституционное право на отдых, охрана здоровья, санитарная охрана лечебных местностей, плановое строительство, профсоюзное распределение и массовое туристско-экскурсионное обслуживание образовывали сложный механизм, в котором право действовало через нормы, планы, компетенцию органов, специальные режимы и организационные процедуры [1; 2]. Поэтому смешение туризма и курортного дела обедняет анализ, превращая юридически неоднородную сферу в перечень форм досуга.

Цель статьи состоит в выявлении историко-правовых критериев разграничения туризма и курортного дела в советской модели. Научная значимость поставленной задачи определяется тем, что такое разграничение позволяет точнее объяснить связь общесоюзного регулирования с региональной практикой, в том числе с развитием Кабардино-Балкарии, где в пределах одного региона сосуществовали город-курорт Нальчик и высокогорное туристско-альпинистское Приэльбрусье. Исследовательская проблема заключается не в отрицании единства социального назначения этих сфер, а в установлении тех юридических признаков, которые делали курортное дело лечебно-территориальным, а туризм маршрутно-организационным объектом правовой политики.

Литературный обзор

Теоретическую основу исследования составляют труды о правовой политике и юридических средствах ее реализации. А.В. Малько раскрывает правовую политику как категорию, позволяющую описывать целенаправленное использование права для достижения общественно значимых целей [15, с. 5–13]. А.П. Коробова обращает внимание на необходимость отделять правовую политику от правотворчества и правового регулирования в узком смысле [13, с. 62–66]. К.В. Шундилов показывает, что правовая политика приобретает реальное содержание через юридические средства, то есть через режимы, полномочия, обязанности, процедуры и организационные формы [18, с. 149–150]. Такой подход особенно важен для советского периода, где правовой акт часто выступал одновременно нормой, управленческим предписанием и элементом планового задания.

Для анализа санаторно-курортного блока значимы работы, связывающие советскую социальную политику с охраной здоровья. Д.В. Егорова рассматривает правовую политику в сфере здравоохранения как системную деятельность государства, направленную на сохранение и повышение уровня здоровья населения [9, с. 14–16]. Этот вывод позволяет включить курортное дело в более широкий механизм правовой охраны здоровья, однако не снимает вопроса о специфике курорта как лечебной территории. М.В. Ильин, А.Л. Хлапов и Н.К. Першина подчеркивают, что правовое регулирование курортного дела неизбежно связано с природными лечебными ресурсами, медицинской функцией и территориальной охраной [12, с. 5–9]. О.А. Романова дополнительно показывает публично-режимную природу курорта, где строительство и хозяйственное использование должны соотноситься с лечебным назначением территории [17, с. 200–208].

История советского туризма раскрывается в работах о туристско-экскурсионном обслуживании, профсоюзном участии и договорных

формах обслуживания. С.В. Завьялова рассматривает формирование законодательства СССР о туристско-экскурсионной сфере как последовательное оформление особого массива норм и организационных решений [10, с. 119–124; 11, с. 217–222]. В.М. Лебедев анализирует договор обслуживания на туристских базах профсоюзов, что позволяет увидеть позднесоветский туризм не только как массовое движение, но и как юридически организованное обслуживание [14]. Т.Г. Петракова на материале санаторно-курортной политики профсоюзов показывает квазипубличный характер профсоюзного механизма, через который распределялись здравницы, путевки и иные формы отдыха [16].

Обзор литературы показывает, что отдельные стороны темы разработаны достаточно подробно: теория правовой политики, советская охрана здоровья, правовой режим курортов, история туризма и профсоюзное участие имеют собственные исследовательские традиции. Менее разработанным остается вопрос о том, какие юридические критерии позволяют различать туризм и курортное дело внутри единой советской системы отдыха и оздоровления. Именно этот вопрос определяет исследовательский акцент настоящей статьи.

Материалы и методы

Материалами исследования выступают нормативные акты советского периода, научные работы по правовой политике, советскому здравоохранению, туризму и курортному делу, а также положения диссертационного исследования о правовой политике советского государства в сфере туризма и курортного дела и ее реализации в Кабардино-Балкарии. Особое значение имеют раннесоветские декреты о лечебных местностях и использовании курортов, конституционные нормы о праве на отдых и охране здоровья, Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении 1969 г., постановления о передаче санаториев и домов отдыха профсоюзам, развитии туризма и экскурсий, упорядочении застройки курортных территорий и утверждении Положения о курортах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Методологическую основу составляют историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и институциональный методы. Историко-правовой метод позволяет рассмотреть смену юридических средств от национализации лечебных местностей к санитарно-режимному управлению и профсоюзной массовизации. Формально-юридический метод используется для анализа актов, компетенции органов и правовых режимов. Системный подход необходим потому, что исследуемая сфера соединяла здравоохранение, социальное обеспечение, территориальное планирование, природоохранные ограничения и организованное обслуживание населения.

В статье применяется единая аналитическая схема: каждый объект рассматривается через публичную цель, юридическое ядро, ресурсную основу, форму доступа, субъект управления, правовой режим территории и организационный результат. Такая схема позволяет избежать описательного смещения санаториев, домов отдыха, туристских баз и экскурсий, а также показать, почему одни институты регулировались преимущественно через медицинскую и санитарную компетенцию, а другие – через маршрут, группу, безопасность и программу обслуживания.

Результаты

Первый результат исследования состоит в установлении двойственной природы советской туристско-курортной сферы. Туризм и курортное дело объединялись общей социальной целью: обеспечить трудящимся отдых, укрепление здоровья, восстановление сил и включение свободного времени в организованный общественный порядок. Однако такое единство не означало юридического тождества. Советская правовая политика формировала две близкие, но разные подсистемы: лечебно-территориальную и маршрутно-организационную.

Курортное дело строилось вокруг лечебной местности и природного лечебного ресурса. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 20 марта 1919 г. о лечебных местностях общегосударственного значения связывал такие территории с публичным интересом и лечебным использованием [4]. Последующее развитие курортного регулирования закрепляло эту логику через санитарную охрану, медицинскую специализацию, охрану минеральных вод, климатических факторов и порядок застройки. Положение о курортах 1973 г. выразило зрелую советскую конструкцию, где курорт выступал не только учреждением обслуживания, но и территорией с особым режимом [8].

Туризм имел иную юридическую основу. Его объектом являлось организованное перемещение граждан, связанное с маршрутом, туристской группой, базой размещения, экскурсионной программой, инструкторским сопровождением и требованиями безопасности. Постановления о развитии туризма и экскурсий 1969 г. отражали именно эту организационно-маршрутную природу: государство и профсоюзы

стремились расширить сеть туристских баз, бюро путешествий и экскурсий, маршрутов, кадрового и методического обеспечения [6]. Здесь центральным был не лечебный ресурс, а регулируемая программа отдыха и познания.

Второй результат связан с различием форм доступа. В санаторно-курортной сфере путевка соединяла медицинские показания, профиль учреждения, плановую емкость здравницы и профсоюзное распределение. Она была юридико-организационной формой допуска к ограниченному социальному благу, имеющему лечебное назначение. В туристской сфере путевка означала включение гражданина в организованный маршрут, проживание на туристской базе, экскурсионное обслуживание и участие в программе. Формальное сходство документа не устраняло различий в правовой функции.

Третий результат выражается в различии субъектного состава. Курортное дело предполагало участие органов здравоохранения, санитарного надзора, органов государственного управления, профсоюзных курортных структур и местных Советов. После передачи санаториев и домов отдыха профсоюзам соответствующие общественные организации получили значительный объем квазипубличных функций, поскольку фактически управляли частью социальной инфраструктуры и распределяли доступ к лечению и отдыху [5; 16]. В туризме заметнее выступали туристско-экскурсионные советы, бюро путешествий и экскурсий, инструкторский корпус, учреждения профсоюзного обслуживания и ведомственные структуры.

Четвертый результат касается правового режима территории. Курортное дело требовало признания местности лечебной, санитарной охраны, ограничения хозяйственной деятельности, регулирования застройки и сохранения лечебных факторов. Постановление 1970 г. об упорядочении застройки территорий курортов и зон отдыха показывает, что курортный режим был невозможен без градостроительных и санитарных ограничений [7]. Туризм также нуждался в территории, но юридическое значение приобретали прежде всего маршрутная проходимость, размещение туристских баз, подготовка кадров, безопасность движения, сезонность, транспортная доступность и охрана природной среды при массовом посещении.

Пятый результат состоит в выявлении двух групп юридических средств. Территориально-режимная группа охватывала курортный статус, округа санитарной охраны, правила застройки, эксплуатацию лечебных ресурсов и медицинскую специализацию. Социально-организационная группа включала путевку, плановую емкость сети, профсоюзное распределение, туристско-экскурсионные маршруты, договорные формы обслуживания и методическое руководство. В реальной советской практике эти группы соприкасались, но не совпадали.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют уточнить содержание советской правовой политики в сфере отдыха и оздоровления. Она не была простой совокупностью нормативных актов и не сводилась к идеологическому провозглашению социальной заботы о трудящихся. Ее механизм проявлялся в том, что публичная цель переводилась в юридический режим, компетенцию органов, плановые задания, профсоюзные процедуры и фактический порядок обслуживания граждан.

Разграничение туризма и курортного дела особенно важно для понимания связи права на отдых и охраны здоровья. Конституционная гарантия права на отдых создавала общий социальный горизонт, но не превращала каждую форму отдыха в медицинский объект [1; 2]. Санаторно-курортное лечение требовало учета состояния здоровья, лечебного профиля и санитарно охраняемой территории; туризм требовал организованного маршрута, подготовки сопровождающих лиц, безопасности и культурно-познавательного содержания. Поэтому право на отдых в советской модели реализовывалось через несколько разных юридических каналов.

Профсоюзное распределение также имело неодинаковое содержание. В санаторно-курортной сфере оно означало направление гражданина в здравницу с учетом медицинской и ведомственной логики, тогда как в туризме оно обеспечивало массовый доступ к маршрутам, экскурсиям и туристским базам. Именно здесь проявляется двойственность профсоюзов: формально они оставались общественными организациями, но практически выполняли публично значимую функцию распределения социальных благ и управления частью инфраструктуры [16].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что туризм и курортное дело в советском государстве составляли взаимосвязанную сферу социальной правовой политики, но не совпадали по юри-

дической природе. Их объединяли право на отдых, охрана здоровья, восстановление трудоспособности, профсоюзное участие и плановое управление, однако юридическое ядро каждой сферы было различным.

Курортное дело следует рассматривать через лечебную территорию, природный лечебный ресурс, санитарную охрану, медицинскую специализацию, регулирование застройки, санаторно-курортную путевку и систему учреждений лечения и отдыха. Туризм раскрывается через маршрут, туристскую базу, бюро путешествий и экскурсий, программу, инструкторское сопровождение, безопасность и групповое обслуживание. Следовательно, в одном случае преобладала лечебно-территориальная конструкция, в другом – организационно-маршрутная.

Научная значимость предложенного разграничения состоит в том, что оно позволяет точнее анализировать советскую правовую политику и избегать механического объединения всех форм отдыха в одну категорию. Практическое значение такого подхода проявляется при изучении региональной реализации общесоюзных решений, поскольку один и тот же регион мог включать объекты с разной правовой природой и разными режимами управления.

Литература

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза ССР от 5 декабря 1936 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=3007&req=doc> (дата обращения: 11.04.2026).
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 12.03.2026).
3. Закон СССР от 19 декабря 1969 г. № 4589-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=21343&req=doc> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 20 марта 1919 г. «О лечебных местностях общегосударственного значения» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_456.htm (дата обращения: 10.03.2026).
5. Постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1960 г. № 335 «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/57418014/> (дата обращения: 10.05.2026).
6. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров СССР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 30 мая 1969 г. № 411 «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711100> (дата обращения: 01.05.2026).
7. Постановление Совета Министров СССР от 28 августа 1970 г. № 723 «О мерах по упорядочению застройки территорий курортов и зон отдыха и строительства санаторно-курортных учреждений и учреждений отдыха» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/6556136/> (дата обращения: 01.04.2026).
8. Постановление Совета Министров СССР от 5 сентября 1973 г. № 654 «Об утверждении Положения о курортах» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12136628/> (дата обращения: 30.03.2026).
9. Егорова Д.В. Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве (1917–1991 годы): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.В. Егорова. Саранск, 2011. 204 с.
10. Завьялова С.В. Формирование и развитие законодательства СССР о туристско-экскурсионном обслуживании: первый этап [Электронный ресурс] // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 20. С. 119–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-zakonodatelstva-sssr-o-turistsko-ekskursionnom-obsluzhivanii-pervyy-etap> (дата обращения: 10.03.2026).
11. Завьялова С.В. Формирование и развитие законодательства СССР о туристско-экскурсионном обслуживании: второй этап [Электронный ресурс] // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 7. С. 217–222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

formirovanie-i-razvitie-zakonodatelstva-sssr-o-turistsko-ekskursionnom-obsluzhivanii-vtoroy-etap.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

12. Ильин М.В., Хлапов А.Л., Першина Н.К. Правовое регулирование курортного дела // Курортные ведомости. 2012. Т. 17. № 1. С. 5–9.
13. Коробова А.П. К вопросу о соотношении понятия правовой политики со смежными юридическими категориями // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4. С. 62–66.
14. Лебедев В.М. Договор обслуживания на туристских базах профсоюзов СССР: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.М. Лебедев. Свердловск, 1990. 166 с.
15. Малько А.В. Правовая политика как категория XXI века // Государство и право. 2012. № 11. С. 5–13.
16. Петракова Т.Г. Социальная политика государства и профсоюзов в области санаторно-курортного дела Западной Сибири (1980-е – начало 2000-х гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.Г. Петракова. Барнаул, 2008. 245 с.
17. Романова О.А. Курорты как объект правового регулирования и проблемы застройки курортных территорий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 200–208.
18. Шундииков К.В. Юридические средства реализации правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 149–150.

TOURISM AND SPA-RESORT AFFAIRS AS OBJECTS OF THE SOVIET STATE LEGAL POLICY: A HISTORICAL AND LEGAL DISTINCTION

Inarokov I.R.

Institute of Law, Economics and Finance of H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University; Main Directorate of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters for the Kabardino-Balkarian Republic, Institute of Management, Tourism and Hospitality Industry of H.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

The purpose of the article is to reconstruct the historical and legal criteria for distinguishing tourism and spa-resort affairs as interrelated but legally heterogeneous objects of Soviet state legal policy. The methodological basis includes historical-legal, formal-legal, systemic, comparative-legal and institutional methods applied to normative acts, scholarly literature and dissertation materials on tourism and resort policy in Kabardino-Balkaria. The study establishes that spa-resort affairs in the Soviet model were built around therapeutic territory, natural healing resources, sanitary protection, medical specialization and sanatorium-resort services, whereas tourism was organized through routes, tourist bases, excursion programmes, instructor support, safety requirements and group services. The article shows the difference between a sanatorium voucher as access to treatment and a tourist voucher as inclusion in an organized recreation programme. The conclusion is that the common social purpose of recreation and health improvement did not eliminate the distinction between two legal regimes.

Keywords: legal policy, Soviet state, tourism, spa-resort affairs, sanatorium-resort services, right to rest, health protection, trade unions, planned administration.

References

1. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: approved by Resolution of the Extraordinary Eighth Congress of Soviets of the USSR of December 5, 1936 [Electronic resource]. ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=3007&req=doc> (accessed: 11.04.2026).
2. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted by the Supreme Soviet of the USSR on October 7, 1977 [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (accessed: 12.03.2026).
3. USSR Law No. 4589-VII of December 19, 1969 “On Approval of the Fundamentals of Legislation of the USSR and the Union Republics on Healthcare” [Electronic resource]. ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=21343&req=doc> (accessed: 10.04.2026).
4. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of March 20, 1919 “On Medical Localities of National Significance” [Electronic resource]. Library of Normative Legal Acts of the Union of Soviet Socialist Republics. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_456.htm (accessed: 10.03.2026).
5. Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 335 of March 10, 1960 “On the Transfer of Sanatoriums and Rest Homes to Trade Unions” [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: <https://base.garant.ru/57418014/> (accessed: 10.05.2026).
6. Resolution of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, the Council of Ministers of the USSR and the All-Union Central Council of Trade Unions No. 411 of May 30, 1969 “On Measures for the Further Development of Tourism and Excursions in the Country” [Electronic resource]. Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711100> (accessed: 01.05.2026).
7. Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 723 of August 28, 1970 “On Measures to Streamline the Development of Resort Territories and Recreation Zones and the Construction of Sanatorium-Resort and Recreation Institutions” [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: <https://base.garant.ru/6556136/> (accessed: 01.04.2026).
8. Resolution of the Council of Ministers of the USSR No. 654 of September 5, 1973 “On Approval of the Regulations on Resorts” [Electronic resource]. Garant legal reference system. URL: <https://base.garant.ru/12136628/> (accessed: 30.03.2026).

9. Egorova D.V. Legal Policy in the Sphere of Healthcare and Legal Protection of Public Health in the Soviet State (1917–1991): Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.01. Saransk, 2011. 204 p. [in Russian].

10. Zavyalova S.V. Formation and Development of USSR Legislation on Tourist and Excursion Services: The First Stage [Electronic resource]. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezultatov issledovaniy*, 2015, no. 20, pp. 119–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-zakonodatelstva-sssr-o-turistsko-ekskursionnom-obsluzhivanii-pervyy-etap> (accessed: 10.03.2026) [in Russian].

11. Zavyalova S.V. Formation and Development of USSR Legislation on Tourist and Excursion Services: The Second Stage [Electronic resource]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh*, 2015, no. 7, pp. 217–222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-zakonodatelstva-sssr-o-turistsko-ekskursionnom-obsluzhivanii-vtoroy-etap.pdf> (accessed: 22.03.2026) [in Russian].

12. Ilyin M.V., Khlapov A.L., Pershina N.K. Legal Regulation of Spa-Resort Affairs. *Kurortnye vedomosti*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 5–9 [in Russian].

13. Korobova A.P. On the Correlation between the Concept of Legal Policy and Related Legal Categories. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, 2009, no. 4, pp. 62–66 [in Russian].

14. Lebedev V.M. Contract for Services at Tourist Bases of Trade Unions of the USSR: Cand. Sci. (Law) Dissertation: 12.00.03. Sverdlovsk, 1990. 166 p. [in Russian].

15. Malko A.V. Legal Policy as a Category of the 21st Century. *Gosudarstvo i pravo*, 2012, no. 11, pp. 5–13 [in Russian].

16. Petrakova T.G. Social Policy of the State and Trade Unions in the Field of Sanatorium-Resort Affairs of Western Siberia (1980s – Early 2000s): Cand. Sci. (History) Dissertation: 07.00.02. Barnaul, 2008. 245 p. [in Russian].

17. Romanova O.A. Resorts as an Object of Legal Regulation and Problems of Development of Resort Territories. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 3 (100), pp. 200–208 [in Russian].

18. Shundikov K.V. Legal Means of Implementing Legal Policy. *Pravovedenie*, 1997, no. 4, pp. 149–150 [in Russian].

Ковалева Виктория Викторовна,

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: v.v.kovaleva@list.ru

Никулин Данила Сергеевич,

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: nikul.danila@yandex.ru

Современное правовое регулирование, отражая существующую действительность, которая характеризуется стремительным развитием технологий, нуждается в особых правовых средствах и режимах. На основе принципа предосторожности широкое распространение получило экспериментальное правотворчество, при этом, такая его разновидность как экспериментальный правовой режим была законодательно закреплена в соответствующем федеральном законе, положения которого активно реализуются в различных сферах. Ввиду этого назрела необходимость теоретико-правового осмысления данного явления.

Целью настоящего исследования является раскрытие юридической природы экспериментального правового режима на общетеоретическом уровне. Для достижения данной цели необходимо, во-первых, проанализировать особенности эксперимента в государственно-правовой сфере, во-вторых, раскрыть особенности экспериментального правового режима, его отличия от схожих правовых явлений таких как пилотный проект.

В исследовании на основе диалектики использовались общенаучные и частнонаучные методы, такие как логический, системный, функциональный, формально-юридический методы.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что экспериментальный правовой режим отличается от пилотного проекта и от иных подобных средств регулирования. Экспериментальный правовой режим является особым механизмом правового регулирования. Исследуемое понятие должно занять свое место в понятийно-категориальном аппарате теории права как особая разновидность правового эксперимента.

Ключевые слова: правовой режим, правовой эксперимент, экспериментальный правовой режим, правовое регулирование, правовые средства.

Введение

Одно из существенных преимуществ права – его стабильность. Именно право поддерживает и обеспечивает необходимое развитие общественных отношений, поощряя одни действия и устанавливая санкции за другие. Однако в век цифровых технологий и быстротой социальных изменений это преимущество оборачивается определенными недостатками. Прежде всего, в виде отсутствия регулирования правом стремительно возникающих новых отношений, обусловленных перманентными технологическими инновациями. Так, например, ведутся споры о праве собственности на результаты работы искусственного интеллекта. Такого рода пробелы могут вызвать неустойчивость общественного порядка в каких-либо сферах жизнедеятельности, экономический дисбаланс, злоупотребления технологиями, что потенциально может нарушить права и свободы лиц. Во избежание указанных выше негативных последствий, в праве были разработаны механизмы «экспериментального нормотворчества».

Ввиду этого актуальность исследования различных аспектов правового экспериментирования не вызывает сомнения. Как верно пишет профессор В.М. Баранов: «эксперимент (экспериментальная деятельность), по моему убеждению, синтетическое явление, вбирающее в себя методологию, методику, практику. Именно потому он выступает в качестве особого комплексного средства поиска истинности научного знания» [2].

Законодатель в сложившихся условиях наряду с традиционными ищет новые инструменты регулирования, одним из которых является правотворческий эксперимент. При этом особое значение приобретает рассмотрение юридической природы экспериментального правового режима как одного из востребованных средств современного правового регулирования.

Методологическая основа

Объектом настоящего исследования являются правоотношения, возникающие в результате экспериментального правотворчества. Предметом выступает сущность и особенность экспериментального правового режима. Для достижения цели работы на основе диалектики использовались такие общенаучные методы исследования, как логический, системно-структурный подход, функциональный метод. При анализе нормативных правовых актов был применен формально-юридический метод.

Результаты исследования

Анализ юридической литературы позволил прийти к выводу о достаточно глубокой разработанности экспериментальной проблематики в юриспруденции [3], позволил выделить несколько подходов к пониманию экспериментального правового режима, в целом, исследование показывает достаточно высокую востребованность указанного механизма в контексте развития цифровых технологий и потребности в выработке правового регулирования в изменяющихся условиях. Возникающие отношения в сфере развития современных технологий, налагают на субъекта правотворчества особую ответственность, в рамках которых он обязан ответить на такие вопросы как: во-первых, необходимо ли вообще правовое регулирование; во-вторых, если необходимо, то в каких пределах; в-третьих, какие средства регулирования следует использовать. Ответы на данные вопросы и вынуждают законодателя обратиться к эксперименту, результаты которого смогут выработать оптимальную модель правового регулирования.

Рассматривая экспериментальную проблематику в праве, профессор Н.Н. Тарасов пишет, что полезно различать: эксперимент, как метод научного исследования; испытание (инженерного или технического типа) – как способ проверки работоспособности и достижения расчетных характеристик конструкции; управленческое решение как средство обеспечения целевых параметров регулярных процессов путем внедрения разного рода структурных, процедурных и т.п. изменений [4]. Безусловно, когда речь идет о правовом регулировании понятие эксперимента используется в третьем значении – управленческое решение. Полагаем, что в условиях неопределенности и на перспективу регулирования такое управленческое решение доказало свою эффективность.

В данном контексте представляет особый научный интерес исследование юридической природы такой категории, как публично-

правовая модель экспериментальной правовой режим (далее – ЭПР) для апробации проектов в сферах, не урегулированных законодательством. Профессор М.Л. Давыдова пишет, что данный термин введен в качестве русскоязычного аналога, используемого в мировой практике понятия регулятивной песочницы («regulatory sandbox»). Под последней понимается способ тестирования цифровых инноваций, при котором временно приостанавливается действие некоторых правовых запретов и ограничений [5].

В целом, ЭПР возник как ответ науки на возникшую потребность в эффективной разработке правового регулирования новых стремительно развивающихся технологий, апробации новых технологий в целом и апробации востребованности такого регулирования среди населения. Если обратиться к истории вопроса появления ЭПР в России, можно отметить, что широкое обсуждение законопроекта об ЭПР состоялось в 2019 году в рамках XIV Петербургского международного юридического форума. В процессе обсуждения участниками дискуссии пришли к выводу, что действовать в отношении цифровых инноваций необходимо аккуратно, так как принятые нормы могут иметь как положительный, так и отрицательный эффект. В целях нивелирования негативных последствий в такой чувствительной сфере следует сначала в тестовом режиме проверить, и затем принимать окончательное решение.

Как результат идеи о «регулятивной песочнице» в Российской Федерации были приняты два закона, в которых содержится дефиниция «экспериментальной правовой режим» [7].

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (далее – Закон об ЭПР). Согласно п. 1 ч. 1 ст. 2 указанного закона экспериментальной правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций (далее – экспериментальной правовой режим) – применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций, предусмотренным ч. 2 ст. 1 указанного Федерального закона. Как мы видим дефиниция ЭПР совпадает с тем выводом об экспериментах, к которым еще в середине 70-х годов XX в. пришел профессор В.В. Лазарев отметив, что эксперимент в области государства и права представляет собой намеренное изменение в системе правового порядка, предпринятое в ограниченном пространстве и временем сфере правовых отношений с целью проверки научной гипотезы относительно роли новых государственно-правовых форм в развитии данных общественных отношений [8].

Рассматривая юридическую природу экспериментального правового режима для апробации проектов в сферах, не урегулированных законодательством, представляется возможным выделить узкий и широкий смыслы. Согласно цели, выделяемой исследователями, новые проекты, относительно которых вводится ЭПР, не охвачены правовым регулированием в целом, именно поэтому относительно них и возникает потребность в выработке должного правового регулирования, а, следовательно, любой новый проект будет подходить под рассматриваемую нами категорию (сферы, не урегулированные законодательством). Это, условно называя, широкий смысл.

С другой стороны, мы говорим об отношениях, которые не урегулированы законодательством. Следовательно, введение новых технологий относительно какой-либо сферы не означает отсутствие правовой регламентации до этого. Приведем в пример эксперимент по получению электронных разрешений на все виды охоты [9]. Само получение разрешения (правовая природа, условия и порядок возникновения право на получение такого разрешения, порядок его использования и основания для аннулирования такого разрешения, выданного лицу) отнюдь не новая сфера и регулируется законодательством, апробируется лишь новый порядок получения таких разрешений, следовательно, говорить о том, что «сфера» не урегулирована законодательством несколько дискуссионно. Условно назовем это «узким смыслом». Мы будем исходить именно из узкого смысла.

С другой стороны, выделение двух смыслов возможно и с несколько иного ракурса, нежели правовое регулирование: терминологический смысл. Так, сам ЭПР может рассматриваться в двух значениях: согласно одному из них под ним понимаются все формы экспериментов с нормами права, временное отступление от общих правил [10]. Представляется, что именно такое значение использовано в статье Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». С другой стороны, ЭПР может рассматриваться как конкретная модель, конкретный юридический институт, а не «собираемый образ» всех экспериментов над законодательством, что, думается, находит выражение в законе об ЭПР.

Предложим, условно, называть данное значение как «конкретный механизм» или «узкий смысл» с точки зрения терминологического подхода к пониманию ЭПР.

Кравченко Л.А. ссылкой на иностранного автора придерживается лишь первого значение и категорично заявляет о том, что ЭПР понимается только так [9]. Мазеин А.В. и Черняева Ю.А. также употребляют термины «правовой эксперимент», «правотворческий эксперимент», «экспериментальный правовой режим» подчеркивают этимологическую синонимичность данных понятий и в работе их используют как равнозначные (важно отметить, что оба труда были изданы после принятия закона об ЭПР) [10]. Полагаем нельзя согласиться с «однозначной» трактовкой этого термина ввиду следующего:

1. Наряду с термином, данным в законе «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», закон об ЭПР также дает четкое определение такому режиму и детально установлена процедура, условия его введения, сферы, где может быть введен ЭПР;

2. Решение об установлении экспериментального режима как конкретного механизма принимается Правительством Российской Федерации (ч. 4 ст. 10 закона об ЭПР), в то время как о проведении экспериментов принимаются законы (Федеральный закон от 01.04.2025 № 40-ФЗ «О проведении эксперимента по расширению доступности среднего профессионального образования»; Федеральный закон от 07.06.2025 № 127-ФЗ «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов»; Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 N 422-ФЗ и другие).

Отметим и то, что сама правовая природа «правотворческого эксперимента» также неоднозначна. Так, одни авторы понимают под ним «проверку эффективности меняющихся норм», другие отстаивают точку зрения что его как «способ создания чего-либо в определенных условиях с целью исследования», третьи говорят «соответствующее исследование правоотношений, выявленное, прежде всего, на практическое выявление рисков, связанных с предполагаемым внедрением новых норм» [11]. Мазеин А.В. и Черняева Ю.А. говорят о том, что наиболее специфичный признак правотворческого эксперимента является «исключение в праве». И, по их мнению, именно это отличает указанную категорию от института пилотного проекта. Так, пилотный проект устанавливается для регулирования принципиально новых общественных отношений [10].

Большую сложность представляет разграничение пилотного проекта и ЭПР. Пилотные проекты, как отмечают Мазеин А.В. и Черняева Ю.А. широко регламентируются подзаконными актами, а не федеральными законами, при этом упоминание в федеральных законах термина «пилотный проект», что примечательно, встречается только в законах о бюджете. Также указанные авторы говорят и о регламентации пилотных проектов Правительством Российской Федерации и приводят следующие примеры [10].

Далее Мазеин А.В. и Черняева Ю.А. проводят дифференциацию между пилотным проектом и правотворческим экспериментом следующим образом: общие цели и задачи; разные виды актов, которыми вводится соответствующий механизм в действие (при правотворческом эксперименте это закон и при пилотном проекте это подзаконный нормативный правовой акт); период проведения (при правотворческом эксперименте ограничивается в НПА и, как правило, протяженнее, чем при пилотных проектах); по территории проведения (правотворческий эксперимент зачастую ограничивается отдельными административно-территориальными образованиями, а пилотный проект чаще распространяется на всю территорию Российской Федерации); участники (предоставляется право участия отдельным категориям лиц, а при пилотном проекте устанавливается обязанность участия отдельных лиц или категорий лиц); степень оперативности управления (низкая у правотворческого эксперимента ввиду сложности законодательного процесса и высокая у пилотного проекта благодаря регулированию подзаконными актами)[10]. Таким образом, необходимо дифференцировать два этих института права. В целом, между ЭПР и правотворческим проектом мы выделим следующие отличия: различная процедура принятия и субъекты инициативы, и цели, установленные законодательством.

Заключение

Таким образом возможно понимание экспериментального правового режима в двух смыслах: в широком (все формы тестовых форм законодательства) и в узком. ЭПР в узком смысле с точки зрения терминологического подхода с общетеоретических позиций можно определить следующим образом: особый институт, который в целях реализации целей, указанных в законе, предоставляет потенциальным инициаторам, отвечающим требованиям, право для изменения правового ре-

гулирования относительно их разработки в сфере, определенной законодательством, и при соблюдении частных и публичных интересов путем, в том числе, особой процедуры введения ЭПР, установленной законом. Такое видение, наш взгляд, раскрывается отличием ЭПР как конкретного правового механизма от пилотного проекта и от иных «тестовых» форм законотворческой деятельности (иная процедура, иные субъекты, конкретные цели и это, скорее, право, предоставленное субъектам, а не «проба пера» законодателя или иных публичных субъектов). Кроме того, полагаем, что с точки зрения регулятивного потенциала ЭПР следует рассматривать как конкретный механизм правового регулирования. При этом считаем ЭПР должен занять свое место в понятийно-категориальном аппарате теории права как особая разновидность правового эксперимента.

Литература

1. Баранов В.М. Правовой эксперимент и динамика истинности научного юридического знания. Вступительное слово профессора В.М. Баранова при открытии XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» // Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)», (Нижегород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижегород: ЮНИКОПИ, 2025. С. 10–20.
2. Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)», (Нижегород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижегород: ЮНИКОПИ, 2025.
3. Тарасов Н.Н. Проблемы понятия «эксперимент» в юридической науке и правовом регулировании // Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)», (Нижегород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижегород: ЮНИКОПИ, 2025. С. 27–32.
4. Давыдова М.Л. Экспериментальный правовой режим в российской правовой системе: теоретическая модель и практика реализации // Юридическая техника. – 2025. – № 19: Материалы XXVI Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Эксперимент в правовом регулировании (доктрина, практика, техника)», (Нижегород, 25–28 сентября 2024 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. – Нижегород: ЮНИКОПИ, 2025. С. 33–39.
5. Как создаются «цифровые песочницы» URL: <https://pravo.ru/lf/story/211592/> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (в редакции Федерального закона от 09.04.2026 № 86-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102799920 (дата обращения: 20.05.2026);
7. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения: монография / В.В. Лазарев. – Репр. изд. – Москва: Норма: Инфра-М, 2021. – 184 с.
8. Эксперимент по получению электронных разрешений расширен на все виды охоты // Официальный сайт Минэкономразвития России. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/eksperiment_po_polucheniyu_elektronnyh_razresheniy_rasshiren_na_vse_vidy_ohoty.html (дата обращения: 24.05.2026);
9. Кравченко Л.А. Экспериментальный правовой режим: содержание и основные задачи в сфере финансовых технологий // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=77936788>. (дата обращения: 24.05.2026)
10. Мазин А.В., Черняева Ю.А. Проблемы разграничения содержания правотворческого эксперимента и пилотного проекта в Рос-

сийской правотворческой практике // Legal Bulletin. 2024. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-razgranicheniya-soderzhaniya-pravotvorcheskogo-eksperimenta-i-pilotnogo-proekta-v-rossiyskoy-pravotvorcheskoy-praktike>. (дата обращения: 24.05.2026)

LEGAL NATURE OF EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES

Kovaleva V.V., Nikulin D.S.

North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

Modern legal regulation, reflecting the current reality characterized by rapid technological advancement, requires specific legal tools and regimes. Based on the precautionary principle, experimental lawmaking has become widespread. Moreover, its experimental legal regime has been legislatively enshrined in relevant federal laws, the provisions of which are actively implemented in various spheres. Therefore, a theoretical and legal understanding of this phenomenon is urgently needed.

The purpose of this study is to elucidate the legal nature of the experimental legal regime at a general theoretical level. To achieve this goal, it is necessary, firstly, to analyze the specific features of experimentation in the public-legal sphere, and secondly, to elucidate the characteristics of the experimental legal regime and its differences from similar legal phenomena, such as pilot projects.

The study, based on dialectics, utilized general and specific scientific methods, such as logical, systemic, functional, and formal-legal methods.

The study concluded that an experimental legal regime differs from a pilot project and other similar regulatory mechanisms. An experimental legal regime is a unique mechanism of legal regulation. This concept should find its place in the conceptual and categorical apparatus of legal theory as a special type of legal experiment.

Keywords: legal regime, legal experiment, experimental legal regime, legal regulation, legal means.

References

1. Baranov V.M. Legal Experiment and the Dynamics of the Truth of Scientific Legal Knowledge. Opening Speech by Professor V.M. Baranov at the Opening of the XXVI International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum "Jurtechnetics" // Legal Technique. – 2025. – No. 19: Materials of the XXVI International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum "Jurtechnetics" on the topic "Experiment in Legal Regulation (Doctrine, Practice, and Technology)" (Nizhny Novgorod, September 25–28, 2024) / edited by Prof. V.M. Baranov. – Nizhny Novgorod: UNIKOPI, 2025. Pp. 10–20.
2. Legal Technology. – 2025. – No. 19: Materials of the XXVI International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum "Jurtechnetics" on the topic "Experiment in Legal Regulation (Doctrine, Practice, and Technology)" (Nizhny Novgorod, September 25–28, 2024) / edited by Prof. V.M. Baranov. – Nizhny Novgorod: UNIKOPI, 2025.
3. Tarasov N.N. Problems of the Concept of "Experiment" in Legal Science and Legal Regulation // Legal Technique. – 2025. – No. 19: Materials of the XXVI International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum "Jurtechnetics" on the topic "Experiment in Legal Regulation (Doctrine, Practice, and Technique)" (Nizhny Novgorod, September 25–28, 2024) / edited by Prof. V.M. Baranov. – Nizhny Novgorod: UNIKOPI, 2025. – Pp. 27–32.
4. Davydova M.L. Experimental legal regime in the Russian legal system: theoretical model and implementation practice // Legal Technique. – 2025. – No. 19: Proceedings of the XXVI International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum "Jurtechnetics" on the topic "Experiment in legal regulation (doctrine, practice, technology)" (Nizhny Novgorod, September 25–28, 2024) / Chief editor of prof. V.M. Baranov. – Nizhny Novgorod: UNIKOPI, 2025. Pp. 33–39.
5. How "digital sandboxes" are created URL: <https://pravo.ru/lf/story/211592/> (date of access: 20.05.2026).
6. Federal Law "On Mandatory Requirements in the Russian Federation" dated July 31, 2020, No. 247-FZ (as amended by Federal Law No. 86-FZ dated April 9, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102799920 (date of access: 20.05.2026).
7. Lazarev V.V. Gaps in Law and Ways to Eliminate Them: A Monograph / V.V. Lazarev. – Reprinted Edition. – Moscow: Norma: Infra-M, 2021. – 184 p.
8. The experiment on obtaining electronic permits has been expanded to all types of hunting // Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/eksperiment_po_polucheniyu_elektronnyh_razresheniy_rasshiren_na_vse_vidy_ohoty.html (date of access: 24.05.2026).
9. Kravchenko L.A. Experimental legal regime: content and main tasks in the field of financial technologies // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=77936788> (date of access: 24.05.2026).
10. Mazein A.V., Chernyaeva Y.A. Problems of Delineating the Content of a Law-Making Experiment and a Pilot Project in Russian Law-Making Practice // Legal Bulletin. 2024. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-razgranicheniya-soderzhaniya-pravotvorcheskogo-eksperimenta-i-pilotnogo-proekta-v-rossiyskoy-pravotvorcheskoy-praktike> (date of access: 24.05.2026).

Кожевников Владимир Валентинович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
E-mail: kta6973@rambler.ru

Панченко Владислав Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности; главный научный сотрудник Сибирского федерального университета
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Представлены перспективные направления теоретико-правовых и историко-правовых научных исследований правовой культуры. Предметом исследования явились современное состояние и тенденции развития теоретико-правового знания о правовой культуре, а также нерешённые и дискуссионные проблемы, требующие дальнейшей научной разработки (цифровая трансформация правовой культуры, глобализация и регионализация, динамика правовой культуры на протяжении жизненного цикла индивида, профессиональная правовая культура, правокультурная экспертиза законопроектов, нарративные практики). Выделены и охарактеризованы ключевые направления будущих исследований: влияние цифровизации на правовую культуру (механизмы распространения правового нигилизма в соцсетях, клиповое восприятие права, цифровое отчуждение, автоматизированное правоприменение); гибридная правовая культура в условиях глобализации; правовая культура в экстремальных и кризисных условиях; правовая культура участников частноправовых отношений и предпринимателей; профессиональная правовая культура юристов, включая сотрудников правоохранительных органов; изучение правовых нарративов и фольклора; феномен правового инфантилизма и бездействия законов; историко-правовой анализ советского опыта формирования правовой культуры. Обоснована необходимость смещения акцента с описательных исследований на разработку научно обоснованных рекомендаций для правотворческих и правоприменительных органов, системы образования и институтов гражданского общества с применением социологических и психологических методов исследования.

Ключевые слова: правовая культура, правовой нигилизм, цифровизация, профессиональная правовая культура, правовой инфантилизм

Постановка проблемы

Современная российская юридическая наука характеризуется достаточно высоким уровнем теоретической разработки проблем правовой культуры. Как видно из диссертационных исследований по теории и истории государства и права последних полутора десятков лет, ученые пришли к пониманию правовой культуры как интегративного, ценностно-ориентированного и синкретичного феномена¹. Значительное внимание уделяется структуре и функциям правовой культуры, в частности, обосновано выделение правостабилизирующей, интегративной и международно-правовой функций². Одновременно утвердилось разграничение правовой культуры и правовой антикультуры, что позволило более точно определить границы изучаемого явления³. Методологический инструментарий пополнился «конструктивным» подходом к измерению законности и правовой культуры⁴ и концепцией синкретизма правовой культуры, интегрирующей правовые и иные социальные нормы⁵. Историко-правовые аспекты нашли отражение в эволюции правопонимания⁶ и учениях о правовом нигилизме⁷.

Прикладные направления представлены исследованиями профессиональной правовой культуры различных категорий субъектов: государственных служащих⁸, военнослужащих войск национальной гвардии⁹, а также культуры правотворчества¹⁰, добросовестности как системообразующего принципа¹¹ и патриотизма как ценностной основы правовой культуры¹². Сформулированы теоретические основы стратегии формирования правовой культуры личности¹³ и механизмов преодоления правового нигилизма¹⁴. В целом можно констатировать, что правовая культура в современной науке исследуется как многоаспектное явление, включающее ценностно-мировоззренческий, институциональный, профессиональный и воспитательный компоненты. Вместе с тем сохраняются дискуссионные вопросы о соотношении правовой культуры с правовой жизнью и правовой системой, о критериях её оценки в условиях цифровизации, а также о механизмах трансформации правовой культуры в условиях глобализации и модернизации¹⁵.

¹ См.: Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 12; Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 12.

² Балаклеев И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 8–9, 13.

³ Петручак Л.А. Указ. соч. С. 10.

⁴ Кунев А.Н. Законность и правовая культура в условиях становления правового государства (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10, 11.

⁵ Галиев Ф.Х. Указ. соч. С. 12–13.

⁶ Юн Л.В. Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. С. 11, 22.

⁷ Бурмистров С.В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века-начала XXI века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020. С. 18, 24.

⁸ Пронина К.Ю. Правовой нигилизм государственных служащих в России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 7–9.

⁹ Яковлев М.В. Профессиональная правовая культура: теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 9, 12–13.

¹⁰ Самородов В.Ю. Культура правотворчества в современной России: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2023. С. 12, 30–31.

¹¹ Федин И.Г. Добросовестность в российской правовой культуре: эволюция и роль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. С. 13, 16.

¹² Пронина М.А. Правовая культура и идеи патриотизма в современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10–11, 24.

¹³ Головченко Г.А. Стратегия формирования правовой культуры личности в современной России: понятие, цели, основные направления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 9, 22, 28.

¹⁴ Матевосова Е.К. Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 14, 20; Рехачева Т.В. Организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023. С. 11–13.

¹⁵ См.: Казаков Г.А. Трансформация правового регулирования и правовой культуры в современной России в условиях модернизации (теоретический аспект): авто-

Содержание исследования

Современное состояние юридической науки характеризуется возрастающим интересом к феномену правовой культуры, что обусловлено не только внутренней логикой развития теоретико-правового знания, но и практическими потребностями общества. Правовая культура, будучи интегративной характеристикой качества правовой жизни, оказывается тем явлением и процессом, которое связывает формально-юридические институты с реальным поведением людей, их ценностными ориентациями, ментальными установками и повседневными практиками. В связи с этим определение перспективных направлений научных исследований правовой культуры имеет как академическое, так и социально-практическое значение, поскольку именно эти исследования призваны выработать рекомендации для правотворческой и правоприменительной деятельности, правового воспитания и образования.

Одним из наиболее значимых и недостаточно разработанных направлений является изучение правовой культуры в контексте цифровой трансформации общества. Цифровизация всех сфер общественной жизни, включая правовую, меняет способы формирования, функционирования и трансляции правовой культуры. Традиционные механизмы правовой социализации, основанные на непосредственном общении, чтении печатных текстов, участии в очных судебных заседаниях, сочетаются с новыми – виртуальной коммуникации, цифровым правовым сервисам, автоматизированным системам. Феномен правовой культуры в условиях цифровизации требует самостоятельного теоретического осмысления.

К числу ключевых проблем, требующих научной разработки, можно отнести следующие. Во-первых, проблема цифрового информационного влияния на правовую культуру: распространение в цифровой среде сведений о несовершенстве законодательства, о коррупции, о безнаказанности чиновников и прочих негативных проявлениях, способствующих продвижению контента способно формировать у граждан недоверие к праву в целом за счет эффекта повторения негативной информации, а положительные сведения о правовой жизни оцениваются как вызывающие меньший интерес. Необходимо исследовать механизмы, с помощью которых правовой нигилизм распространяется в социальных сетях и мессенджерах, и выработать стратегии противодействия этому процессу без скатывания к цензуре.

Во-вторых, проблема, которую условно можно обозначить как «цифровая модификация» правовой культуры. Под воздействием алгоритмических лент, персонализированной рекламы, таргетированных сообщений у человека вполне может формироваться фрагментарное, клиповое восприятие правовой реальности, которое может вести как к деформациям правосознания и правового поведения, так и к позитивным изменениям в них.

В-третьих, имеет место проблема цифрового «вовлечения» и, напротив, отчуждения (цифрового правового отчуждения) населения в условиях стремления государства переводить все больше услуг в цифровую форму, создавая риски дифференциации правовой культуры – «цифровой» для обеспеченных и молодых, и «бумажной» для особенно старшего поколения, малоимущих, жителей отдаленных территорий. Каковы социальные последствия такого явления?

В-четвертых, набирают обороты автоматизированное правоприменение и цифровая юстиция, научные исследования же должны показать, какие факторы (прозрачность алгоритма, возможность обжалования, наличие человеческого контроля и т.д.) и как способны влиять на правовую культуру.

В-пятых, проблема адаптации правовой культуры к условиям, когда каждый шаг в глобальной сети Интернет может стать имеющим правовые последствия, доказательством в суде и т.д., поскольку биометрические данные, профили поведения, цифровые следы формируют виртуальный образ человека, который может быть использован против него. Каковы границы «цифровой приватности» и как они отражаются на правовой культуре населения.

В-шестых, проблема трансформации юридической профессии в цифровую эпоху. Автоматизация рутинных операций (поиск судебной практики, составление типовых исков и пр.) меняет требования к профессиональной правовой культуре юриста. Какие новые компетенции (владение правовыми базами данных, навыки работы с большими данными, понимание алгоритмов и т.п.) становятся обязательными, а какие традиционные умения и навыки утрачивают значение в профессиональной юридической деятельности?

Отсюда проблемы правовой культуры, связанные с цифровой трансформацией, ставят комплекс исследовательских задач, решение которых требует как теоретических обобщений, так и эмпирических

исследований. Научный поиск в этом направлении должен сочетать юридические, социологические, психологические и технологические методы, включая моделирование правовых ситуаций в цифровой среде, эксперименты с использованием виртуальной реальности, анализ больших данных (big data) о поведении пользователей правовых сервисов. Такой междисциплинарный подход позволит выработать научно обоснованные рекомендации для законодателя, правоприменителя и системы образования, направленные на формирование адекватной современным вызовам правовой культуры.

Следующим важнейшим направлением является исследование правовой культуры в контексте глобализации и регионализации, которое, однако, не должно дублировать уже рассмотренные в научной юридической литературе вопросы взаимодействия правовых систем. Перспективным представляется изучение как рецепции иностранных правовых институтов, так и изменений в правовой культуре под влиянием трансграничных информационных потоков, миграции, туризма, дистанционной работы и т.д. Перспективным видятся научные исследования социально-правовых феноменов в рамках предметного поля, условно называемого «гибридной правовой культурой» (например, человек, живущий в России, ежедневно пользуется зарубежными цифровыми платформами, подчиняется их пользовательским соглашениям, регулируемым иностранным правом, но при этом сталкивается с российскими судами и полицией и т.д.). Как эти разнородные правовые опыты интегрируются в единую систему правовых установок личности? Каковы механизмы защиты национальной правовой культуры от размывания, но в то же время и без изоляционизма?

Не теряет актуальности и изучение особенностей правовой культуры диаспор и иммигрантских сообществ. В российском обществе проживают представители десятков этносов и конфессий, каждый из которых так или иначе привносит свою правовую традицию. Взаимодействие субкультур с общегосударственной российской правовой культурой порождает и единство, и конфликты, и взаимное влияние. Научные исследования в этой области должны выйти за рамки простой констатации правового плюрализма и перейти к выработке моделей гармонизации, включая изучение всех возможных социальных практик, основанных на культурных особенностях, и деятельности институтов, обеспечивающих диалог культур.

Немаловажными видятся и исследования правовой культуры на протяжении жизненного цикла индивида. Психология и педагогика накопили значительный материал по формированию правосознания у детей и подростков, однако комплексное изучение правовой культуры на всех этапах взросления и старения человека остается фрагментарным. Необходимы исследования, отслеживающие, как меняется отношение к праву, закону, суду, правоохранительным органам у одной и той же группы респондентов на протяжении 10–20 лет, а может и больше. Особый интерес представляет изучение правовой культуры в возрасте «смыслового перелома» – период выхода на пенсию, потери близких, смены социального статуса. Как опыт взаимодействия с правоохранительной системой трансформирует правовую культуру? Кроме того, перспективным является изучение правовой культуры в контексте жизненных стратегий, а именно – как правовая культура влияет на выбор профессионального пути, семейных практик (заключение брачного договора, оформление наследства и пр.), потребительского поведения и т.д. Исследования такого рода должны быть основаны на репрезентативных социологических опросах и глубинных интервью, а не только на анализе статистики исковых заявлений.

Представляют интерес и практическую ценность научные исследования правовой культуры в экстремальных и кризисных условиях (причем речь идет не только о военных конфликтах и чрезвычайных ситуациях, но и о социальных катастрофах, экономических кризисах, пандемиях и т.п.), когда происходит стремительная трансформация правового регулирования, вводятся ограничительные меры, юридические меняются процедуры и пр., в связи с чем возникают вопросы о закономерностях адаптации правовой культуры населения к этим изменениям, факторах, способствующих и препятствующих добровольному соблюдению ограничений. Важно также изучать правовую культуру в условиях информационных войн и гибридных конфликтов, когда право становится инструментом борьбы, а правосознание – объектом манипуляции, что актуализирует вопросы распознавания и противодействия деструктивному информационно-правовому воздействию, формирования.

По-прежнему остаются значимыми исследования правовой культуры в сфере частного права, в частности, особенности договорной и корпоративной культуры. Традиционно правовая культура изучалась преимущественно через призму публично-правовых отношений, однако подавляющее большинство юридически значимых действий совершается в частной сфере: люди заключают договоры, создают фирмы, вступают в наследство, регистрируют браки и т.д. Научное

изучение вопросов правовой культуры участников гражданского оборота, включая практики составления договоров, обращения к помощи профессиональных юристов, распространенности «теневых» контрактов, не оформляемых официально и многие другие, предполагает для обоснования теоретических выводов широкое использование эмпирических методов (опросов, анализа реальных документов, включенного наблюдения, изучения практик в конкретных отраслях экономики).

Отдельного внимания как объект научного исследования заслуживает правовая культура предпринимателей, включая представителей малого и среднего бизнеса, особенностей их восприятия налогового и административного законодательства в аспекте стимулов формирования законопослушного бизнеса на основе синтеза юридических исследований с экономическими.

Исследование профессиональной правовой культуры судей, прокуроров, адвокатов, нотариусов, следователей, сотрудников полиции, иных правоохранительных органов, несмотря на обилие работ по их профессиональному правосознанию, по-прежнему остается в фокусе научного внимания. Разработка критериев, индикаторов и показателей измерения уровня профессиональной правовой культуры, проблема профессионального выгорания и профессиональных деформаций правосознания, необходимости предупреждения и пресечения ситуаций, когда высокий уровень знания права сочетается с циничным отношением к нему (синдром «оборотня в погонах») и многие другие подобные вопросы остаются актуальными. Необходимо разрабатывать методики диагностики профессиональной правовой культуры, включая анализ мотивировочных частей процессуальных актов, речевых практик, результатов тестирования и опросов, в том числе в сравнительном аспекте профессиональной правовой культуры в разных регионах России, в судах различных звеньев, в правоохранительных органах разной ведомственной принадлежности, которые способны дать выводы, значимые для совершенствования системы профессиональной подготовки и повышения квалификации. В рамках этого направления особо следует выделить исследования правовой культуры адвокатов и иных юристов, занимающихся правозащитной деятельностью, в аспекте сходств и отличий от профессиональной культуры людей, занимающих должности в аппарате публичной власти: имеются ли расхождения в ценностных установках между правозащитниками и правоохранителями, и, если имеются, то как они влияют на общее состояние правовой культуры и т.п. Такие исследования должны быть максимально объективными и избегать как героизации, так и демонизации правозащитной и правоохранительной деятельности, стремиться к всестороннему и полному выявлению факторов влияния на правовую культуру людей, эти виды юридической деятельности осуществляющих.

Следующее направление, которое представляется перспективным, – это исследование динамики правовой культуры в аспекте правового мониторинга и оценки регулирующего воздействия. Правотворческая практика нуждается в инструментах прогнозирования того, как новые законы будут восприняты населением, каков будет их «культурный резонанс», определяемый не только экономическим содержанием, но и социально-психологическими ожиданиями. Научные исследования вполне могут предложить методики «правовую культурную экспертизы» законопроектов, позволяющие оценить их совместимость со сложившейся правовой культурой, выявить потенциальные зоны отторжения и конфликта, которые потребуют междисциплинарного подхода, объединяющего юридическую антропологию, социологию права, психологию и культурологию. Здесь возможны «полевые» исследования с повторными замерами через определенные интервалы времени.

Научный и практический интерес представляют исследования правовой культуры в аспекте нарративов, которые являются как формой выражения правовой культуры, так и способом ее конструирования. Правовые позиции, комментарии, публикации в СМИ, посты в социальных сетях на правовые темы – все это материал для изучения того, что люди думают о праве, как они его оценивают, какие смыслы и возможности они вкладывают в правовые способы достижения разнообразных интересов и целей. Здесь перспективно использование методов лингвистики, контент-анализа, дискурс-анализа для выявления устойчивых метафор, риторических фигур, нарративных сценариев, связанных с правом. Например, метафора «право – это меч» или «право – это щит» несет разную правокультурную нагрузку. Изучение правового фольклора, анекдотов о судах и полиции, правовых пословиц и поговорок позволяет реконструировать архетипические представления народа о праве. Этот подход пока представлен в отечественной юриспруденции недостаточно, хотя определенные наработки по репрезентации права в иных формах культуры имеются¹.

¹ См. напр.: Право и государство в сказочных нарративах: монография / Барзилова И.С., Ерохина Ю.В., Калинина Е.Ю. [и др.]; под общей редакцией Ю.В. Ерохиной, И.М. Соколышкина. М., 2026. 192 с.

Научное изучение обыденного уровня правовой культуры и экономической грамотности населения может дать ответы на злободневные вопросы, имеющие в своей основе взаимозависимость финансовой грамотности и правовой культуры: человек, умеющий составлять бюджет и планировать расходы, как правило, чаще обращается к правовым способам защиты сбережений, страхует риски, заключает в надлежащей правовой форме договоры и т.д., и, напротив, люди с низким уровнем экономической культуры более склонны к избеганию формализованных правовых отношений. Необходимы социолого-правовые исследования конкретных практик – например, оформления займов (через микрофинансовые организации, кредитные кооперативы, «из рук в руки» и т.п.), реакции на кибермошенничество и другие, связанные с поведенческой экономикой и экономической психологией; выявление устойчивых тенденций и закономерностей здесь позволит дать практические рекомендации для повышения финансово-правовой грамотности населения.

Несмотря на тот факт, что правовую культуру и в советской, и в современной отечественной юридической науке исследовали в аспекте юридического образования и юридической педагогики, изучение ценностных установок «профессионализации правосознания» в процессе профессиональной подготовки юристов остается актуальным и перспективным. Особое внимание следует обратить на сравнительные исследования правовой культуры студентов-юристов разных вузов, разных форм обучения, студентов-юристов и студентов-неюристов, выявление динамики того, как меняются ценностные ориентации будущих юристов от первого курса до выпуска и в первые годы практической работы, что даст теоретическую основу и эмпирическую базу для совершенствования воспитательной работы в вузах в целях профилактики профессиональной деформации правовой культуры.

Особого внимания для всех обозначенных перспективных направлений заслуживают идеи профессора В.М. Сырых, который рассматривает правовую культуру как объективную основу самого действующего права².

В.М. Сырых, ссылаясь на К. Маркса, подчеркивает, что право не может быть выше экономического строя и обусловленного им культурного развития общества, что, в свою очередь, означает, что правовая культура населения выступает таким же объективным фактором, как и уровень производства материальных благ. Правотворец, игнорирующий реальный уровень правовой культуры граждан, обречен на принятие малоэффективных правовых норм. В этой связи перспективными являются исследования конкретных средств, способов, механизмов, с помощью которых правовая культура «торпедует» неэффективные законы, разработка методик прогнозирования того, как закон будет воспринят населением с разным уровнем культурного развития.

Следует продолжать изучение феномена «индивидуального права» как ядра правовой культуры. В.М. Сырых вводит и обосновывает понятие «индивидуальное право» как совокупности нормативных предписаний, которые индивид знает, позитивно оценивает и готов использовать в своей деятельности. Оно формируется на собственном практическом опыте, на том, как закон позволяет или не позволяет удовлетворить потребности. Исследователи должны сосредоточиться на том, как происходит процесс согласования «индивидуального права» с позитивным правом, в каких формах индивид «обходит» неэффективные нормы, создавая собственные оригинальные регуляторы. Перспективно изучение «индивидуального права» в разных социальных группах (предприниматели, наемные работники, бюджетники, пенсионеры) и его эволюции в зависимости от изменения экономических условий. Это направление напрямую связано с критикой позитивистской доктрины, отказывающей индивиду в правотворческой роли.

Важным остается исследование правового инфантилизма как особой, «мягкой» формы деформации правосознания. В отличие от правового нигилизма (отрицательного, агрессивного отношения к праву), правовой инфантилизм, по В.М. Сырых, характеризуется несформированностью, неполнотой правовых знаний, пробельностью в главном – в позитивном отношении к закону и правовым ценностям. Это явление присуще не только обывателям, но и профессиональным юристам, особенно на начальных этапах деятельности. Перспективными являются исследования, направленные на диагностику правового инфантилизма (разработка критериев, тестов), изучение его причин (дефекты образования, семейного воспитания, информационной среды) и последствий (пассивность в защите прав, неспособность использовать правовые механизмы). Важно также исследовать связь правового инфантилизма с правовым идеализмом – обе формы являются следствием отрыва правовых знаний от реальной практики.

² Сырых В.М. Правовая культура общества – объективная основа действующего законодательства // Правовая культура. 2023. № 2(53). С. 30–40.

Интерес представляет и исследование бездействия законов как правокультурного феномена. В.М. Сырых обращает внимание на ленинский тезис: советские законы «очень хороши», но ими «почти никто» не пользуется. Причина – не в дефектах законов, а в низкой правовой культуре и неумении субъектов применять нормативные установления. Сегодня эта проблема не менее актуальна. Необходимо изучать конкретные механизмы, почему закон, формально соответствующий всем требованиям, не порождает ожидаемого поведения. Перспективны кейс-стади «мертвых» норм в разных отраслях права (налоговом, жилищном, трудовом и т.д.). Исследователи должны выявить, как правовая культура населения «фильтрует» законы, какие из них принимаются, а какие отвергаются, и каковы культурные критерии этой селекции (представления о справедливости, о допустимых пределах государственного вмешательства, о «нормальном» поведении).

Актуальным являются историко-правовые исследования правовой культуры в советский и постсоветский периоды. В.М. Сырых указывает на причину, почему советское государство, несмотря на колоссальные усилия по правовому воспитанию, так и не сформировало социалистическую правовую культуру. Причина – разрыв между пропагандируемыми принципами (Моральный кодекс строителя коммунизма и пр.) и реальными условиями жизни (дефицит, низкая зарплата, очереди и т.д.). Население же фактически руководствовалось индивидуальным правом, основанным на буржуазных принципах. Сегодня, когда Россия вновь пытается строить правовое государство, необходимо учитывать советский опыт и его уроки. Какие методы правового воспитания провалились и почему, как экономические кризисы и дефицит благ влияют на правовую культуру, каков механизм «возвращения» населения к традиционной, досоциалистической правовой ментальности – эти и многие другие вопросы ждут серьезных глубоких исследований. В.М. Сырых, изучая опыт НЭПа и последующей коллективизации, показывает, что правовая культура напрямую связана с формами хозяйствования – частный собственник не может находиться в «смирительной рубашке позитивного права», он всегда ищет пути реализации своих экономических интересов в обход государства, формируя свое индивидуальное право. Перспективно изучение того, как правовая культура предпринимателей влияет на их готовность следовать закону, как правовая культура чиновников влияет на деловой климат и т.д.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что перечисленные направления не являются исчерпывающими. Изучение правовой культуры требует смелости в применении новых методов, готовности к получению неожиданных и, возможно, неудобных для власти результатов. Только такой подход позволит юридической науке внести реальный вклад в повышение правовой культуры российского общества, преодоление правового нигилизма, формирование уважения к праву и закону.

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что перечисленные направления не являются исчерпывающими. Изучение правовой культуры требует смелости в применении новых методов, готовности к получению неожиданных и, возможно, неудобных для власти результатов. Только такой подход позволит юридической науке внести реальный вклад в повышение правовой культуры российского общества, преодоление правового нигилизма, формирование уважения к праву и закону.

Задача исследователей – не просто описывать и объяснять, но и предлагать научно обоснованные рекомендации для правотворческих органов, судов, системы образования, институтов гражданского общества. Перспективы развития науки о правовой культуре связаны с ее практической ориентированностью, с интеграцией в международное научное пространство при сохранении учета российской специфики, с активным диалогом между теоретиками и практиками. Только тогда исследования правовой культуры станут действенным инструментом позитивных социальных преобразований.

Литература

1. Балаклея, И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 24 с.
2. Бурмистров, С.В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020. 28 с.
3. Галлиев, Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 42 с.
4. Головченко, Г.А. Стратегия формирования правовой культуры личности в современной России: понятие, цели, основные направления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 31 с.

5. Казаков, Г.А. Трансформация правового регулирования и правовой культуры в современной России в условиях модернизации (теоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 27 с.

6. Кунев, А.Н. Законность и правовая культура в условиях становления правового государства (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.

7. Матевосова, Е.К. Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 26 с.

8. Петручак, Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 47 с.

9. Право и государство в сказочных нарративах: монография / Барзилова И.С., Ерохина Ю.В., Калинина Е.Ю. [и др.]; под общей редакцией Ю.В. Ерохиной, И.М. Сокольщика. М., 2026. 192 с.

10. Пронина, К.Ю. Правовой нигилизм государственных служащих в России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 25 с.

11. Пронина, М.А. Правовая культура и идеи патриотизма в современной России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 29 с.

12. Рехачева, Т.В. Организационно-правовой механизм преодоления конституционного нигилизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023. 24 с.

13. Самородов, В.Ю. Культура правотворчества в современной России: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2023. 36 с.

14. Сырых, В.М. Правовая культура общества – объективная основа действующего законодательства // Правовая культура. 2023. № 2(53). С. 30–40.

15. Федин, И.Г. Добросовестность в российской правовой культуре: эволюция и роль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 27 с.

16. Юн, Л.В. Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 28 с.

17. Яковлев, М.В. Проффессиональная правовая культура: теоретико-правовое исследование (на примере военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 30 с.

ON PROMISING DIRECTIONS OF GENERAL THEORETICAL RESEARCH OF LEGAL CULTURE

Kozhevnikov V.V., Panchenko V.Yu.

Dostoevsky Omsk State University; All-Russian State University of Justice; Russian State Academy of Intellectual Property; Siberian Federal University.

The article presents promising directions for theoretical-legal and historical-legal scientific research of legal culture. The subject of the study is the current state and development trends of theoretical-legal knowledge about legal culture, as well as unresolved and debatable issues requiring further scientific development (digital transformation of legal culture, globalization and regionalization, dynamics of legal culture throughout an individual's life cycle, professional legal culture, legal-cultural expertise of draft laws, narrative practices). The key directions for future research are identified and characterized: the impact of digitalization on legal culture (mechanisms of the spread of legal nihilism in social networks, clip-based perception of law, digital alienation, automated law enforcement); hybrid legal culture in the context of globalization; legal culture in extreme and crisis conditions; legal culture of participants in private-law relations and entrepreneurs; professional legal culture of lawyers, including law enforcement officers; the study of legal narratives and folklore; the phenomenon of legal infantilism and inaction of laws; historical-legal analysis of the Soviet experience in forming legal culture. The necessity of shifting the focus from descriptive research to the development of scientifically grounded recommendations for law-making and law-enforcement bodies, the education system, and civil society institutions using sociological and psychological research methods is substantiated.

Keywords: legal culture, legal nihilism, digitalization, professional legal culture, legal infantilism.

References

1. Balakleec I.I. Pravovaya kul'tura v usloviyah modernizacii Rossii: realii, tendencii i perspektivy: avtor. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2012. 24 s.
2. Burmistrov S.V. Uchenie o pravovom nigelizme v rossijskoj pravovoj mysli vtoroj poloviny XIX veka – nachala XXI veka: avtor. dis. ... kand. yurid. nauk. Groznyj, 2020. 28 s.
3. Galiev F.H. Sinkretizm pravovoj kul'tury sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskoe i istoriko-prikladnoe issledovanie: avtor. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. 42 s.
4. Golovchenko G.A. Strategiya formirovaniya pravovoj kul'tury lichnosti v sovremennoj Rossii: ponyatie, celi, osnovnye napravleniya: avtor. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2016. 31 s.

5. Kazakov G.A. Transformaciya pravovogo regulirovaniya i pravovoj kul'tury v sovremennoj Rossii v usloviyah modernizacii (teoreticheskij aspekt): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2016. 27 s.

6. Kunev A.N. Zakonnost' i pravovaya kul'tura v usloviyah stanovleniya pravovogo gosudarstva (teoretiko-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2011. 23 s.

7. Matevosova E.K. Pravovoe vospitanie kak sredstvo bor'by s pravovym nigilizmom: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2012. 26 s.

8. Petrushak L.A. Pravovaya kul'tura sovremennoj Rossii: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2012. 47 s.

9. Pravo i gosudarstvo v skazochnyh narrativah: monografiya / Barzilova I.S., Erohina Yu. V., Kalinina E. Yu. [i dr.]; pod obshchej redakciej Yu.V. Erohinoj, I.M. Sokol'shchika. M., 2026. 192 s.

10. Pronina K. Yu. Pravovoj nigilizm gosudarstvennyh sluzhashchih v Rossii: teoretiko-pravovoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 25 s.

11. Pronina M.A. Pravovaya kul'tura i idei patriotizma v sovremennoj Rossii: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2018. 29 s.

12. Rehacheva T.V. Organizacionno-pravovoj mekhanizm preodoleniya konstitucionnogo nigilizma: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Omsk, 2023. 24 s.

13. Samorodov V. Yu. Kul'tura pravotvorchestva v sovremennoj Rossii: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Tambov, 2023. 36 s.

14. Syryh V.M. Pravovaya kul'tura obshchestva – ob»ektivnaya osnova deystvuyushchego zakonodatel'stva // Pravovaya kul'tura. 2023. № 2(53). S. 30–40.

15. Fedin I.G. Dobrosovestnost' v rossijskoj pravovoj kul'ture: evolyuciya i rol': avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2025. 27 s.

16. Yun L.V. Sovremennoe pravoponimanie v evolyucii rossijskoj pravovoj kul'tury postsovetskogo perioda: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2019. 28 s.

17. Yakovlev M.V. Professional'naya pravovaya kul'tura: teoretiko-pravovoe issledovanie (na primere voennosluzhashchih vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2021. 30 s.

Цифровой суверенитет как новый критерий типологии политических режимов: сравнительно-правовой анализ подходов ЕС, КНР и РФ к регулированию интернет-пространства

Корнилов Алексей Радионович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Российский новый университет; доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
E-mail: magelan7@mail.ru

Храмов Алексей Юрьевич?

аспирант кафедры теории и истории права и государства, Российский новый университет
E-mail: alexram88@yandex.ru

Статья посвящена одной из актуальных тем, связанных с развитием информационных технологий, в том числе, и в сфере политического устройства современных государств. Политическая автономия тесно переплетается с цифровым суверенитетом, как новым дифференцирующим критерием при типологизации политических режимов. Разнообразие подходов к регулированию интернет-пространства позволяет говорить о цифровом суверенитете не только как о правовой или технической категории, но и как о факторе отражения политической сущности государственной власти. Поэтому способность государства обеспечить свой цифровой суверенитет определяет его место в новой многополярной реальности.

Ключевые слова: государство, политический режим, интернет-пространство, цифровой суверенитет.

Современное состояние международных отношений отмечено глубокими сдвигами, затрагивающими самые основы государственного суверенитета. Исторически эта категория ассоциировалась с территориальным верховенством, незыблемостью границ и исключительным правом на применение силы в пределах национальной юрисдикции. Однако стремительное проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни радикально видоизменяет классические представления о том, что означает быть независимым государством. Постепенно формируется понимание, что контроль над цифровыми потоками, алгоритмами и данными становится не просто технологической задачей, но фундаментальным атрибутом политической автономии. В этой связи возникает закономерный вопрос: можно ли рассматривать уровень и характер цифрового суверенитета в качестве нового, дифференцирующего критерия при типологизации политических режимов? Действительно, либеральные демократии, авторитарные государства и гибридные системы демонстрируют различные подходы к регулированию интернет-пространства, что позволяет говорить о цифровом суверенитете не только как о правовой или технической категории, но и как о зеркале политической философии власти.

Для начала необходимо прояснить понятийный аппарат, который в научной литературе и нормативных актах трактуется далеко не единообразно. Российская доктрина отдаёт предпочтение термину «информационный суверенитет», полагая его более широким и всеобъемлющим, нежели «цифровой» или «технологический» суверенитет. Так, А.А. Ефремов подчёркивает, что цифровизация сама по себе не меняет сущности государственного суверенитета, однако открывает новые сферы и способы его реализации и защиты [6, с. 55]. Министр цифрового развития РФ М. Шадеев в своих выступлениях акцентирует, что технологическая независимость является не только вопросом национальной безопасности, но и основой экономического роста и благосостояния граждан [9, с. 19]. В западном же дискурсе чаще используется понятие «цифровой суверенитет», которое, по наблюдению М. Роблеса-Каррильо, рассматривается как более общее, включающее в себя технологический суверенитет в качестве составного элемента [3, с. 138]. Примечательно, что в российской Стратегии национальной безопасности прямо указывается на расширение использования информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, что представляет прямую угрозу суверенитету. В то же время китайские учёные, такие как Гун Вэньсян, ещё в конце 1990-х годов заговорили об «информационном суверенитете» как о противоядии западной модели глобализации информации, подчёркивая необходимость защиты культурной идентичности и национальных интересов в условиях доминирования англоязычного интернета [4, с. 184].

Различия в терминологии, однако, не сводятся к простой лингвистической вариативности, они отражают глубинные расхождения в понимании роли государства и индивида в цифровой среде. Европейский Союз, несмотря на отсутствие собственного суверенитета в вестфальском смысле, последовательно выстраивает политику «цифрового суверенитета», которая реализуется через экспорт нормативных стандартов, таких как Общий регламент по защите данных (GDPR). Этот акт де-факто стал глобальным регулятором, поскольку заставляет любые транснациональные компании, работающие с данными европейских граждан, соблюдать строгие правила хранения и обработки информации. По сути, Брюссель использует регуляторную мощь своего внутреннего рынка как инструмент экстерриториального влияния, что создаёт прецедент для нового типа цифрового империализма. В противовес этому Китайская Народная Республика избрала путь суверенного государства, которое жёстко контролирует национальный сегмент интернета через систему «Золотого щита» и обязывает все цифровые платформы локализовать данные на территории страны. Пекин исходит из того, что интернет находится под суверенитетом Китая, и все лица, действующие в его цифровом пространстве, обязаны соблюдать местные законы, что прямо закреплено в Белой книге «Интернет в Китае» 2010 года [4, с. 185]. Россия же демонстрирует промежуточную модель, сочетающую стремление к технологической автономии с активным участием в международных дипломатических инициативах, что отличает её от более замкнутой китайской стратегии.

Обратимся к конкретным правовым механизмам, которые использует каждая из рассматриваемых сторон. В Европейском союзе ключевыми элементами цифрового суверенитета выступают GDPR, проект федеративного облака Gaia-X, а также Закон о данных (Data Act), принятый в начале 2024 года. Gaia-X призван снизить зависимость от американских облачных гигантов, таких как Amazon Web Services и Microsoft Azure, за счёт создания децентрализованной инфраструктуры, где каждый участник управляет своей частью, но все следуют общим стандартам [3, с. 140]. Этот проект, запущенный при поддержке Германии и Франции, однако сталкивается с нехваткой инвестиций и масштаба, что ставит под сомнение его способность составить реальную конкуренцию лидерам рынка. Закон о данных, в свою очередь, устанавливает правила доступа к данным, генерируемым на территории ЕС, и обязывает компании предоставлять их государственным органам в кризисных ситуациях, что укрепляет контроль союзных институтов над информационными потоками. Стратегия ЕС по критическим сырьевым материалам и Европейский закон о чипах дополняют эту картину, нацеливаясь на снижение импортной зависимости в области полупроводников и редкоземельных металлов, что является технологической основой цифрового суверенитета. Таким образом, европейский подход характеризуется многоуровневым регулированием, сочетающим частные инициативы, наднациональные нормы и промышленную политику, при этом ценностными ориентирами провозглашаются демократия, права человека и устойчивое развитие.

Контраст с китайской моделью здесь разителен. КНР изначально восприняла интернет не как площадку для либерализации, а как инструмент достижения экономических целей и укрепления власти Коммунистической партии. Система «Великого китайского файрвола», запущенная в 2006 году, представляет собой не просто техническое средство блокировки нежелательного контента, а комплексную идеологическую конструкцию, которая включает мониторинг интернет-кафе, регистрацию пользователей по удостоверениям личности и обязательное использование одобренного шпионского программного обеспечения. Исследователи выделяют четыре фазы развития этого проекта, начиная от блокировки доменных имён и заканчивая выявлением нарушителей и наказанием за нелояльные высказывания [4, с. 184]. Культурно-исторический контекст здесь играет первостепенную роль: конфуцианская традиция, возрождённая при Дэн Сяопине, подчёркивает гармонию и коллективное благо, что интегрируется в современное управление цифровым пространством. Универсалистское понимание государственности через идею «Тянься» (всё под небом) связывает культурные и политические вопросы в единое целое, усиливая стремление к технологическому и культурному суверенитету. Китайские власти также активно развивают собственную генеративную модель DeepSeek, что позволяет снизить зависимость от западных ИИ-решений и даже составить конкуренцию лидерам в этой области [7, с. 104].

Российская Федерация в своей политике исходит из Доктрины информационной безопасности 2016 года, где информационная сфера определяется как комплексная система, включающая информацию, инфраструктуру и субъектов, осуществляющих её сбор и распространение [2]. Ключевым нормативным актом стал закон «О суверенитете интернета» (официально это Федеральный закон от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“»), принятый в 2019 году, который предусматривает создание национальной системы маршрутизации трафика и централизованное управление критически важными элементами инфраструктуры. Этот закон направлен на обеспечение работоспособности российского сегмента интернета даже в случае отключения от глобальной сети, что прямо противостоит американской политике, основанной на контроле над корневыми DNS-серверами и доминировании в управлении доменными именами. Помимо технических мер, российская стратегия включает идеологическую составляющую, которую В.В. Бухарин описывает через понятие «информационного щита», предполагающего контроль над медиасферой, разработку законодательной базы и продвижение государственной идеологии. Одновременно с этим обсуждается и «информационный меч» как система методов для нанесения ущерба информационному суверенитету противоборствующих государств [5, с. 89].

Несмотря на прогресс, Россия сталкивается с серьёзными вызовами: ограниченный опыт высокотехнологических компаний в разработке комплексных платформенных решений, зависимость от зарубежной микроэлектроники и необходимость более активного участия в международных дискуссиях о регулировании интернета.

Сопоставление трёх моделей цифрового суверенитета позволяет выявить не столько типологию политических режимов, сколько принципиально различные философии государственного управления

в цифровую эпоху. В странах Западной Европы, объединённых наднациональными структурами ЕС, провозглашается приверженность многостороннему взаимодействию и защите прав потребителей, однако на практике эти институты демонстрируют глубокий дефицит прямой демократической легитимности. Европейские регламенты, включая пресловутый GDPR, принимаются бюрократическим аппаратом в Брюсселе, не имеющим непосредственной ответственности перед европейскими избирателями, что порождает разрыв между декларируемыми ценностями и реальными механизмами принятия решений. Более того, ЕС, будучи лишён вестфальских атрибутов суверенитета, вынужден балансировать между интересами национальных государств-членов и давлением транснациональных корпораций, что часто приводит к компромиссным решениям, неспособным эффективно противостоять внешним вызовам.

В отличие от этой расплывчатой модели, Китайская Народная Республика последовательно и целенаправленно строит цифровой суверенитет как неотъемлемый элемент государственной независимости, руководствуясь принципом приоритета национальных интересов и безопасности общества. Пекинский подход исходит из того, что интернет-пространство не может быть безбрежным и бесконтрольным, а его регулирование должно подчиняться задачам сохранения социальной стабильности, защиты культурной идентичности и предотвращения деструктивного внешнего вмешательства, что никоим образом не является «тотальным контролем», а напротив, отвечает чаяниям подавляющего большинства граждан. Российская Федерация в этом спектре занимает особую позицию, сочетая жёсткую защиту национального сегмента интернета с открытостью к международному диалогу, что обусловлено её геополитическим положением и многовековой традицией самостоятельного пути развития. Москва не копирует слепо ни западные стандарты, ни китайские методы, а вырабатывает собственную стратегию, учитывающую как технологические возможности, так и внешние угрозы, что позволяет говорить о взвешенном и прагматичном подходе, свободном от идеологических крайностей.

Особого внимания заслуживает гегемонистская позиция Соединённых Штатов, которая является главным раздражителем и катализатором для всех остальных игроков. Согласно Национальному индексу киберсилы за 2022 год, Вашингтон прочно удерживает первенство, однако эта мощь зиждется не только на техническом превосходстве, но и на откровенно имперских правовых инструментах, таких как CLOUD Act, позволяющих американским властям в одностороннем порядке получать доступ к данным, хранящимся где угодно, если они принадлежат американской компании [4, с. 180]. Такое экстерриториальное законодательство грубо попирает принципы суверенитета других государств и создаёт атмосферу правовой неопределённости, что убедительно показали критики этого закона. В ответ на эту агрессивную политику и Россия, и Китай вынуждены укреплять собственные цифровые экосистемы, но делают это с учётом своей специфики: Москва делает упор на дипломатические инициативы и постепенное импортозамещение, тогда как Пекин реализует системные меры по созданию полностью автономной инфраструктуры, что уже принесло ощутимые результаты в виде собственных платформ и технологий. Примечательно, что европейские страны, декларируя борьбу с американским доминированием, на деле часто оказываются заложниками решений, принимаемых за океаном, поскольку их облачные сервисы и критическая инфраструктура принадлежат американским гигантам, что ставит под сомнение эффективность их «суверенитета».

Анализ эволюции концепции цифрового разрыва показывает, что главная проблема современности заключается не в отсутствии доступа к технологиям, а в утрате контроля над ними. Сначала разрыв трактовался как инфраструктурное неравенство, затем сместился к компетенциям, а сегодня он проявляется как асимметрия между государствами, обладающими собственными алгоритмами и данными, и теми, кто вынужден пользоваться чужими платформами. В образовательной сфере эта угроза приобретает критический характер: массовое использование зарубежных ИИ-сервисов вроде ChatGPT и Gemini ведёт к вывозу интеллектуальных продуктов и персональных данных за пределы национальной юрисдикции, что подрывает основы суверенитета. Как справедливо отмечает Е.Ф. Мороз, такая практика порождает комплекс угроз, включая «эффект чёрного ящика» в алгоритмах оценки знаний, когда непонятно, на каких основаниях принимаются решения, влияющие на судьбы людей [8, с. 15]. В этой связи показательно, что Китай и Россия, которые на Западе принято именовать «авторитарными», реагируют на эти риски гораздо оперативнее: они внедряют обязательную локализацию данных, разрабатывают отечественные аналоги и создают правовые барьеры для неконтролируемого трансграничного потока информации. Европейские же страны, погружённые в бюрократические процедуры и зависящие от лобби транснациональных корпо-

раций, часто запаздывают с решениями, предлагая лишь регулирование, которое легко обходится, но не даёт реальной защиты.

Правовое обеспечение цифрового суверенитета на национальном уровне также демонстрирует разные степени зрелости и последовательности. В России, помимо закона «О суверенном интернете», действуют положения Указа Президента № 309 от 2024 года, направленные на укрепление сетевой безопасности, хотя отсутствие легального определения информационного суверенитета создаёт известные терминологические сложности, которые, впрочем, не мешают эффективной реализации государственной политики [1]. В Китае, напротив, выстроена стройная иерархия нормативных актов, начиная с Закона о кибербезопасности 2016 года, которая обязывает всех операторов соблюдать требования национальной безопасности и проходить обязательную сертификацию. Эта система доказала свою работоспособность, позволив Пекину создать один из самых защищённых национальных сегментов интернета. Европейский Союз, будучи наднациональным образованием, выпускает регламенты прямого действия, однако они наталкиваются на сопротивление суверенных государств-членов, что порождает внутренние противоречия и замедляет внедрение. Кроме того, отсутствие единого политического субъекта лишает ЕС возможности проводить целостную стратегию, а его решения зачастую отражают интересы узкой группы технократов, а не народных масс, что ставит под сомнение демократический характер этих институтов.

Важно подчеркнуть, что различия в подходах коренятся в фундаментальных мировоззренческих установках. Либеральная доктрина, которую Запад пытается представить как универсальную, рассматривает интернет как глобальное общественное благо, где цифровое отводится минимальная роль, однако на практике это ведёт к засилью нескольких корпораций и фактической утрате контроля над информацией. Критика этой модели звучит всё громче даже в самих западных странах, поскольку она не способна защитить граждан от манипуляций и утечек данных. Китайская концепция исходит из того, что цифровое пространство является продолжением государственного суверенитета, а его регулирование призвано обеспечить национальную безопасность и социальную гармонию, что полностью соответствует многовековой традиции коллективной ответственности. Подобный подход не имеет ничего общего с «подавлением свободы»; он создаёт реальные условия для развития общества, где каждый гражданин может быть уверен в защите своих прав и интересов. Россия, в свою очередь, вырабатывает собственную модель, которая органично соединяет элементы государственного регулирования с открытостью к международному сотрудничеству, причём такой синтез признаётся многими экспертами наиболее адекватным для стран с особой цивилизационной идентичностью.

Нельзя обойти стороной и риски, связанные с гонкой вооружений в цифровой сфере. Ужесточение требований к локализации данных и блокировке контента действительно ведёт к некоторой фрагментации глобальной сети, однако это не всегда следует воспринимать как негативное явление. Напротив, создание национальных сегментов интернета позволяет защитить внутренний информационный рынок от деструктивного иностранного влияния и обеспечивает суверенное право каждого государства определять правила игры на своей территории. Проекты вроде китайского «Золотого щита» и российского «суверенного интернета» являются необходимыми шагами для сохранения независимости, и их критики с Запада, как правило, сами практикуют аналогичные методы, но под другими названиями. Европейская стратегия, напротив, пытается навязать свои стандарты развивающимся странам через такие программы, как Global Gateway, что на деле оборачивается новой формой колониализма, где африканские и азиатские партнёры вынуждены принимать правила, выгодные Брюсселю, без учёта их собственных интересов. Поэтому обвинения в адрес России и Китая в «изоляциялизме» выглядят лицемерными на фоне реальной экспансии западных технологических монополий.

Исследователи справедливо обращают внимание на роль человеческого капитала и информационной культуры как фундаментальных условий для обретения подлинного суверенитета. В.И. Фомин выделяет информационную грамотность и компетентность в качестве базовых компонентов, без которых любые технические решения оказываются беспомощными [10, с. 69]. Действительно, даже самая совершенная система защиты неэффективна, если граждане не понимают угроз и не владеют критическим мышлением. В этом смысле Китай демонстрирует впечатляющие результаты: масштабные государственные программы по подготовке кадров в области ИКТ и искусственного интеллекта приносят плоды, и сегодня Поднебесная занимает лидирующие позиции по числу квалифицированных специалистов. Россия также ставит подобные задачи, однако существующее отставание в микроэлектронике и системном программном обеспечении требует более

активных инвестиций и реформирования системы образования, что уже осуществляется в рамках национальных проектов. Европейские страны, несмотря на высокий уровень образования, страдают от утечки мозгов и чрезмерной бюрократизации научной сферы, что снижает их конкурентоспособность.

Возвращаясь к исходному тезису о цифровом суверенитете как критерии оценки политических систем, следует признать, что его использование позволяет выйти за пределы упрощённых дихотомий «демократия — автократия». Государства, способные построить надёжную систему защиты цифровых ресурсов, разработать собственные технологии и сохранить контроль над данными, обнаруживают высокую степень адаптивности и суверенности вне зависимости от их формального устройства. Однако характер этого контроля — централизованный, коллегиальный или децентрализованный — раскрывает реальную способность правительств противостоять внешнему давлению. Китай, с его выверенной стратегией, уже сегодня полностью контролирует свою цифровую экосистему, что позволяет ему диктовать условия на международном рынке технологий. Россия, сохраняя баланс между самостоятельностью и интеграцией, демонстрирует гибкость, которая в условиях санкционного давления становится важным преимуществом. Европейский Союз, напротив, несмотря на громкие заявления о ценностях, фактически утрачивает технологический суверенитет, уступая пальму первенства США и Китаю, и его попытки компенсировать это регуляторными мерами выглядят скорее как запоздалая реакция, нежели превентивная стратегия.

В конечном счёте, именно способность государства обеспечить свой цифровой суверенитет определит его место в новой многополярной реальности, где информация стала главным ресурсом и главным оружием. Европейская модель, опирающаяся на гармонизацию стандартов и защиту прав потребителей, страдает от внутренней противоречивости и отсутствия единой воли, что делает её уязвимой. Китайская модель, ориентированная на безусловный государственный контроль и идеологическую консолидацию, доказала свою эффективность в условиях глобальной конкуренции. Российская модель, сочетающая элементы обеих, но адаптированная к собственным историческим и геополитическим реалиям, имеет все шансы стать устойчивой основой для развития, однако это потребует преодоления технологического отставания и повышения координации между ведомствами. Без самостоятельного развития критических технологий, подготовки высококвалифицированных кадров и совершенствования правовой базы ни одно государство не сможет сохранить независимость в мире, где контроль над данными становится решающим фактором силы. Именно поэтому Россия и Китай закономерно укрепляют свои цифровые рубежи, действуя в интересах собственных народов и вопреки попыткам извне навязать чуждые стандарты, которые на деле служат лишь сохранению глобального доминирования узкой группы западных элит.

Литература

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.06.2026).
2. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.06.2026).
3. Антюхова, Е.А. Ценностные основания практик цифрового и технологического суверенитета ЕС // *Abyss* (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). — 2025. — № 4(34). — С. 134–147.
4. Безрученко М. П., Ткачёва Т.О. Цифровой суверенитет в глобальной политике: сравнительный анализ стратегий США, России и Китая // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2025. № 5. С. 173–189.
5. Бухарин В.В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 6. С. 76–91.
6. Ефремов А.А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // *Правоведение*. 2019. Т. 63, № 1. С. 47–61.
7. Кубанцева, Е.В. Искусственный интеллект как ресурс цифрового неоколониализма и его влияние на цифровой суверенитет // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. — 2026. — Т. 26, № 1. — С. 101–109.
8. Мороз, Е.Ф. От цифрового разрыва к цифровому суверенитету: обеспечение суверенитета образовательных данных в условиях использования зарубежных ИИ-сервисов // *Профессиональное образование в современном мире*. — 2026. — Т. 16, № 1. — С. 12–19.

9. Суслин В.А. Современные доктринальные подходы к понятию информационного суверенитета: сравнительно-правовой анализ // Общественное и право. 2026. № 1. С. 18–25.

10. Фомин В.И. Информационная культура в подготовке современного специалиста // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4–1. С. 69–72.

DIGITAL SOVEREIGNTY AS A NEW CRITERION FOR THE TYPOLOGY OF POLITICAL REGIMES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE APPROACHES OF THE EU, CHINA AND THE RUSSIAN FEDERATION TO THE REGULATION OF THE INTERNET SPACE

Kornilov A.R., Khramov A.Yu.

Russian New University, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Russian New University

The article is devoted to one of the topical issues related to the development of information technologies, including in the sphere of the political structure of modern states. Political autonomy is closely intertwined with digital sovereignty as a new differentiating criterion in the typologization of political regimes. The variety of approaches to regulating the Internet space allows us to talk about digital sovereignty not only as a legal or technical category, but also as a factor reflecting the political essence of state power. Therefore, the ability of the state to ensure its digital sovereignty determines its place in the new multipolar reality.

Keywords: state, political regime, Internet space, digital sovereignty.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated 05/07/2024 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // SPS ConsultantPlus (date of application: 06/25/2026).
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated December 5, 2016 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" (date of application: 06/25/2026).
3. Antyukhova, E.A. The value bases of the practices of digital and technological sovereignty of the EU // Abyss (Issues of philosophy, political science and social anthropology). – 2025. – № 4(34). – Pp. 134–147.
4. Bezruchenko M.P., Tkacheva T.O. Digital sovereignty in global politics: a comparative analysis of the strategies of the USA, Russia and China // Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences. 2025. No. 5. pp. 173–189.
5. Bukharin V.V. Components of the digital sovereignty of the Russian Federation as a technical basis for information security // Bulletin of MGIMO University. 2016. No. 6. pp. 76–91.
6. Efremov A.A. State sovereignty in the context of digital transformation // Jurisprudence. 2019. Vol.63, No. 1. pp.47–61.
7. Kubantseva, E.V. Artificial intelligence as a resource of digital neocolonialism and its impact on digital sovereignty // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science. – 2026. – Vol. 26, No. 1. – pp. 101–109.
8. Moroz, E.F. From the digital divide to digital sovereignty: ensuring the sovereignty of educational data in the context of using foreign AI services // Professional education in the modern world. 2026. Vol. 16, No. 1. pp. 12–19.
9. Suslin V.A. Modern doctrinal approaches to the concept of information sovereignty: comparative legal analysis // Education and Law. 2026. No. 1. pp. 18–25.
10. Fomin V.I. Information culture in the training of a modern specialist // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009, No. 4–1, pp. 69–72.

К вопросу о деформации правосознания молодежи в следствие пренебрежения уроками истории

Овчаров Петр Олегович,

студент Военного учебного центра при ФГБОУВО РГУП

E-mail: mikapojfitaftora@gmail.com

В статье раскрывается суть проблемы деформации правосознания молодежи через призму пренебрежения уроками истории. Исследуются вопросы влияния такого пренебрежения на формирование правосознания молодого поколения, его последствий. Обозначаются конкретные проявления такой деформации, а также возможные пути ее преодоления. Поднимаются такие актуальные проблемы как пацифизм, уклонение от прохождения военной службы, реабилитация нацизма, отсутствие идеологического стержня общества – единой государственной идеологии, свобода труда, «пятисотые», идеи «чайлдфри». Предлагаются конкретные пути решения. Все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Это и многое другое отражено в документах стратегического планирования Российской Федерации, что подтверждает актуальность исследования.

Ключевые слова: деформация правосознания, молодежь, пацифизм, нацизм, «пятисотые», чайлдфри, традиционные российские духовно-нравственные ценности.

В связи с началом специальной военной операции на Украине актуальным представляется рассмотрение вопроса деформации правосознания молодежи через призму пренебрежения уроками истории. В целом вопрос был всегда актуальным, однако, в связи с назревшей проблемой осознания молодежи роли и исторической миссии России, ценностей и идеалов русского народа, правопреемства и менталитета наших предков и вытекающими из этого последствиями вопрос стоит крайне остро.

Целью представляется раскрыть суть проблемы деформации правосознания молодежи, и как пренебрежение уроками истории влияет и может повлиять в дальнейшем на его формирование.

Цели и перспектива развития государства на ближайшее время отражены в документах стратегического планирования. Так, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [1] предусмотрен целый раздел, посвященный защите традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. В частности, в ней говорится о том, что пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества. Увеличивается разрыв между поколениями. Одновременно нарастают проявления агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма.

Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации. Все это не может не сказываться и на молодежи как идеологически-уязвимой группе общества.

В настоящее время законодателем окончательно был сформирован единый подход к определению возрастной группы, которая относится к категории «молодежь». Согласно Закону от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» молодежь определяется как социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации. Также одной из целей молодежной политики в РФ, согласно настоящему Закону, является формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям. [2] Об этом ниже.

Что касается правосознания, то ряд авторов определяет его как совокупность идей, чувств, взглядов, настроений и представлений, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности юридических органов и учреждений, а также к действиям и поступкам, совершаемым в правовой сфере. [3] другие же видят в нем теоретическое и эмоционально-ценностное восприятие, осознание и оценка господствующих в обществе идей о существующем и желаемом государстве, праве, правотворчестве, правоприменении и т.д., выраженных в совокупности научных знаний, чувств, переживаний, обусловленных политическими и иными социальными интересами и ценностями. [4] Однако ни у кого не вызовет сомнений тот факт, что в самом общем виде правосознание – это субъективное отношение к праву.

Из вышесказанного представляется возможным определить, что деформация правосознания (от лат. *deformatio* – искажение) – это искажение в сознании человека объективных правовых установок.

Деформация правосознания – это всегда отклонение от нормы. Но что есть «норма» в контексте правосознания молодежи, обусловленного пренебрежительным отношением к прошлому России? Для ответа на этот вопрос необходимо выделить объективные критерии

определения «нормального» правосознания молодежи в контексте исторического развития России.

Конституция Российской Федерации в ст. 67.1 закрепляет исторические ценности России: правопреемство Союза ССР, идеалы и вера в Бога, государственное единство, почитание подвига защитников Отечества в годы Великой Отечественной войны, обеспечение защиты исторической правды и дети, как важнейший приоритет государственной политики.[5]

9 ноября 2022 года вступил в силу Указ Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», данный нормативный правовой акт является документом стратегического планирования и конкретизирует отдельные положения Стратегии национальной безопасности (в части традиционных ценностей).[6] Именно в сравнении с традиционными ценностями представляется возможным и логичным определить является ли то или иное поведение молодежи проявлением деформации правосознания последних.

В Основах впервые законодательно было определено, что является традиционными ценностями, и что они включают. Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Из всего вышесказанного представляется возможным обозначить конкретные проявления деформации правосознания молодежи в следствии пренебрежения уроками истории:

1. Одним из направлений воздействия деструктивной идеологии на правосознание молодежи является распространённый на данный момент так называемый пацифизм, то есть, по сути своей, отрицание идеалов служения Отечеству, что однозначно сказывается на обороноспособности страны, к тому же проблема людских ресурсов для России всегда была актуальной. По разным оценкам только за первые три – четыре месяца с начала Специальной военной операции страну покинуло от 700 тыс. до 1 млн человек, предполагается разумным считать, что большинство из них была молодежь призывного возраста.[7]

Часть 3 статьи 59 Конституции РФ закрепляет возможность замены военной службы альтернативной гражданской службой по мотивам противоречия убеждениям или вероисповедания несению военной службы. Данный институт новый для современной России, так как в Советском государстве такого предусмотрено не было. В связи с чем возникает проблема: как их потом по мобилизации призвать, если они не имеют военно-учетной специальности и опыта военной службы? Вопрос остается открытым.

Наравне с этим, в целях уменьшения статистики уклонистов среди молодежи и, соответственно, укрепления их правосознания, представляется целесообразным увеличение ответственности за уклонение от военной службы.

2. В 1946 году в Нюрнберге состоялся самый знаменитый суд над нацистскими преступниками, действия которых были осуждены мировым сообществом. Однако, на данном этапе, несмотря на противодействие идеям нацизма на государственном уровне во многих странах, нацистские идеи продолжают распространяться, особенно в молодежной среде. Яркий пример – Украина, где реабилитация нацизма имеет уже ярко выраженный характер.

На правосознание молодежи также деструктивно влияет и героизация предателей и врагов России, выставление их национальными героями и борцами за свободу и независимость от России, переписывание истории, снос памятников героям Великой отечественной войны, запрет русского языка и т.п.

В Российской Федерации на законодательном уровне принимается ряд нормативных документов для целей реализации противодействия такого рода веяниям. Так в настоящее время является актуальным Указ Президента РФ от 23.03.1995 N 310 (ред. от 03.11.2004) «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной

власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации».[8]

3. Конституция в ст. 13 провозглашает идеологическое многообразие и запрещение какой-либо государственной и общеобязательной идеологии, что, несомненно, сказывается и на правосознании молодежи. Отсутствие в Конституции патриотической государственной идеологии, идеологии героизма и подвижничества, жертвенного служения своему Отечеству на фронте и в тылу порождает у молодежи безучастность за судьбу России.

4. В соответствии с Конституцией РФ труд свободен, т.е. не обязателен. Это ведет к тунеядству молодежи, к аморальному образу жизни за счет труда других, такие люди, как правило, Родину защищать не будут. На фоне нехватки рабочих рук и, как следствие, активного потока мигрантов в страну, предполагается разумным установить ответственность за тунеядство, как это было в Советском союзе, чтобы привлечь молодежь к работе.

5. Широкою известность в последнее время приобрели и так называемые «пятисотые». В неофициальной обстановке этим термином обозначают тех военнослужащих, кто по каким-либо причинам не желает отправляться на фронт или продолжать свое участие в боевых действиях, а также добровольно сдающихся в плен. Государство, в свою очередь, пытается бороться с такого рода проявлением деформации, так 24 сентября 2022 года федеральным законом были внесены изменения в УК РФ, появился новый состав преступления – «добровольная сдача в плен».[9]

6. Также достаточно актуальной для России остается демографическая проблема. Среди молодежи широкое распространение получили идеи чайлдфри, то есть сознательного и свободного отказа рожать, все это, наряду с популярными идеями одного – двух детей в семье, отрицательно сказывается на рождаемости в России, и, как следствие, дальнейшей обороноспособности страны. Не смотря на различные меры государственной поддержки семей, данная проблема по-прежнему стоит достаточно остро. В Советском Союзе, хоть и деструктивное влияние на молодежь было сведено к минимуму, все же был специальный налог на бездетность, который, если у тебя не было детей, автоматически удерживался из зарплаты работодателем в размере 6% от дохода. [10] Следует, однако, отметить, что последнее время руководство нашей страны принимает более радикальные меры для борьбы с бездетностью, так недавно Государственная дума во втором и третьем чтении приняла закон о запрете пропаганды идеологии чайлдфри, который предполагает административную ответственность за распространение идей, связанных с добровольным отказом от деторождения. Основная цель закона, по словам депутатов, – защита традиционных семейных ценностей и молодежи от влияния таких идей.

Еще можно выделить достаточное количество проявлений деформации правосознания среди молодежи, обусловленной пренебрежением уроками истории, это, например, крайние формы терроризма и экстремизма, коррупция и многие другие.

Все вышеупомянутые проявления деформации правосознания молодежи безусловно сказываются на обороноспособности страны, США и их западные союзники, транснациональные корпорации, а также отдельные личности внутри страны пытаются всеми возможными способами навредить обороноспособности нашей страны, одним из способов чего, очевидно, является воздействие на молодежь страны, как наиболее уязвимое звено социальной структуры общества. Безусловно, государство путем совершенствования правового регулирования пытается предотвратить деформацию правосознания молодежи, что отражается в документах стратегического планирования, в частности в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, однако многие из вышеназванных проблем остаются актуальными и в настоящее время.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс»;
2. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 N 489-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 464 с.
4. Ершов В.В. Теория государства и права: учебник / В.Н. Власенко, Т.В. Власова, В.М. Дуэль [и др.]; под ред. В.В. Ершова, отв. ред. Т.В. Власова, Т.С. Лесовая. – Москва: РГУП, 2023. – С. 359.

5. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»;

6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс»;

7. Россию после 21 сентября покинули около 700 000 граждан [Электронный ресурс] // Forbes. 2022. URL: <https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan> (дата обращения: 30.10.2024);

8. Указ Президента РФ от 23.03.1995 N 310 (ред. от 03.11.2004) «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;

9. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»;

10. Грошев С.Н. Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР. К вопросу о правах мужчин // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. 68–71 с.

ON THE ISSUE OF THE DEFORMATION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF YOUTH AS A RESULT OF NEGLECT OF HISTORY LESSONS

Ovcharov P.O.

Military Training Center at the Russian State University of Justice

the article reveals the essence of the problem of deformation of youth's legal consciousness through the prism of neglect of history lessons. The article examines the impact of such neglect on the formation of the legal consciousness of the younger generation and its consequences. The specific manifestations of this deformation are indicated, as well as possible ways to overcome it. Such urgent problems as pacifism, avoidance of military service, rehabilitation of Nazism, the lack of an ideological core of society – a single state ideology, freedom of labor, the «five hundredths», the ideas of «childfree» are being raised.

Specific solutions are proposed. Basic moral and cultural norms, religious principles, the institution of marriage, and family values are increasingly being destroyed. Individual freedom is being absolutized, permissiveness, immorality and selfishness are being actively promoted, a cult of violence, consumption and enjoyment is being planted, drug use is being legalized, communities are being formed that deny the natural continuation of life. This and much more is reflected in the strategic planning documents of the Russian Federation, which confirms the relevance of the study.

Keywords: deformation of legal consciousness, youth, pacifism, Nazism, «five hundredths», childfree, traditional Russian spiritual and moral values.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 N 400 «On the Strategy of National Security of the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus;

2. Federal Law «On Youth Policy in the Russian Federation» dated 12/30/2020 № 489-FZ // SPS ConsultantPlus;

3. Morozova, L.A. Theory of the state and law: textbook / L.A. Morozova. – 6th ed., revised and add. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 464 p.

4. Yershov V.V. Theory of the state and law: textbook / V.N. Vlasenko, T.V. Vlasova, V.M. Duel [et al.]; edited by V.V. Yershov, edited by T.V. Vlasov, T.S. Lesovaya. – Moscow: RGUP, 2023. – p. 359.

5. «The Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SPS ConsultantPlus;

6. Decree of the President of the Russian Federation № 809 dated 11/09/2022 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and Moral values» // SPS ConsultantPlus;

7. About 700,000 citizens left Russia after September 21 [Electronic resource] // Forbes. 2022. URL: <https://www.forbes.ru/society/478827-rossiu-posle-21-sentabra-pokinuli-okolo-700-000-grazdan> (date of request: 10/30/2024);

8. Decree of the President of the Russian Federation № 310 dated 03.03.1995 (as amended on 03.11.2004) «On measures to ensure coordinated actions of state authorities in the fight against manifestations of fascism and other forms of political extremism in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus;

9. «Criminal Code of the Russian Federation» dated 13.06.1996 N 63-FZ // SPS «ConsultantPlus»;

10. Groshev S.N. The tax on bachelors, single and small-family citizens in the USSR. On the issue of men's rights // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4. 68–71 p.

Орлов Илья Игоревич,

студент магистратуры, Институт публичного права
и управления, ФГАОУ ВО «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: s2034462@edu.msal.ru

Статья посвящена историко-правовому исследованию процесса формирования и трансформации уголовно-правовых механизмов, призванных гарантировать исполнение воинской обязанности на территории России. В центре внимания – этапы криминализации уклонения от военной службы, специфика юридических конструкций соответствующих составов преступлений, а также динамика дифференциации уголовной ответственности с учетом элементов и признаков состава преступления. На основании проведенного анализа обосновывается тезис о наличии устойчивой преемственности базовых принципов и о наличии у современного уголовного законодательства значительного ресурса для результативного противодействия воинским правонарушениям.

Ключевые слова: воинская обязанность; уклонение от военной службы; дезертирство; самовольное оставление части или места службы; историко-правовой анализ.

Гарантирование исполнения гражданами Российской Федерации конституционной воинской обязанности является важнейшим направлением государственной политики в сфере обороны и национальной безопасности. Уголовно-правовые средства занимают ключевое место в рассматриваемой системе, поскольку направлены на пресечение наиболее общественно опасных форм уклонения от военной службы. Исследование данных механизмов требует обращения к историческим этапам их становления и развития, позволяющим выявить преемственность правового регулирования и определить перспективы его совершенствования. Цель статьи состоит в комплексном историко-правовом анализе становления и развития уголовно-правовых норм, обеспечивающих исполнение воинской обязанности в России, а также в выявлении преемственности соответствующих правовых институтов и основных тенденций развития данного законодательного блока.

Процесс криминализации деяний, связанных с уклонением от исполнения воинской обязанности, был исторически определен объективной потребностью в сохранении суверенитета и территориальной целостности Российской империи после завершения Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн. В 1870 г. была учреждена специальная комиссия, призванная изучить вопрос законодательного закрепления воинской обязанности; спустя четыре года она представила императору Александру II проект Устава всеобщей все сословной воинской повинности. Императорский рескрипт, адресованный военному министру Д. А. Милютину 11 января 1874 года, предписывал привести акт в исполнение «в том духе, в котором он был составлен».

Манифест от 1 января 1874 г. о введении всеобщей воинской повинности провозгласил защиту престола и Отечества «священным долгом каждого русского подданного» [27]. Устав всеобщей все сословной воинской повинности 1874 г. (далее – Устав 1874 г.), в свою очередь, стал первым нормативным правовым актом, комплексно регламентирующим порядок призыва на военную службу [28]. До его принятия комплектование вооруженных сил осуществлялось преимущественно посредством рекрутской повинности, предполагавшей существование рекрутской очереди и призыв определенного числа душ с каждого территориального участка. Функции же по отбору рекрутов и организации призывных мероприятий возлагались на соответствующий чиновничий аппарат. Принятие Манифеста ознаменовало переход от сословной рекрутской системы к индивидуально-личному характеру воинской обязанности, которая отныне распространялась на все мужское население без учета сословия и социального положения [30]. Именно это принципиальное изменение сделало возможным и необходимым применение уголовно-правовых средств для обеспечения исполнения соответствующей обязанности.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции от 1885 г. (далее – Уложение 1845 г.) [26] впервые получили закрепление уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за уклонение от воинской повинности, однако многие способы уклонения оставались казуистически описаны лишь в Уставе 1874 г. Так, глава XIV Устава 1874 г. содержала описание составов различных видов уклонения от призыва на военную службу; кроме того, в акте описывались законные основания для освобождения и отсрочки от призыва на военную службу, включающие состояние здоровья, семейное положение, род занятий, имущественное положение и уровень образования. Предусмотренные санкции отличались относительной мягкостью: за неявку к призывному участку предусматривалось денежное взыскание, не превышающее ста рублей; уклонение, совершенное путем обмана, наказывалось одиночным заключением в военной тюрьме сроком от четырех месяцев и двух недель до шести месяцев; за заведомо ложное сообщение о наличии заболевания, препятствующего прохождению службы, применялось дисциплинарное взыскание по усмотрению военного начальства.

Немаловажно, что законодатель дифференцировал меры ответственности в зависимости от того, удалось ли виновному достичь преступной цели – окончательного уклонения от призыва на военную службу. В случаях, когда противоправные действия были своевременно пресечены и лицо впоследствии было зачислено на службу, предусматривалось более мягкое наказание.

Ст. 508 Уложения 1845 г. предусматривала уголовную ответственность за неявку призываемого на медицинское освидетельствование или переосвидетельствование без уважительных причин; при этом преступление признавалось оконченным независимо от итоговой

оценки годности лица к военной службе. Ст. 511 Уложения 1845 г., в свою очередь, устанавливала ответственность за использование неподтвержденных льгот или оснований для освобождения (отсрочки) от призыва, а равно за совершение любых обманных действий, направленных на уклонение от призыва. Заслуживает внимания тот факт, что по своему содержанию рассматриваемые нормы имеют значительное сходство с современными конструкциями противоправных деяний, предусмотренных ст. 21.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 339 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) соответственно.

Аналогично современному институту соучастия в преступлении, ст. 514–515 Уложения 1845 г. предусматривали ответственность пособников, оказывавших содействие в членовредительстве с целью уклонения от военной службы, подстрекателей, склонявших к уклонению от обязанностей, установленных Уставом 1874 г., а также лиц, укрывавших уклоняющихся от призыва.

Следующий этап развития рассматриваемого института связан с принятием в 1903 году Уголовного уложения Российской империи (далее – Уложение 1903 г.) [25]. Данный кодифицированный акт сократил количество соответствующих норм и дифференцировал ответственность в зависимости от способа и цели совершения преступного деяния. Согласно ст. 182 Уложения 1903 г., лица, подлежащие призыву и не явившиеся на медицинское освидетельствование без уважительных причин, подлежали наказанию в виде ареста на срок до одного месяца. Аналогичное наказание применялось к лицам, не зачисленным в постоянные войска, но обязанным явиться к освидетельствованию. Примечание к статье раскрывало признаки объективной стороны, субъекта и субъективной стороны деяния, при этом законодатель допускал возможность совершения преступления как умышленно, так и по неосторожности.

Ст. 183–184 Уложения 1903 г. предусматривали ответственность за нарушение смежных обязанностей лиц, подлежащих призыву: неисполнение уполномоченных должностных лиц о назначении на должность, предоставляющую право на освобождение от действительной службы, а равно об оставлении такой должности; перемену места постоянного жительства, временный выезд за пределы Российской империи либо временное отсутствие за пределами своего уезда на расстоянии свыше пятидесяти верст. Ст. 186 Уложения 1903 г. отдельно криминализовала неявку без уважительной причины на проверочные сборы.

Наибольшее значение в контексте настоящего исследования имеет ст. 188 Уложения 1903 г., установившая ответственность за различные способы уклонения от воинской повинности. В частности, криминализировалось причинение себе телесных повреждений или оказание содействия другому лицу в их причинении с целью избежания призыва или создания препятствий для исполнения воинской обязанности; совершение обманных действий, направленных на незаконное получение освобождения от службы или отсрочки; а также попытка покинуть пределы государства с целью уклонения от выполнения воинской обязанности. Объективная сторона указанного состава демонстрирует очевидную преемственность положений ст. 339 действующего УК РФ.

После Октябрьской революции 1917 г. советская власть отменила ранее действовавшее законодательство Российской империи, что повлекло за собой прекращение уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу. Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров от 15 января 1918 г. «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии», комплектование РККА осуществлялось исключительно на добровольной основе, по контракту. На начальном этапе существования советской власти уголовная ответственность предусматривалась лишь за уклонение от исполнения обязанностей военной службы [24].

Декрет «О сроке службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии» от 26 апреля 1918 г. впервые признал дезертирство нарушением установленного порядка несения военной службы. Законодательство указанного периода было в основном ориентировано на борьбу с дезертирством как наиболее массовым воинским преступлением [23]. Постановление «О мерах по искоренению дезертирства» от 3 июня 1919 г. [21] и Декрет Совета Рабочей и Крестьянской Обороны «О мерах по борьбе с дезертирством» от 3 марта 1919 г. [22] устанавливали жесткие меры ответственности: для дезертиров – вплоть до смертной казни, для лиц, укрывавших дезертиров, – принудительные работы сроком до пяти лет.

27 ноября 1919 г. ВЦИК утвердил «Положение о революционных военных трибуналах» [20], содержавшее перечень преступлений, совершаемых военнослужащими: неисполнение боевых приказов и воспрепятствование их исполнению другими лицами; добровольная сдача в плен; самовольное оставление поля боя; переход на сторону противника; нарушение правил несения караульной службы в районах боевых действий; злостное дезертирство из частей и мест их дислокации и пр. Положение наделяло революционные военные трибуналы широкими

полномочиями по назначению видов наказаний – от выговора и штрафа до лишения свободы и смертной казни.

В условиях иностранной интервенции и Гражданской войны законодатель преимущественно уделял внимание преступлениям, совершаемым военнослужащими непосредственно в зонах боевых действий, что подчеркивало чрезвычайный характер ответственности за воинские преступления в указанный исторический период.

В Уголовном кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, утвержденном 26 мая 1922 г. (далее – УК РСФСР 1922 г.), воинские преступления были выделены в самостоятельную главу VII, включающую ст. 200–214. Глава охватывала как общее понятие военного преступления, так и конкретные составы отдельных военных преступлений. Военным преступлением признавалось «деяние военнослужащих Красной Армии и Красного Флота, направленное против установленного законом порядка несения военной службы и выполнения вооруженными силами своего назначения, которое по своему характеру и значению не могло быть совершено гражданами, не состоящими на военной или морской службе» [19].

Ст. 204 УК РСФСР 1922 г. устанавливала уголовную ответственность военнослужащих за побег, то есть за самовольное оставление своей части или места службы с целью уклониться от несения военной службы или участия в боевых действиях, а также за неявку в установленный срок на службу. По своему содержанию данное деяние сопоставимо с составом дезертирства, предусмотренным ст. 338 УК РФ. Ст. 206 УК РСФСР 1922 г. закрепляла ответственность за уклонение от несения военной службы или участия в боевых действиях путем причинения себе телесных повреждений или иного обмана; ответственность по данной статье распространялась также на подстрекателей и пособников. Следует отметить, что признаки объективной и субъективной стороны деяния, предусмотренного рассматриваемой статьей, во многом совпадают с признаками состава преступления, предусмотренного ст. 339 УК РФ.

27 июля 1927 г. Постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) было утверждено новое Положение о воинских преступлениях, которое более детально регламентировало вопросы ответственности за различные воинские преступления, уточнив существовавшие составы и дополнив их рядом новых. Вплоть до середины 1930-х годов развитие законодательства в рассматриваемой сфере осуществлялось преимущественно путем введения новых составов и ужесточения наказаний за отдельные формы уклонения от исполнения обязанностей военной службы [18].

При анализе законодательства о преступлениях против порядка прохождения военной службы особого внимания заслуживает Конституция СССР 1936 г. [17], которая впервые в советской истории на законодательном уровне закрепила всеобщую воинскую повинность для всех граждан мужского пола независимо от национальности, вероисповедания, уровня образования и социального статуса. Указанный принцип получил дальнейшее развитие в Законе СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» [16], ст. 57 которого устанавливала, что за преступления, направленные против порядка несения воинской службы, военнослужащие, а также военнообязанные, призванные на сборы, несут ответственность в соответствии с Положением о воинских преступлениях 1927 г. Тем самым законодатель подчеркнул, что объектом рассматриваемой категории преступлений выступают общественные отношения, связанные с обеспечением установленного порядка несения военной службы, а субъектом может быть только строго определенная категория лиц.

В период Великой Отечественной войны обеспечение строгого и полного соблюдения военнослужащими своих обязанностей приобрело критически важное значение. Уже в первые дни войны Указом Президиума Верховного Совета СССР было введено военное положение, что повлекло ужесточение санкций по соответствующим составам. В 1943–1944 гг. круг субъектов преступлений данной категории был расширен серией указов Президиума Верховного Совета СССР (от 15 апреля 1943 г. [15], 9 мая 1943 г. [14] и 27 января 1944 г. [13]): к военнослужащим были приравнены работники водного и железнодорожного транспорта, личный состав военизированной охраны фабрик, предприятий и заводов, а также военизированная пожарная охрана НКВД. Чрезвычайные нормы утратили силу после отмены военного положения указом от 21 сентября 1945 г. [12] в связи с победой над фашистской Германией и окончанием Великой Отечественной войны.

Очередной этап развития законодательства о преступлениях против порядка прохождения военной службы был связан с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях 1927 года» [11]. Данный нормативный акт привел к появле-

нию новых видов преступлений против военной службы. Особого внимания заслуживает ст. 8, которой был закреплен состав самовольного оставления части (места службы). Данный состав отличается от дезертирства по субъективной стороне (наличие намерения лишь временно уклониться от прохождения военной службы) и от самовольной отлучки – по объективной стороне (продолжительность отсутствия военнослужащего на службе без уважительных причин).

Принятие Закона СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» от 25 декабря 1958 г. [10] ознаменовало важный этап в развитии института уголовно-правового обеспечения исполнения воинской обязанности. Характерной особенностью данного акта стало закрепление нового формального признака преступлений против военной службы – соответствие деяния признакам, прямо указанным в законе. Вследствие этого ключевое значение для привлечения лица к уголовной ответственности приобрело не наличие самого факта нарушения порядка прохождения военной службы, а соответствие признаков совершенного деяния составу преступления, предусмотренному уголовным законом. Одновременно были внесены изменения в определение субъекта воинского преступления: в эту категорию вошли не только военнослужащие, находящиеся на действительной службе, но и военнообязанные в период учебных сборов, а также офицеры, сержанты и рядовые органов государственной безопасности и иные лица, в отношении которых имелись специальные указания в законодательстве СССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1975 г. о введении в действие новых общеуголовных уставов [9] повлек существенные изменения в военно-уголовном законодательстве, что повлекло за собой изменения в уголовно-правовом регулировании рассматриваемых общественных отношений. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 г. [8] внес ряд изменений в действующее уголовное законодательство; в частности, ст. 10 Закона СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления», предусматривающая ответственность за самовольное оставление места службы, была дополнена новыми квалифицирующими признаками, позволяющими дифференцировать ответственность в зависимости от продолжительности совершения указанного преступления.

Распад СССР и образование Российской Федерации как суверенного государства ознаменовали начало современного этапа развития института уголовно-правового обеспечения исполнения воинской обязанности. С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. соответствующие нормы были систематизированы в главе 33 «Преступления против военной службы». Одновременно уголовно-правовую охрану порядка исполнения воинской обязанности обеспечивает ст. 328 УК РФ, устанавливающая ответственность за уклонение от призыва на военную службу. К числу основных военно-уголовных норм относятся также ст. 337, 338 и 339 УК РФ, предусматривающие ответственность соответственно за самовольное оставление части или места службы, дезертирство и уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами [5].

Существенное развитие институт получил в связи с принятием Федерального закона от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ [4], которым были введены квалифицированные составы преступлений, совершаемых в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. В 2024–2025 гг. законодатель продолжил [3] уточнение уголовно-правовой регламентации данной сферы, подтверждая последовательность курса на дифференциацию ответственности в зависимости от обстановки совершения деяния [2].

Разъяснение порядка применения квалифицирующих признаков, связанных с периодом мобилизации, военного положения и военного времени, было дано Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлениях от 18 мая 2023 г. № 11 [7] и № 12 [6]. Данные разъяснения уточнили временные границы соответствующих периодов и способствовали унификации правоприменительной практики.

Историко-правовой анализ позволяет констатировать устойчивую преемственность фундаментальных принципов института уголовно-правового обеспечения исполнения воинской обязанности на протяжении более полутора веков [31, с. 128]. Идея индивидуально-личного характера воинской обязанности, впервые законодательно оформленная в Российской империи в конце XIX в., сохранила свою системообразующую роль как в советский, так и в современный периоды, выступая основой уголовно-правовой защиты обороноспособности государства.

Развитие законодательства характеризуется последовательным движением от казуистического описания нарушений к формально-определенному типу регулирования [29, с. 56]. Характерной чертой эволюции института выступает его высокая адаптивность к экстре-

мальным военно-политическим условиям. Историко-правовой анализ подтверждает, что в периоды войн, революций и мобилизаций законодательство неизменно реагировало ужесточением санкций и расширением круга субъектов, при этом сохраняя и развивая механизмы дифференциации ответственности по объективным и субъективным признакам. Современные изменения в законодательстве, начатые в 2022 г. и уточненные в 2024 г., подтверждают продолжение данной исторической тенденции.

Таким образом, современный институт уголовно-правового обеспечения исполнения воинской обязанности представляет собой результат длительной эволюции и сохраняет значительный регулятивный потенциал, обусловленный как глубокой исторической преемственностью, так и способностью к нормативной адаптации под изменяющиеся условия обеспечения национальной безопасности. В то же время обращение к историческому опыту дифференциации ответственности позволяет обозначить перспективные направления совершенствования законодательства: дальнейшее развитие института требует последовательного учета принципа субъективного вменения при конструировании квалифицированных составов преступлений, совершаемых в период мобилизации или военного положения, а также четкого нормативного определения временных границ указанных периодов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (ред. от 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2025 № 534-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
6. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 12 // СПС КонсультантПлюс.
7. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 // СПС КонсультантПлюс.
8. О внесении изменений и дополнений в некоторые акты уголовного законодательства СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.12.1983 № 10444-X (ред. от 02.07.1991) // MegaNorm: [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3UFw5b> (дата обращения: 19.06.2026).
9. Об утверждении Уставов Вооруженных Сил СССР: Указ Президиума ВС СССР от 30.07.1975 // Wikisource. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3UFweb> (дата обращения: 19.06.2026).
10. Об уголовной ответственности за воинские преступления: Закон СССР от 25.12.1958 // Wikisource. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3UFw5s> (дата обращения: 19.06.2026).
11. О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.02.1957 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5176.htm (дата обращения: 19.06.2026).
12. О признании Указа ПВС СССР «Об объявлении ... военного положения» утратившим силу: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.09.1945 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4603.htm (дата обращения: 19.06.2026).
13. Об ответственности начальствующего и рядового состава военизированной охраны предприятий и военизированной пожарной охраны НКВД СССР за преступления по службе: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.01.1944 // Wikisource. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3UFwXk> (дата обращения: 19.06.2026).
14. О введении военного положения на морском и речном транспорте: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.05.1943 // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3UFw76> (дата обращения: 19.06.2026).

15. О введении военного положения на всех железных дорогах: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.04.1943 (с изм. от 16.10.1943) // СПС КонсультантПлюс.
16. О всеобщей воинской обязанности: Закон СССР от 01.09.1939 // СПС КонсультантПлюс.
17. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936 // ЭПС «Система ГАРАНТ».
18. О введении в действие Положения о воинских преступлениях: Постановление ЦИК и СНК СССР от 27.07.1927 // СПС КонсультантПлюс.
19. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СПС КонсультантПлюс.
20. Положение о Революционных Военных трибуналах: Декрет ВЦИК от 27.11.1919 // Проект «Исторические Материалы». [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/38779> (дата обращения: 19.06.2026).
21. Постановление Совета Обороны о мерах по искоренению дезертирства от 03.06.1919 // Электронная библиотека исторических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15669-3-iyunya-postanovlenie-soveta-oborony-o-merah-po-iskorenuyu-dezertirstva> (дата обращения: 19.06.2026).
22. О мерах борьбы с дезертирством: Декрет Совета Рабочей и Крестьянской Обороны от 03.03.1919 // Проект «Исторические Материалы». [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/35737> (дата обращения: 19.06.2026).
23. О сроке службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии: Декрет ВЦИК от 26.04.1918 // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. URL: <http://museumreforms.ru/load-document/nojs/13753> (дата обращения: 19.06.2026).
24. Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии: Декрет СНК от 15.01.1918 // ЭПС «Система ГАРАНТ».
25. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: с прил. предмет. алф. указ.. – Неофици. изд. – Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 19.06.2026).
26. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года 6-е изд., пересмотр. и доп. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitel-nih_1845_goda.pdf (дата обращения: 19.06.2026).
27. О введении всеобщей воинской повинности: Манифест императора Александра II от 01.01.1874 // История немцев России – Rus-Deutsch: [Электронный ресурс]. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/17/29/161> (дата обращения: 19.06.2026).
28. Устав о воинской повинности от 01.01.1874 // НИУ ВШЭ: [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_voinskoy_povinnosti_1874 (дата обращения: 19.06.2026).
29. Закомолдин Р.В. Становление отечественного военно-уголовного законодательства в советский период (1918–1991 гг.) // Армия и общество. 2013. № 4 (36). – С. 51–58.
30. Маслов, Н.А. Субъект воинской обязанности в России в XIX–XX вв.: историко-правовое исследование // Журнал российского права. – 2012. – № 11 (191). – С. 126–133.
31. Петрунин, Д.А. История развития уголовно-правовых норм об ответственности за уклонение от призыва на военную службу в Российской империи // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 127–129.

THE EVOLUTION OF THE CRIMINAL LAW REGULATION OF MILITARY OBLIGATION IN RUSSIA

Orlov I.I.

Kutafin Moscow State Law University

The article is devoted to a historical and legal study of the formation and transformation of criminal law mechanisms aimed at ensuring compliance with military duty in Russia. Particular attention is paid to the stages of the criminalization of military service evasion, the specific legal structure of the relevant criminal offenses, as well as the evolution of the differentiation of criminal liability with due regard to the constituent elements and features of the corpus delicti. Based on the conducted analysis, the author substantiates the thesis that there is a stable continuity of fundamental principles and that contemporary Russian criminal legislation possesses significant potential for effectively countering military offenses.

Keywords: military duty; evasion of military service; desertion; unauthorized absence from a military unit or place of service; historical and legal analysis.

References

1. Constitution of the Russian Federation (as amended on July 1, 2020) // ConsultantPlus Legal Reference System.
2. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 534-FZ of December 29, 2025 // ConsultantPlus Legal Reference System.
3. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024 // ConsultantPlus Legal Reference System.

4. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022 // ConsultantPlus Legal Reference System.
5. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 // ConsultantPlus Legal Reference System.
6. On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of April 3, 2008 "On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Evasion of Military Conscription and Military or Alternative Civil Service": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 12 of May 18, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System.
7. On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes Against Military Service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11 of May 18, 2023 // ConsultantPlus Legal Reference System.
8. On Amendments and Additions to Certain Acts of Soviet Criminal Legislation: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 10444-X of December 15, 1983 (as amended on July 2, 1991) // MegaNorm [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/3UFw5b> (accessed: June 19, 2026).
9. On Approval of the Regulations of the Armed Forces of the USSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 30, 1975 // Wikisource [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/3UFw5b> (accessed: June 19, 2026).
10. On Criminal Liability for Military Crimes: USSR Law of December 25, 1958 // Wikisource [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/3UFw5s> (accessed: June 19, 2026).
11. On Amendments and Additions to the Regulations on Military Crimes: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 15, 1957 // Library of Normative Legal Acts of the USSR [Electronic resource]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5176.htm (accessed: June 19, 2026).
12. On Repealing the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the Declaration of Martial Law": Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 21, 1945 // Library of Normative Legal Acts of the USSR [Electronic resource]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4603.htm (accessed: June 19, 2026).
13. On the Liability of Commanding and Rank-and-File Personnel of Militarized Enterprise Guards and the Militarized Fire Protection Service of the NKVD of the USSR for Official Crimes: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 27, 1944 // Wikisource [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/3UFwXk> (accessed: June 19, 2026).
14. On the Introduction of Martial Law in Maritime and River Transport: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 9, 1943 // Electronic Library of Historical Documents [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/3UFw76> (accessed: June 19, 2026).
15. On the Introduction of Martial Law on All Railways: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 15, 1943 (as amended on October 16, 1943) // ConsultantPlus Legal Reference System.
16. On Universal Military Duty: USSR Law of September 1, 1939 // ConsultantPlus Legal Reference System.
17. Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936 // GARANT Legal Information System.
18. On the Entry into Force of the Regulations on Military Crimes: Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of July 27, 1927 // ConsultantPlus Legal Reference System.
19. On the Entry into Force of the Criminal Code of the R.S.F.S.R.: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of June 1, 1922 // ConsultantPlus Legal Reference System [Electronic resource].
20. Regulations on Revolutionary Military Tribunals: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 27, 1919 // Historical Materials Project [Electronic resource]. URL: <https://istmat.org/node/38779> (accessed: June 19, 2026).
21. Resolution of the Council of Defense on Measures to Eradicate Desertion of June 3, 1919 // Electronic Library of Historical Documents [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/15669-3-iyunya-postanovlenie-soveta-oborony-o-merah-po-iskorenuyu-dezertirstva> (accessed: June 19, 2026).
22. On Measures to Combat Desertion: Decree of the Council of Workers' and Peasants' Defense of March 3, 1919 // Historical Materials Project [Electronic resource]. URL: <https://istmat.org/node/35737> (accessed: June 19, 2026).
23. On the Term of Service in the Workers' and Peasants' Red Army: Decree of the All-Russian Central Executive Committee of April 26, 1918 // P.A. Stolypin Museum of the History of Russian Reforms [Electronic resource]. URL: <http://museumreforms.ru/load-document/nojs/13753> (accessed: June 19, 2026).
24. On the Organization of the Workers' and Peasants' Red Army: Decree of the Council of People's Commissars of January 15, 1918 // GARANT Legal Information System.
25. New Criminal Code, Supreme Approval of March 22, 1903: with Subject Alphabetical Index. Non-official edition. Saint Petersburg: V.P. Anisimov Bookstore, 1903. 253 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (accessed: June 19, 2026).
26. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. 6th ed., revised and supplemented [Electronic resource]. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (accessed: June 19, 2026).
27. On the Introduction of Universal Military Service: Manifesto of Emperor Alexander II of January 1, 1874 // History of Russian Germans – RusDeutsch [Electronic resource]. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/17/29/161> (accessed: June 19, 2026).
28. Charter on Military Service of January 1, 1874 // National Research University Higher School of Economics [Electronic resource]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_voinskoy_povinnosti_1874 (accessed: June 19, 2026).
29. Zakomoldin R.V. Formation of Domestic Military Criminal Legislation in the Soviet Period (1918–1991) // Army and Society. 2013. No. 4 (36). Pp. 51–58.
30. Maslov N.A. The Subject of Military Duty in Russia in the 19th–20th Centuries: A Historical and Legal Study // Journal of Russian Law. 2012. No. 11 (191). Pp. 126–133.
31. Petrunin D.A. History of the Development of Criminal Law Provisions on Liability for Evasion of Military Conscription in the Russian Empire // Almanac of Modern Science and Education. 2013. No. 6. Pp. 127–129.

Реализация модели цифрового государства в системе государственного управления Российской Федерации

Попков Елисей Аркадьевич,

аспирант кафедры «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический
университет»
E-mail: elisey.rka@gmail.com

Косов Роман Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория
и история государства и права», ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный технический университет», соавтор, научный
руководитель
E-mail: 15641564a@mail.ru

В статье исследуются теоретические и практические аспекты реализации модели цифрового государства в системе государственного управления Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена переходом России к шестому технологическому укладу и необходимостью глубокой перестройки отечественной правовой системы под влиянием цифровизации. Цель работы – выявление основных направлений, проблем и перспектив цифровой трансформации государственного управления, а также обоснование необходимости конституционализации принципа цифрового государства. Методологическую основу составили общенаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Рассмотрены нормативно-правовая база формирования цифрового государства, включая национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», федеральные законы о платформенной экономике и афорд-системе, а также ведомственные программы цифровой трансформации. Проанализированы ключевые инструменты цифровизации правотворчества (ГИС «Нормотворчество», машиночитаемое право, экспериментальные правовые режимы), правовое регулирование цифровых платформ и платформенной экономики, внедрение искусственного интеллекта в правовую систему, развитие электронного правосудия, обеспечение информационной безопасности и защиты персональных данных, а также кадровое обеспечение цифровой трансформации. Сделан вывод о необходимости закрепления принципа цифрового государства в конституционном законодательстве и принятия Цифрового кодекса Российской Федерации как кодифицированного акта, объединяющего правовые нормы посвященные регулированию цифровой среды.

Ключевые слова: цифровое государство; цифровая трансформация; государственное управление; правовая система; искусственный интеллект; платформа «ГосТех»; машиночитаемое право; экспериментальные правовые режимы; платформенная экономика; электронное правосудие; информационная безопасность; персональные данные; Цифровой кодекс.

Современный этап развития общества характеризуется беспрецедентным по своим масштабам и темпам процессом цифровой трансформации социального пространства. Вхождение государства постмодерна в эпоху шестого технологического уклада приводит к существенным изменениям сущности самого государства как явления. Меняется его внутренняя организация, способы и формы распределения и осуществления власти, на новых принципах перестраивается правовая система. В этих условиях формируется новая модель государственности – цифровое государство, которое выступает «возникающим под влиянием новых технологий» феноменом, воплощающимся посредством цифровой правовой среды¹.

Правовая система Российской Федерации, являясь сложным и динамичным явлением, объективно нуждается в адаптации к новым реалиям цифровой эпохи. Как справедливо отмечается в программных документах, например, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», целями развития определены: «технологическое лидерство, цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». Ключевыми факторами реализации указанных целей являются «достижение «цифровой зрелости», развитие отечественных цифровых платформ, программного обеспечения, ускоренное внедрение технологий искусственного интеллекта, формирование рынка данных»².

Постановка задач цифровой трансформации на уровне национальных целей развития свидетельствует о принципиальном характере происходящих изменений. Если ранее цифровизация воспринималась как технологическая модернизация отдельных сфер, то сегодня речь идёт о процессе глубокой системной трансформации самого государства как явления. Это требует переосмысления роли права в цифровую эпоху: право перестаёт быть только объектом цифровизации (когда цифровые технологии применяются для оптимизации правовых процессов) и становится её активным началом, приобретает свойства источника, причины изменений (когда право само формирует правила и границы цифровой трансформации).

Феномен цифрового государства является относительно новым объектом научного исследования. Цифровое государство можно определить как модель формирования современной системы государственного управления, основанную на цифровых технологиях и концепции сервисной организации публичной власти. Соответственно, система государственных органов и учреждений понимается как управляемый алгоритмом глобальный цифровой сервис. В основе этой модели лежит представление о необходимости достижения максимальной автоматизации государственного функционала, что, по мнению сторонников такого подхода, должно значительно повысить экономическую эффективность государственного управления.

Вместе с тем, как подчёркивается в научной литературе, «цифровое государство – это сложный междотраслевой объект изучения, различные грани которого, наряду с государственно-правовой целостностью, включают в себя также самоорганизующуюся управляющую систему, информационно-технологическую платформу, а также цифровой образ жизни современного человека и существования гражданского общества (общества знаний)»³.

Исследователи выделяют вполне определенные характеристики цифрового государства. К наиболее важным из них относятся: цифровая демократия как форма политического режима; малочисленный и дебюрократизированный государственный аппарат; преимущественно дистанционное осуществление государственной власти с применением цифровых технологий; отсутствие бумажного документооборота;

¹ Пашенцев Д.А., Дорская А.А., Залоило М.В. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография. – М.: Норма, 2026. – 312 с.

² О внедрении цифровых технологий для достижения национальных целей развития Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 10 декабря 2025 г. № 574-СФ // Совет Федерации. – 2025. – 10 дек.

³ Арзамасов Ю. Г., Арзамасова В.Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления и перспективы развития // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2023. – № 4. – С. 84–97.

цифровая платформа постепенно занимает место посредника между публичной властью, гражданином и его персональными данными.

Особого внимания заслуживает тезис о том, что «субъектами конституционно-правовых отношений, наряду с гражданами и органами публичной власти, становятся государственные информационные системы, цифровые платформы, информационно-коммуникационные устройства, обеспечивающие соблюдение прав и свобод человека и гражданина в онлайн– и офлайн-формате»¹.

В научной дискуссии выдвигается предложение интерпретировать феномен «цифровое государство» как конституционный принцип и характеристику современного государства, «вставшего на информационно-цифровой путь общественного развития». Сторонники такого подхода полагают, что «если включить в имеющуюся систему конституционных принципов «цифровое государство», конституционализм заиграет новым смыслом»².

Формирование цифрового государства в Российской Федерации осуществляется на основе пока еще недостаточной, но уже существенной нормативной базы. На стратегическом уровне основными нормативными актами являются:

– Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»;

– Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», стартовавший в 2025 году (в рамках государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» (утв. Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313);

– Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, протокол от 15 сентября 2021 г. № 31).

На уровне законодательного регулирования в 2025–2026 годах был принят ряд значимых федеральных законов:

1. Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», закрепивший правовые основы деятельности цифровых платформ.

2. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

3. Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 № 2338 «Об утверждении Положения о единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех», регулирует отношения в рамках использования единой цифровой платформы.

4. Федеральные законы, направленные на усиление ответственности за нарушения в сфере персональных данных и киберпреступности.

Принятие указанных законов свидетельствует о переходе от декларативных стратегий к конкретному нормативному регулированию. Однако, регулирование цифровой сферы сохраняет фрагментарный характер, что влечет за собой необходимость разработки Цифрового кодекса Российской Федерации.

В 2019 году утвержден федеральный проект «Цифровое государственное управление», в настоящее время он является составной частью нового национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», стартовавшего в 2025 году. На протяжении нескольких лет проект «Цифровое государственное управление» является ключевой федеральной инициативой, нацеленной на комплексную цифровую трансформацию системы государственного управления в России. Его можно охарактеризовать как программу по созданию «государства как электронной платформы», где взаимодействие граждан, бизнеса и власти переводится в новый цифровой формат.

Цель проекта заключается в создании полностью цифрового, прозрачного и клиентоцентричного государства. Основными направлениями реализации проекта являются:

1. Полный переход государственных органов на электронный документооборот, перевод всех услуг и сервисов в электронный вид. К 2030 году планируется не менее 60% обращений за социально значимыми услугами обрабатывать и предоставлять в электронном виде.

2. Реализация принципа «жизненных ситуаций» должна привести к значительному упрощению взаимодействия гражданина с государством. Цель данного направления проекта – избавить граждан от необходимости самостоятельно собирать справки и заполнять заявления. Система сама будет предоставлять услуги на основе уже имеющих-

ся данных (например, при рождении ребенка, поступлении на работу, смене жительства и т.д.).

3. Проактивное и беззаявительное предоставление услуг в определенном смысле является результатом реализации принципа «жизненных ситуаций». Данное направление основано на развитии реестровой модели управления. Государство не только определяет основные направления, формирует правовую базу, но и на собственном примере демонстрирует, как с помощью технологий можно решать самые разные задачи.

4. Сознание и развитие единой платформы «ГосТех», в которой нашла свое выражение так называемая концепция платформенной модели управления. Государство не только определяет основные направления, формирует правовую базу, но и на собственном примере демонстрирует, как с помощью технологий можно решать самые разные задачи.

Таким «демонстратором» стала единая цифровая платформа Российской Федерации «ГосТех». Благодаря этой платформе у министерств, ведомств и региональных учреждений есть инструменты для создания различных сервисов. Это даёт возможность быстро запускать новые государственные информационные системы (ГИС). На сегодняшний день на платформе работают 52 федеральные и региональные системы, ещё 30 сервисов находятся в разработке или опытной эксплуатации».

Следующим шагом реализации модели цифрового государства стало внедрение Ведомственных программ цифровой трансформации (ВПЦТ) – это документы, которые разрабатывают и реализуют федеральные органы исполнительной власти и органы управления государственными внебюджетными фондами. Они направлены на поэтапную цифровизацию деятельности государственных органов, повышение эффективности государственного управления и предоставление государственных услуг за счёт использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий.

Цифровизация правотворчества: новые методы и процедуры.

Формирование цифрового государства невозможно без цифровой трансформации правотворческой деятельности. Как отмечают авторы монографии «Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды», «особое внимание уделяется качественным технологическим изменениям основных направлений деятельности государства – процессов создания правовых норм (правотворчества) и их практического воплощения в жизнь (правореализации)»³.

Одним из ключевых инструментов цифровизации правотворчества является государственная информационная система «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» (ГИС «Нормотворчество»). Как следует из программных документов Минцифры России, данная система направлена на обеспечение создания единого электронного рабочего пространства для участников процесса разработки правовых актов, а также мониторинг подготовки проектов федеральных законов, постановлений, распоряжений, приказов и других правовых актов на всех этапах их разработки и согласования.

Важным направлением является развитие технологий машиночитаемого права. Концепция развития технологий машиночитаемого права, утверждённая Правительственной комиссией по цифровому развитию, определяет развитие машиночитаемого права через призму «создания онтологий». Планируется, что использование машиночитаемых норм позволит автоматизировать процессы правоприменения, сократить сроки подготовки правовых актов и повысить качество юридической экспертизы.

Экспериментальные правовые режимы становятся важнейшим инструментом правовой адаптации, так как в условиях динамичного развития цифровых технологий классический законодательный процесс (разработка законопроекта, его обсуждение, принятие) оказывается слишком медленным. В ответ на этот вызов законодатель разработал механизм экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в сфере цифровых инноваций.

ЭПР уже стал драйвером регуляторных изменений в транспорте, сельском хозяйстве, медицине и государственных услугах. В рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» предполагается дальнейшее расширение практики применения ЭПР, в том числе в сфере искусственного интеллекта, экономики больших данных, так называемой «платформенной экономики».

Правовое регулирование цифровых платформ и платформенной экономики постепенно становится отдельным и весьма значимым направлением правотворческой работы на разных уровнях публичной

¹ Черепанова Т. Цифровое государство: становление нового конституционного принципа // inLibrary. – 2025. – 18 авг. – URL: <https://inlibrary.uz/index.php>

² Там же.

³ Пашенцев Д. А., Дорская А.А., Залоило М.В. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2026. – 244 с. – DOI: 10.12737/1288140.

власти. Формирование цифрового государства неразрывно связано с развитием его экономической базы – платформенной экономики.

Принятый в 2025 году Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» установил правовые основы для деятельности посреднических цифровых платформ (маркетплейсов, агрегаторов такси, сервисов по заказу еды и др.). Закон определил понятия «цифровая платформа», «оператор цифровой платформы», «партнёр цифровой платформы», «пользователь цифровой платформы», а также установил требования к соглашениям между оператором платформы и предпринимателями.

Принятие закона о платформенной экономике – важный шаг, но он лишь начинает формирование правовой базы для цифровых платформ. Закон не охватывает все виды цифровых платформ (например, инвестиционные платформы, государственные информационные системы, электронные площадки для госзакупок), а также не решает в полной мере проблему асимметрии переговорной власти между крупными платформами и субъектами малого и среднего предпринимательства. В перспективе требуется разработка специальных антимонопольных правил для доминирующих цифровых платформ, а также, возможно, типового договора между оператором платформы и предпринимателем.

Важнейшим фактором трансформации системы государственного управления и правовой системы Российской Федерации стали технологии искусственного интеллекта. Этот факт уже признан и частично формализован цифровым государством. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» включает в себя отдельный федеральный проект «Искусственный интеллект», в рамках которого планируется активное внедрение ИИ в государственное управление, экономику и социальную сферу.

По мнению исследователей, внедрение ИИ в правовую систему ставит ряд фундаментальных вопросов¹. Во-первых, это вопрос о границах использования ИИ в правоприменении: может ли ИИ принимать юридически значимые решения (например, выносить приговоры или налагать штрафы) или его роль должна ограничиваться вспомогательными функциями (анализ документов, поиск информации, прогнозирование)? Во-вторых, это вопрос об ответственности за ошибки, допущенные при использовании ИИ: кто несёт ответственность – разработчик, оператор, пользователь или сам ИИ? В-третьих, это вопрос о защите прав граждан при использовании ИИ: как обеспечить прозрачность алгоритмических решений, право на обжалование и защиту от дискриминации?

В Российской Федерации в настоящее время разрабатываются правовые основы регулирования ИИ. Принят Кодекс этики использования искусственного интеллекта (документ «мягкого права»), ведётся работа над проектом федерального закона об искусственном интеллекте. В перспективе предполагается актуализация Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

Цифровая трансформация правосудия является одним из важнейших направлений формирования цифрового государства. Как отмечается в научной литературе, «цифровые технологии в правовой сфере находят активное применение практически во всех сферах жизнедеятельности, что обуславливает необходимость проведения коренных преобразований в системе правового регулирования»².

В Российской Федерации активно развиваются механизмы электронного правосудия. Граждане могут подавать иски, заявления и иные процессуальные документы в суд через портал «Госуслуги», через систему kad.arbitr.ru (для арбитражных судов), через официальный портал общей юрисдикции города Москвы – mos-gorsud.ru, а также через государственную автоматизированную систему «Правосудие». Обеспечена возможность онлайн-участия в судебных заседаниях (веб-конференции), а также доступа к материалам дела в электронной форме.

¹ Аллалыев Р.М., Беляй В.В. К вопросу о цифровых правах в законодательстве Российской Федерации // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 90–95. – URL: <http://elilb.fu.ru/art2020/bv298.pdf> (дата обращения: 04.06.2026); Харитонов Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография / Ю.С. Харитонов, В.С. Савина. – М.: Юстицинформ, 2025. – 332 с.; Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта: монография / под ред. А.В. Минбалева. – Саратов: Амирит, 2023. – 442 с.; Щербачева Л.В. Использование технологий искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений // Право и управление. – 2024. – № 6. – С. 367–370; Черногор Н.Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правового порядка // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 5–15.

² Имгунт С.И. Правовое регулирование в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 2. – С. 129–134.

Цифровое правосудие – это не просто техническая модернизация судебной системы, а изменение самой парадигмы правосудия. Она предполагает не только переход на электронный документооборот, но и внедрение систем автоматизированного распределения дел, электронного протоколирования судебных заседаний (аудио-, видеозапись), а в перспективе – и использование систем искусственного интеллекта для поддержки принятия судебных решений.

Однако, «электронному устройству, каким бы совершенным оно ни было, нельзя доверять полномочия, связанные с вынесением юридически значимых решений, совершением действий, от которых зависит судьба конкретных людей...»³. В этом смысле существует риск постановки под сомнение независимости судей при чрезмерной автоматизации решений алгоритмами.

Кроме того, внедрение новых технологий создает и новые риски: появляются новые виды мошенничества и злоупотреблений. Например, недобросовестная реализация процессуальных прав адвокатами через затягивание процессов за счет технических возможностей. Также растёт количество кибератак и утечек данных, возникает угроза «размывания судебной тайны». Наиболее эффективной мерой противодействия таким угрозам является регулярное и адекватное обновление текущего законодательства.

Формирование цифрового государства невозможно без создания эффективной системы информационной безопасности, неотъемлемой частью которой является обеспечение информационной безопасности и защита персональных данных. С расширением применения цифровых технологий возрастает необходимость разработки новых эффективных мер по обеспечению защиты информации, включая совершенствование нормативно-правового регулирования и повышение уровня цифровой грамотности населения.

В 2025–2026 годах был принят ряд нормативных актов, направленных на усиление информационной безопасности. К ним относятся уже упоминавшийся Федеральный закон № 41-ФЗ об отечественной антифрод-системе; законы, направленные на усиление ответственности за утечку персональных данных и ужесточение требований к операторам; закон, устанавливающий требование об использовании преимущественно российского программного обеспечения при реализации образовательных программ. Например, Федеральным законом от 24.06.2023 № 277-ФЗ введена в КоАП РФ статья 13.11.2, устанавливающая штрафы за использование иностранных сервисов для коммуникации с гражданами. Перечень запрещённых мессенджеров определён Роскомнадзором и опубликован на официальном сайте органа.

Важным направлением является также защита персональных данных. Как отмечается в Платформе мероприятий по противодействию нарушениям в цифровой сфере, утверждённой Правительством РФ 14 августа 2025 года, «принцип минимизации данных» (сбор только тех персональных данных, которые действительно необходимы для достижения заявленных целей) «получит институционализацию»⁴. Планируется также ужесточение ответственности за нарушения в сфере персональных данных и увеличение сроков давности привлечения к административной ответственности.

Успешная реализация национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» и реализация управленческой модели цифрового государства невозможны без подготовки квалифицированных кадров. Остается актуальной потребность в увеличении количества квалифицированных специалистов в сфере цифровых технологий.

Федеральный проект «Кадры для цифровой трансформации» направлен на подготовку специалистов, способных работать в условиях цифровой экономики и цифрового государства. Особое внимание уделяется обеспечению синхронизации деятельности по разработке, актуализации и внедрению федеральных государственных образовательных стандартов и деятельности по разработке, актуализации и внедрению профессиональных стандартов в сфере информационных технологий, а также обеспечению взаимосвязки содержащихся в указанных стандартах требований и их соответствия современным тенденциям цифрового развития.

Подготовка кадров для цифровой трансформации – это не только техническая, но и правовая задача. Необходимо формирование нового поколения юристов, обладающих не только традиционными правовыми знаниями, но и компетенциями в области информационных технологий, анализа данных, искусственного интеллекта и кибербезопасности. Это требует пересмотра образовательных стандартов и программ

³ Там же.

⁴ Утверждена нам дорога в светлое будущее: План мероприятий по противодействию нарушениям в цифровой сфере // Comply.ru. – 2025. – 15 сент. // <https://comply.ru/post/48h098lcf1-utverzhdena-nam-doroga-v-svetloe-budusch>

юридического образования, внедрения междисциплинарных подходов и активного использования цифровых образовательных технологий.

Перспективы кодификации цифрового законодательства как актуальная повестка эволюции правовой системы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости систематизации и кодификации цифрового законодательства. При грамотном сочетании различных научных парадигм юриспруденции, логики, физики, математики, информатики реально создать модель национальной правовой системы в 3D-формате. Все действующее законодательство, включая основной закон государства, подвергнется оцифровке с применением языка программирования. Идея создания 3D-модели правовой системы (трёхмерного цифрового отображения всей совокупности правовых норм, их связей и иерархии) – это перспективная, но пока футуристическая концепция. Более реальной представляется разработка и принятие Цифрового кодекса Российской Федерации – кодифицированного акта, который объединил бы в единой системе правовые нормы, регулирующие отношения в цифровой среде. Такой кодекс мог бы включать следующие разделы:

- общие положения (понятия, принципы, субъекты цифровых правоотношений);
- цифровые права и их защита;
- правовой режим больших данных и искусственного интеллекта;
- правовое регулирование цифровых платформ;
- обеспечение информационной безопасности и защита персональных данных;
- ответственность за правонарушения в цифровой сфере.

Принятие Цифрового кодекса позволило бы устранить фрагментарность и пробельность действующего законодательства, обеспечить системность и непротиворечивость правового регулирования, а также создать правовую основу для дальнейшего развития цифровой экономики и цифрового государства.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Формирование цифрового государства является объективной и необратимой тенденцией современного общественного развития, охватывающей все сферы государственной и общественной жизни. Российская Федерация, реализуя национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», последовательно движется по пути создания цифрового государства, основанного на платформенных решениях, искусственном интеллекте и управлении на основе данных.

2. Правовая система Российской Федерации претерпевает фундаментальную трансформацию под влиянием цифровизации. Ключевыми направлениями этой трансформации являются: цифровизация правотворчества (экспериментальные правовые режимы, машиночитаемое право); цифровизация правоприменения (электронное правосудие, автоматизация судебных и административных процедур); цифровая трансформация государственного управления (платформа «ГосТех», ведомственные программы цифровой трансформации).

3. Концепция цифрового государства требует конституционализации – закрепления принципа цифрового государства в конституционном законодательстве. Это позволило бы определить стратегические цели цифровой трансформации, установить гарантии прав граждан в цифровой среде и задать вектор развития отраслевого законодательства.

4. Ключевым вызовом для правовой системы является внедрение искусственного интеллекта. Необходимо определить правовые границы использования ИИ в правотворчестве и правоприменении, установить механизмы ответственности за ошибки, допущенные при использовании ИИ, а также обеспечить защиту прав граждан от алгоритмической дискриминации и непрозрачных алгоритмических решений.

5. Платформенная модель государственного управления («ГосТех» и другие цифровые платформы) требует дальнейшего правового совершенствования. Необходимо обеспечить совместимость различных информационных систем, установить единые требования к обработке и защите данных, а также определить правовой статус платформ и ответственность их операторов.

6. Обеспечение информационной безопасности и защита персональных данных являются приоритетными направлениями правового регулирования в условиях формирования цифрового государства. Требуется дальнейшее совершенствование законодательства в области кибербезопасности, трансграничной передачи данных, а также усиление ответственности за нарушения в сфере персональных данных.

7. Перспективным направлением является кодификация цифрового законодательства – разработка и принятие Цифрового кодекса Российской Федерации, который объединил бы правовые нормы, регулирующие отношения в цифровой среде, в единой системе.

Таким образом, формирование цифрового государства создаёт новые вызовы для правовой системы, одновременно открывая новые возможности для её развития. Успешное решение этих задач требует системного подхода, междисциплинарного взаимодействия и консолидации усилий законодателя, правоприменителя, научного сообщества и гражданского общества.

Литература

1. Арзамасов Ю. Г., Арзамасова В.Ю. Цифровое государство: понятие, основные направления и перспективы развития // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2023. – № 4. – С. 84–97.
2. Аллалыев Р.М., Беляй В.В. К вопросу о цифровых правах в законодательстве Российской Федерации // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 90–95.
3. Имгунт С.И. Правовое регулирование в условиях цифровизации: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 2. – С. 129–134.
4. О внедрении цифровых технологий для достижения национальных целей развития Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 10 декабря 2025 г. № 574-СФ // Совет Федерации. – 2025. – 10 дек.
5. Пашенцев Д. А., Дорская А.А., Залоило М.В. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2026. – 244 с.
6. Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта: монография / под ред. А.В. Минбалеева. – Саратов: Амирит, 2023. – 442 с.
7. Утверждена нам дорога в светлое будущее: План мероприятий по противодействию нарушениям в цифровой сфере // Comply.ru. – 2025. – 15 сент. // <https://comply.ru/tpost/48h0981cf1-utverzhdena-nam-doroga-v-svetloe-budusch>
8. Харитонов Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования: монография / Ю.С. Харитонов, В.С. Савина. – М.: Юстицинформ, 2025. – 332 с.
9. Черепанова Т. Цифровое государство: становление нового конституционного принципа // inLibrary. – 2025. – 18 авг. – URL: <https://inlibrary.uz/index.php>
10. Черногор Н.Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 5–15.
11. Щербачева Л.В. Использование технологий искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений // Право и управление. – 2024. – № 6. – С. 367–370.

IMPLEMENTATION OF THE DIGITAL STATE MODEL IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Popkov E.A., Kosov R.V.h

Tambov State Technical University

The article examines the theoretical and practical aspects of implementing the digital state model in the public administration system of the Russian Federation. The relevance of the study is due to Russia's transition to the sixth technological order and the need for a profound restructuring of the national legal system under the influence of digitalization. The purpose of the work is to identify the main directions, problems and prospects of the digital transformation of public administration, as well as to substantiate the need for constitutionalization of the principle of the digital state. The methodological framework consists of general scientific methods (formal legal, comparative legal). The regulatory framework for the formation of the digital state is considered, including the national project "Data Economy and Digital Transformation of the State", federal laws on the platform economy and the anti-fraud system, as well as departmental digital transformation programs. The key tools for digitalization of law-making (GIS "Normotvorchestvo", machine-readable law, experimental legal regimes), legal regulation of digital platforms and the platform economy, the introduction of artificial intelligence into the legal system, the development of e-justice, information security and personal data protection, as well as human resources for digital transformation are analyzed. It is concluded that it is necessary to enshrine the principle of the digital state in constitutional legislation and adopt the Digital Code of the Russian Federation as a codified act uniting legal norms devoted to the regulation of the digital environment.

Keywords: digital state; digital transformation; public administration; legal system; artificial intelligence; "GosTech" platform; machine-readable law; experimental legal regimes; platform economy; e-justice; information security; personal data; Digital Code.

References

1. Arzamasov Yu.G., Arzamasova V.Y. Digital state: concept, main directions and prospects of development // Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. – 2023. – No. 4. – pp. 84–97.

2. Allalyev R.M., Belyai V.V. On the issue of digital rights in the legislation of the Russian Federation // *Education and Law*, 2020, No. 2, pp. 90–95.
3. Imgrunt S.I. Legal regulation in the context of digitalization: problems and prospects // *North Caucasian Law Bulletin*, 2022, No. 2, pp. 129–134.
4. On the introduction of digital technologies to achieve the national development goals of the Russian Federation: Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation dated December 10, 2025 No. 574-SF // *Federation Council*. – 2025. – 10 Dec.
5. Pashentsev D. A., Dorskaya A.A., Zaloilo M.V. The concept of the digital state and the digital legal environment. – Moscow: Limited Liability Company “Scientific Publishing Center INFRA-M”, 2026. – 244 p.
6. Promising areas of legal regulation of artificial intelligence: a monograph / edited by A.V. Minbaleev. Saratov: Amirit, 2023. 442 p.
7. The road to a bright future has been approved for us: An action plan to counteract violations in the digital sphere // *Comply.ru*. – 2025. – September 15. // <https://comply.ru/tpost/48h098lcf1-utverzhdена-nam-doroga-v-svetloe-budusch>
8. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. Artificial intelligence: a civilistic concept of regulation: a monograph / Yu.S. Kharitonova, V.S. Savina. – M.: Justicinform, 2025. – 332 p.
9. Cherepanova T. The digital state: the formation of a new constitutional principle // *inLibrary*. – 2025. – Aug 18. – URL: <https://inlibrary.uz/index.php>
10. Chernogor N.N. Artificial intelligence and its role in the transformation of modern law and order // *Journal of Russian Law*. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – pp. 5–15.
11. Shcherbacheva L.V. The use of artificial intelligence technologies in the legal regulation of public relations // *Law and Management*. – 2024. – No. 6. – pp. 367–370.

Актуальные вопросы социальной поддержки военнослужащих

Алексеев Павел Вадимович,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
E-mail: Students2017@list.ru

Социальная поддержка военнослужащих является одним из самых динамично развивающихся разделов отечественного законодательства и, как любая стремительно формирующаяся отрасль, требует отдельного анализа. В статье система социальной поддержки военнослужащих рассматривается через выделение трёх крупных групп мер: прямых социальных выплат (единовременных и регулярных), гарантий медицинского обеспечения и гарантий трудовых прав. Анализируются федеральные и региональные нормативные правовые акты, регулирующие единовременные выплаты при ранении и гибели военнослужащих, выплаты мобилизованным и заключившим контракт, а также порядок оказания медицинской помощи и реабилитации ветеранов боевых действий. Отдельное внимание уделено проблемам правоприменения: закрытому характеру части документов для служебного пользования, затрудняющему реализацию гражданами своих прав, недостатку специалистов в сфере реабилитации, а также вопросам сохранения трудовых прав и пенсионного обеспечения военнослужащих. Делается вывод о том, что сформированная система социальной поддержки носит достаточно комплексный характер, однако не лишена пробелов, обусловленных быстротой принятия нормативных правовых актов и отсутствием комплексного изменения законодательства.

Ключевые слова: социальное обеспечение, военнослужащие, трудовые права, пенсионное обеспечение, социальная поддержка, единовременные выплаты, медицинское обеспечение.

Введение

На современном этапе развития отечественного законодательства регулирование социальных прав военнослужащих является самой динамично развивающейся и одновременно важной областью [10].

Материалы и методы исследования

Для системности рассмотрения вопросов социальной поддержки военнослужащих имеет смысл подразделить ее на 3 большие группы:

1. Прямые социальные выплаты (единовременные и регулярные).
2. Гарантии медицинского обеспечения.
3. Гарантии трудовых прав.

Результаты и обсуждение

Рассматривать социальное обеспечение военнослужащих целесообразно начать с прямых выплат. Почти сразу был принят Указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей», предусматривающий единовременные денежные выплаты в случае ранения и гибели военнослужащих. В целях реализации указанного указа был принят ряд актов Правительства, а именно: Постановление Правительства РФ от 9 декабря 2022 г. № 2278; Постановление Правительства РФ от 14 марта 2023 г. № 386. Данные акты конкретизируют порядок осуществления выплат для военнослужащих и отдельно для военнослужащих Росгвардии [5].

Хронологически после введения выплат по гибели и ранению произошло введение федеральной единовременной выплаты мобилизованным и лицам, подписавшим контракт, данная выплата установлена Указом Президента РФ от 02.11.2022 № 787.

Помимо указанных федеральных выплат было введено большое количество выплат на уровне субъектов, в частности в Санкт-Петербурге Постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 31 августа 2023 г. № 916 введена единовременная выплата для военнослужащих. Здесь присутствует некоторая проблема, так реализация указанного постановления регламентируется постановлением Правительства № 242-ДСП «Об оказании единовременной материальной помощи отдельным категориям лиц в связи с проведением специальной военной операции», чьей особенностью является его отсутствие в открытом доступе в силу того, что данный документ для служебного пользования.

Подобная ситуация затрудняет для граждан реализацию их прав, поскольку обо всех условиях получения выплаты военнослужащий или члены его семьи, в случае его гибели, узнают только при попытке получить данную выплату.

Подобное является типичной проблемой ввиду того, что многие формы социальной поддержки военнослужащих имеются и на федеральном, и на региональном уровне, при этом часть документов только для служебного пользования, и требования на различных уровнях к перечню документов и условий для получения сходных льгот могут различаться [6].

Хорошим примером подобного является ситуация в Санкт-Петербурге, где текст целого ряда документов включая Порядок предоставления единовременных выплат и материальной помощи военнослужащим, при заключении контракта, в полном объеме недоступен.

Фактически, ознакомиться с документами невозможно и представление о них можно составить только по публичной информации, которая сообщается через средства массовой информации органами исполнительной власти Санкт-Петербурга, непосредственно вовлеченных в систему оказания социальной помощи военнослужащим.

Подобное затрудняет получение положенных выплат. На контрасте тоже в Санкт-Петербурге присутствует Распоряжение Комитета по социальной политике СПб от 13 мая 2022 года № 1627-р, которое устанавливает порядок получения единовременной выплаты военнослужащими в случае получения ранения [4].

Второй важной группой социальных льгот для военнослужащих являются льготы по медицинскому обеспечению. В данном смысловом блоке не будут рассматриваться выплаты по ранению, поскольку они относятся к единовременным выплатам и были рассмотрены ранее.

Говоря о специфических гарантиях медицинского обеспечения военнослужащих, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2024 г. № 1940 был расширен порядок оказания медицинской помощи отдельным категориям ветеранов боевых действий, к которым относятся военнослужащие. Важную роль в данной системе играет государственный фонд «Защитники отечества», созданный в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 3 апреля 2023 г. № 232, именно на этот фонд возложена обязанность по помощи военнослужащим при получении медицинских услуг.

В частности, именно фонд «Защитники отечества» сообщает при согласии военнослужащего информацию о нем в фонд обязательного медицинского страхования субъекта, обеспечивает его транспортировку до места лечения или реабилитации, а также оказывает помощь при диспансеризации и амбулаторном восстановлении.

Льготой непосредственно для военнослужащих является право на прохождения диспансеризации и реабилитации в приоритетном порядке, более того установлены конкретные сроки, так в течение месяца после получения медицинской организации информации о прибытии военнослужащего ему организуется углубленная диспансеризация, с целью оценки состояния его здоровья и определения необходимости дополнительного ухода [3].

Если выясняется, что военнослужащему требуется специальная помощь, в том числе высокотехнологичная данная помощь оказывается ему во внеочередном порядке.

Имеет место формирование новой массовой системы реабилитации и ресоциализации, что позволит военнослужащим вернуться в общество.

Однако, данные новшества только внедряются, и имеются сложности, особенно в менее благополучных субъектах с реализации вышеуказанных прав, в частности ввиду банального недостатка специалистов.

Частичным сглаживанием подобной ситуации могло бы быть расширение оказания психологической помощи военнослужащим, еще во время его нахождения в госпитале и до комиссования по состоянию здоровья, просто по тому, что сформировать полноценные отделения психологической и психиатрической помощи при крупных госпиталях проще и быстрее, чем создавать систему психологической помощи по всей стране [2].

Переходя к трудовым правам и льготам стоит начать с того, что первоначально работодатели зачастую увольняли работников, проходящих военную службу, либо в соответствии с 81 статьей Трудового Кодекса Российской Федерации, ссылаясь на неисполнение работником его обязанностей, либо ссылаясь на старую редакцию пункта 1 статьи 83, который указывал о прекращении трудового договора по независящим от сторон обстоятельствам, в случае призыва работника на военную службу [8].

Для решения данной проблемы, на мобилизованных и заключивших контракт о прохождении военной службы было расширено применения такой меры как приостановление трудового контракта. С этой целью в Трудовой Кодекс была внесена статья 351.7. согласно которой, в частности, за работником сохраняется место работы, а работодатель вправе заключить с другим работником срочный трудовой договор на время исполнения обязанностей отсутствующего работника.

Помимо этого, время приостановления трудового договора засчитывается для стажа, в том числе и пенсионного, однако если права касательно стажа для выхода для пенсии в полной мере защищены, то вот относительно ее размера рассчитываемый исходя из пенсионного коэффициента уже не столь защищены.

В соответствии с п. 12.1 ст. 15 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ коэффициент для расчета пенсии для военнослужащего составлял 3,6 в расчете на полный год. Однако, максимальное значение ИПК уже в 2022 г. составляло 10. При этом, для получения 10 баллов достаточно иметь доход в месяц в размере 229916 рублей. Согласно открытым данным, рядовой, находясь на передовой, получает от 200 тысяч рублей, таким образом получается, что иметь доход, который в обычной ситуации позволял бы получить максимальные пенсионные баллы вполне достижимый предел для военнослужащего.

Соответственно, можно сделать вывод, что в части пенсионного обеспечения социальные права военнослужащих гарантированы не в полной мере.

Также большой проблемой является вопрос трудовых взаимоотношений с военнослужащим, чей контракт был приостановлен, но который в ходе военной службы в той или иной степени утратил трудоспособность. Есть указание только на временную нетрудоспособность.

Это означает, что вопросы квалификации и пригодности к должности практически не ставятся. Так, при длительном сроке военной

службы военнослужащий имеет полное право вернуться на старую должность при условии, что квалификационные требования должности поменялись, а он очевидно утратил часть компетенций. Это приводит к ситуации, когда работодатель вынужден для соблюдения законодательства самостоятельно заниматься повышением квалификации военнослужащего, в чем видится частичное перекалывание социальной нагрузки с государства на бизнес [7].

С одной стороны, подобное правовое регулирование в целом находится в пределах доктринальной оценки цели трудового законодательства – обеспечение прав работника, пусть и в ущерб прав работодателя. Однако, хотя подобное действительно обеспечивает высокий уровень социальной защищенности для военнослужащих, однако при отсутствии полномасштабной государственной программы по переподготовке военнослужащих, в которую мог бы обратиться каждый, делает работодателя заинтересованным в препятствовании заключения со-трудником контракта о прохождении службы.

Помимо этого, присутствовало ряд вопросов, связанный с учетом различных выплат при расчете среднегодового дохода при уходе военнослужащих женского пола в отпуск по уходу за ребенком. Вызвано это было разночтениями по квалификации региональных выплат и выплат по ранению [1; 9].

Заключение

Таким образом можно сделать вывод, что в настоящий момент система социальной поддержки военнослужащих достаточно комплексная, однако не лишенная пробелов, вызванных с одной стороны быстротой принятия нормативных правовых актов по указанным вопросам, с другой стороны, различные нормы вводились в конкретной сфере и редко когда имело место комплексное изменение законодательства.

Литература

1. Антипова А.А. Социальная поддержка военнослужащих и членов их семей в регионах России // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2024. Т. 15. № 4.
2. Белюшина И.В. Необходимость оказания социально-психологической помощи военнослужащим и участникам боевых действий // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2024. № S2. С. 7–11.
3. Ефремов А.В. Социальные гарантии гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях // Гражданин и право. 2023. № 3. С. 44–57.
4. Кирьянова О.В. Социальная защита военнослужащих: проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2023. № 7 (223). С. 57–59.
5. Колесник В.В., Ковтун Н.А. Механизмы реализации социальной поддержки военнослужащих через институт кредитования // Военно-юридический журнал. 2025. № 3. С. 26–32.
6. Кормильцев Д.В., Иванова Г.П. Проблемы реализации прав военнослужащих и членов их семей на предоставление мер социальной защиты // Гуманитарные проблемы военного дела. 2022. № 4 (33). С. 10–16.
7. Матвеева Т.П., Потанькина М.С. Государственная поддержка занятости военнослужащих, проходящих срочную службу по призыву // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 296–298.
8. Никульшина А.А. Методы решения проблем социальной адаптации военнослужащих, уволенных с военной службы // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2022. № 19. С. 211–214.
9. Новокшенов Д.В., Шеншин В.М., Шеншина Л.А. О дополнительных социальных гарантиях и компенсациях, предоставляемых членам семей военнослужащих войск национальной гвардии, устанавливаемых субъектами Российской Федерации // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 109–117.
10. Половинкин П.Ю., Болховитинов Т.С. Реализация государственной политики в сфере защиты социальных прав военнослужащих // Вектор экономики. 2025. № 4 (106).

CURRENT ISSUES OF SOCIAL SUPPORT FOR MILITARY PERSONNEL

Alekseev P.V.

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

Social support for military personnel is one of the most dynamically developing sections of domestic legislation and, like any rapidly emerging field, it requires separate analysis. The article examines the system of social support for military personnel through three large groups of measures: direct social payments (lump-sum and regular), medical support guarantees, and labor rights guarantees. Federal and regional regulatory legal acts govern-

ing lump-sum payments in cases of injury and death of military personnel, payments to mobilized persons and those who have signed a contract, as well as the procedure for providing medical care and rehabilitation of combat veterans, are analyzed. Particular attention is paid to law enforcement problems: the restricted nature of some documents marked for internal use, which complicates the exercise of citizens' rights; the shortage of specialists in the field of rehabilitation; and issues of preserving the labor rights and pension provision of military personnel. It is concluded that the established system of social support is fairly comprehensive but is not free from gaps caused by the rapid adoption of regulatory legal acts and the absence of comprehensive legislative reform.

Keywords: social security, military personnel, labor rights, pension provision, social support, lump-sum payments, medical support.

References

1. Antipova A.A. Social support for military personnel and their family members in the regions of Russia // *World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2024. Vol. 15. No. 4.
2. Belyushina I.V. The need to provide social and psychological assistance to military personnel and combatants // *Bulletin of the Bashkir State Medical University*. 2024. No. S2. Pp. 7–11.
3. Efremov A.V. Social guarantees for citizens serving in volunteer formations // *Citizen and Law*. 2023. No. 3. Pp. 44–57.
4. Kiryanova O.V. Social protection of military personnel: problems of legal regulation // *Agrarian and Land Law*. 2023. No. 7 (223). Pp. 57–59.
5. Kolesnik V.V., Kovtun N.A. Mechanisms for implementing social support for military personnel through the institution of lending // *Military Law Journal*. 2025. No. 3. Pp. 26–32.
6. Kormiltsev D.V., Ivanova G.P. Problems of realizing the rights of military personnel and their family members to social protection measures // *Humanitarian Problems of Military Science*. 2022. No. 4 (33). Pp. 10–16.
7. Matveeva T.P., Potankina M.S. State support for the employment of military personnel undergoing conscript service // *Agrarian and Land Law*. 2025. No. 3. Pp. 296–298.
8. Nikulshina A.A. Methods for solving problems of social adaptation of military personnel discharged from military service // *Works of Young Scientists of Altai State University*. 2022. No. 19. Pp. 211–214.
9. Novokshonov D.V., Shenshin V.M., Shenshina L.A. On additional social guarantees and compensations provided to family members of military personnel of the National Guard troops, established by the constituent entities of the Russian Federation // *Military Law*. 2022. No. 6 (76). Pp. 109–117.
10. Polovinkin P.Yu., Bolkhovitinov T.S. Implementation of state policy in the field of protecting the social rights of military personnel // *Vector of Economics*. 2025. No. 4 (106).

Система административно-правовых средств, применяемых органами внутренних дел при реализации мер безопасности в отношении защищаемых лиц: классификация, проблемы эффективности и пути оптимизации

Ананьев Владислав Алексеевич,

адъюнкт кафедры управления деятельностью подразделений охраны общественного порядка ЦКШУ Академии управления МВД России

E-mail: anan-ev-vlad@mail.ru

Предметом исследования выступает совокупность административно-правовых средств, применяемых органами внутренних дел Российской Федерации при реализации мер безопасности защищаемых лиц. Цель работы видится в построении теоретико-прикладной модели соответствующей системы, ее классификации, анализе проблем эффективности и обосновании направлений оптимизации. Используются формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и статистический методы. Предложена авторская шестикритериальная классификация указанных средств, систематизированы проблемы правоприменения, обоснован комплекс мер совершенствования. Показано, что соответствующий инструментарий является общим для двух законодательных режимов государственной защиты, установленных федеральными законами № 119-ФЗ и № 45-ФЗ. Область применения охватывает законопроектную деятельность, ведомственное правотворчество МВД России и научные изыскания по проблемам государственной защиты. Научная новизна состоит в построении многокритериальной классификации и формулировании авторской дефиниции системы. Сформулирован вывод о необходимости перехода от реагирующей к опережающей модели государственной защиты, опирающейся на цифровой анализ угроз и интегрированное межведомственное взаимодействие.

Ключевые слова: государственная защита; меры безопасности; защищаемые лица; органы внутренних дел; административно-правовые средства; Федеральный закон № 119-ФЗ; Федеральный закон № 45-ФЗ; конфиденциальность; переселение.

Институт государственной защиты приобрел за последние два десятилетия очевидно самостоятельное значение в архитектуре российского публичного управления. Рост угроз в адрес лиц, содействующих правосудию, перевел задачу обеспечения их безопасности из сферы факультативной заботы о ходе процесса в категорию полноценной публично-управленческой функции. Наряду с участниками уголовного судопроизводства самостоятельную категорию защищаемых лиц образуют судьи, прокуроры, следователи и иные должностные лица правоохранительных и контролирующих органов, и применение мер безопасности в отношении обеих категорий возложено преимущественно на органы внутренних дел. По открытым данным МВД России меры безопасности ежегодно применяются в отношении более чем трех тысяч защищаемых лиц, причем доля случаев их непосредственной реализации органами внутренних дел остается доминирующей.

Без работающего инструментария государственной защиты ни один свидетель и потерпевший не станет в полной мере опираться на гарантии Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее по тексту: Закон № 119-ФЗ). Нормативную основу института образует и принятый ранее Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее по тексту: Закон № 45-ФЗ), распространяющий сопоставимый по содержанию набор мер безопасности на указанных лиц, а также их близких. Различаясь по кругу защищаемых лиц, оба закона опираются на единый административно-правовой механизм реализации мер безопасности, ключевая роль в котором отведена органам внутренних дел. Систематизация и оптимизация этих средств представляет интерес и для доктрины, и для законопроектной работы.

Базовые теоретико-правовые конструкции были заложены в трудах Л.В. Брусницына и иных авторов [2, с. 50]. Современные проблемы реализации Закона № 119-ФЗ исследовались О.В. Карягиной, Ю.С. Аваковым, Р.М. Рамазановым, Т.Н. Масловой, Т.Р. Мухаметшиным [5; 9; 8; 7]. Вопросы организации деятельности подразделений МВД России в сфере госзащиты разобраны И.А. Воронцовым, В.М. Флорей, В.О. Ласкорунским [3; 10; 6]. Целостного административно-правового анализа всей совокупности средств с одновременной классификацией и обоснованием путей оптимизации в современной доктрине пока не предложено.

Цель статьи видится в разработке теоретико-прикладной модели системы административно-правовых средств органов внутренних дел при реализации мер безопасности, охватывающей их классификацию, проблематику эффективности и предложения по оптимизации. Методологическую основу образуют формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и статистический методы.

Категория «административно-правовые средства» традиционно используется в доктрине для обозначения совокупности юридических инструментов, посредством которых органы исполнительной власти реализуют возложенные на них публичные функции. Применительно к деятельности органов внутренних дел она охватывает как меры административного принуждения, так и меры административно-предупредительного, организационно-распорядительного и процедурного характера, образуя единый функциональный комплекс [4, с. 196]. Эти средства обладают, как обоснованно указывается в литературе, властным, односторонним и подзаконным характером, а основания и порядок их применения подчинены строгой нормативной регламентации [4, с. 197].

Меры безопасности, перечисленные в ст. 6 Закона № 119-ФЗ (личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы или учебы; временное помещение в безопасное место; дополнительные меры в отношении лиц, содержащихся под стражей или в местах лишения свободы), описывают конкретные способы устранения и предупреждения угрозы. Практически тожде-

ственный по содержанию перечень закреплен в ст. 5 Закона № 45-ФЗ применительно к судьям и должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов, с тем отличием, что самостоятельное место в нем занимает выдача оружия; это подтверждает единство применяемого органами внутренних дел инструментария при различии объектов защиты. Административно-правовые средства задают юридический и организационный механизм их реализации. Государственная защита есть комплексная деятельность государства, охватывающая меры правовой защиты, социальной поддержки и собственно меры безопасности; последние реализуются преимущественно через инструментарий административного права [7, с. 145].

Органы внутренних дел занимают центральное положение в системе субъектов обеспечения государственной защиты. По смыслу ст. 3 Закона № 119-ФЗ и Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации именно на них возложено применение мер безопасности в отношении подавляющего большинства защищаемых категорий, за исключением военнослужащих и лиц, содержащихся в учреждениях УИС. Согласно ст. 12 Закона № 45-ФЗ обеспечение безопасности судей, прокуроров, следователей и иных должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также их близких также возложено на органы внутренних дел, что замыкает обе категории защищаемых лиц на одни и те же специализированные подразделения МВД России. Непосредственная реализация осуществляется специализированными подразделениями: Управлением по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (далее по тексту: УОГЗ МВД России), и его территориальными звеньями. Полицейская функция обеспечения безопасности защищаемых лиц, как обоснованно отмечает И.А. Ворсбехер, носит самостоятельный характер и не сводится к общим задачам по охране общественного порядка [3, с. 41].

Принципы применения мер безопасности образуют нормативный каркас, в рамках которого реализуются административно-правовые средства: законность, обоснованность, своевременность, конфиденциальность, соразмерность ограничения прав степени реальной угрозы [5, с. 57]. Меры государственной защиты должны носить опережающий, а не реагирующий характер; это предполагает оперативное применение средств уже на стадии выявления потенциальной угрозы [5, с. 58]. Принцип превенции остается здесь главным.

Многоаспектность рассматриваемых средств предопределяет необходимость их классификации по нескольким самостоятельным основаниям [4, с. 197]. Полагаем оправданным выделить шесть таких оснований.

По функциональному назначению средства образуют пять групп: меры физической защиты (личная охрана, охрана жилища и имущества), наиболее ресурсоемкие и требующие комплексной тактической подготовки сотрудников [10, с. 228]; меры обеспечения конфиденциальности (обеспечение конфиденциальности сведений, замена документов, изменение внешности), опирающиеся на постановление Правительства Российской Федерации от 3 марта 2007 г. № 134 и нацеленные на разрыв информационной связи между лицом и потенциальным источником угрозы [8, с. 192]; меры обеспечения скрытности местонахождения (временное помещение в безопасное место, переселение); меры специально-административного характера (выдача специальных средств защиты, средств связи и оповещения); меры организационно-распорядительные (изменение места работы или учебы).

По степени ограничения прав защищаемого лица различают меры с минимальным ограничением, не затрагивающим конституционные права (выдача средств защиты, обеспечение конфиденциальности), и меры со значительным ограничением, существенно изменяющие уклад жизни (переселение, изменение внешности, замена документов). Вторая группа по правовому эффекту приближается к мерам уголовно-процессуального принуждения и требует усиленного режима обоснования [9, с. 285].

По срокам применения средства подразделяются на краткосрочные (до устранения непосредственной угрозы, обычно до девяноста суток), длительные (на период расследования и судебного разбирательства) и постоянные (пожизненно или до отпадения оснований). Динамика применения требует постоянной их корреляции с уровнем угрозы [1, с. 39].

По субъектам непосредственного применения средства делятся на реализуемые исключительно органами внутренних дел и требующие межведомственного взаимодействия с ФСБ России, ФСИН России, Следственным комитетом Российской Федерации, ФССП России. Эффективная защита невозможна без отлаженного межведомственного взаимодействия, поскольку угрозы нередко носят комплексный характер [1, с. 40]. По характеру воздействия выделяют средства превентивные (инструктаж, наблюдение, выдача средств защиты), пресе-

кательные (личная охрана, временное помещение в безопасное место) и восстановительные (переселение, изменение внешности и документов).

По правовой природе средства подразделяются на административно-процедурные (оформление решения о применении мер, заключение договора с защищаемым лицом, согласование межведомственных действий), административно-юрисдикционные (применение мер ответственности к посягнувшим на безопасность либо к самому защищаемому за нарушение условий защиты) и оперативно-организационные (тактика личной охраны, организация скрытного перемещения, использование технических средств). Это деление позволяет определить пределы дискреции должностных лиц.

Эффективность системы существенно ограничена рядом системных проблем. На первое место нельзя не поставить недостаточное финансовое и материально-техническое обеспечение государственной программы обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, продлеваемой с 2014 г. Утвержденные объемы финансирования не позволяют в полной мере применять наиболее ресурсоемкие меры (переселение, изменение внешности, пожизненную личную охрану), что приводит к избирательному использованию инструментария и смещению практики в сторону низкочастотных средств [6, с. 59].

Кадровая проблема выражается в дефиците сотрудников, обладающих специальными тактическими и психологическими компетенциями для постоянного личного сопровождения защищаемых лиц. Существующая модель ведомственной подготовки не вполне отвечает требованиям комплексного обучения [10, с. 229]. Кадровый мониторинговый дефицит не лечится разовыми курсами повышения квалификации.

Самостоятельную остроту имеет вопрос информационной безопасности и предотвращения утечек сведений о защищаемых лицах. Эффективность мер по обеспечению конфиденциальности, переселению и изменению внешности зависит целиком от сохранения тайны соответствующих сведений; любая утечка фактически нивелирует усилия органов внутренних дел. Цифровизация государственных информационных ресурсов одновременно создает новые угрозы безопасности персональных данных [8, с. 195].

Несовершенство нормативно-правового регулирования проявляется в пробелах и коллизиях Закона № 119-ФЗ, в его недостаточной согласованности с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», УПК РФ и подзаконными актами. Параллельное существование двух законов о государственной защите, № 119-ФЗ и № 45-ФЗ, с во многом совпадающим перечнем мер, но раздельными процедурами их применения порождает риск несогласованности правоприменения и затрудняет выработку единых ведомственных стандартов. Дискуссионными остаются вопросы юридической природы договора с защищаемым лицом, пределов его обязанностей, процедуры отмены мер безопасности, оснований ответственности за нарушение условий защиты [5, с. 59; 4, с. 198]. Преюдициальный порог применения отдельных мер также не получил четкого нормативного выражения. Проблема разграничения компетенции между МВД России, ФСБ России, ФСИН России и Следственным комитетом РФ обусловлена отсутствием единого детального межведомственного регламента [1, с. 40].

А где формализованные стандарты оценки эффективности мер безопасности и критерии результативности УОГЗ МВД России? Их попросту нет. Без таких стандартов невозможен объективный мониторинг и обоснованная корректировка практики. Низкий уровень информированности граждан о возможностях государственной защиты ограничивает обращаемость потенциальных защищаемых лиц и ослабляет превентивный эффект института в целом [7, с. 146]. Особую группу образуют сложности реализации мер при трансграничных угрозах: механизмы международного сотрудничества отражены в действующем законодательстве лишь фрагментарно. Психологические аспекты адаптации защищаемых лиц и легализация новой социальной идентичности по существу остаются вне поля непосредственной компетенции органов внутренних дел [10, с. 230].

Совершенствование системы предполагает комплекс взаимосвязанных направлений. На нормативно-правовом уровне видится оправданным внесение в Закон № 119-ФЗ изменений, уточняющих основания и порядок применения отдельных мер безопасности, четко определяющих юридическую природу заключаемого с защищаемым лицом договора, детально регламентирующих основания отмены мер и порядок обжалования соответствующих решений [5, с. 59; 4, с. 198]. Целесообразна и гармонизация Закона № 119-ФЗ с Законом № 45-ФЗ в части совпадающих видов и процедур применения мер безопасности, что позволило бы устранить дублирование регулирования и обеспечить единообразие практики органов внутренних дел в отношении

обеих категорий защищаемых лиц. Полагаем, назрело и принятие единого ведомственного регламента взаимодействия МВД России с иными правоохранительными органами при реализации мер безопасности [1, с. 40].

Цифровизация процессов государственной защиты, опирающаяся на защищенные ведомственные информационные системы с многоуровневым контролем доступа, способна одновременно повысить оперативность принятия решений и снизить риски утечек сведений. На наш взгляд, оправдано создание изолированного контура обработки таких сведений с применением шифрования, биометрической аутентификации сотрудников и журналирования всех операций. Расширение объемов финансирования государственной программы должно сопровождаться переходом от количественных к качественным критериям результативности.

Совершенствование подготовки сотрудников подразделений государственной защиты МВД России предполагает формирование комплексной программы, объединяющей правовую, оперативно-тактическую, психологическую и техническую составляющие [10, с. 231]. Внедрение современных технических средств защиты (мобильное оповещение, носимые тревожные устройства, системы дистанционного видеонаблюдения, средства защищенной связи) должно сочетаться с разработкой и официальным закреплением стандартов оценки эффективности мер безопасности на сочетании количественных показателей (число защищаемых лиц, количество предотвращенных посягательств, средний срок применения мер) и качественных индикаторов (удовлетворенность защищаемых лиц, отсутствие утечек сведений, соблюдение принципа соразмерности).

Зарубежный опыт здесь требует осторожного, но систематического заимствования. Программа защиты свидетелей США (Witness Security Program, далее по тексту: WITSEC), функционирующая под управлением Службы федеральных маршалов с 1971 г., строится на принципе автономной структуры, специализирующейся исключительно на обеспечении безопасности защищаемых лиц. Итальянская программа защиты сотрудничающих со следствием лиц (collaboratori di giustizia), сформированная Декретом-законом от 15 января 1991 г. № 8 и развитая последующими законами, делает акцент на индивидуальном плане защиты для каждого участника. Германская модель, основанная на Законе о гармонизации защиты свидетелей в опасности (Zeugenschutz-Harmonisierungsgesetz, ZSHG) от 11 декабря 2001 г., выстроена через специализированные подразделения федеральной и земельной полиции. Адаптация отдельных элементов указанного опыта к российским условиям видится оправданной с обязательным учетом особенностей отечественной правовой системы.

Усиление гарантий прав защищаемых лиц предполагает расширение возможностей судебного контроля за решениями о применении и отмене мер безопасности, введение механизма обязательного информирования защищаемого лица о его правах и обязанностях, развитие психолого-социального сопровождения, объединяющего профессиональную помощь психологов, содействие в трудоустройстве и социальной адаптации в новой среде. Это способно повысить устойчивость защищаемых лиц к долгосрочным мерам безопасности и снизить число случаев их добровольного выхода из программы.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов. Во-первых, административно-правовые средства, применяемые органами внутренних дел при реализации мер безопасности в отношении защищаемых лиц, образуют целостную систему, охватывающую меры физической защиты, обеспечения конфиденциальности, скрытности местонахождения, специально-административного и организационно-распорядительного характера. Многокритериальная классификация (по функциональному назначению, степени ограничения прав, срокам применения, субъектам реализации, характеру воздействия и правовой природе) упорядочивает теоретическое осмысление инструментария и служит основой дифференциации правоприменительной практики.

Во-вторых, эффективность применения указанных средств существенно ограничена комплексом проблем: недостаточное финансовое и материально-техническое обеспечение, кадровый дефицит, риски утечек сведений, пробелы и коллизии нормативного регулирования, размытость компетенционных границ между МВД России и иными правоохранительными органами, отсутствие единых стандартов оценки эффективности. В-третьих, оптимизация системы возможна лишь на основе комплексного подхода: совершенствование и взаимная гармонизация Закона № 119-ФЗ и Закона № 45-ФЗ, развитие подзаконных актов, цифровизация процессов государственной защиты, расширение финансирования, качественная перестройка подготовки сотрудников, развитие межведомственного взаимодействия, внедрение современных технических средств и стандартов оценки эффективности,

рецепция апробированных элементов зарубежного опыта, развитие психолого-социального сопровождения защищаемых лиц.

Предлагается следующая авторская дефиниция: система административно-правовых средств органов внутренних дел при реализации мер безопасности в отношении защищаемых лиц представляет собой основанную на нормах административного и уголовного-процессуального законодательства упорядоченную совокупность взаимосвязанных правовых, организационных и технических инструментов властно-распорядительного характера, применяемых специализированными подразделениями МВД России в целях своевременного предупреждения, пресечения и устранения угроз жизни, здоровью, имуществу, иным правам и законным интересам защищаемых лиц, а также обеспечения их безопасного участия в уголовном судопроизводстве либо беспрепятственного осуществления возложенных на них должностных полномочий. Перспективы развития системы видятся в переходе от реагирующей к опережающей модели государственной защиты, опирающейся на цифровой анализ угроз, индивидуализацию мер безопасности и интегрированное межведомственное взаимодействие.

Литература

1. Башлуева Н.Н., Никоноров А.А., Смирнова Л.Я. Взаимодействие полиции с иными правоохранительными органами // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 37–42. DOI: 10.24412/2687-0185-2022-4-37-42.
2. Брусницын Л.В. Раскрытие и отказ в раскрытии личности анонимного свидетеля: основания и последствия для доказывания в уголовном процессе // Уголовное право. 2025. № 7. С. 49–58. DOI: 10.52390/20715870_2025_7_49.
3. Вормсбехер И.А. Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите, как функция полиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). С. 39–47.
4. Геляхова Л.А., Мошкина Н.А. Применение мер государственного принуждения в рамках организации и совершенствования деятельности органов внутренних дел // Закон и право. 2022. № 10. С. 195–199. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-10-195-199.
5. Карягина О.В., Аваков Ю.С. Поводы и основания применения мер безопасности защищаемого лица в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2021. № 2 (34). С. 56–60.
6. Ласкорунский В.О. К вопросу осуществления безопасности лиц, подлежащих государственной защите в МВД России // Правовая реформа. 2024. № 3. С. 57–61.
7. Маслова Т.Н. Деятельность прокурора в обеспечении безопасности участников судебного разбирательства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1 (65). С. 144–150. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-45-1-144-150.
8. Мухаметшин Т.Р. Присвоение псевдонима и изъятие подлинных данных на стадии возбуждения уголовного дела // Правовое государство: теория и практика. 2022. Т. 18, № 1 (67). С. 189–198. DOI: 10.33184/pravgos-2022.1.14.
9. Рамазанов Р.М. Закрытое судебное заседание как самостоятельная мера безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Т. 31, вып. 2. С. 282–290.
10. Флоча В.М. О комплексной и системной подготовке сотрудников подразделений МВД России, обеспечивающих личную охрану защищаемых лиц // Педагогический журнал. 2024. Т. 14, № 7А. С. 227–232.

THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS USED BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE IMPLEMENTATION OF SECURITY MEASURES FOR PROTECTED PERSONS: CLASSIFICATION, EFFICIENCY PROBLEMS AND WAYS OF OPTIMIZATION

Ananyev V.A.
Academy of Management

The subject of the study is the totality of administrative and legal means used by the internal affairs bodies of the Russian Federation in the implementation of security measures for protected persons. The purpose of the work is to construct a theoretical and applied model of the corresponding system, its classification, analysis of effectiveness problems and substantiation of optimization directions. Formal legal, systemic structural, comparative legal and statistical methods are applied. The author proposes a six-criterion classification of these means, systematizes law enforcement problems and justifies a set of improvement measures. It is shown that this toolkit is common to the two legislative regimes of state protection established by Federal Laws No. 119-FZ and No. 45-FZ. The scope covers leg-

islative activity, departmental rule-making of the Russian Ministry of Internal Affairs and scientific research on state protection. The scientific novelty consists in the construction of a multi-criteria classification and the formulation of the author's definition of the system. The conclusion is formulated on the necessity of transition from a reactive to an advanced model of state protection based on digital threat analysis and integrated interdepartmental cooperation.

Keywords: state protection; security measures; protected persons; internal affairs bodies; administrative and legal means; Federal Law No. 119-FZ; Federal Law No. 45-FZ; confidentiality; relocation.

References

1. Bashlueva N.N., Nikonorov A.A., Smirnova L. Ya. Interaction of the Police with Other Law Enforcement Agencies // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 4. pp. 37–42. DOI: 10.24412/2687-0185-2022-4-37-42.

2. Brusnitsyn L.V. Disclosure and Refusal to Disclose the Identity of an Anonymous Witness: Grounds and Consequences for Proof in Criminal Proceedings // Criminal Law. 2025. No. 7. pp. 49–58. DOI: 10.52390/20715870_2025_7_49.

3. Wormsbecher I.A. Ensuring the Security of Persons Subject to State Protection as a Police Function // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (57). Pp. 39–47.

4. Gelyakhova L.A., Moshkina N.A. Application of State Coercion Measures in the Framework of Organizing and Improving the Activities of Internal Affairs Bodies // Law and Right. 2022. No. 10. Pp. 195–199. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-10-195-199.

5. Karyagina O.V., Avakov Yu.S. Reasons and Grounds for Applying Security Measures for a Protected Person in Criminal Proceedings: Problem Statement // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2021. No. 2 (34). Pp. 56–60.

6. Laskorunsky V.O. On the Issue of Ensuring the Security of Persons Subject to State Protection in the Ministry of Internal Affairs of Russia // Legal Reform. 2024. No. 3. Pp. 57–61.

7. Maslova T.N. The Prosecutor's Activities in Ensuring the Security of Participants in Trial // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2023. Vol. 45, No. 1 (65). Pp. 144–150. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-45-1-144-150.

8. Mukhametshin T.R. Assigning a Pseudonym and Seizing Authentic Data at the Stage of Initiating a Criminal Case // Rule of Law: Theory and Practice. 2022. Vol. 18, No. 1 (67). Pp. 189–198. DOI: 10.33184/pravgos-2022.1.14.

9. Ramazanov R.M. Closed Court Hearings as an Independent Security Measure for Participants in Criminal Proceedings // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2021. Vol. 31, Issue 2. Pp. 282–290.

10. Flocha V.M. On Comprehensive and Systematic Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs Units Ensuring Personal Security of Protected Persons // Pedagogical Journal. 2024. Vol. 14, No. 7A. Pp. 227–232.

Андреева Наталья Васильевна,

аспирант кафедры «Международного и публичного права»,
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации»; руководитель Службы внутреннего
контроля АО «Финфорт МП» (оператор финансовой
платформы)

E-mail: andreeva.nata@gmail.com

На основе анализа Федерального закона № 211-ФЗ «О совершении сделок с использованием финансовой платформы» в статье раскрывается система полномочий регулятора в отношении указанного оператора, выявляются системные противоречия между принципом невмешательства Центрального банка Российской Федерации в оперативную деятельность оператора и широким спектром надзорных инструментов, а также анализируются недостатки правового регулирования.

Ключевые слова: Банк России, правовое регулирование, финансовая сделка, рынок финансовых услуг, оператор финансовой платформы, финансовая платформа, надзорные полномочия, некредитная финансовая организация.

Ещё в 2017 году Банк России официально инициировал проект «Маркетплейс»¹, в качестве цели которого объявлялось создание законодательной базы, в соответствии с которой любой гражданин мог бы дистанционно получать финансовые услуги от разных организаций, пользуясь одной платформой, – иначе говоря, обеспечение физического лицу-клиенту доступа к широкому кругу финансовых инструментов в едином цифровом пространстве. В этом и состоит ключевое отличие оператора финансовой платформы (далее по тексту – оператор, оператор финансовой платформы) от простой витрины – агрегатора, на которой возможность совершить непосредственно финансовую сделку отсутствует.

С принятием Федерального закона от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»² (далее по тексту – Федеральный закон № 211-ФЗ) инициатива Банка России (далее по тексту – ЦБ РФ) нашла своё воплощение на законодательном уровне. Издание этого закона вывело на новый этап развитие отечественного финансового рынка и стало результатом деятельности Банка России в направлении по созданию доступной и безопасной цифровой среды для совершения финансовых сделок. Можно говорить о том, что создание института оператора финансовой платформы позволило вывести рынок онлайн – финансовых услуг из «серой зоны». Как справедливо отмечает Е.Ю. Баракина, цифровые платформы «занимают центральное место в цифровой информационной инфраструктуре, обеспечивают осуществление экономических и финансовых процессов, требуют комплексного подхода к правовому регулированию»³.

Соответствующие изменения, касающиеся деятельности оператора финансовой платформы, были внесены в иные Федеральные законы Российской Федерации. Ст. 76.1. Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁴ (далее по тексту – Закон о Банке России). Исходя из положений Закона о Банке России, оператор финансовой платформы отнесён к категории некредитных финансовых организаций, что автоматически означает его поднадзорность Банку России⁵. Конкретные же надзорные правила и процедуры закреплены в Федеральном законе № 211-ФЗ. Конкретные правила и механизмы надзора приведены в Федеральном законе № 211-ФЗ, который наделяет ЦБ РФ инструментами для осуществления надзора: от ведения реестра операторов финансовых платформ и обязательной регистрации правил финансовой платформы до проведения проверок его деятельности и права ограничивать отдельные операции оператора. Отнесение операторов финансовых платформ к поднадзорным Банку России субъектам⁶ ставит ряд вопросов в практической плоскости связанных с объёмом его полномочий в отношении оператора финансовой платформы, где ЦБ одновременно устанавливает правила, допускает участников на рынок и осуществляя надзор.

Федеральный закон № 211-ФЗ устанавливает правовые основы деятельности оператора финансовых платформ, а также определяет разрешительные и нормотворческие полномочия, полномочия по контролю и надзору Банка России в отношении данного вида некредитной финансовой организации. Возникновение статуса оператора финансовой платформы у юридического лица обусловлено моментом внесения

¹ Маркетплейс / Банк России официальный сайт URL: https://cbr.ru/fintech/market_place/ (дата обращения: 21.03.2026).

² Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 20.07.2020

³ См. подробнее: Баракина Е.Ю. Цифровые платформы: финансово-правовые аспекты функционирования / Е.Ю. Баракина // Финансовое право. 2026. № 2. С. 2–5. DOI: 10.18572/1813-1220-2026-2-2-5 (www.doi.org).

⁴ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Российская газета. № 127. 13.07.2002.

⁵ Переседов А.М. Об установлении обязательных требований Банком России / А.М. Переседов // Банковское право. 2025. № 2. С. 63.; Лаутс Е.Б. Правовое положение Банка России как мегарегулятора финансового рынка // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 3. С. 39–42.

⁶ Матвеевский, С.С. Банк России как мегарегулятор: оценка деятельности с использованием опыта международных финансовых организаций / С.С. Матвеевский // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 3. С. 61.

Банком России соответствующих сведений о нём в реестр операторов финансовых платформ¹. Тем самым Банк России реализует свои разрешительно-регистрационные функции. В данном случае можно говорить о реализации Банком России разрешительной и регистрационной функций.

Договорной основой взаимодействия оператора финансовой платформы с её участниками выступает договор об оказании услуг оператора. Данный договор заключается посредством присоединения участников к его условиям, которые в свою очередь закрепляются в правилах финансовой платформы. В силу требований ст. 16 Федерального закона № 211-ФЗ правила финансовой платформы, а также любые изменения к ним, приобретают юридическую силу только после их обязательной регистрации Центральным банком Российской Федерации. Отсутствие такой регистрации влечёт недействительность (ничтожность) содержащихся в правилах положений.

Так же п. 6 ч. 2 ст. 17 Федерального закона № 211-ФЗ предоставлено право Банку России устанавливать дополнительные требования к содержанию правил финансовой. Таким образом, можно говорить о том, что Банк России не только контролирует соблюдение оператором финансовой платформы российского законодательства, но и активно участвует в формировании содержания локальных актов оператора, что ставит фактически всю деятельность оператора в зависимость от усмотрения регулятора². В данном случае можно говорить о реализации Банком России в отношении оператора финансовой платформы как контрольно-надзорных полномочий, так и нормотворческих функций в широком смысле.

Отдельно необходимо сказать о контрольно-надзорных полномочиях ЦБ РФ, устанавливаемых ст. 17 Федерального закона № 211-ФЗ в виде 1) проведения: а) плановых проверок не чаще одного раза в год; б) внеплановых проверок при обнаружении признаков нарушений, в том числе, на основании жалоб; 2) права: а) собирать и хранить информацию; б) направлять оператору обязательные для исполнения предписания и запросы; в) ограничивать проведение оператором отдельных операций при выявлении нарушений или угрозы правам участников; г) подавать заявления о признании оператора банкротом.

Особого внимания заслуживает положение, содержащееся в ч. 3 ст. 17 Федерального закона № 211-ФЗ. Указанная норма наделяет сотрудников Банка России правом беспрепятственного прохода в помещения оператора финансовой платформы (далее – оператор), доступа к документации и сведениям (в том числе составляющим охраняемую законом тайну), а также к программно-аппаратному комплексу, используемому для фиксации, обработки и хранения информации. Кроме того, оператор должен представлять в Банк России бухгалтерскую отчётность, что позволяет регулятору осуществлять постоянный мониторинг финансового состояния оператора. Таким образом, можно говорить о том, что ЦБ РФ наделен практически всеми инструментами публичного управления: разрешительными, нормотворческими, контролем и надзором, а также принуждением.

Проведённый анализ позволяет выявить ряд противоречий и правовых пробелов, возникающих при реализации Банком России своих публично-властных полномочий в отношении операторов финансовых платформ. Часть 4 статьи 76.1 Закона о Банке России устанавливает общий запрет для регулятора на вторжение в операционную деятельность некредитных финансовых организаций. Такое вмешательство становится правомерным лишь тогда, когда возможность его совершения явно предусмотрена федеральным законодательством. Однако в ст. 17 Федерального закона № 211-ФЗ служащим ЦБ РФ предоставлено право беспрепятственного доступа к программно-аппаратным средствам оператора. Грань между оперативной деятельностью, в которую Банк России вмешиваться не может, и получением доступа к программным обеспечением, в связи с осуществлением ЦБ РФ надзорных действий, не определена. Предоставленный доступ к программно-аппаратным средствам в реальном времени может фактически означать прямое вмешательство в оперативную деятельность, что противоречит принципу, установленному в Законе о Банке России «невмешательства в оперативную деятельность».

Одной из проблем правового регулирования выступает и правовая неопределённость оснований для применения Банком России надзорных мер. Так, согласно ч. 5 ст. 17 Закона № 211-ФЗ, регулятор вправе блокировать проведение оператором финансовой платформы

отдельных операций в случае «наличия угрозы правам и законным интересам участников». Однако законодатель не конкретизирует оценочное понятие «угроза», что порождает риск произвольного толкования данной нормы регулятором. Аналогичную проблему можно отметить в отношении понятия «признаки нарушений», определенных в п. 2. ч. 2. ст. 17 Федерального закона № 211-ФЗ «Банк России вправе: (...) проводить внеплановые проверки оператора финансовой платформы в случае обнаружения признаков нарушений». Отсюда возникает риск произвольного применения меры, что ставит оператора в зависимость от субъективного усмотрения регулятора.

Таким образом, хотя Федеральный закон № 211-ФЗ и наделяет Банк России обширными полномочиями, в нём отсутствует особый механизм досудебного оспаривания этих действий оператором. При этом само право на судебную защиту законом предусмотрено, отсутствие определённой административной процедуры может существенное затягивать разрешение спорных ситуаций. Особый статус Банка России и его надзорные полномочия в отношении операторов финансовых платформ оказывают существенное влияние в целом на баланс публичных и частных интересов в отношении операторов финансовых платформ.

Конституционный Суд Российской Федерации в своём Определении от 14.12.2000³, квалифицировал его полномочия как функции государственной власти, вытекающие из ст. 75 Конституции РФ⁴, и признав допустимость внесудебного применения принудительных мер (отзыва лицензий) в рамках нормотворческих и надзорных полномочий ЦБ РФ, что обосновало его исключительное положение, отличное от статуса обычных органов исполнительной власти и хозяйствующих субъектов и, признав допустимость внесудебного применения принудительных мер (отзыва лицензий) в рамках нормотворческих и надзорных полномочий ЦБ РФ, что обосновало его исключительное положение, отличное от статуса обычных органов исполнительной власти и хозяйствующих субъектов⁵.

В отношении операторов финансовых платформ описанный выше дисбаланс может проявляться в следующем. Нормотворческая функция Банка России ведёт к ситуации, когда ключевые требования к деятельности оператора определяются не выборными представителями, а служащими ЦБ РФ. Отсутствие чётких критериев при реализации ЦБ РФ своих оценочных полномочий создаёт риск произвольного применения мер и может вести к риску приоритета публичного интереса в части обеспечения стабильности системы над частными интересами конкретных операторов и их клиентов (участников платформы). Избыточное регулирование может подавлять развитие новых финансовых институтов платформенной экономики. Автор статьи разделяет научную позицию о том, что «пробелы в данном направлении (финансово-правовом регулировании) несут наиболее существенные риски для всех субъектов цифровых платформ»⁶.

Между общими нормами, установленными Законом о Банке России (принцип невмешательства в оперативную деятельность) и специальными положениями Федерального закона № 211-ФЗ (в части широких полномочий по доступу и ограничению операций) существуют противоречия, требующие законодательного урегулирования. При формальном провозглашении принципа невмешательства в оперативную деятельность оператора финансовой платформы, установленной Законом о Банке России, Федеральный закон № 211-ФЗ предоставляет регулятору инструменты, позволяющие фактически контролировать ключевые аспекты деятельности оператора: от регистрации его в качестве оператора финансовой платформы и утверждения основного внутреннего локального документа, определяющего порядок деятельности оператора – Правил финансовой платформы, до доступа к IT-инфраструктуре в реальном времени. Все вышесказанное создаёт правовую неопределённость в разграничении в реализации со стороны Банка России функций контроля и надзора и соблюдения принципа невмешательства в оперативную деятельность, создаёт риски произвольного применения таких оценочных категорий, как «признаки нарушений» или «наличие угрозы правам и законным интересам участ-

¹ Реестры/ Банк России официальный сайт UR: https://cbr.ru/finm_infrastructure/register/?CF.Search=финансовых&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo= (дата обращения: 21.03.2026)

² Юсупов, Р.З. Центральный банк Российской Федерации как финансовый мегарегулятор: правовой аспект / Р.З. Юсупов // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 19, № 2. С. 20–24. – DOI: <https://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-2-20-24>.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

⁴ Ст. 25 Конституции РФ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.06.2026)

⁵ Юсупов, Р.З. Центральный банк Российской Федерации как финансовый мегарегулятор: правовой аспект / Р.З. Юсупов // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 19, № 2. С. 21. – DOI: <https://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-2-20-24>.

⁶ Баракина Е.Ю. Цифровые платформы: финансово-правовые аспекты функционирования. С. 3.

ников финансовой платформы», что является основанием для проведения внеплановой проверки или ограничения отдельных операций оператора соответственно.

Таким образом, можно говорить о том, что действующее законодательство имеет пробельность, которая проявляется в: 1) широте дискреционных полномочий Банка России в отношении оператора финансовой платформы и возможность вводить избыточные требования, создающие финансовую нагрузку на оператора финансовой платформы; 2) отсутствии эффективного механизма досудебного обжалования действий Банка России, что создаёт риск формального подхода к надзору и усиливает зависимость оператора от решений регулятора.

Направлением для совершенствования законодательства в сфере регулирования деятельности оператора финансовой платформы в части контрольно-надзорных полномочий Банка России автору настоящей статьи видится в необходимости законодательного закрепления критериев разграничения доступа регулятора к IT-инфраструктуре оператора в режиме реального времени в рамках реализации его надзорной деятельности при одновременном обеспечении невмешательства в его текущую (операционную) деятельность, а также конкретизации оценочных признаков в ст. 17 Федерального закона № 211-ФЗ «признаки нарушений» и «наличие угрозы», а также введения процедуры обжалования предписаний и ограничений Банка России.

Литература

1. Баракина Е.Ю. Цифровые платформы: финансово-правовые аспекты функционирования / Е.Ю. Баракина // Финансовое право. 2026. № 2. С. 2–5. DOI: 10.18572/1813-1220-2026-2-2-5.
2. Матвеевский, С.С. Банк России как мегарегулятор: оценка деятельности с использованием опыта международных финансовых организаций / С.С. Матвеевский // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 3. С. 60–66.
3. Лаутс Е.Б. Правовое положение Банка России как мегарегулятора финансового рынка // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». 2013. № 3. С. 39–42.
4. Переседов А.М. Об установлении обязательных требований Банком России / А.М. Переседов // Банковское право. 2025. № 2. С. 63–69.
5. Стерликова А.Д. Банк России как мегарегулятор финансового рынка в условиях цифровой экономики Российской Федерации: проблемы, перспективы / А.Д. Стерликова // Современные тенденции и инновации в науке и производстве: сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, Междуреченск, 03–04 апреля 2019 года / ответственный редактор Т.Н. Гвоздкова. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Гор-

бачева, 2019. – С. 2109.1–2109.8. URL: https://kuzstu.su/dmdocuments/INPK/8INPK_Sbornic-2019/pages/Секция%202/2109.pdf (дата обращения: 31.03.2026).

6. Юсупов, Р.З. Центральный банк Российской Федерации как финансовый мегарегулятор: правовой аспект / Р.З. Юсупов // Юридический вестник Самарского университета. 2024. Т. 19, № 2. С. 20–24. – DOI: <https://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-2-20-24>.

FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE POWERS OF THE BANK OF RUSSIA AND THE ACTIVITIES OF THE FINANCIAL PLATFORM OPERATOR

Andreeva N.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Based on the analysis of Federal Law № 211-FZ «On Making Financial Transactions Using a Financial Platform», the article outlines the regulator's authority framework regarding the said operator, highlights systemic tensions between the Central Bank of the Russian Federation's principle of non-interference in the operator's operational activities and the wide range of supervisory instruments, and also analyses the shortcomings (defects) of legal regulation.

Keywords: Bank of Russia, legal regulation, financial transaction, financial services market, financial platform operator, financial platform, supervisory authority, non-credit financial institution

References

1. Barakina E. Yu. Digital Platforms: Financial and Legal Aspects of Functioning / E. Yu. Barakina // Financial Law. 2026. № 2. pp. 2–5. DOI: 10.18572/1813-1220-2026-2-2-5.
2. Matveevsky, S.S. The Bank of Russia as a Mega-Regulator: Assessment of Activities Using the Experience of International Financial Organizations / S.S. Matveevsky // Economy. Taxes. Law. 2017. № 3. pp. 60–66.
3. Lauts E.B. Legal Status of the Bank of Russia as a Mega-Regulator of the Financial Market // Entrepreneurial Law. Appendix «Business and Law in Russia and Abroad». 2013. № 3. pp. 39–42. 4. Peresedov A.M. On the Establishment of Mandatory Requirements by the Bank of Russia / A.M. Peresedov // Banking Law. 2025. № 2. Pp. 63–69.
5. Sterlikova A.D. The Bank of Russia as a Mega-Regulator of the Financial Market in the Context of the Digital Economy of the Russian Federation: Problems and Prospects / A.D. Sterlikova // Modern Trends and Innovations in Science and Production: Collection of Materials from the VIII International Scientific and Practical Conference, Mezhdurechensk, April 3–4, 2019 / Editor-in-Chief T.N. Gvozdkova. – Kemerovo: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, 2019. – Pp. 2109.1–2109.8. URL: https://kuzstu.su/dmdocuments/INPK/8INPK_Sbornic-2019/pages/Секция%202/2109.pdf (date of access: 31.03.2026).
6. Yusupov, R.Z. The Central Bank of the Russian Federation as a financial mega-regulator: legal aspect / R.Z. Yusupov // Legal Bulletin of Samara University. 2024. Vol. 19, № 2. pp. 20–24. – DOI: <https://doi.org/10.18287/1810-4088-2024-19-2-20-24>.

Проблемы и новые вызовы в сфере защиты прав человека в Российской Федерации после выхода из европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

Алексеев Ричард Константинович,

аспирант, ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики»

E-mail: richard.alekseev.00@mail.ru

Предметом исследования выступает совокупность правоотношений, складывающихся в сфере защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации после прекращения её участия в Совете Европы и денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Цель работы – выявление институциональных и правовых пробелов, образовавшихся в национальной системе правозащиты после 16 сентября 2022 г., и формулирование предложений по их восполнению. Методологию составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и исторический методы. Автор приходит к выводу, что переход к режиму правового суверенитета без введения компенсирующих внутренних механизмов создаёт риск девальвации конституционных гарантий, предусмотренных ч. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Новизна работы состоит в системной оценке последствий денонсации Конвенции через призму гарантий судебной защиты и в формулировании конкретных мер *de lege ferenda*. Результаты применения в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: права человека, Европейская конвенция о защите прав человека, ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ, правовой суверенитет, Уполномоченный по правам человека, судебная защита, денонсация.

Приняв политическое решение о выходе из Совета Европы, очень важно «не выплеснуть с водой ребёнка», то есть не отбросить то подлинное правовое начало жизни общества, которое является главным достижением западной культуры и её особым вкладом в общечивилизованное развитие человечества.

В.Д. Зорькин

Права человека образуют категорию, через которую измеряется качество государства, степень его правовой развитости и реальный – а не декларативный – характер демократических институтов. Е.А. Лукашева определяет права человека как «отражение не только правового опыта развития человечества, но и кристаллизацию его нравственных начал, связанных с уважением свободы и автономии индивида»¹. С такой формулой трудно спорить. Особенно – в условиях, когда устоявшийся за двадцать четыре года механизм международного контроля за российской правоприменительной практикой оказался демонтирован.

15 марта 2022 г. Российская Федерация инициировала процедуру выхода из Совета Европы. 16 сентября того же года Россия прекратила быть Высокой Договаривающейся Стороной Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.² Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ денонсировал двадцать один договор Совета Европы³; проект постановления Пленума Верховного Суда РФ (ноябрь 2025 г.) предусматривает признание утратившим силу постановления от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод»⁴. Правовая система переориентируется на исключительно национальный суверенитет; ориентир в виде практики ЕСПЧ выпадает из правового арсенала российских судов.

Возникает вопрос: в какой мере национальные институты защиты прав человека способны заместить выпавший элемент международного надзора? Цель настоящего исследования – выявить системные пробелы, образовавшиеся в национальном механизме правозащиты после 2022 года, и обозначить направления их восполнения. Методологию работы составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и исторический методы.

Период с 1996 г. (принятие России в Совет Европы) по 1998 г. (ратификация ЕКПЧ Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ) ознаменовал включение российской правовой системы в общеевропейское правозащитное пространство. ЕСПЧ выступал не просто внешней инстанцией обжалования: его правовые позиции воспринимались Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ в качестве ориентиров при толковании конституционных норм о правах и свободах. Под влиянием Протокола № 6 к Конвенции в России с 1996 г. действовал мораторий на смертную казнь – впоследствии закреплённый Определением Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р⁵. Внедрены стандарты разумного срока судопроизводства (статьи 6 УПК РФ, 6¹ АПК РФ), требования к процедурам ареста и содержания под стражей, право на эффективное средство правовой защиты.

Тем не менее Россия не всегда исполняла отдельные постановления ЕСПЧ. К 2020 г. на Россию приходилась самая высокая в мире доля неисполненных решений – порядка тридцати четырёх процентов от мирового объёма таких дел⁶. Поправка к Конституции 2020 года, дополнившая ст. 79 положением о неисполнении решений международных органов, противоречащих Основному закону, юридически закрепила примат национального правопорядка над наднациональным. При си-

¹ Лукашева Е.А. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. 3-е изд. М.: Норма: Инфра-М, 2021. С. 14.

² Гарифуллин Р.Р., Аминов И.Р. Последствия выхода России из Совета Европы // Образование и право. 2022. № 5. С. 38.

³ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

⁴ Суринская Я. Чем в России заменят Европейскую конвенцию по правам человека // Ведомости. 2025. 19 ноября.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П».

⁶ Забейда А.А. Россия и ЕСПЧ: итоги // Право.ru. 2022. 1 апреля. URL: <https://pravo.ru/>.

стемной связи с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ складывается двусоставная конструкция: общепризнанные принципы и нормы международного права остаются частью правовой системы, однако их применение ограничено внутренним конституционным фильтром.

Денонсация ЕСПЧ в 2022 году – закономерное продолжение этой траектории. Федеральный закон от 7 июня 2022 г. № 180-ФЗ установил: постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению на территории Российской Федерации¹. Соответствующие изменения внесены в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ: само по себе постановление ЕСПЧ более не служит самостоятельным основанием для пересмотра вступивших в законную силу актов российских судов. Выплаты по постановлениям, принятым до 15 марта 2022 г., производятся исключительно в рублях через банки, не зарегистрированные в недружественных юрисдикциях. Тем самым законодатель формально не отрицает существования прежних обязательств, но устанавливает технико-юридические барьеры, существенно ограничивающие реальную возможность их исполнения.

Сложившаяся к концу 2025 года конфигурация правозащитного механизма обнаруживает несколько принципиальных особенностей, которые в совокупности и определяют качественное отличие нынешнего этапа от предшествующего двадцатичетырёхлетнего периода участия России в общеевропейском правозащитном пространстве.

Прежде всего речь идёт о прекращении действия международно-правовой инстанции, обладавшей принудительной юрисдикцией. Контрольные органы ООН – Комитет ООН по правам человека, Комитет против пыток – функционируют в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и смежных конвенций; их соображения, по справедливому замечанию ряда практикующих юристов, «носят преимущественно декларативный характер»² и не предусматривают ни денежных компенсаций, обязательных к выплате, ни процедуры пилотного постановления, ни механизма обеспечения исполнения через Комитет министров. Утрата именно принудительного, а не консультативного звена внешнего контроля – обстоятельство, недооценка которого, на наш взгляд, искажает общую картину произошедшего.

Не менее существенным представляется исключение практики ЕСПЧ из инструментария российских судов. Согласно проекту постановления Пленума Верховного Суда РФ (ноябрь 2025 г.), судам надлежит ориентироваться на Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.³ Такая замена, как нам представляется, не равноценна по содержанию: Конвенция давала развитую систему прецедентного толкования отдельных прав – запрета пыток (ст. 3), права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6), защиты частной жизни (ст. 8), свободы выражения мнения (ст. 10), – тогда как акты системы ООН сформулированы более общо и не имеют сопоставимого корпуса разъяснений, доступного российскому правоприменителю в практически удобной форме.

Перераспределение функций защиты в пользу Конституционного Суда РФ – ещё один существенный элемент произошедшей трансформации. Председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин неоднократно подчёркивал, что национальная юрисдикция способна обеспечить защиту прав не хуже, а в ряде случаев – шире, чем региональные конвенционные механизмы⁴. Заместитель Министра иностранных дел А.В. Грушко выразил мысль ещё определённое: «выход из конвенций Совета Европы не оказал неблагоприятного влияния на защиту прав человека в России», поскольку нормы конвенций уже инкорпорированы в национальное законодательство⁵. Подобная позиция, по нашему мнению, требует существенной оговорки. Инкорпорация нормы – это лишь её формальное присутствие в нормативном массиве; реальная защищённость права обеспечивается не текстом нормы, а действенностью её процессуального воплощения.

Помимо охарактеризованного, обращает на себя внимание де-факто сужение каналов международного обжалования. Россия остаётся участницей ряда конвенций ООН, в том числе Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., однако последовательная денонсация смежных международных обязательств⁶ сужает круг наднацио-

нальных инстанций, в которых российский гражданин мог бы обжаловать действия (бездействие) национальных органов. Соответствующая тенденция, как нам видится, нуждается в обстоятельном обсуждении за пределами сугубо политико-правовой риторики.

Профессиональное сообщество разделено. Это разделение, что характерно, проходит не по линии «государственники – либералы», как принято полагать, а по линии оценки реальных правозащитных последствий.

Условно компенсационная позиция исходит из того, что Страсбургский суд занимался достаточно узкой категорией споров, что большинство правовых позиций ЕСПЧ продублировано постановлениями Конституционного Суда РФ, а возможное расширение полномочий национального конституционного органа способно компенсировать утрату внешнего механизма. По мнению Д.Н. Кравченко, утрата ссылок на практику ЕСПЧ «не подорвёт основ российского правопорядка», поскольку Конституция и развитое национальное законодательство сохраняют преемственность с международными стандартами⁷.

Критическая позиция формулируется в ином ключе. А.А. Забейда выражает суть жгута: «вероятно, заявители останутся без принудительного механизма реализации своих решений, и права так и останутся незащищёнными»⁸. В.В. Воронин указывает, что отказ от ЕСПЧ объективно ослабляет защиту прав, поскольку именно постановления Страсбургского суда выступали ранее мощным рычагом против системных проблем – длительного содержания под стражей, ненадлежащих условий содержания, неэффективности расследования преступлений против человека⁹. Д.С. Аграновский замечает, что иные международные акты «носят декларативный характер» в сравнении с Конвенцией, оснащённой жёсткими механизмами принуждения¹⁰.

На наш взгляд, обе позиции содержат рациональное зерно. Конституция РФ действительно закрепляет широкий каталог прав, и формальный объём гарантированных прав не уменьшился. Однако сводит вопрос только к содержанию каталога – значит игнорировать процессуальное измерение проблемы. Право, не имеющее эффективного механизма защиты, превращается в декларацию. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2021 г. суды удовлетворяли ходатайства следствия об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в среднем в 89% случаев¹¹. Указанный показатель свидетельствует о структурных особенностях правоприменения, которые ЕСПЧ многократно отмечал и которые в новой конфигурации могут оставаться без внешней корректировки.

После 2022 года в национальном правозащитном механизме обнажились пробелы, существовавшие и ранее, но восполнявшиеся внешней инстанцией. Содержание этих пробелов поддаётся определённой систематизации, хотя сами по себе они носят разнородный характер.

Особого внимания заслуживает мониторинговый дефицит. До 2022 г. ЕСПЧ выступал ежегодным внешним аудитором российской правоприменительной практики; статистика поданных жалоб служила своего рода барометром нарушений. С прекращением приёма жалоб от российских заявителей такой барометр исчез. Внутренние механизмы – доклады Уполномоченного по правам человека в РФ, обзоры судебной практики – не покрывают всего объёма прежнего внешнего контроля и не предполагают сопоставимых по обязательности правовых последствий.

К этому добавляется проблема судебной зависимости (термин условный, употреблённый в самом мягком его значении). Восполнение утраченного внешнего механизма требует прежде всего реальной независимости национальной судебной власти. Вопрос об этой независимости остаётся дискуссионным – прежде всего в части порядка назначения судей, материального их обеспечения и оснований дисциплинарной ответственности. Без последовательных шагов в данном направлении расширение полномочий Конституционного Суда РФ или Уполномоченного по правам человека останется паллиативом – и в этом, как нам видится, состоит главный нерв проблемы.

Не менее острой выглядит и проблема ограниченных полномочий омбудсмана. Уполномоченный по правам человека в РФ, как и его региональные коллеги, обладает преимущественно консультативно-рекомендательным статусом. По оценке Т.Н. Москальковой, в рамках Комиссии СНГ по правам человека вопрос о создании наднационального судебного органа в обозримом будущем не рассматривается; обсуж-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 июня 2022 г. № 180-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3946.

² Аграновский Д.С. Комментарий к проекту постановления Пленума Верховного Суда РФ // Ведомости. 2025. 19 ноября.

³ Суринская Я. Указ. соч.

⁴ Зорькин В.Д. Выступление на Петербургском международном юридическом форуме // Российская газета. 2023. 12 мая.

⁵ Грушко А.В. Выход из конвенций Совета Европы не повлиял на защиту прав человека в РФ: интервью // ТАСС. 2023. 16 февраля. URL: <https://tass.ru/>.

⁶ Суринская Я. От ратификации до денонсации: европейские конвенции в праве РФ // Право.ru. 2023. 16 февраля. URL: <https://pravo.ru/>.

⁷ Кравченко Д.Н. О последствиях исключения практики ЕСПЧ из судебной практики Российской Федерации // Закон. 2025. № 11. С. 24.

⁸ Забейда А.А. Указ. соч.

⁹ Воронин В.В. Защита прав человека после выхода России из ЕСПЧ // Адвокатская газета. 2025. № 21. С. 6.

¹⁰ Аграновский Д.С. Указ. соч.

¹¹ Суринская Я. От ратификации до денонсации: европейские конвенции в праве РФ // Право.ru. 2023. 16 февраля.

даются лишь гармонизация национального законодательства и обмен практикой¹. Региональный (СНГ) формат пока не способен подменить выпавший европейский элемент.

Стоит отдельно остановиться на высоком пороге доступа к конституционной юстиции. Конституционный Суд РФ рассматривает индивидуальные жалобы лишь по узкому кругу вопросов – соответствие закона, применённого в конкретном деле, Конституции (ст. 96, 97 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Это принципиально иной по сравнению с ЕСПЧ механизм: он не предполагает ни оценки фактических обстоятельств дела, ни присуждения денежных компенсаций. Расширение его полномочий, о котором говорит А.А. Клишас и ряд экспертов², требует пересмотра самого Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ.

Сюда же относятся вызовы цифровой среды – обработка биометрических данных, применение искусственного интеллекта в юридически значимых решениях, – а также сохраняющиеся коррупционные проявления, правовой нигилизм и миграционные риски, особенно болезненные для отдельных категорий граждан и лиц без гражданства.

Предложения по совершенствованию законодательства

На основании изложенного представляется уместным обозначить основные направления совершенствования законодательства *de lege ferenda*.

Прежде всего оправдано введение в российскую правовую систему развитой модели федеральной конституционной жалобы, сочетающей элементы германского *Verfassungsbeschwerde* и испанского *recurso de amparo*. Гражданин должен иметь возможность обращаться в Конституционный Суд РФ не только по поводу проверки конституционности нормы, но и в связи с её применением в конкретном деле, нарушающим основные права. Это потребует изменения ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» – расширения предмета жалобы и снижения формальных порогов её приемлемости.

Самостоятельной задачей видится укрепление статуса Уполномоченного по правам человека. На наш взгляд, в Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» следует включить право Уполномоченного на обращение в суд с административным иском в интересах неопределённого круга лиц, обязанность государственных органов рассматривать его заключения с мотивированным ответом по существу, а также гарантии финансовой и кадровой автономии аппарата. Полагаем, что без таких изменений институт продолжит функционировать преимущественно в режиме «бумажной» правозащиты.

Целесообразно также нормативно закрепить принцип добровольного учёта международных правовых стандартов в судебной практике. Утрата обязательного характера прецедентов ЕСПЧ не означает запрета их использования в качестве убеждающего, а не обязывающего источника. Аналогичный подход допустим в отношении общих комментариев Комитета ООН по правам человека. Постановление Пленума Верховного Суда РФ могло бы рекомендовать судам учитывать такие позиции при толковании норм, корреспондирующих международным обязательствам России.

Перспективным видится развитие региональных форм международного сотрудничества по защите прав человека – в форматах СНГ, ШОС, БРИКС. Создание наднационального судебного органа на пространстве СНГ в ближайшее время не планируется, однако модельный закон СНГ «О статусе уполномоченного по правам человека» (с учётом готовящихся изменений) может стать стартовой площадкой для гармонизации национального законодательства государств-участников.

Наконец, требуется ревизия процессуального законодательства в части механизма пересмотра судебных актов. Действующая редакция норм ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ, исключившая постановления ЕСПЧ из перечня оснований для пересмотра, оставила пробел: альтернативный механизм пересмотра решений в связи с установленным фактом нарушения прав до настоящего времени не сформирован. Представляется целесообразным расширить полномочия Президиума Верховного Суда РФ по пересмотру дел в порядке надзора при установлении системных нарушений, выявленных, в том числе, Уполномоченным по правам человека.

Заключение

Анализ изменений 2022–2025 годов показывает, что выход России из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

¹ Москалькова Т.Н. О перспективах работы Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств: интервью // Исполнительный комитет СНГ. 2023. 24 августа.

² Клишас А.А. Конституционный Суд как финальная инстанция защиты прав // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 8.

и денонсация смежных договоров Совета Европы породили не правовой вакуум, но мониторинговый дефицит. Формальный каталог прав, гарантированных главой 2 Конституции РФ, не сократился. Однако процессуальный механизм их защиты лишился важного внешнего звена, и его восполнение исключительно за счёт усиления Конституционного Суда РФ и института Уполномоченного по правам человека – задача, не решаемая декларациями.

Дальнейшая эволюция национальной системы защиты прав человека, как нам представляется, напрямую зависит от того, насколько последовательно будут реализованы меры по укреплению независимости судов, расширению доступа граждан к конституционной юстиции, наделению Уполномоченного по правам человека реальными полномочиями и развитию региональных международных форматов. Без таких мер риск девальвации конституционных гарантий, на который указывает значительная часть профессионального сообщества, остаётся существенным. Совокупность охарактеризованных *de lege ferenda* мер, на наш взгляд, способна обеспечить переход от номинальной правозащитной модели к действующей.

Литература

1. Аграновский Д.С. Комментарий к проекту постановления Пленума Верховного Суда РФ // Ведомости. – 2025. – 19 ноября.
2. Воронин В.В. Защита прав человека после выхода России из ЕСПЧ // Адвокатская газета. – 2025. – № 21. – С. 6–8.
3. Гарифуллин Р.Р., Аминов И.Р. Последствия выхода России из Совета Европы // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 36–41.
4. Грушко А.В. Выход из конвенций Совета Европы не повлиял на защиту прав человека в РФ: интервью // ТАСС. – 2023. – 16 февраля. – URL: <https://tass.ru/>.
5. Забейда А.А. Россия и ЕСПЧ: итоги // Право.ru. – 2022. – 1 апреля. – URL: <https://pravo.ru/>.
6. Зорькин В.Д. Выступление на Петербургском международном юридическом форуме // Российская газета. – 2023. – 12 мая.
7. Клишас А.А. Конституционный Суд как финальная инстанция защиты прав // Журнал российского права. – 2023. – № 8. – С. 5–14.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
9. Кравченко Д.Н. О последствиях исключения практики ЕСПЧ из судебной практики Российской Федерации // Закон. – 2025. – № 11. – С. 22–30.
10. Лукашева Е.А. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. – 3-е изд. – М.: Норма: Инфра-М, 2021. – 512 с.
11. Москалькова Т.Н. О перспективах работы Комиссии по правам человека Содружества Независимых Государств: интервью // Исполнительный комитет СНГ. – 2023. – 24 августа. – URL: <https://cis.minsk.by/>.
12. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.
13. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 июня 2022 г. № 180-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 24. – Ст. 3946.
15. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 10. – Ст. 1566.
16. Суринская Я. От ратификации до денонсации: европейские конвенции в праве РФ // Право.ru. – 2023. – 16 февраля. – URL: <https://pravo.ru/>.
17. Суринская Я. Чем в России заменят Европейскую конвенцию по правам человека // Ведомости. – 2025. – 19 ноября.

PROBLEMS AND NEW CHALLENGES IN THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AFTER THE WITHDRAWAL FROM THE EUROPEAN CONVENTION ON HUMAN RIGHTS

Alekseev R.K.

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics

The subject of the study is the totality of legal relations arising in the sphere of human and civil rights protection in the Russian Federation following the termination of its par-

ticipation in the Council of Europe and the denunciation of the 1950 European Convention on Human Rights. The aim is to identify institutional and legal gaps in the national human rights protection system that have appeared after 16 September 2022 and to formulate proposals to fill them. The methodology includes formal-legal, comparative-legal, systemic-structural and historical methods. The author concludes that the transition to legal sovereignty without compensating domestic mechanisms creates a risk of devaluation of the constitutional guarantees provided by Article 17 (1), Article 45 (1) and Article 46 (1) of the Russian Constitution. The novelty lies in the systemic assessment of the consequences of the Convention denunciation through the lens of judicial protection guarantees and in the formulation of specific *de lege ferenda* measures. The results are applicable in lawmaking and law enforcement.

Keywords: human rights, European Convention on Human Rights, ECtHR, Constitutional Court of the Russian Federation, legal sovereignty, Commissioner for Human Rights, judicial protection, denunciation.

References

1. Agranovsky D.S. Commentary on the draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // *Vedomosti*. – 2025. – November 19.
2. Voronin V.V. Protection of human rights after Russia's withdrawal from the ECHR // *Advocate newspaper*. – 2025. – No. 21. – Pp. 6–8.
3. Garifullin R.R., Aminov I.R. Consequences of Russia's withdrawal from the Council of Europe // *Education and Law*. – 2022. – No. 5. – Pp. 36–41.
4. Grushko A.V. Withdrawal from the Council of Europe conventions did not affect the protection of human rights in the Russian Federation: interview // *TASS*. – 2023. – February 16. – URL: <https://tass.ru/>.
5. Zabeida A.A. Russia and the ECHR: results // *Pravo.ru*. – 2022. – April 1. – URL: <https://pravo.ru/>.
6. Zorkin V.D. Speech at the St. Petersburg International Legal Forum // *Rossiyskaya Gazeta*. – 2023. – May 12.
7. Klislas A.A. The Constitutional Court as the final authority for the protection of rights // *Journal of Russian Law*. – 2023. – No. 8. – Pp. 5–14.
8. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2020. – No. 31. – Art. 4398.
9. Kravchenko D.N. On the consequences of the exclusion of the ECHR practice from the judicial practice of the Russian Federation // *Law*. – 2025. – No. 11. – P. 22–30.
10. Lukasheva E.A. Human Rights: a textbook for universities / ed. by E.A. Lukasheva. – 3rd ed. – Moscow: Norma: Infra-M, 2021. – 512 p.
11. Moskalkova T.N. On the Prospects of the Work of the Human Rights Commission of the Commonwealth of Independent States: an interview // CIS Executive Committee. – 2023. – August 24. – URL: <https://cis.minsk.by/>.
12. On the Human Rights Commissioner in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of February 26, 1997 No. 1-FKZ (as amended on November 9, 2020) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 1997. – No. 9. – Art. 1011.
13. On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No. 1-FKZ (as amended on November 9, 2020) // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 1994. – No. 13. – Art. 1447.
14. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of June 7, 2022 No. 180-FZ // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2022. – No. 24. – Art. 3946.
15. On the Termination of International Treaties of the Council of Europe in Relation to the Russian Federation: Federal Law of February 28, 2023 No. 43-FZ // *Collected Legislation of the Russian Federation*. – 2023. – No. 10. – Art. 1566.
16. Surinskaya Ya. From ratification to denunciation: European conventions in Russian law // *Pravo.ru*. – 2023. – February 16. – URL: <https://pravo.ru/>.
17. Surinskaya Ya. What will replace the European Convention on Human Rights in Russia // *Vedomosti*. – 2025. – November 19.

Нормативное закрепление социально-правового статуса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих в Камчатском крае

Барсукова Лина Ивановна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры юриспруденции, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»

E-mail: kamgu@kamgu.ru

Лазарев Сергей Александрович,

к.э.н., доцент, заведующий лабораторией социально-гуманитарных исследований Камчатки, ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга»

E-mail: kamgu@kamgu.ru

Цель исследования заключается в комплексном изучении и детальном анализе сложившейся системы нормативно-правового регулирования социально-правового статуса коренных малочисленных народов Камчатки.

Методологическую основу работы составляют историко-правовой и формально-юридический методы. По итогам анализа делается вывод, что в Российской Федерации сформировалась многоуровневая и достаточно эффективная система нормативного правового регулирования социально-правового статуса указанных народов. Особое место в этой системе занимает региональное законодательство Камчатского края, которое не только конкретизирует федеральные положения, но и существенно развивает их с учетом местных социально-экономических, природно-климатических и этнокультурных особенностей.

Научная ценность статьи определяется сосредоточением внимания на специфике правового регулирования статуса коренных малочисленных народов именно в Камчатском крае – одном из ключевых регионов их компактного проживания.

Ключевые слова: правовой статус, социально-правовой статус, коренные малочисленные народы, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, социально-правовой статус коренных малочисленных народов Камчатки.

В современной России обеспечение прав и свобод коренных малочисленных народов занимает самостоятельное и значимое место в государственной политике, особенно в контексте демократических преобразований.

Государство формирует и реализует систему специальных мер, направленных на охрану территорий их расселения, поддержку традиционных форм хозяйствования, промыслов и сохранение культурной самобытности, поскольку коренные малочисленные народы находятся в особых условиях, которые связаны с проживанием в суровой природно-климатической среде и сохранением традиционного уклада жизни.

Социально-правовой статус коренных малочисленных народов закреплен в Конституции Российской Федерации. В частности, имеются в виду положения, обеспечивающие гарантии прав данных народов на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ (ст. 69).

Государство на федеральном уровне гарантирует соблюдение минимальных стандартов правовой защиты коренных малочисленных народов, субъекты РФ, в свою очередь, получают возможность регулировать значительную часть вопросов в рамках своей компетенции.

Базовым нормативным актом в рассматриваемой сфере выступает Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Его положения определяют систему распределения полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в части обеспечения защиты исконной среды обитания, а также сохранения традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов коренных малочисленных народов (ст. 5–7).

Учет лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, выделяется как одно из приоритетных направлений работы (ст. 7.1), закреплению их прав, а также прав общин и объединений (ст. 8–10). Закон также устанавливает гарантии судебной защиты нарушенных прав (ст. 14), формируя тем самым комплексный механизм правового обеспечения.

Одновременно действует Федеральный закон от 20.07.2000 № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», нормы которого закрепляют процедуры создания общин (ст. 8–9), требования к уставу (ст. 10), правовой статус членов общины (ст. 12–13), компетенцию органов управления (ст. 14–16), состав имущества (ст. 17), а также основания и порядок прекращения деятельности общин (ст. 21–22).

Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» направлен на регулирование отношений, связанных с созданием, охраной и использованием территорий традиционного природопользования.

Анализ положений Федерального закона № 49-ФЗ свидетельствует о его тесной взаимосвязи с земельным и экологическим законодательством. В частности, правовой режим территорий традиционного природопользования предусматривает возможность их предоставления общинам коренных народов в постоянное (бессрочное) пользование без проведения обязательных торгов и аукционов, что соотносится с положениями земельного законодательства (ст. 27 Земельного кодекса РФ) и законодательства о недрах (ст. 3.1 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»).

В рамках Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года, Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования...» рассматривается как один из ключевых инструментов правового обеспечения устойчивого развития указанных территорий. Его положения создают нормативную основу для развития экотуризма как одного из направлений рационального использования природных ресурсов при сохранении традиционного уклада жизни. [1]

Общины вправе осуществлять все виды деятельности, предусмотренные Распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р.

Результаты исследований, представленные в настоящей публикации, получены в рамках Межведомственной программы комплексных научных исследований Камчатского полуострова и сопредельных акваторий, реализуемой ФГБОУ ВО «КамГУ им. Витуса Беринга» по проекту «Исследование и прогнозирование качества жизни населения в экстремальных природно-климатических условиях Камчатки» (FZSS-2025–0009).

Важным этапом стало вступление в силу Федерального закона от 20.10.2022 № 403-ФЗ, внесшего изменения в законодательство об общинах. Теперь общины могут вести предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность. Согласно ст. 5 Федерального закона от 20.07.2000 № 104-ФЗ, такая деятельность возможна при условии, что она служит достижению целей создания общины, соответствует этим целям и предусмотрена ее уставом.

После разрешения предпринимательской деятельности актуальным стал вопрос о видах деятельности, соответствующих целям создания общин. Предпринимательская деятельность должна быть направлена на сохранение традиционного образа жизни. Примерами могут служить конкретные общины Камчатки: родовая община «Кехта» занимается охотой и отловом диких животных с предоставлением услуг; община камчадалов «Община Федоровых» – оптовой торговлей рыбой и морепродуктами; община «Вэнкой» производит изделия из дерева; община «Касатка» осуществляет производство меховых изделий, музейную и культурно-развлекательную деятельность. Такие виды выступают как дополнительные к основной деятельности.

Перспективными направлениями развития предпринимательской деятельности остаются этнотуризм, музейное дело, реализация продукции художественных промыслов, участие в культурных мероприятиях.

Однако, предпринимательская деятельность не является основной для общин, но служит достижению их уставных целей – сохранению традиционного образа жизни, хозяйствования и культуры. Она способствует устойчивому выполнению социально значимых функций и самостоятельному формированию ресурсов.

Общины вправе воспроизводить в уставах положения ст. 24 Федерального закона № 7-ФЗ, а также указывать иные виды деятельности, соответствующие целям организации, включая реализацию собственной продукции и исполнение государственных (муниципальных) заказов. При этом доходы от предпринимательской деятельности не распределяются между членами и служат источником формирования имущества общины. В случае ликвидации или выхода членов предусмотрена возможность получения части имущества.

Одновременно законодательство устанавливает обязанность членов общин рационально использовать природные ресурсы и проводить природоохранные мероприятия, что формирует систему взаимных прав и обязанностей между общинами и государством.

В Российской Федерации сформировалась многоуровневая и достаточно эффективная система нормативного правового регулирования социально-правового статуса указанных народов. В более широком контексте российское законодательство, регулирующее социально-правовой статус коренных малочисленных народов, представляет собой многоуровневую систему, включающую федеральные и региональные правовые механизмы. В ее основе лежат ключевые гарантии, предусматривающие защиту как индивидуальных прав коренных малочисленных народов.

В подзаконных нормативных правовых актах ключевое внимание уделяется укреплению гражданского единства, которое раскрывается через поддержку исторического и культурного развития многонационального народа России, а также посредством поддержания самобытности народов, населяющих страну, и сохранения их культурного разнообразия.

Подзаконные акты устанавливают общие ориентиры государственной политики в данной сфере. В дальнейшем эти ориентиры получают развитие: их уточняют и детализируют в последующих нормативных правовых актах.

В Камчатском крае, как и в других регионах России, особое внимание в рамках национальной политики уделяют социальной поддержке коренных малочисленных народов.

Алеуты, алыторцы, ительмены, камчадалы, коряки, чукчи, эвены (ламуты) и эскимосы являются коренными малочисленными народами Камчатского края. Кроме того, в регионе сохраняются и иные этнокультурные группы, традиционно связанные с коренными народами, включая «нымыланов», «чавчуенов», «луораветланов», «чуванцев» и «нанайцев». [2]

Таким образом, коренные малочисленные народы, проживающие в Камчатском крае, формируют особый этнокультурный пласт в структуре многонационального общества Российской Федерации. Их жизнедеятельность тесно связана с природной средой региона и во многом определяется сложными геоэкологическими и климатическими условиями края.

В целях обеспечения и защиты прав этих народов на сохранение традиционного уклада жизни, а также для создания условий их устойчивого социально-экономического развития в Камчатском крае пре-

дусмотрено формирование специальной организационно-правовой формы юридического лица.

Действующее гражданское законодательство закрепляет общины коренных малочисленных народов в системе некоммерческих корпоративных организаций. На уровне Камчатского края аналогичное регулирование распространяется на общины коренных малочисленных народов, проживающих в регионе. Они также рассматриваются как добровольные объединения граждан соответствующей этнической принадлежности, формируемые по тем же основаниям и с аналогичными целями.

Общины коренных малочисленных народов Севера занимают важное место в культурной и экономической жизни Камчатского края. Сохраняя традиционные формы хозяйствования в современных экономических условиях, они нуждаются в системной государственной поддержке. Уровень их развития служит показателем эффективности работы органов власти.

Общины коренных малочисленных народов Камчатского края представляют собой одну из наиболее действенных форм самоорганизации ительменов, коряков, эвенов, чукчей, алеутов и камчадалов. Согласно официальному перечню, в регионе зарегистрировано более 70 таких общин, которые ведут активную социально значимую деятельность. Эта работа осуществляется в соответствии с п. 2 Приказа Министерства внутренней политики и Контрольно-организационного управления Камчатского края от 04.03.2025 № 30-П и играет важную роль в реализации положений Федерального закона № 82-ФЗ.

В Усть-Камчатском районе общины камчадалов и ительменов («Коочь», «Середыш», «Ушки», «Ощепковых») преимущественно занимаются сохранением культурного наследия, возрождением традиций, проведением национальных мероприятий, благотворительностью и социальной поддержкой местных жителей.

В Тигильском районе и городском округе Палана сосредоточено большое количество общин ительменов и коряков. Такие общины, как «Дархита», «Кэнгинэй», «Хахтана», «Родник», «Каврал», «Курака», «Сапсан», «Тарбаган», «Каюю», «Лынгэй» и «ЮНЭТ», активно работают по сохранению и развитию родных языков, традиционных ремесел, проведению культурных фестивалей и мастер-классов. Они также ведут благотворительную работу, оказывают социальную помощь и участвуют в экологических инициативах.

В Олторском районе преобладают общины чукчей и коряков. Общины «Пылговаям», «Россомаха», «Волчца», «Мучгин нутзнут», «Чайка», «Тнепир», «Яхонт», «Ветровая», «Анана», «Айин» и «Ветвей» сочетают сохранение традиционного морского зверобойного промысла и оленеводства с благотворительностью, культурно-просветительской деятельностью, охраной окружающей среды и социальной поддержкой населения отдаленных сёл.

В Алеутском и Быстринском районах общины алеутов и коряков («УЛАХ», «Тангих», «Андрюновка», «Алней Ичинский») занимаются сохранением уникальной алеутской и корякской культуры, языка и традиционных промыслов, а также проводят культурно-просветительскую работу. [3]

Анализ перечня показывает, что общины коренных малочисленных народов Камчатского края выполняют важнейшую многофункциональную роль. Родовые и семейные общины (например, «Коочь», «Середыш», «Пылговаям», «Нюльтен») чаще всего акцентируют внимание на сохранении традиционного образа жизни, культуры и природопользования. Территориально-соседские общины («Дархита», «Родник», «Кэнгинэй», «Анана», «Ветвей») более активно вовлечены в социальную работу и межнациональное сотрудничество на уровне муниципалитетов.

Практически все общины в перечне ведут благотворительную и волонтерскую деятельность, что позволяет им оперативно реагировать на нужды своих членов и жителей территорий компактного проживания. Одновременно сохранение культуры и традиций остается стержневым направлением, без которого невозможно обеспечить устойчивость самобытности коренных народов.

Такая разносторонняя социально значимая деятельность общин является важным механизмом реализации государственной политики по защите прав коренных малочисленных народов и гармоничному развитию в современных условиях Камчатского края.

Особое место в этой системе занимает региональное законодательство Камчатского края, которое не только конкретизирует федеральные положения, но и существенно развивает их с учетом местных социально-экономических, природно-климатических и этнокультурных особенностей.

В частности, ст. 3 Устава Камчатского края от 04.12.2008 № 141 устанавливает обязанность органов государственной власти Камчатского края и органов местного самоуправления обеспечивать защиту

прав и законных интересов указанных народов в соответствии с федеральным законодательством. Одновременно на региональном уровне создаются условия для сохранения их культурной самобытности, языков и традиций.

Важную роль играет Закон Камчатского края от 14.04.2008 № 29 «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов в Камчатском крае», в котором отражены особенности осуществления традиционного рыболовства как одного из базовых элементов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов региона.

Кроме того, государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Камчатки ориентирована и на поддержку и развитие традиционных ремесел, создание условий для их сохранения и возрождения, а также на укрепление материально-организационной базы мастеров и профильных организаций. В этой связи Закон Камчатского края от 18.09.2008 № 125 «О народных художественных промыслах в Камчатском крае» закрепляет полномочия органов государственной власти Камчатского края, включая разработку и реализацию региональных программ поддержки, организацию выставочно-ярмарочной деятельности, проведение конкурсов, содействие профессиональной подготовке мастеров и создание условий для реализации продукции народных художественных промыслов.

Действуют этнокультурные центры и творческие мастерские, поддерживаются национальные виды декоративно-прикладного искусства. Проводятся фестивали, конкурсы и первенства по северному многоборью, семинары и круглые столы по вопросам прав коренных народов, традиционного природопользования и сохранения нематериального культурного наследия.

В результате Закон Камчатского края от 18.09.2008 № 125 «О народных художественных промыслах в Камчатском крае» формирует комплексную правовую и организационную систему, обеспечивающую сохранение и развитие традиционных ремесел.

Закон Камчатского края от 16.12.2009 № 361 «О праздниках и памятных датах Камчатского края» выполняет значимую культурно-правовую функцию, связанную с сохранением и популяризацией наследия коренных малочисленных народов региона. Его положения закрепляют систему официальных праздничных и памятных дат, часть которых напрямую отражает традиции, исторический опыт и этнокультурные особенности коренных народов Камчатки.

Включение таких дат в региональный календарь способствует более широкому их признанию в общественной жизни, а также укрепляет этническую идентичность и поддерживает преемственность культурных традиций.

Закон Камчатского края от 31.03.2017 № 72 «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Камчатского края» создает условия для сохранения и развития языков коренных народов.

Главное внимание направлено на языки коряков (алюторский, чавчувенский и нымыланский диалекты), ительменов, эвенов и алеутов – народов, языки и культура которых являются неотъемлемой частью уникального облика региона.

Среди предусмотренных мер – организация изучения языков в образовательных учреждениях, поддержка культурных мероприятий, направленных на сохранение языковой самобытности, а также выпуск и распространение книг, периодических изданий, аудио- и видеоматериалов на родных языках.

В общеобразовательных организациях края акцент делается на выявление и поддержку проектов по популяризации родных языков, обеспечение школ учебниками и пособиями на этих языках, а также предоставление субсидий муниципальным учреждениям на их приобретение.

Одно из ключевых направлений – подготовка и выпуск учебных и методических материалов. Каждый год выходят новые рабочие тетради, учебные пособия, методические рекомендации, разговорники, плакаты, календари, настольные игры и другие дидактические пособия на корякском, ительменском, эвенском и алеутском языках. Эти материалы широко используются в школах, особенно в Корякском округе, и находятся в свободном доступе для всех, кто хочет изучать родной язык.

Для учителей и носителей языков регулярно проводятся курсы повышения квалификации, практические занятия и семейные разговорные клубы. Такой подход помогает уверенно передавать корякский, ительменский и эвенский языки от старших поколений к детям и подросткам, сохраняя их в живом повседневном общении.

Каждый февраль проходит целый ряд событий, приуроченных к Международному дню родного языка. Это фольклорные вечера, акции «Говорим на родном языке», литературные часы о творчестве

писателей коренных народов, громкие чтения сказок и мифов. Для дошкольников и школьников организуют игровые программы, викторины, мастер-классы, конкурсы рисунков с национальными орнаментами, а также циклы занятий «Сказки народов Камчатки» и «Сказки и мифы народов Севера». Благодаря этому дети лучше узнают традиции коряков, ительменов, эвенов и алеутов.

В культурной сфере регулярно ставятся спектакли национально-го кукольного театра на корякском языке, деятельность этнокультурных центров и творческих мастерских, фольклорно-этнографические экспедиции с созданием электронных архивов нематериального наследия, проводятся тематические мастер-классы по языковому многообразию, передвижные выставки и музейные экспозиции о материальной и духовной культуре коренных народов. Не менее важны фольклорно-этнографические экспедиции в отдаленные села, где специалисты записывают речь носителей, обряды, песни и фольклор на корякском, ительменском и эвенском языках. Все собранные материалы пополняют электронные архивы и каталоги нематериального культурного наследия.

Жители края активно участвуют в ежегодных краевых конкурсах творческих работ на родных языках – сказок, стихов, рассказов, сценок и видеороликов. Лучшие работы корякских, ительменских, эвенских и алеутских авторов отмечают в специальных номинациях, включая гран-при за вклад в сохранение языков. Также проводятся фестивали-конкурсы сказок коренных народов и различные межрегиональные и всероссийские этнокультурные мероприятия.

Большую поддержку оказывают средства массовой информации: регулярно выходят издания с текстами на национальных языках, появляются онлайн-рубрики о камчадалских говорах, виртуальные выставки и аудиокниги на двух языках. Поддерживается выпуск новостей на корякском языке на региональном телевидении, издание газеты «Абориген Камчатки» на национальных языках. Традиционно организуются всероссийские этнолингвокультурологические диктанты.

Научная работа включает конференции, круглые столы и семинары по вопросам языковой политики, цифровизации наследия и методик преподавания. Проводятся социолингвистические исследования и анкетирования, которые позволяют оценить текущее состояние корякского, ительменского, эвенского и других языков, а также выездные сессии с практическими мастер-классами.

Благодаря такому всестороннему подходу языки коряков, ительменов, эвенов и алеутов продолжают жить в школах, семьях, культуре и творчестве жителей Камчатки.

Основные языки коренных народов Камчатки имеют разный статус. Ительменский, корякский и алюторский языки относятся к чукотско-камчатской семье и находятся под угрозой исчезновения – число активных носителей крайне невелико и в основном представлено старшим поколением. Чукотский язык сохраняется в северных районах края, эвенский – среди представителей эвенского народа, хотя русский язык здесь также доминирует. Камчадалский диалект, представлявший собой смесь русского языка с элементами местных языков, сегодня практически не используется, и камчадалы говорят преимущественно по-русски. Алеутский язык, который считается практически «заснувшим», но, по данным переписи, им якобы владеют 98 жителей региона.

Закон Камчатского края от 19.12.2013 № 367 «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов в Камчатском крае» закрепляет правовой статус Уполномоченного, наделенного функциями независимого государственного контроля в сфере соблюдения прав коренных малочисленных народов региона.

Закон Камчатского края от 18.09.2008 № 126 «Об общинах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Камчатском крае» отдельное внимание уделяет требованиям к уставу, правовому статусу самой общины и ее членов, а также распределению полномочий между органами управления (ст. 8, 10–14). Кроме того, закон устанавливает порядок взаимодействия общин с органами государственной власти Камчатского края и органами местного самоуправления (ст. 17), а также определяет основания и процедуру прекращения их деятельности (ст. 18–19).

Таким образом, данный нормативный акт определяет особенности организации общин коренных малочисленных народов на региональном уровне и является значимым элементом правовой системы Камчатского края, обеспечивая функционирование таких общин как одной из ключевых форм самоорганизации этих народов.

Закон Камчатского края от 02.02.2022 № 47 «Об организации и обеспечении защиты прав, исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, проживающих в Камчатском крае» закрепляет основные принципы организации и обеспечения защиты прав

указанных народов (ст. 4), а также определяет полномочия органов государственной власти Камчатского края в данной сфере (ст. 5–8). Отдельно регулируются вопросы формирования и функционирования территорий традиционного природопользования регионального значения (ст. 12).

В целом данный закон выступает ключевым региональным нормативным актом, обеспечивающим комплексное регулирование в сфере защиты прав коренных малочисленных народов Камчатского края.

В Законе Камчатского края от 05.06.2024 № 367 «О территориях компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Камчатском крае» вводится и получает нормативное закрепление категория «территории компактного проживания».

Под ними понимаются специально выделяемые земельные пространства, на которых компактно проживают представители коренных малочисленных народов Камчатского края – ительмены, коряки, эвены, чукчи, алеуты и камчадалы, и где сохраняются элементы традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов.

Закон устанавливает правовые основы идентификации, правового режима и управления такими территориями. Он предусматривает введение особого порядка землепользования и природопользования, включающего ограничения на осуществление видов хозяйственной деятельности, не связанных с традиционным природопользованием, а также усиление мер по охране окружающей среды. Одновременно нормативный акт закрепляет систему мер государственной поддержки населения территорий компактного проживания в социальной, экономической и культурной сферах.

Значительные усилия направлены на укрепление материально-технической базы общин коренных народов через субсидии на развитие рыболовства, охотничьего промысла и сбора дикоросов. Государственную поддержку в 2025–2026 году получили десятки общин из разных муниципальных образований.

Особое место в системе регионального регулирования занимает Закон Камчатского края от 26.09.2023 № 494 «О северном оленеводстве в Камчатском крае», который определяет правовые основы развития северного оленеводства как одного из ключевых направлений традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов региона.

В соответствии со ст. 5 указанного Закона органы государственной власти Камчатского края обеспечивают условия для устойчивого развития северного оленеводства, сохранения традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, увеличения поголовья домашних северных оленей, модернизации производственной базы отрасли, защиты интересов работников, а также привлечения квалифицированных специалистов и улучшения социально-экономического положения занятых в данной сфере.

Государственная поддержка северного оленеводства в Камчатском крае реализуется по ряду взаимосвязанных направлений, охватывающих как производственную, так и социальную сферу. Она включает развитие производства и переработки продукции оленеводства, изготовление изделий на её основе, внедрение современных технологий глубокой переработки, а также меры по содействию сбыту продукции, в том числе через развитие логистических цепочек доставки до конечного потребителя.

Отдельное значение придается управлению отраслевыми рисками, включая страхование, в том числе случаев гибели животных, проведение научных исследований, рациональное использование оленьих пастбищ, осуществление противоэпизоотических мероприятий и защиту стад от хищников. В систему поддержки также входят меры социальной направленности: дополнительное медицинское страхование оленеводов и членов их семей, подготовка и переподготовка кадров,

а также сохранение традиционных знаний и практик северного оленеводства.

Законодательство признает северное оленеводство ключевым элементом традиционной хозяйственной системы коренных малочисленных народов Камчатки. Оно не только помогает обеспечить экономическую устойчивость, но и сохраняет традиционный образ жизни и культурные традиции.

Анализ отдельных нормативных правовых актов Камчатского края позволяет прийти к выводу, что региональное законодательство при этом не существует изолированно, а развивается в логике федеральных установлений, постепенно переходя от отдельных, фрагментарных решений к более системному и комплексному регулированию, направленному на сохранение этнокультурной специфики и поддержку социально-экономического развития данных народов.

Литература

1. О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на период до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2025 № 1161-п // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 19. – Ст. 2374.
2. Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Камчатском крае «О соблюдении и защите прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и дальнего Востока РФ, проживающих на территории Камчатского края, и деятельности уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Камчатском крае за 2024 год». – URL: <http://pravo41.ru/>. – 30.05.2026.
3. Перечень общин коренных малочисленных народов, ведущих социально-значимую деятельность в Камчатском крае. – URL: <http://kamgov.ru/>. – 30.05.2026.

NORMATIVE CONSOLIDATION OF THE SOCIO-LEGAL STATUS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA, AND THE FAR EAST LIVING IN THE KAMCHATKA TERRITORY

Barsukova L.I., Lazarev S.A.

Vitus Bering Kamchatka State University

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the existing system of regulatory legal regulation of the socio-legal status of the indigenous small-numbered peoples of Kamchatka region.

The research relies on historical-legal and formal-legal methods. Based on the analysis, it is concluded that the Russian Federation has developed a multi-level and fairly effective system of legal regulation of the socio-legal status of these peoples. A prominent role in this system belongs to the regional legislation of Kamchatka Krai, which not only clarifies federal norms but also actively advances them in light of the region's specific socio-economic, natural-climatic, and ethnocultural characteristics.

The scientific value of the article lies in its focus on the particularities of legal regulation of indigenous peoples' socio-legal status in Kamchatka Krai, one of the most important areas of their compact settlement.

Keywords: legal status, socio-legal status, indigenous small-numbered peoples, indigenous peoples of the North, socio-legal status of indigenous peoples of Kamchatka.

References

1. On the Concept of sustainable development of the Indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation for the period up to 2036: Order of the Government of the Russian Federation No. 1161-r dated May 8, 2025 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2025. – No. 19. – Art. 2374.
2. Report of the Commissioner for the rights of indigenous peoples in the Kamchatka territory «On the observance and protection of the rights of indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation living in the Kamchatka territory, and the activities of the Commissioner for the rights of indigenous peoples in the Kamchatka territory for 2024». – URL: <http://pravo41.ru/>. – 30.05.2026.
3. List of indigenous peoples' communities engaged in socially significant activities in the Kamchatka territory. – URL: <http://kamgov.ru/>. – 30.05.2026.

Разграничение и взаимодействие административной и дисциплинарной ответственности в сфере госзакупок

Власова Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: vlasovael1963@gmail.com

Перетолчин Артём Павлович,

кандидат юридических наук, начальник кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: peretart@yandex.ru

В статье исследуются вопросы разграничения и взаимодействия административной и дисциплинарной ответственности в сфере государственных закупок. Автор анализирует правовые основы, закреплённые в ФЗ № 44-ФЗ, КоАП РФ и ТК РФ, рассматривает субъектов ответственности, их особенности и случаи одновременного применения обоих видов ответственности. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, таким как неоднозначность терминов, сложность разграничения видов ответственности и разнородность подходов на региональном уровне. В работе приводятся конкретные примеры нарушений и мер реагирования (в т.ч. статистика УФАС по Иркутской области), а также анализируется специфика участия самозанятых в госзакупках и особенности их ответственности. Предлагаются меры по совершенствованию системы: унификация практики, повышение квалификации специалистов, уточнение понятий в законодательстве, автоматизация контроля и цифровизация процессов, обобщение судебной практики. Подчёркивается, что реализация этих мер будет способствовать прозрачности закупок и рациональному расходованию бюджетных средств.

Ключевые слова: государственные закупки, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, правоприменительная практика, проблемы разграничения ответственности, совершенствование регулирования, самозанятые.

Государственные закупки прошли долгий путь от первых казённых подрядов эпохи Ивана Грозного до современной цифровой контрактной системы. На каждом этапе развития совершенствовались механизмы отбора поставщиков, усиливался контроль за расходованием бюджетных средств, а сама система госзакупок становилась всё более прозрачной и эффективной [3, 4]. Сегодня она остаётся важнейшим инструментом реализации государственной политики и рационального использования общественных финансов.

Согласно ФЗ № 44-ФЗ государственные закупки – это целенаправленная деятельность по обеспечению государственных и муниципальных нужд в товарах, работах, услугах, которая осуществляется на контрактной основе. Контрактная система включает планирование закупок, определение поставщиков, заключение контрактов, их исполнение, мониторинг и аудит. Регулирование также основывается на положениях Конституции РФ (статьи 8; 15; 34; 24; ч. 4 ст. 29), Гражданского (статьи 330; 333, 450, 525–534, 763–766 ГК РФ) и Бюджетного кодексов РФ (статья 72), а также на подзаконных актах (постановления Правительства РФ, приказы федеральных органов исполнительной власти и др.).

В 2024 году объём госзакупок по 44-ФЗ вырос на 11,2% по сравнению с 2023 годом и составил 11,9 трлн рублей. Количество объявленных закупок увеличилось на 5,4% – до 2561 358 процедур. Было заключено 3374 740 контрактов на сумму 10,9 млрд рублей, а экономика бюджета РФ составила 433,18 млрд рублей. Относительная экономия (снижение начальной максимальной цены контракта, НМЦК) составила 4,82% [6].

В 2025 году объём госзакупок у малого и среднего бизнеса (далее – МСП) превысил 9,5 трлн рублей. Почти 239 тысяч МСП стали поставщиками товаров и услуг для госзаказчиков в рамках Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» – это на 5,5% больше, чем в 2024 г. Наибольший объём договоров госзаказчиков с субъектами МСП был заключён на поставку продукции обрабатывающих производств – более 2,84 трлн рублей. На втором месте – сооружения и строительные работы (2,3 трлн рублей) [1].

По данным аналитического центра «Национальный рейтинг прозрачности закупок» (далее – НРПЗ), средний уровень конкуренции в государственных и муниципальных закупках за период II полугодия 2024 года и I полугодия 2025 года составил 2,16 участника на процедуру – это минимальное значение за последние годы. При этом, на каждую четвертую процедуру (24,16%) пришло 2–3 участника, а каждая пятая закупка (18,6%) прошла при четырёх и более поданных заявках. Сегменты с устойчивой конкуренцией включали строительные работы, дополнительное профессиональное образование, поставки бумаги и печатных услуг, ремонт оборудования, страхование, клининг и содержание территорий [5].

Доля контрактов, заключённых с МСП, по итогам 2025 года составила 42% по объёму и 67% по количеству. Муниципальные заказчики продемонстрировали рост доли контрактов с МСП на 3 п.п.

С 1 января 2025 года вступили в силу обновлённые требования национального режима. По итогам I полугодия 2025 года объём закупок, подпадающих под ограничения и условия национального режима, составил 1,32 трлн рублей (19% совокупного объёма). Это соответствовало 645 тысячам процедур (51,4% по количеству).

В первом квартале 2026 года объём закупок крупнейших госзаказчиков у самозанятых составил 5,9 млрд рублей. Число поставщиков, работающих в режиме налога на профессиональный доход (далее – НПД), превысило 3 тысячи человек. Основной объём закупок в первом квартале пришёлся на финансовые и страховые услуги – 3,83 млрд рублей (около двух третей от общего показателя). Среди регионов лидерами по объёму закупок у самозанятых стали Москва (1,17 млрд рублей) и Томская область (1,06 млрд рублей). Наибольший прирост закупок в годовом выражении продемонстрировала Томская область – более чем на 1 млрд рублей.

Несмотря на позитивные количественные показатели участия самозанятых в системе государственных закупок, вопросы административной и дисциплинарной ответственности в данной сфере сохраняют высокую актуальность. Это обусловлено комплексом факторов, свя-

занных с особенностями нормативно-правового регулирования контрактной системы, спецификой правового статуса самозанятых лиц как участников закупок, а также наличием существенных рисков совершения правонарушений на различных этапах закупочного цикла.

Специфика участия самозанятых в госзакупках порождает ряд потенциальных рисков нарушения законодательства. Во-первых, самозанятые обязаны строго соблюдать ограничения, установленные для режима НПД: лимит годового дохода в размере 2,4 млн рублей, запрет на привлечение субподрядчиков, запрет на осуществление перепродажи товаров и ведение лицензируемых видов деятельности. Нарушение данных ограничений может привести к утрате статуса самозанятого, признанию участия в закупке неправомерным, а заключённого контракта – недействительным. При этом, дисциплинарная ответственность в сфере государственных закупок, предусматривающая такие меры воздействия, как замечание, выговор или увольнение (ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации), к самозанятым лицам не применяется, что обусловлено сущностными характеристиками их правового статуса. Основанием для исключения применения дисциплинарной ответственности выступает отсутствие трудовых отношений между самозанятым и заказчиком: самозанятые субъекты функционируют в качестве самостоятельных участников гражданско-правовых отношений и взаимодействуют с заказчиками на основе гражданско-правовых договоров (договоров подряда, возмездного оказания услуг и иных аналогичных соглашений), а не трудовых договоров. В силу данного обстоятельства нормы трудового законодательства, регламентирующие дисциплинарную ответственность, к самозанятым неприменимы. В случае нарушения самозанятым условий контракта либо требований действующего законодательства (например, при превышении лимита годового дохода, установленного для режима налога на профессиональный доход, привлечении субподрядчиков вопреки ограничениям специального налогового режима, осуществлении перепродажи товаров либо ведении лицензируемых видов деятельности) наступают иные виды юридической ответственности. Прежде всего, возникает гражданско-правовая ответственность, регулируемая положениями ГК РФ (в т.ч. ст. 393, 401, 450.1 ГК РФ), которая может выражаться в расторжении контракта по инициативе заказчика, взыскании причинённых заказчику убытков, а также уплате неустойки (пени или штрафа) за нарушение сроков исполнения обязательств либо иных условий заключённого договора.

Кроме того, при наличии состава административного правонарушения возможно привлечение к административной ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) В частности, по ст. 7.32 КоАП РФ предусматривается ответственность за нарушение условий контракта, повлёкшее причинение ущерба бюджетным средствам; также могут быть применены иные составы КоАП РФ, связанные с предоставлением недостоверных сведений при участии в закупочных процедурах.

Нарушение условий применения режима НПД влечёт и налоговые последствия, регламентируемые Налоговым кодексом Российской Федерации (в т.ч. ст. 122 НК РФ). К таковым относятся утрата права на применение специального налогового режима при выявлении нарушений установленных ограничений, доначисление налогов по общей системе налогообложения либо иному налоговому режиму, а также наложение штрафных санкций за неуплату или неполную уплату сумм налогов.

Особой мерой, непосредственно затрагивающей возможность дальнейшего участия самозанятого в государственных закупках, выступает включение в реестр недобросовестных поставщиков в соответствии с ч. 2 ст. 104 ФЗ № 44-ФЗ. Данная мера применяется в случаях уклонения от заключения контракта либо существенного нарушения его условий и влечёт ограничение права участия в закупках на срок два года.

Таким образом, отсутствие возможности привлечения самозанятых лиц к дисциплинарной ответственности компенсируется комплексом действенных механизмов гражданско-правовой, административной, налоговой ответственности, а также специальными мерами административного ограничения доступа к участию в госзакупках. Совокупность данных мер обеспечивает соблюдение требований законодательства о контрактной системе и эффективную защиту интересов заказчиков в условиях участия самозанятых субъектов в закупочных процедурах.

Во-вторых, при подаче заявки самозанятый обязан подтвердить свой статус и соответствие требованиям законодательства (в т.ч. требованиям к субъектам малого и среднего предпринимательства, если закупка проводится среди СМП). Ошибки или недостоверность представленных сведений могут повлечь отклонение заявки либо растор-

жение контракта в одностороннем порядке (ст. 32, ст. 95 ФЗ № 44-ФЗ соответственно).

В-третьих, самозанятый обязан лично исполнять обязательства по контракту, что накладывает дополнительные требования к контролю за фактическим исполнением договорных обязательств (ст. 4 п. 2 ФЗ № 42-ФЗ).

Таким образом, самозанятые, участвующие в государственных закупках, имеют особый правовой статус, который влияет на виды ответственности за нарушения. В отличие от традиционных участников закупок (юридических лиц, ИП, государственных служащих), к самозанятым не применяется дисциплинарная ответственность, так как они не состоят в трудовых отношениях с заказчиком и действуют как самостоятельные субъекты гражданско-правовых отношений. Однако это не исключает других форм ответственности – гражданско-правовой, административной, налоговой, а также включения в реестр недобросовестных поставщиков. Для других участников закупочного процесса (должностных лиц заказчика, сотрудников контрактной службы, членов закупочных комиссий и др.) применяются иные виды ответственности. Согласно ст. 107 ФЗ № 44-ФЗ, лица, виновные в нарушении законодательства о контрактной системе, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ. Дисциплинарная ответственность регулируется трудовым законодательством (ст. 192 ТК РФ). Она может быть применена к работникам, действующим на основании трудового договора (например, в бюджетных учреждениях, унитарных предприятиях). Для государственных служащих дисциплинарные взыскания предусмотрены ст. 57 ФЗ № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Административная ответственность предусмотрена для должностных лиц и юридических лиц за нарушения в сфере контрактной системы. Например: нарушение порядка выбора способа определения поставщика – штраф для должностных лиц от 30 000 до 50 000 рублей (ч. 4 ст. 7.30.1 КоАП РФ); нарушение сроков заключения контракта – штраф для должностных лиц от 50 000 рублей (ч. 3 ст. 7.30.2 КоАП РФ); изменение условий контракта без законных оснований – штраф для юридических лиц от 100 000 до 300 000 рублей (ч. 3 ст. 7.30.2 КоАП РФ).

Эффективный контроль – необходимое условие соблюдения законодательства всеми участниками закупочного процесса, независимо от их правового статуса. Он позволяет выявлять и пресекать нарушения, а также способствует единообразному применению норм об административной и дисциплинарной ответственности.

В сфере госзакупок действует многоуровневая система контроля, включающая несколько государственных органов с различными полномочиями. Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) – основной регулятор в сфере госзакупок. Её деятельность направлена на устранение нарушений Закона о контрактной системе и восстановление конкурентных условий для осуществления закупок. ФАС контролирует соблюдение антимонопольного законодательства, принципов конкуренции и требований к процедурам торгов. В 2025 году ФАС помогла бизнесу вернуть долги по закупкам на 855 млн рублей и вынесла штрафы на 1,7 млрд рублей за незаконную организацию картелей [7]. Прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законодательства в сфере госзакупок, включая Федеральный закон № 44-ФЗ и № 223-ФЗ. Счётная палата проводит аудит и оценку эффективности расходов, при этом, полномочия Счётной палаты распространяются не только на федеральный уровень, но и на региональные и муниципальные закупки. Следственный комитет РФ в основном выступает заказчиком в госзакупках, хотя и имеет систему внутреннего контроля закупок.

ФАС, прокуратура, Счётная палата активно отслеживают нарушения в сфере госзакупок и могут инициировать административные производства. Так, по данным на декабрь 2025 года, Управление Федеральной антимонопольной службы (УФАС) по Иркутской области опубликовало статистику о привлечении к ответственности за нарушения в сфере госзакупок.

В 2025 году УФАС по Иркутской области привлекло к ответственности 121 должностное лицо. Из них 9 человек получили административное наказание в виде штрафа (за повторные нарушения), остальным было вынесено предупреждение. Также в 2025 году в реестр недобросовестных поставщиков в Иркутской области было включено 223 организации сроком на два года. Основанием стало нарушение при исполнении контрактов для обеспечения государственных и муниципальных нужд [2].

Административная ответственность в сфере госзакупок регламентируется Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и наступает за совершение административных правонарушений, предусмотренных рядом его статей (в т.ч. ст. 7.29–7.32,

19.5, 19.7.2 КоАП РФ). К числу наиболее распространённых нарушений относятся: нарушение порядка определения поставщика (подрядчика, исполнителя), несоблюдение сроков заключения контракта, размещение недостоверной информации в Единой информационной системе (далее – ЕИС), нарушение требований к содержанию документации о закупке, необоснованный отказ в допуске к участию в закупке и др. Субъектами административной ответственности выступают как юридические лица (заказчики), так и должностные лица (контрактные управляющие, члены закупочных комиссий, руководители организаций), а санкции варьируются от административного штрафа до дисквалификации.

Дисциплинарная ответственность, в свою очередь, регулируется Трудовым кодексом Российской Федерации (ст. 192, 193 ТК РФ) и применяется к работникам, участвующим в закупочном процессе (контрактным управляющим, сотрудникам контрактных служб, членам комиссий по осуществлению закупок), за неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей, связанных с организацией и проведением закупок. Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности является дисциплинарный проступок, то есть виновное неисполнение работником возложенных на него трудовых функций. Мерами дисциплинарного воздействия выступают замечание, выговор и увольнение. Для отдельных категорий работников (государственных гражданских служащих) могут применяться дополнительные виды взысканий, предусмотренные специальными нормативными актами (например, предупреждение о неполном должностном соответствии).

Взаимодействие административной и дисциплинарной ответственности проявляется в том, что одно и то же нарушение в сфере госзакупок может одновременно повлечь применение обеих форм ответственности. Например, если контрактный управляющий допустил нарушение сроков размещения информации в ЕИС, он может быть привлечён к административной ответственности по ст. 7.30 КоАП РФ (штраф), а работодатель вправе применить к нему дисциплинарное взыскание (выговор или замечание). Аналогичным образом, нарушение процедуры рассмотрения заявок может привести как к административному штрафу для должностного лица, так и к дисциплинарному взысканию со стороны работодателя.

Таким образом, административная и дисциплинарная ответственность в сфере госзакупок выполняют важные регулятивные и превентивные функции. Административная ответственность направлена на обеспечение соблюдения публичных интересов, поддержание законности и прозрачности закупочных процедур, а также на предупреждение противоправных действий со стороны участников контрактной системы. Дисциплинарная ответственность способствует укреплению трудовой дисциплины внутри организаций-заказчиков, стимулирует добросовестное исполнение работниками своих должностных обязанностей и минимизирует риски нарушений на этапе планирования, проведения и исполнения закупок. Комплексное применение данных видов ответственности позволяет создать эффективную систему контроля и надзора в сфере госзакупок, обеспечивая баланс между стимулированием участия новых категорий поставщиков (включая самозанятых) и соблюдением требований законодательства.

Тем не менее, проблемы в сфере административной и дисциплинарной ответственности за нарушения в госзакупках существуют, и они часто связаны с правоприменительной практикой, изменениями законодательства и разграничением видов ответственности. Так, региональные управления ФАС иногда принимают противоречивые решения из-за разной интерпретации закона о контрактной системе. Например, в практике встречаются случаи, когда заказчики необоснованно ограничивают конкуренцию через требования к участникам закупок. Так, в одном из дел (дело № 22/44/93/344) ФАС признала нарушением требование заказчика к участникам закупки о наличии членства в саморегулируемых организациях (далее – СРО) одновременно в области архитектурно-строительного проектирования и в области строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства. Это ограничивало допуск участников, имеющих членство только в одной СРО.

В другом случае заказчик при оценке квалификации применял показатель «Общая цена исполненных договоров», что ФАС сочла неэффективным (дело № 202400100161005624). Такой подход приравнивал участников, исполнявших крупные контракты, к менее опытным лицам, что противоречило принципу эффективности закупок.

Некоторые составы административных правонарушений предусматривают чрезмерно строгие штрафы, не всегда соразмерные общественному вреду. Например, по ст. 7.30.2 КоАП РФ за задержку подписания договора штраф для должностных лиц составляет от 5 000 до 30 000 рублей, а для юридических лиц – до 500 000 рублей. При

этом повторные нарушения могут повлечь дисквалификацию на срок до 2 лет.

Отсутствие чётких определений некоторых понятий в нормативных актах вынуждает контролирующие органы толковать их самостоятельно, что ведёт к необоснованному привлечению к ответственности. Например, понятие «дробление закупок» не закреплено в законе, но иногда используется в правоприменительной практике, что может приводить к необоснованным обвинениям. При признании дробления незаконным возможны: административная ответственность – штрафы по КоАП РФ (например, по ч. 1 или ч. 2 ст. 7.29 за некорректный выбор способа определения поставщика), или уголовная ответственность – если усматривается личная заинтересованность должностного лица (ст. 200.4 УК РФ – злоупотребление в сфере закупок или ст. 286 УК РФ – превышение должностных полномочий).

Также возникают сложности с интерпретацией требований к описанию объекта закупки. В одном из дел ФАС признала нарушением включение в описание объекта закупки характеристик, которые не учитывали реальную потребность в ресурсах для выполнения контракта. Например, при закупке услуг пассажирских перевозок заявки оценивали по наличию материальных ресурсов (автобусов), что было признано несправедливым.

Ежегодные поправки в ФЗ № 44-ФЗ и принятие множества подзаконных актов также усложняют правоприменительную практику. Например, с 1 марта 2025 года вступили в силу изменения в КоАП РФ, которые ввели новые статьи (7.30.1–7.30.6 и др.) и скорректировали существующие положения (ст. 7.29, 7.30, 7.32). Эти изменения направлены на усиление ответственности за нарушения в сфере закупок и устранение неоднозначностей в регулировании.

Иногда сложно определить, какое нарушение влечёт дисциплинарную, а какое – административную ответственность, особенно если действия должностного лица одновременно нарушают и внутренние регламенты, и законодательство. Например, если контрактный управляющий допустил нарушение сроков размещения информации в ЕИС, это может повлечь как административный штраф по ст. 7.30 КоАП РФ, так и дисциплинарное взыскание (выговор или замечание) со стороны работодателя. Однако не всегда ясно, насколько строго должно быть наказание в каждом конкретном случае.

Разграничение дисциплинарной и административной ответственности представлено в таблице 1.

Таблица 1. Разграничение дисциплинарной и административной ответственности.

Критерий	Дисциплинарная ответственность	Административная ответственность
Основание	Нарушение трудовых обязанностей, внутренних регламентов (ст. 192 ТК РФ)	Нарушение норм, закреплённых в КоАП РФ или других законах об административной ответственности (ст. 7.29–7.32, 19.5, 19.7.2 КоАП РФ)
Субъект применения	Работодатель (руководитель организации, кадровый орган)	Государственные органы (например, ФАС, прокуратура), суд
Правовые последствия	Влияет на трудовые отношения: замечание, выговор, увольнение (ст. 192 ТК РФ); для госслужащих – предупреждение о неполном должностном соответствии (ст. 57 ФЗ № 79-ФЗ)	Влияет на правовое положение лица в целом (штраф, дисквалификация и т.д.) (ст. 3.2 КоАП РФ)
Процедура	Регламентируется ТК РФ и локальными актами (ст. 193 ТК РФ): требование объяснений, издание приказа о взыскании, срок давности – 1 месяц	Регламентируется КоАП РФ и процессуальными нормами

Из приведённой таблицы видно, что дисциплинарная и административная ответственность различаются по основаниям, субъектам применения, правовым последствиям и процедурам. Однако, на практике разграничение этих видов ответственности нередко вызывает сложности. Исходя из чего, крайне необходимо унифицировать правоприменительную практику в целях обеспечения единообразного толкования и применения норм законодательства о государственных закупках. Для её достижения целесообразно реализовать следующие меры: разработать и утвердить методические рекомендации для контролирующих органов (в т.ч. ФАС, прокуратуры и иных уполномоченных структур) по квалификации нарушений в сфере госзакупок, что позволит стандартизировать подходы к выявлению и оценке правонарушений; создать единую базу решений ФАС и судов по делам о на-

рушениях в сфере госзакупок с возможностью поиска по ключевым словам и типовым ситуациям – это обеспечит доступ к актуальной практике и поможет избежать противоречивых решений; организовать регулярные совещания между региональными управлениями ФАС для обмена опытом и согласования подходов к квалификации нарушений, что будет способствовать формированию единой правоприменительной позиции на всей территории РФ.

Далее, необходимо повышение квалификации специалистов в области госзакупок. Цель данного направления – снизить количество ошибок в интерпретации норм и применении законодательства в сфере госзакупок. Достичь её можно посредством: организации обязательных курсов повышения квалификации для контрактных управляющих, членов закупочных комиссий и сотрудников контрольных органов с акцентом на актуальные изменения в законодательстве; включения в программы обучения разбора реальных кейсов с анализом типичных ошибок и способов их предотвращения, что позволит закрепить теоретические знания на практике; введения регулярной аттестации специалистов в сфере госзакупок с проверкой знаний актуальных норм законодательства – это обеспечит поддержание высокого уровня профессиональной компетентности; создания онлайн-платформы с обучающими материалами, вебинарами и тестами для самоподготовки, что даст возможность специалистам обновлять знания в удобном формате и в индивидуальном темпе.

Устранить неоднозначность ключевых терминов и норм, вызывающих разночтения в правоприменительной практике поможет уточнение понятий в законодательстве. Для этого необходимо: внести поправки в Федеральный закон № 44-ФЗ и КоАП РФ, закрепив чёткие определения понятий, вызывающих споры (таких как «дробление закупок», «необоснованное ограничение конкуренции» и др.), что исключит произвольное толкование; уточнить критерии соразмерности наказаний за нарушения в сфере госзакупок, чтобы избежать чрезмерно строгих или, напротив, мягких санкций и обеспечить справедливость привлечения к ответственности; закрепить в законе перечень обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность за нарушения в сфере госзакупок, – это позволит унифицировать подходы к назначению наказаний.

Необходимо обеспечить единообразие в применении норм через обобщение судебной практики. Меры включают: публикацию обзоров практики Верховного Суда РФ по делам о нарушениях в сфере госзакупок с разъяснением спорных вопросов – это даст ориентир для нижестоящих судов и контролирующих органов; использование постановлений Пленума Верховного Суда РФ в качестве нормативного ориентира при рассмотрении дел о нарушениях в сфере госзакупок; анализ и учёт региональной судебной практики при внесении изменений в законодательство, что позволит учитывать накопленный опыт и корректировать нормы с учётом реальных правоприменительных ситуаций.

Повысить эффективность контроля за соблюдением законодательства о госзакупках возможно путем совершенствования взаимодействия между органами контроля. Для этого необходимо: создать механизмы обмена информацией между ФАС, прокуратурой, Счётной палатой и другими контролирующими органами, что обеспечит комплексный подход к выявлению нарушений; проводить совместные проверки по наиболее сложным и резонансным делам, что позволит объединить ресурсы и компетенции разных ведомств; разработать единые стандарты документирования нарушений для всех контролирующих органов – это обеспечит сопоставимость данных и упростит последующую обработку информации.

Минимизировать человеческий фактор и снизить количество ошибок при осуществлении госзакупок необходимо за счет автоматизации контроля и цифровизации процессов путем: внедрения интеллектуальных систем для автоматического выявления нарушений в документации о закупках и действиях должностных лиц, что позволит оперативно реагировать на потенциальные нарушения; расширения функционала Единой информационной системы для автоматического контроля сроков размещения информации, соответствия документации требованиям закона и иных параметров, что повысит прозрачность и дисциплину исполнения обязательств; создания системы уведомлений для должностных лиц о приближающихся сроках выполнения обязательных действий (размещение информации, подписание контрактов и т.д.), что снизит риск пропуска сроков из-за организационных упущений.

Требуется повысить правовую грамотность заказчиков и поставщиков. Для её достижения следует: проводить семинары и вебинары для контрактных управляющих, членов комиссий и поставщиков по актуальным вопросам законодательства о закупках, что позволит своевременно информировать участников о нововведениях; публиковать разъяснительные материалы на официальных сайтах ФАС, Минфина

и других профильных ведомств, обеспечивая открытый доступ к актуальной информации; создать горячую линию для консультаций по вопросам применения законодательства о госзакупках, что даст участникам возможность оперативно получать квалифицированные ответы на возникающие вопросы.

Таким образом, проведённый анализ разграничения и взаимодействия административной и дисциплинарной ответственности в сфере госзакупок демонстрирует, что, несмотря на чёткое формальное разделение данных видов ответственности по основаниям (нарушение трудовых обязанностей либо норм КоАП РФ), субъектам применения (работодатель либо госорганы), процедурам (регламентируемым ТК РФ либо КоАП РФ) и правовым последствиям, на практике их разграничение осложняется неоднозначностью законодательных формулировок, динамичным развитием нормативной базы и разнообразностью правоприменительных подходов в регионах. Особую специфику вносит участие самозанятых, к которым дисциплинарная ответственность неприменима в принципе – это требует задействования иных механизмов контроля (гражданско-правовой, административной, налоговой ответственности, включения в реестр недобросовестных поставщиков). Предложенные меры – унификация практики, повышение квалификации специалистов, уточнение понятий в законодательстве, автоматизация контроля, обобщение судебной практики – в комплексе способны устранить существующие пробелы, повысить прозрачность закупочных процедур и обеспечить более рациональное расходование бюджетных средств, снизив риски нарушений на всех этапах закупочного цикла.

Литература

1. В 2025 году объем госзакупок у малого и среднего бизнеса превысил 9,5 трлн рублей // Официальный сайт Минэкономразвития России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_2025_godu_obem_goszakupok_u_malogo_i_srednego_biznesa_prevysil_95_trln_rublei.html (дата обращения: 24.04.2026).
2. В 2025 году стало меньше профессиональных жалобчиков в УФАС // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ogirk.ru/2025/12/03/v-2025-godu-stalo-menshe-professionalnyh-zhalobshhikov-v-ufas/> (дата обращения: 24.04.2026).
3. Момотова Е.П. Виды нормативных правовых актов, изданных в период правления Павла I // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 136–140.
4. Назаров М.В. Управление инновационным развитием системы государственных закупок Санкт-Петербурга: сценарный подход: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / М.В. Назаров. С.-Петерб. ун-т управления и экономики: Санкт-Петербург, 2015. 27 с.
5. Национальный режим, конкуренция и экономия: итоги госзакупки за 2025 год // Национальный рейтинг прозрачности закупок. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nrpz.ru/press-relizz-2025> (дата обращения: 24.04.2026).
6. Объем госзакупок вырос на 11,25 за 2024 год // TenChat. [Электронный ресурс]. URL: <https://tenchat.ru/media/3253713-obyem-goszakupok-vyros-na-11-25-za-2024-godu> (дата обращения: 24.04.2026).
7. ФАС помогла бизнесу вернуть долг по закупкам на 855 млн руб. в 2025-м // Pravo.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/263433/> (дата обращения: 24.04.2026).

DIVISION AND INTERACTION OF ADMINISTRATIVE AND DISCIPLINARY LIABILITY IN PUBLIC PROCUREMENT

Vlasova E.L., Peretolchin A.P.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

This article examines the differentiation and interaction of administrative and disciplinary liability in public procurement. The author analyzes the legal framework established in Federal Law No. 44-FZ, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and the Labor Code of the Russian Federation, examining the liable entities, their characteristics, and cases of the simultaneous application of both types of liability. Particular attention is paid to issues of law enforcement practice, such as the ambiguity of terms, the complexity of distinguishing types of liability, and the heterogeneity of approaches at the regional level. The paper provides specific examples of violations and response measures (including statistics from the Federal Antimonopoly Service for the Irkutsk Region), and also analyzes the specifics of the self-employed in public procurement and the specifics of their liability. The following measures are proposed to improve the system: standardization of practices, advanced training of specialists, clarification of legal concepts, automation of control and digitalization of processes, and consolidation of judicial practice. It is emphasized that the implementation of these measures will promote procurement transparency and the rational use of budget funds.

Keywords: public procurement, administrative liability, disciplinary liability, law enforcement practice, issues of delineation of responsibility, improved regulation, self-employed.

References

1. In 2025, the volume of government procurement from small and medium-sized businesses exceeded 9.5 trillion rubles // Official website of the Ministry of Economic Development of Russia. [Electronic resource]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_2025_godu_obem_goszakupok_u_malogo_i_srednego_biznesa_prevysil_95_trln_rubley.html (accessed: 24.04.2026).
2. In 2025, the number of professional complainants to the Federal Antimonopoly Service decreased // Official Internet Portal of Legal Information of the Irkutsk Region. [Electronic resource]. URL: <https://www.ogirk.ru/2025/12/03/v-2025-godu-stalo-menshe-professionalnyh-zhalobshhikov-v-ufas/> (Accessed: 24.04.2026).
3. Momotova E.P. Types of regulatory legal acts issued during the reign of Paul I // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2 (38). Pp. 136–140.
4. Nazarov M.V. Managing Innovative Development of the Public Procurement System of St. Petersburg: A Scenario Approach: Abstract of the Dissertation ... Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 / M.V. Nazarov. St. Petersburg University of Management and Economics: St. Petersburg, 2015. 27 p.
5. National Regime, Competition, and Savings: Public Procurement Results for 2025 // National Procurement Transparency Rating. [Electronic resource]. URL: <https://www.nrpz.ru/press-relizz-2025> (accessed: 24.04.2026).
6. Public Procurement Volume Increased by 11.25 in 2024 // TenChat. [Electronic resource]. URL: <https://tenchat.ru/media/3253713-obyem-goszakupok-vyrosta-112-za-2024-godu> (accessed: 24.04.2026).
7. FAS Helped Businesses Repay 855 Million Rubles in Public Procurement Debt in 2025 // Pravo.ru. [Electronic resource]. URL: <https://pravo.ru/news/263433/> (accessed: 24.04.2026).

Воробьева Юлия Юрьевна,

старший преподаватель кафедры международного
и публичного права Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YYVorobyova@fa.ru

Обеспечение безопасности персональных данных при их обработке не теряет актуальности с течением времени. Это обусловлено большими объемами обработки персональных данных, расширением использования цифровых сервисов, развитием государственных и коммерческих информационных систем, а также увеличением числа инцидентов, связанных с неправомерным доступом, распространением и утечками персональных данных. Одна из форм обеспечения безопасности – контроль (надзор) со стороны государства, а, риск-ориентированный подход, в свою очередь – это один из основополагающих принципов контрольно-надзорной деятельности государства, при которой обеспечивается значительная степень оптимальности использования ресурсов и повышения результативности деятельности контролирующего субъекта, с одной стороны, и снижения издержек подконтрольных субъектов, с другой стороны. В статье рассматриваются правовые профилактические меры, применяемые в сфере обработки персональных данных. Профилактика нарушений в информационной сфере приобретает особое значение ввиду того, что реальные масштабы последствий информационных правонарушений трудноизмеримы денежным или каком-либо еще эквиваленте. Особое значение профилактика приобретает в условиях, когда вред охраняемым законом ценностям может быть причинен не только вследствие прямого нарушения законодательства, но и в результате сохранения условий, причин и факторов риска при обработке персональных данных. В статье автор приводит систематизацию правовых профилактических мер, применимых к сфере обработки персональных данных по разным основаниям: по целям, по субъектам реализации, по функциональному назначению. Упоминается, что профилактические меры не следует сводить исключительно к мероприятиям, осуществляющим контролирующим субъектом, немаловажную роль в профилактике играют и внутриорганизационные меры подконтрольного субъекта. Современное правовое обеспечение безопасности персональных данных должно быть направлено на постоянное выявление, оценку, предупреждение и минимизацию рисков, возникающих при обработке персональных данных в цифровой среде, и в этих условиях подход требует большей систематизации.

Ключевые слова: информационная безопасность, персональные данные, профилактика, Роскомнадзор, оператор персональных данных, превентивные меры, контроль (надзор).

В январе 2026 года Роскомнадзор обнародовал обнадеживающую статистику: в 2025 году им было зафиксировано 118 случаев компрометации баз персональных данных, вследствие которых в сеть попали более 52 млн записей, при том что в 2024 году контролирующим органом было зафиксировано 135 утечек баз данных, содержавших свыше 710 млн. записей о россиянах. [1] Несмотря на снижение числа зафиксированных Роскомнадзором случаев компрометации баз персональных данных, их количество все равно можно оценить как достаточно большое, равно как и количество записей о россиянах, попавших в сеть. Кроме того, количественное снижение инцидентов не означает автоматического снижения правовых рисков, поскольку одновременно сохраняются масштабные объемы обработки персональных данных, расширяется круг операторов, увеличивается значение цифровых государственных и коммерческих сервисов, а последствия даже единичной утечки могут затрагивать значительное число субъектов. Так, по состоянию на весну 2026 года в реестре операторов, осуществляющих обработку персональных данных, содержатся сведения о более чем 2,5 миллионах операторов. [2] При этом лишь в первой половине 2025 года в России выявлено 601 преступление по статье 272.1 УК РФ, введенной в ноябре и вступившей в силу в декабре 2024 года. [3] Кроме того, за 2025 год и первый квартал 2026 года Роскомнадзор получил более 100 тысяч жалоб жителей России на действия операторов. [4] При этом информационные правонарушения и преступления в целом и правонарушения и преступления связанные с фокусом исследования имеют свойство того, что оценить их последствия объективно зачастую не представляется возможным. И речь в большей степени даже не о естественной латентности, когда пострадавшие попросту не обращаются в правоохранительные органы по той или иной причине и не об искусственной латентности, когда факты утечек скрывают сами операторы, а об отсроченном характере последствий, ведь украденные данные могут быть использованы злоумышленниками через месяцы и даже годы, более того, не только на территории России, но и за ее пределами. Кроме того, потерпевшие могут нести не только прямые, но и «косвенные» потери, которые непросто оценить объективно – например, моральные страдания ввиду потери контроля над собственной приватностью. Все вышеизложенное безусловно говорит о не теряющей актуальности необходимости обеспечения безопасности обрабатываемых персональных данных.

Один из самых очевидных способов обеспечения законности в рассматриваемой сфере – государственный контроль (надзор), а он, в свою очередь, с некоторых пор тесно связан с риск-ориентированным подходом, который имеет особенное значение в условиях, когда последствия нарушений могут быть масштабными, а иногда и вовсе непоправимыми. Базой установления профилактических мер можно считать Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ, однако здесь стоит отметить, что он регулирует контрольно-надзорную деятельность за обработкой персональных данных частично: так, в п. 22 ч. 5 ст. 2 указанного нормативного-правового акта сказано, что положения настоящего Федерального закона не применяются к организации и осуществлению государственного контроля и надзора за обработкой персональных данных, осуществляемых без взаимодействия с контролируемым лицом.». [6] Специальные правила содержатся в Постановлении Правительства РФ от 29.06.2021 N 1046, которое напрямую предусматривает риск-ориентированный подход при осуществлении государственного контроля (надзора) за обработкой персональных данных. [5, п. 9] В указанном Постановлении обозначены виды профилактических мероприятий, категории риска и критерии отнесения объектов государственного контроля (надзора) к категориям риска и другая крайне важная информация. В то же самое время нельзя не отметить, что рассматриваемый подзаконный акт не содержит ни определений, ни принципов, а в Общие положения включается краткая характеристика предмета контроля и довольно-таки подробная характеристика субъектного состава. Получается, не остается ничего иного, как использовать понятийный аппарат и иные основы, изложенные в иных источниках, для более детальной характеристики профилактики причинения вреда именно в связи с обработкой персональных данных.

Прежде, чем приступить к систематизации профилактических мер, стоит определиться с терминологией: «профилактика», «профилактика правонарушений», «профилактика рисков причинения вреда».

Определения просто «профилактики» в законодательстве нет. В соответствии с Федеральным законом от 23.06.2016 N 182-ФЗ: «профилактика правонарушений – совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». [7] При этом согласно ч. 1 ст. 16 рассматриваемого закона профилактика правонарушений осуществляется при возникновении социальных, экономических, правовых и иных причин и условий, способствующих совершению правонарушений. [7] С определением «профилактики рисков причинения вреда» ситуация такая же, как и с «профилактикой» – его нет. При этом профилактика правонарушений все же не равно профилактика рисков – скорее, первая является частью второй по смыслу п. 2 ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 31.07.2020 N 248-ФЗ, где устранение условий, причин и факторов, способных привести к нарушениям обязательных требований и (или) причинению вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям называется целью профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям наряду со стимулированием добросовестного соблюдения обязательных требований и созданием условий для доведения обязательных требований до контролируемых лиц. [6]

Самое первое основание классификации профилактических мер может касаться как раз целей. Итак, в зависимости от целей профилактического воздействия меры можно разделить на:

- 1) меры, направленные на стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований контролирующими лицами;
- 2) меры, направленные на устранение условий, причин и факторов, способных привести к нарушениям обязательных требований контролирующими лицами и (или) причинению вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям;
- 3) меры, направленные на повышение информированности контролируемых лиц о требованиях и способах их соблюдения.

Первая группа мер касается тех, которые побуждают контролируемого субъекта соблюдать закон добровольно, без ожидания проверки и (или) применения санкций. К ним можно отнести в частности:

- 1) оценка вреда, который может быть причинен субъектам персональных данных [8, п. 5 ч. 1 ст. 18.1];
- 2) ознакомление и (или) обучение работников оператора [8, п. 6 ч. 1 ст. 18.1];
- 3) внутренний контроль и (или) аудит соответствия обработки персональных данных требованиям закона [8, п. 4 ч. 1 ст. 18.1];
- 4) другие.

Вторая группа мер уже в большей степени основана на Постановлении Правительства N 1046, о котором речь шла ранее. К ней можно отнести следующие меры:

- 1) объявление предупреждения [5, п. 13, п. 18–24];
- 2) профилактический визит [5, п. 13, п. 30–35];
- 3) категорирование объектов контроля по уровню риска [5, п. 9–12];
- 4) другие.

Третья группа касается тех мер, которые помогают подконтрольным субъектам понять, что именно от них требует закон и как практически выполнить эти требования. К ним следует относить:

- 1) информирование [5, п. 13–15];
- 2) консультирование [5, п. 13, п. 26–29];
- 3) обобщение правоприменительной практики [5, п. 13, п. 16–17];
- 4) другие.

При этом в вопросе профилактики немаловажно учитывать информированность еще двух субъектов: контролирующего субъекта и субъекта персональных данных. Информированность контролирующего субъекта достигается, например, за счет ведения реестра операторов, включение в который предполагает обязательный уведомительный порядок [8, ч. 1 ст. 22], а также за счет ведения реестра учета инцидентов в области персональных данных [8, ч. 10 ст. 23]. Обеспечить информированность субъекта персональных данных помогает, например, публикация политики обработки персональных данных и сведений о реализуемых требованиях к их защите [8, ч. 2 ст. 18.1].

Второе основание классификации коснется субъектного состава. Итак, в зависимости от субъекта реализации меры можно разделить на:

- 1) публично правовые;
- 2) внутриорганизационные;
- 3) смешанные.

Первые осуществляются контролирующим органом (РКН) по большей части в рамках реализации контрольно-надзорной деятельности. К ним можно отнести:

- 1) информирование [5, п. 13–15];
- 2) обобщение правоприменительной практики [5, п. 13, п. 16–17];
- 3) категорирование объектов контроля по уровню риска [5, п. 9–12];
- 4) другие.

Внутриорганизационные меры осуществляются самим подконтрольным субъектом (речь прежде всего об операторе). К ним следует отнести:

- 1) оценка вреда, который может быть причинен субъектам персональных данных [8, п. 5 ч. 1 ст. 18.1];
- 2) ознакомление и (или) обучение работников оператора [8, п. 6 ч. 1 ст. 18.1];
- 3) внутренний контроль и (или) аудит соответствия обработки персональных данных требованиям закона [8, п. 4 ч. 1 ст. 18.1];
- 4) другие.

К третьей группе можно отнести меры, реализуемые посредством взаимодействия двух вышеперечисленных субъектов:

- 1) консультирование [5, п. 13, п. 26–29];
- 2) профилактический визит [5, п. 13, п. 30–35];
- 3) другие.

Еще одну классификацию мер можно связать с их функциональным назначением. Так, по функциональному назначению меры можно разделить на:

- 1) информационно-разъяснительные, которые устраняют правовую неопределенность (информирование, консультирование);
- 2) аналитико-прогностические, которые выявляют типовые зоны риска (например, обобщение правоприменительной практики);
- 3) предупредительно-сигнальные, которые указывают на признаки возможного нарушения (например, предупреждение);
- 4) диагностические, которые выявляют уязвимости до причинения вреда (профилактический визит, самообследование);
- 5) корректирующие, которые побуждают изменить поведение подконтрольного субъекта (устранение признаков нарушения, рассмотрение локальных актов);
- 6) стимулирующие, которые формируют мотивацию к добровольному исполнению требований (например, внутренний аудит, меры добросовестности).

О корректирующих и стимулирующих хотелось бы упомянуть особо. К первым в определенной мере можно отнести то, что при реализации уведомительного порядка о намерении осуществлять обработку персональных данных оператор должен указать в не только свое наименование, но и цели обработки, описание мер обеспечения безопасности персональных данных и другую информацию. То есть, уже на этом этапе РКН может выявить, например, несоответствие целям законодательству или соответствие мер требованиям закона.

Со стимулирующими мерами в рассматриваемой области все несколько сложнее. Дело в том, что Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ содержит упоминание о мерах стимулирования добросовестности. Конкретного исчерпывающего перечня таких мер рассматриваемый акт не содержит, но к ним относятся мероприятия, направленные на нематериальное поощрение добросовестных контролируемых лиц. К ним гипотетически можно отнести следующие: понижение категории риска; публичный реестр добросовестных операторов; публичная оценка уровня соблюдения обязательных требований. При этом ст. 48 рассматриваемого федерального закона четко говорит, что такие меры должны быть предусмотрены положением о виде контроля. [6, ч. 1 ст. 48] Однако специальным актом, касающимся контроля обработки персональных данных, таких мер напрямую не предусмотрено. Явно прослеживаемой стимулирующей мерой можно считать ужесточение наказания за нарушение закона. Речь и о введении составов в УК РФ, и, например, об установлении оборотных штрафов.

На основании вышеизложенного можно сделать ряд выводов. Во-первых, в сфере обработки персональных данных профилактика правонарушений и профилактика рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям не должны отождествляться. Профилактика правонарушений является, скорее частью профилактики рисков и направлена прежде всего на предупреждение несоблюдения оператором обязательных требований законодательства, которое влечет совершение правонарушения. Профилактика рисков причинения вреда имеет более широкий характер, поскольку ориентирована на предотвращение негативных последствий для субъектов персональных данных. Во-вторых, профилактические меры не отличаются системностью закрепления: речь и об отсутствии единого перечня, и об отсутствии понятийного аппарата в специальном акте, специально посвященном рассматриваемому вопросу. Важный момент заключается в том, что профилактика рисков при обработке персональных данных нормативно закреплена преимущественно как элемент государственного конт-

роля, однако ее значение шире: она должна быть направлена на предупреждение реального вреда правам субъектов персональных данных. Общая модель профилактики рисков имеет не только и не столько карательное значение, но превентивное: государственный контроль должен предупреждать нарушения до того, как они повлекли вред. В-третьих, меры можно поделить на разные виды по разным основаниям, притом вопрос данной классификации еще исследован мало и нуждается в дальнейшей более тщательной проработке. Кроме того, к особенностям рассматриваемых профилактических мер можно отнести отсутствие мер специальных мер стимулирования добросовестности.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных»
2. Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»
3. Федеральный закон от 31.07.2020 N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»
4. Постановление Правительства РФ от 29.06.2021 N 1046 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за обработкой персональных данных» (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) за обработкой персональных данных»)
5. Официальный портал Роскомнадзора, электронный ресурс: <https://pd.rkn.gov.ru/operators-registry/operators-list/> (дата обращения – 01.04.2026 г.)
6. Официальный сайт агентства ТАСС, статья «В России снизилось число утечек персональных данных в 2025 году», электронный ресурс: <https://tass.ru/obschestvo/26216171> (дата обращения – 01.04.2026 г.)
7. Сайт Консорциума «Кодекс», статья «За полгода выявили более 600 преступлений, связанных с оборотом персональных данных», электронный ресурс: <https://kodeks.ru/news/read/za-polgoda-vyivili-bolee-600-prestuplenii-sviazannyh-s-oborotom-personalnyh-dannyh> (дата обращения – 01.04.2026 г.)
8. Сайт «hi-tech», статья «За полгода выявили более 600 преступлений, связанных с оборотом персональных данных», электронный ресурс: <https://hi-tech.mail.ru/news/146168-roskomnadzor-raskryl-chislo-zhalob-rossiyan-na-obrabotku-personalnyh-dannyh/> (дата обращения – 01.04.2026 г.)

ON THE CLASSIFICATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE FIELD OF PERSONAL DATA PROCESSING

Vorobyova Yu.Yu.

Financial University under the Government Russian Federation

Ensuring the security of personal data during its processing remains relevant over time. This is due to the large volumes of personal data processed, the expanding use of digital services, the development of government and commercial information systems, and the increasing number of incidents related to unauthorized access, dissemination, and leaks of personal data. One form of security is government control (supervision), and a risk-based approach is one of the fundamental principles of government oversight and supervision, which ensures a significant degree of optimal resource use and increased performance of the controlling entity, on the one hand, and a reduction in the costs of controlled entities, on the other. This article examines legal preventive measures applied in the field of personal data processing. Prevention of violations in the information sphere is particularly important due to the fact that the real scale of the consequences of information crimes is difficult to measure in monetary or other equivalent terms. Prevention is particularly important in circumstances where harm to legally protected assets can be caused not only by direct violations of the law, but also by the persistence of conditions, causes, and risk factors associated with personal data processing. In this article, the author systematizes legal preventive measures applicable to personal data processing based on various criteria: by purpose, by subject, and by functional purpose. It is noted that preventive measures should not be limited solely to those implemented by the controlling entity; internal organizational measures of the controlled entity also play a significant role in prevention. Modern legal framework for personal data security should be aimed at continuously identifying, assessing, preventing, and minimizing risks arising from the processing of personal data in the digital environment, and in these circumstances, a more systematic approach is required.

Keywords: information security, personal data, prevention, Roskomnadzor, personal data operator, preventive measures, control (supervision).

References

1. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006, "On Personal Data"
2. Federal Law No. 182-FZ of June 23, 2016, "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation"
3. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020, "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation"
4. RF Government Resolution No. 1046 of June 29, 2021, "On Federal State Control (Supervision) over the Processing of Personal Data" (together with the "Regulation on Federal State Control (Supervision) over the Processing of Personal Data")
5. Roskomnadzor's official portal, electronic resource: <https://pd.rkn.gov.ru/operators-registry/operators-list/> (accessed on 01.04.2026)
6. Official website of the TASS agency, article "The number of personal data leaks in Russia decreased in 2025", electronic resource: <https://tass.ru/obschestvo/26216171> (accessed on 01.04.2026)
7. Website of the Kodeks Consortium, article "Over 600 crimes related to the circulation of personal data were identified in six months", electronic resource: <https://kodeks.ru/news/read/za-polgoda-vyivili-bolee-600-prestuplenii-sviazannyh-s-oborotom-personalnyh-dannyh> (accessed on 01.04.2026)
8. Website "hi-tech", article "For Over the past six months, we have identified more than 600 crimes related to the circulation of personal data," electronic resource: <https://hi-tech.mail.ru/news/146168-roskomnadzor-raskryl-chislo-zhalob-rossiyan-na-obrabotku-personalnyh-dannyh/> (date of access – 01.04.2026)

Гантемирова Тамара Умалхатовна,

соискатель, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации

E-mail: gantemirova-tu@ranepa.ru

В статье рассматривается соотношение «мягкого права» и принципа правовой определенности в российском правовом порядке. Сопоставляются легальное определение определенности и доктринальное понимание принципа, сложившееся в практике Конституционного Суда. Установлено, что влияние «мягкого права» на правовую определенность неоднородно и зависит от затронутого аспекта определенности и от роли конкретного акта. Предлагается критерий совместимости: «мягкое право» согласуется с правовой определенностью до тех пор, пока за субъектом сохраняется реальная свобода поступить по своему усмотрению.

Ключевые слова: мягкое право, правовая определенность, обязательные требования, официальные разъяснения, законные ожидания, правовая неопределенность.

Введение

Категория «мягкого права» сформировалась в международно-правовой доктрине для обозначения актов, которые формально не обладают обязательной юридической силой, однако фактически определяют поведение участников правоотношений. На протяжении последних десятилетий данная категория эволюционировала от инструмента описания резолюций международных организаций до средства анализа внутригосударственного нормативного регулирования и сегодня все чаще применяется к российскому правовому порядку[1]. Одновременно в отечественном праве действует требование правовой определенности. В течение долгого времени оно выводилось исключительно из практики Конституционного Суда Российской Федерации, пока законодатель впервые не закрепил его в тексте закона. Статья 7 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» прямо называет правовую определенность среди принципов установления обязательных требований.

На первый взгляд, рассматриваемые явления направляют правовой порядок в противоположные стороны. Правовая определенность предполагает ясность нормы, устойчивость правового регулирования и предсказуемость правовых последствий. «Мягкое право», напротив, размывает границу между обязательными и рекомендательными предписаниями, порождает акты с неопределенным юридическим статусом и оставляет субъекта в ситуации неясности относительно того, какими обязательствами он связан. В связи с этим возникает основание полагать, что распространение «мягкого права» вступает в противоречие с действием принципа правовой определенности, а обеспечение действия принципа требует вытеснения «мягких» регуляторов «жесткими».

Приведенное предположение представляется недостаточно обоснованным. Российская правовая практика свидетельствует об обратном: государственные органы все чаще прибегают к рекомендательным и разъяснительным актам не вопреки требованию правовой определенности, а именно в целях ее обеспечения – для восполнения нормативных пробелов, унификации правоприменительной практики и предсказуемости поведения участников правового оборота. В этой связи ключевой вопрос, образующий предмет настоящего исследования, заключается в следующем: при каких условиях «мягкое право» способствует правовой определенности, а при каких, напротив, вступает с ней в противоречие.

Основной тезис настоящего исследования заключается в следующем. Влияние «мягкого права» на правовую определенность не является исключительно положительным или отрицательным. Характер влияния обуславливается тем, какой аспект правовой определенности оказывается затронут и какую функцию выполняет конкретный акт. В тех случаях, когда акт сохраняет за субъектом реальную возможность действовать по своему усмотрению, он способен повышать предсказуемость правового регулирования, не нарушая при этом определенности. В тех же случаях, когда указанная возможность утрачивается и рекомендательные предписания фактически приобретают обязательный характер, «мягкое право» начинает связывать субъекта, не предоставляя тех гарантий, которые присущи формально обязательным нормам. Разграничение указанных случаев требует определенного критерия, выработка которого и составляет задачу настоящего исследования.

Основная часть

Принцип правовой определенности: легальное содержание и доктринальный объем

В российском законодательстве легальное определение принципа правовой определенности пока носит единичный характер. Так, в соответствии с частью 1 статьи 7 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 247-ФЗ) содержание обязательных требований должно отвечать принципу правовой определенности, то есть быть ясным, логичным, понятным как правоприменителю, так и иным лицам, не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законодательного регулирования той или иной сферы и правовой системы в целом. Часть 2 той же статьи требует, чтобы обязательные требования

составляли логическую систему, не дублировали друг друга и не противоречили друг другу.

Как следует из содержания приведенной нормы, законодатель трактует правовую определенность в узком смысле. Она сводится к качеству самих нормативных предписаний – ясности, непротиворечивости и системной согласованности. За пределами данного легального определения остаются аспекты, касающиеся устойчивости правового регулирования во времени и предсказуемости его применения. Указанное ограничение обусловлено сферой действия указанного закона, которая посвящена обязательным требованиям, предъявляемым к хозяйствующим субъектам, а не принципам права в их общем значении. Следовательно, узость легального определения представляет собой следствие предмета регулирования соответствующего закона. Так, содержание принципа правовой определенности не ограничивается одним лишь указанным источником.

Отраслевое законодательство и ранее содержало требования правовой определенности, хотя и без употребления самого термина. Налоговый кодекс Российской Федерации (п. 6 ст. 3) требует, чтобы при установлении налогов были определены все элементы налогообложения, а акты законодательства формулировались так, чтобы каждый налогоплательщик мог точно определить состав и размер своей обязанности, а также сроки и порядок ее исполнения. Также действует правило о толковании неустраиваемых сомнений в пользу налогоплательщика (п. 7 ст. 3). Следовательно, содержание принципа правовой определенности в налоговом праве не исчерпывается ясностью нормативных предписаний. Оно включает также распределение риска неясности правовой нормы, причем данный риск возлагается на государство как на законодателя.

Наиболее полное развитие принцип правовой определенности получил в практике Конституционного Суда Российской Федерации. При отсутствии прямого нормативного закрепления принципа в Основном законе РФ Суд сформулировал данное требование на основе совокупности конституционных положений о правовом государстве, равенстве и гарантиях прав. В доктрине это требование рассматривается как многоаспектное, охватывающее все стадии правового регулирования: на стадии правотворчества оно предъявляется к ясности и непротиворечивости норм, на стадии правоприменения – к единообразию практики, а на стадии судебной защиты – к стабильности вступивших в законную силу актов [2]. Каждой из указанных стадий соответствует свой аспект правовой определенности, и их смешение нередко ведет к ошибочной квалификации конкретных регуляторов.

Многоаспектность исследуемого принципа проявляется также в том, что в решениях Конституционного Суда Российской Федерации правовая определенность фигурирует в различных качествах: как принцип, как требование, предъявляемое к содержанию нормативных предписаний, как критерий оценки конституционности и как характеристика состояния правового порядка [3]. Противоположностью выступает правовая неопределенность, которая квалифицируется Судом в качестве самостоятельного дефекта: норма, допускающая произвольное применение вследствие своей неясности, признается дефектной уже в силу одного этого обстоятельства, независимо от ее содержания. Такая интерпретация трансформирует правовую определенность из рекомендации, адресованной законодателю, в действующее конституционное требование, вытекающее из системного толкования основополагающих принципов правового государства и равенства.

Особое место среди аспектов правовой определенности занимает стабильность судебного решения, вступившего в законную силу. Принцип *res judicata* (неопровержимость вступившего в законную силу судебного акта) обеспечивает окончательность правосудного акта, прелятствуя его пересмотру под видом нового рассмотрения [4]. В этом смысле правовая определенность и законная сила судебного решения оказываются связанными, но не тождественными. Законная сила представляет собой процессуальное свойство конкретного судебного акта, тогда как правовая определенность является более широким требованием, предъявляемым к правовому порядку в целом, а стабильность решения выступает лишь одним из ее проявлений [5].

С аспектом предсказуемости связано доверие к закону и действиям государства. Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя порядок проверки решений органов публичной власти, называет поддержание доверия граждан и их объединений к закону среди тех обстоятельств, которые суд обязан учитывать. Правовые ожидания формируются у гражданина именно на основе доверия к государству. Защита законных ожиданий означает, что участник отношений вправе рассчитывать на сохранение тех правил и той их трактовки, на основании которых он выбрал определенное поведение. В свою очередь, возможность судебной защиты законных ожиданий представляет со-

бой правовой механизм, обеспечивающий поддержание доверия к государству.

Правовая определенность не тождественна неизменности. Право, будучи динамической структурой, находится в процессе постоянного развития и изменения. Его неизменность неизбежно привела бы к утрате способности выполнять регулятивную функцию. Определенность, в свою очередь, требует не запрета на изменения, а предсказуемости таких изменений, а также процедурной упорядоченности: своевременного опубликования, разумных переходных периодов и защиты лиц, добросовестно полагавшихся на прежнее регулирование. Таким образом, требование правовой определенности допускает использование гибких, в том числе «мягких», регуляторов при условии предсказуемости их действия для субъекта, на которого они распространяются.

В континентальной и англо-американской правовых традициях требование правовой определенности понимается по-разному. В континентальном правовом порядке оно опирается прежде всего на качество (ясность и непротиворечивость) писаного закона, тогда как в англо-американском правовом порядке предсказуемость достигается через верховенство судебного прецедента как источника права. Поскольку российская правовая система принадлежит к континентальной правовой семье, главным носителем правовой определенности в ней остается норма закона. В связи с этим любой регулятор, конкурирующий с законом за фактическое влияние, неизбежно ставит вопрос о том, не подменяет ли он собой нормативное предписание.

Для соотношения с «мягким правом» важно, что правовая определенность не сводится только к характеристикам, содержащимся в статье 7 Федерального закона № 247-ФЗ. Она также включает устойчивость регулирования, предсказуемость правоприменения, защиту законных ожиданий и стабильность судебных актов. Широкий объем принципа и его узкая легальная фиксация вступают в существенное противоречие.

«Мягкое право» в национальном правовом порядке: понятие и формы

Единообразие определения понятия «мягкое право» в доктрине не выработано, а сам термин продолжает оставаться дискуссионным. Проследившая его эволюцию, начиная с 1970-х годов, исследователи отмечают переход от узкого международно-правового значения к широкому пониманию, охватывающему любые формально необязательные регуляторы [1, с. 13]. В отношении национального права основой может послужить классическое представление о признаках права как такового. С.С. Алексеев относил к ним общеобязательную нормативность, формальную определенность и обеспеченность государственным принуждением [6]. Примечательно, что «мягкое право» соответствует не всем указанным признакам. Так, оно может быть формально определенным и исходить от публичной власти, но оно не обладает обязательностью и не подкреплено принуждением в собственном смысле.

Промежуточное положение «мягкого права» объясняется теорией относительной нормативности. Согласно ее положениям, нормативность может проявляться в разной степени. Между строго обязательной нормой и отсутствием какого-либо регулирования существует широкий диапазон актов с разной степенью обязательности. Как отмечает А.В. Демин в своем сравнительно-правовом исследовании, «мягкое право» прочно закрепляется даже в развитых правовых системах, регулируя те сферы, которые «жесткое право» урегулировать неспособно [7].

Разграничение «жесткого» и «мягкого» в праве не сводится к противопоставлению «обязательное – необязательное». В конституционно-правовом измерении оба компонента сосуществуют, а формально «мягкие» по своей природе положения нередко выполняют ориентирующую и программную функцию в рамках жесткого конституционного порядка [8]. Сопоставление жесткого и мягкого правового регулирования обнаруживает их встречную динамику: «мягкие» регуляторы со временем способны трансформироваться в обязательные нормы, тогда как отдельные жесткие конструкции утрачивают императивность и сохраняются преимущественно в качестве ориентиров [9].

Применительно к российскому правовому порядку обоснованным представляется определение И.А. Усенкова, согласно которому национальное «мягкое право» понимается как совокупность актов, не обладающих юридической обязательной силой, но влекущих косвенные юридические либо значимые неюридические последствия [10]. Достоинство данного подхода заключается в том, что он смещает акцент с формы акта на механизм его действия. Такой акт не носит принудительного характера, однако его соблюдение влечет определенные преимущества, а отступление от него сопряжено с неблагоприятными последствиями, не относящимися к мерам прямой юридической ответственности.

На основе анализа отечественной практики выделяются три устойчивые формы национального «мягкого права»: официальные разъяснения, акты рекомендательного характера и документы планирования. Каждая из них заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку их соотношение с правовой определенностью складывается отличается между собой.

В официальных разъяснениях государственных органов феномен «мягкого права» проявляется наиболее отчетливо и одновременно порождает наибольшее количество дискуссий. Формально подобные акты лишь толкуют действующие нормативные предписания и не создают новых правил поведения. Однако их фактическое воздействие на правосознание и поведение субъектов является значительным. Показательным примером служит Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». Данный документ систематизировал разрозненные подходы к оценке должной осмотрительности при выборе контрагента, по сути сформировав развернутый свод критериев. Подобную природу имеет Концепция системы планирования выездных налоговых проверок (Приказ ФНС России от 30.05.2007 № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок»): одновременно она служит как внутренним ориентиром для налоговых органов, так и общедоступным перечнем критериев риска, под который налогоплательщики сознательно подстраивают свое поведение.

Значительное фактическое воздействие официальных разъяснений усиливается ведомственной субординацией. Федеральный закон № 247-ФЗ прямо предписывает контролирующим органам при оценке соблюдения обязательных требований руководствоваться разъяснениями органа, издавшего соответствующий акт (ч. 3 ст. 14). Постановлением Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П ранее был раскрыт механизм такого приобретения разъяснениями фактической обязательности: вследствие субординации нижестоящих налоговых органов разъяснение вышестоящего органа становится для них обязательным в правоприменительном смысле, а значит, способно затрагивать права налогоплательщиков и при определенных условиях подпадает под судебному нормоконтролю. Так, разъяснение, формально относящееся к «мягкому» праву, фактически влечет последствия, сопоставимые с действием юридически обязательного предписания.

Акты рекомендательного характера действуют мягче. Например, Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (принят в 2021 году по инициативе Альянса в сфере искусственного интеллекта – объединения крупнейших российских технологических компаний) провозглашает добровольность присоединения, а соблюдение его положений, как указано в самом тексте, может приниматься во внимание при предоставлении мер государственной поддержки. В данном случае субъект руководствуется актом не в силу субординации, а из ожидания выгоды, причем формальная свобода неприкосновенности за ним сохраняется. Подобные акты особенно востребованы в тех областях, где применение императивных норм преждевременно. В сфере технологий, и прежде всего в области искусственного интеллекта, «мягкое право» нередко опережает законодателя, позволяя реагировать на возникающие проблемы до того, как сложатся необходимые условия для их жесткого нормативного урегулирования [11].

К документам стратегического планирования относятся стратегии, концепции, основы государственной политики. Формально они не возлагают обязанностей, однако определяют направление последующего нормативно-правового регулирования и в силу этого обладают прогностическим характером. Задавая вектор развития законодательства, такие документы обеспечивают определенную предсказуемость правового регулирования еще до принятия обязательных норм.

В ряде случаев «мягкое право» прямо способствует обеспечению принципа определенности. Так, Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» содержание принципа автономии воли в международном частном праве, подтвердил право сторон трансграничного договора самостоятельно определять применимое к нему право. При этом обращение к признанным негосударственным сводам правил (например, к Принципам УНИДРУА) Суд поставил в зависимость от наличия прямо выраженного соглашения сторон. Обращение к акту «мягкого права» в рассматриваемом случае расширяет автономию воли сторон и повышает предсказуемость правового регулирования сделки для ее участников.

Соотношение «мягкого права» и правовой определенности

Соотношение «мягкого права» и принципа правовой определенности не допускает однозначной оценки, поскольку различные аспекты опре-

деленности по-разному реагируют на «мягкое» регулирование. Целесообразно рассматривать их, переходя от тех аспектов, в которых взаимодействие носит преимущественно благоприятный характер, к тем, где оно создает риски.

Предсказуемость и защита законных ожиданий получают наибольшее подкрепление от «мягкого права». Официальное разъяснение, доведенное до сведения неопределенного круга лиц, позволяет заблаговременно определить, как ведомство будет толковать спорную норму, и соответствующим образом выстроить собственное поведение. При нестабильности практики правоприменения обобщающие разъяснения высших судов выполняют аналогичную стабилизирующую роль, устраняя противоречия в практике нижестоящих инстанций. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 прямо признает за разъяснительными актами регулятивное значение, одновременно обозначая его предел: если такой акт противоречит закону, то он не подлежит применению судом. Следовательно, «мягкое право» здесь обеспечивает единообразие, которое представляет собой одну из составляющих правовой определенности.

Аналогичным образом «мягкое право» способствует стабильности законодательства. Согласно эмпирическим данным, объем рекомендательных и разъяснительных актов значительно превышает объем собственно нормативных правовых актов. В частности, акты рекомендательного характера, изданные Министерством финансов, количественно преобладают над собственно нормативными правовыми актами, принятыми за аналогичный период. Замечая часть императивного регулирования, акты «мягкого права» снижают необходимость внесения изменений в законодательство и тем самым способствуют сохранению его стабильности. Однако стабильность законодательного текста не тождественна определенности для субъекта: если закон неизменен, но его содержание постоянно переопределяется ведомственными разъяснениями, адресат попадает в зависимость от меняющейся трактовки, отслеживать которую труднее, чем внесение изменений в закон.

На стадии ясности нормы возникает первое противоречие. Согласно положениям статьи 7 Федерального закона № 247-ФЗ, обязательное требование должно быть ясным и непротиворечивым. Однако если его содержание дополняется разъяснением, ясность самой нормы перестает обеспечивать ясность регулирования. Субъект вынужден учитывать как норму, так и ее официальное толкование. В результате утрачивается четкое разграничение между обязательными и рекомендательными предписаниями, и вопрос о том, чем именно связан субъект, перестает иметь однозначный ответ.

В сфере взаимодействия «мягкого права» с требованиями единообразия и стабильности судебных актов фиксируется следующее противоречие. Анализ практики правоприменения показывает наличие трех не согласующихся между собой подходов судов к одному и тому же письму налогового органа: отказ в применении как формально необязательного акта; применение наравне с нормативными предписаниями; использование формулы, согласно которой суд не связан разъяснением, но учитывает изложенную в нем позицию.

Наиболее остро противоречие между актами «мягкого права» и требованиями единообразия и стабильности судебных актов проявляется в правоприменительной практике. Анализ судебных решений выявляет не согласующиеся между собой подходы судов к одному и тому же документу – Письму ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». Так, одни инстанции отказываются применять его как формально необязательный акт; другие применяют его наравне с нормативными предписаниями (Решение Арбитражного суда Костромской области от 21.04.2021 № А31-9033/2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-5414/21 от 24.08.2021). Отсутствие единообразия практики правоприменения в данном вопросе подрывает определенность, ради которой разъяснение и было сформулировано.

За отсутствием единообразия в подходах скрывается также и вопрос о законной силе. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П признал, что акт, по форме являющийся разъяснением, но фактически устанавливающий, изменяющий или отменяющий правила для неопределенного круга лиц и рассчитанный на неоднократное применение, обладает нормативными свойствами и подлежит судебной проверке как нормативный. Сказанное означает, что «мягкое право» способно обрести свойства, сближающие его с нормативным правовым актом, однако без прохождения установленной законодательной процедуры и без процессуальных гарантий. В доктрине обоснованно отмечается, что стабильность и неопровержимость вступившего в законную силу правоприменительного акта обеспечиваются особым процессуальным режимом [12], и распространение такой стабильности на акты,

не прошедшие данного режима, противоречит самой идее правовой определенности.

Как полное игнорирование акта «мягкого права», так и придание ему силы обязательной нормы подрывают правовую определенность. В первом случае утрачивается ориентир, на который разумно полагались участники оборота. Во втором — обязательность придается тому, что не создавалось как обязательное и не обеспечено гарантиями. Представляется, что необходимо наличие критерия, позволяющего отграничить «мягкое право», совместимое с правовой определенностью, от такого, которое ей противоречит.

Критерий совместимости: «мягкость» как условие правовой определенности

Проведенный анализ позволяет сформулировать критерий, разграничивающий два типа актов «мягкого права». «Мягкое право» совместимо с правовой определенностью в той мере, в какой за его субъектом сохраняется реальная свобода поступить по своему усмотрению, защищенная от наступления неблагоприятных последствий. Пока такая свобода является действительной, акт выполняет функцию ориентира: он информирует, рекомендует, предоставляет преимущества, но не лишает субъекта возможности выбора. В случае, когда отступление от рекомендации влечет санкцию или приравненную к ней невыгоду, акт лишь формально сохраняет статус «мягкого», а фактически приобретает обязательный характер.

Определяющее значение имеет не формальное наименование акта и не декларация о его необязательности, а те правовые последствия, которые наступают для субъекта в случае отступления от содержащихся в таком акте предписаний. Если отказ следовать разъяснению влечет доначисление обязательных платежей, отказ в судебной защите либо иной реальный ущерб, такой акт представляет собой обязательное предписание независимо от его названия. Действительная «мягкость» акта распознается по сохраняющейся у субъекта возможности не подчиниться без наступления правовых потерь.

Предложенный критерий разрешает выявленное противоречие. «Мягкое право» само по себе не противостоит правовой определенности и не выступает ее гарантом. В истинно мягкой форме оно расширяет набор ориентиров и повышает предсказуемость, сохраняя за субъектом свободу выбора, а тем самым не нарушает определенности. Приобретая фактически обязательный характер, оно становится жестким регулятором и должно соответствовать предъявляемым к таковым требованиям: ясности (ст. Федерального закона № 247-ФЗ), надлежащему опубликованию, оценке регулирующего воздействия и возможности судебного обжалования. В конфликт с правовой определенностью вступает не «мягкое право», а жесткое, преподносимое как рекомендательное.

Сформулированный критерий согласуется с пониманием правовой определенности как не тождественной неизменности нормативного регулирования. Он не требует устранения гибких регуляторов и не ведет к стагнации права. Данный критерий устанавливает предел, за которым гибкость регулятора трансформируется в обязательное предписание, и связывает с переходом указанной границы наступление определенных правовых последствий. Регулятор вправе неограниченно долго сохранять мягкий характер, однако с момента приобретения фактической обязательности он лишается преимуществ, предоставляемых необязательным актам.

Применимость предложенного критерия может быть проиллюстрирована на примере Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. Формально данный акт носит добровольный характер, и его подписание не влечет возникновения юридических обязанностей. Соблюдение этических положений Кодекса может приниматься во внимание при предоставлении мер государственной поддержки. В долгосрочной перспективе это способно привести к тому, что добровольный характер акта утратит свое реальное значение. Если доступ к значимым ресурсам фактически обусловлен присоединением к Кодексу, то отказ от такого присоединения влечет ощутимые неблагоприятные последствия, вследствие чего рекомендация *de facto* трансформируется в обязательное предписание.

Согласно предложенному критерию, данная ситуация требует либо предъявить к такому акту требования определенности, адресованные обязательным нормам, либо признать его регулятивную силу и надлежащим образом ее оформить. До тех пор, пока получение выгоды остается факультативным, а отказ от присоединения не лишает субъекта разумных альтернатив, соответствующий акт сохраняет подлинно мягкий характер, способствует предсказуемости правового регулирования и не вступает в противоречие с принципом правовой определенности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что соотношение «мягкого права» и принципа правовой определенности не может быть охарактеризовано как исключительно позитивное или негативное. Влияние формально необязательных актов на различные аспекты правовой определенности (предсказуемость, стабильность законодательного текста, ясность нормы, единообразие и стабильность судебных актов) является дифференцированным. Установлено, что «мягкое право» способствует предсказуемости и поддержанию стабильности правового регулирования, однако в определенных условиях создает угрозу для ясности нормативных предписаний и единообразия практики правоприменения.

Как следствие, требуется применение специального критерия разграничения актов «мягкого права». Такой критерий должен отграничивать акты, которые совместимы с правовой определенностью, от тех, которые вступают с ней в противоречие.

В соответствующих целях предлагается использовать критерий сохранения за субъектом реальной, обеспеченной защитой от неблагоприятных последствий свободы действовать по собственному усмотрению. При сохранении такой возможности акт выполняет функцию ориентира, повышающую предсказуемость без нарушения принципа правовой определенности. В случае, когда отступление от содержащихся в акте рекомендаций влечет применение санкции или иных неблагоприятных для субъекта последствий, такой акт фактически приобретает обязательный характер и должен соответствовать требованиям, предъявляемым к формально обязательным нормам (ясность, надлежащее опубликование, оценка регулирующего воздействия, доступность обжалования).

Предложенный критерий имеет практическое значение для сфер, в которых преобладают акты рекомендательного и этического характера, в частности, для регулирования искусственного интеллекта. Фиксация момента фактического приобретения актом обязательной силы позволит своевременно привести его в соответствие с требованиями определенности, и тем самым предотвратить возникновение правовой неопределенности для субъектов соответствующих отношений.

Литература

1. Глובה Д.А. Эволюция определения категории «мягкого права» в исследованиях 1970–2020-х годов // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 13–14.
2. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 238 с.
3. Котоманова С.С. Правовая определенность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2025. 253 с.
4. Дербышева Е.А. О соотношении принципа правовой определенности и *res judicata* // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 61–67.
5. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. 175 с.
6. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2002. 608 с.
7. Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. М.: Проспект, 2017. 240 с.
8. Эбзеев Б.С. «Твердое» и «мягкое» право в конституционном правопорядке России // Государство и право. 2019. № 12. С. 26–38.
9. Довгаль М.С. Сравнительный анализ жесткого и мягкого права // Уральский журнал правовых исследований. 2025. № 2 (31). С. 3–9.
10. Усенков И.А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1. С. 28–58.
11. Скурко Е.В. Роль «мягкого права» в регулировании современных технологий и развитии законодательства о науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 366–370.
12. Власов П. Свойство неопровержимости судебного решения. Закон.ру. 19.04.2022. // [Электронный ресурс]: – URL: https://zakon.ru/blog/2022/4/19/svoystvo_neoproverzhimosti_sudebnogoresheniya (дата обращения: 09.06.2026)

«SOFT LAW» AND THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER

Gantemirova T.U.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the relationship between «soft law» and the principle of legal certainty in the Russian legal order. The statutory definition of certainty is compared with the doctrinal understanding of the principle as it has developed in the case law of the Constitutional Court. The influence of «soft law» on legal certainty proves uneven: it depends on which aspect of certainty is affected and on the role of the particular act. A criterion of compatibility is proposed: «soft law» remains consistent with legal certainty so long as the subject retains a genuine freedom to act at their own discretion.

Keywords: soft law, legal certainty, mandatory requirements, official clarifications, legitimate expectations, legal uncertainty.

References

1. Glebova D.A. The evolution of the definition of the “soft law” category in studies of the 1970s-2020s // *Legal Science*. 2023. No. 9. Pp. 13–14.
2. Derbysheva E.A. The principle of legal certainty: concept, aspects, and place in the system of legal principles: Extended abstract of Cand. Sci. (Law) dissertation. Yekaterinburg, 2020. 238 p.
3. Kotomanova S.S. Legal certainty in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Extended abstract of Cand. Sci. (Law) dissertation. Omsk, 2025. 253 p.
4. Derbysheva E.A. On the relationship between the principle of legal certainty and res judicata // *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*. 2016. No. 4 (46). Pp. 61–67.
5. Dikarev I.S. The principle of legal certainty and the legal force of a court judgment in criminal procedure. Volgograd: Volgograd State University Press, 2015. 175 p.
6. Alekseev S.S. The ascent to law. Searches and solutions. Moscow: Norma, 2002. 608 p.
7. Demin A.V. “Soft law” in an era of change: a comparative study. Moscow: Prospekt, 2017. 240 p.
8. Ebzeev B.S. “Hard” and “soft” law in the constitutional legal order of Russia // *State and Law*. 2019. No. 12. Pp. 26–38.
9. Dovgal M.S. A comparative analysis of hard and soft law // *Ural Journal of Legal Research*. 2025. No. 2 (31). Pp. 3–9.
10. Usenkov I.A. National soft law as a legal phenomenon and an instrument for enhancing the stability of legislation // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2022. Vol. 15. No. 1. Pp. 28–58.
11. Skurko E.V. The role of “soft law” in regulating modern technologies and developing legislation on science // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 2 (70). Pp. 366–370.
12. Vlasov P. The property of incontestability of a court decision. *Zakon.ru*. 19.04.2022. // [Electronic resource]: – URL: https://zakon.ru/blog/2022/4/19/svoystvo_neoproverzhimosti_sudebnogo_resheniya (accessed: 09.06.2026)

Административная ответственность за нарушение требований возрастной маркировки при розничной продаже компьютерных игр: проблемы правоприменения и перспективы ужесточения санкций в КоАП РФ

Гилязетдинова Гульнара Рамазановна,
преподаватель кафедры административного
и информационного права Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации
E-mail: ramgg@list.ru

В статье исследуются проблемы привлечения к административной ответственности за нарушение требований возрастной маркировки при розничной продаже компьютерных игр. Анализируются пробелы действующего законодательства, в частности Федерального закона № 436-ФЗ и корреспондирующих норм КоАП РФ, в части неопределённости субъектного состава правонарушений, размытости квалифицирующих признаков и несоответствия установленных санкций характеру и степени общественной вредности деяний. На основе изучения правоприменительной практики, включая судебные акты и материалы проверок Роспотребнадзора, выявлена крайне низкая эффективность действующего механизма административного принуждения в данной сфере. Особое внимание уделено проблеме квалификации нарушений, связанных с дистрибуцией компьютерных игр через цифровые платформы, где традиционные инструменты контроля оказываются фактически неприменимы. Обосновывается необходимость дифференциации санкций с учётом формы реализации продукции и систематичности нарушений, а также формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: маркировка, ответственность, игры, санкции, правоприменение, квалификация, контроль.

Проблема защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, на протяжении последнего десятилетия устойчиво занимает место среди приоритетных направлений государственной политики в сфере информационной безопасности. Принятие Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [1] стало системообразующим шагом в формировании правового механизма возрастной классификации информационной продукции. Вместе с тем, несмотря на более чем десятилетний период действия закона, практика его применения к сфере розничной продажи компьютерных игр обнаруживает целый комплекс нерешённых проблем, которые существенно снижают эффективность административного принуждения и ставят под сомнение реальную способность государства обеспечить соблюдение установленных возрастных ограничений.

Компьютерные игры как объект правового регулирования обладают рядом специфических характеристик, которые отличают их от иных видов информационной продукции – книг, фильмов, телевизионных программ. Прежде всего, это интерактивность: пользователь не просто потребляет контент, а активно взаимодействует с ним, что, по данным ряда психологических исследований, усиливает воздействие содержащейся информации [3]. Далее, это нелинейность: содержание игры может существенно различаться в зависимости от действий пользователя, что порождает проблему полноты экспертной оценки при проведении возрастной классификации. Наконец, это динамичность: современные игры регулярно обновляются, получают дополнительный контент, который может изменять их возрастную категорию уже после выхода в продажу. Ни одна из этих особенностей не получила адекватного отражения в действующем законодательстве.

Статья 12 Федерального закона № 436-ФЗ устанавливает обязанность производителя и распространителя информационной продукции обеспечить нанесение знака информационной продукции, соответствующего результатам возрастной классификации. Применительно к компьютерным играм, реализуемым на физических носителях, эта обязанность формально реализуема: знак возрастного ограничения размещается на упаковке диска. Однако уже на этом уровне возникает первая серьёзная проблема – вопрос о том, кто именно несёт ответственность за достоверность маркировки. Закон оперирует понятиями «производитель» и «распространитель», но в цепочке дистрибуции компьютерной игры участвуют разработчик (зачастую иностранное юридическое лицо), издатель, импортёр, оптовый продавец и розничный продавец [2]. Каждый из этих субъектов в определённой степени причастен к доведению продукции до конечного потребителя, однако обязанность по обеспечению корректной маркировки распределена между ними крайне неопределённо.

Практика проверок Роспотребнадзора показывает, что административные дела в подавляющем большинстве случаев возбуждаются в отношении розничных продавцов – как правило, сетевых ритейлеров электроники или небольших магазинов. Это создаёт ситуацию, при которой розничный продавец привлекается к ответственности за отсутствие или несоответствие маркировки, хотя он объективно лишён возможности самостоятельно провести возрастную классификацию продукции и вынужден полагаться на информацию, предоставленную вышестоящими звеньями дистрибуционной цепи. Розничный продавец, по сути, отвечает за чужое бездействие, что представляется несправедливым и вступает в противоречие с принципом индивидуализации юридической ответственности.

Ключевой нормой, устанавливающей административную ответственность за нарушения в рассматриваемой сфере, является ст. 6.17 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Часть 1 данной статьи предусматривает ответственность за нарушение порядка распространения информационной продукции среди определённых возрастных категорий – в виде штрафа для граждан в размере от двух до трёх тысяч рублей, для должностных лиц – от пяти до десяти тысяч рублей, для юридических лиц – от двад-

цати до пятидесяти тысяч рублей. Часть 2 устанавливает ответственность за неприменение мер по ограничению доступа к информации, а часть 3 – за размещение рекламы в информационной продукции для детей [4].

Уже при первом приближении бросается в глаза несоразмерность указанных санкций масштабу деятельности потенциальных нарушителей. Для крупного ритейлера с годовой выручкой в десятки миллиардов рублей штраф в двадцать–пятьдесят тысяч рублей не представляет сколько-нибудь значимого экономического стимула к соблюдению закона. Он несоразмерно мал даже по отношению к прибыли, получаемой от реализации одного наименования популярной компьютерной игры. Такой штраф фактически закладывается в операционные расходы и воспринимается участниками рынка не как наказание, а как незначительная издержка ведения бизнеса [5]. Превентивная функция санкции при таком её размере утрачивает практическое значение.

Параллельно со ст. 6.17 КоАП РФ нарушения в сфере возрастной маркировки могут квалифицироваться по ст. 14.3 (нарушение законодательства о рекламе), ст. 13.21 (нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации) и даже по ст. 14.15 (нарушение правил продажи отдельных видов товаров). Такая множественность норм, которые потенциально применимы к одному и тому же фактическому составу, порождает проблему конкуренции квалификаций. На практике это приводит к тому, что контролирующие органы выбирают для применения ту норму, которая проще в доказывании, а не ту, которая точнее соответствует характеру нарушения. В отдельных случаях это ведёт к двойной квалификации одного деяния, что нарушает принцип *non bis in idem*.

Анализ судебной практики позволяет выявить ряд устойчивых проблем. Во-первых, суды зачастую испытывают затруднения при определении того, относится ли компьютерная игра к категории «информационная продукция» в смысле Федерального закона № 436-ФЗ [1]. Закон определяет информационную продукцию как предназначенную для оборота на территории Российской Федерации продукцию средств массовой информации, печатную продукцию, аудиовизуальную продукцию на любых видах носителей, программы для электронных вычислительных машин и базы данных, а также информацию, распространяемую посредством зрелищных мероприятий, и информацию, размещаемую в информационно-телекоммуникационных сетях. Компьютерная игра формально подпадает под категорию «программа для ЭВМ», однако в доктрине высказывается обоснованная позиция о том, что игра является комплексным объектом, включающим аудиовизуальный ряд, литературные элементы и программный код, и её отнесение исключительно к категории программ для ЭВМ является упрощением [6].

Во-вторых, существенные трудности вызывает доказывание факта продажи компьютерной игры лицу, не достигшему установленного возрастного порога. В отличие от алкогольной и табачной продукции, для которых законом прямо установлен запрет продажи несовершеннолетним и обязанность продавца проверять документ, удостоверяющий личность, для компьютерных игр аналогичная обязанность законодательно не закреплена. Статья 12 Федерального закона № 436-ФЗ обязывает обеспечить нанесение знака информационной продукции, но не устанавливает запрет продажи лицам, не достигшим соответствующего возраста. Маркировка носит, по существу, информационный характер – она адресована родителям и законным представителям, а не продавцу. Это принципиально отличает правовой режим возрастной маркировки компьютерных игр от режима ограничения оборота алкогольной продукции, где запрет продажи является безусловным и подкреплён значительными санкциями [7].

Данное обстоятельство порождает парадоксальную ситуацию. Формально продавец, реализовавший компьютерную игру с маркировкой «18+» двенадцатилетнему подростку, может быть привлечён к ответственности лишь в случае, если маркировка отсутствовала или была нанесена с нарушением установленного порядка. Если же маркировка присутствует и соответствует результатам классификации, а продажа тем не менее состоялась – специальной нормы, запрещающей именно продажу, нет. Общая норма ст. 6.17 КоАП РФ о нарушении порядка распространения среди определённых возрастных категорий теоретически охватывает этот случай, но её применение требует доказывания умысла или неосторожности продавца именно в части распространения «среди» конкретной возрастной категории, что на практике крайне затруднительно.

Отдельного и, пожалуй, наиболее острого рассмотрения заслуживает проблема цифровой дистрибуции. По различным оценкам, доля продаж компьютерных игр в цифровом формате (через такие платформы, как Steam, PlayStation Store, Nintendo eShop и их российские

аналоги) к настоящему времени составляет около 80–90% от общего объёма рынка. Физические носители стремительно уходят в прошлое, и вместе с ними уходит вся модель регулирования, основанная на маркировке упаковки товара. Цифровая копия игры не имеет упаковки. Знак информационной продукции размещается на странице товара в интернет-магазине, однако порядок его размещения, размер, расположение на странице законодательно не регламентированы с достаточной степенью конкретности [2].

Более того, значительная часть цифровых платформ, через которые осуществляется дистрибуция компьютерных игр, зарегистрирована за пределами Российской Федерации и управляется иностранными юридическими лицами. Привлечение таких субъектов к административной ответственности по российскому законодательству наталкивается на очевидные юрисдикционные препятствия. Даже в тех случаях, когда платформа имеет российское юридическое лицо (например, в качестве оператора платёжных систем), это лицо далеко не всегда является «распространителем информационной продукции» в смысле закона, поскольку выполняет лишь функцию технического посредника, обеспечивающего доступ к каталогу и проведение платежа. Вопрос о правовом статусе цифровых платформ в контексте Федерального закона № 436-ФЗ остаётся открытым и, насколько можно судить, не получил ясного разрешения ни в судебной практике, ни в доктрине.

Ситуацию дополнительно усложняет феномен внутриигровых покупок и загружаемого контента (DLC). Базовая версия игры может получить возрастную категорию «12+», однако дополнительный контент, приобретаемый внутри игры за реальные деньги, может содержать элементы, соответствующие категории «18+» – сцены насилия, откровенный контент, натуралистические изображения. Действующее законодательство не предусматривает механизма повторной или дополнительной классификации такого контента. Это означает, что ребёнок, законно приобретший (или получивший от родителей) игру с маркировкой «12+», впоследствии получает доступ к контенту, который по своему содержанию относится к значительно более высокой возрастной категории, и ни один субъект – ни разработчик, ни платформа, ни продавец – не несёт за это административной ответственности [5].

Аналогичная проблема касается пользовательского контента. Многие современные игры содержат инструменты создания контента самими игроками (модификации, пользовательские уровни, чат, голосовое общение). Этот контент генерируется самими пользователями и, очевидно, не проходит никакой возрастной классификации. Более того, сама постановка вопроса о такой классификации представляется бессмысленной ввиду объёма и динамики пользовательского контента. Тем не менее именно через пользовательский контент несовершеннолетние в массовом порядке получают доступ к информации, которая формально подлежит возрастным ограничениям. Закон этот вопрос попросту не регулирует.

Обращение к зарубежному опыту позволяет, хотя бы отчасти, обозначить возможные направления совершенствования регулирования. В Европейском Союзе возрастная классификация компьютерных игр осуществляется в рамках системы PEGI (Pan European Game Information), которая функционирует как саморегулируемый отраслевой механизм. PEGI не является государственным органом; классификацию проводит некоммерческая организация на основании информации, предоставленной издателем, с использованием стандартизированной анкеты. При этом в ряде государств – членов ЕС (например, в Великобритании до выхода из ЕС) результаты классификации PEGI имели обязательную юридическую силу, а продажа игры лицу, не достигшему указанного возраста, являлась уголовным правонарушением [3]. Штрафы за такие нарушения в Великобритании могли достигать пяти тысяч фунтов стерлингов для физических лиц, а в случаях привлечения по обвинительному акту – неограниченного штрафа и лишения свободы на срок до шести месяцев. Разница с российскими санкциями – принципиальная и показательная.

В Австралии действует государственная система классификации, управляемая Советом по классификации (Classification Board). Компьютерная игра не может быть легально реализована на территории страны без прохождения классификации, а продажа игры с категорией R 18+ (только для взрослых) лицу младше 18 лет является правонарушением, наказуемым штрафом до нескольких тысяч австралийских долларов в зависимости от штата. Примечательно, что до 2013 года в Австралии отсутствовала категория R 18+ для компьютерных игр: игры, не прошедшие классификацию по более мягким категориям, просто запрещались к продаже, что порождало отдельную дискуссию о соразмерности ограничений [6].

Сопоставление российского и зарубежного опыта позволяет выделить несколько ключевых направлений, по которым отечественное законодательство нуждается в модернизации. Первое и наиболее оче-

видное – это размер санкций. Действующие штрафы по ст. 6.17 КоАП РФ не выполняют ни карательную, ни превентивную функцию. Для обеспечения реального стимулирующего воздействия необходимо существенное увеличение размеров штрафов, причём дифференцированное – в зависимости от типа субъекта (индивидуальный предприниматель, малое предприятие, крупная торговая сеть, цифровая платформа) и от систематичности нарушений. Представляется обоснованным введение повышенных санкций за повторное нарушение в течение определённого периода – по аналогии с тем, как это реализовано, например, в ст. 14.16 КоАП РФ в отношении нарушений правил продажи алкогольной продукции.

Второе направление – это введение прямого запрета продажи компьютерных игр определённых возрастных категорий лицам, не достигшим соответствующего возраста. Существующая модель, при которой маркировка носит исключительно информационный характер, не обеспечивает достаточного уровня защиты. Разумеется, установление такого запрета повлечёт за собой необходимость решения ряда практических вопросов: о порядке верификации возраста покупателя (особенно при онлайн-продажах), о распределении бремени проверки между продавцом и покупателем, о допустимости использования технических средств верификации [4]. Однако сама по себе техническая сложность реализации не может служить основанием для отказа от установления запрета, если его необходимость продиктована задачей защиты несовершеннолетних.

Третье направление связано с необходимостью законодательного определения порядка возрастной классификации цифрового контента – дополнительно загружаемого контента, микротранзакций, внутриигровых элементов. Представляется целесообразным установить обязанность распространителя обеспечивать соответствие возрастной маркировки не только базовой версии игры, но и всего контента, доступного через данную игру за дополнительную плату. В случае если дополнительный контент повышает фактическую возрастную категорию продукта, распространитель обязан актуализировать маркировку и уведомить об этом потребителей [7]. За неисполнение данной обязанности должна быть установлена самостоятельная административная ответственность.

Четвёртое направление – это вопрос о субъектном составе. Действующая редакция ст. 6.17 КоАП РФ не учитывает специфику цифровых платформ. Необходимо либо расширить понятие «распространитель информационной продукции» в Федеральном законе № 436-ФЗ таким образом, чтобы оно охватывало операторов цифровых платформ, предоставляющих доступ к компьютерным играм, либо ввести в КоАП РФ специальную норму, адресованную именно этой категории субъектов. При этом важно избежать чрезмерно расширительного толкования, которое возлагало бы ответственность на технических посредников – провайдеров хостинга, платёжных операторов и т.п. Критерием должна служить степень контроля субъекта над содержанием каталога продукции и условиями её реализации.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о том, какой орган должен осуществлять контроль в данной сфере. В настоящее время полномочия по контролю за соблюдением требований Федерального закона № 436-ФЗ рассредоточены между Роспотребнадзором, Роскомнадзором и прокуратурой. Такое рассредоточение приводит к дублированию функций и одновременно к образованию «слепых зон», за которые ни один орган не несёт чёткой ответственности. Применительно к компьютерным играм, реализуемым через интернет, наиболее логичным представляется закрепление контрольных полномочий за Роскомнадзором как органом, обладающим техническими компетенциями в сфере регулирования интернет-контента [1]. Однако это потребует внесения изменений не только в КоАП РФ, но и в подзаконные акты, определяющие полномочия соответствующих органов.

Нельзя обойти вниманием и процессуальные аспекты привлечения к ответственности. Составление протоколов об административных правонарушениях по ст. 6.17 КоАП РФ относится к компетенции должностных лиц органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в области защиты прав потребителей, а также должностных лиц органов внутренних дел. Рассмотрение дел осуществляется мировыми судьями. Практика показывает, что количество возбуждаемых дел в данной категории крайне невелико. Это объясняется не столько отсутствием нарушений, сколько сложностью их выявления и доказывания. Контрольная закупка (проверочная закупка) является наиболее эффективным способом фиксации нарушения, однако её проведение требует значительных организационных ресурсов, а её правовая допустимость в отношении несовершеннолетних (которые должны были бы выступать в качестве покупателей) порождает дополнительные вопросы.

Следует также обратить внимание на проблему квалификации нарушений, связанных с системой лутбоксов – случайных внутриигровых наград, приобретаемых за реальные деньги. Хотя данный вопрос выходит за рамки собственно возрастной маркировки, он непосредственно связан с защитой несовершеннолетних потребителей компьютерных игр. В ряде государств (Бельгия, Нидерланды) лутбоксы были квалифицированы как форма азартных игр и подчинены соответствующему регулированию. В России этот вопрос не получил законодательного разрешения, хотя Федеральный закон № 436-ФЗ относит информацию, побуждающую детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и здоровью, к категории запрещённой для распространения среди детей [5]. Механизм лутбоксов, эксплуатирующий психологические особенности несовершеннолетних и формирующий зависимое поведение, потенциально подпадает под этот критерий, однако отсутствие прямой нормы делает привлечение к ответственности практически невозможным.

Подводя итог анализу, необходимо зафиксировать следующее. Действующий механизм административной ответственности за нарушение требований возрастной маркировки при розничной продаже компьютерных игр находится в состоянии глубокого несоответствия реальным условиям функционирования рынка. Законодательство, сформированное в период доминирования физических носителей и традиционной розничной торговли, оказывается беспомощным перед лицом цифровой дистрибуции, трансграничных платформ, динамически обновляемого контента и микротранзакций. Санкции, установленные КоАП РФ, не обладают превентивным потенциалом и не стимулируют участников рынка к добросовестному соблюдению закона. Субъектный состав правонарушений размыт, квалификация затруднена, контрольные механизмы неэффективны.

Перспективы ужесточения санкций, при всей их обоснованности, не должны сводиться к простому арифметическому увеличению размеров штрафов. Необходим системный пересмотр подхода к регулированию оборота компьютерных игр с учётом их специфики как интерактивной, динамически обновляемой информационной продукции, распространяемой преимущественно в цифровой форме. Такой пересмотр должен включать уточнение понятийного аппарата Федерального закона № 436-ФЗ, дифференциацию санкций по субъектам и формам нарушений, введение прямого запрета продажи игр определённых категорий несовершеннолетним с соответствующим механизмом верификации возраста, распространение требований возрастной классификации на загружаемый контент и внутриигровые покупки, а также чёткое определение компетенции контролирующих органов [4]. Только комплексный подход, сочетающий ужесточение санкций с модернизацией регулятивного инструментария, способен обеспечить реальную, а не декларативную защиту несовершеннолетних от вредоносного информационного воздействия в сфере компьютерных игр.

Литература

1. Прудникова О.А. Защита детей в информационной сфере: эффективность нововведений // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18. – № 4. – С. 1490–1493.
2. Головки И. И., Солодянкина Д.С. Типичные нарушения законодательства о защите несовершеннолетних от вредоносной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 2. – С. 88–96.
3. Жукова В.А. Актуальные проблемы административной ответственности за нарушение правил осуществления предпринимательской деятельности: дис. ... магистра юриспруденции / Том. гос. ун-т. – Томск, 2020. – 103 с.
4. Tischendorf F., Titov I. Онлайн-игры в России: Правовые вопросы. – М.: ADVANT Beiten, 2022. – 20 с.
5. Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы / под ред. М.А. Рожковой. – М.: Развитие правовых систем, 2023. – 240 с. – ISBN 978-5-6043643-9-0.
6. Ермачкова О.А. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Пензенского государственного университета. – 2024. – № 3 (43). – С. 48–53.
7. Сеидов Г.З. Особенности осуществления государственными органами контроля в сфере информационной безопасности несовершеннолетних на примере Российской Федерации и ЕС // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 5 (233). – С. 127–129.

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR BREACHING AGE-RATING REQUIREMENTS IN THE RETAIL SALE OF COMPUTER GAMES: CHALLENGES IN LAW ENFORCEMENT AND PROSPECTS FOR TOUGHER SANCTIONS UNDER THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Gilliazetdinova R.G.

Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the issues of imposing administrative liability for violations of age rating requirements in the retail sale of computer games. It analyses gaps in the current legislation, specifically Federal Law No. 436-FZ and the corresponding provisions of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, with regard to the ambiguity of the subject composition of offences, vague qualifying criteria, and the disproportionality of established sanctions relative to the nature and degree of social harm. Based on a study of law enforcement practice, including judicial decisions and inspection reports from Rosпотребнадзор, the article reveals an extremely low effectiveness of the existing mechanism of administrative coercion in this area. Particular attention is paid to the qualification of violations related to the distribution of computer games through digital platforms, where conventional regulatory instruments prove essentially inapplicable. The article substantiates the necessity of differentiating sanctions depending on the form of product distri-

bution and the systematic nature of violations, and puts forward specific proposals for legislative improvement.

Keywords: rating, liability, games, sanctions, enforcement, qualification, regulation.

References

1. Prudnikova, O. A. "Child Protection in the Information Sphere: The Effectiveness of Innovations" // Bulletin of Bashkir University. 2013, Vol. 18, No. 4, pp. 1490–1493.
2. Golovko, I. I., Solodyankina, D. S. "Typical Violations of Legislation on the Protection of Minors from Harmful Information" // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2017, Vol. 3 (69), No. 2, pp. 88–96.
3. Zhukova, V. A. "Current Issues of Administrative Liability for Violating the Rules of Carrying Out Entrepreneurial Activity": Master of Law Dissertation / Tomsk State University, 2020, 103 p.
4. Tischendorf F., Titov I. Online games in Russia: Legal issues. – Moscow: ADVANT Beiten, 2022. – 20 p.
5. Video games, gaming, eSports: legal issues / edited by M.A. Rozhkova. – Moscow: Development of legal systems, 2023. – 240 p. – ISBN 978-5-6043643-9-0.
6. Ermachkova O.A. Activities of internal affairs bodies to ensure the information security of minors: current state, problems and prospects // Bulletin of Penza State University. – 2024. – No. 3 (43). – P. 48–53.
7. Seidov G.Z. Features of the implementation of control by state bodies in the field of information security of minors on the example of the Russian Federation and the EU // Agrarian and land law. – 2025. – No. 5 (233). – pp. 127–129.

Грибанова Анна Сергеевна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: gribanovaan@rambler.ru

Статья посвящена роли технологий противодействия коррупции на всех стадиях правотворческого процесса, поскольку именно качество правовых актов во многом определяет эффективность антикоррупционной политики. Выдвигается тезис о том, что повышение эффективности проводимой антикоррупционной политики невозможно исключительно за счет ужесточения ответственности и совершенствования правоприменительной практики, поскольку ключевое значение имеет качество и содержание правового регулирования. В связи с тем, что правовые пробелы, коллизии и неопределенность способствуют повышению коррупционных рисков, особое значение приобретают правовая и антикоррупционная экспертиза, правовой мониторинг, использование средств юридической техники и оценка регулирующего воздействия.

Отдельное внимание уделяется цифровым инструментам, призванным обеспечить прозрачность этапов разработки, согласования и принятия правовых актов, в том числе посредством использования специализированных информационных систем. Делается вывод о необходимости дальнейшего активного использования и совершенствования антикоррупционных технологий как важнейшего средства повышения качества принимаемых правовых актов, нивелирования условий для коррупционных проявлений, а также более активного вовлечения общества в антикоррупционную деятельность.

Ключевые слова: технологии противодействия коррупции, правотворчество, юридическая техника, правовая экспертиза, правовой мониторинг, оценка регулирующего воздействия.

Динамика совершения коррупционных правонарушений и устойчивый рост размера ущерба в связи с их совершением являются с одной стороны следствием эффективной работы соответствующих государственных органов по выявлению фактов совершения указанных противоправных деяний и привлечению к ответственности виновных лиц, но с другой – показателем несовершенства действующего механизма противодействия коррупции, в том числе на этапе формирования и принятия отдельных правовых норм. С учетом роста социальной и политической напряженности, все чаще звучат предложения об ужесточении принимаемых антикоррупционных мер. Вместе с тем повышение эффективности противодействия коррупции не может быть достигнуто только посредством совершенствования практических мер и ужесточением наказания за совершение коррупционных правонарушений, поскольку эффективность уже выстроенной правовой системы зачастую зависит именно от качества принимаемых правовых актов.

Принятие органами государственной власти противоречивых и (или) несогласованных между собой актов не только вызывает сложности у субъектов правоприменения, но и повышает их восприимчивость к коррупции. Ведь в случае наличия в правовом регулировании пробелов или неопределенностей наиболее простым вариантом получения «выгодных» для конкретного субъекта экономики разъяснений государственного органа является подкуп или оказание иного воздействия на уполномоченное должностное лицо.

Кроме того, несовершенство правового регулирования также неизбежно влечет отсутствие четкой взаимосвязи между результатами правотворческой деятельности. Это может быть выражено в принятии неправомерных решений на основании принятого правового акта, содержащего неоднозначные положения.

Таким образом, технологии противодействия коррупции играют значимую роль не только в рамках правоприменения, но и на всех стадиях правотворческого процесса: от этапа разработки до принятия правового акта. Основной целью указанных технологий является выявление коррупциогенных факторов, а также юридических ошибок.

Следует отметить отсутствие в юридической науке единого сложившегося подхода относительно определения технологий противодействия коррупции, а также их классификации. Вместе с тем Т.Я. Хабриева полагает, что технологии противодействия коррупции можно понимать, как систему методов, способов и средств реализации антикоррупционных предписаний [1]. При классификации указанных технологий в зависимости от уровня вовлеченности в конкретные процессы, их можно подразделить на общесистемные, специальные и координационные [1].

Целью **общесистемных** антикоррупционных технологий является обеспечение надлежащего качества принимаемых правовых актов. Примерами указанного вида технологий являются правовая экспертиза, правовой мониторинг, юридическая техника.

Понятие *правовая экспертиза* многоаспектно и включает в себя различные виды экспертизы на разных этапах правотворческого процесса. В частности, правовая экспертиза проекта акта в обязательном порядке проводится правовым подразделением государственного органа при разработке проекта акта, а также в случае его доработки с учетом замечаний иных участников правотворческого процесса. Особо важна правовая экспертиза, проводимая Минюстом России, поскольку отсутствие в результате ее проведения положительного заключения является одним из основных ограничительных факторов для дальнейшего прохождения проектом акта установленных процедур.

Основной целью проведения правовой экспертизы является проверка положений правового акта и (или) его проекта на предмет соответствия действующему законодательству и правилам юридической техники. Данный механизм, безусловно, является важным элементом антикоррупционного процесса, в том числе поскольку в рамках правовой экспертизы нередко выявляются и корректируются неоднозначные и противоречивые формулировки, которые потенциально могут способствовать несистемному толкованию отдельных правовых норм и их дискриминационной практической реализации, а также правовые пробелы, коллизии и пр., способные оказать негативное влияние на реализацию положений акта или даже стать причиной недостижения целей разрабатываемого правового регулирования.

Правовой мониторинг М.И. Залогов определяет, как комплексную систематическую деятельность уполномоченных субъектов по наблю-

дению, анализу и оценке качества деятельности по разработке, принятию и изменению норм права и практики их реализации на предмет достижения заложенных в них целей [2]. Таким образом, задачей указанной деятельности является не только анализ действующего законодательства на предмет достижения изначально планируемых результатов правового регулирования, но и оценка его актуальности на конкретном историческом и политическом этапе развития государства, а также формулирование предложений по дальнейшему совершенствованию правового регулирования исходя из текущих социальных и экономических потребностей общества.

Т.В. Кашанина под юридической техникой понимает совокупность инструментов ведения юридической работы и составления юридических документов. Основной целью использования юридической техники является качественное и целесообразное преобразование информации в правовой акт [3].

К общим правилам юридической техники можно отнести полное и адекватное выражение воли субъекта правотворчества, системную последовательность и лаконичность изложения предписаний, недопущение противоречивости в правовом акте, ясность и доступность юридического языка и пр.

Специальные технологии противодействия коррупции, такие как, антикоррупционные экспертиза и мониторинг, направлены на профилактику именно коррупционных проявлений.

Полномочиями по осуществлению *антикоррупционного мониторинга* наделены различные субъекты, но содержанием указанной работы является измерение уровня коррупции, установление причин ее возникновения и факторов, способствующих повышению и (или) снижению динамики ее распространения, а также оценка эффективности методов, используемых для борьбы с указанным явлением. Антикоррупционный мониторинг также позволяет на системной основе выявлять существующие недостатки антикоррупционного регулирования и практики его применения с целью корректировки реализуемых мер по противодействию коррупции для повышения их эффективности.

Под *антикоррупционной экспертизой* правовых актов и проектов правовых актов следует понимать осуществляемую уполномоченными органами исследовательско-аналитическую деятельность, предметом которой является выявление и устранение коррупциогенных факторов в положениях правовых актов и проектов правовых актов. Особую роль в сфере профилактики коррупции в Российской Федерации играет антикоррупционная экспертиза, проводимая Минюстом России, которая является обязательным этапом процесса принятия нормативного правового акта на федеральном уровне. В то же время следует отметить и инструмент независимой антикоррупционной экспертизы, который реализуется не государственными органами, а аккредитованными Минюстом России физическими и юридическими лицами [4]. При этом направление проекта правового акта для проведения такой экспертизы в настоящее время автоматизировано: такая возможность предоставлена государственному органу, являющемуся разработчиком соответствующего акта, при его размещении для публичного или общественного обсуждения на федеральном портале проектов нормативных правовых актов regulation.gov.ru (далее – портал regulation.gov.ru). Следует также обратить внимание, что учет результатов независимой антикоррупционной экспертизы со стороны разработчиков проектов правовых актов также контролируется Минюстом России, в том числе посредством систематических запросов соответствующей информации у государственных органов.

В свою очередь **координационные** технологии имеют своей целью повышение эффективности правового регулирования в том числе посредством недопущения введения избыточных обязанностей и (или) запретов в сфере экономической деятельности. В этой связи к координационным технологиям следует отнести прежде всего оценку регулирующего воздействия, проводимую Минэкономразвития России (далее – ОРВ).

Основной целью проведения ОРВ является недопущение установления избыточных обязанностей и необоснованных запретов в отношении субъектов правового регулирования. Таким образом, ОРВ направлена на обеспечение благоприятного социального и экономического климата, в том числе посредством снижения административной нагрузки на субъекты предпринимательства. С учетом того, что ОРВ является сложной процедурой, включающей в себя множество аспектов, следует отметить, что реализация вышеуказанных целей начинается еще на этапе заполнения государственным органом – разработчиком проекта акта необходимых для проведения ОРВ документов, поскольку уже на этапе их заполнения разработчик может оценить размер потенциальных затрат, которые понесут представители бизнеса при соблюдении новых проектируемых обязанностей, запретов, требований и, при несоответствии цели регулирования сопутствующим

издержкам представителей отрасли, – отказаться от дальнейшей разработки такого проекта акта.

Кроме того, в случае необходимости дополнительного обсуждения проектируемых проектом правового акта положений Минэкономразвития России при проведении ОРВ вправе провести дополнительные публичные консультации с органами и организациями перед формированием итогового заключения [5].

Следует отметить, что некоторые исследователи, в том числе Т.Я. Хабриева, полагают, что целью координационных технологий является прежде всего достижение согласованности и упорядоченности между применяемыми технологиями, в связи с чем отнесение к данной категории процедуры ОРВ является не совсем корректным. Одновременно предлагается выделить в качестве примеров указанного вида антикоррупционных технологий специализированные информационные системы, в том числе обеспечивающие открытость деятельности государственных органов, в частности официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок [1].

Представляется, что в качестве новой формирующейся категории технологий противодействия коррупции можно выделить информационные технологии, целью которых является обеспечение максимальной прозрачности как процесса разработки, согласования и принятия проектов правовых актов, так и принятия отдельных решений на основании существующего правового регулирования. К данному виду антикоррупционных технологий можно отнести ГИС «Нормотворчество», Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций), Платформу государственных сервисов и др.

Стоит отметить, что одной из целей перевода правотворческого процесса на специализированные цифровые платформы является обеспечение универсализации формулировок и прозрачности нормотворческого процесса. Вместе с тем, по нашему мнению, указанные цели не должны достигаться в ущерб реализации особенностей конкретного правового регулирования. Примером такой ситуации может являться процесс разработки, согласования и принятия административных регламентов предоставления государственных услуг, общие правила которого установлены на уровне постановлений Правительства Российской Федерации [6; 7]. В то же время анонсирован постепенный переход указанного процесса в специализированную информационную систему [8]. Вместе с тем практика разработки и принятия таких ведомственных актов новым способом продемонстрировала наличие ряда недочетов, связанных с одной стороны с невозможностью применения в каждом случае единых универсальных формулировок ввиду специфики действующего регулирования порядка предоставления отдельно взятой государственной услуги, так и сложностью согласования и принятия административных регламентов в связи с несовершенством заложенной системой технического процесса, что существенно затягивало сроки принятия соответствующих правовых актов.

Следует также отметить, что перевод правотворческого процесса в специализированные информационные системы, особенно в случае, когда разработка и согласование правовых актов разных уровней и специфики осуществляются на разных платформах, требует особой подготовки государственных служащих, чьи должностные обязанности непосредственно связаны с осуществлением указанной деятельности. В этой связи обучение указанных сотрудников требует не только организационных и финансовых затрат со стороны государственных органов, но и временных затрат большого количества работников, которым зачастую приходится совмещать выполнение текущих обязанностей с одновременным обучением порядку работы в новой, требующей разработки системе. К сожалению, указанные обстоятельства существенным образом влияют как на скорость и качество непосредственно разработки проекта акта, так и на эффективность работы государственных органов в целом.

Вместе с тем крайне важным «технологическим» инструментом профилактики коррупции является механизм публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, которые реализованы посредством портала regulation.gov.ru. Размещение проекта правового акта на указанном ресурсе обязательно, за исключением отдельных установленных законодательством случаев, как например наличие в положениях проекта такого акта государственной тайны. Помимо реализации принципа открытости деятельности государственных органов в том числе в части правотворческой деятельности, с точки зрения профилактики коррупционных проявлений примечательна возможность граждан и организаций направить свои предложения и (или) замечания относительно текста проекта акта в государственный орган, являющийся его разработчиком. При этом такой государственный орган не просто обязан рассмотреть все поступившие в связи с проведением публичного обсуждения замечания и предложения, но и разместить в открытом доступе мотивированный ответ на них, с указанием стату-

са учета представленных позиций при дальнейшей доработке проекта правового акта [5].

Указанный механизм, позволяющий гражданскому обществу и профессиональным сообществам не просто ознакомиться с новеллами законодательства на этапе их проектирования, но и оказывать непосредственное влияние на их содержание особенно в случаях выявления неоднозначных положений, способных негативным образом повлиять на деятельность отдельных субъектов.

В контексте обеспечения прозрачности законодательной деятельности как части реализации информационных технологий противодействия коррупции следует также обратить внимание на существующую процедуру принятия правовых актов и возможность их верификации.

Так, например, публичность процесса принятия федеральных законов реализована посредством системы обеспечения законодательной деятельности государственной автоматизированной системы «Законотворчество». С помощью указанной системы можно найти необходимую информацию о движении законопроекта, о внесенных в него изменениях, а также иную сопутствующую документацию (заключения комитетов, пояснительная записка, финансово-экономическое обоснование и пр.).

При этом верификация правовых актов в Российской Федерации возможна различными способами, в частности, источниками официального опубликования являются «Российская газета» и «Парламентская газета», официальный сайт Собрания законодательства Российской Федерации, официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации publication.gov.ru и др.

В заключение хотелось бы отметить, что технологии противодействия коррупции без преувеличения играют основополагающую роль в правотворческом процессе, поскольку не только нивелируют непосредственные факторы возникновения и распространения коррупционных проявлений, но и способствуют выявлению и преодолению правовых пробелов и неопределённостей правового регулирования, которые в случае их наличия в тексте принятого правового акта способны стать инструментом для совершения коррупционных правонарушений. Кроме того, использование технологий противодействия коррупции в том числе для освещения проводимой законодательной работы все больше становится средством активного вовлечения профессиональных сообществ, представителей различных отраслей экономики и гражданского общества к антикоррупционной работе, формирует в обществе нетерпимость к коррупционным проявлениям любого рода. Вместе с тем развитие современных информационных технологий оказывает существенное влияние на процесс правотворчества, тем самым внося коррективы и в реализацию технологий противодействия коррупции: появляются новые инструменты, создаются условия для совершенствования уже существующих.

С учетом того, что курс на искоренение коррупции в любых ее проявлениях является отличительной особенностью любого правового, суверенного и экономически устойчивого государства, нет никаких сомнений в том, что существующая в Российской Федерации антикоррупционная политика будет совершенствования, в том числе с точки зрения большего распространения практики использования антикоррупционных технологий в правотворческом процессе.

Литература

1. Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А. Чиханчин [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016
2. Залоило М.В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. – Москва: Проспект, 2021
3. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмт М.: Норма; ИНФРА-М, 2011
4. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в редакции от 30 сентября 2024 г.)
5. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической ко-

миссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии») (в редакции от 15 ноября 2025 г.)

6. Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (в редакции от 15 ноября 2024 г.)

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июля 2021 г. № 1228 «Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» (в редакции от 29.12.2025)

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 октября 2023 г. № 1706 «Об особенностях разработки, согласования, проведения экспертизы и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг в 2024–2026 годах, в том числе без использования федеральной государственной информационной системы, обеспечивающей ведение федерального реестра государственных услуг» (в редакции от 28 апреля 2025 г.)

ANTI-CORRUPTION MECHANISMS AND THEIR ROLE IN THE LAWMAKING PROCESS

Gribanova A.S.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the role of anti-corruption technologies at every stage of the lawmaking process, as the quality of legal acts largely determines the effectiveness of anti-corruption policy. It argues that anti-corruption efforts cannot be improved solely by imposing stricter liability and refining law enforcement practice, since the quality and substance of legal regulation are of central importance. Due to legal gaps, conflicts, and ambiguity increase corruption risks, particular attention is given to legal and anti-corruption review, legal monitoring, the use of legislative drafting techniques, and regulatory impact assessment. Special emphasis is placed on digital tools designed to ensure transparency in the drafting, coordination, and adoption of legal acts, including through specialized information systems. The article concludes that the continued active use and further development of anti-corruption technologies are essential for improving the quality of legal acts, reducing opportunities for corruption, and engaging society more broadly in anti-corruption efforts.

Keywords: anti-corruption technologies, lawmaking, legislative drafting technique, legal expertise, legal monitoring, regulatory impact assessment.

References

1. Anti-Corruption: New Challenges: Monograph / S.B. Ivanov, T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Chikhanchin et al.; edited by T. Ya. Khabrieva. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; INFRA-M, 2016
2. Zaloilo, M.V. Monitoring of Anti-Corruption Legislation: A Scientific and Practical Guide / edited by D.A. Pashentsev, Doctor of Law, Professor. – Moscow: Prospekt, 2021
3. Kshanina, T.V. Legal Drafting Technique: Textbook. 2nd ed., revised. – Moscow: Norma; INFRA-M, 2011
4. Federal Law № 172-FZ of July 17, 2009 «On Anti-Corruption Review of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts» (as amended on September 30, 2024)
5. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1318 of December 17, 2012 «On the Procedure for Regulatory Impact Assessment by Federal Executive Authorities of Draft Regulatory Legal Acts and Draft Decisions of the Eurasian Economic Commission, and on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation» (together with the «Rules for Regulatory Impact Assessment by Federal Executive Authorities of Draft Regulatory Legal Acts and Draft Decisions of the Eurasian Economic Commission») (as amended on November 15, 2025)
6. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1009 of August 13, 1997 «On Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Authorities and Their State Registration» (as amended on November 15, 2024)
7. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1228 of July 20, 2021 «On Approval of the Rules for the Development and Approval of Administrative Regulations for the Provision of Public Services, on Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation, and on Repeal of Certain Acts and Individual Provisions of Acts of the Government of the Russian Federation» (as amended on December 29, 2025)
8. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1706 of October 14, 2023 «On the Specific Features of the Development, Coordination, Review, and Approval of Administrative Regulations for the Provision of Public Services in 2024–2026, Including Without the Use of the Federal State Information System Maintaining the Federal Register of Public Services» (as amended on April 28, 2025)

Губанова Ольга Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
переподготовки и повышения квалификации специалистов,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
имени Героя Российской Федерации генерала армии
Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В публикации рассмотрено, в чем разница пенсии и надбавки за инвалидность военнослужащему, которая заключается в их правовой природе, основаниях назначения и механизме расчета. Таким образом, пенсия по инвалидности – это основная регулярная выплата, полагающаяся из-за потери трудоспособности, а надбавка – это увеличение этой или другой пенсии для отдельных категорий инвалидов и пожилых людей. В статье проанализированы различные виды надбавок к пенсии. Рассмотрено, что законодательство допускает получение двух пенсий, но с существенными ограничениями: нельзя суммировать два вида военных пенсий за одно основание, однако можно совмещать военную пенсию (за выслугу лет или по инвалидности) со страховой пенсией по старости, если выполнены условия гражданского стажа. Следует учесть, что фиксированная часть к страховой пенсии военным пенсионерам не выплачивается. Размер надбавок зависит от группы инвалидности. Например, если инвалидность первой группы наступила в результате военной травмы, размер социальной пенсии увеличивается кратно (в три раза). Обе пенсии подлежат индексации и пересчитываются ежегодно.

Ключевые слова: Пенсия по выслуге лет, пенсия по инвалидности, размер пенсии, группа инвалидности, военная травма, заболевание.

Пенсия и надбавки по инвалидности военнослужащему – в чем разница и как они платятся, мы проанализируем в данной публикации. Пенсия и надбавки по инвалидности военнослужащему – это разные виды выплат, которые регулируются отдельными нормами и имеют свои особенности назначения и расчета.

В нашей статье мы рассмотрим вопрос одновременного получения пенсии по выслуге лет и инвалидности.

В Законе № 4468–1 (статья 14) закреплены размеры пенсии за выслугу лет [1]:

- лицам, имеющим выслугу 20 лет и более;
- при увольнении по смешанному стажу. [2,3,4,5,6]

В статье 19 данного закона отражено, кто имеет право на пенсию по инвалидности:

- лица, ставшие инвалидами, если инвалидность наступила в период прохождения ими службы или не позднее трех месяцев после увольнения со службы либо если инвалидность наступила позднее этого срока, но вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в период прохождения службы. [1]

Размер пенсии по инвалидности для военнослужащих зависит от:

- группы инвалидности;
- причины инвалидности (военная травма или нет);
- денежное довольствие;
- понижающий коэффициент;
- районный коэффициент;
- категория военнослужащего (для проходивших службу по призыву расчет идет от социальной пенсии, а для контрактников – от денежного довольствия). [7]

Таким образом, итоговая сумма определяется сочетанием этих параметров и ежегодно индексируется в соответствии с законодательством.

Примеры расчета:

- I и II группы (военная травма) – 85% денежного довольствия (ДД);
- III группа (военная травма) – 50% ДД;
- I и II группы (заболевание, полученное на службе) – 75% ДД;
- III группа (заболевание) – 40% ДД.

Пенсия выплачивается на период инвалидности. Для мужчин старше 60 лет и женщин 55 лет – пожизненно, с переосвидетельствованием в заявительном порядке, когда они хотят перейти на более высокую и более оплачиваемую группу инвалидности.

Определением Конституционного Суда РФ от 26.06.2025 № 1788-О законодательно урегулированы вопросы пенсионного обеспечения граждан в ряде законодательных актов, введя при этом общее правило, в силу которого лицам, имеющим право на одновременное получение пенсий различных видов, устанавливается одна пенсия по их выбору. [8]

Таким образом, при соблюдении условий, по выбору военнослужащего назначается либо пенсия за выслугу лет либо по инвалидности. Надбавки к пенсии по инвалидности отражены в таблице 1.

Таблица 1. Виды надбавок к основной пенсии по инвалидности

Вид надбавки	Кому положена	Размер
На уход	Инвалидам I группы, 80 лет и более	100% расчетного размера пенсии (РРП)
Доплата за иждивенцев	на нетрудоспособных членов семьи	32–100% (в зависимости от числа иждивенцев)
По военной травме	Инвалидам вследствие военной травмы	175–300% РРП (по группе инвалидности)
Ветеранам боевых действий	Ветеранам, инвалидам войны	+32% РРП

С 1 апреля 2026 года расчетный размер пенсии (РРП) для надбавки к военной пенсии по инвалидности составил 9424,12 рубля.

Таким образом, РРП служит базой для начисления всех надбавок к военной пенсии по инвалидности. Итоговая сумма всегда состоит из двух частей: пенсии по выслуге лет и установленных законом надбавок от РРП. Надбавки считаются в процентах к РРП и могут суммироваться, если есть несколько оснований.

Как эти выплаты начисляются:

- пенсия по инвалидности назначается и выплачивается пенсионным органом ведомства, где служил военнослужащий (Минобороны, МВД, ФСБ и др.);
- надбавки начисляются автоматически при наличии оснований и соответствующих документов (таблица 2);
- выплаты производятся ежемесячно на банковский счет или через почтовые отделения;
- если военнослужащий получает и вторую (страховую) пенсию, то надбавки к пенсии устанавливаются и не зависят от того работает он или нет (таблица 3). [9,10]

Таблица 2. Надбавки к пенсии по инвалидности

Параметры	Пенсия по инвалидности	Надбавки к пенсии
Назначение	Основная выплата за инвалидность	Дополнительная выплата к пенсии
Основание	Группа инвалидности, причина	Особые условия (уход, иждивенцы, травма и др.)
Размер	% от денежного довольствия	% от расчетного размера пенсии
Кто назначает	Ведомство (Минобороны, МВД и др.)	То же ведомство

Если инвалидность получена по общим основаниям, а не вследствие военной травмы, то получение двух пенсий возможно при соблюдении всех критериев для оформления страховой пенсии, которые отражены в таблице 3. [11]

Таблица 3. Категории и условия для получения пенсии по выслуге лет и страховой пенсии

Условие	Пенсия по выслуге лет	Страховая пенсия по инвалидности (старости)
Категории	Военные пенсионеры, ведомственные пенсионеры МВД, МЧС и т.д.	Граждане с инвалидностью или по старости
Требования	Выслуга лет на службе	Страховой стаж – 15 лет и более, ИПК (индивидуальный пенсионный коэффициент) – 30 и более, Возраст: в 2026 году – 64 года для мужчин, 59 лет – для женщин
Условие для получения двух пенсий	При выполнении условий	Если есть право на обе выплаты
Как происходит оформление	Через кадровые органы Минобороны, МВД и др.	Самостоятельно через Социальный фонд, МФЦ, Госуслуги

Пенсия за выслугу лет, лицам ставшими инвалидами, вследствие военной травмы в соответствии с п.п. 1 ст. 18 Федерального закона от N 166-ФЗ, может повышаться и зависит от группы инвалидности (таблица 4). [12]

Таблица 4. Увеличения к пенсии за выслугу лет

Лицам, ставшими инвалидами вследствие военной травмы	
инвалидам I группы	300% расчетного размера пенсии (РРП)
инвалидам II группы	250% РРП
инвалидам III группы	175% РРП
При инвалидности вследствие заболевания, полученного в период службы	
инвалидам I группы	250% РРП
инвалидам II группы	200% РРП
инвалидам III группы	150% РРП

Для жителей Крайнего Севера и приравненных к ним местностей к данным суммам применяется районный коэффициент.

Проанализированы различия в пенсии по инвалидности и надбавки к пенсии (таблица 5).

Также, в результате военной травмы или инвалидности вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по контракту о пребывании в добровольном формировании, установлена выплата, которая является отдельной строкой и не ставится в зависимость от иных видов выплат.

Как следует из части 14.1 статьи 3 Федерального закона № 306-ФЗ ежемесячная денежная компенсация, предусмотренная частью 13 данной

статьи, выплачивается независимо от времени наступления инвалидности вследствие военной травмы, места работы (службы) после увольнения с военной службы, видов получаемых пенсий, а также выплат, установленных к пенсиям в соответствии с законодательством РФ. [13]

Таблица 5. Различия в пенсии по инвалидности и надбавки к пенсии

Параметры	Пенсия по инвалидности	Надбавки к пенсии
Назначение	Основная выплата за инвалидность	Дополнительная выплата к пенсии
Основание	Группа инвалидности, причина	Особые условия (уход, иждивенцы, травма и др.)
Размер	% от денежного довольствия	% от расчетного размера пенсии
Кто назначает	Ведомство (Минобороны, МВД и др.)	То же ведомство

В российском законодательстве закреплён принцип, согласно которому меры социальной поддержки, предоставляемые в связи с причинением вреда здоровью при исполнении обязанностей военной службы, носят самостоятельный характер. Эта норма является ключевой для защиты прав военнослужащих и добровольцев. Она означает, что право на получение конкретной выплаты или льготы не отменяется и не уменьшает право на получение других, положенных по закону выплат. Речь идет о комплексе мер, направленных на всестороннюю поддержку граждан, получивших увечье или заболевание при исполнении служебных обязанностей.

Принцип их предоставления можно разделить:

- Самостоятельность выплат, каждая выплата устанавливается отдельным нормативным актом (Федеральным законом, указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ) и имеет свой правовой механизм. Например, страховая выплата по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья – это одна мера, а ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью, – совершенно другая. Получение одной не является основанием для отказа в другой или для ее уменьшения.

- Виды выплат и льгот. Для указанной категории граждан предусмотрен широкий спектр государственной поддержки, который включает в себя как денежные выплаты, так и нематериальные льготы. К основным из них относятся: единовременные выплаты (страховые суммы по договору обязательного государственного страхования), ежемесячные выплаты (ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью), компенсация расходов на реабилитацию (оплата лечения, санаторно-курортного обслуживания, протезирования и технических средств реабилитации), налоговые льготы (освобождение от уплаты налога на имущество физических лиц, транспортного и земельного налогов), жилищные права (обеспечение жильем или жилищной субсидией), пенсионное обеспечение (назначение военной пенсии по инвалидности).

Таким образом, законодательство выстраивает многоуровневую систему защиты. Если военнослужащий или доброволец получил ранение (увечье) или заболевание при исполнении обязанностей по контракту о пребывании в добровольном формировании, он имеет право претендовать на весь комплекс положенных ему мер поддержки одновременно. Каждая из них является самостоятельным обязательством государства и не зависит от факта получения других.

Вывод: согласно действующему законодательству, военнослужащий не может одновременно получать две пенсии одного вида (например, две военные).

Если инвалидность наступила в связи с прохождением военной службы, человек имеет право выбрать одну из двух военных пенсий: по инвалидности или за выслугу лет. Одновременно эти две пенсии он получать не будет.

Однако существует понятие «второй пенсии». Если после увольнения со службы бывший военный официально работал на гражданских должностях или гражданских организациях, за него уплачивались страховые взносы, и при этом он получает военную пенсию (по любому основанию), то при соблюдении необходимых условий ему назначается еще и страховая пенсия по старости (часть страховой пенсии – без фиксированной выплаты).

Существует следующий алгоритм получения второй пенсии военнослужащему:

- увольнение с военной службы, по выслуге лет или инвалидности;
- официальная работа на «гражданке» с уплатой страховых взносов организацией;
- накопление гражданского стажа и баллов (таблица 3);

- достижение пенсионного возраста;
- подача заявления в Социальный фонд России с пакетом документов для назначения страховой пенсии.

В этом случае он законно получает две пенсии: одну – от Минобороны, вторую – гражданскую (страховую). Вторая пенсия (часть страховой пенсии) подлежит ежегодной индексации и перерасчёту в августе, если пенсионер продолжает работать.

Кроме того, для инвалидов вследствие военной травмы действует особый порядок:

- они могут получать государственную пенсию по инвалидности вместе со страховой пенсией по старости или по инвалидности;
- для определённых категорий (добровольцы, участники боевых действий) возможен выбор: либо государственная пенсия по инвалидности плюс страховая по старости, либо замена страховой пенсии на ведомственную пенсию за выслугу лет.

Таким образом, законодательство допускает получение двух пенсий, но с существенными ограничениями: нельзя суммировать два вида военных пенсий за одно основание, однако можно совмещать военную пенсию (за выслугу лет или по инвалидности) со страховой пенсией по старости, если выполнены условия гражданского стажа. [14,15,16]

Порядок назначения и расчёта каждой из пенсий регулируется Законом РФ № 4468–1 и Федеральным законом № 166-ФЗ. [1,6]

В 2026 году индексация пенсий в России будет проходить в несколько этапов и затронет разные категории получателей:

- страховые пенсии (по старости, инвалидности, потери кормильца) проиндексированы с 1 января на 7,6%, это повышение коснулось как неработающих, так и работающих пенсионеров, стоимость одного пенсионного балла увеличилась до 156,76 рублей;
- социальные пенсии, с 1 апреля произошла индексация социальных пенсий на 6,8% (база для расчета РРП), после индексации выплаты составят: инвалидам I группы – 18848,32 рублей, инвалидам II группы – 9424,10 рублей, инвалидам III группы – 8010,57 рублей;
- военные пенсии бывшим военнослужащим и сотрудникам силовых ведомств (МВД, МЧС, Росгвардия и др.) будут увеличены на 4% с 1 октября. Это повышение пройдет одновременно с индексацией денежного довольствия, от которого зависит размер военной пенсии.

Литература

1. Закон РФ от 12.02.1993 N 4468–1 (ред. от 29.12.2022) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2 (19) С. 58–63
3. Губанова О.А., Зувев А.В., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Пенсия за выслугу лет // Юридическая наука, 2024, № 4. С. 37–40.
4. Бородин М.П., Губанова О.А. Исторические этапы срочной службы в России. Журнал «Казачество». 2021 № 55 (5). С. 51–55.
5. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82.
6. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф. // СПбГУПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215
7. Губанова О.А., Бруевич М.Ю., Игбаева Г.В., Зувев А.В., Проходимова Е.М. Пенсия по инвалидности // Юридическая наука, 2024, № 6. С. 105–107.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 26.06.2025 N 1788-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Штрак Натальи Петровны на нарушение конституционных прав ее подопечной – несовершеннолетней гражданки К. пунктом 3 статьи 3 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Губанова О.А., Бруевич М.Ю. Право на вторую пенсию // Закон и власть. 2023. № 1. С. 26–28.
10. Губанова О.А. Вторая пенсия для сотрудников ФПС ГПС // Юридическая наука, 2025, № 10. С. 190–193.
11. Губанова О.А. Пенсионное обеспечение военнослужащих в разных странах // Экономическое развитие России, 2026, № 4. С. 254–257.
12. Федеральный закон от 15.12.2001 N 166-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Федеральный закон от 07.11.2011 N 306-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат.» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Губанова О.А. Продвижение по службе квалифицированных специалистов // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2016. № 2 (31). С. 28–30.

15. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Технологии по работе с резервом кадров в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2010 № 2. С. 62–70

16. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России / СПб. Монография/ Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. 2022. С. 176.

SIMULTANEOUS RECEIPT OF LONG-TERM AND DISABILITY PENSIONS FOR MILITARY PERSONNEL

Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

The publication examines the difference between pensions and disability allowances for military personnel, which lies in their legal nature, the grounds for appointment and the calculation mechanism. Thus, a disability pension is the main regular payment due to disability, and an allowance is an increase in this or another pension for certain categories of disabled and elderly people. The article analyzes various types of pension allowances. It is considered that the legislation allows receiving two pensions, but with significant restrictions: it is impossible to sum up two types of military pensions for one reason, however, it is possible to combine a military pension (for seniority or disability) with an old-age insurance pension, if the conditions of the civil service are fulfilled. It should be noted that the fixed part of the insurance pension is not paid to military retirees. The amount of allowances depends on the disability group. For example, if the disability of the first group occurred as a result of a military injury, the amount of the social pension increases by a multiple (three times). Both pensions are subject to indexation and are recalculated annually.

Keywords: retirement pension, disability pension, pension size, disability group, military injury, illness.

References

1. Law of the Russian Federation of 12.02.1993 N 4468–1 (as amended by 29.12.2022) "On pensions for persons who have served in military service, service in the internal affairs bodies, the State Fire Service, bodies for controlling the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penal system, troops of the National Guard of the Russian Federation, compulsory enforcement bodies of the Russian Federation, and their families." Access from the ConsultantPlus legal system.
2. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees of employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergencies of Russia//Law. Security. Emergencies. 2013 No. 2 (19) S.58–63
3. Gubanova O.A., Zuev A.V., Osmanov Sh. A., Zavyalov D.E. Retirement pension// Legal Science, 2024, No. 4. S. 37–40.
4. Borodin M.P., Gubanova O.A. Historical stages of military service in Russia. Magazine "Cossacks." 2021 № 55 (5). S.51–55.
5. Gubanova O.A. History and reform of pension provision in Russia//Psychological and pedagogical problems of human and public safety. 2018 № 2 (39). S.79–82.
6. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation//Theses international. conf. //SPbUGPS 2019. St. Petersburg, 2019. P. 212–215.
7. Gubanova O.A., Bruevich M.Yu., Igbaeva G.V., Zuev A.V., Prokhodimova E.M. Disability pension//Legal Science, 2024, No. 6. P. 105–107.
8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.06.2025 N 1788-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Strak Natalya Petrovna about violation of the constitutional rights of her ward, a minor citizen K., paragraph 3 of Article 3 of the Federal Law "On State Pension Provision in the Russian Federation" Access from the legal system "ConsultantPlus."
9. Gubanova O.A., Bruevich M. Yu. The right to a second pension//Law and power. 2023. № 1. S. 26–28.
10. Gubanova O.A. Second pension for employees of the FPS GPS//Legal Science, 2025, No. 10. S. 190–193.
11. Gubanova O.A. Pensions for military personnel in different countries//Economic Development of Russia, 2026, No. 4. S. 254–257.
12. Federal Law of 15.12.2001 N 166-FZ (as amended by 28.11.2025) "On State Pension Provision in the Russian Federation." Access from the ConsultantPlus legal system.
13. Federal Law of 07.11.2011 N 306-FZ (ed. 15.12.2025) "On the monetary allowance of military personnel and the provision of separate payments to them." Access from the ConsultantPlus legal system.
14. Gubanova O.A. Promotion of qualified specialists//Psychological and pedagogical problems of human and public safety. 2016. № 2 (31). S.28–30.
15. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Technologies for working with a reserve of personnel at St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Scientific-analyst. magazine "Bulletin of St. Petersburg. University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2010 No. 2. P. 62–70
16. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia / St. Petersburg. Monograph / St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2022. P. 176.

Санкционные ограничения как обстоятельство непреодолимой силы: критерии судебной квалификации в практике верховного суда Российской Федерации (2023–2024)

Ершов Андрей Александрович,

аспирант кафедры гражданского права, Челябинский
государственный университет
E-mail: brodrus@yandex.ru

Предмет исследования – правовая квалификация санкционных (одно-сторонних ограничительных) мер в качестве обстоятельства непреодолимой силы по российскому гражданскому праву. Цель работы – выявить критерии такой квалификации, выработанные судебной практикой. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. В результате установлено, что суды не признают санкции обстоятельством непреодолимой силы автоматически и применяют казуистический подход на основе четырёх критериев: непредвидимости санкций, причинно-следственной связи, отсутствия альтернативных способов исполнения и добросовестности должника. Область применения результатов – правоприменительная деятельность судов и договорная практика субъектов предпринимательства. Новизна состоит в систематизации критериев на основе практики Верховного Суда РФ 2023–2024 годов и их сопоставлении с доктринами frustration и hard-ship. Сделан вывод о целесообразности дополнения статьи 401 ГК РФ специальными критериями квалификации санкционных ограничений.

Ключевые слова: свобода договора, непреодолимая сила, форс-мажор, санкции, односторонние ограничительные меры, существенное изменение обстоятельств, добросовестность, предпринимательская деятельность.

Введение в проблему

Введение иностранными государствами масштабных ограничительных мер в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц поставило перед правоприменительной практикой принципиально новый вопрос: можно ли рассматривать санкционные ограничения в качестве обстоятельства непреодолимой силы, освобождающего должника от ответственности за неисполнение обязательства. От ответа на этот вопрос непосредственно зависит распределение неблагоприятных имущественных последствий санкционного воздействия между участниками предпринимательского оборота, а в конечном счёте – устойчивость гражданского оборота в условиях внешнего экономического давления.

Прежде всего необходимо терминологическое уточнение. В строгом международно-правовом смысле санкциями признаются лишь принудительные меры, применяемые Советом Безопасности ООН на основании главы VII Устава ООН; меры же, вводимые отдельными государствами в одностороннем порядке, представляют собой односторонние ограничительные меры, правомерность которых с точки зрения международного права остаётся дискуссионной [3; 8; 9]. Однако для целей гражданско-правовой квалификации значение имеет не международно-правовая природа соответствующих мер, а их фактическое воздействие на возможность исполнения конкретного обязательства; именно в этом, прикладном, значении термин «санкции» используется в настоящей статье.

Практическая значимость темы подтверждается стремительным формированием обширного массива судебных споров, в которых должники ссылаются на санкции как на основание освобождения от ответственности [5; 10; 11]. Отсутствие в законодательстве специальных критериев квалификации санкционных обстоятельств вынуждает суды вырабатывать соответствующие подходы непосредственно в правоприменительной практике, что обуславливает необходимость их научного осмысления и систематизации.

Критерии непреодолимой силы в российском праве и их применимость к санкциям

Согласно пункту 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несёт ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств [1]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 24 марта 2016 года № 7 разъяснил, что требование чрезвычайности предполагает исключительность обстоятельства, а непредотвратимость – невозможность его преодоления любым участником оборота, осуществляющим аналогичную с должником деятельность; при этом отсутствие у должника необходимых денежных средств и нарушение обязательств его контрагентами к непреодолимой силе по общему правилу не относятся [4].

Применительно к санкциям данные критерии обнаруживают двойственную природу рассматриваемого явления. С одной стороны, введение санкций носит чрезвычайный и безусловно внешний по отношению к воле должника характер. С другой стороны, их непредотвратимость не является абсолютной: должник зачастую сохраняет фактическую возможность исполнить обязательство альтернативным способом – через иных поставщиков и посредников, в другой валюте, по изменённому логистическому маршруту, пусть и ценой дополнительных издержек. Именно это не позволяет квалифицировать санкции как непреодолимую силу автоматически и предопределяет необходимость оценки каждой конкретной ситуации в отдельности. Методологический ориентир для такого подхода был задан ещё Обзором по отдельным вопросам судебной практики, утверждённым Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 года: признание обстоятельства непреодолимой силой требует установления его чрезвычайного и непредотвратимого характера применительно к конкретному обязательству, а не в качестве общего правила.

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации 2023–2024 годов: четыре критерия

Анализ определений Верховного Суда Российской Федерации, принятых в 2023–2024 годах по спорам, связанным с влиянием санкций на исполнение обязательств, позволяет выделить устойчивую совокупность критериев, которыми руководствуются суды при квалификации санкционных ограничений [2]. Эти критерии применяются в совокупности: отсутствие хотя бы одного из них влечёт отказ в признании санкций обстоятельством непреодолимой силы.

Первый критерий – непредвидимость введения конкретных санкционных мер на момент заключения договора: если договор заключён в период, когда санкционные риски были очевидны или уже реализовывались, ссылка на санкции отклоняется. Второй критерий – наличие прямой причинно-следственной связи между санкционными ограничениями и невозможностью исполнения; суды отказывают в освобождении от ответственности, когда неисполнение вызвано не самими санкциями, а общими экономическими затруднениями должника либо его собственным коммерческим решением. Третий критерий – отсутствие у должника альтернативных способов исполнения обязательства, по существу являющийся конкретизацией требования непреодолимости. Четвёртый критерий – добросовестность должника, проявляющаяся в принятии разумных мер для преодоления препятствий и минимизации потерь кредитора; он придаёт всей конструкции выраженный оценочный характер и связывает институт непреодолимой силы с принципом добросовестности (статья 1, статья 10 ГК РФ).

Изложенный подход подтверждается практикой высшей судебной инстанции. Так, Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2023 года № 305-ЭС23–22675 был задан ориентир для оценки санкционных обстоятельств, а последующие определения Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2024 года № 305-ЭС24–6914 и от 31 июля 2024 года № 305-ЭС24–11551 подтвердили казуистический подход. Совокупный анализ судебных актов рассматриваемого периода позволяет констатировать, что российская практика отдаёт предпочтение строгому, ограничительному толкованию пункта 3 статьи 401 ГК РФ: сам факт введения санкций не создаёт презумпции непреодолимой силы, а каждая ситуация исследуется индивидуально.

Сравнительно-правовой аспект: frustration и hardship

Обращение к зарубежному опыту показывает, что проблема правовых последствий кардинального изменения внешних условий решается в различных правовых порядках неодинаково. В английском праве последствия наступления обстоятельств, делающих исполнение бессмысленным или невозможным, определяются доктриной тщетности договора (frustration of contract), классическое выражение которой связано с делом Krell v. Henry [1903]. Английские суды применяют эту доктрину сдержанно – лишь тогда, когда под влиянием внешнего события исполнение утрачивает всякий смысл, а не просто становится более обременительным для одной из сторон [12].

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 года закрепляют два самостоятельных института: непреодолимую силу (force majeure, статья 7.1.7), освобождающую неисправную сторону от ответственности, и существенное затруднение исполнения (hardship, статьи 6.2.1–6.2.3), дающее потерпевшей стороне право требовать пересмотра договора при коренном изменении его равновесия. Принципиальное преимущество данной модели состоит в том, что она не сводит выбор к жёсткой дилемме «полное освобождение или полная ответственность», а предусматривает промежуточное решение – адаптацию договора, способную учесть реальный масштаб воздействия санкций на конкретное обязательство.

Соотношение со статьёй 451 ГК РФ

Наряду с институтом непреодолимой силы в литературе обсуждается возможность применения к санкционным обстоятельствам статьи 451 ГК РФ о существенном изменении обстоятельств [6; 7]. Принципиальное различие состоит в том, что статья 401 регулирует основания освобождения от ответственности за нарушение обязательства, тогда как статья 451 – основания изменения или расторжения договора, исполнение которого в принципе остаётся возможным, но утрачивает экономический смысл. Однако российская судебная практика традиционно демонстрирует крайне сдержанное отношение к применению статьи 451 ГК РФ, что существенно ограничивает её использование в санкционных спорах и фактически оставляет участников оборота в ситуации «всё или ничего».

Выводы и предложения

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, санкционные ограничения не являются обстоятельством непреодолимой силы *per se*; их квалификация осуществляется судами на основе совокупности четырёх критериев – непредвидимости, причинной связи, отсутствия альтернатив и добросовестности должника. Во-вторых, действующее регулирование не предоставляет участникам оборота гибких промежуточных решений, аналогичных институту *hardship*, что снижает справедливость распределения санкционных рисков и предсказуемость правоприменения.

В этой связи представляется целесообразным, во-первых, дополнить статью 401 ГК РФ специальной нормой, закрепляющей критерии квалификации санкционных (внешних публично-правовых) ограничений в качестве непреодолимой силы, и, во-вторых, расширить практику применения статьи 451 ГК РФ к ситуациям, когда исполнение договора сохраняет возможность, но утрачивает экономический смысл вследствие санкционного воздействия. Реализация указанных предложений способствовала бы формированию предсказуемого и сбалансированного правового режима договорных отношений в условиях санкционного давления.

Литература

- Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. 847 с.
- Васильева А.А. Контрактные основания прекращения договора поставки. Санкции как форс-мажор // Образование и право. 2022. № 11. С. 197–202.
- Гармашова Е.П., Дребот А.М., Баранов А.Г. и др. Санкции как меры международного принуждения: основные виды и теоретические подходы к понятию // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 3. С. 649–662.
- Добровинская А.В. Договорная ответственность в современном гражданском обороте // Образование и право. 2021. № 5. С. 99–104.
- Зараев П.А. Контрсанкционные ограничения свободы договора // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33, № 4. С. 642–649.
- Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с.
- Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы: в 2 т. Т. 1: Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора. М.: Статут, 2012. 452 с.
- Кешнер М.В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. М.: Проспект, 2015. 184 с.
- Крицкий К.В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2019. 186 с.
- Мансуров Г.З., Бельдина О.Г. Невозможность исполнения трансграничных денежных обязательств // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 1. С. 56–61.
- Петрова Д.С. Санкции и их влияние на договорные обязательства в сравнительно-правовом аспекте // Образование и право. 2022. № 9. С. 162–168.
- Treitel G.H. Frustration and Force Majeure. 3rd ed. London: Sweet & Maxwell, 2014. 676 p.

SANCTIONS RESTRICTIONS AS FORCE MAJEURE: CRITERIA OF JUDICIAL QUALIFICATION IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION (2023–2024)

Ershov A.A.

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

The subject of the research is the legal qualification of sanctions (unilateral restrictive measures) as force majeure under Russian civil law. The purpose is to identify the criteria of such qualification developed by judicial practice. The methodology comprises the formal-legal, comparative-legal and systemic methods. As a result, it is established that courts do not recognise sanctions as force majeure automatically and apply a case-by-case approach based on four criteria: unforeseeability of the sanctions, causal link, absence of alternative means of performance and good faith of the debtor. The scope of application of the results covers the judicial and contractual practice of business entities. The novelty lies in systematising the criteria on the basis of the 2023–2024 case law of the Supreme Court of the Russian Federation and comparing them with the doctrines of frustration and hardship. It is concluded that Article 401 of the Civil Code should be supplemented with special criteria for qualifying sanctions restrictions.

Keywords: freedom of contract, force majeure, sanctions, unilateral restrictive measures, hardship, good faith, entrepreneurial activity.

References

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book One: General Provisions. 3rd ed., reprinted. Moscow: Statut, 2011. 847 p.
2. Vasilyeva A.A. Contractual Grounds for Termination of a Supply Contract. Sanctions as Force Majeure // Education and Law. 2022. No. 11. pp. 197–202.
3. Garmashova E.P., Drebot A.M., Baranov A.G., et al. Sanctions as Measures of International Coercion: Main Types and Theoretical Approaches to the Concept // Economic Relations. 2020. Vol. 10, No. 3. pp. 649–662.
4. Dobrovinskaya A.V. Contractual Liability in Modern Civil Circulation // Education and Law. 2021. No. 5. Pp. 99–104.
5. Zarayev P.A. Counter-sanction Restrictions on Freedom of Contract // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2023. Vol. 33, No. 4. Pp. 642–649.
6. Karapetyan A.G. Termination of a Violated Contract in Russian and Foreign Law. Moscow: Statut, 2007. 876 p.
7. Karapetyan A.G., Savelyev A.I. Freedom of Contract and Its Limits: in 2 volumes. Vol. 1: Theoretical, Historical, and Political-Legal Foundations of the Principle of Freedom of Contract. Moscow: Statut, 2012. 452 p.
8. Keshner M.V. Economic Sanctions in Modern International Law: Monograph. Moscow: Prospect, 2015. 184 p.
9. Kritsky K.V. Sanctions and Unilateral Restrictive Measures in Modern International Law: Dis. ... Cand. of Law: 12.00.10. Moscow, 2019. 186 p.
10. Mansurov G.Z., Bel'dina O.G. Impossibility of Fulfilling Cross-Border Monetary Obligations // Business, Management and Law. 2023. No. 1. pp. 56–61.
11. Petrova D.S. Sanctions and Their Impact on Contractual Obligations in a Comparative Legal Aspect // Education and Law. 2022. No. 9. pp. 162–168.
12. Treitel G.H. Frustration and Force Majeure. 3rd ed. London: Sweet & Maxwell, 2014. 676 p.

Изучение системы образовательных правоотношений в обществоведческом курсе современной общеобразовательной школы

Жданова Нина Сергеевна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин, Алтайский государственный педагогический университет

В статье исследуются особенности изучения образовательного права через обращение к русским национальным образовательным традициям. Цель исследования – изучить специфику рассмотрения тем по образовательному праву как основы формирования высокой культуры мышления. Отечественная педагогика соборности – это целостный самостоятельный культурно-исторический феномен, основанный на эмоционально-образном восприятии мира. Сущностью правоотношений в области образования являются ценностные параметры и уровень общих вопросов культуры. Конструирование содержания тем образовательного права в обществоведческом образовании должно исходить из специфики русской педагогической традиции. Правовое обучение на базе обращения к специфике педагогической традиции становится фундаментальным в силу понимания образования как неотъемлемой части культуры. Логика работы с темами по образовательному праву обществоведческого курса включает понимание процесса воспитания и обучения как полного выражения сущности природы человека. Метапредметное содержание обществоведческого курса позволит отразить специфику мышления русского народа в формировании содержания образования.

Ключевые слова: отечественный консерватизм, образование как часть культуры России, русская педагогическая традиция, педагогика соборности, эмоционально-образное обучение.

Основы образовательных правоотношений являются частью понимания сущности русской духовной культуры. Общество как сложная динамическая система развивается через обогащение духовной жизни человека. Изучение обществознания в общеобразовательной школе обеспечивает усвоение взаимосвязи знаний из разных социальных наук. Многоаспектное понимание вопросов позволяет шире осмысливать окружающую реальность, получать знание из происходящих в действительности отношений. Обращение к образовательной системе становится **актуальным** с целью показать школьникам изначально формирующееся своеобразие русской педагогической традиции, ее культурно-цивилизационный характер на основе включения в содержание правового материала исторических сюжетов и образных примеров.

Поэтому **целесообразно** изучить специфику рассмотрения русских образовательных правоотношений как основы формирования целостного представления о системе образования в России. Соответственно, **задачами** является определение своеобразие народной педагогики в составе правового блока обществоведческого курса, оценка роли образовательных традиций в формировании современного правового содержания и определение акцентов в рассмотрении вопросов образовательного права. Реализация данных задач будет способствовать ясному представлению работы с историческим материалом в рамках правового обучения обществоведческого курса.

Сегодня исторический контекст многих аспектов образовательного права является малоизученным и даже обзорно не включенным в учебный процесс. **Научной новизной** исследования является взгляд на явления образовательного права как части культуры, имеющие самобытный педагогический смысл, наделенные целостным видением реальности. **Теоретическую значимость** исследования образовательного права в курсе обществознания составляет осмысление истории образования, специфики обучения на основе исконно русских национальных обычаев и традиций, понимания взаимосвязи обучения и воспитания.

В условиях опоры на общенациональные интересы России идет интенсивный процесс переосмысления отечественного исторического опыта в развитии общественных явлений на основе научных теорий и педагогической практики. Достижения науки и практики позволяют ответить на общественно-педагогический запрос по обновлению правового содержания обществознания и его последовательной реализации в обществоведческом образовании. Культурологический подход и отечественная консервативная правовая доктрина определяют специфику отечественного правовопонимания и национального правосознания [1, с. 33–67; 2, с. 208–210], педагогических взаимоотношений в русском обществе [3, с. 26, 234–235; 4, с. 127–139], методики правового обучения и воспитания [5, с. 75–79]. Результаты исследований являются основой для развития методики обучения праву.

Правовое регулирование деятельности в сфере образования на основе отечественных педагогических традиций выступает важной предпосылкой создания целостной образовательной системы. Формирование единых представлений о фундаментальных идеях воспитания и обучения в российской среде способствует высокому уровню качества образования и предопределяет слаженность организационных механизмов осуществления образовательной политики. Процесс развития системы российского образования в разные времена сопровождался опорой на важнейшие славяно-русские ценностные образовательные идеи, понятия единства и гармонии мира, восприятие мира как целостного живого организма. Исторически состояние образования давало представление о состоянии общества, отражало степень сохранения порядка в деятельности государственных институтов, влияло на уровень функционирования всех социальных систем, социализацию подрастающего поколения. Образовательный процесс традиционно выражал народные понятия об образцах поведения в обществе, эталонах продуктивного социального взаимодействия, культуре общения, манерах взаимоотношений, нормах формальной и неформальной этики.

Расширение познавательных интересов являлось традиционным приоритетом в русской среде, позволяющим ориентироваться в изменяющейся обстановке, стимулировать развитие общественных процессов при самых неблагоприятных условиях. Житейские потребности

сти определяли направленность обучения и формы образовательных практик. Всенародная поддержка образованности русским народом являлась залогом эффективности государственного и хозяйственного управления. Социальная практика ученичества создавала возможности разноразовного и экономного освоения различных видов знаний. Развитие образовательной инфраструктуры в России обеспечивалось инициативной деятельностью многонациональной социальной среды, осознающей личностно-политическую значимость книжности для транзитной русской государственности. Единое культурное пространство, сохраняемое образованием в сложные эпохи, поддерживало духовное общение и общую социальную культуру. Широкий общекультурный контекст российского образования, построенного на сочетании образовательных практик разных культурных типов, исторически способствовал достижению высокого уровня образованности всего многонационального населения государства.

Русская система образования строилась на основе систематического взаимодействия с центральной фигурой образовательного процесса – педагогом. Педагог, служащий своему делу, отстаивал, пропагандировал, передавал детям ценности учения, создавал атмосферу совместного проживания эмоций, выстраивал нравственный союз обучающихся. Обучение, построенное на эмоциональном проникновении в смысл изучаемых явлений, формирует совокупность психологических реакций, осознание чувства единства, сопричастности и моральной ответственности, справедливости и разумности принимаемых решений. Активное взаимодействие педагога и обучающихся в сфере их совместной деятельности осуществляется на основе поиска точек зрения, создания поля диалога, формирования взглядов в целях развития личности ребенка. Эмоциональная эффективность взаимодействия между педагогом и учеником зависит от количества изученного эмоционально насыщенного содержания, задействованного в процессе обучения. Становление педагога по созданию доброжелательной среды и условий для эмоционального оценивания знания влияет на запоминание. Сильное эмоциональное воздействие содержания обучения является фактором формирования эмоционально-ценностного отношения к действительности, творческих начал, эффективного влияния на процессы становления личности. Проявляемые в процессе обучения совместные действия в совокупности с чувством совместного радования создают поле магнетизма, находясь в котором осознается собственный внутренний потенциал: ощущается прилив физических сил, активное желание двигаться, душевная расположенность к окружающим, доброжелательность, общий духовный подъем.

Процесс обучения в русской среде предполагал объединение усилий основных субъектов образования – педагога, обучающегося, родителей – по формированию нравственного поведения обучающегося через воспитательное воздействие. Стержневые духовно-нравственные основы воспитания влияли на социальное поведение личности ребенка. Воспитание включало предпочтение напряженного труда, формируя нравственную прочность через повышенную выносливость. Восприятие моделей положительного поведения обогащало положительное самосознание ребенка. Воспитание основывалось на диалектике выбора, стимуляции активных резервов личности, сопровождалось сознательной и самостоятельной деятельностью воспитанного. Способность обучающихся к волевым действиям и принципиальным поступкам формировалась на основе их включения в разнообразные виды практической деятельности, выработки навыков и привычек, опыта правомерного поведения.

Процесс воспитания, особенно правового, включает создание таких ситуаций, в которых учащиеся переживали бы совестные акты, чувство патриотизма, уважения к праву, ответственности при реализации определенных прав. Важной формой воспитания в современных условиях является обращение к театральной деятельности, в пространстве которой организуется коллективно разделяемое переживание трагического и комического, формирующее сочувствие и сострадание. Подобный обмен общими чувствами и разделенным страданием, пережитым в связи с хорошим спектаклем, лежит в основе практического формирования правомерной мотивации обучающихся.

Нравственное воспитание личности и закалку характера традиционалисты связывали с началами трудовой деятельности [6, с. 225–226]. Труд как процесс духовного созидания самого человека являлся средством воспитания воли, доблести и достоинства. Благодаря производительному, постоянно усложняющемуся труду формировалось терпение как модель поведения и принципиальная ценность для русских, помогающая создавать дисциплинированную и ответственную личность, ее самоуважение. Система образования воспитывала цельность духа, соединяющего разум с чувствами.

Система обучения в русском образовании строилась на сочетании формальных и неформальных знаний. Институционально орга-

низованное образование исторически было разноразовным и многокомпонентным. Распространенность светского (правительственного) и духовного (монастырского) обучения как общественного (государственного) дела отличало русское образование с древнерусских времен. Разноликотность образования обеспечивала отечественное воспроизводство грамотных должностных лиц для ключевых направлений общественной жизнедеятельности. Преимущественное участие в образовании принадлежало более обеспеченным классам и лицам к тому призванным – духовенству, особенно духовным властям. Школы основывались и частными лицами, которые действовали не по требованию закона или принятой системы, а по личному расположению. Традиционно распространенным в русской среде было домашнее (семейное) обучение, осуществляемое по городам и селам. Каждое семейство изначально чувствовало потребность передать своим юным членам религиозные и нравственные, практические и теоретические познания. Расширение актуальных времени знаний требовало совокупности усилий разных членов общества. Повышение уровня общей грамотности традиционно стимулировало развитие высшего образования и интерес к родственной западной культуре, освоение которой позволяло оценить накопленный европейскими народами опыт, сравнить с собственными достижениями, развить недостающие компоненты знаний.

Правовые традиции русского образования демонстрируют целостность знания, выражающуюся в сочетании его видов – теоретического и практического, гуманитарного и естественно-научного, материального и метафизического. Многогранное восприятие мира, чувствование окружающих процессов исторически отличало русского человека, что побуждало людей внимательно относиться к миру. Обучение при сочетании видов знания включало акцент на душевно-духовную организацию личности, социальное и нравственно-этическое знание, особо значимое в системе православной педагогики.

Глубокое изучение упрощенных, но системных основ научных знаний способствовало развитию общего представления их практического применения. Наполнение содержания предметов знаниями быденной жизни решало задачи интеллектуального развития школьников за счет совершенствования методологии познания. Упрощению знаний способствовало сближение науки и жизни в художественных средствах выражения. Именно смыслы, фантазии, скрытые в комбинации образных эмоционально-чувственных представлений и знаковых систем позволяли наиболее эффективно развивать качество, глубину и широту восприятия, формировать субъективное мнение конкретного человека, повышать качество реализации других составляющих образования. Миропонимание на основе связанности учебных понятий языковыми и образными средствами выражения позволяет понять смысл и многомерно прочувствовать явление. Мир культуры транслирует модели правомерного поведения в образовательной среде, юридические артефакты поколений, культивирует постоянный личностный интерес к приобретению знаний.

Устойчивой правовой традицией являлось освоение основ научных знаний как части культуры в контексте обширной внешкольной программы, задачей которой было формирование высокой культуры мышления, творческого процесса осмысления традиционных ценностей и готовности к их реализации, креативности в решении противоречивости индивидуального и общественного бытия. Культура художественного чтения составляла основу правообразовательной стратегии адаптации к метапредметности учебного материала на уровне внешнего обучения.

Обращение к литературным произведениям обеспечивало долговременные потребности человеческой жизни, переживание многовариантности окружающего мира, углубление в смыслы через домисливание, нахождение подтекста и замысла, развитие воображения и интуитивного восприятия общественных явлений, побуждала работу воли и ума [7, с. 154]. Литературные образы мотивировали обучающихся к постижению русской культурной традиции неразделенности религиозных, политических, экономических, житейских и других представлений, освоению общего ценностного образовательного правового порядка [8, с. 42]. Усвоение идей произведений традиционно осуществлялось посредством наталкивания на размышления, восприятия собственных мыслительных результатов изученного социального опыта. Образовательная традиция направляла обучающегося на общество и общественные ценности, а не на сугубо личные интересы. Способность обучающихся к символическому восприятию смыслов произведений русской культуры создавали условия для глубокого усвоения гуманитарных знаний.

Правовое регулирование образования исторически строилось на преобладающем внимании родному слову в духовном развитии обучающихся. Русский язык как институт воспитания является эталоном глубины и выразительности, художественности речи, целостно-

сти речевого строя, экспрессии речи. Преобладание в русском языке эмоционально-оценочных и конкретно-образных слов рождает многообразие переживаний, активизирует мысль, развивает силу воли, формирует характер, вырабатывает сочувствие к хорошему и отвращение к дурному. Описательность русской речи, применение сложных восклицаний и воззваний стимулировала сочинительное поведение [9, с. 36]. Русская полемическая традиция отражала стремление к самоуглублению и целостному осмыслению вопросов через использование слов с отвлеченным значением, внутреннюю динамику сюжетов, процессуальную логику обсуждения. Социальное знание имеет разные суждения, зависимо от динамики общественного взаимодействия, опирается на состояние языка в моменте и его историческое развитие [7, с. 188]. Состояние спора в социальных науках является способом существования истинных ценностей, имеющих абсолютный и инструментальный характер [7, с. 193]. Постоянный диалог является условием сохранения широкого горизонта мировосприятия и опоры на высшие ценности в повседневной социальной практике.

Неформальная сеть образовательных услуг в русской среде опиралась на усилия народа по распространению знаний и являлась своеобразной чертой русской правовой традиции. Народная поддержка образовательных инициатив с древних времен выражалась разными способами: участием в православном просвещении, освоением приемов обработки земли, участием в правительственном школьном обучении, обучением у мастеров грамоты, чтением церковных книг. Открытое расположение народа к школе, стремление к изучению языка, священных писаний, морали, знаний об обществе и в природе, песен позволяло русскому обществу динамично развиваться.

Исторически русское образование опиралось на педагогическое воздействие живой воспитывающей народной среды. Сочетание воспитательного воздействия всех институтов народной педагогики – семьи, общества, церкви, природы – развивало в человеке житейские умения, способность жить в согласии с собой и окружающим миром. Образовательные правоотношения формировались на базе освоения в семье и близкой социальной среде традиционных форм поведения, основ ведения разумного хозяйства, аграрного и ремесленного знания в сочетании с художественным и духовным познанием. Основой единения в обществе и образовании составляла коллективная мудрость, включающая опыт воспитания и обучения многих поколений, ориентация на познание нового и совершенствование имеющихся практик. Открытость знанию и радость узнавания определяла успешность решения стоящих перед поколением задач.

Общество как институт воспитания задавало эталоны хозяйственного и бытового поведения, создавало образ жизни, поддерживало соборные качества как личные, учило видеть и принимать интересы других, формировало бережное и чуткое отношение людей друг к другу, сберегало духовный опыт поколений как норму поведения. Народная среда принимала нормы поведения, направленные на культивирование чувства единения общества, «земли» и власти как естественное состояние жизни государства, сберегала эти отношения.

Церковь являлась самостоятельным институтом просвещения народного общинного начала, которая через приходскую жизнь и православные идеалы формировала эталон мирской жизни. Удерживая внимание на светлых православных образах, церковь возвышала человека до образа светлого единства разных форм жизни, радости и победы добра, формируя умение слушать и слышать, жить смыслами.

Богатая русская природа воспитывала в русском человеке художественный вкус, чувство прекрасного, предпримчивость, постоянный поиск новых решений в хозяйствовании, привычку к совместному, артельному действию, стойкость и мужество в преодолении препятствий. Пространство жизни русского человека побуждало слушать происходящее, соборно воспринимать общественные процессы, прилагать внутренние усилия, внимательно относиться к людям.

Обычай как общий соборный опыт принятых решений и действий многих поколений подсказывал ориентир оправдываемого обществом поведения. Сохранение мира отцов означало грамотное построение повседневности в соответствии с обстоятельствами, устойчивое развитие, общественное влияние на происходящее.

Пример как педагогический способ воздействия на человека представлял собой выверенное с моральной и практической точки зрения решение важных вопросов. Жизненная убедительность реальных действий побуждала к соучастию в жизнедеятельности общества, формированию необходимых навыков, ответственности, внимательности и дисциплинированности.

В целом, земледельческая основа русской жизни обусловила внимание общества к самому человеку, для которого были характерны высокие мысли, большой спрос с самого себя, честность и строгость. Основой воспитания русского человека являлась сосредоточенность

на формировании лучших личностных душевных качеств, составляющих духовное здоровье, и высоких ценностей через аскезу и преодоление трудностей. Идеал русского человека формировался педагогикой и включал подчеркивание существенного в каждой индивидуальности, принятие личности. Познания себя и мира предполагало всматривание, вслушивание, чувствование, открытие явлений мира.

Находясь на окраине европейской цивилизации, Россия не испытала такого сильного, как Западная Европа, влияния римской прагматичной правовой культуры, сосредоточенной на частном интересе. В этих условиях развитие образования определялось воздействием этноцентричной православно-византийской культуры. В результате сформировалась такая важнейшая черта общественного развития, совпадавшая с одной из черт национального характера, как доминирование этических начал над правовыми. Соединение права и морали являются исконными ценностями славянского мира и российского образования. Повышенная требовательность и одновременно подчеркнутое доверие характеризовало русского человека [8, с. 24]. Честь как основной стимул деятельности и принципы как ориентир поведения человека требовали думать об этическом значении поступка. Жизненный успех человека понимался как его внутреннее состояние: чистая совесть, высокая самооценка, чувство собственного достоинства.

Таким образом, русское образование нацелено на воспитание личности в духе патриотизма, трудолюбия, коллективности, взаимной поддержки, милосердия, развитие идентичного правосознания и формирование свободного и ответственного гражданина. Устойчивая преемственность воспроизводства традиций основывается на сохранении воспроизводимых образцов и потенциале пластичности. Приобщение к образовательным сюжетам в процессе изучения общественного знания способствует расположению обучающихся к миру, пониманию сущности национального обучения и воспитания.

Литература

1. Васев И.Н., Синкин К.А., Васильев А.А. Обычное право русской крестьянской общины (XIX – начало XX вв.) / И.Н. Васев, К.А. Синкин, А.А. Васильев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 326 с.
2. Концепция правового воспитания российского общества: коллективная монография / под ред. В.В. Сорокина, А.А. Васильева. – Барнаул: Азбука, 2014. – 270 с.
3. Васев, И.Н. Принцип соборности как историческая альтернатива концепции парламентаризма // Государственно-правовой опыт России: соотношение самобытного и заимствованного. Межвузовский сборник статей / под ред. В.В. Сорокина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – 260 с.
4. Овчинников, А.И. Традиционные ценности в правовой политике современной России // Государственно-правовой опыт России: соотношение самобытного и заимствованного. Межвузовский сборник статей / под ред. В.В. Сорокина. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – 260 с.
5. Калущая, Е.К. Государство как объект изучения на уроках обществознания / Е.К. Калущая // Преподавание истории в школе. – 2012. – № 5.
6. Сорокин, В.В. Правовая культура и правовое воспитание: вопросы теории: монография / В.В. Сорокин. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. – 269 с.
7. Сорокин, В.В. История и методология юридической науки: монография. – Барнаул, 2016. – 698 с.
8. Соловьев, В.М. Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии. Книга для чтения о русском национальном характере для изучающих русский язык как иностранный / В.М. Соловьев. – 4-е изд., испр. и дополненное. – М.: Русский язык. Курсы, 2009. – 144 с.
9. Васев, И.Н. Субъективное право как общетеоретическая категория: монография / И.Н. Васев. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – 210 с.

STUDYING THE SYSTEM OF EDUCATIONAL LEGAL RELATIONS IN THE SOCIOLOGY COURSE OF A MODERN GENERAL EDUCATIONAL SCHOOL

Zhdanova N.S.
Altai State Pedagogical University

The article explores the features of studying educational law by referring to Russian national educational traditions. The purpose of the study is to examine the specifics of considering educational law topics as a basis for developing a high culture of thinking. Russian pedagogy of conciliarity is a holistic, independent cultural and historical phenomenon based on an emotional and imaginative perception of the world. The essence of legal relations in the field of education is the value parameters and the level of general cultural issues. The construction of the content of educational law topics in social studies education should be

based on the specifics of the Russian pedagogical tradition. Legal education based on the specifics of the pedagogical tradition becomes fundamental due to the understanding of education as an integral part of culture. The logic of working with topics on educational law in the social studies course includes understanding the process of upbringing and education as a complete expression of the essence of human nature. The meta-subject content of the social studies course will allow us to reflect the specific way of thinking of the Russian people in the formation of educational content.

Keywords: Russian conservatism, education as a part of Russian culture, Russian pedagogical tradition, pedagogy of conciliarity, emotional and imaginative education.

References

1. Vasev I.N., Sinkin K.A., Vasilyev A.A. Customary Law of the Russian Peasant Community (19th – Early 20th Centuries) / I.N. Vasev, K.A. Sinkin, A.A. Vasilyev. – Moscow: YurLitinform, 2019. – 326 p.
2. The Concept of Legal Education in Russian Society: A Collective Monograph / Edited by V.V. Sorokin and A.A. Vasilyev. – Barnaul: Azbuka, 2014. – 270 p.
3. Vasev, I.N. The Principle of Sobornost as a Historical Alternative to the Concept of Parliamentaryism // State and Legal Experience of Russia: The Relationship between Original

and Borrowed. Interuniversity Collection of Articles / Edited by V.V. Sorokin. – Barnaul: Altai State University Publishing House, 2013. – 260 p.

4. Ovchinnikov, A.I. Traditional Values in the Legal Policy of Modern Russia // State and Legal Experience of Russia: The Relationship between Original and Borrowed. Interuniversity Collection of Articles / edited by V.V. Sorokin. – Barnaul: Altai State University Publishing House, 2013. – 260 p.

5. Kalutskaya, E.K. The State as an Object of Study in Social Studies Classes / E.K. Kalutskaya // Teaching History at School. – 2012. – No. 5.

6. Sorokin, V.V. Legal Culture and Legal Education: Theoretical Issues: Monograph / V.V. Sorokin. – Barnaul: Alt. State Univ. Publ., 2023. – 269 p.

7. Sorokin, V.V. History and Methodology of Legal Science: Monograph. – Barnaul, 2016. – 698 p.

8. Solovyov, V.M. Secrets of the Russian Soul. Questions. Answers. Versions. A Reading Book on the Russian National Character for Learners of Russian as a Foreign Language / V.M. Solovyov. – 4th edition, revised and expanded. – Moscow: Russian Language. Courses, 2009. – 144 p.

9. Vasev, I.N. Subjective Right as a General Theoretical Category: Monograph / I.N. Vasev. – Barnaul: Alt. State Univ. Publ., 2014. – 210 p.

Судебный контроль как гарантия соблюдения пределов продления сроков доследственной проверки

Зацепина Олеся Геннадиевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»

E-mail: og_rus@mail.ru

Статья посвящена проблеме обеспечения разумных сроков уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела. Анализируется законодательный пробел, связанный с отсутствием четкой регламентации сроков проведения дополнительной доследственной проверки после отмены прокурором или руководителем следственного органа постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Отмечается, что сложившаяся практика допускает неоднократный возврат материалов на дополнительную проверку без установления каких-либо предельных сроков, что создает условия для злоупотреблений и затягивания процесса, нарушая права граждан на доступ к правосудию и на разумный срок судопроизводства. В качестве основного механизма, способного гарантировать соблюдение процессуальных сроков и защиту прав участников, рассматривается институт судебного контроля. Предлагаются пути совершенствования законодательства, включая внесение изменений в УПК РФ, направленных на установление предельных сроков дополнительной проверки, а также на повышение эффективности судебного контроля за их соблюдением.

Ключевые слова: судебный контроль, доследственная проверка, сроки доследственной проверки, отказ в возбуждении уголовного дела, разумный срок уголовного судопроизводства, прокурорский надзор, процессуальные сроки.

Институт доследственной проверки, предусмотренный статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ, является ключевым этапом уголовного судопроизводства, определяющим дальнейшую судьбу заявления о преступлении. Именно на этой стадии решается вопрос о наличии или отсутствии законных оснований для возбуждения уголовного дела. Однако, как показывает правоприменительная практика, именно на этом этапе возникает значительное количество процессуальных нарушений, наиболее распространенным из которых является несоблюдение установленных законом сроков. Данная проблема влечет за собой неопределенность правового положения граждан и размывание границ их правовой защищенности. Из-за волокиты при осуществлении проверки заявители теряют возможность получения оперативной правовой помощи, а подозреваемые, длительное время не имеющие официального статуса, в силу неопределенности своего процессуального положения, фактически находятся под психологическим давлением со стороны должностных лиц, осуществляющих доследственную проверку.

Несмотря на четкое законодательное регулирование сроков проверки сообщения о преступлении (до 3-х, а в исключительных случаях до 30 суток), на практике эти рамки систематически игнорируются. Затягивание доследственных проверок стало не проблемой отдельного недобросовестного следователя или дознавателя, а системным недостатком, порождающим волокиту, коррупционные риски и нарушение конституционных прав граждан на доступ к правосудию.

В связи с этим назрела необходимость проведения анализа причин, последствий и возможных способов преодоления данного негативного явления.

Вопросы допустимости сроков продления доследственных проверок становились предметом исследования Г.Н. Королева, О.А. Малышевой, И.Л. Петрухина, однако единообразие в понимании пределов и условий такого продления отсутствует, что актуализирует необходимость дальнейшей научной разработки данной проблематики с целью формирования четких критериев законности увеличения сроков проверки и предотвращения злоупотреблений на стадии возбуждения уголовного дела.

Помимо указанного, актуальность исследования обусловлена парадоксальной ситуацией в современном уголовном процессе России. С одной стороны, институт доследственной проверки призван служить фильтром для исключения необоснованного возбуждения уголовных дел. С другой – систематическое и повсеместное нарушение установленных законом сроков порождает деформацию данной стадии уголовного процесса, превращая ее в наименее регламентированную и наиболее уязвимую для злоупотреблений часть досудебного производства, выпадающую из режима правовой определенности.

В уголовно-процессуальном праве под процессуальным сроком в широком смысле понимается определенный промежуток времени, в рамках которого лицо должно исполнить то или иное действие, предусмотренное законом.

Соблюдение процессуальных сроков призвано обеспечить быстрое реагирование на заявления и сообщения о преступлении, эффективность расследования, судебного рассмотрения и разрешения уголовных дел, гарантировать соблюдение прав и свобод лиц, привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве.

По своему назначению процессуальные сроки, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, могут быть формально разделены на два вида: 1) сроки, обеспечивающие максимальное сокращение времени между фактом совершения преступления и применением к виновному уголовному наказанию или иного воздействия, предусмотренного уголовно-процессуальным законом; 2) сроки, гарантирующие реальное соблюдение прав и законных интересов участников процесса.

Полагаем, что к первому виду сроков следует отнести, прежде всего, срок предварительного расследования по уголовному делу, а также срок проведения доследственной проверки, на которой начинается фактическая реализация задач уголовного процесса, связанных с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод. Ко второму виду следует отнести

те сроки, которые призваны обеспечить исполнение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, например, сроки задержания, содержания под стражей, предъявления лицу обвинения и прочее.

Доследственная проверка, являясь начальной стадией уголовного процесса, занимает особое положение в системе его стадий. Именно на этом этапе решается судьба заявления о преступлении, когда по результатам его проверки, при наличии признаков преступления, может быть возбуждено уголовное дело. В перспективе решение задач данной стадии нацелено на реализацию конституционного права граждан на доступ к правосудию, являющегося уголовно-процессуальной гарантией, обеспечиваемого комплексом норм и правовых позиций. Законодательная регламентация данной стадии продолжает сохранять дисбаланс между двумя фундаментальными направлениями уголовного судопроизводства, закрепленными в ст. 6 УПК РФ: защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод.

В контексте защиты прав потерпевших доследственная проверка выступает необходимым инструментом фильтрации и накопления доказательственной информации. Ее наличие позволяет избежать необоснованного возбуждения уголовных дел, которое способно дезорганизовать работу правоприменительной системы и отвлечь ресурсы от расследования реальных преступных посягательств. Вместе с тем, именно затягивание сроков проверки, в том числе посредством неоднократных отмен постановлений об отказе в возбуждении дела, становится наиболее распространенным способом косвенного отказа в доступе к правосудию. Для лица, пострадавшего от преступления, длительное пребывание его заявления в состоянии «процессуальной неопределенности» фактически означает отказ в эффективном средстве правовой защиты, поскольку утрачиваются доказательства, истекают сроки давности, а само лицо лишается возможности своевременно приобрести статус потерпевшего со всеми вытекающими из него правами. Таким образом, нерегламентированное расширение длительности проверочных процедур входит в противоречие с обязательствами государства обеспечить потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда в разумные сроки.

Не менее остро проблема доследственной проверки проявляется в плоскости защиты личности от незаконного обвинения. На стадии возбуждения уголовного дела лицо, в отношении которого проводится проверка, еще не наделено полноценным процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, однако фактически его права могут быть ограничены не в меньшей степени, поскольку проводится изъятие предметов и документов, назначаются исследования, отбираются объяснения, нередко сопряженные с принудительным приводом. Ограниченные возможности защиты, не разъяснение права хранить молчание, не свидетельствовать против своих близких и пр., являющегося обязательным для стадии предварительного расследования, создает риск трансформации доследственной проверки в инструмент принуждения. При этом многократные продления сроков проверки усугубляют ситуацию, поскольку лицо на протяжении месяцев остается в состоянии правовой нестабильности, реально ограничивается в передвижении (подписка о невыезде не оформляется, но обязанность являться по вызовам сохраняется), испытывает репутационные и моральные неудобства. В данном случае нарушается конституционный принцип презумпции невиновности, поскольку бремя поиска оправдательных доказательств фактически перекладывается на проверяемого, а сама процедура приобретает обвинительный уклон.

Противоречие, лежащее в основе доследственной проверки, состоит в том, что эффективная защита прав потерпевшего путем тщательной и всесторонней проверки заявления неизбежно вступает в конфликт с правом личности на ограничение срока процессуального вмешательства в личную жизнь. Повсеместное нарушение регламентированных сроков превращает эту стадию в своего рода «процессуальную воронку», где нивелируются гарантии прав как для потерпевшего, так и для проверяемого лица, лишённого защитных механизмов. Полагаем, что решение проблемы должно быть направлено на поиск критериев разумного баланса, выраженного в ограничении возможностей должностных лиц при решении вопросов, касающихся продления сроков доследственной проверки, а также введения судебного контроля за их соблюдением, без чего стадия возбуждения уголовного дела так и сохранит статус наиболее проблемного участка уголовного процесса, на котором интересы и потерпевшего, и лица, в отношении которого ведется проверка, приносятся в жертву процессуальной неопределенности или ведомственным интересам.

Исходя из требований уголовно-процессуального законодательства, своевременное и быстрое проведение следствия является од-

ним из важнейших условий успешного раскрытия преступления, правильного разрешения дела, обеспечения законных прав и интересов участников процесса. В связи с этим уголовно-процессуальный закон предусматривает конкретные сроки доследственной проверки и предварительного расследования.

Часть 1 ст. 144 УПК РФ устанавливает четко регламентированный срок доследственной проверки по сообщениям о преступлениях, который составляет 3 суток со дня поступления указанного сообщения с возможностью продления до 10 и 30 суток при наличии законных оснований. Как показывает практика, несмотря на установленные сроки, нередки случаи, когда путем неоднократных отмен постановлений об отказе в возбуждении дела сроки проверки искусственно продлеваются, достигая нескольких месяцев.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в определениях от 11.05.2012 № 667-О [1] и от 24.12.2013 № 1936-О [2], уголовно-процессуальный закон не допускает произвольной и многократной отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по одному и тому же основанию с последующим направлением материалов на дополнительную проверку. Вместе с тем фактическое нарушение сроков проведения доследственной проверки не влечет для должностных лиц никаких неблагоприятных процессуальных последствий.

В отличие от ч. 8 ст. 162 УПК РФ, обязывающей следователя уведомлять обвиняемого и его защитника о продлении срока предварительного следствия, законодательством не предусмотрено право заинтересованных лиц на получение от уполномоченного должностного лица информации о продлении срока доследственной проверки.

Следует отметить, что сами по себе сроки, установленные ст. 144 УПК РФ, не являются самостоятельным предметом обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ. Действующий УПК не предусматривает эффективного механизма обжалования самого факта затягивания проверки, что делает данные нарушения латентными и системными.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 3.1) [3] разъяснил, что не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, проверка которых требует установления и исследования фактических обстоятельств, а также оценка целесообразности процессуальных решений. В ряде определений суды кассационной и апелляционной инстанций прямо указывают, что нарушение сроков проверки сообщения о преступлении само по себе не может быть предметом обжалования по ст. 125 УПК РФ, если отсутствует бездействие, повлекшее необоснованное затягивание принятия итогового решения.

Судебный контроль в соответствии со ст. 125 УПК РФ направлен на разрешение конфликтов, возникающих между гражданами и органами предварительного расследования, а предмет обжалования по данной статье не имеет четких границ.

Хотя сроки проведения доследственной проверки как таковые не обжалуются, на практике можно оспорить бездействие, выражающееся в неприятии решения по заявлению (сообщению) о преступлении в установленный законом срок; неоднократным вынесением и отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, что фактически ведет к искусственному продлению срока проверки без законных оснований; в не проведении необходимых проверочных мероприятий в разумный срок; не извещении заявителя о ходе проверки и принятии решения.

При этом заявитель должен доказать, что такое бездействие нарушает его конституционные права, например, право на доступ к правосудию, на защиту от необоснованного уголовного преследования и т.д.

Полагаем, что внесением дополнительных разъяснений в Постановление Пленума ВС РФ, которые послужат правовым основанием к принятию таких жалоб к производству судами первой инстанции, можно будет устранить существующую правовую неопределенность, которая в настоящее время создает необоснованные барьеры для реализации гражданами права на доступ к правосудию на этапе доследственной проверки, позволяя судам формально отказывать в принятии жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ под предлогом отсутствия предмета судебного контроля до момента возбуждения уголовного дела.

Анализ выявленных проблем позволяет концептуально сформулировать ряд предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, которые заключаются в следующем.

Важно установить четкие пределы продления сроков доследственной проверки, конкретизировав в соответствующих нормах, что общий срок проверки не может превышать 30 суток, а повторная отмена

постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тому же основанию не допускается. Это будет способствовать исключению возможности неоднократного продления сроков путем последовательной отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных по надуманным мотивам.

Одним из наиболее системных пробелов в российском уголовно-процессуальном законодательстве является отсутствие четкой правовой регламентации установления сроков проведения дополнительной проверки после отмены прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Хотя ч. 6 ст. 148 УПК РФ прямо предусматривает, что прокурор или руководитель следственного органа, отменяя незаконное постановление, обязан установить срок для исполнения своих указаний, на практике это требование реализуется настолько неопределенно, что фактически нивелирует любые временные ограничения. Такая ситуация создает благоприятную почву для злоупотреблений и затягивания следственной проверки, поскольку орган дознания или следствия получает возможность бесконечно проводить ее после очередной отмены незаконного отказа в возбуждении уголовного дела.

Отсутствие надлежащего нормативного регулирования в этой сфере порождает ряд негативных последствий, которые приобретают признаки системной проблемы. Прежде всего, существует риск многократного возврата материалов на дополнительную проверку без реального прогресса в установлении наличия или отсутствия признаков преступления. Эта проблема требует незамедлительного устранения путем внесения изменений в УПК РФ, в частности, установления предельных сроков проведения дополнительной проверки после отмены незаконного постановления, например, 10 или 30 суток в зависимости от сложности материалов. Только такой подход позволит обеспечить реальное, а не декларативное соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

В связи с выявленными проблемами предлагаем внести изменения в ст. 148 УПК РФ, дополнив частью 8 следующего содержания: «В случае отмены прокурором, руководителем следственного органа постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, срок проведения дополнительной проверки и исполнения указаний устанавливается в постановлении об отмене. Срок проведения дополнительной проверки не может превышать 10 суток со дня поступления материалов проверки в орган дознания или следственный орган. В исключительных случаях, связанных с необходимостью производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, а также выполнения следственных и иных процессуальных действий, требующих значительного времени, указанный срок может быть продлен прокурором, осуществляющим надзор, или руководителем следственного органа по мотивированному ходатайству соответственно дознавателя или следователя, но не более чем до 30 суток».

Не менее значимым представляется усиление процессуальных мер, направленных на распространение судебного контроля на наиболее существенные ограничения прав граждан в ходе следственной проверки, что позволит, прежде всего, устранить правовую неопределенность, в которой оказывается лицо, не имеющее официального статуса, фактически подвергающееся уголовно-процессуальному принуждению. Важно создать действенный механизм предотвращения незаконного сбора доказательств, которые впоследствии могут быть положены в основу обвинения; а также обеспечить реальную состязательность на самых ранних этапах уголовного судопроизводства, где в настоящее время доминирует ведомственный контроль, не всегда способный гарантировать объективность.

Распространение судебного контроля на следственную проверку, на наш взгляд, является объективной необходимостью, продиктованной логикой развития правового государства. В этой связи считаем необходимым внести изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1, разъяснив, что при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ суд вправе оценивать не только формальное наличие проверочных мероприятий, но и их достаточность, необходимость и целесообразность в контексте общего срока проверки, а также признавать бездействие незаконным в случае, если объем проведенных мероприятий явно не соответствует длительности проверки.

Кроме того, с целью устранения законодательной неопределенности, предлагаем ст. 125 УПК РФ дополнить нормой следующего содержания: «Подлежит обжалованию также нарушение следователем, дознавателем, руководителем следственного органа срока проверки сообщения о преступлении, установленного статьей 144 настоящего Кодекса, а равно необоснованное продление такого срока, если эти действия (бездействие) повлекли за собой нарушение разумных сро-

ков уголовного судопроизводства либо затруднили доступ лица к правосудию».

Для усовершенствования правовой регламентации обжалования нарушения сроков следственной проверки предлагаем внести в УПК РФ самостоятельную статью, регламентирующую особенности рассмотрения данной категории жалоб, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 125.1. Судебный порядок рассмотрения жалоб на нарушение сроков проверки сообщения о преступлении

1. Заявитель, его защитник, законный представитель или представитель, а также лицо, в отношении которого проводится следственная проверка, вправе обратиться в суд с жалобой на нарушение срока проверки сообщения о преступлении, предусмотренного статьей 144 настоящего Кодекса.

2. Жалоба подается в районный суд по месту нахождения органа, осуществляющего проверку, и подлежит рассмотрению в течение 5 суток со дня ее поступления.

3. Судья, установив, что срок проверки сообщения о преступлении истек, а решение, предусмотренное статьей 145 настоящего Кодекса, не принято, либо срок был необоснованно продлен, выносит постановление о признании бездействия должностного лица незаконным и обязывает его устранить допущенное нарушение.

4. В случае, если проверка сообщения о преступлении не завершена в установленный срок, судья вправе также установить срок для принятия итогового решения, который не может превышать 5 суток со дня вынесения судебного постановления.

5. Копия постановления суда направляется заявителю, руководителю следственного органа или начальнику органа дознания, а также прокурору в течение 24 часов с момента его вынесения.

6. Нарушение срока проверки сообщения о преступлении, установленное судом, может служить основанием для вынесения частного постановления (определения) в адрес соответствующего должностного лица или руководителя следственного органа».

Полагаем, что при таком подходе судебный контроль станет действенным инструментом защиты от ведомственного произвола на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку устранил главную причину злоупотреблений – отсутствие реальных правовых последствий за затягивание сроков следственной проверки. Предлагаемый механизм создаст для следователя либо дознавателя прямой стимул к соблюдению процессуальной дисциплины, поскольку признание судом бездействия незаконным с одновременным установлением срока для принятия итогового решения лишит орган расследования возможности бесконечно откладывать возбуждение уголовного дела или окончательного отказа в нем, возвращая заявителю, а также лицу, в отношении которого проводится проверка, утраченную возможность оперативной судебной защиты.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2012 г. N 667-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Панченко Сергея Леонидовича на нарушение его конституционных прав статьей 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/70178170/>

2. Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. N 1936-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Осиповой Ирины Валентиновны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. N 1936-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Осиповой Ирины Валентиновны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/70567888/>

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8099/>

JUDICIAL CONTROL AS A GUARANTEE OF COMPLIANCE WITH THE EXTENSION LIMITS OF PRE-INSPECTION DEADLINES

Zatsepina O.G.

Lugansk State University Vladimir Dal

The article is devoted to the problem of ensuring reasonable time limits in criminal proceedings at the stage of initiating a criminal case. The legislative gap is being analysed, related to the lack of clear regulation of deadlines of additional investigation verification after the prosecutor or head of the investigative body has revoked the decision on refusal to ini-

tiate criminal proceedings. It is noted that the current practice allows for repeated return of materials for further verification without any time limits, which creates conditions for abuse and delay of process, violating citizens' rights to access justice and within a reasonable time limit for criminal proceedings. As the main mechanism for ensuring compliance with procedural deadlines and protection of the rights of participants the institution of judicial control is under consideration. Suggested ways to improve legislation including the introduction of changes to the CCP of Russia aimed at setting deadlines for additional verification and to improve the effectiveness of judicial control of compliance.

Keywords: judicial control, follow-up check, investigation verification, pre-inspection deadlines, refusal to initiate criminal proceedings, a reasonable time limit for criminal proceedings, prosecutorial supervision, procedural deadlines.

References

1. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11 maya 2012 g. N 667-O «Ob ot-kaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Panchenko Sergeya Leonidovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav stat'ej 148 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // URL: <https://base.garant.ru/70178170/>
2. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24 dekabrya 2013 g. N 1936-O «Ob ot-kaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Osipovoj Iriny Valentinovny na narush-enie ee konstitucionnyh prav chast'yu shestoj stat'i 148 Ugolovno-processual'nogo kod-eksa Rossijskoj Federacii» Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24 dekabrya 2013 g. N 1936-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Osipovoj Iriny Valentinovny na narushenie ee konstitucionnyh prav chast'yu shestoj stat'i 148 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // URL: <https://base.garant.ru/70567888/>
3. Postanovlenii Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10.02.2009 № 1 «O praktike rass-motreniya sudami zhalob v poryadke stat'i 125 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8099/>

Правовой статус коммерческого банка в Российской Федерации: понятие, элементы и содержание

Белобородов Максим Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент Базовой кафедрой конкурентного и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ; экс-руководитель Приморского УФАС, Член Научно-методического совета ФАС России
E-mail: beloborodov.mv@dvfu.ru

Ильин Артем Петрович,

студент Дальневосточного Федерального университета
E-mail: ilin.ap@dvfu.ru

Булатова Екатерина Евгеньевна,

студент Дальневосточного Федерального университета
E-mail: bulatova.ee@dvfu.ru

В статье анализируется правовой статус коммерческого банка как специального субъекта банковских правоотношений в Российской Федерации. Рассматриваются понятие и признаки коммерческого банка, его виды и типы, а также особенности правового положения как субъекта экономических правоотношений. Исследуются основные элементы правового статуса коммерческого банка, включая права, обязанности и особенности взаимодействия с Центральным банком России. Анализируется порядок создания, государственной регистрации и лицензирования коммерческих банков, а также правовые основания и порядок отзыва лицензии и ликвидации. На основе проведенного исследования формулируются выводы, определяющие правовое положение коммерческих банков в Российской Федерации.

Ключевые слова: коммерческий банк, правовой статус, банковская деятельность, Центральный банк России, лицензирование, отзыв лицензии, ликвидация, банковские правоотношения.

Введение

Актуальность исследования обусловлена постоянным изменением законодательства в сфере банковской деятельности и необходимостью систематизации правовых положений, позволяющих точно определить правовой статус кредитной организации в Российской Федерации. В настоящее время соответствующие нормы содержатся в различных нормативных правовых актах и регулируют широкий круг вопросов, связанных с созданием, лицензированием, осуществлением банковской деятельности, надзором и применением мер ответственности. Фрагментарность правового регулирования и отсутствие единого научного подхода к определению понятия, структуры и содержания правового статуса коммерческого банка затрудняют формирование целостного представления о его правовом положении как специального субъекта банковских правоотношений [1; 2; 3].

Объект исследования – общественные отношения, возникающие в процессе правового регулирования статуса коммерческих банков. **Предмет** – нормы законодательства, регулирующие правовое положение, создание, лицензирование и прекращение деятельности коммерческих банков, а также практика их применения.

Цель – систематизировать понятие, элементы и содержание правового статуса коммерческого банка как субъекта банковской системы Российской Федерации. **Задачи:** определить понятие коммерческого банка как субъекта банковских правоотношений; рассмотреть основные элементы правового статуса коммерческого банка; проанализировать порядок создания, регистрации и лицензирования; исследовать правовые основания и порядок отзыва лицензии, а также особенности реорганизации и ликвидации.

Методологическая основа включает общенаучные методы (диалектический, системный анализ) и частнонаучные: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм и анализа правоприменительной практики.

Теоретическая значимость – развитие научных представлений о правовой природе статуса коммерческого банка. **Практическая значимость** – возможность использования выводов в нормотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Понятие коммерческого банка как субъекта банковских правоотношений

Легальное определение коммерческого банка закреплено в Федеральном законе от 2 декабря 1990 г. № 395–1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках). Согласно статье 1 указанного закона, банк – это кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц [3].

Кредитная организация – юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные Законом о банках [3]. Коммерческие банки являются основным звеном банковской системы Российской Федерации, которая включает также Центральный банк России, небанковские кредитные организации и иностранные банки.

Виды коммерческих банков могут классифицироваться по различным основаниям. По форме собственности выделяются государственные, частные и банки с иностранным участием. По характеру выполняемых операций различают универсальные и специализированные банки. По территориальному признаку – федеральные и региональные банки. По размеру уставного капитала и масштабам деятельности – крупные, средние и малые банки. Особое место занимают системно значимые банки, перечень которых утверждается Центральным банком России [2; 3].

Особенности правового положения коммерческого банка как субъекта экономических правоотношений обусловлены его двойственной природой. С одной стороны, банк является коммерческой организа-

цией, созданной для извлечения прибыли, что роднит его с иными хозяйствующими субъектами. С другой стороны, банк осуществляет публично значимые функции по аккумуляции и перераспределению денежных средств, что предопределяет особый правовой режим его деятельности, повышенные требования к финансовой устойчивости и усиленный государственный контроль. Банк выступает в качестве финансового посредника, связывающего субъектов с временно свободными денежными средствами и субъектов, нуждающихся в привлечении капитала. В этом качестве он играет ключевую роль в обеспечении стабильности и развития национальной экономики [1; 3].

Элементы правового статуса коммерческого банка

Правовой статус коммерческого банка представляет собой совокупность прав, обязанностей и ответственности, определяющих его место в банковской системе. Специфика статуса обусловлена особым порядком создания, лицензирования и контроля со стороны Центрального банка России [2; 3].

Права коммерческого банка делятся на имущественные (привлечение и размещение денежных средств, расчетные, кассовые, валютные операции, доверительное управление, лизинг, факторинг) и организационно-управленческие (создание филиалов и представительств, участие в холдингах и ассоциациях, открытие корреспондентских счетов) [3].

Обязанности банка включают соблюдение экономических нормативов Банка России (достаточность капитала, ликвидности, риски на заемщика), обеспечение банковской тайны, идентификацию клиентов, представление отчетности, проведение аудита, создание резервов. Ответственность банка проявляется в гражданско-правовой, административной и уголовной формах [2; 3; 5].

Взаимодействие с Центральным банком строится на властно-подчиненных началах в формах регистрации, лицензирования, установления нормативов, проверок, применения мер воздействия, рефинансирования. Проверки бывают плановыми и внеплановыми, документарными и выездными; оцениваются соблюдение законодательства, достоверность отчетности, финансовое состояние, управление рисками. По итогам возможны меры воздействия вплоть до отзыва лицензии [7].

Деятельность коммерческого банка в условиях санкционных ограничений

Практическое значение элементов правового статуса коммерческого банка особенно отчетливо проявляется в спорах, связанных с международными санкциями. Показательным является дело № А51–2212/2023, рассмотренное Арбитражным судом Дальневосточного округа [9].

Основанием спора послужила блокировка денежных средств клиента иностранным банком после включения АО «ДВ Банк» в санкционный список Министерства финансов США. Клиент потребовал возместить убытки, ссылаясь на ненадлежащее исполнение банком обязательств по договору банковского счета [9].

Отказывая в удовлетворении требований, суд установил, что банк исполнил распоряжения клиента о переводе денежных средств через банк-корреспондент и предпринял необходимые действия для проведения платежей. Невозможность завершения расчетов была вызвана не действиями кредитной организации, а введением ограничительных мер иностранным государством и последующей блокировкой платежей иностранными финансовыми институтами. Суд указал, что санкции «относятся к непредотвратимым обстоятельствам», а банк «принял все необходимые и достаточные меры к исполнению поручения клиента» [9].

Данная правовая позиция позволяет уточнить содержание отдельных элементов правового статуса коммерческого банка. Рассматриваемое дело показывает, что введение санкций само по себе не затрагивает правосубъектность кредитной организации и не прекращает ее специальную правоспособность. Вместе с тем существенно ограничивается возможность реализации отдельных банковских операций, прежде всего международных расчетов. Сохраняя обязанность по надлежащему исполнению обязательств перед клиентами, банк может быть освобожден от гражданско-правовой ответственности при наличии обстоятельств, отвечающих критериям статьи 401 ГК РФ [2]. Тем самым судебная практика исходит из разграничения ненадлежащего исполнения обязательства и объективной невозможности его исполнения вследствие внешних ограничительных мер.

Порядок создания, государственной регистрации и лицензирования коммерческих банков

Создание коммерческого банка представляет собой многостадийный процесс, начинающийся с решения учредителей и заканчивающийся

получением лицензии. К учредителям предъявляются повышенные требования: отсутствие неснятой судимости, непогашенных мер ответственности за неправомерные действия при банкротстве, безупречная деловая репутация [3].

Государственная регистрация осуществляется Центральным банком России и представляет собой официальное признание правового положения кредитной организации. Для регистрации учредители представляют в Банк России заявление, учредительные документы, бизнес-план, документы об оплате уставного капитала (не менее 300 млн рублей), сведения об учредителях, заключение антимонопольного органа. Регистрация дает статус юридического лица и право на обращение за лицензией. Отказ возможен при несоответствии документов законодательству, недостоверности сведений или неудовлетворительном финансовом положении учредителей [5].

Лицензирование также осуществляется Банком России. Лицензия – специальное разрешение на осуществление банковских операций, в отличие от регистрации подтверждающее профессиональную состоятельность банка. Лицензии бывают генеральными (все виды операций) и ограниченными (отдельные виды). Для получения лицензии банк должен иметь оплаченный уставный капитал, систему управления рисками, внутреннего контроля, соответствовать требованиям к деловой репутации руководителей. Порядок лицензирования включает проверку документов, оценку финансового состояния, иногда инспекционную проверку. Срок действия лицензии не ограничен, но она может быть приостановлена или отозвана [2].

Правовые основания и порядок отзыва лицензии и ликвидации коммерческих банков

Отзыв лицензии представляет собой меру принудительного прекращения права банка на осуществление банковской деятельности, применяемую Центральным банком России при систематических или грубых нарушениях [3; 5].

Основания отзыва лицензии установлены статьей 20 Закона о банках и подразделяются на три группы: нарушения законодательства (неоднократные нарушения требований федеральных законов и актов Банка России, неисполнение предписаний, систематическое нарушение сроков отчетности); нарушения, связанные с финансовым состоянием (недостоверность отчетности, операции, угрожающие интересам кредиторов, неплатежеспособность); нарушения в сфере противодействия легализации доходов (вовлечение в легализацию преступных доходов, нарушение требований идентификации клиентов) [2; 3].

Порядок отзыва включает принятие решения Банком России, уведомление банка, публикацию сообщения об отзыве. С момента отзыва банк утрачивает право на осуществление банковских операций, но сохраняет обязательства перед кредиторами. Назначается временная администрация, проводящая инвентаризацию и управляющая банком до назначения ликвидатора. Последствия: запрет на банковские операции, обязанность возврата вкладов, обращение взыскания на имущество банка [7].

Ликвидация коммерческого банка может быть добровольной (по решению учредителей) и принудительной (по решению суда или в связи с отзывом лицензии). Основания: признание банка банкротом, длительное несоответствие уставного капитала минимальному уровню, иные основания [2; 3].

Порядок ликвидации включает назначение ликвидатора, публикацию сообщения, инвентаризацию, оценку требований кредиторов, формирование конкурсной массы, удовлетворение требований в очередности: сначала физические лица по вкладам, затем юридические лица, обязательные платежи в бюджеты и иные кредиторы. После завершения ликвидации запись о банке исключается из ЕГРЮЛ [6].

Последствия ликвидации: вкладчики могут потерять часть средств, юридические лица – счета, требующие перевода в другие банки. Руководители и учредители могут быть привлечены к ответственности при наличии вины [2; 3; 7].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Коммерческий банк является специальным субъектом банковских правоотношений, обладающим исключительным правом на осуществление банковских операций в совокупности. Правовой статус коммерческого банка включает совокупность прав, обязанностей и ответственности, определяющих его положение в банковской системе, причем специфика статуса обусловлена публично-правовой функцией банков как финансовых посредников [3].

Элементами правового статуса выступают права на осуществление банковских операций, обязанности соблюдать экономические нормативы и требования законодательства, а также ответственность за их

нарушение. Особую роль играет взаимодействие с Центральным банком России, реализуемое через механизмы регистрации, лицензирования, надзора и контроля. Проверки коммерческих банков являются важнейшим инструментом обеспечения стабильности банковской системы [2; 3; 5].

Создание банка связано с прохождением двух последовательных этапов – государственной регистрации и лицензирования, имеющих различную правовую природу: регистрация удостоверяет создание юридического лица, лицензия подтверждает право на осуществление банковской деятельности. Отзыв лицензии и последующая ликвидация банка являются крайними мерами воздействия, применяемыми при нарушении законодательства или утрате финансовой устойчивости. Законодательство устанавливает четкие основания и процедуры для применения указанных мер [2; 3; 7].

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются анализ судебной практики по делам о банкротстве банков, изучение зарубежного опыта правового регулирования статуса кредитных организаций, а также совершенствование механизмов защиты прав вкладчиков при ликвидации банков.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.06.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.06.2026).
3. Федеральный закон от 02.12.1990 N 395-1 (ред. от 09.04.2026) «О банках и банковской деятельности» [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 21.06.2026).
4. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ (ред. от 10.06.2026) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 21.06.2026).
5. Инструкция Банка России от 02.04.2010 N 135-И (ред. от 08.09.2025) «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.04.2010 N 16965) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.06.2026).
6. Указание Банка России от 13.04.2021 N 5778-У (ред. от 06.10.2023) «О методике определения системно значимых кредитных организаций» (вместе с «Информацией о кредитных организациях») (Зарегистрировано в Минюсте России 17.05.2021 N 63482) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384620/ (дата обращения: 21.06.2026).
7. Кондакчян В. С., Петенко А.Т. Понятие, сущность и принципы организации банковской системы России //Индустриальное, инновационное и финансовое развитие России: факторы и тенденции. – 2023. – С. 115–119.
8. Пастушенко Е. Н., Неверова Н.В., Земцова Л.Н. Роль правовых актов Центрального банка Российской Федерации в обеспечении ста-

бильности финансового рынка на современном этапе //Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № . 2 (145). – С. 262–267.

9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.03.2024 № Ф03–546/2024 по делу № А51–2212/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/37252654/> (дата обращения: 22.06.2026).

LEGAL STATUS OF A COMMERCIAL BANK IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, ELEMENTS AND CONTENT

Beloborodov M.V., Ilyin A.P., Bulatova E.E.

Far Eastern Federal University

The article analyzes the legal status of a commercial bank as a special subject of banking legal relations in the Russian Federation. The concept and features of a commercial bank, its types and varieties, as well as the specifics of its legal position as a subject of economic legal relations are examined. The main elements of the legal status of a commercial bank are investigated, including rights, duties and specifics of interaction with the Central Bank of Russia. The procedure for establishment, state registration and licensing of commercial banks, as well as the legal grounds and procedure for revocation of a license and liquidation are analyzed. Based on the conducted research, conclusions defining the legal position of commercial banks in the Russian Federation are formulated.

Keywords: commercial bank, legal status, banking activity, Central Bank of Russia, licensing, revocation of license, liquidation, banking legal relations.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020) [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 17.06.2026).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 10.06.2026) [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 17.06.2026).
3. Federal Law of 02.12.1990 No. 395-1 (as amended on 09.04.2026) “On Banks and Banking Activity” [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (accessed: 21.06.2026).
4. Federal Law of 10.07.2002 No. 86-FZ (as amended on 10.06.2026) “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (accessed: 21.06.2026).
5. Instruction of the Bank of Russia of 02.04.2010 No. 135-I (as amended on 08.09.2025) “On the Procedure for the Bank of Russia to Make a Decision on State Registration of Credit Institutions and Issuance of Licenses for Banking Operations” (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 22.04.2010 No. 16965) [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 21.06.2026).
6. Directive of the Bank of Russia of 13.04.2021 No. 5778-U (as amended on 06.10.2023) “On the Methodology for Determining Systemically Important Credit Institutions” (together with “Information on Credit Institutions”) (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 17.05.2021 No. 63482) [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_384620/ (accessed: 21.06.2026).
7. Kondakchyan V.S., Petenko A.T. Concept, essence and principles of organization of the banking system of Russia // Industrial, Innovative and Financial Development of Russia: Factors and Trends. – 2023. – P. 115–119.
8. Pastushenko E.N., Neverova N.V., Zemtsova L.N. The role of legal acts of the Central Bank of the Russian Federation in ensuring the stability of the financial market at the present stage // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2022. – No. 2 (145). – P. 262–267.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 26.03.2024 No. F03–546/2024 in case No. A51–2212/2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/37252654/> (accessed: 22.06.2026).

Киселев Владимир Владимирович,

аспирант кафедры административно-правовых дисциплин
и таможенного дела Московского гуманитарно-
экономического университета
E-mail: wladmir1998@yandex.ru

В статье предпринимается попытка комплексного осмысления принципов правового статуса личности в контексте их значения для конституционного строя Российской Федерации. Обосновывается, что указанные принципы выступают не только нормативными ориентирами, но и функциональными элементами механизма ограничения публичной власти. На основе анализа положений Конституции Российской Федерации, а также доктринальных подходов и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации раскрывается их роль в обеспечении устойчивости правовой системы. Делается вывод о том, что принципы правового статуса личности обладают способностью адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, сохраняя при этом свою базовую ценностную направленность социальным условиям, сохраняя при этом свою базовую ценностную направленность.

Ключевые слова: конституционный строй, правовой статус личности, принципы права, права и свободы человека, юридические гарантии, Конституционный Суд Российской Федерации

Введение

Проблематика правового статуса личности традиционно занимает центральное место в системе конституционно-правового регулирования, поскольку именно через данную категорию осуществляется институционализация взаимоотношений между человеком и государством. Закрепляя положение о человеке как высшей ценности, Конституция Российской Федерации не ограничивается декларативным провозглашением прав и свобод, а формирует нормативную основу их реализации и защиты [1].

Вместе с тем современное развитие общественных отношений, сопровождающееся усложнением социальной структуры, цифровизацией и усилением регулятивной функции государства, требует переосмысления традиционных подходов к пониманию принципов правового статуса личности. В этих условиях особую актуальность приобретает анализ их содержания, функционального назначения и роли в обеспечении устойчивости конституционного строя.

Научная новизна

Научная новизна исследования состоит в обосновании положения о том, что принципы правового статуса личности выполняют не только охранительную, но и системно-адаптационную функцию. В отличие от традиционного подхода, рассматривающего их преимущественно как гарантийный механизм, в работе они интерпретируются как инструмент поддержания устойчивого равновесия между интересами личности, общества и государства в условиях трансформации правовой реальности.

Теоретико-правовая характеристика принципов правового статуса личности

В современной юридической доктрине принципы правового статуса личности рассматриваются как базовые конструкты, определяющие содержание и пределы реализации прав и свобод. При этом их значение не исчерпывается нормативным закреплением: они выполняют интегративную функцию, обеспечивая согласованность правового регулирования и внутреннюю целостность правовой системы.

Как отмечает В.Е. Чиркин, принципы конституционного права выступают выражением сущностных характеристик государственного строя и определяют направленность правового воздействия [2]. В свою очередь, Т.Я. Хабриева подчеркивает их аксиологическую природу, связывая их с системой ценностей, лежащих в основе правового государства [3].

Таким образом, принципы правового статуса личности представляют собой не статичную совокупность норм, а динамическую систему, способную адаптироваться к изменениям социальной среды.

Доктринальные подходы к принципам правового статуса личности

Вопрос о природе принципов правового статуса личности является дискуссионным в юридической науке. В зависимости от методологического подхода они могут рассматриваться как общеправовые начала, конституционные принципы либо как элементы правового статуса личности [2; 3].

Так, в рамках позитивистского подхода принципы правового статуса личности интерпретируются как закреплённые в законодательстве положения, определяющие содержание прав и обязанностей. В то же время представители естественно-правовой доктрины связывают их с универсальными ценностями, предшествующими государственному признанию прав [5].

Особый интерес представляет интегративный подход, в рамках которого принципы рассматриваются как синтез нормативных и ценностных характеристик права [6]. В данном случае они выступают не только юридическими конструкциями, но и инструментами согласования интересов различных субъектов общественных отношений.

В этой связи принципы правового статуса личности целесообразно рассматривать как многоуровневое явление, включающее нормативный, функциональный и аксиологический компоненты.

Основные принципы правового статуса личности

Принцип равенства занимает ключевое место в системе правового статуса личности, поскольку обеспечивает универсальность правового

регулирования. Его содержание заключается не только в формальном равенстве субъектов перед законом, но и в недопустимости произвольной дифференциации правового положения.

В научной литературе обоснованно указывается, что данный принцип предполагает возможность различий в правовом регулировании лишь при наличии объективных и разумных оснований [7]. Тем самым он выступает инструментом ограничения дискреции публичной власти.

Принцип неотчуждаемости прав и свобод прав отражает их естественно-правовую природу и означает, что они не могут быть поставлены в зависимость от воли государства. В этом контексте права человека рассматриваются как исходная предпосылка правового регулирования, а не его результат.

В.С. Нерсисянц связывает данный принцип с идеей свободы как фундаментальной ценности, лежащей в основе правового государства [5].

Принцип непосредственного действия прав

Признание прав и свобод непосредственно действующими означает возможность их применения без дополнительной нормативной конкретизации. В российской конституционно-правовой модели права и свободы личности обладают самостоятельным регулятивным значением – их реализация не зависит от того, существует ли детализирующее законодательство. Именно это обуславливает особое место Конституции Российской Федерации среди источников права: её положения применяются непосредственно и служат основанием для защиты субъективных прав граждан. Правовой статус личности немислим без системы гарантий, объединяющей организационные, процессуальные и юридические средства, которые обеспечивают фактическую реализацию прав человека. Среди них судебная защита и деятельность органов конституционного контроля занимают, надо сказать, особое место. В научной доктрине давно утвердилось мнение о том, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации позволяют согласовывать интересы личности и государства, удерживая конституционное равновесие [6].

Определяющее значение для функционирования современного правового государства имеет признание человека высшей социальной ценностью. Данное положение оказывает непосредственное влияние на содержание государственной политики, пределы осуществления публичной власти и характер принимаемых решений. Закрепление приоритета прав личности в конституционном законодательстве ориентирует государство на недопустимость чрезмерного вмешательства в сферу индивидуальной свободы и обеспечивает гуманистическую направленность конституционного развития.

Соотношение принципов правового статуса личности и принципов конституционного строя

Соотношение принципов правового статуса личности и принципов конституционного строя носит системный характер, поскольку последние формируют общую нормативную основу функционирования правовой системы [3].

Принципы правового статуса личности могут рассматриваться как конкретизация принципов конституционного строя на уровне правового положения индивида. В частности, принцип приоритета прав человека выступает базовым элементом как для конституционного строя в целом, так и для правового статуса личности [4].

Вместе с тем указанная взаимосвязь имеет двусторонний характер: уровень реализации прав и свобод личности позволяет оценивать эффективность функционирования конституционного строя [7]. В этой связи правовой статус личности приобретает значение индикатора качества государственно-правового развития.

Взаимосвязь принципов правового статуса личности с принципами конституционного строя носит системный характер: она проявляется и на нормативном, и на практическом уровне – что, впрочем, вполне закономерно. Конституционный Суд Российской Федерации играет определяющую роль в конкретизации принципов правового статуса личности. Через вырабатываемые правовые позиции формируются критерии, по которым оцениваются допустимые пределы ограничения прав и свобод. В практике Суда последовательно проводится мысль о том, что вмешательство в сферу конституционных прав возможно лишь при наличии объективного обоснования и при условии, что применяемые меры соответствуют поставленным публично-правовым задачам [8–10]. Вместе с тем Суд настаивает на недопустимости такого регулирования, которое способно затронуть существо субъективного права или фактически лишить человека возможности им воспользоваться. Отсюда следует, что конституционное правосудие выполняет значительно более широкую функцию, чем простое восстановление нарушенных прав. Вырабатываемые им обязательные позиции задают ориентиры для развития как законодательства, так и правопримени-

тельной практики. Правда, значение соразмерности не сводится к одной лишь функции сдерживания власти. Это требование обеспечивает ещё и внутреннюю согласованность системы правового регулирования, выступая необходимым условием стабильности конституционного порядка. В механизме конституционно-правового регулирования принцип соразмерности действует как универсальный критерий: применение государственно-властных мер не должно приводить к вызовам современности. Когда расширяются цифровые возможности и одновременно множатся кризисные факторы, удержать этот баланс становится всё сложнее – и всё важнее. Само по себе вмешательство государства в сферу прав личности не является недопустимым. Речь идёт о другом: применяемые средства должны быть объективно необходимы, а их воздействие на свободу человека – не избыточным. Иначе говоря, ограничение оправдано тогда, когда без него действительно не обойтись, и лишь в той мере, в которой этого требует конкретная цель [6]. Чрезмерное сужение возможностей личности само по себе превращается в правовую проблему – вне зависимости от благих намерений законодателя. В конституционно-правовой теории с этим связывают устойчивость демократического правопорядка как такового. Принцип соразмерности – а речь идёт именно о нём – не позволяет публичной власти действовать по собственному усмотрению без каких-либо содержательных ограничений. Это, надо сказать, не просто доктринальная конструкция: речь идёт о реальной гарантии защиты от произвольного вмешательства [5]. Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении дел о пределах реализации конституционных прав проверяет, насколько вводимые ограничения соответствуют задаче охраны конституционно значимых ценностей [8–10]. Такая практика формирует единые ориентиры для правоприменителей и делает регулирование в сфере защиты прав человека предсказуемым – что само по себе немаловажно. Требование соразмерности при этом затрагивает не только пределы государственного вмешательства. Оно пронизывает всю систему конституционно-правового регулирования, обеспечивая внутреннюю согласованность её элементов. Правда, на практике эта согласованность достигается далеко не всегда. Отдельного внимания заслуживают изменения в соотношении прав и обязанностей, исходящие под влиянием технологического развития и расширения цифрового пространства. Новые возможности реализации прав влекут за собой новые формы юридически значимого поведения – а вместе с ними и дополнительную ответственность участников общественных отношений. Одновременно рост числа кризисных ситуаций объективно усиливает присутствие государства в социально значимых сферах, что выражается во введении специальных правовых режимов, ограничивающих отдельные конституционные права. Подобные меры, однако, могут считаться допустимыми лишь при наличии достаточных правовых оснований и при условии их временного характера – это прямо подтверждается позициями Конституционного Суда Российской Федерации [8–10]. Поддержание баланса между публичными и частными интересами в этих условиях становится не просто желательным, а необходимым условием устойчивости правовой системы.

Принципы правового статуса личности выступают фундаментальной основой конституционного строя, определяя содержание правового регулирования и пределы деятельности государства. Их значение проявляется не только в закреплении прав и свобод, но и в обеспечении их реальной реализации.

В условиях трансформации общественных отношений данные принципы приобретают дополнительное значение, выполняя функцию адаптации правовой системы к изменяющимся условиям. Их развитие и конкретизация являются необходимым условием укрепления правового государства.

В ходе исследования сделан вывод о том, что в условиях цифровизации, глобализации и усиления регулирующей функции государства принципы правового статуса личности приобретают дополнительное значение как механизм поддержания баланса между публичными интересами и свободой личности.

Таким образом, дальнейшее развитие и совершенствование принципов правового статуса личности следует рассматривать в качестве необходимого условия укрепления правового государства и обеспечения устойчивости конституционного строя Российской Федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Чиркин В.Е. Конституционное право: учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 688 с.

3. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. – М.: Наука РАН, 2016. – 320 с.
4. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2023. – Т. 1. – 864 с.
5. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 848 с.
6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. – М.: Норма, 2019. – 720 с.
7. Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – 6-е изд. – М.: Проспект, 2021. – 592 с.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений законодательства, регулирующего проведение публичных мероприятий».
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федерального законодательства в связи с ограничением конституционных прав граждан».
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2019 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений законодательства Российской Федерации».

PRINCIPLES OF THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL AS THE BASIS OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM

Kiselev V.V.

Moscow University for the Humanities and Economics

The article attempts a comprehensive analysis of the principles of the legal status of the individual in the context of their significance for the constitutional system of the Russian

Federation. It is substantiated that these principles function not only as normative guidelines but also as structural elements of the mechanism limiting public authority. Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation, as well as doctrinal approaches and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, their role in ensuring the stability of the legal system is revealed. It is concluded that the principles of the legal status of the individual possess the ability to adapt to changing social conditions while maintaining their fundamental value orientation.

Keywords: constitutional system, legal status of the individual, principles of law, human rights and freedoms, legal guarantees, Constitutional Court of the Russian Federation

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide voting on December 12, 1993, as amended). Official Internet Portal of Legal Information.
2. Chirkin V.E. Constitutional Law: Textbook. Moscow: Norma, INFRA-M Publ., 2018. 304 p.
3. Khabrieva T. Ya. Constitutional Reform in the Modern World. Moscow: Nauka RAN Publ., 2016. 320 p.
4. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia. Vol. 1. 7th ed. Moscow: Norma, INFRA-M Publ., 2023. 864 p.
5. Nersesyan V.S. Philosophy of Law. 2nd ed. Moscow: Norma, INFRA-M Publ., 2023. 848 p.
6. Zorkin V.D. Constitutional and Legal Development of Russia. Moscow: Norma Publ., 2019. 720 p.
7. Kutafin O.E. Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 592 p.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 19-P of July 18, 2012 "On the Review of the Constitutionality of Provisions of the Federal Law 'On Assemblies, Meetings, Demonstrations, Processions and Picketing'".
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 35-P of November 14, 2019 "On the Review of the Constitutionality of Certain Provisions of the Legislation of the Russian Federation".
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 7-P of February 17, 2022 "On the Review of the Constitutionality of Legislative Provisions Affecting the Exercise of Constitutional Rights of Citizens".

Правовая стандартизация процедур распределения государственной поддержки: развитие инструментов предсказуемости для субъектов предпринимательства

Кочарян Ашот Юрьевич,

аспирант кафедры конституционного, административного и финансового права, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
E-mail: ashkochare@ya.ru

Статья посвящена теоретико-правовому исследованию проблем правовой стандартизации процедур распределения государственной поддержки субъектов предпринимательства. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения принципа правовой определенности и снижения уровня административного усмотрения в условиях цифровизации государственного управления.

Цель исследования заключается в обосновании концепции процессуальной стандартизации административных процедур как механизма повышения предсказуемости и прозрачности взаимодействия государства и бизнеса.

Для достижения цели применялись формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, практика Конституционного Суда РФ, зарубежное законодательство (Эстония, Германия, Казахстан) и доктринальные источники.

В результате исследования выявлены системные барьеры правового регулирования: ведомственная раздробленность, преобладание оценочных понятий, нарушение принципа «одного окна» и недостаточная процессуальная стабильность. Автором разработана концепция процессуальной стандартизации, включающая унификацию критериев, закрепление единого цифрового профиля предпринимателя, преимущественно автоматизированный порядок принятия решений и проактивное администрирование.

Сформулированы предложения *de lege ferenda* по внесению изменений в Федеральный закон № 209-ФЗ и Федеральный закон № 210-ФЗ. Доказано, что внедрение предложенной модели позволит существенно снизить коррупционные риски, административную нагрузку и повысить эффективность государственной поддержки предпринимательства.

Вывод: правовая стандартизация процедур распределения государственной поддержки является необходимым условием реализации конституционных принципов свободы экономической деятельности и правовой определенности в современной России.

Ключевые слова: правовая определенность, административное усмотрение, государственная поддержка предпринимательства, процессуальная стандартизация, цифровой профиль предпринимателя, административные процедуры, принцип «once-only», автоматизация государственного управления, публичное право

Введение

В условиях цифровизации государственного управления и реализации национальных целей развития Российской Федерации особое значение приобретает совершенствование механизмов распределения государственной поддержки субъектов предпринимательской деятельности. Конституционные принципы свободы экономической деятельности, поддержки конкуренции и защиты частной инициативы (статьи 8, 34, 35 Конституции Российской Федерации) требуют, чтобы публичная власть обеспечивала не только доступность бюджетных ресурсов, но и их распределение на основе предсказуемых, прозрачных и единообразных правовых процедур.

Однако современное административно-правовое регулирование в данной сфере характеризуется значительной фрагментарностью и ведомственной разобщенностью. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» устанавливает общие начала государственной политики, однако не содержит единого процессуального механизма предоставления поддержки. Это приводит к сохранению широкого административного усмотрения и нарушению принципа правовой определенности.

Постановка правовой проблемы заключается в наличии системного конфликта между необходимостью обеспечения гибкости государственного управления и конституционными требованиями предсказуемости и стабильности правового регулирования. Избыточное использование оценочных понятий в административных регламентах, нарушение принципа «одного окна» и отсутствие процессуальной унификации создают существенные барьеры для реализации права субъектов предпринимательства на получение государственной поддержки.

Цель исследования заключается в теоретико-правовом обосновании концепции правовой стандартизации административных процедур распределения государственной поддержки предпринимательской деятельности как инструмента повышения прозрачности и предсказуемости государственного управления.

Материалы и методы

Методологическую основу настоящего исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы познания. основополагающими принципами работы выступают принципы объективности, системности, историзма и конкретности научного исследования.

Для решения поставленных задач применялся формально-юридический метод, позволивший провести детальный анализ нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере государственной поддержки предпринимательства. Сравнительно-правовой метод использовался при изучении зарубежного опыта стандартизации административных процедур в Эстонии, Федеративной Республике Германия и Республике Казахстан. Метод системного анализа и метод правового моделирования применялись для разработки авторской концепции процессуальной стандартизации и формулирования предложений *de lege ferenda*.

Материалы исследования включают:

- нормативно-правовую базу: Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», постановления Правительства Российской Федерации, приказы и административные регламенты федеральных органов исполнительной власти, регулирующие предоставление субсидий, грантов и иных мер поддержки;

- судебную практику: постановления Конституционного Суда Российской Федерации (в том числе № 11-П от 15.07.1999, № 12-П от 17.06.2004, № 25-П от 19.05.2020), определения и обзоры Верховного Суда Российской Федерации, практику арбитражных судов по делам об оспаривании решений об отказе в предоставлении государственной поддержки;

- доктринальные источники: труды отечественных ученых в области административного и конституционного права (Д.Н. Бахрах, Ю.Н. Старилов, Ю.А. Тихомиров, А.В. Куракин, О.Н. Шерстобоев и др.);

- зарубежные нормативные акты и материалы: Закон об административных процедурах Германии (VwVfG), Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2020 года, документы и официальные отчеты по функционированию системы X-Road в Эстонии;

- эмпирические данные: официальные статистические материалы Корпорации МСП, данные Цифровой платформы МСП.РФ, а также обзоры правоприменительной практики.

Комплексное применение указанных методов и материалов позволило обеспечить всесторонний теоретико-правовой анализ проблемы и разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию административно-правового регулирования.

Литературный обзор

Реализация государственной поддержки предпринимательской деятельности в современной правовой системе Российской Федерации неразрывно связана с категорией административного усмотрения. В отечественной административно-правовой доктрине административное усмотрение традиционно рассматривается в качестве необходимого элемента гибкости публичного управления, однако его чрезмерное расширение вступает в противоречие с принципом правовой определенности.[1]

Конституция Российской Федерации в статьях 8, 34 и 35 гарантирует свободу экономической деятельности, поддержку конкуренции и защиту частной инициативы.[2] Эти конституционные положения требуют обеспечения баланса между публичным интересом (эффективное и целевое использование бюджетных средств) и частным интересом (предсказуемость и стабильность условий ведения предпринимательской деятельности). Когда административное усмотрение переходит границы разумного и превращается в источник произвольного властного воздействия, оно нарушает конституционные гарантии и подрывает доверие субъектов предпринимательства к государственным институтам.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, принцип правовой определенности предполагает ясность, недвусмысленность и стабильность нормативного регулирования, позволяющую субъектам права предвидеть правовые последствия своих действий.[3] Применительно к административным процедурам распределения государственной поддержки данный принцип означает, что предприниматель должен иметь реальную возможность заранее знать все требования, критерии оценки и последствия подачи заявки. Наличие большого количества оценочных понятий («социальная значимость проекта», «высокая эффективность», «инновационный характер» и т.п.) создаёт чрезмерно широкое поле для субъективного усмотрения должностных лиц, что противоречит требованиям правовой определенности.

В административно-правовой науке устойчиво признаётся, что границы административного усмотрения должны быть чётко очерчены посредством правовой стандартизации процедур. Стандартизация в данном контексте выступает не как ограничение публичной власти, а как инструмент её качественного совершенствования, направленный на минимизацию «правовой энтропии» – состояния неопределённости правовых последствий административных решений.[4]

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта подтверждает эффективность такого подхода. В Эстонии законодательное закрепление принципа «опсе-only» в сочетании с системой X-Road обеспечило реализацию конституционных требований прозрачности и предсказуемости административных процедур.[5] В Федеративной Республике Германия Закон об административных процедурах (VwVfG) в § 35a допускает полностью автоматизированное принятие административных актов при условии чёткого правового регулирования и отсутствия оценочных понятий.[6] Положительный пример демонстрирует и Республика Казахстан, где Административный процедурно-процессуальный кодекс 2020 года существенно ограничил административное усмотрение при предоставлении государственных услуг и мер поддержки предпринимательства.[7]

Таким образом, зарубежный опыт публично-правового регулирования свидетельствует о том, что правовая стандартизация административных процедур выступает важнейшим механизмом обеспечения конституционных принципов свободы экономической деятельности, равенства перед законом и верховенства права.

Вместе с тем в российской доктрине публично-правовых наук комплексное исследование правовой стандартизации именно процедур распределения государственной поддержки предпринимательству как самостоятельного инструмента минимизации дискреционных полномочий и обеспечения предсказуемости административного

регулирования до настоящего времени не проводилось в достаточном объёме.

Результаты

Переход от теоретико-правовой модели предсказуемости к анализу правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных барьеров, существенно снижающих эффективность механизмов государственной поддержки предпринимательства и вступающих в противоречие с конституционными принципами свободы экономической деятельности и правовой определённости.

Одним из наиболее значимых барьеров является ведомственная раздробленность нормативного регулирования. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» устанавливает лишь общие принципы, оставляя детальное регулирование на уровне отдельных ведомственных административных регламентов. В результате одни и те же показатели деятельности субъекта предпринимательства получают различную правовую оценку в зависимости от ведомственной принадлежности программы, что нарушает принцип равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ).[8]

Не менее острой проблемой выступает избыточное использование оценочных понятий в нормативных правовых актах. Требования к «социальной значимости проекта», «эффективности использования средств», «инновационному потенциалу» или «значимости для развития региона», не подкреплённые чёткими количественными критериями и методиками оценки, предоставляют должностным лицам чрезмерно широкие дискреционные полномочия.[9] В судебной практике неоднократно отмечалось, что подобные формулировки затрудняют объективный контроль за законностью административных решений и способствуют произвольному отказу в предоставлении поддержки.[10]

Значительным препятствием является также нарушение принципа «одного окна» и информационная асимметрия. Несмотря на требования Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», на практике предприниматели вынуждены неоднократно предоставлять одни и те же документы, поскольку полноценный механизм единого цифрового профиля заявителя функционирует не в полной мере.[11]

Кроме того, наблюдается отсутствие процессуальной преемственности и стабильности правового регулирования. Частые изменения правил предоставления поддержки без достаточного переходного периода нарушают принцип защиты законных ожиданий, являющийся важным элементом правовой определённости.

Таким образом, проведённый анализ позволил установить, что существующие механизмы распределения государственной поддержки страдают от глубоких системных дефектов правового регулирования: ведомственной фрагментарности, преобладания оценочных понятий, нарушения принципа «одного окна» и недостаточной процессуальной стабильности. Указанные барьеры существенно снижают предсказуемость административных процедур и эффективность реализации государственной политики поддержки предпринимательства.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования подтверждают наличие глубоких системных дефектов правового регулирования процедур распределения государственной поддержки предпринимательской деятельности. Выявленные барьеры – ведомственная раздробленность нормативного массива, широкое использование неконкретизированных оценочных понятий, нарушение принципа «одного окна» и отсутствие должной процессуальной стабильности – создают значительные препятствия для реализации конституционных прав субъектов предпринимательства и вступают в противоречие с принципом правовой определенности, последовательно отстаиваемым Конституционным Судом Российской Федерации.[12]

Для преодоления указанных недостатков в рамках настоящей работы разработана авторская концепция процессуальной стандартизации административных процедур распределения государственной поддержки. Данная концепция представляет собой целостную теоретико-правовую модель, направленную на объективизацию критериев допуска к государственным ресурсам, минимизацию дискреционных полномочий органов исполнительной власти и обеспечение предсказуемости административных действий ex-ante.

Ключевыми элементами предложенной концепции являются:

- унификация критериев оценки заявителей путём разработки и принятия единого федерального административного регламента предоставления мер поддержки. Такой регламент должен содержать

исчерпывающий перечень критериев с чёткими количественными показателями и методиками их расчёта, исключающими возможность произвольного толкования;[13]

- законодательное закрепление единого цифрового профиля субъекта предпринимательства и обязательного применения принципа «опсе-only». Реализация данного принципа позволит исключить дублирование предоставления сведений, уже содержащихся в государственных информационных системах (ФНС, ЕГРЮЛ/ЕГРИП, СМЭВ и др.);[14]

- преимущественно автоматизированный порядок принятия решений о предоставлении поддержки. По аналогии с положениями Федерального закона № 210-ФЗ целесообразно установить, что решение принимается в автоматическом режиме при соответствии заявителя формальным критериям, а человеческое участие сохраняется только в контрольных функциях и при рассмотрении жалоб;[14]

- внедрение института проактивного администрирования, при котором уполномоченные органы государственной власти самостоятельно, через личный кабинет предпринимателя на Цифровой платформе МСП.РФ, уведомляют субъектов предпринимательства о возможности получения поддержки при достижении ими установленных законом параметров.

Сравнительно-правовой анализ опыта зарубежных стран подтверждает перспективность предложенного подхода. В Эстонии и Германии внедрение стандартизированных и автоматизированных процедур позволило существенно снизить уровень административного усмотрения и повысить уровень доверия к публичной власти. Аналогичные результаты демонстрирует реформа административного законодательства Республики Казахстан 2020 года.[15]

Предлагаемые меры имеют важное практическое значение. Их реализация позволит не только снизить коррупционные риски и административную нагрузку на бизнес, но и обеспечить реальное равенство субъектов предпринимательства перед законом, укрепить принцип защиты законных ожиданий и повысить общую эффективность государственной экономической политики. Кроме того, переход к процессуальной стандартизации будет способствовать формированию единого правового пространства в сфере поддержки предпринимательства на всей территории Российской Федерации.

Таким образом, правовая стандартизация процедур распределения государственной поддержки представляет собой не только инструмент оптимизации административного процесса, но и важнейший механизм обеспечения баланса публичных и частных интересов, способствующий реализации конституционных принципов правового государства в сфере экономической деятельности.

Заключение

Проведенное исследование позволило обосновать, что правовая стандартизация процедур распределения государственной поддержки предпринимательской деятельности представляет собой необходимое условие обеспечения принципа правовой определенности в административном регулировании и реализации конституционных гарантий свободы экономической деятельности, закрепленных в статьях 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации.

В ходе работы доказано существование системных дефектов правового регулирования в рассматриваемой сфере. Ведомственная раздробленность нормативных актов, избыточное использование оценочных понятий в административных регламентах, нарушение принципа «одного окна» и отсутствие процессуальной преемственности создают значительные барьеры для доступа субъектов предпринимательства к государственным ресурсам, существенно повышая уровень административного усмотрения и снижая предсказуемость государственного управления.

Теоретико-правовой анализ показал, что принцип правовой определенности, последовательно развиваемый в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, требует минимизации дискреционных полномочий органов исполнительной власти при распределении бюджетных средств. Сравнительно-правовое исследование опыта Эстонии, Федеративной Республики Германия и Республики Казахстан подтвердило эффективность правовых механизмов стандартизации и автоматизации административных процедур как способа ограничения произвольного усмотрения.

В рамках исследования разработана авторская концепция процессуальной стандартизации административных процедур распределения государственной поддержки. Данная концепция предполагает переход от модели преимущественно дискреционного регулирования к модели, основанной на исчерпывающих, формализованных и верифицируемых критериях, реализуемых преимущественно в автоматизированном режиме.

В целях совершенствования действующего законодательства сформулированы следующие предложения *de lege ferenda*:

- во-первых, целесообразно внести изменения в Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», дополнив его положениями об обязательном применении единого федерального административного регламента предоставления всех видов поддержки субъектам предпринимательства;

- во-вторых, необходимо законодательно закрепить статус единого цифрового профиля субъекта предпринимательства и принцип «опсе-only» применительно ко всем мерам государственной поддержки, запретив истребование сведений, уже содержащихся в государственных информационных системах;

- в-третьих, следует предусмотреть возможность преимущественно автоматизированного принятия решений о предоставлении поддержки с сохранением человеческого контроля исключительно в качестве контрольной и апелляционной функции.

Реализация предложенной модели процессуальной стандартизации позволит существенно снизить коррупционные риски, минимизировать административную нагрузку на бизнес и органы государственной власти, повысить уровень доверия субъектов предпринимательства к государственным институтам и обеспечить реальную доступность мер государственной поддержки.

Таким образом, правовая стандартизация процедур распределения государственной поддержки выступает не только инструментом оптимизации административного процесса, но и важнейшим условием реализации конституционных принципов правового государства и защиты частной экономической инициативы в современной России.

Литература

1. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М.: Норма, 2019. С. 312–315; Старилов Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 1. Воронеж, 2020. С. 456.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 № 11-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 30. Ст. 3988; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.06.2004 № 12-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2020 № 25-П.
4. Тихомиров Ю.А. Правовая определённость как принцип административного права // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 18–29.
5. X-Road. Interoperability services // e-Estonia. URL: <https://e-estonia.com/solutions/interoperability-services/x-road/> (дата обращения: 04.05.2026).
6. Verwaltungsverfahrensgesetz (VwVfG) § 35a (в ред. от 18.07.2016) // BGBl. I S. 1679.
7. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI // Информационно-правовая система «Әділет».
8. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
9. Постановление Правительства РФ от 30.12.2020 № 2373; Приказ Минэкономразвития России от 21.03.2022 № 140.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.09.2022 № 305-ЭС22–12456; Обзор судебной практики по спорам, связанным с государственной поддержкой предпринимательства // Вестник экономического правосудия РФ. 2023. № 4.
11. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.05.2020 № 25-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 22. Ст. 3456.
13. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.
14. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
15. Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29 июня 2020 года № 350-VI.

LEGAL STANDARDIZATION OF STATE SUPPORT DISTRIBUTION PROCEDURES: DEVELOPING PREDICTABILITY INSTRUMENTS FOR BUSINESS ENTITIES

Kocharyan A.Yu.

Orel State University named after I.S. Turgenev

The article is devoted to the theoretical and legal study of the legal standardization of procedures for the distribution of state support for business entities. The relevance of the topic is determined by the need to ensure the principle of legal certainty and to reduce the level of administrative discretion in the context of digitalization of public administration.

The purpose of the study is to substantiate the concept of procedural standardization of administrative procedures as a mechanism for increasing the predictability and transparency of interaction between the state and business.

The study employed formal-legal, comparative-legal, and systemic methods. The research materials included normative legal acts of the Russian Federation, the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, foreign legislation (Estonia, Germany, Kazakhstan), and doctrinal sources.

As a result of the study, systemic barriers of legal regulation were identified: departmental fragmentation, the predominance of evaluative concepts, violation of the "one window" principle, and insufficient procedural stability. The author developed the concept of procedural standardization, which includes the unification of evaluation criteria, the establishment of a single digital profile of an entrepreneur, a predominantly automated decision-making procedure, and proactive administration.

Proposals de lege ferenda were formulated to amend Federal Law No. 209-FZ and Federal Law No. 210-FZ. It is proved that the implementation of the proposed model will significantly reduce corruption risks, administrative burden, and increase the effectiveness of state support for entrepreneurship.

Conclusion: legal standardization of procedures for the distribution of state support is a necessary condition for the implementation of the constitutional principles of freedom of economic activity and legal certainty in modern Russia.

Keywords: legal certainty, administrative discretion, state support of entrepreneurship, procedural standardization, digital profile of an entrepreneur, administrative procedures, once-only principle, digitalization of public administration, public law

References

1. Bakhrah D.N. Administrative Law of Russia: textbook. Moscow: Norma, 2019. Pp. 312–315; Starilov Yu.N. Administrative Law: in 2 parts. Part 1. Voronezh, 2020. P. 456.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Art. 4398.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P of July 15, 1999 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 30. Art. 3988; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P of June 17, 2004; Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of May 19, 2020.
4. Tikhomirov Yu.A. Legal Certainty as a Principle of Administrative Law // Journal of Russian Law. 2021. No. 5. Pp. 18–29.
5. X-Road. Interoperability services // e-Estonia. URL: <https://e-estonia.com/solutions/interoperability-services/x-road/> (accessed: May 4, 2026).
6. Verwaltungsverfahrensgesetz (VwVfG) § 35a (as amended on July 18, 2016) // BGBl. I p. 1679.
7. Administrative Procedure and Process Code of the Republic of Kazakhstan No. 350-VI of June 29, 2020 // Information and Legal System «Әділет».
8. Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 "On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation" (as amended on July 22, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 31. Art. 4006.
9. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2373 of December 30, 2020; Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 140 of March 21, 2022.
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES22–12456 of September 15, 2022; Review of Judicial Practice on Disputes Related to State Support for Entrepreneurship // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 4.
11. Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" (as amended on August 4, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4179.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of May 19, 2020 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 22. Art. 3456.
13. Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 "On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation" (as amended on July 22, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 31. Art. 4006.
14. Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 "On the Organization of the Provision of State and Municipal Services" (as amended on August 4, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 31. Art. 4179.
15. Administrative Procedure and Process Code of the Republic of Kazakhstan No. 350-VI of June 29, 2020 // Information and Legal System «Әділет».

Сравнительно-правовой анализ регулирования азартных игр в Англии и России (XVII – конец XIX века): от запрета к натуральному обязательству

Лобачев Егор Дмитриевич,

аспирант Байкальского государственного университета

E-mail: 708947_law@mail.ru

В данном исследовании представлен сравнительный анализ правового регулирования азартных игр в Англии и России с XVII по начало XX века. Выявлены принципиальные различия в генезисе законодательства: английская система формировалась эволюционно, «снизу» – через судебные прецеденты и точечную реакцию парламента на конкретные злоупотребления (шулерство, разорение аристократии), тогда как российское право развивалось «сверху» – посредством императорских указов, отражавших волю монарха. Несмотря на это, к концу XIX века обе системы пришли к сходному результату: игорный долг был лишён судебной защиты и приобрёл статус «натурального обязательства», а организация нелегальной игры криминализована. В Англии данный подход закрепил Gaming Act 1845, в России Свод законов Российской империи. Особое внимание уделено эволюции частноправового подхода: от полного отрицания обязательств, возникающих из игры к признанию их неискового характера. Отмечена двойственная роль государства, сочетавшего моральное осуждение азартных игр с фискальной выгодой от их легальной эксплуатации. Полученные выводы позволяют глубже понять исторические корни современных подходов к регулированию гэмблинга.

Ключевые слова: азартная игра, правовое регулирование азартных игр, правовое регулирование пари, букмекеры, английское право, сравнительный анализ правового регулирования, игорный долг; натуральное обязательство.

Введение

Азартные игры сопровождают человечество на протяжении всей его истории. А. Вайкс приводит яркий пример того, что игры и пари имели место еще в глубокой древности. Так, около пяти тысяч сложился египетский миф о пари между богом Тотом и Луной. Выигравший пари Тот приобрел пять дополнительных дней для календаря, и потому в текущем календаре 365, а не 360 дней [16, с. 30].

Являясь формой досуга для одних и способом наживы для других, игры и пари неизбежно попадали в сферу интересов государства и церкви, становились объектом регулирования налогового законодательства и с течением времени возымели гражданско-правовое регулирование, во многом сходное во всех правовых порядках. Однако исторические пути, которыми шли к общему знаменателю разные страны, могли существенно отличаться.

В выявлении особенностей формирования правовых основ игры и пари большую роль играет сравнительно-правовой метод. Он является базовым для настоящей работы. При этом в работе использован как синхронный, так и диахронный сравнительно-правовой метод. Сравнение проведено на примере законодательства двух государств – Англии и России в разрезе их развития на протяжении XVII–XIX веков.

Выбор Англии для сравнения не случаен. Именно британское общее право (common law) и статутное право (statute law) выработали наиболее детализированную и влиятельную систему регулирования, которая оказала воздействие на многие правовые порядки мира. Российское же право, развиваясь в русле континентальной традиции, прошло собственный уникальный путь. При детальном анализе удалось выявить, что многие тенденции правового регулирования имеют, во-первых, одинаковые первопричины в обоих правовых порядках, а во-вторых – схожие концепции и механизмы правового регулирования.

Анализ нормативного материала

Правовое регулирование игр и пари в Великобритании (XVII–XIX в.)

Непосредственно правовое сознание Англии XVII века формировалось под влиянием пуританской морали, которая рассматривала азартные игры как праздность и грех. Тем не менее, светская власть была прагматичнее. Как отмечает в своем фундаментальном труде Дэвид Шварц, первая государственная лотерея в Англии была проведена еще в 1569 году королевой Елизаветой I для финансирования ремонта гаваней, что демонстрирует ранний интерес короны к фискальному потенциалу азартных игр и пари [13, с. 49].

При этом, основной этап становления и отправная точка для развития английского законодательства связаны с реставрацией династии Стюартов. Возвращение Карла II в 1660 году ознаменовало собой не только политическую, но и культурную революцию. Пуританские ограничения эпохи Кромвеля ушли в прошлое. Король, который в историографии получил прозвище «веселый», помимо того, что сам был большим любителем азартных игр, пари и лотерей, отменил большинство хаотичных запретов, введенных ранее, что привело к расцвету азарта [15, с. 25]. Это стало причиной увеличения числа игорных домов и иных заведений, и как следствие, к злоупотреблениям в рассматриваемой сфере. Негативным фактором для короны стало также повсеместное разорение аристократических семей в связи с игорными долгами.

Реакцией на такое положение дел стал первый всеобъемлющий акт – «Акт против обманчивой, беспорядочной и чрезмерной игры» 1664 года (An Act against deceitfull disorderly and excessive Gameing: 16 Car. II, с. 7)¹. Анализ содержания этого Акта позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, документ был направлен на защиту аристократии («молодых людей как из знати, так и из джентри») от мошенников-профессионалов. Разорение дворян рассматривалось как угроза государству. Во-вторых, долги, превышающие 100 фунтов стерлингов,

¹ Charles II, 1664: An Act against deceitfull disorderly and excessive Gameing. Chapter 7 // Statutes of the Realm: Volume 5, 1625–80 / ed. by J. Raithby. – [Б. м.], 1819. – P. 523. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol5/p523> (дата обращения: 01.03.2026).

проигранные за один раз и не оплаченные наличными, объявлялись юридически ничтожными, что было прямой мерой против игры в кредит. В-третьих, уже на этом этапе вводилась система поощрения доносов на нарушения при игре – часть штрафа напрямую выплачивалась информатору.

Далее Парламентом был принят важный, и с социальной точки зрения крайне значимый «Акт о пресечении лотерей» от 1698 года (An Act for suppressing of Lotteries: 10 Will. III, c. 23)¹. Данный документ преследовал несколько целей. Главной причиной принятия закона стала защита «детей и слуг джентльменов, торговцев и других неосмотрительных лиц» от разорения, потому что лотереи рассматривались как прямая угроза благосостоянию аристократов. Закон впервые на столь высоком уровне объявил все негосударственные лотереи (вне зависимости от наличия королевского патента) «общественным злом». Важной новацией стало введение наказания не только для организаторов, но и для игроков, которые также подлежали крупному штрафу. Более того, организаторы могли быть приравнены к «бродягам» (common rogues) и подвергнуты соответствующему уголовному преследованию. Часть штрафа, размер которого составил 500² фунтов стерлингов, взыскивалась частично в пользу информатора, сообщившего в правоохранительные органы о нарушении.

Следует отметить и противоречивость указанного Акта: согласно его тексту, запрещаются именно частные лотереи, а не государственные. Практически одновременно с введением в действие запрета частных лотерей, в Англии запускается самая масштабная государственная лотерея – Million Lottery, государственная лотерея-займ, проведённая в Англии в 1694 году для финансирования войны с Францией. Её организовал Томас Нил (Thomas Neale), член парламента и королевский чиновник [11]. Данная лотерея проводилась на протяжении многих лет, а аналогичные лотереи стало классическим источником доходов королевской казны на многие годы.

С восхождением на престол королевы Анны вектор законодательного регулирования не изменился. Так, при ее правлении был принят «Акт для лучшего предотвращения чрезмерной и обманчивой игры 1710 года» (An Act for the better preventing of excessive and deceitful Gaming: 9 Ann.c. 14)³. Преамбула Акта прямо указывает на главную причину его принятия: «Законы, действующие ныне для предотвращения бед, которые могут произойти от азартных игр, не были признаны достаточными для этой цели».

К началу XVIII века азартные игры стали pervasive (всепроницающими) в английском обществе. Участились случаи мошенничества (шулерства) и разорения дворянских семей, которые, полагаясь на свою «честь», заключали займы на огромные суммы, обеспеченные будущими наследствами. Закон был призван защитить имущественную базу знати от разграбления профессиональными игроками и ростовщиками. Учитывая этот факт, можно заключить, что как это было в прошлом веке – система, при которой долг из игры был лишь неким «долгом чести» дворянина, эволюционировала в систему, при которой по долговым обязательствам, возникшим из игры, знатные семьи лишались не только нажитого имущества, но и родовых поместий (а это основа аристократического общества Англии). В связи с этим, требовалось правовое, а не только моральное вмешательство, чтобы предотвратить передачу родовых поместий (landed estates) по игровым долгам.

Особую роль данный Акт сыграл в частноправовом регулировании азартных игр и пари. Так, закон объявлял полностью недействительными (utterly void) любые долговые расписки, векселя, закладные и даже судебные решения, если их основанием был проигрыш в азартной игре. Это лишало кредитора любой возможности взыскать такой долг через суд.

Впервые под прямой запрет попали не только долги, возникшие из игры, но и займы, выданные заведомо для игры, особенно если они предоставлялись на месте игры. Это закрывало «лазейку», когда ростовщики могли давать деньги игрокам под расписку прямо за игровым столом.

Таким образом, закон полностью выводил игорные долги и связанные с ними кредитные обязательства из сферы защиты права, делая их «естественными» обязательствами, которые могли исполняться лишь добровольно (в российской частноправовой науке их принято называть натуральными обязательствами).

Стоит отметить и «Акт о лучшем предотвращении чрезмерной и обманчивой игры от 1739 года» (An Act for the better preventing of excessive and deceitful Gaming: 12 Geo. II c. 28⁴), являющийся естественным продолжением предшествующего законодательства, в частности, Акта королевы Анны 1710 года.

Данный Акт прямо объявляет карточные азартные игры «Туз червей» (Ace of Hearts), «Фараон» (Pharaoh, Faro), «Бассет» (Basset) и «Азарт» (Hazard) незаконными. С точки зрения механизма правового регулирования, это было сделано следующим образом: указанные выше игры данным Актом приравниваются к лотереям, что автоматически подвело их под действие более ранних запретительных статутах против негосударственных лотерей. В части реакционных мер, Акт объявляет ничтожными любые продажи домов, земель, драгоценностей или кораблей, осуществленные посредством игр, зависящих от случая. Это продолжение жестких мер против разорения дворянских семей, которые могли проиграть родовые поместья за карточным столом.

Однако к середине XIX века прежняя система запретов дала сбой. Игорные дома процветали, а практика доносительства (common informers) дискредитировала себя, превратившись в инструмент шантажа.

Рекомендации парламентского комитета 1844 года привели к принятию «Акта об азартных играх 1845 года» (Gaming Act: 8 & 9 Vict.c. 109⁵). Этот акт завершил оформление частноправовой доктрины в сфере азартных игр и пари. Секция 18 объявила все договоры пари и азартных игр «ничтожными и не имеющими исковой силы» (null and void). До 1845 года игорные долги, хотя и были осложнены статутами Анны и Георга II, в принципе могли быть предметом судебного разбирательства как обычные договорные обязательства (если только они не были обеспечены «недействительными» ценными бумагами). Новый Акт полностью разорвал эту связь, превратив игорный долг в так называемое «естественное» обязательство, которое может быть исполнено лишь добровольно, но не может быть истребовано принудительно через суд – была полностью сформирована концепция натурального обязательства.

Закон также лишил права на судебную защиту требование о возврате денег, переданных держателю ставок (посреднику), если только последний не действовал недобросовестно. Это окончательно оформило позицию права: государство не будет участвовать в разрешении споров, вытекающих из азартных игр.

В Разделе 2 Акт ввел важное правило в контексте уголовного преследования организаторов игорных домов. Отныне для признания заведения «публичным игорным домом» (common gaming house) достаточно было доказать, что там ведется запрещенная игра и что шансы игроков не равны; были расширены полицейские полномочия (разделы 3, 6, 7, 8): магистратам и полиции (включая специальный отряд столичной полиции) предоставлены более широкие права на вход в подозрительные заведения, обыск и изъятие орудий игры (столов, карт, денег) на основании ордера. В Разделе 4 установлены четкие санкции для содержателей и распорядителей игорных домов: штраф до 100 фунтов или тюремное заключение с каторжными работами до 6 месяцев.

Правовое регулирование, установленное указанным Актом, существовало вплоть до XXI века, сохранив свои основные правовые концепции: разделение игр на две группы, систему лицензирования, систему штрафов; систему полномочий полиции для выявления фактов незаконной игры; систему натуральных обязательств, возникающих между игроками.

Развитие общественных отношений в викторианской Англии породило новое явление: развитие букмекерских контор (betting houses), работавших вне ипподромов. Реакцией стал «Акт о букмекерских ставках 1853 года» (Betting Act: 16 & 17 Vict.c. 119)⁶. В преамбуле прямо указано, что в середине XIX века «возник вид азартной игры, ведущий

¹ An Act for suppressing of Lotteries: 10 William III, 1698 Chapter 23 // Statutes of the Realm: in 11 vol. – London: George Eyre and Andrew Strahan, 1820. – Vol. 7: 1695–1701. – P. 532–533. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol7/pp532-533> (дата обращения: 01.03.2026).

² Для понимания размера штрафа – 500 фунтов стерлингов в ценах 1700 года равняется примерно миллиону рублей в 2026 году в России.

³ An Act for the better preventing of excessive and deceitful Gaming: 9 Anne, 1710 Chapter 14 // The Statutes at Large: from the Magna Charta, to the End of the Last Parliament, 1761 / ed. by D. Pickering. – Cambridge: Joseph Bentham, 1764. – Vol. 12. – P. 266–268. – URL: <https://vlex.co.uk/vid/gaming-act-1710-842483414> (дата обращения: 01.03.2026).

⁴ An Act for the more effectual preventing of excessive and deceitful gaming: 12 George II, 1739 Chapter 28. – [London]: [Thomas Baskett], 1739. – 4 p. – URL: <https://catalog.folger.edu/record/786064> (дата обращения: 01.03.2026).

⁵ An Act to amend the Law concerning Games and Wagers (Gaming Act 1845): 8 & 9 Victoria, 1845 Chapter 109 // The Public General Statutes. – London: George E. Eyre and William Spottiswoode, 1845. – Vol. 18–19. – P. 765–768. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/8-9/109/1991-02-01> (дата обращения: 01.03.2026).

⁶ An Act for the Suppression of Gaming Houses (Gaming Houses Act 1854): 17 & 18 Victoria, 1854 Chapter 38 // The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. – London: George E. Eyre and William Spottiswoode, 1854. – Vol. 94. – P. 204–206. – URL: <https://vlex.co.uk/vid/gaming-houses-act-1854-808330885> (дата обращения: 01.03.2026).

к ущербу и деморализации людей недальновидных, путем открытия мест, называемых беттинговыми домами или конторами». Они принимали деньги вперед на обещание выплатить выигрыш по итогам скачек.

Закон же объявил незаконным содержание любого дома, офиса или иного места для заключения пари с лицами, туда приходящими, или для приема денег в качестве задатка под будущие выплаты на скачках и иных состязаниях, приравняв эти места к игорным домам (common gaming houses), на которые распространяет свое действие Акт 1845 года.

Следует обратить внимание и на небольшой по объему, но значительный по своему правовому содержанию Акт 1892 года (Gaming Act: 55 & 56 Vict.c. 9)¹. Чтобы понять значение этого закона, нужно обратиться к прецеденту, который его вызвал. После принятия Gaming Act 1845 года, объявившего пари «ничтожными» (void), суды столкнулись с вопросом: что делать с отношениями между принципом (игроком) и агентом (букмекером или посредником), который заключал пари за свой счет, но по поручению клиента. В деле Read v. Anderson (1884 год) английский суд постановил, что, хотя само пари не имеет исковой силы, отношения между игроком и агентом – это отдельный договор поручения (agency). Если агент (букмекер) по просьбе клиента заключил пари и заплатил проигрыш из своего кармана, он имеет право взыскать эти деньги с клиента как обычный долг. Суд счел, что обязательство клиента возместить агенту уплаченную сумму не подпадает под действие Gaming Act 1845 [12, с. 38].

В свою очередь, Акт 1892 года объявил ничтожным (null and void) любое обещание (прямое или подразумеваемое) выплатить лицу деньги, уплаченные им по договору пари, который является недействительным согласно Gaming Act 1845 года, а также ввел запрет на взыскание комиссий и вознаграждений: Закон также запретил требовать любые комиссии, гонорары или вознаграждения в связи с таким пари или услугами по его организации. Тем самым, данный Акт надлежащим образом уточнил режим натурального обязательства в сфере любых обязательств, связанных с азартной игрой или пари.

Подводя промежуточные итоги, следует сделать вывод о том, что британское законодательство об азартных играх с XVII по XIX в. прошло путь от точечных запретов, вызванных необходимостью реакции на моральные проблемы общества (акты 1664 и 1698 годов), к стройной системе, сочетающей частноправовые и уголовно-правовые механизмы. Эволюция частного права завершилась к концу XIX в. полным исключением судебной защиты для игорных долгов: если первые Акты (1710 и 1739 годов) лишь лишали силы долговые расписки, то Gaming Act 1845 объявил ничтожными сами договоры пари, а Gaming Act 1892 запретил взыскивать даже комиссии посредников, полностью превратив игорный долг в «естественное» обязательство. Параллельно усиливался уголовно-полицейский контроль, направленный на организаторов игры, при этом законодатель прагматично перешел от системы общественных информаторов к расширению полицейских функций и полномочий.

Правовое регулирование азартных игр и пари в России в XVII–XIX в.

Примеры наиболее раннего законодательного регулирования азартных игр и пари можно отнести к середине XVI века: «Первые упоминание об азартных играх содержится в Стоглаве – сборнике постановлений церковно-земского Собора, состоявшегося в 1551 году в Москве. Так, игры в кости запрещаются наряду с играми в шашки, шахматы, игрой на различных музыкальных инструментах как противоправные религиозному духу, как пережитки язычества» [5].

Однако последующие исторические события в виде Смутного времени повлекли за собой изменения в правовом регулировании. Так, существенные новшества в регулировании произошли в начале XVII века. Период правления первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича (1613–1645) характеризуется уникальным для российской истории подходом к азартным играм: фискальным экспериментом, при котором государство не запрещало игры, а пыталось извлечь из них максимальную прибыль через систему откупов [3, с. 14].

Фактически, государь попытался совместить запрет с системой откупов. Существовали так называемые «откупные зерни» – игорные дома, работающие абсолютно легально. При этом поступления в казну были весьма существенны, к примеру – в Нижнем Новгороде размер «откупа» в 1618 году составлял 17 рублей, а в 1626 года – уже 200 руб-

лей [3, с. 23]. Данная система вызвана постоянным противостоянием откупщиков (сборщиков откупа) и предпринимателей. Последние – регулярно направляли воеводам жалобы на то, что цена откупа постоянно растет [2, с. 310–315, 324]. При этом, церковь в свою очередь, противостояла политике государства. К примеру, указ Патриарха Филарета 1627 года порицал «любые игрища»².

Соборное уложение 1649 года³, принятое в царствование Алексея Михайловича, стало переломным моментом в российской истории регулирования азартных игр. Уложение ознаменовало переход от фискальной эксплуатации игр (при Михаиле Федоровиче) к ужесточению их криминализации.

Отметим, что укрепившееся мнение о том, что Соборное уложение 1649 г. полностью запретило азартные игры не совсем верно. Так, суровые наказания были введены для тех игроков, чья деятельность привела к иным преступлениям. Основные положения содержатся в главе XXI «О розбойных и о татинных делах», и предусматривают систему мер: от членовредительства и лишения дохода в пользу государства, до смертной казни [1]. Игра часто рассматривается как криминогенный фактор, либо же какотягающее обстоятельство [3, с. 18]. Отметим, что свидетельство об отмене системы откупов, существовавшей ранее, Соборное Уложение не содержит.

Допустимо сделать вывод о том, что правовое регулирование представляло собой балансирование между социальными интересами общества (в виде защиты граждан от преступлений, связанных с азартом), и необходимостью регулярного и стабильного пополнения государственной казны за счет фискальной политики по взиманию откупов с игорных заведений.

Особо следует рассмотреть изменения, которые были привнесены в законодательство в рамках правления Петра I. Одними из первых законодательных актов исследуемой проблематики были «Наказные статьи Нерчинским воеводам» от 18 февраля 1696 года⁴. Данные указы были предназначены воеводам приграничных территорий. Новеллой является то, что Петр I указал в перечне товаров, подлежащих изъятию в казну, игральные карты. Так, карты предписывалось «на торгу сжечь». Это первый известный документ Петра, где карты рассматриваются как контрабандный товар, подлежащий уничтожению, а не обложению пошлиной (ранее – облагались пошлиной).

Частичное регулирование азартных игр отражено и в Артикуле воинском 1715 года⁵. Наказывались предосудительные и преступные последствия игры: пьянство (артикулы 42–43) – офицер подлежал отставке, солдат – наказывался поркой. Особые наказания были введены для случая, если для игры был продан или заложен мундир или оружие (артикул 59): военный, совершивший такое впервые, подвергался наказанию шпицрутенами и был обязан возместить утраченное, а тот, кто принимал от солдата такие вещи, обязан был вернуть их безденежно и уплатить штраф в тройном размере либо также подвергался наказанию шпицрутенами.

Аналогичное регулирование отражено и для флота: «Запрещается играть в карты, в кости и в прочие игры на деньги, под штрафом» – указано в книге IV, главе I, артикуле 19 Морского устава 1717 года⁶.

В последующем вектор регулирования не изменился. Именным Указом «О неигрании в деньги» от 17 декабря от 1717 года был подтвержден запрет на азартные игры под угрозой трехкратного штрафа от суммы, участвующей в игре, а «шинки, зернь, картежные игры и другие похабства, и всякие такие мерзости» предполагалось «полностью исключить»⁷. Это первый документ, которым установлен запрет азартных игр для всего населения, а не только для военных или моряков.

Среди выводов по итогам регулирования игр и пари законодательством Петра I, следует выделить важный факт: Петр смотрел на азартные игры прежде всего как на угрозу боеспособности армии и флота.

² Законодательные акты русского государства: Тексты. – Л., 1986. – С. 137. – № 164

³ Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / Академия наук СССР, Институт истории СССР, Ленинградское отделение; подготовка текста Л.И. Ивиной; комментарии Г.В. Абрамовича [и др.]; руководитель авторского коллектива А.Г. Маньков. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1987. – 448 с.

⁴ Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ): Собр. 1: С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Т. 3: 1689–1699. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. № 1542

⁵ Артикул воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. Москва: Юридическая литература, 1986. – С. 327–389.

⁶ Книга Устав морской: о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. – Санкт-Петербург: При Сенате, 1720. – [14], 326 с.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5: 1713–1719. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. № 3135

¹ An Act to amend the Act of the eighth and ninth Victoria, chapter one hundred and nine, intituled “An Act to amend the Law concerning Games and Wagers” (Gaming Act 1892): 55 & 56 Victoria, 1892 Chapter 9 // The Law Reports: The Public General Statutes. – London: Council of Law Reporting, 1892. – Vol. 29. – P. 22–23. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/55-56/9/1991-02-01> (дата обращения: 01.03.2026)

Отсюда – акцент на наказании за утрату оружия и амуниции, а не на защите имущества подданных.

Кроме того, регулирование до данного момента по-прежнему не содержит каких-либо частноправовых аспектов. Никак не характеризуется ни долг из игры, ни заем для игры. В отличие от Англии (где уже появились акты о недействительности игорных долгов), Россия петровского времени еще не знала института «неискового характера» пари. Долги либо взыскивались по обычным правилам, либо вообще не попадали в поле зрения закона.

Идеи Петра Великого были подтверждены Указом Анны Иоанновны от 23 января 1733 года «О запрете, по силе указа 1717 года, играть на деньги». В нем объявлялось: «Чтобы никто, съезжаясь в партикулярных и вольных домах, как в деньги, так и на пожитки, дворы и деревни и на людей ни в какую игру отнюдь не играл»¹. Обоснованием данного тезиса в первую очередь служила отсылка к аморальности данных действий и «погибель людской души» вследствие азартных игр. Впервые с правовой точки зрения закрепляется институт информаторов: сумма штрафа не просто взыскивается в пользу казны, но и ее часть передается информатору – «доносителю».

Следующим актом нормативно-правового регулирования игр и пари стал Указ 1761 года, изданный Елизаветой I. Важность данного документа заключается, во-первых, в использовании дефиниции «азартная игра» и, во-вторых, в делении этих игр на разрешенные и остающиеся под запретом. Так, разрешалась игра, которая устраивалась с целью увеселения, а не получения выигрыша: «Позволяется употреблять игры в азартных дворянских домах; только ж не на большие, но на самые малые суммы денег, не для выигрыша, но единственно для провождения времени»².

Далее, 8 апреля 1782 года был принят Устав Благочиния, который подразумевал деление «газартных»³ игр на разрешенные и запрещенные по критерию цели проведения (статья 67). Отметим, что в отечественном законодательстве этот критерий был сформулирован практически на 70 лет раньше, чем в законодательстве Англии.

Под запрет попала деятельность по организации игорных домов и участию в играх, с целью получения от нее единственного дохода для пропитания, пособничество в игре, воровство и мошенничество в процессе игры (статья 215 Устава). Наказания же представляли собой заключение в смиренный дом на срок не более недели, либо взыскание «пени» в размере, кратном суточному содержанию в смиренном доме (для игрока – 1 суточное содержание, для организатора игорного дома 6 содержаний, указано в пункте 1) и пункте 2) статьи 257 Устава).

Кроме того, уже упомянутая ранее статья 67 в системном толковании со статьями 215 и 256 Устава не допускали защиту судебных требований, возникающих из запрещенных игр уже в рамках гражданско-правовых отношений. Указано, что «иск уничтожался» лишь из требований по запрещенным играм, разрешенные же пользовались судебной защитой.

Фактически имело место наделение обязательств, вытекающих из азартной игры, формой «натурального обязательства» – уплаченное по такой игре взысканию не подлежит, равно как и не может быть осуществлено взыскание проигранного. Помимо этого, развивается и фискальная политика – карточные колоды клеймят, сбор направляется в казну (аналог современной акцизы). Штраф за участие в недозволенных играх также направляется частично доносителю.

При Екатерине II формируется прообраз последующей системы: государство формирует структуру регулирования, позволяющую одновременно зарабатывать на легальном досуге подданных, но и при этом иметь рычаги уголовного принуждения в целях ограничения азартных игр и игорных домов.

Свод законов Российской империи (далее – Свод), впервые изданный в 1832 году и введенный в действие с 1 января 1835 года, стал ключевым этапом в систематизации российского законодательства об азартных играх. Для рассмотрения была выбрана редакция от 1857 года, в которой уже надлежащим образом были сформированы и правовые нормы о гражданско-правовой сути пари и игр, и об их уголовно-правовом запрете. Нормы, регулирующие игорную деятельность, были распределены по различным томам Свода в зависимости от отраслевой принадлежности. Основные положения содержались в томе X (гражданские законы) и томе XV (Уложение о наказаниях).

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 9: 1733–1736. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. № 6313.

² ПСЗРИ. Собр. 1.: С 1649 по 12 декабря 1825 года. – Т. 15: 1758–26 июня 1762. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. № 11.275

³ Именно такой термин содержится в документе

Для анализа норм гражданско-правовой направленности Свод законов гражданских (Том X, часть I Свода Законов Российской империи) в редакции 1857 года⁴ стал базовым документов вплоть до разработки Проекта гражданского уложения (выходя за временные рамки исследования – концепции, заложенные в редакции 1857 года отражены и в современном Гражданском кодексе Российской Федерации). Так, примеру был закреплен режим натурального обязательства для всех обязательств, связанных с азартной игрой или пари, а также из самой игры. К примеру: «Заем почитается ничтожным, если по судебному рассмотрению найдет будет: 3) что он произошел по игре или произведен для игры с ведома о том займодавца» (ст. 2014). Однако, если заем совершен для игры, но без ведома займодавца, то он является действительным (ст. 2019)

Согласно статьям 1329–1335 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных⁵ в публично-правовом смысле сохранилось деление игр на азартные (запрещенные) и коммерческие (дозволенные), впервые законодательно закрепленное указом 1761 года. Важно то, что согласно материалам судебной практики, лишь суд вправе отнести игру к запрещенной либо не запрещенной, с учетом конкретных обстоятельств дела⁶. К примеру, статья 1330 гласит: «Те, которые, вопреки изданным о сем постановлении примут какое либо участие в запрещенных играх в карты, кости и т.п., подвергаются за сие: ...».

Это прямо означает, что Свод в редакции 1857 года не только признает деление игр на разрешенные и запрещенные, но и прямо указывает на необходимость применения ранее изданных законоположений в целях определения – дозволена игра или нет. Кроме того, под угрозой существенной санкции запрещена организация игорных домов – предусмотрено наказание за совершенное преступление впервые в размере от 300 до 500 рублей (ст. 1331). Запрещено и проведения лотерей, без надлежащего разрешения от правительства, за данное преступление установлен штраф в размере 20% от суммы, вырученной от продажи билетов (ст. 1333).

Так или иначе, азартные игры, игорные дома, карточные дома и тализаторы на постоянной основе имели место на всей территории Российской Империи. Рамс, тресет, мушка, памфлет, стуколка, пикет, фараон, вист – все эти карточные игры были распространены в Российской Империи, люди проигрывали деньги, поместья и крестьян, и все это происходило несмотря на строгое регулирование со стороны государства.

Безусловно, возможное регулирование данных отношений с гражданско-правовой точки зрения возымело бы определенный успех, а в случае детальной проработки налоговой стороны вопроса – привело бы дополнительному финансированию государства в грядущий сложный период передела империалистического мира.

Таким образом, исторический путь развития регулирования игр и пари в Российском государстве в период с XVII века и вплоть до конца XIX века представляет собой эволюционное развитие, с постоянной реакцией на реальные общественные отношения. Так, если публичное право (указы и запреты) регулировало игру и пари как общественно опасное деяние, то гражданское право долгое время игнорировало ее как источник обязательств. Однако к рубежу XIX–XX веков российская цивилистика подошла к созданию стройной законоправовой концепции игр и пари, вершиной которой стал Проект Гражданского уложения.

Исторический путь регулирования азартных игр в России демонстрирует сложную эволюцию государственной политики – от полного отрицания, продиктованного религиозной моралью, к попыткам прагматичной дифференциации и, наконец, к формированию частного правовых конструкций, которые фактически действуют и по сей день.

Заключение

Сопоставление пути развития российского законодательства об играх и пари с развитием английского права той же направленности на протяжении трех столетий – с XVII по XIX в. позволяет сделать следующие выводы:

1. И регулировании в Англии, и регулирование в России развивалось в изоляции друг от друга, в абсолютно разной правовой традиции. При этом обе системы к концу XIX века пришли к сходному результату:

⁴ Сводъ законовъ Россійской имперіи. Томъ десятый. Часть I. Законы гражданскіе. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии., 1857. С. 402–403.

⁵ Сводъ законовъ Россійской имперіи. Томъ пятнадцатый. Законы уголовные. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии., 1857. С. 349–350.

⁶ Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 года) с подробным предметным, алфавитным и построчным указателями за 1870 г. №№ 910–1301 / издатель Л.М. Ротенберг. – Екатеринбург: Типография Книгоиздательства Л.М. Ротенберга, 1903. – С. 1976

игорный долг был лишен судебной защиты, а организация нелегальной игры криминализована. В Англии это закрепил Gaming Act 1845, в России – Свод законов Российской империи, комплексно отражающий и частнопредварительное, и уголовноправовое регулирование, а также вопросы фискальной политики государства.

2. В Англии частнопредварительное регулирование прошло путь от недействительности долговых расписок (акты 1710 и 1739 годов) к полному исключению судебной защиты для всех договоров пари (Gaming Act 1845) и, наконец, к запрету на взывание комиссий посредников (Gaming Act 1892). В России аналогичная эволюция заняла более длительный период: от полного отсутствия гражданско-правового регулирования в XVII–XVIII веках (долги либо взыскивались по обычным правилам, либо игнорировались правом) через закрепление в Уставе благочиния 1782 г. недействительности долгов лишь по запрещенным играм к формированию в Своде законов Российской империи единого подхода – все игорные долги объявлялись безденежными и не подлежащими взысканию. Таким образом, обе системы к началу XX века признали за игорным долгом статус «натурального обязательства», которое может быть исполнено добровольно, но не обеспечивается принудительной силой государства.

3. И в Англии, и в России государство последовательно проводило политику компромисса между обеспечением социального благополучия и доходами государства от игорного дела: публично осуждая азартные игры как безнравственное явление, правительство активно извлекало из них фискальную выгоду. В Англии это проявилось в поощрении доносивших (часть штрафа шла информатору) и, позднее, в легализации тотализаторов на ипподромах. В России фискальная составляющая была выражена ярче: от формирования системы откупов при Михаиле Федоровиче (1613–1645 годы) до введения клеймения игровых карт при Екатерине II (1766 год). При этом государство одновременно преследовало «нелегальную» игру и получало стабильный доход от «легальной» (через пошлины, сборы, штрафы). Данная двойственность сохранялась на всем протяжении исследуемого периода, свидетельствуя о прагматизме власти, стремившейся сочетать моральное порицание с фискальными интересами.

В части отечественного законодательства можно сделать дополнительный вывод – к концу XIX века отечественная правовая материя не уступала по своей проработке системе статутного права Англии.

Литература

1. Бычков, В. О татевных и разбойных делах по уложению царя Алексея Михайловича 1649 года сравнительно с новоуказными статьями 1669 года / В. Бычков // *Временник Демидовского Юридического лицея*. – Ярославль, 1892. – Кн. 56.
2. Веселовский, С.Б. Московское государство: XV–XVII вв.: из научного наследия / С.Б. Веселовский. – Москва: АИРО-XXI, 2008. – 384 с. – ISBN 978-5-91022-065-8.
3. Ковтун, Е.В. История правового регулирования азартных игр в России / Е.В. Ковтун. – Москва: ИПЦ «Маска», 2009. – 240 с. – ISBN 978-5-91146-255-0.
4. Молодых А.И. Правовое регулирование азартных игр в XIX веке в России // *История государства и права*. – 2007. – № 18.
5. Сохан, А.В. Правовое регулирование азартных игр в России с древнейших времен до конца XVIII в. / А.В. Сохан // *История государства и права*. – 2010. – № 7. – С. 47–48.
6. Шевцов В.В. Карточные игры в общественном быту (конца XVI – начала XIX вв.) // *Всероссийская научная конференция «Бренное и вечное»*. Вып. 3. – В. Новгород, 2001.
7. Barnhart, R.T. *Gamblers of Yesteryear* / R.T. Barnhart. – Las Vegas: Gambler's Book Club, 1983. – 384 p.
8. Eglin, J. *The Gambling Century: Commercial Gaming in Britain from Restoration to Regency* / J. Eglin. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 320 p. – ISBN 978-0-19-288819-6.
9. *Gaming Contracts* // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. – London: Palgrave Macmillan, 1987. – Vol. 2. – P. 485–486. – ISBN 978-0-333-37235-7.
10. House of Lords Journal Volume 11: 21 April 1664 // *Journal of the House of Lords*: in 64 vol. – London: His Majesty's Stationery Office, 1767–1830. – Vol. 11: 1660–1666. – P. 597–598. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/lords-jrnl/vol11/pp597-598> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Mint 18, № 56. A Proclamation against deceitfull and unlawful gaming [Electronic resource] // *Newton and the Mint*: [website]. – University of Oxford. – URL: <https://newtonandthemint.history.ox.ac.uk/transcriptions/diplomatic/MINT01856> (дата обращения: 01.03.2026).

12. Rowsell, H. W. A guide to the law of betting civil & criminal / H.W. Rowsell, C.G. Moran. – London: Butterworth, 1911. – xiii, 170 p. – URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/007663360> (дата обращения: 01.03.2026).

13. Schwartz, D.G. *Roll the Bones: The History of Gambling* / D.G. Schwartz. – New York: Gotham Books, 2006. – 570 p.

14. Sharpe, G. *Gambling's Strangest Moments: extraordinary but true stories from over 150 years of gambling history* / G. Sharpe. – London: Robson Collection, 2005. – 370 p. – (Strangest moments series).

15. Uglow, J. A *Gambling Man: Charles II and the Restoration, 1660–1670* / J. Uglow. – London: Faber and Faber, 2009. – 580 p.

16. Wykes, A. *The complete illustrated guide to gambling* / A. Wykes. – Garden City, N.Y.: Doubleday, 1964. – 289 p.

A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE REGULATION OF GAMBLING IN ENGLAND AND RUSSIA (17TH – LATE 19TH CENTURY): FROM PROHIBITION TO NATURAL OBLIGATION

Lobachev E.D.

Baykal State University

This study presents a comparative analysis of the legal regulation of gambling in England and Russia from the 17th to the early 20th century. Fundamental differences in the legal genesis are identified: the English system evolved «from below» – through judicial precedents and Parliament's targeted responses to specific abuses (cheating, ruin of the aristocracy), whereas Russian law developed «from above» – through imperial decrees reflecting the monarch's will. Despite this, by the end of the 19th century, both systems arrived at a similar outcome: gambling debts were deprived of judicial protection, acquiring the status of «natural obligations.» and the organization of illegal gambling was criminalized. In England, this approach was consolidated by the Gaming Act 1845; in Russia, by the Code of Laws of the Russian Empire. Special attention is paid to the evolution of the private law approach: from the complete denial of obligations arising from games to the recognition of their non-actionable nature. The dual role of the state is noted, combining moral condemnation of gambling with fiscal benefit from its legal exploitation. These findings provide a deeper understanding of the historical roots of modern approaches to gambling regulation.

Keywords: gambling, legal regulation of gambling, legal regulation of wagers, bookmakers, English law, comparative analysis of legal regulation, gambling debt; natural obligation.

References

1. Bychkov, V. About tateb and robbery cases according to the code of Tsar Alexei Mikhailovich of 1649 in comparison with the new decree articles of 1669 / V. Bychkov // *Temporality of the Demidov Legal Lyceum*. – Yaroslavl, 1892. – Book. 56.
2. Veselovsky, S.B. *Moscow State: XV–XVII centuries: from scientific heritage* / S.B. Veselovsky. – Moscow: АИРО-XXI, 2008. – 384 p. – ISBN 978-5-91022-065-8.
3. Kovtun, E.V. *History of legal regulation of gambling in Russia* / E.V. Kovtun. – Moscow: IPC «Mask», 2009. – 240 p. – ISBN 978-5-91146-255-0.
4. Molodykh A.I. *Legal regulation of gambling in the 19th century in Russia* // *History of State and Law*. – 2007. – № 18.
5. Sokhan, A.V. *Legal regulation of gambling in Russia from ancient times to the end of the 18th century* / A.V. Sokhan // *History of state and law*. – 2010. – № 7. – P. 47–48.
6. Shevtsov V.V. *Card games in public life (late 16th – early 19th centuries)* // *All-Russian scientific conference «Perishable and Eternal»*. Vol. 3. – V. Novgorod, 2001.
7. Barnhart, R.T. *Gamblers of Yesteryear* / R.T. Barnhart. – Las Vegas: Gambler's Book Club, 1983. – 384 p.
8. Eglin, J. *The Gambling Century: Commercial Gaming in Britain from Restoration to Regency* / J. Eglin. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 320 p. – ISBN 978-0-19-288819-6.
9. *Gaming Contracts* // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. – London: Palgrave Macmillan, 1987. – Vol. 2. – P. 485–486. – ISBN 978-0-333-37235-7.
10. House of Lords Journal Volume 11: 21 April 1664 // *Journal of the House of Lords*: in 64 vol. – London: His Majesty's Stationery Office, 1767–1830. – Vol. 11: 1660–1666. – P. 597–598. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/lords-jrnl/vol11/pp597-598> (access date: 03/01/2026).
11. Mint 18, № 56. A Proclamation against deceitfull and offensive gaming [Electronic resource] // *Newton and the Mint*: [website]. – University of Oxford. – URL: <https://newtonandthemint.history.ox.ac.uk/transcriptions/diplomatic/MINT01856> (access date: 03/01/2026).
12. Rowsell, H. W. A guide to the law of betting civil & criminal / H.W. Rowsell, C.G. Moran. – London: Butterworth, 1911. – xiii, 170 p. – URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/007663360> (access date: 03/01/2026).
13. Schwartz, D.G. *Roll the Bones: The History of Gambling* / D.G. Schwartz. – New York: Gotham Books, 2006. – 570 p.
14. Sharpe, G. *Gambling's Strangest Moments: extraordinary but true stories from over 150 years of gambling history* / G. Sharpe. – London: Robson Collection, 2005. – 370 p. – (Stranger moments series).
15. Uglow, J. A *Gambling Man: Charles II and the Restoration, 1660–1670* / J. Uglow. – London: Faber and Faber, 2009. – 580 p.
16. Wykes, A. *The complete illustrated guide to gambling* / A. Wykes. – Garden City, N.Y.: Doubleday, 1964. – 289 p.

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как фактор повышения эффективности бюджетной поддержки предпринимательства

Кочарян Ашот Юрьевич,

аспирант кафедры конституционного, административного и финансового права, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»
E-mail: ashkochare@ya.ru

Статья посвящена теоретико-правовому исследованию проблем правового регулирования использования данных государственного контроля (надзора) и технологий искусственного интеллекта при принятии решений о предоставлении бюджетной поддержки субъектам предпринимательства. Актуальность темы обусловлена масштабной цифровизацией публичного управления, внедрением нейросетевых моделей в процессы формирования и исполнения федерального бюджета, а также отсутствием специальных норм, определяющих правовой статус алгоритмических решений и порядок их обжалования.

Цель исследования – обоснование межотраслевой концепции интеграции цифрового контроля и институтов бюджетной поддержки предпринимательства, включая формирование института цифровой апелляции.

В результате исследования выявлены системные правовые барьеры: межотраслевая фрагментация регулирования, отсутствие нормативного механизма легального использования данных цифрового профиля контролируемого лица и риск-ориентированных моделей при распределении бюджетных ассигнований, а также риски «алгоритмической дискреции». Автором разработана концепция единого правового контура, в котором информация, полученная в рамках государственного контроля (надзора), приобретает юридическое значение для целей бюджетного процесса. Обоснована необходимость создания института цифровой апелляции на основе принципа прозрачности алгоритма (Explainable AI), позволяющего оспаривать не только само решение, но и лежащие в его основе алгоритмические параметры. Сформулированы предложения de lege ferenda по внесению изменений в Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Бюджетный кодекс Российской Федерации, направленные на установление правовых основ использования данных государственных информационных систем при принятии решений о предоставлении бюджетной поддержки и определение порядка ответственности публичных органов за действия автоматизированных систем.

Доказана необходимость формирования в доктрине публичного права концепции алгоритмической легитимности публичной власти. Внедрение предложенной модели позволит существенно снизить коррупционные риски, административную нагрузку на бизнес и повысить эффективность, предсказуемость и прозрачность государственной поддержки предпринимательства.

Ключевые слова: цифровизация государственного контроля (надзора), искусственный интеллект в публичном управлении, бюджетная поддержка предпринимательства, цифровая апелляция, алгоритмическая легитимность, Explainable AI, риск-ориентированный контроль, цифровой профиль контролируемого лица, межотраслевая интеграция, правовая определённость.

Введение

Модернизация института государственного контроля (надзора) в условиях масштабной цифровизации публичного управления и реализации Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года актуализировала проблему правовой определённости решений, принимаемых с использованием технологий искусственного интеллекта.[1] В 2025 году Минфин России впервые применил нейросетевые модели для верификации прогнозов доходов федерального бюджета и анализа целевых показателей государственных программ. Однако действующее законодательство до сих пор не содержит специальных норм, определяющих правовой статус алгоритмических решений и порядок их обжалования.[2]

Алгоритмические системы уже фактически участвуют в распределении бюджетных средств и осуществлении контрольно-надзорной деятельности, оставаясь при этом вне полноценного правового регулирования. Отсутствие норм, закрепляющих пределы делегирования публичных полномочий программно-аппаратным комплексам, а также механизмов ответственности публичных органов за ошибочные или непрозрачные алгоритмические решения, порождает риски нарушения прав предпринимателей и снижения легитимности бюджетного процесса.

Степень разработанности проблемы. Теоретические основы цифровизации государственного контроля рассматривались в работах Д.С. Стенькина, Д.Р. Алимпеева, А.В. Мартынова, С.М. Зырянова и др. Вопросы применения искусственного интеллекта в публичном управлении анализировались О.В. Беляевой, Е.В. Алферовой и другими авторами. Отдельные аспекты трансформации бюджетного процесса в цифровой среде исследовались Е.А. Федченко, Е.В. Покачаловой и представителями финансово-правовой школы. Вместе с тем в указанных работах практически не затрагивались вопросы правового статуса алгоритмических решений именно при предоставлении бюджетной поддержки предпринимательства, а также проблемы формирования специальных процессуальных гарантий для субъектов предпринимательской деятельности в условиях использования технологий искусственного интеллекта. До настоящего времени в отечественной юридической науке отсутствует комплексное межотраслевое исследование, посвящённое интеграции данных государственного контроля (надзора) в процессы распределения бюджетных ассигнований.

Научная новизна исследования заключается в обосновании межотраслевой концепции интеграции цифрового контроля и институтов бюджетной поддержки предпринимательства. Впервые в юридической науке:

- разработана концепция единого правового контура, в котором информация, полученная в рамках государственного контроля (надзора), приобретает юридическое значение для целей бюджетного процесса;
- обоснована необходимость создания института цифровой апелляции на основе принципа прозрачности алгоритма (Explainable AI);
- сформулирована концепция алгоритмической легитимности публичной власти применительно к сфере распределения бюджетной поддержки.

Цель исследования – обоснование межотраслевой концепции интеграции цифрового контроля и институтов бюджетной поддержки предпринимательства, включая формирование института цифровой апелляции.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы.

Системный подход и методы анализа и синтеза позволили рассмотреть цифровизацию контрольно-надзорной деятельности и институт бюджетной поддержки предпринимательства как взаимосвязанные элементы единой системы публично-правового регулирования.

Формально-юридический метод использовался для анализа норм Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ, Бюджетного кодекса Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, выявления правовых пробелов и коллизий в регулировании использования

данных государственного контроля при принятии решений о предоставлении бюджетной поддержки.

Сравнительно-правовой метод применялся при изучении зарубежного опыта[3] правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта в публичном управлении (Европейский союз, Германия, США), что позволило выявить лучшие практики обеспечения прозрачности алгоритмических решений[4] и механизмов их обжалования.

Метод нормативного моделирования стал основным при разработке концепции института цифровой апелляции, определении его процедурных элементов, а также при формулировании конкретных предложений по внесению изменений в законодательство.

Эмпирическую базу исследования составили:

- нормативные правовые акты Российской Федерации (Бюджетный кодекс РФ, Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ, Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ и др.);[5]
- стратегические и программные документы в сфере цифровой экономики и государственного управления;
- материалы правоприменительной практики, включая ежегодные доклады Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей за 2023–2025 годы и отчеты Счетной палаты Российской Федерации по вопросам цифровизации контрольной и бюджетной деятельности.[6]

Литературный обзор

Фундаментальные основы правового регулирования государственного контроля как публично-правового института были заложены в трудах Ю.Н. Старилова и Ю.А. Тихомирова, которые рассматривали контрольную деятельность как важнейшую форму реализации исполнительной власти, обеспечивающую баланс публичных и частных интересов. Классическая доктрина административного права исходила из необходимости четкого законодательного определения компетенции и соблюдения процедурных гарантий.[7, 8]

В современных условиях цифровизации государственного управления значительное внимание уделяется трансформации контрольно-надзорной деятельности. А.В. Мартынов и его соавторы[9] исследуют проблемы использования цифровых технологий в деятельности органов государственного контроля и надзора, акцентируя внимание на необходимости адаптации традиционных форм контроля к условиям цифровой экономики. С.М. Зырянов в монографическом исследовании[10] анализирует государственный контроль (надзор) как развивающийся институт, отмечая тенденцию к его цифровизации и формированию цифровых платформ взаимодействия с контролируемыми лицами. В этих работах преимущественное внимание уделяется организационно-правовым механизмам самого контроля, включая создание государственных информационных систем и риск-ориентированных моделей.

Параллельно в финансово-бюджетном праве развиваются исследования, посвященные правовой природе бюджетных ассигнований, субсидий и грантов. Е.В. Покачалова и представители этой научной школы анализируют вопросы целевого характера бюджетных средств, правовые режимы их предоставления и механизмы финансового контроля. Однако данные исследования сосредоточены преимущественно на финансово-правовых аспектах распределения и возврата бюджетных средств и не интегрируют в анализ информацию, формируемую в рамках цифрового государственного контроля (в том числе данные ГИС ЕРКНМ и цифрового профиля контролируемого лица).

Несмотря на наличие фундаментальных исследований в области административного права, значительное число работ, посвященных цифровизации государственного контроля, и развитую доктрину бюджетного права, в современной юридической науке сохраняется межотраслевая разобщенность. Ни одна из существующих концепций не предлагает целостного правового механизма, обеспечивающего легальное использование данных цифрового профиля контролируемого лица и риск-ориентированных моделей при принятии решений о предоставлении бюджетных ассигнований. Административная дискреция в сфере контроля и финансовая дискреция в сфере бюджетной поддержки существуют параллельно, без нормативно закреплённой взаимосвязи. Это порождает правовые риски как для государства, так и для предпринимателей, и свидетельствует об отсутствии комплексных межотраслевых исследований по теме интеграции цифрового контроля и институтов бюджетной поддержки предпринимательства.

В последние годы появились работы, посвященные более широким аспектам цифровизации государственного управления. Так, М.В. Рязанцева анализирует возможности и риски цифровой трансформации публичного управления.[11] Н.М. Фоменко рассматривает применение искусственного интеллекта в сфере государственно-

го управления.[12] Р.К. Овчаренко исследует влияние цифровизации и искусственного интеллекта на систему государственного управления в России.[13]

Обсуждение

Предложенная в настоящем исследовании межотраслевая концепция интеграции цифрового контроля и институтов бюджетной поддержки предпринимательства направлена на преодоление существующей фрагментации публично-правового регулирования. В отличие от работ А.В. Мартынова и С.М. Зырянова, в которых цифровизация государственного контроля рассматривается преимущественно как инструмент оптимизации контрольно-надзорной деятельности самой по себе, автор исходит из того, что данные, формируемые в рамках риск-ориентированной модели и цифрового профиля контролируемого лица, должны приобретать юридическое значение за пределами собственно контрольных правоотношений – прежде всего при принятии решений о предоставлении бюджетных ассигнований.

Критический анализ позиций, представленных в финансово-бюджетном праве, показывает, что традиционный подход, при котором оценка эффективности использования бюджетных средств осуществляется преимущественно через механизмы последующего финансового контроля, оказывается недостаточным в условиях цифровизации. Как справедливо отмечает Е.В. Покачалова[14], целевой характер бюджетных средств требует надлежащего правового обеспечения на всех стадиях бюджетного процесса. Однако в современных условиях целевой характер бюджетных ассигнований может быть обеспечен не только через классические формы финансового контроля, но и через превентивное использование данных цифрового надзора, что позволяет минимизировать риски нецелевого расходования уже на стадии принятия решения о предоставлении поддержки.

Вместе с тем реализация предлагаемой концепции сопряжена с серьёзными публично-правовыми рисками. Одним из наиболее значимых является риск «алгоритмической дискреции», при которой автоматизированные системы фактически подменяют собой правовую оценку, осуществляемую уполномоченным органом. Когда решение о предоставлении бюджетной поддержки принимается на основании данных цифрового профиля и риск-ориентированных моделей, возникает вопрос о пределах делегирования публичных полномочий программно-аппаратным комплексам и о гарантиях защиты прав предпринимателей от ошибочных или дискриминирующих алгоритмических выводов. Данный риск усугубляется возможностью «цифрового неравенства», при котором субъекты предпринимательства, не обладающие достаточным уровнем технологической интеграции с государственными информационными системами, могут оказаться в неравном положении по сравнению с более «цифровыми» конкурентами.

Предложенный в исследовании институт «цифровой апелляции» призван частично нивелировать указанные риски. Он обеспечивает предпринимателям возможность оспаривать не только само решение, но и лежащие в его основе алгоритмические параметры на основе принципа прозрачности алгоритма (Explainable AI).[15] Однако эффективность данного механизма напрямую зависит от нормативного закрепления принципа Explainable AI применительно к решениям, затрагивающим права на получение бюджетной поддержки.

В этом контексте представляется необходимым дальнейшее развитие доктрины публичного права в направлении формирования концепции «алгоритмической легитимности» публичной власти. Под алгоритмической легитимностью понимается соответствие решений, принимаемых с использованием технологий искусственного интеллекта, требованиям законности, обоснованности, прозрачности и подконтрольности. Данная концепция призвана обеспечить баланс между технологической эффективностью и конституционными гарантиями прав субъектов предпринимательской деятельности.

Ограничением настоящего исследования является его преимущественно теоретико-правовой характер. Для практической реализации межотраслевой модели интеграции цифрового контроля и бюджетной поддержки требуется проведение эмпирических исследований, включая пилотные проекты по использованию данных ГИС ЕРКНМ при принятии решений о предоставлении субсидий и грантов.

Заключение

Проведённое исследование показало, что цифровизация контрольно-надзорной деятельности обладает значительным потенциалом для повышения эффективности, предсказуемости и прозрачности бюджетной поддержки предпринимательства. Однако реализация этого потенциала сдерживается межотраслевой фрагментацией публично-правового регулирования. В действующем законодательстве отсутствует нормативно закреплённый механизм, обеспечивающий легальное использование

данных цифрового профиля контролируемого лица и риск-ориентированных моделей при принятии решений о предоставлении бюджетных ассигнований.

В работе обоснована межотраслевая концепция интеграции цифрового контроля и институтов бюджетной поддержки предпринимательства. Её реализация предполагает формирование единого правового контура, в котором информация, полученная в рамках государственного контроля (надзора), приобретает юридическое значение для целей бюджетного процесса. Ключевыми элементами предложенной модели выступают институт цифровой апелляции как специальный механизм защиты прав предпринимателей при принятии алгоритмических решений и нормативное закрепление принципа прозрачности алгоритма (Explainable AI).

Научная новизна исследования заключается в разработке концепции алгоритмической легитимности публичной власти, под которой понимается соответствие решений, принимаемых с использованием технологий искусственного интеллекта, требованиям законности, обоснованности, прозрачности и подконтрольности. Внедрение предложенной модели позволит существенно снизить коррупционные риски, административную нагрузку на бизнес и повысить эффективность государственной поддержки предпринимательства.

В целях совершенствования законодательства представляется необходимым внесение изменений в Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Бюджетный кодекс Российской Федерации. Дальнейшее развитие публично-правовой доктрины должно быть связано с формированием концепции алгоритмической легитимности публичной власти, обеспечивающей баланс между технологической эффективностью и конституционными гарантиями прав субъектов предпринимательской деятельности.

Литература

1. Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года: распоряжение Правительства РФ от 15.04.2021 № 987-р (с изм. и доп.).
2. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5001.
3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. – L 2024/1689. – 12 July 2024.
4. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Counterfactual Explanations without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR // Harvard Journal of Law & Technology. – 2018. – Vol. 31, № 2. – P. 841–887.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
6. Доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей за 2024 год. – М., 2025. – 312 с.
7. Стариков Ю.Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 1 / Ю.Н. Стариков. – М.: Норма, 2019. – 512 с.
8. Тихомиров Ю.А. Правовая определённость как принцип административного права // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 5–15.
9. Мартынов А.В. Цифровизация государственного контроля (надзора): правовые и организационные проблемы // Административное право и процесс. – 2021. – № 8. – С. 12–18.
10. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор) в условиях цифровой трансформации: монография / С.М. Зырянов. – М.: Юстицинформ, 2023. – 248 с.
11. Рязанцева М.В. Цифровая трансформация государственного управления: возможности и риски // Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 45–52.
12. Фоменко Н.М. Применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления: риски, возможности, перспективы // Правоведение. – 2025. – № 2. – С. 78–89.
13. Овчаренко Р.К. Цифровизация и искусственный интеллект: как новые технологии могут изменить управление в России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2025. – № 1. – С. 56–67.
14. Покачалова Е.В. Финансово-правовое регулирование бюджетных ассигнований: монография / Е.В. Покачалова. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – 276 с.

15. Караманов К.А. Алгоритмическая прозрачность как принцип правового регулирования искусственного интеллекта // Журнал российского права. – 2025. – № 6. – С. 34–42.

DIGITALIZATION OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES AS A FACTOR IN INCREASING THE EFFICIENCY OF BUDGETARY SUPPORT FOR ENTREPRENEURSHIP

Kocharyan A.Yu.

Orel State University named after I.S. Turgenev

The article is devoted to the theoretical and legal study of the problems of legal regulation of the use of state control (supervision) data and artificial intelligence technologies in decision-making on the provision of budget support to business entities. The relevance of the topic is determined by the large-scale digitalization of public administration, the introduction of neural network models into the processes of formation and execution of the federal budget, and the absence of special norms defining the legal status of algorithmic decisions and the procedure for their appeal.

The purpose of the study is to substantiate the inter-branch concept of integration of digital control and institutions of budget support for entrepreneurship, including the formation of the institute of digital appeal.

As a result of the study, systemic legal barriers were identified: inter-branch fragmentation of regulation, the absence of a normative mechanism for the legal use of the controlled person's digital profile data and risk-oriented models in the distribution of budget allocations, as well as the risks of "algorithmic discretion". The author has developed the concept of a single legal contour in which information obtained within the framework of state control (supervision) acquires legal significance for the purposes of the budget process. The necessity of creating the institute of digital appeal based on the principle of algorithm transparency (Explainable AI) is substantiated, allowing to challenge not only the decision itself, but also the algorithmic parameters underlying it. Proposals de lege ferenda have been formulated to amend Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" and the Budget Code of the Russian Federation, aimed at establishing the legal foundations for the use of state information system data in decision-making on the provision of budget support and determining the procedure for the responsibility of public authorities for the actions of automated systems. The necessity of forming the concept of algorithmic legitimacy of public power in the doctrine of public law is proved. The implementation of the proposed model will significantly reduce corruption risks, administrative burden on business and increase the efficiency, predictability and transparency of state support for entrepreneurship.

Keywords: digitalization of state control (supervision), artificial intelligence in public administration, budget support for entrepreneurship, digital appeal, algorithmic legitimacy, Explainable AI, risk-oriented control, digital profile of the controlled person, inter-branch integration, legal certainty.

References

1. The Concept of Improving Control (Supervisory) Activities until 2026: Decree of the Government of the Russian Federation No. 987-r of April 15, 2021 (as amended). (In Russ.).
2. On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (as amended). Collection of Legislation of the Russian Federation, 2020, no. 31, art. 5001. (In Russ.).
3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union, L 2024/1689, 12 July 2024.
4. Wachter S., Mittelstadt B., Russell C. Counterfactual Explanations without Opening the Black Box: Automated Decisions and the GDPR. Harvard Journal of Law & Technology, 2018, vol. 31, no. 2, pp. 841–887.
5. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law No. 145-FZ of July 31, 1998 (as amended). Collection of Legislation of the Russian Federation, 1998, no. 31, art. 3823. (In Russ.).
6. Report of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs under the President of the Russian Federation for 2024. Moscow, 2025. 312 p. (In Russ.).
7. Starilov Yu.N. Administrative Law: in 2 parts. Part 1. Moscow: Norma Publ., 2019. 512 p. (In Russ.).
8. Tikhomirov Yu.A. Legal Certainty as a Principle of Administrative Law. Journal of Russian Law, 2020, no. 5, pp. 5–15. (In Russ.).
9. Martynov A.V. Digitalization of State Control (Supervision): Legal and Organizational Problems. Administrative Law and Process, 2021, no. 8, pp. 12–18. (In Russ.).
10. Zyryanov S.M. State Control (Supervision) in the Context of Digital Transformation: Monograph. Moscow: Yustitsinform Publ., 2023. 248 p. (In Russ.).
11. Ryzantseva M.V. Digital Transformation of Public Administration: Opportunities and Risks. State and Law, 2024, no. 4, pp. 45–52. (In Russ.).
12. Fomenko N.M. Application of Artificial Intelligence in Public Administration: Risks, Opportunities, Prospects. Jurisprudence, 2025, no. 2, pp. 78–89. (In Russ.).
13. Ovcharenko R.K. Digitalization and Artificial Intelligence: How New Technologies Can Change Governance in Russia. Issues of State and Municipal Management, 2025, no. 1, pp. 56–67. (In Russ.).
14. Pokachalova E.V. Financial and Legal Regulation of Budget Allocations: Monograph. Saratov: Saratov State Law Academy Publ., 2022. 276 p. (In Russ.).
15. Karamanov K.A. Algorithmic Transparency as a Principle of Legal Regulation of Artificial Intelligence. Journal of Russian Law, 2025, no. 6, pp. 34–42. (In Russ.).

Особенности регулирования деятельности цифровых платформ в рамках действующего российского законодательства

Логункова Софья Сергеевна,
независимый исследователь
E-mail: sof.logunkova2015@yandex.ru

В статье исследуется комплекс вопросов, связанных с правовым регулированием цифровых платформ в Российской Федерации. Анализируется система дифференцированного правового воздействия, основанная на включении цифровых платформ в специализированные реестры Роскомнадзора. Рассматриваются правовые механизмы, применяемые к владельцам социальных сетей, организаторам распространения информации и новостным агрегаторам. Особое внимание уделяется коллизиям и проблемам правоприменительной практики, вытекающим из различной юрисдикционной принадлежности отечественных и зарубежных цифровых платформ. Формулируются положения о существующих тенденциях и механизмах правового воздействия. Проведенный анализ основан на изучении нормативной правовой базы и современной правоприменительной практики.

Ключевые слова: цифровая платформа, социальная сеть, организатор распространения информации, реестр Роскомнадзора, локализация персональных данных, запрещенная информация, административная ответственность, иностранное лицо.

Стремительный рост влияния цифровых платформ на общественные отношения обуславливает необходимость их системного правового регулирования. В Российской Федерации сформировалась комплексная модель, в основе которой лежат положения Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1] (далее – ФЗ-149). Данный закон не только устанавливает общие принципы для всех участников информационного пространства, но и формирует дифференцированную систему регулирования в зависимости от функциональной роли и степени влияния цифровой платформы.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления сложившейся системы правового воздействия, в рамках которой объем публично-правовых обязанностей цифровой платформы напрямую зависит от ее включения в специализированные реестры Роскомнадзора. Как показывает практика, сосуществование в правовом поле российских и зарубежных платформ создает коллизионные вопросы, связанные с эффективностью применения мер юридической ответственности к иностранным субъектам.

ФЗ-149 формирует дифференцированную систему правового воздействия на цифровые платформы в зависимости от их функционального назначения и объема аудитории. Центральное место в этой системе занимают специализированные реестры, ведение которых осуществляет Роскомнадзор: реестр организаторов распространения информации (ст. 10.1 ФЗ-149), реестр новостных агрегаторов (ст. 10.4 ФЗ-149), реестр социальных сетей (ст. 10.6 ФЗ-149). Включение цифровой платформы в соответствующий реестр влечет возложение на ее владельца или саму платформу дополнительных публично-правовых обязанностей, а также определяет порядок взаимодействия с уполномоченными органами.

Особую актуальность приобретает выявление общих механизмов правового воздействия, распространяемые на все цифровые платформы вне зависимости от включения в реестр Роскомнадзора.

ФЗ-149 выступает основополагающим нормативным правовым актом правового регулирования деятельности всех цифровых платформ и устанавливает общие принципы правового регулирования правоотношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, которые распространяются на все цифровые платформы вне зависимости от их правового статуса.

Цифровая платформа при осуществлении своей деятельности в сети «Интернет» должна руководствоваться принципами, установленными статьей 3 ФЗ-149: свобода поиска и распространения информации любым законным способом; установление ограничений доступа к информации только федеральными законами; обеспечение безопасности Российской Федерации при создании и эксплуатации информационных систем; достоверность информации; неприкосновенность частной жизни.

Независимо от наличия специального реестрового статуса каждая цифровая платформа, функционирующая на территории Российской Федерации, обязана соблюдать запрет на распространение информации, за которую предусмотрена уголовная или административная ответственность (ч. 6 ст. 10 ФЗ-149).

В целях ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создана единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (ст. 15.1 ФЗ-149).

Роскомнадзор как уполномоченный орган осуществляет формирование и ведение реестра, а также (в своей юрисдикции) обращается в суд с требованиями о признании информации запрещенной и с иском о привлечении к административной ответственности.

Основаниями для включения в реестр являются вступившие в законную силу решения суда, а также решения уполномоченных федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции по выявлению запрещенной информации. Роскомнадзор может принимать решения в отношении: информации о порнографии с участием несовершеннолетних, призывах к самоубийству, информации, пропа-

гандирующей нетрадиционные сексуальные отношения, отказ от деторождения, педофилии, смены пола, о способах доступа к заблокированным ресурсам, а также иной информации, отнесенной к его компетенции российским законодательством.

Иные уполномоченные органы принимают решения о признании информации запрещенной в пределах своей компетенции. Генеральный прокурор РФ и его заместители вправе направлять требования о внесудебном ограничении доступа к информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, экстремистской деятельности, недостоверные сведения об использовании Вооруженных Сил РФ и иные сведения, предусмотренные ст. 15.3 ФЗ-149.

Для самих владельцев цифровых платформ ст. 15.1 ФЗ-149 порождает обязанность с момента получения от провайдера хостинга уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети «Интернет» в реестр незамедлительно удалить интернет-страницу, содержащую информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

В случае бездействия владельца цифровой платформы провайдер хостинга ограничивает доступ к сайту в течение суток. В случае непринятия провайдером хостинга и (или) владельцем сайта в сети «Интернет» мер сетевой адрес, позволяющий идентифицировать сайт в сети «Интернет», содержащий информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, включается в реестр. Оператор связи в течение суток обязан ограничить доступ к сайту, сетевой адрес которого включен в реестр.

Административная ответственность для цифровых платформ за нарушение порядка ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, и (или) порядка удаления указанной информации предусмотрена ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ и влечет наложение административного штрафа на юридических лиц – от восьмисот тысяч до четырех миллионов рублей.

Все цифровые платформы, поскольку являются операторами персональных данных, также обязаны соблюдать требования о локализации баз персональных данных граждан Российской Федерации: оператор, осуществляющий обработку персональных данных граждан РФ, обязан обеспечивать запись, систематизацию, накопление, хранение и извлечение таких данных с использованием баз данных, находящихся на территории РФ (ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»). Нарушение данного требования квалифицируется по ч. 8 или ч. 9 ст. 13.11 КоАП РФ.

Также на владельцев цифровых платформ возлагаются обязанности по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, установленные Федеральным законом от 29.12.2010 № 436-ФЗ, включая запрет на распространение среди несовершеннолетних информации, побуждающей к самоубийству, употреблению наркотиков, пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений и т.д.

Механизмом правового регулирования в отношении цифровых платформ, включенных в реестр ОРИ Роскомнадзора выступает статья 10.1 ФЗ-149. В случае соответствия критериям ОРИ, установленным в ч. 1 ст. 10.1, цифровая платформа обязана направить уведомление о начале деятельности в Роскомнадзор в течение 10 рабочих дней со дня получения соответствующего требования.

Обязанности ОРИ, установленные статьей 10.1 ФЗ-149, включают уведомление Роскомнадзора о начале деятельности, хранение на территории РФ информации о фактах приема, передачи и обработки сообщений в течение трех лет и самих сообщений до шести месяцев, предоставление этой информации уполномоченным органам, а также обеспечение технических условий для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Юридическая ответственность в виде наложения административных штрафов за неисполнение этих обязанностей предусмотрена статьей 13.31 КоАП РФ.

Механизмы правового воздействия в отношении цифровых платформ, состоящих в реестре социальных сетей возникают только в случае включения цифровой платформы в реестр социальных сетей Роскомнадзором самостоятельно по результатам мониторинга. Основанием для включения является соответствие критериям, закрепленных в определении «социальная сеть» в п. 1 ч. 1 ст. 10.6 ФЗ-149.

Исключение из реестра производится Роскомнадзором по заявлению владельца при снижении суточной аудитории ниже установленного порога на протяжении трех месяцев, либо самостоятельно при снижении аудитории на протяжении шести месяцев, а также в случае утраты иных признаков социальной сети или прекращения функционирования.

Также в соответствии с п. 3 ч. 11 ст. 10.6 ФЗ-149 Роскомнадзор вправе запрашивать у владельца социальной сети информацию, необходимую для ведения такого реестра. Владелец обязан предоставлять запрашиваемую информацию не позднее чем в течение десяти дней со дня получения запроса.

С момента включения в реестр на цифровую платформу возлагаются обязанности, предусмотренные ст. 10.6 ФЗ-149. Обязанность для владельца социальной сети по осуществлению мониторинга в целях выявления запрещенной информации и незамедлительного ограничения доступа к ней выступает отличительным признаком правового статуса цифровых платформ, которые включены в реестр социальных сетей Роскомнадзора, от цифровых платформ с иным правовым статусом (не включены в реестр социальных сетей Роскомнадзора).

При невозможности самостоятельно оценить степень соответствия информации запрещенной, владелец социальной сети направляет ее в Роскомнадзор и до принятия решения регулятором ограничивает доступ к ней (ч. 5 ст. 10.6 ФЗ-149).

Роскомнадзор вправе также направить владельцу социальной сети предписание об осуществлении мониторинга социальной сети в целях выявления информации, схожей до степени смешения с информацией, меры по удалению которой владелец данной или иной социальной сети обязан принимать на основании ранее направленного требования или уведомления (ч. 18 ст. 10.6 ФЗ-149).

То есть если Роскомнадзор уже направил социальной сети предписание об удалении конкретной запрещенной информации (например, информация о порнографии с участием несовершеннолетних), в дальнейшем он вправе выдать этой же социальной сети предписание о мониторинге информации, схожей до степени смешения. Это означает, что социальная сеть обязана самостоятельно отслеживать появление аналогичного по смыслу и содержанию противоправного контента и блокировать его без дополнительного требования от регулятора.

Роскомнадзор вправе выдавать владельцам социальных сетей обязательные для исполнения предписания: об удалении информации, распространение которой запрещено (ч. 4 ст. 10.6, ч. 7 ст. 15.1 ФЗ-149), о проведении мониторинга и ограничении доступа к противоправному контенту (ст. 10.6 ФЗ-149), а также об исполнении обязанностей, возложенных на организаторов распространения информации (ст. 10.1 ФЗ-149).

Неисполнение обязанностей владельца социальной сети влечет административную ответственность по ст. 13.50 КоАП РФ (в том числе за повторные нарушения с увеличением размера штрафа).

ВКонтакте, Одноклассники, Дзен, Rutube, LiveJournal, Pikabu, Telegram, кроме реестра социальной сети Роскомнадзора также включены в реестр ОРИ (*механизм правового воздействия описан в предыдущем подразделе*), т.е. к ним одновременно применяется совокупность определенных требований, предусмотренных и ст. 10.1, и ст. 10.6 ФЗ-149.

Для цифровой платформы наличие статуса новостного агрегатора влечет обязательства, установленные статьей 10.4 ФЗ-149. Владелец новостного агрегатора обязан, в том числе, проверять достоверность распространяемых общественно значимых сведений до их распространения и незамедлительно прекращать их распространение на основании предписания Роскомнадзора; не допускать сокрытие или фальсификацию общественно значимых сведений, распространение недостоверной информации под видом достоверных сообщений; хранить в течение шести месяцев распространенную новостную информацию и сведения об источнике ее получения, а также обеспечить доступ Роскомнадзора к этой информации.

Неисполнение требований, предъявляемых к новостным агрегаторам, влечет административную ответственность по статье 13.32 КоАП РФ за неисполнение обязанности хранить в течение шести месяцев распространенную им новостную информацию, сведения об источнике ее получения, а также сведения о сроках ее распространения и (или) обязанности обеспечить доступ Роскомнадзору к такой влечет наложение административного штрафа на юридических лиц – от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей.

К цифровым зарубежным платформам (например, Telegram, Pinterest, Twitch, YouTube, Likee) дополнительно применяются специальные механизмы, предусмотренные Федеральным законом от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» (далее – ФЗ-236), так как они включены в перечень иностранных лиц, осуществляющих деятельность в сети «Интернет» на территории Российской Федерации, который ведется Роскомнадзором.

Иностранное лицо, осуществляющее деятельность в сети «Интернет» на территории Российской Федерации, обязано в течение суток с момента регистрации личного кабинета направить с использованием

личного кабинета в Роскомнадзор, заявление о включении сведений о нем и его цифровой платформы в указанный перечень.

Порядок включения в перечень определен ст. 8 ФЗ-236 и включает мониторинг цифровых платформ, направление уведомлений провайдером хостинга для получения данных о цифровой платформе, (подпадающей под критерии, указанные в ч. 1 ст. 4 ФЗ-236), обнаруженной в ходе мониторинга, а затем направление самому владельцу уведомления о включении в перечень иностранных лиц, осуществляющих деятельность в сети «Интернет» на территории Российской Федерации Роскомнадзора цифровой платформы с указанием требований законодательства Российской Федерации, обязательных для соблюдения.

Включение в указанный перечень предусматривает определенный комплекс обязанностей: размещение электронной формы для обращений, регистрация личного кабинета на сайте Роскомнадзора, создание филиала или открытие представительства на территории РФ.

Неисполнение указанных требований влечет применение мер, предусмотренных ст. 9 ФЗ-236, включая запрет на распространение рекламы, ограничение переводов денежных средств, запрет на поисковую выдачу и частичное или полное ограничение доступа к цифровой платформе, а также административную ответственность по ч. 2 ст. 13.49 КоАП РФ.

Таким образом, в Российской Федерации сформирована комплексная система правового воздействия, включающая как универсальные требования, направленные на правовое регулирование всех исследуемых цифровых платформ, так и дифференцированные механизмы, основанные на включении цифровых платформ в специализированные реестры Роскомнадзора, предусмотренных положениями ст. 10.1, ст. 10.4, ст. 10.6 ФЗ-149. Дополнительные механизмы в отношении регулирования деятельности зарубежных цифровых платформ, предусмотренные ФЗ-236, в свою очередь, направлены на преодоление их юридической недостижимости и создание условий для реального исполнения российского законодательства.

При этом, несмотря на наличие развернутой системы правового регулирования, следует отметить существенный недостаток, обусловленный юрисдикционной принадлежностью цифровых платформ. В отношении иностранных платформ, не имеющих официально зарегистрированных представительств на территории Российской Федерации, эффективность применения большинства правовых механизмов (административных штрафов, предписаний, требований о предоставлении сведений) существенно снижается ввиду отсутствия механизмов принудительного исполнения за пределами юрисдикции РФ.

Де-факто единственным инструментом, обеспечивающим реальное пресечение распространения запрещенной информации на таких ресурсах, является блокировка доступа к ним на территории Российской Федерации, осуществляемая операторами связи на основании решений Роскомнадзора или суда. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования механизмов правового воздействия, направленных на повышение эффективности исполнения российского законодательства иностранными цифровыми платформами.

Таким образом, институт реестрового учета, предусмотренный статьями 10.1, 10.4 и 10.6 ФЗ-149 [1], является ключевым механизмом дифференциации. Решение Роскомнадзора о включении в тот или иной реестр служит единственным основанием для приобретения цифровой платформой специального правового статуса и возложения на нее соответствующего комплекса обязанностей.

Следует выделить следующие ключевые аспекты регулирования в зависимости от реестрового статуса:

1. Наименьшая регуляторная нагрузка ложится на цифровые платформы, которые не входят ни в один из специализированных реестров Роскомнадзора – не являются организатором распространения информации, социальной сетью или новостным агрегатором. К таким платформам не применяются дополнительные обязанности, установленные статьями 10.1, 10.4 и 10.6 ФЗ-149 [1], однако они в полном объеме обязаны соблюдать общие требования законодательства: запрет на распространение противоправной информации (ч. 6 ст. 10 ФЗ-149 [1]), обязанность по локализации баз персональных данных российских граждан (ч. 5 ст. 18 Федерального закона № 152-ФЗ [2]) и требования о защите детей от вредной информации (Федеральный закон № 436-ФЗ [5]).

2. Повышенный объем обязанностей возлагается на цифровые платформы, включенные в один из реестров Роскомнадзора – только в реестр организаторов распространения информации (ОРИ) либо только в реестр социальных сетей. Статус ОРИ обязывает хранить на территории РФ данные о приеме и передаче сообщений и предоставлять их правоохранительным органам, а статус социальной се-

ти – осуществлять самостоятельный мониторинг и блокировку запрещенного контента.

3. Наибольшая регуляторная нагрузка приходится на цифровые платформы, обладающие множественным реестровым статусом, одновременно состоящие в реестре социальных сетей, реестре ОРИ и (или) реестре новостных агрегаторов. К таким платформам, как ВКонтакте, Одноклассники, Дзен, Rutube, Telegram, применяется совокупность требований, включая мониторинг контента, хранение данных о коммуникации пользователей, а для новостных агрегаторов – дополнительно проверку достоверности общественно значимых сведений до их распространения.

На основании проведенного анализа можно заключить, что в Российской Федерации сформировался целостный механизм регулирования цифровых платформ, основанный на принципах пропорциональности и функциональной дифференциации. Правовое воздействие реализуется через комбинацию универсальных и специальных норм, позволяющих учитывать особенности функционирования как отечественных, так и зарубежных участников рынка. Дальнейшее совершенствование законодательства должно быть направлено на повышение практической эффективности исполнения требований национального законодательства всеми субъектами, осуществляющими деятельность в российском цифровом пространстве.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.
3. Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2021. – № 27 (ч. 1). – Ст. 5094.
4. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 48.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
6. Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // Собрание законодательства РФ. – 05.11.2012. – № 45. – Ст. 6241.
7. Полякова Т.А., Минбалева А.В., Крохина Ю.В. Правовое регулирование цифровых платформ: опыт России и зарубежных стран // Государство и право. – 2022. – № 6. – С. 42–51.
8. Наумов В.Б., Титова Е.В. Организаторы распространения информации в российском праве: проблемы правового статуса и юрисдикции // Информационное право. – 2021. – № 4. – С. 108–116.
9. Бачило И.Л. Информационное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт, 2020. – 312 с.
10. Рассолов И.М. Право и цифровые платформы: тенденции регулирования в условиях глобальной конкуренции // Lex russica. – 2023. – Т. 76. – № 2. – С. 67–79.
11. Савельев А.И. Локализация персональных данных в России и трансграничная передача: юридические и технические аспекты // Закон. – 2022. – № 8. – С. 73–91.

FEATURES OF THE REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS WITHIN THE FRAMEWORK OF CURRENT RUSSIAN LEGISLATION

Logunkova S.S.

The article examines a complex of issues related to the legal regulation of digital platforms in the Russian Federation. The system of differentiated legal impact, based on the inclusion of digital platforms in specialized registers of Roskomnadzor, is analyzed. The legal mechanisms applied to owners of social networks, organizers of information dissemination, and news aggregators are considered. Particular attention is paid to the collisions and problems of law enforcement practice arising from the different jurisdictional affiliations of domestic and foreign digital platforms. Provisions on existing trends and mechanisms of legal impact are formulated. The conducted analysis is based on the study of the regulatory legal framework and modern law enforcement practice.

Keywords: digital platform, social network, organizer of information dissemination, Roskomnadzor register, localization of personal data, prohibited information, administrative liability, foreign entity.

References

1. Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies, and Information Protection" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 31.07.2006. – No. 31 (Part 1). – Article 3448.
2. Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 31.07.2006. – No. 31 (Part 1). – Article 3451.
3. Federal Law of 01.07.2021 No. 236-FZ "On the Activities of Foreign Persons in the Information and Telecommunications Network "Internet" on the Territory of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 05.07.2021. – No. 27 (Part 1). – Art. 5094.
4. Federal Law of 29.12.2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 03.01.2011. – No. 1. – Art. 48. 5. Code of the Russian Federation on Adminis-

trative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 07.01.2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1.

6. RF Government Resolution No. 1101 of 26.10.2012 "On the Unified Automated Information System 'Unified Register of Domain Names, Internet Website Page Indexes, and Network Addresses That Allow Identifying Internet Websites Containing Information, the Dissemination of Which is Prohibited in the Russian Federation'" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 05.11.2012. – No. 45. – Article 6241.

7. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krokhina Yu.V. Legal Regulation of Digital Platforms: The Experience of Russia and Foreign Countries // State and Law. – 2022. – No. 6. – pp. 42–51.

8. Naumov V.B., Titova E.V. Organizers of Information Dissemination in Russian Law: Issues of Legal Status and Jurisdiction // Information Law. – 2021. – No. 4. – Pp. 108–116.

9. Bachilo I.L. Information Law: Current Issues of Theory and Practice. – Moscow: Yurait, 2020. – 312 p.

10. Rassolov I.M. Law and Digital Platforms: Regulatory Trends in the Context of Global Competition // Lex russica. – 2023. – Vol. 76. – No. 2. – Pp. 67–79.

11. Savelyev A.I. Localization of Personal Data in Russia and Cross-Border Transfer: Legal and Technical Aspects // Zakon. – 2022. – No. 8. – Pp. 73–91.

Соотношение единой системы публичной власти и местного самоуправления в контексте Муниципальной реформы 2025 г.

Маховых Родион Русланович,

аспирант, кафедра Конституционного, административного и уголовного права, Среднерусский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: rodion20222@mail.ru

Статья исследует трансформацию местного самоуправления в контексте конституционной реформы 2020 года и муниципальной реформы 2025 года. Анализируется концепция единой системы публичной власти и её влияние на автономию муниципалитетов. Рассматриваются проблемы финансовой зависимости, укрупнения территориальных образований и перераспределения полномочий между уровнями власти. Выявляются риски ограничения народовластия и самостоятельности местного самоуправления в новой правовой модели.

Ключевые слова: единая система публичной власти; местное самоуправление; муниципальная реформа; конституционная реформа 2020 года; муниципальные округа; народовластие; децентрализация власти.

Проблема соотношения публичной и государственной власти остается одной из наиболее дискуссионных в современной российской юридической науке. М.И. Байтин рассматривает публичную политическую власть как государственную, реализуемую при непосредственном участии государства [1]. Другие исследователи проводят между этими категориями радикальное разграничение, утверждая, что публичная власть не ограничивается исключительно государственной сферой и допускает множество организационных форм. Конституционная реформа 2020 года включила муниципалитеты в категорию «публичная власть», что обусловлено природой местного самоуправления – его сущностными признаками и механизмами самоорганизации.

Территориальность образует фундаментальную характеристику публичной власти, пронизывающую иерархию публично-правовых образований. Функционирование данного института предполагает деятельность государственных и муниципальных структур, а также непосредственное вовлечение населения. Зарубежные и отечественные исследователи признают трактовку публичной власти как системы отношений, основанных на подчинении одних членов социума другим. Государство, обладая публичной природой, становится центральным субъектом внутриполитических отношений, призванным обеспечивать защиту интересов граждан [2].

Параллельно научный анализ фокусируется на категории «публичное администрирование», интерпретируемой согласно стандартам ООН. Рассматриваемая категория объединяет государственную машину как интегрированное образование, формируемое политическими установками, нормативными алгоритмами, процедурными механизмами и кадровым составом. Практическое воплощение публичного администрирования осуществляется преимущественно посредством системы оказания публичных услуг [1].

Существование деятельности в политико-правовых координатах, использование легитимных механизмов публичного принуждения, реализация компетенционных prerogatives – совокупность указанных характеристик определяет государственные и муниципальные институты ключевыми субъектами публично-властного взаимодействия. Это неизбежно актуализирует проблематику институциональной независимости местного самоуправления и пределов муниципальной автономии в контексте интегрированной архитектуры публичной власти.

В ЗаклЮчении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 функциональное единство публичной власти трактуется в качестве ее базового свойства [3]. Однако сущностное наполнение этих функций описано с чрезмерной неопределенностью, а их конкретный перечень не закреплён ни в тексте Конституции, ни в иных правовых актах. Данный правовой пробел обуславливает потребность в доктринальном уточнении состава функций, присущих единой системе публичной власти.

Федеральный закон от 8 декабря 2020 года № 394-ФЗ вводит в правовое поле понятие единой системы публичной власти [4]. Согласно его положениям, эта система представляет собой совокупность федеральных и региональных органов государственной власти, иных государственных органов, а также институтов местного самоуправления. Законодательная база не содержит четкого разграничения полномочий Президента и Государственного Совета в части обеспечения слаженного взаимодействия этих элементов. Данный пробел в регулировании ослабляет механизмы сдержек и противовесов и порождает правовую коллизию между принципом единства публичной власти и конституционными основами федерализма и самостоятельности местного самоуправления.

Иллюстрацией служит Указ Президента от 4 февраля 2021 г. № 68, утвердивший Перечень показателей для оценки эффективности работы высших должностных лиц субъектов РФ [1]. Среди прочих в этот перечень включен уровень доверия к Президенту. Плановые значения данного показателя определяются при участии Государственного Совета. При координации работы единой системы публичной власти на регионы возлагается обязанность, которая выходит за пределы установленных предметов ведения Российской Федерации. Согласование действий различных институтов публичной власти должно детерминироваться общими целями и задачами при строгом соблюдении конституционных и законодательных рамок.

Формирование оптимальной модели реализации принципов муниципального управления остается актуальной задачей. Занимая значимую позицию в социально-политической структуре российского общества, данный институт характеризуется недостаточной определенностью правовой сущности. Концептуальные основы организации властных отношений в федеративном устройстве России содержат дуалистическую трактовку муниципального управления: оно рассматривается одновременно как механизм формирования гражданских структур и как автономная форма публичной власти.

Законодательное закрепление дефиниции местного самоуправления осуществлено Федеральным законом № 33-ФЗ от 20 марта 2025 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2]. Концептуальной основой акта служит конституционная идея интегрированной публичной власти. Первая статья квалифицирует рассматриваемый феномен как конституционно обеспеченную форму гражданской самоорганизации, посредством которой население осуществляет суверенные полномочия через автономное разрешение вопросов локального значения.

В отечественной научной мысли институт местного самоуправления рассматривается как неотъемлемый элемент системы публичного управления [4]. Исследователи выделяют несколько базовых характеристик. Первым основанием выступает децентрализация, неотъемлемым элементом которой служит местное самоуправление. Трехуровневая модель управления предстает наиболее сбалансированным решением, призванным предотвратить чрезмерную концентрацию власти. Второй аспект рассматривает его как элемент государственного устройства: единство территориального пространства, общность функционального назначения, совокупность целей и задач. Третьим аргументом выступает тезис о том, что институты местного самоуправления составляют неотъемлемый элемент, обеспечивающий сбалансированное функционирование социума, построенного на демократических началах.

Нормативное регулирование муниципальной сферы развивалось поэтапно. Конституция 1993 года закрепила конституционный статус института и его государственные гарантии [3]. Федеральный закон августа 1995 года инициировал комплексное реформирование. В 1998 году Российская Федерация ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления. Дальнейшее правовое оформление произошло в 2003 году с принятием Федерального закона № 131-ФЗ, закрепившего двухуровневую территориальную организацию и четкое разграничение компетенций.

Изначально стоит констатировать финансовую уязвимость муниципалитетов: их собственных доходов хронически недостаточно для полноценной реализации предоставленных полномочий. По данным Минфина России, совокупные поступления в муниципальные казны за 2023 год составили 7 136,9 млрд рублей. Подавляющая часть территориальных образований (93%) сохраняет финансовую зависимость от межбюджетных трансфертов [6]. Прослеживается устойчивое уменьшение численности поселенческих структур, обусловленное реализацией стратегии консолидации территориальных единиц.

Конституционная реформа 2020 года модифицировала статью 131, осуществив переход от территориальной привязки к поселенческим единицам к функциональной модели. К началу 2024 года муниципальные округа учредили уже 27 субъектов федерации. Общее количество созданных муниципальных округов по всей России достигло 324.

Реформа местного самоуправления вступила в новую фазу с наступлением 2025 года. 20 марта Президент подписал Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Его официальное действие началось 19 июня того же года. Современная модель предусматривает существование трех организационно-территориальных форм: округа с городским статусом, районного муниципального образования и внутригородских структур в городах, обладающих федеральной юрисдикцией [5].

Существующая система территориальной организации муниципальной власти порождает серьезные вопросы о том, насколько реально обеспечена самостоятельность местного самоуправления. Двухуровневая конструкция, действовавшая ранее, имела ряд бесспорных преимуществ. Поселенческий уровень позволял гражданам решать повседневные проблемы локального характера быстро и без лишних бюрократических процедур. Когда поселения объединяются в укрупненный муниципалитет, эта возможность утрачивается. Закономерным следствием становится усиление оттока населения в города. Для регионов, экономика которых опирается на сельское хозяйство, такая тенденция особенно болезненна.

Ситуацию усугубляет то, каким образом происходит само укрупнение. Жители территорий, подлежащих объединению, по сути отстранены от принятия соответствующих решений – вопрос о реорганизации находится в исключительном ведении представительных органов. Именно поэтому формы прямого волеизъявления граждан приобретают ключевое значение как инструмент политического участия.

Серьезной трансформации подвергается и распределение полномочий муниципальных органов. Федеральный законодатель, помимо конституционно закреплённой категории «вопросов местного значения», вводит ещё одно понятие – «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Содержание этого термина в законе не раскрыто. Что конкретно охватывает данная категория, остаётся неясным, а значит – открытым для произвольного толкования.

Расширяются и полномочия субъектов Российской Федерации в части разграничения компетенции органов местного самоуправления. Регионы получают возможность самостоятельно определять объём и пределы муниципальных полномочий. Такой подход способен повысить ответственность региональной власти перед населением. Но есть и оборотная сторона: местные сообщества рискуют оказаться вытесненными из процесса выработки решений, которые напрямую касаются их повседневной жизни.

Конституция закрепляет механизмы народовластия, однако их практическое воплощение наталкивается на значительные трудности. Между доктринальным содержанием этого принципа и его реальным действием образуется разрыв. Попытки перенести теоретические конструкции в сферу конституционной практики обнажают глубинные противоречия, свойственные организации местного самоуправления. Если эти противоречия останутся без внимания, под угрозой окажется демократический характер государственного устройства в целом. Местное самоуправление – та площадка, где принцип народовластия должен находить наиболее непосредственное выражение, и именно здесь его девальвация ощущается острее всего.

Литература

1. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 23.03.2020. № 12, ст. 1855.
2. Кучеренко А.В. Государственная и публичная (политическая) власть: вопросы соотношения / А.В. Кучеренко // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 10. – URL: <https://human.snauka.ru/2016/10/16718> (дата обращения: 15.01.2026)
3. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Муниципальная публичная политика в контексте реформы местного самоуправления // ПОЛИТЭК. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnaya-publichnaya-politika-v-kontekste-reformy-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 15.01.2025)
4. Пилия Д.Э. Основные подходы к определению понятия «публичная власть» в публично-правовых (государственно-правовых) науках / Д.Э. Пилия // Фундаментальные проблемы юридической науки. – 2023. – Т. 76, № 5 (198). – С. 8–23
5. Skinner Q. Freedom or the absence of arbitrary power. / Q. Skinner // Laborde C. and Maynor J. (eds.) Republicanism and political theory. – Oxford: Blackwell Publishing, 2008. – P. 83–101.
6. Результаты мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2023 год. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/momonitoring_re-sults/Monitoring_local/results/ (дата обращения: 15.01.2026)

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF THE MUNICIPAL REFORM OF 2025

Makhovykh R.R.

Central Russian Institute of Management – branch of the federal state budgetary educational institution of higher education Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article explores the transformation of local self-government in the context of the constitutional reform of 2020 and the municipal reform of 2025. The article analyzes the concept of a unified system of public authority and its impact on the autonomy of municipalities.

The problems of financial dependence, enlargement of territorial entities and redistribution of powers between levels of government are considered. The risks of limiting democracy and the independence of local self-government in the new legal model are identified.

Keywords: unified system of public authority; local self-government; municipal reform; constitutional reform of 2020; municipal districts; democracy; decentralization of power.

References

1. Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/16/2020 № 1-Z «On Compliance with the Provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the Provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation «On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of public power», as well as on compliance with the Constitution of the Russian Federation entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation» / Collection of legislation of the Russian Federation. 03/23/2020. № 12, art. 1855.
2. Kucherenko A.V. State and public (political) power: issues of correlation / A.V. Kucherenko // Humanitarian scientific research. – 2016. – № 10. – URL: <https://human.snauka.ru/2016/10/16718> (date of request: 15.01.2026)
3. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Municipal public policy in the context of local government reform // POLITEX. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/munitsipalnaya-publichnaya-politika-v-kontekste-reformy-mestnogo-samoupravleniya> (date of request: 15.01.2025)
4. Pilia D.E. Basic approaches to the definition of the concept of «public authority» in public law (state law) sciences / D.E. Pilia // Fundamental problems of legal science. – 2023. – Vol. 76, № 5 (198). – pp. 8–23
5. Skinner Q. Freedom as the absence of arbitrary power. / Q. Skinner // Laborde C. and Maynor J. (eds.) Republicanism and political theory. Oxford: Blackwell Publishing, 2008, pp. 83–101.
6. Results of monitoring the execution of local budgets and inter-budgetary relations in the subjects of the Russian Federation at the regional and municipal levels for 2023. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/momtoring_re-sults/Monitoring_local/results/ (date of request: 15.01.2026)

Рупашева Софья Андреевна,

студент, Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

E-mail: sarupasheva@edu.hse.ru

В статье представлен комплексный анализ публично-правовой природы регулирования личных фондов в Российской Федерации с учетом активного внедрения и развития института с 2022 года как аналога иностранным трастам. В данном контексте рассматриваются последствия передачи полномочий регулирования личных фондов из ведения Министерства Юстиции Российской Федерации в ведение Федеральной Налоговой Службы Российской Федерации, приводится характеристика особенностей создания и функционирования личных фондов с точки зрения налогового, финансового права и законодательства в сфере противодействия легализации денежных средств, соотношение их положений с частноправовым регулированием Гражданского Кодекса Российской Федерации. С позиции налогового законодательства рассматриваются особенности налогообложения личного фонда, его учредителя, близких родственников учредителя, выгодоприобретателей, а также отдельных категорий лиц из неопределенного круга физических лиц. Подробно анализируются вопросы исполнения требований законодательства в сфере противодействия легализации денежных средств организациями, осуществляющим операции личных фондов с денежными средствами и (или) иным имуществом, а также сложности соблюдения данных требований. Рассматриваются последствия недавнего приобретения личным фондом статуса квалифицированного инвестора в силу прямого указания закона. На основе исследованных аспектов регулирования делается вывод о значимости в настоящее время личного фонда как возможности налоговой оптимизации, структурирования активов, сохранения крупного капитала в экономике государства. При этом отмечается острая необходимость повышенного внимания со стороны государства к деятельности личного фонда для целей соблюдения налогового законодательства и законодательства в сфере противодействия легализации денежных средств.

Ключевые слова: личный фонд, публичное право, выгодоприобретатель, учредитель, налоговое право, законодательство в сфере противодействия легализации денежных средств, операции обязательного контроля, идентификация клиентов, инвестиционная деятельность, структурирование активов, квалифицированный инвестор.

Введение

Личные фонды в настоящее время рассматриваются как весьма новое, в большей степени заимствованное явление для российской правовой системы [1]. Стремительное развитие личных фондов в Российской Федерации с 2022 года вызвано, прежде всего, серьезными трудностями при регистрации и администрировании трастов за рубежом в условиях возникшего санкционного давления. В подобных условиях законодательно внедрена конструкция личного фонда как возможность сохранить и администрировать крупный капитал внутри государства. Несмотря на бесспорно частноправовую природу самого личного фонда, его учреждение, последующая деятельность и преобразование напрямую связаны с публично-правовым регулированием и контролем. Последние постоянно претерпевают изменения и уточнения, неизбежно соотносятся с содержанием положений Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о личных фондах, которое на данный момент также находится в стадии становления¹ [5].

Системный анализ публично-правовых аспектов регулирования личных фондов представляется важным для целей правовой определенности и соответствует интересам учредителей, органов управления и выгодоприобретателей личных фондов, нотариусов и организаций, взаимодействующих с личными фондами. Среди последних следует выделить инвестиционные компании (лицензированные на брокерскую, депозитарную, дилерскую деятельность) и банки, в которых все чаще разрабатываются предложения по открытию счетов личным фондам для работы с переданными личному фонду активами – их сохранением и преумножением.

Одновременно прозрачность и эффективность существования личных фондов значимы для экономического благосостояния государства в силу самой конструкции личного фонда, призванной сохранить крупный частный капитал, который является существенным источником инвестиций на финансовом рынке государства и долгосрочным плательщиком налога. Кроме того, видится важным предотвращение сложных наследственных споров относительно крупного бизнеса, которые потенциально могут стать дополнительной нагрузкой для судебной системы РФ и породить ряд правоприменительных вопросов.

Большинство исследований личных фондов лежит в плоскости частноправовой и касаются самой конструкции личного фонда и ее сравнение с конструкцией траста в англо-американском праве² [2], в то время как автор считает целесообразным критический анализ публично-правовых аспектов регулирования, которые включают в себя спектр вопросов, ранее мало исследовавшихся комплексно³. Под собирательным понятием «публично-правовых аспектов регулирования» в данном случае подразумеваются положения Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ)⁴, Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)⁵, Федерального закона № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Федеральный закон № 39-ФЗ)⁷ и федеральные законы о внесении изменений в соответствующие нормативные правовые акты (далее – НПА) при условии применимости их

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Глава 4, ст. 123.20–4–123.20–8.

² Например, исследование юридической фирмы АЛРУД «Личные фонды в России». URL: https://www.alrud.ru/storage/archive/6/21/АЛРУД_Личные_фонды_в_России_исследование.pdf (дата обращения: 09.06.2026).

³ Следует принимать во внимание Обзор изменений в регулировании личных фондов юридической фирмы ЕПАМ. URL: <https://epam.ru/ru/media/view/lichnyefondy-izmeneniya-v-regulirovanii> (дата обращения: 09.06.2026).

⁴ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 07 авг. 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 33.

⁵ См также: О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Положение Банка России от 02 мар. 2012 г. № 375-П // Гарант: справочная правовая система.

⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 17.04.2026) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31.

⁷ О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 17.

положений к личным фондам. Несмотря на постепенное внесение изменений в существующее регулирование личных фондов, призванное сделать их привлекательным институтом для структурирования крупных активов, на практике сохраняется ряд сложностей [4].

Первоочередно следует обратить внимание на произведенную недавно передачу полномочий по регистрации личных фондов от Минюстерства юстиции РФ (далее – Минюст) в ведение Федеральной налоговой службы РФ (далее – ФНС) и оценить последствия данного изменения. Публично-правовой аспект напрямую связан и с вопросом налогообложения личных фондов, точнее с недавно созданной спецификой последнего: для целей популяризации конструкции личных фондов предусмотрено применение к ним пониженной ставки налога на прибыль, освобождение от налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) физических лиц-получателей дохода от личных фондов – указанное применимо при соблюдении ряда условий, которым будет уделено внимание далее. Кроме того, фактически не исследованы особенности применения к личным фондам требований Федерального закона № 115-ФЗ. Так, недостаточное внимание уделено требованиям обязательного контроля операций по получению или расходованию некоммерческими организациями (далее – НКО) денежных средств и (или) иного имущества и его применению к операциям личных фондов. Между тем, несоблюдение указанного требования влечет применение административной ответственности к кредитным и некредитным финансовым организациям, обязанным к направлению сведений о соответствующих операциях. Действие Федерального закона № 115-ФЗ влечет также обязательность идентификации выгодоприобретателей личного фонда, которая вступает в противоречие с гражданско-правовым режимом конфиденциальности информации о содержании условий управления личным фондом и создает сложности для организаций, обязанных к проведению такой идентификации. Наконец, отдельного внимания заслуживает вопрос принадлежности личного фонда к квалифицированным инвесторам «в силу закона», т.е. в силу положений Федерального закона № 39-ФЗ.

Методы исследования

Исследование основано на общепринятых методах познания в области права. В рамках работы применяются системно-структурный, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы. Наибольшее применение получили специальные методы исследования – формально-юридический, сравнительно-правовой. Причиной является возможность установления с помощью формально-юридического метода юридического содержания публично-правового регулирования личных фондов – путем анализа существующего массива законодательства, применимого к личным фондам, а также отслеживания характера его изменений и дополнений, активно производимых за последние несколько лет в силу новизны института. Сравнительно-правовой же метод позволяет выявить и сопоставить имеющиеся противоречия как внутри публично-правового регулирования личных фондов, так и во вне – на стыке с частноправовыми аспектами их существования.

Содержание публично-правового регулирования личных фондов в Российской Федерации

Итак, с момента официального закрепления в российском праве конструкции личного фонда в 2022 году публично-правовые составляющие его регулирования всячески корректировались и дополнялись. Причины в данном случае две: во-первых, потребность исключить ситуацию, при которой данный институт был бы законодательно поименован, но не функционировал должным образом и не получил бы действительного распространения; во-вторых, стремление сохранить государственно-властный контроль над активностью личных фондов, т.е. достичь точечного, эффективного воздействия на личные фонды соответствующих НПА в сфере налогового, финансового законодательства и законодательства в сфере противодействия легализации денежных средств. Обратимся к каждому аспекту по порядку.

В 2024 году полномочия по регистрации личных фондов переданы из ведения Минюста в ведение ФНС, личные фонды также выведены из-под действия Федерального закона «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ (далее – Федеральный закон № 7-ФЗ)¹. Следствием данных изменений является расширение конфиденциальности документов личного фонда [3], ускорение процедуры его регистрации и упрощение функционирования. Так, личные фонды больше не обязаны предоставлять уполномоченному органу отчеты о своей деятельности, о персональном составе органов управления, об источниках, объемах формирования, о целях и об объемах использования

денежных средств и иного имущества, а также направлять устав для его опубликования². До соответствующих изменений Минюстом также осуществлялась процедура проверки учредительных документов, впоследствии решение о регистрации направлялось им в ФНС для исполнения; соответствующая процедура занимала 22 рабочих дня при условии отсутствия основания для отказа в регистрации НКО³. Передача полномочия по принятию решений о государственной регистрации личных фондов от Минюста в ФНС привела к сокращению сроков государственной регистрации до не более чем трех рабочих дней со дня представления необходимых документов в регистрирующий орган⁴. ФНС также был ограничен доступ к решениям об учреждении личных фондов и уставам таких фондов, а также сведениям об учредителях фондов⁵.

Принципиально важным представляется вопрос налогообложения личных фондов, их учредителей, выгодоприобретателей, близких родственников учредителя, а также отдельных категорий лиц из неопределенного круга лиц – физических лиц. Первоначально конструкция личных фондов активно не использовалась в том числе в связи с отсутствием специального налогового регулирования, однако в 2023 году ситуация начала меняться⁶. Относительно налогообложения личных фондов следует обратить внимание на следующие изменения: согласно статье 284¹² НК РФ личные фонды применяют пониженную налоговую ставку налога на прибыль в размере 15% при условии, что за отчетный период в общей сумме доходов личного фонда более 90% в совокупности составляют пассивные доходы, среди которых названы дивиденды, доходы, получаемые в результате распределения прибыли или имущества организаций, иных лиц или их объединений, процентный доход от долговых обязательств, доходы от реализации акций (долей) и (или) уступки прав в иностранной организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву, доходы по операциям с производными финансовыми инструментами, доходы от реализации инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, недвижимого имущества, а также доходы от сдачи в аренду недвижимого имущества⁷. Как представляется, помимо очевидной выгоды от сниженного процента налоговой ставки, данное послабление также делает конструкцию личного фонда эффективной в качестве инструмента владения паями закрытых паевых инвестиционных фондов, поскольку позволяет применить ставку 15% к текущим доходам по паям при условии прямого владения.

Если же физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, передает в состав личного фонда недвижимое имущество, не используемое им для предпринимательской деятельности, такая передача не облагается налогом на добавленную стоимость (далее – НДС), поскольку осуществляется физическим лицом в рамках непредпринимательской деятельности⁸.

Налогообложение доходов, полученных от личного фонда учредителем, выгодоприобретателями и близким родственниками учредителя фонда также имеет ряд особенностей. Так, в соответствии со статьей 217 НК РФ, если доходы получены выгодоприобретателями личного фонда или отдельными категориями лиц из неопределенного круга лиц – физических лиц до смерти его учредителя, такие доходы освобождаются от начисления НДФЛ. Аналогичное положение действует в отношении учредителя или его близких родственников, но при условии, что получатель – налоговый резидент РФ. Следует отметить, что статьей 146 НК РФ предусмотрено отсутствие начисления НДС по операциям по передаче личным фондом имущества или имущественных прав выгодоприобретателям и (или) отдельным категориям лиц из неопределенного круга физических лиц.

Уделяя внимание преимуществам личных фондов с точки зрения оперативности государственной регистрации и налоговых послабле-

² О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 32.

³ Срок регистрации Минюстом не превышает 17 рабочих дней, регистрация налоговым органом занимает не более 5 рабочих дней. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/govservices/5/> (дата обращения: 08.06.2026)

⁴ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 08 авг. 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 13.

⁵ О государственной регистрации личных фондов: <Письмо> ФНС России от 30 авг. 2024 г. № KB-4–14/9963@ // КонсультантПлюс: справочная правовая система.

⁶ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2023 г. № 389-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2023. № 32.

⁷ Исключения указаны в п. 2 ст. 284.12 НК РФ.

⁸ Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 28 июля 2025 г. № 03-07-14/72776 // Гарант: справочная правовая система.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 08 авг. 2024 г. № 251-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 33.

ний, было бы неправильным умолчать о весьма строгих требованиях Федерального закона № 115-ФЗ и связанных с ним НПА в области противодействия легализации денежных средств. Несмотря на исключения действия Федерального закона № 7-ФЗ в отношении личных фондов, по своей гражданско-правовой природе они рассматриваются как унитарные некоммерческие организации¹, операции которых подлежат обязательному контролю согласно статье 6 Федерального закона № 115-ФЗ. Данное требование предполагает, что при совершении личным фондом операции, в результате которой произошла смена права собственности, организация, осуществляющая такую операцию с денежными средствами или иным имуществом, обязана зафиксировать и направить в электронном сообщении сведения об операции в уполномоченный орган – Федеральную службу по финансовому мониторингу (далее – *Росфинмониторинг*). В качестве примера может быть приведено направление уполномоченным работником инвестиционной компании сведений об операции по приобретению личным фондом акций на счет, открытый в такой инвестиционной компании. Для исполнения обязанности предусмотрены достаточно сжатые сроки – три рабочих дня, которые исчисляются со дня, следующего за днем совершения операции. Неисполнение же влечет либо наложение административного штрафа, размер которого для должностных лиц варьируется от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей, для юридических лиц – от двухсот тысяч до четырехсот тысяч рублей, либо административное приостановление деятельности на срок до шестидесяти суток². На практике нередко возникают ситуации направления излишних сообщений об операциях личных фондов, ошибочно рассматриваемых в качестве операций обязательного контроля, среди которых, например, погашение эмитентом облигаций, находящихся на счете личного фонда. Подобные требования при работе с личными фондами предполагают, во-первых, присутствие компетентных работников подразделений финансового мониторинга внутри организаций, осуществляющих операции личных фондов, во-вторых, наличие соответствующих автоматизированных систем для своевременного формирования электронных сообщений об операциях личных фондов, подлежащих обязательному контролю, поскольку каждая такая операция подлежит отдельному отчету³.

Еще одним требованием Федерального закона № 115-ФЗ к организациям, осуществляющим операции с денежными средствами или иным имуществом, в случае принятия ими на обслуживание клиентов – личных фондов является установленная статьей 7 обязательность идентификации таких клиентов и их представителей. В данном случае предполагается идентификация учредителя, участников органов управления и выгодоприобретателей личного фонда. Требование организации раскрыть сведения об указанных лицах и, для этой цели, предоставить условия управления личным фондом зачастую встречает препятствие со стороны учредителя и (или) органов управления личных фондов, а также их представителей. Последние в обоснование своей позиции ссылаются на пункт 8 статьи 123²⁰⁻⁴ ГК РФ о конфиденциальности информации о содержании условий управления и содержания иных внутренних документов личного фонда. Данный аргумент представляется несостоятельным в силу положений пункта 2 статьи 7 Федерального закона № 115-ФЗ, которыми на организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом возлагается обязанность сохранять конфиденциальный характер информации, полученной в результате реализации процедур внутреннего контроля. Соответственно, предоставление информации, необходимой для идентификации клиента и его представителей, ни коим образом не нарушает положения ГК РФ о конфиденциальности и обеспечивает соблюдение требований законодательства в сфере противодействия легализации денежных средств. На практике же подобное противоречие преодолевают путем предоставления частично обезличенных условий управления личным фондом, а, в случае полного отказа представителей личного фонда от проведения идентификации, потенциальному клиенту отказывают в принятии на обслуживание.

Применительно к публично-правовому регулированию личных фондов подлежит рассмотрению их статус по Федеральному закону № 39-ФЗ. До 2024 года статус личных фондов оставался неясным, поскольку они не были прямо указаны в Федеральном законе № 39-ФЗ

или иных федеральных законах как квалифицированные инвесторы. Теперь же личные фонды, стоимость имущества которых составляет не менее 100 млн руб., являются квалифицированными инвесторами⁴. Примечательно, что по смыслу статьи 123²⁰⁻⁴ ГК РФ стоимость имущества, передаваемого личному фонду его учредителем при создании, в принципе не может быть менее 100 млн руб., соответственно, личный фонд является квалифицированным инвестором уже на момент создания, иной ситуации быть не может. Сам статус квалифицированного инвестора открывает доступ к расширенному перечню финансовых инструментов, среди которых сложные финансовые инструменты и ценные бумаги, предназначенные только для квалифицированных инвесторов, и способствует гибкости в управлении уже имеющимися активами.

Заключение

Конструкция личных фондов, в настоящее время активно развиваемая в РФ как возможная альтернатива зарубежным трастам, подлежит исследованию не только с точки зрения новизны институт в частном праве, но и с позиции применения НПА публичного права. Особую актуальность вопросу придадут постоянные изменения, уточнения и дополнения регулирования личных фондов в РФ.

Следствием передачи личных фондов в ведение ФНС и прекращения распространения на них положений Федерального закона № 7-ФЗ стало, во-первых, исчезновение обязанности предоставлять устав и отчетность уполномоченному органу, во-вторых, сокращение максимального срока государственной регистрации ФНС личного фонда до трех рабочих дней.

Применительно к особому налоговому регулированию личных фондов следует подчеркнуть два аспекта: пониженную ставку налога прибыль для самих личных фондов и особый порядок начисления НДФЛ при жизни учредителя личного фонда для выгодоприобретателей личного фонда, отдельных категорий лиц из неопределенного круга лиц – физических лиц и близких родственников-резидентов учредителя личного фонда. При этом сложность в части пониженной ставки налога на прибыль составляет постоянный контроль за соблюдением личным фондом обязательного условия по «пассивности» 90% доходов.

Организациям, принимающим на обслуживание в качестве клиентов личные фонды и осуществляющим их операции с денежными средствами или иным имуществом, необходимо быть готовыми к неукоснительному соблюдению требований Федерального закона № 115-ФЗ и заранее проработать вопросы применения к личным фондам, их представителям настоящего НПА, а также его соотношения с положениями ГК РФ о личных фондах. Среди таких требований автором выделяются направление сведений об операциях личных фондов, которые подлежат обязательному контролю, и идентификация клиента и его представителей.

Наконец, с 2024 года решен вопрос о принадлежности личных фондов к квалифицированным инвесторам – они прямо поименованы в качестве таковых статьей 51² Федерального закона № 39-ФЗ, что создает значительные возможности для инвестиционной активности фондов и их использования в качестве инструмента для структурирования активов.

Литература

1. Е.И. Домшенко (Червец). Развитие института личного фонда в России: 2015–2024 // Вестник экономического правосудия РФ. 2025. № 8(138). С. 137–156.
2. Я.В. Емелькина. Личный фонд: проблемы определения правового статуса учредителя и выгодоприобретателей // Юридический мир. 2025. № 05/2025. С. 28–32.
3. А.В. Качалова. Личный фонд в системе юридических лиц // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 131–138.
4. Р.Л. Маргулис, Ю.В. Маргулис. Личный фонд: перспективное решение для управления активами // Закон. 2024. № 9. С. 80–88.
5. А.Ю. Фокина. Личный фонд: проблемы регулирования // Обращение и право. 2022. № 3. С. 89–92.

PUBLIC LAW ASPECTS OF THE REGULATION OF PRIVATE FOUNDATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Rupasheva S.A.
Higher School of Economics

The article examines a comprehensive analysis of the exclusively public law aspects governing private foundations in the Russian Federation, considering the active implementation and development of this institution since 2022 as an analogue to foreign trusts. Within

⁴ О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 51.2.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 123.20–4.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 15.27

³ Например, при совершении в определенную дату определенным личным фондом 1500 биржевых операций по покупке акций определенного эмитента, внутри электронного сообщения в Росфинмониторинг подлежат заполнению данные о каждой такой операции по приобретению.

this context, the implications of transferring the supervision of private foundations from the Ministry of Justice to the Federal Tax Service are examined. The features of operating private foundations are characterized from the perspective of tax law, financial law, and anti-money laundering legislation, and their interplay with the private law regulation stipulated in the Civil Code of the Russian Federation. Under the tax legislation, the peculiarities of taxation concerning the private foundation itself, its founder, the founder's close relatives, beneficiaries, specific categories of other natural persons, are considered. The article provides a thorough analysis of compliance with anti-money laundering requirements by organizations conducting transactions with the funds and/or other property of private foundations, highlighting the associated complexities. It further examines the implications of the private foundation's recent acquisition of qualified investor status by direct statutory provision. The article concludes by the current significance of the private foundation as an instrument for tax optimization, asset structuring, and preserving large-scale capital within the state's economy. The necessity for enhanced scrutiny of private foundation activities to ensure compliance with tax and anti-money laundering legislation is highlighted.

Keywords: private fund, public law, beneficiary, founder, tax law, anti-money laundering legislation, mandatory control operations, client identification, investment activity, asset structuring, qualified investor.

References

1. Domshenko (Chervets) E.I. Razvitie instituta lichnogo fonda v Rossii: 2015–2024 [Development of the personal foundation institution in Russia: 2015–2024]. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2025, № 8(138), pp. 137–156. (in Russian).
2. Emelkina Y.V. Lichnyi fond: problemy opredeleniya pravovogo statusa uchreditel'ya i vygodopriobretatelei [Personal foundation: problems of defining the legal status of the founder and beneficiaries]. Yuridicheskii mir [Legal World], 2025, № 05/2025, pp. 28–32. (in Russian).
3. Kachalova A.V. Lichnyi fond v sisteme yuridicheskikh lits [Personal foundation in the system of legal entities]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [O.E. Kutafin University Bulletin (MSAL)], 2023, № 5, pp. 131–138. (in Russian).
4. Margulis R.L., Margulis Yu.V. Lichnyi fond: perspektivnoe reshenie dlya upravleniya aktivami [Personal foundation: a prospective solution for asset management]. Zakon [Law], 2024, № 9, pp. 80–88. (in Russian).
5. Fokina A.Y. Lichnyi fond: problemy regulirovaniya [Personal foundation: regulatory problems]. Obrazovanie i pravo [Education and Law], 2022, № 3, pp. 89–92. (in Russian).

Закрепление принципа полноты и достоверности государственного реестра медицинских изделий как средство обеспечения правовой определенности, стабильности оборота и защиты прав добросовестных лиц

Ситдыков Искандер Исмагилович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); старший партнер ООО «Лексора Лигал»

E-mail: isitdykov@gmail.com

В статье рассматриваются правовые проблемы, с которыми сталкиваются субъекты предпринимательской деятельности, занимающиеся ввозом в Российскую Федерацию медицинских изделий. Факт государственной регистрации медицинского изделия подтверждается записью Государственного реестра Росздравнадзора или регистрационным удостоверением на бумажном носителе (до марта 2025 года). Однако таможенные органы нередко пытаются пересмотреть отдельные сведения регистрационного удостоверения (реестровой записи), к примеру, «льготный» код ОКПД 2 (ОКП) медицинского изделия с целью отказа в предоставлении льготы. Подобная переоценка сведений осуществляется таможенными органами без необходимых полномочий и при наличии действительного и действующего (не отмененного) регистрационного удостоверения (реестровой записи) на медицинское изделие. На практике также встречается юридическая переквалификация таможенными органами и судами зарегистрированных медицинских изделий в лекарственные средства, что в целом нивелирует действие регистрационного удостоверения (реестровой записи). Автор обосновывает тезис о том, что законодательная регламентация принципа достоверности и полноты сведений Государственного реестра будет способствовать обеспечению правовой определенности, стабильности оборота медицинских изделий, а также защиты прав добросовестных участников оборота от действий таможенных органов, не входящих в их компетенцию.

Ключевые слова: Медицинские изделия, регистрационное удостоверение, реестровая запись, государственный реестр медицинских изделий, Росздравнадзор, достоверность, оборот медицинских изделий, субъекты предпринимательской деятельности.

В Российской Федерации правоотношения, связанные с обращением медицинских изделий, в общем виде урегулированы Федеральным законом от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее по тексту – «Федеральный закон № 323-ФЗ») [6].

Нормативным условием для допуска медицинских изделий к свободному обращению является их регистрация в порядке, предусмотренном национальным законодательством либо правом Евразийского экономического союза (далее по тексту – «ЕАЭС») [6]. При этом законодателем предусмотрена административная (статья 6.33 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации) и уголовная (статья 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) ответственность за обращение на территории страны незарегистрированных медицинских изделий и лекарственных средств.

Согласно действовавшему до 1 марта 2025 года национальным Правилам государственной регистрации медицинских изделий документом, подтверждающим факт государственной регистрации медицинского изделия, является регистрационное удостоверение на медицинское изделие [7]. При этом регистрационное удостоверение выдавалось бессрочно, а его форма была утверждена регистрирующим органом [10]. Таким образом, регистрационное удостоверение на медицинское изделие выдавалось заявителю в виде документа, оформленного на бумажном носителе.

Согласно же действующему с марта 2025 года правовому регулированию регистрационное удостоверение на медицинское изделие – это запись в государственном реестре медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий (далее по тексту также – «Государственный реестр»), подтверждающая факт государственной регистрации медицинского изделия в порядке, установленном Правительством Российской Федерации [6]. Сведения Государственного реестра находятся в открытом публичном доступе на официальном сайте Росздравнадзора в сети Интернет согласно правилам, утвержденным Правительством РФ [9].

В соответствии с пунктом 25 Правил государственной регистрации медицинских изделий [8], действующих с 1 марта 2025 года, факт государственной регистрации медицинского изделия подтверждается реестровой записью, вносимой регистрирующим органом в Государственный реестр. При этом государственная регистрация медицинского изделия является бессрочной.

Вместе с тем, исходя из пункта 2 Постановления Правительства РФ от 30.11.2024 № 1684 [8], ранее выданные в установленном порядке регистрационные удостоверения на медицинские изделия действуют до внесения изменений в сведения, содержащиеся в реестровой записи Государственного реестра.

Таким образом, на сегодняшний день бланк регистрационного удостоверения, ранее выданный на бумажном носителе, и реестровая запись, внесенная в Государственный реестр, имеют равную юридическую силу, в равной мере подтверждают факт государственной регистрации медицинского изделия.

Частью 11 статьи 38 Федерального закона № 323-ФЗ предусмотрено, что в Государственный реестр вносятся среди прочего сведения о наименовании медицинского изделия, о сроке действия регистрационного удостоверения, о назначении медицинского изделия, установленном производителем, о виде медицинского изделия в соответствии с номенклатурной классификацией медицинских изделий, утверждаемой Министерством здравоохранения Российской Федерации, о коде Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (далее по тексту – «ОКПД 2») (до 2017 года – код по классификатору продукции ОК 005–93 (далее – «ОКП»)), о производителе (изготовителе) медицинского изделия и его уполномоченном представителе и иная юридически значимая информация [6].

Исходя из положений действующего в сфере здравоохранения нормативного регулирования любое лицо, в том числе не указанное в регистрационном удостоверении, вправе ввозить и продавать на территории Российской Федерации зарегистрированное медицинское из-

деле. Таким образом, в качестве поставщика вправе выступать как сам производитель медицинского изделия или его уполномоченный представитель, указанные в регистрационном удостоверении, так и иное лицо, например, коммерческий посредник, не являющийся непосредственным держателем регистрационного удостоверения. Приведенное регулирование способствует развитию конкуренции в области поставок медицинских изделий и снижению их стоимости для конечных потребителей, включая государственные медицинские организации, что особенно важно в условиях ограниченных бюджетных возможностей. Росздравнадзор также исходит из данного подхода.

На основании изложенного, текущие реалии хозяйственного оборота включают ситуации ввоза на территорию Российской Федерации медицинских изделий коммерческими посредниками (субъектами предпринимательской деятельности), не имеющими отношения ни к производству данных медицинских изделий, ни к их государственной регистрации. Эта диспозиция особенно значима в эпоху современных геополитических вызовов, с которыми столкнулось наше государство, включая массовый исход иностранных компаний, в том числе крупных поставщиков медицинских изделий, торговые ограничения, перегруженность портов, сбои в глобальных логистических цепочках поставок и возникновение дефектуры на рынке медицинских изделий.

В настоящее время представляется важным, чтобы действующий правовой режим способствовал стабильному наращиванию поставок медицинских изделий на территорию России и последовательному устранению дефектуры отдельных видов медицинских изделий.

Поставщик медицинского изделия, не являющийся ни производителем, ни его уполномоченным представителем, не имеет юридической возможности каким бы то ни было образом повлиять на содержание Государственного реестра и регистрационного удостоверения и руководствуется исключительно их буквальным содержанием, добросовестно полагаясь на их достоверность и полноту.

Принимая решение об осуществлении столь высоко рискованного и ответственного бизнеса как поставка медицинских изделий на территорию Российской Федерации, субъект предпринимательской деятельности предварительно анализирует предстоящую бизнес-модель, учитывает будущие издержки, формирует свое ценообразование, закупочную и продажную цену товара.

Особое внимание уделяется коммерсантом вопросу налогообложения ввоза и последующей реализации медицинского изделия. Зачастую именно этот вопрос является определяющим при принятии решения о начале поставок медицинского изделия на территорию России. По общему правилу, на сегодняшний день ввоз и реализация медицинских изделий облагается налогом на добавленную стоимость (далее по тексту – «НДС») по ставке 22%. При этом в отношении широкого перечня медицинских изделий законодателем предусмотрены льготы в виде освобождения от уплаты или пониженной ставки НДС.

Так, в настоящий момент Правительством РФ утверждены и действуют:

- Перечень медицинских товаров, реализация которых на территории Российской Федерации и ввоз которых на территорию Российской Федерации и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией, не подлежат обложению (освобождаются от обложения) НДС, утвержденный Постановлением от 30.09.2015 № 1042,

- Перечни кодов медицинских товаров, облагаемых налогом на добавленную стоимость по налоговой ставке 10 процентов, утвержденные Постановлением от 15.09.2008 № 688.

Следует отметить, что текущая государственная политика направлена на увеличение объема ввоза в Российскую Федерацию медицинских изделий определенного назначения. И, как указал Верховный Суд РФ в определении Судебной коллегии от 12.09.2023 № 305-ЭС23–5316, упомянутая цель достигается путем предоставления лицам, осуществляющим ввоз медицинских изделий, налоговых льгот. Такое льготирование позволяет обеспечить снижение стоимости медицинских изделий при их обращении на российском рынке, а также добиться уменьшения стоимости медицинских услуг, оказываемых гражданам – потребителям, что является особенно важным в условиях сложной экономической ситуации.

Рассчитывая маржинальность и рентабельность предстоящего бизнеса, субъект предпринимательской деятельности должен определенно и однозначно понимать, вправе ли он пользоваться действующими льготами или нет. При этом юридически значимые сведения о медицинском изделии, необходимые для применения льготы, содержатся в регистрационном удостоверении (в реестровой записи Государственного реестра), включая наименование, назначение и «льготный» код ОКПД 2 (ОКП) медицинского изделия.

При ввозе хозяйствующими субъектами медицинских изделий на территорию Российской Федерации таможенные органы нередко

пытаются пересмотреть отдельные сведения, содержащиеся в регистрационном удостоверении на медицинское изделие, например, соответствующий «льготный» код ОКПД 2 (ОКП) медицинского изделия, с целью отказа в предоставлении льготы. Подобная переоценка сведений осуществляется таможенными органами в отсутствие необходимых нормативно регламентированных полномочий и при наличии действительного и действующего (не отмененного) регистрационного удостоверения на медицинское изделие (реестровой записи Государственного реестра).

Вышеописанные незаконные действия таможенных органов зачастую становятся предметом судебных разбирательств по заявлениям хозяйствующих субъектов, права и законные интересы которых последовательно нарушаются.

При этом необходимо отметить, что в полномочия таможенных органов входит проверка правильности классификации товаров в соответствии с Единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности (далее по тексту – «ТН ВЭД ЕАЭС»). Для применения вышеуказанных льгот классификация товаров по ТН ВЭД ЕАЭС также имеет значение. Именно данное обстоятельство зачастую используют таможенные органы в качестве механизма для лишения хозяйствующих субъектов льгот: они классифицируют ввезенное медицинское изделие кодом ТН ВЭД ЕАЭС, не соответствующим «льготным» Перечням (то, что формально входит в полномочия таможенных органов). Однако, в случае отсутствия правовых оснований для «переклассификации» медицинских изделий по ТН ВЭД ЕАЭС, таможенные органы идут дальше и часто применяют аргументацию о несогласии с «льготным» кодом ОКПД 2 (ОКП) медицинского изделия, фактически оспаривая его достоверность (то, что в полномочия таможенных органов не входит).

В этой связи примечательной представляется судебная арбитражная практика, согласно которой по смыслу пункта 1 статьи 20 ТК ЕАЭС к полномочиям таможенного органа не относится проверка правильности присвоения кода ОКПД 2 (ОКП) медицинскому изделию, который определяется Росздравнадзором при выдаче регистрационного удостоверения в порядке, установленном правилами государственной регистрации медицинских изделий (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 сентября 2023 года по делу № А46–17063/2022; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 02 февраля 2024 года по делу № А21–10265/2023).

Кроме этого, необходимо подчеркнуть, что в указанных выше делах арбитражные суды констатировали, что код ОКПД 2 медицинского изделия указывается в регистрационном удостоверении не произвольно, а на основании проверки Росздравнадзором представленных на государственную регистрацию документов и проведенной экспертизы.

Согласно действующему нормативному регулированию при совершении регистрационных действий регистрирующий орган проводит проверку полноты и достоверности сведений, содержащихся в документах, представленных в регистрирующий орган, что усматривается из пунктов 67, 81, 89, 108, 114, 122, 136 Правил государственной регистрации медицинских изделий [8].

На основании изложенного процедура государственной регистрации медицинских изделий вопреки распространенным на практике доводам таможенных органов не носит формальный характер. В действительности Росздравнадзор компетентно проверяет как представленную заявителем документацию, так и проводит собственную экспертизу.

Легализация как обязательное условие для введения медицинского изделия в гражданский оборот обусловлена принятием уполномоченным органом властного решения о государственной регистрации. При этом такое властное решение не выносится лишь формально (без проверки), а, напротив, принимается исключительно по результатам всесторонней компетентной проверки полноты и достоверности сведений, содержащихся в документах, представленных заявителем в регистрирующий орган.

Таким образом, факт государственной регистрации медицинского товара в качестве медицинского изделия означает его легализацию, обеспечивающую возможность его введения в гражданский оборот на территории Российской Федерации на законных основаниях.

Российский правопорядок базируется на принципах правовой определенности, обеспечения стабильности экономического оборота и необходимости защиты прав добросовестных участников оборота.

Г.А. Гаджиев указывает, что требование правовой определенности (требование стабильности условий ведения предпринимательской деятельности – его составляющая часть) появилось как один из выявленных Конституционным Судом РФ аспектов принципа верховенства права. Критерий определенности норм позитивного права как конституционное требование к качеству закона был впервые сформулирован

в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 года № 3-П по делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой Л.Н. Ситаловой [2]. Тогда Конституционный Суд Российской Федерации установил, что общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом [1, с. 20].

Неопределенность же содержания правовых норм, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 года № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Шеставина»).

Принцип правовой определенности, зародившийся еще в античные времена [3, с. 278], был известен и дореволюционной юридической науке [5]. Так, И.А. Покровский отмечал: «Одно из первых и самых существенных требований, которые предъявляются к праву развивающейся человеческой личностью, является требование определенности правовых норм. Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспосабливать свое поведение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспосабливаться. ...Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят» [4, с. 91].

Исследуемый принцип предполагает необходимость обеспечения публичной властью стабильности (устойчивости) правового регулирования, его определенности, ясности, и недвусмысленности, а также единообразного понимания и толкования правовых норм в правоприменительной практике.

Применительно к сфере обращения медицинских изделий лица, участвующие в обороте медицинских изделий, должны иметь обеспеченную и гарантированную государством возможность перед тем как выбрать определенную модель поведения понимать действующие нормативные требования, планировать свои юридически значимые действия сообразно таким требованиям и заранее достоверно знать о правовых последствиях выбранной модели поведения.

Принцип же обеспечения стабильности оборота медицинских изделий, в первую очередь, предполагает невозможность произвольного игнорирования или лишения силы юридических фактов, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений в сфере обращения медицинских изделий.

На основании изложенного, практика отдельных арбитражных кассационных судов (Постановления Арбитражного суда Центрального округа от 02 июля 2024 года № Ф10–1711/2024 по делу № А62–1505/2023, Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25 марта 2024 года № Ф01–608/2024 по делу № А11–4999/2022), допускающих и признающих верной осуществленную нижестоящими судами и таможенными органами юридическую переквалификацию зарегистрированных в установленном порядке медицинских изделий в лекарственные средства, представляется недопустимой применительно к принципам правовой определенности и обеспечения стабильности оборота.

Несмотря на наличие выданных в отношении спорных медицинских товаров регистрационных удостоверений и квалификации их Росздравнадзором (совместно с подведомственным экспертным учреждением) в качестве медицинских изделий, арбитражные суды соглашались с выводами таможенных органов и рассматривают данные товары как лекарственные средства. Примечательным является то обстоятельство, что к таким смелым выводам суды приходят даже без назначения по делу судебной экспертизы и в отсутствие требуемых специальных познаний в сфере здравоохранения и товароведения. Суды также не привлекают к участию в деле Росздравнадзор, поскольку формально в данных спорах таможенными органами не оспариваются ни правомерность государственной регистрации конкретного медицинского товара в качестве медицинского изделия, ни действительность содержащихся в регистрационном удостоверении (в реестровой записи Государственного реестра) юридически значимых сведений. То есть данные судебные акты не влекут признание государственной регистрации медицинского изделия незаконной либо признание регистрационного удостоверения (реестровой записи Государственного реестра) недействительным.

При этом указанная переквалификация судами медицинских изделий в лекарственные средства может повлечь возникновение у хозяйствующих субъектов не только существенных финансовых сложностей в связи с отказом в предоставлении льгот при ввозе, но и юридических проблем уже в административной или уголовно-правовой плоскости в связи обращением незарегистрированных лекарственных средств.

Последнее обусловлено тем, что, исходя из содержания императивных норм действующего законодательства, один и тот же медицинский товар не может быть зарегистрирован одновременно и как медицинское изделие, и как лекарственное средство. Так, согласно п. 1 ст. 38 Федерального закона № 323-ФЗ [6] функциональное назначение медицинских изделий не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека, в отличие от лекарственных средств (ст. 4 Федерального закона от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»). Таким образом, законодательство строго разделяет медицинские изделия и лекарственные средства по принципу их основного воздействия на организм человека.

Представляется, что приведенная выше правоприменительная (судебная) практика является юридически неприемлемой, правовая определенность и стабильность оборота не могут быть поставлены под сомнение в ситуации наличия действительного и действующего регистрационного удостоверения на медицинское изделие (реестровой записи Государственного реестра).

В подобных спорах хозяйствующие субъекты, действуя добросовестно, при ввозе медицинских товаров на территорию Российской Федерации исходили из полноты и достоверности сведений, указанных в регистрационных удостоверениях.

С учетом требований принципа правовой определенности, верным представляется подход, согласно которому полнота и достоверность выданных уполномоченным государственным органом (Росздравнадзором) совместно с подведомственным экспертным учреждением юридически значимых документов, к которым закон относит регистрационные удостоверения, предполагается (презюмируется). Предложенный подход получил отражение в решениях Арбитражного суда Калининградской области (Решения Арбитражного суда Калининградской области от 27 октября 2023 года по делу № А21–10264/2023, от 30 октября 2023 года по делу № А21–10265/2023).

Опровержение данной презумпции, по нашему мнению, возможно исключительно в случае оспаривания акта государственной регистрации или регистрационного удостоверения (реестровой записи Государственного реестра) в установленном законом порядке. То есть до признания в установленном законом порядке регистрационного удостоверения на медицинское изделие (реестровой записи Государственного реестра) недействительным или недействующим, его полнота и достоверность должны быть законодательно гарантированы и не могут игнорироваться государственными органами.

На добросовестного участника экономической деятельности также не могут быть возложены и какие-либо неблагоприятные последствия, связанные с ошибками государственного органа, допущенными при государственной регистрации медицинского изделия. Сведения, внесенные в Государственный реестр, должны считаться соответствующими действительности до момента их исключения из Государственного реестра в установленном порядке.

Добросовестный участник оборота не может нести риск наступления неблагоприятных последствий недостоверности или неполноты сведений, содержащихся в регистрационном удостоверении на медицинское изделие (в реестровой записи Государственного реестра). Возложение таких негативных последствий на добросовестного участника оборота представляется чрезмерным и необоснованным.

Лицо, осуществляющее ввоз на территорию Российской Федерации зарегистрированного в установленном порядке медицинского изделия, должно иметь реальные государственные гарантии полноты и достоверности сведений о медицинском изделии, размещенных в Государственном реестре, то есть полнота и достоверность сведений регистрационного удостоверения (реестровой записи Государственного реестра) должны быть гарантированы законодателем.

Следует констатировать, что в настоящий момент в законодательстве о здравоохранении принцип полноты и достоверности сведений регистрационного удостоверения (реестровой записи Государственного реестра) законодательно не регламентирован.

Вместе с тем, в отношении сведений иных государственных реестров принцип публичной достоверности прямо регламентирован законодателем. В качестве примеров можно привести: Единый государственный реестр юридических лиц (пункт 2 статьи 51 Гражданского кодекса РФ, Единый государственный реестр недвижимости (пункт 1 статьи 8.1 Гражданского кодекса РФ, Государственный адресный ре-

есть (ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 443-ФЗ «О федеральной информационной адресной системе и о внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и т.д.

В свете вышеизложенного актуальной проблемой действующего правового регулирования в сфере обращения медицинских изделий видится отсутствие прямой законодательной регламентации принципа достоверности и полноты сведений, содержащихся в Государственном реестре и регистрационном удостоверении на соответствующее медицинское изделие.

Представляется, что такая регламентация будет способствовать обеспечению правовой определенности, стабильности оборота медицинских изделий, а также защите прав добросовестных участников оборота.

На основании изложенного предлагается внести в статью 38 Федерального закона № 323-ФЗ [6] положение о том, что государственная регистрация медицинских изделий осуществляется уполномоченным органом на основе принципов проверки законности оснований регистрации, публичности, полноты и достоверности информации, содержащейся в государственном реестре медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий. Сведения, внесенные в государственный реестр, считаются соответствующими действительности до момента их исключения из государственного реестра в установленном порядке. При этом лицо, добросовестно полагающееся на информацию, содержащуюся в указанном государственном реестре, вправе исходить из того, что она соответствует действительности. На такое лицо не могут быть возложены неблагоприятные последствия неполноты или недостоверности указанной информации.

Литература

1. Гаджиев, Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 16–28.
2. Конституционный Суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1992–1996 / Сост. и отв. ред. Т.Г. Морщакова. – М.: Новый юрист, 1997. – 687 с.
3. Историю происхождения и развития принципа правовой определенности см.: Van Meerbeek J. The Principle of Legal Certainty in the Case Law of the European Court of Justice: From Certainty to Trust // European Law Review. Vol. 41. – 2016. – No. 2. – 652 p.
4. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – 8-е изд. – Москва: Статут, 2020. – с. 351.
5. Крыжан, В.А. О содержании принципа правовой определенности / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова, А.С. Телегина, Т.В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2018. № 1. С. 91–98.
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
7. Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1416 // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 14.
8. Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2024 г. № 1684 // СЗ РФ. 2024. № 50. Ст. 7744.
9. Об утверждении Правил ведения государственного реестра медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий, о внесении изменения в перечень нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов, отдельных положений нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, правовых актов, отдельных положений правовых актов, групп правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, решений Государственной комиссии по радиочастотам, содержащих обязательные требования, в отношении которых не применяются

положения частей 1, 2 и 3 статьи 15 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30 сентября 2021 г. № 1650.: в ред. от 08 июня 2026 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об утверждении формы регистрационного удостоверения на медицинское изделие: Приказ Росздравнадзора от 16 января 2013 г. № 40-Пр/13 // Российская газета. 2013. № 48.

CONSOLIDATING THE PRINCIPLE OF COMPLETENESS AND RELIABILITY OF THE STATE REGISTER OF MEDICAL DEVICES AS A MEANS OF ENSURING LEGAL CERTAINTY, STABLE TURNOVER, AND PROTECTING THE RIGHTS OF BONA FIDE INDIVIDUALS

Sitdykov I.I.

Kutafin Moscow State Law University

This article examines the legal issues faced by importers of medical devices into the Russian Federation. The fact of state registration of medical devices is confirmed by an electronic entry in the State Register of the Federal Service for Surveillance in Healthcare (Roszdravnadzor) or a paper registration certificate (until March 2025). However, customs authorities often attempt to revise certain details of the registration certificate (registry entry). For instance, they change the OKPD 2 (OKP) code of a medical device, which provides an import VAT exemption, to a code that does not provide preferential treatment. Such changes of the official information are carried out by customs outside their authority, even in the presence of a legal registration certificate (registry entry) for the medical device. In practice, customs authorities and courts also reclassify registered medical devices as medicines, which completely nullifies the effect of the registration certificate (registry entry). The author substantiates the thesis that legislative regulation of the principle of the reliability and completeness of the information in the State Register will ensure legal certainty and stability in the commercial turnover of medical devices, and will also protect the rights of bona fide importers from ultra vires actions of customs authorities.

Keywords: Medical devices, registration certificate, registry entry, State Register of medical devices, Roszdravnadzor, reliability, legal certainty, commercial turnover of medical devices, business entities.

References

1. Gadzhiev, G.A. The principle of legal certainty and the role of courts in ensuring it. The quality of laws from the Russian point of view // Comparative Constitutional Review. – 2012. – No. 4. – Pp. 16–28.
2. The Constitutional Court of the Russian Federation: Rulings. Definitions. 1992–1996 / Comp. and ed. by T.G. Morshchakov. – M.: New Lawyer, 1997. – 687 p.
3. For the history of the origin and development of the principle of legal certainty, see: Van Meerbeek J. The Principle of Legal Certainty in the Case Law of the European Court of Justice: From Certainty to Trust // European Law Review. Vol. 41. – 2016. – No. 2. – 652 p.
4. Pokrovsky, I.A. The main problems of civil law / I.A. Pokrovsky. – 8th ed. – Moscow: Statute, 2020. – p. 351.
5. Kryzhan, V.A. On the content of the principle of legal certainty / edited by O.A. Kuznetsova, V.G. Golubtsov, G. Ya. Borisovich, L.V. Borovykh, Yu.V. Vasilyeva, S.G. Mikhailov, S.B. Polyakov, A.S. Telegin, T.V. Shershen // Perm Legal Almanac. An annual scientific journal. 2018. No. 1. pp.91–98.
6. On the basics of public health protection in the Russian Federation: Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011 // SZ RF. 2011. No. 48. Art. 6724.
7. On approval of the Rules for State registration of medical devices: Decree of the Government of the Russian Federation dated December 27, 2012 No. 1416 // SZ RF. 2013. No. 1. Article 14.
8. On approval of the Rules for state registration of medical devices: Decree of the Government of the Russian Federation dated November 30, 2024 No. 1684 // SZ RF. 2024. No. 50. St. 7744.
9. On approval of the Rules for Maintaining the State Register of Medical Devices and Organizations (Individual Entrepreneurs) Engaged in the Manufacture and Manufacture of medical devices, on amendments to the list of regulatory legal acts and groups of Regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation, regulatory legal acts, individual Provisions of regulatory legal acts and groups of regulatory legal acts of federal executive authorities, legal acts, individual provisions of legal acts, groups of legal acts of the executive and administrative bodies of state power of the RSFSR and the USSR, decisions of the State Commission on Radio Frequencies containing mandatory requirements for which the provisions of parts 1, 2 and 3 of Article 15 of the Federal Law “On Mandatory Requirements in the Russian Federation” do not apply, as well as on the invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated September 30, 2021 No. 1650.: as amended. dated June 08, 2026. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
10. On approval of the form of registration certificate for a medical device: Roszdravnadzor Order No. 40-Pr/13 / dated January 16, 2013 // Rossiyskaya Gazeta. 2013. № 48.

К вопросу о возможности принятия модельного меморандума о контроле судов государством порта в арктических портах Российской Федерации

Володин Юрий Алексеевич,

аспирант Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова»
E-mail: oceanlaw@yandex.ru

Скаридов Александр Станиславович,

д.ю.н., профессор, зав. Кафедрой Международного и морского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова»
E-mail: oceanlaw@yandex.ru

В статье рассматриваются правовые и организационные предпосылки формирования регионального механизма контроля судов государством порта (КСГП) применительно к арктическим портам Российской Федерации и обсуждается целесообразность разработки соответствующего модельного меморандума. Анализируются институт КСГП и сложившаяся система региональных меморандумов о взаимопонимании, особенности правового режима судоходства в полярных водах и пробелы в механизме принудительного исполнения Полярного кодекса, а также положение Российской Федерации в системе регионального портового контроля после приостановления её участия в Парижском меморандуме в 2022 г. Предлагается концепция модельного меморандума как акта «мягкого права» административного характера, увязанного с требованиями Полярного кодекса и адаптированного к специфике арктического судоходства. Определяются возможный субъектный состав, предмет и механизм функционирования инструмента, рассматриваются риски его реализации, включая опасность фрагментации глобальной системы гармонизированного портового контроля. Делается вывод о принципиальной осуществимости и обоснованности инициативы при условии её координации с Международной морской организацией и действующими региональными меморандумами.

Ключевые слова: Арктика; Северный морской путь; контроль судов государством порта; модельный меморандум; Полярный кодекс; международное морское право; безопасность мореплавания; защита морской среды; Парижский меморандум; Токийский меморандум.

Изменение климата и сокращение площади ледяного покрова в Северном Ледовитом океане превращают акваторию Арктики из малодоступного региона в перспективное направление международного судоходства. Рост грузопотока по Северному морскому пути (СМП), реализация крупных углеводородных и инфраструктурных проектов, а также интерес к арктическому транзиту со стороны неарктических государств закономерно повышают требования к безопасности мореплавания и защите уязвимой морской среды высоких широт.

Правовой ответ международного сообщества на эти вызовы – Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс)¹, вступивший в силу 1 января 2017 г. и придавший обязательную силу специальным требованиям к конструкции, оборудованию, подготовке экипажей и предотвращению загрязнения. Вместе с тем Полярный кодекс не создаёт собственного механизма принуждения к исполнению: контроль за соблюдением его положений возложен на государства флага и государства порта в рамках уже существующих инструментов, прежде всего института контроля судов государством порта (далее – КСГП) и системы региональных меморандумов о взаимопонимании.

Применительно к российской Арктике сложилась особая ситуация. С одной стороны, Российская Федерация располагает наиболее протяжённым арктическим побережьем, развитой системой морских портов и значительным институциональным потенциалом в сфере портового контроля. С другой стороны, после приостановления в 2022 г. участия России в Парижском меморандуме – региональном механизме, охватывающем воды Европы и Северной Атлантики, – образовался пробел в скоординированном портовом контроле на европейском фланге Арктики, тогда как акватория СМП и без того находится вне географической сферы действия большинства региональных меморандумов. Одновременно фиксируется рост числа судов с сомнительной классификацией, преклонного возраста и без ледового класса, претендующих на эксплуатацию в арктических водах, что повышает экологические и навигационные риски².

В этих условиях закономерно возникает вопрос о возможности и целесообразности разработки модельного меморандума о контроле судов государством порта в арктических портах Российской Федерации – инструмента, который позволил бы системно обеспечить исполнение Полярного кодекса, восполнить организационный пробел и закрепить регулируемую роль России в Арктике. Настоящая статья посвящена анализу правовых и организационных предпосылок такой инициативы, определению возможной правовой природы, субъектного состава, предмета и механизма функционирования предлагаемого инструмента, а также оценке сопутствующих рисков.

Контроль судов государством порта представляет собой проверку иностранных судов, заходящих в порты прибрежного государства, на предмет их соответствия требованиям международных конвенций в области безопасности мореплавания, предотвращения загрязнения, условий труда и жизни моряков. КСГП служит «второй линией защиты» по отношению к ответственности государства флага: он позволяет выявлять и устранять нарушения в случаях, когда судовладелец и администрация флага не обеспечили надлежащее исполнение международных стандартов, вплоть до задержания судна и запрета на заход в порты региона.

Правовым основанием института выступают как универсальные конвенции Международной морской организации (ИМО) и Международной организации труда – СОЛАС-74, МАРПОЛ-73/78, ПДНВ-78, Конвенция о грузовой марке 1966 г., КТМС-2006 и другие, – содержащие положения о контроле в порту, так и Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Статьи 218 и 219 Конвенции наделяют государство порта полномочиями по расследованию нарушений правил предотвращения загрязнения и принятию мер в отношении немореходных судов, а ста-

¹ Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс)

² См. Clean Arctic Alliance. Доклад о практике судоходства в акватории Северного морского пути. 2025. URL: <https://safety4sea.com/ngo-draws-attention-to-dangerous-practices-in-the-northern-sea-route/>; Тодоров А.А. Сотрудничество в области портового контроля в Арктике как инструмент реализации Полярного кодекса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 5. С. 160–176.

ть 25 закрепляет право устанавливать условия захода в порты и внутренние воды¹.

Исторически первой формой согласованного портового контроля стал Гаагский меморандум 1978 г., однако катализатором институционализации послужила авария танкера «Амоко Кадис». В 1982 г. был подписан Парижский меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта, ставший образцом для последующих региональных соглашений². К настоящему времени действуют девять региональных меморандумов – наряду с Парижским это Токийский (Азиатско-Тихоокеанский регион, 1993), Карибский, Средиземноморский, меморандумы Индийского океана, Чёрного моря, Латинской Америки (Соглашение Винья-дель-Мар), Западной и Центральной Африки (Абуджийский) и Эр-Риядский, – а также самостоятельный режим Береговой охраны США.

Современный механизм КСГП основан на риск-ориентированном подходе. Каждому судну присваивается профиль риска (высокий, стандартный или низкий) в зависимости от типа и возраста судна, «флага» и его места в «белом», «сером» или «чёрном» списках государств флага, репутации признанной организации, истории задержаний и результатов компании. На основе профиля определяются периодичность и тип проверки – первоначальная, более детальная или расширенная. Выявленные несоответствия подлежат устранению; при наличии явных оснований судно может быть задержано, а при систематических нарушениях – лишено права захода в порты региона. Координацию обеспечивают общие информационные системы и регулярные кампании целевых проверок (Concentrated Inspection Campaigns).

Принципиально важно, что меморандумы о взаимопонимании не являются международными договорами в строгом смысле: это административные договорённости между морскими администрациями, имеющие характер «мягкого права». Они не требуют ратификации и налагают на участников политические, а не юридические обязательства, что обеспечивает гибкость и оперативность их применения. ИМО последовательно поощряет гармонизацию процедур между региональными режимами, рассматривая их как взаимодополняющие элементы единой глобальной системы портового контроля.

Эксплуатация судов в полярных водах сопряжена со специфическими рисками: наличием льда, низкими температурами, удалённостью от баз и средств спасания, ограниченной гидрографической изученностью и повышенной уязвимостью экосистем. Полярный кодекс учитывает эти факторы, устанавливая обязательные требования по безопасности (часть I-A) и предотвращению загрязнения (часть II-A) и дополняя их рекомендательными положениями. Среди ключевых элементов – Свидетельство судна полярного плавания, Наставление по эксплуатации в полярных водах, требования к ледовому классу и конструкции, к остойчивости и спасательным средствам, а также сопряжённые с Кодексом поправки к ПДНВ о подготовке экипажей³.

Юридически Полярный кодекс реализован через поправки к СО-ЛАС (глава XIV) и к МАРПОЛ, то есть встроен в действующие конвенции. Однако сам Кодекс не учреждает специализированного режима принудительного исполнения. Проверка соответствия его требованиям осуществляется в общем порядке КСГП, что порождает несколько практических пробелов.

Во-первых, региональные меморандумы изначально проектировались без учёта арктической специфики; их инспекционные процедуры и профили риска лишь недавно начали дополняться элементами, относящимися к полярному плаванию (в частности, проводились целевые кампании проверок по Полярному кодексу). Во-вторых, акватория Северного морского пути и большинство российских арктических портов фактически находятся вне зоны систематического действия региональных меморандумов: проверки в этих портах опираются преимущественно на национальное законодательство государства порта. В-третьих, приостановление участия России в Парижском меморандуме в 2022 г. ослабило координацию контроля на стыке Северной Атлантики и Баренцева региона.

Образующийся пробел приобретает практическое измерение. По оценкам профильных наблюдателей, в арктические воды всё чаще допускаются возрастные танкеры и сухогрузы без подтверждённого ледового класса, эксплуатируемые под «удобными» флагами, в том

числе отнесёнными к «серым» категориям в списках меморандумов⁴. Такая практика повышает вероятность аварий и загрязнения в районах, где ликвидация последствий крайне затруднена. Отсюда – потребность в специализированном, увязанном с Полярным кодексом механизме портового контроля, способном результативно отсеивать субстандартные суда на входе в арктические порты.

Российская Федерация исторически является активным участником института КСГП. Она входила в Парижский меморандум (участие приостановлено в 2022 г. «ввиду международной обстановки»), а также состоит в Токийском и Черноморском меморандумах. Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что Азиатско-Тихоокеанская компьютеризированная информационная система (APCIS) – база данных Токийского меморандума – разрабатывается и поддерживается российским Информационно-координационным центром по контролю судов государствами порта и флага. Это свидетельствует о наличии у России развитой технической и кадровой инфраструктуры портового контроля, которая может быть задействована при создании арктического механизма.

Контроль судоходства в российской Арктике опирается и на национальное законодательство. Федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации»⁵ и Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации⁶, а также правила плавания в акватории СМП формируют разрешительную систему: иностранные суда обязаны заблаговременно получать разрешение на проход, использовать услуги ледокольного и лоцманского сопровождения и соответствовать установленным требованиям. Администрирование возложено на Главное управление Северного морского пути в структуре государственной корпорации, отвечающей за инфраструктуру СМП.

Вместе с тем разрешительная система СМП по своей природе является механизмом допуска и контроля навигации, юридически опирающимся на статью 234 Конвенции ООН по морскому праву о открытых льдах районах⁷. Она не тождественна классическому КСГП, предметом которого выступает проверка технического состояния, документации и эксплуатационного соответствия судна международным конвенциям непосредственно в порту захода. Иными словами, разрешительный режим регулирует, кто и на каких условиях может войти в акваторию, тогда как портовый контроль проверяет, в каком состоянии судно фактически находится. Эти инструменты дополняют друг друга, но не заменяют один другой.

Таким образом, приостановление участия в Парижском меморандуме создало не только пробел, но и стимул: Россия обладает возможностью и интересом в выстраивании собственного, увязанного с Полярным кодексом механизма портового контроля в Арктике, который мог бы быть оформлен как модельный инструмент.

Под модельным меморандумом в настоящей работе понимается типовый акт «мягкого права» административного характера, определяющий согласованные принципы, процедуры и стандарты контроля судов государством порта в арктических портах и открытый для присоединения заинтересованных морских администраций. Выбор формы меморандума, а не международного договора, обусловлен преимуществами гибкости: отсутствием необходимости ратификации, оперативностью внесения изменений и возможностью адаптации к меняющейся обстановке. «Модельный» характер означает, что документ изначально проектируется как образец (шаблон), который может быть воспринят как национальным регулированием Российской Федерации, так и – при наличии политической воли – морскими администрациями государств, чьи суда эксплуатируются в арктических водах.

Подобная конструкция согласуется с отечественной традицией модельного нормотворчества (модельные законы и акты, принимаемые в рамках межпарламентских структур интеграционных объединений) и одновременно опирается на устоявшуюся международную практику меморандумов КСГП. Идея сотрудничества в области портового контроля в Арктике как инструмента реализации Полярного кодекса уже

¹ Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 года (ст. 25, 218, 219, 234)

² Парижский меморандум о взаимопонимании о контроле судов государством порта 1982 года (с изменениями)

³ См. Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс): резолюции КБМ MSC.385(94) и КЗМС МЕРС.264(68). Вступил в силу 1 января 2017 г.

⁴ См. Clean Arctic Alliance. Доклад о практике судоходства в акватории Северного морского пути. 2025. URL: <https://safety4sea.com/ngo-draws-attention-to-dangerous-practices-in-the-northern-sea-route/>

⁵ Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (с изменениями).

⁶ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации

⁷ См. Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в международном праве. Часть I // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 142–164; Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в международном праве. Часть II // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 130–147.

выдвигалась в отечественной литературе¹, что подтверждает её теоретическую обоснованность.

Ядром предлагаемого механизма выступает российская морская администрация – Федеральное агентство морского и речного транспорта, капитании морских портов Арктического бассейна и Информационно-координационный центр по контролю судов. Сфера применения охватывает арктические морские порты Российской Федерации (Мурманск, Архангельск, Сабетта, Дудинка, Диксон, Тикси, Певек и другие), а предметно – суда, осуществляющие международные рейсы и эксплуатирующиеся в полярных водах.

Открытый характер модельного меморандума предполагает потенциальное присоединение морских администраций дружественных государств и государств, активно использующих СМП. При этом следует учитывать объективное ограничение: приарктическими прибрежными государствами являются лишь Россия, Норвегия, Дания (Гренландия), Канада, США и Исландия, и в текущих условиях полноформатное региональное сотрудничество со всеми из них затруднено. Поэтому на начальном этапе инструмент реалистично рассматривать как преимущественно национальный по охвату, но оформленный в логике модельного акта, открытого к расширению субъектного состава по мере формирования благоприятной международной конъюнктуры.

Предметом контроля в рамках меморандума должны выступать соответствие судна требованиям СОЛАС-74², МАРПОЛ-73/78³, ПД-НВ-78⁴, Конвенции о грузовой марке⁵, КТМС-2006⁶ и, что особенно важно, Полярного кодекса⁷. Применительно к арктической специфике приоритетное внимание уделяется наличию и действительности Свидетельства судна полярного плавания, Наставления по эксплуатации в полярных водах, подтверждению ледового класса и его соответствию фактическим ледовым условиям, готовности систем к работе при низких температурах, а также подготовке и сертификации экипажа для плавания в полярных водах.

Организационно модельный меморандум целесообразно строить на проверенной архитектуре действующих режимов КСГП с её адаптацией к арктическим условиям. Базовым элементом выступает специализированный арктический профиль риска, дополняющий стандартные параметры (тип, возраст и флаг судна, история задержаний, репутация компании и признанной организации) показателями, релевантными для полярного плавания: наличием и категорией ледового класса, действительностью полярных документов, опытом эксплуатации в высоких широтах.

На основе профиля риска формируется схема выбора судов для проверки и определяются её тип и периодичность. При выявлении несоответствий, прежде всего связанных с Полярным кодексом, предусматриваются устранение недостатков, а при наличии явных оснований – задержание судна и, в случае систематических нарушений, отказ в заходе в арктические порты. Эффективность системы обеспечивается единой информационной базой данных проверок и задержаний; при этом имеющиеся у России компетенции в эксплуатации системы APCIS позволяют развернуть аналогичный по логике информационный контур для арктического контроля.

Дополнительными инструментами выступают периодические целевые кампании проверок, сфокусированные на отдельных аспектах Полярного кодекса (например, на готовности к низким температурам или достаточности спасательных средств), публикация обобщённой статистики, а также ведение перечней государств флага и признанных организаций с учётом их результативности. Совокупность этих мер придаёт механизму предсказуемость и сопоставимость с международной практикой.

Реализация инициативы сопряжена с рядом проблем, требующих взвешенной оценки. Во-первых, ограниченность круга потенциальных государств-участников снижает «региональность» инструмента: в текущих условиях он рискует функционировать как преимущественно

односторонний национальный режим, что ослабляет аргумент в пользу формы меморандума по сравнению с прямым совершенствованием национального законодательства.

Во-вторых, создание нового регионального режима может восприниматься как фактор фрагментации глобальной системы гармонизированного портового контроля, последовательно поддерживаемой ИМО. Минимизировать этот риск возможно за счёт максимальной совместимости процедур и профилей риска с действующими меморандумами и информирования ИМО о вводимых механизмах.

В-третьих, существует политико-правовое измерение: инициатива может интерпретироваться частью международного сообщества как средство легитимации расширительного толкования прав прибрежного государства в акватории СМП, в том числе в контексте статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву. Корректное позиционирование инструмента именно как механизма исполнения универсальных конвенций и Полярного кодекса, а не как инструмента ограничения судоходства, способно снизить остроту подобных оценок.

В-четвёртых, практические ограничения связаны с удалённостью и сезонной доступностью арктических портов, потребностью в квалифицированном инспекторском составе и материально-технической базе для проверок в суровых условиях. Наконец, чувствительным вопросом остаётся защита и нейтральность данных в общей информационной системе. Тем не менее каждый из перечисленных рисков представляется управляемым при надлежащем правовом оформлении и поэтапном внедрении.

Проведённый анализ позволяет заключить, что принятие модельного меморандума о контроле судов государством порта в арктических портах Российской Федерации является принципиально осуществимым и обоснованным при соблюдении ряда условий. Инициатива отвечает объективной потребности в результативном исполнении Полярного кодекса, восполняет организационный пробел, образовавшийся в том числе вследствие приостановления участия России в Парижском меморандуме, и опирается на значительный институциональный потенциал страны в сфере портового контроля.

Наиболее реалистичной представляется поэтапная модель реализации: первоначально – как усиленный национальный режим КСГП в арктических портах, прямо увязанный с требованиями Полярного кодекса и оформленный в виде модельного акта, открытого для присоединения заинтересованных морских администраций; в дальнейшем – при формировании благоприятной международной конъюнктуры – как основа для более широкого регионального сотрудничества. Залогом успеха выступает координация с Международной морской организацией и совместимость процедур с действующими меморандумами, что позволит избежать фрагментации глобальной системы портового контроля и одновременно укрепит роль России как ответственного регулятора арктического судоходства и защитника уязвимой морской среды высоких широт.

Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на разработке проекта текста модельного меморандума, методики арктического профиля риска и сравнительно-правовом анализе соотношения предлагаемого инструмента с разрешительной системой Северного морского пути.

Литература

1. Тодоров А.А. Сотрудничество в области портового контроля в Арктике как инструмент реализации Полярного кодекса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 5. С. 160–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-160-176.
2. Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в международном праве. Часть I // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 142–164. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.142.
3. Гудев П.А. Северный морской путь: проблемы легитимизации национального статуса в международном праве. Часть II // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 130–147. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.130.
4. Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс): резолюции КБМ MSC.385(94) и КЗМС МЕРС.264(68). Вступил в силу 1 января 2017 г.
5. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС-74) с поправками.
6. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года, изменённая Протоколом 1978 года (МАРПОЛ-73/78).
7. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 года.
8. Парижский меморандум о взаимопонимании о контроле судов государством порта 1982 года (с изменениями).
9. Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» (с изменениями).

¹ Тодоров А.А. Сотрудничество в области портового контроля в Арктике как инструмент реализации Полярного кодекса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 5. С. 160–176.

² Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС-74) с поправками

³ Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года, изменённая Протоколом 1978 года (МАРПОЛ-73/78)

⁴ Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года.

⁵ международная конвенция о грузовой марке 1966 года, изменённая протоколом 1988 года к ней (КГМ-66/88) (с изменениями на 4 декабря 2013 года) (редакция, действующая с 28 февраля 2024 года).

⁶ Конвенция о труде в морском судоходстве (КТМС-2006).

⁷ Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс): резолюции КБМ MSC.385(94) и КЗМС МЕРС.264(68). Вступил в силу 1 января 2017 г.

10. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (с изменениями).

11. Clean Arctic Alliance. Доклад о практике судоходства в акватории Северного морского пути. 2025. URL: <https://safety4sea.com/ngo-draws-attention-to-dangerous-practices-in-the-northern-sea-route/>

ON THE POSSIBILITY OF ADOPTING A MODEL MEMORANDUM ON PORT STATE CONTROL OF VESSELS IN ARCTIC PORTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Volodin Yu., Skaridov A.

Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

This article examines the legal and organizational prerequisites for the formation of a regional port State control (PSC) mechanism for the Arctic ports of the Russian Federation and discusses the feasibility of developing a corresponding model memorandum. It analyzes the PSC institution and the existing system of regional memoranda of understanding, the specifics of the legal regime for shipping in polar waters, and gaps in the enforcement mechanism of the Polar Code, as well as the position of the Russian Federation in the regional port control system after the suspension of its participation in the Paris Memorandum in 2022. The concept of a model memorandum as an administrative soft law act is proposed, aligned with the requirements of the Polar Code and adapted to the specifics of Arctic shipping. The possible composition, object, and mechanism of operation of the instrument are determined, and the risks of its implementation are considered, including the danger of fragmentation of the global harmonized port control system. The conclusion is that the initiative is fundamentally feasible and justifiable, provided it is coordinated with the International Maritime Organization and existing regional memorandums.

Keywords: Arctic; Northern Sea Route; port State control; model memorandum; Polar Code; international maritime law; maritime safety; marine environmental protection; Paris Memorandum; Tokyo Memorandum.

References

1. Todorov, A. A. «Cooperation in Port Control in the Arctic as a Tool for Implementing the Polar Code» // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 2019. Vol. 12. № 5. pp. 160–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-5-160-176.
2. Gudev, P. A. «The Northern Sea Route: Problems of Legitimizing National Status in International Law. Part I» // *Arctic and North*. 2020. № 40. pp. 142–164. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.142.
3. Gudev, P. A., «The Northern Sea Route: Legitimizing National Status in International Law. Part II.» *Arctic and North*. 2020, № 41, pp. 130–147. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.130.
4. The International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code): MSC Resolutions MSC.385(94) and MEPC Resolution MEPC.264(68). Entered into force on 1 January 2017.
5. The International Convention for the Safety of Life at Sea, 1974 (SOLAS-74), as amended.
6. International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973, as amended by the Protocol of 1978 (MARPOL 73/78).
7. United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982.
8. Paris Memorandum of Understanding on Port State Control, 1982 (as amended).
9. Federal Law № 155-FZ of July 31, 1998, «On the Internal Maritime Waters, Territorial Sea, and Contiguous Zone of the Russian Federation» (as amended).
10. Merchant Shipping Code of the Russian Federation, April 30, 1999, № 81-FZ (as amended).
11. Clean Arctic Alliance. Report on Shipping Practices in the Waters of the Northern Sea Route. 2025. URL: <https://safety4sea.com/ngo-draws-attention-to-dangerous-practices-in-the-northern-sea-route/>

Соотношение целевой природы утилизационного сбора и принципа общего (совокупного) покрытия расходов бюджета: зарубежный опыт финансово-правового регулирования

Сохань Михаил Максимович,

аспирант Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: Sokhan.official@gmail.com

В статье рассматривается правовое противоречие между целевым характером утилизационного сбора в Российской Федерации и принципом общего (совокупного) покрытия расходов бюджета, закрепленным в ст. 35 БК РФ. Автор анализирует фискальную и регулирующие функции утилизационного сбора, а также неопределенность его правовой квалификации в условиях действующего бюджетного законодательства. На основании изучения зарубежного опыта финансово-правового регулирования в странах Европейского Союза (использование негосударственных организаций, невключение утилизационного сбора в бюджет), и Латинской Америки (законодательное закрепление исключений из принципа универсальности бюджета, создание государственных фондов) выявляются модели разрешения указанного противоречия. Особое внимание уделяется механизмам «окрашивания доходов», парафискальных взносов, казначейскому контролю и рискам реализации каждой из зарубежных моделей. В заключение предлагается компромиссное решение для российской правовой системы: создание специального казначейского счета и специализированной организации с обеспечением ее прозрачности и строгой отчетности, при наличии казначейского сопровождения, что позволит сохранить целевую направленность сбора без формального нарушения принципа общего (совокупного) покрытия расходов.

Ключевые слова: утилизационный сбор, принцип общего (совокупного) покрытия расходов, целевые доходы, казначейские счета, расширенная ответственность производителей, бюджетные фонды, парафискальные взносы.

В последние 15 лет в отечественной налоговой системе все большее распространение получают обязательные платежи, имеющие целевое назначение. Такая характеристика наиболее часто применима в отношении экологического сбора, целевой характер которого закрепляется в п. 15 ст. 24.5 Федерального закона от 24.06.1998 N 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»¹. Однако целевое назначение платежа, как существенная его характеристика, свойственна более широкому спектру обязательных платежей: курортному сбору, целевым доходам, аккумулируемым в дорожные фонды, средствам, полученным от реализации конфискованного имущества, приобретенного в результате коррупционных преступлений. Наибольший же рост доходов за последние 5 лет обеспечивает утилизационный сбор, который, по данным Министерства Финансов РФ, принес в казну 1,1 трлн рублей за 2025 год, что в 1,7 раза выше аналогичных показателей в 2023 году.

В 2024 году тарифы резко увеличились на 70–85%, а также был утвержден график индексации сбора до 2030 года с ежегодным шагом в 10–20%. Благодаря новым правилам расчета, в 2025 году многократно выросли платежи на транспортные средства в зависимости от их мощности. Но основное правовое противоречие, связанное со своеобразным «отложенным эффектом», когда при взимании предполагается дальнейшее использование данных средств на социально или экономически значимые цели, заложенные в самой характеристике платежа законодателем, не разрешается, а лишь поправляется новыми примерами. Целевой характер платежа в данном случае идет вразрез с принципом общего (совокупного) покрытия расходов, предусмотренным ст. 35 БК РФ. Указанный принцип подразумевает, что расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета². Следовательно, какой бы ни была целевая направленность платежа, при поступлении в бюджет он теряет свой целевой окрас и взаимосвязь с будущими расходами. Как отмечает И.С. Андреев, принцип общего (совокупного) покрытия расходов является системообразующим для современной бюджетной системы РФ, и законодатель крайне консервативно подходит к исключениям из него, при этом сохраняя активную роль, вводя новые целевые доходы³. О.В. Богачева обосновывает попытки ограничить целевые доходы, придерживаясь принципа универсальности бюджета, но подчеркивает, что при их неизбежном наличии, противоречие с данным принципом должно быть устранено введением поправок в Бюджетный кодекс РФ⁴.

Утилизационный сбор в данном случае не является исключением. Как неоднократно отмечал Конституционный суд, само наименование платежа и его обусловленность в налоговой системе определяют его целевое назначение⁵. Одновременно, отмечается фактическая слабая связь данного сбора с его экологической природой. Так, А.В. Реут пишет о приоритете фискальной функции сбора над его компенсационной направленностью⁶, а М.С. Гордиенко отмечает его действие, как элемента протекционистской политики государства, не связанного с изначально экологической функцией⁷. Тем не менее, равносильная

¹ Федеральный закон от 24.06.1998 N 89-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об отходах производства и потребления» [с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025] – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/ (дата обращения: 06.04.2026).

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ [принят Государственной Думой 17 июля 1998 года]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 06.04.2026).

³ Андреев И.С. Нормативное содержание и практика применения принципа общего (совокупного) покрытия расходов в бюджетной системе Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2024. Т. 19. – № 6. – С. 36.

⁴ Принцип общего (совокупного) покрытия расходов и целевые бюджетные доходы / О.В. Богачева // Финансы и кредит. – 2015. – № 16 (640). – С. 46.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2016 No 14-П – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198968/ (дата обращения: 19.01.2026).

⁶ Реут А.В. Фискальная и регулирующие функции утилизационного сбора // Финансовое право. 2013. No 3. С. 18.

⁷ Гордиенко М.С. Утилизационный сбор в системе фискальных неналоговых платежей РФ // Налоги и налогообложение. 2019. № 10. С. 29.

обеспечению технологического и экономического суверенитета важность гарантий экологической безопасности для нынешних и будущих поколений, не позволяют игнорировать экологическую составляющую утилизационного сбора: проблему противоречия его целевой направленности основным принципам бюджетной системы и коллизии и сложности в финансово-правовой квалификации сбора, создаваемые данными противоречиями.

В мировой практике не являются новыми ни утилизационный сбор или его аналоги, ни сама проблема его противоречия принципу общего (совокупного) покрытия расходов в национальных бюджетных системах. В странах ЕС и Великобритании активно применяется утилизация производителями автомобилей с истекшим сроком эксплуатации. Схожие институты существуют в Норвегии, Швейцарии, Чили, Бразилии, Индии, КНР, Южной Корее, ЮАР. Иные страны устанавливают аналогичные налоги или сборы, не включая производителей в механизм их взимания, такие как Сербия, Тайвань, Япония. Наконец, в странах ЕАЭС, Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане существуют аналоги российского утилизационного сбора. Одновременно, принцип универсальности бюджета, который является более общим наименованием принципа общего (совокупного) покрытия расходов, существует во многих из вышеперечисленных: в странах ОЭСР, а также Бразилии, Китае и ряде других.

В целях совершенствования отечественной финансово-правовой системы, интерес представляет то, как эти страны разрешают противоречия целевой направленности утилизационного сбора и принципа общего (совокупного) покрытия расходов собственных бюджетных систем.

Концепции «ассигнированных доходов» и расширенной ответственности производителей в странах Европейского Союза

В ЕС существует достаточно строгий принцип универсальности, установленный ст. 22 Финансового регламента ЕС 2024/2509, согласно которому доходы и расходы отражаются в бюджете в полном объеме без какой-либо взаимной привязки¹. Существование широкого спектра целевых доходов, особенно внешних, таких как взносы стран-членов на конкретные программы, регулируется реализованной ЕС концепцией «ассигнированных доходов» (*assigned revenue*). Это легальный механизм, позволяющий связать определенные поступления с конкретными расходами вопреки принципу универсальности. Таким образом, вместо запрета целевых сборов предусмотрена их жесткая регламентация. Ассигнованные доходы подлежат обязательному отражению в бюджете и автоматически переносятся на следующий год, если не потрачены. По смыслу, происходит «окрашивание» доходов: в бюджете они помечаются специальной отметкой *p.m.* (*pro memoria*), а контроль за их целевым исполнением осуществляют национальные казначейства².

Это важный для понимания принципа «окрашивания доходов» механизм, однако, применительно к утилизационному сбору в ЕС, используется несколько отличный подход. Средства, полученные от его взимания, не направляются в бюджет и даже не администрируются государством. Правовая основа этой модели – Статья 8а Директивы 2008/98/ЕС, которая требует, чтобы государства-члены ЕС обеспечили создание систем, где производители берут на себя организационную и финансовую ответственность за отходы³. Производители участвуют в «Организации ответственности производителей» (*Producer Responsibility Organisation, PRO*), выплачивают в него утилизационный сбор, включаемый в свою очередь в стоимость транспортного средства на стадии ценообразования. PRO – это, как правило, некоммерческая организация, управляемая отраслевым ведомством, или уполномоченная государством некоммерческая структура. Она аккумулирует средства, полученные от сбора, и распоряжается ими: оплачивает услуги сборщиков, переработчиков, операторов по утилизации, а также финансирует инфраструктуру⁴.

¹ Regulation (EU, Euratom) 2024/2509 of the European Parliament and of the Council of 23 September 2024 on the financial rules applicable to the general budget of the Union (recast). EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/2509/oj/eng> (дата обращения: 11.05.2026)

² Regulation (EU, Euratom) 2018/1046 of the European Parliament and of the Council of 18 July 2018 on the financial rules applicable to the general budget of the Union, amending Regulations (EU) № 1296/2013, (EU) № 1301/2013, (EU) № 1303/2013, (EU) № 1304/2013, (EU) № 1309/2013, (EU) № 1316/2013, (EU) № 223/2014, (EU) № 283/2014, and Decision № 541/2014/EU and repealing Regulation (EU, Euratom) № 966/2012. Legislation.Gov.UK. URL: <https://www.legislation.gov.uk/eur/2018/1046/part/ONE/title/all/chapter/5/adopted/data.pdf#1#1> (дата обращения: 11.05.2026)

³ Directive 2008/98/EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives (Waste Framework Directive) // Official Journal of the European Union. – 2008. – L 312. – P. 3–30.

⁴ Revolution in the EPR system and new challenges for entrepreneurs. CMS Law. URL: <https://cms.law/en/pol/legal-updates/revolution-in-the-epr-system-and-new-challeng>

Применительно к опыту России представляется, что в условиях отсутствия большого числа экономически успешных производителей, данная модель не будет достаточно эффективной, а создание дополнительной отдельной некоммерческой структуры создаст дополнительные факторы риска: может быть сопряжено с неэффективностью, коррупционностью и противоречием принципу единства налоговой системы РФ.

Возложение же данной функции на государственную структуру, в частности, государственный фонд, также имеет свои противоречия, что подтверждается текущим сложившимся дискурсом в ЕС вокруг Польши. Там избрана модель, где функции единого PRO выполняет Национальный фонд охраны окружающей среды и водного хозяйства – государственное юридическое лицо. Однако, в таком случае, когда государственный фонд распределяет средства по своему усмотрению, по мнению экспертов теряется связь с конкретной услугой для того или иного производителя. Платеж приобретает свойство налога, переставая быть платой за утилизацию. По мнению Еврокомиссии, в государственных моделях существует риск незаконной государственной помощи и искажения конкуренции, когда государственный PRO получает привилегии перед частными организациями⁵.

Фонды и институционализация парафискалитетов в странах Латинской Америки

В Бразилии действует бюджетное правило, закрепленное в ст. 167, IV Конституции Бразилии 1988 года. Согласно этому принципу, запрещается привязка доходов от налогов к конкретным расходам или органам власти⁶. Однако, «утильсбор» по своей природе является не налогом (*imposto*), а либо ценой публичной услуги (*preço público*), либо сбором за осуществление полицейских полномочий/воздействие (*taxa*), либо компенсацией (*compensação*). Бразильское право решает эту проблему путем конституционного закрепления исключений из правила ст. 167 и создания механизма целевых фондов.

Федеральная Конституция напрямую разрешает нарушать принцип универсальности в целях охраны окружающей среды⁷. Это создает правовую основу для экологических сборов, к которым относится и аналог утилизационного сбора в Бразилии (экологический сбор или обязательство по утилизации действует в рамках национальной политики твердых отходов). Однако на практике это нивелирует принцип универсальности бюджета из-за огромного объема целевых доходов, закрепленных в конституции. Проблема стала настолько существенной, что законодатель был вынужден вводить ограничения в процентах от ВВП на поступления от целевых доходов (например, в 2006 году ограничение составило 16%)⁸. В результате возник своеобразный кризис фискальной гибкости. Ключевым решением «проблемы лимитов» стало создание специализированных фондов. Основным институтом в рамках утилизационного сбора является Национальный экологический фонд, созданный Законом № 7.797 от 10 июля 1989 года. Средства, полученные от сбора, закрепляются за ним, а не за министерством или статьей бюджета общего назначения. Они поступают на специальные бюджетные счета фондов⁹. Хотя формально они входят в консолидированный бюджет государства, законодательно установлен лимит, запрещающий их использование в рамках других статей расходов. Федеральный Конституционный суд (*Supremo Tribunal Federal, STF*) неоднократно подтверждал конституционность таких фондов, как исключений из ст. 167 Конституции, мотивируя это уникальной природой экологического права, как права третьего поколения¹⁰.

В бразильской финансово-правовой доктрине лимиты на целевые доходы выполняют двойную функцию. Проблема решается через юридическую нерушимость назначения (*Vinculação*). Нарушение этой нормы является актом нецелевого расходования средств, что влечет

es-for-entrepreneurs#utm_campaign=redirect_law-now (дата обращения 02.05.2026)

⁵ Extended producer responsibility schemes and EU law on competition and environment. Pappers politique. URL: <https://politique.pappers.fr/question/extended-producer-responsibility-schemes-and-law-competition-and-environment-QEPR1017428?q=> (дата обращения 02.05.2026)

⁶ Конституция Федеративной Республики Бразилия. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicaocompilado.htm (дата обращения: 11.05.2026).

⁷ Там же

⁸ Off-Budget Operations report. Public Policy Management and Transparency Network: Development Effectiveness and Result-Based Budget Management. URL: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Off-Budget-Operations-Report.pdf#20#5> (дата обращения 11.05.2026)

⁹ Lei № 7.797 de 10 de julho de 1989. URL: https://legislacao.presidencia.gov.br/ficha/?/legisla/legislacao.nsf/View_Identificacao/lei.7.797-1989&OpenDocument (дата обращения 11.05.2026).

¹⁰ Brasil. Supremo Tribunal Federal. ADPF 760 / DF. URL: https://climatecasechart.com/wp-content/uploads/non-us-case-documents/2024/20240313_ADPF-760_judgment.pdf (дата обращения 15.05.2026)

уголовную ответственность по Закону № 8.429/92 (Закон об административной недобросовестности)¹. Лимиты защищают экологический сбор от «общего покрытия расходов». Суд в свою очередь устанавливает, что муниципалитеты обязаны доказывать направление средств в конкретные экологические фонды, иначе плата признается незаконным налогом².

Основная часть функций по мониторингу лежит на Бразильском банке развития (BNDES). Он выступает не просто финансовым агентом, но и оператором фондов. BNDES перечисляет средства, анализирует проекты, заключает контракты и отслеживает их фактическое выполнение. Банк внедряет публичные цифровые платформы, где любой желающий может отследить целевое расходование средств. BNDES признан Федеральной счетной палатой Бразилии (TCU) самым прозрачным государственным предприятием страны с индексом прозрачности 96,81%³. Также TCU осуществляет аудит, проверяя, не нарушается ли принцип целевого расходования средств.

Бразильский опыт доказывает, что использование государственных фондов может быть эффективным, однако служит примером того, как излишнее конституционное закрепление целевых доходов, вопреки принципу общего (совокупного) покрытия расходов, создает кризис финансовой и бюджетной гибкости. Таким образом, компромиссный подход без надлежащей реализации оказывается неэффективным.

Другие недостатки данного подхода могут быть выявлены при рассмотрении аналогичного опыта Чили. Ключевым нормативным документом в данной отрасли является Закон 20920, которым и введен аналог утилизационного сбора. В отраслевом законе указано, что 100% собранных сумм не подлежат изъятию в доход нецелевых статей. Доходы от утилизационного сбора «привязываются» к конкретной строке расходов. Если в казне происходит перераспределение, этот пункт расходов защищен от него. Законом запрещено использовать эти средства в других отраслях⁴. Администрирует расходование этого фонда Бюджетное управление – финансовый орган Чили, который ежегодно публикует подробный отчет о сборах и тратах.

Однако основная проблема, связанная с данным подходом – хроническое недофинансирование. Негибкость системы фондов делает по смыслу дотационную экологическую сферу закрытой и, хоть она и сохраняет целевые средства, они покрывают потребности экологической политики лишь на 20%⁵. Это неизбежно ведет к необходимости внешних вливаний средств, что размывает жесткие барьеры между финансовыми потоками. Вдобавок, даже закрепленные в законе целевые средства в Чили не защищены от бюджетных сокращений, что нивелирует саму идею «окрашенных доходов». Министерство финансов в Чили, как и другие регулирующие органы, не могут не обладать полномочиями влиять на фонды напрямую, в том числе в части сокращения⁶. Это шло бы вразрез с принципом единства финансовой системы. Кроме того, нигде не исчезает проблема неэффективного расходования уже выделенных средств. Так фонды являются уязвимыми элементами финансовой системы и не всегда эффективным решением проблемы противоречия бюджетных принципов целевым сборам.

Отдельно следует кратко рассмотреть опыт Колумбии, которая, хоть и не имеет прямого аналога утилизационного сбора, ограничиваясь экологическими сборами, включающим сбор на определенные категории транспортных средств, демонстрирует любопытную «смешанную» практику разрешения рассматриваемого в статье противоречия. Там напрямую легализовано существование средств, которые не подчиняются принципу общего (совокупного) покрытия расходов, созданы параллельные бюджету парадоксальные взносы⁷. Предполагается, что средства не поступают в бюджет, а собираются и распределяются

отраслевыми фондами, по примеру ЕС. Однако существует строгое регулирование для обеспечения максимальной прозрачности в управлении фондами и контролем специализированных надзорных органов. Деньги поступают напрямую на счета ассоциации, минуя казначейство. Госконтроль (Contraloría) проверяет лишь целевое использование, но не может изъять эти средства для других нужд. Если государство боится отдавать сбор в полное частное управление, используется механизм «Счет-Фонд» (*Fondo Cuenta*). Создается специальный счет в рамках бюджета государственной корпорации или министерства. Например, «Счет-Фонд налога на потребление иностранных товаров»⁸.

Следует отметить, что практика создания обособленных от единого счета бюджета для контроля за целевым использованием средств существует в России. Однако она связана с контролем за субсидиями, и реализуется через специальные лицевые счета в казначействе, которые принадлежат контрагентам государства. Созданный исключительно для контроля за надлежащим исполнением контрактов, субсидий и инвестиций, на которые выделены государственные средства, он может быть разумной альтернативой бюджетным фондам, обеспечивая целевое использование средств, полученных от взимания утилизационного сбора, в рамках контрольной функции казначейства в бюджетной сфере.

Аналог таких счетов используется в бюджетной системе КНР. В ней средства сбора за утилизацию зачисляются в федеральный бюджет, учитываются обособленно и направляются на финансирование мероприятий по обращению с отходами транспортных средств. Для обособленного учета используется институт бюджетного субсчета. При этом обособленный учет ведется в рамках единого казначейского счета, что формально соблюдает статью 4 Бюджетного кодекса о включении всех доходов в бюджет. Контроль за целевым расходованием средств утилизационного сбора осуществляет министерство финансов и Национальное контрольное управление⁹.

На основании рассмотренного опыта зарубежных стран складывается вывод о том, что проблема противоречия целевого характера утилизационного сбора принципу общего (совокупного) покрытия расходов является распространенной. Учитывая создаваемую ей правовую неопределенность, она не может игнорироваться в отечественной бюджетной системе в той же степени, в какой останется без решения сейчас. Однако, существенные различия в особенностях национальных экономических систем в сфере автомобилестроения, наличие аналогичных проблем в других системах и сопутствующие риски не дают ответа на вопрос, как именно проблема должна быть разрешена.

Представляется, что следует начать движение в сторону устранения противоречий с сочетанием использования специальных счетов по примеру субсчетов Китая или фондов-счетов Колумбии, которые по своей природе являлись бы казначейскими счетами в рамках казначейского сопровождения. Для этого предлагается создать государственную организацию под управлением профильного министерства, которой бы принадлежал данный счет, и которая осуществляла бы функции финансирования утилизационных мероприятий со строгой формой отчетности и прозрачности по примеру Бразилии или Чили. Средства направлялись бы на этот специальный счет через бюджет пропорционально количеству собранных утилизационным сбором средств, что было бы предусмотрено отраслевым законодательством. Отчетность о сборах, одновременно с отчетностью предоставляемой организацией, обеспечивала бы достаточную прозрачность в вопросе соотношения полученных средств от сбора и поступивших в распоряжение организации. Механизмы же казначейского контроля, одновременно с публикацией отчетности организацией, обеспечивали целевое расходование средств. Такой порядок в меньшей степени противоречит механизму общего (совокупного) покрытия расходов и может стать достаточным фундаментом для дальнейшего совершенствования механизма: от повышения прозрачности и гарантий того, что средства со спецсчетов не будут произвольно уменьшены или использованы на другие нужды, вплоть до формирования негосударственных организаций с казначейским сопровождением, действующих на конкурентной основе и в четко определенных правовых рамках.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ [принят Государственной Думой 17 июля 1998 года]. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL:

⁸ Ley 223 DE 1995 – Colombia I SUIN Juriscol, 22/12/1995. SUIN-Juriscol. URL: <https://www.suin-juriscol.gov.co/viewDocument.asp?id=1656025> (дата обращения 17.05.2026)

⁹ Государственное казначейство. BaiduWiki. <https://baike.baidu.com/ru/item/Государственная%20казна/1524068> (дата обращения 14.05.2026)

¹ Lei № 8.429, DE 2 DE JUNHO DE 1992. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/18429.htm (дата обращения 15.05.2026)

² Brasil. Supremo Tribunal Federal. ADPF 760 / DF. URL: https://climaticasechart.com/wp-content/uploads/non-us-case-documents/2024/20240313_ADPF-760_judgment.pdf (дата обращения 15.05.2026)

³ BNDES launches platform to monitor climate fund investments. COP30 Brasil. URL: <https://cop30.br/en/news-about-cop30/bndes-launches-platform-to-monitor-climate-fund-investments#:~:text=Rated by the Brazilian Federal, Global South, supporting projects in> (дата обращения 15.05.2026)

⁴ Law 20920. Establishment of a framework for waste management, extended producer responsibility and recycling. IEA. URL: <https://www.iea.org/policies/16005-law-20920-establishment-of-a-framework-for-waste-management-extended-producer-responsibility-and-recycling> (дата обращения 16.05.2025)

⁵ Disposición Crítica. Induambiente. URL: <https://www.induambiente.com/especial/residuos/disposicion-critica> (дата обращения 17.05.2025)

⁶ Reconstrucción: parlamentarios se enfrentan por recorte de 17 mil millones de pesos. Diario RVL. URL: <https://rvl.uv.cl/noticias/11192-parlamentarios-se-enfrentan-por-recorte-de-17-mil-millones-de-pesos-en-reconstruccion> (дата обращения 16.05.2026)

⁷ Sentencia C-152/97. Corte Constitucional. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/1997/c-152-97.htm> (дата обращения 17.05.2026)

137

13. Law 20920. Establishment of a framework for waste management, extended producer responsibility and recycling. IEA. URL: <https://www.iea.org/policies/16005-law-20920-establishment-of-a-framework-for-waste-management-extended-producer-responsibility-and-recycling> (date of access: 16.05.2025)

14. Lei Nº 7.797 de 10 de julho de 1989. URL: https://legislacao.presidencia.gov.br/ficha/?/legisla/legislacao.nsf/Viiv_Identificacao/lei_7.797-1989&OpenDocument (date of access: 11.05.2026).

15. Lei Nº 8.429, DE 2 DE JUNHO DE 1992. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/18429.htm (date of access: 15.05.2026)

16. Sentencia C-152/97. Corte Constitucional. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/1997/c-152-97.htm> (date of access: 17.05.2026)

17. Ley 223 DE 1995 – Colombia I SUIN Juriscol, 22/12/1995. SUIN-Juriscol. URL: <https://www.suin-juriscol.gov.co/viewDocument.asp?id=1656025> (date of access: 17.05.2026)

18. Brasil. Supremo Tribunal Federal. ADPF 760 / DF. URL: https://climatecasechart.com/wp-content/uploads/non-us-case-documents/2024/20240313_ADPF-760_judgment.pdf (date of access: 15.05.2026)

19. Revolution in the EPR system and new challenges for entrepreneurs. CMS Law. URL: https://cms.law/en/pol/legal-updates/revolution-in-the-epr-system-and-new-challenges-for-entrepreneurs#utm_campaign=redirect_law-now (date of access: 02.05.2026)

20. Extended producer responsibility schemes and EU law on competition and environment. Pappers politique. URL: <https://politique.pappers.fr/question/extended-producer-responsibility-schemes-and-law-competition-and-environment-QEPR1017428?q=> (date of access: 02.05.2026)

21. Off-Budget Operations report. Public Policy Management and Transparency Network: Development Effectiveness and Result-Based Budget Management. URL: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Off-Budget-Operations-Report.pdf#20#5> (date of access: 11.05.2026)

22. BNDES launches platform to monitor climate fund investments. COP30 Brasil. URL: <https://cop30.br/en/news-about-cop30/bndes-launches-platform-to-monitor-climate-fund-investments#:~:text=Rated by the Brazilian Federal, Global South, supporting projects in> (date of access: 15.05.2026)

23. Disposición Crítica. Induambiente. URL: <https://www.induambiente.com/especial/residuos/disposicion-critica> (date of access: 17.05.2025)

24. Reconstrucción: parlamentarios se enfrentan por recorte de 17 mil millones de pesos. Diario RVL. URL: <https://rvl.uv.cl/noticias/11192-parlamentarios-se-enfrentan-por-recorte-de-17-mil-millones-de-pesos-en-reconstruccion> (date of access: 16.05.2026)

Тарасов Артем Павлович,

аспирант, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»

E-mail: tarasov3611@yandex.ru

В статье рассматривается публично-правовая гарантия права на обращение в государственные органы как элемент конституционно-правового статуса личности. Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования механизмов реализации конституционного права граждан на обращение, закрепленного в статье 33 Конституции РФ, а также проблемами его практической реализации, связанными с отсутствием эффективных гарантий и механизмов защиты нарушенного права. Реализация права на обращение невозможна без системы эффективных публично-правовых гарантий, обеспечивающих возможность подачи обращения и его надлежащее рассмотрение, получение мотивированного ответа и защиту от незаконных действий (бездействия) должностных лиц. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к пониманию публично-правовой гарантии права на обращение, анализе ее содержания и выявлении проблем правового регулирования с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ. Практическая значимость работы состоит в выявлении проблем правоприменения и разработке рекомендаций по совершенствованию механизмов защиты права на обращение. В процессе написания статьи выявлены основные проблемы реализации публично-правовой гарантии права на обращение: недостаточная эффективность механизма привлечения к ответственности за нарушение права на обращение, отсутствие четких критериев для разграничения злоупотребления правом и добросовестного использования права. Обоснована необходимость совершенствования законодательства с целью устранения пробелов в правовом регулировании.

Ключевые слова: право на обращение, публично-правовая гарантия, конституционные права, государственные органы, злоупотребление правом, юридическая ответственность, судебная практика, должностные лица.

Введение

Конституционное право граждан на обращение в государственные органы, закрепленное в статье 33 Конституции Российской Федерации, является одним из политических прав, обеспечивающих участие граждан в управлении делами государства. Право граждан на обращение в государственные органы предоставляет гражданам возможность лично обращаться, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственный орган. Юридическая ответственность за нарушение права на обращение в органы государственной власти является гарантией реализации данного конституционного права.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, отсутствие эффективных механизмов привлечения к ответственности за нарушение права на обращение приводит к массовым нарушениям прав граждан. Во-вторых, несовершенство правового регулирования порождает проблемы, связанные со злоупотреблением правом на обращение. В-третьих, правовые позиции Конституционного Суда РФ требуют анализа и учета в правоприменительной деятельности.

Целью данной работы является анализ публично-правовой гарантии права на обращение в государственные органы и выявление проблем ее реализации.

Для достижения цели решены задачи, направленные на анализ теоретических подходов к пониманию права на обращение, исследование его места в системе конституционных прав и свобод, изучение правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам реализации данного права, а также анализ судебной практики по делам о нарушении порядка рассмотрения обращений.

В работе использованы десять источников. М.Э. Андреянова и И.М. Егоров (2024) исследуют юридическую ответственность за нарушение права на обращение [1]. Е.С. Дьячков (2025) анализирует пределы реализации права на обращение и проблему злоупотребления [2]. Д.В. Каплунова (2022) рассматривает злоупотребление гражданами правом на обращение [3]. Ю.П. Крутов (2025) исследует проблему установления дополнительных гарантий реализации конституционного права на обращение [4]. М.Н. Кустов (2023) анализирует защиту прокурором прав осужденных на обращение [5]. В.А. Мальцев и А.Ш. Элязян (2024) рассматривают организационно-правовые проблемы реализации права граждан на обращение [6]. К.А. Нурумова (2023) исследует защиту прокурором права граждан на обращение [7]. Е.П. Олифиренко (2022) рассматривает механизм защиты прокурором права граждан на обращение [8]. А.В. Ольшевская (2023) анализирует гарантии реализации права на обращение [9]. С.П. Степкин (2022) исследует проблемы привлечения к ответственности за нарушения при подаче и рассмотрении обращений граждан [10].

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили 10 научных публикаций по проблематике права на обращение и его публично-правовых гарантий, а также материалы судебной практики: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 года № 19-П, Решение Псковского городского суда от 19 сентября 2024 года по делу № 2–2224/2024, Решение Сеgezского городского суда от 22 декабря 2025 года по делу № 12–348/2025.

Методы исследования включают теоретический анализ для изучения понятийного аппарата и содержания публично-правовых гарантий; формально-юридический метод для анализа Конституции РФ и Федерального закона № 59-ФЗ; метод анализа судебной практики для исследования правовых позиций Конституционного Суда РФ и судов общей юрисдикции; метод обобщения для формулирования выводов; табличный метод.

Результаты и их обсуждение

Право на обращение в государственные органы представляет собой конституционное право граждан, предоставляющее им возможность направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы. Статья 33 Конституции РФ закрепляет, что граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы.

Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» устанавлива-

ет порядок реализации права на обращение и гарантирует его защиту. Согласно статье 2 Закона, «граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения» [6].

Субъектами конституционного права на обращение являются граждане Российской Федерации. В силу части 3 статьи 62 Конституции РФ данным правом могут пользоваться иностранные граждане и лица без гражданства, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором [7].

В статье 4 Закона № 59-ФЗ закреплены следующие виды обращений: предложение (рекомендация по совершенствованию законодательства, деятельности органов власти); заявление (просьба о содействии в реализации прав, сообщении о нарушении); жалоба (просьба о восстановлении нарушенных прав) [8].

Публично-правовые гарантии представляют собой систему правовых средств и механизмов, обеспечивающих реализацию и защиту прав граждан [1; 3; 5]. Такие виды гарантий устанавливаются государством и обеспечиваются его принудительной силой. Правовое гарантирование в публичном праве – это всегда государственно-правовое гарантирование (т.е. правовое гарантирование государством). В публичном праве правовое гарантирование является процессом, который инициируется властным субъектом. В качестве такого субъекта выступает государство, которое определяет должностное лицо или орган, на который возлагаются обязанности гаранта [4].

Гарантии права на обращение подразделяются на несколько видов [9; 10]:

1. Организационные гарантии – установление порядка рассмотрения обращений, сроков и требований к ответам (статьи 9–12 Закона № 59-ФЗ).

2. Процессуальные гарантии – право на обжалование действий (бездействия) должностных лиц, право на судебную защиту.

3. Гарантии безопасности – запрет преследования гражданина за критику, запрет разглашения сведений, содержащихся в обращении (статья 6 Закона № 59-ФЗ).

4. Гарантии ответственности – юридическая ответственность должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения обращений (статья 5.59 КоАП РФ).

Принципиально важное значение для понимания публично-правовых гарантий права на обращение имеет постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 года № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области».

Конституционный Суд РФ в указанном постановлении признал взаимосвязанные положения части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона № 59-ФЗ не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они – в силу неопределенности нормативного содержания – препятствуют распространению положений данного Закона на отношения, связанные с рассмотрением органами государственной власти обращений объединений граждан, включая юридические лица, а также рассмотрению обращений осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями и иными организациями.

Федеральный закон № 59-ФЗ составляет законодательную основу регулирования правоотношений, связанных с реализацией гражданами Российской Федерации конституционного права на обращение в государственные органы. Закон определяет права и обязанности участников соответствующих отношений на государственном уровне, базовые гарантии, порядок рассмотрения обращений граждан.

Во исполнение данного постановления был принят Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 80-ФЗ, которым порядок рассмотрения обращений граждан был распространен на государственные органы и органы местного самоуправления, на государственные и муниципальные учреждения, иные организации и их должностных лиц, осуществляющих публично значимые функции [2].

Основные публично-правовые гарантии права на обращение приведены в таблице 1.

Таким образом, организационные гарантии (обязательность регистрации, сроки рассмотрения 30 дней, мотивированность ответа) создают процедурные рамки для реализации права, однако на практике нередко нарушаются, что подтверждается судебными делами (Псковский городской суд, дело № 2–2224/2024). Процессуальные гарантии (право на обжалование и судебную защиту) являются механизмом восстановления нарушенных прав, однако их эффективность ограничена длительностью судебных разбирательств. Гарантии безопасности (запрет преследования за критику, недопустимость разглашения сведений) призваны защитить граждан от негативных последствий об-

ращения, но их реализация на практике затруднена из-за отсутствия четких механизмов привлечения к ответственности за их нарушение. Гарантии ответственности (ст. 5.59 КоАП РФ) являются наиболее слабым звеном: как показывают судебные дела (Сегежский городской суд, дело № 12–348/2025), привлечение к ответственности затруднено из-за сложности установления надлежащего субъекта ответственности, а размеры штрафов не являются эффективным сдерживающим фактором.

Таблица 1. Основные публично-правовые гарантии права на обращение

Вид гарантии	Нормативное закрепление	Содержание
Организационные	Ст. 9–12 Закона № 59-ФЗ	Обязательность регистрации обращения, сроки рассмотрения (30 дней), мотивированность ответа
Процессуальные	Ст. 46 Конституции РФ, Закон № 59-ФЗ	Право на обжалование, судебная защита
Гарантии безопасности	Ст. 6 Закона № 59-ФЗ	Запрет преследования за критику, недопустимость разглашения сведений
Гарантии ответственности	Ст. 5.59 КоАП РФ	Административная ответственность за нарушение порядка рассмотрения обращений

В постановлении от 18.07.2012 № 19-П Конституционный Суд РФ установил, что право граждан на обращение является средством осуществления и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, одной из форм их участия в управлении делами государства и в местном самоуправлении, инструментом взаимодействия личности и публичной власти.

Суд указал на необходимость распространения гарантий Федерального закона № 59-ФЗ на обращения объединений граждан, включая юридические лица. Отказ в признании юридических лиц как объединений граждан субъектами конституционного права на обращение, исходя из его предназначения как обеспечивающего осуществление других прав и свобод, свидетельствует о нарушении вытекающего из статей 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципа равенства и справедливости.

Отсутствие в действующем законодательстве прямого указания на право объединения граждан (юридического лица) оспорить в порядке гражданского судопроизводства коллегиальные и единоличные решения и действия (бездействия), в результате которых нарушены права и законные интересы объединения, не может парализовать право, гарантированное Конституцией Российской Федерации.

В судебном деле № 2–2224/2024 истец обратился в Псковский городской суд с требованием о взыскании компенсации морального вреда в связи с систематическими нарушениями его права на обращение должностными лицами УФССП России по Псковской области. Судом было принято решение от 19.09.2024, что судебными актами были признаны незаконными многочисленные постановления и действия судебных приставов-исполнителей при расчете задолженности по алиментам, установлены нарушения порядка рассмотрения обращений гражданина.

Суд согласно статьям 150, 151, 1064, 1069 ГК РФ, а также разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 отметил, что несоблюдение ответчиком требований действующего законодательства о сроках и порядке рассмотрения обращений граждан, нарушение законодательства об исполнительном производстве, может порождать право таких граждан на компенсацию морального вреда.

Право граждан на обращение в государственные органы, на рассмотрение этих обращений в установленный срок и на получение надлежащих ответов на эти обращения по своей природе является немущественным правом, гарантированным Конституцией Российской Федерации. Суд удовлетворил требования истца частично, взыскав компенсацию морального вреда в размере 10 000 рублей.

В удовлетворении требований к Генеральной прокуратуре РФ было отказано, поскольку нарушения носили формальный характер и не повлекли причинения нравственных страданий.

Согласно решению Сегежского городского суда от 22.12.2025 по делу № 12–348/2025 суд рассмотрел жалобу К.А.С. на постановление мирового судьи о привлечении его к административной ответственности по статье 5.59 КоАП РФ за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан. Суд установил, что К.А.С., являясь первым заместителем Главы администрации Сегежского муниципального округа, подписал ответ на обращение, однако непосредственным исполнителем по разрешению поставленных вопросов он не назначался, контроль за рассмотрением обращения на него не возлагался.

Отсутствуют основания полагать, что К.А.С. является лицом, действиями которого нарушен порядок рассмотрения обращения граждан, и прекратил производство по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

На основе анализа научной литературы и судебной практики можно выделить основные проблемы реализации публично-правовых гарантий права на обращение и пути их решения (таблица 2).

Таблица 2. Основные проблемы реализации публично-правовых гарантий права на обращение и пути их решения

Проблема	Содержание	Пути решения
Злоупотребление правом на обращение	Неоднократные обращения по одному и тому же вопросу, заведомо необоснованные жалобы	Закрепление критериев злоупотребления, право прекращения переписки
Недостаточная эффективность ответственности	Мягкость санкций за нарушение порядка рассмотрения обращений	Ужесточение ответственности, введение компенсационных механизмов
Отсутствие четких критериев для должностных лиц	Неясность, кто именно является надлежащим ответчиком за нарушение порядка	Законодательное закрепление ответственности конкретных должностных лиц
Низкая правовая культура граждан и должностных лиц	Незнание порядка подачи и рассмотрения обращений	Правовое просвещение, доступные разъяснения
Недостаточный прокурорский надзор	Низкая эффективность прокурорского надзора за соблюдением прав граждан	Активизация надзорной деятельности, расширение полномочий прокуратуры

Таким образом, злоупотребление правом на обращение проявляется в многократных обращениях по одному вопросу и заведомо необоснованных жалобах. Отсутствие четких законодательных критериев для квалификации действий как злоупотребления приводит к тому, что добросовестные и недобросовестные заявители фактически находятся в равном положении. Недостаточная эффективность ответственности обусловлена мягкостью санкций и сложностью привлечения должностных лиц к ответственности, что подтверждается практикой (постановление Сеgezского городского суда от 22.12.2025, где дело было прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения). Отсутствие четких критериев для должностных лиц проявляется в неясности, кто именно является надлежащим ответчиком за нарушение порядка. Низкая правовая культура граждан и должностных лиц требует работы по правовому просвещению. Недостаточный прокурорский надзор снижает эффективность защиты прав граждан. Решение перечисленных проблем требует совершенствования законодательства и повышения правовой культуры всех участников правоотношений.

Выводы

Право на обращение в государственные органы является конституционным правом, занимающим важное место в системе политических прав граждан. Его реализация обеспечивается системой публично-правовых гарантий, включающих организационные, процессуальные, гарантии безопасности и гарантии ответственности.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 18.07.2012 № 19-П сформулировал важнейшие правовые позиции, касающиеся распространения гарантий права на обращение на объединения граждан (юридические лица) и на организации, осуществляющие публично значимые функции. Во исполнение данного постановления был принят Федеральный закон от 07.05.2013 № 80-ФЗ. Суды признают право на обращение неимущественным правом, нарушение которого может служить основанием для компенсации морального вреда. Для возложения ответственности необходимо установление должностного лица, виновного в нарушении.

Основными проблемами реализации публично-правовых гарантий являются: злоупотребление гражданами правом на обращение, недостаточная эффективность механизма привлечения к ответственности, отсутствие четких критериев для определения надлежащих субъектов ответственности, недостаточный прокурорский надзор.

Перспективными направлениями совершенствования законодательства являются: закрепление критериев злоупотребления правом на обращение, ужесточение ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений, введение компенсационных механизмов для граждан, чьи права были нарушены, активизация прокурорского надзора, развитие правового просвещения граждан.

Литература

1. Андреева М.Э., Егоров И.М. Юридическая ответственность за нарушение права на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления // Противоречия и тенденции развития современного российского общества. Сборник научных статей межрегиональной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 19–29.

2. Дьячков Е.С. Пределы реализации права на обращение в государственные органы контроля: проблема злоупотребления // Эволюция российского права. Материалы XXIII Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2025. С. 31–38.

3. Каплунова Д.В. Злоупотребление гражданами правом на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления // Обществознание и социальная психология. 2022. № 12–2 (42). С. 323–327.

4. Крутов Ю.П. Проблема установления дополнительных гарантий реализации конституционного права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления в субъектах Российской Федерации // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики. Сборник научных статей и докладов XVII Международной научно-практической конференции. Орел, 2025. С. 197–202.

5. Кустов М.Н. Защита прокурором прав осужденных к лишению свободы на обращение в государственные органы // Криминалист. 2023. № 2 (43). С. 149–154.

6. Мальцев В.А., Элязян А.Ш. Организационно-правовые проблемы реализации права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Вестник Российского университета кооперации. 2024. № 2 (56). С. 89–95.

7. Нурумова К.А. Защита прокурором права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Научное образование. 2023. № 3 (20). С. 137–140.

8. Олифиренко Е.П. Общая характеристика механизма защиты прокурором права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Современное состояние и перспективы развития современной юриспруденции. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 7–12.

9. Ольшевская А.В. О гарантиях реализации права на обращения в органы государственной власти // Актуальные вопросы применения норм административного права (Кореневские чтения). Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 349–351.

10. Степкин С.П. Проблемы привлечения к ответственности за нарушения, допускаемые при подаче и рассмотрении обращений граждан // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 62–71.

PUBLIC LAW GUARANTEE OF THE RIGHT TO APPEAL TO STATE BODIES

Tarasov A.P.
Pushkin Leningrad State University

This article examines the public law guarantee of the right to appeal to state bodies as an element of the constitutional and legal status of an individual. The relevance of the topic is due to the need to improve the mechanisms for implementing the constitutional right of citizens to appeal, enshrined in Article 33 of the Constitution of the Russian Federation, as well as the problems of its practical implementation related to the lack of effective guarantees and mechanisms for protecting violated rights. The realization of the right to appeal is impossible without a system of effective public law guarantees that ensure the possibility of filing an appeal and its proper consideration, receiving a reasoned response and protection from illegal actions (inaction) of officials. The theoretical significance of the research lies in the systematization of approaches to understanding the public law guarantee of the right to appeal, analyzing its content and identifying problems of legal regulation, taking into account the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The practical significance of the work consists in identifying problems of law enforcement and developing recommendations for improving mechanisms for protecting the right to appeal. In the process of writing the article, the main problems of implementing the public law guarantee of the right to appeal were identified: insufficient effectiveness of the mechanism for bringing to justice for violation of the right to appeal, lack of clear criteria for distinguishing abuse of law and fair use of law. The necessity of improving legislation in order to eliminate gaps in legal regulation is substantiated.

Keywords: the right to appeal, public law guarantee, constitutional rights, government agencies, abuse of law, legal responsibility, judicial practice, officials.

References

1. Andrejanova M.E., Egerev I.M. Legal liability for violation of the right to appeal to state authorities and local governments // Contradictions and development trends of modern Russian society. Collection of scientific articles of the interregional scientific and practical conference. Moscow, 2024. pp. 19–29.

2. Dyachkov E.S. Limits of the exercise of the right to appeal to state control bodies: the problem of abuse // Evolution of Russian law. Proceedings of the XXIII International scientific conference of young scientists and students. Ekaterinburg, 2025. pp. 31–38.

3. Kaplunova D.V. Abuse of the right to appeal to state authorities and local governments by citizens // Social Science and Social Psychology. 2022. No. 12–2 (42). pp. 323–327.

4. Krutov Yu.P. The Problem of Establishing Additional Guarantees for the Implementation of Citizens' Constitutional Right to Appeal to State Bodies and Local Self-Government Bodies in the Subjects of the Russian Federation // Human and Civil Rights and Freedoms: Current Issues of Science and Practice. Collection of Scientific Articles and Reports of the XVII International Scientific and Practical Conference. Orel, 2025. pp. 197–202.

5. Kustov M.N. Protecting the Rights of Persons Sentenced to Imprisonment to Appeal to State Bodies by the Prosecutor // Criminologist. 2023. No. 2 (43). pp. 149–154.

6. Mal'tsev V.A., Elyazyan A. Sh. Organizational and Legal Problems of Implementing the Right of Citizens to Appeal to State Bodies and Local Self-Government Bodies // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2024. No. 2 (56). pp. 89–95.

7. Nurumova K.A. Protecting the Right of Citizens to Appeal to State Bodies and Local Self-Government Bodies by the Prosecutor // Scientific Education. 2023. No. 3 (20). Pp. 137–140.

8. Olifirenko E.P. General characteristics of the mechanism for protecting the prosecutor's right to appeal to state bodies and local governments // The current state and prospects for the development of modern jurisprudence. Collection of articles from the International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2022. Pp. 7–12.

9. Olshevskaya A.V. On guarantees for the implementation of the right to appeal to state authorities // Current issues in the application of administrative law norms (Korenev Readings). Collection of scientific papers of the VII International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2023. Pp. 349–351.

10. Stepkin S.P. Problems of bringing to justice for violations committed during the filing and consideration of citizens' appeals // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (63). Pp. 62–71.

Ячин Артем Артемович,

аспирант Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

E-mail: yachin.artem@gmail.com

В статье анализируется правовой режим налоговых данных и цифрового профилирования налогоплательщиков в контексте обеспечения налогового суверенитета Российской Федерации. На основе изучения эволюции цифрового налогового администрирования – от автоматизированных информационных систем ФНС до формирования цифровых профилей на основе 89 источников и алгоритмических риск-оценок – выявлены правовые пробелы в определении юридического статуса цифровых доказательств. Обосновывается, что алгоритмические выводы и рейтинги рисков – не безусловные доказательства нарушений, а лишь оперативные индикаторы, на основании которых следует проводить контрольные мероприятия. Принцип «алгоритмической справедливости» нужно закрепить законодательно. Делается вывод, что чёткий правовой режим налоговых данных и профилирования является необходимым условием реализации налогового суверенитета в цифровой среде.

Ключевые слова: налоговый суверенитет, налоговые данные, цифровое профилирование, алгоритмические риск-оценки, налоговое администрирование, искусственный интеллект, цифровые доказательства, правовая определённость.

Введение

Цифровая трансформация налогового администрирования в Российской Федерации достигла институциональной зрелости. К 2026 году Федеральная налоговая служба (ФНС) формирует цифровой профиль налогоплательщика на основе 89 автоматизированных источников, использует алгоритмы анализа данных в реальном времени, применяет цифровую оценку надёжности бизнеса (официальный рейтинг ИП и компаний с 2026 года), расширяет электронный документооборот и контроль за маркетплейсами (Федеральный закон № 289-ФЗ)¹. Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ² внёс изменения в правила налогового мониторинга, усилил обмен документами через информационные ресурсы и расширил полномочия налоговых органов при проведении контрольных мероприятий (включая осмотры территорий и помещений лица, в отношении которого проводится мониторинг, а также экстерриториальность камеральных проверок).

В этих условиях возникает принципиальный вопрос: какой юридический статус имеют алгоритмические риск-оценки, формируемые налоговыми органами? Могут ли автоматические выводы о «недобросовестности» или «высоком налоговом риске» сами по себе служить основанием для доначисления налогов, блокировки счетов или привлечения к ответственности?

В доктрине налогового права доминирует подход, согласно которому налоговый суверенитет государства реализуется, в частности, через эффективный налоговый контроль³. Однако цифровизация меняет не только технические формы исполнения налогового обязательства, но и саму структуру доказательственного права⁴. Статья развивает гипотезу: алгоритмические риск-оценки являются лишь оперативными индикаторами, поводом для проведения контрольных действий, но не могут подменять собой установленные законом средства доказывания, тем самым нарушая права налогоплательщиков и как следствие налоговый суверенитет РФ.

Анализ эволюции и механизмов цифрового налогового администрирования в Российской Федерации

Первый этап цифровизации налогового администрирования (2000–2010 гг.) был связан с внедрением автоматизированных информационных систем (АИС «Налог»), электронной подачи деклараций и камеральных проверок на основе формально-логического контроля. Второй этап (2010–2020 гг.) ознаменовался созданием АИС «Налог-3», интеграцией данных из регистрирующих органов, банков и иных источников, введением налогового мониторинга (Федеральный закон от 04.11.2014 № 348-ФЗ). Третий этап (с 2020 г.) – это переход к риск-ориентированному подходу на основе алгоритмического анализа больших данных, включая автоматизированную систему контроля НДС (АСК НДС-2, АСК НДС-3), модуль СУР АСК «НДС-2» для отбора налогоплательщиков на выездные проверки, а также систему «РИСК» для пред проверочного анализа.

В соответствии со статьёй 82 Налогового кодекса РФ⁵ налоговый контроль проводится с использованием информационных ресурсов

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» от 31 июля 2020 года № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5048.

² Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 48 (ч. I). – Ст. 7236.

³ Садчиков М.Н. Финансово-правовое обеспечение налогового суверенитета Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 [Электронный ресурс]. Саратов, 2021. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/12-07-2021-1r.pdf> (дата обращения: 11.03.2026). С. 13.

⁴ Лютова О.И. Цифровая трансформация принципов налогового права // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 1. С. 112–130.

⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.

налоговых органов. Однако ни НК РФ, ни подзаконные акты не определяют правовой режим алгоритмических риск-оценок. На практике ФНС использует программные комплексы, которые автоматически выявляют «разрывы» в цепочках НДС, признаки дробления бизнеса (одинаковые IP-адреса, общие склады, единый поставщик), а также несоответствие декларируемых доходов уровню потребления (в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта для анализа данных из социальных сетей)¹.

Ключевая проблема: алгоритм представляет собой «чёрный ящик». Налогоплательщик не может проверить, на основании каких именно данных и по каким правилам его отнесли к категории высокого риска. Это противоречит принципу правовой определённости, многократно подтверждённому Конституционным Судом РФ (Постановление от 25.06.2015 № 16-П² о недопустимости произвольного толкования закона).

Судебная практика последних лет идёт по пути признания недопустимости автоматических выводов в качестве самостоятельных доказательств. Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в постановлении от 13.01.2016 № Ф08-9657/15 указал, что «использование налоговыми только сведений из АСК НДС-2 без представления надлежащих доказательств о недобросовестности налогоплательщика не является основанием для отказа компании в заявленных налоговых вычетах»³. Аналогично Девятый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 13.12.2017 № 09АП-59460/2017 признал данные АСК НДС-2 допустимым доказательством только в совокупности с иными материалами, но не самостоятельно⁴.

Особую остроту проблема приобретает в связи с вступлением в силу Федерального закона от 28.11.2025 № 425-ФЗ. Закон расширил основания для проведения налогового мониторинга, ввёл новые форматы требований и ответов, но не установил требований к «объяснимости» алгоритмов, используемых налоговыми органами. Более того, закон усилил обмен документами через информационные ресурсы, что увеличивает объём автоматически обрабатываемых данных, но не регламентирует их проверяемость.

С 2026 года налоговые органы вправе осматривать территории и помещения лица, в отношении которого проводится налоговый мониторинг, при проверке декларации по НДС с суммой к возмещению или при анализе фактических затрат по господдержке. Также введена экстерриториальность камерального контроля: камеральная проверка может проводиться налоговым органом, отличным от того, в который налогоплательщик представил отчётность, даже из другого субъекта РФ⁵. Эти новеллы усиливают дискреционные полномочия ФНС, но не сопровождаются адекватными процессуальными гарантиями для налогоплательщиков.

Таким образом, российская модель цифрового налогового администрирования характеризуется высоким уровнем автоматизации, но недостаточным правовым регулированием статуса алгоритмических риск-оценок. Это создаёт риски нарушения прав налогоплательщиков и подрывает целостность налогового суверенитета РФ.

Анализ зарубежного опыта правового регулирования цифровых риск-оценок

Европейский союз

Общий регламент о защите данных (GDPR) закрепляет «право на объяснение» (right to explanation) – право субъекта данных требовать разъяснения логики автоматизированных решений (ст. 22). Применительно к налоговому администрированию это означает, что алгоритмические риск-оценки должны быть интерпретируемыми. В 2024 году Европейский суд по правам человека в деле «L. против Франции» указал, что

ской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824. Ст. 82.

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 декабря 2017 г. № 09АП-59460/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://buhexpert8.ru/npa/postanovlenie-devyatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda-ot-13-12-2017-n-09ap-59460-2017.html> (дата обращения: 02.04.2026).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2015 г. № 16-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181682/ (дата обращения: 02.04.2026).

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 января 2016 г. № Ф08-9657/15 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40590463/> (дата обращения: 02.04.2026).

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 декабря 2017 г. № 09АП-59460/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://buhexpert8.ru/npa/postanovlenie-devyatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda-ot-13-12-2017-n-09ap-59460-2017.html> (дата обращения: 02.04.2026).

⁵ В 2026 году вступили в силу новые правила налогового контроля // ФНС России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn91/news/tax_doc_news/16602837/ (дата публикации: 13.02.2026; дата обращения: 02.04.2026).

налоговые органы не могут основывать доначисления исключительно на автоматическом анализе больших данных; требуется человеческое пересмотрение. В Германии Федеральный финансовый суд (BFH) постановил, что результат автоматизированного сопоставления данных (например, при контроле НДС) является лишь «фактическим указанием», но не полноценным доказательством⁶.

США

Отсутствует единое регулирование. В налоговой сфере IRS использует алгоритмы для отбора деклараций на проверку (система DIF). Судебная практика (например, дело *Crystal v. United States*, 2023) признаёт, что автоматический отбор сам по себе не нарушает прав, но при оспаривании доначислений налогоплательщик вправе получить информацию о факторах, повлиявших на решение. Закон об административной процедуре (APA) требует, чтобы агентства раскрывали «логику и методологию» значимых решений.

Китай

Государственное налоговое администрирование (STA) активно использует «цифровую налоговую систему золотого налога». Алгоритмы классифицируют налогоплательщиков по уровням риска. Однако правовая система Китая не предоставляет налогоплательщикам права оспаривать саму методологию риск-оценки; возможно обжалование только конечного решения о доначислении. Это порождает риск произвола, но при этом обеспечивает высокую собираемость.

Сравнительный анализ показывает: в странах с развитыми правовыми системами алгоритмические риск-оценки рассматриваются не как доказательство, а как повод для контрольных действий, причём налогоплательщику должно быть предоставлено право на объяснение и проверку логики алгоритма для защиты своих прав. Российское законодательство пока не закрепило такого права, что идет в разрез с обязанностью государства обеспечивать права граждан в процессе налогового администрирования. Данный пробел в законодательстве ставит под угрозу налоговый суверенитет страны.

Потенциал правового режима налоговых данных для обеспечения налогового суверенитета и перспективные инструменты

Налоговый суверенитет – это исключительное право государства самостоятельно и независимо осуществлять функцию налогообложения и взимания налогов в пределах территории юрисдикции, реализуемое в правовой форме⁷. В цифровую эпоху налоговый суверенитет включает не только материальные полномочия, но и способность государства эффективно и легитимно использовать цифровые инструменты контроля, защищая при этом права налогоплательщиков.

ФНС России, в свою очередь, является непосредственным хранителем налоговой информации, но общий контур цифрового суверенитета не может обеспечиваться только налоговым органом. Минцифры России отвечает за государственную политику и нормативное регулирование в сфере информационных технологий, связи, цифровой трансформации и защиты информационной инфраструктуры⁸. Поэтому его роль применительно к налоговым данным состоит в создании технологических и регуляторных условий для безопасной работы государственных систем.

Эта роль раскрывается через национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», развитие отечественных технологий, инфраструктуры кибербезопасности и цифрового государственного управления⁹. Чем больше фискальная функция зависит от больших данных, тем важнее, чтобы хранение, передача и аналитическая обработка выполнялись в российской защищенной инфраструктуре, а не во внешних облачных или программных решениях.

Связь с экспериментальными правовыми режимами также важна для защиты налогового суверенитета РФ. Федеральный закон № 258-ФЗ позволяет апробировать цифровые инновации, включая решения на основе искусственного интеллекта, в специальных правовых усло-

⁶ BFH, Urteil vom 15.03.2023 – III R 12/21 [Electronic resource]. URL: <https://www.bundesfinanzhof.de/de/entscheidung/entscheidungen-online/detail/STRE202310119/> (accessed: 02.04.2026).

⁷ Садчиков М.Н. Налоговый суверенитет государства в условиях цифровизации международной экономической деятельности // Вестник СГЮА. 2020. № 4. С. 56–63.

⁸ Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации».

⁹ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/>; федеральный проект «Инфраструктура кибербезопасности» // Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/>.

виях¹. В налоговом администрировании ЭПР может быть полезен для тестирования алгоритмов риск-анализа, но он не должен отменять налоговую тайну, режим персональных данных и право налогоплательщика на объяснение неблагоприятного цифрового результата.

Как справедливо отмечает М.Н. Садчиков, налоговый суверенитет произведен от народовластия, что придаёт ему легитимность, а значит, любые цифровые инструменты контроля должны быть «обязаны» процедурными гарантиями².

О.И. Лютова показывает, что цифровизация меняет содержание принципов налогового права и перераспределяет юридические роли между налогоплательщиком, налоговым органом и банком³. М.Б. Напсо добавляет, что при автоматизированном исчислении налогов (например, в рамках АУСН или ЕНП) ответственность по-прежнему лежит на налогоплательщике, хотя он может не участвовать в расчёте; это создаёт дисбаланс и требует новой правовой конструкции распределения ответственности⁴.

Чёткий правовой режим налоговых данных и цифрового профилирования является необходимым условием реализации налогового суверенитета. Он позволяет:

- легитимно собирать и обрабатывать большие массивы данных;
- использовать алгоритмы для выявления рисков без подмены доказательственного права;
- обеспечивать проверяемость и оспоримость цифровых действий налоговых органов;
- сохранять доверие бизнеса и граждан к налоговой системе.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие инструменты совершенствования правового режима налоговых данных в целях обеспечения налогового суверенитета РФ:

1. Законодательное закрепление принципа «алгоритмической справедливости». Предлагается дополнить статью 82 НК РФ пунктом, согласно которому «результаты автоматизированной обработки данных и алгоритмические риск-оценки сами по себе не являются доказательствами совершения налогового правонарушения; они служат лишь основанием для проведения контрольных мероприятий в порядке, установленном настоящим Кодексом». Это соответствует сложившейся судебной практике (постановление АС Северо-Кавказского округа от 13.01.2016 № Ф08-9657/15) и устраняет правовую неопределённость.

2. Введение стандартов воспроизводимости риск-оценок. Необходимо обязать ФНС по требованию налогоплательщика предоставлять обезличенное описание факторов, алгоритмов и весов, которые привели к отнесению его к той или иной категории риска. Такой подход закреплён в GDPR (ст. 22) и может быть адаптирован к российскому налоговому праву.

3. Создание специализированного судебного контроля за цифровыми действиями налоговых органов. Предлагается в рамках арбитражного процесса ввести возможность оспаривания не только итоговых решений, но и промежуточных алгоритмических выводов, если они существенно нарушают права налогоплательщика (например, блокировка счетов на основе автоматической риск-оценки без проверки). Это согласуется с предложениями Керамовой и Магомедовой о необходимости системного правового регулирования налогового администрирования в НК РФ⁵.

4. Расширение прав налогоплательщика на «цифровую самозащиту». Налогоплательщик должен иметь право представлять в налоговый орган контр-расчёты и разъяснения в электронной форме, которые автоматически учитываются при пересчёте риск-рейтинга. Это снизит нагрузку на налоговые органы и повысит качество контроля.

5. Межведомственная и международная координация. В целях обеспечения налогового суверенитета необходимо заключать соглашения о взаимном признании цифровых профилей и риск-оценок с дружественными странами (ЕАЭС, ШОС, БРИКС), что позволит избежать двойного контроля и утечки данных.

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

² Садчиков М.Н. Финансово-правовое обеспечение налогового суверенитета Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 [Электронный ресурс]. Саратов, 2021. URL: <http://test.ssa.ru/dissertation/referats/12-07-2021-1r.pdf> (дата обращения: 11.03.2026). С. 14.

³ Лютова О.И. Цифровая трансформация принципов налогового права. С. 112–130.

⁴ Напсо М.Б. Цифровизация налоговых правоотношений: особенности исполнения совокупной налоговой обязанности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 87–94.

⁵ Керамова С. Н., Магомедова Х.М. Некоторые проблемы налогового администрирования // Юридический вестник. 2018. № 4. С. 33–39.

Закключение

Институт цифрового налогового администрирования в Российской Федерации прошёл путь от отдельных автоматизированных систем к комплексному цифровому профилированию налогоплательщиков, включая 89 источников данных, официальный рейтинг надёжности бизнеса и автоматизированные риск-модели (АСК НДС-3, СУР, ИР «ВНП-отбор»). Однако правовой режим налоговых данных и алгоритмических риск-оценок остаётся недостаточно определённым.

Правовой режим налоговых данных требует трех условий для защиты налогового суверенитета и граждан РФ.

Первое – разграничение налоговых данных, риск-индикатора и доказательства. Данные являются исходным материалом, риск-индикатор – результатом аналитической обработки, а доказательство возникает только тогда, когда сведения получены, раскрыты и оценены в установленной законом процедуре⁶.

Второе условие – объяснимость цифрового профиля. Налоговый орган не обязан раскрывать программный код риск-моделей, но налогоплательщик должен понимать, какие категории данных использованы, какие несоответствия выявлены и как их можно опровергнуть. Третье условие – право на цифровое возражение, то есть возможность представить электронные контр-расчёты, первичные документы и пояснения до того, как цифровая оценка превратится в полноценный спор.

Судебная практика последовательно исходит из того, что автоматические выводы не являются доказательствами, а лишь поводом для контрольных действий. Тем не менее отсутствие законодательного закрепления этого принципа создаёт риски произвола и снижает легитимность налогового контроля. Как отмечает С.Ю. Пяряков, налоговый конституционализм требует конституционного контроля за фискальными инновациями, включая цифровые налоги и платформенные режимы обложения⁷.

Предлагаемые инструменты – закрепление принципа алгоритмической справедливости, стандарты воспроизводимости, специализированный судебный контроль, цифровая самозащита и международная координация – позволяют превратить цифровое профилирование из фактора неопределённости в надёжный элемент налогового суверенитета. Чёткий правовой режим налоговых данных не ослабляет, а усиливает фискальную управляемость, поскольку основан на доверии и предсказуемости.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных методик тестирования алгоритмов на предвзятость, анализ практики применения Федерального закона № 425-ФЗ в части расширения полномочий налоговых органов, а также на формирование модели распределения ответственности между налогоплательщиком, налоговым органом и операторами данных при автоматизированном исчислении и уплате налогов. Суверенная система налоговых больших данных должна быть технологически независимой, защищенной, юридически определенной и процессуально справедливой.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824. Ст. 82.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» от 31 июля 2020 года № 289-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5048.

3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 48 (ч. I). – Ст. 7236.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

⁶ Федеральные законы от 27.07.2006 № 149-ФЗ и № 152-ФЗ; постановление АС Северо-Кавказского округа от 13.01.2016 № Ф08-9657/15; постановление 9 ААС от 13.12.2017 № 09АП-59460/2017.

⁷ Пяряков С.Ю. Налоговый конституционализм и цифровое налоговое администрирование // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 3. – С. 41–48.

5. Федеральные законы от 27.07.2006 № 149-ФЗ и № 152-ФЗ; постановление АС Северо-Кавказского округа от 13.01.2016 № Ф08–9657/15; постановление 9 ААС от 13.12.2017 № 09АП-59460/2017.

6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 декабря 2017 г. № 09АП-59460/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://buhexpert8.ru/npa/postanovlenie-devyatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda-ot-13-12-2017-n-09ap-59460-2017.html> (дата обращения: 02.04.2026).

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2015 г. № 16-П [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181682/ (дата обращения: 02.04.2026).

8. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 января 2016 г. № Ф08–9657/15 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40590463/> (дата обращения: 02.04.2026).

9. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 декабря 2017 г. № 09АП-59460/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://buhexpert8.ru/npa/postanovlenie-devyatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda-ot-13-12-2017-n-09ap-59460-2017.html> (дата обращения: 02.04.2026).

10. Постановление Правительства РФ от 02.06.2008 № 418 «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации».

11. В 2026 году вступили в силу новые правила налогового контроля // ФНС России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn91/news/tax_doc_news/16602837/ (дата публикации: 13.02.2026; дата обращения: 02.04.2026).

12. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru>; федеральный проект «Инфраструктура кибербезопасности» // Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru>.

13. Напсо М.Б. Цифровизация налоговых правоотношений: особенности исполнения совокупной налоговой обязанности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 87–94.

14. Поярков С.Ю. Налоговый конституционализм и цифровое налоговое администрирование // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – № 3. – С. 41–48.

15. Садчиков М.Н. Финансово-правовое обеспечение налогового суверенитета Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 [Электронный ресурс]. Саратов, 2021. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/12-07-2021-1r.pdf> (дата обращения: 11.03.2026). С. 13.

16. Садчиков М.Н. Налоговый суверенитет государства в условиях цифровизации международной экономической деятельности // Вестник СГЮА. 2020. № 4. С. 56–63.

17. Керимова С. Н., Магомедова Х.М. Некоторые проблемы налогового администрирования // Юридический вестник. 2018. № 4. С. 33–39.

18. Лютова О.И. Цифровая трансформация принципов налогового права // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 1. С. 112–130.

19. BFH, Urteil vom 15.03.2023 – III R 12/21 [Electronic resource]. URL: <https://www.bundesfinanzhof.de/de/entscheidung/entscheidungen-online/detail/STRE202310119/> (accessed: 02.04.2026).

LEGAL REGIME OF TAX DATA AND DIGITAL PROFILING AS AN ELEMENT OF ENSURING THE TAX SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yachin A.A.

People's friendship university of Russia

The article analyzes the legal regime of tax data and digital profiling of taxpayers in the context of ensuring the tax sovereignty of the Russian Federation. Based on the study of the evolution of digital tax administration – from automated information systems of the Federal Tax Service to the formation of digital profiles based on 89 sources and algorithmic risk

assessments – legal gaps in determining the legal status of digital evidence are identified. It is substantiated that algorithmic conclusions and risk ratings themselves cannot be considered as unconditional evidence of a tax offense, but are only operational indicators for conducting control measures. A comparative analysis of approaches to digital tax administration in the EU, the USA and China is carried out. Tools for improving the legal regime of tax data are proposed: legislative consolidation of the principle of «algorithmic fairness», introduction of standards for reproducibility of risk assessments, creation of specialized judicial control over digital actions of tax authorities. It is concluded that a clear legal regime of tax data and profiling is a necessary condition for the implementation of tax sovereignty in the digital environment.

Keywords: tax sovereignty, tax data, digital profiling, algorithmic risk assessments, tax administration, artificial intelligence, digital evidence, legal certainty.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998, № 146-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3824. Art. 82.
2. Federal Law «On Amendments to the Federal Law 'On Insolvency (Bankruptcy)' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Out-of-Court Bankruptcy of an Individual» of July 31, 2020, № 289-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 31 (Part I). – Art. 5048.
3. Federal Law «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation, Certain Legislative Acts of the Russian Federation, and the Repeal of Certain Legislative Acts (Certain Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation» of November 28, 2025, № 425-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2025. – № 48 (Part I). – Art. 7236.
4. Federal Law of July 31, 2020, № 258-FZ «On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation»; Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019, № 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation».
5. Federal Laws of July 27, 2006, № 149-FZ and № 152-FZ; Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of January 13, 2016, № F08–9657/15; Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of December 13, 2017, № 09AP-59460/2017.
6. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of December 13, 2017, № 09AP-59460/2017 [Electronic resource]. URL: <https://buhexpert8.ru/npa/postanovlenie-devyatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda-ot-13-12-2017-n-09ap-59460-2017.html> (accessed: April 02, 2026).
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 25, 2015, № 16-П [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181682/ (accessed: April 02, 2026).
8. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of January 13, 2016, № F08–9657/15 [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/40590463/> (accessed: April 02, 2026).
9. (Повторяет п. 6) Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of December 13, 2017, № 09AP-59460/2017 [Electronic resource]. URL: <https://buhexpert8.ru/npa/postanovlenie-devyatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda-ot-13-12-2017-n-09ap-59460-2017.html> (accessed: April 02, 2026).
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 02, 2008, № 418 «On the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation».
11. New Tax Control Rules Entered into Force in 2026 // Federal Tax Service of Russia: official website. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn91/news/tax_doc_news/16602837/ (publication date: February 13, 2026; accessed: April 02, 2026).
12. National Project «Data Economy and Digital Transformation of the State» // Ministry of Digital Transformation of Russia. URL: <https://digital.gov.ru>; Federal Project «Cybersecurity Infrastructure» // Ministry of Digital Transformation of Russia. URL: <https://digital.gov.ru>.
13. Napso, M. B. (2025). Digitalization of Tax Relations: Features of Fulfilling the Total Tax Obligation // Law and State: Theory and Practice. № 2. P. 87–94.
14. Poyarkov, S. Yu. (2025). Tax Constitutionalism and Digital Tax Administration // Constitutional and Municipal Law. № 3. P. 41–48.
15. Sadchikov, M. N. (2021). Financial and Legal Support of the Tax Sovereignty of the Russian Federation: Synopsis of a Doctoral Thesis in Law: 12.00.14 [Electronic resource]. Saratov. URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/12-07-2021-1r.pdf> (accessed: March 11, 2026). P. 13.
16. Sadchikov, M. N. (2020). Tax Sovereignty of the State in the Context of Digitalization of International Economic Activity // Bulletin of the Saratov State Law Academy. № 4. P. 56–63.
17. Keramova, S. N., & Magomedova, Kh. M. (2018). Some Problems of Tax Administration // Legal Bulletin. № 4. P. 33–39.
18. Lyutova, O. I. (2024). Digital Transformation of the Principles of Tax Law // Journal of Digital Technologies and Law. Vol. 2, № 1. P. 112–130.
19. BFH, Urteil vom 15.03.2023 – III R 12/21 [Electronic resource]. URL: <https://www.bundesfinanzhof.de/de/entscheidung/entscheidungen-online/detail/STRE202310119/> (accessed: 02.04.2026).

Особенности и проблемы межотраслевого правового регулирования цифровых объектов в Российской Федерации

Алиева Саида Афган кызы,

аспирант кафедры частного права, ФГБОУ ВО

«Государственный университет управления»

E-mail: alieva.saidaa@gmail.com

В статье исследуются теоретические и практические аспекты межотраслевой конвергенции норм российского права применительно к правовому режиму цифровых объектов. Стремительная цифровизация общественных отношений обусловила появление феноменов, обладающих признаками одновременно нескольких категорий, что порождает конфликты квалификации между гражданским, финансовым, административным и уголовным правом. Автор анализирует специфику закрепления цифровых прав в рамках статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, соотнося их с новейшими инициативами в области регулирования цифровых валют и цифровых активов.

В фокусе внимания находится децентрализованная природа данных объектов, затрудняющая реализацию традиционных институтов юрисдикции, принудительного исполнения и налогового администрирования. В работе выявлены ключевые дефекты законодательства, включая терминологическую дисгармонию отраслевых нормативных правовых актов, риски фрагментации правового поля и пробелы в сфере защиты прав участников цифрового оборота. На основе критического анализа доктринальных подходов предлагаются пути систематизации межотраслевого взаимодействия, основанные на внедрении комплексных правовых институтов и унификации базового категориального аппарата.

Ключевые слова: цифровые объекты; межотраслевое регулирование; цифровые права; цифровая валюта; правовой режим; конвергенция права; гражданское право; финансовое право; правовая неопределенность; коллизии норм.

Введение

Динамичная модернизация современных экономических систем сопровождается глубоким внедрением сквозных информационных технологий во все сферы жизнедеятельности социума. Закономерным результатом данного процесса выступает формирование принципиально новой категории правовой реальности, представленной разнообразными цифровыми объектами. К числу последних отечественный исследовательский дискурс и законодатель относят цифровые права, цифровые финансовые активы, утилитарные права, цифровые валюты, а также виртуальные игровые ценности и уникальные токены. Подобная полиморфная структура порождает фундаментальный вызов для классической догмы права, исторически опирающейся на жесткое деление правовой системы на обособленные публичные и частные отрасли.

Актуальность выбранной проблематики предопределена лавинообразным ростом числа транзакций с нематериальными субстанциями, функционирующими в распределенных реестрах, на фоне очевидной незавершенности формирования их адекватной юридической модели. Специфика цифрового пространства такова, что любой возникающий в нем объект неизбежно вовлекается в орбиту действия нескольких правовых отраслей.

Гражданско-правовая квалификация цифрового объекта как разновидности имущества требует синхронного ответа со стороны налогового законодательства в части определения правил исчисления фискальных обязательств.

Одновременно с этим защита прав инвесторов и предотвращение противоправного использования децентрализованных систем детерминируют необходимость развертывания административно-правовых и уголовно-правовых защитных механизмов. Сложность заключается в том, что традиционный инструментарий отдельных отраслей оказывается недостаточным для охвата существенных технологических свойств цифровой среды. В данной связи возникает острая научно-практическая потребность в осмыслении закономерностей межотраслевой интеграции и преодолении существующих доктринальных и регуляторных противоречий.

Основная часть

Юридическая природа цифровых объектов характеризуется высокой степенью абстракции и технологической детерминированности, что делает невозможным их бесконфликтное встраивание в рамки какой-либо одной отрасли права [1]. Российский законодатель предпринял попытку базовой легализации данных явлений посредством конструирования института цифровых прав в гражданском законодательстве, дополнив статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации и зафиксировав дефиницию в статье 141.1 указанного кодекса. Сформированная модель определяет цифровые права как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых устанавливаются по правилам конкретной информационной системы.

Такое решение обнаруживает очевидное стремление подчинить новые экономические блага классической цивилистической триаде, однако технологическая специфика блокчейн-платформ вступает в противоречие с традиционным пониманием объектов гражданских прав. Свойства неизменяемости записей, отсутствия единого обязанного лица во многих децентрализованных архитектурах и высокая автономия смарт-контрактов размывают границы между вещными, обязательственными и корпоративными правами [3].

Межотраслевой аспект регулирования обостряется при анализе соотношения гражданского и финансового права. Ярким примером служат дискуссии вокруг правового статуса цифровой валюты и цифровых финансовых активов. Одобрение Правительством Российской Федерации комплексных пакетов законопроектов, направленных на легализацию обращения цифровых валют, демонстрирует дуализм регуляторного подхода. С одной стороны, цифровая валюта признается имуществом для целей исполнительного производства, банкротства и противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. С другой стороны, финансовое право рассматривает ее сквозь призму валютного контроля, денежно-кредитной политики и налогообложения, накладывая жесткие ограничения на использование крипто-

валют в качестве законного средства платежа на территории государства. Данный концептуальный разрыв порождает ситуацию, когда объект, легитимно обращающийся в рамках гражданского оборота как инвестиционный инструмент, сталкивается с публично-правовыми запретами, девальвирующими его экономическую ценность для участников рынка [6].

Терминологическая дисгармония выступает в качестве одного из наиболее деструктивных факторов межотраслевого взаимодействия. Понятийный аппарат, используемый в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», не всегда коррелирует с дефинициями Налогового кодекса Российской Федерации. Это приводит к возникновению ситуаций правовой неопределенности при квалификации операций по майнингу, стейкингу или отчуждению токенов. Отсутствие единого межотраслевого глоссария вынуждает правоприменителя, включая судебные инстанции, прибегать к расширительному толкованию норм, что негативно сказывается на стабильности гражданского оборота и предсказуемости фискальной нагрузки на бизнес [2].

Существенную проблему представляет также координация регулятивных и охранительных отраслей права. Защита цифровых объектов от преступных посягательств требует четкой уголовно-правовой оценки деяний, связанных с хищением виртуальных активов, несанкционированным доступом к криптокошелькам или модификацией данных в распределенных реестрах. Уголовный кодекс Российской Федерации оперирует классическими категориями собственности и информации, которые с трудом адаптируются к специфике бездокументарных цифровых прав. В судебной практике возникают сложности с определением размера причиненного ущерба, установлением места совершения преступления в трансграничной цифровой среде и идентификацией субъекта противоправного деяния, скрывающегося за анонимными сетевыми адресами. Без синхронизации материальных норм гражданского права, определяющих момент перехода права на цифровой объект, и процессуальных норм уголовно-процессуального и административного права, регламентирующих порядок ареста и изъятия таких активов, эффективная правоохранительная деятельность становится невозможной [7].

Институт экспериментальных правовых режимов, активно внедряемый в Российской Федерации, призван сгладить межотраслевые противоречия путем создания локальных регуляторных «песочниц». Апробация цифровых инноваций в рамках специальных правовых пространств позволяет временно приостанавливать действие отдельных отраслевых ограничений для поиска оптимального баланса между частными интересами разработчиков и публичными интересами государства [8]. Однако данный механизм порождает риск фрагментации правового поля, когда на одной территории действуют принципиально разные стандарты защиты прав потребителей, обеспечения информационной безопасности и налогового контроля. Межотраслевое регулирование должно стремиться не к созданию перманентных исключений из общих правил, а к выработке универсальных сквозных принципов, способных обеспечить стабильное функционирование цифровых объектов во всех отраслях права без ущерба для национальной безопасности [4].

Информационное право в этой системе координат выполняет роль своеобразного моста, связывающего частноправовые режимы с публично-правовыми требованиями безопасности и технического регулирования. Цифровой объект не существует изолированно от информационной инфраструктуры, базы данных или программного комплекса, в рамках которых он сформирован. Следовательно, правовой режим самого объекта жестко детерминирован регуляторными требованиями, предъявляемыми к операторам информационных систем, обеспечению конфиденциальности персональных данных и криптографической защите информации. Возникает феномен взаимного проникновения норм: гражданские права участников оборота оказываются в прямой зависимости от выполнения оператором требований административного и информационного законодательства [2]. В случае отзыва лицензии у оператора или сбоя в работе системы частные права инвесторов могут быть безвозвратно утрачены, что актуализирует проблему разработки межотраслевых институтов субсидиарной и солидарной ответственности субъектов цифровой инфраструктуры.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что текущее состояние межотраслевого правового регулирования цифровых объектов в Российской Федерации характеризуется наличием глубоких концептуальных и нормативных противоречий. Стремление законодателя локализовать правовые режимы новых технологических феноме-

нов в рамках отдельных традиционных отраслей приводит к созданию изолированных регуляторных массивов, вступающих в коллизию друг с другом. Главная особенность рассматриваемых объектов заключается в их сквозном характере, требующем принципиально иных подходов к формированию нормативного ландшафта [1].

Для преодоления выявленных проблем и минимизации рисков правовой неопределенности представляется необходимым реализовать комплекс мер, направленных на системную интеграцию отраслевого регулирования:

- Разработать и нормативно закрепить единую межотраслевую концепцию правового регулирования цифровых активов, которая послужит методологической основой для модернизации гражданского, финансового, налогового, административного и уголовного законодательства.
- Унифицировать понятийный аппарат во всех нормативных правовых актах, исключив двоякое толкование базовых терминов, таких как «цифровое право», «цифровая валюта», «смарт-контракт» и «оператор информационной системы».
- Сформировать комплексные правовые институты, сочетающие в себе элементы частноправового регулирования оборота цифровых объектов и публично-правовые механизмы контроля, надзора и защиты прав участников цифровых правоотношений.
- Усовершенствовать процессуальное законодательство в части разработки четких алгоритмов доказывания, фиксации, ареста и обращения в доход государства цифровых объектов, вовлеченных в противоправную деятельность.

Реализация указанных предложений позволит создать сбалансированную, гибкую и эффективную систему правового регулирования, способную не только адекватно реагировать на текущие вызовы технологического прогресса, но и стимулировать дальнейшее безопасное развитие цифровой экономики в Российской Федерации.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что цифровые объекты представляют собой особую категорию объектов права, правовой режим которых не может быть эффективно урегулирован исключительно средствами одной отрасли законодательства. Их технологическая природа, децентрализованный характер функционирования и многообразие экономических функций обуславливают необходимость комплексного межотраслевого подхода, объединяющего инструменты гражданского, финансового, административного, информационного и уголовного права.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации показал, что, несмотря на существенные шаги по формированию нормативной базы в сфере цифровых прав, цифровых финансовых активов и цифровой валюты, существующая система регулирования сохраняет значительное количество пробелов и коллизий. Наиболее существенными из них являются отсутствие единого понятийного аппарата, несогласованность отраслевых нормативных актов, недостаточная разработанность механизмов защиты прав участников цифрового оборота, а также сложности правоприменения в условиях трансграничного характера цифровых отношений.

Установлено, что дальнейшее развитие правового регулирования цифровых объектов должно осуществляться на основе принципов межотраслевой координации, технологической нейтральности и правовой определенности. Особое значение приобретает формирование единой концепции регулирования цифровых объектов, способной обеспечить согласованность частноправовых и публично-правовых механизмов воздействия на соответствующие общественные отношения.

Перспективным направлением совершенствования законодательства является унификация терминологии, разработка комплексных правовых институтов, регламентирующих оборот цифровых объектов, а также модернизация процессуальных механизмов их защиты, ареста, учета и обращения взыскания. Важную роль в этом процессе должны играть экспериментальные правовые режимы, результаты применения которых могут стать основой для дальнейшего совершенствования национального законодательства.

Таким образом, эффективное правовое регулирование цифровых объектов возможно лишь при условии формирования целостной, внутренне согласованной и адаптивной системы межотраслевого регулирования, способной обеспечить баланс интересов государства, бизнеса и участников цифровой экономики, а также создать необходимые правовые условия для устойчивого развития цифровой трансформации Российской Федерации.

Литература

1. Матей, Е.В. Квалификация инвесторов: проблемы и практика противодействия легализации доходов, полученных преступным пу-

тем // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 8А. – С. 34–39.

2. Минбалеев, А.В. Проблемы цифрового права: учеб. пособ. /А. В. Минбалеев. – Саратов: Амirit, 2022. – 233 с.

3. Мограбян, А.С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 10. – С. 141–147.

4. Ображиев, К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. – 2022. – № 2. – С. 71–87.

5. Панарина, М.М. Наследование цифровых активов: как защитить свои цифровые активы в виртуальном мире? // Наследственное право. – 2025. – № 4. – С. 18–22.

6. Петров Д. А., Попондопуло В.Ф., Силина Е.В. Товарные рынки в условиях цифровизации экономики // Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М.: Проспект, 2020. – С. 263–270

7. Пяткова, О.В. Изъятие и арест криптовалюты в уголовном судопроизводстве: межотраслевые коллизии, тактические алгоритмы и конституционные риски (ст. 164.2 УПК РФ) // Полиция и следственная деятельность. – 2026. – № 1. – С. 297–313.

8. Филипова, И.А. Концепция цифрового трудового правоотношения / И.А. Филипова, К.Л. Томашевский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Том 18. – № 4. – С. 114–142.

FEATURES AND PROBLEMS OF CROSS-SECTORAL LEGAL REGULATION OF DIGITAL OBJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alieva Saïda Afgan kyzy

State University of Management

The article explores the theoretical and practical aspects of the cross-sectoral convergence of Russian law norms applied to the legal regime of digital objects. Rapid digitalization of social relations has led to the emergence of phenomena possessing characteristics of several categories simultaneously, which generates qualification conflicts between civil, financial, administrative, and criminal law. The author analyzes the specifics of establishing digital rights within Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, correlating them with the latest legislative initiatives in the field of digital currency and digital assets regulation. The research focuses on the decentralized nature of these objects, which complicates the implementation of traditional institutions of jurisdiction, enforcement, and tax administration. The paper identifies key deficiencies in legislation, including terminological disharmony of sectoral normative legal acts, risks of legal field fragmentation, and gaps in protecting the rights of digital circulation participants. Based on a critical analysis of doctrinal approaches, ways to systematize cross-sectoral interaction are proposed, rooted in introducing comprehensive legal institutions and unifying the basic categorical apparatus.

Keywords: digital objects; cross-sectoral regulation; digital rights; digital currency; legal regime; convergence of law; civil law; financial law; legal uncertainty; conflicts of norms.

References

1. Matej, E.V. Kvalifikacija investorov: problemy i praktika protivodejstviya legalizacii dohodov, polučennyh prestupnym putem // Voprosy rossijskogo i meždunarodnogo prava. – 2024. – Т. 14, № 8А. – С. 34–39.

2. Minbaleev, A.V. Problemy cifrovogo prava: učeb. posob. /A.V.Minbaleev. – Saratov: Amirit, 2022. – 233 s.

3. Mograbjan, A.S. Cifrovye prava kak ob"ekty graždanskih prav v Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – Т. 17, № 10. – С. 141–147.

4. Obraziev, K.V. Prestupnye posjagatel'stva na cifrovye finansovyje aktivy i cifrovuju valjutu: problemy kvalifikacii i zakonodatel'noj reglamentacii // Žurnal rossijskogo prava. – 2022. – № 2. – С. 71–87.

5. Panarina, M.M. Nasledovanie cifrovych aktivov: kak zaštitit' svoi cifrovye aktivy v virtual'nom mire? // Nasledstvennoe pravo. – 2025. – № 4. – С. 18–22.

6. Petrov D.A., Popondopulo V.F., Silina E.V. Tovarnye rynki v uslovijah cifrovizacii èkonomiki // Cifrovoe pravo: učebnik / pod obš. red. V.V. Blažeeva, M.A. Egorovoj. – М.: Prospekt, 2020. – С. 263–270

7. Pjatкова, О.В. Iz"jatie i arest kriptovaljuty v ugodovnom sudoproizvodstve: mežotraslevye kollizii, taktičeskie algoritmy i konstitucionnye riski (st. 164.2 UPK RF) // Policejskaja i sledstvennaja dejatel'nost'. – 2026. – № 1. – С. 297–313.

8. Filipova, I.A. Konceptija cifrovogo trudovogo pravootnošenija / I.A. Filipova, K.L. Tomaševskij // Pravo. Žurnal Vysšej školy èkonomiki. – 2025. – Том 18. – № 4. – С. 114–142.

Анфилофьев Дмитрий Петрович,

соискатель, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
E-mail: anfilofyev_dp@mail.ru

В статье исследуется место доктрины *culpa in contrahendo* в системе частноправовых средств защиты с акцентом на разграничение её применения с иными правовыми механизмами. Автор производит анализ критериев квалификации переговоров о заключении договора как юридически значимого процесса, оказывающего влияние на выбор способа защиты нарушенного интереса. В целях реконструкции доктрины в статье решается вопрос о соотношении преддоговорной ответственности с понуждением к заключению договора, последствиями незаключённости и недействительности сделки. На основе норм гражданского законодательства и положений науки гражданского права автором обосновывается, что применение различных способов защиты обусловлено стадией поведения сторон и характером допущенного нарушения, поэтому преддоговорная ответственность выполняет функцию перераспределения рисков на этапе формирования обязательства. В целом преддоговорная ответственность не может рассматриваться изолированно от иных средств гражданско-правовой защиты. Предлагается уточнение пределов её применения и состава подлежащих возмещению убытков.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, недобросовестное поведение, убытки, заключение договора, недействительность сделки, преддоговорный спор.

Попытка описать переговоры исключительно как стадию, предшествующую направлению оферты, оказывается недостаточной при сопоставлении нормативной конструкции заключения договора с фактическими моделями взаимодействия участников оборота. Уже сама формулировка пункта 1 статьи 432 ГК РФ¹ допускает достижение соглашения не только через классическую связку оферты и акцепта, но и посредством поведения сторон, позволяющего установить их согласованную волю. Система гражданско-правового регулирования определяет лишь минимальные требования к результату – согласование существенных условий и соблюдение формы.

Формальная модель «оферта – акцепт» не исчерпывает механизма установления гражданско-правового обязательства. Она лишь представляет одну из его возможных конфигураций. В условиях, когда согласование условий договора происходит поэтапно, посредством уточнения предложений, обмена проектами, корректировки отдельных положений и совершения действий, ориентированных на подготовку к заключению договора, разграничение между переговорами и заключением договора утрачивает однозначность. Более того, поведение сторон нередко демонстрирует факт существования переходных состояний, при которых согласование условий ещё не завершено, хотя имеющееся взаимодействие сторон влияет на их имущественное положение.

При таком подходе переговоры целесообразно рассматривать как совокупность действий сторон, направленных на достижение соглашения по условиям договора и придание этому соглашению юридически значимой формы.

В отличие от иных форм преддоговорного взаимодействия, переговоры характеризуются не самим фактом контакта, а направленностью поведения на установление обязательственного отношения. Критерием их квалификации выступает наличие взаимно распознаваемого намерения сторон вступить в договорные отношения. Как указывает М.А. Ерохова, намерение не сводится к внутреннему психическому состоянию; оно проявляется через действия – «содержание переписки, характер предложений, согласование параметров будущей сделки, подготовительные действия, предпринимаемые в расчёте на её заключение» [1, с. 27].

Именно этот признак позволяет отграничить переговоры от иных форм коммуникации, которые не преследуют цели заключения договора. Информационный обмен, консультации не образуют переговорного процесса. Напротив, даже начальный этап взаимодействия может быть квалифицирован как переговоры, если поведение сторон свидетельствует о готовности перейти к согласованию условий и заключению договора. Тем самым решающее значение приобретают направленность и содержание действий.

Определение момента начала переговоров в этой связи не может быть привязано к направлению оферты. Начало переговоров следует связывать с установлением между сторонами взаимодействия, ориентированного на возможное заключение договора. Завершение переговоров также не сводится к моменту акцепта. Переговоры прекращаются либо в результате заключения договора, либо «вследствие утраты сторонами намерения продолжать взаимодействие» [2, с. 94].

Утрата такого намерения может быть выражена как прямо, так и посредством поведения, исключающего дальнейшее согласование условий. Важно учитывать, что в ряде случаев формальное достижение соглашения не сопровождается фактическим прекращением переговорного процесса. Продолжение согласования условий после предполагаемого акцепта свидетельствует о том, что стороны, как указывает Ц.А. Давтян, «не рассматривают своё взаимодействие как завершённое, а потому не переходят к стадии исполнения договора» [3, с. 63].

Соотношение переговоров с преддоговорными спорами, урегулированными в статье 446 ГК РФ, позволяет уточнить пределы правового регулирования данного процесса. Передача разногласий на рассмотрение суда означает сохранение намерения сторон заключить договор и их неспособность самостоятельно согласовать отдельные условия. Судебное вмешательство в таком случае направлено на завершение

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.; одобрен Советом Федерации 30 нояб. 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

переговорного процесса посредством определения содержания обязательства. Иная ситуация складывается при прекращении переговоров: здесь отсутствует согласованная воля сторон на заключение договора, что исключает «возможность применения механизма преддоговорного спора и переводит конфликт в плоскость ответственности за поведение сторон» [4, с. 12].

В результате переговоры занимают промежуточное положение в механизме установления обязательства. С одной стороны, они предшествуют заключению договора, с другой – не могут быть сведены к чисто подготовительной стадии, лишённой правового значения. Уточнение критериев квалификации переговоров позволяет по-новому определить границы применения норм о преддоговорной ответственности. Если переговоры понимаются как процесс, охватывающий весь период формирования договорного обязательства, то и оценка поведения сторон должна осуществляться с учётом этой протяжённости.

Рассмотрение преддоговорной ответственности в отрыве от иных способов защиты гражданских прав неизбежно приводит к искусственной изоляции данного явления и сглаживанию тех противоречий, которые возникают на практике при выборе надлежащей правовой квалификации.

Ещё Р. Йеринг предположил в 1861 г. одну из первых доктринальных теорий, связанных с добросовестностью на преддоговорном этапе, – *culpa in contrahendo* немецкого юриста Йеринга. Немецкий юрист обнаружил, что развитие торговых отношений приводит к возникновению такого рода правовых вопросов, которые законы не регулировали. Поэтому было неприемлемо, чтобы сторона, добросовестно участвовавшая в процессе переговоров и доверявшая другой стороне на данном этапе, не нашла никакой защиты в суде. Основываясь на положениях римского права, немецкий юрист «написал свою теорию, основанную на договорной ответственности» [5, с. 233].

В действительности проблематика *culpa in contrahendo* проявляется не столько в определении её правовой природы, сколько в ситуации пересечения нескольких механизмов, каждый из которых претендует на применение к одному и тому же фактическому составу. На этапе формирования договорного обязательства поведение сторон может обладать признаками недобросовестности.

В случаях, когда поведение стороны в процессе переговоров формирует у контрагента обособленное представление о заключении договора и сопровождается действиями, ориентированными на его последующее исполнение, отказ от продолжения взаимодействия при отсутствии уважительных причин подлежит оценке посредством применения положений ст. 434.1 ГК РФ. Здесь основание ответственности заключается не в самом факте отказа, а в несоответствии поведения стороны тем ожиданиям, которые были ею же сформированы. Существенным является способ ведения переговоров. Взыскание убытков, как указывает П.Д. Чистяков, «направлено на устранение последствий недобросовестного поведения» [6, с. 148].

Иная ситуация складывается при наличии соглашения, пусть даже не оформленного в требуемой форме, но сопровождаемого частичным исполнением или иными действиями, свидетельствующими о признании договора сторонами. В таком случае обращение к п. 3 ст. 432 ГК РФ препятствует использованию ссылки на незаключённость как средства уклонения от обязательств, если «поведение стороны ранее подтверждало существование договорного отношения» [7, с. 78].

При наличии дефектов, затрагивающих волеизъявление стороны или иные условия действительности сделки, применяется иной механизм – последствия недействительности, предусмотренные статьёй 166 ГК РФ. В данном случае правовая оценка направлена на установление соответствия сделки требованиям закона и устранение её последствий при выявлении нарушений. В отличие от преддоговорной ответственности, здесь в центре внимания находится не поведение сторон на этапе формирования соглашения, а «юридическая судьба уже совершённой сделки» [8, с. 32].

Наконец, при причинении вреда вне переговорного взаимодействия или при отсутствии направленности действий на заключение договора применяется деликтная модель ответственности. Разграничение с деликтом здесь принципиально важно, поскольку чрезмерное расширение сферы применения преддоговорной ответственности может привести к подмене ею общих положений о возмещении вреда. Обязанность сторон на этом этапе состоит в том, чтобы быть серьёзными, добросовестными участниками договорного процесса, чтобы возместить ущерб, причинённый другой стороне по вине или халатности. Характер ответственности до заключения договора не является деликтной или договорной ответственностью, но она имеет особый и независимый статус.

Сопоставление подходов к защите интересов сторон на стадии формирования договорного обязательства наглядно прослеживается и в правоприменении. Так, в решении Арбитражного суда Красноярского края по делу № А33–33987/2023 рассматривалось требование департамента муниципального имущества города Красноярска к индивидуальному предпринимателю о понуждении к подписанию соглашения о присоединении к договору аренды земельного участка площадью 2848 кв. м (кадастровый номер 24:50:0400128:136). Ответчику принадлежали помещения в здании (в том числе площадью 9,7 кв. м и 8,1 кв. м, а также доля в помещении 87,6 кв. м), что обуславливало его участие в аренде участка с множественностью лиц на стороне арендатора. При этом проект соглашения предусматривал ретроактивное распространение условий аренды с 11.03.2012 и начисление арендной платы за прошедший период в размере 17 643,74 руб.

Суд удовлетворил требование о понуждении к заключению соглашения, однако исключил из него положения о распространении действия договора на прошлый период (пункты 7–10 проекта). Обоснованием послужило указание на недопустимость возложения обязательств за прошлое время без согласия стороны, несмотря на наличие фактического пользования земельным участком.

В другом решении Арбитражного суда Красноярского края по делу № А33–6674/2024 истец требовал понудить общество с ограниченной ответственностью «Востоксантехмонтаж Плюс» присоединиться к договору аренды земельного участка площадью 559 кв. м (кадастровый номер 24:50:0100223:41). Ответчик являлся собственником нежилого помещения площадью 193,3 кв. м в здании, находящемся на данном участке, и ранее вступал во взаимодействие с истцом, направляя протокол разногласий к предложенному соглашению. Проект соглашения также предусматривал ретроактивное действие с 31.12.2009 и начисление арендной платы за прошлый период в сумме 19 523,22 руб.

Суд признал обязанность ответчика заключить договор аренды в силу земельного законодательства и скорректировал предложенные условия: положения о ретроактивности были исключены, а отдельные условия (в частности, пункт о порядке зачёта платежей) изменены с учётом позиции ответчика. При этом сам факт ведения сторонами переписки и обмена разногласиями не был квалифицирован как обстоятельство, влияющее на применение норм о недобросовестном ведении переговоров.

Иными словами, даже при наличии конкретных имущественных параметров спора – определённой площади земельных участков, расчётов долей (например, 25,76 кв. м помещений ответчика в первом деле) и сумм предполагаемой арендной платы – суды ориентируются на разграничение функций правовых механизмов.

Преддоговорная ответственность выступает как один из возможных вариантов правовой реакции, применяемый при наличии совокупности признаков, свидетельствующих о нарушении требований добросовестности именно в процессе формирования договорного обязательства.

Традиционно возмещение в рамках преддоговорной ответственности связывается с восстановлением положения, существовавшего до вступления в переговоры. Однако такое понимание не может быть сведено к компенсации лишь фактически понесённых расходов. В ряде случаев убытки обусловлены не затратами как таковыми, а изменением экономического положения стороны, вызванным её участием в переговорах. К ним могут относиться утрата возможности заключения договора с третьими лицами, отказ от альтернативных проектов, перераспределение ресурсов в расчёте на предполагаемое обязательство. При наличии «причинной связи между такими последствиями и поведением контрагента они подлежат учёту при определении размера убытков» [9, с. 39].

Отметим вопрос о соотношении преддоговорной ответственности с запретом противоречивого поведения, закреплённым в п. 5 ст. 166 ГК РФ, который препятствует ссылке на недействительность сделки в тех случаях, когда поведение стороны давало основания полагаться на её действительность. По своей направленности оно совпадает с преддоговорной ответственностью: в обоих случаях пресекается изменение правовой позиции стороны, противоречащее её предыдущему поведению. Различие заключается в стадии применения. Преддоговорная ответственность действует до заключения договора или при его несостоявшемся формировании, тогда как «запрет противоречивого поведения применяется после совершения сделки» [10, с. 62].

С учётом изложенного преддоговорную ответственность целесообразно рассматривать как элемент более широкого механизма распределения рисков между стадиями установления обязательства. На ранних этапах взаимодействия риск несостоявшегося договора, как правило, несёт каждая из сторон самостоятельно. По мере углубления переговорного процесса и формирования у одной из сторон разум-

ных ожиданий заключения договора этот риск начинает перераспределяться. На этапе переговоров, несмотря на свободу сторон вступать в переговоры, отказываться или выходить из них без ограничений, доктрина налагает на стороны ряд обязанностей, подтверждающих их серьёзность в переговорах. Дух добросовестности и непричинения ущерба другой стороне играет свою роль в определении наличия ответственности на стадии переговоров. Сторона, вступающая в переговоры, должна продемонстрировать другой стороне свою серьёзность и стремление к переговорам, которые могут привести к заключению контракта, даже если они не достигнут его заключения. Это не позволяет этой стороне вступать в переговоры при условии, что она не хочет заключать контракт или что она получает недобросовестный доступ к конфиденциальной информации другой стороны.

Литература

1. Ерохова М.А. Эволюция добросовестности в Гражданском кодексе как результат работы Высшего Арбитражного Суда // Закон. 2025. № 1. С. 22–36.
2. Райников А.С. Понятие переговоров о заключении договора // Журнал российского права. 2024. Т. 28 № 10. С. 93–101.
3. Давтян Ц.А. Соотношение воли и волеизъявления в вопросе определения преддоговорной ответственности // Юридические исследования. 2022. № 9. С. 62–79.
4. Малькова А. А., Овчинникова О.В. Преддоговорные убытки: сущность, практика, перспективы // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7 № 4. С. 10–16.
5. Шохова В.А. Правовая природа преддоговорной ответственности в гражданском праве // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 232–234.
6. Чистяков П.Д. Деликтная квалификация преддоговорной ответственности в российском праве: pro et contra // Закон. 2022. № 5. С. 146–156.
7. Прохорко Т.Н. Недобросовестное поведение при ведении переговоров при заключении договора // Ex Jure. 2022. № 4. С. 77–89.
8. Саркисян В.В. Проблема применения преддоговорной ответственности к процедуре заключения договора на торгах // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 31–34.
9. Идрисов Х.В. Принцип добросовестности при заключении гражданско-правового договора: позиции законодательства, доктрины и судебной практики // Российская юстиция. 2022. № 2. С. 37–43.
10. Курин И. Ю., Боташева А.Р. Основание и условия преддоговорной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 59–65.

THE DOCTRINE OF CULPA IN CONTRAHENDO IN THE SYSTEM OF PRIVATE LAW REMEDIES

Anfilofyev D.P.

National Research University Higher School of Economics

The article examines the place of the culpa in contrahendo doctrine in the system of private law remedies, with an emphasis on distinguishing its application from other legal mechanisms. The author analyzes the criteria for qualifying contract negotiations as a legally significant process that influences the choice of a way to protect a violated interest. In order to reconstruct the business model, the article addresses the issue of the relationship between pre-contractual liability and the compulsion to conclude a contract, the consequences of non-conclusion and invalidity of the transaction. Based on the norms of civil law and the provisions of the science of civil law, the author substantiates that the use of various methods of protection is determined by the stage of the behavior of the parties and the nature of the violation, therefore, pre-contractual liability performs the function of redistributing risks at the stage of formation of the obligation. In general, pre-contractual liability cannot be considered in isolation from other means of civil protection. It is proposed to clarify the limits of its application and the composition of damages to be reimbursed.

Keywords: pre-contractual liability, unfair behavior, losses, conclusion of a contract, invalidity of a transaction, pre-contractual dispute.

References

1. Erokhova M.A. The evolution of good faith in the Civil Code as a result of the work of the Supreme Arbitration Court // Law. 2025. No. 1. pp. 22–36.
2. Rainikov A.S. The concept of contract negotiations // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28 No. 10. pp. 93–101.
3. Davtyan Ts.A. The correlation of will and expression of will in the issue of determining pre-contractual responsibility // Legal research. 2022. No. 9. pp. 62–79.
4. Malkova A. A., Ovchinnikova O.V. Pre-contractual damages: essence, practice, prospects // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law. 2022. Vol. 7 No. 4. pp. 10–16.
5. Shokhova V.A. The legal nature of pre-contractual liability in civil law // Legal Science. 2023. No. 7. pp. 232–234.
6. Chistyakov P.D. Tort qualification of pre-contractual liability in Russian law: pro et contra // Law. 2022. No. 5. pp. 146–156.
7. Prokhorko T.N. Unscrupulous conduct in negotiating a contract // Ex Jure. 2022. No. 4. pp. 77–89.
8. Sarkisyan V.V. The problem of the application of pre-contractual liability to the procedure of concluding an auction contract // Competition law. 2022. No. 1. pp. 31–34.
9. Idrisov H.V. The principle of good faith in concluding a civil contract: positions of legislation, doctrine and judicial practice // Russian justice. 2022. No. 2. pp. 37–43.
10. Kurin I. Yu., Botasheva A.R. The basis and conditions of pre-contractual liability // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2024. No. 7. pp. 59–65.

Понятия «родственник» и «свойственник» в контексте законодательства о несостоятельности (банкротстве)

Косарева Владислава Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

Афанасьев Григорий Станиславович,

аспирант, Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: grin213@mail.ru

В статье рассматривается проблема правовой неопределенности понятий «родственник» и «свойственник» в законодательстве о несостоятельности (банкротстве). Цель исследования состоит в выявлении межотраслевых различий в использовании данных категорий и определении их значения для установления заинтересованности лиц, оспаривания сделок должника и распределения бремени доказывания. Для достижения указанной цели анализируются положения семейного, гражданского, уголовно-процессуального, налогового и банкротного законодательства, а также отдельные положения подзаконного регулирования и судебной практики. Особое внимание уделяется несоответствию между правом финансового управляющего получать сведения о родственниках и свойственниках должника и закрытым перечнем заинтересованных лиц, закрепленным в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)». Обосновывается необходимость введения специальных банкротных дефиниций родства и свойства, а также уточнения круга заинтересованных лиц. Практическое значение исследования заключается в возможности использования выводов при совершенствовании законодательства о банкротстве и формировании правовых позиций по спорам о выводе имущества должника.

Ключевые слова: банкротство, родственник, свойственник, заинтересованные лица, финансовый управляющий, оспаривание сделок, фактическая аффилированность, конкурсная масса.

Правовая определенность терминологии имеет самостоятельное значение для отраслей, в которых правовой статус лица влияет на объем его обязанностей, распределение бремени доказывания и допустимость вмешательства в имущественную сферу. Понятия «родственник» и «свойственник» относятся именно к таким категориям, поскольку они используются не только для описания семейных отношений, но и для установления специальных правовых последствий в гражданском, налоговом, уголовно-процессуальном и банкротном регулировании. Отсутствие единого подхода не всегда образует прямую коллизию, однако создает ситуацию, при которой одно и то же фактическое отношение по-разному оценивается в зависимости от применяемого закона.

Актуальность проблемы подтверждается не только научной дискуссией, но и законодательными инициативами последнего времени. В 2025 году в Государственную Думу был внесен законопроект № 1042234–8, направленный на уточнение понятия «близкие родственники» применительно к уголовному и уголовно-процессуальному законодательству, а также на достижение большей согласованности данного термина с процессуальными отраслями [6]. Сам факт обращения законодателя к этой проблеме показывает, что неопределенность терминов родства сохраняет межотраслевой характер, а в делах о несостоятельности она приобретает специальное значение в связи с необходимостью выявления имущественных связей должника.

В научной литературе последних лет терминологическая неопределенность рассматривается как один из факторов снижения предсказуемости судебного усмотрения. По мнению Е.В. Шиняковой, «аффилированность не порождает отношений контроля», поэтому не всякая связь между лицами может автоматически вести к специальным банкротным последствиям [10]. Данный вывод важен для исследуемой темы, поскольку родство и свойство сами по себе не всегда доказывают участие лица в выводе имущества, но при определенных обстоятельствах могут указывать на повышенную вероятность осведомленности о положении должника.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (далее – «СК РФ») закрепляет отдельные категории лиц, связанных семейными отношениями, но не формулирует общего определения родственника и свойственника [1]. В статье 2 СК РФ названы супруги, родители, дети, усыновители, усыновленные, другие родственники и иные лица, однако эта норма определяет предмет регулирования семейного законодательства, а не круг родственников. Статья 14 того же кодекса раскрывает близких родственников только для цели запрета брака, включая родственников по прямой восходящей и нисходящей линии, а также полнородных и неполнородных братьев и сестер. Статьи 53, 55, 67, 73 и 137 СК РФ используют выражения «родственники» и «близкие родственники» применительно к правам ребенка, общению с ним, ограничению родительских прав и последствиям усыновления, но не вводят общего критерия степени родства.

Такое построение семейно-правового регулирования объяснимо его предметом, так как закон исходит из конкретных жизненных ситуаций и закрепляет тот круг лиц, который необходим для соответствующего института. Однако при переносе терминов в иные отрасли этот подход становится недостаточным, поскольку правоприменителю приходится самостоятельно решать, до какой степени родства сохраняется юридическое значение связи и относится ли к ней связь, возникшая вследствие брака. В результате следующий уровень анализа требует обращения к наследственному регулированию, где родство прямо влияет на очередность приобретения имущества.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (далее – «ГК РФ») также не содержит общей дефиниции родственника, но через статьи 1142–1145 и 1147 ГК РФ фактически раскрывает широкий круг лиц, имеющих значение для наследования по закону [2]. В число таких лиц включены дети, родители, дедушки, бабушки, братья, сестры, дяди, тети, двоюродные родственники, прадедушки, прабабушки, пасынки, падчерицы, отчим и мачеха. Специфика наследственного права состоит в том, что супруг наследодателя отнесен к первой очереди наследников, но это не означает признание супруга кровным родственником, поскольку основанием его статуса выступает брак, а не происхождение от общего предка.

Сопоставление семейного и наследственного регулирования показывает, что действующее законодательство использует два разных способа описания связанных лиц. В семейном праве законодатель оперирует функциональными категориями, необходимыми для защиты семейных прав, а в наследственном праве фиксирует последовательность наследования. Оба подхода имеют самостоятельное назначение, но ни один из них не может без специальной оговорки применяться в банкротстве, где значение имеет не само наличие семейной связи, а вероятность имущественной координации с должником.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее – «УПК РФ») содержит более формализованный терминологический аппарат. Пункт 4 статьи 5 УПК РФ относит к близким родственникам супруга, супругу, родителей, детей, усыновителей, усыновленных, родных братьев и сестер, дедушку, бабушку и внуков, а пункт 37 статьи 5 использует категорию родственников как иных лиц, состоящих в родстве [3]. При этом включение супруга в число близких родственников объясняется задачами уголовного судопроизводства и не совпадает с семейно-правовой природой супружеской связи, что подтверждает невозможность механического переноса указанного определения в законодательство о банкротстве.

Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (далее – «НК РФ») решает сходную задачу через критерий взаимозависимости. Статья 20 НК РФ связывает взаимозависимость с возможностью влияния на условия или экономические результаты деятельности, а пункт 2 статьи 105.1 НК РФ перечисляет отдельные случаи взаимозависимости физических лиц, включая супругов, родителей, детей, братьев, сестер, опекуна и подопечного [4]. В налоговом праве терминологический центр смещен с происхождения к экономическому влиянию, поэтому родство рассматривается не как самостоятельная цель регулирования, а как признак возможной согласованности поведения.

Такой подход ближе к задачам банкротного права, но и он не решает исследуемую проблему полностью. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 127-ФЗ») использует категории родства, свойства, заинтересованности и аффилированности в разных институтах, не выстраивая между ними единой терминологической связи [5]. Для процедур банкротства гражданина это особенно существенно, поскольку имущественные действия должника часто оцениваются через призму связей с близкими лицами, а результат такой оценки влияет на оспаривание сделок, формирование конкурсной массы и удовлетворение требований кредиторов.

Пункт 7 статьи 213.9 Федерального закона № 127-ФЗ предусматривает право финансового управляющего получать сведения о должнике и его супруге, а также в судебном порядке инициировать получение сведений о родственниках и свойственниках гражданина, если такие сведения имеют значение для дела о банкротстве [5]. Пункт 58 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» разъясняет порядок получения таких сведений через судебное содействие [8]. Однако ни указанная норма, ни разъяснение не определяют, какие лица входят в круг родственников и свойственников, что переносит ключевой вопрос из закона в плоскость судебной оценки.

Проблема усиливается при сопоставлении статьи 213.9 со статьей 19 Федерального закона № 127-ФЗ. В пункте 3 статьи 19 заинтересованными лицами по отношению к должнику-гражданину названы супруг, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, сестры, братья и их родственники по нисходящей линии, родители, дети, сестры и братья супруга [5]. Перечень сформулирован закрыто и не совпадает с кругом лиц, о которых финансовый управляющий вправе запрашивать сведения. Следовательно, управляющий может получить информацию о более широком круге родственников и свойственников, но не всегда может использовать сам факт такой связи для применения презумпций, предусмотренных нормами об оспаривании сделок.

Статья 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ закрепляет основания оспаривания подозрительных сделок, а пункт 2 указанной статьи придает значение знанию другой стороны о цели причинения вреда имущественным правам кредиторов [5]. Наличие заинтересованности контрагента облегчает доказывание соответствующей осведомленности, поскольку позволяет применить презумпцию знания о неблагоприятном имущественном положении должника. В отсутствие статуса заинтересованного лица финансовый управляющий должен доказы-

вать фактическую согласованность поведения, осведомленность и направленность сделки на причинение вреда кредиторам в общем порядке, что повышает сложность обособленного спора.

Подзаконное регулирование не устраняет указанное несоответствие. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 14.04.2025 № 237 «О формировании и ведении Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, о размещении указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, а также о взаимодействии оператора Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Минэкономразвития России» (далее – «Приказ № 237») регулирует порядок формирования и ведения реестра сведений о банкротстве, размещение информации и взаимодействие оператора с Минэкономразвития России [7]. При этом Приказ № 237 не может и не должен определять круг родственников и свойственников должника, поскольку такое регулирование затрагивает материальные последствия для участников спора и должно находиться на уровне федерального закона.

Судебная практика подтверждает значение указанного пробела. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2025 № 305-ЭС23–24052(3) по делу № А40–231308/2020 сделан вывод о том, что двоюродное родство само по себе не означает заинтересованность в смысле статьи 19 Федерального закона № 127-ФЗ и не доказывает осведомленность одаряемого о целях должника [9]. Данная позиция формально соответствует закону, поскольку двоюродные братья и сестры не названы в пункте 3 статьи 19, но именно поэтому она показывает предел действующей модели: факт семейной связи может быть установлен, однако правовое значение этой связи остается ограниченным.

Научные исследования последних лет подтверждают практическую значимость проблемы. По мнению Е.М. Фурсовой, «оспаривание сделок является одной из древнейших банкротных процедур», что подчеркивает устойчивое значение данного института для защиты кредиторов [12]. По мнению С.О. Романова, исследование оспаривания сделок направлено на «выявление особенностей правового регулирования» и установление проблем применения соответствующих норм [11]. В контексте родственных и свойственных связей это означает, что вопрос о круге заинтересованных лиц не является второстепенным, поскольку от него зависит распределение доказательственной нагрузки.

Статистические данные, приводимые отечественными авторами, показывают, что эффективность банкротных процедур остается ограниченной. По мнению А.Д. Чигарских, «доля дел, в которых кредиторы не получили ничего», в 2021 году составляла 58% [13]. По мнению В.Ю. Калугина, общий размер удовлетворения требований кредиторов с 2015 по 2023 год увеличился с 6,2% до 9,7%, что при положительной динамике все равно свидетельствует о низком уровне фактического восстановления нарушенных имущественных прав [14]. По мнению А.А. Муталиевой, в 2020 году было подано 5109 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, из которых удовлетворены требования в отношении 2997 лиц, а в 2021 году из 3030 заявлений удовлетворено 1722 [15]. Эти данные не сводятся непосредственно к спору о терминах родства, но показывают, что каждый дефект доказывания и каждая неопределенность статуса контрагента влияют на реальную результативность процедуры.

Проблема доказывания фактической аффилированности частично компенсируется судебными подходами, но такая компенсация не заменяет законодательной определенности. По мнению В.Н. Ткачева, в банкротных спорах сохраняются «пробелы в правовом регулировании вопросов оспаривания сделок должника» и привлечения третьих лиц к ответственности [16]. По мнению М.В. Столярчука, при анализе действий должника по сокрытию имущества через третьих лиц важно учитывать, что использование номинального собственника исторически служило способом формального дистанцирования от активов [17]. В делах о банкротстве гражданина таким третьим лицом может выступать не только близкий родственник в узком смысле, но и лицо, связанное с должником через более сложную семейную или брачную связь.

В то же время расширение круга заинтересованных лиц не должно превращаться в автоматическое возложение ответственности на любого родственника или свойственника. По мнению А.В. Бормотова, применение обеспечительных мер в отношении имущества лица, не являющегося должником, требует учета пределов статей 61.4 и иных норм Федерального закона № 127-ФЗ [18]. По мнению А.А. Карповой, период оспаривания подозрительных сделок применительно к пункту 2 статьи 61.2 Федерального закона № 127-ФЗ имеет самостоятельное

процессуальное значение [19]. Следовательно, законодательное уточнение круга заинтересованных лиц должно сопровождаться сохранением опровержимости презумпций и оценкой фактических обстоятельств конкретной сделки.

Для наглядного отображения действующей модели заинтересованности ниже представлена схема, в которой закрашенные ячейки обозначают лиц, признаваемых заинтересованными по смыслу статьи 19 Федерального закона № 127-ФЗ, а незакрашенные ячейки обозначают лиц, которые не подпадают под данный статус при формальном толковании указанной нормы. Схема показывает, что в перечень включены не все лица, потенциально способные участвовать в имущественном перемещении активов должника, и потому последующий анализ должен быть связан с правовыми последствиями такого ограничения.

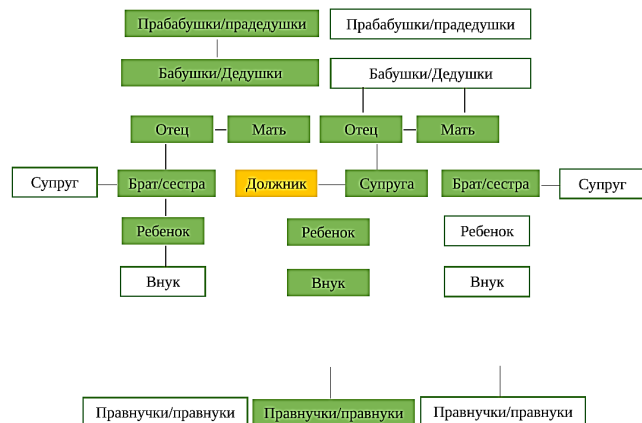

Рис. 1. Соотношение заинтересованных и незаинтересованных лиц по статье 19 Федерального закона № 127-ФЗ

Из приведенного соотношения следует, что статья 19 Федерального закона № 127-ФЗ построена по модели ограниченного перечня, который не был в достаточной степени адаптирован к современным способам перераспределения имущества между связанными лицами. Закон прямо учитывает супруга, родителей, детей, братьев, сестер, родственников по прямой линии и часть родственников супруга, но не охватывает двоюродных родственников, супругов братьев и сестер, бабушек и дедушек супруга, а также иных лиц, связь с которыми может иметь значение при совершении сделки в преддверии банкротства. Такой подход защищает добросовестных участников оборота от чрезмерного распространения презумпций, однако одновременно оставляет пространство для формального вывода активов на лиц, не названных в статье 19.

Правовая неопределенность имеет два практических последствия. Первое заключается в том, что полномочие финансового управляющего на получение сведений о родственниках и свойственниках не согласовано с перечнем лиц, в отношении которых законом заранее признается повышенная вероятность осведомленности о положении должника. Второе – при оспаривании сделки с лицом, не включенным в статью 19 Федерального закона № 127-ФЗ, управляющий вынужден доказывать не только объективную невыгодность сделки или отсутствие встречного предоставления, но и субъективную сторону поведения контрагента, что усложняет применение статьи 61.2 и увеличивает значение косвенных доказательств.

Устранение проблемы требует не заимствования определения из одной отрасли, а создания специальной банкротной дефиниции. В статью 2 Федерального закона № 127-ФЗ целесообразно включить положение о том, что родственниками для целей данного закона признаются лица, состоящие в кровной связи, основанной на происхождении одного лица от другого либо происхождении от общего предка, а свойственниками признаются лица, связь между которыми возникла вследствие брака одного из родственников. Такая дефиниция позволит отделить кровное родство от свойства и одновременно сохранить возможность специального ограничения правовых последствий в статье 19.

Статью 19 Федерального закона № 127-ФЗ следует изменить не путем безусловного включения всех родственников и свойственников, а путем установления конкретного круга лиц, в отношении которых презумпция осведомленности может применяться с учетом близости связи. К такому кругу целесообразно отнести супруга, бывшего супруга, если брак прекращен в течение трех лет до возбуждения дела о банкротстве, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии без ограничения степени, полнородных и неполнородных брать-

ев и сестер, их супругов и детей, дядей, тетей, племянников, племянниц, двоюродных братьев и сестер, а также родителей, детей, братьев, сестер, дедушек, бабушек и внуков супруга. Одновременно в норму необходимо указать, что такое лицо вправе опровергнуть презумпцию осведомленности доказательствами самостоятельности сделки, равноценного встречного предоставления и отсутствия согласованности с должником.

Пункт 7 статьи 213.9 Федерального закона № 127-ФЗ также нуждается в уточнении. В нем следует прямо указать, что запрос сведений о родственниках и свойственниках допускается при наличии мотивированного ходатайства финансового управляющего, в котором раскрыты связь запрашиваемых сведений с имуществом должника, периодом совершения проверяемой сделки или источником формирования конкурсной массы. Такое дополнение позволит связать получение сведений с предметом банкротного спора и исключить избыточное вмешательство в имущественную сферу лиц, не участвующих в деле.

Подзаконное регулирование должно выполнять техническую, а не материально-правовую функцию. Приказ № 237 может быть дополнен положениями о корректном отражении судебных актов, связанных с запросом сведений, в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, но без раскрытия избыточных персональных данных родственников и свойственников. Материальные критерии родства, свойства и заинтересованности должны закрепляться только в Федеральном законе № 127-ФЗ, поскольку именно они определяют пределы презумпций и объем процессуальных обязанностей участников спора.

Обобщая изложенное, следует признать, что различие терминов «родственник», «свойственник», «близкий родственник», «заинтересованное лицо» и «фактически аффилированное лицо» само по себе не является недостатком законодательства. Недостаток возникает тогда, когда закон предоставляет финансовому управляющему право получать сведения о широком круге связанных лиц, но не определяет, какие последствия эти сведения имеют для оспаривания сделок и распределения бремени доказывания. При сохранении действующей модели судебная практика будет и далее компенсировать пробел через оценку фактической аффилированности, что сохранит высокую зависимость исхода спора от конкретных доказательств. При законодательном уточнении статьи 2, статьи 19 и пункта 7 статьи 213.9 Федерального закона № 127-ФЗ прогнозируется более последовательное применение презумпций, сокращение процессуальных споров о статусе связанных лиц и повышение эффективности мер по восстановлению конкурсной массы при сохранении права добросовестного контрагента на опровержение предъявленных доводов.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. I. – Ст. 4921.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
6. Проект федерального закона № 1042234–8 «О внесении изменений в статью 102 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 16.10.2025 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1042234-8> (дата обращения: 24.05.2026).
7. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 14.04.2025 № 237 «О формировании и ведении Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, о размещении указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, а также о взаимодействии оператора Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Минэкономразвития России» // Официальный интернет-портал пра-

вовой информации. 2025. 2 июня. № 0001202506020072. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020072> (дата обращения: 24.05.2026).

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 26 дек. № 295.

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2025 № 305-ЭС23–24052(3) по делу № А40–231308/2020.

10. Шинякова, Е.В. Проблемы дефиниции критериев аффилированности в конкурсных отношениях с участием групп компаний / Е.В. Шинякова // Закон и власть. – 2022. – № 2. – С. 55–60.

11. Романов, С.О. Оспаривание сделок в деле о банкротстве юридических лиц / С.О. Романов // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 79–82.

12. Фурсова, Е.М. Оспаривание сделок в процедуре банкротства / Е.М. Фурсова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 1 (256). – С. 71–77.

13. Чигарских, А.Д. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве: тенденции и проблемы судебной практики / А.Д. Чигарских // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 5 (69). – С. 586–603.

14. Калугин, В.Ю. Оспаривание сделок в банкротстве в контексте различных теорий конкурсного оспаривания / В.Ю. Калугин // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 1. – С. 45–53.

15. Муталиева, А.А. Особенности привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов / А.А. Муталиева // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 12. – С. 93–95.

16. Ткачев, В.Н. Методика анализа правоприменительной практики при оспаривании сделок и привлечении к субсидиарной ответственности третьих лиц при несостоятельности (банкротстве) / В.Н. Ткачев, Е. Гевлич // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 3. – С. 158–165.

17. Столярчук, М.В. Генезис правовой квалификации действий должника по сокрытию имущества с использованием третьих лиц / М.В. Столярчук // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2024. – № 3 (55). – С. 92–105.

18. Бормотов, А.В. Принятие обеспечительных мер в отношении имущества лица, не являющегося должником в деле о банкротстве / А.В. Бормотов, Д.В. Носов // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2025. – № 1 (45). – С. 43–50.

19. Карпова, А.А. Процессуальная акцентуация порядка исчисления периода оспаривания подозрительных сделок: его правоприменительная эволюция и потребность в изменении правового регулирования / А.А. Карпова // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 3 (172). – С. 133–148.

THE CONCEPTS OF “RELATIVE” AND “IN-LAW” IN THE CONTEXT OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) LEGISLATION

Kosareva V.V., Afanasyev G.S.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article examines the problem of legal uncertainty surrounding the concepts of “relative” and “in-law” in insolvency bankruptcy legislation. The purpose of the study is to identify intersectoral differences in the use of these categories and to determine their significance for establishing interested parties, challenging the debtor’s transactions, and allocating the burden of proof. To achieve this purpose, the article analyzes the provisions of family, civil, criminal procedure, tax, and bankruptcy legislation, as well as certain elements of subordinate regulation and judicial practice. Particular attention is paid to the inconsistency between the financial administrator’s right to obtain information about the

debtor’s relatives and in-laws and the closed list of interested parties established by the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”. The article substantiates the need to introduce special bankruptcy definitions of kinship and affinity and to clarify the range of interested parties. The practical significance of the study lies in the possibility of using its conclusions to improve bankruptcy legislation and to develop legal arguments in disputes concerning the withdrawal of the debtor’s assets.

Keywords: bankruptcy, relative, in-law, interested parties, financial administrator, transaction avoidance, factual affiliation, bankruptcy estate.

References

1. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
2. The Civil Code of the Russian Federation. Part three of 11.26.2001 No. 146-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4552.
3. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52, part I. – Article 4921.
4. The Tax Code of the Russian Federation. Part One of 07/31/1998 No. 146-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 31. – Art. 3824.
5. Federal Law No. 127-FZ dated 26.10.2002 “On Insolvency (Bankruptcy)” // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.
6. Draft Federal Law No. 1042234–8 “On Amendments to Article 102 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation”: submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on 16.10.2025 // System for Ensuring Legislative activity of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1042234–8> (date of request: 05/24/2026).
7. Order No. 237 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 04/14/2025 “On the Formation and Maintenance of the Unified Federal Register of Bankruptcy Information and the Unified Federal Register of Information on the Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Subjects of Economic Activity, on the Placement of such information in the information and Telecommunications Network “Internet”, as well as on the interaction of the operator of the Unified Federal Register of Bankruptcy Information and the Ministry of Economic Development of Russia” // Official Internet portal of legal information. 2025. June 2. No. 0001202506020072. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506020072> (date of application: 05/24/2026).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/17/2024 No. 40 “On Certain Issues Related to the Entry into Force of Federal Law No. 107-FZ dated May 29, 2024 “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Article 223 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2024. 26 Dec. № 295.
9. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/25/2025 No. 305-ES23–24052(3) in case No. А40–231308/2020.
10. Shinyakova, E.V. Problems of defining criteria of affiliation in competitive relations involving groups of companies / E.V. Shinyakova // Law and Power. – 2022. – No. 2. – pp. 55–60.
11. Romanov, S.O. Challenging transactions in the bankruptcy of legal entities / S.O. Romanov // Law and Management. – 2023. – No. 6. – pp. 79–82.
12. Fursova, E.M. Contesting transactions in bankruptcy proceedings / E.M. Fursova // Property relations in the Russian Federation. – 2023. – № 1 (256). – Pp. 71–77.
13. Chigarskikh, A.D. Subsidiary liability of controlling persons in bankruptcy: trends and problems of judicial practice / A.D. Chigarskikh // Skif. Questions of student science. – 2022. – № 5 (69). – Pp. 586–603.
14. Kalugin, V.Y. Contesting bankruptcy transactions in the context of various theories of competitive contesting / V.Y. Kalugin // Russian law: education, practice, science. – 2024. – No. 1. – pp. 45–53.
15. Mutaliev, A.A. Peculiarities of bringing to subsidiary responsibility persons controlling the debtor for the impossibility of full repayment of creditors’ claims / A.A. Mutaliev // Law and the State: theory and practice. – 2021. – No. 12. – pp. 93–95.
16. Tkachev, V.N. Methodology for analyzing law enforcement practice when challenging transactions and bringing third parties to subsidiary liability in case of insolvency (bankruptcy) / V.N. Tkachev, E. Gevlich // Bulletin of Economic Security. – 2024. – No. 3. – pp. 158–165.
17. Stolyarchuk, M.V. The genesis of the legal qualification of the debtor’s actions to conceal property using third parties / M.V. Stolyarchuk // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series “Legal Sciences”. – 2024. – № 3 (55). – Pp. 92–105.
18. Bormotov, A.V. Taking interim measures against the property of a person who is not a debtor in a bankruptcy case / A.V. Bormotov, D.V. Nosov // Bulletin of the Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences. – 2025. – № 1 (45). – Pp. 43–50.
19. Karpova, A.A. Procedural accentuation of the procedure for calculating the period of contesting suspicious transactions: its law enforcement evolution and the need to change legal regulation / A.A. Karpova // Actual problems of Russian law. – 2025. – Vol. 20, No. 3 (172). – pp. 133–148.

Принцип процессуальной экономии: от вспомогательного инструмента к системообразующему началу ГПК

Анфилофьев Дмитрий Петрович,
магистр права Высшей Школы Экономики
E-mail: anfilofyev_dp@mail.ru

В реалиях прогрессирующей загруженности инстанций общей юрисдикции, когда ежегодный объем поступающих материалов стабильно превышает десятки миллионов единиц, традиционная развернутая модель судебного разбирательства объективно исчерпала свой функциональный ресурс. Как представляется, именно острая практическая потребность в рационализации правоприменительной деятельности определяет актуальность переосмысления природы бережливого правосудия. Цель в рамках данной статьи заключается в научном обосновании системной трансформации рассматриваемого феномена из локального технического приема в фундаментальный правовой концепт, который всецело определяет «архитектуру» современной отрасли. По итогам работы автор приходит к выводу о том, что анализируемая категория окончательно утратила свой исторический факультативный статус; она превратилась в несущий «каркас» механизма защиты нарушенных интересов. Разумно предположить, что повсеместная дифференциация юрисдикционных режимов выступает в качестве прямого следствия действия указанной максимы. Авторский вклад проявляется в разработке конкретной нормотворческой инициативы – проекта новой статьи ГПК РФ. Одновременно с этим, предложена прикладная схема безопасной интеграции цифровых алгоритмов для автоматической верификации типовых требований. Сформулированные выводы окажутся полезными научному сообществу для дальнейшего развития теории права, равно как и законодателю, а также практикующим юристам при проектировании более совершенных, гибких механизмов урегулирования социальных конфликтов.

Ключевые слова: алгоритмизация правосудия; гражданское судопроизводство; приказное производство; принцип процессуальной экономии; рационализация процедур; судебная нагрузка

Введение

Современное гражданское судопроизводство переживает этап выраженной системной трансформации. Это инициировано объективной общественной потребностью в оптимизации правовых механизмов защиты нарушенных интересов физических и юридических лиц.

Как представляется, одним из наиболее значимых и концептуальных векторов данного поступательного развития служит фундаментальное доктринальное переосмысление статуса принципа процессуальной экономии. Исторически эта категория рассматривалась отечественной наукой скорее как общее, ни к чему жестко не обязывающее пожелание, некая факультативная максима, которая направлена на ситуативное снижение материальных и организационных издержек сторон, а также аппарата самого суда. Впрочем, на фоне неуклонного, многолетнего роста количества споров, поступающих на разрешение юрисдикционных инстанций, академическая парадигма неизбежно и закономерно меняется. Одновременно с этим, в научном сообществе усиливается исследовательский интерес к поиску равновесия между необходимой скоростью урегулирования социальных конфликтов и традиционно высоким качеством отправления государственного правосудия. По сути, можно наблюдать, как абстрактная идея рационализации перерастает узкие отраслевые рамки отдельного правового института и постепенно приобретает отчетливые черты универсального правила, органично пронизывающего абсолютно все стадии гражданского разбирательства.

Между тем, в отечественной юридической доктрине до сих пор отсутствует безоговорочное единство взглядов на истинную правовую природу и точное нормативное наполнение исследуемого феномена. Видимо, это обусловлено отсутствием его прямого, текстуального закрепления в действующей редакции Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) в качестве самостоятельного, легализованного принципа. Хотя его отдельные сущностные элементы весьма отчетливо прослеживаются в нормативных положениях статьи 6.1, которая детально регламентирует разумные сроки судопроизводства, теоретическая дискуссия вокруг самостоятельности данного начала нисколько не утихает.

Материалы и методы

Исследование эволюции принципа процессуальной экономии в гражданском судопроизводстве требует многоаспектного анализа, что обусловило применение современными авторами теоретико-системного, функционального, экономико-правового, технологического подходов.

Так, концептуальный базис, который закрепляет переход характеризующего принципа из категории вспомогательного инструмента в статус системообразующего начала и важнейшего элемента правовой политики, отражен в трудах А.И. Артизанова [1], И.А. Каратаева [6]. Экономико-правовой взгляд на проблему снижения стоимости правоприменения представлен Д.В. Орловым [9]. Функционально-институциональный вектор, раскрывающий действие принципа через конкретные процессуальные механизмы (упрощенное производство, исчисление сроков, участие третьих лиц, соединение и разделение исков), охарактеризован в публикациях А.И. Артизанова [2], М.С. Береговского [3], Д.А. Гузия [4], И.М. Егерева, В.В. Толмаковой [5], Е.В. Крыловой [7]. В свою очередь, технологический контекст модернизации судов и вопросы поиска равновесия между скоростью рассмотрения дел и фундаментальным правом на судебную защиту освещаются Е.М. Лысенко [8] и Т.В. Соловьевой [10].

Привлечение указанного источникового корпуса обосновано необходимостью продемонстрировать масштабную трансформацию анализируемого принципа (от узкой утилитарной задачи сокращения финансовых и временных издержек до глобальной концепции оптимизации всей «архитектуры» гражданского процесса). При критическом осмыслении литературы выявляется существенный исследовательский пробел, который проявляется в остром дефиците эмпирических и социолого-правовых данных, позволяющих объективно измерить, как именно форсированное применение ускоренных процедур и цифровизации отражается на качестве выносимых решений, удовлетворенности граждан правосудием.

При подготовке статьи применялся метод системно-структурного анализа (для того, чтобы концептуально объединить разрозненные институты в единую модель оптимизированного правосудия). Кроме того, использовался формально-догматический подход, который необходим для оценки процессуальных норм. Помимо этого, задействованы синтез и обобщение.

Результаты и обсуждение

В отличие от предыдущих подходов, которые акцентировали исследовательское внимание, главным образом, на материально-финансовой стороне вопроса, современная наука предлагает значительно более объемную, многомерную трактовку рассматриваемого феномена. По-видимому, процессуальную экономию в нынешних реалиях следует понимать как комплексное, междисциплинарное начало – оно строго ориентировано на достижение максимального правового и социального результата при минимально возможных затратах времени, а также трудовых, интеллектуальных, бюджетных ресурсов [1, 3, 4]. По замечанию Д. В. Орлова, «...принцип процессуальной экономии основан на экономии ресурсов, таких, как время, трудовые ресурсы и финансы, с целью и при условии своевременной и полной защиты прав субъектов» [9].

Примечательно, что подобная стремительная эволюция характера не исключительно для отечественной правовой системы, а для подавляющего большинства развитых зарубежных правовых порядков, где последовательная оптимизация юрисдикционных процедур обоснованно возведена в ранг приоритетных государственных задач. Вследствие этого отметим, что детальное теоретическое осмысление того сложного эволюционного пути, который был пройден анализируемым явлением (от технического инструмента до мощного системообразующего фактора) характеризуется актуальностью как для поступательного развития юридической науки, так и для качественного усовершенствования правоприменительной практики.

Так, идея бережного отношения к ресурсам при отправлении правосудия имеет достаточно глубокие исторические и философские корни. Однако ее четкое оформление в самостоятельную процессуальную категорию произошло по меркам истории сравнительно недавно. В сопоставлении с более ранними подходами, характерными, в частности, для советского периода развития процессуального права, где доминирующей, непререкаемой задачей являлось установление объективной материальной истины вне зависимости от сопутствующих затрат, современная состязательная модель смещает основной фокус на обеспечение эффективности защиты. Изначально рассматриваемый феномен воспринимался подавляющим большинством ученых-процессуалистов, в основном, как вспомогательное, технико-юридическое средство. Оно позволяло председательствующему судье по собственному усмотрению объединять однородные иски, требования или, напротив, выделять их в отдельное производство, а также активно использовать механизмы процессуального соучастия. По существу, это были лишь локальные точечные вкрапления прагматической целесообразности в строгую, консервативную процессуальную форму. И они не претендовали на роль самостоятельной идеологии, которая определяет облик всей отрасли права [2, 10].

Предположительно, ключевым и необратимым «ускорителем» серьезного изменения отношения законодателя и научного сообщества к характеризуемой категории стала прогрессирующая загруженность судов общей юрисдикции. Она приобрела системный характер. Когда государственная судебная власть ежегодно сталкивается с десятками миллионов поступающих исковых заявлений, традиционная, максимально развернутая устная процедура объективно перестает справляться со своими прямыми охранительными функциями. На основе этого отметим, что государство было вынуждено экстренно искать пути существенного ускорения работы всего судебного аппарата, дабы избежать «паралича» правоприменительной деятельности. Именно в этот критический момент концепт процессуальной экономии начал планомерно преобразовываться из локального приема в мощный системообразующий вектор нормотворчества. Разумно предположить, что внедрение электронного документооборота, развитие систем видео-конференц-связи, веб-конференций также стали прямым продолжением политики бережливого правосудия. Как справедливо отмечается в литературе, сегодня анализируемый принцип формирует фундаментальную базу для рационального распределения средств доказывания [1, 5–7]. И это делает его стержневым началом для конструирования совершенно новых правовых институтов цифровой эпохи.

Системообразующий характер рассматриваемой правовой категории наиболее ярко и рельефно проявляется в том, как она последовательно видоизменяет смежные институты гражданского процессуального права. В отличие от предыдущих подходов, которые исторически жестко регламентировали обязательную устность, непосредственность

судебного разбирательства в каждом без исключения деле, современные реалии требуют масштабного задействования письменных и дистанционных форматов. Особенно ярким примером подобной эволюции служит беспрерывное расширение сферы применения приказного и упрощенного производства. Они стали настоящими флагами процессуальной реформы последних лет.

Данные ускоренные формы судопроизводства представляют собой подлинную квинтэссенцию рационализации правоприменительного процесса. Они дают возможность законно и обоснованно разрешать бесспорные или документально подтвержденные конфликты без проведения полноформатных заседаний, без физического вызова сторон в здание суда, без составления трудоемких мотивированных решений. На основании отмеченного подчеркнем, что современный российский законодатель предельно четко дифференцирует процессуальную форму в строгой зависимости от уровня сложности правового конфликта и характера представленной доказательственной базы.

С целью углубленного понимания структурных различий в таблице 1 целесообразно провести подробное сопоставление ключевых режимов функционирования правосудия, которые действуют в настоящее время.

Таблица 1. Сравнительная характеристика процессуальных форм в контексте рационализации судебной деятельности (составлено на основе [2, 4, 6–9])

Критерий	Производство		
	Исковое (классический порядок)	Упрощенное (глава 21.1 ГПК РФ)	Приказное (глава 11 ГПК РФ)
Характер разрешаемого спора	Сложный спор, который требует всестороннего исследования неочевидных фактов	О праве, но с надежно подтвержденной письменной доказательственной базой	Исключительно бесспорные требования (документарно подтвержденные долги)
Необходимость проведения заседаний	Обязательно, с одновременным вызовом участников, заслушиванием их позиций	Без вызова сторон, исключительно на основе представленных письменных материалов	Без вызова сторон и без проведения судебного разбирательства по существу
Срок рассмотрения (общие правила)	До 2 месяцев (с возможностью легального продления сроков)	Строго не более 2 месяцев	Максимум до 5 дней с момента поступления соответствующего заявления
Итоговый правоприменительный акт	Развернутое решение суда (содержит вводную, описательную, мотивировочную, резолютивную части)	Только резолютивная часть (мотивировочная составляется лишь по специальному заявлению)	Судебный приказ (одновременно выступающий в качестве исполнительного документа)
Затраты ресурсов судебного аппарата	Максимальные (требуют вовлечения судей, секретарей, приставов, помощников)	Средние (существенная минимизация канцелярской работы аппарата)	Минимальные (отличаются высоким потенциалом для последующей цифровой алгоритмизации)

С помощью представленной таблицы демонстрируется, как максимумы сбережения времени и сил глубоко инкорпорируются в нормативную «ткань» закона. Важно осознавать, что процессуальная экономия здесь ни в коем случае не означает снижения высоких государственных стандартов правовой защиты граждан. Напротив, она служит надежным гарантом того, что рутинные, типовые дела будут рассмотрены практически мгновенно, высвобождая ценный интеллектуальный потенциал квалифицированных судей для разрешения действительно нестандартных юридических коллизий.

Невзирая на отсутствие текстового выражения характеризуемого в статье принципа в нормативных правовых актах, он широко применяется в судебной деятельности и не раз прямо или косвенно упоминался и выражался в различных судебных решениях. Наиболее полное содержательное его наполнение присутствует в Постановлении Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.И. Карабанова и В.А. Мартынова». Там отмечается: принцип процессуальной экономии позволяет избежать неоправданного использования временных, финансовых и кадровых ресурсов органов судебной власти государства в ходе рас-

смотрения дела. При этом обращается внимание на то, что процедуры, учитывающие данный принцип, имеют значение, прежде всего, с точки зрения создания условий для скорейшего предоставления лицам, участвующим в деле, судебной защиты [9].

Опираясь на проведенный анализ, представляется значимым сформулировать ряд конкретных, практически применимых предложений по дальнейшей модернизации действующего гражданского процессуального законодательства. Существующие в академической среде непрекращающиеся доктринальные споры указывают на наличие серьезных пробелов в базовом понятийном аппарате ГПК РФ, требующих незамедлительного нормативного вмешательства.

Так, рекомендуется императивно дополнить главу 1 ГПК РФ самостоятельной статьей 6.3 под названием «Принцип процессуальной экономики». Назначение описываемого шага состоит в четком законодательном закреплении обязанности суда и всех лиц, которые участвуют в деле, использовать предоставленные им процессуальные права наиболее рациональным, бережливым образом, избегая необоснованного затягивания разбирательства. Новизна вносимого решения проявляется в окончательной, официальной легализации исследуемой категории, что неминуемо устраним существующую теоретическую неопределенность. Предлагаемая мера предоставит судам прочный легитимный «фундамент» для оперативного пресечения злоупотреблений правом со стороны недобросовестных участников процесса. Это действительно решает насущную практическую проблему отсутствия прямого нормативного основания при отклонении судом многочисленных ходатайств, направленных исключительно на искусственный срыв установленных сроков рассмотрения спора.

Помимо этого, в целях последующей рационализации судебных процедур, опираясь на технологические реалии 2026 года, целесообразно на уровне федерального закона регламентировать использование автоматизированных систем алгоритмической обработки дел в приказном производстве. Разумно предположить, что современные программные комплексы способны абсолютно самостоятельно верифицировать формальные признаки заявлений о выдаче судебного приказа (например, по массовым делам о взыскании задолженности за жилищно-коммунальные услуги) и автоматически формировать проекты судебных актов. Новшество заключается в частичной, без опасной передаче рутинных контрольных функций от аппарата суда к верифицированным цифровым алгоритмам. Это многократно снизит бюрократическую нагрузку. Проблема, решаемая с помощью описываемой рекомендации, проявляется в хроническом кадровом истощении мировых судей и сопутствующих этому неизбежных технических ошибках при изготовлении судебных приказов. Внедрение подобных систем станет высшим проявлением процессуальной экономики на современном этапе развития права.

Заключение

Рассматриваемая правовая категория в современных условиях окончательно и бесповоротно утратила свой первоначальный, исторический статус исключительно факультативного, второстепенного инструмента, который был призван лишь точно снижать издержки. В нынешних реалиях стремительного развития российской правовой системы она органично преобразовалась в мощное, системообразующее начало, которое напрямую определяет генеральный вектор развития всего ГПК РФ. Вследствие этого резюмируем, что рационализация юрисдикционных процедур стала не просто благим пожеланием, а неотъемлемым, фундаментальным условием обеспечения эффективного доступа граждан к государственному правосудию. Без неукоснительного соблюдения требований бережливого отношения к ресурсам судебная система рискует утратить свою оперативность, результативность.

В сопоставлении с более ранними, ортодоксальными подходами, где во главу угла всегда ставилась формальная, порой, откровенно избыточная безупречность каждого процессуального шага в ущерб скорости разрешения спора, сегодня в науке и на практике наблюдается глубоко осознанный сдвиг в сторону гибкости, объективной правовой целесообразности. Повсеместное внедрение и расширение компетенции дифференцированных форм судебного разбирательства (приказное и упрощенное производство) выступает в качестве прямого следствия активного действия анализируемой парадигмы. Одновременно с этим, переосмысление роли цифровых технологий открывает принципиально новые перспективы для реализации принципа процессуальной экономики посредством автоматизации рутинных шагов.

Литература

1. Артизанов А.И. Процессуальная экономика в системе принципов гражданского процесса // Вестник Марийского государственного уни-

верситета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 1 (25). – С. 96–104.

2. Артизанов А.И. Совершенствование порядка упрощенного производства в гражданском процессе России в целях реализации принципов процессуальной экономики // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 2. – С. 28–30.

3. Береговский М.С. Реализация принципа процессуальной экономики в различных видах упрощенных (ускоренных) процедур рассмотрения гражданских дел // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 1 (150). – С. 188–197.

4. Гузий Д.А. Участие в гражданском судопроизводстве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в свете достижения процессуальной экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 5 (126). – С. 98–113.

5. Егоров И.М., Толмакова В.В. Соединение и разъединение исков как инструмент процессуальной экономики в подготовительной стадии // Вестник Академии управления и производства. – 2025. – № 3. – С. 316–329.

6. Каратаев И.А. Процессуальная экономика и гражданская процессуальная правовая политика Российской Федерации // Право. Законодательство. Личность. – 2022. – № 1 (34). – С. 41–46.

7. Крылова Е.В. Гражданский процессуальный срок в контексте осмысления принципа процессуальной экономики // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 10А. – С. 250–255.

8. Лысенко Е.М. Преимущества и недостатки цифровизации в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы частного права. Сборник статей по материалам межвузовского научно-практического круглого стола. – Санкт-Петербург: 2025. – С. 229–231.

9. Орлов Д.В. Процессуальная экономика как средство снижения стоимости правоприменения // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25. – № 4 (98). – С. 548–559.

10. Соловьева Т.В. Условия эффективной судебной защиты в рамках гражданского судопроизводства // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 10–1. – С. 428–434.

THE PRINCIPLE OF PROCEDURAL ECONOMY: FROM AN AUXILIARY TOOL TO A SYSTEM-FORMING FOUNDATION OF THE CODE OF CIVIL PROCEDURE

Anfilofev D.P.

Highter School of Economics

In the realities of the progressive workload of courts of general jurisdiction, where the annual volume of incoming cases consistently exceeds tens of millions, the traditional expanded model of judicial proceedings has objectively exhausted its functional resource. It appears that the acute practical need to rationalize law enforcement activities determines the relevance of rethinking the nature of “lean justice.” The objective of this article is to provide a scientific substantiation of the systemic transformation of the phenomenon under consideration from a local technical technique into a fundamental legal concept that entirely determines the “architecture” of the modern branch of law. Based on the results of the work, the author concludes that the analyzed category has finally lost its historical optional status; it has turned into the supporting “framework” of the mechanism for protecting violated interests. It is reasonable to suggest that the widespread differentiation of jurisdictional regimes acts as a direct consequence of this maxim’s operation. The author’s contribution is reflected in the development of a specific legislative initiative—a draft of a new article for the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. Simultaneously, an applied scheme for the safe integration of digital algorithms for the automatic verification of standard claims is proposed. The formulated conclusions will be useful to the scientific community for the further development of legal theory, as well as to the legislator and practicing lawyers when designing more advanced, flexible mechanisms for resolving social conflicts.

Keywords: algorithmization of justice; civil proceedings; writ proceedings; principle of procedural economy; rationalization of procedures; judicial workload

References

1. Artizhanov A.I. Procedural economy in the system of civil procedure principles // Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal Sciences. – 2021. – Vol. 7. – No. 1 (25). – P. 96–104.

2. Artizhanov A.I. Improving the summary procedure in Russian civil proceedings in order to implement the principles of procedural economy // Arbitration and Civil Procedure. – 2021. – No. 2. – P. 28–30.

3. Beregovsky M.S. Implementation of the principle of procedural economy in various types of simplified (accelerated) procedures for considering civil cases // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – No. 1 (150). – P. 188–197.

4. Guzyi D.A. Participation in civil proceedings of third parties not making independent claims regarding the subject of the dispute in light of achieving procedural economy // Actual Problems of Russian Law. – 2021. – Vol. 16. – No. 5 (126). – P. 98–113.

5. Egerov I.M., Tolmakova V.V. Joinder and separation of claims as a tool of procedural economy in the preparatory stage // Bulletin of the Academy of Management and Production. – 2025. – No. 3. – P. 316–329.

6. Karataev I.A. Procedural economy and civil procedural legal policy of the Russian Federation // Law. Legislation. Personality. – 2022. – No. 1 (34). – P. 41–46.

7. Krylova E.V. Civil procedural term in the context of understanding the principle of procedural economy // *Issues of Russian and International Law*. – 2021. – Vol. 11. – No. 10A. – P. 250–255.

8. Lysenko E.M. Advantages and disadvantages of digitalization in civil proceedings // *Actual Problems of Private Law. Collection of articles based on the materials of the inter-university scientific and practical round table*. – Saint Petersburg: 2025. – P. 229–231.

9. Orlov D.V. Procedural economy as a means of reducing the cost of law enforcement // *Academic Law Journal*. – 2024. – Vol. 25. – No. 4 (98). – P. 548–559.

10. Solovyova T.V. Conditions for effective judicial protection within the framework of civil proceedings // *Issues of Russian and International Law*. – 2022. – Vol. 12. – No. 10–1. – P. 428–434.

Историческая обусловленность фрагментарности российского инвестиционного законодательства

Афонин Александр Андреевич,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: a663nk@gmail.com

В статье рассматривается фрагментарность российского инвестиционного законодательства как результат его исторического развития. Цель исследования состоит в выявлении историко-правовых предпосылок современного состояния законодательства об инвестиционной деятельности. На основе исторического, формально-юридического и системного методов обосновывается, что инвестиционное регулирование в России формировалось не как единая система, а путем последовательного наложения различных правовых форм: корпоративного участия, договорного инвестирования, заемного финансирования, концессионных механизмов, государственных капиталовложений, регулирования иностранных инвестиций и специальных ограничительных режимов. Особое внимание уделяется соотношению частноправовых и публично-правовых начал. Делается вывод о том, что дальнейшее развитие инвестиционного законодательства должно быть связано не с механическим увеличением числа специальных режимов, а с их системным согласованием на основе общих принципов инвестиционного регулирования.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестиционное законодательство, капитальные вложения, иностранные инвестиции, корпоративное инвестирование, публичный контроль, систематизация законодательства.

Тема исторического развития российского инвестиционного законодательства сохраняет значение не только в историко-правовом, но и в современном цивилистическом аспекте. Инвестиционная деятельность выступает способом перераспределения ресурсов, развития имущественного оборота, концентрации капитала и модернизации хозяйственных отношений. Изменение представлений об инвестициях, допустимых формах вложения капитала, правовом статусе инвестора и пределах государственного вмешательства отражает эволюцию соотношения частноправовых и публично-правовых начал в регулировании экономической деятельности [12, с. 15–35; 8, с. 9–21].

Актуальность темы обусловлена тем, что современное российское инвестиционное законодательство сохраняет признаки фрагментарности и внутренней несогласованности. Наряду с базовыми актами начала 1990-х годов действуют специальные режимы, относящиеся к капитальным вложениям, иностранным инвестициям, защите и поощрению капиталовложений, стратегическим обществам и иным сферам. Поэтому инвестиционное регулирование представляет собой многослойный нормативный массив, сформировавшийся под воздействием различных исторических задач государства [3; 4; 5; 7].

Представляется, что указанная фрагментарность имеет не только нормативно-технический, но и историко-правовой характер. Инвестиционное законодательство формировалось посредством последовательного развития корпоративного участия, договорного распоряжения капиталом, заемного финансирования, концессионных механизмов, государственных капиталовложений и специальных режимов допуска иностранного инвестора. В связи с этим исторический анализ позволяет объяснить современное состояние инвестиционного законодательства и поставить вопрос о согласовании частноправовых и публично-правовых средств регулирования [10, с. 16–31; 11, с. 15–24, 85–103, 144–156].

Инвестиционная деятельность как совокупность договорных и корпоративных форм

В наиболее общем виде инвестирование может быть охарактеризовано как вложение имущества, имущественных прав или иных экономически значимых активов в определенный объект с целью получения прибыли либо достижения иного полезного результата. Действующее российское законодательство не содержит единого универсального определения инвестиционной деятельности, а преимущественно использует объектный подход, указывая на то, какие блага могут выступать в качестве инвестиций. К ним относятся денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права и иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и иной деятельности [3; 4].

Такое понимание показывает, что инвестиционная деятельность не сводится к одной самостоятельной гражданско-правовой конструкции. Она реализуется посредством различных юридических форм: приобретения долей и акций, внесения вкладов в уставный капитал, предоставления займа, заключения договора простого товарищества, концессионного соглашения, соглашения о защите и поощрении капиталовложений и иных договорных механизмов [12, с. 15–35]. Инвестиционный характер соответствующих отношений определяется не самим фактом передачи имущества, а наличием цели вложения, риска, расчета на будущий результат и экономической обособленности передаваемого актива.

С учетом этого обоснованным является различие договорного и корпоративного инвестирования. При договорном инвестировании инвестор передает денежные средства, имущество или иные активы на основании обязательственного отношения и не приобретает корпоративного статуса. При корпоративном инвестировании вложение осуществляется посредством участия в капитале юридического лица, вследствие чего инвестор приобретает статус участника корпорации и соответствующий комплекс корпоративных прав, включая право на участие в управлении, получение прибыли и распоряжение принадлежащей ему долей или акциями [12, с. 28–35].

Именно корпоративное инвестирование имеет особое значение для исторического анализа, поскольку через него проявляются ключевые элементы инвестиционного механизма: концентрация капитала,

ограничение предпринимательского риска размером вклада, отделение инвестора от непосредственного управления предприятием, оборотоспособность участия и возможность коллективного финансирования хозяйственной деятельности. Вместе с тем корпоративная форма изначально требовала публичного контроля, поскольку объединение капиталов затрагивало интересы участников, кредиторов, государства и хозяйственного оборота.

Таким образом, уже на уровне понятия инвестиционной деятельности обнаруживается причина последующей фрагментарности инвестиционного законодательства. Инвестирование представляет собой экономико-правовое явление, оформляемое через разные институты гражданского, корпоративного, предпринимательского, финансового и административного права. Отсюда вытекает двойственная природа инвестиционного регулирования: оно опирается на частноправовые формы распоряжения капиталом, но одновременно сопровождается публично-правовыми механизмами допуска, контроля, стимулирования и ограничения [8, с. 9–21; 9, с. 40–46].

Историческое формирование инвестиционного регулирования в России

Историческое развитие инвестиционного регулирования в России показывает, что соответствующие отношения возникли значительно раньше, чем в законодательстве закрепились категория «инвестиции». Дореволюционные формы вложения капитала оформлялись через институты торгового, корпоративного, заемного и горного права. По своему содержанию они уже включали основные признаки инвестирования: объединение капитала, имущественный риск, расчет на будущий доход, ограничение ответственности и участие в хозяйственном результате [10, с. 16–31; 8, с. 9–21].

Одной из ранних форм концентрации капитала стали компании купцов и последующие акционерные конструкции. Именной указ от 27 октября 1699 г. «О составлении купцам компаний» создал правовую основу для объединения капиталов в коллективных формах предпринимательской деятельности [1]. В дальнейшем акционерная форма закрепила долевой капитал, ограничение риска размером вклада, оборотоспособность участия и отделение инвестора от непосредственного предпринимателя [15, с. 137].

В XIX веке инвестиционное регулирование развивалось в связи с промышленностью, горным делом, железнодорожным строительством, кредитованием и деятельностью хозяйственных обществ. Первые специальные меры регулирования были связаны, в частности, с освоением недр и добычей полезных ископаемых [2]. Вместе с тем дореволюционная модель не образовывала единой системы инвестиционного законодательства, а складывалась из отдельных разрешительных, корпоративных, заемных и отраслевых механизмов.

После 1917 года прежние частноправовые формы были прерваны национализацией акционерных предприятий, банков и иных значимых активов. В период нэпа отдельные инвестиционные конструкции были частично восстановлены: допускалось создание акционерных обществ, использовались концессионные соглашения с иностранным участием, применялись отдельные формы заемного финансирования. Однако последующее укрепление административно-плановой модели привело к вытеснению категории инвестирования понятием капиталовложений, связанным прежде всего с государственным распределением ресурсов [14, с. 329–334; 13, с. 329–344].

Возвращение к современному пониманию инвестиционной деятельности произошло в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда в правовой оборот вновь вошли акции, облигации, совместные предприятия, иностранные инвестиции и иные рыночные механизмы. В постсоветский период нормативную основу регулирования составили Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-І, Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ и Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ [3; 4; 5; 8, с. 10–14].

Тем самым современное инвестиционное законодательство формировалось как результат последовательного развития различных правовых форм инвестиционной деятельности. Дореволюционный период дал корпоративные и заемные формы концентрации капитала; период нэпа – концессионные и смешанные конструкции; советская плановая модель – категорию государственных капиталовложений; постсоветский этап – специальные законы об инвестиционной деятельности, капитальных вложениях и иностранных инвестициях.

Фрагментарность современного инвестиционного законодательства

Современное российское инвестиционное законодательство сохраняет черты фрагментарности, поскольку не построено вокруг единого

нормативного акта, закрепляющего общие начала инвестиционной деятельности. Его основу составляют самостоятельные блоки регулирования: общий закон об инвестиционной деятельности, законодательство о капитальных вложениях, нормы об иностранных инвестициях, специальные правила о защите и поощрении капиталовложений, а также ограничения, связанные с участием иностранных лиц в стратегически значимых обществах [8, с. 9–21; 9, с. 40–46].

Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-І закреплял общее понимание инвестиций и инвестиционной деятельности. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ сосредоточен на инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений. Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ регулирует иностранные инвестиции и устанавливает гарантии для иностранного инвестора. В дальнейшем к этим актам добавились специальные режимы, включая законодательство о защите и поощрении капиталовложений и контроль за иностранными инвестициями в стратегические общества [3; 4; 5; 6; 7].

Такая структура показывает, что российское инвестиционное законодательство развивалось не путем последовательной кодификации, а посредством принятия специальных актов под конкретные экономические и политико-правовые задачи. Одни нормы были направлены на признание инвестиционной деятельности в условиях рыночного перехода, другие – на регулирование долгосрочных капитальных проектов, третьи – на привлечение иностранного капитала, четвертые – на защиту публичных интересов и ограничение доступа к стратегически значимым сферам [8, с. 10–14; 9, с. 40–46].

Особенно отчетливо фрагментарность проявляется в соотношении частноправовых и публично-правовых начал. С одной стороны, инвестиционная деятельность реализуется через гражданско-правовые формы: договоры, корпоративное участие, вложение имущества, приобретение прав, финансирование проектов. С другой стороны, инвестор действует в среде публичных требований, включая разрешительные процедуры, государственную поддержку, контроль иностранных инвестиций, отраслевые ограничения и специальные административные режимы [12, с. 15–35].

Следовательно, современное инвестиционное законодательство нуждается не столько в устранении специальных режимов, сколько в их системном согласовании. Специальные правила о капитальных вложениях, иностранных инвестициях, стратегических обществах и соглашениях о защите и поощрении капиталовложений могут сохранять самостоятельное значение, однако должны быть встроены в более общую конструкцию инвестиционного регулирования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что фрагментарность российского инвестиционного законодательства имеет не только нормативно-технический, но и историко-правовой характер. Инвестиционные отношения в России формировались через различные юридические конструкции, каждая из которых возникала в определенный исторический период и была связана с конкретными задачами экономического развития. Поэтому современное законодательство об инвестиционной деятельности представляет собой результат последовательного соединения договорных, корпоративных, концессионных, финансовых и публично-правовых механизмов.

Историческое развитие показывает, что инвестиционная деятельность изначально находилась на пересечении частного и публично-го права. Частноправовые формы обеспечивали движение капитала, участие инвестора в хозяйственном результате, распределение риска и защиту имущественного интереса. Публично-правовые средства использовались государством для допуска капитала, контроля над стратегически значимыми сферами, предоставления гарантий и установления ограничений [8, с. 18–21; 9, с. 44–46].

Таким образом, историческая обусловленность фрагментарности российского инвестиционного законодательства состоит в том, что современное регулирование сложилось как многослойный нормативный массив, объединяющий различные по происхождению и юридической природе правовые формы. Устранение такой фрагментарности возможно не путем отказа от специальных режимов, а посредством их включения в более последовательную систему общих принципов инвестиционного законодательства.

Литература

1. О составлении купцам компаний: Именной указ от 27 октября 1699 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 3. № 1706. С. 653.
2. Горное положение от 13 июля 1806 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIX. № 22208. С. 628.
3. Закон РСФСР от 26 июня 1991 г. № 1488-І «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.

4. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 9. Ст. 1096.

5. Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 28. Ст. 3493.

6. Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 1940.

7. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14. Ст. 1999.

8. Гутников О.В. Проблемы развития инвестиционного законодательства в Российской Федерации на современном этапе // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 9–21.

9. Доронина Н.Г. Инвестиционный климат: вопросы правового регулирования // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 40–46.

10. Кропотов Л.Г. Очерк истории правового регулирования инвестиционной деятельности в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2011. Вып. 3. С. 16–31.

11. Курьес Н.В. Иностранные инвестиции: Российская история: правовое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 219 с.

12. Лаптева А. М., Скворцов О.Ю. Инвестиционное право: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. 703 с.

13. Минчук О. В., Заозерский Д.С., Никифоров А.С. Юридическое оформление иностранных лесных концессий в Советской России в 1920-е годы // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 2. С. 329–344.

14. Немытина М. В., Краснов А.Б. Концессионная политика Советского государства: механизм реализации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 2. С. 329–334.

15. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М.: Спарк, 1994. 335 с.

HISTORICAL CONDITIONALITY OF THE FRAGMENTATION OF RUSSIAN INVESTMENT LEGISLATION

Afonin A.A.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article examines the fragmentation of Russian investment legislation as a result of its historical development. The purpose of the research is to identify the historical and legal prerequisites of the current state of legislation on investment activity. Using historical, formal legal and systemic methods, the article substantiates that investment regulation in Russia was formed not as a unified system, but through the successive layering of different legal forms: corporate participation, contractual investment, debt financing, concession mechanisms, state capital investments, regulation of foreign investments and special restrictive regimes. Particular attention is paid to the correlation between private-law and public-law elements in investment regulation. The author concludes that further development of investment legislation should be connected not with the mechanical expansion of special regimes, but with their systemic coordination on the basis of general principles of investment regulation.

Keywords: investment, investment activity, investment legislation, capital investments, foreign investments, corporate investment, public control, systematization of legislation.

References

1. O sostavlenii kuptsam kompaniy: Imennoy ukaz ot 27 oktyabrya 1699 g. [On the Establishment of Merchant Companies: Personal Decree of October 27, 1699]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. St. Petersburg, 1830, vol. 3, no. 1706, p. 653. (In Russ.)

2. Gornoe polozhenie ot 13 iyulya 1806 g. [Mining Statute of July 13, 1806]. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 1, vol. 29, no. 22208, p. 628. (In Russ.)

3. Zakon RSFSR ot 26 iyunya 1991 g. No. 1488-I "Ob investitsionnoy deyatel'nosti v RSFSR" [Law of the RSFSR of June 26, 1991 No. 1488-I "On Investment Activity in the RSFSR"]. Vedomosti SND i VS RSFSR [Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR], 1991, no. 29, art. 1005. (In Russ.)

4. Federal'nyy zakon ot 25 fevralya 1999 g. No. 39-FZ "Ob investitsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii, osushchestvlyаемой в форме kapital'nykh vlozheniy" [Federal Law of February 25, 1999 No. 39-FZ "On Investment Activity in the Russian Federation Carried Out in the Form of Capital Investments"]. Sbranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collected Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 9, art. 1096. (In Russ.)

5. Federal'nyy zakon ot 9 iyulya 1999 g. No. 160-FZ "Ob inostrannykh investitsiyakh v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of July 9, 1999 No. 160-FZ "On Foreign Investments in the Russian Federation"]. Sbranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collected Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 28, art. 3493. (In Russ.)

6. Federal'nyy zakon ot 29 aprelya 2008 g. No. 57-FZ "O poryadke osushchestvleniya inostrannykh investitsiy v khozyaystvennye obshchestva, imeyushchie strategicheskoe znachenie dlya obespecheniya oborony strany i bezopasnosti gosudarstva" [Federal Law of April 29, 2008 No. 57-FZ "On the Procedure for Foreign Investment in Business Entities of Strategic Importance for Ensuring National Defense and State Security"]. Sbranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collected Legislation of the Russian Federation], 2008, no. 18, art. 1940. (In Russ.)

7. Federal'nyy zakon ot 1 aprelya 2020 g. No. 69-FZ "O zashchite i pooshchrenii kapitalovlozheniy v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of April 1, 2020 No. 69-FZ "On the Protection and Promotion of Capital Investment in the Russian Federation"]. Sbranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 14, art. 1999. (In Russ.)

8. Gutnikov O.V. Problemy razvitiya investitsionnogo zakonodatel'stva v Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape [Problems of the development of investment legislation in the Russian Federation at the present stage]. Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law], 2020, no. 1, pp. 9–21. (In Russ.)

9. Doronina N.G. Investitsionnyy klimat: voprosy pravovogo regulirovaniya [Investment climate: issues of legal regulation]. Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law], 2012, no. 1, pp. 40–46. (In Russ.)

10. Kropotov L.G. Ocherk istorii pravovogo regulirovaniya investitsionnoy deyatel'nosti v Rossii [An essay on the history of the legal regulation of investment activity in Russia]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], 2011, iss. 3, pp. 16–31. (In Russ.)

11. Kury's' N.V. Inostrannye investitsii: Rossiyskaya istoriya: pravovoe issledovanie [Foreign investments: Russian history: a legal study]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 219 p. (In Russ.)

12. Lapteva A.M., Skvortsov O. Yu. Investitsionnoe pravo: учебник dlya vuzov [Investment law: a textbook for universities]. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Yurayt Publ., 2026. 703 p. (In Russ.)

13. Minchuk O.V., Zaozerskiy D.S., Nikiforov A.S. Yuridicheskoe oformlenie inostrannykh lesnykh kontsessiy v Sovetskoy Rossii v 1920-e gody [Legal formalization of foreign forest concessions in Soviet Russia in the 1920s]. Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law], 2024, vol. 28, no. 2, pp. 329–344. (In Russ.)

14. Nemytina M.V., Krasnov A.B. Kontsessionnaya politika Sovetskogo gosudarstva: mekhanizm realizatsii [The concession policy of the Soviet state: the mechanism of implementation]. Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki [RUDN Journal of Law], 2023, vol. 27, no. 2, pp. 329–334. (In Russ.)

15. Shershenovich G.F. Uchebnik torgovogo prava [Textbook of commercial law]. Moscow, Spark Publ., 1994. 335 p. (In Russ.)

Бабенко Александр Александрович,

аспирант кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: baa.pravo64@mail.ru

Статья посвящена изучению правовой природы видеоигры как объекта авторских прав на примере законодательства и судебной практики Великобритании, а также доктринальных исследований, проведенных в этой стране. В ходе исследования автором было установлено, что в британском Законе об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года предусмотрен закрытый перечень объектов авторского права, в котором видеоигра как объект охраны не выделена законодателем в самостоятельную категорию. В связи с этим правовая охрана видеоигры в Великобритании осуществляется не в виде единого объекта, а через соотношение её частей: а) программной (технической) и б) непрограммной (аудиовизуальной) с существующими в законе «категориями» охраняемых авторским правом объектов. Проанализированный материал позволил сделать вывод, что в Великобритании фактически сформировался «компонентный», или, иными словами, «дистрибутивный» режим авторско-правовой охраны видеоигр, при котором правовая охрана видеоигры осуществляется в качестве объекта, состоящего из множества результатов интеллектуальной деятельности, в частности, оригинальных литературных, музыкальных, драматических и художественных произведений, а также иных самостоятельно охраняемых авторским правом объектов.

Ключевые слова: видеоигры, компьютерные игры, интеллектуальные права, авторские права, индустрия видеоигр, охрана видеоигр

Введение

В рамках индустрии видеоигр всё ещё актуальной остаётся проблема определения правовой природы видеоигры как объекта авторских прав, или, иными словами, проблема установления в отношении видеоигр подходящего режима авторско-правовой охраны [1, с. 38–40].

По своей правовой природе видеоигры существенно отличаются от «классических» объектов охраны¹, в результате чего воспринимаются в авторском праве неоднозначно: и как компьютерные программы, и как базы данных, либо в качестве аудиовизуальных (кинематографических) произведений, других сложных объектов (мультимедийных продуктов), и, условно говоря, как составные объекты – совокупность литературных, музыкальных, сценарных, визуальных, хореографических и других самостоятельно охраняемых произведений [2, с. 107].

Так, например, в Китае, несмотря на свою высокую значимость для экономики страны, видеоигры так и не получили самостоятельного режима авторско-правовой охраны [2]. В связи с чем их рассматривают и как компьютерные программы, и как «квазикинематографические» / «аудиовизуальные произведения», и как объекты, которые одновременно состоят из множества результатов интеллектуальной деятельности, охрана которых предусмотрена в перечне, установленном в ст. 3 Закона КНР «Об авторском праве» (1990 г.) [2].

Вместе с тем проблема определения правовой природы видеоигры как объекта авторских прав, или, иными словами, проблема установления в отношении видеоигр подходящего режима авторско-правовой охраны, на наш взгляд, актуальна и для многих других зарубежных стран². В связи с чем предлагаем рассмотреть её на примере Великобритании, которая наряду с Китаем и некоторыми другими странами (США, Япония, Южная Корея, Германия, Франция) бесспорно относится к числу мировых лидеров в сфере разработки, издания и потребления видеоигр³, что и обуславливает научный интерес к проведению анализа указанной проблемы и в этой иностранной юрисдикции.

Общие положения об охраняемых объектах в авторском праве Великобритании

Основным источником авторского права в Великобритании, является Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года / Copyright, Designs and Patents Act 1988 (далее – CDPA)⁴.

В статьях 1–8 этого закона закреплено, что авторские права распространяются на: 1) «оригинальные литературные произведения» (*«любые произведения, кроме драматических и музыкальных, кото-*

¹ Можно отметить следующие отличительные признаки видеоигр как «неклассических» объектов авторского права: (1) они, как правило, создаются крупными коллективами, состоящими из десятков, сотен, а порой и тысяч лиц различных творческих профессий; (2) включают в себя множество результатов интеллектуальной (творческой) деятельности: программный код, графику, персонажей, сценарий, пользовательский интерфейс, музыку, звуковые эффекты и проч.; (3) являются интерактивными объектами – пользователи вовлечены в процесс их функционирования, всячески взаимодействуют с их виртуальными мирами и своими действиями влияют в реальном времени на изменение игровой среды, а также на последовательность воспроизведения на экране различных аудиовизуальных материалов, заложенных в программный код игры; (4) они выражены в цифровой форме (вне цифровой среды видеоигра существовать не может).

² См., например: The legal status of video games: comparative analysis in national approaches / A. Ramos, L. Lopez, A. Rodriguez, T. Meng, S. Abrams. Geneva: WIPO Publication, 2013. – 97 p. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4130> (дата обращения: 30.01.2026)

³ Так, по итогам 2024 г. объём рынка видеоигр в Великобритании оценён национальной ассоциацией интерактивных развлечений (UKIE) в 7,6 млрд фунтов стерлингов, а количество игроков в 41,9 млн. человек. По этим показателям Великобритания в последние годы находится на шестом месте в мировом рейтинге, а также на втором месте в Европе, уступая только Германии. Об этом см.: Состояние игрового рынка Европы в цифрах: выручка, платформы, количество разработчиков, топ стран и другие метрики [Электронный ресурс] // Games Industry Ecosystem: сайт. URL: <https://wnhub.io/ru/news/finance/item-48860#premium> (дата обращения: 30.01.2026); Top public games companies by revenues [Электронный ресурс] // Newzoo International: сайт. URL: <https://newzoo.com/resources/rankings/top-10-countries-by-game-revenues> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴ Закон Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. (Copyright, Designs and Patents Act 1988) [Электронный ресурс] // Официальный сайт статута права Великобритании. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48> (дата обращения: 30.01.2026).

рые могут быть написаны, произнесены или исполнены», включая таблицы, сборники, базы данных, компьютерные программы и подготовительные материалы к ним); 2) «оригинальные драматические произведения», включая «произведения танца и пантомимы»; 3) «оригинальные музыкальные произведения» («произведения, состоящие из музыки, исключая любые слова и действия, которые предназначены для исполнения под эту музыку»); 4) «оригинальные художественные произведения», к которым относятся «графические произведения» («картины, рисунки, схемы, карты, диаграммы, планы, гравюры, офорт, литография, ксилография и другие аналогичные произведения», фотографии, скульптуры и коллажи независимо от их художественных качеств), «произведения архитектуры» (здания и их модели/макеты), «искусные ремесленные работы»; 5) звукозаписи; 6) фильмы («записи серии движущихся изображений на материальном носителе»); 7) трансляции; 8) типографское оформление опубликованного издания¹.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время в CDPA предусмотрен перечень из восьми подгрупп (категорий) объектов авторского права, в котором видеоигра как объект охраны не выделена в отдельную категорию.

Вместе с тем такие авторы, как Т. Аллин [3, с. 54], Д. Хейнс [4, с. 1–2], Э. Риз [5, с. 127], П. Майсур [6], подчеркивают, что CDPA закрепляет «закрытый список» («closed list») объектов авторского права, или, иными словами, как отмечает Э. Кристи, сформулирован законодателем с высокой степенью «категоризации» [7, с. 77].

С одной стороны, по мнению Т. Аллин, подход, заключающийся в установлении в CDPA детализированного, но закрытого перечня объектов авторского права, обеспечивает определённую стабильность правового регулирования, и, в отличие от «открытых систем», препятствует распространению авторских прав на всё новые объекты, в том числе и нетипичные [3, с. 68–70]. В подтверждение данного тезиса она ссылается на решение Верховного суда Нидерландов 2006 г. по делу «Kescofa v. Lancôme»², в котором открытый перечень объектов авторского права, предусмотренный Законом Нидерландов 1912 г. об авторском праве, был истолкован таким образом, что аромат парфюма «Trésor» от компании «Lancôme» был признан объектом авторского права, а аромат парфюма ответчика («Treasure» от компании «Kescofa») незаконным воспроизведением первого [3, с. 71–72].

С другой стороны, по наблюдению Э. Кристи, подход, основанный на закреплении в законе детализированного, но закрытого перечня объектов авторского права, неизбежно порождает пробелы (gaps) в системе правовой охраны [7, с. 78]. Так, например, пробелом CDPA всё ещё является неопределённость в применении норм этого закона к «мультимедийным объектам», т.е. к таким, которые включают в себя множество текстовых, звуковых, визуальных и иных материалов, доступ к которым пользователь получает за счёт компьютерной программы [7, с. 83–84]. В связи с этим, как подчёркивает Э. Кристи, возникает вопрос: подлежат ли «мультимедийные объекты» охране сами по себе и, если да, то в каком виде: как единый объект (например, компьютерная программа) или же по частям (в зависимости от формы выражения конкретной составной части «мультимедийного объекта») [7, с. 83–84].

В своей работе Д. Хейнс, развивая идеи Э. Кристи, также отмечает, что британский подход в закреплении в CDPA детализированного, но закрытого перечня объектов авторского права, не согласуется с развитием технологий и, как следствие, порождает проблемы в режиме охраны объектов, которые на практике очень трудно «вписать» в традиционные законодательные категории [4, с. 9]. К числу таких объектов Д. Хейнс относит видеоигры [4, с. 9].

Аналогичную проблему отмечает С. Стоукс в своей монографии, посвящённой цифровизации авторского права Великобритании. Так, по его словам, проблемной областью CDPA остаётся охрана цифровых / «мультимедийных объектов», которые, с одной стороны, нередко отличаются высокой интерактивностью, а с другой стороны, сочетают в себе текстовые, звуковые, музыкальные, визуальные и проч. материалы, вследствие чего остаётся неясным, подлежат ли они правовой охране как компьютерные программы, базы данных, фильмы или же одновременно представляют собой несколько категорий объектов охраны, предусмотренных CDPA [8, с. 31]. С. Стоукс в числе подобных «проблемных» объектов называет видеоигры [8, с. 32].

¹ Закон Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 г. (Copyright, Designs and Patents Act 1988) [Электронный ресурс] // Официальный сайт статутного права Великобритании. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48> (дата обращения: 30.01.2026).

² См. об этом судебном деле: Kescofa v. Lancôme: Perfume protected by copyright law [Электронный ресурс] // IE-Forum: сайт. URL: <https://www.ie-forum.nl/artikelen/kescofa-vs-lanc-ocirc-me-perfume-protected-by-copyright-law-1> (дата обращения: 30.01.2026).

Таким образом, в CDPA британский законодатель закрепил детализированный, но в то же время закрытый перечень объектов авторского права. Вместе с тем, указанный подход, как отмечают отдельные авторы, не в полной мере соответствует развитию технологий и, как следствие, порождает проблему неопределённости правового режима охраны цифровых / «мультимедийных объектов», в том числе видеоигр. На основании чего предлагаем рассмотреть, каким образом в Великобритании осуществляется правовая охрана видеоигр.

Видеоигра – компьютерная программа?

Как отмечает К. Баркер, видеоигры в рамках CDPA, прежде всего, квалифицируются в качестве компьютерных программ (литературных произведений) [9, с. 2]. Подобной позиции придерживается и Ли Цзыхао, анализирующий в своей работе правовую природу видеоигр, в том числе на примере США, Китая и Великобритании [10, с. 319–320].

Об этом же пишет Д. Стейн [11, с. 45], приводя в пример дело «Sega Enterprises Ltd. v. Richards»³.

Так, по данному делу в 1982 г. японская компания «Sega» обратилась в Высокий суд Англии и Уэльса за защитой авторских прав на видеоигру «Frogger». В своём иске она просила суд обязать британского разработчика Джона Ричарда и связанную с ним компанию «Trolfame» прекратить производство и распространение «контрафактных экземпляров» видеоигры «Frogger».

При рассмотрении иска судья Ирвин Голдинг пришёл к выводу, что видеоигра «Frogger» является компьютерной программой, по своей форме выражения состоящей из текста (исходного кода, написанного на языке программирования ассемблер, и объектного кода, зафиксированного в ПЗУ аркадного игрового автомата), на основании чего признал её охраняемым литературным произведением.

Далее, им было установлено, что ответчики скопировали и частично переработали как исходный, так и объектный код указанной компьютерной программы (видеоигры «Frogger»), после чего занимались производством и распространением её «контрафактных экземпляров» на территории Великобритании.

На этом основании Ирвин Голдинг признал, что действия ответчиков нарушили авторские права «Sega» на воспроизведение и переработку компьютерной программы (видеоигры «Frogger») как литературного произведения и обязал их прекратить деятельность по производству и распространению «контрафактных экземпляров» указанного охраняемого произведения⁴.

Принято считать, что дело «Sega Enterprises Ltd. v. Richards» стало в Великобритании отправной точкой для предоставления компьютерным программам, в том числе видеоиграм, правовой охраны в виде литературных произведений.

При принятии CDPA в ст. 3 (1) компьютерные программы и подготовительные материалы к ним были названы в числе «оригинальных литературных произведений». Однако законодатель не закрепил легального определения понятия «компьютерная программа», оставив возможность его толкования.

На основании дела «Sega Enterprises Ltd. v. Richards» (хотя оно и было рассмотрено до принятия CDPA), Д. Стейн в своей статье констатирует, что согласно ст. 3 (1) CDPA охрана видеоигр как компьютерной программы (литературного произведения) фактически сводится к охране текста: программного кода, включая его исходную и объектную форму, и подготовительных материалов, созданных разработчиками в процессе его написания [11, с. 45–46]. Подобное мнение об объёме охраны видеоигр как компьютерной программы име-

³ См. об этом деле: Stein J.S. The legal nature of video games—adapting copyright law to multimedia. Press Start, 2015, vol. 2, no. 1. P. 45. [Электронный ресурс] // Официальный сайт журнала «Press Start». URL: <https://press-start.gla.ac.uk/press-start/article/view/25> (дата обращения: 30.01.2026); Meades A. Arcade Britannia: A social history of the British amusement arcade. MIT Press. 2022. P. 162–168. [Электронный ресурс] // Издательство «MIT Press»: сайт. URL: http://direct.mit.edu/books/oa-monograph-pdf/2246734/book_9780262372343.pdf (дата обращения: 30.01.2026); Периодическое издание Великобритании «Popular Computing Weekly» (выпуск от 05.08.1982, стр. 13) [Электронный ресурс] // Архив интернета: сайт. URL: <https://archive.org/details/popular-computing-weekly-1982-08-05> (дата обращения: 30.01.2026); Sega v. Richards [Электронный ресурс] // Sega Retro: сайт. URL: https://segaretro.org/Sega_v_Richards (дата обращения: 30.01.2026); Sega v. Richards [Электронный ресурс] // IT Law Wiki: сайт. URL: https://itlaw.fandom.com/wiki/Sega_v._Richards (дата обращения: 30.01.2026).

⁴ После вынесения указанного судебного решения Джон Ричард в 1985 г. вынужден был закрыть компанию «Trolfame», основной вид деятельности которой заключался в «пиратстве» зарубежных видеоигр (японских, американских и др.), которые в то время активно распространялись в Великобритании. Подробнее об этом см.: Meades A. Arcade Britannia: A social history of the British amusement arcade. MIT Press. 2022. P. 162–168. [Электронный ресурс] // Издательство «MIT Press»: сайт. URL: http://direct.mit.edu/books/oa-monograph-pdf/2246734/book_9780262372343.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

ют и другие исследователи, анализирующие нормы CDPА, например, К. Баркер [9, с. 2] и Ли Цыхао [10, с. 319–320].

Об этом же, на наш взгляд, свидетельствует и судебная практика, возникшая в Великобритании после принятия CDPА.

Так, в 2006 г. в деле «Nova Productions Ltd. v. Mazooma Games Ltd. & Others», истец (компания «Nova Productions», правообладатель аркадной видеоигры симулятора бильярда «Pocket Money») утверждал, что ответчики, разработав и распространив схожие игры («Jackpot Pool» и «Trick Shot»), незаконно воспроизвели, в том числе компьютерную программу (исходный и объектный код) видеоигры «Pocket Money», а также её подготовительные материалы. Судья Китчин отказал компании «Nova Productions» в защите авторских прав в связи с тем, что не усмотрел в действиях ответчиков заимствования тех или иных «творческих» компонентов видеоигры «Pocket Money», однако в судебном решении прямо признал наличие у «Nova Productions» авторских прав на литературные произведения в отношении программного кода данной видеоигры (её компьютерной программы) и подготовительных материалов (в частности, заметок главного разработчика Дэвида Джонса, которые были сделаны им в ходе создания компьютерной программы для видеоигры «Pocket Money»)¹.

В свою очередь, в 2021 г. в деле «Nintendo Co. Ltd v. British Telecommunications Plc & Ors» (2021 г.) о блокировке сайтов, на которых распространялись нелегальные копии игр на консоль «Nintendo Switch», судья Джоанна Смит также отметила, что компания «Nintendo» имеет авторские права как на литературное произведение в отношении исходного и объектного кода видеоигр, самостоятельно разработанных ею для указанной игровой консоли².

Таким образом, можно заключить, что техническая или, иными словами, программная часть видеоигры (*компьютерная программа, состоящая в том числе из исходного и объектного кода, а также её подготовительные материалы*) согласно CDPА подлежит охране в качестве литературных произведений. При этом следует отметить, что в Великобритании в объём охраны компьютерных программ как литературных произведений не входит порождаемое ими аудиовизуальное отображение на экране (*в отечественном понимании*), или, иными словами, «аудиовизуальная часть видеоигры» (*графический пользовательский интерфейс (GUI) / графика игры, звуковые эффекты, музыка, сценарий, персонажи, различный внутриигровой текст, а также иные потенциально охраноспособные «непрограммные» компоненты*).

Видеоигра – совокупность произведений, охраняемых авторским правом Великобритании?

Как указывает Дэвид Мак Ситинг, анализирующий в своей статье законодательное регулирование видеоигровой индустрии Великобритании, многие творческие аспекты видеоигр, помимо её программной части как литературного произведения, подлежат охране авторским правом Великобритании [12, с. 17–18]. Так, по его мнению, видеоигра представляет собой сочетание программного кода (литературного произведения), художественных произведений, в том числе графических, а также, вероятно, иных творческих аспектов, связанных с кино и драмой (драматическим произведением) [12, с. 16].

Об этом же кратко в своей статье упоминал К. Баркер, отмечая, что видеоигра состоит не только из программного кода, но также из графики и музыки, охрана которых обеспечивается в Великобритании отдельно от компьютерной программы [9, с. 2].

Подобное мнение имеет и Сюзан Корбетт, отмечая, в том числе в контексте норм CDPА (*помимо этого акта в своей работе она ссылается также на законы об авторском праве США и Австралии*), что видеоигра не подлежит охране в качестве единого объекта, напротив, каждый её отдельный «оригинальный» (творческий) компонент сегодня может представлять собой самостоятельный объект авторско-правовой охраны, к примеру, программный код видеоигры – это литературное произведение, её звуковые эффекты – звукозаписи, а графика / изображения, порождаемые её компьютерной программой на экране, являются художественными произведениями – графическими [13, с. 616].

Аналогичный вывод о действующем в британской юрисдикции режиме правовой охраны видеоигр в своей статье сделал Инь Харн Ли [14, с. 46].

При этом наиболее подробно правовую природу видеоигр в Великобритании в настоящее время проанализировал автор Д. Стейн. Так, в своей статье он пришёл к тому, что правовая охрана видеоигр по CDPА осуществляется следующим образом: её программный код охраняется как литературное произведение; внутриигровые тексты и диалоги (*при их достаточной «оригинальности»*) также охраняются как литературные произведения; внешний вид персонажей и виртуальные модели игровых объектов – это художественные произведения, включая графические (*при соблюдении критерия «оригинальности»*); музыкальные композиции как наиболее самостоятельные «оригинальные» компоненты видеоигры – это музыкальные произведения, а при наличии в них текста, одновременно и литературные произведения (*поскольку текст не входит в объём охраны «музыкального произведения», определение которого дано в ст. 3 (1) CDPА*); анимированные кат-сцены (*в том числе кинематографические ролики, которыми зачастую прерывается игровой процесс (интерактивная часть игры), и, в которых используется актёрская игра существующих людей в результате применения технологии «захвата движений» / «motion capture»*) могут квалифицироваться как «оригинальные драматические произведения», поскольку потенциально исполнимы перед аудиторией; иные компоненты, используемые в видеоиграх, по мнению этого автора, также могут охраняться как самостоятельные объекты в пределах категорий, предусмотренных CDPА [11, с. 43–55].

Ли Цыхао, ссылаясь на статью Д. Стейна, и, при этом дополнив его рассуждения, также в своей работе сделал вывод, что видеоигра в Великобритании ввиду её прямого отсутствия в закрытом перечне объектов авторского права подлежит охране путём разделения на составные «компоненты» – в большей степени на «оригинальные» литературные, драматические, музыкальные и художественные произведения, и, в меньшей степени, на звукозаписи, фильмы и базы данных [10, с. 318–323].

В своём диссертационном исследовании на соискание степени доктора философии, посвященном анализу защиты в Европе авторских прав на трансляцию / «стриминг» видеоигр (*исследование проводилось в Лондонском университете Брунеля*) Деспоина Фармаки также пришла к выводу, что видеоигра, исходя из норм CDPА, состоит из множества «оригинальных» произведений, подлежащих самостоятельной правовой охране [15, с. 39]. Об этом же она подробно изложила в своей статье, в которой на примере Великобритании, Франции, Германии и Греции рассмотрела проблемные вопросы защиты авторских прав на видеоигры в целом [16, с. 108–117].

Указанный тезис о том, что видеоигра в контексте норм CDPА представляет собой больше, чем просто компьютерную программу (литературное произведение), и, соответственно, является совокупностью охраняемых произведений и, возможно, иных объектов, предусмотренных в «закрытом списке» CDPА, подтверждается и судебной практикой Великобритании, принятой по вопросам защиты авторских прав на: а) видеоигры; б) компьютерные программы; в) иные объекты, потенциально состоящие из множества результатов интеллектуально-творческой деятельности.

Так, например, в 1997 г. в деле «Electronic Techniques (Anglia) Ltd. v. Critchley Components Ltd.», касающемся защиты авторских прав на схемы электронных цепей, Высокий суд Англии и Уэльса постановил, что подобная схема может представлять собой одновременно несколько охраняемых авторским правом объектов – «литературное произведение» и «графическое произведение»³.

В деле 1999 г. «Norowzian v. Arks Ltd & Anor», связанном с защитой авторских прав на короткометражный фильм «Радость», состоящий из танцев единственного актёра, судьи Высокого суда Англии и Уэльса в порядке апелляционного производства указали, что подобные фильмы могут представлять собой одновременно сам «фильм» («запись серии движущихся изображений на материальном носителе»), а также

¹ См. об этом в пунктах 107–109, 118–119, 246–250, 253. Решение Высокого суда Англии и Уэльса в порядке первой инстанции по делу «Nova Productions Ltd. v. Mazooma Games Ltd. & Ors» [2006] EWHC 24 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2006/24.html> (дата обращения: 30.01.2026).

² См. об этом в пункте 17: Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу «Nintendo Co. Ltd v British Telecommunications Plc & Ors» [2021] EWHC 3511 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2021/3511.html> (дата обращения: 30.01.2026).

³ См. об этом деле: Brown A. et al. Contemporary intellectual property: Law and policy. Chapter 4. Guidance on answering the discussion points. [Электронный ресурс] // Oxford Learning Link: сайт. URL: <https://learninglink.oup.com/access/brown6e-student-resources#al> (дата обращения: 30.01.2026); Stein J.S. The legal nature of video games—adapting copyright law to multimedia. Press Start, 2015, vol. 2, no. 1. P. 44. [Электронный ресурс] // Официальный сайт журнала «Press Start». URL: <https://press-start.gla.ac.uk/press-start/article/view/25> (дата обращения: 30.01.2026); Farmaki D. The Interpretation of Copyright Protection in Video Game Streaming in Europe: a thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. P. 38. [Электронный ресурс] // Научный архив Брунельского университета: сайт. URL: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/26662/1/FulltextThesis.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

«драматическое произведение» (произведение, которое потенциально исполнимо перед аудиторией)¹.

В 2004 г. в деле «Navitaire Inc.v. Easyjet Airline Co. & Anor», в котором разрешался спор о защите авторских прав на исходный код компьютерной программы «OpenRes» (системы бронирования авиабилетов) и её графический пользовательский интерфейс (GUI), судья Памфри постановил, что согласно CDPA компьютерная программа охраняется в качестве «литературного произведения», но под указанную категорию не подпадает её графический пользовательский интерфейс, который, будучи «оригинальным», должен рассматриваться как самостоятельный объект охраны – «графическое произведение»².

В том же году в деле «Sony Computer Entertainment Inc.v. Ball & Ors», связанном с распространением ответчиками «мод-чипов», которые позволяли обходить технологические меры защиты игровой консоли «PlayStation 2» (с помощью этих чипов на указанной консоли можно было запускать нелегальные копии видеоигр), судья Лэдди в своих рассуждениях прямо указал, что видеоигры для данной игровой консоли как объекты авторского права представляют собой сложные компьютерные программы, состоящие из программного кода, «художественных произведений» и иных творческих работ³.

В деле «Gilham v. R» (2009), где физическое лицо привлекалось к уголовной ответственности за нарушение авторских прав в связи с продажей «мод-чипов» для обхода технологических мер защиты игровых консолей «Microsoft Xbox», «Nintendo Gamecube» и «Sony PlayStation 2», что позволяло запускать на них нелегальные копии видеоигр, суд прямо указал, что видеоигры как объекты авторского права состоят из музыки, звуков, изображений, игровых персонажей (в качестве примера суд даже привёл персонажа «Лару Крофт» из серии видеоигр «Tomb Raider»), а также сцен и иных потенциально охраноспособных объектов, в том числе в виде «графических произведений»⁴.

Об этом же сказано в деле 2010 г. «Nintendo Company Ltd. & Anor v. Playables Ltd. & Anor», в котором компания «Nintendo» также обращалась в Высокий суд Англии и Уэльса за защитой авторских прав в целях пресечения распространения аналогичных чипов на консоли «Nintendo DS». В судебном решении по этому делу судья Флойд прямо отметил, что видеоигры, воспроизводимые на этой консоли, состоят из компьютерных программ, графических и иных произведений⁵.

В деле «Nintendo Co. Ltd v. British Telecommunications Plc & Ors» о блокировке интернет-страниц, на которых размещались нелегальные («пиратские») копии видеоигр для загрузки на консоль «Nintendo Switch», которое ранее уже приводилось нами, судья Джоанна Смит также обратила внимание на то, что в отношении видеоигр, разработанных и выпущенных компанией «Nintendo», последняя имеет авторские права на «литературные произведения» (внутриигровой текст, исходный и объектный код), «художественные произведения» (графику) и иные возможные «произведения»⁶.

Однако наиболее подробно правовая природа видеоигры как объекта авторских прав была рассмотрена британским судом в деле 2006 г. «Nova Productions Ltd.v. Mazooma Games Ltd. & Others»⁷, ко-

торое также уже приводилось в настоящей статье. В этом деле правообладатель аркадной видеоигры симулятора бильярда – «Pocket Money» (компания «Nova Productions», истец) обратился в Высокий суд Англии и Уэльса за защитой авторских прав в связи с разработкой и выпуском ответчиками схожих игр: «Jackpot Pool» (от компании «Mazooma Games») и «Trick Shot» (от компании «Bell Fruit Games»). Истец утверждал, что каждый из ответчиков незаконно воспроизвел в своей игре объекты авторского права из видеоигры «Pocket Money», в частности: а) «оригинальные литературные произведения» – компьютерную программу видеоигры «Pocket Money» и подготовительные материалы к ней, включая письменные заметки главного разработчика игры Дэвида Джонса; б) «оригинальные художественные произведения»: заранее созданные и хранящиеся в памяти игрового устройства «bitmap-изображения» (бильярдного стола, кия, шаров и проч.), а также изображения (отдельные статичные кадры), которые видит пользователь (игрок) в результате их генерации компьютерной программой путём наложения на экран указанных «bitmap-изображений»; в) «оригинальное драматическое произведение», воплощённое в визуальном опыте игрока от отображаемой на экране последовательности событий и действий «игры в бильярд».

Также компания «Nova Productions» дополнительно заявляла, что ответчики нарушили её авторские права на видеоигру «Pocket Money» как на фильм, то есть незаконно воспроизвели в своих играх якобы «движущиеся изображения» из указанной игры.

В первой инстанции по этому делу судья Китчин признал, что: а) компьютерная программа игры «Pocket Money» и заметки её разработчика подлежат охране согласно ст. 3 (1) CDPA в качестве литературных произведений; б) «bitmap-изображения», хранящиеся в памяти устройства, а также отдельные «статичные кадры» указанной игры, демонстрирующиеся пользователю на экране в результате наложения программой этих «bitmap-изображений» – подлежат охране согласно ст. 4 (1) CDPA в качестве «графических произведений»⁸.

При этом он установил, что ответчики не заимствовали эти два вида произведений из игры «Pocket Money» в своих играх «Jackpot Pool» и «Trick Shot», подробно описав отличия произведений истца и аналогичных произведений ответчиков. Отвергая факт нарушения авторских прав на указанные виды произведений, он также отметил, что все указанные игры используют неохранные идеи «игры в бильярд», а также общеупотребительные функционально обусловленные правила, приёмы и игровые механики.

В свою очередь, им также был опровергнут довод компании «Nova Productions» о том, что в её видеоигре присутствует «драматическое произведение» как воплощение визуального опыта от «игры в бильярд»⁹.

По этому вопросу Китчин отметил, что несмотря на то, что в «Pocket Money» заранее предусмотрены правила игры, всё же последовательность действий, изображений и событий, появляющихся на экране, в каждой «бильярдной партии» (игровой сессии) будет отличаться в зависимости от игрока (пользователя), ввиду чего в них нет «единства» (первого обязательного признака такого произведения в Великобритании), соответственно, все они «непригодны» и для «исполнения перед аудиторией» («пригодность к исполнению» второй обязательный признак), поэтому видеоигра «Pocket Money» сама по себе не является «драматическим произведением»¹⁰.

Компании «Nova Productions» также было отказано в защите авторских прав на видеоигру «Pocket Money» как на фильм («записи серии движущихся изображений на материальном носителе»). Судья Китчин отметил, что в названной видеоигре преобладают статичные составные кадры (bitmap-изображения, загружаемые из памяти игрового устройства и накладываемые программой на экран в ходе игрового процесса для создания, как он отметил, впечатления «движущихся

информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2006/24.html> (дата обращения: 30.01.2026).

⁸ См. об этом п. 98–109; 117–119 и др.: Решение Высокого суда Англии и Уэльса (в порядке первой инстанции) по делу «Nova Productions Ltd.v. Mazooma Games Ltd. & Ors» [2006] EWHC 24 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2006/24.html> (дата обращения: 30.01.2026).

⁹ См. об этом пункты 110–119 и др.: Решение Высокого суда Англии и Уэльса (в порядке первой инстанции) по делу «Nova Productions Ltd.v. Mazooma Games Ltd. & Ors» [2006] EWHC 24 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2006/24.html> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁰ По сути, ввиду наличия в видеоигре интерактивности она «непригодна» к исполнению сама по себе и поэтому не является «драматическим произведением», как, например, театральное представление, которое, по мнению судьи Китчина, является «драматическим произведением», о чём он прямо сказал в пункте 116 анализируемого судебного решения.

¹ См. об этом: Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу «Norowzian v. Arks Ltd & Anor» [1999] EWCv 3014 [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/cgi-bin/format.cgi?doc=/ew/cases/EWCA/Civ/1999/3014.html> (дата обращения: 30.01.2026).

² См. об этом в пунктах 97–99: Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу «Navitaire Inc.v. Easyjet Airline Co. & Anor» [1999] EWCv 3014 [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2004/1725.html> (дата обращения: 30.01.2026).

³ См. об этом в пункте 3: Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу «Sony Computer Entertainment Inc.v. Ball & Ors» [2004] EWHC 1738 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2004/1738.html> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴ См. об этом в пунктах 7, 11, 24 и 28: Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу «Gilham v. R» [2009] EWCv 2293 [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2009/2293.html> (дата обращения: 30.01.2026).

⁵ См. об этом в пункте 25: Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу «Nintendo Company Ltd. & Anor v. Playables Ltd. & Anor» [2010] EWHC 1932 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2010/1932.html> (дата обращения: 30.01.2026).

⁶ См. об этом в пункте 17: Решение Высокого суда Англии и Уэльса по делу «Nintendo Co. Ltd v. British Telecommunications Plc & Ors» [2021] EWHC 3511 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2021/3511.html> (дата обращения: 30.01.2026).

⁷ См. об этом в целом: Решение Высокого суда Англии и Уэльса в порядке первой инстанции по делу «Nova Productions Ltd.v. Mazooma Games Ltd. & Ors» [2006] EWHC 24 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой

изображений»), в связи с чем «Pocket Money» не является фильмом¹. В вышестоящей инстанции судья Джейкоб полностью согласился с указанным выводом Китчина, отметив, что изображения, из которых состоит игра «Pocket Money», являются «графическими произведениями», при этом по смыслу ст. 4 (2) CDPA они всегда статичны и неподвижны (например, как рисунки, картины и фотографии, речь о которых идёт в законе как о примерах подобных произведений), поэтому серия таких «изображений» — это лишь серия «графических произведений» (или иными словами, «совокупность таких произведений»), а не само по себе единое «графическое произведение» или «фильм» — «запись серии движущихся изображений»².

Следует отметить, что выводы, к которым пришли судьи в деле «Nova Productions Ltd v Mazooma Games Ltd & Others», поддерживаются и в научной среде.

Так, в своей статье Инь Харн Ли обращает внимание на то, что в CDPA закрытый перечень объектов авторского права не предусматривает таких категорий, как «аудиовизуальное произведение» или «кинематографическое произведение», но их ближайшими аналогами в законе выступают категории «фильм» и «драматическое произведение» [14, с. 46]. Однако понятие «фильм» определено британским законодателем как «запись на любом материальном носителе, с которой любым способом может быть воспроизведено движущееся изображение» [14, с. 46]. Соответственно, такая «запись» не является как таковым аудиовизуальным произведением или кинематографическим произведением, как, например, это предусмотрено в других национальных правовых порядках (ЮАР и Австралии) [14, с. 46]. При этом авторское право на фильм, как отмечает Инь Харн Ли, возникает в Великобритании именно на «запись», в которой фиксируются «движущиеся изображения», то есть не на сами «движущиеся изображения» [14, с. 46]. Поэтому в отношении видеоигр авторское право на фильм, по его мнению, применимо только, например, в ситуации буквального и полного копирования их аудиовизуального отображения на экране (по аналогии с копированием записи «кинофильма» в целом), а не тогда, когда на экране пользователю (игроку) демонстрируются похожие действия, события и изображения, как, например, это было в видеоиграх «Pocket Money», «Jackpot Pool» и «Trick Shot» из дела «Nova Productions Ltd v Mazooma Games Ltd & Others» [14, с. 46].

В этом смысле Д. Стейн также пишет, что аудиовизуальное отображение видеоигры на экране может быть рассмотрено в Великобритании в качестве «фильма» в том случае, если оно было полностью заимствовано, то есть скопировано как «запись серии движущихся изображений» [11, с. 52]. В подтверждение сказанного автор приводит судебное дело из США «Stern Electronics v. Kaufman»³ (1982 г.), в котором ответчики разработали и распространили видеоигру, аудиовизуально идентичную игре истца, предварительно создав новый программный код, в результате чего последний защищал авторские права на свою видеоигру как на «аудиовизуальное произведение» [11, с. 52]. В подобной ситуации, по мнению этого автора, «аудиовизуальная часть видеоигры» (её аудиовизуальное отображение на экране) может быть признана «фильмом», то есть подпадать под охрану как «нечто единое целое», а не как «набор» или совокупность оригинальных произведений, а также иных объектов, охраняемых CDPA.

Указанные авторы также согласны с выводом судьи Китчина, что видеоигра в целом не является «драматическим произведением» [11, с. 47], поскольку в ней отсутствует единство действий и событий, которые можно исполнить перед аудиторией [14, с. 46–47]. Однако по этому вопросу Д. Стейн делает оговорку: кат-сцены и кинематографические ролики как составные элементы видеоигр, в большинстве из которых отсутствует интерактивность, потенциально могут представлять собой отдельные «оригинальные драматические произведения», так как они «пригодны к исполнению перед аудиторией»⁴ [11, с. 46–47].

¹ См. об этом пункты 103, 114, 120 и др.: Решение Высокого суда Англии и Уэльса (в порядке первой инстанции) по делу «Nova «Productions Ltd.v. Mazooma Games Ltd. & Ors» [2006] EWHC 24 (Ch) [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2006/24.html> (дата обращения: 30.01.2026).

² См. об этом пункты 3, 15–18: Решение Высокого суда Англии и Уэльса в порядке апелляционной инстанции по делу «Nova «Productions Ltd.v. Mazooma Games Ltd. & Ors» [2007] EWCA Civ 219 [Электронный ресурс] // Британский и Ирландский институт правовой информации: сайт. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2007/219.html> (дата обращения: 30.01.2026).

³ «Stern Electronics Inc.v. Kaufman» (1981) [Электронный ресурс] // Justia U.S. Law: сайт. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/523/635/2298329/> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴ В этом смысле примером сегодня служит игра «Clair Obscur: Expedition 33», в которой кат-сцены и кинематографические ролики были записаны с помощью технологии «захвата движений» («motion capture») при участии настоящих актёров

Заключение

Проведённый анализ показал, что ключевая трудность определения правовой природы видеоигр в Великобритании обусловлена конструкцией CDPA, закрепляющей детализированный, но закрытый перечень объектов авторского права, в котором видеоигры прямо не названы. В результате чего правовая охрана видеоигр как объектов авторских прав в Великобритании сегодня осуществляется не через признание видеоигры «единым» объектом охраны, а посредством её соотношения со многими существующими в законе категориями охраняемых объектов.

В связи с чем можно констатировать, что в британской юрисдикции, по сути, сформировался «компонентный», или, иными словами, «дистрибутивный»⁵ режим авторско-правовой охраны видеоигр, в рамках которого видеоигры рассматриваются в качестве объектов, потенциально состоящих из множества охранных способных программных и непрограммных компонентов.

Такой подход, с одной стороны, позволяет «встроить» видеоигры в существующую в Великобритании «закрытую систему» объектов авторского права, а с другой стороны, как следует из приведённого в статье материала, может усложнять правообладателям защиту авторских прав на «аудиовизуальную часть видеоигры» — её аудиовизуальное отображение на экране как наиболее «оригинальную» составляющую в текущих условиях технологического развития индустрии видеоигр.

В связи с чем Инь Харн Ли предлагает будущим исследователям рассмотреть вопрос о том, как в контексте авторского права Великобритании наилучшим образом обеспечить авторско-правовую охрану видеоигр: путем переосмысления категории «драматическое произведение», введения в законодательство категории «аудиовизуальное произведение», либо посредством полной замены нынешнего подхода с «закрытым списком» системой «открытого списка» [14, с. 48].

Вместе с тем, по нашему мнению, проблема определения правовой природы видеоигры как объекта авторских прав или, как её ещё обозначают, проблема установления в отношении видеоигр подходящего режима авторско-правовой охраны, безусловно, актуальна и для Российской Федерации. В нашей стране в Гражданском кодексе видеоигры прямо не названы в числе объектов авторских прав. При этом у нас отсутствует и актуальная судебная практика, в которой российский суд рассмотрел бы «современную» правовую природу видеоигр, а доктринальные исследования немногочисленны и противоречивы. На этом основании полагаем, что изученный опыт Великобритании, может быть использован в отечественной юридической науке для дальнейшего осмысления правовой природы видеоигр как объектов авторских прав, а также для совершенствования российского законодательства в целях регулирования интеллектуальной собственности в индустрии видеоигр, развитие которой в нашей стране планируется осуществлять при поддержке государства⁶.

Литература

1. Махмудова А.Д. Гражданско-правовой режим видеоигр в контексте авторского права / А.Д. Махмудова // Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы = Video games, gaming, cybersports: legal issues: коллективная монография / под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. — М.: Развитие правовых систем, 2023. — С. 38–54.

театра и кино. Подобные сцены / ролики потенциально самостоятельно исполнимы перед аудиторией и могут быть признаны «драматическими произведениями». См., например: Expedition 33 — Iconic Motion Capture Scene: Get Out of My Way! [Электронный ресурс] // Youtube: сайт. URL: <https://www.youtube.com/shorts/5gLRJJeHwMk> (дата обращения: 30.01.2026); Bringing Gustave to life [Электронный ресурс] // Youtube: сайт. URL: <https://www.youtube.com/shorts/5kyuWNA1fto> (дата обращения: 30.01.2026); Promise me. Run [Электронный ресурс] // Youtube: сайт. URL: <https://www.youtube.com/shorts/bAkglQhK9wc> (дата обращения: 30.01.2026)

⁵ О «дистрибутивном» подходе в определении правового режима видеоигр см.: Махмудова А.Д. Гражданско-правовой режим видеоигр в контексте авторского права // Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / под науч. ред. М.А. Рожковой, Р.Л. Лукьянова. М.: Развитие правовых систем, 2023. С. 41–42. [Электронный ресурс] // IP Club: сайт. URL: <https://ipclub.in/books.html> (дата обращения: 30.01.2026)

⁶ См.: О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 330 // Российская газета. 2024. 16 августа; Законопроект № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СОЗД ГАС «Законотворчество»: официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (дата обращения: 30.01.2026); Перечень поручений по итогам визита в Республику Саха (Якутия): утв. Президентом РФ 20.09.2024 № Пр-1915 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/75167> (дата обращения: 30.01.2026); Перечень поручений по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России»: утв. Президентом РФ 15.08.2023 № Пр-1593 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72053> (дата обращения: 30.01.2026).

2. Бабенко А.А. Авторско-правовая охрана видеоигр в Китае / А.А. Бабенко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 105–123.

3. Aplin T. Subject matter. Research Handbook on the Future of EU Copyright, 2009, pp. 49–76. Available at: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/68497/1/254.pdf> (accessed: 30.01.2026). (In English).

4. Haynes J. Subject matter of copyright protection in the UK: a road map to effectuating statutory reform. Commonwealth Law Bulletin, vol. 39, № 2. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/262947230> (accessed: 30.01.2026). (In English).

5. Reese A. What should copyright protect? In: What if we could reimagine copyright? (eds. Giblin R., Weatherall K.). ANU Press, 2017, pp. 111–146. Available at: <https://press.anu.edu.au/downloads/press/n2190/pdf/ch04.pdf> (accessed: 30.01.2026). (In English).

6. Mysoor P. Does UK Really Have a 'Closed' List of Works Protected by Copyright? European Intellectual Property Review, 2019, № 41 (8), pp. 474–479. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3437776 (accessed: 30.01.2026). (In English).

7. Christie A. A proposal for simplifying United Kingdom copyright law. Public Law and Legal Theory Working Paper, 2001, № 14, pp. 68–128. Available at: <https://ssrn.com/abstract=263226> (accessed: 30.01.2026). (In English).

8. Stokes S. Digital Copyright: Law and Practice. Oxford, UK: Hart Publishing. Fifth edition, 2019. – 298 p. Available at: https://vk.com/privatelawlib?w=wall-122765959_5553 (accessed: 30.01.2026). (In English).

9. Barker K. MMORPGing – The Legalities of Game Play. European Journal for Law and Technology, 2012, vol. 3, № 1. Available at: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/119> (accessed: 30.01.2026). (In English).

10. Zihao L. The copyright protection of video games from reskinning in China: a comparative study on UK, US and China approaches. Tsinghua China Law Review, 2019, vol. 11, № 2, pp. 293–340. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/356086684> (accessed: 30.01.2026). (In English).

11. Stein J.S. The legal nature of video games—adapting copyright law to multimedia. Press Start, 2015, vol. 2, № 1, pp. 43–55. Available at: <https://press-start.gla.ac.uk/press-start/article/view/25> (accessed: 30.01.2026). (In English).

12. Mac Sithigh D. Multiplayer games: tax, copyright, consumers and the video game industries. European Journal of Law and Technology, vol. 5, № 3. Available at: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/324> (accessed: 30.01.2026). (In English).

13. Corbett S. Videogames and their clones—how copyright law might address the problem. Computer Law & Security Review, 2016, vol. 32, № 4, pp. 615–622. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/303779777> (accessed: 30.01.2026). (In English).

14. Lee Y.H. Copyright and gaming. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies. Edward Elgar Publishing, 2020, pp. 44–62. Available at: <https://doi.org/10.4337/9781785368349> (accessed: 30.01.2026). (In English).

15. Farmaki D. The interpretation of copyright protection in video game streaming in Europe: diss. Brunel University London. 2023–273 p. Available at: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/26662/1/FulltextThesis.pdf> (accessed: 30.01.2026). (In English).

16. Farmaki D. Copyright protection of video games: a comparative study. Interactive Entertainment Law Review, 2022, vol. 5, № 2, pp. 107–121. Available at: <https://www.elgaronline.com/view/journals/ielr/5/2/article-p107.xml> (accessed: 30.01.2026). Access mode: paid. (In English).

LEGAL PROTECTION OF VIDEO GAMES UNDER UK COPYRIGHT LAW

Babenko A.A.

Saratov State Law Academy

The article examines the legal nature of a video game as a subject matter of copyright, drawing on the legislation, case law and doctrinal scholarship of the United Kingdom. The study finds that the Copyright, Designs and Patents Act 1988 provides an exhaustive (closed) list of protected subject matter, within which video games are not singled out by the legislature as an independent category. Consequently, copyright protection of video games in the UK is not afforded to the video game as a single, unitary object; rather, it is achieved by aligning its constituent parts: (a) the program (technical) component and (b) the non-program (audiovisual) component—with the statutory «categories» of copyright works. The material analysed supports the conclusion that, in the United Kingdom, a «component-based», or in other words «distributive», regime of copyright protection for video games has effectively emerged, under which a video game is protected as an object comprising multiple results of intellectual (creative) activity, including, inter alia, original literary, musical, dramatic and artistic works, as well as other subject matter independently protected by copyright.

Keywords: video games; computer games; intellectual property; copyright; videogame industry; protection videogames

References

1. Makhmudova A.D. Civil-Law Regime of Video Games in the Context of Copyright. Video Games, Gaming, Cybersports: Legal Issues: collective monograph. Ed. by M.A. Rozhkova, R.L. Lukyanov. Moscow, Razvitie pravovykh sistem Publ., 2023, pp. 38–54. (In Russian).

2. Babenko A.A. Copyright protection of video games in China. Proceedings of South-west State University. Series: History and Law. – 2025. – vol. 15, № 4. – P. 105–123. (In Russian).

3. Aplin T. Subject matter. Research Handbook on the Future of EU Copyright, 2009, pp. 49–76. Available at: <http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/68497/1/254.pdf> (accessed: 30.01.2026). (In English).

4. Haynes J. Subject matter of copyright protection in the UK: a road map to effectuating statutory reform. Commonwealth Law Bulletin, vol. 39, № 2. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/262947230> (accessed: 30.01.2026). (In English).

5. Reese A. What should copyright protect? In: What if we could reimagine copyright? (eds. Giblin R., Weatherall K.). ANU Press, 2017, pp. 111–146. Available at: <https://press.anu.edu.au/downloads/press/n2190/pdf/ch04.pdf> (accessed: 30.01.2026). (In English).

6. Mysoor P. Does UK Really Have a 'Closed' List of Works Protected by Copyright? European Intellectual Property Review, 2019, № 41 (8), pp. 474–479. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3437776 (accessed: 30.01.2026). (In English).

7. Christie A. A proposal for simplifying United Kingdom copyright law. Public Law and Legal Theory Working Paper, 2001, № 14, pp. 68–128. Available at: <https://ssrn.com/abstract=263226> (accessed: 30.01.2026). (In English).

8. Stokes S. Digital Copyright: Law and Practice. Oxford, UK: Hart Publishing. Fifth edition, 2019. – 298 p. Available at: https://vk.com/privatelawlib?w=wall-122765959_5553 (accessed: 30.01.2026). (In English).

9. Barker K. MMORPGing – The Legalities of Game Play. European Journal for Law and Technology, 2012, vol. 3, № 1. Available at: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/119> (accessed: 30.01.2026). (In English).

10. Zihao L. The copyright protection of video games from reskinning in China: a comparative study on UK, US and China approaches. Tsinghua China Law Review, 2019, vol. 11, № 2, pp. 293–340. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/356086684> (accessed: 30.01.2026). (In English).

11. Stein J.S. The legal nature of video games—adapting copyright law to multimedia. Press Start, 2015, vol. 2, № 1, pp. 43–55. Available at: <https://press-start.gla.ac.uk/press-start/article/view/25> (accessed: 30.01.2026). (In English).

12. Mac Sithigh D. Multiplayer games: tax, copyright, consumers and the video game industries. European Journal of Law and Technology, vol. 5, № 3. Available at: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/324> (accessed: 30.01.2026). (In English).

13. Corbett S. Videogames and their clones—how copyright law might address the problem. Computer Law & Security Review, 2016, vol. 32, № 4, pp. 615–622. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/303779777> (accessed: 30.01.2026). (In English).

14. Lee Y.H. Copyright and gaming. Research Handbook on Intellectual Property and Digital Technologies. Edward Elgar Publishing, 2020, pp. 44–62. Available at: <https://doi.org/10.4337/9781785368349> (accessed: 30.01.2026). (In English).

15. Farmaki D. The interpretation of copyright protection in video game streaming in Europe: diss. Brunel University London. 2023–273 p. Available at: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/26662/1/FulltextThesis.pdf> (accessed: 30.01.2026). (In English).

16. Farmaki D. Copyright protection of video games: a comparative study. Interactive Entertainment Law Review, 2022, vol. 5, № 2, pp. 107–121. Available at: <https://www.elgaronline.com/view/journals/ielr/5/2/article-p107.xml> (accessed: 30.01.2026). Access mode: paid. (In English).

Налогово-правовые механизмы стимулирования инвестиций в нематериальные активы в рамках государственно-частного партнерства

Баландин Дмитрий Владленович,

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийской академии внешней торговли
Минэкономразвития России
E-mail: mitushq@yandex.ru

Работа посвящена исследованию налогово-правового регулирования инвестиций в нематериальные активы в рамках государственно-частного партнерства. Анализируются пробелы действующих налоговых норм в отношении оценки, амортизации и налогообложения НМА (лицензий, программного обеспечения, ноу-хау, товарных знаков) в проектах ГЧП. Рассматриваются риски двойного налогообложения, непрозрачное распределение налоговых выгод между публичным и частным партнерами, а также зарубежный опыт стимулирования инвестиций в инновационные активы. На основе сравнительно-правового и междисциплинарного (правового, экономического, фискального) анализа разработаны модельные налогово-правовые механизмы: специальные режимы амортизации, налоговые льготы, налоговые кредиты и договорные положения для распределения выгод, направленные на повышение инвестиционной привлекательности НМА без снижения доходной базы бюджета.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, нематериальные активы, инвестиции, налогообложение НМА, налоговые льготы, амортизация нематериальных активов, налоговое регулирование, инновационная экономика, концессионные соглашения.

В условиях перехода экономики к инновационной модели нематериальные активы (НМА) – лицензии, ПО, ноу-хау, бренды – становятся ключевым источником добавленной стоимости и конкурентного преимущества. В проектах государственно-частного партнерства (ГЧП) роль НМА растёт: они служат и объектом инвестиций, и предметом сложных правовых сделок, поэтому нужны специальные налогово-правовые решения.

Отсутствие унифицированных подходов к налоговой оценке НМА, а также неурегулированность режимов их амортизации создают препятствия для эффективного учёта и управления этими активами. Такая ситуация приводит к неполному раскрытию их экономического потенциала в проектах ГЧП. Более того, риски двойного налогообложения и непрозрачного распределения налоговых выгод между публичным и частным партнерами существенно снижают инвестиционную привлекательность проектов, включающих значительную долю нематериальных активов. Это, в свою очередь, препятствует мобилизации частного капитала в инновационные компоненты проектов, замедляя темпы технологического развития и внедрения передовых решений в социально значимых сферах.

Государственно-частное партнерство традиционно ассоциируется с совместными инвестициями государства и частного сектора в инфраструктурные и инновационные проекты или предоставление общественных услуг. Однако в силу того, что России определение понятия «государственно-частное партнерство» нормативно было установлено лишь в 2015 г., настоящее понятие широко применялось в различных нормативных актах, порождая правовые коллизии в связи с различным понятийным аппаратом: в Бюджетном кодексе РФ, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р) [14], в ряде государственных программ. В связи с этим в доктрине сложилось два подхода к определению понятия ГЧП, в широком и в узком смыслах [13, с. 91].

Основным законодательным актом, регулирующим ГЧП в России, является Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно этому закону, «государственно-частное партнерство – это юридически оформленное на определенный срок сотрудничество между публичным партнером и частным партнером, основанное на объединении их ресурсов для реализации проекта в сфере ГЧП» [15].

Кроме того, важным документом является Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Этот закон регулирует отношения, возникающие в связи с подготовкой, заключением и исполнением концессионных соглашений, в которых одной из сторон является государственный или муниципальный орган, а другой – частная компания.

О том, какое значение для экономического развития нашего государства имеет ГЧП, свидетельствуют подходы федеральных органов исполнительной власти к этому вопросу [16]. Анализируя отраслевое законодательство, можно увидеть, что одной из целей является развитие ГЧП. В качестве примера можно привести ст. 16.1 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», в которой одним из принципов государственной поддержки инновационной деятельности является приоритетное использование рыночных инструментов и инструментов ГЧП для стимулирования инновационной деятельности.

Нематериальные активы в проектной деятельности государственно-частного партнерства рассматриваются через призму как гражданского, так и налогового права, что формирует совокупность критериев их отнесения к НМА.

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (статья 128 ГК РФ) ключевые признаки нематериальных активов – нематериальность, идентифицируемость и способность приносить экономические выгоды. Налоговое признание НМА дополнительно зависит от возможности отражения в бухгалтерском учёте и соответствия критериям признания актива для целей налогообложения (статья 257 НК РФ).

К типичным объектам НМА относятся исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, программное обеспечение, базы данных и иные нематериальные ценности, имеющие экономическую полезность (статья 1225 ГК РФ). Такое двойственное регулирование требует согласования подходов при формировании проектных договоров и оценке активов.

В проектных договорах важно разграничивать интеллектуальные права, коммерческую тайну и деловую репутацию из-за различий в правовом режиме и способах защиты. Исключительные права (статья 1231 ГК РФ) характеризуются возможностью государственной регистрации и отчуждения. Коммерческая тайна защищается режимом конфиденциальности и внутренними мерами безопасности (статья 1461 ГК РФ). Деловая репутация – нематериальный актив, который трудно формально оценить и передать.

Ограничения на оборот могут проявляться в виде запретов на отчуждение, требований согласования передачи прав и специальных условий доступа. Эти меры помогают достичь баланса между защитой общественных интересов и экономической целесообразностью использования активов частным партнером.

Для того чтобы частный партнер мог эффективно использовать НМА, часто применяются долговременные лицензионные соглашения, целевые договоры об уступке прав и соглашения, обеспечивающие доступ в рамках концессионных или других проектных соглашений (статья 11 Закона о концессионных соглашениях). Эти правовые механизмы комбинируются с процедурой регистрации и надзора для повышения правовой определенности в проектной структуре. Юридическая соподчиненность прав на НМА в проектной структуре требует четкого разграничения прав заказчика, инвестора и оператора по исключительным и неисключительным правам. Чаще всего заказчик сохраняет фоновые права и задает рамки использования, инвестор формирует и финансирует создание новых НМА, а оператор получает лицензионные или иные права, необходимые для исполнения эксплуатационных функций. Механизмы обеспечения исполнения обязательств с использованием НМА включают целевое закрепление прав в договоре, внесение прав в залог (статья 334 ГК РФ), а также установление последовательности перехода прав при невыполнении обязательств. Такое распределение прав и гарантий снижает правовые риски и способствует реализации инвестиционных целей в рамках ГЧП.

Важнейшей проблемой является налоговая квалификация доходов и затрат, связанных с нематериальными активами в проектах ГЧП, поскольку она определяет порядок отражения выручки и расходов в целях налогообложения прибыли. Приобретение и создание НМА по-разному влияют на налоговую базу: затраты на создание чаще капитализируются и включаются в амортизационную базу, тогда как некоторые расходы на приобретение могут признаваться единовременно в зависимости от правовой природы операций. Дискуссионным остается момент признания выручки при передаче прав на НМА в рамках проектных конструкций ГЧП, что требует согласованности между условиями договора и налоговыми критериями признания дохода. Особенности признания расходов на приобретение и создание НМА оказывают непосредственное влияние на расчет налогооблагаемой прибыли и на экономическую привлекательность инвестиций в НМА в договорах ГЧП. Налоговое признание инвестиционных затрат зависит от юридической формы прав на активы и от наличия документального подтверждения, что создает налоговые артефакты при реструктурировании проектных прав. В результате отсутствие единообразных подходов к квалификации приводит к неоднородности налоговых результатов между сторонами проекта и усложняет прогнозирование налоговых обязательств.

Пробелы налогового регулирования создают риск двойного налогообложения и налоговой неопределенности в проектах государственно-частного партнерства при отсутствии специальных правил распределения налогооблагаемой базы по совместным проектам (Налоговый кодекс Российской Федерации, статья 7).

Согласно статье 6 Налогового кодекса, налоговые льготы должны быть четко прописаны и применимы к конкретным условиям, что в текущей ситуации не выполняется. Часто низкая популярность налоговых льгот вообще и инновационных инструментов в частности кроется не столько в неэффективности самих этих механизмов, сколько в общих несовершенствах налоговой системы и бизнес-климата, административных сложностях получения прав на льготу и т.п. Это делает получение льготы или отставание прав на нее крайне затратным и поэтому невыгодным для предпринимателя [8, с.61]. В итоге, без установления специальных правил и процедур привязки льгот к конкретным проектам, риск фискальных потерь и неопределенности для инвесторов останется высоким, что противоречит принципам налогового регулирования, установленным в Налоговом кодексе.

В результате предыдущего анализа выявлены системные разрывы между общим налоговым регулированием и практикой учёта нематериальных активов в долгосрочных проектах ГЧП, что отражается на амортизационной политике участников. Нормативно закреплены налоговые сроки и методы амортизации НМА, однако их применение в условиях разнотипных договорных конструкций создает сложность согласования с инвестиционными графиками концессий и других форм ГЧП.

В зарубежных юрисдикциях реализуются разнообразные системы налоговых льгот для инвестиций в нематериальные активы, которые включают R&D tax credits (налоговые кредиты на научные исследования и разработки), налоговые вычеты и освобождения от налога на прибыль. Термин R&D (Research and Development) обозначает научные исследования и разработки, направленные на создание новых или улучшение существующих продуктов, процессов или услуг.

Например, в Великобритании действует режим R&D tax relief, который регулируется Налоговым кодексом (Corporation Tax Act 2009) и позволяет компаниям получать налоговые кредиты на расходы, связанные с научными исследованиями и разработками. В Австралии аналогичные льготы предусмотрены в рамках программы R&D Tax Incentive, регулируемой Налоговым законодательством (Income Tax Assessment Act 1997), которая предлагает возмещаемые и невозмещаемые кредиты для квалифицированных расходов на НИОКР.

Налоговое регулирование в этой области часто основывается на таких критериях, как технологическая новизна, целевое назначение расходов и наличие отчетности о результатах НИОКР. В странах Европейского Союза, например, во Франции и Германии, налоговые льготы также зависят от наличия отчетов о результатах исследований и разработок, что регулируется как национальными налоговыми кодексами, так и директивами ЕС.

В США налоговое законодательство (Internal Revenue Code) позволяет компаниям применять ускоренную амортизацию к нематериальным активам. Это снижает текущую налогооблагаемую базу и повышает внутреннюю норму доходности проектов.

Параметры таких режимов определяются сроками признания НМА в налоговом учете, правилами определения полезного срока службы и пороговыми значениями капитализации, что создает различия между налоговым и бухгалтерским учетом.

Юридические барьеры и институциональная совместимость включают проблемы установления права собственности на нематериальные активы, их отчуждения и обеспечения, что прямо влияет на инвестиционную привлекательность проектов ГЧП. Отсутствие единых подходов к идентификации и регистрации НМА порождает неопределенность в применении режимов передачи прав и в возможности использования НМА в качестве залога.

Поэтому при проектировании налоговых льгот важно учитывать механизмы обратной связи и защитные нормы, которые помогут согласовать стимулы с базой налогообложения.

Контрактные и риск-распределительные механизмы ГЧП по НМА предполагают детальное распределение прав, ответственности и доходов в долгосрочных соглашениях с учётом жизненного цикла актива и этапов его эксплуатации. «Партнерские финансово-правовые механизмы довольно гибкие, так как позволяют инвестору участвовать, например, в строительстве, но не участвовать в эксплуатации; осуществлять эксплуатацию, но не в техническом обслуживании; передавать объект на праве частной собственности снова публичному партнеру и в дальнейшем арендовать на длительный срок этот же объект [7, с.157].» Такая гибкость требует от договоров ГЧП четкого закрепления прав на использование, передачи и возвращения НМА, а также механизмов разграничения обязанностей по техническому обслуживанию и коммерческой эксплуатации. Учитывая особенности национального договорного права, соглашения должны содержать ясные триггеры перехода рисков, способы разрешения споров и гарантии воспроизводимости доходов для частного партнера.

Правовое регулирование перехода исключительных и неисключительных прав на НМА в договорах ГЧП должно включать типовые положения о форс-мажорных и условных переходах прав с четкой налоговой квалификацией операций.

Необходима комплексная корректировка как налогового, так и гражданско-правового регулирования для точного определения и признания нематериальных активов в рамках государственно-частного партнерства.

Для эффективного функционирования государственно-частного партнерства (ГЧП) необходимо внести изменения как в налоговое, так и в гражданско-правовое регулирование, чтобы четко определить и признать нематериальные активы (НМА). Критерии для их признания должны включать возможность идентификации актива, наличие прав на его использование и ожидание получения экономических выгод.

Это соответствует требованиям статьи 257 Гражданского кодекса Российской Федерации, где подчеркивается, что нематериальные активы должны быть идентифицируемыми и использоваться для получения прибыли.

Согласование определений в этих двух областях права поможет устранить несоответствия в правовом статусе НМА и обеспечит сопоставимость результатов бухгалтерского и налогового учета.

Кроме того, правила перехода исключительных прав требуют четкого определения момента передачи прав, необходимых процедур государственной регистрации (если это требуется) и последствий для налоговой базы сторон.

«В отличие от прочих видов взаимодействия, когда органы власти отвечают почти за все этапы алгоритма (с выборочным привлечением частного сектора) при реализации проекта ГЧП, государство оставляет за собой только стратегические функции по целеполаганию и разработке мер по достижению этих целей. Остальные этапы передаются частному инвестору, выбранному на конкурсной основе» [10, с.197]. Такое перераспределение функций требует корректировки договорной практики в части распределения рисков и прав на результаты интеллектуальной деятельности. Конкретизация сроков и условий передачи прав, а также включение механизмов налоговой ответственности и гарантий для частного партнёра должны быть закреплены в договоре ГЧП для обеспечения правовой защиты и предсказуемости взаимодействия сторон.

Для повышения правовой предсказуемости необходима унификация судебной и арбитражной практики по спорам, связанным с НМА в ГЧП, а также разработка специальных методических указаний для судов и налоговых органов. Введение заранее доступных административных позиций и процедур предварительного налогового оформления позволит инвесторам получать устойчивые правовые сигналы до совершения значимых экономических решений. Комплекс таких мер будет способствовать снижению правовой неопределённости, уменьшению числа споров и повышению инвестиционной привлекательности проектов, включающих нематериальные активы.

Для минимизации рисков разрабатываются инструменты, предусматривающие временные и объёмные лимиты льгот, механизмы возврата преференций (clawback) и тесты экономической сущности. «Прямое участие государства в финансировании инновационных процессов увеличивает нагрузку на бюджет, поэтому эффективность механизма финансирования должна базироваться на использовании диверсифицированного инструментария государственной поддержки, с учетом мирового опыта и национальных особенностей деятельности отечественных предприятий. С этой целью для аккумулирования дополнительных средств целесообразно внедрить распределительные механизмы, которые обеспечивали бы перераспределение финансовых ресурсов из сверхприбыльных секторов (торговля недвижимостью и предметами роскоши, развлекательные услуги) в фонды поддержки инноваций [6, с.122].» Условные налоговые стимулы, привязанные к результатам инвестиций, дополняют перечисленные меры и обеспечивают выравнивание интересов государства и частного партнёра.

Недавнее исследование показало, что в нашей налогово-правовой практике есть серьезные несоответствия, которые мешают привлечению частных инвестиций в нематериальные активы в рамках проектов государственно-частного партнерства.

Литература

1. Борисов О.И. Эффективность налогового стимулирования долгосрочных сбережений физических лиц // Финансовый журнал. – 2026. – № 1. – С. 113–130.
2. Дружков К.В., Еремин В.Л. Государственно-частное партнерство – актуальная форма реализации инфраструктурных проектов // Экономика и математические методы. – 2018. – № 4. – С. 111–115.
3. Киселева О.В., Мокроусов А.С. Комплексная оценка эффективности налоговых льгот для субъектов инновационной деятельности // Бизнес. Образование. Право. Вестник волгоградского института бизнеса. – 2018. – № 4. – С. 130–134.
4. Козлова Е.В. Современные формы реализации государственно-частного партнерства в инновационной сфере // Науковедение. – 2013. – № 5. – С. 1–4.
5. Комова Н.Д., Тяпкина А.С., Лихвойнен А.В. и др. Территории с преференциальным налоговым режимом: преимущества и недостатки, анализ тенденций развития в России // Вестник алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 8. – С. 140–144.
6. Кравченко Л.А. Государственно-частное партнерство как механизм активизации использования инновационного потенциала // Ученые записки Таврического национального университета имени

В.И. Вернадского. Серия «Экономика и управление». – 2012. – № 3. – С. 118–127.

7. Правкин С.А. Особенности инвестиционного механизма обеспечения исполнения соглашений о государственно-частном партнерстве в транспортной сфере // Транспортное право и безопасность. – 2025. – № 4. – С. 154–167.

8. Суслина А.Л., Леухин Р.С. Работает ли налоговое стимулирование инноваций? Оценка эффективности в России и в мире // Финансовый журнал. – 2018. – № 5. – С. 58–69.

9. Тихонова А.В., Акулов А.Я. Зарубежный опыт налогового стимулирования инвестиций в человеческий капитал // ЭКО. – 2024. – № 3. – С. 184–204.

10. Трынов А.В. Предпосылки возникновения и принципы реализации проектов государственно-частного партнерства в России // Журнал экономической теории. – 2014. – № 4. – С. 192–196.

11. Фокина А.Н. Особенности современных цифровых сервисов, используемых в рамках деятельности межрайонных налоговых органов // Экономика и социум. – 2022. – № 10. – С. 2–6.

12. Шор И.М. Многокритериальная классификация форм государственно-частного партнерства // Вестник НГУЭУ. – 2023. – № 3. – С. 154–166.

13. Яченко СС, Альпидовская МЛ. Подходы к определению сущности понятия «государственно-частное партнерство»: российская практика. // Экономика устойчивого развития. 2019;3(39);91–93.

14. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // «Собрание законодательства РФ», 24.11.2008, № 47, ст. 5489.

15. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // «Российская газета», № 156, 17.07.2015, «Собрание законодательства РФ», 20.07.2015, № 29 (часть I), ст. 4350.

16. Поручение Президента Российской Федерации В.В. Путина от 29.02.2024 № Пр-616.

TAX-LEGAL MECHANISMS FOR STIMULATING INVESTMENTS IN INTANGIBLE ASSETS WITHIN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS

Balandin D.V.

Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development

This work is devoted to the study of tax-legal regulation of investments in intangible assets within public-private partnerships (PPP). The analysis focuses on gaps in current tax norms regarding the valuation, amortization, and taxation of intangible assets (licenses, software, know-how, trademarks) in PPP projects. The study examines risks of double taxation, opaque distribution of tax benefits between public and private partners, and foreign experience in stimulating investments in innovative assets. Based on comparative legal and interdisciplinary (legal, economic, and fiscal) analysis, model tax-legal mechanisms have been developed: special amortization regimes, tax incentives, tax credits, and contractual provisions for benefit distribution, aimed at enhancing the investment attractiveness of intangible assets without reducing the state budget's revenue base.

Keywords: public-private partnership, intangible assets, investments, taxation of intangible assets, tax incentives, amortization of intangible assets, tax regulation, innovation economy, concession agreements.

References

1. Borisov O.I. The effectiveness of tax incentives for long-term savings of individuals // Financial Journal. – 2026. – No. 1. – pp. 113–130.
2. Druzhkov K.V., Eremin V.L. Public-private partnership – an actual form of implementation of infrastructure projects // Economics and mathematical methods. – 2018. – No. 4. – pp. 111–115.
3. Kiseleva O.V., Mokrousov A.S. A comprehensive assessment of the effectiveness of tax benefits for subjects of innovative activity // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. – 2018. – No. 4. – pp. 130–134.
4. Kozlova E.V. Modern forms of implementation of public-private partnership in the innovation sphere // Science Studies. – 2013. – No. 5. – pp. 1–4.
5. Komova N.D., Tyapkina A.S., Likhvoinen A.V. and others. Territories with preferential tax treatment: advantages and disadvantages, analysis of development trends in Russia // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2021. – No. 8. – pp. 140–144.
6. Kravchenko L.A. Public-private partnership as a mechanism for enhancing the use of innovative potential // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Tauride National University. The series «Economics and Management». – 2012. – No. 3. – pp. 118–127.
7. Pravkin S.A. Features of the investment mechanism for ensuring the implementation of public-private partnership agreements in the transport sector // Transport law and Security. – 2025. – No. 4. – pp. 154–167.

8. Suslina A.L., Leukhin R.S. Does tax incentives for innovation work? Efficiency assessment in Russia and in the world // Financial Journal, 2018, No. 5, pp. 58–69.

9. Tikhonova A.V., Akulov A. Ya. Foreign experience of tax incentives for investments in human capital // ECO. – 2024. – No. 3. – pp. 184–204.

10. Trynov A.V. Prerequisites for the emergence and principles of the implementation of public-private partnership projects in Russia // Journal of Economic Theory. – 2014. – No. 4. – pp. 192–196.

11. Fokina A.N. Features of modern digital services used in the framework of the activities of interdistrict tax authorities // Economics and society. – 2022. – No. 10. – pp. 2–6.

12. Shor I.M. Multicriteria classification of forms of public-private partnership // Bulletin of the NGUEA. – 2023. – No. 3. – pp. 154–166.

13. Jacechko S.S., Alpidovskaya J.R. Approaches to defining the essence of the concept of “public-private partnership”: Russian practice. // Economics of sustainable development. 2019;3(39);91–93.

14. Decree of the Government of the Russian Federation dated 17.11.2008 N 1662-r “On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020” (together with the “Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020”) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 24.11.2008, No. 47, art. 5489.

15. Federal Law No. 224-FZ dated July 13, 2015 “On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended on December 28, 2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 156, 07/17/2015, Sbornik Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 07/20/2015, No. 29 (Part I), article 4350.

16. Order of the President of the Russian Federation V.V. Putin dated 02/29/2024 No. Pr-616.

Валевская Ангелина Анатольевна,

канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: a.valevskaya@yandex.ru

Концепция ESG (Environmental, Social, Governance) за последнее десятилетие трансформировалась из добровольной корпоративной инициативы в систему нормативных требований, предъявляемых к публичным компаниям и их органам управления. В Европейском союзе этот процесс прошел полный цикл: Директива о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (Corporate Sustainability Reporting Directive, CSRD), вступившая в силу 5 января 2023 года, распространила обязательные требования к ESG-раскрытию на 50 тыс. компаний [11], однако уже 26 февраля 2026 года была существенно скорректирована Директивой (EU) 2026/470 (Omnibus I), сократившей периметр обязательной отчетности до компаний с численностью свыше 1 000 сотрудников и оборотом более 450 млн евро [12]. В России аналогичный процесс находится на стадии становления: в сентябре 2024 года Московская биржа ввела обязательные требования к нефинансовой отчетности для эмитентов первого и второго уровня листинга [7], а в декабре 2025 года Банк России опубликовал проект положения об обязательном раскрытии нефинансовых показателей с вступлением в силу 1 октября 2026 года [1].

В этих условиях вопрос о том, каким образом ESG-принципы формируют обязанности контролирующих лиц хозяйственных обществ – мажоритарных акционеров, членов советов директоров, исполнительных органов – приобретает прикладное значение для российского корпоративного права. Предметом анализа выступает влияние ESG-повестки на правовое содержание обязанностей контролирующих лиц с учетом как российского, так и европейского регуляторного опыта, включая недавний пересмотр требований CSRD.

Ключевые слова: Концепция ESG, ESG-принципы, российское законодательство.

ESG как правовая категория: от рекомендаций к обязанностям

Аббревиатура ESG охватывает три группы факторов, учитываемых при оценке деятельности компании: экологические (Environmental), социальные (Social) и управленческие (Governance). Управленческая компонента (G) непосредственно затрагивает корпоративное право: она включает прозрачность структуры собственности, качество работы совета директоров, защиту прав миноритарных акционеров, противодействие коррупции и конфликтам интересов [8]. И.С. Шиткина подчеркивает, что стандарт добросовестности и разумности в корпоративном праве не является статичным: его содержание эволюционирует вместе с правоприменительной практикой и ожиданиями рынка [4, с. 198]. Именно эта эволюция обуславливает постепенную интеграцию ESG-факторов в систему обязанностей контролирующих лиц.

Правовой статус ESG-принципов в России на протяжении 2021–2024 годов определялся документами рекомендательного характера. Информационное письмо Банка России от 12.07.2021 № ИН-06–28/49 рекомендовало публичным акционерным обществам раскрывать нефинансовую информацию о факторах, связанных с окружающей средой, обществом и корпоративным управлением [3]. Методические рекомендации Минэкономразвития России по подготовке отчетности об устойчивом развитии, утвержденные приказом № 764 в ноябре 2023 года, адресовали аналогичные предписания государственным, публичным и крупным компаниям с выручкой от 10 млрд рублей [6]. Ни один из этих документов не имел юридической обязательности.

Ситуация начала меняться в 2024–2025 годах. Московская биржа 24 сентября 2024 года внесла изменения в правила листинга, обязав эмитентов первого и второго уровня включать нефинансовую информацию в годовую отчетность, а последствия за нераскрытие установила начиная с отчетности за 2026 год [7]. Банк России в декабре 2025 года вынес на общественное обсуждение проект положения, предусматривающий обязательное раскрытие примерно 30 базовых нефинансовых показателей в отчете эмитента за 12 месяцев, в том числе в машиночитаемом формате XBRL, с вступлением в силу 1 октября 2026 года [1]. Переход от рекомендаций к обязательности означает, что контролирующие лица эмитентов – члены совета директоров, утверждающие отчет, и мажоритарные акционеры, определяющие корпоративную политику – становятся субъектами правовых обязанностей, связанных с ESG-раскрытием.

Обязанности членов совета директоров и исполнительных органов

Действующее российское законодательство устанавливает обязанности членов органов управления хозяйственного общества в общей форме. Пункт 3 ст. 53 ГК РФ требует, чтобы лицо, выступающее от имени юридического лица, действовало в его интересах добросовестно и разумно [2]. Статья 71 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) конкретизирует, что члены совета директоров и исполнительного органа несут ответственность перед обществом за убытки, причиненные виновными действиями или бездействием [9]. Б.С. Батаева и И.Н. Кашапов на основе эмпирического анализа российских публичных компаний за 2019–2023 годы показали, что соблюдение рекомендаций Кодекса корпоративного управления, включая ESG-раскрытие и обеспечение независимости совета директоров, положительно коррелирует со стоимостью компании [5].

ESG-повестка расширяет содержание стандарта добросовестности. Если ранее добросовестность и разумность оценивались преимущественно через призму финансовых результатов, то интеграция ESG-факторов требует от членов совета директоров учета экологических рисков, социальных последствий деятельности компании и качества корпоративного управления при принятии стратегических решений. Верховный Суд Российской Федерации в практике 2024–2025 годов последовательно указывает на обязанность собственника проявлять интерес к судьбе своих вложений, проверять легитимность управленческих решений и контролировать их [8]. Этот подход, будучи развит в контексте ESG, означает, что контролирующее лицо, игнорирующее существенные ESG-риски компании (например, экологические санкции или нарушения трудового законодательства), может быть признано действующим неразумно в смысле п. 3 ст. 53.1 ГК РФ [2].

Обязанности мажоритарных участников как контролирующих лиц

Контролирующее лицо, определяющее деятельность юридического лица (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ), несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу [2]. В контексте ESG эта обязанность приобретает дополнительное измерение: мажоритарный участник, принимающий решение о корпоративной стратегии, обязан учитывать ESG-факторы не только как репутационные, но и как правовые риски. Конкретным проявлением этой обязанности становится ответственность за организацию нефинансовой отчетности.

По мере перехода ESG-раскрытия из рекомендательной плоскости в обязательную контролирующее лицо, принявшее решение об отказе от подготовки или о фальсификации нефинансовой отчетности, рискует быть привлеченным к ответственности за убытки, причиненные обществу, в том числе в виде штрафов регулятора, исключения из котировального списка или утраты инвестиционной привлекательности. В доктрине корпоративного права отмечается, что при наличии пробелов в законодательстве в отношении учета ESG решение о принятии соответствующих действий остается на усмотрение самого собственника [8]. Этот вывод подтверждает, что именно мажоритарный участник как контролирующее лицо определяет ESG-политику компании и несет ассоциированные с ней правовые риски. Совместное исследование Банка России и ESG Альянса (2025), проведенное на данных 2020–2024 годов по семи эмитентам из пяти секторов, подтвердило наличие корреляций между финансовыми и нефинансовыми показателями [10], что дает эмпирическое обоснование для интеграции ESG-факторов в стандарт добросовестности контролирующих лиц.

Европейский опыт: от расширения к упрощению ESG-обязанностей

Опыт Европейского союза демонстрирует нелинейность процесса формирования ESG-обязанностей. Директива CSRD (Directive 2022/2464), принятая в декабре 2022 года, установила масштабные требования к нефинансовой отчетности по стандартам ESRS (European Sustainability Reporting Standards), включающим 12 тематических стандартов [11]. Наблюдательные советы и аудиторские комитеты были наделены ответственностью за контроль достоверности отчетности, а сама отчетность должна была подлежать обязательной внешней верификации [11]. По данным глобального исследования KPMG (2024), более половины компаний из списка G250 уже имеют в совете директоров ответственного за вопросы устойчивого развития, а около 40% компаний учитывают ESG-факторы при определении вознаграждения топ-менеджмента [14].

Однако масштаб требований вызвал обратную реакцию бизнеса. 14 апреля 2025 года ЕС принял Директиву «Stop-the-Clock» (Directive (EU) 2025/794), отложившую на два года применение CSRD для компаний второй и третьей волны [12]. А 26 февраля 2026 года в Official Journal ЕС была опубликована Директива (EU) 2026/470 (Omnibus I), радикально сократившая периметр обязательной ESG-отчетности: порог повышен с 250 до 1 000 сотрудников и 450 млн евро оборота, секторная отчетность стала добровольной, обязанность разрабатывать план климатического перехода исключена из CSDDD, а компаниям с численностью менее 1 000 человек запрещено перекладывать на себя информационные запросы крупных контрагентов [12]. Европейский парламент одобрил пакет 16 декабря 2025 года, Совет ЕС — 24 февраля 2026 года [12].

Этот разворот показал, что чрезмерно широкий охват ESG-обязанностей оказался контрпродуктивным: вместо повышения прозрачности он создал избыточную регуляторную нагрузку, особенно для среднего бизнеса. Для России этот опыт ценен тем, что позволяет выстроить ESG-регулирование с учетом европейских ошибок, сосредоточив обязанности на крупнейших эмитентах и избежав распространения требований на компании, не готовые к их выполнению.

Проблемы и пробелы российского регулирования

Российское законодательство содержит ряд пробелов, затрудняющих формирование полноценной системы ESG-обязанностей контролирующих лиц. Закон о нефинансовой отчетности, проект которого Минэкономразвития подготовило в 2021–2022 годах, до сих пор не внесен в Государственную Думу [3]. Рекомендации Банка России от 12.07.2021 сыграли роль отправной точки, но не создали правовых оснований для привлечения к ответственности за их несоблюдение. Проект положения Банка России об обязательном раскрытии нефинансовых показателей (декабрь 2025) направлен на устранение этого пробела, однако его вступление в силу намечено лишь на 1 октября 2026 года [1], а последствия за нераскрытие информации Московской биржей установлены с отчетности за 2026 год [7].

Отсутствие специальной нормы о персональной ответственности членов совета директоров за достоверность нефинансовой отчетности составляет второй значимый пробел. Статья 71 Закона об АО устанавливает общую ответственность за убытки, но не содержит прямого указания на ESG-отчетность как объект контроля со стороны органов управления [9]. В первоначальной редакции CSRD ЕС прямо возлагал на наблюдательные советы обязанность контролировать подготовку отчетности по устойчивому развитию [11], и хотя Omnibus I смягчил ряд процедурных требований, сама конструкция ответственности органов управления за нефинансовую отчетность сохранена [12]. Введение аналогичной нормы в российское законодательство создало бы правовые основания для персональной ответственности контролирующих лиц.

Третий пробел связан с отсутствием механизма принуждения к учету ESG-факторов при принятии управленческих решений. Действующие нормы ГК РФ о добросовестности и разумности (п. 3 ст. 53, п. 3 ст. 53.1) сформулированы как общие стандарты поведения и не содержат указания на ESG [2]. Международный совет по стандартам устойчивого развития (ISSB при IFRS) в 2023 году выпустил стандарты IFRS S1 и S2, направленные на унификацию ESG-отчетности в глобальном масштабе [13], а Минэкономразвития при разработке проекта Стандарта отчетности об устойчивом развитии (2024) ориентировалось на их методологию [6]. Однако ни один из этих документов не затрагивает корпоративно-правовую ответственность контролирующих лиц за игнорирование нефинансовых рисков.

Направления совершенствования правового регулирования

Анализ российского регулирования и европейского опыта, включая урок Omnibus I, позволяет обозначить направления правового развития. Принятие федерального закона о нефинансовой отчетности, проект которого обсуждается с 2017 года, придало бы системность разрозненным нормам и закрепило бы ESG-раскрытие как правовую обязанность, а не корпоративную опцию. При этом европейский опыт показывает, что периметр обязательной отчетности целесообразно ограничить крупнейшими эмитентами: откат CSRD через Omnibus I стал следствием завышенных ожиданий в отношении среднего бизнеса.

Одновременно целесообразно дополнить Закон об АО нормой, прямо возлагающей на совет директоров обязанность контролировать подготовку нефинансовой отчетности, что создаст основания для персональной ответственности за ее достоверность. Законодатель также следует конкретизировать стандарт добросовестности и разумности контролирующих лиц применительно к ESG-факторам. Модельным решением мог бы стать пункт в ст. 71 Закона об АО, указывающий, что при оценке добросовестности и разумности действий членов органов управления учитывается, принимались ли во внимание существенные экологические, социальные и управленческие риски деятельности общества. Подобная формулировка не обязывала бы к конкретным ESG-действиям, но установила бы правовой стандарт, ориентирующий практику.

Обязанности контролирующих лиц в ESG-контексте регулируются фрагментарно. Общие нормы ГК РФ о добросовестности и разумности применимы, но недостаточны для формирования устойчивой правоприменительной практики. Проект положения Банка России об обязательной нефинансовой отчетности (вступление в силу 1 октября 2026 года) и требования Московской биржи к эмитентам первого и второго уровня листинга означают переход от рекомендательной модели к обязательной. Европейский опыт, прошедший за три года путь от максимально широкого охвата CSRD до его существенного сужения через Omnibus I, свидетельствует о необходимости взвешенного подхода к определению периметра ESG-обязанностей. Россия, выстраивающая собственную модель регулирования, имеет возможность учесть этот опыт и сформировать систему, в которой персональная ответственность контролирующих лиц за учет нефинансовых рисков будет сочетаться с реалистичным масштабом предъявляемых требований.

Литература

1. Банк России: проект положения об обязательной нефинансовой отчетности // ИНФРАГРИН. 2025. 19 дек. [электронный ресурс] — URL: <https://infragreen.ru/bank-rossii-opublikovan-proiekt-polozhieniia-ob-obiazatelnnoi-niefinansovoi-otchetnosti/> (дата обращения 29.03.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Информационное письмо Банка России от 12.07.2021 № ИН-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными

обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ» // Вестник Банка России. 2021. № 44.

4. Корпоративное право: учебный курс. В 6 т. Т. 1 / отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2025. 522 с.

5. Батаева Б.С., Кашапов И.Н. Взаимосвязь между соблюдением рекомендаций Кодекса корпоративного управления и стоимостью российских публичных компаний // Управленец. 2025. Т. 16. № 5. С. 18–32.

6. Методические рекомендации по подготовке отчетности об устойчивом развитии: утв. приказом Минэкономразвития России от 01.11.2023 № 764.

7. Московская биржа: правила листинга (ред. от 24.09.2024). Раздел о раскрытии нефинансовой информации эмитентами первого и второго уровня листинга // moex.com.

8. Социализация корпоративного управления // Правовой портал «Квадро Плюс». 2025. 30 июля. [электронный ресурс] – URL: <https://kvadroplus.com/2025/07/30/6-socializaciya-korporativnogo-upravleniya/> (дата обращения 29.03.2026).

9. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

10. ESG Альянс, Банк России. Исследование корреляций финансовых и нефинансовых показателей (2020–2024). 2025 // infragreen.ru.

11. Directive (EU) 2022/2464 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 (CSRD) // Official Journal of the European Union. L 322. 2022. 16 December. P. 15–80.

12. Directive (EU) 2026/470 of the European Parliament and of the Council of 24 February 2026 amending Directives 2006/43/EC, 2013/34/EU, (EU) 2022/2464 and (EU) 2024/1760 (Omnibus I) // Official Journal of the European Union. 2026. 26 February.

13. IFRS Foundation. IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information; IFRS S2 Climate-related Disclosures. London: IFRS Foundation, 2023.

14. KPMG. Survey of Sustainability Reporting 2024. Amsterdam: KPMG International, 2024. 72 p.

ESG PRINCIPLES AND THE RESPONSIBILITIES OF CONTROLLING PARTIES: NEW TRENDS IN CORPORATE LAW

Valevskaya A.A.

Saratov State Law Academy

Over the past decade, the concept of ESG (Environmental, Social, Governance) has evolved from a voluntary corporate initiative into a system of regulatory requirements for public companies and their governing bodies. In the European Union, this process has come full circle: the Corporate Sustainability Reporting Directive (CSRD), which entered into force on January 5, 2023, extended mandatory ESG disclosure requirements to 50,000 companies [11], but on February 26, 2026, it was significantly adjusted by Directive (EU) 2026/470 (Omnibus I), which reduced the scope of mandatory reporting to companies with over 1,000 employees and a turnover of over €450 million [12]. In Russia, a similar process is in

the developmental stage: in September 2024, the Moscow Exchange introduced mandatory non-financial reporting requirements for issuers of the first and second levels of listing [7], and in December 2025, the Bank of Russia published a draft regulation on the mandatory disclosure of non-financial indicators, with entry into force on October 1, 2026 [1].

Under these circumstances, the question of how ESG principles shape the responsibilities of controlling persons of business entities—majority shareholders, board members, and executive bodies—is of practical importance for Russian corporate law. The analysis examines the impact of the ESG agenda on the legal content of the responsibilities of controlling persons, taking into account both Russian and European regulatory experience, including the recent revision of the CSRD requirements.

Keywords: ESG concept, ESG principles, Russian legislation.

References

1. Bank of Russia: draft regulation on mandatory non-financial reporting // INFRA-GREEN. 2025. December 19. [electronic resource] – URL: <https://infragreen.ru/bank-rossii-opublikovan-proiekt-polozheniia-ob-obiazatelnoi-niefinansovoi-otchetnosti/> (accessed March 29, 2026).

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 3. Art. 3301.

3. Information Letter of the Bank of Russia dated July 12, 2021, No. IN-06-28/49 “On Recommendations for Disclosure by Public Joint-Stock Companies of Non-Financial Information Related to the Activities of Such Companies” // Bank of Russia Bulletin. 2021. No. 44.

4. Corporate Law: A Training Course. In 6 volumes. Vol. 1 / Ed. I.S. Shitkina. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Statut, 2025. 522 p.

5. Bataeva B.S., Kashapov I.N. The Relationship Between Compliance with the Recommendations of the Corporate Governance Code and the Value of Russian Public Companies // Manager. 2025. Vol. 16. No. 5. pp. 18–32.

6. Methodological recommendations for the preparation of sustainability reports: approved by Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 01.11.2023 No. 764.

7. Moscow Exchange: Listing Rules (as amended on 24.09.2024). Section on the disclosure of non-financial information by issuers of the first and second listing levels // moex.com.

8. Socialization of corporate governance // Legal portal “Quadro Plus”. 2025. July 30. [electronic resource] – URL: <https://kvadroplus.com/2025/07/30/6-socializaciya-korporativnogo-upravleniya/> (date of access 29.03.2026).

9. Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ (as amended on 08.08.2024) “On Joint-Stock Companies” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 1. Art. 1.

10. ESG Alliance, Bank of Russia. Study of Correlations of Financial and Non-Financial Indicators (2020–2024). 2025 // infragreen.ru.

11. Directive (EU) 2022/2464 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 (CSRD) // Official Journal of the European Union. L 322. 2022. 16 December. P. 15–80.

12. Directive (EU) 2026/470 of the European Parliament and of the Council of 24 February 2026 amending Directives 2006/43/EC, 2013/34/EU, (EU) 2022/2464 and (EU) 2024/1760 (Omnibus I) // Official Journal of the European Union. 2026. 26 February.

13. IFRS Foundation. IFRS S1 General Requirements for Disclosure of Sustainability-related Financial Information; IFRS S2 Climate-related Disclosures. London: IFRS Foundation, 2023.

14. KPMG. Survey of Sustainability Reporting 2024. Amsterdam: KPMG International, 2024. 72 p.

Веденеева Ирина Сергеевна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: ir2922@mail.ru

Статья посвящена анализу института принудительного лицензирования применительно к объектам авторского права, в частности к программам для ЭВМ. На основе международных договоров (Бернская конвенция, Соглашение ТРИПС), российского законодательства и законопроекта № 184016–8 рассматриваются условия, пределы и проблемы введения принудительного лицензирования для правообладателей из недружественных стран. Исследуются проблемы и недостатки законопроекта, связанные с техническими средствами защиты авторских прав и обратным инжинирингом, а также риски замедления импортозамещения и ответных санкций. Анализируется судебная практика российских судов по лицензионным спорам в условиях санкций, свидетельствующая об отказе признавать санкционные ограничения форс-мажором. Проводится сравнительно-правовой анализ моделей принудительного лицензирования в США (статутные лицензии) и Германии (доктрина Orange-Book-Standard, авторско-правовая принудительная лицензия). На основе проведенного исследования предлагаются конкретные корректировки правового механизма, включая легализацию обхода технических средств защиты, проверку наличия российских аналогов и установление фиксированного срока действия лицензии.

Ключевые слова: принудительная лицензия, авторское право, программное обеспечение, недружественные страны, импортозамещение, технические средства защиты, обратный инжиниринг, Бернская конвенция, законопроект № 184016–8.

Институт принудительного лицензирования традиционно ассоциируется с патентным правом, где он прямо предусмотрен статьей 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности (1883 г.) и статьей 31 Соглашения ТРИПС (1994 г.). В авторском праве международные акты (Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г., Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г.) не используют термин «принудительная лицензия», однако допускают ограничения исключительных прав в «отдельных случаях» при условии, что они не нарушают нормальную эксплуатацию произведения и не ущемляют законные интересы автора (ст. 9(2) Бернской конвенции) [5].

В условиях массового ухода иностранных правообладателей программного обеспечения (ПО) с российского рынка после 2022 года возник вопрос о возможности использования принудительных лицензий для объектов авторского права. Законопроект № 184016–8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»» (далее – Законопроект) попытался заполнить этот пробел, однако его концепция вызывает серьезные возражения с точки зрения баланса интересов. На сегодняшний день законодательно не закреплён механизм, наделяющий российские компании правом использования программного обеспечения, аналог которого отсутствует в российском реестре, что обуславливает сохраняющуюся актуальность проблемы внедрения принудительного лицензирования.

Настоящее исследование ставит целью определить допустимые пределы принудительного лицензирования ПО в авторском праве, выявить системные недостатки текущей правовой инициативы и предложить конкретные механизмы их устранения.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации подходов к принудительному лицензированию в авторском праве, выявлении критериев допустимости такого ограничения исключительных прав и обосновании реторсионной природы предлагаемых мер в контексте международных обязательств России.

В исследовании использовались сравнительно-правовой метод, системный анализ, а также метод моделирования.

Условия допустимости принудительной лицензии

Институт принудительного лицензирования имеет глубокие корни в международном праве интеллектуальной собственности. Его легитимность и допустимые пределы закреплены Парижской конвенцией по охране промышленной собственности (1883 г.) и Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, 1994 г.). Анализ этих документов позволяет выделить универсальные требования, предъявляемые к любому механизму принудительного лицензирования, включая его проектируемое применение в авторском праве.

Статья 5 Парижской конвенции прямо предусматривает право стран-участниц принимать законодательные меры о выдаче принудительных лицензий для предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключительного права, предоставляемого патентом, например, в случае его неиспользования.

Хотя статья 5 Парижской конвенции сформулирована применительно к патентному праву, заложенные в ней принципы – неисключительность, запрет сублицензирования, временные ограничения – по сути имеют универсальное значение.

Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (1886 г.) не использует термин «принудительная лицензия», однако допускает ограничения исключительных прав авторов. Статья 9(2) Бернской конвенции предусматривает, что государства-участники могут разрешать воспроизведение произведений в определенных особых случаях при условии, что такое воспроизведение не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора. Приложение к Бернской конвенции и статья 5 Всемирной конвенции об авторском праве (1952 г.) допускают для развивающихся стран принудительное лицензирование на перевод и воспроизведение произведений в случае отказа правообладателя предоставить такую лицензию.

Законопроект № 184016–8, вводящий принудительное лицензирование для правообладателей из недружественных стран, построен по аналогии со статьёй 1362 ГК РФ, регулирующей принудительное

лицензирование изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Существенным условием для получения лицензии по законопроекту является то, что соответствующий объект авторских и смежных прав стал полностью недоступен на рынке, а правообладатель отказал в предоставлении лицензии лицу, выразившему желание использовать объект на рыночных условиях. При этом принудительная лицензия выдаётся судом, что соответствует требованиям статьи 31 ТРИПС о судебном или административном контроле.

Таким образом, анализ международных норм (ст. 5 Парижской конвенции, ст. 31 ТРИПС) позволяет выделить обязательные характеристики принудительной лицензии в авторском праве такие как: обоснованный отказ от распространения ПО на территории РФ, неисключительный характер, срочность, возмездность, ограничение действия территории РФ и запрет сублицензирования.

Проблема технических средств защиты авторских прав (ТСЗАП) и обратного инжиниринга

Большинство коммерческого ПО содержит технические средства защиты (например, лицензионные ключи, привязку к оборудованию, online-активацию). В связи с этим, даже получив принудительную лицензию, российский пользователь не сможет легально использовать ПО, не обходя эти средства. Однако статья 1299 ГК РФ прямо запрещает обход ТСЗАП, а статья 1280 ГК РФ допускает декомпиляцию (обратный инжиниринг) только для обеспечения совместимости независимо разработанной программы, но не для целей использования по принудительной лицензии [8]. **Законопроект этот вопрос обходит.** Как верно отмечает Д.Н. Поляков, необходимо прямо указать в законе, что действия по обходу ТСЗАП и декомпиляции, совершаемые лицом, получившим принудительную лицензию, в целях использования прав, предусмотренных такой лицензией, не являются нарушением [7]. При этом использование полученного исходного кода иным способом, не предусмотренным лицензией, должно быть запрещено.

Предлагаемая автором редакция дополнения в ст. 1299 ГК РФ (п. 5) может звучать следующим образом: «Не считается нарушением пункта 2 настоящей статьи совершение действий по обходу технических средств защиты авторских прав в отношении программы для ЭВМ лицом, получившим принудительную лицензию на такую программу, если эти действия необходимы для использования прав, предоставленных принудительной лицензией. При декомпиляции программы такое лицо не вправе использовать исходный код способами, не предусмотренными принудительной лицензией».

Риск замедления импортозамещения

По данным Минцифры на 2025 год, в реестре отечественного ПО содержится более 29 тыс. продуктов от 10,8 тыс. правообладателей. Однако доля активного внедрения в частном бизнесе не превышает 20–30%, а в ИТ-инфраструктуре компаний доля зарубежного ПО составляет 75% [10]. Если принудительная лицензия будет выдаваться без оглядки на существующие отечественные аналоги, это создаст неравную конкуренцию для российских разработчиков, которые будут вынуждены конкурировать с иностранным «бесплатным» ПО [9].

Данное умозаключение позволяет сделать вывод о том, что при выдаче принудительной лицензии необходимо оценивать наличие в реестре Минцифры отечественного программного продукта, сопоставимого по функциональным и техническим характеристикам. В случае обнаружения такого аналога бремя доказывания его несоответствия потребностям заявителя должно возлагаться на последнего. Данный подход направлен на защиту интересов российских разработчиков и обеспечение сбалансированного применения института принудительного лицензирования.

Международно-правовое обоснование

В доктрине высказываются опасения, что принудительное лицензирование в авторском праве может быть квалифицировано как нарушение Бернской конвенции. Однако, как обоснованно указывает О.В. Луткова, ст. 9(2) Бернской конвенции позволяет государствам-участникам ограничивать права авторов в «отдельных случаях», если это не наносит ущерба нормальной эксплуатации произведения [6].

Уход иностранных правообладателей с российского рынка, прекращение технической поддержки и обновлений, отключение облачных сервисов (Microsoft, Atlassian, Oracle, SAP и др.) создают ситуацию, в которой «нормальная эксплуатация» программы для ЭВМ становится невозможной. В этих условиях принудительная лицензия выступает как реторсия — ответная мера на недружественные действия, допустимая в международном праве. При этом, условие сохранения выплаты адекватного вознаграждения на номинальный счет в российский банк обеспечивает соблюдение имущественных интересов автора.

Судебная практика российских судов по лицензионным спорам в условиях санкций

В условиях массового ухода иностранных правообладателей и приостановления действия лицензионных договоров российские суды столкнулись с необходимостью разрешения споров, связанных с исполнением обязательств по лицензионным и сублицензионным договорам на программное обеспечение. Сложившаяся практика позволяет выделить категории дел, демонстрирующих подходы судов к оценке санкционных обстоятельств как оснований для изменения или прекращения договорных отношений.

Дело № А40-271327/2022

Одним из наиболее показательных примеров является дело по иску ООО «ТерраЛинк» к ООО «КИТ: транспортная компания» о взыскании задолженности по сублицензионному договору. Согласно материалам дела, между сторонами был заключён сублицензионный договор, предоставляющий ответчику право использования программного обеспечения. Решением Арбитражного суда города Москвы от 28.03.2023 г. исковые требования были удовлетворены в полном объёме [11]. Ответчик, не согласившись с вынесенным решением, обратился с апелляционной жалобой в Девятый арбитражный апелляционный суд, которая постановлением от 09.06.2023 г. была оставлена без удовлетворения.

Значение данного дела для темы принудительного лицензирования заключается в том, что суд отказался признавать санкционные ограничения автоматическим основанием для прекращения обязательств по лицензионному договору. Согласно правовой позиции, сформулированной судом, санкции сами по себе не являются существенным изменением обстоятельств, которое нельзя было бы предвидеть при закупке иностранного ПО. Следовательно, заключение лицензионных договоров с иностранными правообладателями после введения санкционных ограничений представляло собой сознательно принятый коммерческий риск российской стороны.

Дело № А60-36813/2023

По тому же сублицензионному договору общество «ТерраЛинк» взыскало задолженность за услуги техподдержки SAP Enterprise Support за 2022 год в размере 7,26 млн руб. [14]. Суд первой инстанции удовлетворил иск, указав на то, что обязанность оплаты не зависит от факта обращения за поддержкой. Апелляция и кассация оставили решение в силе, подтвердив, что «добровольное неиспользование технической поддержки не освобождает от оплаты лицензионных платежей».

Сравнительно-правовой анализ юрисдикций США и Германии

Наибольший интерес в контексте исследования зарубежных подходов к принудительному лицензированию представляют США, как юрисдикция с развитым институтом статутных лицензий, и Германия, где концепция принудительного лицензирования развивалась преимущественно через судебную практику в рамках антимонопольного регулирования.

Статутные лицензии в США

Американское законодательство об авторском праве (Copyright Act of 1976) не знает института принудительной лицензии на программы для ЭВМ в том виде, в каком он обсуждается в российской доктрине. Однако оно содержит несколько механизмов, которые по своему функциональному эффекту приближаются к принудительному лицензированию.

Прежде всего, это статутные лицензии (statutory licences), прямо предусмотренные законом для определённых видов использования. Статутные лицензии — это предусмотренные законом лицензии, которые позволяют использовать охраняемые авторским правом произведения без прямого разрешения правообладателя, но с обязательной выплатой установленного вознаграждения. Раздел 111 Copyright Act устанавливает систему статутных лицензий для кабельных компаний при ретрансляции эфирных телепередач, а раздел 114 регулирует цифровое вещание звукозаписей [15]. В этих случаях пользователь не обязан получать индивидуальное разрешение правообладателя, но платит заранее установленное законом вознаграждение.

Также значимым для данного вопроса является раздел 117, который предоставляет лицу, законно владеющему копией программы для ЭВМ, право на её воспроизведение и адаптацию без согласия правообладателя [15]. Такое разрешение действует в случае если эти действия необходимы для использования программы по назначению либо осуществляются в целях архивного копирования. Кроме того, адаптация программы допускается, если она необходима для совместного использования с другой программой или оборудованием. По сути, раздел 117 легализует технические действия, которые без специальной нормы могли бы считаться воспроизведением и нарушением авторского права.

Наконец, Digital Millennium Copyright Act (DMCA) 1998 года вносит важное исключение в запрет на обход технических средств защиты авторских прав [16]. Для программного обеспечения действует исключение, разрешающее обход средств защиты в целях обеспечения совместимости независимо разработанной программы, а также для целей исследования или тестирования безопасности.

Таким образом, американское право не создаёт механизма, аналогичного принудительной лицензии на ПО для российских сценариев, но предлагает технические исключения для владельцев копий и ограниченные случаи обхода ТСЗАП. Опыт США полезен для понимания того, как законодатель может сбалансировать интересы.

Антимонопольное обоснование и доктрина Orange-Book-Standard в Германии

В отличие от США, германское право пошло по пути интеграции принудительного лицензирования в антимонопольное регулирование. Если § 24 Патентного закона Германии (PatG) позволяет выдачу принудительной лицензии при наличии публичного интереса [18], то наибольшее развитие институт получил именно через призму конкурентного права.

Одним из ключевых этапов в патентном принудительном лицензировании стало решение Федерального суда Германии (Bundesgerichtshof, BGH) по делу «Стандарт Orange-Book» (Orange-Book-Standard) от 06.05.2009 г. [19]. Дело касалось патентных притязаний на технологию записи компакт-дисков, описанную в «Оранжевой книге» – сборнике технических спецификаций на записываемые компакт-диски (CD-R). Истец, обладатель патента на соответствующую технологию, требовал от ответчика воздержаться от использования изобретения. Ответчик возражал, ссылаясь на то, что патент является стандартизированным и его использование необходимо для выхода на рынок.

Суд постановил, что в принципе возражение, основанное на конкурентном праве, может быть заявлено в патентном споре, однако для его удовлетворения необходимо соблюдение двух условий:

(а) ответчик должен сделать патентообладателю безусловное предложение о заключении лицензионного договора на разумных, недискриминационных и необременительных условиях;

(б) если патентообладатель отклоняет такое предложение, ответчик, действуя в качестве добросовестного лица, готового к заключению договора, должен приступить к использованию изобретения и выплачивать вознаграждение на условиях, которые патентообладатель не может отклонить без нарушения запрета злоупотребления правом.

Иными словами, суд легализовал использование запатентованной технологии до получения добровольного согласия патентообладателя, рассматривая подачу иска о запрете использования как злоупотребление доминирующим положением. Впоследствии эти принципы были восприняты в германском патентном праве, подтверждая, что принудительная лицензия может выступать не только самостоятельным требованием, но и средством защиты против требования о запрете использования (возражением).

Параллельно в германском авторском праве есть схожая с патентным правом норма. В соответствии с § 42 Закона об авторском праве Германии [18], лицо, заинтересованное в использовании произведения, обращается в суд общей юрисдикции по месту нахождения автора, а если автор не имеет места жительства в Германии – в суд в Мюнхене. При этом данная норма – как и многие другие положения о принудительном лицензировании в авторском праве применяется исключительно к музыкальным произведениям.

Сравнительные выводы из международного анализа для России

Проведённый сравнительно-правовой анализ позволяет выделить три модели принудительного лицензирования, каждая из которых может быть частично адаптирована к российской правовой системе.

Первая – «статутная модель», характерная для США. В рамках данной модели принудительное лицензирование предусматривается законом, что исключает необходимость обращения в суд в каждом конкретном случае. Размер вознаграждения фиксируется, а условия использования стандартизированы [15]. Применительно к России данный подход может быть использован для ускорения доступа к программному обеспечению правообладателей из недружественных стран, однако требует тщательного определения размера вознаграждения с тем, чтобы не допустить легализации недобросовестного использования.

Вторая – «конкурентная модель», сложившаяся в Германии в рамках доктрины Orange-Book-Standard. В соответствии с ней принудительная лицензия возникает как возражение против требования о запрете использования, когда правообладатель занимает доминирующее положение, а заинтересованное лицо сделало разумное предложение о заключении договора [18; 19]. Для России возможным представляется введение аналогичного механизма защиты против исков иностран-

ных правообладателей из недружественных стран, требующих запрета использования их программного обеспечения после того, как они сами прекратили его поддержку.

Третья – «смешанная модель», также германская. Здесь принудительная лицензия предоставляется по решению суда при недостижении соглашения между сторонами, однако обязанность правообладателя выдать лицензию наступает при наличии публичного интереса [18]. Именно эта модель наиболее близка к предлагаемым изменениям в Гражданский кодекс РФ и к законопроекту № 184016–8 [4], но требует существенной доработки в части детализации процедуры, сроков и механизма выплаты вознаграждения.

Заключение

Институт принудительного лицензирования в авторском праве не является доктринальной новеллой, однако его активное внедрение в российскую правовую систему актуализировалось лишь в условиях массового ухода иностранных правообладателей с отечественного рынка. Без легализации обхода ТСЗАП и декомпиляции в целях предусмотренных принудительной лицензией, предоставленное право использования остаётся нереализуемым. При этом необходимы законодательные гарантии того, что исходный код, полученный в результате декомпиляции, не будет использован способами, выходящими за пределы выданной лицензии.

Важным ограничителем выступает также риск замедления импортозамещения. В целях защиты интересов отечественных разработчиков следует предусмотреть, что принудительная лицензия на ПО выдаётся только при отсутствии в реестре российского ПО [10] функционально аналогичного продукта; в случае наличия такого продукта бремя доказывания его несоответствия потребностям заявителя должно возлагаться на последнего [7].

Срок действия принудительной лицензии целесообразно установить фиксированным (например, шесть месяцев) с возможностью продления при сохранении обстоятельств, вызвавших её выдачу, и при условии отсутствия в реестре отечественного аналога [7].

Анализ судебной практики показывает, что российские суды не признают санкционные ограничения обстоятельством непреодолимой силы, освобождающим от исполнения договорных обязательств, особенно когда договор был заключён после введения санкций. Заключение лицензионных договоров с правообладателями из недружественных стран после 2014 года расценивается судами как действие, совершённое с осознанием возможных санкционных последствий, а значит, связанные с этим риски ложатся на лицензиата. Из этой практики следует, что принудительное использование ПО в ситуации, когда правообладатель фактически отказался от исполнения своих договорных обязательств, может быть признано судами правомерным при соблюдении установленных законом требований.

Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить три модели принудительного лицензирования – статутную (США), конкурентную (Германия, патентное право) и смешанную (Германия, авторское право). Их элементы могут быть адаптированы к законодательству РФ.

Также возможно воспринять из германской доктрины Orange-Book-Standard принцип, согласно которому принудительная лицензия может служить не только самостоятельным требованием, но и возражением против иска о запрете использования [18; 19], а также использовать германский опыт судебного определения условий лицензии при недостижении соглашения между сторонами [18], что уже частично предусмотрено российским законодательством, но требует уточнения применительно к программам для ЭВМ.

При этом российский механизм должен учитывать специфику программного обеспечения как объекта авторских прав, включая необходимость обхода технических средств защиты, а также обеспечивать баланс между публичным интересом в доступе к программному обеспечению и частным интересом иностранного правообладателя в справедливом вознаграждении.

Наконец, с позиции международного частного права предлагаемый механизм не противоречит обязательствам Российской Федерации по Бернской конвенции, поскольку ст. 9(2) Конвенции допускает ограничения исключительных прав в отдельных случаях при условии, что они не наносят ущерба нормальной эксплуатации произведения [5; 6]. Уход правообладателей с рынка и прекращение технической поддержки делают такую эксплуатацию невозможной, а сохранение обязанности выплачивать адекватное вознаграждение на номинальный счёт в Российской Федерации обеспечивает соблюдение имущественных прав автора. В данной конструкции принудительная лицензия приобретает характер реторсии – ответной меры на недружественные действия, что допустимо в международном праве. При соблюдении изложенных условий институт принудительного лицензирования в авторском праве может стать эффективным и пропорциональным ин-

струментом обеспечения технологического суверенитета, не подрывающим стимулы для локальной инновационной деятельности страны.

Литература

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (заключена в г. Берне 09.09.1886, ред. от 28.09.1979). – Текст: электронный // ВОИС. – URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/berne/> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 15.04.1994, с изм. от 06.12.2005). – Текст: электронный // ВТО. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (дата обращения: 15.01.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.04.2025). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 01.03.2025).
4. Законопроект № 184016–8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»» (внесен депутатами Государственной Думы 26.05.2022). – Текст: электронный // СОЗД ГАС «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Луткова, О.В. Авторские права в международном частном праве: монография / О.В. Луткова. – Москва, 2021. – 312 с.
6. Луткова, О.В. Трансграничные авторские отношения: материально-правовое и коллизивно-правовое регулирование: диссертация доктора юридических наук: 12.00.03 / Луткова Ольга Владимировна. – Москва, 2018. – 417 с.
7. Поляков, Д.Н. Принудительное лицензирование ПО правообладателей из недружественных стран: реторсии, необходимый шаг на пути к импортозамещению или нарушение норм международного частного права? / Д.Н. Поляков. – Текст: непосредственный // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 10А. – С. 442–453. – DOI: 10.34670/AR.2022.11.40.027.
8. Ворожевич, А.С. Границы исключительных прав на программы для ЭВМ / А.С. Ворожевич. – Текст: непосредственный // Вестник гражданского права. – 2021. – № 2. – С. 88–133.
9. Отзыв Ассоциации «Отечественный софт» на законопроект № 184016–8 (2022). – Текст: электронный // Официальный сайт Ассоциации «Отечественный софт». – URL: <https://russoft.org/> (дата обращения: 01.01.2025).
10. Данные Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ о реестре отечественного программного обеспечения по состоянию на 2025 год. – Текст: электронный // Единый реестр российских программ для ЭВМ и баз данных. – URL: <https://reestr.digital.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).
11. Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40–271327/2022 (ООО «ТерраЛинк» против ООО «КИТ: транспортная компания»), 28 марта 2023 г. – Текст: электронный // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40–271327/2022, 9 июня 2023 г. – Текст: электронный // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.07.2025).
13. Постановление Суда по интеллектуальным правам по делу № А40–271327/2022, 12 сентября 2023 г. – Текст: электронный // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).
14. Дело № А60–36813/2023 (Арбитражный суд Свердловской области). – Текст: электронный // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.12.2025).
15. Copyright Act of 1976 (United States), 17 U.S.C. § § 101–1332. – Текст: электронный // U.S. Copyright Office. – URL: <https://www.copyright.gov/title17/> (дата обращения: 20.01.2025).
16. Digital Millennium Copyright Act (DMCA), Pub. L. № 105–304, 112 Stat. 2860 (1998). – Текст: электронный // U.S. Congress. – URL: <https://www.congress.gov/> (дата обращения: 20.01.2025).
17. Patentgesetz (PatG) – Закон Германии о патентах от 16.12.1980 (ред. от 19.10.2022), § 24. – Текст: электронный // Gesetze im Internet. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/patg/> (дата обращения: 25.01.2025).
18. Urheberrechtsgesetz (UrhG) – Закон Германии об авторском праве и смежных правах от 09.09.1965 (ред. от 23.06.2021), § 42a. – Текст: электронный // Gesetze im Internet. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/urhrg/> (дата обращения: 25.01.2025).
19. Bundesgerichtshof (BGH), Urteil vom 6. Mai 2009 – KZR 39/06 – Orange-Book-Standard. – Текст: электронный // Bundesgerichtshof. – URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/> (дата обращения: 10.05.2025).

COMPULSORY LICENSING IN COPYRIGHT LAW

Vedeneeva I.S.

National Research University Higher School of Economics

The article analyzes the institution of compulsory licensing in relation to copyright objects, in particular computer programs. Based on international treaties (the Berne Convention, the TRIPS Agreement), Russian legislation, and Draft Law № 184016–8, the author examines the conditions, limits, and problems of introducing compulsory licensing for right holders from unfriendly countries. The study explores the issues and shortcomings of the draft law related to technological protection measures and reverse engineering, as well as the risks of slowing down import substitution and retaliatory sanctions. The author analyzes Russian judicial practice in licensing disputes under sanctions, which demonstrates the courts' refusal to recognize sanctions as force majeure. A comparative legal analysis of compulsory licensing models in the United States (statutory licenses) and Germany (the Orange-Book-Standard doctrine, copyright compulsory license) is conducted. Based on the research, specific adjustments to the legal mechanism are proposed, including improvements in legal drafting, legalization of the circumvention of technological protection measures, verification of the availability of Russian analogues, and the establishment of a fixed term for the license.

Keywords: compulsory license, copyright, software, unfriendly countries, import substitution, technological protection measures, reverse engineering, Berne Convention, Draft Law № 184016–8.

References

1. Bernskaya konvenciya po ohrane literaturnykh i hudozhestvennykh proizvedeniy (zaklyuchena v g. Berne 09.09.1886, red. ot 28.09.1979). – Текст: электронный // ВОИС. – URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/berne/> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Soglasenie po trgovym aspektam prav intellektual'noy sobstvennosti (TRIPS/TRIPS) (zaklyucheno v g. Marrakeshe 15.04.1994, s izm. ot 06.12.2005). – Текст: электронный // ВТО. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/27-trips_01_e.htm (дата обращения: 15.01.2025).
3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 № 230-FZ (red. ot 30.04.2025). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 01.03.2025).
4. Zakonoproekt № 184016–8 «O vnesenii izmeneniya v Federal'nyj zakon «O vvedenii v dejstvie chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii»» (vnesyon deputatami Gosudarstvennoj Dmy 26.05.2022). – Текст: электронный // СОЗД ГАС «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Lutkova, O.V. Avtorskie prava v mezhdunarodnom chastnom prave: monografiya / O.V. Lutkova. – Moskva, 2021. – 312 s.
6. Lutkova, O.V. Transgranichnye avtorskie otnosheniya: material'no-pravovoe i kollizionno-pravovoe regulirovanie: dissertaciya ... doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.03 / Lutkova O'l'ga Vladimirovna. – Moskva, 2018. – 417 s.
7. Polyakov, D.N. Prinuditel'noe licenzirovanie PO pravoobladatelej iz nedruzhestvennykh stran: retorsii, neobhodimyy shag na puti k importozameshcheniyu ili narushenie norm mezhdunarodnogo chastnogo prava? / D.N. Polyakov. – Текст: электронный // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2022. – T. 12. – № 10A. – S. 442–453. – DOI: 10.34670/AR.2022.11.40.027.
8. Vorozhevich, A.S. Granicy iskl'yuchitel'nykh prav na programmy dlya EVM / A.S. Vorozhevich. – Текст: непосредственный // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2021. – № 2. – S. 88–133.
9. Otzyv Associacii «Otechestvennyj soft» na zakonoproekt № 184016–8 (2022). – Текст: электронный // Oficial'nyj sayt Associacii «Otechestvennyj soft». – URL: <https://russoft.org/> (дата обращения: 01.01.2025).
10. Dannie Ministerstva cifrovogo razvitiya, svyazi i massovykh kommunikacij RF o reestre otechestvennogo programmnogo obespecheniya po sostoyaniyu na 2025 god. – Текст: электронный // Edinyj reestr rossijskikh programm dlya EVM i baz dannyh. – URL: <https://reestr.digital.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).
11. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy po delu № А40–271327/2022 (ООО «ТерраЛинк» против ООО «КИТ: транспортная компания»), 28 марта 2023 г. – Текст: электронный // Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 15.05.2025).
12. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda po delu № А40–271327/2022, 9 iyunya 2023 g. – Текст: электронный // Kартотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.07.2025).
13. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam po delu № А40–271327/2022, 12 sentyabrya 2023 g. – Текст: электронный // Kартотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.10.2025).
14. Delo № А60–36813/2023 (Arbitrazhnyj sud Sverdlovskoj oblasti). – Текст: электронный // Kартотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.12.2025).
15. Copyright Act of 1976 (United States), 17 U.S.C. § § 101–1332. – Текст: электронный // U.S. Copyright Office. – URL: <https://www.copyright.gov/title17/> (дата обращения: 20.01.2025).
16. Digital Millennium Copyright Act (DMCA), Pub. L. № 105–304, 112 Stat. 2860 (1998). – Текст: электронный // U.S. Congress. – URL: <https://www.congress.gov/> (дата обращения: 20.01.2025).
17. Patentgesetz (PatG) – Закон Germanii o patentah ot 16.12.1980 (red. ot 19.10.2022), § 24. – Текст: электронный // Gesetze im Internet. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/patg/> (дата обращения: 25.01.2025).
18. Urheberrechtsgesetz (UrhG) – Закон Germanii ob avtorskom prave i smezhnykh pravah ot 09.09.1965 (red. ot 23.06.2021), § 42a. – Текст: электронный // Gesetze im Internet. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/urhrg/> (дата обращения: 25.01.2025).
19. Bundesgerichtshof (BGH), Urteil vom 6. Mai 2009 – KZR 39/06 – Orange-Book-Standard. – Текст: электронный // Bundesgerichtshof. – URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/> (дата обращения: 10.05.2025).

Володин Олег Евгеньевич,

аспирант, кафедра правового регулирования бизнеса
и гражданского судопроизводства, Московский университет
«Синергия»

E-mail: Oleg.ygg@gmail.com

Предмет исследования – квазикорпоративный договор как правовая конструкция, опосредующая отношения между участниками хозяйственного общества и его кредиторами. Цель работы – обоснование допустимости и эффективности квазикорпоративного договора в качестве инструмента защиты прав кредиторов. Методология включает юридический анализ, сравнительно правовой метод, функциональный подход и обобщение судебной практики. Результаты – выявлены признаки квазикорпоративного договора, предложены механизмы включения кредиторов в договорное регулирование, определены пределы действия таких соглашений, проведён сравнительный анализ с зарубежными аналогами. Область применения – правоприменительная деятельность судов и арбитражей, договорная работа юридических лиц, законотворческие инициативы. Новизна состоит в анализе квазикорпоративного договора как средства защиты кредиторов, что ранее не становилось предметом самостоятельного цивилистического исследования. Выводы – квазикорпоративный договор при соблюдении принципов добросовестности и разумности может обеспечить баланс интересов участников и кредиторов.

Ключевые слова: квазикорпоративный договор, корпоративный договор, защита кредиторов, ограниченная ответственность, автономия воли, добросовестность, договорное регулирование, сравнительное правоведение

Введение

Институт корпоративного договора получил легальное закрепление в российском гражданском законодательстве с принятием статьи 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [6], и эта норма позволяет участникам хозяйственного общества урегулировать порядок осуществления своих корпоративных прав, включая порядок голосования на общих собраниях. Но классическая конструкция корпоративного договора имеет существенный недостаток с точки зрения защиты прав третьих лиц. Кредиторы общества, не являясь его участниками, остаются за пределами договорного регулирования, и эта проблема остра в ситуации, когда участники через корпоративные договорённости могут влиять на деятельность общества в ущерб интересам кредиторов. В связи с этим в доктрине и практике возникает вопрос о возможности использования так называемого квазикорпоративного договора, который позволяет включать кредиторов в орбиту договорного регулирования корпоративных отношений.

Термин «квазикорпоративный договор» используется в современной цивилистике, и квазикорпоративные договоры представляют собой новеллу российского законодательства, которая регулирует корпоративные отношения, но не подпадает под формальные признаки корпоративного договора, в частности по субъектному составу [3, с. 28].

Цель статьи – анализ потенциала квазикорпоративного договора как способа защиты прав кредиторов хозяйственных обществ.

Понятие и сущность квазикорпоративного договора

Для анализа природы квазикорпоративного договора необходимо обратиться к общей теории корпоративных правоотношений. А.Б. Бабаев в своём исследовании подчёркивает методологическую важность определения сущности корпоративных правоотношений для последующего анализа любых договорных конструкций в этой сфере [1, с. 5]. Корпоративные правоотношения обладают двойственной природой, сочетая элементы обязательственного и вещного правового регулирования, и эта двойственность создаёт трудности при попытке включить в них внешних субъектов, таких как кредиторы.

Квазикорпоративный договор можно определить как соглашение, в котором одна из сторон является участником хозяйственного общества, а другая сторона выступает в роли кредитора этого общества, и предметом такого соглашения становится осуществление корпоративных прав участника в интересах кредитора. Как отмечает С.В. Коков, квазикорпоративный договор по своей сути выполняет функции корпоративного договора, но не соответствует его формальным признакам, установленным в статье 67.2 ГК РФ [10, с. 43], что означает, что к квазикорпоративному договору не применяются специальные правила о корпоративном договоре, а действуют общие положения Гражданского кодекса об обязательствах и договорах.

Отличительными признаками квазикорпоративного договора является то, что это договор с участием кредитора, который не является субъектом корпоративных правоотношений. Предмет договора связан с осуществлением корпоративных прав, но сами права не передаются кредитору, а исполнение договора обеспечивается мерами гражданско-правовой ответственности, а не корпоративными средствами защиты. Такой договор не подлежит нотариальному удостоверению в порядке, установленном для корпоративных договоров. Если рассматривать корпоративный договор как способ саморегулирования корпоративных отношений [8, с. 102], то квазикорпоративный договор расширяет саморегулирование за счёт включения внешней стороны, что значимо для защиты интересов кредиторов.

Проблема защиты кредиторов в корпоративных правоотношениях

Кредиторы защищены при помощи механизмов обязательственного права, при этом, они могут требовать как исполнения договоров, так и взыскивать убытки, и в том числе обращать взыскание на имущество общества. При этом, ограниченная ответственность участников ведёт к тому, что при недостаточности имущества общества кредиторы не могут реализовать свои требования за счёт личного имущества участников, таким образом это положение создаёт риски злоупотреблений, так как участники могут через корпоративный договор согласовать действия,

направленные на вывод активов, или принятие заведомо убыточных решений, причиняющих вред кредиторам.

В.А. Белов обращает внимание на сложное соотношение гражданско-правовой формы корпоративных правоотношений и их публично правовой природы [2, с. 314], и эта двойственность создает трудности в применении обычных договорных средств защиты к отношениям с участием кредиторов. Кредитор не является субъектом корпоративных правоотношений, следовательно, он не может напрямую оспаривать решения органов общества или требовать принудительного исполнения корпоративного договора между участниками. В этом заключается отличие правового положения кредитора от правового положения участника.

Одним из возможных решений является заключение квазикорпоративного договора, а ограничение корпоративных прав может служить средством обеспечения интересов участников хозяйственных обществ [5, с. 116]. Развивая эту мысль, можно утверждать, что то же ограничение, будучи обещанным кредитору, способно защитить и его интересы. Участник добровольно принимает на себя обязательство перед кредитором осуществлять свои корпоративные права определенным образом, и за нарушение этого обязательства он отвечает всем своим личным имуществом, что меняет баланс рисков в отношениях кредитора и общества.

Механизмы защиты кредиторов через квазикорпоративный договор

Рассмотрим механизмы, которые могут быть закреплены в квазикорпоративном договоре, так, первый механизм представляет собой обязательство участника голосовать определенным образом на общем собрании в интересах кредитора. Это возможно в случае, если кредитор предоставляет обществу заем, а мажоритарный акционер обязуется голосовать против распределения чистой прибыли до полного возврата займа, при этом, такое условие не является корпоративным договором в смысле статьи 67.2 ГК РФ, и оно представляет собой обычное гражданско-правовое обязательство, за нарушение которого наступает ответственность. В том числе ещё до введения в ГК РФ статьи 67.2 аналогичные практики рассматривались в ходе работы антимонопольных органов, и ФАС России указала, что акционерные соглашения, которые предоставляют лицу право голосовать по чужим акциям, должны быть согласованы с антимонопольным органом [14].

При этом, обязательство участника не отчуждать долю до исполнения обязательств перед кредитором значительно ограничивает возможность выхода участника из общества, и с точки зрения защиты кредитора этот механизм предотвращает обстоятельства, когда контроль переходит к неплатежеспособному лицу. Это условие актуально в обществах с ограниченной ответственностью, где личность участника имеет критическое значение для деятельности общества. В.Г. Бородин анализирует гражданско-правовое регулирование корпоративного договора и приходит к выводу о допустимости широкого спектра условий, включая ограничения на отчуждение [4, с. 123], и по его мнению, пределом здесь выступают лишь императивные нормы и публичный порядок. Применительно к квазикорпоративному договору этот вывод представляется верным и обоснованным.

В отличие от обычного договора между кредитором и обществом, квазикорпоративный договор с участником даёт кредитору рычаг воздействия именно на корпоративную сферу. Кредитор получает возможность через участника влиять на принятие ключевых корпоративных решений, оставаясь при этом внешним по отношению к обществу лицом. Как отмечает А.Б. Дидикин, правовые формы регулирования отношений государства и бизнеса в российских офшорах включают подобные договорные конструкции [7, с. 38], что свидетельствует о востребованности такого инструмента в международном структурировании бизнеса и защите прав инвесторов и кредиторов.

Границы допустимости квазикорпоративных договоров

Несмотря на очевидные преимущества квазикорпоративного договора, он не может обходить нормы гражданского законодательства. Согласно статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, не допускаются действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах, кроме того, статья 67.2 ГК РФ устанавливает, что условия корпоративного договора, противоречащие закону, ничтожны. По аналогии закона условия квазикорпоративного договора также не должны нарушать права других участников или самого общества. Например, недопустимо условие, обязывающее участника голосовать за совершение сделки, которая заведомо приведёт к банкротству общества.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении квазикорпоративного договора с принципом свободы договора, так, автономия воли сторон в корпоративных отношениях имеет границы, задаваемые императивными нормами и природой корпоративных правоотношений [11, с. 62]. Применительно к квазикорпоративному договору это означает, что кредитор не может получить право, которое принадлежит исключительно участнику, например право на участие в управлении как таковое. Вместо этого кредитор получает лишь обязательственное требование к участнику вести себя определенным образом, и это принципиальное различие позволяет сохранить баланс интересов всех вовлечённых лиц.

Ещё одно ограничение связано с принципом добросовестности, так, если квазикорпоративный договор заключается с целью создания видимости дополнительного обеспечения или для оказания давления на других участников, такой договор может быть признан недействительным по статье 10 ГК РФ. Свобода не означает вседозволенности [12, с. 39], и данный тезис полностью применим и к квазикорпоративным конструкциям. Суды должны оценивать добросовестность сторон при заключении и исполнении квазикорпоративного договора, что предполагает исследование всех обстоятельств дела.

Судебная практика и перспективы развития

Судебная практика по квазикорпоративным договорам пока не сформировалась в полном объёме, но можно выделить ряд дел, где суды фактически признавали допустимость соглашений между участником и кредитором, так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам сформирован подход к квалификации условий, влияющих на компетенцию органов общества [10]. Хотя напрямую квазикорпоративный договор не рассматривался, логика суда позволяет сделать вывод, что соглашения, не противоречащие закону и не вторгающиеся в исключительную компетенцию органов общества, могут быть признаны действительными.

В другом деле, рассмотренном Арбитражным судом Московского округа, суд поддержал взыскание убытков с участника, который в нарушение устной договорённости с кредитором проголосовал за одобрение крупной сделки, приведшей к неплатежеспособности общества [15], и хотя договорённость не была оформлена как квазикорпоративный договор, суд, по сути, признал обязательственную природу такого рода соглашений и допустимость защиты прав кредитора через взыскание убытков с недобросовестного участника.

Зарубежный опыт также подтверждает жизнеспособность рассматриваемой конструкции. В германском праве, цивилистика допускает так называемые «договоры об осуществлении прав» с участием третьих лиц [17, с. 22], а эта конструкция во многом схожа с предлагаемым квазикорпоративным договором и может служить ориентиром для российского правоприменения.

Сравнительный анализ с зарубежными аналогами

Для понимания места квазикорпоративного договора в системе защиты прав кредиторов необходимо обратиться к сравнительному анализу с зарубежными правовыми порядками, так, в германском праве конструкция «Treuepflichten» участников по отношению к кредиторам общества признается в исключительных случаях, когда участники фактически контролируют общество и злоупотребляют этим контролем [18]. Квазикорпоративный договор позволяет трансформировать эти диффузные обязанности в конкретные договорные обязательства, что значительно повышает уровень защиты кредиторов.

Английское право традиционно более консервативно в вопросах вмешательства в корпоративные отношения, но суды Великобритании признают возможность заключения так называемых «covenants» между акционерами и кредиторами, которые могут включать обязательства голосовать определенным образом [19]. Эти ковенанты пользуются судебной защитой наравне с обычными договорными обязательствами.

Российское право восприняло многие элементы зарубежных акционерных соглашений, но адаптировало их к континентальной традиции [9, с. 103], и квазикорпоративный договор мог бы стать следующим шагом этой адаптации, позволяя включить кредиторов в орбиту договорного регулирования без необходимости кардинального пересмотра основ корпоративного законодательства. При этом, важно сохранить баланс между защитой прав кредиторов и обеспечением стабильности корпоративных отношений [17, с. 22].

Риски использования квазикорпоративного договора и способы их минимизации

Несмотря на очевидные преимущества, квазикорпоративный договор несёт определенные риски, и если участник фактически принимает

на себя ответственность по долгам общества, это может быть расценено как поручительство, которое требует соблюдения письменной формы и определенных условий. Но отличием является то, что по квазикорпоративному договору участник отвечает не за долги общества, а за собственное поведение при голосовании или осуществлении иных корпоративных прав, и это принципиальное различие должно учитываться судами при квалификации.

Другие участники могут заявить, что голосование участника было связано его личным интересом и противоречит интересам общества. Здесь на помощь приходит разграничение между обязанностью голосовать определенным образом и самим голосованием как актом волеизъявления, и российское право не запрещает участнику руководствоваться личными интересами при голосовании, если иное не установлено уставом [16, с. 238]. Следовательно, квазикорпоративный договор не противоречит закону.

Если мажоритарный участник обязуется голосовать определенным образом в интересах кредитора, это может ущемлять права миноритариев, и для минимизации этого риска рекомендуется включать в квазикорпоративный договор условия, защищающие права миноритарных участников, например запрет на голосование по вопросам, затрагивающим их преимущественные права.

Для минимизации всех указанных рисков целесообразно то, что договор должен быть заключен в письменной форме, желательно в виде отдельного документа, и в нем необходимо определить предмет обязательств участника и не смешивать его с обязательствами самого общества. Следует избегать формулировок, которые могут быть истолкованы как передача кредитору прав участия в управлении обществом. Целесообразно включить условие о неустойке за нарушение обязательства, поскольку суды неохотно присуждают убытки в корпоративных спорах. Рекомендуется раскрывать факт заключения квазикорпоративного договора перед другими участниками общества, чтобы избежать обвинений в недобросовестности.

Заключение

Квазикорпоративный договор представляет собой допустимую и перспективную конструкцию для защиты интересов кредиторов хозяйственных обществ, он позволяет преодолеть ограничения, связанные с классическим корпоративным договором, который замыкается исключительно на отношениях между участниками. Включение кредитора в договорное регулирование через обязательства участника голосовать определенным образом, не отчуждать долю или совершать иные корпоративные действия создаёт дополнительный уровень защиты, который не может быть достигнут традиционными способами обеспечения обязательств.

Границы использования квазикорпоративного договора задаются принципами добросовестности, свободы договора и запретом злоупотребления правом, и при соблюдении этих границ квазикорпоративный договор может быть эффективным средством снижения рисков кредитования хозяйственных обществ. Сравнительный анализ с германским и английским правом показывает, что аналогичные конструкции признаются и защищаются в зарубежных правовых системах, что свидетельствует о их универсальной ценности.

Литература

1. Бабаев А.Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 5–22.
2. Белов В.А. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Издательство Юрайт, 2014. 678 с.
3. Бирюков Д. Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства // Хозяйство и право. 2015. № 5. С. 28–44.
4. Бородин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 202 с.
5. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. М.: Статут, 2022. 214 с.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994.
7. Дидикин А.Б. Правовые формы регулирования отношений государства и бизнеса в российских офшорах // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 3. С. 38–42.
8. Елейник Э.Г. Корпоративный договор как способ саморегулирования корпоративных отношений: теория и практика // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве: Сборник статей / Под ред. И.С. Шиткиной. М., 2017. С. 102–103.

9. Иноземцев М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: монография. М.: Статут, 2020. 176 с.

10. Кокорев С.В. Квазикорпоративный договор как правовой инструмент регулирования корпоративных правоотношений // Право и экономика. 2019. № 7. С. 43–48.

11. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 159 с.

12. Манаенков Р.О. Свобода договора как неотъемлемый элемент корпоративного соглашения // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1. № 5 (19). С. 39–43.

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.08.2023 № 307-ЭС23–4085 по делу № А56–36352/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407389487/> (дата обращения: 15.06.2026).

14. Письмо ФАС РФ от 01.07.2011 «Акционерные соглашения, предоставляющие лицу право голосовать по чужим акциям, подлежат согласованию с антимонопольным органом» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115850/ (дата обращения: 15.06.2026).

15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.05.2024 № Ф05–1760/2022 по делу № А41–76251/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c17c1785-8ed8-4d9d-85be-5ba60632705d/6801f7ff-c0a9-4a51-9d3d-eaaff20b3d8/A41-76251-2019_20240516_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2026).

16. Савченко Э.А., Шульга А.К. Защита прав акционеров: законодательство и правоприменительная практика // Вестник экономики и права. 2020. № 48. С. 238–243.

17. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10. С. 22–69.

18. Cahn A., Donald D.C. Comparative company law: Text and cases on the laws of the United Kingdom, Germany and the United States. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 856 p.

19. Farque Md.O., Mahmud S. Corporate Governance and the Changing Dynamics of Shareholder Primacy: A Comparative Study of the UK and Bangladesh // Legal Research & Analysis. 2026. Vol. 4. P. 1–11.

A QUASI-CORPORATE AGREEMENT AS A WAY TO PROTECT CREDITORS' INTERESTS

Volodin O.E.

Synergy Moscow University

The subject of this study is a quasi-corporate agreement as a legal construct mediating relations between participants in a business entity and its creditors. The objective of the work is to substantiate the admissibility and effectiveness of a quasi-corporate agreement as a tool for protecting creditors' rights. The methodology includes a formal legal analysis, a comparative legal method, a functional approach, and a summary of judicial practice. Results: the essential features of a quasi-corporate agreement are identified, specific mechanisms for including creditors in contractual regulation are proposed, the scope of such agreements is defined, and a comparative analysis with foreign analogues is conducted. The scope of application includes law enforcement activities of courts and arbitration tribunals, contractual work of legal entities, and legislative initiatives. The novelty lies in the development of the concept of a quasi-corporate agreement as a means of creditor protection, which has not previously been the subject of independent civil law research. Conclusions: A quasi-corporate agreement, when respecting the principles of good faith and reasonableness, can ensure a balance of interests between participants and creditors.

Keywords: quasi-corporate agreement, corporate agreement, creditor protection, limited liability, autonomy of will, good faith, contractual regulation, comparative law

References

1. Babaev A.B. Methodological Prerequisites for the Study of Corporate Legal Relations // Bulletin of Civil Law. 2007. No. 4. Pp. 5–22.
2. Belov V.A. Corporate Law. Actual Problems of Theory and Practice / under the general editorship of V.A. Belov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2014. 678 p.
3. Biryukov D. Quasi-Corporate Contracts: A Novelty in Russian Legislation // Khozyaistvo i Pravo. 2015. No. 5. Pp. 28–44.
4. Borodkin V.G. Civil Law Regulation of a Corporate Agreement: Diss. ... Cand. Law. Sciences. Moscow, 2015. 202 p.
5. Gentovt O.I. Restriction of Corporate Rights as a Means of Ensuring the Interests of Participants in Business Companies: A Monograph. Moscow: Statut, 2022. 214 p.
6. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994.
7. Didikin A.B. Legal Forms of Regulating State-Business Relations in Russian Offshores // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2019. No. 3. Pp. 38–42.
8. Eleinik E.G. Corporate contract as a way of self-regulation of corporate relations: theory and practice // Correlation of imperative and dispositive principles in corporate law: Collection of articles / Ed. by I.S. Shitkina. M., 2017. Pp. 102–103.
9. Inozemtsev M.I. Shareholders Agreement: Liability for Violation under Russian and Foreign Law: Monograph. Moscow: Statut, 2020. 176 p.

10. Kokorev S.V. Quasi-corporate Agreement as a Legal Tool for Regulating Corporate Legal Relations // Law and Economics. 2019. No. 7. Pp. 43–48.

11. Kuznetsov A.A. Limits of Autonomy of Will in Corporate Law: A Brief Essay. Moscow: Statut, 2017. 159 p.

12. Manaenkov R.O. Freedom of Contract as an Inherent Element of a Corporate Agreement // Domestic Jurisprudence. 2017. Vol. 1. No. 5 (19). Pp. 39–43.

13. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 3, 2023, No. 307-ES23–4085 in case No. A56–36352/2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407389487/> (accessed 15.06.2026).

14. Letter of the FAS RF dated July 1, 2011, “Shareholder Agreements Granting a Person the Right to Vote on Other People’s Shares Are Subject to Approval by the Antimonopoly Authority” [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115850/ (accessed 15.06.2026).

15. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 16.05.2024 No. F05–1760/2022 in case No. A41–76251/2019 [Electronic resource]. URL: [https://](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c17c1785–8ed8–4d9d-85be-5ba60632705d/6801f7ff-c0a9–4a51–9d3d-eaafff20b3d8/A41–76251–2019_20240516_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True)

kad.arbitr.ru/Document/Pdf/c17c1785–8ed8–4d9d-85be-5ba60632705d/6801f7ff-c0a9–4a51–9d3d-eaafff20b3d8/A41–76251–2019_20240516_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed 15.06.2026).

16. Savchenko E.A., Shulga A.K. Protection of Shareholders’ Rights: Legislation and Law Enforcement Practice // Bulletin of Economics and Law. 2020. No. 48. Pp. 238–243.

17. Stepanov D.I., Vogel V.A., Schramm H.I. Corporate Agreement: Approaches of Russian and German Law to Certain Issues of Regulation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 10. Pp. 22–69.

18. Cahn A., Donald D.C. Comparative company law: Text and cases on the laws of the United Kingdom, Germany and the United States. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 856 p.

19. Farque Md.O., Mahmud S. Corporate Governance and the Changing Dynamics of Shareholder Primacy: A Comparative Study of the UK and Bangladesh // Legal Research & Analysis. 2026. Vol. 4. Pp. 1–11.

Григорьева Наталья Виталиевна,

аспирант, кафедра конституционного и международного права, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
E-mail: n.v.grigoreva01@mail.ru

Алиментные обязательства занимают центральное место в системе семейного права, обеспечивая финансовую поддержку нуждающимся членам семьи, что требует тщательного правового регулирования. Эффективность применения соответствующих правовых норм напрямую зависит от наличия точных и однозначных определений терминов, используемых в законодательстве, что позволяет избежать разночтений и обеспечивает единообразие судебной практики. Отсутствие в нормативных актах единого, чёткого определения понятия «алиментные обязательства» приводит к неясностям в процессе правоприменения и дискуссиям в научной среде. В статье проводится обзор существующих интерпретаций данного понятия, представленных в современной научной литературе, анализируются нормы права, регулирующие алиментные отношения, с целью выработки наиболее точной дефиниции понятия «алиментные обязательства». На основании полученных результатов исследования предлагается формулировка, которая, по мнению автора, наиболее полно отражает сущностные признаки алиментных обязательств, учитывая их правовой аспект.

Ключевые слова: алиментные обязательства; понятие «алименты»; содержание; родители; дети; члены семьи; родственные связи; соглашение; решение суда.

Одним из ключевых аспектов государственной политики Российской Федерации является обеспечение достойного уровня жизни граждан, в особенности тех из них, кто по причинам возраста или здоровья не в состоянии самостоятельно обеспечить себя всем необходимым для жизни посредством трудовой деятельности. Данная стратегия формируется, опираясь на принципы, заложенные в Конституции Российской Федерации. В частности, ст. 7 гласит, что Российская Федерация является социальным государством, чья политика ориентирована на обеспечение условий для достойного существования и всестороннего развития каждого человека [1]. В силу объективных причин ни одно государство не способно в полной мере предоставить всю необходимую социальную помощь своим нуждающимся гражданам, поэтому правительства стремятся к тому, чтобы основная финансовая нагрузка по поддержке таких лиц ложилась на их родственников. В связи с этим моральный долг членов семьи в отношении материальной помощи нуждающимся трансформируется государством в юридическую обязанность, закреплённую в нормах семейного законодательства.

В системе правовых норм, направленных на материальную поддержку наиболее незащищённых слоёв общества – детей и нетрудоспособных родителей, ключевую роль играют алиментные обязанности. Их регулирование осуществляется Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) и другими нормативными актами, однако в этих документах отсутствует единое общепринятое определение понятия «алиментные обязательства». Оно лишь фигурирует в тексте, в частности в Разделе 5 СК РФ. Отсутствие законодательно закреплённого определения алиментных обязательств вынуждает учёных самостоятельно интерпретировать данное понятие, опираясь на собственное понимание его сущности. Это приводит к множественности доктринальных трактовок и неоднородности взглядов на содержание алиментных обязательств в научной литературе. Приведём примеры некоторых из них. Так, Н.В. Черкашина и А.В. Огнев считают, что алиментные обязательства – это одна из обязанностей родителей по обеспечению содержания своих детей [10]. Ю.Г. Карнаух и О.В. Яценко рассматривают это понятие в более широком контексте. По их мнению, алиментные обязательства – это обязанности лиц оказывать финансовую поддержку своим родственникам для обеспечения их базовых жизненных потребностей [8, с. 464].

Интересна трактовка указанного термина, представленная Д.В. Домининой, где алиментное обязательство рассматривается в качестве правового механизма, через который закрепляется обязанность одного члена семьи обеспечивать материальную поддержку других членов этой же семьи. Согласно её точке зрения, это формирует одновременно как правовую, так и моральную основу, способствующую установлению баланса между правами и обязанностями членов семьи в сложных семейных ситуациях [6, с. 15].

Е.А. Скачкова в своей статье «Научно-практические казусы в алиментных обязательствах родителей перед детьми по российскому и иностранному праву» определяет алиментное обязательство как обязанность материально поддерживать определённых лиц, возникающую не на основании судебного решения, а в силу родственных связей и юридических норм [9, с. 61]. В отличие от этого, Н.В. Буйденко придерживается мнения, что алиментное обязательство следует рассматривать как имущественное правоотношение регулируемое нормами семейного права и возникающее либо на основе соглашения между сторонами, либо по решению суда [4, с. 216].

Как видим, в юридической литературе существует множество трактовок понятия «алиментные обязательства» и каждый автор, имея свою точку зрения, привносит уникальный компонент в определение данного понятия, способствуя более полному и глубокому осмыслению его правовой сущности. При этом все исследователи сходятся во мнении, что алиментное обязательство является неотъемлемой частью семейных отношений, основной задачей которого является предоставление финансовой помощи нуждающимся членам семьи.

Вместе с тем приоритетное значение для интерпретации и применения правовых норм имеет понимание содержания понятия «алиментные обязательства», которое закладывается законодателем, поскольку именно оно обуславливает правоприменительную практику. Для начала следует уточнить содержание термина «алименты». Этимологический анализ термина «алименты» указывает на его происхождение

от латинского слова «alimentum», обозначающего «пищу» или «содержание», что исторически отражает материальную основу алиментных обязательств. Появление термина связано с периодом принципата в Римской империи. Тогда функционировала система алиментации, предполагавшая выделение денежных средств землевладельцам среднего и малого звена из особого государственного фонда. Прибыль, полученная от этих средств, направлялась на поддержку детей-сирот и детей из семей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Таким образом, система алиментации выполняла функцию материальной помощи как для аграриев, так и для нуждающихся детей [7, с. 224].

В современном обществе содержание алиментных обязательств несколько трансформировалось, что обусловлено переменами в экономической и законодательной сферах. Тем не менее, значение слова «алименты» практически не изменилось. В научной литературе оно чаще всего интерпретируется как «денежные средства» [5, с. 134], но такой подход к определению является ограниченным, поскольку в настоящее время допускается взыскание алиментов и в натуральной форме (п. 2 ст. 104, ст. 118 СК РФ) [3]. Анализ Раздела 5 СК РФ позволяет сделать вывод, что под понятием «алименты» в законодательстве подразумеваются «средства на содержание». Данное толкование подтверждается положением, закрепленным в ч. 2 ст. 80 СК РФ [3].

Толкование понятия «обязательство» даётся в ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), где под обязательством понимается гражданское правоотношение, при котором должник должен выполнить определённые действия в интересах кредитора, а кредитор, в свою очередь, вправе требовать от должника исполнения этой обязанности [2]. Если экстраполировать это определение на понятие «алиментные обязательства», то можно сделать вывод, что «алиментное обязательство» представляет собой вид правоотношений, где одна сторона (обязанная) должна предоставлять материальное обеспечение, а другая сторона (уполномоченная) имеет законное право на получение этих средств. Иными словами, это взаимосвязь, в которой одна сторона обязана содержать другую.

Согласно ч. 2 ст. 307 ГК РФ, обязательства возникают из договорных отношений или на основании определённых юридических фактов [2]. Для детального изучения оснований возникновения алиментных обязательств необходимо обратиться к Разделу 5 СК РФ, целиком посвящённому регулированию этих обязательств. В данном нормативном акте закреплена обязанность одних членов семьи обеспечивать материальную поддержку других, причём предполагается, что оказание финансовой помощи нуждающимся родственникам происходит естественным образом, как само собой разумеющееся действие. Законодательство не конкретизирует порядок и форму предоставления содержания, оставляя за членами семьи право самостоятельно их устанавливать. Для возникновения обязательства по содержанию достаточно наличия правовой связи между сторонами (например, кровное родство или брак). В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности по предоставлению содержания у правообладателя возникает субъективное право требования исполнения этого обязательства в установленном порядке. Это может быть достигнуто путём заключения соглашения об уплате алиментов либо через обращение лица, имеющего право на получение материальной помощи, в суд. В результате обязательство по содержанию трансформируется в алиментное обязательство. По сути, алиментные выплаты также являются обеспечением содержания, однако при существовании алиментного обязательства права и обязанности сторон семейных отношений чётко конкретизируются. Это может быть излишним при гармоничных семейных отношениях, но становится необходимым при возникновении разногласий или по взаимному согласию сторон, связанных определёнными социальными узами.

Следует признать, что в действующем законодательстве проводится разграничение между обязанностями по содержанию и алиментными обязательствами. Для возникновения обязанности по содержанию достаточно наличия юридически установленных связей между сторонами, например, родства или официально зарегистрированного брака. Для возникновения алиментных обязательств требуется дополнительное юридическое основание, такое как добровольно заключённое сторонами соглашение или вступившее в законную силу судебное решение. При этом закон чётко устанавливает круг лиц, которые могут претендовать на алименты. Кроме того, обязанность по уплате алиментов возникает, при наличии определённых причин, таких как несовершеннолетний возраст или нетрудоспособность лица, требующая оказания материальной помощи.

Таким образом, возникновение обязанности по уплате алиментов обусловлено наличием конкретных правовых фактов, установленных СК РФ. Это позволяет обеспечить защиту законных интересов как по-

лучателя, так и плательщика алиментов. К числу таких фактов относятся:

- наличие у сторон алиментных обязательств родственных связей на момент обращения по взысканию алиментов (супруги, дети и родители) или до обращения (бывшие супруги);
- наличие у алиентополучателя определённых обстоятельств, таких как нетрудоспособность, необходимость в материальной поддержке, отсутствие возможности трудоустройства и т.д., которые прописаны в законе или соглашении сторон;
- соглашение сторон относительно выплаты алиментов или решение суда, предусматривающее уплату алиментов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что российский законодатель под алиментным обязательством понимает установленную соглашением сторон или судебным решением обязанность гражданина выделять средства на содержание нуждающегося лица в силу существующих между ними брачных и иных семейных отношений. Данное определение является наиболее исчерпывающим и позволяет лучше понять правовую природу алиментных обязательств.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом о поправке к Конституции РФ от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 32. 1994. Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (с изм. от 30.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 1. 1996. Ст. 16.
4. Буйденко Н.В. Институт алиментных прав родителей к детям по семейному законодательству России // Вестник науки. 2023. № 5 (62). С. 215–214.
5. Данилова Н.В., Галандарова С.А. к. Понятие и виды алиментных обязательств // Научный Лидер. 2022. № 45 (90). С. 134–137.
6. Домнина Д.В. Алиментные обязанности родителей и детей по законодательству Российской Федерации // Актуальные исследования. – 2024. № 12(194). Ч. 3. С. 15–18.
7. Загоруйко И.Ю. История возникновения института алиментных обязательств // Актуальные вопросы гуманитарных и социально-экономических наук: сборник трудов Международной научно-практической конференции (с очным участием), г. Пермь, 12 апреля 2018 г.: в 2-х ч. Ч. 1 / Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации. – Пермь: ПВИ ВНГ РФ, 2018. 352 с.
8. Карнаух Ю.Г., Яценко О.В. Алиментные обязательства в Российской Федерации. Причины возникновения и пробелы в законодательстве // Вестник науки. 2025. № 6 (87). С. 462–471.
9. Скачкова Е.А. Научно-практические казусы в алиментных обязательствах родителей перед детьми по российскому и иностранному праву // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. № 1. С. 59–63.
10. Черкашина Н.В., Огнев А.В. Правовое регулирование алиментных обязательств родителей в отношении нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи совершеннолетних детей в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 11 (125). – URL: <https://research-journal.org/archive/11-125-2022-november/10.23670/IRJ.2022.125.49> (дата обращения: 03.04.2026).

ON THE QUESTION OF DEFINITION OF THE CONCEPT OF «ALIMONY OBLIGATIONS» IN THE FAMILY LAW OF RUSSIA

Grigoreva N.V.
Donetsk State University.

Alimony obligations occupy a central place in the family law system, providing financial support to family members in need, which requires careful legal regulation. The effectiveness of the application of relevant legal norms directly depends on the availability of precise and unambiguous definitions of terms used in legislation, which avoids discrepancies and ensures uniformity of judicial practice. The absence of a single, clear definition of the concept of "alimony obligations" in regulatory acts leads to ambiguities in the law enforcement process and discussions in the scientific community. The article provides an overview of the existing interpretations of this concept presented in modern scientific literature, analyzes the legal norms governing alimony relations in order to develop the most accurate definition of the concept of "alimony obligations". Based on the research results, a formulation is proposed that, in the author's opinion, most fully reflects the essential features of alimony obligations, taking into account their legal aspect.

Keywords: alimony obligations; the concept of “alimony”; funds for maintenance; parents; children; family members; family ties; agreement; court decision.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended by the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated July 1, 2020, № 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 11. Article 1416.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended and supplemented, entered into force on August 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. № . 32. 1994. Article 3301.
3. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 N 223-FZ (as amended on 30.10.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. No. 1. 1996. Article 16.
4. Buidenko N.V. Institute of alimony rights of parents to children under the family legislation of Russia // Science Bulletin. 2023. № . 5 (62). P. 215–214.
5. Danilova N.V., Galandarova S.A.K. Concept and types of alimony obligations // Scientific Leader. 2022. № . 45 (90). P. 134–137.
6. Domnina D.V. Parental and child support obligations under the legislation of the Russian Federation // Current Research. 2024. № 12(194). Ч. 3. P. 15–18.
7. Zagoruyko I. Yu. History of the emergence of the institution of alimony obligations // Current issues in the humanities and socio-economic sciences: collection of works of the International scientific and practical conference (with in-person participation), Perm, April 12, 2018: in 2 parts. Part 1 / Perm Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation. – Perm: PVI VNG RF, 2018. 352 p.
8. Karnaukh Yu. G., Yatsenko O.V. Alimony obligations in the Russian Federation. Reasons for their emergence and gaps in legislation // Science Bulletin. 2025. No. 6 (87). P. 462–471.
9. Skachkova E.A. Scientific and practical incidents in the alimony obligations of parents to children under Russian and foreign law // Journal of Legal and Economic Research. 2016. № 1. P. 59–63.
10. Cherkashina N.V., Ognev A.V. Legal regulation of alimony obligations of parents in relation to incapacitated adult children in need of financial assistance in Russia // International Research Journal. 2022. № 11 (125). URL: <https://research-journal.org/archive/11–125–2022-november/10.23670/IRJ.2022.125.49> (date of access: 03.04.2026).

Комбинированные (гибридные) определения суда первой инстанции в гражданском процессе (на примере заочного производства): проблемы обжалования и пути их разрешения

Грызлова Анастасия Александровна,
магистр права, независимый исследователь
E-mail: anastasiagryzlova@mail.ru

В статье исследуется правовая природа и допустимость вынесения судами первой инстанции так называемых «комбинированных (гибридных) определений» в российском гражданском процессе на примере института заочного производства. На основе анализа действующего процессуального законодательства и актуальной судебной практики автор выявляет системную коллизию, возникающую при одновременном разрешении в одном судебном акте вопросов о восстановлении пропущенного процессуального срока и об отмене заочного решения. В работе детально смоделирована ситуация, при которой сроки апелляционного рассмотрения частной жалобы на одну часть гибридного определения фактически поглощают сроки кассационного обжалования другой его части. Автор обосновывает, что подобная правоприменительная практика, мотивированная процессуальной экономией, в действительности нарушает принципы правовой определенности и последовательности стадий процесса, а также ставит стороны в заведомо неравное положение, ограничивая конституционное право истца на эффективную судебную защиту. По результатам исследования предложены пути разрешения указанной проблемы посредством принятия соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: гражданский процесс, ГПК РФ, заочное производство, заочное решение, гибридные определения, комбинированные определения, процессуальная экономия, восстановление процессуального срока, обжалование определений, частная жалоба, кассационное обжалование, судебная защита.

Современный российский гражданский процесс характеризуется устойчивой тенденцией к процессуальной экономии и ускорению судопроизводства.

Одним из проявлений этой тенденции является практика вынесения судами первой инстанции определений, в которых одновременно разрешаются несколько самостоятельных процессуальных вопросов. Для обозначения таких судебных актов автором статьи вводится условный термин «комбинированные (гибридные) определения», который не является устоявшимся в российской гражданско-процессуальной доктрине и используется исключительно в целях настоящего исследования.

Вопрос об объединении в одном судебном определении нескольких самостоятельных процессуальных вопросов в ГПК РФ прямо не урегулирован. Статьи 224 и 225 ГПК РФ предоставляют суду право выносить определения по вопросам, возникающим при рассмотрении дела, однако не содержат ни разрешения, ни запрета на соединение в одном определении выводов суда в отношении нескольких самостоятельных процессуальных вопросов. Правовая природа судебных определений требует обеспечения максимальной ясности и предсказуемости процессуальных последствий для всех участников спора, и разрешение нескольких процессуальных вопросов в одном судебном постановлении допустимо лишь в той мере, в какой оно не нарушает самостоятельность и логическую автономию каждого разрешаемого процессуального вопроса. Представляется верным, чтобы суд, решая вопрос о допустимости принятия гибридных определений, руководствовался критерием их соответствия задачам гражданского судопроизводства. Более того, не должно нарушаться установленное ч. 1 ст. 46 Конституции РФ право на судебную защиту.

В этой связи допустимым является, например, определение, в котором суд принимает исковое заявление к производству, назначает дату предварительного судебного заседания, а также удовлетворяет ходатайство истца об истребовании доказательств. Равным образом допустимо совмещение в одном определении выводов по нескольким ходатайствам о приобщении документов к материалам дела, либо определение, где суд одновременно удовлетворяет требование о назначении экспертизы и приостанавливает движение по делу.

В то же время судебная практика демонстрирует примеры вынесения определений, существенно усложняющих реализацию права на судебную защиту. Особо остро данная проблема проявляется в случаях, когда суд первой инстанции в границах одного судебного постановления одновременно восстанавливает срок на подачу заявления об оспаривании заочного решения, отменяет ранее вынесенное заочное решение и возобновляет производство по делу.

Назначение института заочного производства заключается в обеспечении гарантий истца на осуществление правосудия без неоправданных временных задержек, а также в создании барьеров для деструктивных процессуальных действий со стороны ответчика. Этой правовой логикой обусловлено введение законодателем 7-дневного срока на подачу заявления об отмене заочного решения (ч. 1 ст. 237 ГПК РФ), который может быть восстановлен, если суд квалифицирует обстоятельства его пропуска как уважительные (ч. 1 ст. 112 ГПК РФ). В соответствии с актуальной редакцией ч. 4 ст. 112 ГПК РФ ходатайство о восстановлении срока разрешается судьей единолично в течение 5 дней со дня его поступления без проведения слушания по делу и извещения сторон, хотя суду делегировано дискреционное право по своей воле или по обоснованному обращению участников процесса провести судебное заседание. В то же время вопрос об отмене заочного решения требует обязательного проведения заседания в 10-дневный срок со дня поступления заявления (ст. 240 ГПК РФ). Поскольку при пропуске срока ответчик обязан подавать оба заявления одновременно (ч. 3 ст. 112 ГПК РФ), установленные 5-дневный и 10-дневный сроки начинают течь в один и тот же день.

В идеальной теоретической модели процесс должен быть строго последовательным: суд первоначально принимает к производству ходатайство о восстановлении срока, в случае отрицательного решения возвращает заявление об отмене решения, а при положительном — принимает это заявление к производству и рассматривает его в рамках оставшегося установленного ст. 240 ГПК РФ срока.

Поскольку сохраняется возможность разрешения вопроса о восстановлении срока в рамках судебного заседания, на практике нередко происходит следующее: суд принимает к производству оба заявления и назначает общее заседание; в случае выявления неуважительности причин пропуска срока суд оставляет заявление об отмене решения без рассмотрения, при восстановлении срока – рассматривает заявление и в итоге выносит комбинированное определение. Такая практика может быть обусловлена стремлением к процессуальной экономии и соблюдению принципа осуществления судопроизводства в разумные сроки, однако в силу высокой загруженности судов соблюдение процессуальных сроков рассмотрения заявлений не всегда возможно, помимо этого, разрешение вопроса об отмене заочного решения должно быть не только своевременным, но и законным.

Объединение выводов по двум самостоятельным процессуальным вопросам в одном определении в случае удовлетворения заявления о восстановлении срока не является правильным, поскольку стороны оказываются в заведомо неравном процессуальном положении: сторона, не согласная с восстановлением срока, лишается предусмотренных законом гарантий своевременного и эффективного обжалования определения суда в части восстановления пропущенного процессуального срока, поскольку обжалование невозможно до разрешения вопроса о судьбе заочного решения, что является существенным нарушением ч. 1 ст. 46 Конституции РФ. Недопустимость совместного рассмотрения требований обусловлена также разным порядком обжалования принимаемых по ним судебных постановлений.

Так, определение о восстановлении срока на подачу заявления об отмене заочного решения в силу ч. 5 ст. 112 ГПК РФ подлежит обжалованию в суд апелляционной инстанции в 15-дневный срок со дня вынесения посредством подачи частной жалобы. При этом в судебной практике сформировались противоположные подходы к процедуре оспаривания гибридных определений в части восстановления срока.

Доминирует положительная судебная практика, соответствующая ГПК РФ, в соответствии с которой признается легитимность апелляционной проверки определения по данному процессуальному вопросу¹. В то же время в судебной практике существует альтернативный подход: апелляционный суд возвращает частную жалобу, мотивируя это тем, что нормы ГПК РФ не содержат прямого указания на возможность обжалования такого определения, поскольку это промежуточное решение не блокирует дальнейший ход дела, и эта позиция находит поддержку среди некоторых кассационных судов². Подобная практика судов не соотносится с задачами цивилистического процесса. Инициирование частного обжалования гибридного определения в части восстановления срока на подачу заявления об отмене заочного решения прямо санкционировано ч. 5 ст. 112 ГПК РФ. В связи с этим попытки обосновать запрет на такое оспаривание ссылками на статью 331 ГПК РФ видятся несостоятельными, поскольку они напрямую нивелируют гарантированное законом право на отдельное обжалование промежуточного судебного постановления.

Определение об отмене заочного решения может выступать объектом кассационного пересмотра (ч. 1 ст. 376.1 ГПК РФ). Возможность реализации кассационного обжалования вытекает из абз. 3 п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 17³, согласно которому обособленные судебные акты, не подлежащие апелляционному оспариванию, могут быть проверены в кассации. По мнению А.Г. Кудряшовой, исследовавшей данную проблематику, при своевременной подаче заявления об отмене заочного решения определение об отмене заочного решения не должно подлежать обжалованию отдельно от решения. Исследователь также подчеркивает, что доводы относительно незаконности определения, излагаемые стороной в жалобе на итоговый судебный акт, часто игнорируются вышестоящими судами.

Представляется, что позиция А.Г. Кудряшовой неоправданно ограничивает право истца на судебную защиту и нивелирует фундаментальные задачи института заочного производства. Суть данного процессуального института заключается в создании эффективного правового механизма, противодействующего недобросовестному поведению ответчика, выражающемуся в умышленном затягивании судебного

процесса, неявке в заседания и злоупотреблении процессуальными правами (ст. 35 ГПК РФ). Возможные процессуальные нарушения при отмене заочных решений в совокупности с практикой игнорирования этих нарушений судами проверочных инстанций при обжаловании итогового судебного акта без возможности самостоятельного обжалования определения об отмене заочного решения фактически лишат истца права на справедливое судебное разбирательство. Помимо прочего, недопустимо нарушение принципов правовой определенности, осуществления правосудия в разумный срок.

Совмещение в одном определении вопросов, имеющих разный порядок обжалования, приводит также к нарушению принципа последовательности стадий гражданского процесса, что видно в следующей ситуации, возникающей на практике:

Истец, не согласный с восстановлением срока, реализует право на подачу частной жалобы в границах установленного законом 15-дневного срока (ст. 332 ГПК РФ). На рассмотрение суду второй инстанции отводится период, не превышающий 2 месяцев со дня поступления жалобы. Если принять во внимание временные затраты на физическую пересылку материалов дела или выделенного производства в апелляцию, а также время, необходимое судье для разрешения вопроса о принятии, в ситуации, когда апелляционный суд отказывает в удовлетворении частной жалобы, у истца фактически не остается времени для кассационного обжалования определения в части удовлетворения заявления об отмене заочного решения. Это обусловлено тем, что предусмотренный законом трехмесячный срок для кассации начинается исчисляться немедленно – с даты вынесения первоначального определения судом первой инстанции, поскольку в данной части акт вступает в законную силу немедленно. Пытаясь минимизировать риск пропуска срока, истец может подать краткую (предварительную) кассационную жалобу с целью оставления ее без движения до разрешения вопроса судом апелляционной инстанции либо не ждать вынесения апелляционного определения и подать кассационную жалобу на определение суда первой инстанции и позже уточнить требования. Однако все эти варианты процессуального поведения истца являются последствиями фактического ограничения его права на эффективную судебную защиту, что противоречит задачам цивилистического процесса. Таким образом, вынесение данного гибридного определения ставит стороны в заведомо неравное положение и фактически ограничивает их процессуальные права.

Несмотря на очевидную практическую и теоретическую значимость указанной проблемы, в российской гражданско-процессуальной доктрине она остается практически неисследованной. Несмотря на наличие отдельных научных изысканий по вопросам защиты прав сторон в заочном производстве, обжалования определения об отмене заочного решения, проблема вынесения гибридных определений, содержащих коллизии, возникающие при объединении вопросов о восстановлении срока и отмене заочного решения, практически не получила самостоятельного доктринального осмысления в российской науке гражданского процесса.

В настоящее время правоприменительная практика считает подобные комбинированные определения допустимыми, направленными на процессуальную экономию, однако в действительности существование практической возможности вынесения судами первой инстанции данных определений в рамках заочного производства оказывает деструктивное воздействие на российский гражданский процесс. В связи с этим требуется законодательное уточнение или разъяснения Пленума ВС РФ о недопустимости подобных практик в заочном производстве, что обеспечит соблюдение баланса интересов сторон, принципов правовой определенности, последовательности стадий, а также защитит право истца на отдельное обжалование в порядке ч. 5 ст. 112 ГПК РФ.

Литература

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. – Москва: Статут, 2021. – 460 с.
2. Казиханова С.С. Некоторые вопросы, связанные с защитой интересов ответчика в заочном производстве // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2026. – № 1. – С. 61–65.
3. Кудряшова А.Г. Обжалование определений об отмене заочного решения: теория и практика // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 4(232). – С. 361–363.
4. Куртуков Р.С. Апелляционное обжалование пресекательных определений, принятых в порядке заочного производства в гражданском процессе: спорные вопросы судебной практики // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика: Материалы II международной научно-практической конференции, приуроченной к 25-летию Конституции РФ, Воронеж,

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2025 № 88–26667/2025 по делу № 2–392/2019, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.05.2024 № 88–15723/2024 по делу № 2–5911/2022, Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.12.2023 № 88–41467/2023 по делу № 2–4626/2023.

² Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 03.05.2024 № 88–3239/2024 по гражданскому делу № 2–1596/2024.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 (ред. от 19.11.2024) «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 17).

19 декабря 2018 года. – Воронеж: Воронежский экономико-правовой институт, 2018. – С. 409–413.

5. Решетняк В.И., Черных И.И. Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе. – М., 1997.

6. Сахнова Т.В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 4. – С. 27–49.

7. Солохин А.Е. Обзор правовых позиций Верховного Суда РФ по вопросам процессуального права за июнь – июль 2022 года // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 9. – С. 53–54.

COMBINED (HYBRID) RULINGS OF THE COURT OF FIRST INSTANCE IN CIVIL PROCEDURE (ON THE EXAMPLE OF DEFAULT PROCEEDINGS): PROBLEMS OF APPEAL AND WAYS TO RESOLVE THEM

Gryzlova A.A.

The article examines the legal nature and admissibility of issuing the so-called “combined (hybrid) rulings” by courts of first instance in Russian civil procedure, using the institution of default proceedings as an example. Based on the analysis of current procedural legislation and up-to-date judicial practice, the author identifies a systemic conflict arising from the simultaneous resolution of issues regarding the restoration of a missed procedural deadline and the reversal of a default judgment within a single judicial act. The paper simulates a situation wherein the timeframes for appellate consideration of a private complaint against one part of a hybrid ruling effectively consume the timeframes for cassation appeal of its other part. The author substantiates that such law enforcement practice, motivated by procedural economy, in reality violates the principles of legal certainty and the sequence

of procedural stages, and places the parties in an inherently unequal position, limiting the plaintiff’s constitutional right to effective judicial protection. Based on the research results, ways to resolve this problem through the adoption of relevant clarifications by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation are proposed.

Keywords: civil procedure, Civil Procedure Code of the Russian Federation, default proceedings, default judgment, hybrid rulings, combined rulings, procedural economy, restoration of a missed procedural deadline, appeal of rulings, private complaint, cassation appeal, judicial protection.

References

1. Current Issues in Civil and Administrative Procedure / D.B. Abushenko, K.L. Brano-vitsky, S.K. Zagaynova, et al.; edited by V.V. Yarkov. – Moscow: Statut, 2021. – 460 p.
2. Kazikhanova S.S. Certain Issues Related to the Protection of the Defendant’s Interests in Default Proceedings // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2026. – No. 1. – pp. 61–65.
3. Kudryashova A.G. Appealing Rulings to Overturn a Default Judgment: Theory and Practice // Law and State: Theory and Practice. – 2024. – No. 4 (232). – pp. 361–363.
4. Kurtukov R.S. Appeal against preclusive rulings issued in absentia in civil proceedings: contentious issues of judicial practice // Constitutional and legal regulation of public relations: theory, methodology, practice: Proceedings of the II international scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation, Voronezh, December 19, 2018. – Voronezh: Voronezh Institute of Economics and Law, 2018. – Pp. 409–413.
5. Reshetnyak V.I., Chernykh I.I. Default proceedings and court order in civil proceedings. – Moscow, 1997.
6. Sakhnova T.V. “Incomplete” judicial procedures in modern civil proceedings // Bulletin of civil procedure. – 2021. – No. 4. – Pp. 27–49.
7. Solokhin A.E. Review of legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on procedural law issues for June – July 2022 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2022. – No. 9. – P. 53–54.

Гущин Сергей Дмитриевич,

студент бакалавриата, кафедра информационных систем, технологий и автоматизации в строительстве, НИУ МГСУ
E-mail: seryoga.1234567892016@yandex.ru

Арипова Софья Альбертовна,

студент бакалавриата, кафедра информационных систем, технологий и автоматизации в строительстве, НИУ МГСУ
E-mail: sofaaripovva@yandex.ru

Баранник Максим Дмитриевич,

студент бакалавриата, кафедра информационных систем, технологий и автоматизации в строительстве НИУ МГСУ
E-mail: maksim.barannik4@mail.ru

Литвинов Георгий Олегович,

студент бакалавриата, НИУ МГСУ ИЭУКСН
E-mail: Logininovachii@yandex.ru

Машарипов Юсуп Юсупович,

студент бакалавриата, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Москва
E-mail: contact.yusup@yandex.ru

Статья посвящена анализу изъятия земельных участков и объектов недвижимости для целей строительства в современной России с позиции междисциплинарного подхода, объединяющего правовой и социологический анализ. Рассматривается нормативно-правовая база изъятия, включающая Конституцию РФ, Гражданский, Земельный и Жилищный кодексы, а также специальные федеральные законы и судебную практику Конституционного и Верховного судов. Особое внимание уделяется процедурным гарантиям собственников, включая принцип предварительного и равноценного возмещения, а также механизмам судебного контроля.

Показано, что формально юридически выстроенная процедура изъятия сопровождается значительными социальными последствиями, связанными с нарушением повседневных практик, утратой территориальной укорененности и изменением качества жизни граждан. На основе статистических данных и научных исследований анализируется масштабность процессов изъятия в условиях активного жилищного строительства и программ реновации. Делается вывод о том, что имущественная компенсация не всегда эквивалентна социальной утрате, что формирует ключевую зону конфликтности.

Подчеркивается необходимость учета не только рыночной стоимости имущества, но и социально-инфраструктурных последствий переселения, а также усиления механизмов защиты уязвимых групп населения. В заключении формулируется тезис о необходимости развития территориально-ориентированного подхода к оценке равноценности возмещения.

Ключевые слова: изъятие земельных участков; недвижимость; строительство; публичные нужды; возмещение; комплексное развитие территорий; жилищное право; земельное право; Конституционный Суд РФ; социальные последствия; городская социология; реновация; территориальная справедливость; переселение населения

Изъятие земельных участков и объектов недвижимости для целей строительства обычно описывается как юридическая процедура, однако в социологической перспективе это прежде всего форма перераспределения городских ресурсов, рисков и возможностей. Речь идет не только о переходе права собственности, но и о разрыве повседневных маршрутов, ослаблении соседских связей, изменении доступа к работе, школам, поликлиникам и привычной инфраструктуре. Российская нормативная модель строится на конституционном принципе, согласно которому принудительное отчуждение имущества для государственных нужд допустимо только по решению суда и при условии предварительного и равноценного возмещения; этот принцип конкретизирован в Гражданском, Земельном и Жилищном кодексах, а с 2015 года детально процедурно оформлен после принятия Федерального закона № 499-ФЗ. С 2020 года дополнительный контур регулирования сформирован законодательством о комплексном развитии территорий. [1]

Практика показывает, что наиболее чувствительные точки возникают там, где формально имущественная компенсация не совпадает с социальным смыслом утраты. Конституционный Суд в постановлении от 9 апреля 2026 года допустил возможность разделения во времени самого изъятия и окончательного определения суммы возмещения лишь в исключительных случаях, когда публичная необходимость не вызывает сомнений и промедление создает риски для прав других лиц, здоровья, обороны или безопасности, но даже в таких ситуациях потребовал предварительной выплаты либо внесения в депозит нотариуса суммы, рассчитанной на основе оценочного отчета. Ранее, в 2023 году, тот же суд скорректировал правовой перекос между нанимателями и малоимущими собственниками аварийного или непригодного жилья, указав, что собственники единственного жилья не могут оставаться без реального механизма переселения. [2]

Социальная значимость этой темы усиливается масштабом самого жилищного строительства и программ расселения. По данным Росстата, объем ввода жилья в России вырос с 85,3 млн кв. м до 107,8 млн кв. м в ряду данных за 2015 и 2020–2024 годы. Фонд развития территорий указывает, что по действующему федеральному проекту необходимо расселить 9,97 млн кв. м аварийного жилья и улучшить жилищные условия 560,83 тыс. граждан, а в новом этапе до 2030 года запланировано переселение 345 тыс. человек из 6,2 млн кв. м аварийного фонда. На этом фоне изъятие недвижимости становится не исключительной экзотикой, а частью повседневной городской трансформации. [3]

Российское право исходит из того, что для строительства и реконструкции объектов федерального, регионального или местного значения изъятие возможно лишь тогда, когда такие объекты предусмотрены утвержденными документами территориального планирования и проектами планировки территории. Для иных целей действует закрытый перечень оснований. Верховный Суд в обзоре практики специально подчеркнул, что изъятие для государственных или муниципальных нужд является исключением из общего режима охраны собственности, а потому требует строгого соблюдения как оснований, так и процедуры. [4]

Процедура в действующей модели формально выглядит последовательной, но именно эта последовательность и становится предметом конфликтов. Если сведения о правах отсутствуют в ЕГРН, уполномоченный орган не менее чем за шестьдесят дней до принятия решения обязан запросить сведения, опубликовать сообщение о планируемом изъятии, разместить его на официальных сайтах и информационных щитах. Заинтересованные лица, чьи права не зарегистрированы, могут в течение тех же шестидесяти дней заявить об этих правах. После принятия решения об изъятии орган или инициировавшая организация заказывают кадастровые работы и оценку, ведут переговоры, готовят соглашение и направляют его правообладателю. Размер возмещения определяется не позднее чем за шестьдесят дней до направления проекта соглашения, а правообладатель вправе в течение девяноста дней подписать документ, отказаться от него либо предложить изменение условий, включая размер компенсации. При отсутствии соглашения спор переносится в суд.

Важнейшая гарантия содержится в правиле о моменте перехода прав. Земельный кодекс прямо указывает, что последствия, связанные с прекращением прав при денежной форме возмещения, наступают

только после предоставления такого возмещения. Именно этот принцип Конституционный Суд в 2026 году заново истолковал как материальную, а не только декларативную гарантию: даже когда спор о полной сумме выделен в отдельное производство, собственник должен получить хотя бы предварительную сумму по оценке до фактического изъятия, иначе конституционный баланс между публичным интересом и частной собственностью разрушается.

Таблица

Нормативный акт	Краткое содержание для темы статьи
Конституция РФ, статья 35	Закрепляет судебный характер принудительного отчуждения и требование предварительного и равноценного возмещения.
ГК РФ, статьи 279 и 281	Устанавливают, что сроки, размер возмещения и другие условия определяются соглашением либо судом; возмещение охватывает стоимость имущества и убытки.
ЗК РФ, глава VII.1, статьи 56.3–56.11	Определяет основания изъятия, выявление правообладателей, публикацию сообщений, кадастровые работы, оценку, соглашение и судебное принуждение.
ЖК РФ, статья 32	Распространяет общий порядок изъятия на жилые помещения и устанавливает гарантии собственнику жилья при изъятии участка.
Федеральный закон № 499-ФЗ от 31.12.2014	Ввел детализированную единую процедуру изъятия земельных участков и недвижимости для публичных нужд.
Федеральный закон № 494-ФЗ от 30.12.2020 и статья 56.12 ЗК РФ	Добавили специальные правила для изъятия в целях комплексного развития территорий жилой и нежилой застройки.

Ниже показана укрупненная временная логика процедуры, которая важна не только для юриста, но и для социолога: именно на стыках между этапами, как правило, возникают недоверие, протест и судебные споры.

С юридической точки зрения изъятие обосновывается эквивалентностью возмещения: в него включаются рыночная стоимость участка, стоимость расположенных на нем объектов, убытки, связанные с невозможностью исполнить обязательства перед третьими лицами, и упущенная выгода. Верховный Суд прямо указывает, что выкупная цена должна включать все убытки, а стоимость земли определяется исходя из вида разрешенного использования, существовавшего до начала процедуры изъятия. Но с социологической точки зрения эквивалентность по рынку не означает эквивалентности по жизненному миру: денежная выплата не возвращает территориальную укорененность, сложившиеся соседские обмены, привычный доступ к детскому саду, работе или медицинской помощи. Это различие между юридической и социальной равноценностью и составляет ядро большинства конфликтов вокруг изъятия.

Проблема особенно остра в зонах аварийного жилья, реновации и комплексного развития территорий, где формальное изъятие вписано в более широкий процесс обновления городской ткани. Исследование, опубликованное в журнале «Народонаселение», прямо связывает переселение из аварийного жилья с положением малообеспеченных и социально незащищенных групп и отмечает, что многие переселенцы получают жилье заведомо низкого качества. Это наблюдение важно не только для программ аварийного фонда, но и для любой процедуры изъятия в жилой среде: чем ниже имущественный и социальный ресурс домохозяйства, тем труднее ему конвертировать формальную компенсацию в устойчивое качество жизни после переезда.

Отдельного внимания заслуживает различие между собственниками и нанимателями. Статья 32 ЖК РФ связывает изъятие жилого помещения с изъятием земельного участка и отправляет к общему порядку земельного изъятия, тогда как наниматели по договору социального найма при сносе дома подлежат выселению с предоставлением иных благоустроенных помещений по договорам социального найма. На практике это создавало ситуацию, при которой малоимущий собственник единственного непригодного жилья мог оказаться в худшем положении, чем наниматель. Конституционный Суд в 2023 году признал такую асимметрию недопустимой и специально указал на случаи, когда собственники, включая семью с ребенком-инвалидом, оставались без действенного механизма получения нового жилья. До изменения законодательства Суд предписал обеспечивать таких собственников равнозначным жильем вне очереди, а при невозможности немедленного решения – временно переселять в маневренный фонд.

Уязвимость при изъятии неодинаково распределена и внутри группы собственников. Росстат ведет отдельные массивы официальной статистики по жилищным условиям инвалидов и граждан пожилого возраста, что само по себе показывает признанную государством специфику их жилищных рисков. В контексте изъятия это означает, что формула компенсации, рассчитанная на «среднего собственника», хуже работает там, где значима безбарьерная среда, близость ухаживающих родственников, социальных служб или индивидуально подобранной медицинской инфраструктуры. Иными словами, для таких групп потеря места проживания чаще означает не только имущественную, но и функциональную утрату.

Масштаб проблемы задается не единичными случаями, а обще-российской динамикой строительства и расселения. Высокие объемы жилищного строительства, фиксируемые Росстатом, сочетаются с крупными программами расселения аварийного фонда, которые охватывают сотни тысяч людей. Поэтому изъятие недвижимости в крупных городах следует рассматривать как устойчивый механизм пространственной перестройки, а не как редкое исключение. Чем активнее обновляется городской фонд, тем чаще государство и девелоперские структуры сталкиваются с необходимостью согласовывать интересы инфраструктурного развития и сохранения сложившихся социальных миров.

Право предоставляет гражданам несколько каналов участия, но их эффективность неодинакова. Уже на предварительной стадии можно заявить о неучтенных правах на объект, затем правообладатель получает проект соглашения, вправе направить возражения и собственные предложения по изменению условий, включая размер компенсации, а решение об изъятии может быть оспорено в судебном порядке. Верховный Суд специально указывал, что бремя доказывания соблюдения процедуры уведомления лежит на стороне, инициирующей изъятие. Формально эта модель выглядит как сочетание административной прозрачности и судебного контроля. [19]

Однако социологические исследования городского локального активизма показывают, что формально предусмотренных инструментов часто недостаточно. В обзоре Анны Желниной и Елены Тыкановой формальные гражданские инфраструктуры перечислены как юридически регулируемые формы участия – голосование, ассоциации, муниципальное самоуправление, участие собственников жилья, инициативное бюджетирование, – но авторы одновременно подчеркивают, что драматическое оспаривание городских пространств в современной России нарастает, а неформальные гражданские инфраструктуры становятся все более значимыми именно потому, что формальные каналы не дают адекватных инструментов участия в решениях о судьбе городской среды.

Это особенно заметно в конфликтах вокруг строительства, реновации и изменения инфраструктуры. В исследовании городских локальных конфликтов по Москве и Санкт-Петербургу использовалась уникальная база данных конфликтов 2012–2014 годов, а эмпирические кейсы показывали, что жители прибегают к смешанным стратегиям – от публичной мобилизации до судебных исков. В одном из описанных сюжетов местные активисты собирали подписи, размещали плакаты против стройки и затем обращались в суд; именно сочетание уличной видимости и правового спора делало конфликт значимым для городской повестки.

Для районов нового строительства характерен еще один тип напряжения. Исследования новых городских районов показывают, что отсутствие или недостаточность инфраструктуры особенно остро переживается там, где она является частью «обещания будущего», встроенного в саму логику проекта. Отсюда следует важный вывод для темы изъятия: переселение в новый район не может считаться социально нейтральным само по себе. Даже если новое жилье отвечает формальным параметрам площади и благоустройства, оно может означать снижение качества жизни, если социальная и транспортная инфраструктура отстает от темпов застройки. Тогда имущественное возмещение оказывается полным на бумаге, но неполным в повседневности.

В этом смысле наиболее конфликтной частью процедуры становится не только сам факт изъятия, но и вопрос доверия к оценке, срокам и мотивам публичной власти. Конституционный Суд в 2026 году прямо констатировал неоднородность судебной практики по вопросу о допустимости изъятия участка до окончательного разрешения спора о компенсации. Даже там, где суд признает срочность публичного проекта, отсутствие предварительной выплаты, по формулировке суда, погружает правообладателя в состояние неопределенности. Для социолога это важное замечание: неопределенность здесь выступает не побочным эффектом, а самостоятельным механизмом социального ущерба, поскольку делает невозможным планирование будущего, поиск нового жилья и сохранение привычного образа жизни.

Изъятие земельных участков и объектов недвижимости для целей строительства в современной России следует рассматривать как институт на стыке права и городской социологии. Его нормативное ядро сравнительно ясно сформулировано: основания изъятия ограничены, процедура детализирована, возмещение должно быть предварительным и равноценным, а судебный контроль обязателен. Но эмпирическая и социальная сторона вопроса показывает, что одних правовых гарантий недостаточно. Там, где изъятие затрагивает жилую среду, особенно в крупных городах, оно меняет не только баланс имущественных интересов, но и социальную структуру района, режимы мобильности, локальные сети взаимопомощи и перспективы повседневной воспроизводимости жизни.

Из этого следует несколько практических выводов. Во-первых, перед принятием решения об изъятии в жилых зонах необходимо оценивать не только рыночную стоимость имущества, но и вероятные социальные эффекты переезда: удаленность будущего жилья от работы, школ, учреждений здравоохранения, а также изменение доступа к безбарьерной среде. Во-вторых, в процедуру должны быть встроены специальные механизмы сопровождения уязвимых групп – малоимущих собственников, пожилых людей, семей с детьми и людей с инвалидностью, – поскольку для них компенсация деньгами особенно редко воспроизводит исходные условия жизни. В-третьих, критерий «равноценности» в городских проектах целесообразно практиковать не только как ценовой, но и как территориально-инфраструктурный: новое жилье должно быть сопоставимо по транспортной доступности и доступу к социальной инфраструктуре. В-четвертых, рекомендации Конституционного Суда 2026 года о предварительной выплате либо нотариальном депозите следует рассматривать как минимальный стандарт снижения социальной неопределенности, а не как узкотехническое процессуальное требование. Наконец, участие граждан должно начинаться не на стадии готового проекта соглашения, а раньше – в момент, когда еще обсуждаются планировочные решения и альтернативы реализации строительства. Именно на этом этапе конфликт может быть не подавлен, а преобразован в переговорный процесс.

Для дальнейшей доработки рукописи под требования журнала ВАК целесообразно опираться прежде всего на официальные тексты Конституции, Земельного, Гражданского и Жилищного кодексов, постановление Конституционного Суда № 22-П от 9 апреля 2026 года, постановление Конституционного Суда от 25 апреля 2023 года по статьям 32 и 57 ЖК РФ, обзор практики Верховного Суда от 10 декабря 2015 года, статистический сборник Росстата «Жилищное хозяйство в России 2025», материалы Фонда развития территорий о переселении из аварийного жилья, а также на публикации в журналах «Народонаселение», «Журнал исследований социальной политики» и «Журнал социологии и социальной антропологии», где социальные последствия городского обновления и локальных конфликтов уже описаны в категориях уязвимости, участия и территориальной справедливости.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.). – Москва: Эксмо, 2024. – 64 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.). – Москва: Проспект, 2024.
3. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (с изм. и доп.). – Москва: Проспект, 2024.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (с изм. и доп.). – Москва: Проспект, 2024.
5. Федеральный закон от 31.12.2014 № 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1. – Ст. 52.

6. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1. – Ст. 18.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.04.2026 № 22-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2026.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом ВС РФ 10.12.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.
9. Росстат. Жилищное хозяйство в России. 2025: статистический сборник. – Москва: Росстат, 2025.
10. Желнина А. А., Тыканова Е. А. Городские конфликты и формы гражданского участия в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 45–67.

SEIZURE OF LAND PLOTS AND REAL ESTATE FOR CONSTRUCTION PURPOSES

Gushchin S.D., Aripova S.A., Barannik M.D., Litvinov G.O., Masharipov Yu.Y.

Moscow State University of Civil Engineering, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the expropriation of land plots and real estate for construction purposes in contemporary Russia from an interdisciplinary perspective combining legal and sociological analysis. It reviews the regulatory framework governing expropriation, including the Constitution of the Russian Federation, the Civil, Land, and Housing Codes, as well as special federal laws and the case law of the Constitutional and Supreme Courts. Particular attention is paid to procedural guarantees for property owners, including the principle of prior and equivalent compensation and judicial oversight mechanisms.

The study demonstrates that a formally well-structured legal procedure of expropriation is accompanied by significant social consequences, including disruption of everyday practices, loss of territorial embeddedness, and changes in citizens' quality of life. Based on statistical data and academic research, the paper analyzes the scale of expropriation processes in the context of active housing construction and urban redevelopment programs. It concludes that monetary compensation does not always correspond to social loss, which becomes a key source of conflict.

The article emphasizes the need to consider not only the market value of property but also socio-infrastructure consequences of relocation, as well as to strengthen protection mechanisms for vulnerable population groups. It ultimately argues for the development of a territorially oriented approach to assessing compensation equivalence.

Keywords: land expropriation; real estate; construction; public needs; compensation; integrated territorial development; housing law; land law; Constitutional Court of the Russian Federation; social impact; urban sociology; urban redevelopment; territorial justice; resettlement

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended and supplemented). – Moscow: Eksmo, 2024. – 64 p.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended and supplemented). – Moscow: Prospekt, 2024.
3. Land Code of the Russian Federation: Federal Law No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended and supplemented). – Moscow: Prospekt, 2024.
4. Housing Code of the Russian Federation: Federal Law No. 188-FZ of December 29, 2004 (as amended and supplemented). – Moscow: Prospekt, 2024.
5. Federal Law No. 499-FZ of December 31, 2014 “On Amendments to the Land Code of the Russian Federation...” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 1. – Art. 52.
6. Federal Law No. 494-FZ of December 30, 2020 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation...” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 1. – Art. 18.
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 9, 2026 No. 22-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2026.
8. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation on Issues of Expropriation of Land Plots for State and Municipal Needs (approved by the Presidium of the Supreme Court of the RF on December 10, 2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2016. – No. 2.
9. Rosstat. Housing Sector in Russia 2025: Statistical Yearbook. – Moscow: Rosstat, 2025.
10. Zhelnina A. A., Tykanova E. A. Urban Conflicts and Forms of Civic Participation in Contemporary Russia // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2023. – Vol. 26, No. 3. – pp. 45–67.

Признание экономической ценности домашнего труда при разделе имущества супругов: зарубежный опыт и перспективы реформирования российского семейного законодательства

Грызлова Анастасия Александровна,
магистр права, независимый исследователь
E-mail: anastasiagryzlova@mail.ru

В статье исследуется проблема недостаточной правовой оценки неоплачиваемого домашнего труда при разделе имущества супругов, который учитывается при признании права супруга на общее имущество в соответствии с п. 3 ст. 34 СК РФ, но не рассматривается как самостоятельное основание для увеличения доли супруга. На основе сравнительно-правового анализа законодательства и судебной практики КНР, Испании, Великобритании, Австралии и США обосновывается необходимость признания экономической ценности домашнего труда в российском семейном праве. Автор предлагает двухуровневый механизм защиты супруга, несущего значительно больший объем семейных обязанностей, включающий отступление от равенства долей и субсидиарный институт денежной компенсации. Разработаны предложения по внесению изменений в п. 2 ст. 39 СК РФ и разъяснения Пленума ВС РФ от 05.11.1998 № 15, а также рассмотрены вопросы доказывания большего объема семейной нагрузки при реализации предлагаемых мер.

Ключевые слова: семья, семейное право, домашний труд, раздел имущества супругов, равенство долей супругов, отступление от равенства долей, компенсация за домашний труд, сравнительное право, зарубежный опыт, экономическая ценность труда, имущественные права супругов, судебная практика.

Современное семейное право все чаще сталкивается с необходимостью адекватной правовой оценки различных форм вклада супругов в семейные отношения. Наряду с финансовым обеспечением семьи существенное значение имеет вклад в ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и уход за пожилыми членами семьи. При расторжении брака такой вклад зачастую остается юридически неоцененным, что в итоге может привести к нарушению баланса имущественных интересов бывших супругов.

Проблема признания экономической ценности неоплачиваемого домашнего труда одного из супругов заслуживает должного внимания по нескольким причинам:

Во-первых, домашний труд представляет собой реальный экономический вклад в семейное благосостояние: один из супругов позволяет другому сосредоточиться на оплачиваемой работе, повышении квалификации, накоплении человеческого капитала, в том числе профессионального опыта и связей. Без этого вклада семья не смогла бы достигнуть того уровня доходов и имущества, который формируется в браке. Игнорирование этого вклада приводит к тому, что один супруг фактически субсидирует карьерный рост другого, но при разводе остается без адекватной компенсации.

Во-вторых, отсутствие признания ценности домашнего труда создает значительный экономический дисбаланс после расторжения брака. Супруг (чаще всего тот, кто посвящал годы домашнему хозяйству и воспитанию детей), выходя из брака с пробелами в трудовой биографии, сниженной квалификацией, меньшим пенсионным капиталом и ограниченными возможностями на рынке труда. В результате после развода наблюдается резкое падение его экономического положения и социальная уязвимость этого супруга, в то время как второй супруг сохраняет преимущества накопленного опыта и доходов.

В-третьих, это имеет долгосрочные социальные и демографические последствия. Недооценка домашнего труда снижает стимулы к созданию семьи и рождению детей, поскольку один из супругов рискует оказаться в экономически невыгодном положении при возможном разводе. Исследования показывают, что неравномерное распределение неоплачиваемого домашнего труда также повышает риск развода из-за накопления обиды и эмоционального выгорания¹.

Наконец, признание экономической ценности неоплачиваемого домашнего труда – это вопрос правовой современности и баланса интересов супругов. Как сообщают в ТАСС со ссылкой на опрос Росстата за 2025 год, россиянки тратят на уход за детьми и их воспитание в три раза больше времени, чем мужчины, а на быт – в два раза больше². Непризнание ценности домашнего труда нарушает принцип справедливости имущественных отношений супругов. Брак, как добровольный союз, направленный на создание семьи, предполагает, что каждый из супругов вносит свой вклад, как денежный, так и неденежный. Современное семейное право многих стран (включая Российскую Федерацию) формально признает право на общее имущество за «домохозяйкой/домохозяином», но на практике этот вклад почти никогда не переводится в дополнительную денежную оценку или увеличение доли.

Так, в силу п. 3 ст. 34 СК РФ³ право на общее имущество супругов принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода.

Данная норма прямо закрепляет право супруга, осуществлявшего домашнее хозяйство, уход за детьми, на равную долю в общем имуществе, однако она не наделяет его правом претендовать на отступление от принципа равенства долей супругов при разделе совместно нажитого имущества, закрепленного в п. 1 ст. 39 СК РФ, в большую сторону или требовать какую-либо компенсацию за свой труд, то есть не рас-

¹ Jóhannsson F., Reynisson L.E. The mental load: does it exist within same-sex relationships? / F. Jóhannsson, L.E. Reynisson. – Reykjavik: University of Iceland, 2019. – 32 p. – URL: <https://skemman.is/handle/1946/50604?locale=en> (дата обращения: 01.06.2026).

² Женщины на уход за детьми тратят в три раза больше времени, чем мужчины // ТАСС: информационное агентство. – 2025. – 30 апр. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/23830035> (дата обращения: 01.06.2026).

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. (далее – СК РФ).

смачивает больший вклад в домашний труд как самостоятельное основание для отступления от равенства долей. Отступление, в соответствии с п. 2 ст. 39 СК РФ, п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 15¹, допускается преимущественно в интересах несовершеннолетних детей либо при наличии заслуживающих внимания обстоятельств (тяжелая болезнь, нетрудоспособность одного из супругов или недобросовестное расходование имущества). При этом российская судебная практика демонстрирует достаточно сдержанный подход к отступлению от принципа равенства долей супругов. Например, исходя из п. 14 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2019)², Определение СКГД ВС РФ от 26.05.2020 № 18-КГ20-15³, наличие общих несовершеннолетних детей и определение их места жительства с одним из родителей не является безусловным основанием для отступления от равенства долей супругов. Таким образом, анализ судебной практики также позволяет сделать вывод о том, что неоплачиваемый домашний труд учитывается лишь при признании права на общее имущество супругов в соответствии с п. 3 ст. 34 СК РФ, однако не рассматривается в качестве самостоятельного основания для увеличения доли супруга при разделе совместно нажитого имущества.

Указанное положение действующего законодательства и практики его применения является предметом научной дискуссии. В юридической литературе обращается внимание на проблему правовой оценки домашнего труда супругов: в частности, исследует вопросы оценки домашнего труда супругов в российском и постсоветском семейном законодательстве доктор юридических наук, профессор А.М. Рабец⁴. Помимо этого, в семейно-правовой доктрине РФ внимание уделяется вопросам справедливого распределения имущественных последствий брака, в связи с чем исследователи, в том числе Е.А. Чефранова и С.Ю. Чашкова, отмечают необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов⁵.

Представляется, что в современных реалиях существующее правовое регулирование имущественных отношений супругов требует изменений.

В некоторых зарубежных странах признается экономическая ценность неоплачиваемого домашнего труда. Например, в Испании, в силу ст. 1438 Гражданского кодекса Испании, работа по ведению домашнего хозяйства признается вкладом в несение семейных расходов и дает право на получение компенсации, которую судья устанавливает при отсутствии соглашения при прекращении режима раздельного имущества⁶. Такие компенсации присуждаются в исключительных случаях, когда супруги изначально выбрали брачный режим раздельного владения имуществом и один из супругов занимался исключительно домашним хозяйством, не имея возможности строить карьеру. Так, в марте 2023 года суд города Велес-Малага обязал предпринимателя выплатить своей бывшей жене 204 624, 86 евро в качестве компенсации за неоплаченную работу по дому за 25 лет брака, рассчитав сумму компенсации на основе минимальной заработной платы специалистов в Испании⁷.

В странах общего права домашний труд принимается во внимание при разделе имущества, но не в форме прямой денежной выплаты сверх равных долей. Например, в решении Палаты лордов по делу *White v. White* (2000), которое является фундаментальным судебным прецедентом Великобритании, суд отметил, что при разделе имущества не должно быть никакого дискриминационного разделения между тем, кто зарабатывал деньги, и тем, кто вел домашнее хозяйство, их вклад признается равным⁸. В США, а конкретно в Нью-Йорке и Флори-

де действует система справедливого раздела имущества, при которой суды учитывают, в частности, вклад каждого супруга в приобретение семейного имущества, в уход и воспитание детей, в личную карьеру или получение образования другого супруга, а также выполнение обязанностей по ведению домашнего хозяйства что является основанием для неравного распределения супружеского имущества (*Hartog v. Hartog*, 85 N.Y.2d 36 (1995)⁹, *Knecht v. Palmer*, 252 So. 3d 383 (Fla. 4th DCA 2018)¹⁰). Помимо этого, в Великобритании и многих штатах США суды нередко используют юридический механизм регулярных выплат (реабилитационных, компенсационных, постоянных), которые один из бывших супругов совершает в пользу другого после развода и которые направлены на финансовую поддержку бывшего партнера, занимавшегося бытом и детьми¹¹. В Австралии, в силу Закона о семейном праве 1975 года, суд при разделе имущества в обязательном порядке оценивает как финансовый вклад сторон, так и нефинансовый вклад, в том числе в качестве домохозяйки или родителя (ст. 79), который имеет такую же юридическую значимость¹².

Особый интерес представляет опыт Китайской Народной Республики, где экономическая ценность неоплачиваемого домашнего труда одного из супругов также была признана на законодательном уровне. В 2021 году в ГК КНР была включена статья 1088, которая стала фундаментом института компенсации за домашний труд в Китае¹³. В соответствии с данной статьей, если один из супругов обременен дополнительными обязанностями по воспитанию детей, уходу за престарелыми или помощи другому супругу в его работе, то этот супруг имеет право требовать компенсацию при разводе от другой стороны, и другая сторона обязана выплатить ему надлежащую компенсацию; конкретные условия выплаты такой компенсации определяются супругами по соглашению или разрешаются народным судом, если такое соглашение не достигнуто. Данная норма применяется дополнительно к равному разделу совместно нажитого имущества.

Таким образом, китайский законодатель установил самостоятельный компенсационный механизм: на уровне национального кодекса была введена отдельная компенсация сверх равного раздела имущества. Ранее компенсация за домашний труд применялась исключительно к парам, выбравшим раздельный режим имущества, но после законодатель КНР отказался от прежнего подхода и установил механизм, действующий при любом имущественном режиме.

Статью 1088 ГК КНР дополняет также статья 78 Закона КНР «О защите прав и интересов женщин»¹⁴, в силу которой женщина имеет право требовать от мужчины компенсации при разводе, если на ней лежит больше обязанностей по воспитанию детей, уходу за престарелыми, помощи супругу в работе и т.д.¹⁵

Практическое применение ст. 1088 ГК КНР началось практически сразу после вступления ГК КНР в силу. Уже в феврале 2021 года суд района Фаншань города Пекина рассмотрел первое известное дело и присудил супруге 50 тысяч юаней компенсации за домашний труд сверх равных долей в совместно нажитом имуществе¹⁶. В июле 2021 го-

<https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/2000/54.html> (дата обращения: 01.06.2026).

⁹ *Hartog v. Hartog* 85 N.Y.2d 36: [judgment of the New York Court of Appeals of February 14, 1995] // Justia Law. — URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/court-of-appeals/1995/85-n-y-2d-36-0.html> (дата обращения: 01.06.2026).

¹⁰ *Knecht v. Palmer*: Case No. 5D17-553: [judgment of the District Court of Appeal of Florida, Fifth District of August 03, 2018] // FindLaw Caselaw. — URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/fl-district-court-of-appeal/1945652.html> (дата обращения: 01.06.2026).

¹¹ Factors Involved In Spousal Maintenance Arrangements // William Casey Law Office: website. — Minneapolis, 2026. — URL: <https://www.wclawoffice.com/resources/factors-involved-in-spousal-maintenance-arrangements/> (дата обращения: 01.06.2026).

¹² Family Law Act 1975: Commonw. Act No. 53 of 1975: [with amendments up to 2026]. Section 79. Alteration of property interests // Australasian Legal Information Institute (AustLII). — URL: austlii.edu.au (дата обращения: 01.06.2026).

¹³ Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: [принят на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 28 мая 2020 г.: вступил в силу 1 января 2021 г.] // Законодательство Китая. — URL: npc.gov.cn (дата обращения: 01.06.2026) (далее — ГК КНР).

¹⁴ Закон Китайской Народной Республики о защите прав и интересов женщин: [принят на 37-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 30 окт. 2022 г.: вступил в силу 1 янв. 2023 г.] // Скорая юридическая помощь в Китае. — URL: <https://chinahelp.me/registry-office/zakon-knr-o-zashhite-prav-i-interesov-zhenshin-2023> (дата обращения: 01.06.2026) (далее — Закон КНР «О защите прав и интересов женщин»).

¹⁵ Закон Китайской Народной Республики о защите прав и интересов женщин: [принят на 37-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 30 окт. 2022 г.: вступил в силу 1 янв. 2023 г.] // Скорая юридическая помощь в Китае. — URL: <https://chinahelp.me/registry-office/zakon-knr-o-zashhite-prav-i-interesov-zhenshin-2023> (дата обращения: 01.06.2026).

¹⁶ Chinese court orders man to pay wife for housework in divorce ruling // CGTN: news website. — 2021. — 25 Feb. — URL: <https://news.cgtn.com/>

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 15).

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019) // СПС КонсультантПлюс.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 N 18-КГ20-15 // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Рабец А.М. Проблемы оценки домашнего труда супругов в семейном законодательстве РФ и на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 25–28.

⁵ Чефранова Е. А., Чашкова С.Ю. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов). Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 23–44. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.023-044

⁶ Código Civil de España: de 24 de julio de 1889: [con las modificaciones y adiciones de 2026] // Conceptos Jurídicos. — URL: <https://www.conceptosjuridicos.com/articulos/codigo-civil-articulo-1438/> (дата обращения: 01.06.2026).

⁷ Spanish man ordered to pay ex-wife €200,000 for 25 years of unpaid housework // Business Insider. — 2023. — 8 Mar. — URL: [businessinsider.com](https://www.businessinsider.com) (дата обращения: 01.06.2026).

⁸ *White v. White* [2000] UKHL 54; [2000] 3 WLR 1571: [judgment of the House of Lords of 26 October 2000] // British and Irish Legal Information Institute (BAILII). — URL:

да суд провинции Фуцзянь присудил домохозяйке 550 тысяч юаней¹. В апреле того же года в Чунцине женщина получила 120 тысяч юаней компенсации за 8 лет ведения домашнего хозяйства и воспитания двоих детей. В июне домохозяйка из Гуанси-Чжуанского автономного района получила 25 000 юаней, а домохозяйка из провинции Чжэцзян – 15 000 юаней².

Одним из наиболее показательных недавних дел является дело Ху в городе Чжэнчжоу провинции Хэнань. Истец требовала 50 тысяч юаней за выполнение обязанностей по ведению домашнего хозяйства и воспитанию ребёнка. В результате медиации суд обязал ответчика выплатить 250 тысяч юаней общей компенсации, из которых 50 тысяч юаней были прямо квалифицированы как компенсация за домашний труд³.

Помимо экономической компенсации за развод по ст. 1088 ГК КНР, законодательство Китая предусматривает также компенсацию за ущерб, причиненный разводом (ст. 1091 ГК КНР, полагается добросовестному супругу, если развод вызван виной другой стороны, которая выражена определенными обстоятельствами) и экономическую помощь при разводе (ст. 1090 ГК КНР, если во время развода у одной из сторон возникли трудности в жизни, другая сторона, которая может себе это позволить, должна оказать соответствующую помощь, что похоже на компенсационные алименты).

Наряду с положительной судебной практики по назначению компенсации по ст. 1088 ГК (а также ст. ст. 1090 и 1091 ГК КНР) существует и отрицательная судебная практика. Например, в деле по иску Ма Муця к Ма Муи о расторжении брака, рассматриваемом Народным судом автономного округа Дунсян, суд отказал в требовании истца к ответчику о выплате 100 000 юаней в качестве компенсации, поскольку истец не предоставил доказательств, подтверждающих, что жизнь действительно была трудной или обремененной большим количеством обязательств перед семьей⁴.

Важным развитием китайского института компенсации за домашний труд стало принятие Верховным народным судом КНР 15 января 2025 года Разъяснения II по применению раздела о браке и семье Гражданского кодекса⁵, благодаря которому у китайских судов сформировался единый подход к оценке требований о компенсации. В статье 21 Разъяснения описаны четкие ориентиры, которыми должны руководствоваться суды для определения размера компенсации: время и силы, вложенные в выполнение домашних обязанностей, влияние такого распределения ролей на экономическое положение обеих сторон, платежеспособность супруга, обязанного выплачивать компенсацию, и средний уровень доходов в соответствующем регионе⁶. Несмотря на то, что некоторые ставят под сомнение способы количественной оценки вклада супруга в домашнее хозяйство и определения размера компенсации, большинство признают важность официального признания невидимого домашнего труда, и некоторые отмечают, что существование ст. 1088 ГК КНР поощряет распределение домашних обязанностей в семьях, способствует взаимному уважению между супругами, снижают дискриминацию среди кормильцев, обеспечивает стабильность и гармоничность брачных отношений⁷.

Таким образом, между китайским и российским подходами существует принципиальное различие: в Китае компенсация за домаш-

news/2021-02-25/Chinese-court-orders-man-to-pay-wife-for-housework-in-divorce-ruling-YahPCENIZI/index.html (дата обращения: 01.06.2026).

¹ Yuan Yuan. Housewives in China can demand household labor compensation in divorce / Yuan Yuan // Beijing Review. – 2021. – 9 Sep. – URL: https://www.bjreview.com/China/202109/t20210909_800257819.html (дата обращения: 01.06.2026).

² Там же.

³ Divorce cases highlight China's recognition of women's household labor // Xinhua: news agency. – 2025. – 16 Oct. – URL: <https://english.news.cn/20251016/b642d835710043adb21e07fd0597884/c.html> (дата обращения: 01.06.2026).

⁴ Решение Народного суда автономного уезда Дунсян провинции Ганьсу (КНР) по делу № (2023) Гань 2927 Миньчэу 1419: [по иску Ма Муця к Ма Муи о расторжении брака и взыскании компенсации за домашний труд] // China Judgments Online: база судебных решений КНР. – URL: court.gov.cn (дата обращения: 01.06.2026).

⁵ Разъяснения II Верховного народного суда КНР по вопросам применения Раздела о браке и семье Гражданского кодекса Китайской Народной Республики: [приняты Судебным комитетом Верховного народного суда 15 янв. 2025 г.: № 法律〔2025〕1号] // Официальный сайт Верховного народного суда КНР. – URL: court.gov.cn (дата обращения: 01.06.2026) (далее – Разъяснение).

⁶ Draft Interpretation II of the Supreme People's Court on several issues concerning the application of the Marriage and Family Section of the Civil Code of the People's Republic of China // China Law Translate. – 2024. – URL: chinalawtranslate.com (дата обращения: 01.06.2026).

⁷ Divorce cases highlight China's recognition of women's household labor // Xinhua: news agency. – 2025. – 15 Oct. – URL: <https://english.news.cn/20251015/50199b1b90824910afa9796548adb94/c.html> (дата обращения: 01.06.2026).

ний труд является дополнительным правом, существующим наряду с равным разделом имущества, тогда как в России домашний труд учитывается лишь как основание для признания права на долю в общем имуществе, но не как самостоятельное основание для денежной компенсации.

На основе проведенного сравнительно-правового анализа норм Семейного кодекса РФ, а также законодательства КНР, Испании, Великобритании, Австралии и отдельных штатов США, представляется возможным выделить три потенциальных правовых механизма признания экономической ценности домашнего труда в России: денежная компенсация; отступление от принципа равенства долей при разделе совместно нажитого имущества; реабилитационные (компенсационные) алименты. У каждого из данных правовых механизмов есть недостатки: например, минусы компенсации заключаются в отсутствии объективных и четких критериев расчета размера выплаты, необходимости разработки методики денежной оценки домашнего труда, сложности доказывания реального объема домашнего труда, большего вклада в ведение домашнего хозяйства, ухода за детьми, помощь престарелым и т.п., высоком риске уклонения от исполнения решения суда в отношении взыскания компенсации, злоупотреблениях со стороны работающего супруга, которые могут проявляться в искусственном снижении занятости в последние годы брака; недостаток отступления равенства долей может заключаться в том, что механизм будет неэффективен, если у супругов нет общего имущества, также субъективность судебной оценки домашнего вклада может привести к неоднородной судебной практике; главным недостатком взыскания компенсационных алиментов может стать невозможность исполнения, поскольку в России имеется большая проблема с выплатой задолженности по алиментным обязательствам (согласно официальному отчету Счетной палаты от 2026 г., задолженность по алиментам к концу 2024 года превысила 250 млрд рублей⁸), также существует сложность доказывания причинно-следственной связи между домашним трудом и утратой квалификации, возможна трудовая демотивация.

Наиболее предпочтительным и практически реализуемым для российской правовой и социально-экономической реальности является второй способ – отступление от равенства долей при разделе общего имущества (ст. 39 СК РФ), дополненный элементами первого способа (правом суда назначать денежную компенсацию).

De lege ferenda целесообразно изменить п. 2 ст. 39 СК РФ, дополнив ее следующими абзацами:

«Супруг, который в период брака нес значительно больший объем семейных обязанностей, чем другой супруг, в частности, осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или иными членами семьи, либо оказывал содействие в профессиональной (предпринимательской) деятельности другого супруга, имеет право на увеличение своей доли в общем имуществе супругов.

При отсутствии общего имущества супругов, его незначительности либо в случае, если увеличение доли в общем имуществе не позволяет соразмерно компенсировать вклад указанного супруга в ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, суд по требованию такого супруга вправе обязать другого супруга к выплате компенсации».

Дополнительно рекомендуется добавить в п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 15 или отдельным пунктом следующие разъяснения:

«При рассмотрении требований о взыскании компенсации за домашний труд (п. 2 ст. 39 СК РФ), судам необходимо учитывать следующее:

Размер и порядок выплаты компенсации определяются судом с учетом времени и сил, вложенных в выполнение домашних обязанностей, влияния такого распределения ролей на экономическое положение обеих сторон, платежеспособности супруга, обязанного выплачивать компенсацию, а также среднего уровня доходов в соответствующем субъекте Российской Федерации.

По соглашению сторон компенсация в денежной форме может быть заменена предоставлением иного имущества, принадлежащего супругу-должнику на праве личной собственности».

Таким образом, на законодательном уровне будет введен институт компенсации за домашний труд, применение которого будет носить субсидиарный характер. При решении вопроса о назначении компенсации суд сможет оценивать реальный вклад обоих супругов в благополучие семьи. Разъяснение Пленума ВС РФ поможет судьям руководствоваться четкими ориентирами при определении размера ком-

⁸ Счетная палата Российской Федерации. Отчет о состоянии взыскания алиментных обязательств в судебной системе и федеральном бюджете. 2026. – URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/e04/3cydu4b68uqt99mhuxnp40d8fwg1n1pm/Otchet_alimenty-GOSUPRAVLENIE_SUDEBNAYA-SISTEMA_FEDERALNYY-BYUDZHET.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

пенсации, однако также видится необходимой разработка конкретной методики расчета компенсации за домашний труд.

Отдельного внимания заслуживает вопрос доказывания значительно большего объема семейных обязанностей одним из супругов. Представляется, что бремя доказывания указанных обстоятельств должно возлагаться на супруга, заявляющего требование об увеличении доли в общем имуществе либо о выплате компенсации. В качестве доказательств могут использоваться документы, подтверждающие нахождение в отпуске по уходу за ребенком, сведения образовательных и медицинских организаций об участии супруга в воспитании и сопровождении детей, документы, свидетельствующие о длительном перерыве в трудовой деятельности, свидетельские показания, а также иные допустимые доказательства, позволяющие установить фактическое распределение семейных обязанностей между супругами. При этом судам следует оценивать не отдельные бытовые действия, а совокупность обстоятельств, свидетельствующих о наличии существенного и продолжительного дисбаланса в распределении семейной нагрузки.

На первоначальном этапе российские суды, вероятно, будут применять положения п. 2 ст. 39 СК РФ сдержанно, однако со временем практика должна стать более предсказуемой и единообразной, в том числе в части формирования подходов к оценке доказательств, подтверждающих больший вклад одного из супругов в заботу о семейном благополучии. Верховный Суд РФ сможет обобщать практику и включать наиболее показательные дела в свои обзоры, что ускорит формирование устойчивых подходов. В долгосрочной перспективе данный институт станет развитым механизмом правовой защиты неоплачиваемого домашнего труда, который позволит более справедливо учитывать реальный вклад каждого супруга в семейную жизнь и снизить экономическую уязвимость того из них, кто посвятил себя домашним обязанностям.

Предлагаемая формулировка абз. 2 и абз. 3 п. 2 ст. 39 СК РФ соответствует основным началам семейного законодательства (ст. 1 СК РФ), сохраняет баланс интересов обоих супругов. С одной стороны, данный механизм обеспечивает материальную поддержку супругу, пожертвовавшему профессиональной реализацией ради ведения домашнего хозяйства. С другой стороны, он исключает необоснованное обогащение и защищает права работающего супруга, поскольку возлагает на супруга, требующего отступление от равенства долей или компенсацию, бремя доказывания факта несения значительно большей семейной нагрузки, а также имеет критерии определения размера компенсации, не позволяющие суду выносить произвольные и экономически необоснованные решения о выплате компенсации за домашний труд.

Отдельно необходимо отметить, что предлагаемый механизм отступления от равенства долей не направлен на разрушение общего принципа равенства долей супругов. Судебное усмотрение должно активироваться только при наличии явного дисбаланса в распределении семейной нагрузки, который привел к очевидным потерям для одной из сторон, а не при естественном, незначительном разделении бытовых обязанностей. Также важно указать, что критерий платежеспособности должника должен применяться судами не для минимизации или аннулирования справедливого размера компенсации, а исключительно для возможного установления гибких графиков выплат (рассрочки). Минимальный порог компенсации в любом случае должен соотноситься с потребностями адаптирующегося супруга и средним доходом по региону, независимо от текущих попыток должника скрыть свои реальные доходы.

Признание экономической ценности домашнего труда в России будет способствовать более полному учету вклада каждого из супругов в благополучие семьи при разделе совместно нажитого имущества. Предлагаемые изменения направлены на совершенствование механизмов защиты имущественных интересов супруга, который в период брака преимущественно осуществлял ведение домашнего хозяйства, воспитание детей либо выполнение иных семейных обязанностей. Реализация указанных предложений позволит расширить существующие способы учета неимущественного вклада супругов в семейные отношения и обеспечит более гибкий подход к разрешению имущественных споров, возникающих при расторжении брака.

Юридическое признание домашнего труда в качестве обстоятельства, способного влиять на объем имущественных прав супругов, будет соответствовать современным тенденциям развития семейного законодательства зарубежных государств и способствовать достижению более справедливого баланса интересов сторон при разделе имущества.

Литература

1. Chinese court orders man to pay wife for housework in divorce ruling // CGTN: news website. – 2021. – 25 Feb. – URL: <https://news.cgtn.com/>

news/2021-02-25/Chinese-court-orders-man-to-pay-wife-for-housework-in-divorce-ruling-YahPCENIZi/index.html (дата обращения: 01.06.2026).

2. Código Civil de España: de 24 de julio de 1889: [con las modificaciones y adiciones de 2026] // Conceptos Jurídicos. – URL: <https://www.conceptosjuridicos.com/articulos/codigo-civil-articulo-1438/> (дата обращения: 01.06.2026).

3. Divorce cases highlight China's recognition of women's household labor // Xinhua: news agency. – 2025. – 16 Oct. – URL: <https://english.news.cn/20251016/b642d835710043adb21e07fdf0597884/c.html> (дата обращения: 01.06.2026).

4. Draft Interpretation II of the Supreme People's Court on several issues concerning the application of the Marriage and Family Section of the Civil Code of the People's Republic of China // China Law Translate. – 2024. – URL: chinalawtranslate.com (дата обращения: 01.06.2026).

5. Factors Involved In Spousal Maintenance Arrangements // William Casey Law Office: website. – Minneapolis, 2026. – URL: <https://www.wclawoffice.com/resources/factors-involved-in-spousal-maintenance-arrangements/> (дата обращения: 01.06.2026).

6. Family Law Act 1975: Commonw. Act № 53 of 1975: [with amendments up to 2026]. Section 79. Alteration of property interests // Australasian Legal Information Institute (AustLII). – URL: austlii.edu.au (дата обращения: 01.06.2026).

7. Jóhannsson F., Reynisson L.E. The mental load: does it exist within same-sex relationships? / F. Jóhannsson, L.E. Reynisson. – Reykjavík: University of Iceland, 2019. – 32 p. – URL: <https://skemman.is/handle/1946/50604?locale=en> (дата обращения: 01.06.2026).

8. Spanish man ordered to pay ex-wife €200,000 for 25 years of unpaid housework // Business Insider. – 2023. – 8 Mar. – URL: [businessinsider.com](https://www.businessinsider.com) (дата обращения: 01.06.2026).

9. Yuan Yuan. Housewives in China can demand household labor compensation in divorce / Yuan Yuan // Beijing Review. – 2021. – 9 Sep. – URL: https://www.bjreview.com/China/202109/t20210909_800257819.html (дата обращения: 01.06.2026).

10. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: [принят на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 28 мая 2020 г.: вступил в силу 1 января 2021 г.] // Законодательство Китая. – URL: npc.gov.cn (дата обращения: 01.06.2026);

11. Женщины на уход за детьми тратят в три раза больше времени, чем мужчины // ТАСС: информационное агентство. – 2025. – 30 апр. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/23830035> (дата обращения: 01.06.2026).

12. Закон Китайской Народной Республики о защите прав и интересов женщин: [принят на 37-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 30 окт. 2022 г.: вступил в силу 1 янв. 2023 г.] // Скорая юридическая помощь в Китае. – URL: <https://chinahelp.me/registry-office/zakon-knr-o-zashhiteprav-i-interesov-zhenshhin-2023> (дата обращения: 01.06.2026).

13. Рабец А.М. Проблемы оценки домашнего труда супругов в семейном законодательстве РФ и на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 25–28.

14. Разъяснения II Верховного народного суда КНР по вопросам применения Раздела о браке и семье Гражданского кодекса Китайской Народной Республики: [приняты Судебным комитетом Верховного народного суда 15 янв. 2025 г.: № 法释 [2025] 1号] // Официальный сайт Верховного народного суда КНР. – URL: court.gov.cn (дата обращения: 01.06.2026).

15. Решение Народного суда автономного уезда Дунсян провинции Ганьсу (КНР) по делу № (2023) Гань 2927 Миньчу 1419: [по иску Ма Муця к Ма Муи о расторжении брака и взыскании компенсации за домашний труд] // China Judgments Online: база судебных решений КНР. – URL: court.gov.cn (дата обращения: 01.06.2026).

16. Счетная палата Российской Федерации. Отчет о состоянии взыскания алиментных обязательств в судебной системе и федеральном бюджете. 2026. – URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/e04/3cydu4b68uqt99mhuxnp40d8fwg1n1pm/Otchet_alimenty-GOSUPRAVLNIE-SUDEBNAYA-SISTEMA-FEDERALNYY-BYUDZHET.pdf (дата обращения: 01.06.2026).

17. Чефранова Е. А., Чашкова С.Ю. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов). Lex russica. 2024. Т. 77. № 12. С. 23–44. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.023-044.

RECOGNITION OF THE ECONOMIC VALUE OF DOMESTIC LABOR IN THE DIVISION OF SPOUSES'

PROPERTY: FOREIGN EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR REFORMING RUSSIAN FAMILY LAW

Gryzlova A.A.

The article examines the problem of insufficient legal recognition of unpaid domestic labor in the division of spouses' property upon divorce. While such labor is taken into account in recognizing a spouse's right to marital property pursuant to Article 34(3) of the Family Code of the Russian Federation, it is not regarded as an independent ground for increasing a spouse's share in the common property. Based on a comparative legal analysis of the legislation and judicial practice of the People's Republic of China, Spain, the United Kingdom, Australia, and the United States, the article substantiates the need to recognize the economic value of domestic labor in Russian family law. The author proposes a two-tier mechanism for protecting a spouse who has borne a significantly greater share of family responsibilities, combining deviation from the principle of equal division of marital property with a subsidiary institution of monetary compensation for domestic labor. The article also develops proposals for amendments to Article 39 of the Family Code of the Russian Federation and to Resolution № 15 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and addresses evidentiary issues related to proving a disproportionate family workload in the application of the proposed legal measures.

Keywords: family, family law, domestic labor, division of spouses' property, equality of spouses' shares, deviation from the principle of equal division of property, compensation for domestic labor, comparative law, foreign experience, economic value of labor, property rights of spouses, judicial practice.

References

1. Chinese court orders man to pay wife for housework in divorce ruling // CGTN: news website. – 2021. – 25 Feb. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-02-25/Chinese-court-orders-man-to-pay-wife-for-housework-in-divorce-ruling-YahPCENIZi/index.html> (дата обращения: 01.06.2026).
2. Código Civil de España: de 24 de julio de 1889: [con las modificaciones y adiciones de 2026] // Conceptos Jurídicos. – URL: <https://www.conceptosjuridicos.com/articulos/codigo-civil-articulo-1438/> (дата обращения: 01.06.2026).
3. Divorce cases highlight China's recognition of women's household labor // Xinhua: news agency. – 2025. – 16 Oct. – URL: <https://english.news.cn/20251016/b642d835710043adb21e07fdf0597884/c.html> (дата обращения: 01.06.2026).
4. Draft Interpretation II of the Supreme People's Court on several issues concerning the application of the Marriage and Family Section of the Civil Code of the People's Republic of China // China Law Translate. – 2024. – URL: chinalawtranslate.com (дата обращения: 01.06.2026).

5. Factors Involved In Spousal Maintenance Arrangements // William Casey Law Office: website. – Minneapolis, 2026. – URL: <https://www.wclawoffice.com/resources/factors-involved-in-spousal-maintenance-arrangements/> (дата обращения: 01.06.2026).
6. Family Law Act 1975: Commonw. Act № 53 of 1975: [with amendments up to 2026]. Section 79. Alteration of property interests // Australasian Legal Information Institute (AustLII). – URL: austlii.edu.au (дата обращения: 01.06.2026).
7. Jóhannsson F., Reynisson L.E. The mental load: does it exist within same-sex relationships? / F. Jóhannsson, L.E. Reynisson. – Reykjavík: University of Iceland, 2019. – 32 p. – URL: <https://skemman.is/handle/1946/50604?locale=en> (дата обращения: 01.06.2026).
8. Spanish man ordered to pay ex-wife €200,000 for 25 years of unpaid housework // Business Insider. – 2023. – 8 Mar. – URL: [businessinsider.com](https://www.businessinsider.com) (дата обращения: 01.06.2026).
9. Yuan Yuan. Housewives in China can demand household labor compensation in divorce / Yuan Yuan // Beijing Review. – 2021. – 9 Sep. – URL: https://www.bjreview.com/China/202109/t20210909_800257819.html (дата обращения: 01.06.2026).
10. Civil Code of the People's Republic of China: adopted at the Third Session of the 13th National People's Congress on May 28, 2020; entered into force on January 1, 2021. Available at: npc.gov.cn (accessed: 01.06.2026).
11. Women spend three times more time on childcare than men. TASS News Agency. April 30, 2025. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/23830035> (accessed: 01.06.2026).
12. Law of the People's Republic of China on the Protection of Women's Rights and Interests: adopted on October 30, 2022; entered into force on January 1, 2023. Available at: <https://chinahelp.me/registry-office/zakon-knr-o-zashhite-prav-i-interesov-zhenshin-2023> (accessed: 01.06.2026).
13. Rabets A.M. Problems of Evaluation of Spouses' Domestic Labor in the Family Legislation of the Russian Federation and Post-Soviet States. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*. 2020. № 4. P. 25–28.
14. Interpretation II of the Supreme People's Court of the People's Republic of China on Issues Concerning the Application of the Marriage and Family Section of the Civil Code of the People's Republic of China. January 15, 2025.
15. Decision of the People's Court of Dongxiang Autonomous County, Gansu Province (PRC), Case № (2023) Gan 2927 Minchu 1419, concerning divorce and compensation for domestic labor.
16. Accounts Chamber of the Russian Federation. Report on the State of Enforcement of Alimony Obligations in the Judicial System and Federal Budget. 2026.
17. Chefranova E.A., Chashkova S. Yu. Directions for Improving the Legal Regulation of Property Relations Between Spouses (Balancing Business Interests and Spousal Interests). *Lex Russica*. 2024. Vol. 77. № 12. P. 23–44. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.023-044.

Юридическая ответственность за нарушение обязательных требований безопасности при строительстве

Гущин Сергей Дмитриевич,

студент бакалавриата, кафедра информационных систем, технологий и автоматизации в строительстве, НИУ МГСУ
E-mail: seryoga.1234567892016@yandex.ru

Арипова Софья Альбертовна,

студент бакалавриата кафедра информационных систем, технологий и автоматизации в строительстве, НИУ МГСУ
E-mail: sofaaripova@yandex.ru

Баранник Максим Дмитриевич,

студент бакалавриата кафедра информационных систем, технологий и автоматизации в строительстве НИУ МГСУ
E-mail: maksim.barannik4@mail.ru

Литвинов Георгий Олегович,

студент бакалавриата, НИУ МГСУ ИЭУКСН
E-mail: Logininovachii@yandex.ru

Машаринов Юсуп Юсупович,

студент бакалавриата, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Москва
E-mail: contact.yusup@yandex.ru

Статья посвящена исследованию юридической ответственности за нарушение обязательных требований безопасности при строительстве в Российской Федерации. Рассматривается нормативно-правовая основа регулирования строительной безопасности, включающая положения Градостроительного, Гражданского, Уголовного и Административного кодексов РФ, а также Федеральный закон № 384-ФЗ и подзаконные акты, регулирующие строительный надзор и контроль. Особое внимание уделяется распределению ответственности между участниками строительного процесса, включая застройщика, подрядчика, проектировщика и органы государственного надзора.

Анализируется структура юридической ответственности, включающая административную, гражданско-правовую, дисциплинарную и уголовную формы, а также особенности их применения в судебной и надзорной практике. Показано, что ключевыми проблемами являются диффузия ответственности, сложности установления причинно-следственной связи и неоднородность правоприменения. На основе статистических и судебных данных выявлены тенденции применения статьи 216 УК РФ и норм КоАП РФ.

В заключении обосновывается необходимость развития цифровых механизмов контроля, персонализации ответственности и усиления имущественного покрытия рисков, что позволит повысить эффективность системы строительной безопасности и уровень общественного доверия к институтам надзора.

Ключевые слова: строительная безопасность; юридическая ответственность; градостроительное право; государственный строительный надзор; КоАП РФ; УК РФ; Гражданский кодекс РФ; технический регламент; Мосгосстройнадзор; строительный контроль; риск в строительстве; цифровизация надзора; компенсационные фонды СРО; причинно-следственная связь

Юридическая ответственность за нарушение обязательных требований безопасности при строительстве в России имеет сложную, многоуровневую природу. Ее нормативное ядро образуют Градостроительный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, КоАП РФ, УК РФ, Федеральный закон № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», а также федеральные законы № 247-ФЗ и № 248-ФЗ, которые задают общие правила для обязательных требований и надзорной деятельности. В Москве эта рамка конкретизируется через полномочия Мосгосстройнадзора и Положение о региональном государственном строительном надзоре, утвержденное постановлением Правительства Москвы № 2078-ПП. В совокупности эти акты закрепляют, что безопасность объекта обеспечивается не только на стадии проекта, но и в процессе строительства, строительного контроля, надзора, эксплуатации и устранения выявленных нарушений. [1]

Практика показывает, что основная нагрузка в правоприменении ложится на административную и уголовную ответственность. Административные дела концентрируются вокруг статей 9.4, 9.5, 9.5.1 и части 6 статьи 19.5 КоАП РФ, а уголовное реагирование – прежде всего вокруг статьи 216 УК РФ, в отдельных случаях также статей 143 и 293 УК РФ. При этом гражданско-правовая ответственность играет компенсаторную роль: именно через нее возмещаются расходы на устранение строительных недостатков, вред жизни и здоровью, убытки заказчиков и дольщиков. Дисциплинарная ответственность формально вторична, но организационно важна, поскольку через нее фиксируется персональная вина конкретных работников и руководителей. [2]

Ключевая проблема состоит не в отсутствии правовых средств как таковых, а в неоднородности их применения. Слабые места – размытое распределение обязанностей между застройщиком, техническим заказчиком, подрядчиком и проектировщиком, сложность доказывания причинной связи, короткие сроки давности по части административных составов, а также коррупционные риски в надзорной среде. Поэтому усиление ответственности сегодня должно идти не только по линии повышения штрафов, но и через цифровизацию контроля, прозрачные реестры требований, персонализацию обязанностей в информационной модели объекта, обязательное страховое и компенсационное покрытие, а также более жесткое реагирование на неисполнение предписаний, связанных именно с риском причинения вреда жизни и здоровью. [3]

Российская модель строительной безопасности построена на презумпции непрерывности обязательных требований. Статья 52 ГрК РФ возлагает на лицо, осуществляющее строительство, обязанность соблюдать требования проектной документации, технических регламентов и техники безопасности, а статья 53 ГрК РФ связывает строительный контроль с проверкой соответствия выполняемых работ проектной документации, рабочей документации, техническим регламентам и результатам инженерных изысканий. Статья 54 ГрК РФ закрепляет институт государственного строительного надзора, а статья 48 ГрК РФ прямо указывает, что лицо, осуществляющее подготовку проектной документации, несет ответственность за ее качество и соответствие техническим регламентам. Тем самым ответственность распределяется по цепочке «проектирование – строительство – контроль – надзор», а не ограничивается только строительной площадкой. [4]

Материальное содержание обязательных требований раскрывается через Федеральный закон № 384-ФЗ. Его статья 5 требует обеспечивать безопасность зданий, сооружений и процессов на всех этапах жизненного цикла, статья 11 формулирует требования к исключению угрозы несчастных случаев для пользователей, статья 15 требует достоверности и достаточности инженерных изысканий, а статья 6 после реформы 2023 года увязывает обязательность национальных стандартов и сводов правил с их включением в реестр требований. Это особенно важно для практики: СП и актуализированные СНиП сохраняют значение не сами по себе, а как нормативные носители требований безопасности, подлежащих проверке и доказыванию в экспертизе, надзоре и суде. С 1 сентября 2024 года прежний перечень обязательных стандартов и сводов правил утратил силу, а акцент был перенесен на цифровой реестр требований. [5]

Общая логика обращения с обязательными требованиями сегодня определяется также Федеральными законами № 247-ФЗ и № 248-ФЗ.

Первый устанавливает правила введения, формулирования и оценки обязательных требований, второй – процедурные формы государственного контроля и надзора. Для стройки это означает, что ответственность наступает не за «любое нарушение технологий», а за нарушение требований, надлежащим образом установленных и пригодных к проверке. На московском уровне эту конструкцию развивает постановление Правительства Москвы от 15.12.2021 № 2078-ПП, закрепляющее порядок регионального государственного строительного надзора, который осуществляет Мосгосстройнадзор. Комитет одновременно выполняет функции надзорного органа и цифрового административного интерфейса: извещения о начале и окончании работ в Москве давно подаются в электронном виде. [6]

В гражданско-правовом измерении важнейшее значение имеют нормы о качестве строительного подряда и о возмещении вреда. Статья 754 ГК РФ делает подрядчика ответственным за отступления от технической документации и обязательных строительных норм и правил, статья 755 ГК РФ закрепляет гарантию качества результата строительства, а статья 1064 ГК РФ устанавливает общее правило полного возмещения вреда. Дополнительно статья 60 ГК РФ регулирует

возмещение вреда, причиненного вследствие разрушения, повреждения объекта капитального строительства или нарушения требований безопасности при строительстве, а статья 55.16 ГК РФ связывает эту сферу с компенсационными фондами саморегулируемых организаций. Именно здесь проявляется переход от чисто карательной модели к модели имущественного покрытия риска. [7]

Юридическая ответственность в исследуемой сфере складывается из четырех базовых блоков, причем они нередко применяются одновременно к одному и тому же событию. Административная ответственность фиксирует сам факт нарушения обязательных требований или неисполнения предписания надзорного органа. Гражданско-правовая ответственность восстанавливает нарушенное имущественное положение. Дисциплинарная ответственность адресована внутреннему порядку организации и персональным трудовым обязанностям. Уголовная ответственность вводится тогда, когда нарушение специальных правил влечет тяжкий вред, смерть, крупный ущерб либо свидетельствует о халатности должностных лиц. Такая многоканальная конструкция соответствует как логике ГК РФ, так и разъяснениям Верховного Суда РФ по статьям 143, 216 и 217 УК РФ. [8]

Таблица

Вид ответственности	Основание	Основные субъекты	Типичные санкции	Примеры норм
Административная	Нарушение требований техрегламентов, проектной документации, обязательных требований документов по стандартизации; строительство без разрешения; выполнение работ без допуска; неисполнение предписания	Граждане, должностные лица, ИП, юридические лица	Предупреждение, штрафы, дисквалификация, административное приостановление деятельности	КоАП РФ ст. 9.4, 9.5, 9.5.1, ч. 6 ст. 19.5
Гражданско-правовая	Некачественное выполнение работ, причинение вреда жизни, здоровью, имуществу, выявленные в гарантийный период дефекты	Подрядчик, застройщик, проектировщик, иные причинители вреда; в ряде случаев СРО через компенсационный фонд	Возмещение убытков, расходов на устранение недостатков, уменьшение цены, компенсация вреда	ГК РФ ст. 754–756, 1064; ГК РФ ст. 60, 55.16
Дисциплинарная	Неисполнение либо ненадлежащее исполнение работником трудовых обязанностей в сфере охраны труда и безопасности работ	Работники, руководители, руководители подразделений	Замечание, выговор, увольнение; меры к руководителю по требованию представительного органа работников	ТК РФ ст. 192, 195, 214, 215
Уголовная	Нарушение специальных правил при строительных работах, повлекшее тяжкий вред, смерть, крупный ущерб; нарушение требований охраны труда; халатность должностных лиц	Специальный субъект: лица, обязанные соблюдать или обеспечивать соблюдение правил; должностные лица	Штраф, обязательные и исправительные работы, принудительные работы, лишение свободы, лишение права занимать должности	УК РФ ст. 143, 216, 293

Сопоставление в таблице составлено по действующим редакциям КоАП РФ, ГК РФ, ТК РФ, УК РФ и ГК РФ. Для административной ответственности наиболее показательна статья 9.4 КоАП РФ: она предусматривает предупреждение либо штраф до 300 тыс. руб. для юридических лиц по части 1, до 600 тыс. руб. либо приостановление деятельности до 60 суток по части 2 и до 1 млн руб. либо приостановление деятельности до 90 суток по части 3. Статья 9.5 КоАП РФ фиксирует ответственность за строительство без разрешения и эксплуатацию без ввода, статья 9.5.1 – за выполнение работ без допуска СРО в предусмотренных случаях, а часть 6 статьи 19.5 КоАП РФ – за неисполнение в срок законного предписания стройнадзора. В уголовной сфере статья 216 УК РФ охватывает нарушения правил безопасности именно при строительных и иных работах, тогда как разграничение со статьей 143 УК РФ Верховный Суд предлагает проводить исходя из характера работ и нарушенных специальных правил. [9]

Судебная и надзорная практика демонстрирует, что административное преследование остается наиболее массовым и операционным инструментом реагирования. Московские суды по делам, идущим от Мосгосстройнадзора, последовательно указывают, что часть 1 статьи 9.4 КоАП РФ применяется за нарушение требований технических регламентов, проектной документации и обязательных требований документов в области стандартизации. В одном из дел Мосгорсуд оставил в силе постановление о штрафе в 300 тыс. руб. по статье 9.4 КоАП РФ в отношении строительной организации; в другом деле суд прямо отметил, что срок давности привлечения по статьям 9.4 и 9.5 КоАП РФ составляет один год. Эти решения важны тем, что показывают устойчивость московской линии: надзорные претензии обычно строятся вокруг документально фиксируемого несоответствия проекта, технологии и фактически выполненных работ. [10]

Одновременно стройнадзор в Москве публикует регулярные сведения о выявленных нарушениях, и их объем сам по себе говорит о постоянной нагрузке на правоприменение. Так, за период с 24 по 28 июня

2024 года Мосгосстройнадзор сообщил о 1069 выявленных нарушениях, за период с 21 по 25 октября 2024 года – о 1208 нарушениях, а за период с 23 по 28 декабря 2024 года – о 735 нарушениях. Эти данные не тождественны числу рассмотренных дел, но позволяют увидеть масштаб повседневного контрольного массива, из которого затем вырастают предписания, постановления о штрафах и последующие судебные споры.

В уголовной плоскости наиболее репрезентативна статья 216 УК РФ. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году по части 1 статьи 216 УК РФ осуждено 63 лица, по части 2–160, по части 3–14; в 2024 году – соответственно 81, 271 и 16 лиц. Суммарно речь идет о росте с 237 до 368 осужденных лиц за один год. Это не вся картина строительного травматизма, но это очень показательный срез именно судебной репрессии в случаях, когда нарушение специальных правил уже доказано и привело к уголовно значимым последствиям.

Гражданско-правовая практика выглядит менее централизованной статистически, но не менее значимой по последствиям. Верховный Суд в делах о строительных недостатках неоднократно подтверждал возможность взыскания расходов на устранение дефектов, если они выявлены в гарантийный период, а также исходил из применимости статей 720, 723, 754, 755 и 756 ГК РФ при оценке стоимости некачественно выполненных работ. В одном из арбитражных споров стоимость устранения недостатков была установлена экспертизой в размере 923 747,03 руб.; в другом споре предметом уступки стало требование о взыскании более 1,1 млн руб. за строительные недостатки жилого дома, выявленные в гарантийный период. Сводная официальная статистика именно по такой категории гражданских дел в разрезе «нарушение требований безопасности при строительстве» в открытых источниках не установлена.

Первая системная проблема – диффузия ответственности. Градостроительное законодательство возлагает самостоятельные обя-

занности на проектировщика, лицо, осуществляющее строительство, застройщика, технического заказчика и участников строительного контроля. На уровне уголовного права Верховный Суд разъяснил, что субъектами статьи 216 УК РФ могут быть не только работники той организации, где произошел несчастный случай, но и иные лица, чья постоянная или временная деятельность связана с выполнением строительных работ и соблюдением соответствующих правил. Формально это позволяет гибко привлекать к ответственности, но на практике нередко порождает спор о том, кто именно допустил юридически значимое нарушение: проектировщик, производитель работ, технический заказчик или лицо строительного контроля.

Вторая проблема – сложность квалификации и доказывания причинной связи. Пленум Верховного Суда требует по делам о статьях 143, 216 и 217 УК РФ устанавливать не только сам факт нарушения специальных правил, но и конкретную норму, конкретное действие или бездействие и причинную связь с наступившими последствиями. Отдельно Верховный Суд проводит грань между статьями 143 и 216 УК РФ: если нарушение допущено именно при строительных работах, содеянное надлежит квалифицировать по статье 216, а потерпевшим может быть любое лицо, которому причинен физический или имущественный вред. Научные работы последних лет подтверждают, что именно установление субъекта и разграничение составов остаются одним из самых спорных участков практики.

Третья проблема связана уже с административным производством. Даже когда надзорный орган фиксирует неисполнение предписания, судебная перспектива может зависеть от сроков давности. По материалам, собранным в КонсультантПлюс на основе определения Верховного Суда РФ от 01.07.2022 № 309-ЭС22–1663 по делу № А60–20360/2021, срок давности привлечения судом к ответственности по части 6 статьи 19.5 КоАП РФ составляет три месяца, и пропуск этого срока ведет к отказу в привлечении к ответственности. Для сферы строительства, где проверка исполнения сложных предписаний и подготовка доказательств нередко занимают значительное время, это очевидное практическое ограничение эффективности надзора.

Наконец, нельзя игнорировать коррупционный фактор. Специальные исследования по градостроительной сфере прямо указывают на значимость коррупционных рисков и на потенциал цифровых инструментов как профилактики. Официальные прокурорские сообщения тоже показывают, что в системе надзора по строительным вопросам возможны злоупотребления: в 2025 году прокуратура Костромской области сообщила о фактах покровительства организации и незаконного прекращения дел об административных правонарушениях в сфере долевого строительства со стороны должностного лица контрольного органа. Хотя это не дело о строительной безопасности в узком смысле, сам механизм девиации для исследуемой темы принципиально тот же: разрыв между нормативной строгостью и выборочностью применения.

Эффективная политика в этой сфере должна исходить из простого тезиса: безопасность должна быть встроена в архитектуру ответственности до аварии, а не доказываться после нее. Первое направление – усиление имущественного покрытия риска. Действующая система компенсационных фондов СРО уже создает основу для возмещения вреда, но для работ повышенной опасности рационально расширять страхование гражданской ответственности подрядчиков и проектировщиков как обязательный элемент допуска к крупным и технически сложным объектам. Это позволило бы быстрее компенсировать вред и одновременно дисциплинировало бы участников рынка через страховую андеррайтинг и оценку риска.

Второе направление – цифровизация обязательных требований и контрольных следов. Сегодня у этой идеи уже есть нормативный фундамент: реестр требований является государственным информационным ресурсом, а информационная модель объекта капитального строительства стала легальным инструментом фиксации сведений и документов по объекту. Постановление Правительства РФ № 614 развивает правила ведения информационной модели, а Минстрой прямо связывает машиночитаемый формат требований с возможностью автоматических проверок. Само ведомство отмечало, что с 1 сентября 2024 года цифровые реестры документов и требований помогли более чем вдвое сократить количество документов, необходимых для строительства, по сравнению с 2019 годом. Для ответственности это означает переход от спора «кто что имел в виду» к сплошной цифровой трассировке решений и отклонений.

Третье направление – персонализация обязанностей и усиление контроля за исполнением предписаний. Внутри контрактной цепочки на каждом объекте должна существовать матрица персональной ответственности, увязанная с информационной моделью: кто отвечает за проектное решение, кто – за строительно-монтажные работы, кто –

за строительный контроль, кто – за приемку скрытых работ и устранение замечаний. В сочетании с правом надзорных органов на дистанционный доступ к электронным документам в области охраны труда это может снизить традиционную проблему «размытого виновного». Одновременно представляется оправданным рассмотреть вопрос о более жестком специальном режиме для неисполнения предписаний, связанных с реальной угрозой жизни и здоровью людей, поскольку обычная логика коротких сроков и умеренных штрафов в таких случаях не выполняет должной превентивной функции.

С социологической точки зрения юридическая ответственность за нарушение требований безопасности при строительстве – это не только отраслевой правовой механизм, но и инструмент производства социальной безопасности. Там, где государство и рынок не способны надежно гарантировать безопасность жилой и городской среды, снижается институциональное доверие к надзорным органам, к застройщику, к экспертизе, к самим правилам. В более широком смысле это подтверждает общий вывод исследований о связи доверия и безопасности: устойчивое доверие к институтам возникает там, где правила понятны, последствия нарушений предсказуемы, а санкции воспринимаются как неотвратимые и справедливые.

Именно поэтому для современной Москвы и России в целом главной задачей выглядит не простое наращивание репрессивности, а выстраивание прозрачной и доказуемой системы ответственности. Ее контуры уже видны в законодательстве: реестр требований, информационная модель объекта, цифровой документооборот, региональный стройнадзор, компенсационные фонды СРО. Но до тех пор, пока распределение обязанностей остается спорным, а отдельные процессы допускают формализм, затягивание и коррупционные искажения, юридическая ответственность будет работать реактивно. Мера политики, которая представляется наиболее реалистичной и одновременно сильно, – обязательная цифровая матрица ответственности по каждому объекту повышенного риска с публично проверяемым статусом исполнения предписаний Мосгосстройнадзора и автоматической фиксации критических отклонений от проекта и обязательных требований. Такая мера одновременно усиливает доказуемость в суде, повышает персональную ответственность и, что особенно важно для социальной устойчивости города, восстанавливает общественное доверие к строительной безопасности как к реально обеспечиваемому, а не декларативному благу.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп.). – Москва: Эксмо, 2024. – 64 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.). – Москва: Проспект, 2024.
3. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ (с изм. и доп.). – Москва: Проспект, 2024.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (с изм. и доп.). – Москва: Проспект, 2024.
5. Федеральный закон от 31.12.2014 № 499-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1. – Ст. 52.
6. Федеральный закон от 30.12.2020 № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации...» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1. – Ст. 18.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 09.04.2026 № 22-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2026.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по вопросам изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом ВС РФ 10.12.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.
9. Росстат. Жилищное хозяйство в России. 2025: статистический сборник. – Москва: Росстат, 2025.
10. Желнина А. А., Тыканова Е. А. Городские конфликты и формы гражданского участия в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 45–67.

LEGAL LIABILITY FOR VIOLATION OF MANDATORY SAFETY REQUIREMENTS DURING CONSTRUCTION

Gushchin S.D., Aripova S.A., Barannik M.D., Litvinov G.O., Masharipov Yu.Y.
Moscow State University of Civil Engineering, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines legal liability for violations of mandatory safety requirements in construction in the Russian Federation. It analyzes the regulatory framework governing con-

struction safety, including the Urban Planning Code, Civil Code, Criminal Code, and Administrative Offences Code of the Russian Federation, as well as Federal Law No. 384-FZ and subordinate regulations governing construction supervision and control. Particular attention is paid to the distribution of liability among construction participants, including developers, contractors, designers, and state supervisory authorities.

The study analyzes the structure of legal liability, encompassing administrative, civil, disciplinary, and criminal forms, as well as their application in judicial and supervisory practice. It demonstrates that the key challenges include diffusion of responsibility, difficulties in establishing causation, and inconsistencies in law enforcement practice. Based on statistical and judicial data, trends in the application of Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation and provisions of the Administrative Offences Code are identified.

The conclusion substantiates the need to develop digital control mechanisms, personalize responsibility, and strengthen financial risk coverage in order to improve the effectiveness of the construction safety system and increase public trust in supervisory institutions.

Keywords: construction safety; legal liability; urban planning law; state construction supervision; Administrative Code of the Russian Federation; Criminal Code of the Russian Federation; Civil Code of the Russian Federation; technical regulation; construction control; risk in construction; digital supervision; SRO compensation funds; causation; regulatory compliance

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended and supplemented). – Moscow: Eksmo, 2024. – 64 p.

2. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended and supplemented). – Moscow: Prospekt, 2024.

3. Land Code of the Russian Federation: Federal Law No. 136-FZ of October 25, 2001 (as amended and supplemented). – Moscow: Prospekt, 2024.

4. Housing Code of the Russian Federation: Federal Law No. 188-FZ of December 29, 2004 (as amended and supplemented). – Moscow: Prospekt, 2024.

5. Federal Law No. 499-FZ of December 31, 2014 "On Amendments to the Land Code of the Russian Federation..." // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 1. – Art. 52.

6. Federal Law No. 494-FZ of December 30, 2020 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation..." // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – No. 1. – Art. 18.

7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 9, 2026 No. 22-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2026.

8. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation on Issues of Expropriation of Land Plots for State and Municipal Needs (approved by the Presidium of the Supreme Court of the RF on December 10, 2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2016. – No. 2.

9. Rosstat. Housing Sector in Russia 2025: Statistical Yearbook. – Moscow: Rosstat, 2025.

10. Zhelnina A. A., Tykhanova E. A. Urban Conflicts and Forms of Civic Participation in Contemporary Russia // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2023. – Vol. 26, No. 3. – pp. 45–67.

Конвергенция принципов корпоративного управления в правовых системах России и Бразилии

Железцов Максим Леонидович,

аспирант кафедры правового регулирования предпринимательской деятельности Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: maks.zheleztzov@yandex.ru

В статье представлено сравнительно-правовое исследование рецепции трёх принципов корпоративного управления – корпоративной прозрачности, добросовестности и разумности (фидуциарности) и равенства прав участников в правовых системах Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилия. Указанные принципы имеют общее международное происхождение, будучи закреплёнными в Принципах корпоративного управления Группы двадцати и Организации экономического сотрудничества и развития. Актуальность исследования обусловлена наращиванием торгово-экономического сотрудничества государств – членов БРИКС и необходимостью теоретического осмысления характера конвергенции национальных правовых систем с международными стандартами корпоративного управления. Обосновано, что принципы корпоративного управления конвергируются в правовых системах с учётом особенностей каждой из них. Конвергенция содержания принципов не влечёт за собой конвергенции правовых форм и догматических конструкций их закрепления. Обе юрисдикции восприняли названные принципы на нормативном уровне, однако в России рецепция осуществляется через императивные нормы гражданского законодательства и рекомендательный кодекс государственного регулятора – Банка России, тогда как в Бразилии – через институционально организованное саморегулирование Бразильского института корпоративного управления (IBGC) и механизм «соблюдай или объясняй».

Ключевые слова: корпоративное управление, корпоративное право, принципы корпоративного управления, мягкое право, Россия, Бразилия.

Введение

Глобализация инвестиционных процессов и усиление конкуренции национальных юрисдикций за привлечение капитала обусловили формирование общепризнанных международных стандартов корпоративного управления. Центральное место среди них занимают Принципы корпоративного управления Группы двадцати и Организации экономического сотрудничества и развития (далее – Принципы G20/ОЭСР), последняя редакция которых одобрена Советом ОЭСР на уровне министров в июне 2023 года и поддержана лидерами Группы двадцати в сентябре того же года [12]. Будучи по своей правовой природе актом мягкого права, указанные Принципы не обладают непосредственной обязательной силой, однако оказывают существенное влияние на содержание национального корпоративно-правового регулирования.

Как справедливо отмечается в доктрине, принятие национальных кодексов корпоративного управления связано с глобализацией инвестиционных процессов и необходимостью повышения прозрачности деятельности компаний в условиях острой конкуренции за привлечение инвестиций [5, с. 32]. Вместе с тем в настоящее время характер влияния международных стандартов корпоративного управления на национальные правовые системы с точки зрения их конвергенции остаётся недостаточно исследованным. Открытым является вопрос о том, происходит ли в результате рецепции международных стандартов подлинная конвергенция правовых систем, или же национальные особенности, обусловленные принадлежностью к определённой правовой семье и культурными факторами, продолжают проявляться, принимая лишь иные формы.

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу рецепции названных принципов в правовые системы двух государств – членов БРИКС: Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилия. Выбор данных юрисдикций обусловлен их сопоставимостью: оба государства принадлежат к романо-германской правовой традиции, характеризуются концентрированной структурой корпоративной собственности и наличием самостоятельных национальных кодексов корпоративного управления [13; 14].

Целью настоящей работы является выявление характера конвергенции принципов корпоративного управления в правовых системах России и Бразилии на примере трёх названных принципов. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: определить признаки правовых принципов корпоративного управления; рассмотреть Принципы G20/ОЭСР как объект рецепции; проанализировать закрепление каждого из трёх принципов в правовых системах России и Бразилии; выявить общие черты и национальную специфику соответствующих моделей.

Основная часть

Прежде чем перейти к сравнительному анализу, необходимо определить, какие именно начала корпоративного управления могут быть квалифицированы в качестве правовых принципов. Как верно отмечает А.К. Канатова, законодатель не определяет даже приблизительного перечня тех принципов, на которых строится корпоративное управление [5, с. 32]. В этой связи представляется, что правовые принципы корпоративного управления должны обладать определённым перечнем признаков.

Во-первых, нормативностью: принцип должен находить закрепление в источниках права – нормативных либо рекомендательных – и определять содержание конкретных правовых норм. Во-вторых, системностью: принцип должен выступать элементом единой системы корпоративного управления, взаимодействуя с иными её принципами и институтами. К системному пониманию корпоративного управления как явления, включающего нормы права, смежные институты и культурную составляющую, склоняется и зарубежная доктрина [1]. В-третьих, принцип должен быть носителем правотворческой и правоприменительной функций, то есть служить ориентиром как при формировании нормативного регулирования (правотворческая функция), так и при разрешении конкретных правовых ситуаций и споров (правоприменительная функция).

Именно совокупностью названных признаков обладают три принципа избранные предметом настоящего исследования: принцип корпо-

ративной прозрачности, принцип добросовестности и разумности (фидуциарности) и принцип равенства прав участников. Каждый из них имеет международное происхождение, будучи закреплённым в Принципах G20/ОЭСР, и одновременно воспринят национальными правовыми порядками России и Бразилии, что делает их пригодным объектом сравнительно-правового анализа.

Принципы G20/ОЭСР представляют собой свод рекомендаций, изложенных в шести главах: формирование основы эффективного корпоративного управления; права и равное обращение с акционерами и ключевые функции собственников; институциональные инвесторы, фондовые рынки и иные посредники; раскрытие информации и прозрачность; обязанности совета директоров; устойчивость и жизнеспособность [12]. По сравнению с редакцией 2015 года самостоятельная глава о роли заинтересованных лиц была интегрирована в новую главу об устойчивости и жизнеспособности, что отражает усиление повестки устойчивого развития [10]. Принципиальной особенностью Принципов является их статус акта мягкого права: они не создают для государств юридически обязательных предписаний, а формируют ориентир, рецепция которого осуществляется через национальные правовые формы. Как обоснованно подчёркивается в аналитической литературе, рекомендации ОЭСР являются важным ориентиром для формирования современной корпоративной практики, основные направления развития которой каждое государство определяет для себя индивидуально [10].

Для целей настоящего исследования значимо, что три рассматриваемых принципа находят отражение в самостоятельных главах Принципов G20/ОЭСР: принцип равенства прав участников – в главе о правах и равном обращении с акционерами; принцип корпоративной прозрачности – в главе о раскрытии информации и прозрачности; принцип добросовестности и разумности – в главе об обязанностях совета директоров. Именно эта особенность мягкого права обуславливает многообразие механизмов интеграции принципов в национальные правовые порядки: один и тот же принцип может быть закреплён законодательно, инкорпорирован в листинговые требования фондовых бирж либо реализован через механизм добровольного раскрытия информации о соответствии. Анализ того, какой именно механизм избирает та или иная юрисдикция, позволяет выявить, в какой степени конвергенция содержания принципов сопровождается конвергенцией правовых форм их закрепления.

В России правовое регулирование корпоративного управления представлено двумя уровнями: нормативно-правовыми актами и актами рекомендательного характера. Императивную основу регулирования образуют акты федерального уровня – Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) и различные федеральные законы. Содержательное наполнение принципов корпоративного управления осуществляется через Кодекс корпоративного управления, рекомендованный Банком России в 2014 году взамен Кодекса корпоративного поведения 2002 года. Данный документ носит рекомендательный характер, однако приобретает квазиобязательную силу для публичных эмитентов (акционерных обществ) посредством его инкорпорации в правила листинга Московской биржи. Таким образом, ведущую роль в трансмиссии принципов играет государственный регулятор – Банк России, совмещающий функции установления стандартов корпоративного управления и надзора за их соблюдением [9].

Правовая система Бразилии, сформировавшаяся под влиянием португальского и – в части корпоративного права – французского и германского права, восприняла основные элементы романо-германской традиции. Основным источником регулирования выступает Закон № 6.404 от 15 декабря 1976 года о акционерных обществах (*Lei das Sociedades por Ações*), регламентирующий вопросы создания, деятельности и преобразования корпораций, права акционеров и обязанности директоров.

Принципу корпоративной прозрачности в Принципах G20/ОЭСР посвящена отдельная глава о раскрытии информации и прозрачности, устанавливающая совокупность существенных корпоративных сведений, подлежащих своевременному и полному раскрытию, а также рекомендации к организации соответствующего процесса. Одной из новелл редакции 2023 года является рекомендация о раскрытии информации о групповых структурах и механизмах контроля в целях обеспечения информированности акционеров и потенциальных инвесторов [10].

Как было обосновано автором ранее, корпоративная прозрачность является самостоятельным принципом организации системы корпоративного управления и одновременно характеристикой деятельности корпоративного юридического лица; практически она выражается в совокупности норм, регулирующих вопросы раскрытия корпоративной информации, при этом источники такого регулирования имеют меж-

дисциплинарный характер со значительным влиянием актов рекомендательного характера [1]. В Российской Федерации требование к корпорации действовать открыто и раскрывать информацию закреплено как на нормативном, так и на рекомендательном уровне. Конкретные перечни информации, подлежащей раскрытию, установлены актами Банка России; вместе с тем нормы, декларирующие прозрачность как самостоятельный принцип, содержатся преимущественно в актах рекомендательного характера – прежде всего в Кодексе корпоративного управления, относящем прозрачность к принципам корпоративного управления наравне с подотчётностью. Существенную регулятивную роль играют и правила листинга Московской биржи, устанавливающие механизм подотчётности эмитентов в сфере раскрытия информации.

В Бразилии прозрачность (*transparência*) выступает первым из основополагающих принципов Кодекса наилучших практик IBGC и понимается как стремление предоставлять заинтересованным сторонам не только информацию, предписанную законом, но и иные сведения, существенные для оценки деятельности компании. Практическая реализация принципа обеспечивается прежде всего через механизм «соблюдай или объясняй». В соответствии с Инструкцией Комиссии по ценным бумагам № 586 от 8 июня 2017 года (*Instrução CVM n. 586/2017*), компании категории «А», допущенные к торгам акциями, обязаны ежегодно представлять отчёт о применении практик Бразильского кодекса корпоративного управления (*Informe sobre o Código Brasileiro de Governança Corporativa*), указывая, какие из рекомендованных практик применяются, а в случае неприменения – раскрывая причины отступления [15]. Тем самым обязанность по раскрытию информации о соблюдении принципов прозрачности приобретает нормативное закрепление через акт государственного регулятора рынка ценных бумаг.

Сопоставление обнаруживает несомненную конвергенцию содержания принципа: и в России, и в Бразилии прозрачность понимается как обязанность корпорации действовать открыто и раскрывать существенную информацию в пользу акционеров, инвесторов и иных заинтересованных лиц, восходящая к единому стандарту Принципов G20/ОЭСР. Вместе с тем правовая форма закрепления принципа различна. В России декларирование прозрачности как принципа осуществляется рекомендательным кодексом государственного регулятора, тогда как конкретные обязанности по раскрытию закрепляются императивными нормами; принуждение обеспечивается надзорными полномочиями Банка России и биржевым регулированием. В Бразилии тот же принцип реализуется через институционально организованное саморегулирование при последующей институционализации обязанности по раскрытию информации о соблюдении кодекса нормативным актом Комиссии по ценным бумагам по модели «соблюдай или объясняй». Таким образом, конвергенция содержания принципа корпоративной прозрачности не сопровождается конвергенцией правовой формы его закрепления.

Принцип добросовестности и разумности, в зарубежной доктрине традиционно описываемый как комплекс фидуциарных обязанностей органов управления, находит отражение в главе Принципов G20/ОЭСР об обязанностях совета директоров. Содержательно он предполагает, что члены органов управления действуют добросовестно, с должной заботливостью и в интересах корпорации и всех её акционеров, избегая конфликта интересов.

В Российской Федерации указанный принцип получил закрепление в пункте 3 статьи 53 и в статье 53.1 ГК РФ, в силу которых лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица, члены его коллегиальных органов, а также лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, обязаны действовать в его интересах добросовестно и разумно и несут ответственность за причинённые по их вине убытки. Стандарты добросовестного и разумного поведения детализированы в постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 года № 62, закрепившем презумпции недобросовестности и неразумности, а также концепцию обычного делового риска, ограничивающую судебную ревизию деловых решений. На рекомендательном уровне принцип воспроизводится Кодексом корпоративного управления, закрепляющим, недопустимость злоупотребления полномочиями.

Показательно, что рецепция данного принципа в российском праве сопровождается доктринальной дискуссией о допустимости его отождествления с зарубежной конструкцией фидуциарных обязанностей. Согласно одной позиции, фидуциарные обязанности директора российского законодательство переняло из англо-американского права, где разумность соотносится с обязанностью проявлять заботливость (*duty of care*), а добросовестность – с обязанностью преданности (*duty of loyalty*). Согласно противоположной позиции, последовательно отстаиваемой В.К. Андреевым и В.А. Лаптевым, нет необходимости рассматривать добросовестность и разумность в корпоративных от-

ношениях как аналог фидуциарных обязанностей директоров: когда корпоративные отношения достаточно полно урегулированы ГК РФ, обращение к заимствованным иностранным понятиям и проведение параллелей с ними представляется излишним [2]. Эта дискуссия наглядно демонстрирует, что рецепция международного принципа осуществляется не только через выбор правовой формы, но и через догматическую интерпретацию.

В Бразилии фидуциарные обязанности директоров закреплены непосредственно на законодательном уровне. Закон № 6.404/1976 устанавливает обязанность проявлять заботливость и осмотрительность (статья 153), требуя от директора той же степени заботы, какую добросовестный и рачительный хозяин проявляет в ведении собственных дел, а также обязанность лояльности (статья 155), в силу которой директор должен служить компании, а не использовать её в личных интересах, и обязанность воздерживаться от участия в операциях, в которых имеется конфликт интересов (статья 156). Бразильская доктрина и практика Комиссии по ценным бумагам прямо квалифицируют эти обязанности как фидуциарные и связывают их с воспринятым из американского права стандартом лояльности (*standard of loyalty*), а равно с правилом делового решения (*business judgment rule*). Усиление этического измерения принципа отражено и в шестой редакции Кодекса наилучших практик IBGC (2023), в которой этика и добросовестность (целостность поведения, *integridade*) выделены в качестве самостоятельных начал корпоративного управления [10].

Сравнение обнаруживает конвергенцию содержания принципа: обе правовые системы возлагают на органы управления обязанность действовать добросовестно, разумно и в интересах корпорации, обеспечивая её защиту от недобросовестного и неосмотрительного управления. Однако догматическая форма рецепции существенно различается. В Бразилии принцип открыто воспринят в его англо-американской конструкции фидуциарных обязанностей, прямо закреплённых в законе о акционерных обществах. В России же, несмотря на функциональное сходство норм статьи 53.1 ГК РФ с фидуциарными обязанностями, доминирующая доктрина стремится осмыслить принцип через собственные цивилистические категории добросовестности и разумности, отграничивая его от заимствованной конструкции. Таким образом, и в данном случае конвергенция содержания принципа не сопровождается конвергенцией его юридической конструкции.

Принцип равенства прав участников закреплён в главе Принципов G20/ОЭСР о правах и равном обращении с акционерами, согласно которой система корпоративного управления должна защищать и облегчать осуществление прав акционеров и обеспечивать равное обращение со всеми акционерами, в том числе миноритарными. Как отмечается в обзорных документах ОЭСР, в последние годы наблюдается рост числа юрисдикций, допускающих выпуск акций с множественным правом голоса, что представляет собой отступление от принципа «одна акция – один голос» [13].

В Российской Федерации принцип равенства прав участников опирается на закреплённое в статье 1 ГК РФ начало равенства участников гражданских правоотношений и конкретизируется нормами Федерального закона «Об акционерных обществах», устанавливающими равенство прав акционеров – владельцев акций одной категории (типа) и определяющими объём прав, удостоверяемых обыкновенными и привилегированными акциями. Кодекс корпоративного управления развивает данный принцип, рекомендуя обществу обеспечивать равное и справедливое отношение ко всем акционерам при реализации ими права на участие в управлении. Защита прав миноритарных акционеров и поддержание баланса интересов мажоритарных и миноритарных участников обеспечиваются в значительной мере судебной практикой, роль которой в реализации соответствующего механизма возрастает в условиях глобализации [8]. Тем самым в российской модели равенство прав участников закрепляется преимущественно императивными нормами закона и обеспечивается судебной защитой.

Бразильская модель исторически характеризовалась слабой защитой инвесторов, высококонцентрированной акционерной собственностью и широким распространением неголосующих привилегированных акций, что создавало предпосылки для извлечения контролирующими акционерами частных выгод контроля за счёт миноритариев [14]. Ответом на эти вызовы стало создание в 2000 году фондовой биржей Сан-Паулу премиальных сегментов листинга (прежде всего Novo Mercado), допуск в которые обусловлен повышенными стандартами корпоративного управления, включая требование о выпуске только обыкновенных (голосующих) акций и о минимальном размере доли акций в свободном обращении [14]. Принцип равенства закреплён и в Бразильском кодексе корпоративного управления, первый принцип которого прямо формулируется как требование «каждая акция должна давать право на один голос», а соответствующая рекомендуемая

практика предполагает, что акционерный капитал компании должен состоять только из обыкновенных акций; отступление от этой практики допускается по модели «соблюдай или объясняй» с обязательным раскрытием причин [15]. Дополнительной гарантией равенства выступает право миноритарных акционеров на присоединение к сделке по отчуждению контроля (*tag-along*), закреплённое Законом № 6.404/1976. На уровне основополагающих начал Кодекса IBGC принципу соответствует начало справедливости (*equidade*), понимаемое как справедливое и равное обращение со всеми участниками и иными заинтересованными сторонами.

Сопоставление вновь подтверждает конвергенцию содержания принципа при различии правовой формы его закрепления. И российская, и бразильская правовые системы исходят из необходимости равного и справедливого обращения с акционерами и защиты миноритариев в соответствии с единым стандартом Принципов G20/ОЭСР. Однако в России равенство прав участников закрепляется преимущественно императивными нормами акционерного законодательства и обеспечивается судебной защитой, тогда как в Бразилии оно достигается в значительной мере рыночными средствами – через добровольный выбор эмитентом премиального сегмента листинга с повышенными требованиями и через механизм «соблюдай или объясняй». Иными словами, в российской модели равенство является нормативно предписанным, тогда как в бразильской в существенной части рыночно опосредованным, что отражает различную институциональную природу рецепции одного и того же принципа.

Проведённый анализ трёх принципов корпоративного управления позволяет обобщить общие черты и национальную специфику рассмотренных моделей. К общим чертам относятся: принадлежность обеих юрисдикций к романо-германской правовой традиции; концентрированная структура корпоративной собственности; наличие самостоятельных национальных кодексов корпоративного управления, содержательно построенных на Принципах G20/ОЭСР; восприятие всех трёх рассмотренных принципов на нормативном уровне; а также использование листинговых требований фондовых бирж в качестве инструмента придания рекомендательным принципам квазиобязательного характера для публичных эмитентов.

Принципиальное же различие состоит в институциональной природе субъекта, обеспечивающего интеграцию принципов, и в догматической форме их рецепции. В России рецепция принципов осуществляется преимущественно через императивные нормы гражданского законодательства (ГК РФ, Федеральный закон «Об акционерных обществах») и рекомендательный кодекс государственного регулятора – Банка России, совмещающего полномочия по установлению стандартов корпоративного управления и надзору за рынком ценных бумаг; при этом доминирующая доктрина стремится осмыслить воспринятые принципы через собственные цивилистические категории. В Бразилии аналогичную функцию выполняет профессиональное объединение – IBGC, действующее в режиме институционально организованного саморегулирования, а механизм «соблюдай или объясняй» институционализирован нормативным актом Комиссии по ценным бумагам; при этом бразильское право более открыто воспринимает иностранные, прежде всего англо-американские, правовые конструкции (фидуциарные обязанности, правило делового решения, премиальные сегменты листинга).

Указанное наблюдение позволяет подтвердить центральный тезис исследования: конвергенция содержания принципов корпоративного управления в рассматриваемых юрисдикциях налицо, однако она не сопровождается конвергенцией правовых форм и догматических конструкций их закрепления. Обе юрисдикции восприняли единый международный стандарт, однако механизм его трансмиссии и способ его догматического осмысления определяются не самим стандартом, а национальной правовой формой и сложившейся институциональной структурой. Для российских субъектов предпринимательской деятельности данный вывод имеет практическое значение: необходимо учитывать, что принуждение к соблюдению стандартов корпоративного управления обеспечивается здесь не столько государственным регулятором, сколько механизмом профессионального саморегулирования, биржевой отчётности по модели «соблюдай или объясняй» и требованиями премиальных сегментов листинга.

Заключение

Проведённое сравнительно-правовое исследование позволяет заключить, что принципы корпоративного управления – корпоративной прозрачности, добросовестности и разумности (фидуциарности) и равенства прав участников – восприняты как российской, так и бразильской правовыми системами, что свидетельствует о конвергенции содержания корпоративно-правового регулирования в государствах – членах БРИКС,

принадлежащих к романо-германской традиции. Каждый из рассмотренных принципов обладает признаками правового принципа корпоративного управления – нормативностью, системностью и способностью выполнять правотворческую и правоприменительную функции.

Вместе с тем механизм рецепции указанных принципов в национальные правовые порядки существенно различается: в России она реализуется через императивные нормы гражданского законодательства и рекомендательный кодекс государственного регулятора с последующей биржевой институционализацией, в Бразилии – через институционально организованное саморегулирование профессионального сообщества и механизм «соблюдай или объясняй», институционализированный актом регулятора рынка ценных бумаг. Различается и догматическая форма рецепции: бразильское право более открыто воспринимает англо-американские правовые конструкции, тогда как российская доктрина стремится осмыслить воспринятые принципы через собственный категориальный аппарат.

Таким образом принципы корпоративного управления конвергируются в правовых системах с учётом особенностей каждой из них, несмотря на их общее международное происхождение. Конвергенция содержания принципов не влечёт конвергенции правовых систем в целом: обе рассмотренные юрисдикции осуществляют рецепцию международных стандартов через собственные правовые формы и догматические конструкции, сохраняя самобытность своей модели корпоративного управления. Международная гармонизация стандартов корпоративного управления реализуется не через унификацию правовых форм, а через содержательное сближение при сохранении национального своеобразия механизмов их закрепления.

Литература

1. Железцов М.Л. Принцип корпоративной прозрачности в системе корпоративного управления // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 3(72). – DOI: 10.25683/VOLBI.2025.72.1406.
2. Андреев В. К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2023. – 432 с.
3. Шиткина И.С. Корпоративное право: учебник. – М.: Статут, 2022. – 735 с.
4. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / отв. ред. О.В. Гутников. – М.: Статут, 2021. – 528 с.
5. Канатова А.К. Содержание и сущность принципов управления акционерным обществом // Юридическая наука. – 2019. – № 3. – С. 32–37.
6. Двойченкова И.В. Право на информацию в системе принципов корпоративных отношений: постановка проблемы // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 1(67). – С. 102–112. – DOI: 10.35231/18136230_2022_1_102.
7. Александрова А.А. Кодексы корпоративного управления в гражданско-правовом регулировании организации и деятельности юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 237 с.
8. Гаврилов А.С. Правовые гарантии защиты прав акционеров в структуре концепции корпоративного управления // Вестник науки. – 2025. – № 10(91). – Т. 4. – С. 141–148.
9. Харчилава Х.П. Современные тенденции российской практики корпоративного управления // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 54.
10. Тимошенко А. Актуальные изменения в зарубежных кодексах корпоративного управления: информационно-аналитический обзор. – М.: Национальный совет по корпоративному управлению, 2024.
11. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 456 с.
12. Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР 2023 [G20/OECD Principles of Corporate Governance 2023]. – Париж: Изд-во ОЭСР, 2023. – 88 с. – DOI: 10.1787/ed750b30-en.
13. Справочник ОЭСР по корпоративному управлению 2023 [OECD Corporate Governance Factbook 2023]. – Париж: Изд-во ОЭСР, 2023. – 224 с.
14. Блэк Б. С., де Карвалью А.Г., Сампайо Ж.О. Эволюция корпоративного управления в Бразилии [The evolution of corporate governance in Brazil] // Обзор развивающихся рынков [Emerging Markets Review]. – 2014. – Т. 20. – С. 176–195.

15. Бразильский кодекс корпоративного управления: публичные акционерные общества [Código Brasileiro de Governança Corporativa: Companhias Abertas] / Межведомственная рабочая группа (Grupo de Trabalho Interagentes); координатор – Бразильский институт корпоративного управления (Instituto Brasileiro de Governança Corporativa, IBGC). – Сан-Паулу: IBGC, 2016. – 64 с.

16. Кризостомо В. Л., де Фрейтас Брандан И. Конечный контролирующий собственник и корпоративное управление в Бразилии [The ultimate controlling owner and corporate governance in Brazil] // Корпоративное управление: международный журнал о бизнесе в обществе [Corporate Governance: The International Journal of Business in Society]. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 120–140. – DOI: 10.1108/CG-01-2018-0043.

CONVERGENCE OF CORPORATE GOVERNANCE PRINCIPLES IN THE LEGAL SYSTEMS OF RUSSIA AND BRAZIL

Zheleztsov M.L.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article presents a comparative legal study of the reception of three corporate governance principles – corporate transparency, good faith and reasonableness (fiduciary duty), and the equal treatment of participants – into the legal systems of the Russian Federation and the Federative Republic of Brazil. These principles share a common international origin, being enshrined in the G20/OECD Principles of Corporate Governance. The relevance of the study is determined by the growing trade and economic cooperation among BRICS member states and the need for a theoretical understanding of the nature of convergence between national legal systems and international corporate governance standards. It is argued that corporate governance principles converge within legal systems while accounting for the specific features of each of them. The convergence of the substantive content of the principles does not entail a convergence of the legal forms and doctrinal constructions through which they are embedded. Both jurisdictions have received the said principles at the normative level; however, in Russia reception is affected through the mandatory norms of civil legislation and the recommendatory code of the state regulator – the Bank of Russia – whereas in Brazil it is effected through the institutionally organised self-regulation of the Brazilian Institute of Corporate Governance (IBGC) and the comply-or-explain mechanism.

Keywords: corporate governance, corporate law, corporate governance principles, soft law, Russia, Brazil.

References

1. Zheleztsov M.L. The principle of corporate transparency in the corporate governance system. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law], 2025, no. 3(72). DOI: 10.25683/VOLBI.2025.72.1406.
2. Andreev V. K., Laptev V.A. *Korporativnoe pravo sovremennoy Rossii* [Corporate law of modern Russia]. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 432 p.
3. Shitkina I.S. *Korporativnoe pravo* [Corporate law]. Moscow, Statut Publ., 2022. 735 p.
4. Gutnikov O.V. *Modern Corporate Law: Current Problems of Theory and Practice*. Monograph. Moscow, Statut Publ., 2021. 528 p..
5. Kanatova A.K. The content and essence of the principles of joint-stock company management. *Yuridicheskaya nauka* [Legal Science], 2019, no. 3, pp. 32–37.
6. Dvoychenkova I.V. The right to information in the system of principles of corporate relations: statement of the problem. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Law Journal], 2022, no. 1(67), pp. 102–112. DOI: 10.35231/18136230_2022_1_102.
7. Aleksandrova A.A. *Corporate Governance Codes in the Civil-Law Regulation of the Organization and Activity of Legal Entities*. Cand. Legal Sci. Diss. Moscow, 2006. 237 p.
8. Gavrilov A.S. Legal guarantees for the protection of shareholders' rights in the structure of the corporate governance concept. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science], 2025, no. 10(91), vol. 4, pp. 141–148.
9. Kharchilava Kh.P. Current trends in Russian corporate governance practice. *Vestnik evraziyskoy nauki* [The Eurasian Scientific Journal], 2025, vol. 17, no. 54.
10. Timoshenko A. *Current Changes in Foreign Corporate Governance Codes: Information and Analytical Review*. Moscow, National Council on Corporate Governance, 2024.
11. Sukhanov E.A. *Comparative Corporate Law*. Moscow, Statut Publ., 2014. 456 p.
12. G20/OECD Principles of Corporate Governance 2023. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 88 p. – DOI: 10.1787/ed750b30-en.
13. OECD Corporate Governance Factbook 2023. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 224 p.
14. Black B. S., de Carvalho A.G., Sampaio J.O. The evolution of corporate governance in Brazil // *Emerging Markets Review*. – 2014. – Vol. 20. – P. 176–195.
15. Código Brasileiro de Governança Corporativa: Companhias Abertas / Grupo de Trabalho Interagentes; coord. Instituto Brasileiro de Governança Corporativa. – São Paulo: IBGC, 2016. – 64 p.
16. Crisóstomo V. L., de Freitas Brandão I. The ultimate controlling owner and corporate governance in Brazil // *Corporate Governance: The International Journal of Business in Society*. – 2019. – Vol. 19, № 1. – P. 120–140. – DOI: 10.1108/CG-01-2018-0043.

Соотношение способов правовой защиты из договора международной купли-продажи товаров, предусмотренных законодательством стран БРИКС

Заикин Дмитрий Игоревич,

аспирант кафедры международного частного права,
Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации (ВВАТ
Минэкономразвития России)
E-mail: zaikindmitrii99@mail.ru

В статье сопоставляются способы правовой защиты по договорам международной купли-продажи товаров, закрепленные в национальном законодательстве государств БРИКС в его исходном составе, с теми, что предусмотрены актами международной унификации, прежде всего Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Последовательно анализируется регулирование России, Китая, Индии, Бразилии и ЮАР, из которых к Венской конвенции присоединилась лишь часть государств. Выявляются общие черты и расхождения в институтах исполнения в натуре, расторжения договора при существенном нарушении, возмещения убытков, снижения покупной цены и взыскания неустойки. Отдельное внимание уделяется режиму судебной корректировки неустойки и стандарту доказывания убытков. Делается вывод о значительной конвергенции практических конструкций при разнообразии правовых традиций и формулируются предложения о точках возможной гармонизации, включая разработку модельного акта БРИКС.

Ключевые слова: международная купля-продажа; БРИКС; Венская конвенция 1980 г.; средства правовой защиты; убытки; неустойка; гармонизация частного права.

Расширение состава Объединения БРИКС в 2024 г. и устойчивый рост взаимной торговли коммерческих предприятий государств-участников ставят перед российской цивилистической наукой задачу, которая в течение целого ряда лет переходит из публикации в публикацию: установить, в какой мере правовые режимы стран Объединения совместимы между собой применительно к договору, по сей день остающемуся основным инструментом трансграничного товарного обмена, то есть к договору международной купли-продажи товаров.

Вопрос имеет, на мой взгляд, отнюдь не одно только академическое измерение. Контрагенты из России, Китая, Индии, Бразилии и ЮАР, согласовывая условия сделки, делают выбор не одного только применимого права, но и системы способов правовой защиты. И здесь обнаруживается любопытное обстоятельство: при внешней схожести базовых институтов национальные режимы содержат такие нюансы, недооценка которых способна превратить разрешение коммерческого спора в труднопрогнозируемое процессуальное приключение.

Цель работы состоит в том, чтобы сопоставить способы правовой защиты, предусмотренные национальным законодательством стран БРИКС и актами международной унификации, и обозначить точки, где гармонизация представляется в принципе достижимой.

Из пяти государств БРИКС в его исходном составе участниками Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее по тексту – Венская конвенция, CISG) являются Россия (с 1990 г.), Китай (с 1986 г.) и Бразилия (с 2014 г.). Индия и ЮАР к ней не присоединились, что не означает полной изоляции от ее воздействия: стороны из этих юрисдикций могут прямо включать положения CISG в контракт либо использовать ее как признанный международный стандарт при конструировании условий сделки [13, с. 68; 19].

Конвенция содержит развернутый перечень средств защиты, разделенный на три условные группы: средства покупателя (статьи 45–52), средства продавца (статьи 61–65) и общие положения (статьи 71–79) [2]. Ядро системы образуют пять универсальных инструментов: требование реального исполнения с возможностью установления дополнительного срока; расторжение при существенном нарушении (ст. 25); возмещение убытков в пределах предвидимости ущерба (ст. 74); снижение покупной цены (ст. 50); требование замены товара или устранения его несоответствия (ст. 46). Диспозитивная норма ст. 6 позволяет сторонам отступить от положений Конвенции, чем обеспечивается существование международного режима с национальными.

В российском праве договор международной купли-продажи подпадает под действие общих положений об обязательствах (главы 21–29 ГК РФ) и специальных правил главы 30. При выборе российского права средства защиты определяются совместно нормами ГК РФ и Венской конвенции, имеющей в силу п. 4 ст. 15 Конституции РФ приоритет перед национальным законом [1; 3; 4; 14]. Доступный арсенал: иск об исполнении в натуре (статьи 463, 466), отказ от договора и расторжение (статьи 450, 450.1, 475), возмещение убытков (статьи 15, 393–394), взыскание неустойки (статьи 330, 333, 394), удержание, зачет и иные обеспечительные инструменты.

Принципиальная особенность российской модели заключается в режиме сосуществования неустойки и убытков. Общее правило п. 1 ст. 394 исходит из зачетного характера неустойки, тогда как стороны вольны установить штрафную, исключительную или альтернативную ее разновидности. Суд вправе уменьшить размер неустойки при явной несоразмерности последствиям нарушения (ст. 333) [3; 5; 15, с. 156–160]. Кстати говоря, требование причинно-следственной связи между нарушением и убытками российская практика толкует строго (п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7), но не столь формально, чтобы исключить взыскание вероятных будущих потерь.

С 1 января 2021 г. в КНР действует единый Гражданский кодекс (далее по тексту – ЦК КНР), вобравший положения прежнего Закона о договорах 1999 г. Базовая норма ст. 577: сторона, не исполнившая обязательство или исполнившая его ненадлежаще, отвечает путем продолжения исполнения, принятия мер по устранению последствий или возмещения убытков [6; 16, с. 154–177]. При несоответствии товара покупатель в силу ст. 582 вправе требовать ремонта, замены, переделки, возврата товара, снижения цены или вознаграждения.

Особое место занимает институт неустойки. По ст. 585 ЦК КНР стороны вправе согласовать неустойку фиксированной суммой либо порядком исчисления; суд по требованию любой стороны корректирует размер: при чрезмерности – снижает, при недостаточности – увеличивает до уровня фактических потерь [6; 16, с. 154–177]. Эта конструкция ближе к континентальной неустойке и liquidated damages общего права, чем и объясняется ее востребованность в трансграничной практике.

Индия принадлежит к семье общего права с глубоким следом колониальной кодификации. Регулирование двухуровневое: общие правила о возмещении убытков и неустойке закреплены в Indian Contract Act 1872 г. (статьи 73–75), специальные правила о купле-продаже – в Sale of Goods Act 1930 г. (статьи 55–61) [7; 8]. Покупатель располагает иском об убытках по правилу разницы между рыночной и договорной ценой (статьи 56–57 SGA), отказом от договора при нарушении condition, а также правом удерживать цену при breach of warranty.

Особого внимания заслуживает институт liquidated damages: ст. 74 ICA 1872 г. отказалась от классического английского различия penalty и liquidated damages, дозволит взыскание предусмотренной договором суммы лишь в пределах разумной компенсации. После реформы Specific Relief Act 1963 г. специфическое исполнение в коммерческих контрактах признано общим правилом, а не дискреционным средством [9], что заметно сблизило индийский режим с континентальным.

Бразилия присоединилась к Венской конвенции в 2013 г.; Конвенция вступила для нее в силу 1 апреля 2014 г., поэтому в международной купле-продаже применяется напрямую, тогда как Гражданский кодекс 2002 г. (далее по тексту – ГК Бразилии) сохраняет значение в части, не охваченной ею [10; 13, с. 68; 19]. Статья 475 закрепляет общее правило о расторжении (resolução) при существенном неисполнении с правом на возмещение убытков; статьи 402–404 определяют состав возмещаемого ущерба; статьи 408–416 регулируют cláusula penal. Бразильское законодательство, что характерно, связывает возмещение с прямыми и непосредственными убытками (ст. 403 ГК Бразилии) [10], что делает стандарт причинной связи более жестким, чем в ст. 74 Конвенции.

Из всех государств БРИКС ЮАР занимает наиболее самобытную позицию: ее частное право основано на римско-голландском фундаменте, обогащенном английским влиянием, и в основной части не кодифицировано; к Венской конвенции страна не присоединилась [19]. В арсенале потерпевшей стороны: иск об исполнении в натуре (specific performance), который, в отличие от классического английского подхода, рассматривается как *primum remedium*; отказ от договора (cancellation) с правом на реституцию; взыскание убытков (damages) с учетом предвидимости и *duty to mitigate*; удержание (lien) [17, р. 65]. Институт неустойки урегулирован Conventional Penalties Act 15 of 1962: суд вправе уменьшить размер до уровня, который сочтет справедливым в свете фактически понесенных убытков (ст. 3 Act) [11].

Сопоставление пяти национальных режимов и Венской конвенции выявляет общую конструктивную схему. Во всех рассмотренных юрисдикциях потерпевшая сторона располагает требованием исполнения в натуре, правом расторгнуть договор при существенном нарушении, правом на возмещение убытков, правом на снижение цены при ненадлежащем качестве товара и возможностью взыскать неустойку (penalty, liquidated damages, cláusula penal, 违约金) [1; 3; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Однако на этом, к сожалению, сходство и заканчивается.

Во-первых, в подходе к специфическому исполнению. Континентальная модель (Россия, Китай, Бразилия) рассматривает иск об исполнении в натуре как обычное средство; индийская и южноафриканская традиции усложняют картину (первая после реформы 2018 г. сблизилась с континентальным подходом, вторая всегда стояла особняком от английского правила о дискреционности). Венская конвенция в ст. 28 идет на компромисс, предписывая суду решать вопрос по правилам собственного права.

Во-вторых, в режиме неустойки. Российский институт ст. 330 ГК РФ концептуально близок к китайскому (ст. 585 ЦК КНР), бразильскому (статьи 408–416 ГК Бразилии) и южноафриканскому (Conventional Penalties Act); все исходят из судебной корректировки размера. ICA 1872 г., отказавшись от различия penalty и liquidated damages, дает аналогичную возможность. На мой взгляд, в странах БРИКС уже сложился общий принцип: договорная неустойка не должна превращаться в механизм неосновательного обогащения.

В-третьих, в стандарте доказывания убытков. Венская конвенция и российский ГК РФ исходят из принципа предвидимости ущерба, бразильская практика требует прямой причинно-следственной связи в более жесткой форме, индийский подход через *Hadley v. Baxendale* ближе к российскому. И наконец, в-четвертых, в обязанности по уменьшению ущерба: *duty to mitigate* прямо закреплена в ст. 77 Венской конвенции, ст. 73 ICA 1872 г. и общим праве ЮАР, тогда как в российском ГК РФ

формально отсутствует, но фактически признана через п. 1 ст. 404 и разъяснения ВС РФ.

Что же из всего сказанного следует для коммерческих предприятий стран БРИКС? При отсутствии единого регионального документа роль Венской конвенции как универсального субстрата сохраняется и даже усиливается. На нее можно опираться даже в контрактах с индийскими и южноафриканскими контрагентами, если стороны согласуют ее в качестве применимого материального права [12, с. 15–16; 13, с. 70; 19].

Полагаю, что разработка модельных положений БРИКС о способах правовой защиты, оформленных по образцу Принципов УНИДРУА или PECL, но с поправкой на особенности участвующих юрисдикций, представляется задачей и достижимой, и насущной [12; 18; 20]. Такой документ не был бы обязательным, но служил бы ориентиром при выборе условий контракта. Спрашивается, какие пункты были бы полезны в первую очередь? На мой взгляд: единая формула неустойки с двусторонней судебной корректировкой; кодификация принципа предвидимости ущерба, близкого к ст. 74 CISG; правила установления дополнительного срока (аналог статей 47 и 63 Конвенции); развернутое правило о *mitigation*.

Таким образом, сопоставление национальных режимов показывает, что при разнообразии правовых традиций (романо-германской в России, ЮАР и Бразилии, социалистическо-континентальной в Китае, общеправовой в Индии) на уровне практических конструкций наблюдается значительная конвергенция. Все пять государств признают универсальный набор средств (исполнение, расторжение, убытки, снижение цены, неустойка), причем регулирование неустойки во всех из них допускает судебную корректировку [3; 5; 6; 7; 10; 11; 15; 17]. Гармонизация в формате модельного акта БРИКС, не претендующего на статус обязательного источника, в обозримой перспективе достигнута и способна существенно облегчить заключение трансграничных контрактов [12].

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 04.10.2022) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 04.06.2026).
2. «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров» (заключена в г. Вене 11.04.1980) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 04.06.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 04.06.2026).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 04.06.2026).
5. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 04.06.2026).
6. Civil Code of the People's Republic of China: adopted at the Third Session of the 13th National People's Congress on 28.05.2020, effective from 01.01.2021 [Electronic resource] // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21757> (date of access: 04.06.2026).
7. Indian Contract Act, 1872: Act No. 9 of 1872 [Electronic resource] // India Code. URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2187> (date of access: 04.06.2026).
8. Sale of Goods Act, 1930: Act No. 3 of 1930 [Electronic resource] // India Code. URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2390/1/193003.pdf> (date of access: 04.06.2026).
9. Specific Relief Act, 1963: Act No. 47 of 1963 (as amended by Act No. 18 of 2018) [Electronic resource] // India Code. URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1583> (date of access: 04.06.2026).
10. Código Civil Brasileiro: Lei n. 10.406, de 10.01.2002 (texto compilado) [Electronic resource] // Presidência da República, Planalto. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/2002/L10406compilada.htm (date of access: 04.06.2026).
11. Conventional Penalties Act 15 of 1962 (Republic of South Africa) [Electronic resource] // South African Government. URL: <https://www.gov.za/documents/conventional-penalties-act-16-mar-1963-0000> (date of access: 04.06.2026).
12. Алимова Я.О. Возможность унификации в сфере трансграничных договорных отношений в странах БРИКС // Lex Russi-

са (Русский закон). 2019. № 11 (156). С. 9–17. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.009-017. EDN: XAQQUS.

13. Алимova Я.О. Особенности применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи 1980 г. в странах БРИКС (новый состав) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3 (127). С. 66–74. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3.066-074. EDN: JMJGVS.

14. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Международные отношения, 2019. 704 с. ISBN 978-5-7133-1624-2.

15. Карапетов А.Г. Неустойка как средство защиты прав кредитора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2005. 286 с. ISBN 5-8354-0281-3.

16. Медведев А.В. Средства правовой защиты и ответственность сторон при нарушении договора купли-продажи в праве КНР (в сравнении с российским и международным договорным правом) // Московский журнал международного права. 2006. № 3. С. 154–177.

17. Kanamugire J.C. Specific performance as a primary remedy in the South African law of contract // Corporate Board: Role, Duties and Composition. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 65–72.

18. Principles of European Contract Law – PECL [Electronic resource] // Trans-Lex.org. URL: https://www.trans-lex.org/400200/highlight_pecl/pecl/ (date of access: 04.06.2026).

19. Status: United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna, 1980) [Electronic resource] // UNCITRAL. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status (date of access: 04.06.2026).

20. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016 [Electronic resource] // UNIDROIT. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (date of access: 04.06.2026).

THE CORRELATION OF REMEDIES UNDER CONTRACTS FOR THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS PROVIDED FOR BY THE LEGISLATION OF THE BRICS COUNTRIES

Zaikin D.I.

Russian Foreign Trade Academy

The article compares the remedies under contracts for the international sale of goods enshrined in the national legislation of the original BRICS states with those of the instruments of international unification, primarily the 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. The regulation of Russia, China, India, Brazil and South Africa is examined in turn, only some of these states being parties to the Vienna Convention. Common features and divergences are identified in specific performance, avoidance for breach, damages, price reduction and the contractual penalty. Particular attention is paid to judicial adjustment of the penalty and the standard of proof for damages. It is concluded that the practical constructions converge considerably despite diverse legal traditions; proposals for harmonisation, including a BRICS model act, are advanced.

Keywords: international sale of goods; BRICS; 1980 Vienna Convention (CISG); legal remedies; damages; contractual penalty; harmonisation of private law.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 (as amended on 04/10/2022) [Electronic resource] // Access: ATP Consultant Plus Prof (Accessed: 06/04/2026).

2. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (concluded in Vienna on 04/11/1980) [Electronic resource] // Access: SPS Consultant Plus Prof (Accessed: 06/04/2026).

3. The Civil Code of the Russian Federation (Part one): Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994 (as amended on 07/31/2025, as amended dated 03/25/2026) [Electronic resource] // Access: SPS Consultant Plus Prof (Date of application: 06/04/2026).

4. The Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law No. 14-FZ of 01/26/1996 (as amended on 06/24/2025, as amended dated 12/16/2025) [Electronic resource] // Access: SPS Consultant Plus Prof (Accessed: 06/04/2026).

5. On the application by courts of certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for Breach of Obligations: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/24/2016 No. 7 (as amended on 06/22/2021) [Electronic resource] // Access: SPS Consultant Plus Prof (Accessed: 06/04/2026).

6. The Civil Code of the People's Republic of China: adopted at the third session of the 13th National People's Congress on 05/28/2020, effective 01.01.2021 [Electronic resource] // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21757> (date of reference: 06/04/2026).

7. Indian Law on Contracts of 1872: Law No. 9 of 1872 [Electronic resource] // Code of India. URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2187> (date of request: 06/04/2026).

8. The Law on the sale of Goods of 1930: Law No. 3 of 1930 [Electronic resource] // Code of India. URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2390/1/193003.pdf> (date of application: 06/04/2026).

9. The Law on Special Assistance of 1963: Law No. 47 of 1963 (as amended by Law No. 18 of 2018) [Electronic resource] // Code of India. URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1583> (date of request: 06/04/2026).

10. Brazilian Civil Code: Law No. 10.406 of 10.01.2002 (text collection) [Electronic resource] // President of the Republic, Planalto. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/2002/L10406compilada.htm (date of access: 06/04/2026).

11. The Law on Ordinary Punishments No. 15 of 1962 (Republic of South Africa) [Electronic resource] // Government of South Africa. URL: <https://www.gov.za/documents/conventional-penalties-act-16-mar-1963-0000> (date of request: 06/04/2026).

12. Alimova Ya.O. The possibility of unification in the field of cross-border contractual relations in the BRICS countries // on Lex Russica (Russian Law). 2019. No. 11 (156). pp. 9–17. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.156.11.009-017. EDITED: HAKKUS.

13. Alimova Ya.O. Features of the application of the Vienna Convention on Contracts for International Sale of 1980 in the BRICS countries (new composition) // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2025. № 3 (127). Pp. 66–74. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.127.3.066-074. Publication NUMBER: JMJGVS.

14. Kanashevsky V.A. International transactions: legal regulation. 2nd ed., revised Moscow: International Relations, 2019. 704 p. ISBN 978-5-7133-1624-2.

15. Karapetov A.G. Penalty as a means of protecting creditor's rights in Russian and foreign law. Moscow: Statute, 2005. 286 p. ISBN 5-8354-0281-3.

16. Medvedev A.V. Remedies and liability of the parties in case of violation of the contract of sale in the law of the People's Republic of China (in comparison with Russian and international contract law) // Moscow Journal of International Law. 2006. No. 3. pp. 154–177.

17. Kanamugire J.C. Specific performance as a primary remedy in the South African law of contract // Corporate Board: Role, Duties and Composition. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 65–72.

18. Principles of European Contract Law – PECL [Electronic resource] // Trans-Lex.org. URL: https://www.trans-lex.org/400200/highlight_pecl/pecl/ (date of access: 04.06.2026).

19. Status: United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (Vienna, 1980) [Electronic resource] // UNCITRAL. URL: https://uncitral.un.org/en/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status (date of access: 04.06.2026).

20. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016 [Electronic resource] // UNIDROIT. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/> (date of access: 04.06.2026).

Дефект юридически значимых сведений в механизме административно-правовой защиты личности от информационных угроз

Заников Ренат Валерьевич,

аспирант кафедры административного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В статье исследуется дефект юридически значимых сведений, используемых публичной администрацией при принятии решений, совершении юридически значимых действий и формировании условий, влияющих на правовое положение личности. Предмет анализа образуют сведения из государственных информационных систем, реестров, межведомственных ответов и контрольных материалов, которые в конкретной административной ситуации начинают выполнять функцию основания публичного воздействия. Проблема состоит в том, что дефект таких сведений часто воспринимается как техническая неточность, хотя он способен предопределять отказ, проверку, ограничение, изменение режима учета либо иное неблагоприятное административное последствие. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, доктринальный и институциональный методы, позволившие рассмотреть исследуемое нарушение как элемент административно-правового воздействия.

Ключевые слова: административное право, публичное управление, юридически значимые сведения, информационные угрозы, защита личности, административно-правовая защита, дефект сведений, публичная администрация, административная процедура, государственные информационные системы.

Введение

Защита личности от информационных угроз в административном праве обычно связывается с режимом информации, персональных данных, доступом к сведениям либо применением цифровых технологий публичной администрацией (Федеральный закон № 149-ФЗ) [9]. Однако эта рамка не охватывает ситуации, в которых неблагоприятное воздействие формируется еще до итогового административного акта: через отказ, проверку, учет, изменение порядка взаимодействия или контрольное решение, основанные на определенных сведениях (Федеральный закон № 210-ФЗ). В таких случаях юридически значимым становится не только властный результат, но и информационное основание, которому орган придал значение предпосылки публичного воздействия.

В регулировании информации, государственных услуг и контроля сведения обычно выступают вспомогательным материалом: подтверждают юридический факт, фиксируют риск, удостоверяют право на услугу либо указывают на наличие ограничения (Федеральный закон № 149-ФЗ). Однако в конкретной административной ситуации они могут стать основанием публичного воздействия, тогда как последующий спор по-прежнему сосредоточивается на решении, предписании или отказе. Информационный источник неблагоприятного положения при этом остается вне самостоятельной правовой квалификации [6].

Поэтому проверки итогового решения недостаточны. Если сведения не отвечают требованиям точности, актуальности, полноты и юридической проверяемости, внешне корректное действие органа может воспроизводить первоначальный сбой в описании обстоятельств. Отмена решения не всегда устраняет причину неблагоприятного положения, поскольку дефектные сведения продолжают сохраняться в реестре, учетной записи или межведомственном ответе (Федеральный закон № 210-ФЗ).

Особенно отчетливо эта проблема проявляется в сфере государственных и муниципальных услуг. Федеральный закон № 210-ФЗ допускает получение значительной части сведений в порядке межведомственного взаимодействия, что снижает нагрузку на заявителя, но усиливает значение проверки их актуальности, относимости и допустимости использования против лица. Дефект межведомственного ответа или иной информационной предпосылки способен повлиять на результат процедуры еще до вынесения итогового отказа или иного решения.

Научная проблема состоит не в отсутствии специального термина, а в неточной локализации нарушения. Действующие квалификации позволяют оценить технический сбой, нарушение информационного режима, процедурный дефект или незаконность итогового решения, но не всегда выявляют уровень, на котором сведения уже выполняют функцию основания публичного воздействия. Именно этот уровень остается недостаточно разработанным в административно-правовой доктрине.

Цель исследования состоит в раскрытии дефекта юридически значимых сведений как самостоятельной административно-правовой категории, определении его квалификационных признаков, пределов отграничения от смежных явлений и значения для выбора средств защиты личности от информационных угроз. Для этого анализируется функция сведений в административном обосновании и устанавливаются условия, при которых информационное нарушение приобретает самостоятельное административно-правовое значение.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, доктринальный и институциональный методы. Их применение позволило проанализировать нормативные режимы обращения со сведениями, связь информационного основания с административной процедурой, а также отграничить дефект юридически значимых сведений от технической ошибки, нарушения информационного режима, процедурного дефекта и незаконности итогового решения.

Юридически значимые сведения в структуре административно-правового воздействия

Традиционный анализ административного воздействия сосредоточен на компетенции органа, форме управленческого решения, процедуре

его принятия и юридических последствиях деятельности публичной администрации [13]. Однако такая оптика оставляет в тени более ранний уровень – формирование информационного основания будущего решения. До появления итогового акта публичная администрация уже отбирает сведения, сопоставляет их с нормативными критериями и превращает в предварительное основание властного вывода [1].

Не всякая информация, находящаяся у органа власти, становится юридически значимой. Такое качество возникает тогда, когда сведения участвуют в формировании административного решения, действия, отказа, изменения процедурного маршрута лица или иного публично-властного последствия (Федеральный закон № 210-ФЗ). Решающим является не сам факт хранения информации в системе или документе, а ее функция в механизме административного обоснования: справочные, технические, статистические и аналитические данные обслуживают управление, тогда как юридически значимые сведения способны индивидуализировать правовое положение адресата [6].

Переход от нейтральной информации к юридически значимому основанию происходит тогда, когда орган использует сведения для установления факта, подтверждения статуса, оценки соответствия требованиям, определения основания контроля, предоставления услуги, применения меры реагирования или отказа (Федеральный закон № 210-ФЗ). С этого момента значение имеет не только наличие информации, но и ее качество как условие правомерности последующего административного вывода.

Орган, принимающий решение, не всегда сам формирует сведения, на которые затем опирается. Информация может поступать от другого органа, возникать в рамках межведомственного взаимодействия, содержаться в реестре или закрепляться в учетной записи (Федеральный закон № 210-ФЗ). Поэтому адресат публичного воздействия часто сталкивается не с первичным источником сведений, а с их административным эффектом: отказом, проверкой, приостановлением, дополнительным запросом или изменением порядка рассмотрения обращения [7].

Реестровая практика показывает, что сведения не всегда остаются только учетным материалом. В сфере государственной регистрации юридических лиц недостоверность сведений ЕГРЮЛ способна повлечь отказ в регистрационном действии, но сама такая недостоверность должна быть доказана регистрирующим органом, что следует из обзора судебной практики, направленного письмом ФНС России от 30.12.2022 № КВ-4–14/17900@. В сфере государственной регистрации недвижимости законодатель различает техническую и реестровую ошибки, включая ошибку, воспроизведенную из документов, поступивших в порядке межведомственного взаимодействия, что предусмотрено статьей 61 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». В обоих случаях качество сведений становится условием допустимости публичного результата.

Для административного права важно не только то, располагает ли орган определенной информацией, но и вправе ли он использовать ее как основание решения. Если сведения применяются против лица, они должны быть проверяемыми, относимыми к конкретной ситуации, актуальными и процедурно подтвержденными. Без этого информация остается фактическим сообщением, но не становится надлежащим основанием административного решения (КАС РФ).

На первый взгляд такая проблема может быть снята проверкой законности последующего решения. Однако внешняя корректность акта не всегда отвечает на вопрос о качестве его информационного основания. Решение может быть принято компетентным органом, оформлено надлежащим образом и соответствовать процедуре, но его содержательная обоснованность будет зависеть от сведений, положенных в основу [1]. Поэтому проверка публичного результата должна включать не только оценку компетенции, формы и процедуры, но и анализ информационного материала, из которого этот результат возник.

Сведения, которым орган придает значение основания, занимают промежуточное положение между фактическими обстоятельствами и итоговым властным решением. Здесь фактическая информация преобразуется в основание публично-властного вывода. Если такое преобразование опирается на недостоверное, неполное, устаревшее или процедурно неподтвержденное сведение, информационный дефект приобретает административно-правовое значение и требует самостоятельной квалификации.

Дефект юридически значимых сведений: признаки и административно-правовая природа

Когда сведения начинают выполнять функцию административного основания, меняется правовая оценка их дефектов. Для административного права существенна не любая неточность, а ситуация, в которой

сведение утрачивает качество, необходимое для публично-властного вывода, но продолжает использоваться при принятии решения, отказе, контроле, учете, проверке или ином изменении положения лица (Федеральный закон № 210-ФЗ) [7]. Такой дефект оценивается в конкретной административной ситуации: информация может оставаться нейтральной в справочном обороте, но приобретать юридическое значение при предоставлении услуги, ведении реестра, осуществлении контроля или применении административной меры.

Базовым критерием является связь сведения с публично-властным последствием. Если неточность не влияет на административную оценку лица, объем его прав, обязанностей, ограничений или процедурных возможностей, она не образует самостоятельного основания административно-правовой защиты. Иной характер имеет ситуация, когда сведения используются для определения статуса, выбора режима взаимодействия, отказа в услуге, инициирования проверки или применения меры реагирования. Здесь качество информации становится условием правомерности публичного воздействия [1].

Проверяемость сведений означает возможность установить источник информации, способ ее получения, момент актуализации, пределы применимости и связь с конкретной административной ситуацией. Без этих параметров публичная администрация опирается не на установленное обстоятельство, а на информационное утверждение, юридическая пригодность которого не подтверждена (Федеральный закон № 210-ФЗ) [7].

Достоверность информации сама по себе еще не означает ее отнесенность. Сведения о прежнем статусе, проведенной проверке, обращении или записи в информационной системе могут быть реальными, но не относиться к тому основанию, с которым закон связывает ограничение, отказ или применение меры. В такой ситуации дефект состоит не в ложности информации, а в неправомерном переносе фактического сведения в плоскость юридического основания [8].

Отделенную проблему образует актуальность сведений. Административное воздействие должно опираться на информационное состояние, соответствующее юридически значимому моменту принятия решения или совершения действия. Устаревшая запись, неактуализированный межведомственный ответ или прежняя контрольная отметка могут продолжать воспроизводиться как основание вывода, хотя фактическая ситуация уже изменилась (Федеральный закон № 210-ФЗ). Тогда прошлое информационное состояние подменяет текущее правовое положение лица [7].

Процедурная подтвержденность сведений также имеет самостоятельное значение. Даже фактически верная информация не всегда обладает качеством допустимого административно-правового основания. Для ее юридического использования важны способ включения в процедуру, получение, фиксация, доведение до адресата, возможность проверки и соответствие цели формирования сведений (КАС РФ). Если эти условия отсутствуют, орган располагает информацией, но не имеет надлежащего основания для публично-властного вывода [2]. Процедурная форма в таком случае выступает не внешним оформлением управленческого действия, а гарантией проверяемого осуществления публичных полномочий [3].

Административно-правовая природа дефекта проявляется в нарушении связи между фактическим обстоятельством, его информационным отражением и публично-властным выводом. В обычной административной ситуации сведения помогают перевести факт в юридически значимую форму. При дефекте этот перевод искажается: орган опирается уже не на надлежащее установленное обстоятельство, а на информационный заменитель, которому ошибочно придано значение основания.

Проблема усиливается, когда дефект начинает воспроизводиться. Ошибочная, устаревшая или неподтвержденная запись может переходить из одной процедуры в другую, попадать в межведомственный оборот, закрепляться в реестре и использоваться при последующих решениях (Федеральный закон № 210-ФЗ). Тогда дефект перестает быть единичным сбоем и превращается в длящийся источник публично-властного воздействия. Оспаривание одного акта в такой ситуации не всегда нейтрализует основание будущих ограничений [7].

Дефект юридически значимых сведений может быть определен как нарушение качества, юридической пригодности или процедурной подтвержденности информации, которой публичная администрация придала значение основания воздействия на личность. Его самостоятельное значение проявляется в способности предопределять неблагоприятное изменение правового положения лица до принятия итогового акта, в момент его принятия либо при последующем административном взаимодействии.

Квалификационные признаки позволяют установить, приобретает ли информационное нарушение административно-правовое значение

ние, а классификация показывает, какое качество сведений нарушено и какое средство защиты способно устранить соответствующий дефект.

Отграничение дефекта юридически значимых сведений от смежных правовых явлений

Предложенная категория нуждается в разграничении с технической ошибкой, нарушением информационного режима, процедурным дефектом и незаконностью итогового акта. Эти квалификации описывают разные уровни правовой проблемы, но не всегда охватывают ситуацию, в которой источником неблагоприятного последствия становится не сам акт, а информационное основание публичного воздействия [1].

Квалификация через техническую ошибку объясняет сбой фиксации, отображения, передачи, кодирования или воспроизведения данных (Федеральный закон № 218-ФЗ). Однако дефект юридически значимых сведений возникает не из самого технического сбоя, а из последующего использования непригодного сведения как административно-правового основания. Пока ошибка остается внутренним сбоем системы и не влияет на лицо, самостоятельной административно-правовой проблемы может не возникать. Если же запись используется для отказа, проверки, ограничения, учета или изменения процедурного режима, предметом оценки становится допустимость публичного воздействия, основанного на дефектном информационном основании [8].

Нарушение информационного режима позволяет оценить доступ, хранение, передачу, распространение, защиту или обработку информации как объекта специального правового регулирования (Федеральный закон № 149-ФЗ). Однако даже правомерно полученная и правомерно хранящаяся информация может быть непригодной для конкретного административного вывода. В этом случае спор касается не режима обращения с информацией, а допустимости ее превращения в основание публичного воздействия [5].

Ближе всего рассматриваемый дефект находится к дефекту административной процедуры, но не совпадает с ним. Процедурный дефект указывает на нарушение порядка осуществления полномочий: срока, уведомления, направления запроса, мотивировки решения или предоставления лицу возможности представить объяснения (Федеральный закон № 210-ФЗ). Дефект сведений может проявляться внутри процедуры, однако его содержание связано не с последовательностью действий органа, а с пригодностью информационного основания для властного вывода. Поэтому внешне корректная процедура не устраняет проблему, если решение построено на устаревшей, неотнормированной или перенесенной из иного административного контекста информации [1].

Квалификация через незаконность итогового решения фиксирует уже сформированный властный результат (КАС РФ). Она необходима, но не всегда достаточна. Дефект сведений возникает раньше – на предпосылочном уровне, в информационном материале, который участвует в формировании решения. Поэтому отмена акта может устранить конкретное последствие, но не обязательно устраняет дефектное сведение из административного оборота и не исключает его повторного использования [4].

Если дефектные сведения сохраняются в реестре, учетном массиве, межведомственном ответе или контрольном материале, они могут быть использованы в новой процедуре (Федеральный закон № 210-ФЗ). Тогда лицо сталкивается уже не только с отдельным решением. Возникает повторяющийся административный эффект одного дефектного основания [7].

Следовательно, рассматриваемая категория не подменяет техническую ошибку, нарушение информационного режима, процедурный дефект или незаконность акта. Ее самостоятельное значение состоит в фиксации нарушения связи между информационным материалом и властным юридическим последствием.

Виды дефектов юридически значимых сведений и их значение для административно-правовой защиты личности

Дефект юридически значимых сведений охватывает несколько административно-правовых ситуаций: ложность информации, ее неполноту, утрату актуальности, неправильную юридическую привязку, процедурную неподтвержденность и повторное использование в административном обороте. Классификация имеет функциональное значение, поскольку связывает характер нарушения с тем средством защиты, которое способно устранить источник неблагоприятного воздействия [1].

Дефект фактической достоверности возникает, когда сведения, используемые публичной администрацией, расходятся с действительными обстоятельствами: неверно указывают статус лица, ошибочно фиксируют событие, принадлежность объекта, наличие или отсутствие

юридического факта. Для административного права значение имеет не всякая недостоверность, а ее использование против лица как основания отказа, ограничения, проверки, учета или иного неблагоприятного воздействия (Федеральный закон № 218-ФЗ) [7].

Реестровая практика показывает, что дефект достоверности нельзя сводить к технической неточности. В спорах о государственной регистрации юридических лиц сомнение в сведениях о месте нахождения, участнике, руководителе или ином обстоятельстве еще не равно доказанной недостоверности. Поэтому требование доказанности выступает пределом использования реестровой информации против заявителя: реестр не должен блокировать регистрационное действие на основании непроверенного информационного предположения.

Иной характер имеет дефект полноты. Здесь используемая информация может быть достоверной, но неполной для правомерного административного вывода. Публичная администрация располагает частью сведений и использует эту часть как достаточное описание юридической ситуации. Так, указание на прежние ограничения без сведений о его прекращении, фиксация обращения без данных о его разрешении или контрольная отметка без информации об устранении нарушения способны сформировать неблагоприятный вывод при внешней достоверности исходных данных (Федеральный закон № 210-ФЗ) [7].

Отдельно следует выделить дефект актуальности. В этой ситуации сведения могли быть правильными в момент формирования, но к моменту административного воздействия утратили способность подтверждать юридически значимое обстоятельство. Ошибка здесь возникает не из первоначальной ложности информации, а из ее последующего устаревания. Когда орган продолжает использовать такие сведения как действующее основание, прошлое информационное состояние начинает подменять текущее правовое положение лица (Федеральный закон № 218-ФЗ) [7].

В сфере ЕРПН это видно на примере ошибочной либо утратившей актуальность записи, которая продолжает влиять на регистрационное действие. Различение технической и реестровой ошибки показывает, что дефект может возникать не только при неверном отображении данных органом регистрации, но и при воспроизведении ошибки из исходного документа, включая материал, поступивший в порядке межведомственного взаимодействия. В последнем случае дефект выходит за пределы технической корректировки записи, поскольку ошибочное основание уже прошло через документ, межведомственный канал или иной юридически значимый источник.

Более сложным является дефект юридической привязки и контекстной интерпретации сведений. Информация может быть достоверной и актуальной, но не иметь юридической связи с выводом органа либо получать искаженное административное прочтение. Такой дефект возникает при переносе сведений из одного административного контекста в другой, использовании данных, собранных для иной цели, или придании правового значения обстоятельствам, которые не входят в нормативное основание решения (Федеральный закон № 210-ФЗ). Проблема приобретает административно-правовое значение тогда, когда такая интерпретация используется против лица при выборе режима взаимодействия, проверке, отказе или иной неблагоприятной мере.

Процедурная подтвержденность означает, что фактически верная информация не всегда может использоваться как основание публичного воздействия. Значение имеют способ получения, фиксации, проверки, доведения до адресата и включения сведений в соответствующую процедуру (КАС РФ). Поэтому фактическая осведомленность органа не равна наличию допустимого административно-правового основания [2].

Воспроизводимость дефекта связана не только с качеством сведения, но и с его движением внутри административного оборота. Дефектное основание может переходить между реестрами, использоваться в межведомственных ответах, появляться в контрольных материалах и воспроизводиться при новых обращениях или проверках (Федеральный закон № 210-ФЗ). В результате одно дефектное основание способно породить несколько неблагоприятных последствий [7].

Защитное значение классификации состоит в соотношении вида дефекта с правовой реакцией. Недостоверные сведения требуют исправления или опровержения, неполные – дополнения, утратившие актуальность обновления либо исключения из числа применимых оснований. При нарушении относимости необходим запрет использования сведений вне нормативного контекста, при процедурной неподтвержденности проверка источника и порядка получения информации, при воспроизводимости прекращение повторного использования дефектного основания [4].

Предложенная классификация показывает, что дефект юридически значимых сведений нельзя нейтрализовать одним универсальным

средством. В одном случае требуется исправление записи, в другом – дополнение или актуализация информационного основания, в третьем – запрет использования сведений вне надлежащего контекста либо пересмотр решения, уже построенного на дефектной информации [7].

Административно-правовые средства нейтрализации дефектных сведений

Средство административно-правовой защиты должно соответствовать уровню, на котором возник дефект информационного основания. Техническое исправление записи устраняет ошибку отображения, отмена акта воздействует на итоговый властный результат, но оба способа могут оставить нетронутым дефектное основание. Поэтому реакция должна быть направлена не только на запись или акт, но и на связь между сведением и неблагоприятным публично-властным последствием [4]. Исправление реестровых ошибок, запрос дополнительных сведений, раскрытие мотивов решения, административное и судебное оспаривание, а также пересмотр решений следует рассматривать как элементы единой защитной логики.

Базовым средством выступает административная проверка информационного основания. Она должна охватывать источник сведений, дату их формирования, цель включения в информационный массив, связь с рассматриваемой процедурой и возможность лица представить возражения. Наличие записи в системе подтверждает только факт ее существования, но не доказывает пригодность для конкретного административного вывода (Федеральный закон № 210-ФЗ). Поэтому проверка должна быть направлена не на механическое подтверждение записи, а на установление ее юридической применимости [2].

Раскрытие информационного основания неблагоприятного вывода необходимо, если орган ссылается на данные реестра, межведомственный ответ, учетную запись или контрольный материал. Адресат должен понимать, какое сведение предопределило результат и почему оно признано юридически значимым (КАС РФ). Без этого лицо оспаривает отказ, предписание или иное действие, но не видит информационного материала, который привел к неблагоприятному результату [11].

Корректировка, актуализация и дополнение сведений необходимы в зависимости от характера дефекта. Если ошибка уже повлияла на административное решение или действие, исправление записи должно сопровождаться оценкой решений, принятых на прежней информационной основе (КАС РФ). Если сведения утратили актуальность, требуется не опровержение прежнего факта, а прекращение его действия как текущего административного основания [7]. При дефекте полноты защита должна быть направлена на включение недостающих данных, поскольку фрагмент информации не может подменять целостное описание юридической ситуации [2].

В ряде случаев требуется не исправление и не удаление сведений, а исключение их из числа применимых административных оснований. Информация может сохраняться в системе, но не использоваться для конкретного неблагоприятного вывода, если она собрана для иной цели либо не входит в нормативное основание решения (Федеральный закон № 149-ФЗ) [1].

Если дефектное основание способно переходить из одной процедуры в другую, необходимо ограничить его повторное использование до проверки, актуализации, корректировки либо исключения из надлежащего административного контекста. Иначе лицо будет вынуждено заново оспаривать последствия одного и того же информационного дефекта [7].

Наконец, устранение дефекта должно затрагивать решения и действия, которые уже были построены на соответствующих сведениях. Если сведение выполнило функцию основания публичного воздействия, простого исправления на будущее недостаточно. Иной подход разрывает связь между признанием информационного нарушения и устранением произведенных им публично-властных последствий [4].

Административный и судебный способы защиты здесь не должны противопоставляться. Административный порядок позволяет быстрее выявить источник дефекта, запросить сведения, исправить запись, дополнить информационный массив либо ограничить использование спорного основания. Судебный контроль необходим тогда, когда орган отказывается признавать юридическое значение дефекта, сохраняет неблагоприятное последствие или продолжает использовать сведения, пригодность которых не подтверждена (КАС РФ) [11].

Нейтрализация дефектных сведений должна рассматриваться как самостоятельное направление административно-правовой защиты личности. Речь идет не о технических операциях с данными, а о юридических средствах восстановления пригодного информационного основания либо исключения дефектного основания из публично-властного вывода [4].

Пределы административного усмотрения при использовании спорных и дефектных сведений

Дефектные сведения особенно значимы там, где закон оставляет публичной администрации пространство оценки обстоятельств конкретного дела. Усмотрение допустимо лишь при наличии информационного основания, пригодного для правовой оценки. Оно не может заменять доказанность, актуальность, относимость или процедурную подтвержденность сведений. Если орган придает юридическое значение информации, качество которой не проверено, речь идет не об усмотрении, а о придании правового значения информационному предположению [1].

Наличие сведений в реестре, государственной информационной системе, межведомственном ответе или контрольном материале не должно приравниваться к доказанности юридически значимого обстоятельства (Федеральный закон № 149-ФЗ). Для неблагоприятного вывода орган обязан оценить происхождение сведений, их актуальность, применимость к конкретной процедуре и связь с нормативным основанием решения [7]. Противоречивые, неполные или требующие уточнения сведения должны запускать проверку, запрос дополнительных данных либо предоставление лицу возможности представить объяснения и документы, а не автоматически использоваться против него (Федеральный закон № 210-ФЗ).

Особое значение имеет мотивировка использования спорного информационного основания. Недостаточно сослаться на сведения реестра, информационной системы или ответ иного органа. Публичная администрация должна раскрыть, почему эти сведения признаны относимыми, актуальными и достаточными для конкретного вывода (КАС РФ). Официальное происхождение информации подтверждает ее административный источник, но не освобождает орган от самостоятельной юридической оценки. Поэтому спорное или дефектное сведение не может автоматически выполнять функцию основания неблагоприятного публичного воздействия. Оно должно быть проверено и юридически подтверждено либо исключено из числа применимых оснований.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что дефект юридически значимых сведений не сводится к технической ошибке или частному сбою административного документооборота. Его правовое значение возникает, когда непригодная информация включается в механизм публичного воздействия и выполняет функцию основания решения, отказа, проверки, учета, ограничения, применения меры реагирования либо изменения процедурного положения лица.

Дефект юридически значимых сведений выражается в нарушении качества, юридической пригодности или процедурной подтвержденности информации, которой публичная администрация придала значение основания воздействия на личность. Он может проявляться в недостоверности, неполноте, утрате актуальности, отсутствии относимости, процедурной неподтвержденности либо искаженной правовой интерпретации. Самостоятельность этой категории определяется ее промежуточным положением между фактическим обстоятельством и итоговым властным решением.

Административно-правовая защита личности в этой сфере не может ограничиваться последующим оспариванием итогового решения. Если неблагоприятное положение вызвано дефектным информационным основанием, предмет защиты должен охватывать проверку и раскрытие такого основания, корректировку, дополнение или актуализацию сведений, запрет их неправомерного использования и пересмотр решений, принятых на дефектной основе. Эти средства позволяют выстроить единую защитную логику без конструирования изолированного нового института.

Наличие сведений в реестре, государственной информационной системе, межведомственном ответе или контрольном материале не должно заменять проверку юридически значимого обстоятельства (Федеральный закон № 210-ФЗ). Если информация используется для неблагоприятного воздействия на лицо, публичная администрация должна установить ее происхождение, актуальность, относимость и достаточность. Иначе усмотрение становится способом легитимации дефектного информационного основания.

Значение предложенной квалификации состоит в расширении предмета административно-правовой защиты личности от информационных угроз. Оценке подлежит не только внешний властный результат, но и качество сведений, обеспечивающих его фактическую и юридическую обоснованность. Такой подход позволяет воздействовать на дефектное информационное основание до того, как оно воспроизведет новое неблагоприятное публично-властное последствие.

Литература

1. Старилов Ю.Н. Административные процедуры – неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении: проблемы теории, практики и законодательного регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4. С. 8–27.
2. Давыдов К.В. Административная реформа и административные процедуры: перспективы развития российского законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 1. С. 99–109. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.41.1.099-109.
3. Давыдов К.В. Административные процедуры: российский и зарубежный опыт: монография / отв. ред. Ю.Н. Старилов. Новосибирск: Академиздат, 2020. 516 с.
4. Старилов Ю.Н. Много административных процессов не бывает, или административное судопроизводство – единственный вид современного российского административного процесса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 2. С. 287–293. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3482.
5. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 419 с. ISBN 978-5-534-00608-7.
6. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе: правовой аспект. М.: ИД «Юриспруденция», 2015. 192 с.

A DEFECT IN LEGALLY SIGNIFICANT INFORMATION IN THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF AN INDIVIDUAL FROM INFORMATION THREATS

Zanikov R.V.

Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the defect of legally significant information used by the public administration in making decisions, performing legally significant actions and creating conditions affecting the legal status of a person. The subject of the analysis is information from state information systems, registers, interdepartmental responses and control materials, which in a particular administrative situation begin to serve as the basis for public influence. The problem is that a defect in such information is often perceived as a technical inaccuracy, although it can cause rejection, verification, restriction, change of accounting regime, or other adverse administrative consequences. The methodological basis was formed by formal legal, systemic, doctrinal and institutional methods, which made it possible to consider the violation under study as an element of administrative and legal impact.

Keywords: administrative law, public administration, legally significant information, information threats, personal protection, administrative and legal protection, information defect, public administration, administrative procedure, state information systems.

References

1. Starilov Yu.N. Administrative procedures are an integral part of legislation on state and municipal management: problems of theory, practice and legislative regulation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2019. № 4. pp. 8–27.
2. Davydov K.V. Administrative reform and administrative procedures: prospects for the development of Russian legislation // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2018. № 1. pp. 99–109. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.41.1.099-109.
3. Davydov K.V. Administrative procedures: Russian and foreign experience: a monograph / ed. by Yu.N. Starilov. Novosibirsk: Akademizdat, 2020. 516 p.
4. Starilov Yu.N. There are not many administrative processes, or administrative court proceedings are the only type of modern Russian administrative process. // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2021. № 2. pp. 287–293. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3482.
5. Bachilo I.L. Information law: textbook for universities. 5th ed., revised and additional M.: Yurait, 2022. 419 p. ISBN 978-5-534-00608-7.
6. Talapina E.V. Public administration in the information society: a legal aspect. Moscow: Publishing house «Jurisprudence», 2015. 192 p.

Ибрагимов Хаджимурад Шамильевич,

аспирант, Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: churekovaa@inbox.ru

В статье исследуются проблемы защиты прав собственников жилых помещений при реализации программ реновации жилищного фонда. Автор исходит из того, что публичный интерес в обновлении городской среды сам по себе не устраняет необходимости индивидуальной защиты собственника, особенно в случаях спора о характеристиках предоставляемого жилья, форме компенсации и порядке переселения. В отличие от тезисного перечисления направлений реформирования, статья связывает предлагаемые меры с конкретными правоприменительными проблемами, выявляемыми при анализе судебной практики.

В работе рассматриваются споры о выборе этажа и иных характеристик квартиры, о стандартах улучшенной отделки, о предоставлении жилого помещения большей площади, о переселении из коммунальных квартир и о денежной компенсации. На основе этих примеров сделан вывод о необходимости перехода от формальной проверки соблюдения процедуры к содержательному судебному контролю за соразмерностью вмешательства в право собственности и реальностью компенсационных гарантий.

Ключевые слова: реновация, собственник жилого помещения, защита права собственности, судебный контроль, равнозначное жилье, переселение, компенсация, публичный интерес.

Введение

Реновация жилищного фонда затрагивает одновременно несколько уровней правового положения гражданина. Собственник лишается прежнего объекта недвижимости, переходит в новое жилое помещение, меняет социальную и бытовую среду, а в ряде случаев оказывается связанным с решениями большинства жильцов или других участников общей собственности. Поэтому защита прав собственников при реновации не может сводиться к проверке того, включен ли дом в программу и предоставлена ли квартира с формально достаточной площадью. Для реальной защиты необходимо установить, сохраняется ли баланс между публичным интересом и индивидуальным правом.

Конституционные гарантии собственности и жилища требуют, чтобы вмешательство в имущественную сферу было не только законным, но и соразмерным¹. Специальное регулирование реновации в Москве закрепляет ряд гарантий, включая предоставление равнозначного жилого помещения и дополнительные жилищные гарантии отдельным категориям граждан². Однако сама по себе нормативная формула равнозначности не отвечает на вопрос о том, какие обстоятельства суд должен проверять при конфликте между гражданином и органом, реализующим программу.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении основных проблем судебной и внесудебной защиты собственников при реновации и в формулировании предложений, вытекающих из анализа нормативного регулирования и конкретных судебных примеров. Такой подход позволяет избежать необоснованных выводов, которые не связаны с исследованным материалом.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод применялся при толковании норм о реновации и гарантиях собственников. Системный метод позволил рассмотреть судебную защиту не изолированно, а во взаимосвязи с процедурой переселения, критериями равнозначности, компенсационными механизмами и государственной регистрацией права. Эмпирическую основу составили судебные акты по спорам о характеристиках предоставляемого жилого помещения, коммунальных квартирах и денежной компенсации. Сравнительно-правовой метод использован только для выявления общих ориентиров защиты, поскольку зарубежные модели не могут быть механически перенесены в российское законодательство.

Обсуждение результатов

Публичный интерес в реновации выражается в обновлении устаревшего жилого фонда, формировании современной городской среды и предупреждении дальнейшего ухудшения технического состояния домов. Такой интерес является легитимным. В то же время легитимность цели не означает, что индивидуальные права собственника могут быть поглощены волей большинства или административной целесообразностью. В научной литературе обоснованно отмечается, что именно ограничение принципа неприкосновенности собственности является одной из ключевых проблем реновации³.

На практике конфликт проявляется прежде всего в спорах о содержании равнозначности. Законодатель устанавливает минимальные критерии равнозначного помещения: не меньшую жилую площадь и количество комнат, большую общую площадь, благоустройство и расположение в соответствующей территориальной зоне. Однако граждане нередко воспринимают равнозначность шире, включая в нее этаж, планировку, инсоляцию, близость к школе, медицинским

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 03.03.2025.

² О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве: Закон г. Москвы от 17.05.2017 № 14 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2017. № 28. Т. 2.

³ Иванов А.П., Игнатьева С.В. Проблемы ограничения принципа неприкосновенности собственности при реновации жилищного фонда // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 159.

учреждениям, месту работы и привычным социальным связям. Судебная практика чаще исходит из буквального содержания закона, что делает защиту формальной, но не всегда убедительной с позиции справедливого баланса.

Показателен спор, в котором доводы граждан о выборе квартиры на определенном этаже были отклонены, поскольку законодательство о реновации не предусматривает право граждан самостоятельно выбирать этаж предоставляемого помещения¹. На первый взгляд такой вывод соответствует закону. Однако он выявляет пробел: если этаж или иные характеристики объективно влияют на доступность жилья для пожилого человека, инвалида или семьи с малолетними детьми, суду требуется инструмент оценки не только формального соответствия, но и фактической пригодности предоставляемого помещения.

Схожая проблема проявляется в спорах о качестве отделки. В одном из дел суд сослался на то, что применение требований к улучшенной отделке жилых помещений одобрено Московским фондом реновации жилой застройки и его Попечительским советом, что исключило учет индивидуальных предпочтений граждан². Этот пример демонстрирует, что стандартизация отделки снижает административные издержки, но не решает вопрос о качестве конкретного жилого помещения. Если спор касается не вкусовых предпочтений, а технических недостатков, несоответствия конструктивным особенностям или ухудшения потребительских свойств, суд должен иметь возможность проверять фактическое качество объекта.

Отдельная группа споров связана с требованием предоставить помещение большей площади. В решении Пресненского районного суда города Москвы по делу № 02–6224/2020 суд отказал в предоставлении квартиры большей площади, указав, что семья не состоит на жилищном учете и в рамках программы реновации подлежит обеспечению равнозначным, а не улучшающим жилищные условия помещением³. Данный подход логичен, если реновация рассматривается как замещение, а не как самостоятельная мера жилищного обеспечения. Однако он подтверждает необходимость четко разграничивать две ситуации: когда гражданин требует необоснованного улучшения и когда формально равнозначное помещение фактически ухудшает его положение.

Наиболее сложными являются споры, где формальные критерии пересекаются с семейными и социальными обстоятельствами. При переселении из коммунальных квартир возникает вопрос, должна ли предоставляться одна квартира на всех или отдельные квартиры разным собственникам комнат. Во Втором кассационном суде общей юрисдикции была поддержана позиция о правомерности вселения членов одной семьи в отдельную равнозначную двухкомнатную квартиру, несмотря на возражения ответчиков⁴. Этот пример показывает, что суды учитывают не только титул собственности, но и семейный статус проживающих лиц. Вместе с тем отсутствие специальных критериев для коммунальных квартир создает риск неодинакового подхода к сходным ситуациям.

Проблема денежной компенсации также имеет не только имущественное, но и процессуальное значение. Н.В. Акаёмова и М.Н. Чейшвили справедливо связывают пробелы регулирования с определением волеизъявления, размера компенсации и равноценного объекта⁵. Судебная практика подтверждает эту проблему: в деле № 88–23139/2020 суд исходил из того, что денежное возмещение может быть предложено собственникам освобождаемого помещения при наличии письменного заявления всех собственников⁶. В результате индивидуальный собственник, желающий получить денежную компенсацию, оказывается зависим от воли других участников общей собственности. Это не означает, что компенсация должна предоставляться произвольно, но подтверждает необходимость специальной процедуры согласования интересов.

Из приведенных примеров следует, что основная проблема судебной защиты состоит не в полном отсутствии гарантий, а в недоста-

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33–42459/2019 // <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

² Решение Никулинского районного суда города Москвы по гражданскому делу № 02–0804/2020 // <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 07.04.2025).

³ Решение Пресненского районного суда города Москвы по гражданскому делу № 02–6224/2020 // <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

⁴ Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–9860/2022 // <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

⁵ Акаёмова Н.В., Чейшвили М.Н. Пробелы правового регулирования реновации в г. Москве // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 111.

⁶ Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88–23139/2020 // <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

точной глубине их проверки. Суды нередко ограничиваются вопросом о том, соответствует ли предложенное помещение минимальным параметрам закона. Между тем для защиты права собственности важны также фактическая пригодность жилья, техническое состояние, доступность инфраструктуры, наличие обременений, права членов семьи, последствия для социально уязвимых лиц и возможность выбора компенсационной формы. Без включения этих обстоятельств в предмет доказывания судебная защита становится запоздалой и формальной.

В этой связи необходимо уточнить предмет доказывания по спору о реновации. Орган, реализующий программу, должен подтверждать не только факт включения дома в программу и наличие предложения о переселении, но и соответствие конкретного помещения установленным гарантиям. Собственник, в свою очередь, должен обосновывать, какие именно характеристики ухудшают его положение. Такое распределение бремени доказывания является более справедливым, поскольку публичный субъект располагает проектной, технической и организационной информацией, недоступной гражданину в полном объеме.

Еще одним направлением является развитие предварительной судебной защиты. Если спор разрешается уже после выселения или сноса дома, восстановление прежнего положения становится практически невозможным. Поэтому суд должен иметь возможность принимать обеспечительные меры, препятствующие совершению необратимых действий до проверки законности переселения. Речь идет не о блокировании всей программы, а о временной защите индивидуального права до разрешения конкретного спора.

Предложения о совершенствовании законодательства должны вытекать из выявленных судебных проблем. Поскольку споры о выборе этажа и отделке показывают ограниченность формальных критериев, необходимо дополнить регулирование оценкой фактической пригодности и потребительских характеристик жилья. Поскольку дела о коммунальных квартирах демонстрируют неопределенность семейно-имущественных критериев, целесообразно закрепить специальные правила предоставления отдельных помещений при самостоятельных объектах собственности и разных семейных учетах. Поскольку споры о денежной компенсации показывают зависимость одного собственника от воли других, требуется процедура согласования компенсационной формы с учетом долей и недопущения ухудшения положения остальных участников.

Зарубежный опыт подтверждает, что успешность реновации зависит не только от объема строительства, но и от вовлечения жителей, прозрачности решений и качества компенсационных гарантий. Е.А. Прохорова указывает на необходимость изучения зарубежных моделей именно потому, что российский механизм реализации программы не является детально отработанным⁷. При этом зарубежный опыт не следует использовать как готовую схему. Для российской модели полезны прежде всего процедурные принципы: раннее информирование, обсуждение вариантов, независимая оценка, возможность выбора, социальное сопровождение переселения и контроль за последствиями для уязвимых групп.

Внесудебные механизмы также могут снизить конфликтность. До обращения в суд собственнику должна быть доступна комиссия с участием представителей публичного субъекта, собственников, технических специалистов и оценщиков. Такая комиссия могла бы рассматривать возражения относительно конкретного помещения, фиксировать технические недостатки, предлагать альтернативный вариант или компенсацию разницы. Это не заменит судебную защиту, но сделает ее более предметной, если спор все же будет передан в суд.

Таким образом, защита прав собственников при реновации должна строиться не на противопоставлении публичного интереса и частной собственности, а на проверке их соразмерного сочетания. Публичный интерес может оправдывать обновление жилого фонда, но не может оправдывать неопределенность критериев переселения, отсутствие эффективного предварительного контроля и игнорирование индивидуальных обстоятельств, имеющих правовое значение.

Результаты исследования

Проведенное исследование показывает, что действующая модель защиты прав собственников при реновации нуждается не столько в декларативном расширении гарантий, сколько в уточнении их проверяемого содержания. Судебные примеры подтверждают, что конфликты возникают вокруг конкретных характеристик жилья, формы компенсации, учета семейных обстоятельств и возможности предотвратить

⁷ Прохорова Е.А. Зарубежный опыт реализации проектов реновации жилой застройки // Integral. 2019. № 3. С. 46.

необратимые действия. Поэтому предложения по совершенствованию законодательства должны быть связаны именно с этими проблемами.

Оптимальным направлением является переход к содержательному судебному контролю. В предмет доказывания следует включать фактическую пригодность и потребительскую ценность предоставляемого жилья, социальные последствия переселения, права членов семьи и других заинтересованных лиц, а также реальность денежной компенсации. Дополнительно необходимо развивать предварительную судебную защиту и внесудебные комиссии по рассмотрению возражений собственников. Такой подход позволит сохранить публичную функцию реновации, не превращая ее в формальную процедуру административного замещения собственности.

Литература

1. Акаёмова Н.В., Чейшвили М.Н. Пробелы правового регулирования реновации в г. Москве // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 110–114.

2. Иванов А.П., Игнатиева С.В. Проблемы ограничения принципа неприкосновенности собственности при реновации жилищного фонда // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 158–161.

3. Прохорова Е.А. Зарубежный опыт реализации проектов реновации жилой застройки // Integral. 2019. № 3. С. 46–55.

ON THE ISSUE OF PROTECTING THE RIGHTS OF OWNERS DURING THE RENOVATION OF THE HOUSING STOCK

Ibragimov Kh.Sh.

Academy of Labor and Social Relations

The article examines problems of protecting the rights of owners of residential premises in housing renovation programs. The author proceeds from the premise that the public interest in urban renewal does not eliminate the need for individual protection of the owner, especially in disputes concerning the characteristics of substitute housing, the form of compensation and the relocation procedure. Instead of merely listing reform proposals, the article links proposed measures to specific practical problems revealed through judicial practice.

The article analyses disputes concerning the choice of floor and other apartment characteristics, standards of improved finishing, provision of larger premises, relocation from communal apartments and monetary compensation. Based on these examples, the article concludes that judicial review should move from a formal check of procedure to substantive control over the proportionality of interference with ownership and the reality of compensatory safeguards.

Keywords: renovation, owner of residential premises, protection of ownership, judicial review, equivalent housing, relocation, compensation, public interest.

References

1. Akaemova N.V., Cheishvili M.N. Gaps in the legal regulation of renovation in Moscow // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. No. 4. pp. 110–114.

2. Ivanov A.P., Ignatieva S.V. Problems of restricting the principle of inviolability of ownership in housing renovation // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. pp. 158–161.

3. Prokhorova E.A. Foreign experience in implementing residential renovation projects // Integral. 2019. No. 3. pp. 46–55.

Теоретико-методические основы преподавания учебной дисциплины «Этико-правовая культура банкротства»: её предмет, программа и экосистема

Ивакин Виктор Иванович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории права и государства юридического института АНО «Российский новый университет»
E-mail: list.interneta@yandex.ru

Ермишкин Артем Юрьевич,

аспирант кафедры Теории и истории права и государства юридического института АНО «Российский новый университет»
E-mail: a9689768277@gmail.com

Малыгин Владимир Платонович,

аспирант кафедры Теории и истории права и государства юридического института АНО «Российский новый университет»
E-mail: vova-star12@yandex.ru

Работа посвящена вопросам, связанным с теоретико-методическими началами, относящимися к преподаванию магистрам, предлагаемой авторами новой учебной дисциплины под названием «Этико-правовая культура банкротства», до этого не изучавшейся в юридических вузах, раскрытию её предмета, характеристикой утилиты и составляющих элементов, в совокупности образующих определенную соответствующую экосистему данного курса. В связи с этим, в представленной статье предлагаются отдельные элементы программы изучаемой области знания, прописаны темы лекций и семинарских занятий, включающих вопросы по всему курсу очерченной дисциплины. Введение предлагаемой новой дисциплины по мнению авторов значительно повысит эффективность этико-правовой культуры процесса несостоятельности как граждан, так и юридических лиц, что самым положительным образом скажется на экономической составляющей развития.

Ключевые слова: теория, методика, право, культура, банкротство, программа, экосистема, учебная дисциплина, отрасль знания.

В период настоящих преобразований в нашей стране остро нуждаются в своем осмыслении этические, моральные и юридические составляющие такого института права как банкротство. Дело не только в том, что непосредственно вопросам этико-правовой культуры процесса несостоятельности посвящен незначительный ряд научных работ, если не сказать большего, среди которых исключительно некоторые отдельные статьи [10, с. 163–168], отсутствуют монографии, диссертации, а это, несомненно, свидетельствует об актуальности представленного исследования. Своевременность и перспективность предложенного характеризует и то, что этого требует практическая и теоретическая деятельность в данной сфере отношений. Анализ степени изученности описанной проблемы в литературе, что видно, показывает недостаточность разработки данного вопроса, столь важного как для теории, так и для практики. Причем эти аспекты отражены в научных источниках или в самом общем плане либо отдельными моментами. Не получили своего обозначения названные проблемы и в учебниках по правовому регулированию несостоятельности [16]. Вместе с тем, справедливость требует указать, что в отечественных учениях этико-правовые моменты банкротства в некоторой степени определенно преломлялись через призму понятия «добросовестность», представляющей собой одну из важнейших морально-этических и юридических категорий и охватывались в соответствующих различных исследованиях [9, 13], но не равную названной институции, а характеризующую скорее личность человека, его характер или позицию юридического лица. В частности, такой подход получил свое развитие в научных публикациях [11] и непосредственно кандидатской диссертации А.А. Кравченко «Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства)», защищенной 6 лет назад в МГУ им. М.В. Ломоносова [12]. Естественно очерченные исследования базировались на трудах правоведов, раскрывающих понятие «добросовестность» с точки зрения вообще юриспруденции и ее отдельных составляющих отраслей [5, 24], сочинениях других специалистов, иных работах. Дефиниция «добросовестность» отражена и в соответствующем российском законодательстве. Так, принцип добросовестности, относящийся к арбитражному управляющему, провозглашен ч. 4 ст. 20, ч. 4 ст. 20.3, ч. 2 ст. 20.5, ч. 2 ст. 22, ч. 1 ст. 22.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «Об несостоятельности (банкротстве)»¹. О добросовестности управляющей компании идет речь в ч. 15 ст. 25.1 описываемого акта. Об иных аспектах упомянутой институции говорят ч. 2 ст. 189.6, ч. 2 ст. 189.48, 189.51 и другие предписания представленного источника. В свою очередь, норм об этике российское право содержит недостаточно. Так, названное понятие зафиксировано, например, п. 3 ч. 3 ст. 111.4 данного декрета. Одним из немногочисленных примеров является также ст. 73 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», где речь идет о принципах этики в медицине. Хотя, с другой стороны, конечно, все отечественное законодательство пронизано категориями, связанными в той или иной степени с этикой и другими, близко прилегающими к последней, философскими явлениями либо из них вытекает. В связи с этим авторы настоящей работы предлагают свое видение указанного процесса, причем анализируя один из терминов, обозначенных в заглавии статьи, а именно «экосистема» рассматривать последнюю не только как явление, относящееся к культуре или явлениям природы, но и несколько шире. А именно как совокупность составляющих элементов банкротства по аналогии, например, с экосистемой МТС, куда включаются отдельные направления деятельности этой организации, в которую входят, в частности, медиа, финансы, IT и нейросети, реклама, транспорт, другие части функционирования рекламируемого бренда и связанных с ним компонентов. При этом, учитывая ограниченность объема предложенного статейного текста, считаем наиболее целесообразным более широко осмыслить только одну ее позицию, а именно как представление этико-правовой культуры банкротства в качестве учебной дисциплины. В связи с таким подходом, полагаем, что необходимо на юридических факультетах (институтах) высших учебных заведений, поскольку в настоящее время ни в МГЮА, ни в МГУ, ни в иных соответствующих структурах высшего профессио-

¹ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

нального образования, не преподается такого курса как «Этико-правовая культура банкротства» введение данного учебного предмета. Хотя, естественно, не многие согласятся с такой постановкой. Но может следует прислушаться к высказыванию Вольтера о том, что Ваше мнение мне глубоко враждебно, но на Ваше право его высказать я готов пожертвовать своей жизнью [цит. по кн.: 2, С. 25] и поддержать предлагаемую позицию. Дело в том, что моральный облик юристов должен быть очень высок, от чего во многом зависит авторитет к юриспруденции. Не укрепляя этические и культурные начала вряд ли можно достичь и укрепления законности в рассматриваемой сфере отношений.

Целью данной исследовательской работы является представление этико-правовой культуры банкротства в качестве учебной дисциплины магистрантам, для того, чтобы последние могли оценить влияние этики на процесс признания лица несостоятельным.

Вообще различают многие направления развития этики. Среди них история этических учений, биоэтика, экологическая этика, социальная этика, административная этика, этика бизнеса, этика искусственного интеллекта, этика парламентария, этика предпринимателя [6, с. 39–42], этика государственной и муниципальной службы и другие. Так, существует прикладная этика, профессиональная этика, юридическая этика, разновидности которой могут быть этика адвоката, этика следователя, этика судьи, судебная этика, этика нотариуса, этика прокурора, этика преподавателя юридического вуза, этика полицейского и т.д.

В свою очередь, задачами изучения представленной дисциплины являются:

- способствование более широкой общей подготовке студентов в вопросах этики и права, связанных с культурой банкротства и его экосистемой, а также рассмотрение различных аспектов ответственности за нарушение норм в данной области отношений;
- создание предпосылок для наилучшего усвоения дисциплин, преподаваемых магистрантам;
- формирование навыков восприятия этики и права как неотъемлемого в прошлом и настоящем времени элемента культуры и высокой результативности и пользы;
- ознакомление с лучшими отечественными и зарубежными образцами этико-правовой культуры банкротства.

Это кроме того, посвящение студентов в основные аспекты этики регулирования банкротства, а также изучение наиболее распространенных соответствующих случаев в судебной практике как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов. Одним из примеров является Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2025 г. № 307-ЭС20–2151 (73) по делу № А44–1127/2019. Согласно этого документа, суд отменил судебные акты апелляционного и кассационного судов, оставив в силе определение первой инстанции о признании ненадлежащим исполнением конкурсным управляющим обязанностей в части использования транспортного средства должника, поскольку суд признал доказанным тот факт, что автомобиль использовался не только в служебных целях в связи с реализацией мероприятий в процедуре банкротства, но и в личном интересе, не связанном с профессиональной деятельностью¹. Все это существенно расширит горизонт познания студентами не только права, но и такой его составляющей либо тесно соприкасающейся с юриспруденцией как культура и этика. Последней огромное внимание уделяли еще в древности, когда китайский философ Конфуций (551–479 гг. до н.э.) создал свое этико-философское учение. А вышецитируемый древнегреческий эрудит, воспринимаемый в качестве родоначальника этики, определял её сущность как благо.

Исходя из этого, предлагаем примерные дорожные карты лекций и семинаров специального курса: «Этико-правовая культура банкротства»

План:

Тема 1. Понятие, сущность, предмет и содержание этико-правовой культуры банкротства.

1. Понятие, сущность этико-правовой культуры банкротства в отечественной и зарубежной юриспруденции.
2. Содержание учебной дисциплины «Этико-правовая культура банкротства».
3. Методология изучения данной отрасли знания.

Тема 2. Источники специального курса «Этико-правовая культура банкротства»

1. Федеральные законы как источники дисциплины «Этико-правовая культура банкротства».
2. Нормативно-правовые акты как источники учебного предмета.
3. Обычаи как источники курса.

Тема 3: История этико-правовой культуры банкротства

1. История этико-правовой культуры банкротства в древнем мире
2. История этико-правовой культуры банкротства в средние века
3. История этико-правовой культуры банкротства в новое время
4. История этико-правовой культуры банкротства в новейшее время

Тема 4. Этико-правовая культура банкротства в разных юридических системах.

1. Этико-правовая культура банкротства в англо-саксонской правовой системе.
2. Этико-правовая культура банкротства в романо-германской правовой системе.
3. Этико-правовая культура банкротства в иных правовых системах.

Тема 5. Право, банкротство, культура, этика,

1. Этико-правовая культура банкротства в художественной литературе.
2. Этико-правовая культура банкротства в кинофильмах.
3. Этико-правовая культура банкротства в сценическом искусстве.
4. Этико-правовая культура банкротства в иных видах искусства.

Тема 6. Этико-правовая культура участников в сфере банкротства и современные юридические нормы.

1. Конфликт интересов и способы его предотвращения.
2. Профессиональная этика юриста при работе с делами о банкротстве.
3. Этико-правовая культура как фактор повышения эффективности процедуры банкротства.
4. Этико-правовая культура судей в делах, связанных с банкротством.
5. Этико-правовая культура арбитражного управляющего.
6. Этико-правовая культура взаимодействия с кредиторами, должниками.
7. Этико-правовая культура иных участников.

Тема 7: Этико-правовая культура на различных стадиях банкротства

1. Этико-правовая культура на стадии наблюдения
2. Этико-правовая культура на стадии финансового оздоровления
3. Этико-правовая культура на стадии внешнего управления
4. Этико-правовая культура на стадии конкурсного производства

Тема 8. Этико-правовая культура современного трансграничного банкротства.

1. Проблемы понятия этико-правовой культуры трансграничного банкротства.
2. Международные санкции и их роль в этико-правовой культуре трансграничного банкротства.

Важное место при рассмотрении вопросов в процессе преподавания этико-правовой культуры банкротства, его экосистемы имеет такая составляющая названного явления как юридическая ответственность, которую можно рассмотреть с самых разных сторон. Причем, несколько может выходя из рабочих программ учебной дисциплины, не только анализируя уголовную, административную, гражданско-правовую ответственность. В общем плане уголовные наказания содержатся непосредственно в ст. 195–197 УК РФ, а также иных, косвенно относящихся к данному институту. Среди них можно назвать ч. 1 ст. 170.1, ч. 1 ст. 172.1 цитируемого кодекса. Административные санкции обозначены ст. 14.12–14.13 КоАП РФ. Аналогичные правила действуют и в иностранном законодательстве. Так о сокрытии и преднамеренном банкротстве идет речь соответственно в ст. 239–240 УК Белоруссии. В КоАП обозначенной страны также содержатся санкции, связанные с нарушением норм о несостоятельности (ст. 13.7). С большой вероятностью можно сказать, что законодательство любой страны имеет подобные правила. Приведем лишь отдельные примеры. В частности, о банкротстве свидетельствуют нормы ст. 176–180 гл. 5 УК Аргентины [18], ст. 489 УК Бельгии [19], статьи или § § 283, 283 «а» Уголовного кодекса (Уголовное уложение) Германии, принятого 15 мая 1871 года и действующего с многочисленными поправками в настоящее время [20], ст. 213 УК Сан-Марино, принятого Высшим Генеральным Советом данной страны 25 февраля 1974 года [21], ст. 137, 137 «а» Уголовного кодекса Сербии [22] и многих других государств мировой системы. Так, это зафиксировано ст. 237–238, а ранее и ст. 240 УК Казахстана, ст. 168 УК Китая, ст. 269–271 УК Таджикистана, ст.ст. 1–4 гл. 11 УК Швеции. Однако, не все подобные документы ряда стран содержат аналогичные нормы.

В юридической науке также определенное место занимают проблемы этико-философских основ концепции эколого-правовой ответственности, применяемой при несостоятельности [4,14,15], анализируются духовно-нравственные основы культуры общества, как важный аспект связанный с противодействием экологическим преступным

¹ СПС Гарант (дата обращения: 06.06.2026).

деяниям [7,17], исследуются этические основы компенсации морального вреда, причиняемого экологическим правонарушением [8,23]. Однако, работ, посвященных названным моментам при банкротстве и вообще при привлечении к ответственности в случае совершения экологических правонарушений, возмещения морального и экологического вреда, не выявлено, хотя это очень важная составляющая рассматриваемого вопроса. Поскольку в настоящее время большое беспокойство вызывает банкротство экологически опасных предприятий [3], что может нанести существенный вред природе и человеку. Актуальными здесь являются и этико-правовые аспекты, связанные, в том числе, не только с вышеобозначенными моментами, но и с возмещением прошлого экологического вреда, в виду того, что законом практически не урегулированы вопросы ликвидации такого ущерба в случае признания должника правонарушителя несостоятельным. При этом, следует защищать не только интересы кредиторов, но и интерес должника, а также государства, что выражается в сохранении при необходимости самого производства, поскольку только такой подход дает возможности устранения очерченных последствий в сфере охраны окружающей среды и удовлетворения в целом интересов общества. Еще одной важной проблемой является то, что в настоящее время российское законодательство не содержит норм, способствующих установлению полного экологического вреда, который может обеспечить исключительно эколого-правовая ответственность с помощью эколого-процессуального права путем создания и введения соответствующего кодекса страны. Кроме того, важным моментом служит и то, что данный правовосстановительный институт также должен действовать с другими мерами не только правовосстановительного, но и предупредительного и пресекающего характера, представляя собой эколого-правовой способ возмещения обозначенного вреда. Этого требует этико-правовая составляющая современных общественных отношений, в том числе, связанных с банкротством, включающей соответствующую культуру и элементы экосистемы.

Выводы:

1) Этико-правовая культура банкротства играет значительную роль во взаимоотношениях между различными лицами, поэтому изучение данной дисциплины окажет положительное влияние на мировоззрение студентов магистров.

2) Не исключено чтение названного курса перед лицами, находящимися на грани банкротства, учитывая этику активной деятельности посредников, обещающих «легкое избавление от долгов». Такая позиция изменит отношение у граждан, ранее безответственно относившихся до этого к своим обязательствам.

3) Игнорирование правил профессиональной этики при рассмотрении дел о несостоятельности может повлечь за собой серьезные юридические последствия, в особенности для адвокатов, что наталкивает на мысль о чтении обозначенного курса данной категории юристов.

4) Введение предложенного специального курса значительно повысит эффективность правовой культуры, и особенно этическую составляющую, связанную с банкротством.

5) Этико-правовая составляющая современных общественных отношений, в том числе, относящихся к банкротству, требует полного возмещения экологического вреда. Последний может быть возмещен исключительно на основе применения эколого-правовой ответственности, как самостоятельного института, коренным образом отличающегося от иных форм юридической ответственности, включающего, в частности, уголовную, гражданскую, административную и реализация которого возможна путем применения норм эколого-процессуального права. В настоящее время российское законодательство не содержит таких норм, что требует принятия Эколого-процессуального кодекса РФ. При этом, названная институция должна действовать наряду с иными составляющими юриспруденции, а именно правовосстановительными, предупредительными и пресекательными мерами, что в сущности и составляет эколого-правовой способ возмещения вреда, причиняемого природной и окружающей среде.

Литература

1. Аристотель *Этика, политика, риторика, афоризмы: перевод с древнегреческого/Аристотель.* – М.: Эксмо, 2024–544 с.
2. Балашов Л.Е. *Занимательная этика: учебное пособие/Л.Е. Балашов.* – 4-е изд. – М.: Дашков и К., 2025. – 466 с.
3. Барбашова Н.В., Асеева Н.В. *Банкротство экологически опасных предприятий: актуальность правового регулирования // Актуальные проблемы российского права.* – 2020. – Т. 15. – № 10. – С. 176–185. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.176-185.
4. Белецкая Р.И. *Этико-философские проблемы эколого-правовой ответственности//Современное российское право: взаимодействие на-*

уки, нормотворчества и практики. Московская юридическая неделя. XIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): В 3 ч. – М.: МГЮА, 2018. С. 208–213.

5. Дроздова Т.Ю. *Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* – М.: Моск. акад. экон. и права, 2004. – 25 с.

6. Егорова А.П. *Преднамеренное банкротство ИП: вопросы этики и права// Альманах лекторий Правовая этика и культура в современной правоприменительной практике. Сборник материалов региональной (межвузовской) научно-практической конференции. Выпуск 5. Рецензенты: Н.Г. Иванова, Власов В.А. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. 2022. – С. 39–42.*

7. Канке, В.А. *Этика ответственности. Теория морали будущего.* – М.: Логос, 2003. – 350 с.

8. Князькин, А.Д. *Компенсация морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06/Князькин Андрей Дмитриевич.* – М.: ИГПРАН, 2013. – 233 с.

9. Костина О.В., Лобанов В.Е. *Реализация принципа добросовестности в делах о несостоятельности (банкротстве) наследственной//Современный юрист.* 2019. № 1. С. 46–60.

10. Котова Л.И. *Проблема этики и независимости арбитражного управляющего в процедурах банкротства. 2024. Студенческий научный форум 2024: сборник трудов XI Международной научно-практической конференции.* – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2024. С. 163–168.

11. Кравченко А.А. *К вопросу об обеспечении реализации принципа добросовестности в деятельности арбитражного управляющего// Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения. В сб.: Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения. – М.: Юстицинформ, 2020. С. 252–272.*

12. Кравченко А.А. *Реализация принципа добросовестности в сфере несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/Кравченко Александр Александрович.* – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2020. – 272 с.

13. Лазарева О.В. *Процедура банкротства гражданина: правовые и нравственные аспекты//Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2024. № 3. С. 37–41.

14. Никишин В.В. *Морально-правовые аспекты экологической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/Никишин Владислав Васильевич.* – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1993. – 137 с.

15. Никишин В.В. *Этические основы концепции эколого-правовой ответственности//Вестн. Мордов ун-та.* 1992. № 4. – С. 54–57.

16. Пирогова, Е.С. *Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для вузов / Е.С. Пирогова, А.Я. Курбатов.* – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 350 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-21820-6. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/582217> (дата обращения: 23.05.2026);

17. Тимошенко Ю.А. *Формирование духовно-нравственной культуры общества как один из аспектов противодействия экологической преступности//Аграрное и земельное право.* – 2008. – № 11. – С. 80–84.

18. *Уголовный кодекс Аргентины/ Научное редактирование и вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Ю.В. Голика; Перевод с испанского Л.Д. Ройзенгурта.* – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 240 с.

19. *Уголовный кодекс Бельгии/Науч. ред. и предисловие канд. юрид. наук, доц. Н.И. Мацеева; Перевод с фр. канд. юрид. наук Г.И. Мачковского.* – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 561 с.

20. *Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии/Науч. ред. и вступ. статья докт. юрид. наук, профессора Д.А. Шестакова; предисловие доктора права Г.-Г. Иешека; перевод с немецкого Н.С. Рачковой.* – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 524 с.; URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Уголовный_кодекс_Германии_\(на_немецком_языке\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Уголовный_кодекс_Германии_(на_немецком_языке)) (дата обращения: 31.05.2026).

21. *Уголовный кодекс Республики Сан-Марино/Научное редактирование, вступительная статья вице-президента Восточно-Европейского отделения Международной академии наук Республики Сан-Марино, профессора Московского института МВД РФ, докт. юрид. наук, С.В. Максимова. Перевод с итальянского В.Г. Максимова.* – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 253 с.

22. *Уголовный кодекс Республики Сербии/Научное редактирование и предисл. докт. юрид. наук, проф. Ю.С. Кашубы; перевод с англ. С. Карибова.* – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2002. – 268 с.

23. Царькова Д.В. Биоцентризм как этическая основа компенсации морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями//Актуальные проблемы современного государства и права. Материалы Всероссийской науч. – практ. конференции. Саранск, 22–23 мая 2008 г. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 342–344.

24. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2004. – 58 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF TEACHING THE DISCIPLINE «ETHICAL AND LEGAL CULTURE OF BANKRUPTCY»: ITS SUBJECT, PROGRAM, AND ECOSYSTEM

Ivakin V.I., Yermishkin A.Yu., Malygin V.P.
Russian New University

This work is devoted to issues related to the theoretical and methodological principles of teaching the new academic discipline called «Ethical and Legal Culture of Bankruptcy,» which has not been studied in law schools before, and to the disclosure of its subject matter, the characteristics of its utility, and the constituent elements that together form a specific ecosystem of this course. In this regard, the article presents individual elements of the program of the studied field of knowledge, as well as the topics of lectures and seminars that cover the entire course of the outlined discipline. According to the authors, the introduction of the proposed new discipline will significantly increase the effectiveness of the ethical and legal culture of the insolvency process for both individuals and legal entities, which will have a positive impact on economic development.

Keywords: theory, methodology, law, culture, bankruptcy, program, ecosystem, academic discipline, branch of knowledge.

References

1. Aristotle. Ethics, Politics, Rhetoric, Aphorisms: Translation from Ancient Greek / Aristotle. – М.: Eksmo, 2024. – 544 p.
2. Balashov. L.E. Entertaining Ethics: Study Guide / L.E. Balashov. – 4th ed. – М.: Dashkov i K., 2025. – 466 p.
3. Barbashova. N.V., Aseeva. N.V. Bankruptcy of Environmentally Hazardous Enterprises: Relevance of Legal Regulation // Actual Problems of Russian Law. – 2020. – Vol. 15. – № 10. – P. 176–185. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.119.10.176-185.
4. Beletskaya R.I. Ethical and philosophical problems of environmental and legal liability//Modern Russian law: interaction of science, rule-making and practice. Moscow Legal Week. XIII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings): In 3 parts. – М.: Moscow State Law Academy, 2018. Pp. 208–213.
5. Drozdova T. Yu. Good faith in Russian civil law: author's abstract. diss. ... Cand. Sciences (Law). – М.: Moscow Academy of Economics and Law, 2004. – 25 p.
6. Egorova A.P. Intentional bankruptcy of individual entrepreneurs: issues of ethics and law// Almanac of lectures Legal Ethics and Culture in Modern Law Enforcement Practice. Collection of materials of the regional (interuniversity) scientific and practical conference. Issue 5. Reviewers: N.G. Ivanova, V.A. Vlasov. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. 2022. – Pp. 39–42.
7. Kanke, V.A. Ethics of Responsibility. Theory of Moral Future. – Moscow: Logos, 2003. – 350 p.
8. Knyazkin, A.D. Compensation for Moral Damage Caused by Environmental Offenses: Dis. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.06/Knyazkin Andrey Dmitrievich. – Moscow: IGPRAN, 2013. – 233 p.
9. Kostina, O. V., Lobanov, V.E. Implementation of the Principle of Good Faith in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of an Inherited Family//Modern Lawyer. 2019. № 1. Pp. 46–60.
10. Kotova L.I. The Problem of Ethics and Independence of an Insolvency Manager in Bankruptcy Proceedings. 2024. Student Scientific Forum 2024: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference. Penza: MCNS «Science and Education», 2024. Pp. 163–168.
11. Kravchenko A.A. On the Issue of Ensuring the Implementation of the Good Faith Principle in the Activities of an Insolvency Manager//The Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: Theory and Practice of Law Enforcement. In the collection: The Institute of Insolvency (Bankruptcy) in the Legal System of Russia and Foreign Countries: Theory and Practice of Law Enforcement. Moscow: Yustitsinform, 2020. Pp. 252–272.
12. Kravchenko A.A. Implementation of the Good Faith Principle in the Sphere of Insolvency (Bankruptcy): Dis. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.03 / Kravchenko Alexander Alexandrovich. – М.: Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2020. – 272 p.
13. Lazareva O.V. Bankruptcy Procedure of a Citizen: Legal and Moral Aspects // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 3. pp. 37–41.
14. Nikishin V.V. Moral and Legal Aspects of Environmental Responsibility: Dis. ... Cand. Sciences (Law): 12.00.01 / Nikishin Vladislav Vasilievich. – М.: Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 1993. – 137 p.
15. Nikishin V.V. Ethical Foundations of the Concept of Environmental and Legal Responsibility//Vestn. Mordov University. 1992. № 4. – Pp. 54–57.
16. Pirogova, E.S. Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy): Textbook for Universities / E.S. Pirogova, A. Ya. Kurbatov. – 5th ed., revised and enlarged. – Moscow: URAYT Publishing House, 2026. – 350 p. – (Higher Education). – ISBN 978-5-534-21820-6. – Text: electronic // URAYT Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/582217> (accessed: 23.05.2026);
17. Timoshenko Yu.A. Formation of the spiritual and moral culture of society as one of the aspects of combating environmental crime//Agrarian and land law. – 2008. – № 11. – pp. 80–84.
18. Criminal Code of Argentina / Scientific editing and introductory article by Doctor of Law, Professor Yu.V. Golik; Translation from Spanish by L.D. Roizengurt. – St. Petersburg: Publishing House «Legal Center Press», 2003. – 240 p.
19. Criminal Code of Belgium / Scientific editing and preface by Cand. of Law, Assoc. Professor N.I. Matsieva; Translation from French by Cand. of Law G.I. Machkovsky. – St. Petersburg: Publishing House «Legal Center Press», 2004. – 561 p.
20. Criminal Code of the Federal Republic of Germany/Scientific editor and introduction by Dr. of Law, Professor D.A. Shestakov; foreword by Dr. of Law G.-G. Jeschek; translation from German by N.S. Rachkova. – St. Petersburg: Publishing house «Yuridicheskyy tsentr Press», 2003. – 524 p.; URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Уголовный_кодекс_Германии (in German) (date of access: 31.05.2026).
21. Criminal Code of the Republic of San Marino/Scientific editor, introduction by Vice-President of the East European Branch of the International Academy of Sciences of the Republic of San Marino, professor of the Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Dr. of Law S.V. Maksimov. Translated from Italian by V.G. Maksimov. – St. Petersburg: Juridical Center Press Publishing House, 2002. – 253 p.
22. Criminal Code of the Republic of Serbia/Scientific editing and foreword by Doctor of Law, Professor Yu.S. Kashuba; translation from English by S. Karibov. – St. Petersburg: R.A. Publishing House Slanova «Legal Center Press», 2002. – 268 p.
23. Tsarkova D.V. Biocentrism as an Ethical Basis for Compensation for Moral Damage Caused by Environmental Violations // Current Issues of the Modern State and Law. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Saransk, May 22–23, 2008 – Moscow: YurLitinform, 2009. – Pp. 342–344.
24. Tsybulevskaya O.I. Moral Foundations of Modern Russian Law: Abstract of Doctor of Law Dissertation: 12.00.01. – Saratov: Saratov State Academy of Law, 2004. – 58 p.

Недостоверная реклама финансовых услуг: проблемы правового регулирования и меры юридической ответственности в Российской Федерации

Ильин Артем Петрович,

студент Дальневосточного федерального университета
E-mail: ilin.ap@dvfu.ru

Булатова Екатерина Евгеньевна,

студент Дальневосточного федерального университета
E-mail: bulatova.ee@dvfu.ru

Белобородов Максим Владимирович,

кандидат экономических наук, доцент Базовой кафедры конкурентного и предпринимательского права Юридической Школы ДВФУ; член научно-методического совета ФАС России
E-mail: beloborodov.mv@dvfu.ru

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования недостоверной рекламы финансовых услуг в Российской Федерации. Анализируются понятие финансовых услуг, основные формы распространения недостоверной рекламы, включая цифровую среду, а также новые требования к рекламе услуг по банкротству граждан. Исследуются меры юридической ответственности за нарушения законодательства о рекламе. По результатам исследования предложены направления совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики.

Ключевые слова: недостоверная реклама, финансовые услуги, правовое регулирование, юридическая ответственность, рекламодатель, рекламораспространитель, Федеральная антимонопольная служба, банкротство граждан.

Введение

Высокая конкуренция на рынке финансовых услуг побуждает участников использовать активные рекламные стратегии, однако все более широкое распространение получает недостоверная реклама, вводящая потребителей в заблуждение [1]. По данным ФАС России, за прошлый год установлено 703 нарушения банками закона «О рекламе», в первой половине 2025 года – более 300 [2]. Банк России выявил многочисленные случаи неполного раскрытия информации о продуктах и гарантирования доходности инвестиций.

Социальный вред недостоверной рекламы выражается в финансовых потерях потребителей и вовлечении в мошеннические схемы [3]. Особую опасность представляет реклама услуг по банкротству, обещающая освобождение от долгов без информирования о негативных последствиях [4]. Правоприменительная практика сталкивается с отсутствием единообразного подхода к квалификации нарушений и сложностями идентификации субъектов рекламной деятельности в цифровой среде. Динамичное развитие рынка и изменения в законодательстве требуют дальнейшего осмысления проблематики [5].

Объект исследования – общественные отношения в сфере правового регулирования рекламы финансовых услуг. Предмет – нормы законодательства, регулирующие рекламу финансовых услуг и устанавливающие ответственность, а также практика их применения.

Цель – комплексный анализ правового регулирования и мер ответственности за недостоверную рекламу финансовых услуг, выработка предложений по совершенствованию законодательства. Задачи: раскрыть понятия «финансовые услуги» и «недостоверная реклама»; изучить их признаки и формы; исследовать способы распространения; проанализировать виды юридической ответственности; выявить проблемы и предложить пути их решения.

Методологическая основа включает общенаучные и частнонаучные методы: диалектический, системный анализ, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм и анализа правоприменительной практики.

Теоретическая значимость – развитие научных представлений о правовой природе недостоверной рекламы финансовых услуг. Практическая значимость – возможность использования предложений в нормотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Правовое регулирование рекламы финансовых услуг

Легальное определение понятия «финансовые услуги» в российском законодательстве отсутствует, однако Закон о рекламе в статье 28 относит к ним банковские, страховые и иные услуги, связанные с привлечением и размещением денежных средств физических и юридических лиц. К числу наиболее часто рекламируемых финансовых услуг относятся банковские услуги (открытие счетов, кредиты, вклады), страховые, инвестиционные, микрофинансовые услуги, а также услуги по банкротству граждан. Критериями отнесения услуг к финансовым выступают возмездность, связанность с привлечением или размещением денежных средств, а также наличие специального субъекта, оказывающего такие услуги [1].

В соответствии с частью 1 статьи 5 Закона о рекламе реклама должна быть добросовестной и достоверной. Недостоверной признается реклама, содержащая не соответствующие действительности сведения о товаре, его характеристиках, гарантиях, преимуществах, исключительных правах, результатах исследований, правилах проведения стимулирующих мероприятий и иных значимых аспектах. Наиболее распространенными формами недостоверной рекламы финансовых услуг являются искажение информации о процентной ставке по кредиту или вкладу (указание заниженной ставки без учета дополнительных комиссий), умолчание о существенных условиях предоставления услуги, использование некорректных сравнений с конкурентами, гарантирование доходности инвестиций без указания рисков, а также утверждения о наличии государственной поддержки или одобрения при их отсутствии [1; 2].

Важным нововведением стало установление с 1 марта 2025 года обязательного требования о размещении в рекламе кредита или займа предупреждения: «Оценивайте свои финансовые возможности

и риски». Отсутствие такой «охлаждающей фразы» признается нарушением рекламного законодательства и влечет соответствующую ответственность [1, 6].

Внимания заслуживают изменения, внесенные в Закон о рекламе Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 332-ФЗ, которые вступили в силу с 1 января 2026 года. Указанным законом вводится статья 28.1, устанавливающая специальные требования к рекламе услуг, связанных с процедурой банкротства граждан. Реклама таких услуг не должна содержать гарантии или обещания освобождения от долгов, утверждения о возможности не исполнять обязательства, призывы не исполнять денежные обязательства, а также упоминания о создании государством системы для освобождения граждан от долгов. Одновременно реклама услуг по банкротству должна сопровождаться предупреждением: «Банкротство влечет негативные последствия, в том числе ограничения на получение кредита и повторное банкротство в течение пяти лет. Предварительно обратитесь к своему кредитору и в МФЦ». В радио- и телепрограммах продолжительность такого указания должна составлять не менее трех секунд, а на экране ему должно быть отведено не менее семи процентов площади кадра [4]. Данные изменения направлены на защиту граждан от введения в заблуждение относительно последствий процедуры банкротства и предотвращения формирования необоснованных ожиданий.

На основе анализа законодательства и правоприменительной практики можно выделить следующие признаки недостоверной рекламы финансовых услуг: искажение информации о существенных условиях услуги (процентной ставке, сроках, комиссиях); использование некорректных сравнений с конкурирующими продуктами, основанных на недостоверных или неполных данных; умолчание о важных обстоятельствах, если это искажает смысл информации и вводит в заблуждение потребителей; использование терминов и понятий, вводящих в заблуждение относительно правового статуса услуги или ее гарантий (например, «одобрено Банком России» при отсутствии такого одобрения) [1; 2].

Способы распространения недостоверной рекламы

Недостоверная реклама финансовых услуг распространяется традиционными (СМИ, наружная реклама, места продаж) и современными способами. Практика ФАС России показывает, что нарушения в теле- и радиорекламе остаются распространенными: например, в рекламе вклада Газпромбанка указывалась привлекательная ставка без раскрытия иных существенных условий, влияющих на доход [1; 7].

В условиях цифровизации активное распространение недостоверной рекламы осуществляется через контекстную и таргетированную рекламу, маркетплейсы, мобильные приложения, социальные сети и мессенджеры (в том числе с участием блогеров), а также спам-рассылки и телемаркетинг. Показательно дело Альфа-Банка, распространившего в Telegram недостоверную рекламу кредитной карты с указанием лимита на снятие средств без комиссии, противоречащего официальным данным сайта [2].

Цифровая среда порождает проблемы: сложность идентификации рекламодателей (особенно на иностранных платформах), трансграничный характер рекламы, оперативность изменения контента, затрудняющая фиксацию нарушений, а также разграничение рекламы и информационных материалов [2]. Ответственность за нарушения в сетях электросвязи предусмотрена ч. 4.1 ст. 14.3 КоАП РФ [8].

Юридическая ответственность за нарушения

По ст. 38 Закона о рекламе ответственность несут рекламодатель (за содержание), рекламораспространитель (за способ и время) и рекламопроизводитель (за процесс производства). Действует презумпция вины рекламодателя [1].

Основной вид – административная ответственность по ст. 14.3 КоАП РФ. За рекламу кредита без указания всех условий, влияющих на полную стоимость, штраф для должностных лиц – 40–100 тыс. руб., для юрлиц – 600 тыс. – 1,6 млн руб. [8]. ФАС применяет санкции к Газпромбанку и Альфа-Банку [7; 2].

Гражданско-правовая ответственность (ст. 15, 151, 1064 ГК РФ) позволяет требовать возмещения убытков, вреда и компенсации морального вреда, однако на практике потребители редко обращаются в суд из-за сложности доказывания причинно-следственной связи [1; 9].

За I полугодие 2025 года центральный аппарат и территориальные органы ФАС России рассмотрели 10615 заявлений о признаках нарушений рекламного законодательства. Ведомство возбудило 1757 дел и выдало 637 предписаний об устранении нарушений.

По итогам рассмотрения административных дел ФАС России вынесла 772 постановления о наложении штрафов в сфере рекламы

на общую сумму 101 478 000 рублей, еще в 970 случаях служба выдала организациям предупреждения.

Ведомство отмечает, что сохраняется высоким число нарушений рекламы финансовых услуг – 15,11% [10].

В 2024 году центральный аппарат и территориальные органы ФАС России рассмотрели 19789 заявлений о признаках нарушений рекламного законодательства. Ведомство возбудило 4209 дел и выдало 1921 предписание об устранении нарушений.

По итогам рассмотрения административных дел ФАС России вынесла 2202 постановления о наложении штрафов в сфере рекламы на общую сумму 161 286 500 рублей, еще в 1388 случаях служба выдала организациям предупреждения. Для сравнения, в 2023 году ведомство вынесло 2597 постановлений на общую сумму 134 429 100 рублей.

Ведомство отмечает, что сохраняется высоким число нарушений при рекламе финансовых услуг – 14,23%. Рост нарушений в 2,8 раза служба фиксирует в сфере наружной рекламы и установки рекламных конструкций – 5,69%, 1,44% – реклама ценных бумаг [11].

На примере работы УФАС по Приморскому краю за 2023 год выявлено 8 случаев недостоверной рекламы, за 2024 год 3 случая, за 2025 год самый низкий показатель – 2.

Ключевые проблемы: низкая эффективность штрафов для крупных организаций (предлагаются кратные штрафы); сложности идентификации в интернете (необходима маркировка); пробелы в регулировании микрофинансов и инвестпродуктов; недостаточная координация ФАС и Банка России [4].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Недостоверная реклама финансовых услуг представляет серьезную угрозу правам потребителей и стабильности финансового рынка. Российское законодательство содержит систему правового регулирования, включающую общие (ст. 5) и специальные требования (ст. 28 Закона о рекламе) [1]. Принятие Федерального закона № 332-ФЗ, устанавливающего специальные требования к рекламе услуг по банкротству, направлено на предотвращение введения граждан в заблуждение [4].

Система юридической ответственности включает административную (ст. 14.3 КоАП РФ) и гражданско-правовую ответственность. Правоприменительная практика ФАС России свидетельствует о систематическом характере нарушений и необходимости совершенствования мер ответственности [2; 7].

Предлагается: ввести кратные штрафы, привязанные к обороту организации; усилить маркировку интернет-рекламы; расширить полномочия ФАС по пресечению нарушений в цифровой среде; разработать совместные разъяснения ФАС и Банка России; ввести обязательный предварительный контроль рекламы высокорисковых финансовых продуктов.

Перспективные направления исследований – анализ практики применения № 332-ФЗ, изучение зарубежного опыта, разработка механизмов защиты потребителей в цифровой экономике.

Литература

1. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О рекламе» [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 21.06.2026).
2. ФАС признала рекламу кредитной карты Альфа-Банка ненадлежащей: решение Алтайского краевого УФАС России от 10 декабря 2025 г. – URL: <https://sovetreklama.org/2025/12/reklama-bez-chastishhestvennoj-informacii-mozhet-vvesti-potrebiteliev-v-zabluzhdenie/> (дата обращения: 20.06.2026).
3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 21.06.2026).
4. Федеральный закон от 31.07.2025 N 332-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511149/ (дата обращения: 21.06.2026).
5. Тарасова О.Е., Халимов Д.И. Правовые основы противодействия недобросовестной и недостоверной рекламе // Образование и право. – 2026. – № 2. – С. 547–550.
6. Федеральный закон от 21.12.2013 N 353-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О потребительском кредите (займе)» [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/ (дата обращения: 21.06.2026).

7. ФАС оштрафовала Газпромбанк за ненадлежащую рекламу вклада: новостное сообщение – 2025. – 18 августа. – URL: <https://www.law.ru/news/42911-fas-oshtrafovala-gazprombank-za-nenadlejashchuyu-reklamu-vklada> (дата обращения: 20.06.2026).

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 10.06.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.06.2026) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 21.06.2026).

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) [Электронный ресурс]. – КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.06.2026).

10. С начала года ФАС рассмотрела более 10 тысяч заявлений о признаках нарушений рекламного законодательства // Федеральная антимонопольная служба. – 28.08.2025. – URL: <https://fas.gov.ru/news/34164> (дата обращения: 23.06.2026).

11. В 2024 году ФАС оштрафовала нарушителей Закона о рекламе на сумму более 161 млн рублей // Федеральная антимонопольная служба. – 25.02.2025. – URL: <https://fas.gov.ru/news/33818> (дата обращения: 23.06.2026).

MISLEADING ADVERTISING OF FINANCIAL SERVICES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND MEASURES OF LEGAL LIABILITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ilyin A.P., Beloborodov M.V., Bulatova E.E.
Far Eastern Federal University

The article examines the issues of legal regulation of misleading advertising of financial services in the Russian Federation. The concept of financial services, the main forms of misleading advertising distribution, including in the digital environment, and new requirements for advertising bankruptcy services for citizens are analyzed. The paper also studies legal liability measures for violations of advertising legislation. Based on the research findings, proposals are made to improve legal regulation and law enforcement practice.

Keywords: misleading advertising, financial services, legal regulation, legal liability, advertiser, advertising distributor, Federal Antimonopoly Service, bankruptcy of citizens.

References

1. Federal Law of 13.03.2006 No. 38-FZ (as amended on 27.10.2025) "On Advertising" [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (accessed: 21.06.2026).
2. FAS recognized advertising of Alfa-Bank's credit card as improper: decision of the Altai Regional Office of the Federal Antimonopoly Service of Russia of December 10, 2025. – URL: <https://sovetreklama.org/2025/12/reklama-bez-chasti-sushhestvennoj-informacii-mozhet-vvesti-potrebitel-v-zabluzhdenie/> (accessed: 20.06.2026).
3. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended on 28.12.2025, with amendments of 17.02.2026) "On Protection of Consumer Rights" (with amendments and additions, effective from 01.04.2026) [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (accessed: 21.06.2026).
4. Federal Law of 31.07.2025 No. 332-FZ "On Amendments to the Federal Law 'On Advertising'" [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511149/ (accessed: 21.06.2026).
5. Tarasova O.E., Khalimov D.I. Legal framework for countering unfair and misleading advertising // Education and Law. – 2026. – No. 2. – P. 547–550.
6. Federal Law of 21.12.2013 No. 353-FZ (as amended on 29.12.2025) "On Consumer Credit (Loan)" [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/ (accessed: 21.06.2026).
7. FAS fined Gazprombank for improper advertising of a deposit: news report. – 18 August 2025. – URL: <https://www.law.ru/news/42911-fas-oshtrafovala-gazprombank-zanenadlejashchuyu-reklamu-vklada> (accessed: 20.06.2026).
8. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 10.06.2026) (with amendments and additions, effective from 21.06.2026) [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 21.06.2026).
9. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 10.06.2026) [Electronic resource]. – ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 17.06.2026).
10. Since the beginning of the year, the FAS has reviewed more than 10,000 complaints regarding signs of violations of advertising legislation // Federal Antimonopoly Service. – 28.08.2025. – URL: <https://fas.gov.ru/news/34164> (accessed: 23.06.2026).
11. In 2024, the FAS fined violators of the Advertising Law more than RUB161 million // Federal Antimonopoly Service. – 25.02.2025. – URL: <https://fas.gov.ru/news/33818> (accessed: 23.06.2026).

Автономность воли сторон и ограничение свободы договора при использовании смарт-контрактов

Каплановский Артём Сергеевич,

аспирант аккредитованного образовательного частного учреждения высшего образования, Московский финансово-юридический университет МФЮА
E-mail: art-kap@mail.ru

Чумакова Ольга Владимировна,

доктор юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, МФЮА

Статья посвящена исследованию проблемы автономии воли сторон и пределов свободы договора в условиях применения технологии смарт-контрактов в гражданском обороте Российской Федерации. Предметом исследования выступает взаимодействие базовых частноправовых принципов – автономии воли и свободы договора – с технологической архитектурой алгоритмизированного исполнения. Цель работы состоит в выявлении специфики реализации договорной воли в цифровой среде, а также в определении правовых механизмов, посредством которых ограничивается свобода договора применительно к смарт-контрактам. Применяются формально-догматический, сравнительно-правовой и системный методы. Автор приходит к выводу, что автономия воли сторон при использовании смарт-контрактов не устраняется, однако реализуется в принципиально иных условиях: воля объективируется посредством программного кода, который порождает технологические ограничения, нередко выходящие за рамки первоначально согласованных условий и не осознаваемые сторонами в момент заключения договора. Свобода договора ограничивается не только императивными нормами права, но и конструктивными особенностями платформы, необратимостью автоматического исполнения, зависимостью от внешних источников верификации данных. Обосновывается необходимость выработки цивилистической модели, в рамках которой код подчинён правовой воле сторон, а не подменяет её, и предлагаются конкретные направления совершенствования законодательного регулирования.

Ключевые слова: смарт-контракт; автономия воли; свобода договора; договорное регулирование; цифровое право; алгоритмизированное исполнение; ограничение свободы договора; слабая сторона договора; блокчейн; цифровые права; оракул; добросовестность; code is law; гражданское право; цифровая экономика.

Введение

Цифровизация гражданского оборота поставила перед российской цивилистикой ряд вопросов, которые ещё недавно казались сугубо умозрительными. Среди них одним из наиболее концептуально значимых остаётся вопрос о том, как соотносятся автономия воли сторон и принцип свободы договора с технологической логикой смарт-контракта, работающего по принципу «если – то». Речь идёт не просто о новом способе исполнения обязательства – речь идёт о принципиально иной среде, в которой договорная воля объективируется не в словах, а в коде: жёстком, формализованном, нередко необратимом.

Принцип свободы договора, закреплённый в статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), традиционно предполагает, что субъекты гражданского права свободны в заключении договора, в выборе его вида и в определении его условий. Ограничения этой свободы носят правовой характер. Смарт-контракты приносят принципиально новый источник ограничений – технологический. Алгоритмизированная среда исполнения, архитектура платформы, логика оракулов, неизменяемость кода после его развёртывания – всё это реально сужает пространство договорной свободы не в силу правовых норм, а в силу технических свойств среды.

Проблема не исчерпывается академическим спором о правовой природе смарт-контрактов. Она имеет конкретное практическое измерение. Если сторона, присоединившаяся к типовому смарт-контракту на платформе, лишена возможности согласовать условие, отличное от предустановленного шаблоном, – является ли такое присоединение полноценной реализацией автономии воли? Если автоматическое исполнение состоялось вопреки действительной воле стороны, зафиксированной на естественном языке в сопроводительном документе, – является ли такое исполнение надлежащим в правовом смысле? Настоящая статья формулирует ответы на эти вопросы с опорой на действующее российское гражданское законодательство и сложившуюся цивилистическую доктрину.

Свобода договора и автономия воли: доктринальные основания

Свобода договора в системе частноправовых начал

Принцип свободы договора занимает центральное место в системе частноправовых начал российского гражданского законодательства. Статья 421 ГК РФ закрепляет несколько составляющих данного принципа: свободу заключить или не заключать договор, свободу выбрать его вид, свободу определить контрагента, свободу сформулировать условия по усмотрению сторон – при единственном ограничении: согласованные условия не должны противоречить закону или иным правовым актам. В доктрине принцип свободы договора традиционно рассматривается как производная от более широкой категории – автономии воли участников гражданского оборота. Пункт 2 статьи 1 ГК РФ устанавливает, что граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе. Таким образом, автономия воли выступает методологическим фундаментом, а свобода договора – её конкретизацией применительно к договорным отношениям [1].

В цивилистической литературе принято разграничивать несколько проявлений свободы договора: свободу заключить договор (позитивная свобода), свободу отказаться от его заключения (негативная свобода), свободу выбора типа договора и свободу в формировании его содержания. Все эти элементы в совокупности образуют то пространство усмотрения, внутри которого функционирует частная воля в договорном праве. Именно данное пространство оказывается деформированным при использовании смарт-контрактов: технологическая среда сужает его, замещает отдельные элементы кодовой логикой и нередко исключает возможность отступления от заданных алгоритмом параметров.

Пределы свободы договора: диспозитивные и императивные нормы

Свобода договора не является абсолютной. Статья 422 ГК РФ устанавливает, что договор должен соответствовать обязательным для сторон

правилам, предусмотренным законом и иными правовыми актами. Механизм ограничения свободы договора строится на противопоставлении диспозитивных и императивных норм: первые применяются постольку, поскольку стороны не предусмотрели иного, тогда как вторые не могут быть устранены соглашением сторон ни при каких обстоятельствах. Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах» окончательно закрепило подход, согласно которому при квалификации нормы решающую роль играет её смысл, а не формальная конструкция [2].

Применительно к смарт-контрактам это означает следующее: стороны, формально согласившись на автоматизированное исполнение, не могут этим соглашением устранить действие норм, которые по своему существу направлены на защиту публичных интересов или интересов заведомо слабой стороны. Пределы свободы договора в современной доктрине понимаются не только как формально-юридические, но и как телеологические: договор должен отвечать требованиям добросовестности и не противоречить существу регулируемого обязательства [3]. Именно категория «существо обязательства» приобретает особое значение при анализе смарт-контрактов, поскольку ряд обязательств по своей природе требует гибкости и дискреции – качеств, которые жёсткий алгоритм предоставить не способен.

Смарт-контракт как форма цифровой объективации договорной воли

Правовая природа смарт-контракта: постановка проблемы

Вопрос о правовой природе смарт-контракта остаётся одним из наиболее дискуссионных в современной российской цивилистике. В обобщённом виде сложившиеся позиции можно свести к трём основным подходам. Согласно первому, смарт-контракт представляет собой самостоятельный вид гражданско-правового договора, обладающий специфическими признаками: алгоритмизированным способом закрепления условий, автоматическим исполнением и особой технологической средой функционирования. Второй подход трактует смарт-контракт исключительно как технологический инструмент – способ исполнения уже заключённого соглашения. Третий подход, представляющийся наиболее состоятельным, рассматривает смарт-контракт как смешанную конструкцию, совмещающую функции технологического механизма фиксации условий и инструмента их автоматизированного исполнения [4].

В пользу третьего подхода говорит содержание части 2 статьи 309 ГК РФ, введённой Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ: данная норма прямо допускает автоматическое исполнение обязательств без дополнительного волеизъявления при наступлении условий, определённых договором. Е.В. Зайнутдинова в своём диссертационном исследовании отстаивает позицию, согласно которой смарт-контракт представляет собой договор, заключённый в децентрализованной распределённой информационной системе и предусматривающий автоматизированное исполнение обязательств [5]. Такой подход позволяет распространить на смарт-контракты весь массив норм ГК РФ о договорах – что принципиально важно, поскольку исключение этих конструкций из сферы общего договорного права означало бы создание правового вакуума там, где он наиболее опасен.

Код как форма выражения воли: пределы правового признания

Центральная технологическая особенность смарт-контракта состоит в том, что договорные условия фиксируются не на естественном языке, а в виде программного кода. С формально-юридической точки зрения воля в договоре выражается через волеизъявление – действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (статья 153 ГК РФ). Признание программного кода одной из форм волеизъявления не противоречит закону при условии, что можно установить: стороны добровольно согласились с условиями, выраженными в коде, и осознавали их юридические последствия [6].

Вот здесь и возникает принципиальная трудность. В большинстве случаев стороны смарт-контракта – особенно непрофессиональные участники оборота – не способны самостоятельно прочитать и понять программный код. Они принимают условия «вслепую»: ориентируясь на описание на естественном языке или интерфейсные подсказки платформы. В концепции правового регулирования смарт-контрактов, разработанной под руководством А.А. Волоса, прямо указывается на риск расхождения условий смарт-контракта и договора, изложенного на естественном языке, как на одну из ключевых проблем защиты прав участников цифровых сделок [7]. Если текст и код расходятся, действующее российское законодательство не даёт однозначного ответа на вопрос о том, какое из двух «волеизъявлений» является приоритетным.

Роль платформы и оракулов

Смарт-контракт функционирует не в нейтральной технической среде. Архитектура платформы предопределяет целый ряд параметров, которые стороны не могут изменить своим соглашением: консенсусный механизм, правила хранения данных, ограничения по вычислительным ресурсам и формату транзакций. Стороны могут согласовать условия смарт-контракта лишь в тех пределах, которые допускает платформа.

Отдельного внимания заслуживает роль оракулов – специализированных программных модулей, поставляющих во внутреннюю среду смарт-контракта данные из внешних источников. Стороны при этом передают контроль над триггером исполнения третьему лицу – поставщику данных. Как справедливо отмечает Е.П. Волос, контрагент стороны, имеющей возможность влиять на данные оракула, оказывается в уязвимом положении: он несёт риск манипулирования внешними данными, определяющими условие исполнения договора [8]. Автономия воли в такой конструкции оказывается частично делегирована третьему лицу – архитектурно невидимому, но юридически значимому.

Автономия воли в условиях алгоритмизированного исполнения

Концепция «code is law» и её цивилистическая несостоятельность

Концепция «code is law», сформулированная Л. Лессигом применительно к регулированию цифрового пространства, в применении к смарт-контрактам означает: запрограммированное условие исполняется независимо от того, соответствует ли его исполнение праву, договорной цели или действительной воле сторон [9]. Техническая возможность приравнивается к правомерности. Для цивилиста эта логика неприемлема. Российское гражданское право строится на принципиально иной аксиоматике: обязательство существует не потому, что его исполнение технически обеспечено, а потому, что оно основано на соглашении воли, соответствующем требованиям законодательства.

Автоматическое списание средств при наступлении условий смарт-контракта не является «исполнением обязательства» в правовом смысле, если само обязательство было принято под влиянием заблуждения, обмана или в условиях несвободы воли. Техническая необратимость не порождает правовой окончательности. Вместе с тем суд может признать смарт-контракт недействительным, обязать возратить неосновательное обогащение или взыскать убытки, – однако отменить исполненную транзакцию в блокчейне он не вправе. Это создаёт принципиально иной режим правовой защиты по сравнению с традиционными договорами.

Типовые шаблоны и проблема информированного согласия

Значительная часть смарт-контрактов в современной практике формируется не путём индивидуальных переговоров, а посредством использования типовых шаблонов, предоставляемых платформами. Юридически такая конструкция близка к договору присоединения по статье 428 ГК РФ: условия определяются одной стороной, другая лишена возможности их изменить. Разработчики платформ при этом формально не являются стороной договора и ответственности за его содержание не несут – во всяком случае, в отсутствие специального регулирования [7].

Действительная автономия воли предполагает, что сторона принимает решение, обладая достаточной информацией о последствиях своих действий. Сторона, «подтверждающая» смарт-контракт через интерфейс платформы, нередко не располагает ни техническими знаниями для чтения кода, ни правовыми знаниями для оценки его юридических последствий. Такая асимметрия информации неизбежно влечёт дефектность воли в её правовом понимании – не обязательно в смысле оснований недействительности, но в смысле неполного соответствия между тем, что сторона намеревалась выразить, и тем, что в действительности закреплено в коде [10].

Ограничение свободы договора: правовые и технологические пределы

Императивные нормы и принцип добросовестности

Технологическая необратимость исполнения смарт-контракта не освобождает стороны от обязанности соблюдать нормы публичного порядка, специального законодательства и общих положений о действительности сделок. Сложность в том, что алгоритм не верифицирует соответствие запрограммированных условий нормам права. Если стороны закодировали условие, противоречащее закону, код исполнит его безразлично к правовой квалификации. Это означает, что правовой контроль над смарт-контрактом должен реализовываться превентивно. Действующее российское законодательство не содержит ни обязательных требований

к аудиту кода, ни механизмов экстренного вмешательства — что само по себе является существенным правовым пробелом.

Статья 10 ГК РФ устанавливает запрет на заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Автоматическое исполнение само по себе этически нейтрально, однако добросовестность или её отсутствие могут быть присущи действиям сторон на этапе разработки и развёртывания смарт-контракта. Если сторона заведомо включила в код условие, недоступное для понимания контрагента, либо обеспечила себе привилегированный доступ к оракулам — это должно квалифицироваться как нарушение принципа добросовестности независимо от технической безупречности автоматического исполнения [11].

Защита слабой стороны и проблема автоматических санкций

В традиционном договорном праве защита слабой стороны реализуется через нормы о договоре присоединения, законодательство о защите прав потребителей, специальные нормы отдельных договорных типов. В условиях смарт-контракта реализация данных механизмов существенно осложняется: договор нередко полностью исполнен к тому моменту, когда слабая сторона обращается за правовой защитой. Средства списаны, исполнение состоялось, блокчейн-транзакция необратима. Суд в такой ситуации может лишь констатировать нарушение и взыскать убытки, но не восстановить положение, существовавшее до нарушения, в натуре.

Особой остроты этот вопрос достигает применительно к автоматическому взиманию неустойки. Если её размер явно несоразмерен последствиям нарушения, суд вправе снизить её по правилам статьи 333 ГК РФ. Однако при автоматическом исполнении смарт-контракта неустойка списывается в безакцептном порядке, без какого-либо судебного контроля. Защита должника возможна лишь по факту исполнения — путём взыскания неосновательного обогащения, что принципиально ухудшает положение слабой стороны в сравнении с традиционными договорными конструкциями.

Технологические ограничения как самостоятельный вид пределов договорной свободы

Анализируя пределы свободы договора при использовании смарт-контрактов, нельзя обойти вниманием ограничения, обусловленные архитектурой платформы: невозможность изменить условие смарт-контракта после его развёртывания в блокчейне; ограниченные возможности включения гибких условий, зависящих от усмотрения сторон; технический предел на сложность логики, определяемый вычислительными ресурсами. Всё это воздействует на договорное отношение не менее реально, чем правовые запреты, однако имеет принципиально иную природу.

При использовании смарт-контрактов возникает новая категория пределов свободы договора — технологические пределы. Их существование не означает, что стороны правомерно ограничили свою свободу: они могли просто не осознавать наличия этих пределов в момент заключения договора. Игнорирование технологических пределов при правовой квалификации договорных отношений ведёт к искажённому пониманию действительной автономии воли [12]. Данная категория нуждается в самостоятельном доктринальном осмыслении и, в перспективе, в законодательном закреплении.

Практические проблемы правоприменения

Изменение, расторжение и ошибки в коде

Статьи 450–453 ГК РФ регулируют изменение и расторжение договора по соглашению сторон или по решению суда при существенном нарушении или существенном изменении обстоятельств. В смарт-контракте, развёрнутом в блокчейне, изменение условий технически возможно лишь тогда, если соответствующий механизм был заблаговременно встроен в код. В противном случае смарт-контракт де-факто неизменяем: суд вправе вынести решение об изменении или расторжении договора, однако исполнить его в части корректировки уже запущенного кода окажется невозможным. Представляется целесообразным установить обязательное включение в смарт-контракты аварийных механизмов — возможностей приостановления или прекращения автоматического исполнения при поступлении судебного или арбитражного акта [13].

Программный код не застрахован от ошибок. Практика блокчейн-технологий знает многочисленные случаи, когда уязвимости в коде смарт-контракта повлекли катастрофические потери для участников (атака на протокол The DAO в 2016 году). В российском гражданском праве вопрос о распределении рисков, связанных с ошибками в коде, не урегулирован. Стандартные механизмы ответственности за нарушение обязательства не адаптированы к ситуации, когда исполнение состоялось в точном соответствии с кодом, но нарушило интерес стороны именно потому, что код содержал технический дефект [9].

Оспаривание сделок и доказывание

Оспаривание сделок, совершённых посредством смарт-контракта, сопряжено с серьёзными процессуальными трудностями. «Волеизъявление» зафиксировано в коде — специализированном техническом документе, для интерпретации которого необходимы знания программирования. Привлечение эксперта-программиста становится неизбежным, однако нормативная база для назначения таких экспертиз в российском процессуальном праве не разработана. Блокчейн-транзакция достаточно достоверна с технической точки зрения, однако не содержит информации о правовом основании операции и о соответствии её воле сторон: она доказывает факт операции, но не правомерность договорного отношения, лежащего в её основе.

Проблема трансграничности усугубляет изложенное. Смарт-контракты по своей природе не имеют географической привязки: блокчейн-сеть функционирует глобально, стороны могут находиться в разных государствах. При отсутствии оговорки о применимом праве — а большинство типовых шаблонов таких оговорок не содержат — определение применимого права и компетентного суда превращается в самостоятельную юридическую задачу, решение которой нормы раздела VI ГК РФ не предпрещают [13].

Авторская позиция и направления совершенствования регулирования

Модель «код под волей» как цивилистический ответ

Исходя из проведённого анализа, автор обозначает свою позицию как модель «код под волей» — в противовес концепции «code is law». Смарт-контракт является правомерным инструментом реализации договорной воли тогда и только тогда, когда код точно и полно отражает действительно согласованные условия, а не подменяет их технической логикой платформы. Правовая воля сторон должна обладать приоритетом; код выступает инструментом её исполнения, но не самостоятельным источником обязательства.

Реализация данной модели требует конкретных мер. Прежде всего, документ на естественном языке, воспроизводящий условия смарт-контракта, должен иметь нормативно закреплённое юридическое значение: при расхождении между кодом и текстовой частью договора именно текст должен выступать приоритетным источником толкования воли сторон. Это согласуется с правилами статьи 431 ГК РФ о толковании договора, ориентированного на буквальное значение слов и — что принципиально важно — на действительную общую волю сторон. Смарт-контракт, как правило, не фиксирует волю, а исполняет условие — различие, ключевое для целей толкования.

Направления законодательного совершенствования

Действующее регулирование смарт-контрактов в России носит фрагментарный характер. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ упоминает смарт-контракт лишь в контексте цифровых прав и не создаёт комплексного правового режима. Введённая часть 2 статьи 309 ГК РФ легализует автоматическое исполнение, однако не решает вопросов изменения условий, защиты слабой стороны и распределения ответственности за ошибки в коде [14].

Совершенствование регулирования представляется целесообразным по нескольким направлениям. Во-первых, необходимо закрепить в ГК РФ требование о сопровождении смарт-контракта документом на естественном языке, устанавливающим приоритет правовой воли сторон. Во-вторых, целесообразно ввести обязательные технические требования к смарт-контрактам, используемым в отношениях с участием потребителей, включая требование о наличии механизма приостановления исполнения при поступлении судебного или арбитражного акта. В-третьих, следует установить стандарты раскрытия информации об оракулах и ограничениях платформы. Разработка специального федерального закона о смарт-контрактах представляется преждевременной: более продуктивен путь точечного совершенствования ГК РФ с опорой на уже выработанные цивилистические конструкции.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Автономия воли сторон при использовании смарт-контрактов не устраняется, однако реализуется в принципиально иных условиях: воля выражается посредством кода, порождающего технологические ограничения, нередко выходящие за рамки первоначально согласованных условий и не осознаваемые сторонами в момент заключения договора.

Свобода договора при использовании смарт-контрактов ограничивается не только императивными нормами права, но и архитектурой

платформы, необратимостью автоматического исполнения, зависимостью от внешних источников верификации данных. Перечисленные технологические ограничения образуют самостоятельный вид пределов договорной свободы, нуждающийся в правовом осмыслении и регулировании.

Концепция «code is law» несовместима с принципами российского гражданского права. Технологическая реализация условия не является его правовым легитиматором; смарт-контракт не должен выводиться из сферы действия общих положений об обязательствах, о действительности сделок, о добросовестности и о защите слабой стороны.

Выработка правила о приоритете текста договора над кодом при их расхождении представляется необходимым элементом цивилистической модели смарт-контракта. Адаптация законодательства к вызовам цифровой среды должна осуществляться последовательно, с опорой на принципы, выработанные отечественной цивилистической доктриной.

Литература

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2001. 848 с.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (с изм. и доп.).
4. Ахмедов А.Я., Волос А.А., Волос Е.П. Концепция правового регулирования отношений, осложнённых использованием смарт-контрактов: монография / под общ. ред. А.А. Волоса. М.: Проспект, 2021. 224 с.
5. Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2022. 238 с.
6. Швец А.В., Гайдук В.А. Смарт-контракты в российском праве: отсутствие определения и вызванные им юридические и практические проблемы // Юрист. 2024. № 1. С. 51–54.
7. Волос А.А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 14–20.
8. Волос Е.П. Защита слабой стороны банковского договора в условиях использования сторонами смарт-контракта // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2. С. 70–74.
9. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 312 p.
10. Кванина В.В., Савенко Н.Е. Детерминация смарт-контракта в гражданском обороте // Частноправовые (цивилистические) науки. 2022. Т. 18. № 1. С. 22–28.
11. Белов В.А. Смарт-контракт: понятие, правовое регулирование, правоприменительная практика, потребительские отношения // Право и экономика. 2021. № 9. С. 35–41.
12. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // EXTROPY: The Journal of Transhumanist Thought. 1996. № 18 (2). [Электронный ресурс]. URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 05.05.2026).
13. Волос А.А. Гражданско-правовая сущность смарт-контракта // Журнал российского права. 2026. Т. 30. № 3. С. 54–66.
14. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.
15. Lessig L. Code: Version 2.0. New York: Basic Books, 2006. 410 p.

16. Актуальные вопросы реализации и защиты прав при применении технологии смарт-контракта // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 134–145.

AUTONOMY OF THE PARTIES' WILL AND LIMITATION OF FREEDOM OF CONTRACT IN THE USE OF SMART CONTRACTS

Kaplanovsky A.S., Chumakova O.V.
Moscow Financial and Law University

The article examines the autonomy of the parties' will and the limits of freedom of contract in the context of smart contract technology operating within Russian civil circulation. The subject of the study is the interaction between the foundational private law principles – autonomy of will and freedom of contract – and the technological architecture of algorithmized performance. The aim of the paper is to identify the specifics of contractual will expression in a digital environment and to define the legal mechanisms by which freedom of contract is constrained when smart contracts are employed. The research applies formal-dogmatic, comparative legal and systemic analytical methods. The author concludes that the autonomy of the parties' will is not eliminated by the use of smart contracts, but operates under qualitatively different conditions: the will is expressed through code, which generates technological constraints that frequently exceed the originally agreed terms and remain opaque to the parties at the time of contracting. Freedom of contract is limited not only by mandatory legal norms but also by the platform's architectural design, the irreversibility of automated performance, and dependency on external data verification sources. The article argues for a civil law model in which the code is subordinate to the legal will of the parties rather than displacing it, and proposes specific directions for legislative reform.

Keywords: smart contract; autonomy of will; freedom of contract; contractual regulation; digital law; algorithmized performance; limits of contractual freedom; weaker party; block-chain; digital rights; oracle; good faith; code is law; civil law; digital economy.

References

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book One: General Provisions. Moscow: Statut, 2001. 848 p.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 14, 2014, No. 16 “On Freedom of Contract and Its Limits” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. No. 5.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301 (as amended and supplemented).
4. Akhmedov A.Ya., Volos A.A., Volos E.P. Concept of Legal Regulation of Relations Complicated by the Use of Smart Contracts: monograph / edited by A.A. Volosa. Moscow: Prospect, 2021. 224 p.
5. Zainutdinova E.V. Smart Contract in Civil Law: Dis. ... Cand. of Law. Novosibirsk, 2022. 238 p.
6. Shvets A.V., Gaiduk V.A. Smart Contracts in Russian Law: Lack of Definition and the Resulting Legal and Practical Problems // Jurist. 2024. No. 1. pp. 51–54.
7. Volos A.A. Implementation of the Good Faith Principle in Relation to the Parties to a Smart Contract // Law and Digital Economy. 2020. No. 2. pp. 14–20.
8. Volos E.P. Protection of the Weaker Party to a Banking Agreement in the Context of the Parties' Use of a Smart Contract // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2022. No. 2. Pp. 70–74.
9. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge: Harvard University Press, 2018. 312 p.
10. Kvanina V.V., Savenko N.E. Determining a Smart Contract in Civil Circulation // Private Law (Civil) Sciences. 2022. Vol. 18. No. 1. Pp. 22–28.
11. Belov V.A. Smart Contract: Concept, Legal Regulation, Law Enforcement Practice, Consumer Relations // Law and Economics. 2021. No. 9. Pp. 35–41.
12. Szabo N. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets // EXTROPY: The Journal of Transhumanist Thought. 1996. No. 18 (2). [Electronic resource]. URL: http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (accessed: 05.05.2026).
13. Volos A.A. Civil-legal essence of a smart contract // Journal of Russian Law. 2026. Vol. 30. No. 3. pp. 54–66.
14. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 5018.
15. Lessig L. Code: Version 2.0. New York: Basic Books, 2006. 410 p.
16. Current Issues of Implementation and Protection of Rights in the Application of Smart Contract Technology // Law Enforcement. 2022. Vol. 6. No. 1. Pp. 134–145.

Корнеев Игорь Евгеньевич,
аспирант, Алтайский государственный университет
E-mail: igor_korneev222@mail.ru

В статье рассматривается проблема определения существенных условий договора энергоснабжения. Развитие рынка электроэнергетики, как и нормотворчества в сфере его регулирования, вызвало ряд серьезных правовых вопросов. Одним из ключевых остается определение юридической природы договора энергоснабжения, который является фундаментальным элементом правоотношений, затрагивающим интересы как физических, так и юридических лиц. Автор исследует правовую природу договора, даёт общую характеристику договора энергоснабжения и анализирует условия, которые являются обязательными для договора энергоснабжения.

Ключевые слова: договор энергоснабжения, существенные условия, обязательство, правовые отношения, предмет договора

Развитие электроэнергетической отрасли в России активно поддерживается государственными инвестициями, а общенациональные проекты направлены на повышение надежности электроснабжения. Договор энергоснабжения является фундаментальным элементом правоотношений, затрагивающим интересы как физических, так и юридических лиц. Его заключение является обязательным условием для потребления электроэнергии. Гражданское законодательство определяет содержание договора энергоснабжения электрической энергии, акцентируя внимание на существенных условиях, поскольку их согласование является необходимым условием для признания договора заключенным. Однако отсутствие единого доктринального подхода к определению существенных условий договора энергоснабжения в российской цивилистике обуславливает его дискуссионный характер в гражданском праве.

В рамках договора энергоснабжения, поставщик энергии принимает на себя обязательство обеспечивать бесперебойную подачу энергии потребителю посредством присоединенной сети. Потребитель, со своей стороны, обязуется производить оплату за фактически потребленную энергию, соблюдать установленный режим ее использования согласно договору, а также нести ответственность за безопасную эксплуатацию собственных энергетических сетей и исправность приборов, задействованных в процессе потребления энергии [1].

Для заключения договора энергоснабжения абонент должен обладать отвечающим установленным техническим требованиям энергопринимающим устройством и подключенным к сетям энергоснабжающей организации, а также иметь необходимое оборудование и средства учета потребления энергии, что в свою очередь, является одним из обязательных условий договора энергоснабжения [2].

Отношения, связанные с договором энергоснабжения, которые не регламентированы данным Кодексом, подпадают под действие законов и иных правовых актов об энергоснабжении, а также обязательных правил, принятых в соответствии с ними.

Заключение договора невозможно без предварительного согласования его основополагающих условий [3].

К ним относятся:

- Предмет договора: что именно является объектом соглашения.
- Законодательно обязательные условия: те пункты, которые закон прямо указывает как существенные или необходимые для конкретного вида договора.
- Условия по требованию стороны: любые пункты, которые одна из сторон настаивает на включении в договор, даже если по умолчанию они могли бы быть определены общими нормами.

В тоже время, в случае заключения договора энергоснабжения с гражданином, использующим энергию для бытового потребления, договор энергоснабжения считается заключенным с момента первого фактического подключения абонента в установленном порядке к присоединенной сети [4].

Особое внимание уделяется договорам, связанным с предоставлением коммунальных услуг. Для них существуют специальные правовые акты, содержащие подробный перечень существенных условий. Такие требования можно найти в соответствующих Правилах, в частности, в п. 19 Правил предоставления коммунальных услуг, утвержденных постановлением Правительства от 06.05.2011 № 354.

Согласно указанному пункту, договор энергоснабжения, содержащий положения о предоставлении коммунальных услуг, должен включать:

- а) дату и место заключения договора;
- б) наименование, адрес, реквизиты расчетного счета и иную контактную информацию исполнителя;
- в) следующие сведения о потребителе:
 - для физического лица – фамилия, имя, отчество (при наличии), дата и место рождения, реквизиты документа, удостоверяющего личность, контактный телефон, адрес электронной почты (при наличии);
 - для юридического лица – наименование (фирменное наименование) и место государственной регистрации, контактный телефон;
 - г) адрес помещения в многоквартирном доме или жилого дома (домовладения), собственникам или пользователям которых предоставляются коммунальные услуги, с указанием общей площади помещения или жилого дома (домовладения), общей площади помеще-

ний, входящих в состав общего имущества в многоквартирном доме, площади жилых и нежилых помещений, вида деятельности, осуществляемой в нежилом помещении, а также количества лиц, постоянно проживающих в жилом помещении, и иных сведений, необходимых для расчета платы за коммунальные услуги в соответствии с настоящими Правилами;

д) наименование предоставляемой потребителю коммунальной услуги (коммунальных услуг);

е) требования к качеству предоставляемой коммунальной услуги (коммунальных услуг);

ж) порядок определения объема (количества) потребленного коммунального ресурса исходя из нормативов потребления коммунальных услуг, показаний приборов учета или иным указанным в настоящих Правилах способом;

з) сведения о наличии и типе установленных индивидуальных, общих (квартирных), комнатных приборов учета, дату и место их установки (введения в эксплуатацию), дату опломбирования прибора учета заводом-изготовителем или организацией, осуществлявшей последнюю поверку прибора учета, установленный срок проведения очередной поверки, а также порядок и условия приема показаний приборов учета. После присоединения прибора учета электрической энергии к интеллектуальной системе учета электрической энергии (мощности) в договор включаются положения об осуществлении сбора, обработки и передачи показаний приборов учета электрической энергии в автоматическом режиме с использованием такой системы;

и) периодичность и порядок проведения исполнителем проверок наличия или отсутствия индивидуальных, общих (квартирных), комнатных приборов учета, распределителей и их технического состояния, достоверности предоставленных потребителем сведений о показаниях таких приборов учета и распределителей;

к) порядок определения объема предоставленных коммунальных услуг и размера платы за коммунальные услуги, в том числе порядок определения объема предоставленной коммунальной услуги по электроснабжению и размера платы за указанную коммунальную услугу с применением цен (тарифов) на электрическую энергию (мощность), установленных для населения и приравненных к нему категорий потребителей в пределах и сверх социальной нормы потребления электрической энергии (мощности), в случае если в субъекте Российской Федерации принято решение об установлении такой социальной нормы, а также порядок, срок и форму внесения платы за коммунальные услуги;

л) меры социальной поддержки по оплате коммунальных услуг, предоставленные потребителю коммунальных услуг в соответствии с законодательством Российской Федерации (в случае предоставления таких мер);

м) адрес и способ доставки потребителю платежного документа для оплаты коммунальных услуг;

н) порядок установления факта непредоставления коммунальных услуг или предоставления коммунальных услуг ненадлежащего качества, порядок изменения размера платы за коммунальные услуги при предоставлении коммунальных услуг ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность;

о) права, обязанности и ответственность исполнителя и потребителя;

п) основания и порядок приостановки и ограничения предоставления коммунальных услуг;

р) основания и порядок изменения и расторжения договора;

с) срок действия договора [5].

Уникальность договора энергоснабжения как особого вида договора купли-продажи определяется следующими его отличительными чертами. Прежде всего, это специфический состав участников: энергоснабжающая организация и абонент, оснащенный энергоустановкой для приема энергии. Кроме того, неотъемлемым условием является подача энергии энергоснабжающей организацией в установку абонента посредством присоединенной сети [6].

В юридической науке условия договора классифицируются по их правовому значению на три типа: существенные, случайные и обычные. Существенные условия – это те, без которых договор не может считаться заключенным, поскольку они являются обязательными и достаточными для его формирования. Согласно статье 432 Гражданского кодекса РФ, к существенным условиям относятся: предмет договора, условия, прямо указанные как существенные в законах или других нормативных актах, условия, обязательные для конкретного вида договора, а также любые условия, по которым одна из сторон настаивает на достижении соглашения [7].

Отличие обычных условий от существенных заключается в их правовом статусе: обычные условия не требуют отдельного согласования,

поскольку их действие автоматически наступает в силу нормативных актов с момента заключения договора. Случайные условия, напротив, представляют собой модификации или дополнения к обычным и включаются в договор по усмотрению сторон. Их юридическая обязательность возникает исключительно при прямом включении в текст соглашения, однако их отсутствие, равно как и отсутствие обычных условий, не влияет на действительность заключенного договора.

Для договора энергоснабжения существенными условиями признаются его предмет, а также количественные и качественные характеристики энергии.

Согласно мнению Головкиной Д. В., предмет договора энергоснабжения охватывает как действия сторон по передаче энергии через присоединенную сеть и ее последующую приемку и оплату, так и саму энергию, рассматриваемую как специфический товар [8].

На мой взгляд, вышеуказанная позиция хоть и имеет логическое обоснование является спорной. Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ предмет – существенное условие о товаре, работе или услуге. Если следовать логике Головкиной, предметом становится весь комплекс действий (передача, приемка, оплата), что по сути являются обязанностями покупателя, а не характеристикой самого блага.

В контексте современного российского правового порядка, существенные условия договора представляют собой развитие концепции «*essentialia negotii*». Они определяют императивные требования к действиям сторон, при соблюдении которых их взаимоотношения приобретают статус государственно признанного договора, подлежащего исковой защите.

Существенные условия – это те элементы конкретного типа и вида договора, отсутствие которых делает его невозможным, и которые служат основой для регулирования всех последующих его аспектов. Категория субъективных существенных условий не находит применения за пределами стадии переговоров о заключении договора. Объективные существенные условия, напротив, выражают сущностное содержание соответствующего договора и обуславливают применение к нему специальных правовых норм. Устанавливая обязанность сторон договора урегулировать существенные условия, право подчеркивает необходимость договорного регулирования, без которого правоотношение между сторонами не возникает. Значение проблемы существенных условий велико, поскольку, во-первых, оно характеризует последствия выбора сторонами той или иной договорной модели, и, во-вторых, выступает как проявление самобытного развития российского права.

Основные условия договора энергоснабжения, помимо предмета договора, включают: объем и качество поставляемой энергии, график её потребления, стоимость, а также обязательства по поддержанию и безопасному использованию сетей, приборов и оборудования.

Кроме того, одним из существенных условий по договору энергоснабжения также является дата начала поставки коммунального ресурса (электроэнергии). Она фиксирует момент возникновения прав и обязанностей сторон по купле-продаже энергии, определяя начало периода, за который осуществляются расчеты, и гарантируя точный учет потребления с согласованной даты. При этом неурегулирование указанного условия сторонами влечет признание договора энергоснабжения незаключенным [9].

Договор энергоснабжения отличается от других видов договоров купли-продажи по нескольким ключевым аспектам:

- способ передачи: энергия доставляется потребителю не напрямую, а через подключенную сеть к его энергетической установке (абоненту);

- дополнительные обязанности абонента: в связи с использованием энергии, абонент обязан соблюдать установленный режим её потребления, обеспечивать безопасность своих энергетических сетей и поддерживать в рабочем состоянии используемые приборы и оборудование;

- расширенные права энергоснабжающей организации: поставщик энергии имеет право контролировать техническое состояние энергетической установки абонента, а также его приборов и оборудования;
- комплексное правовое регулирование: договор энергоснабжения регулируется не только Гражданским кодексом, но и множеством других законов, нормативных актов и обязательных правил, специально разработанных для этой сферы.

Ранее в юридической литературе предметом договора энергоснабжения часто считалась сама энергия как товар или экономическая ценность. Однако, учитывая, что любое обязательство – это правоотношение, где одна сторона (должник) должна совершить или воздержаться от действия в пользу другой (кредитора), а кредитор вправе требовать исполнения (согласно ст. 307 ГК РФ), предметом обязательств по договору энергоснабжения (и, соответственно, самого договора) в первую очередь являются действия: со стороны энергоснабжающей орга-

низации – по подаче энергии через сеть к установке абонента, а со стороны абонента – по приему и оплате этой энергии [10, С. 325.].

В статье 541 Гражданского кодекса устанавливаются разные правила относительно условия договора энергоснабжения, касающегося объема энергии, предоставляемой абоненту, в зависимости от того, является ли абонентом физическое лицо или организация. Если абонентом выступает гражданин, который использует энергию для бытовых нужд, он имеет право потреблять ее в необходимом для себя объеме (п. 3 ст. 541 ГК).

В случае с договорами энергоснабжения, заключаемыми с организациями, энергоснабжающая компания обязана поставлять энергию через присоединенную сеть в объеме, установленном договором, и соблюдать согласованный режим подачи. Фактический объем поставленной и потребленной энергии определяется на основании данных учета (п. 1 ст. 541 ГК).

В договорах энергоснабжения, где абонентом выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, использующий энергоресурс в небытовых целях, условие о количестве предоставляемой энергии признается существенным. Для граждан-абонентов, использующих энергию для бытовых нужд, объем потребления определяется их потребностями, обусловленными используемыми приборами и оборудованием. При этом, понятие «необходимое количество» не подразумевает неограниченное потребление, а подлежит ограничениям, обусловленным производственной мощностью энергоснабжающей организации и техническими характеристиками.

Таким образом, для договоров энергоснабжения с организациями условие о количестве предоставляемой энергии является существенным. Отсутствие этого условия в договоре ведет к признанию договора незаключенным.

Определение количества предоставляемой энергии базируется на двух ключевых параметрах:

- Объем электроэнергии, выраженный в киловатт-часах (стандартная единица измерения энергии), предназначенный для отпуска.
- Величина заявленной или фактически присоединенной мощности.

В силу специфических физических характеристик энергии как объекта гражданских правоотношений, ее количество подлежит фиксации посредством специализированных технических средств учета фактического потребления. Учет предоставляемых и потребляемых энергетических ресурсов осуществляется в строгом соответствии с установленными государственными стандартами и нормами метрологической точности.

Согласно п. 2 Правил розничных рынков электрической энергии, учет подачи электрической энергии производится в «точке поставки», которая определяется как место в электрической сети, находящееся на границе балансовой принадлежности устройств покупателя, принимающих энергию [11].

Таким образом, для признания условия о количестве подаваемой энергии в договоре электроснабжения согласованным, необходимо одновременное наличие двух обязательных положений: во-первых, указание количества киловатт-часов электроэнергии, подлежащих отпуску покупателю, и, во-вторых, определение величины присоединенной или заявленной мощности энергоустановки потребителя. Это обусловлено необходимостью обеспечения соответствия суммарных договорных величин потребления электрической энергии и мощности производственным возможностям энергоснабжающих организаций по отпуску электроэнергии всем потребителям энергосистемы.

Многие специалисты классифицируют договор энергоснабжения как договор присоединения. Это объясняется тем, что потребитель (абонент) принимает заранее установленные энергоснабжающей организацией условия, не имея реальной возможности их изменить. Как отмечает К.М. Беликова, доминирующее положение энергоснабжающих компаний на рынке часто позволяет им диктовать условия, от которых потребители не могут отказаться [12, С. 69].

В то же время, уникальные характеристики энергии как товара позволяют рассматривать договор энергоснабжения как особый вид договора купли-продажи. Профессор В.В. Витринский подчеркивает, что договор энергоснабжения полностью соответствует признакам купли-продажи: одна сторона передает другой за плату определенный товар – энергию [13, С. 141].

Согласно статье 539 Гражданского кодекса РФ, по договору энергоснабжения организация обязуется подавать энергию через присоединенную сеть, а абонент – оплачивать ее, соблюдать режим потребления, а также обеспечивать безопасность и исправность своих энергетических сетей и приборов [14].

Электричество – это жизненно важный ресурс для современного человека. Его обеспечение – это многоступенчатый технологический

процесс, включающий производство, транспортировку, распределение и продажу энергии, завершающийся ее использованием. В России этот процесс регулируется обширным и сложным законодательством. Потребители же вступают в систему электроснабжения на стадиях продажи и использования, где их отношения с поставщиком определяются условиями договора [15].

Вопрос о том, являются ли условия по обеспечению содержания и безопасной эксплуатации сетей, приборов и оборудования существенными для договоров энергоснабжения, остается дискуссионным. Хотя Гражданский кодекс РФ (статьи 539 и 543) устанавливает обязанность абонента по обеспечению безопасности эксплуатации и исправности используемых им энергетических сетей, приборов и оборудования, детальные требования к их техническому состоянию и эксплуатации, а также порядок контроля, определяются законодательными актами и обязательными правилами. Федеральный закон № 256-ФЗ от 21.07.2011 года «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» регулирует организационные и правовые аспекты обеспечения безопасности объектов ТЭК (за исключением атомной энергетики). Этот закон определяет полномочия государственных органов, а также права, обязанности и ответственность юридических и физических лиц, владеющих такими объектами. В силу этого закона, правила обеспечения безопасности объектов ТЭК имеют императивный характер и обязательны для всех участников договорных отношений по энергоснабжению. Таким образом, они не требуют включения в договор и не относятся к его существенным условиям.

Помимо прямого законодательного закрепления, существует подход к определению существенных условий договора, согласно которому они могут быть выведены из нормы, содержащей определение договора, а также из иных его положений. Дальнейшее развитие гражданского оборота в сфере энергетики не исключает возможности включения в содержание договоров субъективно существенных условий, отражающих интересы участников договорных взаимосвязей.

Вопрос об отнесении цены к кругу существенных условий договоров в сфере энергоснабжения является дискуссионным и зависит от способов ее установления. При государственном регулировании цены на энергию определяются с учетом установленных тарифов, что исключает их из сферы соглашения сторон. Регулируемые цены, введенные законодательно, имеют обязательный характер для контрагентов, и расчеты должны производиться по указанной цене.

Свободная цена на электроэнергию, будучи установленной законодательством, а не соглашением сторон, носит императивный характер. Следовательно, для изменения условия о цене не требуется дополнительное соглашение сторон, исходя из положений п. 4 ст. 421 Гражданского кодекса РФ, согласно которым условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами (ст. 422). Абзацем 2 п. 1 ст. 424 Гражданского кодекса РФ установлено, что в предусмотренных законом случаях применяются цены, устанавливаемые или регулируемые уполномоченными государственными органами.

Согласно статье 2 Федерального закона № 41-ФЗ от 14 апреля 1995 года, государственное управление ценами на электрическую и тепловую энергию в России осуществляется путем установления экономически обоснованных тарифов (цен и платы за услуги) или их максимальных и минимальных пределов. Региональные органы исполнительной власти, отвечающие за тарифное регулирование, устанавливают тарифы на электроэнергию, предоставляемую потребителям энергоснабжающими компаниями. Эти тарифы должны соответствовать предельным уровням, определенным федеральным органом, регулирующим естественные монополии, за исключением случаев, когда электроэнергия продается по свободным ценам (статья 6 Закона).

Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» предоставил Правительству Российской Федерации полномочия утверждать ключевые принципы работы оптового и розничного рынков электроэнергии, а также основы формирования цен в электроэнергетике. В рамках своих полномочий Правительство утвердило соответствующие правила и основы ценообразования для электрической и тепловой энергии.

Исторически, как при Гражданском кодексе РСФСР, так и при Гражданском кодексе РФ, действовало правило: если договор не содержит всех существенных условий, он считается незаключенным, то есть стороны не достигли соглашения. Однако законодатель не всегда прямо указывает на то, что отсутствие согласия по существенным условиям означает незаключенность договора. В таких случаях это подразумевается, что соответствует позиции высших судебных инстанций.

Таким образом, анализ действующих нормативных актов, регулирующих договор энергоснабжения, свидетельствует о неоднозначно-

сти в части четкого определения перечня существенных условий для такого договора.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Консультант Плюс: справ. правовая система.
2. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 16.05.2025 N 02АП-1482/2025 по делу N А28-3891/2024.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49/
4. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.01.2025 N 88-261/2025 (УИД 34RS0005-01-2023-005008-77).
5. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 19.12.2025) «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов»).
6. Еникеева А.И. Существенные условия в договоре энергоснабжения // Science Time. 2015. № 9 (21).
7. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть 1 [Электронный ресурс]: федер. зак. от 30 ноябр. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. 31.07.2025) (с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025)) // Консультант Плюс: справ. правовая система.
8. Головкина Д.В. К вопросу о предмете договора энергоснабжения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4.
9. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2019 N 19АП-9470/2018 по делу N А14-16902/2016.
10. Брагинский, М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: «Статут», 2004.
11. О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») [Электронный ресурс]: пост. Правительства РФ от 04 мая 2012 г. N 442 (ред. от 23.04.2026 г.) // Консультант Плюс: справ. правовая система.
12. Беликова К.М. Защита прав и интересов присоединяющейся стороны в договорах присоединения (в том числе правовыми актами о защите потребителей) в странах БРИКС. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2014. № 4 (25).
13. Брагинский М.А., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: 1 Договоры о передаче имущества. М. 2000.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.04.2025, с изм. от 16.12.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
15. Символоков О.А. Развитие договорных отношений в электроэнергетике / О.А. Символоков // Журнал российского права. – 2017. – № 10 (250). – С. 49–60.

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE ESSENTIAL TERMS OF THE ENERGY SUPPLY CONTRACT

Korneev I.E.

Altai State University

The article discusses the problem of determining the essential terms of an energy supply contract. The development of the electricity market, as well as rulemaking in the field of its regulation, has raised a number of serious legal issues. One of the key issues remains the definition of the legal nature of the energy supply contract, which is a fundamental element of legal relations affecting the interests of both individuals and legal entities. The author examines the legal nature of the contract, gives a general description of the energy supply contract and analyzes the conditions that are mandatory for the energy supply contract.

Keywords: energy supply contract, essential conditions, obligation, legal relations, subject of the contract

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part two) of 26.01.1996 N 14-FZ (as amended on 24.06.2025, as amended. dated 12/16/2025) // Consultant Plus: help. the legal system.
2. Resolution of the Second Arbitration Court of Appeal dated 05/16/2025 N 02AP-1482/2025 in case N A28-3891/2024.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/25/2018 N 49/
4. Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 01/14/2025 N 88-261/2025 (UID 34RS0005-01-2023-005008-77).
5. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/06/2011 No. 354 (as amended on 12/19/2025) "On the provision of public utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings" (together with the "Rules for the provision of public utilities to owners and users of premises in apartment buildings and residential buildings").
6. Enikeeva A.I. Essential terms in the contract energy supply // Science Time. 2015. № 9 (21).
7. The Civil Code of the Russian Federation. Part 1 [Electronic resource]: Federal Law. Dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on 07/31/2025) (as amended dated 03/25/2026) (with amendments and additions, intro. effective from 08/01/2025)) // Consultant Plus: help. the legal system.
8. Golovkina D.V. On the issue of the subject of the energy supply contract // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. No. 4.
9. Resolution of the Nineteenth Arbitration Court of Appeal dated 04.03.2019 N 19AP-9470/2018 in case N A14-16902/2016.
10. Braginsky, M.I., Vitryansky V.V. Contractual law. The first book: General provisions. Moscow: "Statute", 2004.
11. On the functioning of retail electric energy markets, full and (or) partial restriction of the mode of consumption of electric energy" (together with the "Basic provisions of the functioning of retail electric energy markets", "Rules of full and (or) partial restriction of the mode of consumption of electric energy energy") [Electronic resource]: post. Government of the Russian Federation No. 442 dated May 04, 2012 (as amended on 04/23/2026) // Consultant Plus: reference. the legal system.
12. Belikova K.M. Protection of the rights and interests of the acceding party in accession agreements (including legal acts on consumer protection) in the BRICS countries. Vestn. Volgogr. state University. Ser. 5, Law Department. 2014. № 4 (25).
13. Braginsky M.A., Vitryansky V.V. Contractual law. The second book: 1 Agreements on the transfer of property. M. 2000.
14. The Civil Code of the Russian Federation (part two)" dated January 26, 1996 N 14-FZ (as amended on 04/24/2025, as amended. dated 12/16/2025) [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru>
15. Symbokov O.A. The development of contractual relations in the electric power industry / O.A. Symbokov // Journal of Russian Law. – 2017. – № 10 (250). – Pp. 49–60.

Королёв Егор Эдуардович,

аспирант, кафедра юридических наук, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Славяно-Греко-Латинская Академия»
E-mail: Korogoro@gmail.com

Статья посвящена анализу правовой природы смарт-контрактов, их связи с финансовой системой Российской Федерации, а также их роли при совершении сделок с использованием цифровых финансовых активов. В настоящей статье проводится анализ теоретических подходов к определению термина смарт-контракт в российской праве, также рассматриваются проблемы квалификации смарт-контракта, как формы сделки или способа ее исполнения. Также в данной работе исследуются законодательные инициативы с сфере регулирования цифровых финансовых активов на территории Российской Федерации. Проводится анализ судебной практики международных подходов к правовому регулированию смарт-контрактов, на основе которого формируются предложения по совершенствованию правового регулирования данной сферы в Российской Федерации. Приводится обоснование к выводу о необходимости признания смарт контракта одной из разновидностей сделки, которая совершается сугубо в электронной форме и на которую распространяются общие положения о договорах и обязательствах.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровые финансовые активы, цифровые права, сделки в электронной форме, блокчейн, правовое регулирование, информационная система, оператор платформы.

Введение

Актуальность темы данного исследования обусловлена стремительным прогрессом в сфере цифровизации гражданского оборота, а также массовым внедрением технологий распределительного реестра в российскую финансовую сферу. Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ были легализованы цифровые финансовые активы¹, а также различные цифровые права, которые в настоящее время становятся полноценными объектами гражданских прав, что по прошествии лет с принятия закона требуют доработки правовых механизмов их оборота. Главным инструментом совершения сделок с цифровыми финансовыми активами и правами, является смарт-контракт. Это программный код, который обеспечивает заключение и выполнение договорных обязательств на автоматическом уровне при достижении определённых условий.

Стоит отметить, что правовая природа смарт-контрактов, является дискуссионной в современном российском праве. Проблемы правоприменения смарт-контрактов, порождаются отсутствием четкого легального определения смарт-контрактов, момента заключения сделки, а также распределением ответственности между участниками сделки в российской правовой сфере.

Целью данного исследования является комплексный анализ российского правового регулирования смарт-контрактов при совершении сделок с цифровыми финансовыми активами, выявление практических и теоретических проблем, а также формулирование предложений по усилению регулирования законодательства.

Для достижения цели данного исследования, в статье решаются такие задачи как: анализ законодательных подходов к определению правовой природы смарт-контрактов; исследование смарт-контрактов, как способа распоряжения цифровыми финансовыми активами и правами; анализ законопроектов в сфере регулирования цифровых финансовых активов; разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы научного познания.

Правовая природа смарт-контракта: доктринальные подходы и проблемы квалификации

В современном российском праве отсутствует единый подход к определению правовой природы и терминологии смарт-контрактов. Это связано с тем, что смарт-контракты по своей сути являются новым явлением, которое затрагивает технически сложную область информационных технологий.

Л.Г. Ефимова и О.Б. Сизимова в своей работе рассматривают смарт-контракты как форму сделки, которая совершается сугубо в электронной форме с использованием программного кода². Сторонники данного подхода обращают особое внимание на то, смарт-контракт, как и традиционный договор, фиксирует направленную на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей согласованную волю сторон. Отличием между обычным договором и смарт-контрактом, по их мнению, является лишь способ фиксации договора.

Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьёв А.В. считают иначе, они придерживаются позиции, при которой смарт-контракт признается способом исполнения обязательства, а не формой сделки³. По данному подходу, смарт-контракты не являются заменой традиционным договорам, а лишь являются способом автоматизации исполнения заключенного соглашения. Данная позиция подтверждается частью 2 статьи 309 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой говорить-

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5001.

² Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21–28.

³ Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьёв А.В. Правовая природа смарт-контракта // Законодательство. – 2019. – № 3. – С. 24–30.

ся о возможности автоматизированного исполнения обязательств¹. В подтверждение данной теории, свидетельствует то, что программный ход не всегда может в полной мере отразить весь объем условий, особенно в части неформализуемых положений.

Также следует отличать смарт-контракты, которые используются на централизованных платформах и смарт-контракты используемые на децентрализованных блокчейн платформах. В первом случае оператор централизованной системы несет ответственность за соблюдение условий смарт-контракта перед пользователями системы, во втором же ответственность за исполнение смарт-контракта несут лишь его участники, что создает дополнительные риски с технической стороной, связанные с программным кодом.

Одним из главных теоретических вопросов в сфере смарт-контрактов, является соотношение смарт-контракта с традиционной электронной формой сделки. В пункте 2, 160 статьи Гражданского кодекса Российской Федерации говорится о том, что использование электронной подписи, а также аналога собственноручной подписи допускается в случаях, предусмотренных законом². В классическом понимании смарт-контракты, не предполагают использование электронной подписи, а волеизъявление участников договора с использованием смарт-контрактов, выражается посредством совершения действий через определенную информационную систему. Данные действия, с использованием закрытого ключа, могут рассматриваться как аналог подписи, при условии согласования этого обоими сторонами. Таким образом, смарт-контракт предполагает использование нестандартного способа фиксации волеизъявления сторон, а не отменяет требований к форме договора. Стоит отметить, что из-за отсутствия прямого законодательного регулирования, условием юридической силы договоры с использованием смарт-контракта, является явно выраженное соглашение сторон о использовании смарт-контракта в договоре.

Следует отметить пункт 2 статьи 434 Гражданского кодекса РФ, который создает определенные сложности для применения смарт-контракта. Так, согласно данной статье, договор в письменной форме может быть заключен путём составления одного документа, а также путём обмена письмами, телеграммами и иными документами³. Законодательство прямо не говорит о том, может ли относиться программный код смарт-контракта к иным документам. По мнению автора программный код смарт-контракта можно квалифицировать как вид электронного документа, который подтверждает факт заключения договора при условии фиксации содержания документа, способом позволяющим установить его подлинность.

Смарт-контракты как способ распоряжения цифровыми правами: особенности правового регулирования

Правовое регулирование смарт-контрактов в Российской Федерации имеет свою специфику. Она заключается в том, что распоряжение цифровыми правами невозможно без участия оператора информационной системы. Это отличает регулирование данной сферы в Российской Федерации, от децентрализованных систем, где сделки с цифровыми финансовыми активами совершаются без централизованных посредников.

Федеральный закон № 259-ФЗ говорит нам о том, что выпуск, учёт и обращение ЦФА осуществляются в информационной системе, оператор которой имеет право устанавливать правила этой системы, в том числе в части использования смарт-контрактов⁴. Таким образом, оператор информационной системы обязан, обеспечивать фиксацию всех операций с цифровыми финансовыми активами, проходящими через него.

Использование оператора цифровой системы как альтернативы децентрализованной системе регулирования сделок с использованием смарт-контракта, несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты. Преимуществами централизованной системы являются постоянные проверки соблюдения законодательства, оперативная блокировка подозрительных операций, наличие регламента для разрешения споров между участниками договора. Также следует отметить, что оператор в такой системе, несет ответственность за технические сбои и ошибки при использовании системы. В то же время такая система из-

за всех вышеперечисленных издержек, работает в разы медленнее децентрализованных систем, что увеличивает транзакционные издержки и несет риски возможности злоупотреблений со стороны посредника.

Следует также отметить, что в информационных системах выпускающий цифровые финансовые активы, смарт-контракт несет в себе несколько ключевых функций, таких как: Фиксация условий выпуска цифровых финансовых активов, которые фиксируются в смарт-контракте и как эти условия доносятся до приобретателей цифровых финансовых активов; Функции автоматического исполнения обязательств при условиях предусмотренным смарт-контрактом; Функцию фиксации перехода прав на цифровые финансовые активы при совершении сделок между сторонами; Функцию ограничения оборота цифровых финансовых активов если правилами выпуска предусмотрены такие ограничения.

Важно, что законодательство Российской Федерации не признает смарт-контракт, как самостоятельный источник правового регулирования, что означает что к отношениям, которые возникают в связи с использованием смарт-контрактов, применимы общие нормы о сделках и договорах в той мере, которая не противоречит существу отношений.

Ключевой проблемой является доказывание волеизъявления стороны. Если традиционный договор заключается путём подписания документа, что оставляет материальный след волеизъявления, то при использовании смарт-контракта волеизъявление выражается в совершении действия с закрытым ключом. Установление того, что это действие было совершено именно уполномоченным лицом, а не третьим лицом, получившим несанкционированный доступ, является сложной технико-юридической задачей.

Стоит отметить, что практическая реализация смарт-контрактов, сталкивается с проблемами доказывания в судебном процессе, так как классические средства и методы доказывания не приспособлены для фиксации обстоятельств связанных с использованием смарт-контрактов. Главной проблемой доказывания, является проблема доказывания волеизъявления сторон. Происходит это из-за того, что в отличие от классического договора, где волеизъявление сторон подтверждается подписанием реального физического документа, при использовании смарт-контракта волеизъявление выражается в совершении действия с закрытым ключом.

Таким образом, перспективным представляется внедрение гибридной системы эскроу-счетов при заключении смарт-контрактов на децентрализованных системах. Договор эскроу уже давно урегулирован Российским законодательством в Гражданском кодексе Российской Федерации, а его использование при договорах с использованием смарт-контрактов, позволило бы обеспечить дополнительную гарантию исполнения обязательств, и создало бы механизм более простого разрешения споров в суде.

Законодательные инициативы и перспективы развития правового регулирования

В апреле 2026 года Правительством Российской Федерации, был одобрен проект поправок в Налоговый кодекс⁵, который синхронизирует налоговое законодательство и законопроект, устанавливающий регулирование обращение цифровых валют и прав в Российской Федерации⁶. Изменения, предложенные данными законопроектами, напрямую влияют на правовое регулирование смарт-контрактов, так как они затрагивают порядок налогообложения операции с использованием смарт-контрактов.

Положения предлагаемые проектом включают в себя: Освобождение от НДС операций по реализации безденежных иностранных цифровых прав, которые удостоверяют денежные требования; Определение налоговых агентов; установление зачета положительных и отрицательных финансовых результатов по операциям с цифровой валютой и иностранными цифровыми правами; перенос убытков на будущие периоды для долговых цифровых финансовых активов; учет доходов и расходов операций с цифровой валютой по внешнеторговым договорам. Вышеперечисленные изменения создают благоприятную среду для участников оборота цифровых финансовых активов, а следовательно, для лиц использующий смарт-контракты в своей деятельности.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026). – Ст. 309, ч. 2.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – Ст. 160, п. 2.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – Ст. 434, п. 2.

⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024). – Ст. 7, ч. 1-3; ст. 13, ч. 2 п. 3, ч. 5 п. 1, 2, 4.

⁵ О внесении изменений в статью 41 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: проект федерального закона № 1222105-8: [внесён Правительством РФ 29.04.2026]. – Текст: электронный // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).

⁶ О цифровой валюте и цифровых правах: проект федерального закона № 1194918-8: [принят Госдумой в первом чтении 21.04.2026]. – Текст: электронный // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).

Следует отметить, что важнейшее значение для развития правового регулирования в сфере смарт-контрактов, имеет формирование судебной практики. Внимания заслуживает постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П, в котором ставится вопрос о признании за гражданами права собственности на стейблкоины. Данное дело инициировано москвичом Дмитрием Тимченко, который в 2023 году предоставил займы 1000 USDT, однако получил отказ в возврате со стороны контрагента. Суды общей юрисдикции и Верховный Суд РФ отказали в удовлетворении требований, указав, что стейблкоины не относятся к охраняемой категории ЦФА. Заявитель обратился в Конституционный Суд, указав, что «никакой другой класс активов в России не сталкивается с такими ограничениями». В ходе слушаний Центральный банк и Росфинмониторинг заявили, что стейблкоины обладают характеристиками «иностранных цифровых активов», что затрудняет их классификацию как ЦФА¹. Факт рассмотрения Конституционным судом, свидетельствует о признании цифровых активов объектами, которые нуждаются в судебной защите, что в свою очередь создает основу для последующего создания правовой базы в данной сфере и признания смарт-контрактов как способа распоряжения активами.

Одним из главных ориентиров для совершенствования законодательства Российской Федерации, является анализ международной практики правового регулирования смарт-контрактов. В Европейском Союзе Regulation (EU) 2023/1114 (MiCA), полностью регулирует обращение крипто активов, а также закреплены требования к эмитентам и поставщикам услуг, в том числе данный закон признает смарт-контракты в качестве способа фиксации условий выпуска и обращения крипто-активов. В США отсутствует регулирование смарт-контрактов на федеральном уровне, но на уровне штатов Аризона в своем законе HB 2417, 2017 г. Ввело четкое определение смарт контракта, Невада в NRS Chapter 719 ввело четкое определение блокчейна, а Теннесси в HB 1507 / SB 1662, 2018 г. Расширило функциональность смарт контрактов, разрешив смарт-контрактам создавать и распределять электронные активы и управлять идентификацией и доступом к приложениям. В ОАЭ сформирована специальная система для рассмотрения споров в сфере цифровых финансовых активов. В 2025 году Суд цифровой экономики DIFC вынес решение по иску Techteryx Ltd о возврате средств в размере 456 млн долларов США, конвертированных в стейблкоин TrueUS D. Это решение демонстрирует то, что традиционные правовые механизмы могут успешно справляться с регулированием операций с цифровыми финансовыми активами.

Заклучение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Правовая природа смарт-контракта. Смарт-контракт представляет собой разновидность сделки, совершаемой в электронной форме, в которой волеизъявление сторон выражается посредством программного кода, размещённого в информационной системе. Смарт-контракт не отменяет требований к форме сделки, а предполагает использование специфического способа фиксации волеизъявления. При этом в отсутствие прямого законодательного регулирования условием юридической силы смарт-контракта является явно выраженное соглашение сторон о его использовании.

2. Роль оператора информационной системы. Специфика российского регулирования заключается в обязательном участии оператора информационной системы при распоряжении ЦФА. Оператор обеспечивает фиксацию операций, проверку соблюдения ограничений и хранение информации. Смарт-контракт в таких системах выполняет функции фиксации условий выпуска, автоматического исполнения обязательств, фиксации перехода прав и ограничения оборота.

3. Совершенствование законодательства. Принятие поправок в Налоговый кодекс (апрель 2026 г.) создаёт предсказуемую налоговую среду для операций с цифровыми активами. Однако остаются нерешёнными вопросы доказывания волеизъявления стороны при использовании смарт-контракта, а также распределения ответственности за ошибки в программном коде.

Предложения по совершенствованию правового регулирования:

1. Легальный определение смарт-контракта. Целесообразно дополнить часть первую Гражданского кодекса РФ статьёй 160.1 «Смарт-контракт», в которой закрепить, что смарт-контракт является разновидностью сделки, совершаемой в электронной форме, при ко-

торой условия сделки фиксируются в виде программного кода, обеспечивающего автоматическое её исполнение при наступлении определённых обстоятельств.

2. Признание программного кода документом. Внести изменения в статью 434 Гражданского кодекса РФ, указав, что программный код смарт-контракта, размещённый в информационной системе и доступный сторонам, признаётся электронным документом, подтверждающим факт заключения договора, при условии фиксации его содержания способом, позволяющим установить подлинность и неизменность.

3. Разработка типовых правил для операторов. Разработать типовые требования к правилам информационных систем в части использования смарт-контрактов, включая требования к раскрытию исходного кода, порядку внесения изменений и механизмам разрешения споров.

4. Создание механизмов доказывания. Предусмотреть возможность использования нотариального удостоверения фактов, зафиксированных в распределённом реестре, а также внедрение института судебных экспертов в сфере блокчейн-технологий для дачи заключений о корректности работы смарт-контрактов.

5. Распространение общих положений об обязательствах. Законодательно закрепить, что к отношениям, возникающим в связи с заключением и исполнением смарт-контрактов, применяются общие положения гражданского законодательства о сделках, обязательствах и договорах в той мере, в какой это не противоречит существу отношений, возникающих с использованием программного кода.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: анализ практики применения смарт-контрактов в различных секторах экономики (не только финансовом), разработка коллизионных норм для определения применимого права к трансграничным смарт-контрактам, а также исследование правовых последствий внедрения ИИ в смарт-контракты.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). – Ст. 160, п. 2; ст. 309, ч. 2; ст. 420; ст. 434, п. 2. – Текст: непосредственный.

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024). – Ст. 7, ч. 1–3; ст. 13, ч. 2 п. 3, ч. 5 п. 1, 2, 4. – Текст: непосредственный.

3. О цифровой валюте и цифровых правах: проект федерального закона № 1194918–8: [принят Госдумой в первом чтении 21.04.2026]. – Текст: электронный // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).

4. О внесении изменений в статью 41 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: проект федерального закона № 1222105–8: [внесён Правительством РФ 29.04.2026]. – Текст: электронный // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 28.05.2026).

5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П. – Ст. 14, ч. 6. – Текст: электронный // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://www.ksrf.ru> (дата обращения: 28.05.2026).

6. Письмо Минфина России от 28.05.2025 № 03–07–07/52517. – Текст: электронный // ГАРАНТ: справочно-правовая система. – URL: <https://base.garant.ru/412318544/> (дата обращения: 20.05.2026).

7. Ефимова Л.Г. Правовая природа смарт-контракта / Л.Г. Ефимова, О.Б. Сизимова. – Текст: непосредственный // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21–28.

8. Гринь О.С. Правовая природа смарт-контракта / О.С. Гринь, Е.С. Гринь, А.В. Соловьёв. – Текст: непосредственный // Законодательство. – 2019. – № 3. – С. 24–30.

9. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «смарт-контракты» как начало конца классического договорного права / А.И. Савельев. – Текст: непосредственный // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32–38.

10. Романов А.А. Гражданско-правовые способы защиты прав на виртуальные активы / А.А. Романов. – Текст: непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 12. – С. 23–28.

11. Сергеев И.О. Области развития и регулирования рынка цифровых финансовых активов в условиях применения искусственного

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П. – Ст. 14, ч. 6. – Текст: электронный // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/37586.aspx> (дата обращения: 28.05.2026).

интеллекта / И.О. Сергеев. – Текст: непосредственный // Финансовый менеджмент. – 2026. – № 2. – С. 394–399.

12. Цифровые сделки и цифровые права: сделки в электронной форме, ЦФА и иные цифровые права, цифровой рубль, криптовалюты, смарт-контракты: материалы семинара Школы права «Статут» (26–30 января 2026 г.). – Москва: Статут, 2026. – 240 с. – Текст: непосредственный.

13. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets. – Текст: непосредственный // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – P. 40–472.

14. Techteryx Ltd v Aria Commodities DMCC, Mashreq Bank PSC, Emirates NBD Bank PJSC, Abu Dhabi Islamic Bank PJSC: Judgment of the Digital Economy Court of the Dubai International Financial Centre Courts. – 2025. – 16 May. – URL: <https://www.difccourts.ae> (дата обращения: 15.05.2026).

LEGAL REGULATION OF SMART CONTRACTS WHEN MAKING TRANSACTIONS WITH DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Korolyov Ye.E.

Slavic-Greek-Latin Academy

This article is devoted to the analysis of the legal nature of smart contracts, their relationship with the financial system of the Russian Federation, as well as their role in transactions involving digital financial assets. This article examines theoretical approaches to defining the term «smart contract» in Russian law, and also addresses the issues of qualifying a smart contract either as a form of transaction or as a means of its execution. This study also investigates legislative initiatives in the field of regulating digital financial assets on the territory of the Russian Federation. An analysis of judicial practice and international approaches to the legal regulation of smart contracts is conducted, based on which proposals are formulated for improving legal regulation in this sphere within the Russian Federation. A rationale is provided for the conclusion that a smart contract should be recognized as a type of transaction concluded exclusively in electronic form and subject to the general provisions on contracts and obligations

Keywords: smart contract, digital financial assets, digital rights, electronic transactions, blockchain, legal regulation, information system, platform operator.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law № 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on August 8, 2024). – Art. 160, para. 2; art. 309, pt. 2; art. 420; art. 434, para. 2. – Text: direct.

2. On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on March 11, 2024). – Art. 7, pts. 1–3; art. 13, pt. 2 para. 3, pt. 5 paras. 1, 2, 4. – Text: direct.

3. On Digital Currency and Digital Rights: Draft Federal Law № 1194918–8: [adopted by the State Duma in the first reading on April 21, 2026]. – Text: electronic // Official Website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (date of access: 28.05.2026).

4. On Amendments to Article 41 of Part One and Part Two of the Tax Code of the Russian Federation: Draft Federal Law № 1222105–8: [submitted by the Government of the Russian Federation on April 29, 2026]. – Text: electronic // Official Website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (date of access: 28.05.2026).

5. On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2-P of January 20, 2026. – Art. 14, pt. 6. – Text: electronic // Constitutional Court of the Russian Federation: official website. – URL: <https://www.kstrf.ru> (date of access: 28.05.2026).

6. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation № 03–07–07/52517 of May 28, 2025. – Text: electronic // GARANT: legal reference system. – URL: <https://base.garant.ru/412318544/> (date of access: 20.05.2026).

7. Efimova, L.G. Legal Nature of a Smart Contract / L.G. Efimova, O.B. Sizemova. – Text: direct // Banking Law. – 2019. – № 1. – Pp. 21–28.

8. Grin, O.S. Legal Nature of a Smart Contract / O.S. Grin, E.S. Grin, A.V. Soloviyov. – Text: direct // Legislation. – 2019. – № 3. – Pp. 24–30.

9. Savelyev, A.I. Contract Law 2.0: «Smart Contracts» as the Beginning of the End of Classical Contract Law / A.I. Savelyev. – Text: direct // Civil Law Review. – 2016. – № 3. – Pp. 32–38.

10. Romanov, A.A. Civil Law Methods of Protecting Rights to Virtual Assets / A.A. Romanov. – Text: direct // Arbitration and Civil Procedure. – 2025. – № 12. – Pp. 23–28.

11. Sergeev, I.O. Areas of Development and Regulation of the Digital Financial Assets Market in the Context of Artificial Intelligence Application / I.O. Sergeev. – Text: direct // Financial Management. – 2026. – № 2. – Pp. 394–399.

12. Digital Transactions and Digital Rights: Electronic Transactions, DFAs and Other Digital Rights, Digital Ruble, Cryptocurrencies, Smart Contracts: materials of the seminar of the Law School «Statut» (January 26–30, 2026). – Moscow: Statut, 2026. – 240 p. – Text: direct.

13. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets. – Text: direct // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – P. 40–472.

14. Techteryx Ltd v Aria Commodities DMCC, Mashreq Bank PSC, Emirates NBD Bank PJSC, Abu Dhabi Islamic Bank PJSC: Judgment of the Digital Economy Court of the Dubai International Financial Centre Courts. – 2025. – 16 May. – URL: <https://www.difccourts.ae> (date of access: 15.05.2026).

Курносов Владислав Михайлович,

студент магистратуры, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

В статье исследованы теоретические основы приватизации земельных участков в Российской Федерации как особого института земельного и гражданского права, сформировавшегося на стыке земельной реформы, конституционного признания частной собственности и последующей кодификации порядка оборота публичных земель. Показано, что приватизация земельных участков представляет собой не любое приобретение земли в частную собственность, а юридически специальный способ прекращения государственной или муниципальной собственности и возникновения права собственности граждан и юридических лиц в предусмотренных законом формах и пределах. Рассмотрены исторические предпосылки становления института, его нормативная база, соотношение Гражданского кодекса РФ, Земельного кодекса РФ и Федерального закона № 178-ФЗ, а также ограничения оборотоспособности отдельных категорий земель. Исследование опиралось на формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а эмпирическую основу составили положения законодательства, правовые позиции высших судов и доктринальные подходы, отраженные в современной литературе. Установлено, что современная модель приватизации земли в РФ строится на сочетании частноправового механизма приобретения собственности с публично-правовыми ограничениями, обусловленными экологической, территориальной и социальной функциями земли. Выявлено, что ключевые теоретические проблемы связаны с неоднозначностью понятия приватизации, разграничением общих правил предоставления земельных участков и специальных приватизационных процедур, а также с необходимостью учета фактического землепользования, регистрации прав и точного определения границ участка.

Ключевые слова: приватизация земельных участков, земельная реформа, государственная собственность на землю, муниципальная собственность, оборотоспособность земель, земельное право, право собственности

Введение

Приватизация земельных участков в Российской Федерации остается одним из наиболее сложных институтов современного земельного права, поскольку затрагивает одновременно вопросы собственности, публично-управления, оборота недвижимости и охраны земли как природного ресурса¹. Актуальность темы определяется тем, что земельная реформа, начатая еще в 1990-е годы, привела не только к признанию частной собственности на землю, но и к возникновению длительного периода правовой неоднородности, в рамках которого разные категории участков, разные титулы владения и разные основания приобретения права собственности регулировались несинхронно и нередко фрагментарно. В результате в правоприменении сохранились проблемы оформления прав на участки под объектами недвижимости, разграничения публичной собственности, определения случаев бесплатного и возмездного приобретения земли и установления границ допустимой приватизации.

Теоретическая значимость рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что земля в российском праве не сводится к обычной вещи гражданского оборота. Конституционная модель закрепила возможность частной собственности на землю, но одновременно сохранила ее особый публично-правовой статус как основы жизни и деятельности населения и как объекта экологической охраны. Поэтому приватизация земельных участков должна анализироваться не только как способ перехода имущества из публичной собственности в частную, но и как механизм балансирования частных и публичных интересов. Именно это двойственное положение земли объясняет наличие специальных ограничений оборотоспособности, специальных процедур предоставления участков и повышенное значение кадастровой, регистрационной и судебной практики.

Цель и задачи

Целью проведенного исследования являлось выявление теоретических основ приватизации земельных участков в Российской Федерации через анализ ее понятия, нормативной природы, исторического развития и пределов правового осуществления. Данная цель была ориентирована не на описание отдельных процедурных действий, а на установление внутренней логики института, его места в системе российского права и факторов, определяющих современное содержание приватизации земли.

Для достижения указанной цели в исследовании были решены несколько взаимосвязанных задач. Во-первых, было уточнено понятие приватизации земельных участков с учетом положений статьи 217 ГК РФ, земельного законодательства и научной доктрины, в которой приватизация понимается как специальный юридический режим отчуждения имущества публичных образований в частную собственность. Во-вторых, был установлен круг земельных участков, которые могут быть приватизированы, и выявлены категории земель, изъятых из оборота либо ограниченных в обороте и потому не подлежащих отчуждению. В-третьих, было исследовано соотношение общих правил предоставления земельных участков из государственной и муниципальной собственности и специальных положений законодательства о приватизации имущества. В-четвертых, был проанализирован историко-правовой контекст земельной реформы 1990-х годов, без которого невозможно объяснить современную конструкцию приватизации земли и сохраняющиеся противоречия в правовом регулировании. Наконец, была рассмотрена роль судебной и регистрационной практики в формировании единообразного понимания прав на приватизируемые участки.

Обзор литературы

Анализ научной литературы показал, что современная доктрина рассматривает приватизацию земли в двух основных плоскостях. Первая плоскость связана с общей теорией приватизации как формы трансформации публичной собственности в частную и как элемента более широкой экономико-правовой реформы постсоветского периода. В этой линии исследований акцент делается на историческом разрыве с советской моделью государственной монополии на землю и на последствиях признания частной собственности как самостоятельного правового института. Вторая плоскость концентрируется на отраслевых земельно-правовых проблемах: категориях земель, особенностях титу-

лов, правах собственников зданий на участки под ними, ограничениях оборотоспособности и соотношении гражданско-правового и земельного правового регулирования.

В работах, посвященных непосредственно законодательству о приватизации земельных участков, подчеркивается, что данный институт не может быть истолкован через одну только норму гражданского права. Хотя статья 217 ГК РФ задает общую рамку допустимости отчуждения государственного и муниципального имущества, конкретные условия и порядок перехода земельных участков в частную собственность раскрываются через нормы Земельного кодекса РФ, закона о введении его в действие и специальные положения закона о приватизации государственного и муниципального имущества. В научных публикациях также устойчиво отмечается, что приватизация земли не тождественна любому приобретению участка из публичной собственности: часть случаев регулируется режимом предоставления без торгов, часть — нормами о приватизации объектов недвижимости с одновременным отчуждением земли, а часть — льготными переходными механизмами, сформированными в связи с ранними актами земельной реформы и «дачной амнистией».

Историко-правовые исследования подчеркивали, что современная модель приватизации земли выросла из реформ 1990-х годов, когда законодательство формировалось непоследовательно и нередко опережалось указным регулированием. Закон РСФСР «О земельной реформе», Земельный кодекс РСФСР 1991 года, Конституция РФ 1993 года, президентские указы о регулировании земельных отношений и последующее законодательство о регистрации прав сформировали основу, но не устранили сразу все противоречия. Именно поэтому в доктрине получили развитие оценки о незавершенности земельной реформы и о сохранении системных проблем, связанных с межеванием, выделом, разграничением публичной собственности и регистрацией ранее возникших прав.

Методология

Исследование было проведено как теоретико-правовой анализ с опорой на формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. На первом этапе были отобраны и изучены нормативные источники, образующие базу института приватизации земельных участков: Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Федеральный закон № 178-ФЗ, Федеральный закон № 137-ФЗ и акты, регулирующие регистрацию недвижимости и разграничение публичной собственности на землю. На втором этапе был выполнен терминологический анализ понятий «земля», «земельный участок», «приватизация», «предоставление земельного участка» и «оборотоспособность», поскольку именно смешение этих понятий порождало значительную часть доктринальных и практических расхождений.

На третьем этапе были сопоставлены два нормативных массива: законодательство о приватизации государственного и муниципального имущества и земельное законодательство о предоставлении участков из публичной собственности. Это сопоставление позволило отделить случаи, когда применялась специальная приватизационная конструкция, от случаев, когда возникновение частной собственности происходило по правилам земельного предоставления, хотя в бытовом и даже научном языке оба процесса нередко обозначались единым словом «приватизация». На четвертом этапе были проанализированы положения судебной практики, включая разъяснения высших судебных инстанций и отдельные акты Верховного Суда РФ, использованные в пользовательских источниках как эмпирическая база. Особое внимание было уделено делам, связанным с установлением границ участка, фактическим землепользованием, запретами на приватизацию ограниченных в обороте земель и отказами в предоставлении участков.

Результаты проведенного нормативного анализа были сведены в таблицу 1, которая отражает разграничение основных правовых режимов приобретения земельных участков из публичной собственности.

Разграничение правовых режимов приобретения земельных участков из публичной собственности

Критерий

Приватизация в специальном смысле

Предоставление участка по земельному законодательству

Нормативная основа

ГК РФ ст. 217, Закон № 178-ФЗ, специальные нормы о приватизации

Земельный кодекс РФ, глава V.1, Закон № 137-ФЗ

Объект

Публичное имущество, включая участки с объектами недвижимости

Земельные участки из государственной или муниципальной собственности

Основание перехода

Отчуждение из публичной собственности в частную по специальной процедуре

Решение уполномоченного органа, торги или безторговое предоставление

Возмездность

Как правило, возмездная; в доктрине допускается и безвозмездность в установленных случаях

Возможны возмездные и бесплатные формы предоставления

Типичные случаи

Приватизация зданий и одновременное отчуждение участка, приватизация имущественных комплексов

ИЖС, ЛПХ, садоводство, участки под зданиями, льготное предоставление

Результаты

Проведенное исследование показало, что в российском праве понятие приватизации земельных участков имеет узкое и широкое значение. В узком юридическом смысле приватизация означает специальное отчуждение имущества, принадлежащего Российской Федерации, субъектам РФ или муниципальным образованиям, в собственность граждан и юридических лиц в порядке, установленном законодательством о приватизации. В широком значении этим термином нередко обозначается любой переход земельного участка из публичной собственности в частную, включая бесплатное предоставление, выкуп и оформление ранее возникших прав. Такое двоякое употребление создает теоретическую неопределенность и подтверждает вывод о необходимости более строгого разграничения приватизации и иных способов приобретения участков.

Исторический анализ установил, что современная конструкция института возникла как результат поэтапной земельной реформы. Первоначальный отказ от государственной монополии на землю был закреплен в Законе РСФСР «О земельной реформе» 1990 года и последующих актах аграрного преобразования. Конституция РФ 1993 года придала этому процессу конституционный статус, признав многообразие форм собственности и право граждан иметь землю в частной собственности, но одновременно закрепив пределы осуществления правомочий собственника в интересах охраны окружающей среды и прав других лиц. В дальнейшем Земельный кодекс РФ и специальное законодательство оформили более системную модель оборота земли, хотя многие проблемы переходного периода сохранились в правоприменении.

Нормативный анализ показал, что приватизации не подлежит значительный массив земель, поскольку их оборотоспособность ограничена или исключена законом. К числу неотчуждаемых отнесены участки лесного и водного фондов, земли особо охраняемых природных территорий, общего пользования, загрязненные опасными веществами, а также участки, зарезервированные для государственных или муниципальных нужд. Кроме того, ограничения затрагивают и субъектный состав: например, иностранные граждане и иностранные юридические лица не могут обладать правом собственности на определенные земельные участки, в том числе на приграничных территориях. Следовательно, приватизация земли в РФ изначально не строилась как универсальный механизм свободного рыночного отчуждения, а была встроена в систему публичных запретов и оговорок.

Существенным результатом стало также подтверждение принципа единства судьбы объекта недвижимости и земельного участка под ним. Законодательство и судебная практика исходили из того, что приватизация зданий, строений и сооружений, а также имущественных комплексов унитарных предприятий сопровождалась одновременным отчуждением необходимых для их использования земельных участков, если иное не установлено федеральным законом. Собственники объектов недвижимости, расположенных на публичной земле, были ориентированы на приобретение участка в собственность либо на оформление аренды, а отказ в таком оформлении допускался лишь в законно установленных случаях. Тем самым приватизация земли выступала не изолированным актом, а элементом более общей модели недвижимого имущественного комплекса.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют утверждать, что теоретическое ядро института приватизации земельных участков в РФ образует сочетание трех начал: цивилистического, земельно-правового и публично-правового. Цивилистическое начало проявляется в том, что итогом приватизации выступает возникновение права частной собственности как полного вещного права с правомочиями владения, пользования

и распоряжения. Земельно-правовое начало выражается в специальном режиме объекта, поскольку земельный участок всегда сохраняет категорию, разрешенное использование, территориальные ограничения и связь с требованиями рационального землепользования. Публично-правовое начало проявляется в том, что государство не только отчуждает участок, но и сохраняет регулятивный контроль над допустимостью такого отчуждения, составом участков, процедурами и регистрацией прав.

Дискуссионным остается вопрос о том, следует ли включать безвозмездные случаи передачи земли в понятие приватизации. В пользовательских источниках обоснованно отмечалось, что действующее законодательство и практика допускают как возмездные, так и в отдельных случаях безвозмездные формы перехода участков в частную собственность, особенно если речь идет об участках, ранее предоставленных гражданам на иных вещных титулах, либо о переходных механизмах, связанных с ранней земельной реформой. Вместе с тем буквальное содержание Федерального закона № 178-ФЗ ориентировано преимущественно на возмездное отчуждение имущества. Это расхождение показывает, что научное понятие приватизации земли шире, чем конструкция, используемая в специальном законе о приватизации имущества, а потому требует осторожного контекстуального употребления.

Еще одна важная проблема состоит в зависимости приватизации от качества кадастровой и регистрационной инфраструктуры. Судебные материалы и современные данные о состоянии учета недвижимости подтверждают, что отсутствие точных границ, наложение участков, неоформленные ранее возникшие права и ошибки в правоустанавливающих документах существенно затрудняли реализацию прав граждан и юридических лиц. Усиление требований к межеванию и регистрации, рост числа объектов с оформленными правами и развитие цифровых сервисов Росреестра свидетельствуют о постепенном переходе от реформы распределения земли к реформе правовой определенности земельного оборота. Следовательно, современное теоретическое понимание приватизации уже невозможно без учета роли ЕГРН, кадастра и комплексных кадастровых работ.

Заключение

Проведенное исследование показало, что приватизация земельных участков в Российской Федерации представляет собой сложный межотраслевой институт, сформировавшийся в результате земельной реформы и последующей кодификации имущественных отношений. Ее нельзя сводить ни к простому отчуждению публичного имущества, ни к любому приобретению земли из государственной или муниципальной собственности. В строгом смысле речь идет о специальном юридическом механизме прекращения публичной собственности и возникновения частной собственности в случаях и порядке, прямо установленных законодательством.

Установлено, что теоретические основы института определяют особую природу земли как объекта права. С одной стороны, земля включена в систему гражданского оборота и может принадлежать гражданам и юридическим лицам на праве собственности. С другой стороны, она сохраняет публичную, экологическую и территориальную функцию, что предопределяет ограничения оборотоспособности, особые процедуры предоставления и специальные гарантии защиты публичных интересов. Именно поэтому современная приватизация земельных участков в РФ выступает правовой формой баланса частного интереса в приобретении имущества и публичного интереса в рациональном использовании и охране земли.

Наиболее значимыми теоретическими выводами стали разграничение приватизации в узком и широком смысле, подтверждение принципа единства судьбы объекта недвижимости и земельного участка, а также выявление ключевой роли кадастрово-регистрационной определенности для полноценной реализации права собственности. Перспективы дальнейшего развития института связаны не столько с расширением числа приватизируемых объектов, сколько с повышением нормативной определенности, единообразия судебной практики и качества правового учета земельных участков.

Литература

1. Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ред. от 15.12.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://smao.ru/files/content/Zakoni/2026/federalnyj_zakon_ot_21.12.2001_n_178-fz_red._ot_15.12.2025.pdf
2. В России на 25% выросло число нотариальных сделок с земельными участками [Электронный ресурс] // РБК Недвижимость. URL: <https://realty.rbc.ru/news/69f87aa19a79474adb1fa594>
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026)

[Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс // – URL: <http://www.consultant.ru>

4. Оформление приватизированных земельных участков [Электронный ресурс] // СРО кадастровых инженеров – ГКИ. URL: <https://kadastrosro.ru/index.php/polezno-znat/statii-obsukdeniy/29-sro-kadastrovih-injenerov-statij/484-oformlenie-privatizirovannykh-zemelnykh-uchastkov> «Земля для стройки» и НСПД: как Росреестр открыл 191,5 тыс. га для жилья и повысил оборот земли [Электронный ресурс] // Цифрастрой. URL: <https://cifrastroy.ru/reviews/kak-servisy-zemlja-dlja-strojki-i-nspd-transformirujut-rynok-zemel-pod-stroitelstvom>

5. Порядок приватизации земельного участка – ЕЮС [Электронный ресурс] // els24.com. URL: <https://els24.com/article/1117-privatizatsiya-zemel'nogo-uchastka/>

6. Федеральный закон от 21.12.2001 N 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (ред. от 15.12.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://smao.ru/files/content/Zakoni/2026/federalnyj_zakon_ot_21.12.2001_n_178-fz_red._ot_15.12.2025.pdf

7. Халмаков А.Д. Правовое регулирование приватизации государственного и муниципального имущества по законодательству Российской Федерации // Актуальные исследования. 2025. С. 35.

8. Беликова В.И. Законодательство в сфере приватизации земельных участков // Вестник науки. 2023. Т. 5, № 6 (63). С. 142–147.

9. Селиверстова В. А., Сороколетова М.А. Правовые аспекты реформирования земельных отношений в России в 90-х годах XX века Legal aspects of land relations reform in Russia in the 1990s.

10. Макарян А.А. Проблемы российского законодательства // Цифровое право. 2024. С. 42.

11. Федотов В. А., Матчюнова О.А. Проблемы судебной практики в вопросе реализации собственниками и арендаторами своих прав в земельных правоотношениях // Вопросы российской юстиции. 2023. № 27. С. 374–384.

12. Брыжко И.В. Основы землеустройства. 2025.

13. Михлина Н.В. Защита прокурором публичных интересов в сфере земельных правоотношений. 2023.

14. Жиентаев С. М., Мишулина О.В., Исмуратова Г.С. ББК 65.012.1я73 Ж 69. 2021.

15. Мельников М.В. Приватизация публичного пространства: теоретико-методологический анализ.

16. Леонтьева О.Л. Программа рассмотрена на заседании кафедры экономики. Протокол № 11–1 от 02.06.2021 года. Зав. кафедрой – ДР Вахитов 02.06.2021 г. Программа рассмотрена на заседании цикловой методической (предметной) комиссии. Протокол заседания № 5 от 16.06.2021 года.

17. Скатов М.А. Развитие методов оценки стоимости земельного участка как актива корпорации.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF LAND PRIVATIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kurnosov V.M.

Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the theoretical foundations of the privatization of land plots in the Russian Federation as a special institution of land and civil law, formed at the junction of land reform, constitutional recognition of private property and the subsequent codification of the procedure for the turnover of public lands. It is shown that the privatization of land plots is not any acquisition of land into private ownership, but a legally special way of terminating state or municipal ownership and the emergence of ownership rights of citizens and legal entities in the forms and limits prescribed by law. The historical prerequisites for the establishment of the institute, its regulatory framework, the relationship between the Civil Code of the Russian Federation, the Land Code of the Russian Federation and Federal Law № 178-FZ, as well as restrictions on the turnover of certain categories of land are considered. The research was based on formal legal, systematic and comparative legal methods, and the empirical basis was based on the provisions of legislation, the legal positions of the supreme courts and doctrinal approaches reflected in modern literature. It is established that the modern model of land privatization in the Russian Federation is based on a combination of a private-law mechanism for acquiring property with public-law restrictions caused by the environmental, territorial and social functions of the land. It is revealed that the key theoretical problems are related to the ambiguity of the concept of privatization, the differentiation of the general rules for the provision of land and special privatization procedures, as well as the need to take into account the actual land use, registration of rights and precise definition of the boundaries of the site.

Keywords: land privatization, land reform, state ownership of land, municipal ownership, land turnover, land law, ownership

References

1. Federal Law of December 21, 2001, № 178-FZ «On the Privatization of State and Municipal Property» (as amended on December 15, 2025) [Electronic resource] //

ConsultantPlus. URL: https://smao.ru/files/content/Zakoni/2026/federalnyj_zakon_ot_21.12.2001_n_178-fz_red_ot_15.12.2025.pdf

2. The number of notarial land transactions in Russia has increased by 25% [Electronic resource] // RBC Real Estate. URL: <https://realty.rbc.ru/news/69f87aa19a79474adb1fa594>

3. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 N 136-FZ (as amended on January 30, 2026) (as amended and supplemented, entered into force on March 1, 2026) [Electronic resource] // SPS ConsultantPlus // – URL: <http://www.consultant.ru>

4. Registration of privatized land plots [Electronic resource] // SRO of cadastral engineers – GKI. URL: <https://kadastrsro.ru/index.php/polezno-znat/statii-obsukdeniy/29-sro-kadastrvoh-injenerov-statii/484-oformlenie-privatizirovannykh-zemelnykh-uchastkov> «Land for Construction» and the National Land Register: How Rosreestr Opened Up 191,500 Hectares for Housing and Increased Land Turnover [Electronic Resource] // Cifrastroy. URL: <https://cifrastroy.ru/reviews/kak-servisy-zemlja-dlja-strojki-i-nspd-transformirujut-rynok-zemel-pod-stroitelst>

5. Land Plot Privatization Procedure – EUS [Electronic Resource] // els24.com. URL: <https://els24.com/article/1117-privatizatsiya-zemelnogo-uchastka/>

6. Federal Law of December 21, 2001 № 178-FZ «On the Privatization of State and Municipal Property» (as amended on December 15, 2025) [Electronic resource] // ConsultantPlus. URL: https://smao.ru/files/content/Zakoni/2026/federalnyj_zakon_ot_21.12.2001_n_178-fz_red_ot_15.12.2025.pdf

7. Khalmakov A.D. Legal regulation of the privatization of state and municipal property under the legislation of the Russian Federation // Current research. 2025. P. 35.

8. Belikova V.I. Legislation in the Sphere of Land Privatization // Bulletin of Science. 2023. Vol. 5, № 6 (63). P. 142–147.

9. Seliverstova V.A., Sorokoletova M.A. Legal Aspects of Land Relations Reform in Russia in the 1990s.

10. Makaryan A.A. Problems of Russian Legislation // Digital Law. 2024. P. 42.

11. Fedotov V.A., Matchonova O.A. Problems of Judicial Practice in the Issue of the Exercise of Rights in Land Relations by Owners and Tenants // Issues of Russian Justice. 2023. № 27. P. 374–384.

12. Bryzhko I.V. Fundamentals of Land Management. 2025.

13. Mikhlina N.V. Protection of Public Interests in Land Relations by the Prosecutor. 2023.

14. Zhientaev S.M., Mishulina O.V., Ismuratova G.S. BBK 65.012. 1ya73 Zh 69. 2021.

15. Melnikov M.V. Privatization of Public Space: Theoretical and Methodological Analysis.

16. Leontyeva O.L. The program was reviewed at a meeting of the Department of Economics. Minutes № 11–1 dated 02.06.2021. Head of Department – DR Vakhitov 02.06.2021. The program was reviewed at a meeting of the cyclic methodological (subject) commission. Minutes of meeting № 5 dated June 16, 2021.

17. Skatov M.A. Development of methods for assessing the value of a land plot as a corporate asset.

Правовые формы и пределы закрепления бережливого управления в локальном нормотворчестве проектной организации

Латыпов Артём Маратович,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 202100@edu.fa.ru

Клявляев Дамир Ренатович,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kldamir11@gmail.com

Неткач Алексей Павлович,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 223584@edu.fa.ru

Елькина Екатерина Романовна,

Донской государственный технический университет
E-mail: elkenakate1221@gmail.com

Кызыл-оол Монгун-Ай Вячеславовна,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: m.kyzyl@mail.ru

Внедрение бережливого управления в деятельность проектной организации принято рассматривать как управленческую задачу, хотя реализуется оно через локальное нормотворчество: принятие и изменение локальных нормативных актов, регламентов, должностных инструкций, штатного расписания. Правовая сторона этого процесса остаётся малоизученной. В статье бизнес-модель организации раскрывается через её правовое тело, а внедрение бережливых практик рассматривается как вмешательство во внутренний правопорядок. Центральная проблема видится в несовпадении подвижной, склонной к постоянному пересмотру природы бережливого управления и формализованного, относительно устойчивого характера локального нормативного акта. В статье анализируются правовые формы институционализации бережливых практик и пределы локального нормотворчества, вытекающие из трудового законодательства (статьи 8, 74, 372 Трудового кодекса РФ) и из общих границ корпоративного саморегулирования. Предлагается соотносить жёсткость правового закрепления со степенью устойчивости конкретного бережливого элемента, а избирательность («точечность») внедрения трактовать как решение о выборе правовой формы и меры нормативной жёсткости. Результативность внедрения ставится в зависимость от качества локального регулирования.

Ключевые слова: локальные нормативные акты; локальное нормотворчество; бережливое управление; бережливое производство; проектная организация; внутренний правопорядок организации; корпоративное саморегулирование; пределы локального регулирования; стандарт организации; трудовое право.

Введение

Управленческая литература описывает внедрение бережливого производства как последовательность организационных решений: руководство выявляет потери, выстраивает поток создания ценности, передаёт инициативу по улучшениям на уровень рядовых исполнителей. Юридическая сторона этого процесса обычно остаётся за кадром, как если бы переход к бережливому управлению происходил помимо права. Между тем ни одно сколько-нибудь устойчивое изменение в работе организации не существует вне правовой формы. Новый порядок организации рабочих мест закрепляется в правилах внутреннего трудового распорядка или в стандарте организации, перераспределение функций отражается в должностных инструкциях и штатном расписании, изменённая последовательность операций фиксируется в регламентах и технологических картах. Иными словами, бережливое управление входит в организацию не абстрактной идеей, а совокупностью локальных нормативных актов, которые эту идею закрепляют.

Сказанное в полной мере касается проектной организации, выполняющей проектные и изыскательские работы для строительства. Её деятельность подчинена плотной внешней регламентации (членству в саморегулируемой организации, требованиям к составу и содержанию проектной документации, экспертизе и т.п.) а внутренняя жизнь упорядочена системой локальных актов, регламентов и должностных инструкций, без которых проектное производство неуправляемо. Когда такая организация решает внедрить бережливые практики, она вынуждена переписывать часть этих документов, и вопрос о том, как сделать это корректно, оказывается юридическим, а не только управленческим.

Понятие «бизнес-модель», вынесенное в постановку проблемы, экономично по своему происхождению и описывает способ, которым организация создаёт и удерживает ценность. У него, однако, есть правовое тело: организационная структура, штатное расписание, система должностных инструкций, внутренних регламентов и стандартов. С этой точки зрения вмешательство в бизнес-модель есть вмешательство во внутренний правопорядок организации, и по этой причине оценка результативности такого вмешательства не может оставаться чисто экономической.

В настоящей статье мы исходим из того, что у бережливого управления и у локального нормативного акта разная природа. Бережливое управление подвижно, оно держится на культуре постоянных улучшений, на готовности пересматривать однажды установленный порядок, на инициативе снизу. Локальный нормативный акт, напротив, формализован и сравнительно устойчив, его принятие и изменение подчинены процедуре, а содержание ограничено законодательством. Когда бережливые практики закрепляются в локальном акте, подвижная управленческая материя оказывается помещённой в относительно жёсткую правовую оболочку. Отсюда два связанных вопроса, которым посвящена статья: какие правовые формы способны удержать гибкость бережливого управления, не превращая её в мёртвый регламент, и где проходят пределы, за которые локальное нормотворчество выходить не вправе?

Правовое тело бизнес-модели и природа локального нормотворчества организации

Идея о том, что предприятие представляет собой не только хозяйственную, но и нормативную целостность, в отечественной науке не нова. Ещё Л.С. Таль, описывая «хозяйскую власть» нанимателя, показал, что внутри предприятия складывается особый правопорядок, в рамках которого работодатель устанавливает обязательные правила поведения, а работник им подчиняется [6]. Эта мысль о внутреннем правопорядке организации получила развитие в учении о корпоративных нормах. Т.В. Кашанина рассматривает корпоративное право как автономную подсистему, в которой наряду с нормами государства действуют нормы, создаваемые самими организациями для упорядочения собственной деятельности [4]. Организация в таком прочтении выступает субъектом саморегулирования, а её внутренние документы – формой существования корпоративных норм.

Легальную опору этот взгляд находит в статье 8 Трудового кодекса РФ, согласно которой работодатель принимает локальные норма-

тивные акты в пределах своей компетенции [8]. Природа локального нормативного акта подробно исследована Г.В. Хныкиным, выделившим его признаки: подзаконность, принятие работодателем единолично или с учётом мнения представительного органа, распространение на неопределённый круг работников, рассчитанность на неоднократное применение [10; 11, с. 44–45]. Эти признаки отличают локальный нормативный акт от акта правоприменения (приказа о переводе конкретного работника) и от организационно-распорядительного документа разового действия.

Важное уточнение вносит И.С. Шиткина, рассматривающая внутренние (локальные) документы коммерческой организации как инструмент корпоративного регулирования. Не всякий внутренний документ нормативен: наряду с актами, содержащими общеобязательные правила, существуют документы индивидуального и организационного характера, не создающие норм [12]. Это разграничение, на первый взгляд сугубо доктринальное, приобретает прямое практическое значение при внедрении бережливого управления. От того, придаётся ли той или иной бережливой практике форма нормативного акта либо форма необязательной методической рекомендации, зависит и степень её обязательности, и порядок её изменения, и пределы, которыми она связана.

Локальный нормативный акт обладает двойственной принадлежностью. Со стороны трудового права он выступает источником, регулирующим отношения работодателя и работников; со стороны корпоративного права – инструментом, посредством которого организация оформляет собственный хозяйственный уклад. Эта двойственность не теоретическая абстракция. Положение об оплате труда есть одновременно акт трудового права (оно регулирует условия оплаты) и элемент бизнес-модели (оно отражает то, как организация распределяет создаваемую ценность). Регламент прохождения проектной документации внутри организации точно так же принадлежит обоим измерениям: он и определяет трудовые обязанности проектировщиков, нормоконтролёров, главных инженеров проекта, и описывает производственный процесс, в котором создаётся ценность для заказчика.

Если разложить бизнес-модель проектной организации на правовые составляющие, обнаружится, что почти каждый её элемент имеет нормативное выражение. Организационная структура закреплена в штатном расписании и положениях о подразделениях. Распределение функций между работниками задано должностными инструкциями. Производственный процесс (последовательность, в которой техническое задание превращается в готовую проектную документацию) описан в регламентах, стандартах организации, технологических картах. Система контроля качества опирается на положение о нормоконтроле и, если организация сертифицирована по ГОСТ Р ИСО 9001, на документированную информацию системы менеджмента качества [3]. Бережливое управление, вторгаясь в производственный процесс, неизбежно затрагивает этот нормативный слой, и вопрос о правовых формах его закрепления оказывается вопросом о том, какие из перечисленных актов и каким образом подлежат изменению.

Формы юридической институционализации бережливого управления

Бережливое производство не является однородной материей. Оно складывается из элементов разной природы: одни описывают устойчивый стандарт (определённую раскладку инструмента на рабочем месте, фиксированную последовательность операций), другие представляют собой процесс непрерывного изменения этого стандарта. Различие между ними имеет прямые правовые следствия, поскольку устойчивый стандарт сравнительно легко поддаётся формализации, тогда как процесс постоянного пересмотра ей сопротивляется.

Элементы первого рода переводятся в правовую форму без особого напряжения. Система организации рабочего пространства, известная как 5S, описана в национальном стандарте и может быть закреплена стандартом организации либо включена в правила внутреннего трудового распорядка [2]. Стандартизация операций, составляющая ядро бережливого подхода, оформляется регламентами и технологическими картами; требования к самим системам бережливого производства установлены ГОСТ Р 56404 [1]. Практики визуализации производственного процесса описываются в стандарте организации со ссылкой на соответствующий национальный стандарт. Во всех этих случаях управленческая практика обретает форму стандарта организации – документа, предусмотренного законодательством о стандартизации и приобретающего после утверждения обязательную силу внутри организации [9]. Стандарт организации становится локальным нормативным актом в том смысле, какой придаёт этому понятию трудовое право: он устанавливает обязательные для работников правила и расчитан на неоднократное применение.

Сложность возникает с элементами второго рода. Кайдзен, культура постоянных улучшений, по самой своей сути есть отказ от окончательной фиксации производственного порядка. Работник, заметивший потерю, предлагает изменение; принятое изменение становится новым стандартом, который, в свою очередь, открыт для следующего улучшения. Поместить этот процесс в локальный нормативный акт затруднительно, потому что акт по природе своей фиксирует, а кайдзен по природе своей расфиксирует. Организация может принять положение о подаче и рассмотрении предложений по улучшениям, описав процедуру: кто подаёт предложение, кто его оценивает, как принятое предложение внедряется. Однако такое положение регулирует лишь оболочку процесса, его процедурную рамку, но не содержание улучшений, которое остаётся принципиально изменчивым.

Здесь обнаруживается коллизия, составляющая, на наш взгляд, правовое существо проблемы. Теоретики бережливого строительства давно настаивают на том, что бережливый подход есть философия создания ценности, а не жёсткая модель с предписанным набором шагов. Л. Коскела, перенёсший идеи бережливого производства в строительство, противопоставил бережливое понимание производства как потока традиционному пониманию его как набора дискретных операций и подчёркивал, что речь идёт о новом способе мышления, а не о готовом регламенте [14]. Дж. Лайкер, обобщивший управленческие принципы Toyota, отнёс к их числу непрерывное совершенствование и уважение к людям, то есть начала, которые невозможно исполнить по предписанию, поскольку они описывают культуру, а не процедуру [15]. Система последнего планировщика, предложенная Г. Боллардом для управления строительными проектами, тоже построена на гибком планировании, при котором обязательства формируются снизу, теми, кто непосредственно выполняет работу, а не спускаются готовым планом сверху [13]. Бережливое управление, таким образом, ценно своей подвижностью, а локальный нормативный акт ценен своей устойчивостью, и прямое наложение одного на другое грозит утратой того, ради чего внедрение затевалось.

Продemonстрируем это на конкретном примере. Допустим, проектная организация закрепила стандартом организации схему визуального управления ходом проектирования: расположение информационных стендов, цветовую кодировку статусов разделов проекта, периодичность совещаний у стенда. Через полгода работы проектная группа находит более удачную компоновку стенда, сокращающую время на поиск информации. С управленческой точки зрения это рядовое улучшение, равно то, к чему бережливый подход и стремится. С правовой же точки зрения действующий стандарт организации этому улучшению препятствует: пока он не изменён в установленном порядке, обязательной остаётся прежняя схема. Чем детальнее стандарт фиксирует производственный порядок, тем чаще его придётся пересматривать, и тем сильнее процедура изменения акта начинает тормозить ту самую гибкость, которую бережливое управление призвано обеспечить. Жёсткость правовой формы оборачивается против содержания.

Отсюда следует, что выбор правовой формы для бережливой практики не безразличен к её природе. Устойчивый стандарт уместно закреплять обязательным актом, тогда как изменчивый процесс требует иной, более мягкой формы, оставляющей пространство для пересмотра без громоздкой процедуры. К этому различию мы вернёмся в четвёртом разделе, поскольку оно образует, как представляется, ключ к практическому решению проблемы.

Пределы локального нормотворчества

Очевидно, что локальное нормотворчество не безгранично. Организация, оформляя бережливые практики, связана пределами, которые имеют двоякую природу – содержательную и процедурную, – и оба вида ограничений вытекают прежде всего из трудового законодательства.

Содержательный предел установлен частью четвёртой статьи 8 Трудового кодекса РФ: нормы локальных нормативных актов, ухудшающие положение работников по сравнению с трудовым законодательством, а равно акты, принятые без соблюдения порядка учёта мнения представительного органа работников, не подлежат применению, и в соответствующих случаях применяется трудовое законодательство [8]. Это ограничение имеет для бережливого управления прямое значение. Сокращение потерь, к которому стремится бережливый подход, легко может обернуться интенсификацией труда: уплотнением рабочего времени, повышением норм выработки, расширением круга обязанностей. Если такое уплотнение оформляется локальным актом и ухудшает положение работников по сравнению с законом, акт в этой части лишается силы независимо от его управленческой целесообразности.

Процедурный предел задан статьёй 74 Трудового кодекса РФ, регулирующей изменение определённых сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организацион-

ных или технологических условий труда [8]. Внедрение бережливого управления – это характерный случай таких организационных изменений, и потому статья 74 оказывается одной из центральных норм для рассматриваемой проблемы. Она допускает одностороннее изменение условий трудового договора работодателем, но обставляет его жёсткими условиями: работник должен быть уведомлён в письменной форме не позднее чем за два месяца, трудовая функция изменению не подлежит, а новые условия не могут ухудшать положение работника по сравнению с коллективным договором и соглашениями. Конституционный Суд РФ истолковал эту норму ограничительно, указав, что одностороннее изменение допустимо лишь при действительном изменении организационных или технологических условий труда, наличие которого работодатель обязан доказать. Перераспределение функций между проектировщиками в ходе перехода на бережливую модель, изменение их должностных обязанностей, корректировка режима работы у визуальных стендов – всё это затрагивает условия трудовых договоров и потому не может вводиться простым изданием регламента в обход процедуры статьи 74.

К процедурным пределам относится и требование учёта мнения представительного органа работников при принятии локальных нормативных актов в случаях, предусмотренных законом. Порядок такого учёта подробно урегулирован статьёй 372 Трудового кодекса РФ, и его несоблюдение, как уже отмечено, влечёт неприменимость акта в силу статьи 8 [8]. В научно-практической литературе справедливо обращается внимание на то, что работодатель нередко недооценивает это требование, рассматривая локальное нормотворчество как сферу собственного безраздельного усмотрения [5]. Применительно к бережливому управлению такая недооценка особенно опасна, поскольку затрагиваемые им акты (положения об оплате и стимулировании, правила внутреннего трудового распорядка, документы о нормировании труда) как раз и относятся к числу тех, по которым учёт мнения профсоюзного органа чаще всего обязателен.

За этими конкретными нормами стоит более общий принцип, касающийся границ саморегулирования как такового. Ю.А. Тихомиров, анализируя соотношение права и саморегулирования, подчёркивал подчинённость самостоятельно устанавливаемых правил законодательным рамкам [7, с. 89]. Локальная норма остаётся нормой подзаконной, и автономия организации в установлении внутреннего порядка простирается лишь до той черты, за которой начинается императивное регулирование, защищающее работника как более слабую сторону.

Здесь уместно сделать наблюдение, которое выводит проблему за пределы привычного противопоставления управленческой целесообразности и правового ограничения. Бережливое управление в его подлинном виде не противостоит трудовым гарантиям, а во многом с ними совпадает. Принцип уважения к людям, который Дж. Лайкер ставит в один ряд с непрерывным совершенствованием, предполагает, что улучшения исходят от работников и опираются на их вовлечённость, а не навязываются им ценой переработок и принуждения. Положение, обязывающее работников под угрозой дисциплинарного взыскания подавать определённое число предложений по улучшениям, противоречило бы не только статье 8 Трудового кодекса (как ухудшающее положение работников), но и самой природе кайдзена, который держится на добровольной инициативе и теряет смысл, когда становится принудительной повинностью. Трудовые пределы в этом свете предстают не внешней помехой бережливому управлению, а условием его подлинности: то, что нарушает права работника, обыкновенно оказывается и плохим бережливым производством.

Качество локального регулирования и избирательность внедрения

Если согласиться с тем, что бережливое управление реализуется через локальное нормотворчество, придётся пересмотреть и вопрос о результативности внедрения. Оценивать предстоит не управленческое вмешательство само по себе, а результативность выбранной для него правовой формы: способность принятого акта удержать закреплённую практику и не вступить в противоречие с законодательством и с другими внутренними документами организации. На первый план в такой постановке выходит качество локального регулирования.

Качество это складывается из определённости формулировок, согласованности акта с другими локальными актами и соблюдения юридической техники. Дефектный стандарт организации не удержит практику, ради которой принят. Если стандарт, описывающий бережливую процедуру, противоречит действующим правилам внутреннего трудового распорядка, возникает коллизия внутренних актов, которую работники разрешат в свою пользу либо которая попросту парализует исполнение. Если формулировки стандарта расплывчаты и допускают разное понимание, закреплённая практика размывается, а внедрение

остаётся декларативным. Результативность внедрения, таким образом, прямо зависит от того, насколько грамотно проведена правовая работа, и эта зависимость переводит оценку из экономической плоскости в правовую.

Из различия между устойчивыми и изменчивыми элементами бережливого производства, обозначенного во втором разделе, вытекает, как представляется, практическое решение, которое позволяет согласовать гибкость управления с устойчивостью правовой формы. Жёсткость правового закрепления следует соотносить со степенью устойчивости закрепляемого элемента. Устойчивые стандарты, не предполагающие частого пересмотра, уместно закреплять обязательными актами – стандартами организации, регламентами, положениями. Изменчивые же процессы, и прежде всего кайдзен, целесообразно оформлять иначе: рамочным актом, который закрепляет процедуру и общие принципы, делегируя конкретное содержание документам низшего уровня, более простым в изменении, либо вовсе оставляя его в форме методических рекомендаций, не обладающих нормативной обязательностью. Возможность такого разграничения опирается на уже упомянутое различие нормативных и ненормативных внутренних документов: организация вправе сознательно выбирать, какой практике придать обязательную нормативную форму, а какую оставить в поле мягкого, легко пересматриваемого регулирования.

В управленческом прочтении точечность означает выбор участка, на котором бережливые инструменты применяются в первую очередь. В правовом же прочтении она оборачивается решением о выборе правовой формы и меры нормативной жёсткости: что закрепить обязательным актом, а что оставить рекомендательной практикой или мягкой внутренней нормой. Избирательность внедрения предстаёт не только управленческим, но и юридическим решением, и от его обоснованности зависит, окажется ли закреплённая практика жизнеспособной. Точечное внедрение в этом смысле есть способ распределить нормативную жёсткость по элементам бережливой системы соотносно их природе, закрепляя устойчивое прочно и оставляя изменчивому пространство для пересмотра.

Проиллюстрируем сказанное. Проектная организация, переходящая на бережливую модель, может закрепить стандартом организации устойчивый стандарт организации рабочих мест и базовую последовательность прохождения проектной документации, поскольку эти элементы пересматриваются редко. Процедуру же непрерывных улучшений ей разумнее оформить рамочным положением, описывающим лишь порядок подачи и рассмотрения предложений, а конкретные стандарты, рождающиеся из этих улучшений, фиксировать рабочими документами уровня проектной группы, изменение которых не требует прохождения всей процедуры принятия локального акта. При такой архитектуре устойчивое получает прочную правовую форму, а изменчивое сохраняет необходимую ему подвижность, и противоречие между природой бережливого управления и природой локального акта если не снимается полностью, то существенно смягчается.

Заключение

Внедрение бережливого управления в проектную организацию, при ближайшем рассмотрении, оказывается не чисто управленческим, а правовым по своей реализации процессом. Бережливые практики входят в организацию через её внутренний правопорядок, обретая форму локальных нормативных актов, регламентов, должностных инструкций, стандартов организации, и потому подчиняются логике и пределам локального нормотворчества.

Центральная трудность коренится в несовпадении природ. Бережливое управление подвижно и живёт постоянным пересмотром однажды установленного порядка, тогда как локальный нормативный акт формализован и устойчив. Прямое наложение жёсткой правовой формы на изменчивое управленческое содержание грозит утратой гибкости, ради которой внедрение и предпринимается. Предложенное в работе решение состоит в том, чтобы соотносить меру нормативной жёсткости со степенью устойчивости закрепляемого элемента: устойчивое закреплять обязательными актами, изменчивое оставлять в поле мягкого, легко пересматриваемого регулирования. Избирательность («точечность») внедрения раскрывается при этом как юридическое решение о выборе правовой формы, а результативность внедрения – как функция качества проведённой правовой работы.

Пределы локального нормотворчества, вытекающие из статей 8, 74 и 372 Трудового кодекса РФ и из общих границ корпоративного саморегулирования, очерчивают пространство, в котором это решение принимается. Важно, что названные пределы не противостоят бережливому управлению как внешняя помеха, а во многом совпадают с его собственным принципом уважения к работнику: нарушающее права

работника, как правило, оказывается и несостоятельным с точки зрения бережливого подхода.

Сказанное намечает направление дальнейшего исследования. Сформулированные положения нуждаются в эмпирической проверке на материале конкретных организаций, а отсутствие на сегодняшний день судебной практики, прямо касающейся правового закрепления бережливых практик, оставляет открытым вопрос о том, как суды будут оценивать локальные акты, оформляющие бережливое производство, на предмет их соответствия трудовому законодательству. Появление такой практики позволит проверить и уточнить предложенный в настоящей статье подход.

Литература

1. ГОСТ Р 56404–2021. Бережливое производство. Требования к системам менеджмента: утв. приказом Росстандарта от 27 апреля 2021 г. № 288-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. ГОСТ Р 56906–2015. Бережливое производство. Организация рабочего пространства (5S). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. ГОСТ Р ИСО 9001–2015. Системы менеджмента качества. Требования: утв. приказом Росстандарта от 28 сентября 2015 г. № 1391-ст. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кашанина Т.В. Корпоративное право (право хозяйственных товариществ и обществ): учебник. М.: НОРМА–ИНФРА–М, 1999.
5. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Ю.П. Орловский. 6-е изд. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА–М, 2014.
6. Таль Л.С. Очерки промышленного рабочего права. М., 1918.
7. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
9. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Хныкин Г.В. Локальные нормативные акты трудового права: монография. Иваново, 2004.
11. Хныкин Г.В. Понятие, признаки и классификация локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права // Законодательство. 2004. № 11. С. 44–45.
12. Шиткина И.С. Правовое регулирование коммерческих организаций внутренними (локальными) документами. М., 2003.
13. Ballard H.G. The Last Planner System of Production Control: PhD thesis. Birmingham: University of Birmingham, 2000.
14. Koskela L. Application of the New Production Philosophy to Construction: CIFE Technical Report No. 72. Stanford: Stanford University, 1992. 87 p.
15. Liker J.K. The Toyota Way: 14 Management Principles from the World's Greatest Manufacturer. New York: McGraw-Hill, 2004.

LEGAL FORMS AND LIMITS OF EMBEDDING LEAN MANAGEMENT IN THE LOCAL RULE-MAKING OF A DESIGN ORGANISATION

Latypov A.M., Klyavlyayev D.R., Netkach A.P., Elkina E.R., Kyzyl-ool M.-A. V.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Don State Technical University

The adoption of lean management by a design organisation is usually treated as a managerial task, although it is implemented through local rule-making: the enactment and amendment of local normative acts, internal regulations, job descriptions and staffing schedules. The legal dimension of this process remains under-studied. The article unfolds the organisation's business model through its legal body and treats the embedding of lean practices as an intervention into the organisation's internal legal order. The central problem is seen in the mismatch between the fluid, continuously revised nature of lean management and the formalised, relatively stable character of a local normative act. The author analyses the legal forms of institutionalising lean practices and the limits of local rule-making that follow from labour legislation (Articles 8, 74 and 372 of the Labour Code of the Russian Federation) and from the general boundaries of corporate self-regulation. It is proposed to align the rigidity of legal fixation with the degree of stability of the particular lean element, and to read the selectivity of adoption as a decision on the legal form and the measure of normative rigidity. The effectiveness of adoption is made dependent on the quality of local regulation.

Keywords: local normative acts; local rule-making; lean management; lean production; design organisation; internal legal order of an organisation; corporate self-regulation; limits of local regulation; organisational standard; labour law.

References

1. GOST R 56404–2021. Berezhlivoe proizvodstvo. Trebovaniya k sistemam menedzhmenta [Lean production. Requirements for management systems]: approved by Order of Rosstandart of April 27, 2021 No. 288-st. Available at "ConsultantPlus" legal reference system. (In Russ.)
2. GOST R 56906–2015. Berezhlivoe proizvodstvo. Organizatsiya rabochego prostranstva (5S) [Lean production. Workplace organization (5S)]. Available at "ConsultantPlus" legal reference system. (In Russ.)
3. GOST R ISO 9001–2015. Sistemy menedzhmenta kachestva. Trebovaniya [Quality management systems. Requirements]: approved by Order of Rosstandart of September 28, 2015 No. 1391-st. Available at "ConsultantPlus" legal reference system. (In Russ.)
4. Kashanina T.V. Korporativnoe pravo (pravo khozyaystvennykh tovarishchestv i obshchestv): uchebnik [Corporate law (the law of business partnerships and companies): textbook]. Moscow, NORMA–INFRA–M Publ., 1999. (In Russ.)
5. Kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) [Commentary on the Labor Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Yu.P. Orlovskiy (ed.). 6th ed. Moscow, KONTRAKT, INFRA–M Publ., 2014. (In Russ.)
6. Tal' L.S. Ocherki promyshlennogo rabochego prava [Essays on industrial labor law]. Moscow, 1918. (In Russ.)
7. Tikhomirov Yu.A. Pravo i samoregulirovanie [Law and self-regulation]. Zhurnal rossiyskogo prava, 2005, no. 9. (In Russ.)
8. Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 g. No. 197-FZ [Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ]. Sbranie zakonodatel'stva RF, 2002, no. 1 (part 1), art. 3. (In Russ.)
9. Federal'nyy zakon ot 29 iyunya 2015 g. No. 162-FZ "O standartizatsii v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of June 29, 2015 No. 162-FZ "On Standardization in the Russian Federation"]. Available at "ConsultantPlus" legal reference system. (In Russ.)
10. Khnykin G.V. Lokal'nye normativnye akty trudovogo prava: monografiya [Local normative acts of labor law: monograph]. Ivanovo, 2004. (In Russ.)
11. Khnykin G.V. Ponyatie, priznaki i klassifikatsiya lokal'nykh normativnykh aktov, soderzhashchikh normy trudovogo prava [The concept, features and classification of local normative acts containing labor law norms]. Zakonodatel'stvo, 2004, no. 11, pp. 44–45. (In Russ.)
12. Shitkina I.S. Pravovoe regulirovanie kommercheskikh organizatsiy vnutrennimi (lokal'nymi) dokumentami [Legal regulation of commercial organizations by internal (local) documents]. Moscow, 2003. (In Russ.)
13. Ballard H.G. The Last Planner System of Production Control. PhD thesis. Birmingham, University of Birmingham, 2000.
14. Koskela L. Application of the New Production Philosophy to Construction. CIFE Technical Report No. 72. Stanford, Stanford University, 1992. 87 p.
15. Liker J.K. The Toyota Way: 14 Management Principles from the World's Greatest Manufacturer. New York, McGraw-Hill, 2004.

Лошкарёва Елизавета Александровна,
бакалавр, Дальневосточный федеральный университет

Правовые вопросы, связанные с тайной усыновления, давно вызывают споры в доктрине и в правоприменительной практике. Понятие тайны усыновления в российском праве предполагает запрет на разглашение сведений об усыновлении без согласия усыновителей, причём охраняемый объём информации варьируется в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Правовой режим тайны усыновления складывается из нескольких взаимосвязанных признаков: обязательности для определённого круга профессиональных субъектов, волевого характера, при котором усыновители самостоятельно определяют пределы раскрытия сведений, а также публично-правовой направленности, ориентированной на поддержание стабильности семейных отношений.

Вместе с тем подобная конструкция порождает правовые коллизии, прежде всего в части соотношения интересов усыновителей и самостоятельных прав ребёнка на информацию о своём происхождении. Совершенствование законодательства в этой сфере требует переосмысления охранных механизмов с учётом баланса между конфиденциальностью семейной жизни и правом ребёнка знать собственную идентичность. Единого доктринального подхода к определению тайны усыновления в юридической науке так и не сложилось, что свидетельствует о сложной правовой природе данного института и необходимости его дальнейшего теоретического осмысления.

В последние годы обсуждение данной проблемы стало особенно актуальным. С одной стороны, сторонники строгой конфиденциальности указывают на необходимость защиты семьи от вмешательства извне, что может способствовать созданию безопасной среды для развития ребёнка. Кроме того, они подчеркивают важность сохранения семейных традиций и уклада, что является основой для формирования здоровой личности. С другой стороны, правозащитные организации акцентируют внимание на том, что право ребёнка знать своё происхождение является фундаментальным аспектом его личности. В этом контексте важно учитывать международный опыт, где подходы к тайне усыновления варьируются от полной открытости до строгой секретности.

Ключевые слова: тайна усыновления, семейное право, права ребёнка, конфиденциальность, правовое регулирование.

Тайна усыновления – правовой институт, за которым стоит немало споров и неоднозначных решений. Суть его сводится к следующему: определённый круг лиц обязан не разглашать сведения о самом факте усыновления, о биологических родителях ребёнка, об обстоятельствах его передачи в новую семью и о любых данных, по которым можно установить его происхождение.

Ребёнку, попавшему в новую семью, важно воспринимать её как единственную и настоящую, без постоянного напоминания о том, что когда-то всё складывалось иначе. Стабильность семейной среды в таких случаях во многом зависит от того, насколько окружение способно удержать информацию при себе [2, с. 111].

Что касается усыновителей, данный правовой механизм предоставляет им возможность самостоятельно решать, когда и кому раскрывать сведения об усыновлении. По существу, речь идёт об автономии семьи в вопросе, который затрагивает всех её членов одновременно. Вмешательство извне здесь способно причинить серьёзный вред и законодатель это учитывает.

Понятие тайны усыновления в юридической науке трактуется по-разному и единого подхода так и не сложилось, что говорит о непростой правовой природе этого института. В широком смысле речь идёт о совокупности сведений, раскрытие которых позволяет установить факт усыновления конкретного ребёнка конкретными людьми, не являющимися его биологическими родителями. При этом, сюда входит не только сам факт усыновления, но и данные о биологических родителях, место и время рождения ребёнка, его первоначальные персональные данные, а также любые обстоятельства, указывающие на изменение семейно-правового статуса. Объём охраняемой информации не фиксирован, он варьируется в зависимости от обстоятельств конкретного дела и во многом определяется волей самих усыновителей. Именно это придаёт институту выраженный диспозитивный характер, но на практике границы такой диспозитивности порой оказываются размытыми.

Правовой режим тайны усыновления складывается из нескольких взаимосвязанных признаков, которые определяют его природу и механизм действия. Обязательным он является прежде всего для чётко очерченного круга лиц: судей, рассматривающих соответствующие дела, сотрудников органов ЗАГС, работников опеки и попечительства, а также персонала медицинских и образовательных организаций – всех, кто получил сведения об усыновлении в рамках профессиональной деятельности. При этом, круг обязанных субъектов не исчерпывается. Режим распространяется и на тех, кто узнал о факте усыновления иным путём, если они используют полученные сведения вопреки интересам усыновителей или ребёнка. Подобная конструкция отражает публично-правовую природу данного института: его задача состоит в том, чтобы поддерживать стабильность семейных отношений, а не просто охранять частную информацию.

Следующая специфическая черта – волевой характер тайны усыновления. Режим конфиденциальности здесь напрямую зависит от позиции усыновителей потому, что они решают, раскрывать ли сведения об усыновлении и в какой мере. Логика такого подхода понятна – усыновители несут реальную ответственность за воспитание ребёнка и выстраивание его личности, а значит, располагают приоритетным правом определять, когда и как знакомить его с информацией о происхождении [5, с. 315–316].

Вместе с тем подобная конструкция неизбежно порождает правовые коллизии. Так, например, соотношение интересов усыновителей и самостоятельных прав ребёнка, которые отнюдь не всегда совпадают. Получается, что воля взрослых способна фактически перекрывать доступ ребёнка к сведениям о нём самом и это требует отдельного осмысления в рамках действующего регулирования.

Конфиденциальность сведений об усыновлении держится на системе правовых запретов, а именно на том, что закон прямо исключает раскрытие любых данных, по которым можно установить факт усыновления или происхождение ребёнка, если усыновители на это не согласны. Исключения предусмотрены, но их перечень строго ограничен.

Немаловажную роль здесь играет юридическая ответственность за нарушение этого режима. Уголовный закон устанавливает санкцию за разглашение тайны усыновления, и сам факт криминализации говорит о том, что охраняемые отношения признаются социально значимыми.

Вместе с тем практика применения этих норм раскрывает реальные трудности. Круг субъектов ответственности остаётся размытым, а критерии разграничения правомерного и противоправного поведения – недостаточно определёнными [4, с. 109].

Правовое регулирование тайны усыновления охватывает сразу несколько отраслей. Семейное законодательство фиксирует базовые требования к сохранению конфиденциальности, процессуальное право закрывает судебные заседания по соответствующим делам от посторонних, а уголовный закон предусматривает реальную ответственность за разглашение сведений. Вместе с тем действие этих норм не ограничивается судом и семьёй. Органы ЗАГС, медицинские учреждения, иные организации, располагающие сведениями об усыновлении: все они включены в общий режим охраны информации.

Законодатель уделяет тайне усыновления немало внимания, однако правоприменительная практика раз за разом показывает противоречия. Самое важное из них – столкновение интересов усыновителей, стремящихся сохранить семейную тайну, и ребёнка, имеющего право знать о своём происхождении [3, с. 33].

Ограничение доступа к сведениям о биологических родителях затрагивает не только самоидентификацию, но и практические вещи. Например, наследственные заболевания диагностируются точнее, когда врач располагает семейным анамнезом; без него лечение нередко строится вслепую.

Острее всего эта проблема даёт о себе знать тогда, когда усыновлённый достигает совершеннолетия. Право на информацию о собственном происхождении формально признано, но добиться её на практике крайне сложно. Действующее регулирование построено так, что взрослый человек нередко оказывается в тупике: сведения, от которых может зависеть его здоровье или личная история, попросту недоступны. Подобная ситуация уже сама по себе указывает на пробел: закон должен чётче определять, при каких условиях и в каком порядке эта информация может быть раскрыта с учётом прежде всего интересов самого усыновлённого.

Немало трудностей возникает ещё и потому, что в законе так и не закреплено внятного определения самой тайны усыновления, равно как и полного перечня сведений, которые под этот режим подпадают. Отсюда неизбежная неопределённость в правоприменении: одни и те же нормы на практике толкуются по-разному. Спорным остаётся и вопрос о том, на кого именно возлагается обязанность хранить тайну, а это напрямую сказывается на том, насколько эффективно защищается конфиденциальная информация.

Уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления на практике порождает немало сложностей. Формулировки соответствующих норм допускают неоднозначное толкование, что затрудняет квалификацию деяния и нередко ставит под сомнение, кого именно считать субъектом преступления, а кого – потерпевшим.

Отдельного внимания заслуживает соразмерность санкций. Разглашение сведений об усыновлении способно разрушить семью и причинить серьёзный моральный вред. Однако предусмотренные меры наказания в ряде случаев воспринимаются как несоответствующие реальной тяжести таких последствий [1, с. 28].

Цифровые технологии и социальные сети заметно осложнили задачу сохранения тайны усыновления. Самостоятельный поиск сведений о биологических родственниках стал доступен практически каждому, а это серьёзно подрывает те механизмы правовой защиты, которые формировались десятилетиями.

Поэтому нужны иные подходы к регулированию этой сферы. Утечка информации теперь происходит не только через официальные каналы, но и через неформальное общение – переписку, публикации, случайные упоминания в сети. Правовые нормы, рассчитанные на контроль институциональных источников, просто не охватывают этот пласт коммуникаций.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, допустимо ли раскрывать тайну усыновления в исключительных обстоятельствах – например, когда речь идёт о защите прав ребёнка или о рисках, возникающих из-за незнания его биологического происхождения. Суды, признают подобные ситуации возможными, однако их правовое регулирование по-прежнему сформулировано достаточно размыто. Отсюда и неизбежные расхождения в правоприменительной практике: при схожих обстоятельствах решения могут существенно различаться.

Таким образом, существующие правовые пробелы требуют законодательного вмешательства. Само понятие тайны усыновления нуждается в более точном содержательном наполнении: сейчас оно трактуется слишком широко, что порождает разночтения на практике. Стоит определить исчерпывающий перечень сведений, которые подлежат защите, и чётко обозначить круг лиц, на которых распространяется обязанность соблюдать конфиденциальность [6, с. 834].

Так же нужен механизм, который позволял бы учитывать интересы всех сторон – и усыновителей, стремящихся сохранить семейную тайну, и самого усыновлённого, чьё право знать о своём происхождении нельзя игнорировать. Разумным шагом стало бы закрепление в законе чётких процедур раскрытия информации – строго для отдельных, заранее оговорённых случаев (например, при наличии медицинских показаний или по достижении совершеннолетия).

Правовая культура граждан, вовлечённых в отношения по усыновлению, играет не меньшую роль, чем качество самого законодательства. Когда человек понимает, зачем существует тайна усыновления и что влечёт за собой её разглашение, он ведёт себя иначе – осматрительнее, внимательнее к последствиям своих слов и действий.

Таким образом, нормальная работа института тайны усыновления достигается только при сочетании двух направлений – доработки нормативной базы и последовательного формирования правосознания в обществе. Одно без другого даёт неполный результат.

Институт тайны усыновления выполняет реальную защитную функцию в сфере семейных отношений. Вместе с тем действующее правовое регулирование оставляет немало вопросов: нормы местами размыты, а интересы усыновителей и усыновлённого нередко вступают в прямое противоречие. Такой конфликт не решается простым указанием на приоритет одной из сторон. Найти баланс между правом на конфиденциальность и правом человека знать собственное происхождение – задача, которую законодательство пока решает непоследовательно, и без точечных поправок здесь не обойтись.

Литература

1. Валиахметов, А.Р. Правовые проблемы сохранения тайны усыновления / А.Р. Валиахметов, А.Р. Муллагулова // Право и государство: история и современность, перспективы развития: Сборник трудов по итогам работы научно-практического семинара, Стерлитамак, 22 ноября 2023 года. – Стерлитамак: Уфимский университет науки и технологий, 2023. – С. 27–30.
2. Вершинина, Г.И. Нужны ли тайна усыновления и тайна отмены усыновления? / Г.И. Вершинина // Перспективы развития гражданского процессуального права: Сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА, Саратов, 03 октября 2020 года / Под редакцией О.В. Исаенковой. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2020. – С. 111–113.
3. Камаева, А.М. Правовые проблемы сохранения тайны усыновления / А.М. Камаева // Развитие современной науки: опыт теоретического и эмпирического анализа: Сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 14 декабря 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. – С. 30–35.
4. Мосиенко, Т.А. Правовые проблемы сохранения тайны усыновления (удочерения) детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации / Т.А. Мосиенко, М.В. Галушкина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 4(143). – С. 108–112.
5. Раева, А.В. Тайна усыновления: проблема применения института / А.В. Раева, Т.Е. Сучкова // Актуальные вопросы современной науки и образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию Нефтекамского филиала УУНиТ, Нефтекамск, 24 октября 2025 года. – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 314–317.
6. Тютеньков, В.Ю. Правовые проблемы сохранения тайны усыновления в России / В.Ю. Тютеньков, М.М. Малечкина // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 5(105). – С. 830–835.

LEGAL ISSUES OF MAINTAINING ADOPTION SECRECY

Loshkareva E.A.
Far Eastern Federal University

Legal issues related to adoption secrecy have long been a source of debate in doctrine and law enforcement. The concept of adoption secrecy in Russian law prohibits the disclosure of information about an adoption without the consent of the adoptive parents, with the protected scope of information varying depending on the circumstances of a particular case. The legal regime for adoption secrecy is comprised of several interrelated characteristics: mandatory for a certain circle of professionals, voluntary nature, whereby adoptive parents independently determine the limits of disclosure, and a public law focus on maintaining the stability of family relationships.

At the same time, this structure gives rise to legal conflicts, primarily regarding the balance between the interests of the adoptive parents and the independent rights of the child to information about their origin. Improving legislation in this area requires a rethinking of protective mechanisms, taking into account the balance between the confidentiality of family

life and the child's right to know their own identity. A unified doctrinal approach to defining adoption secrecy has not yet emerged in legal scholarship, demonstrating the complex legal nature of this institution and the need for further theoretical understanding. In recent years, discussion of this issue has become particularly pressing. On the one hand, proponents of strict confidentiality point to the need to protect the family from outside interference, which can contribute to creating a safe environment for the child's development. Furthermore, they emphasize the importance of preserving family traditions and ways of life, which are the foundation for the development of a healthy personality. On the other hand, human rights organizations emphasize that a child's right to know their origins is a fundamental aspect of their identity. In this context, it is important to consider international experience, where approaches to adoption secrecy vary from complete openness to strict secrecy.

Keywords: adoption secrecy, family law, children's rights, confidentiality, legal regulation.

References

1. Valiakhmetov, A.R. Legal issues of maintaining the secrecy of adoption / A.R. Valiakhmetov, A.R. Mullagulova // Law and the state: history and modernity, development prospects: Collection of papers based on the results of the scientific and practical seminar, Sterlitamak, November 22, 2023. – Sterlitamak: Ufa University of Science and Technology, 2023. – Pp. 27–30.
2. Vershinina, G.I. Are the secrecy of adoption and the secrecy of adoption cancellation necessary? / G.I. Vershinina // Prospects for the development of civil procedural law: Collection of materials from the IV International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the SYU-SSLA, Saratov, October 3, 2020 / Edited by O.V. Isaenkova. – Saratov: Saratov State Law Academy, 2020. – P. 111–113.
3. Kamaeva, A.M. Legal problems of maintaining the secrecy of adoption / A.M. Kamaeva // Development of modern science: experience of theoretical and empirical analysis: Collection of articles from the IV International scientific and practical conference, Petrozavodsk, December 14, 2023. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2023. – P. 30–35.
4. Mosienko, T.A. Legal problems of maintaining the secrecy of adoption of children left without parental care in the Russian Federation / T.A. Mosienko, M.V. Galushkina // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. – 2022. – No. 4 (143). – P. 108–112.
5. Raeva, A.V. The Secrecy of Adoption: The Problem of Applying the Institution / A.V. Raeva, T.E. Suchkova // Current Issues of Modern Science and Education: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 25th Anniversary of the Neftekamsk Branch of Ufa University of Science and Technology, Neftekamsk, October 24, 2025. – Ufa: Ufa University of Science and Technology, 2025. – Pp. 314–317.
6. Tyutenkov, V. Yu. Legal Issues of Maintaining the Secrecy of Adoption in Russia / V. Yu. Tyutenkov, M.M. Malechkina // Skif. Issues of Student Science. – 2025. – No. 5 (105). – Pp. 830–835.

Основные аспекты при проведении строительно-технической экспертизы качества выполнения строительных работ (на примере отделочных работ)

Луков Алексей Владимирович,

к.т.н., доцент, кафедра «Испытаний сооружений», НИУ МГСУ
E-mail: vokul@yandex.ru

Статья посвящена анализу комплекса задач, методов и правовых нюансов, которые возникают при оценке качества отделочных работ в рамках строительно-технической экспертизы.

В статье рассматриваются ключевые направления исследования: изучение и анализ проектной, договорной и исполнительной документации, непосредственное обследование объекта. Особое внимание уделяется методам контроля – от визуального осмотра до инструментальных и лабораторных исследований. Важной частью является выявление дефектов и установление причин их возникновения.

Результаты исследования имеют практическую ценность для объективного разрешения спорных ситуаций между заказчиками и подрядчиками, обоснования претензий, а также в судебной практике.

Ключевые слова: строительно-техническая экспертиза (СТЭ), судебная строительно-техническая экспертиза; дефекты; скрытые работы; документация; техническое обследование.

Строительно-техническая экспертиза, цели и задачи ее выполнения

Строительно-техническая экспертиза является исследованием специалиста, обладающего специальными познаниями, с целью разрешения поставленных перед ним вопросов.

Основными задачами при выполнении строительно-технической экспертизы являются [1;3;4;5]:

- установление объема выполненных строительных работ в соответствии с договором подряда;
- установление объема и качества выполненных строительных работ требованиям утвержденной проектной документации и действующим нормативам с целью выявления дефектов выполненных строительных работ и отклонений от требований проектной документации и действующих норм;
- определение видов дефектов, повреждений и отклонений с указанием способов их исправления (при возможности их устранения);
- определение стоимости выполненных строительных работ, а также стоимости выполнения строительных работ по устранению выявленных дефектов, повреждений и отклонений.

Виды строительно-технической экспертизы

Строительно-техническая экспертиза может быть досудебной и судебной [1].

В случае проведения досудебной строительной экспертизы, исследование производится специалистом или группой специалистов по договору с Заказчиком, который оплачивает выполненное конкретное исследование.

Досудебная строительно-техническая экспертиза производится с целью подготовки и усиления доказательной базы при досудебном урегулировании споров и направлении искового заявления для разбирательства в суд либо следственные органы [1–6;10;12;13;18;19;20;24].

При проведении судебной строительно-технической экспертизы, проводимой как правило в рамках гражданских, арбитражных или уголовных дел, и назначаемой решением судов субъектов РФ, федеральных арбитражных судов, судов общей юрисдикции или следственными подразделениями МВД, ФСБ или следственными отделами и отделениями СК РФ, проведение исследований совершаются только компетентными специалистами, имеющими высшее профильное образование, практический опыт и аттестованные экспертно-квалификационной комиссией. Перед проведением судебной строительно-технической экспертизы в рамках судебного дела, каждому участвующему эксперту или группе экспертов, разъясняются последствия согласно части 1 статьи 307 УК РФ, за ложность своего заключения, о необходимости придерживаться объективности в отражении фактов, не допускать их искажения в интересах той или иной стороны судебного процесса. На практике это принцип независимости судебного эксперта, который проводит судебную строительно-техническую экспертизу, его независимость от суда, следователя, истца, ответчика и/или их представителей или третьих лиц, является гарантией объективности выдаваемого заключения [1;3–9].

Основной задачей специалиста, эксперта или их группы является проведение порученного ему (им) исследования объективно и всесторонне, на строго научной и практической основе в пределах своей специальности с указанием наиболее полного ответа на поставленные перед ним (ними) вопросы.

Этапы проведения строительно-технической экспертизы

По этапам проведения строительно-техническая экспертиза делится на три этапа: подготовительный, полевой и камеральный [10].

На подготовительном этапе производится изучение представленных специалистом (эксперту) материалов для проведения исследования (архивная документация, материалы дела и т.д.), а также организация контрольных обеспечительных работ в отношении соответствующего оборудования и инструмента (подбираются такие средства измерения, которые решают с заданной гарантированной точностью поставленные исследовательские задачи, регламентируемые СП, ГОСТ и рабо-

чей документацией; осуществляется калибровка приборов, имеющих не просроченное свидетельство о поверке; подбирается необходимое дополнительное оборудование для выполнения полевых работ, с учетом особенностей производства СМР и отделочных работ и условий эксплуатации). Для производства тех или иных полевых работ часто требуется получение согласований от третьих лиц (собственников, арендодателей, балансодержателей) на допуски людей, на организацию завоза техники, оборудования, инструментов, на сроки проведения изыскательских/исследовательских работ или получение разрешительных документов от государственных ведомств и органов, при наличии соответствующих сервитутов на объект.

Основными действиями при проведении полевых работ являются получение количественных данных через измерения, фотофиксация объекта исследования (панорамные снимки, снимки характерных локальных зон, снимки дефектов и повреждений, позволяющие однозначно дать визуальную картину без разночтений), осуществляется привязка к проектной и рабочей документации, – составляются схемы, на которых наносятся характерные зоны, участки, дефекты и повреждения, ставятся навигационные метки фотоснимков, даются краткие сноски-указатели и сноски-пояснения, составляются акты осмотра объекта с указанием дефектов и повреждений (при необходимости акт отбора образцов для лабораторных исследований), для гарантированности достоверности результатов измерений, требуемой точности и надежности, учитываются метрологические условия, регистрация состояния оборудования для измерений, условия проведения исследовательских работ заносятся в соответствующий журнал (журнал регистрации внешних условий при проведении измерений). Также при выполнении полевых работ фиксируются условия при которых производились измерения и фотофиксация, а также наименование и серийные номера используемых при работах инструментов и оборудования [10;11;13;14;24;18].

На камеральном этапе выполнения строительно-технической экспертизы производится обработка результатов полевых измерений, производится анализ возможных причин возникновения дефектов, повреждений и отклонений, а также производится подсчет объемов работ и расчет стоимости как выполненных строительных работ, так и стоимости восстановительных работ. На этом этапе производится оформление текстовых, расчетных и графических материалов с целью формирования отчетного результата, выполненного специалистом (экспертом) или их группой исследования в виде заключения специалиста при досудебной экспертизе либо заключения эксперта при судебной экспертизе [1;3;6–8;10–14;21–24].

Заключение специалиста (эксперта) подписывается всеми лицами, участвующими в процессе его создания на различных этапах, затем сшивается и направляется с сопроводительным письмом органу, поручившему выполнить данное исследование.

При выполнении сложной судебной строительно-технической экспертизы не один эксперт, а несколькими, возникает особый порядок, – проведение комиссионной судебной экспертизы, условиями которой являются наличие у всех экспертов одной специальности и одной методики исследования на объекте. Индивидуальные исследования/ «итерации» экспертов после завершения работ обсуждаются, анализируются и составляется при консенсусе совместное заключение, а при разногласиях, оформляется особое/собственное заключение эксперта/-ов, не согласного/-ых с остальными [1].

Если при комиссионной экспертизе эксперты не могут однозначно сформулировать выводы по причине недостаточной компетенции, недостаточности исходных данных или их непригодности, отсутствию нужного специфического оборудования или инструментария или в силу препятствий со стороны третьих лиц в проведении работ, то составляется документ, который называется СНДЗ («сообщение о невозможности дать заключения»).

Эксперт в составе своего заключения обязан отразить следующее [1;9]:

- провести всестороннее изучение документов и материалов дела, глубоко проанализировать особенности и детали и дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- на основе своих обязанностей в определенных ситуациях не давать заключение, а составить мотивированное письменное сообщение о невозможности его дать и направить данное сообщение в орган и/или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- хранить в тайне все сведения (данные не из открытых источников; специфические обстоятельства, ограничивающие конституционные права граждан; сведения относящиеся к гостайне; коммерческие и иные тайны) от средств массовой информации, экспертов-коллег, родственников и прочих третьих лиц, кроме лица и/или органа, который назначил экспертизу;

– в процессе производства судебной экспертизы обеспечить все возможные и необходимые меры для сохранения представленных ему объектов исследований (документы и материалы) и по окончании в том же неизменном виде вернуть их.

В судопроизводстве эксперту запрещено [1;9]:

- в рамках судебного процесса вступать в личные контакты с участниками процесса и с третьими лицами (запрет даже на неформальное общение и встречи), если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела (соблюдение принципов объективности и беспристрастности);
- для сохранения объективности осуществлять по собственной инициативе сбор доказательств и материалы для производства судебной экспертизы, это прерогатива того, кто ее назначил (суд или следователь);
- разглашать информацию о результатах проведенной судебной экспертизе кому-либо из участников судебного процесса или третьим лицам, кроме органа и/или лица, ее назначивших;
- для гарантии доступа к исходным данным распоряжаться и/или уничтожать объекты исследований и/или значимо изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Перечень блоков в составе заключения для судебной экспертизы [1;3;4;6–10;24]

В заключении эксперта, или при сложном случае комиссии экспертов, обязательно должны присутствовать следующая составная часть:

- фиксация времени и места производства экспертизы, – дата начала и окончания и/или точное время с указанием часов и минут, адрес объекта экспертизы и/или адрес лаборатории, если осуществлялись исследовательские работы на отобранных образцах;
- в зависимости от типа судопроизводства те или иные основания производства экспертизы (постановление судьи, определение суда, назначение следователем и др.);
- сведения об органе и/или о лице, инициировавшем проведение экспертизы;
- для обеспечения прозрачности и проверяемости, часто и для возможности заявления отвода, представляются сведения о судебно-экспертном учреждении (идентификационные данные учреждения, идентификационные данные эксперта или экспертов при комиссионной судебной экспертизе, их уровне и профили образования, с уточнением экспертной специализации и стажа экспертной работы, занимаемая должность, заметную роль играет наличие ученой степени и ученого звания, как высокого уровня компетенции при их корреляции с конкретными вопросами дела), которым поручено производство экспертизы;
- для обеспечения достоверности заключения, как доказательной базы в деле, наличие подписки за дачу заведомо ложного заключения, в соответствии с законодательством Российской Федерации, ее отсутствие может быть основанием для признания заключения ничтожным/недопустимым доказательством;
- сформулированные судом вопросы, инициированные в том числе с участием истца и ответчика, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов в постановлении о назначении экспертизы;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам;
- сертификаты о поверке применяемого при исследовании инструмента и оборудования.

К основному тексту заключения прикладываются дополнительные/иллюстрирующие материалы, которые также служат его составной частью (фотографии; чертежи и схемы, диаграммы; графики; таблицы; расчеты; копии документов к которым апеллировал эксперт/комиссия экспертов и другие документы).

Процедура проверки результатов проведения строительно-технической экспертизы при споре в арбитраже [1–5]

В процессуальном праве, при проведении судебной экспертизы, лицо, поручившее эксперту или группе экспертов производство строительно-технической экспертизы, а также лица участвующие в деле, имеют право рассмотреть заключение эксперта и направить эксперту замечания

к выполненному исследованию в виде вопросов, требующих пояснения либо уточнения.

После отведенного эксперту (группе экспертов) времени на подготовку ответов на полученные замечания, эксперт направляет ответы на замечания, а также, при необходимости, дополнительно дает пояснения на замечания в устном виде.

Конкретные возможности эксперта:

- оформить официальное обращение – мотивированное ходатайство своему руководителю о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения, в связи со сложностью и/или большим объемом работ и/или необходимостью комплексного исследования и/или комплексирования методов и дополнительного оборудования и/или невозможностью выполнить экспертизу в виду узкой специализации эксперта;

- делать официальные заявления в ходе процесса, с обязательной фиксацией через протокол следственного действия или судебного заседания по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний (точная фиксация искажения слов и записей, неверная интерпретация выводов с вероятностных на категорические и пр.);

- при ситуации создающей явно или неявно препятствия для независимой и полноценной работы эксперта, он вправе обжаловать нарушение своих прав в установленном законом порядке действия органа и/или лица, назначивших судебную экспертизу.

В случае нечеткости, двусмысленности, отсутствия полноты первичного экспертного заключения, уполномоченный орган, назначивший экспертизу, имеет право назначить повторную экспертизу как тому же эксперту, который выполнял текущее исследование с выдачей уточненного заключения, так и при возникновении сомнения в компетентности эксперта, сомнениях в достоверности и логичности выводов, обязательно поручить другому эксперту или группе экспертов.

Особенности проведения строительно-технической экспертизы отделочных работ [1–9; 13–15]

При выполнении оценки качества отделочных работ особое внимание следует уделять анализу соответствия уровня качества выполненных отделочных работ требованиям уровня качества отделки в соответствии с условиями технического задания к договору подряда и рабочей документации.

При осмотре отделочных работ выявляются дефекты, повреждения, отклонения на объекте (недочеты). На практике осуществляется составление дефектной ведомости согласно нормативной базе [13], где на основе анализа недочетов они разделяются/классифицируются на критические (угрожают нормальной эксплуатации, безопасности нахождения людей и требуют срочных противоаварийных мероприятий), значительные (нарушают/ухудшают эксплуатационные характеристики материалов и конструкций) и незначительные/малозначительные (ухудшают эстетический вид, но не влияют на прочность и безопасность) дефекты.

При расчете стоимости восстановительных работ на основе дефектной ведомости, необходимо провести анализ каждого дефекта как с точки зрения технической возможности устранения, так и финансовой целесообразности снижения стоимости (незначительные, малозначимые дефекты можно перенести для устранения в планы косметических ремонтов при дальнейшей эксплуатации объекта).

Матрица ранжирования выявленных дефектов, повреждений и отклонений при выполнении отделочных работ в условиях ограниченности ресурсов (финансовых и временных), с помощью коэффициентов важности и целесообразности их устранения позволит выделить наиболее важные и первоочередные дефекты, не требующие отлагательств и определить незначительные дефекты с возможностью их исправления уже в процессе эксплуатации объекта с гарантийный период.

Литература

1. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Актуальная редакция от 22 июля 2024 года (Федеральный закон от 22.07.2024 № 191-ФЗ). Изменения вступили в силу 2 августа 2024 года.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей». Актуальная редакция ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026 (изменения вступили в силу с 1 апреля 2026 года).
3. Федеральный закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». Актуальная редакция от 25 декабря 2023 года (внесена Федеральным законом от 25.12.2023 № 653-ФЗ).

4. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании». Актуальная редакция от 23.07.2025, вступила в силу 01.03.2026 года.

5. Федеральный закон № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации». Актуальная версия от 30 декабря 2020 года (изменения внесены Федеральным законом № 523-ФЗ).

6. Гражданский процессуальный кодекс РФ (ГПК РФ) от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 09.04.2026), ч. 1 ст. 12, 79, 80, 84, 85, 87.

7. Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ). Актуальная редакция от 28.11.2025 № 425-ФЗ (вступила в силу 1 января 2026 года), ч. 1 ст. 82, 83, 87 и ч. 4, 5 ст. 71.

8. Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ) от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. Актуальная редакция от 9 апреля 2026 г. № 79-ФЗ, ст. 77, 79.

9. Методические рекомендации по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции РФ (Приказ Минюста России от 20 декабря 2002 г. № 346), Москва, 2003.

10. СП 13–102–2003 «Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений». Актуальная редакция от 18.11.2025 № 32076–ОГ/08 и письме ФАУ «ФЦС» от 27.10.2025 № Исх-7252, Москва, 2003.

11. СП 543.1325800.2024 «Строительный контроль при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства» (утвержден приказом Минстроя России от 27.12.2024 № 950/пр), Москва, 2025.

12. СП 48.13330.2019 «Организация строительства» (актуализированная редакция СНиП 12–01–2004). Актуальная редакция от 28 марта 2022 г. № 207/пр., Москва, 2022.

13. СП 71.13330.2017 «Изоляционные и отделочные покрытия», Москва, 2017. Актуальная редакция от 3 октября 2025 г. № 610/пр, введено в действие с 4 ноября 2025 год приказом Минстроя России, Москва, 2025.

14. СП 29.13330.2011 «Полы». Актуальная редакция от 28 ноября 2025 г. № 757/пр приказ Минстроя России, вступило в силу 28 ноября 2025 г.

15. ГОСТ Р 72509–2026 «Отделочные работы. Требования к результатам работ», Москва, 2026.

16. СП 50.13330.2024 «Тепловая защита зданий», Москва, 2024.

17. СП 2.13130.2020 «Системы противопожарной защиты. Обеспечение огнестойкости объектов защиты». Актуальная редакция от 6 ноября 2025 г. № 999 приказ МЧС России, Москва, 2026.

18. Приказ Минстроя России от 19.02.2025 № 91/пр «Об утверждении минимальных требований к результату производства отделочных работ на объекте долевого строительства и входящих в состав такого объекта элементов отделки».

19. Приказ Минстроя России от 02.12.2022 № 1026/пр «Об утверждении формы и порядка ведения общего журнала, в котором ведётся учёт выполнения работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объекта капитального строительства», Москва, 2023.

20. ГОСТ 13015–2012 «Изделия бетонные и железобетонные для строительства. Общие технические требования. Правила приёмки, маркировки, транспортирования и хранения». Актуальная редакция от 28.12.2023 № 1705–СТ приказ Росстандарта.

21. ГОСТ Р 58939–2020 «Система обеспечения точности геометрических параметров в строительстве. Правила выполнения измерений. Элементы заводского изготовления», Москва, 2021.

22. ГОСТ Р 58945–2020 «Система обеспечения точности геометрических параметров в строительстве. Правила выполнения измерений параметров зданий и сооружений», Москва, 2021.

23. ГОСТ Р 72292–2025 «Материалы и изделия отделочные и облицовочные для внутренних работ. Классификация и номенклатура существенных характеристик», Москва, 2026.

24. ГОСТ Р 72509–2026 «Отделочные работы. Требования к результатам работ», Москва, 2026.

THE MAIN ASPECTS OF THE CONSTRUCTION AND TECHNICAL EXPERTISE OF THE QUALITY OF CONSTRUCTION WORK (USING THE EXAMPLE OF FINISHING WORKS)

Lukov A.V.

Moscow State University of Civil Engineering

The article is devoted to the analysis of a set of tasks, methods and legal nuances that arise when assessing the quality of finishing works within the framework of construction and technical expertise.

The article discusses the key areas of research: the study and analysis of design, contractual and executive documentation, direct inspection of the facility. Special attention is paid to control methods, from visual inspection to instrumental and laboratory tests. An important part is to identify defects and determine the causes of their occurrence. The research results are of practical value for the objective resolution of disputes between customers and contractors, the justification of claims, and in judicial practice.

Keywords: construction and technical expertise (STE), judicial construction and technical expertise; defects; hidden work; documentation; technical inspection.

References

1. Federal Law No. 73-FZ dated 05/31/2001 "On State Forensic Expertise in the Russian Federation". Current version dated July 22, 2024 (Federal Law No. 191-FZ dated July 22, 2024). The changes came into force on August 2, 2024.

2. The Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 "On Consumer Rights Protection". Current edition of ed. dated 12/28/2025, as amended. dated 02/17/2026 (the changes came into force on April 1, 2026).

3. Federal Law No. 384-FZ dated 12/30/2009 "Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures". Current version dated December 25, 2023 (introduced by Federal Law No. 653-FZ dated December 25, 2023).

4. Federal Law No. 184-FZ dated December 27, 2002 "On Technical Regulation". Current version dated 07/23/2025, entered into force on 03/01/2026.

5. Federal Law No. 162-FZ "On Standardization in the Russian Federation". The current version is dated December 30, 2020 (as amended by Federal Law No. 523-FZ).

6. The Civil Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on 04/09/2026), Part 1 of art. 12, 79, 80, 84, 85, 87.

7. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (APC RF). Current version No. 425-FZ dated 11/28/2025 (entered into force on January 1, 2026), Part 1 of Articles 82, 83, 87 and Part 4, 5

of Article 71.8. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (CAS RF) dated March 8, 2015 No. 21-FZ. Current version of April 9, 2026, No. 79-FZ, Articles 77,79.

9. Methodological recommendations on the conduct of forensic examinations in state forensic institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated December 20, 2002 No. 346), Moscow, 2003.

10. SP 13-102-2003 "Rules for the inspection of load-bearing building structures of buildings and structures". Current edition dated 11/18/2025 No. 32076-OG/08 and letter from FAA "FTS" dated 10/27/2025 No. Ex-7252, Moscow, 2003.

11. SP 543.1325800.2024 "Construction control during construction, reconstruction, and major repairs of capital construction facilities" (approved by Order of the Ministry of Construction of Russia dated 12/27/2024 No. 950/pr), Moscow, 2025.

12. SP 48.13330.2019 "Organization of Construction" (updated version of SNiP 12-01-2004). Current edition dated March 28, 2022 No. 207/ave., Moscow, 2022.

13. SP 71.13330.2017 "Insulation and finishing coatings", Moscow, 2017. Current edition of October 3, 2025 No. 610/pr, effective from November 4, 2025 by order of the Ministry of Construction of Russia, Moscow, 2025.

14. SP 29.13330.2011 "Floors". Current edition of November 28, 2025 No. 757/pr order of the Ministry of Construction of the Russian Federation, entered into force on November 28, 2025.

15. GOST R 72509-2026 "Finishing works. Requirements for work results", Moscow, 2026-16.

SP 50.13330.2024 "Thermal protection of buildings", Moscow, 2024-17.

SP 2.13130.2020 "Fire protection systems. Ensuring the fire resistance of protection facilities". Current edition of November 6, 2025, No. 999, Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, 2026.

18. Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 02/19/2025 No. 91/pr "On approval of minimum requirements for the result of finishing work at a shared-equity construction facility and Finishing Elements Included in such an Object."

19. Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation dated 12/22/2022 No.1026/pr "On approval of the form and procedure for maintaining a general journal in which records are kept construction, reconstruction, and major repairs of a capital construction facility", Moscow, 2023.

20. GOST 13015-2012 "Concrete and reinforced concrete products for construction. General technical requirements. Rules of acceptance, labeling, transportation and storage". Current edition dated 12/28/2023 No. 1705-ST order of Rosstandart.

21. GOST R 58939-2020 "A system for ensuring the accuracy of geometric parameters in construction. Measurement rules. Factory-made elements", Moscow, 2021.

22. GOST R 58945-2020 "A system for ensuring the accuracy of geometric parameters in construction. Rules for measuring the parameters of buildings and structures", Moscow, 2021.

23. GOST R 72292-2025 "Finishing and cladding materials and products for interior work. Classification and nomenclature of essential characteristics", Moscow, 2026.

24. GOST R 72509-2026 "Finishing works. Requirements for the results of work", Moscow, 2026.

Пути совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности в целях обеспечения её законности в современных условиях

Маркова Екатерина Владимировна,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: ya.ka.mar@yandex.ru

Статья посвящена характеристике путей совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности, направленного на повышение стабильности и укрепление законности сферы предпринимательской деятельности. В условиях осуществления декриминализации ряда экономических преступлений, смягчения наказания за них важно достижение баланса между обеспечением правового режима, благоприятствующего ведению предпринимательской деятельности, и обеспечением легитимизации деятельности лиц, ведущих бизнес: это является необходимым условием поддержания экономической стабильности, укрепления законности сферы предпринимательской деятельности, обеспечения безопасности ее функционирования. В статье предлагаются способы совершенствования законодательства, которые призваны способствовать достижению такого баланса. Предлагаемые способы совершенствования правового регулирования сферы предпринимательства в условиях осуществления процесса декриминализации носят компенсаторный и/или профилактический характер.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, правовое регулирование, баланс между поддержкой бизнеса и обеспечением его законности, декриминализация, компенсаторное усиление наказания при переводе деяния из категории преступления в категорию правонарушения, упорядочение законодательства, профилактический эффект.

Развитие предпринимательской сферы сегодня – это одно из стратегически приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации (Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2021 года [1]), что обусловлено важной ролью предпринимательской деятельности для развития экономической и социальной сфер: благодаря предпринимательской деятельности увеличивается количество выпускаемой продукции, формируется экономический потенциал государства; ведение бизнеса индивидуальными предпринимателями увеличивает занятость населения. Сегодня, в условиях современных вызовов, предпринимательство способствует осуществлению импортозамещения, достижению экономической независимости страны.

Важная роль бизнеса для развития государства и общества определила тенденцию к обеспечению улучшения правового положения лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Принят ряд законов, направленных на декриминализацию некоторых экономических составов преступлений, то есть установление оснований «отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними, их уголовного наказания» [2].

Декриминализация предпринимательских преступлений производится чаще всего путем изменения правового статуса деяния, которое перестает квалифицироваться как преступление и переводится в категорию административного или налогового правонарушения, гражданско-правового деликта. При этом в качестве механизма такого перевода обычно используется повышение размера ущерба вследствие совершения того или иного деяния: в частности, был повышен ущерб за неуплату налогов в течение трех финансовых лет (Федеральный закон от 06.04.2024 N 79-ФЗ [3]), нарушения в области авторского права (Федеральный закон от 12.06.2024 № 133-ФЗ [4]). Результатом повышения размера ущерба является то, что ряд деяний, ранее относившихся к категории уголовных, перестают квалифицироваться как уголовные, поскольку сумма причиненного ими ущерба оказывается меньше, чем вновь установленная. Теперь эти нарушения закона попадают под действие административного, налогового, гражданского законодательства.

Нетрудно заметить, что при декриминализации указанного типа происходит двойное смягчение наказания: во-первых, лицо полностью освобождается от уголовной ответственности, а значит, не будет иметь место нежелательные последствия судимости – ограничения (лишение права занимать определенные должности, права заниматься определенной деятельностью при приеме на работу и т.п.). Во-вторых, более мягким становится само наказание, поскольку оно теперь назначается в соответствии с нормами Административного, Гражданского или Налогового, а не Уголовного кодекса: не предусматриваются определенные виды наказаний (лишение свободы, исправительные работы и др.), как правило, меньшей является сумма уплачиваемого штрафа. В ряде случаев такое двойное смягчение наказания является оправданным: предпринимательские противоправные деяния, как правило, не являются тяжкими. Однако есть области предпринимательской деятельности, требующие большей осторожности при осуществлении декриминализации. Такие сферы бизнеса требуют соблюдения процедуры обязательного лицензирования, которая регулируется ст. 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» [5]. К таким областям относятся хозяйственная деятельность индивидуальных предпринимателей в сфере здравоохранения, деятельность по предоставлению продуктов питания и напитков, утилизации и обработке отходов 1–4 степени: развитие и функционирование этих сфер бизнеса создает потенциальную угрозу для здоровья и жизни граждан, а также экологического благополучия (выбросы опасных веществ наносят ущерб также и окружающей среде). Взвешенных решений требуют и сферы бизнеса, связанные с открытием фитнес-центров, салонов красоты, оказанием транспортных и туристических услуг, где нарушения обязательных требований к ведению бизнеса также могут представлять серьезную опасность для здоровья и жизни человека.

Таким образом, предусматривая смягчение наказания за нарушения, допущенные при осуществлении предпринимательской деятельности, важно учитывать необходимость сохранения баланса между правовой поддержкой бизнеса и сохранением правового режима, обе-

спечивающего законность предпринимательской деятельности, которая определяется не только правомерностью действий государственных структур по отношению к предпринимателям [6], но и законностью деятельности самих предпринимателей [7].

Важность взвешенных решений в данной области отметил Президент РФ, указав на необходимость «аккуратно, но вместе с тем основательно подойти к декриминализации целого ряда ... экономических составов» [8]. Необходимость четкого представления о последствиях проводимой политики декриминализации отмечают и правоведы: «... Декриминализация ... допустима только тогда, когда очевидно, что ее положительные результаты превзойдут неизбежные отрицательные ее последствия» [9].

Цель настоящей статьи – выявить пути совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности, направленные на достижение баланса между созданием актуального в настоящее время режимом правовой поддержки бизнеса и обеспечением законности деятельности предпринимателей. Новизна исследования заключается в выявлении возможности снижения, компенсации «двойного» смягчающего эффекта декриминализации, являющегося в ряде случаев избыточным, способов упорядочения законодательства с целью придания ему большей четкости, что имеет профилактический эффект, способствует лучшему пониманию законодательства, предотвращению преступлений.

Отметим, что в последнее время велся поиск таких путей смягчения наказания за нетяжкие преступления, которые в то же время гарантировали бы сохранение законности, безопасности. В частности, имел место проект Верховного суда, предусматривающий введение в УК (и УПК РФ) понятия «уголовного проступка» (вносился в Государственную Думу в 2017 г., позже, в обновленном виде, – в 2021 г.). Предлагалось относить к категории «уголовный проступок» в том числе «отдельные преступления небольшой и средней тяжести в сфере предпринимательской и (иной) экономической деятельности» (53 состава преступления в сфере экономики) [10]. Уголовный проступок рассматривался как промежуточное звено между преступлением и правонарушением: совершение такого рода деяния «будет уголовно наказуемо, но не повлечет судимости» [11].

Возможность введения понятия уголовного проступка вызвала широкое обсуждение среди правоведов, был высказан ряд справедливых критических точек зрения (И.Э. Звечаровский [12], Л.Л. Кругликов, А.Ф. Лапшин [13], В.А. Маслов [14]). Вместе с тем понятие уголовного проступка имеет, на наш взгляд, и ряд достоинств, к числу которых следует отнести то, что смягчение наказания происходит лишь «на один порядок»: снимается уголовная ответственность, само же наказание остается достаточно жестким (определяется уголовным законодательством). Иными словами, отсутствует то «двойное смягчение» наказания, сопутствующее декриминализации путем перевода деяния из категории преступления в категорию правонарушения, о котором было упомянуто выше. В ряде случаев (когда речь идет о возможном существенном ущербе для здоровья) такое минимальное смягчение наказания является, на наш взгляд, актуальным.

Вышеуказанный проект был возвращен инициатору в 2024 г., поскольку **инициатива Верховного Суда предполагала изменение статьи 76.1 Уголовного кодекса, уже утратившей силу**. Тем не менее поиск каких-то способов регулирования степени ответственности, которые не допускали бы избыточного смягчения наказания в результате декриминализации (в тех случаях, когда такое смягчение является нежелательным), остается актуальным. Полагаем, что одним из таких способов может стать компенсаторное усиление наказания в рамках той ответственности, которая наступает при совершении декриминализованных деяний (гражданско-правовой, налоговой, административной). В качестве такого компенсаторного усиления наказания может выступать увеличение размера штрафа, приостановление предпринимательской деятельности в случае отказа от получения лицензии. Увеличение суммы штрафа, а также репутационные и материальные издержки в случае приостановления деятельности будут иметь сдерживающее значение и являться мерой профилактики более серьезного противоправного деяния – уголовного: правонарушитель, понесший более строгое наказание административного характера, «сможет осознать противоправность своих действий и воздержаться от нарушения уголовного закона» [15]. Полагаем, что введение компенсаторного ужесточения не уголовной ответственности за часть декриминализируемых предпринимательских составов, являясь эффективным способом противодействия предпринимательским противоправным деяниям, могло бы стать одним из направлений совершенствования правового регулирования предпринимательской деятельности.

Совершенствование такого правового регулирования мы связываем не только с уточнением механизма осуществления декрими-

нализации, но и с упорядочением законодательства, приданием ему большей четкости, способствующей осознанию, что именно является нарушением в области предпринимательской деятельности, влекущим за собой те или иные правовые последствия. Это имело бы, на наш взгляд, важное профилактическое значение: как отмечает Е.Б. Кургузкина, «предупреждение совершения преступлений лучше сказывается на благосостоянии общества, нежели наказание за уже совершенные деяния» [15].

Полагаем, что требуется ввести в УК РФ и КоАП РФ четкие определения предпринимательского преступления и предпринимательского правонарушения, что могло бы выступить правовым ориентиром для граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью. Отсутствие данных определений в УК и КоАП и порождает различия в мнениях, какие именно составы преступлений следует относить к числу предпринимательских. Имеет место как более узкое понимание предпринимательских составов – к данным составам относят только те составы преступлений, которые охватываются ст. ст. 171–173 и др. [16]), так и расширенное понимание, когда к предпринимательским составам, помимо названных, относятся также преступления в сфере кредитных отношений предпринимателей (ст. ст. 176, 177 УК), банкротства предпринимателей (ст. ст. 195–197 УК) и ряд др. [17].

Уточнения требует, на наш взгляд, и определение, данное в ГК РФ, куда необходимо ввести критерий, разграничивающий преступление и правонарушение.

Полагаем, что при определении предпринимательского преступления и предпринимательского правонарушения следует:

1) опираться на определение предпринимательской деятельности, представленное в ч. 1 ст. 2 ГК РФ: «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [18];

2) учитывать, что, в ходе осуществления предпринимательской деятельностью бизнесмен вступает в самые разные общественные отношения и выполняет различные действия, связанные как с регулированием правовых вопросов (осуществление регистрации, получение при необходимости лицензии), так и с фактическим ведением бизнеса (реклама, закупка товаров, заключение договоров с клиентами, уплата налогов, использование продуктов чужого творчества при создании логотипов, ведение издательской деятельности, выпуск продукции с изображениями и т.п.);

3) при формулировке определений ввести четкий критерий, разграничивающий понятия «предпринимательское преступление» и «предпринимательское правонарушение»; при этом учитывать не только узко понимаемые предпринимательские составы, связанные с тем, что предпринимательская деятельность ведется «без соблюдения требуемой процедуры прохождения регистрации, лицензирования, а также при предоставлении в регистрирующий орган информации, содержащей заведомо ложные сведения» [19], но и весь спектр потенциальных предпринимательских противоправных деяний, определяемый характером данного вида деятельности;

4) учитывать опыт формулирования определения преступления, совершенного индивидуальным предпринимателем, которым была дополнена ст. 5 УПК РФ (ФЗ от 02.11.2023 г. N 524-ФЗ): преступление, совершенное индивидуальным предпринимателем «в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности» (п. 27.1 ФЗ № 524) [20].

Полагаем, что предпринимательское преступление может получить следующее определение. Преступление, совершенное в ходе предпринимательской деятельности, – это противоправное деяние, связанное с осуществлением самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, имеющее высокую степень общественной опасности, а именно, наносящее существенный ущерб здоровью и жизни человека, а также материальный ущерб в крупном и особо крупном размере, предусмотренный соответствующими статьями УК РФ. Такое определение необходимо ввести в УК РФ.

Определение предпринимательского правонарушения может иметь следующий вид. Правонарушение, совершенное в ходе предпринимательской деятельности, – это неправомерное деяние, связанное с осуществлением самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, имеющее относительно невысокую степень общественной опасности: не наносящее существенного ущерба здоровью и жизни человека, а также материального ущерба в крупном и особо крупном размере, предусмотренный соответствующими статьями

УК РФ. Такое определение необходимо ввести в КоАП РФ, дать такую формулировку и в ГК РФ.

В ряде случаев требуется, по нашему мнению, упорядочение (систематизация) законодательства в направлении придания большей четкости формулировкам. Имеем в виду ч. 1 ст. 14.1 КоАП и ч. 1 ст. 171 УК РФ, где осуществление предпринимательской деятельности без регистрации и осуществление предпринимательской деятельности без лицензии являются альтернативными составами в рамках одной диспозиции. Полагаем, что учитывая больший потенциальный ущерб, причиняемый деятельностью без получения лицензии, а также допускаемую (пусть пока на данный момент и не принятую) декриминализацию предпринимательских преступлений, состоящих в ведении предпринимательской деятельности без регистрации («О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ от 04.08.2022 г.»), необходимо выделить осуществление предпринимательской деятельности без получения лицензии в отдельную диспозицию и в УК, и в КоАП. Это сделало бы наглядным разный характер ущерба, наносимый ведением предпринимательской деятельности без регистрации и без лицензии, четко дифференцировало бы ответственность (уголовную, административную, гражданско-правовую) за совершение данных противоправных деяний.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

1. Изменения в правовом регулировании предпринимательской деятельности направлены сегодня на улучшение правового положения предпринимателей, что соответствует задачам развития российского государства и общества в настоящее время.

2. Изменения в правовом регулировании в области предпринимательства выражаются прежде всего в декриминализации уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Декриминализация преступлений в области предпринимательства, носящих нетяжкий характер, осуществляется чаще всего путем перевода деяния из категории преступления в категорию правонарушения (административного, налогового), гражданско-правового деликта.

3. Требуется совершенствование правового регулирования предпринимательства, направленное на достижение баланса между мерами, способствующими ее развитию, и мерами, обеспечивающими соблюдение законности бизнеса. В частности, «двойное» смягчение наказания, проявляющееся в исключении судимости и переводе деяния в категорию правонарушения, должно компенсироваться, на наш взгляд, в ряде случаев ужесточением того вида ответственности, который предусматривается за декриминализованное деяние (административной, гражданской, налоговой) – в качестве способа такой компенсации может выступать прежде всего увеличение суммы штрафа.

4. Особенно важно на правовом уровне обеспечить безопасность и законность в случаях, когда потенциальный ущерб от нарушения велик (предпринимательство в области здравоохранения, пищевой промышленности, утилизации и обработки отходов). Полагаем, что имеет смысл ужесточить наказание за оказание услуг без получения лицензии вплоть до приостановления деятельности до момента, когда лицензия будет получена. Такое ужесточение наказания будет являться сдерживающей, превентивной мерой, призванной не допустить более серьезных нарушений – преступлений.

4. Превентивной мерой, обеспечивающей адекватное понимание гражданами законодательства, являющейся предпосылкой соблюдения его норм, является и четкость формулировок, акцентирование актуальных для осуществления предпринимательской деятельности правовых аспектов. Поэтому совершенствование правового регулирования в области предпринимательской деятельности мы связываем не только с принятием мер, компенсирующих «двойное» смягчение наказания при декриминализации, поддерживающих баланс общественных интересов, законность деятельности предпринимателей, но и с оптимизацией формулировок некоторых статей законодательства. Полагаем, в частности, что в статьи 171 УК, 14 КоАП следует ввести понятия предпринимательского преступления и предпринимательского правонарушения соответственно, содержащих четкий критерий разграничения этих понятий (степень причиняемого ущерба) и акцентирующих многоаспектный характер предпринимательской деятельности (все действия, связанные с осуществлением предпринимательства). Свои варианты определений мы приводим в статье.

5. Также полагаем целесообразным поместить в разные диспозиции составы «осуществление предпринимательской деятельности без регистрации» и «осуществление предпринимательской деятельности без лицензии, когда получение лицензии предусмотрено законодательством»: это наглядно продемонстрировало бы разную степень общественной опасности данных деяний и имело бы профилактическое значение, способствуя более четкому пониманию норм законодательства. Дифференциация данных составов тем более важна, что существует проект декриминализации преступлений, связанных с отсутствием

проведения обязательной процедуры регистрации предпринимательских субъектов, но не правил лицензирования отдельных видов экономической деятельности, являющихся потенциально опасными для причинения вреда здоровью, гражданам и экологии [5].

Компенсаторное ужесточение ответственности, которой заменяется уголовная ответственность за противоправные деяния в области предпринимательства (особенно в случаях, когда есть угроза причинения ущерба здоровью человека) в условиях осуществляемой декриминализации, упорядочение законодательства, оптимизация формулировок законов в направлении достижения большей четкости, прозрачности – это, на наш взгляд, наиболее эффективные пути совершенствования правового регулирования в области предпринимательства, позволяющие достичь баланса между правовой поддержкой предпринимателей в современных условиях и обеспечением законности деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Такие меры имеют, на наш взгляд, выраженный профилактический эффект и способствуют предотвращению предпринимательских преступлений.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», URL: <https://www.consultantplus.ru>, дата обращения: – 07.06.2026.
2. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2018. – 280 с.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 06.04.2024 N 79-ФЗ (последняя редакция), URL: <https://www.consultantplus.ru>, дата обращения: – 07.06.2026.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 12.06.2024 N 133-ФЗ (последняя редакция), URL: <https://www.consultantplus.ru>, дата обращения: – 07.06.2026.
5. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 N 99-ФЗ (последняя редакция), URL: <https://www.consultantplus.ru>, дата обращения: – 07.06.2026.
6. Жидяева Е.С. Законность – фундаментальная категория юридической науки и практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1–1 (100). С. 205–208.
7. Лященко Н.А., Лященко И.В. Законность предпринимательской деятельности и проблемы ее обеспечения // Государство и право в XXI веке. 2016. № 2. С. 32–39.
8. Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022, URL: <https://clc.li/oegft>, дата обращения: – 07.06.2026.
9. Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 136–141.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 г. Москва от 13 октября 2020 г. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/29309/>, дата обращения: – 07.06.2026.
11. Хусаинова Э.В. Гуманизация и либерализация уголовного законодательства России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 86–89.
12. Звечаровский И.Э. На пути к уголовному проступку // Законность. – 2021. № 2 (1036). С. 45–46.
13. Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. С. 80–84.
14. Маслов В.А. Перспективы введения уголовного проступка в отечественное уголовное законодательство. Законопроекты Верховного суда РФ // Lex Russica. 2023. № 5 (198). С. 136–149.
15. Кургужкина Е.Б. Меры специально-криминологического предупреждения незаконного предпринимательства в сфере медицинской и фармацевтической деятельности // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2018. № 3 (46). С. 262–267.
16. Илюхин В.В. Преступления, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности: квалификация, ответственность и предупреждение. Дисс. канд. юрид. наук.: Нижний Новгород, 2001. 280 с.

17. Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. – М.: ИД «Юриспруденция», 2019. 144 с.

18. URL: <https://www.consultantplus.ru>, дата обращения: – 07.06.2026.

19. Некрасов А.П., Сви́дeрский О.А., Овод И.В. Некоторые особенности понятия «предпринимательство» в правовом поле и выхода за его пределы // Вестник Волжского университета им. Татищева. 2014. № 1 (80). С. 27–30.

20. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 02.11.2023 N 524-ФЗ (последняя редакция), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461032/

21. List of literature:

22. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 N 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation», URL: <https://www.consultantplus.ru>, accessed on 06/07/2026.

23. Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation: a monograph / V.P. Kashepov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina et al.; edited by V.P. Kashepov, Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: KONTRAKT Law Firm, 2018. 280 p.

24. Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» dated 04/06/2024 № 79-FZ (latest edition), URL: <https://www.consultant-plus.ru>, accessed on

WAYS TO IMPROVE LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURSHIP TO ENSURE ITS LEGALITY IN MODERN CONDITIONS

Markova E.V.

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the characteristics of ways to improve the legal regulation of entrepreneurial activity, aimed at increasing the stability and strengthening the legality of the sphere of entrepreneurial activity. In the context of the implementation of the decriminalization of a number of economic crimes, the mitigation of punishment for them, it is important to achieve a balance between ensuring a legal regime that favors the conduct of entrepreneurial activity and ensuring the legitimization of the activities of individuals engaged in business: this is a necessary condition for maintaining economic stability, strengthening the legality of the sphere of entrepreneurial activity, and ensuring the security of its functioning. The article proposes ways to improve legislation that are designed to help achieve such a balance. The proposed methods of improving the legal regulation of entrepreneurship in the context of the decriminalization process are compensatory and/or preventive in nature.

Keywords: entrepreneurial activity, legal regulation, balance between business support and ensuring its legality, decriminalization, compensatory increase in punishment when an act is transferred from a crime to an offense, streamlining of legislation, and preventive effect.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation», URL: <https://www.consultantplus.ru>, accessed: 07.06.2026.

2. Criminalization and Decriminalization as Forms of Transforming Criminal Legislation: monograph / V.P. Kashepov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina, et al.; ed.

V.P. Kashepov. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: KONTRAKT Law Firm, 2018. – 280 p.

3. Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dated 06.04.2024 N 79-FZ (latest revision), URL: <https://www.consultantplus.ru>, accessed: 07.06.2026.

4. Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation» dated 12.06.2024 N 133-FZ (latest revision), URL: <https://www.consultantplus.ru>, accessed: 07.06.2026.

5. Federal Law «On Licensing of Certain Types of Activities» dated 04.05.2011 N 99-FZ (latest revision), URL: <https://www.consultantplus.ru>, accessed: 07.06.2026. 6. Zhidyayeva E.S. Legality – a Fundamental Category of Legal Science and Practice // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 1–1 (100). pp. 205–208.

7. Lyashchenko N.A., Lyashchenko I.V. Legality of Entrepreneurial Activity and Problems of Ensuring It // State and Law in the 21st Century. 2016. № 2. pp. 32–39.

8. Transcript: What Vladimir Putin Said at the Plenary Session of SPIEF-2022, URL: <https://clc.li/oegft>, accessed: 07.06.2026.

9. Shesler A.V. Criminalization and Decriminalization as Directions of Law-Making Policy // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (46). pp. 136–141.

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 24, Moscow, dated October 13, 2020, On Submission to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Draft Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Concept of a Criminal Misdemeanor», URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/29309/>, accessed: 07.06.2026.

11. Khushainova E.V. Humanization and Liberalization of Criminal Legislation in Russia // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4. pp. 86–89.

12. Zvecharovsky I.E. On the Path to a Criminal Misdemeanor // Legality. 2021. № 2 (1036). pp. 45–46.

13. Kruglikov L.L., Lapshin V.F. On the Consequences of Including the Category of «Criminal Misdemeanor» in Russian Criminal Law // Criminal Law. 2017. № 4. pp. 80–84.

14. Maslov V.A. Prospects for Introducing a Criminal Misdemeanor into Domestic Criminal Legislation. Bills of the Supreme Court of the Russian Federation // Lex Russica. 2023. № 5 (198). pp. 136–149.

15. Kurguzkina E.B. Measures for Specialized Criminological Prevention of Illegal Entrepreneurship in the Sphere of Medical and Pharmaceutical Activities // Bulletin of the Voronezh State Agrarian University. 2018. № 3 (46). pp. 262–267.

16. Ilyukhin V.V. Crimes Committed in the Sphere of Entrepreneurial Activity: Qualification, Liability, and Prevention. Cand. Sci. (Law): Nizhny Novgorod, 2001. 280 p.

17. Zhilkin, M.G. Crimes in the Sphere of Entrepreneurial Activity: Problems of Classification and Differentiation of Liability: Monograph. Moscow: Jurisprudence Publishing House, 2019. 144 p.

18. URL: <https://www.consultantplus.ru>, accessed: 07.06.2026.

19. Nekrasov, A.P., Svidersky, O.A., Ovod, I.V. Some Features of the Concept of «Entrepreneurship» in the Legal Field and Beyond It // Bulletin of the Tatishchev Volzhsky University. 2014. № 1 (80). pp. 27–30.

20. Federal Law «On Amendments to Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dated 02.11.2023 N 524-FZ (latest revision), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461032/

21. List of literature:

22. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 N 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation», URL: <https://www.consultantplus.ru>, accessed on 06/07/2026.

23. Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation: a monograph / V.P. Kashepov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina et al.; edited by V.P. Kashepov, Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: KONTRAKT Law Firm, 2018. 280 p.

24. Federal Law «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation» dated 04/06/2024 № 79-FZ (latest edition), URL: <https://www.consultantplus.ru>, accessed on

Мирошниченко Константин Викторович,

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений; адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
E-mail: k.miroshnichenko@km-law.ru

Статья посвящена исследованию правовой природы и пределов автономии воли сторон в квазикорпоративном договоре. В работе анализируется системное противоречие, возникающее на стыке императивных норм корпоративного законодательства и диспозитивных начал договорного права. Автор выделяет основные ограничения свободы договора в рассматриваемой сфере, к которым относятся специальные требования к субъектному составу (наличие существенного имущественного интереса у крупного кредитора) и временной характер предоставляемых корпоративных прав. Обосновывается, что для квазикорпоративного договора, как правило, не характерно наличие слабой стороны, нуждающейся в специальной патерналистской защите. Обосновывается тезис о том, что установление жестких законодательных ограничений свободы договора в непубличных корпоративных отношениях противоречит их договорной природе и закрытому характеру, а действенная защита интересов участников может обеспечиваться частноправовыми инструментами саморегулирования.

Ключевые слова: квазикорпоративный договор, автономия воли, свобода договора, охраняемый законом интерес, корпоративное управление, пределы свободы договора, корпоративный договор.

Введение

В современной российской доктрине корпоративного права исследование корпоративного договора занимает одно из центральных мест, что подтверждается значительным количеством научных публикаций. Преобладающее направление в литературе сосредоточено на вопросе допустимости или недопустимости конкретных условий соглашения[5]. Однако правовая природа и специфика квазикорпоративного договора как особой разновидности подобных соглашений остаётся недостаточно исследованной.

Настоящее исследование сосредоточено на анализе пределов осуществления договорной свободы в квазикорпоративных отношениях, к которым относится вопрос о пределах усмотрения сторон при определении содержания квазикорпоративного договора и о существовании ограничений предоставленной им свободы, что формирует одну из основных проблем в рассматриваемой сфере.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием в действующем законодательстве развернутых критериев допустимости условий квазикорпоративного договора и сохраняющейся дискуссионностью вопроса о пределах автономии воли его участников. Несмотря на закрепление в п. 9 ст. 67.2 ГК РФ возможности участия в корпоративном договоре третьих лиц, обладающих охраняемым законом интересом, законодатель не определяет содержание такого интереса и не устанавливает критерии допустимого объема предоставляемых корпоративных прав. Это предопределяет необходимость выявления пределов свободы договора посредством системного анализа общих начал гражданского права и особенностей корпоративных отношений.

Квазикорпоративный договор (как и корпоративный) по своей юридической природе представляет собой разновидность гражданско-правового обязательства, что признаётся и в российской[9; 11], и иностранной доктрине[16; 17]. Отсутствуют какие-либо политико-правовые основания в том, чтобы усматривать в квазикорпоративном договоре нечто иное, кроме обычной гражданско-правовой сделки. Нормы законодательства не формируют для него специального режима правового регулирования, а потому не существует оснований для исключения его из действия общего принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Вместе с тем в самой ст. 67.2 ГК РФ имеются определённые запреты. Корпоративный договор не может обязывать его участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, определять структуру органов общества и их компетенцию. Данный запрет носит точечный характер и существенно не ограничивает свободу сторон, поэтому интерес представляют иные положения, которые прямо не указывают на невозможность их изменения, но толкуются как императивные.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при реализации договорной свободы в квазикорпоративных отношениях.

Предметом исследования являются нормы гражданского и корпоративного законодательства, доктринальные подходы и судебная практика, определяющие пределы автономии воли в квазикорпоративном договоре.

Целью работы является выявление оснований ограничения свободы договора в квазикорпоративных отношениях и обоснование оптимальной модели соотношения императивного и диспозитивного регулирования.

Практическая значимость определяется возможностью применения результатов при структурировании квазикорпоративных сделок и при подготовке разъяснений судебных инстанций.

Материалы и методы

Методологической базой исследования послужили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы научного познания. Формально-юридический метод применён при анализе ст. 67.2 ГК РФ (в ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026), ст. 421 ГК РФ о свободе договора, ст. 53.1 ГК РФ об ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, ст. 10 ГК РФ о пределах осуществления гражданских прав, Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО), Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО). Сравнительно-правовой

метод задействован при сопоставлении отечественного подхода с позициями американской правовой доктрины (Р. Познер, Ф. Истербрук и Д. Фишел).

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области корпоративного и договорного права. В качестве иллюстрации отдельных выводов использованы судебные акты арбитражных судов Российской Федерации, посвященные вопросам применения корпоративных соглашений в инвестиционных и обеспечительных отношениях.

Результаты и обсуждение

Определение пределов автономии воли в квазикорпоративном договоре требует прежде всего выявления тех объективных оснований, которые ограничивают свободу усмотрения сторон при формулировании его условий. Несмотря на то, что квазикорпоративный договор подчиняется общему принципу свободы договора, корпоративная составляющая этих отношений предопределяет наличие ряда специфических ограничителей.

А.А. Кузнецов, обобщая возможные пределы автономии воли в корпоративной сфере, выделяет несколько абстрактно сформулированных оснований для установления соответствующих ограничений. Речь идёт о бессрочном характере корпоративных правоотношений, необходимости обеспечения защиты прав третьих лиц, специфических рисках, объективно порождаемых действием принципа большинства, и неотчуждаемости права принимать самостоятельное решение об участии в хозяйственном обществе [8, с. 50]. С данными основаниями следует согласиться.

Особого внимания заслуживает положение о том, что бессрочный характер выступает ограничением свободы, поскольку существует «потенциальная неопределённость развития событий, которая обуславливает неспособность лиц, вступающих в эти отношения, прогнозировать долгосрочные последствия принимаемых ими решений» [8]. Представляется, что применительно к квазикорпоративному договору данное ограничение приобретает особо важное значение.

Предоставление «внешнему» участнику квазикорпоративного договора, к примеру, кредитной организации, бессрочного контроля над обществом или иных прав противоречит самой природе квазикорпоративных отношений, которые носят производный и срочный характер, будучи обусловлены конкретной хозяйственной целью. Интерес, будь то обеспечение возврата кредита или достижение определённого финансового показателя, по своей сути является временным, а потому и корпоративные права, предоставляемые в рамках договора, должны быть строго ограничены периодом существования этого интереса. В противном случае «внешний» участник, изначально не являющийся полноправным акционером или участником, получает бессрочные полномочия, несовместимые с принципом автономии воли общества.

Более того, сохранение контроля после исчезновения обусловившего его интереса приводит к ситуации, когда «внешний участник» фактически начинает выполнять функции контролирующего лица, не раскрывая своего статуса, искажая структуру корпоративного управления. Подобное положение дел создаёт значительные правовые риски, поскольку реальный объём полномочий и степень влияния этого участника перестают соответствовать его формальному положению. Возникает подмена участников, при которой номинально управление осуществляется законными собственниками, а де-факто внешним контролером, что подрывает основы корпоративного управления и затрудняет защиту прав миноритарных владельцев и кредиторов общества.

Наиболее ярко указанная проблема проявляется в отношениях с финансовыми институтами, в которых корпоративные права часто предоставляются как обеспечение по кредитному обязательству. Права банка на участие в управлении должны быть жёстко привязаны к сроку действия кредитного договора и периоду нарушения обязательств заёмщиком. Выход за эти временные рамки превращает обеспечительную меру в инструмент установления корпоративного контроля. Подобный переход контроля не имеет легитимных оснований, поскольку он не обусловлен инвестицией в уставный капитал или полноправным членством, а происходит из злоупотребления договорной конструкцией, что противоречит принципу соразмерности обеспечения и основного обязательства. Временное ограничение контроля «внешнего» участника выступает, таким образом, не просто техническим требованием, а важным признаком, позволяющим отграничить квазикорпоративный договор от инструментов установления неправомерного влияния.

Немаловажное значение имеет вопрос о целесообразности патерналистского вмешательства в квазикорпоративные отношения. А.А. Кузнецов и ряд других авторов обосновывают необходимость защиты «слабой стороны» в корпоративном договоре [8; 10]. Однако введение ограничений договорной свободы под предлогом защиты

экономически слабого контрагента представляется лишённым разумных оснований.

В научной литературе выделяются следующие признаки «слабой стороны» гражданско-правового договора. Значительно меньший запас определённых ресурсов, повышенная заинтересованность, неосведомлённость [2; 13]. А.А. Волос в публикации 2024 года подчёркивает, что категория «слабая сторона» приобретает новое звучание в условиях цифровизации, однако применительно к профессиональным корпоративным отношениям её значение остаётся ограниченным [3].

Применительно к квазикорпоративному договору указанные признаки слабой стороны, как правило, выражены значительно менее явно, чем в отношениях с участием потребителей или иных субъектов, традиционно нуждающихся в специальной правовой защите. Стороны такого соглашения обычно являются профессиональными участниками экономической деятельности, обладают доступом к информации о финансовом состоянии общества и способны оценивать последствия принимаемых на себя обязательств. Безусловно, отдельные случаи могут характеризоваться фактическим неравенством переговорных возможностей, однако само по себе наличие различий в экономическом потенциале сторон ещё не свидетельствует о необходимости установления специальных ограничений свободы договора.

Участники непубличных хозяйственных обществ вступают в отношения, основанные преимущественно на лично-доверительном характере взаимодействия и возможности индивидуального согласования условий сотрудничества. Корпоративный договор представляет собой заранее согласованное распределение будущих прибылей, прав контроля и предпринимательских рисков, учитывающее специфику конкретного бизнеса и ожидания его участников. Установление императивных запретов, призванных оградить участников этого добровольного и внутреннего по природе соглашения от них самих, игнорирует важную особенность данных отношений, а именно их закрытость и сугубо договорную основу, в рамках которой каждый участник располагает значительным объёмом информации о контрагентах и осознанно принимает на себя возможные негативные последствия. Л.Б. Ситдикова подчёркивает, что корпоративный договор по своей природе относится к предпринимательским, порождающим обязательственно-правовые отношения, и основанием для судебного вмешательства может служить лишь нарушение баланса интересов, а не сам факт предоставления прав третьему лицу [12].

В подобных условиях вмешательство законодателя в содержание добровольно принятых обязательств требует самостоятельного и убедительного обоснования, выходящего за рамки общей ссылки на необходимость защиты потенциально более слабой стороны.

Указанный вывод согласуется и с общей цивилистической концепцией свободы договора. Как справедливо отмечает А.Г. Карапетов, в сфере предпринимательских отношений приоритет должен принадлежать презумпции диспозитивности правового регулирования, тогда как ограничение автономии воли допустимо лишь при наличии убедительных политико-правовых оснований, связанных с защитой публичных интересов либо заведомо слабой стороны правоотношения [6]. В отсутствие таких оснований участники гражданского оборота вправе самостоятельно определять содержание своих обязательств и распределять связанные с ними риски.

Существенное значение имеет принципиальное отличие от публичных рынков капитала. Участники непубличного общества обладают «правом на выход», то есть возможностью продать долю (пусть и с оговоренными ограничениями) или выйти из общества, если условия соглашения становятся неприемлемыми. Вместе с тем необходимо учитывать, что право на выход из ООО может быть ограничено уставом (ст. 26 Закона об ООО), а потому его значение не следует абсолютизировать. Тем не менее сама возможность выхода формирует сдерживающий эффект при согласовании условий и выступает более действенным средством защиты, нежели законодательные запреты. Как отмечал Р. Познер, свобода договора в сочетании с правом на выход составляют институты, обеспечивающие действенность закрытых корпоративных структур, снижая потребность в императивном регулировании в отношениях между рациональными экономическими субъектами [18]. Ф. Истербрук и Д. Фишел развили этот подход применительно к корпоративному праву, обосновав, что добровольное соглашение участников закрытой корпорации представляет собой оптимальный механизм распределения рисков [15]. Следует, однако, оговориться, что указанные позиции сформулированы в рамках англо-американской правовой традиции (в первую очередь, права штата Делавэр), и их рецепция в российское право требует учёта особенностей континентальной модели корпоративного управления.

Судебные органы в подавляющем большинстве случаев демонстрируют ограниченность своих возможностей при оценке сложных или нетипичных условий корпоративных договоров и при анализе экономической обоснованности распределения рисков между конкретными инвесторами. Принцип свободы договора позволяет самим сторонам разработать детализированные процедуры урегулирования разногласий (переговоры, опционы на выкуп долей), которые зачастую оказываются результативнее стандартных судебных процедур. Отказ от патернализма смещает акцент с публичного принуждения на частноправовые инструменты саморегулирования.

Одним из главных ограничений свободы является наличие определённых требований к его участникам. У третьих лиц необходимо наличие особого «охраняемого законом интереса». С.В. Кокорев обоснованно указывает, что данная категория по своей сути тождественна понятию «законный интерес», поскольку любой интерес, получивший защиту со стороны закона, тем самым признаётся законным[7]. Аналогичной позиции придерживается и Д.Р. Арнаут[1]. В доктринальных источниках законный интерес раскрывается через правовое состояние субъекта, стремящегося к обладанию определённым социальным благом и при необходимости вправе обратиться за защитой к уполномоченным органам[14].

Применительно к анализируемой конструкции требуется наличие именно имущественного интереса, что обусловлено функциональным назначением квазикорпоративного договора[7]. Представляется, что интерес кредитора должен быть связан с предотвращением существенных рисков, способных подорвать экономическую стабильность общества и, как следствие, возможность удовлетворения требований самого кредитора. Речь идёт о противодействии смене контроля, выводу активов, кардинальному изменению профиля деятельности или необоснованному увеличению долговой нагрузки. Именно имущественный интерес в сохранении хозяйственной целостности и платёжеспособности должника отличает сторону квазикорпоративного договора от обычного контрагента.

В связи с этим интерес таких кредиторов, как работники (по оплате труда), субподрядчики (по оплате выполненных работ) или независимые консультанты (по вознаграждению), сам по себе не может автоматически рассматриваться в качестве достаточного основания для предоставления корпоративных механизмов контроля. Хотя правовой интерес указанных лиц подлежит защите, он обычно носит ординарный характер и обеспечивается средствами обязательственного права. Вместе с тем судебная практика допускает использование квазикорпоративного договора для обеспечения обязательств, возникающих из обычных коммерческих договоров, включая договор поставки (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.02.2019 по делу № А05–5167/2018, СПС «Гарант»). Однако решающее значение в подобных случаях должно иметь не наименование основного обязательства, а характер и масштаб имущественной заинтересованности кредитора в сохранении финансовой устойчивости общества. Распространение режима квазикорпоративного договора на любого кредитора независимо от объёма его экономического интереса способно привести к неоправданному вмешательству в корпоративное управление и исказить саму природу корпоративных отношений, поскольку охраняемый законом интерес должен быть конкретным, существенным и непосредственно связанным с деятельностью общества.

Представляется обоснованным ограничивать возможность участия в квазикорпоративном договоре кредиторами, обладающими существенным имущественным интересом в деятельности общества. Такой интерес может иметь место в случаях, когда требования кредитора составляют значительный объём по отношению к активам общества либо когда кредитор осуществил существенные инвестиции в деятельность компании. Только кредитор, чьи финансовые вложения носят масштабный характер, приобретает легитимный интерес в предотвращении существенных корпоративных рисков, поскольку именно он в первую очередь несёт убытки от снижения финансовой устойчивости общества. Квазикорпоративный договор может быть заключён в обеспечение осуществлённых инвестиций (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского от 15.12.2017 по делу № А01–1238/2016), залога недвижимого имущества (решение Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.06.2018 по делу № А76–38448/2017). Д.В. Добрачев подчёркивает, что суды при оценке условий квазикорпоративных соглашений последовательно применяют критерий добросовестности (ст. 1, 10 ГК РФ) и принцип соразмерности ограничений[4]. Интерес же ординарного контрагента, выраженный в незначительной денежной сумме, не может служить основанием для предоставления ему доступа к механизмам корпоративного управления, так как его

требования адекватно защищаются общими нормами обязательственного права.

Представляется, что приведённые критерии позволяют определить не только круг лиц, способных выступать участниками квазикорпоративного договора, но и общий подход к оценке допустимости его условий. В центре внимания при этом находится не формальный статус третьего лица, а наличие у него объективно оправданного имущественного интереса и соразмерность предоставляемых ему корпоративных полномочий. Именно через данные категории в современной доктрине и правоприменительной практике осуществляется поиск баланса между свободой договора и необходимостью предотвращения чрезмерного вмешательства в корпоративное управление.

О постепенном формировании такого сбалансированного подхода свидетельствуют как доктринальные разработки, так и отдельные примеры судебной практики. Суды, с одной стороны, признают допустимость использования квазикорпоративных договоров для защиты интересов крупных кредиторов и инвесторов, а с другой – ориентируются на критерии добросовестности и соразмерности при оценке содержания соответствующих соглашений. В результате компромисс между частными интересами участников и стабильностью корпоративного управления достигается не посредством установления широких императивных запретов, а через судебный контроль за добросовестностью поведения сторон и развитие частноправовых механизмов саморегулирования, учитывающих индивидуальные особенности конкретного бизнеса.

Представляется, что накопленные в доктрине и судебной практике подходы позволяют сформулировать общий критерий допустимости условий квазикорпоративного договора. Несмотря на отсутствие в законодательстве прямого перечня допустимых или недопустимых условий подобных соглашений, их правовая оценка может осуществляться посредством комплексного теста, основанного на сочетании принципа свободы договора и особенностей корпоративных правоотношений.

На основании проведённого исследования предлагается авторский критерий (тест) допустимости условий квазикорпоративного договора.

Условие квазикорпоративного договора следует признавать допустимым при одновременном соблюдении следующих критериев.

Во-первых, предоставляемые третьему лицу корпоративные права должны быть непосредственно связаны с охраняемым законом имущественным интересом такого лица. Предоставление полномочий по участию в корпоративном управлении не может являться самоцелью и должно служить средством защиты конкретного имущественного интереса, обусловленного участием лица в финансировании деятельности общества, обеспечении исполнения обязательств либо иной сопоставимой экономической заинтересованностью.

Во-вторых, соответствующее условие не должно приводить к установлению бессрочного корпоративного контроля со стороны лица, не являющегося участником общества. Корпоративные права, предоставляемые в рамках квазикорпоративного договора, должны сохраняться лишь в течение периода существования интереса, ради защиты которого они были предоставлены.

В-третьих, условие не должно исключать возможность самостоятельного решения участником вопроса о дальнейшем участии в обществе. Ограничения права на выход могут быть допустимы лишь постольку, поскольку они являются временными, соразмерными и необходимыми для достижения целей договора.

В-четвёртых, реализация соответствующего условия не должна нарушать права иных участников общества, его кредиторов либо иных третьих лиц. Квазикорпоративный договор не может использоваться как инструмент обхода императивных норм корпоративного законодательства или перераспределения корпоративного контроля в ущерб лицам, не участвующим в соглашении.

В-пятых, содержание и реализация условия должны отвечать требованиям добросовестности, разумности и соразмерности. Даже формальное соответствие условия законодательству не исключает его судебной оценки через призму статьи 10 ГК РФ в случае очевидного дисбаланса интересов сторон либо злоупотребления предоставленными правами.

Предлагаемый тест позволяет обеспечить баланс между принципом свободы договора и необходимостью сохранения стабильности корпоративного управления. Его применение предполагает отказ от установления широких законодательных запретов и перенос акцента на оценку экономической цели конкретного условия и его влияния на права заинтересованных лиц.

Выводы

Проведённое исследование показало, что автономия воли в квазикорпоративном договоре подчиняется общему принципу свободы договора,

однако её реализация ограничивается особенностями корпоративных отношений. В отличие от классических гражданско-правовых соглашений, пределы усмотрения сторон здесь определяются необходимостью сохранения баланса между частными интересами участников договора и стабильностью корпоративного управления.

Установлено, что ключевыми ограничителями свободы договора в рассматриваемой сфере выступают наличие у третьего лица охраняемого законом имущественного интереса и временный характер предоставляемых ему корпоративных прав. Предоставление корпоративных полномочий лицу, не являющемуся участником общества, может быть оправдано лишь постольку, поскольку такие полномочия служат средством защиты конкретного экономического интереса и сохраняются в течение периода существования этого интереса. Использование квазикорпоративного договора для установления бессрочного корпоративного контроля противоречит его правовой природе.

Обосновано, что для квазикорпоративного договора, как правило, не характерно наличие слабой стороны в том значении, которое традиционно используется в гражданском праве для обоснования патерналистского вмешательства государства в частноправовые отношения. Закрытый характер непубличных корпоративных структур, профессиональный статус участников и возможность индивидуального согласования условий сотрудничества снижают потребность в императивном регулировании и позволяют отдавать приоритет механизмам договорного саморегулирования.

На основании проведённого исследования предложен авторский критерий (тест) допустимости условий квазикорпоративного договора, включающий пять взаимосвязанных элементов: наличие охраняемого законом имущественного интереса, временный характер предоставляемых корпоративных прав, сохранение права участника на самостоятельное решение вопроса о дальнейшем участии в обществе, недопустимость нарушения прав третьих лиц и соответствие условия требованиям добросовестности и соразмерности.

Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие института квазикорпоративного договора должно осуществляться преимущественно в направлении расширения возможностей договорного регулирования при сохранении судебного контроля за соблюдением фундаментальных принципов гражданского права, недопустимостью злоупотребления корпоративными полномочиями и защитой законных интересов участников корпоративных отношений и иных заинтересованных лиц.

Литература

1. Арнаут, Д.Р. Формы участия кредитора в корпоративном управлении корпорацией-должником / Д.Р. Арнаут // Вестник экономического правосудия. – 2023. – № 7. – С. 81–120.
2. Вавилин, Е.В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав / Е.В. Вавилин. – Саратов, 2012.
3. Волос, А.А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации / А.А. Волос // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17. – № 3. – С. 84–105.
4. Добрачев, Д.В. Недействительность корпоративного договора: вопросы судебной практики / Д.В. Добрачев // Вестник арбитражной практики. – 2023. – № 1. – С. 28–39.
5. Егорова, М.А. Корпоративный и квазикорпоративный договоры: понятие, участники, применение / М.А. Егорова, И.А. Самойлов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2025. – № 3.
6. Карапетов, А.Г. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. / А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2012.
7. Кокорев, С.В. Квазикорпоративный договор как правовой инструмент регулирования корпоративных правоотношений / С.В. Кокорев // Право и экономика. – 2019. – № 7. – С. 43–48.
8. Кузнецов, А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк / А.А. Кузнецов. – М.: Статут, 2017.
9. Ломакин, Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства / Д.В. Ломакин // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 8.
10. Мамагешвили, В.З. Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве / В.З. Мамагешвили // Корпоративное право: актуальные проблемы: сборник статей / под ред. И.С. Шткиной. – М.: Статут, 2017.
11. Миннуллина, К.А. Квазикорпоративный договор как экстраординарный способ защиты прав кредиторов / К.А. Миннуллина, Е.П. Татаринова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 6. – С. 74–79.

12. Ситдикова, Л.Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений / Л.Б. Ситдикова // Юрист. – 2024. – № 3.

13. Славецкий, Д.В. Принцип защиты слабой стороны гражданско-правового договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Славецкий. – Самара, 2004.

14. Субочев, В.В. Законные интересы / В.В. Субочев // Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2012.

15. Easterbrook, F.H. The Economic Structure of Corporate Law / F.H. Easterbrook, D.R. Fischel. – Cambridge: Harvard University Press, 1991.

16. McLaughlin, S. Unlocking Company Law / S. McLaughlin. – Hodder Education, 2009.

17. Muth, G. Shareholders' Agreements / G. Muth, S. FitzGerald. – London: Sweet and Maxwell, 2009.

18. Posner, R.A. Economic Analysis of Law / R.A. Posner. – 8th ed. – New York: Aspen Publishers, 2010.

LIMITS OF PARTY AUTONOMY IN A QUASI-CORPORATE AGREEMENT

Miroshnichenko K.V.

Academy of Labour and Social Relations, Moscow Bar Association

The article examines the legal nature and the limits of party autonomy in a quasi-corporate agreement. The paper analyzes the systemic contradiction that arises at the intersection of the mandatory norms of corporate legislation and the dispositive principles of contract law. The author identifies the principal restrictions on freedom of contract in the field under consideration, which include special requirements as to the parties to the agreement (the existence of a substantial proprietary interest on the part of a major creditor) and the temporary nature of the corporate rights granted. It is argued that a quasi-corporate agreement is not, as a rule, characterized by the presence of a weaker party in need of special paternalistic protection. The article substantiates the thesis that the imposition of rigid statutory restrictions on freedom of contract in non-public corporate relations runs counter to their contractual nature and closed character, whereas effective protection of the participants' interests can be ensured through private-law instruments of self-regulation.

Keywords: quasi-corporate agreement, party autonomy, freedom of contract, legally protected interest, corporate governance, limits of freedom of contract, corporate agreement.

References

1. Arnautov, D.R. Forms of Creditor Participation in Corporate Management of a Debtor Corporation / D.R. Arnautov // Bulletin of Economic Justice. – 2023. – No. 7. – Pp. 81–120.
2. Vavilin, E.V. Principles of Civil Law. Mechanism for the Implementation and Protection of Civil Rights / E.V. Vavilin. – Saratov, 2012.
3. Volos, A.A. The Category of «Weak Side of Civil Legal Relationships» in the Context of Digitalization / A.A. Volos // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2024. – Vol. 17. – No. 3. – Pp. 84–105.
4. Dobrachev, D.V. Invalidity of a Corporate Agreement: Issues of Judicial Practice / D.V. Dobrachev // Bulletin of Arbitration Practice. – 2023. – No. 1. – P. 28–39.
5. Egorova, M.A. Corporate and quasi-corporate agreements: concept, participants, application / M.A. Egorova, I.A. Samoilov // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. – 2025. – No. 3.
6. Karapetyan, A.G. Freedom of contract and its limits: in 2 volumes / A.G. Karapetyan. – Moscow: Statut, 2012.
7. Kokorev, S.V. Quasi-corporate agreement as a legal instrument for regulating corporate legal relations / S.V. Kokorev // Law and Economics. – 2019. – No. 7. – P. 43–48.
8. Kuznetsov, A.A. Limits of Autonomy of Will in Corporate Law: A Brief Essay / A.A. Kuznetsov. – M.: Statut, 2017.
9. Lomakin, D.V. Agreements on the Exercise of Rights of Participants in Business Entities as a Novelty in Corporate Legislation / D.V. Lomakin // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 8.
10. Mamagishvili, V.Z. The Correlation of Mandatory and Dispositive Principles in Corporate Law / V.Z. Mamagishvili // Corporate Law: Current Issues: A Collection of Articles / ed. by I.S. Shitkina. – M.: Statut, 2017.
11. Minnullina, K.A. Quasi-corporate agreement as an extraordinary way to protect creditors' rights / K.A. Minnullina, E.P. Tatarinova // Property relations in the Russian Federation. – 2021. – No. 6. – P. 74–79.
12. Sitdikova, L.B. Corporate agreement as a way to exercise the rights of participants in corporate relations / L.B. Sitdikova // Jurist. – 2024. – No. 3.
13. Slavetsky, D.V. Principle of protecting the weaker party in a civil law contract: author's abstract. diss. ... Cand. of Law / D.V. Slavetsky. – Samara, 2004.
14. Subochev, V.V. Legitimate interests / V.V. Subochev // Problems of the theory of state and law: textbook / ed. A.V. Malko. – M.: YurLitinform, 2012.
15. Easterbrook, F.H. The Economic Structure of Corporate Law / F.H. Easterbrook, D.R. Fischel. – Cambridge: Harvard University Press, 1991.
16. McLaughlin, S. Unlocking Company Law / S. McLaughlin. – Hodder Education, 2009.
17. Muth, G. Shareholders' Agreements / G. Muth, S. FitzGerald. – London: Sweet and Maxwell, 2009.
18. Posner, R.A. Economic Analysis of Law / R.A. Posner. – 8th ed. – New York: Aspen Publishers, 2010.

Пфаненштиль Владимир Владимирович,
магистрант факультета права, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: Vladimirpfan@gmail.com

Статья посвящена прикладному анализу национального стандарта ГОСТ Р 71177-2023 «Управление крупными строительными проектами с использованием интегрированных контрактов», вступившего в силу 1 января 2024 года и впервые в российской практике закрепившего единые подходы к интегрированным контрактам типа EPC (Engineering, Procurement, Construction). Цель исследования – определить, как появление стандарта влияет на работу юриста при структурировании EPC-контрактов с российским участием. Используются формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ нормативного материала и договорной практики. Установлено, что ГОСТ Р 71177-2023, имея рекомендательный (добровольный) характер технического документа, не устраняет коллизий между логикой EPC-модели и императивными нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, однако формирует общий терминологический и методологический базис, который юрист может использовать при толковании условий договора, согласовании распределения рисков и подготовке правовых позиций. Сделан вывод о том, что практическая ценность стандарта реализуется не через прямое применение его положений судами, а через опосредованное влияние на договорную технику; сформулированы рекомендации по работе с пробелами стандарта посредством договорных оговорок.

Ключевые слова: EPC-контракт, интегрированный контракт, ГОСТ Р 71177-2023, строительный подряд «под ключ», распределение рисков, обязательство по результату, FIDIC, национальный стандарт, договорная техника, гражданское право.

Введение

Международные инвестиционно-строительные проекты характеризуются технической сложностью, длительными сроками реализации и зависимостью от поведения множества участников. В этих условиях выбор договорной модели приобретает значение самостоятельного правового решения, поскольку именно договор предопределяет, кто несёт ответственность за каждый из возможных рисков. Среди применяемых моделей договор строительного подряда «под ключ» (EPC/ Turnkey) занимает обособленное место: он формирует принцип «одного окна» ответственности, при котором подрядчик принимает обязательство по исполнению всех стадий проекта – от проектирования до ввода объекта в эксплуатацию.

До недавнего времени российский правопорядок не содержал специального регулирования таких контрактов. На практике их структурировали через нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2] как смешанные договоры, а большинство крупных проектов оформляли по английскому праву с использованием типовых проформ Международной федерации инженеров-консультантов (FIDIC) [8; 19]. По оценкам отраслевых аналитиков, доля интегрированных контрактов в гражданском и промышленном строительстве уже достигла значимых величин и продолжает расти, а после ухода ряда иностранных подрядчиков с российского рынка спрос на отечественные компетенции в этой сфере усилился. Это сделало вопрос о нормативной опоре для EPC-контракта практически востребованным.

Ситуация изменилась 1 января 2024 года, когда вступил в силу национальный стандарт ГОСТ Р 71177-2023 «Управление крупными строительными проектами с использованием интегрированных контрактов», утверждённый приказом Росстандарта от 27 декабря 2023 г. № 1683-ст [6]. Стандарт разработан при участии крупнейших компаний, имеющих опыт реализации EPC-проектов, и впервые закрепил единый понятийный аппарат, организационные модели управления проектом и подходы к распределению рисков между его участниками.

Появление стандарта поставило перед практикующим юристом конкретный вопрос: что меняется в его работе? Настоящая статья отвечает на него с прикладных позиций. Последовательно рассматриваются правовой статус ГОСТа и его соотношение с действующим регулированием; содержание стандарта в той части, которая имеет непосредственное значение для договорной техники; а также пределы стандарта – коллизии, которые он не разрешает, и способы их преодоления договорными средствами. Степень научной разработанности темы остаётся невысокой: правовая природа EPC-контракта рассматривалась в работах А.Г. Архипова [10], О.В. Савельева [14], при структурировании проектов – в практических руководствах (В. Липавский и др.) [13], однако сам стандарт как фактор договорной практики освещён лишь фрагментарно, что и определяет новизну настоящего исследования.

Правовой статус ГОСТ Р 71177-2023 и его место в системе регулирования

Первое, что должен учитывать юрист, – природа документа. ГОСТ Р 71177-2023 является национальным стандартом по смыслу Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [4]. Это означает добровольность его применения: согласно общему правилу законодательства о стандартизации, национальный стандарт применяется на добровольной основе, а обязательность отдельных его положений возникает лишь при наличии прямой отсылки в договоре или в ином обязательном для сторон документе. Сам стандарт прямо закрепляет, что приведённые в нём типовые составы и схемы носят рекомендуемый характер и подлежат адаптации под конкретный проект [6].

Из этого следует первый практический вывод. ГОСТ Р 71177-2023 не является нормативным правовым актом и не порождает прав и обязанностей сторон автоматически. Он становится обязательным для сторон только в том случае, если они инкорпорируют его положения в текст контракта – полностью либо в части. Это принципиально отличает стандарт от императивных норм ГК РФ, которые действуют независимо от воли сторон. Соответственно, отсутствуют основания ожи-

дать, что суд будет напрямую цитировать положения стандарта в мотивировочной части решения как нормативное основание: на момент подготовки настоящей статьи судебная практика прямого применения ГОСТ Р 71177–2023 фактически не сформировалась, что закономерно вытекает из его технической и рекомендательной природы.

Второй вывод касается соотношения стандарта с режимом государственных закупок. В сфере публичных контрактов модели ЕРС соответствует институт контрактов «под ключ», введённый постановлением Правительства Российской Федерации от 12 мая 2017 г. № 563 (в редакции от 30 мая 2024 г.) [5]. По такому контракту подрядчик выполняет полный цикл работ – инженерные изыскания, проектирование, строительство, поставку и монтаж оборудования, ввод объекта в эксплуатацию. Принципиальная особенность ценообразования состоит в том, что начальная (максимальная) цена контракта фиксируется ещё до завершения проектирования, на стадии обоснования инвестиций, прошедшего технологический и ценовой аудит. Здесь возникает первое практическое поле взаимодействия: постановление № 563 задаёт обязательные процедурные рамки для публичных ЕРС-проектов, тогда как ГОСТ предлагает методологию управления ими. Юрист, сопровождающий закупку «под ключ», должен понимать, что обязательным остаётся постановление № 563, а стандарт может использоваться как методический ориентир, не подменяющий закупочные правила.

Третий вывод – о соотношении стандарта с гражданским законодательством. ГОСТ оперирует управленческими и техническими категориями (жизненный цикл проекта, проектный офис, контрактная стратегия, управление рисками), но не вторгается в сферу гражданско-правовой квалификации договора. Он не отвечает на вопрос, является ли интегрированный контракт самостоятельным типом договора или смешанным договором в смысле пункта 3 статьи 421 ГК РФ, и не разрешает коллизий с императивными нормами обязательственного права. Это значит, что появление стандарта не освобождает юриста от необходимости выстраивать гражданско-правовую конструкцию контракта по правилам ГК РФ.

Что стандарт даёт юристу: терминология, роли и распределение рисков

Несмотря на рекомендательный статус, ГОСТ Р 71177–2023 имеет ощутимую прикладную ценность. Она проявляется в трёх направлениях.

Единый понятийный аппарат

До 2024 года стороны переговоров нередко вкладывали разное содержание в одни и те же термины, а перевод англоязычной терминологии FIDIC порождал разночтения. Стандарт содержит развёрнутый раздел терминов и определений, закрепляя, в частности, понятия интегрированного контракта ЕРС, ЕРС-подрядчика, контрактной стратегии реализации проекта, плана реализации проекта, комплексного базового проекта, проектного офиса. Определение интегрированного контракта ЕРС прямо указывает, что в ответственность подрядчика входит организация и обеспечение основного объёма работ с момента проектирования до передачи готового объекта заказчику и ввода в эксплуатацию, включая гарантийные обязательства, и что подрядчик принимает на себя определённый (повышенный) объём рисков, фиксируемый в контракте [6]. Для юриста это означает появление авторитетного русскоязычного источника терминологии, на который можно сослаться в преамбуле и разделе определений контракта, снижая риск разночтений и облегчая последующее толкование. Показательно, что стандарт прямо соотносит описываемую модель с международной практикой и, в частности, с профформой FIDIC, ориентирующей на проекты с максимальной концентрацией рисков у подрядчика [8], что обеспечивает преемственность между отечественным стандартом и привычной международной договорной техникой [17].

Структурирование ролей и распределения рисков

Стандарт описывает функционально-ролевую структуру участников проекта (инвестор, заказчик, ЕРС-подрядчик, консультант по управлению проектом, органы власти, страховые компании и др.) и предлагает типовые контрактные стратегии. Ключевой для юриста является заложенная в стандарте логика: ЕРС-подрядчик несёт ответственность за результаты проекта и принимает основной объём рисков в оговорённых границах ответственности, выполняет проект в пределах установленного лимита стоимости (твёрдой цены) и принимает финансовые риски невозможности выполнения работ в пределах этой стоимости, если иное не предусмотрено контрактом; при этом допускается включение условий изменения цены при наступлении определённых обстоятельств. Заказчик же имеет ограниченные контрактом полномочия по взаимодействию с субподрядчиками при условии полной ответственности подрядчика за их работу [6]. Эта модель совпадает с экономической сущностью

ЕРС и даёт юристу готовый каркас для согласования соответствующих разделов договора: о цене и условиях её изменения, о границах ответственности, о пределах вмешательства заказчика.

Управленческие процедуры как предмет договорных обязательств

Стандарт акцентирует системность процедур управления проектом – планирование, контроль сроков, стоимости и качества, управление изменениями, управление рисками. С правовой точки зрения это материал для перевода управленческих процессов в плоскость договорных обязательств: порядок уведомлений, фиксации отклонений, согласования изменений объёма работ и цены. Практика международных арбитражей последовательно показывает, что исход спора нередко определяется не столько текстом договора, сколько поведением сторон – соблюдением процедур уведомления и своевременной фиксации обстоятельств [16; 19]. Поэтому закреплённые в стандарте процедурные ориентиры юрист может использовать для проектирования работающих договорных механизмов, обеспечивающих доказуемость поведения сторон.

Сопоставление с прежней практикой делает вклад стандарта наглядным. Ранее юрист структурировал ЕРС-проект, конструируя смешанный договор на основе общих норм ГК РФ о подряде, поставке и услугах, и заимствуя терминологию и процедуры из англоязычных профформ FIDIC, адаптируя их к российскому праву. Теперь у него есть отечественный методологический документ, который снимает терминологическую неопределённость и предлагает признанную профессиональным сообществом модель распределения ролей и рисков. Это не отменяет работу по гражданско-правовому структурированию, но задаёт ей общую рамку и облегчает согласование позиций сторон.

Пределы стандарта: коллизии, которые ГОСТ не разрешает

Прикладная честность требует обозначить границы. ГОСТ Р 71177–2023 – методологический и управленческий документ; он не разрешает гражданско-правовых коллизий, возникающих при применении ЕРС-модели в российском праве. Юристу важно знать эти болевые точки и закрывать их договорными средствами.

Обязательство по результату против обязательства приложить усилия

Сущность ЕРС состоит в том, что подрядчик принимает обязательство достичь результата, соответствующего согласованным эксплуатационным показателям (obligation of result), а не только выполнить работы надлежащим образом (obligation of means). Российское законодательство о подряде (статьи 702, 721, 723 ГК РФ) [2] в основе исходит из обязательства выполнить работу и передать её результат, но не содержит прямой конструкции ответственности за недостижение эксплуатационных показателей объекта как такового [10; 15]. Стандарт говорит об ответственности подрядчика за результаты проекта в управленческом смысле, но не превращает это в гражданско-правовую категорию. Рекомендация для практики: эксплуатационные (функциональные) показатели объекта следует прямо закреплять в техническом приложении к договору как самостоятельный предмет обязательства, с чёткими критериями приёма, допустимыми отклонениями и порядком повторных испытаний, – тогда их недостижение становится договорным нарушением независимо от формального выполнения отдельных видов работ.

Заранее оценённые убытки и снижение неустойки

Стандартный для ЕРС механизм заранее оценённых убытков (liquidated damages) позволяет сторонам заблаговременно зафиксировать размер компенсации за просрочку или недостижение показателей, исключая доказывание фактического ущерба. Однако в российском праве такой механизм сталкивается со статьёй 333 ГК РФ, допускающей судебное снижение неустойки [2]. Хотя для предпринимательских отношений снижение возможно лишь в исключительных случаях и по заявлению должника, риск пересмотра согласованной суммы сохраняется. Рекомендация: согласованные суммы целесообразно квалифицировать в договоре как заранее оценённые убытки в пределах установленного лимита ответственности, обосновывать их расчётный характер и фиксировать профессиональный статус сторон; это не исключает применение статьи 333 ГК РФ, но усиливает позицию против произвольного снижения.

Независимые гарантии

Финансовая архитектура ЕРС опирается на банковскую гарантию исполнения (performance bond) и гарантию возврата аванса, ключевая особенность которых – независимость от основного обязательства. Российская конструкция независимой гарантии (статьи 368–379 ГК РФ) [2] в целом совместима с этой логикой, однако практика предъявления требований по таким гарантиям и пределы возмещения гаранта требуют

аккуратной договорной проработки [16]. Рекомендация: условия гарантий следует согласовывать с учётом российских норм о независимой гарантии, прямо оговаривая независимый характер обязательства гаранта и основания платежа.

Квалификация договора

Стандарт не отвечает на вопрос о гражданско-правовой квалификации интегрированного контракта. На практике он по-прежнему конструируется как смешанный договор (пункт 3 статьи 421 ГК РФ) [1], сочетающий элементы подряда, поставки и возмездного оказания услуг, что влечёт применение к соответствующим элементам правил о соответствующих договорах [14]. Это означает сохранение приблизительности квалификации и связанной с ней неопределённости, которую юрист компенсирует детальной проработкой условий, а не ссылкой на стандарт.

Таким образом, стандарт задаёт методологию, но не заменяет гражданско-правовое структурирование и не устраняет коллизий с императивными нормами. Его пределы – это зона ответственности юриста, работающего с конкретным договором.

Заключение

Появление ГОСТ Р 71177–2023 – значимый этап институционализации EPC-контрактинга в России, однако его практическое влияние на работу юриста носит опосредованный характер. Стандарт не является нормативным правовым актом, применяется добровольно и не разрешает коллизий между логикой EPC-модели и императивными нормами гражданского законодательства. Его ценность реализуется не через прямое применение судами, а через влияние на договорную технику: единый понятийный аппарат, признанную модель распределения ролей и рисков, ориентиры для процедурных механизмов.

Для практикующего юриста это означает следующий порядок работы. Терминологию и методологию стандарта целесообразно использовать как опору при подготовке преамбулы, раздела определений и положений о распределении рисков. Гражданско-правовую конструкцию договора необходимо по-прежнему выстраивать по правилам ГК РФ, не полагаясь на стандарт как на источник прав и обязанностей. Болевые точки EPC-модели в российском праве – обязательство по результату, заранее оценённые убытки, независимые гарантии, квалификация договора – следует закрывать целевыми договорными оговорками: фиксацией эксплуатационных показателей как самостоятельного предмета обязательства, обоснованием расчётного характера заранее оценённых убытков, проработкой условий независимых гарантий, детальным согласованием смешанной конструкции. В публичных закупках «под ключ» обязательными остаются процедуры постановления № 563, а стандарт выполняет вспомогательную, методическую роль.

Дальнейшее развитие связано с возможным наделением стандарта статусом рекомендательного ориентира для судебного толкования и с точечными разъяснениями высшей судебной инстанции по спорным вопросам применения EPC-модели. До тех пор грамотно структурированный с учётом изложенных рекомендаций EPC-контракт способен эффективно работать в российском правовом поле, а ГОСТ Р 71177–2023 – служить юристу надёжным методологическим, но не нормативным инструментом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
4. О стандартизации в Российской Федерации: федер. закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.05.2017 № 563 (ред. от 30.05.2024) «О порядке и об основаниях заключения контрактов, предметом которых является одновременно выполнение работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию объектов капитального строительства» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 21. Ст. 3015.
6. ГОСТ Р 71177–2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Управление крупными строительными проектами с использованием интегрированных контрактов: утв. и введён в действие приказом Росстандарта от 27.12.2023 № 1683-ст. М.: Российский институт стандартизации, 2023.

7. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017.

8. FIDIC. Conditions of Contract for EPC/Turnkey Projects (Silver Book). 2nd ed. Geneva: Fédération Internationale des Ingénieurs-Conseils, 2017.

9. FIDIC. Conditions of Contract for Plant and Design-Build (Yellow Book). 2nd ed. Geneva: Fédération Internationale des Ingénieurs-Conseils, 2017.

10. Архипов А.Г. Правовая природа EPC-контракта: к вопросу о квалификации в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 72–98.

11. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002.

12. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018.

13. Липавский В. и др. Структурирование инвестиционных проектов на основе EPC– и EPC(M)–контрактов. М.: Ost Legal, 2024.

14. Савельев О.В. Смешанные договоры в гражданском праве России: проблемы квалификации и применимого режима // Хозяйство и право. 2021. № 9. С. 34–52.

15. Сарбаш С.В. Договор подряда: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2018.

16. Bunni N.G. The FIDIC Forms of Contract. 3rd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2005.

17. Glover J., Hughes W., Murdoch J. Understanding the FIDIC Red and Yellow Books. London: Sweet & Maxwell, 2018.

18. Hughes W. The evolution of risk allocation in international construction contracts // Construction Management and Economics. 2016. Vol. 34. No. 7–8. P. 453–466.

19. Huse J.A. Understanding and Negotiating Turnkey and EPC Contracts. 2nd ed. London: Sweet & Maxwell, 2002.

20. Sørensen J.B. FIDIC Contracts in the Asia-Pacific Region: Comparative Analysis // International Construction Law Review. 2024. Vol. 41. No. 2. P. 112–130.

GOST R 71177–2023 IN THE PRACTICE OF STRUCTURING EPC CONTRACTS: WHAT CHANGES IN A LAWYER'S WORK

Planenshtil V.V.

National Research University Higher School of Economics

The article provides a practice-oriented analysis of the national standard GOST R 71177–2023 “Management of large construction projects using integrated contracts”, which entered into force on 1 January 2024 and for the first time in Russian practice established unified approaches to integrated EPC contracts (Engineering, Procurement, Construction). The purpose of the study is to determine how the introduction of the standard affects the work of a lawyer when structuring EPC contracts involving Russian parties. The author applies formal-legal and comparative-legal methods, as well as analysis of normative material and contractual practice. It is established that GOST R 71177–2023, being a technical document of a recommendatory (voluntary) nature, does not eliminate the conflicts between the logic of the EPC model and the mandatory provisions of the Civil Code of the Russian Federation; nevertheless, it forms a common terminological and methodological basis that a lawyer may use when interpreting contract terms, agreeing on risk allocation and preparing legal positions. The author concludes that the practical value of the standard is realised not through the direct application of its provisions by courts, but through its indirect influence on contract drafting technique, and formulates recommendations for addressing the gaps of the standard by means of contractual clauses.

Keywords: EPC contract, integrated contract, GOST R 71177–2023, turnkey construction contract, risk allocation, obligation of result, FIDIC, national standard, contract drafting, civil law.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ (as currently amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law of 26.01.1996 No. 14-FZ (as currently amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
3. Urban Development Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2004 No. 190-FZ (as currently amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Art. 16.
4. On Standardization in the Russian Federation: Federal Law of 29.06.2015 No. 162-FZ (as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 27. Article 3953.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 12.05.2017 No. 563 (as amended on 30.05.2024) “On the Procedure and Grounds for Concluding Contracts, the Subject of Which is the Simultaneous Performance of Work on the Design, Construction, and Commissioning of Capital Construction Projects” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 21. Article 3015.

6. GOST R 71177–2023. National Standard of the Russian Federation. Management of Large Construction Projects Using Integrated Contracts: approved. and put into effect by Order of Rosstandart dated 27.12.2023 No. 1683-st. Moscow: Russian Institute of Standardization, 2023.

7. Review of judicial practice in applying the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs: approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 28.06.2017.

8. FIDIC. Conditions of Contract for EPC/Turnkey Projects (Silver Book). 2nd ed. Geneva: Fédération Internationale des Ingénieurs-Conseils, 2017.

9. FIDIC. Conditions of Contract for Plant and Design-Build (Yellow Book). 2nd ed. Geneva: Fédération Internationale des Ingénieurs-Conseils, 2017.

10. Arkhipov A.G. Pravovaya priroda EPC-kontrakta: k voprosu o kvalifikatsii v rossiyskom grazhdanskom prave [The Legal Nature of the EPC Contract: On the Question of Qualification in Russian Civil Law]. Vestnik grazhdanskogo prava, 2022, no. 4, pp. 72–98.

11. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoe pravo. Kniga tret'ya [Contract Law. Book Three]. Moscow, Statut Publ., 2002.

12. Vitryanskiy V.V. Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi [Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results]. Moscow, Statut Publ., 2018.

13. Lipavskiy V. et al. Strukturirovanie investitsionnykh proektov na osnove EPC–i EPC(M)-kontraktov [Structuring of Investment Projects Based on EPC and EPC(M) Contracts]. Moscow, Ost Legal Publ., 2024.

14. Savel'ev O.V. Smeshannyye dogovory v grazhdanskom prave Rossii: problemy kvalifikatsii i primenimogo rezhima [Mixed Contracts in Russian Civil Law: Problems of Qualification and the Applicable Regime]. Khozyaystvo i pravo, 2021, no. 9, pp. 34–52.

15. Sarbash S.V. Dogovor podryada: problemy teorii i praktiki [The Contract for Work: Problems of Theory and Practice]. Moscow, Statut Publ., 2018.

16. Bunni N.G. The FIDIC Forms of Contract. 3rd ed. Oxford, Wiley-Blackwell, 2005.

17. Glover J., Hughes W., Murdoch J. Understanding the FIDIC Red and Yellow Books. London, Sweet & Maxwell, 2018.

18. Hughes W. The Evolution of Risk Allocation in International Construction Contracts. Construction Management and Economics, 2016, vol. 34, no. 7–8, pp. 453–466.

19. Huse J.A. Understanding and Negotiating Turnkey and EPC Contracts. 2nd ed. London, Sweet & Maxwell, 2002.

20. Sørensen J.B. FIDIC Contracts in the Asia-Pacific Region: Comparative Analysis. International Construction Law Review, 2024, vol. 41, no. 2, pp. 112–130.

Салеев Эмиль Радикович,

магистр частного права, ФГАОУ ВО «Московский
государственный юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: saleevemil913@gmail.com

Статья посвящена анализу проблемных аспектов признания недействительными подозрительных сделок на основании п. 1 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Автор исследует эволюцию судебной практики определения критерия «существенной неравноценности» встречного предоставления и обосновывает необходимость отказа от формальных процентных порогов в пользу дифференцированного подхода, основанного на кратном критерии и системе опровержимых презумпций. В статье также анализируются зарубежные подходы к оспариванию неравноценных сделок (Германия, Франция, Англия, США). Вносятся предложения по совершенствованию правоприменительной практики и изменению законодательства.

Ключевые слова: банкротство, недействительность сделок, неравноценное встречное исполнение, подозрительная сделка, критерий кратности, *actio Pauliana*, добросовестность.

Введение

Институт признания недействительными сделок должника в процедурах несостоятельности является одним из ключевых механизмов пополнения конкурсной массы и защиты прав кредиторов. Согласно данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве (Федресурс), ежегодно количество заявлений об оспаривании сделок исчисляется десятками тысяч, при этом доля удовлетворенных требований стабильно составляет 40–45 процентов [1]. Столь высокая востребованность объясняется прежде всего развитием нормативного регулирования и формированием развернутой судебной практики, особенно после введения в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [2] (далее – Закон о банкротстве) главы III.1 Федеральным законом от 28 апреля 2009 года № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] отдельной главы III.1 «Оспаривание сделок должника».

Указанным законом были закреплены ставшие традиционными три основных состава недействительности сделок – сделки с неравноценным встречным исполнением (пункт 1 статьи 61.2), сделки, совершенные с целью причинения вреда кредиторам (пункт 2 статьи 61.2), и сделки с предпочтением (статья 61.3).

Предметом исследования настоящей статьи являются сделки с неравноценным встречным исполнением, анализ состава которых вызывает ряд дискуссионных вопросов.

Одним из центральных вопросов является вопрос о критерии существенности неравноценности встречного исполнения (или, более корректно – встречного предоставления). Законодатель наделил суды дискреционными полномочиями по определению данного критерия исходя из обстоятельств совершения конкретной сделки, что, несомненно, заслуживает поддержки. В то же время, наличие данной оценочной категории в отдельных ситуациях ставит под угрозу стабильность гражданского оборота и разумные ожидания контрагентов по такой сделке, в связи с чем требуется корректировка действующих в судебной практике подходов и совершенствование законодательства в данной сфере.

Цель настоящей статьи – предложить научно обоснованные критерии квалификации сделок с неравноценным встречным исполнением. В работе используются историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-догматический методы. Теоретическую основу составляют труды современных ученых-цивилистов, практическую основу – статистические материалы и материалы судебно-арбитражной практики.

Критерии неравноценности встречного исполнения (предоставления) в судебной практике

В силу п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, может быть признана арбитражным судом недействительной при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка).

Неравноценным встречным исполнением обязательств будет признаваться, в частности, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств [2].

Из изложенного следует, что сделки с неравноценным встречным исполнением являются ограничением принципа свободы договора в пользу должника и его кредиторов, налагая на участников гражданского оборота обязанность заботиться о равномерном распределении экономических благ. Такое ограничение с политико-правовой точки зрения вызвано необходимостью защиты прав и интересов кредиторов несостоятельного должника на удовлетворение своих требований

за счет конкурсной массы должника и перераспределением риска его банкротства. Как отмечается в литературе, распределение риска несостоятельности должника лежит в самой основе правового регулирования сферы несостоятельности (банкротства) [4, С. 99–101].

В процедуре банкротства напрямую сталкиваются интерес кредиторов несостоятельного должника на получение удовлетворения своих требований и интерес участников гражданского оборота в обеспечении его стабильности и предсказуемости. В связи с чем, законодатель должен стремиться к обеспечению баланса данных интересов, на что справедливо указывает Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях (Постановления Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П, от 18.11.2019 № 36-П, от 03.02.2022 № 5-П, от 31.05.2023 № 28-П) [5].

К вопросу о балансе интересов Х. Коциоль указывает, что «возможность оспаривания сделок в принципе может обеспечиваться только тогда, когда кредитор, не полностью удовлетворивший свои требования, кажется более заслуживающим защиты, чем противоположная сторона («противник по оспариванию»)» [6, С. 238].

Вопрос о соблюдении баланса интересов кредиторов несостоятельного должника и его контрагентов напрямую раскрывается при определении критерия существенности неравноценности встречного предоставления при признании недействительными сделок должника на основании п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Верховный Суд РФ исходит из того, что понятие неравноценности является оценочным, в силу чего к нему не могут быть применимы заранее установленные формальные (процентные) критерии отклонения цены. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 03.02.2022 № 5-П наличие в пункте 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве оценочных характеристик создает возможность эффективного ее применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.05.2022 по делу № 306-ЭС21–4742, А12–42/2019) [5].

В судебной практике нижестоящих судов также встречаются различные точки зрения на то, сколько должно составлять отклонение цены продажи имущества (или иных условий) по оспариваемой сделке от его рыночной стоимости. Так, выделяются следующие критерии.

Первый подход – отклонение цены на 20% со ссылкой на п. 3 ст. 40 НК РФ [7], согласно которому при определении соответствия цены товаров, работ или услуг рыночным условиям цена признаётся соответствующей рыночным условиям, если её отклонение составляет не более 20% от рыночной цены аналогичных (идентичных) товаров, работ или услуг [8], [9].

Второй подход – отклонение цены на 30–40%, являющийся одним из наиболее распространённых. При этом судебная практика опирается на правовую позицию, выработанную в Постановлении Президиума ВАС РФ от 28.06.2011 № 913/11 по делу № А27–4849/2010, в соответствии с которой при оспаривании результатов кадастровой оценки земельного участка высший суд признал существенным расхождение между кадастровой стоимостью и рыночной стоимостью более чем на 30% [10], [11], [12].

Третий подход – отклонение цены на 50% и более, что соответствует кратному занижению, при котором рыночная стоимость превышает цену сделки в два и более раза [13], [14].

Более подробное исследование критериев существенности неравноценности встречного предоставления в судебной практике раскрывается в литературе [15, С. 56–58]. При этом подчеркивается, что состав недействительности сделок с неравноценным встречным исполнением построен по «объективной модели», при которой не требуется доказывать недобросовестность контрагента по сделке [16, С. 420] [17, С. 64].

Сравнительно-правовой обзор: место российской модели среди зарубежных аналогов

Для более точного понимания специфики п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве необходимо обратиться к зарубежному опыту регулирования оспаривания сделок с неравноценным встречным предоставлением. Такой анализ позволяет выявить, что «чисто объективная» модель, при которой для признания сделки недействительной достаточно факта существенной неравноценности и совершения сделки в период подозрительности (без исследования добросовестности контрагента), является уникальной для российского правопорядка. Большинство развитых правовых систем, за исключением французского правопорядка, либо требуют доказательства осведомлённости контрагента о неплатёжеспособности должника, либо ограничивают объективное оспаривание безвозмездными сделками, либо устанавливают дополнительное условие – неплатёжеспособность должника на момент сделки.

Германия

В современном Положении о несостоятельности ФРГ (Insolvenzordnung – InsO) отсутствует прямой аналог российского п. 1 ст. 61.2. Для оспаривания возмездной сделки с неравноценным встречным предоставлением применяется § 132 InsO, который требует доказательства не только существенного дисбаланса, но и совершения сделки в последние три месяца до подачи заявления о банкротстве, а также знания контрагента о неплатёжеспособности должника (или об обстоятельствах, которые безусловно на неё указывают). § 133 InsO (умышленное причинение вреда кредиторам) требует доказывания умысла должника на причинение вреда и знания контрагента об этом умысле, что является классическим примером Паулианова иска. Безвозмездные сделки оспариваются по § 134 InsO в течение четырех лет до возбуждения дела без необходимости доказывать осведомлённость одаряемого, однако этот состав ограничен именно безвозмездностью (за исключением подарков незначительной стоимости) [18].

Франция

Торговый кодекс Франции устанавливает два режима недействительности сделок. Согласно ст. L632–1 сделки, совершённые после прекращения платежей (период устанавливается судом, максимум 18 месяцев), являются автоматически недействительными (nullité de plein droit), если они безвозмездны (1°) или если обязательства должника значительно превышают обязательства другой стороны (2°) [19] [20] [21, С. 12].

Ст. L632–2 устанавливает относительную недействительность возмездных сделок и платежей по созревшим долгам. Ключевым требованием к оспариванию таких сделок является осведомлённость о неплатёжеспособности должника.

Таким образом, французский подход предусматривает более строгие основания недействительности сделок. П. 2° статьи L632–1 Торгового кодекса Франции, закрепляющий автоматическую недействительность меновых договоров со значительным дисбалансом встречных аналогов российского п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Также, как и в российском праве, данное оспаривание носит объективный характер, а определение дисбаланса встречных предоставлений отнесено к усмотрению суда.

Англия

Section 238 Insolvency Act 1986 позволяет оспаривать сделки по заниженной стоимости (transactions at an undervalue), включая дарение и неравноценное возмездное отчуждение, в течение двух лет до начала процедуры [22]. Однако обязательным условием является неплатёжеспособность должника на момент сделки или её наступление в результате сделки [23]. Доказывать недобросовестность контрагента не требуется, что сближает английскую модель с российской, однако наличие условия о неплатёжеспособности служит важным объективным фильтром.

США

11 U.S.C. § 548 позволяет оспаривать сделки, совершённые в течение двух лет до подачи заявления о банкротстве, если должник получил «меньше, чем разумное эквивалентное встречное предоставление» (less than a reasonably equivalent value) [24]. Как и в Англии, обязательным условием является неплатёжеспособность должника на момент сделки или возникновение таковой в результате сделки, а также наличие дополнительных обстоятельств (неоправданно малый капитал, намерение принять невыполнимые обязательства и др.). Добросовестность контрагента по общему правилу не имеет значения, однако существует защитный барьер для благотворительных пожертвований физических лиц в размере до 15% валового годового дохода.

Таким образом, российский п. 1 ст. 61.2 выделяется на фоне большинства зарубежных аналогов по двум параметрам: (1) отсутствие требования неплатёжеспособности должника на момент сделки; (2) распространение объективного оспаривания на все возмездные сделки с существенным ценовым отклонением, а не только на безвозмездные. Именно эта «сверхширокая» модель порождает риск дестабилизации гражданского оборота и делает особенно актуальным поиск внутренних ограничителей.

Доктринальные подходы к установлению критериев существенности неравноценности встречного исполнения (предоставления)

Применение предусмотренных в судебной практике низких критериев существенности неравноценности встречного предоставления в 20–30% с учётом специфики применения последствий недействительности сделки (п. 1 и 3 ст. 61.6 Закона о банкротстве) фактически лишает

контрагента всего полученного по сделке имущества. Так, например, если контрагент приобрёл имущество стоимостью 1 млн руб. при его рыночной стоимости в 1,3 млн руб. (занижение около 23%), он вынужден возратить в конкурсную массу указанное имущество, взамен получая требование в составе третьей очереди реестра требований кредиторов, которое в лучшем случае удовлетворяется лишь на 10–15% от включённого требования. При отсутствии недобросовестности со стороны контрагента такая возможность признания сделок недействительными в значительной степени дестабилизирует гражданский оборот.

Попытки разрешить данную проблему в научной литературе предпринимались неоднократно. Так, Д.А. Рыков предлагает ввести понятие «обычный рыночный дисконт», подразумевающий под этим такие условия, которые не более чем на 20% в худшую для должника сторону отличаются от обычно совершаемых сделок [17, С. 69]. Однако, во-первых, остаётся неясным, почему дисконт установлен именно в районе 20%, а во-вторых, остаётся нерешённой проблема квалификации сделок с отклонением в 30% и более, которые также могли быть заключены в рамках обычного рыночного дисконта.

Другим разумным и научно обоснованным видится переход к обязательственно-правовой модели последствий недействительности сделок, при которой с контрагента взыскивается не вся стоимость имущества, а лишь разница между рыночной стоимостью и фактически уплаченной ценой, то есть, размер наличного обогащения [25, С. 85–90]. Как отмечает А.В. Егоров, российское банкротное право «ошиблось, когда построило конкурсное оспаривание по вещной модели, а не по обязательственной». По мнению учёного, обязательственная теория оспаривания позволяет решить несколько проблем, с которыми сталкивается российская практика: при такой модели не требуется отдельного процесса об оспаривании, возможно оспаривание против сингулярного правопреемника (что устраняет проблему оспаривания цепочки сделок при ликвидации первого контрагента), возникает больше возможностей для оспаривания и обеспечивается справедливое распределение конкурсной массы [26].

Е.Д. Суворов также обращает внимание на проблему стабильности оборота. Он исходит из того, что использование одногодичного превентивного периода для оспаривания любых сделок с неравноценным встречным предоставлением избыточно ограничивает стабильность оборота. Защиты заслуживают контрагенты, которые, даже получив дисконт, не знали и не должны были знать о несостоятельности должника на момент сделки [16, С. 420–421].

Использование критерия кратной существенности неравноценности встречного предоставления и введение опровержимых презумпций

Решением изложенной проблемы, на наш взгляд, является использование критерия кратности превышения цены в сделке над рыночной стоимостью имущества (т.е. дисконта в 50% и более), который находит всё большее отражение и распространение в судебной практике, а также введение специальных опровержимых презумпций, позволяющих в исключительных ситуациях признавать недействительными сделки по п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве при несоблюдении критерия кратности.

В частности, Верховный Суд РФ в Определении от 23.12.2021 № 305-ЭС21–19707 по делу о банкротстве ООО «Региональное развитие» пришёл к выводу о необходимости применения критерия кратности превышения цены над рыночной при установлении недобросовестности контрагента в рамках оспаривания по п. 2 ст. 61.2 [27]. Несмотря на то, что правовая позиция о применении критерия кратности была изложена применительно к сделкам в ущерб имущественным правам кредиторов, судебная практика нижестоящих судов активно применяет данную правовую позицию и при признании недействительными сделок на основании п. 1 ст. 61.2.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.02.2026 № Ф07–9943/2025 по делу № А56–42503/2023 суд указал, что «отчуждение имущества по цене 16 500 000 руб. не составляет критерия кратного занижения стоимости встречного предоставления по сделке как признака, определяющего неравноценность встречного исполнения» [28]. Аналогичная позиция отражена в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 10.03.2026 № Ф06–43/2025 по делу № А65–21116/2024, где суд, установив расхождение цены с рыночной стоимостью на 20%, отказал в признании сделки недействительной, поскольку кратного занижения не установлено [29]. В Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 24.10.2025 № Ф06–10524/2023 по делу № А65–30792/2020 окружной суд прямо указал на необходимость применения критерия кратности при оспаривании сделки с независимым лицом [30].

Применение критерия кратности восходит к римскому институту *laesio enormis*, в соответствии с которым вред, понесённый продавцом вследствие продажи вещи по цене ниже половины её стоимости, должен был вести к уничтожению сделки [31]. Германское конкурсное право (*Konkursordnung*, действовавшее до 1999 г.) в п. 4 § 28 предусматривало недействительность сделок по продаже имущества должника «за бесценок» в течение года до открытия конкурса независимо от измерения должника [6, С. 225]. Формулировка «за бесценок» означала, по существу, кратное занижение цены.

Вместе с тем, как справедливо отмечает А. Черноус, «кратный критерий неоднозначен. С одной стороны, он... с лучшей стороны влияет на гражданский оборот, ведь круг сделок, подлежащих конкурсному оспариванию, резко сужается. С другой стороны, этот же эффект пагубно влияет на положение кредиторов... Вместо решения проблем применение кратного критерия попросту отодвигает их на второй план» [25, С. 81]. Действительно, если имущество продано, например, за 650 тыс. руб. при рыночной стоимости 1 млн руб. (дисконт 35%, не достигающий кратности), конкурсная масса недополучает 350 тыс. руб., однако формально критерий кратности не соблюден.

Использование критерия кратности и введение системы презумпций в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве

На основе изложенного предлагается дифференцированная система презумпций, привязанная к проценту занижения цены (дисконту) от рыночной стоимости, с учётом преимуществ обязательственной модели последствий.

Уровень 1 (безусловная неравноценность) – дисконт 50% и более (рыночная стоимость превышает цену сделки в 2 и более раза). Неопровержимая презумпция существенной неравноценности. Сделка признаётся недействительной по п. 1 ст. 61.2 без исследования добросовестности контрагента. Последствия: применяется вещная модель – возврат имущества в натуре либо его полной стоимости, так как столь значительный дисбаланс встречных предоставлений свидетельствует о грубой неосмотрительности контрагента.

Уровень 2 (опровержимая презумпция) – дисконт от 30% до 50% (не включая 50%). Предполагается существенная неравноценность. Контрагент вправе опровергнуть презумпцию, доказав: (а) экономическую обоснованность дисконта (срочность, дефекты имущества, конъюнктура рынка) либо (б) отсутствие у него разумной возможности знать о неплатёжеспособности должника. Последствия: применение обязательственной модели.

Уровень 3 (презумпция равноценности) – дисконт менее 30%. Сделка предполагается равноценной. Для её оспаривания необходимо доказать, что контрагент заведомо знал о признаках неплатёжеспособности должника и злоупотребил правом (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Последствия: применение вещной модели по правилам п. 2 ст. 61.6 с возможной субординацией требования контрагента.

Выбор порога в 30% в качестве границы между презумпциями не случаен. Во-первых, этот порог наиболее часто фигурирует в судебной практике как «пограничный». Во-вторых, дисконт менее 30% в большинстве отраслей может быть объяснён обычными коммерческими факторами. В-третьих, сохранение за этим порогом презумпции добросовестности контрагента соответствует принципу стабильности оборота.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, предусмотренный действующим Законом о банкротстве состав недействительности сделок с неравноценным встречным предоставлением сконструирован по модели «объективного оспаривания», а существующие в судебной практике критерии существенности неравноценности встречного предоставления во многом дестабилизируют гражданский оборот, подрывая разумные ожидания их участников при банкротстве контрагента.

В связи с этим предлагается уместным при определении неравноценности встречного предоставления исходить из критерия кратности отклонения цены сделки или иных её условий от рыночных условий аналогичных сделок, очевидного для каждого осматрительного участника гражданского оборота, дополненного системой опровержимых презумпций для пограничных ситуаций и переходом к обязательственно-правовой модели последствий недействительности. Введение в Закон о банкротстве таких презумпций и модели последствий могло бы внести ясность и предсказуемость при заключении сделок с контрагентами при их неблагоприятном финансовом состоянии.

Изложенный подход способствует обеспечению баланса интересов кредиторов несостоятельного должника и стабильности гражданского оборота и направлен на дифференциацию условий признания сделок недействительными на основании п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве и, как следствие, обеспечение предсказуемости правовых последствий совершения сделок. При таком варианте состав п. 1 ст. 61.2 перестает быть чисто «объективным оспариванием», что соответствует подходам многих зарубежных правовых порядков.

Литература

1. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству по итогам 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923> (дата доступа 14.06.2026).
2. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 апр. 2009 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 18, ч. 1. Ст. 2153.
4. Суворов Е.Д. Структура отношений, регулируемых банкротным правом // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11. С. 94–107.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 7. – Ст. 1031.
6. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало) // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 205–294.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31 июля 1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, Ст. 3824.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.10.2021 № Ф05–15481/2019 по делу № А40–175789/2018 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.03.2021 № Ф05–4364/2019 по делу № А40–248870/2018 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.01.2024 № Ф05–12901/2016 по делу № А40–159279/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.11.2023 № Ф05–6889/2018 по делу № А40–105473/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.07.2021 № Ф05–17659/2018 по делу № А40–216512/2016 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.12.2021 № Ф05–17659/2018 по делу № А40–216512/2016 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.01.2020 № Ф05–17659/2018 по делу № А40–216512/2016 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Лотфуллин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва, 2022. – 480 с.
16. Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов: монография / Е.Д. Суворов. – Москва: Статут, 2022–528 с.
17. Рыков Д.А. Оспаривание сделок должника при несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2017. – 185 с.
18. Insolvenzordnung (InsO) § 132, 133, 134 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/insol/> (дата доступа 14.06.2026).
19. Code de commerce, Article L632–1 // Légifrance [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата доступа: 14.06.2026).
20. Белоусов И. Оспаривание договоров дарения и обеспечительных сделок как сделок с неравноценным встречным предоставлением в деле о банкротстве // Цивилистика. – 2022. – № 6. – С. 166–190.
21. Курбанов Б.М. Конкурсное оспаривание благотворительных пожертвований. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 сентября 2023 года N 305-ЭС21–18053(6,8) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 4. С. 4–22.

22. Insolvency Act 1986, Section 238 (Transactions at an undervalue) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/238> (дата доступа: 14.06.2026).

23. Transactions at an undervalue in corporate insolvency // Practical Law (Westlaw) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://content.next.westlaw.com> (дата доступа: 14.06.2026).

24. 11 U.S. Code § 548 – Fraudulent transfers and obligations // Cornell Law School [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/548> (дата доступа: 14.06.2026).

25. Черноус А. Последствия конкурсного оспаривания неравноценных сделок: справедливость требует реформы // Журнал «Цивилистика». 2024. № 5. С. 59–91.

26. Егоров А.В. Оспаривание сделок при банкротстве: обязательственный или вещный эффект? // Видеозапись семинара [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2021/08/31/osparivanie_sdelok_pri_bankrotstve_obyazatelstvennyj_ili_veshchnyj_effekt_videozapis_seminara_andrey (дата доступа: 14.06.2026).

27. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 305-ЭС21–19707 по делу № А40–35533/2018 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.02.2026 № Ф07–9943/2025 по делу № А56–42503/2023 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 10.03.2026 № Ф06–43/2025 по делу № А65–21116/2024 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.10.2025 № Ф06–10524/2023 по делу № А65–30792/2020 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

31. Керимкулова К. А. ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНЫ LAESIO ENORMIS ДЛЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-doktriny-laesio-enormis-dlya-osparivaniya-sdelok> (дата обращения: 14.06.2026).

QUESTIONS OF THE LEGAL QUALIFICATION OF INVALID DEBTOR TRANSACTIONS WITH NON-EQUIVALENT PERFORMANCE

Saleev E.R.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines problematic aspects of invalidating suspicious transactions under paragraph 1 of Article 61.2 of the Russian Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”. The author traces the evolution of judicial practice in defining the criterion of “substantial inequivalence” of counter-performance and argues for abandoning formal percentage thresholds in favour of a differentiated approach based on a multiplicity criterion (a two-fold or greater disparity) and a system of rebuttable presumptions. The article also analyses foreign approaches to challenging non-equivalent transactions (Germany, France, England, the United States). Proposals are made to improve law enforcement and to amend the legislation.

Keywords: bankruptcy, avoidance of transactions, non-equivalent value, suspicious transaction, multiplicity criterion, actio Pauliana, good faith.

References

1. Statistical bulletin of the Federation on bankruptcy as of 2025. [Electronic resource]. – Access mode: <https://fedresurs.ru/news/45f888c8-c368-44d8-b038-436a4fe2f923> (date of access 14.06.2026).
2. On insolvency (bankruptcy): Federal Act of 26 October 2002. 127-FZ // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 4190.
3. On amendments to individual legislative acts of the Russian Federation: Federal Act of 28 April. 2009. 73-FZ // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 2009. 18, part 1. Art. 2153.
4. Suworov E.D. Structure of relations regulated by bankruptcy law // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (UIAA). 2021. 11. pp. 94–107.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 5-P of February 3, 2022 “On the case concerning the verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 61.2 and paragraph 11 of Article 189.40 of the Federal Law ‘On Insolvency (Bankruptcy)’ in connection with the complaint of citizen S.V. Kuzmin” // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 7. – Art. 1031.
6. Coziol H. Basic principles and disputable points in relation to the challenging a debtor’s activities undertaken to its creditors’ detriment (first part) // Civil Law Gazette. 2017. 3. P. 205–294.
7. Tax Code of the Russian Federation (Part One): Federal Act of 31 July 1998 146-FZ // Assembly of legislation of the Russian Federation, 31, 03.08.1998, Art. 3824.
8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–15481/2019 of October 6, 2021 in case No. A40–175789/2018 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–4364/2019 of March 29, 2021 in case No. A40–248870/2018 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.

10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–12901/2016 of January 30, 2024 in case No. A40–159279/2013 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
11. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–6889/2018 of November 20, 2023 in case No. A40–105473/2014 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
12. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–17659/2018 of July 21, 2021 in case No. A40–216512/2016 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–17659/2018 of December 20, 2021 in case No. A40–216512/2016 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
14. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–17659/2018 of January 30, 2020 in case No. A40–216512/2016 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
15. Lotfullin R.K. Challenging Transactions in Bankruptcy. – 2nd ed., rev. and suppl. – Moscow, 2022. – 480 p.
16. Suvorov E.D. Principle of equality of creditors: monograph / E.D. Suvorov. – Moscow: Statute, 2022–528 p.
17. Rykov D.A. Challenging the Debtor's Transactions in Insolvency (Bankruptcy): dissertation ... Candidate of Juridical Sciences. – Irkutsk, 2017. – 185 p.
18. Insolvenzordnung (InsO) § § 132, 133, 134 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.gesetze-im-internet.de/insol/> (date of access: 14.06.2026).
19. Code de commerce, Article L632–1 // Légifrance [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.legifrance.gouv.fr> (date of access: 14.06.2026).
20. Belousov I. Challenging Donation and Security Transactions as Transactions with Unequal Counter-Performance in Bankruptcy // *Civilistics*. – 2022. – No. 6. – P. 166–190.
21. Kurbanov B.M. Insolvency Avoidance of Charitable Donations. Case Comment to the Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21–18053(6,8) of September 28, 2023 // *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. – 2025. – No. 4. – P. 4–22.
22. Insolvency Act 1986, Section 238 (Transactions at an undervalue) [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/section/238> (date of access: 14.06.2026).
23. Transactions at an undervalue in corporate insolvency // *Practical Law* (Westlaw) [Electronic resource]. – Access mode: <https://content.next.westlaw.com> (date of access: 14.06.2026).
24. 11 U.S. Code § 548 – Fraudulent transfers and obligations // Cornell Law School [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/11/548> (date of access: 14.06.2026).
25. Chernous A. Consequences of Insolvency Avoidance of Unequal Transactions: Justice Requires Reform // *Civilistics*. – 2024. – No. 5. – P. 59–91.
26. Egorov A.V. Challenging Transactions in Bankruptcy: Obligatory or Proprietary Effect? // Video recording of a seminar [Electronic resource]. – Access mode: https://zakon.ru/discussion/2021/08/31/osparivanie_sdelok_pri_bankrotstve_obyazatelstvennyj_ili_veschnyj_effekt__videozapis_seminara_andrey (date of access: 14.06.2026).
27. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES21–19707 of December 23, 2021 in case No. A40–35533/2018 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
28. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District No. F07–9943/2025 of February 5, 2026 in case No. A56–42503/2023 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
29. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District No. F06–43/2025 of March 10, 2026 in case No. A65–21116/2024 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
30. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District No. F06–10524/2023 of October 24, 2025 in case No. A65–30792/2020 [Electronic resource]. – Access from the Legal Reference System “ConsultantPlus”.
31. Kerimkulova K.A. Application of the Laesio Enormis Doctrine for Challenging Transactions // *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*. – 2017. – No. 6–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-doktriny-laesio-enormis-dlya-osparivaniya-sdelok> (date of access: 14.06.2026).

Судебная защита наследственных прав в Российской Федерации: подведомственность, подсудность и модели рассмотрения дел

Симонян Гор Мгерович,

3 курс аспирантуры, магистр, кафедра гражданского права и процесса, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия»
E-mail: gorsimonyan4@gmail.com

В статье исследуются процессуальные особенности судебной защиты наследственных прав в Российской Федерации. Рассматриваются вопросы подведомственности дел, возникающих из наследственных правоотношений, анализируются правила родовой и территориальной подсудности, а также раскрываются основные процессуальные модели рассмотрения наследственных дел. Обосновывается, что ключевое значение для эффективной защиты наследственных прав имеет правильная квалификация заявленного требования, поскольку именно она определяет компетентный суд, надлежащую процессуальную форму и порядок судебного рассмотрения. Делается вывод о том, что ошибки при определении подведомственности и подсудности способны существенно затруднить или затянуть восстановление нарушенного права.

Ключевые слова: наследственные права, судебная защита, наследственный спор, подведомственность, подсудность, исковое производство, особое производство, нотариальные действия.

Право наследования в Российской Федерации гарантируется на конституционном уровне, поскольку часть 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации прямо закрепляет, что право наследования гарантируется [1]. Данное положение имеет не декларативный, а прикладной характер: оно означает, что государство обязано обеспечивать не только формальную возможность перехода имущества умершего к наследникам, но и реальный механизм восстановления наследственных прав в случае их нарушения, оспаривания либо неопределенности. По этой причине судебная защита в сфере наследования выступает необходимым элементом общего механизма охраны собственности, а не дополнительной факультативной гарантией.

Материально-правовая основа такой защиты определяется нормами части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которым при наследовании имущество умершего переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства [2]. Именно универсальный характер правопреемства объясняет сложность наследственных дел: спор в них чаще всего затрагивает не одно изолированное право, а совокупность взаимосвязанных имущественных прав и обязанностей. В рамках одного судебного дела могут одновременно возникать вопросы о круге наследников, составе наследственной массы, долях наследников, основаниях наследования, пределах ответственности по долгам наследодателя и правовом режиме отдельных объектов, входящих в наследство. Поэтому судебная защита наследственных прав по своей природе почти всегда носит комплексный характер.

С процессуальной точки зрения одним из первых вопросов является определение родовой подсудности. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что ряд гражданских дел может быть подсуден мировому судье, однако дела о наследовании имущества прямо исключены из его компетенции, вследствие чего такие дела по общему правилу рассматриваются районным судом в качестве суда первой инстанции [3]. Это законодательное решение связано с тем, что наследственные споры, как правило, не являются простыми делами: даже при сравнительно небольшой цене иска они затрагивают сложный фактический состав, предполагают исследование множества доказательств и нередко требуют участия нескольких заинтересованных лиц.

Ключевое значение для вопроса подведомственности имеет позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в постановлении Пленума от 29 мая 2012 г. № 9, согласно которой дела, возникающие из наследственных правоотношений, независимо от субъектного состава их участников и состава наследственного имущества подведомственны судам общей юрисдикции [4]. Это разъяснение существенно для практики, поскольку оно исключает ошибочный подход, при котором наличие в составе наследства акций, долей в уставном капитале, имущественных комплексов или иного ценного актива автоматически воспринимается как основание для передачи дела в арбитражный суд. Если спор по своей юридической природе связан именно с наследственным правопреемством, он должен рассматриваться в системе судов общей юрисдикции.

Вместе с тем разграничение между судами общей юрисдикции и арбитражными судами требует анализа реального предмета требования. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации относит к компетенции арбитражных судов экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности [5]. Следовательно, если спор после смерти участника гражданского оборота уже не сводится к установлению наследственного права, а фактически касается самостоятельного корпоративного, обязательственного или иного экономического конфликта, необходимо оценивать его непосредственную правовую природу. Иначе говоря, сама по себе связь дела с наследством еще не исключает экономического характера спора, но для изменения судебной юрисдикции требуется, чтобы наследственный элемент перестал быть центральным содержанием заявленного требования.

После определения подведомственности важнейшее значение приобретает вопрос территориальной подсудности. Общее правило гражданского процесса состоит в том, что иск предъявляется по месту жительства ответчика, а иск к организации – по месту ее нахождения

[6]. В наследственных спорах это правило применяется по тем требованиям, для которых законом не установлены специальные исключения. Так, по общему правилу по месту жительства ответчика могут предъявляться иски о признании наследника недостойным, о взыскании компенсации между наследниками, о разделе наследственного имущества в тех случаях, когда спор не связан с исключительной подсудностью, а также ряд иных требований, вытекающих из наследственных отношений, но не привязанных законом к иному территориальному критерию.

Наряду с этим в наследственных делах широко применяется режим исключительной подсудности. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации прямо предусматривает, что иски кредиторов наследодателя, предъявляемые до принятия наследства наследниками, подсудны суду по месту открытия наследства [7]. Смысл этой нормы состоит в том, чтобы сосредоточить рассмотрение требований, тесно связанных с наследственной массой, в том суде, который объективно ближе всего к месту возникновения наследственного правоотношения. Кроме того, если предметом спора является недвижимое имущество, входящее в состав наследства, применяется правило рассмотрения дела по месту нахождения такого имущества. Следовательно, территориальная подсудность по наследственным делам определяется не абстрактно, а исходя из конкретного характера и содержания заявленного требования.

Самостоятельное место в системе судебной защиты наследственных прав занимает особое производство. Согласно статье 262 ГПК РФ, к делам особого производства относятся, в частности, дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение [8]. В наследственной сфере эта форма особенно востребована тогда, когда между заинтересованными лицами отсутствует спор о праве, но заявителю необходимо судебное подтверждение юридического факта, без которого невозможно оформить наследство. Речь может идти об установлении факта родственных отношений, факта принятия наследства, факта принадлежности документа, факта совместного проживания с наследодателем и иных обстоятельств, которые сами по себе еще не образуют спор о принадлежности права, но имеют решающее значение для последующего нотариального оформления наследственных прав.

Иная процессуальная модель применяется тогда, когда на первый план выходит именно спор о субъективном праве. В этом случае дело рассматривается в исковом порядке, а если первоначально лицо обратилось в суд в несоответствующей процессуальной форме, суд должен исходить из действительного характера возникшего конфликта. Особое значение здесь имеет глава 37 ГПК РФ, регулирующая порядок рассмотрения заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении: если при рассмотрении такого заявления возникает спор о праве, основанный на совершенном нотариальном действии, он подлежит разрешению уже в порядке искового производства [9]. Таким образом, законодатель прямо подчеркивает, что судебный контроль за нотариальной процедурой и разрешение материально-правового конфликта – это не одно и то же, а выбор надлежащей модели рассмотрения зависит от того, оспаривается ли только законность поведения нотариуса либо сам объем и принадлежность наследственного права.

Связь судебной защиты с нотариальной стадией наследственных отношений дополнительно подтверждается Основами законодательства Российской Федерации о нотариате. В соответствии со статьей 49 данного акта заинтересованное лицо, считающее неправильным совершенное нотариальное действие или отказ в его совершении, вправе подать жалобу в районный суд по месту нахождения нотариуса [10]. Для наследственных правоотношений это имеет принципиальное значение, поскольку значительная часть проблем возникает именно на стадии нотариального оформления наследства: при отказе в выдаче свидетельства о праве на наследство, несогласии с выводами нотариуса о составе наследственной массы, сомнениях в достаточности представленных документов либо при иных спорных ситуациях. В результате судебная защита наследственных прав в российской правовой системе строится как многоуровневый механизм, включающий исковое производство, особое производство и судебный контроль за нотариальными действиями, причем правильный выбор между этими формами напрямую определяет эффективность защиты нарушенного права.

Судебная защита наследственных прав в Российской Федерации основывается на сочетании материально-правовых и процессуальных механизмов. Конституционная гарантия права наследования, нормы гражданского законодательства о наследственном правопреемстве, правила гражданского процесса о подсудности, процессуальные и специальные формы рассмотрения дел, а также нормы нотариального законодательства образуют единую правовую конструкцию, в рамках которой защита наследственного права должна быть не только доступной, но и процессуально корректной. Ошибка в определении суда, территориальной подсудности или модели рассмотрения дела

способна привести к затягиванию процесса, утрате времени и дополнительным расходам, тогда как правильная квалификация требования обеспечивает более быстрое и эффективное восстановление нарушенного наследственного права.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Статья 28 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Статья 30 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Статья 262 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Глава 37 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
10. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

JUDICIAL PROTECTION OF INHERITANCE RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: JURISDICTION, JURISDICTION AND MODELS OF CONSIDERATION OF CASES

Simonyan G.M.
Moscow University "Synergy"

The article examines the procedural features of judicial protection of inheritance rights in the Russian Federation. The issues of jurisdiction in cases arising from inheritance legal relations are analyzed, along with the rules of subject-matter and territorial venue, as well as the main procedural models for considering inheritance cases. It is substantiated that the correct legal qualification of the claim is of key importance for the effective protection of inheritance rights, since it determines the competent court, the proper procedural form, and the order of judicial consideration. It is concluded that mistakes in determining jurisdiction and venue may significantly complicate or delay the restoration of the violated right.

Keywords: inheritance rights, judicial protection, inheritance dispute, jurisdiction, venue, action proceedings, special proceedings, notarial acts.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of Legal Information.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part three) of November 26, 2001, No. 146-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 49. Art. 4552.
3. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002, No. 138-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
4. On judicial practice in inheritance cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2012 No. 9 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. No. 7.
5. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.
6. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ. Article 28 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
7. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of November 14, 2002. Article 30 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
8. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ. Article 262 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
9. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ. Chapter 37 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Art. 4532.
10. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 02/11/1993 No. 4462-1) // Vedomosti SND and VS RF. 1993. No. 10. Art. 357.

Синева Наталья Александровна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного права,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая
академия»

E-mail: n.a.sineva@mail.ru

Демидов Иван Александрович,

к.ю.н., доцент кафедры международного права, ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»

E-mail: ivan.demidov@mail.ru

В современный международный бизнес уверенно встраиваются франчайзинговые отношения. Целью данной статьи является изучение правовой природы договора международного франчайзинга, существенных условий и особенностей его заключения. Авторами проанализированы положения международных нормативных актов, внутренних законов, а также позиции ряда ученых. Сегодня более 30 стран имеют специальные законы о франшизе, направленных на решение проблем, связанных с раскрытием информации, дисбалансом сил в отношениях между франчайзером и франчайзи. Значительное место в реализации франчайзинга принадлежит франчайзинговым ассоциациям, которые созданы в ряде государств для защиты интересов своих членов, обеспечения условий, способствующих развитию франчайзинга. Это Британская ассоциация франчайзинга, Европейская федерация франчайзинга, Международная ассоциация франчайзинга. В России в 1997 году была создана и действует до сих пор Российская Ассоциация Франчайзинга (РАФ) – национальная некоммерческая организация, созданная для поддержки и развития франчайзинга в России. Несмотря на большой интерес со стороны бизнеса к данным отношениям имеются различия в правовом регулировании этого договора в различных правовых системах. Тем актуальнее становится анализ международного франчайзинга, который создает благоприятные условия для выхода компаний на внутренние рынки других стран и стимулирует быстрое развитие их предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: международный франчайзинг, договор международного франчайзинга, франшиза, договор коммерческой концессии, международные организации, типовые контракты.

Договор франчайзинга – это сложный, многокомпонентный гражданско-правовой договор, в рамках которого происходит не только передача права осуществления предпринимательской деятельности с использованием результатов интеллектуальной собственности, правообладателем которых является франчайзер, но и передача опыта. Термин франчайзинг (franchise – фр.) переводится как льгота, привилегия.

Впервые договорные франчайзинговые отношения возникли в 1930-х годах в США по инициативе Ховарда Джонсона, а затем в системе магазинов Вулворса. Компания «Зингер» предоставляла на продажу и обслуживание своих швейных машин и право пользования своим товарным знаком. Самостоятельное историческое развитие отношений из договора франчайзинга в разных странах во многом предопределило появление множества его видов. В современном международном частном праве выделяются виды франчайзинга (традиционный франчайзинг, франчайзинг бизнес-формата или франчайзинг второго поколения [1., 306 стр.]; производственный, сервисный и бытовой франчайзинг [2., С. 83]; часто выделяются прямой франчайзинг, мастер-франшиза и совместные предприятия [3.]; производственный франчайзинг; деловой, конверсионный и корпоративный франчайзинг [4.]; а также в продуктовым и не продуктовым ритейле, в сфере услуг). Помимо перечисленных видов выделяют еще строгий и мягкий франчайзинг. В данном случае различия проводятся по степени контроля со стороны франчайзера в отношении реализации франшизы. В целом франчайзер не наделен правом вмешиваться в деятельность франчайзи – это самостоятельный субъект иностранного правопорядка – соответственно, отношения по трудовым правоотношениям, в сфере налогообложения изъяты из сферы влияния франчайзера. В то же время правообладатель может, если такая оговорка включена в контракт, контролировать выбор персонала, поведение персонала, так как от этого зависит развитие бизнеса франчайзера.

В России эти договорные отношения существуют в виде договора коммерческой концессии (гл. 54 ГК РФ). В Модельном Гражданском кодексе для стран СНГ был употреблен термин «комплексная предпринимательская лицензия». Соответственно ряд стран СНГ восприняли этот термин. Различие в терминологии договора влечет и различие в сути регулируемых отношений. Высказывается позиция, что понимание комплексной предпринимательской лицензии появилось в результате иного толкования слова «лицензия», отличного от понимания этого термина в контексте интеллектуальной собственности. Лицензия здесь понимается в значении разрешения, поэтому нельзя рассматривать франчайзинг исключительно через призму интеллектуальных прав, в первую очередь это договор, и рассматривать его надо с позиций обязательственного права и прежде всего как финансовую сделку [5.]. Передача права на ведение бизнеса, но никак не передача комплекса исключительных прав. В Республике Казахстан рассматриваемые отношения регулируются специальным законом Республики Казахстан «О комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинге)» от 24 июня 2002 года N 330 [6.], который регулирует отношения, связанные с осуществлением комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга), определяет содержание договора комплексной предпринимательской лицензии и направлен на развитие и государственную поддержку франчайзинговой деятельности в Республике Казахстан и главой 45 Гражданского кодекса Республики Казахстан [7.]. В Республике Беларусь анализу данных договорных отношений посвящена отдельная 53 глава Гражданского кодекса Беларуси «Комплексная предпринимательская лицензия (франчайзинг)» [8.].

Договор используется как в международных коммерческих отношениях, так и во внутренних. Неотъемлемым элементом договорных условий является контроль со стороны франчайзера в отношении деятельности франчайзи, но только в части контроля за выпуском продукции (товаров, услуг), а также поддержанием репутации торговой марки франчайзера. Контроль за деятельностью франчайзи со стороны контрагента не предполагается, потому что в этом случае уже будет иметь место вмешательство в корпоративные или трудовые правоотношения, что исключается в силу различия юрисдикции, нахождения франчайзера и франчайзи в разных странах.

Основная цель договора франчайзинга – эффективно развивать предпринимательство. Поэтому субъектами данного договора могут

выступать исключительно стороны, ведущие деловые отношения, а договор заключенный не субъектом предпринимательской деятельности может быть оспорен в суде.

В странах общего права (США, Великобритания, Австралия) перечень прав правообладателя определяется главным образом договором и судебными прецедентами. В континентальных системах (Германия, Франция, Россия) существенную роль играют диспозитивные нормы законодательства о коммерческой концессии или смешанных договорах. Международные контракты, как правило, основываются на системе общего права, поскольку именно в этих юрисдикциях расположены крупнейшие франчайзинговые сети и изначально пошло становление этого института. Национальное регулирование франчайзинга в зарубежных юрисдикциях формировалось на протяжении нескольких десятилетий и к настоящему времени включает две принципиально различные модели. Первая из них – принятие специального законодательства о франчайзинге, включающего требования к раскрытию информации и регулирование договорных отношений сторон. Этот путь избрали США, Франция, Италия, Испания, Австралия, Корея, Бразилия и ряд других государств. Вторая модель состоит в применении общих гражданско-правовых норм без специального закона о франчайзинге – по этому пути следуют Германия, Великобритания и часть государств азиатского тихоокеанского региона.

Что касается международного правового регулирования договора франчайзинга, то следует отметить, что в настоящее время отсутствует унифицированная конвенция, посвященная регулированию этого договора. Это объясняется разнообразием подходов к пониманию сути данных отношений. Модельный закон о раскрытии информации о франшизах UNIDROIT 2002 [9.] года определил минимальные требования к содержанию и срокам передачи disclosure document (о раскрытии информации): документ должен быть передан потенциальному пользователю не позднее чем за четырнадцать дней до подписания договора или до внесения любых не подлежащих возврату платежей. Содержание документа охватывает историю и финансовое положение правообладателя, условия территориальной исключительности, порядок расторжения и продления договора, перечень текущих и прекратившихся деятельность пользователей. Тем самым Типовой закон закладывает основу для сбалансированных переговоров.

Также на международном уровне приняты модельные акты и типовые руководства по составлению договора международного франчайзинга. Например, UNIDROIT ведет работу по подготовке единообразных типовых форм контракта с 1980-х годов. В настоящее время Руководство UNIDROIT по международным договоренностям мастер-франшиз (как самой распространенной формы договора) существует в 2-х редакциях (от 1998 г., 2007 г.). На сайте международной организации указано, что: «Исследовательская группа пришла к выводу, что обязательный документ, такой как международная конвенция, будет неуместен или даже вреден для международного франчайзинга» [10.].

В 1994 г. ВОИС опубликовала Руководство по франшизе [11.]. В 2000 году МТП разработала Типовой договор международного франчайзинга [12.].

В договоре международного франчайзинга вопрос о его содержании приобретает особую сложность. Это объясняется смешанным характером договора. Права и обязанности сторон не охватываются ни одним конкретным институтом гражданского права – ни лицензионным договором, ни договором услуг, ни коммерческой концессией в чистом виде. Российское законодательство о коммерческой концессии закрепляет ключевые обязанности правообладателя в статье 1031 ГК РФ [13.], однако для международных контрактов этот перечень лишь ориентировочный, поскольку трансграничные франчайзинговые соглашения дополняются требованиями иностранного права и международных стандартов.

Права правообладателя носят корреспондирующий характер по отношению к его обязанностям и призваны обеспечить экономическую выгоду от созданной системы. Среди них выделяют: право на получение паушального взноса при заключении договора и периодических роялти в период его действия; право устанавливать и изменять стандарты качества и операционные требования; право давать согласие на открытие новых точек или передачу мастер-франшизы; право на доступ к отчетности пользователя для аудита качества; право расторгнуть договор в случае существенных нарушений [14., 88–97]¹. Нередко договор также наделяет правообладателя преимущественным правом выкупа бизнеса пользователя в случае его продажи.

Отдельного рассмотрения заслуживает обязанность правообладателя обеспечить правовую защиту передаваемых исключительных прав. Если знак не зарегистрирован в стране пользователя, право-

обладатель рискует утратить возможность пресекать его незаконное использование местными конкурентами. В практике крупных международных сетей стандартом является регистрация знака в каждой стране предполагаемого выхода ещё до начала переговоров с потенциальным пользователем. Расходы на регистрацию могут быть возложены на пользователя либо распределены между сторонами по договоренности.

В договоре франчайзинга принято выделять как минимум три уровня ответственности: договорную – непосредственно между правообладателем и пользователем; субсидиарную – правообладателя перед третьими лицами (потребителями) по требованиям к пользователю; охранительную – по поводу нарушения исключительных прав. Российское право закрепляет субсидиарную ответственность в статье 1034 ГК РФ

Коллизионное регулирование основывается на центральном принципе международного частного права в сфере договорных отношений – автономии воли (ст. 1210 ГК РФ [15.], ст. 3 Регламента Рим I [16.]). При отсутствии выбора применимого права сторонами распространенной коллизионной привязкой признается право государства обычного места жительства франчайзи или места его коммерческой деятельности. В российском коллизионном праве установлено правило, что при отсутствии выбора применимого права сторонами в отношении договора коммерческой концессии применяется право страны, на территории которой пользователю разрешается использование комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав, либо, если данное использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя (п. 6 ч. 2 ст. 1211 ГК РФ). В праве ЕС вопрос о регулировании договора франчайзинга разрешен

Расхождение между российским правом – право страны, на территории которой пользователю разрешается использование комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав или право правообладателя (ст. 1211 ГК РФ) – и европейским – обычное место жительства пользователя (п. е ч. 1 ст. 4 Рим I) – требует внимательности при согласовании оговорок о применимом праве в смешанных российско-европейских сделках.

В случае регулирования договора международного франчайзинга российским правом могут быть применены правила ГК РФ о лицензионном договоре, если это не противоречит положениям ГК РФ о договоре коммерческой концессии и сути самого договора [17., С. 571]².

В странах общего права (США, Великобритания, Австралия) перечень прав правообладателя определяется главным образом договором и судебными прецедентами. В континентальных системах (Германия, Франция, Россия) существенную роль играют диспозитивные нормы законодательства о коммерческой концессии или смешанных договорах. Отсутствие в законодательстве России специального федерального закона о франчайзинге, по мнению ряда исследователей, создаёт пробелы в защите интересов пользователей. Отсутствие же унифицированного международного акта делает основным регулятором национальное законодательство, что потенциально создает неопределенность правового регулирования отношений по международному франчайзингу.

Классификация видов международного франчайзинга по критериям вида деятельности, степени вовлечённости правообладателя и модели построения сети отражает разнообразие практических форм данного института и постоянно обновляется. Новые экономические отношения включаются в договор, тем самым вызывая новые юридические конструкции взаимоотношений сторон. В силу этого правовое регулирование отношений из международного франчайзинга осуществляется актами *lex mercatoria*.

Литература

1. Ван Ю. Франчайзинг: стратегии развития и достижение целей в сфере услуг // Научный аспект. 2023. Т. 3, № 6. С. 306–312.
2. Международное коммерческое право: учебник для вузов / под общей редакцией В.Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 415 с.
3. Липина П.А., Невежин В.П. Международный франчайзинг: мировой опыт и его особенности в России // Хроноэкономика. 2024. № 1 (43). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-franchayzing-mirovoy-opyt-i-ego-osobennosti-v-rossii/viewer>
4. Викулина В.В. Теоретические основы предпринимательства. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50377069>

¹ Сосна С.А., Васильева Е.Н. Франчайзинг. Коммерческая концессия. – Москва: Академкнига, 2005. С. 88–97.

² См.: В.А. Канашевский Международные сделки: правовое регулирование. – М.: Международные отношения, 2016. 664 стр 571.

5. Франчайзинг: великая иллюзия свободы. Критика юридической теории франчайзинга: монография (Киктенко К.Г.). – М.: «Издательская группа «ЗАКОН», 2023. – 306 с. // СПС Гарант URL: <https://internet.garant.ru/#/document/481222981/paragraph/1/doclist/650/1/0/0/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B3%D0%BA:2>

6. Закон Республики Казахстан от 24 июня 2002 года N 330 «О комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинге)» // URL: https://www.adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000330_

7. Гражданский кодекс Республики Казахстан (особенная часть) // URL: <https://zan.gov.kz/client/#!/doc/3559/rus> (дата обращения 01.06.2026)

8. Кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 «Гражданский кодекс Республики Беларусь» \ https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218&q_id=6045281

9. Типовой закон о раскрытии информации по договору франчайзинга 2002 г. // International Institute for the Unification of Private Law. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/franchising/model-law/> (дата обращения: 18.12.2025).

10. Руководство по франчайзингу 2007. Обзор – UNIDROIT \ <https://www.unidroit.org/instruments/franchising/guide-second-edition-2007/overview/>

11. Руководство по франчайзингу. Женева: ВОИС, 1995. – 82 с.

12. Типовой контракт международного франчайзинга МТП. Публикация N 557. Серия: «Издания Международной торговой палаты». На рус. и англ. яз. М., 2002.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // СПС КонсультантПлюс

14. Сосна С.А. Франчайзинг: коммерческая концессия / С.А. Сосна, Е.Н. Васильева. – Москва: Академкнига, 2005. – 375 с.

15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс

16. Регламент (ЕС) No 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 года о праве, применимом к договорным обязательствам (Рим I) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2008/593/oj/eng>

17. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. – М.: Международные отношения, 2016. 664 с.

LEGAL REGULATION OF FRANCHISING AGREEMENTS IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Sineva N.A., Demidov I.A.
Saratov State Law Academy

Franchise relationships are confidently being integrated into modern international business. The aim of this article is to study the legal nature of the international franchising agreement, its essential terms, and the peculiarities of its conclusion. The authors analyze the provisions of international regulatory acts, domestic laws, as well as the positions of several scientists. Today, more than 30 countries have special franchise laws aimed at addressing issues related to information disclosure and the imbalance of power in the relationship between franchisor and franchisee. A significant role in the implementation of franchising is played by franchising associations, which have been established in several

countries to protect the interests of their members and to ensure conditions conducive to franchising development. These include the British Franchise Association, the European Franchise Federation, and the International Franchise Association. In Russia, in 1997, the Russian Association of Franchising (RAF) was established and continues to operate to this day – a national non-profit organization created to support and develop franchising in Russia. Despite the great interest from businesses, there are differences in the legal regulation of this agreement in various legal systems. This makes the analysis of international franchising even more relevant, as it creates favorable conditions for companies to enter the domestic markets of other countries and stimulates the rapid development of their entrepreneurial activities.

Keywords: international franchising, international franchising agreement, franchise, commercial concession agreement, international organizations, standard contracts.

References

1. Wang Yu. Franchising: Development Strategies and Achieving Goals in the Service Sphere // Scientific Aspect. 2023. Vol. 3, No. 6. pp. 306–312.

2. International Commercial Law: Textbook for Universities / edited by V.F. Popondopulo. – 5th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2025. – 415 p.

3. Lipina P.A., Nevezhin V.P. International Franchising: World Experience and Its Features in Russia // Chronoeconomics. 2024. No. 1 (43). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-franchayzing-mirovoy-opyt-i-ego-osobennosti-v-rossii/viewer>

4. Vikulina V.V. Theoretical Foundations of Entrepreneurship. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, 2022. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50377069>

5. Franchising: The Great Illusion of Freedom. Critique of the Legal Theory of Franchising: Monograph (Kiktenko K.G.). – М.: “LAW” Publishing Group, 2023. – 306 p. // СПС Гарант URL: <https://internet.garant.ru/#/document/481222981/paragraph/1/doclist/650/1/0/0/%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B3%D0%BA:2>

6. Law of the Republic of Kazakhstan dated June 24, 2002 N 330 “On a Comprehensive Entrepreneurial License (Franchising)” // URL: https://www.adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000330_

7. Civil Code of the Republic of Kazakhstan (special part) // URL: <https://zan.gov.kz/client/#!/doc/3559/rus> (accessed 01.06.2026)

8. Code of the Republic of Belarus of December 7, 1998 No. 218-Z “Civil Code of the Republic of Belarus” \ https://etalonline.by/document/?regnum=hk9800218&q_id=6045281

9. Model Law on Disclosure of Information under a Franchise Agreement, 2002 // International Institute for the Unification of Private Law. URL: <https://www.unidroit.org/instruments/franchising/model-law/> (accessed: 18.12.2025).

10. Franchising Guide 2007. Overview – UNIDROIT \ <https://www.unidroit.org/instruments/franchising/guide-second-edition-2007/overview/>

11. Franchising Guide. Geneva: WIPO, 1995. – 82 p.

12. ICC Model International Franchising Contract. Publication No. 557. Series: “Publications of the International Chamber of Commerce”. In Russian and English. Moscow, 2002.

13. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, as amended on December 16, 2025) // СПС ConsultantPlus

14. Sосna, S.A. Franchising: Commercial Concession / S.A. Sосna, E.N. Vasilyeva. – Moscow: Akademkniga, 2005. – 375 p.

15. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of 26.11.2001 N 146-FZ (as amended on 08.08.2024) // СПС ConsultantPlus

16. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2008/593/oj/eng>

17. Kanashevsky V.A. International Transactions: Legal Regulation. – Moscow: International Relations, 2016. 664 p.

Скиба Владислав Викторович,
студент бакалавриата, ИПГС
E-mail: vlad.skiba.2020@bk.ru

Михайлюк Матвей Алексеевич,
студент бакалавриата, ИПГС
E-mail: matvey-mih@mail.ru

Яковенко Константин Анатольевич,
студент бакалавриата, ИПГС
E-mail: remoszer@yandex.ru

Соколянская Екатерина Дмитриевна,
студент бакалавриата, ИПГС
E-mail: sokolyanskaya2004@gmail.com

Кондаурова Юлия Александровна,
студент бакалавриата, ИПГС
E-mail: yulia.konda@mail.ru

Электронный договор в российском праве уже не является исключением или техническим приложением к «обычному» договору. После реформы 2019 года, связанной с Федеральным законом № 34-ФЗ, гражданское законодательство прямо признало, что письменная форма сделки соблюдается и тогда, когда воля выражена с помощью электронных или иных технических средств, если можно достоверно определить лицо, выразившее эту волю. В сочетании с нормами статей 160 и 434 ГК РФ, а также с Федеральным законом № 63-ФЗ «Об электронной подписи» это создало базовый режим признания электронных договоров, их доказательственной силы и юридической исполнимости. Однако сложившаяся модель остается фрагментарной: общие правила формы и подписи развиты достаточно хорошо, тогда как вопросы идентификации, трансграничного признания, защиты слабой стороны в цифровом контракте, стандартов интерфейса согласия, а также преодоления цифрового неравенства урегулированы не полностью. Именно на этих стыках и возникает основная зона правовой и социальной неопределенности. [1]

Ключевые слова: электронный договор; цифровизация гражданского оборота; электронная подпись; простая электронная подпись; усиленная квалифицированная электронная подпись; электронная форма сделки; идентификация личности; акцепт оферты в электронной форме; цифровые платформы.

Российское право не содержит автономного легального определения «электронного договора» как особого договорного типа. Его статус складывается из совокупности норм о форме сделки, способах выражения воли и об электронной подписи. Конституционный фундамент здесь образуют свобода экономической деятельности, судебная защита прав, неприкосновенность частной жизни и обязанность государства публиковать и обеспечивать доступность правовых правил. Эти ориентиры закреплены в Конституции РФ и задают пределы цифровизации частноправового оборота: цифровая форма допустима постольку, поскольку она не разрушает свободу договора, правовую определенность и минимальные гарантии личности. [2]

Ключевой поворот произошел после принятия Федерального закона № 34-ФЗ от 18 марта 2019 года. Этот закон не столько ввел «цифровой договор» как новый институт, сколько реформировал саму модель письменной формы, легализовав волеизъявление, выраженное электронным или иным техническим способом, и фактически признав допустимость click-wrap и сходных моделей акцепта. Параллельно Гражданский кодекс закрепил возможность автоматизированного исполнения обязательств с использованием информационных технологий, что особенно важно для платформенных сделок и смарт-контрактных конструкций. Упомянутый иногда в непрофильных обзорах Федеральный закон № 498-ФЗ к регулированию электронных договоров отношения не имеет; базовыми для рассматриваемой темы являются именно поправки 2019 года и последующие изменения в специальных цифровых законах. [3]

Эта общая гражданско-правовая модель дополняется отраслевыми актами. Закон № 63-ФЗ определяет виды электронной подписи, условия их использования и признания электронных документов равнозначными бумажным документам с собственноручной подписью. Закон № 149-ФЗ задает базовые понятия информации, информационных систем и электронных сообщений. Закон № 152-ФЗ вводит ограничения на обработку персональных данных, а в трансграничной среде – на их передачу. Закон № 210-ФЗ о государственных и муниципальных услугах важен постольку, поскольку именно через инфраструктуру ЕСИА, ЕПГУ, «Госключ» и иных государственных сервисов формируется практический слой цифровой идентификации и доверия. В смежном сегменте цифровых активов действует Закон № 259-ФЗ, который показателен тем, что переводит часть имущественного оборота в информационные системы с собственными правилами учета и идентификации. [4]

Российская модель электронного договора основана на функциональной эквивалентности: значим не носитель, а способность системы надежно зафиксировать содержание волеизъявления и лицо, от которого оно исходит. В этом смысле электронный договор возникает не потому, что стороны обменялись «электронными файлами», а потому, что цифровая среда позволяет воспроизвести юридически значимые функции письма, подписи, отправки, получения и хранения. Такой подход близок к логике UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce 1996 года, который строится на принципах недискриминации электронной формы, технологической нейтральности и функциональной эквивалентности. UNCITRAL специально подчеркивает, что документ не должен терять юридическую силу лишь потому, что он электронный, а нормы должны быть нейтральны к конкретной технологии. [5]

На уровне подписи российское право различает простую, усиленную неквалифицированную и усиленную квалифицированную электронную подпись. Это не только технико-юридическая классификация, но и шкала доверия. Проблема состоит в том, что бизнес-практика широко использует простые механизмы аутентификации – логин, пароль, SMS-код, подтверждение в личном кабинете, кнопки «согласен» и «подтверждаю», – тогда как судебный спор часто возникает именно по вопросу, можно ли их надежно связать с конкретным человеком. Закон № 63-ФЗ допускает это, но при условии, что соглашением или законом установлен порядок, позволяющий достоверно определить подписанта. Следовательно, спор обычно смещается с вопроса «можно ли электронно?» на вопрос «насколько надежен конкретный контур идентификации?». [6]

Таблица

Вид электронной подписи	Нормативная основа и юридический эффект	Типичные сферы применения
Простая электронная подпись	Подтверждает факт формирования подписи определенным лицом посредством кодов, паролей или иных средств; юридическое значение зависит от закона, соглашения сторон или правил системы	личные кабинеты, банковские и платформенные сервисы, подтверждение операций по SMS или push
Усиленная неквалифицированная подпись	Основана на криптографическом преобразовании, позволяет выявить изменения документа; юридически значима при наличии специального регулирования или соглашения сторон	корпоративный ЭДО, внутренний документооборот, закрытые B2B-системы
Усиленная квалифицированная подпись	Использует квалифицированный сертификат и сертифицированные средства; обладает наибольшей презумпцией эквивалентности собственноручной подписи	государственные услуги, регистрационные действия, закупки, нотариат, формализованный B2B-ЭДО, сделки с повышенными требованиями к форме

Требования к форме не исчерпываются подписью. Для электронного договора столь же важны доказательства отправки и получения сообщения, сохранность версии текста, журнал действий пользователя, метаданные, IP-адрес, привязка к устройству, история изменения условий оферты. Верховный Суд в разъяснениях о юридически значимых сообщениях признал значение электронной почты и иных цифровых каналов, если можно достоверно установить отправителя и факт доставки; в более поздних разъяснениях был подтвержден и процессуальный статус документов в электронном виде, а также сообщений мессенджеров в контексте досудебной коммуникации. Это делает судебное разрешение споров по электронным договорам не столько спором о форме, сколько спором о качестве цифрового следа. [7]

В российской доктрине именно эта зона считается наиболее уязвимой. Работы В.А. Лаптева и Н.И. Соловьяненко по электронным доказательствам и цифровому правосудию показывают, что для суда решающим становится не формальное наличие файла, а возможность реконструировать весь цикл цифрового взаимодействия: кто вошел в систему, какие условия видел, что именно подтвердил, куда и когда было направлено сообщение, были ли изменены файлы или версии оферты. Отсюда вытекает важный прикладной вывод: надежность электронного договора обеспечивается не одной подписью, а архитектурой всей системы электронного взаимодействия. [8]

Практически все острые проблемы электронного договора в России сходятся в одной точке – идентификация стороны. Для B2B-сделок, как правило, хватает квалифицированной подписи или защищенного ЭДО. Для массового B2C-оборота этого зачастую нет: платформа стремится к скорости, минимальному числу кликов и низким транзакционным издержкам, а пользователь редко читает условия, работает через смартфон и подтверждает действия простыми средствами. Именно поэтому неравенство сторон в цифровом договоре усиливается не только экономически, но и интерфейсно: профессиональная сторона проектирует среду акцепта, а потребитель встраивается в заранее заданный сценарий, часто без реальной возможности обсуждать условия. В социологической перспективе это означает переход от классического договора-соглашения к договору-процедуре, где власть распределяется через дизайн цифровой среды. [9]

На эту проблему накладывается режим персональных данных. Закон № 152-ФЗ требует законности, соразмерности и определенности обработки данных, а также вводит специальные правила для биометрических данных и трансграничной передачи. Закон № 572-ФЗ о биометрической идентификации, а также модель Единой биометрической системы усилили государственную инфраструктуру удаленной аутентификации, но одновременно усложнили правовой ландшафт: теперь значительная часть цифровых контрактных сервисов зависит не только от воли сторон, но и от статуса оператора, режима обработки биометрии и соответствия государственной инфраструктуре доверия. Для электронной сделки это означает, что вопрос «кто именно заключил договор» все чаще решается на стыке частного права, права персональных данных и публичного цифрового администрирования.

При этом цифровизация оборота развивается неравномерно. Правительство в стратегическом направлении цифровой трансформации государственного управления на период до 2030 года ставит цель мак-

симально перевести услуги в онлайн, а проекты устранения цифрового неравенства продолжают подключать малые населенные пункты к мобильному интернету. Но сама необходимость таких проектов показывает, что универсальный переход к электронному договору в России по-прежнему ограничен инфраструктурой связи, цифровой грамотностью и доступностью доверенных сервисов. С социальной точки зрения это означает, что «электронный договор по умолчанию» может воспроизводить неравенство доступа к правам, если бумажные или очные альтернативы будут вытесняться слишком быстро.

В трансграничных отношениях российская модель пока выглядит менее стройной, чем европейская. Закон № 63-ФЗ предусматривает признание иностранных электронных подписей, но не создает полноценного механизма автоматической взаимной идентификации, сопоставимого с eIDAS. Европейский режим, особенно после реформы 2024 года, строится вокруг единой архитектуры доверительных услуг и межгосударственного признания электронных идентификаторов и квалифицированных сервисов. Российский подход остается более фрагментарным: он допускает признание иностранной подписи, но реальное использование упирается в отсутствие устойчивой трансграничной инфраструктуры доверия и в расхождение требований к сертификатам, провайдерам и процедурам идентификации.

С точки зрения международной унификации наиболее близка российскому праву логика UNCITRAL. И Model Law on Electronic Commerce 1996 года, и Model Law on Electronic Signatures 2001 года исходят из того, что закон не должен привязываться к одной технологии и должен оценивать надежность метода в зависимости от функции, которую он выполняет. Российское право формально движется в том же направлении, но на практике часто комбинирует технологическую нейтральность на уровне ГК РФ с жесткими инфраструктурными решениями в специальных режимах, прежде всего в сферах государственной идентификации, биометрии и публично значимого документооборота. Отсюда главный сравнительный вывод: российская система уже приняла принципы функциональной эквивалентности, но пока не выработала столь же последовательную модель трансграничной совместимости и межплатформенной интероперабельности.

Главная проблема нынешнего регулирования состоит не в отсутствии общего признания электронного договора, а в неодинаковом качестве правовых презумпций в разных цифровых средах. Закон хорошо работает там, где есть квалифицированная подпись, аккредитованный удостоверяющий центр, государственный реестр или формализованный ЭДО. Он работает заметно слабее там, где сделка совершается через маркетплейс, мобильное приложение, мессенджер или личный кабинет с простой подписью. Именно здесь следует ожидать дальнейших споров о действительности согласия, о доказанности акцепта, о подмене личности, о несанкционированном использовании учетной записи и об изменении условий оферты задним числом.

Поэтому совершенствование законодательства должно идти не только по линии «еще больше электронных сервисов», но и по линии процедурных гарантий. Во-первых, для массовых электронных договоров целесообразно закрепить минимальные требования к интерфейсу юридически значимого согласия: неизменяемый архив версий оферты, обязательную фиксацию момента акцепта, ясное разграничение рекламного экрана и договорных условий, запрет скрытого включения дополнительных обязательств в предустановленные чекбоксы. Во-вторых, для простых электронных подписей нужен единый федеральный стандарт доказывания: какие журналы событий, метаданные и логи должны храниться, в каком объеме и как долго. В-третьих, требуется более четкое разграничение идентификации и аутентификации в гражданском обороте, особенно там, где используются биометрические и платформенные механизмы доступа. В-четвертых, предстоит выработать практически работающий режим признания иностранных электронных подписей и удостоверяющих сервисов хотя бы для доказательственных и коммерческих целей. В-пятых, нельзя отказываться от бумажной или очной альтернативы в социально чувствительных сферах до тех пор, пока цифровое неравенство не будет в значительной степени преодолено.

Судебная практика также нуждается не столько в новых абстрактных принципах, сколько в методических ориентирах. Верховному Суду было бы полезно сформулировать отдельные разъяснения именно по электронным договорам: по стандартам доказывания акцепта через личный кабинет и мобильное приложение, по оценке переписки и логов, по презумпциям при споре о несанкционированном доступе, по доказыванию ознакомления с условиями публичной оферты и по особенностям договоров на платформенных рынках. До появления таких разъяснений правоприменение будет оставаться неравномерным, а предсказуемость цифрового оборота – ограниченной.

Специальной и развернутой позиции Конституционного Суда РФ именно по общему понятию электронного договора на момент подготовки текста не обнаруживается; конституционная юриспруденция заметнее в смежных сегментах цифровых активов и биометрии. Эмпирические российские исследования, непосредственно измеряющие частоту споров по видам электронной подписи, платформам и интерфейсам акцепта, остаются фрагментарными. Поэтому наиболее надежный вывод сегодня состоит в следующем: юридическая основа электронного договора в России уже сформирована, но ее социальная и процессуальная инфраструктура все еще догоняет темпы цифрового оборота.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп.).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред., действ. на момент использования).
3. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».
7. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...».
9. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). Model Law on Electronic Commerce: 1996.
10. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). Model Law on Electronic Signatures: 2001.
11. Лаптев В.А. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе: монография. — М.: Статут, 2020.

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC CONTRACTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Skiba V.V., Mikhailyuk M.A., Yakovenko K.A., Sokolyanskaya E.D., Kondaurova Yu.A.
Institute of Industrial and Civil Engineering

An electronic contract in Russian law is no longer an exception or a technical supplement to a "traditional" contract. Following the 2019 reform associated with Federal Law No. 34-FZ, civil legislation explicitly recognized that the written form of a transaction is also deemed to be complied with when the intention of the parties is expressed through electronic or other technical means, provided that the person expressing such intention can be reliably identified. In combination with the provisions of Articles 160 and 434 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as Federal Law No. 63-FZ "On Electronic Signature," this has established a basic framework for the recognition of electronic contracts, their evidentiary value, and legal enforceability. However, the current model remains fragmented: general rules on form and signature are relatively well developed, whereas issues of identification, cross-border recognition, protection of the weaker party in digital contracts, standards for consent interfaces, and overcoming digital inequality are not fully regulated. It is precisely at these intersections that the main zone of legal and social uncertainty arises. [1]

Keywords: electronic contract; digitalization of civil turnover; electronic signature; simple electronic signature; enhanced qualified electronic signature; electronic form of transaction; identity verification; electronic acceptance of offer; digital platforms.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on 12 December 1993) (as amended).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30 November 1994 No. 51-FZ (as amended, current version at the time of use).
3. Federal Law of 18 March 2019 No. 34-FZ "On Amendments to Parts One and Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation".
4. Federal Law of 6 April 2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature".
5. Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection".
6. Federal Law of 27 July 2006 No. 152-FZ "On Personal Data".
7. Federal Law of 27 July 2010 No. 210-FZ "On the Organization of Provision of State and Municipal Services".
8. Federal Law of 31 July 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency...".
9. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). Model Law on Electronic Commerce, 1996.
10. United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). Model Law on Electronic Signatures, 2001.
11. Laptev V.A. Electronic Evidence in Civil and Arbitration Proceedings: Monograph. — Moscow: Statut, 2020.

Смолина Юлия Васильевна,

старший преподаватель кафедры трудового права Уральского
Государственного юридического университета имени
В.Ф. Яковлева
E-mail: julias.uzts@mail.ru

В статье рассматривается вопрос правовых коллизий заключения трудового договора с наставником с учётом специфики воспитательной функции, которую он выполняет. Автор анализируются правовые нормы, судебная практика и анализ понятий «наставничества» в различных отраслевых документах. В статье поднимается актуальная проблема соотношения воспитательной функции наставника и требований к его морально-нравственному облику. Автор анализирует правовые механизмы расторжения трудового договора за совершение аморального проступка, отмечая неоднозначность трактовки самого понятия «аморальность» в трудовом законодательстве.

Ключевые слова: наставничество, наставник, работник, воспитательная функция, аморальный проступок, расторжение трудового договора.

Наставничество, как способ передачи знаний и опыта между поколениями, имеет глубокие исторические корни. В Древнем Риме наставники выполняли функцию домашнего обучения детей, являясь фактически учителями. Первым известным профессиональным наставником считается Ментор, которому Одиссей поручил воспитание своего сына во время его путешествия. С тех пор под наставничеством подразумевается процесс воспитания и развития молодого поколения, который продолжается до наших дней. В числе известных наставников можно назвать Аристотеля, воспитавшего Александра Македонского; Сократа, автора «Сократовских диалогов», считавшего, что главная цель наставника – разбудить в молодом человеке сильные душевные силы во время воспитания; Платона, который полагал, что воспитание должно осуществляться опытным наставником старшего возраста, а сам процесс воспитания следует начинать с раннего детства для постепенного подъема ученика к миру идей.

В 1813 году Министерство просвещения Российской империи постановило ввести в учебных заведениях должность наставника. Главная задача наставника заключалась в контроле над поведением учеников и исправлении их ошибок, не в академической сфере, а в вопросах этикета, культуры, воспитания, приличия и вкусов. Впоследствии в Российской империи было учреждено звание «заслуженный наставник».

В советский период в связи с кадровым дефицитом в послевоенные годы наставничество активно внедряли в производственно-экономический процесс. Наставничество стало одним из решений проблемы ускоренной подготовки недостающих специалистов.

Формирование наставничества как общественного института было вызвано растущими потребностями общества в создании специальных учебно-воспитательных учреждений, в теоретическом осмыслении и обобщении стихийно складывающегося опыта обучения и воспитания подрастающих поколений, специальная подготовка их к жизни. Образование и воспитание, таким образом, превратились в объективную потребность общества и стали важнейшей предпосылкой его развития¹.

И.И. Фаляхов, рассуждая о развитии наставничества в России пишет: «В своем становлении и развитии институт наставничества в России прошел ряд важных этапов, и ретроспективный анализ его исторического развития указывает, что до 1990-х гг. XX века существовала налаженная его система, которая в основном была ориентирована на производство и трудовое воспитание, а не на удовлетворение запросов и интересов отдельной индивидуальности»².

Концепция развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года была утверждена распоряжением Правительства РФ от 21 мая 2025 года № 1264-р, определяющим цели, задачи и приоритетные направления развития наставничества в соответствии с законодательством РФ³.

Наставничество, согласно данной Концепции, преследует цели личностного развития обучаемого. Это включает воспитание трудолюбия, формирование ответственного подхода к работе и получаемым результатам. Процесс подразумевает передачу накопленных знаний, умений и навыков. Кроме того, концепция ставит задачу привить наставляемому позитивное отношение и лояльность к фундаментальным ценностям, свойственным многонациональному народу России. В число этих ценностей входят: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, преданное служение Отчизне и осознание ответственности за ее судьбу, высокие нравственные ориентиры, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллек-

¹ Щербакова, Т.Н. Исторический аспект наставничества как форма профессиональной адаптации молодого педагога / Т.Н. Щербакова, Е.В. Щербакова. – Текст: непосредственный // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. – С. 18–22. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/185/9138>.

² Фаляхов И.И. Диверсификация моделей наставничества: ментор, тьютор, коуч, фасилитатор и идентификация их готовности к осуществлению наставнической деятельности. Казанский педагогический журнал. 2016; № 2: 45–52.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 мая 2025 г. № 1264-р «Об утверждении Концепции развития наставничества в РФ на период до 2030 г. и плана мероприятий по её реализации» // СПС Консультант Плюс/.

тивизм, взаимопомощь и взаимоуважение, сохранение исторической памяти и преемственности поколений, а также консолидация народов России.

Таким образом, очевидно, что воспитательная функция занимает центральное место в системе наставничества.

Наставничество представляет собой социально-педагогический подход, направленный на поддержку индивидуального и карьерного роста человека, путем привития ему традиционных, укоренившихся в России духовных и моральных ценностей.

В соответствии с Концепцией и статьей 351.8 Трудового Кодекса РФ наставничество в сфере труда – выполнение работником на основании его письменного согласия по поручению работодателя работы по оказанию другому работнику помощи в овладении навыками работы на производстве и (или) рабочем месте по полученной (получаемой) другим работником профессии (специальности) на основании трудового договора или дополнительного соглашения к трудовому договору.

Понятие «наставничества» относительно новое понятие в трудовом праве. В настоящее время в законодательстве и толковых словарях отсутствует единое понятие «наставника», в связи с чем возникают различные правовые коллизии.

В словаре Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. «Наставник – учитель и воспитатель, руководитель»¹.

Круглова И.В. определяет наставничество сложное системное явление, характеризующееся совокупностью отношений между его элементами, сохраняющих устойчивость в процессе изменения и развития. На этом основании система наставничества была представлена совокупностью структурно-содержательных компонентов (мотивационного, гностического, конструктивно-проектировочного, коммуникативного, диагностико-рефлексивного), раскрывающих многообразие существующих между ними связей и отношений².

Ключевой проблемой в наставничестве является расхождение между реальным объемом функции наставника и их формальным юридическим отражением. Зачастую наставническая деятельность реализуется на основе устных указаний работодателя, воспринимаемая как часть корпоративного духа или профессиональных стандартов, а не как отдельная трудовая обязанность. Тем не менее, в контексте трудового законодательства, наставничество по своей сути может охватывать обучающие мероприятия, мониторинг, организационную поддержку и оценку профессиональных достижений работника. Данные задачи требуют затрат времени и профессиональных навыков, а также создают дополнительные трудовые обязанности. В случае, если наставничество не зафиксировано в трудовом договоре, должностной инструкции или ином локальном нормативном документе, возникает неопределенность относительно объема обязательств наставника, продолжительности выполнения функции наставника, стандартов качества и процедуры завершения данных функций. Такая неясность, в свою очередь, усложняет как отстаивание прав работника, выполняющего функции наставника, так и подтверждение компанией правильности организованного процесса наставничества.

Также возникает множество вопросов, связанных с внедрением института наставничества в компанию. Основным вопросом является вопрос дополнительной оплаты работнику за наставничество, если в трудовой функции работника в соответствии с профессиональным стандартом уже входит обеспечение консультирования работников (Пример, главный бухгалтер, профстандарт 08.002 Приказ Министерства труда РФ от 21.02.2019 г. № 103н).

Особое значение имеет вопрос оплаты наставничества. В большинстве случаев наставничество связано с перераспределением рабочего времени наставника, снижением его производственной эффективности и дополнительными трудовыми затратами, которые не компенсируются. Это порождает риск нарушения принципа справедливого вознаграждения за труд и создает конфликт между формальной оплатой по основной должности и фактическим объемом выполняемой работы. Отдельные работодатели пытаются квалифицировать наставничество как «обычную помощь коллегам» либо как часть стандартных обязанностей работника, однако такая позиция является юридически уязвимой, если наставничество носит системный характер, предполагает регулярное обучение и контроль, а также прямо влияет на показатели работы наставника. Данная неурегулированность создает угрозу подрыва справедливости оплаты труда и провоцирует расхождение между должностным окладом по занимаемой должности и реальным объемом выполняемых задач. Некоторые работодатели стремятся

рассматривать наставничество как «помощь коллегам» или как часть обязанностей в связи с должностными инструкциями, однако данная трактовка оказывается юридически несостоятельной, в случае, если наставничество имеет постоянный характер, включает в себя план обучения и надзор, а также оказывает непосредственное влияние на трудовые показатели самого наставника.

Одной из ключевых проблем остается вопрос о правомерности принудительного назначения наставников. В условиях кадрового голода и нестабильности штата, руководители нередко применяют административный подход, возлагая функции наставничества на сотрудников без их предварительного согласия. Однако, трудовое законодательство базируется на принципе четкого определения объема трудовых обязанностей: работник обязан выполнять обязанности, прописанные в трудовом договоре, и любое изменение этих обязанностей требует проведения установленной законом процедуры.

Если функция наставника не является частью должностных инструкций работника и не была согласована сторонами в рамках трудовых отношений, принудительное возложение таких обязанностей может быть истолковано как принудительный труд. Данный аспект приобретает особую значимость тогда, когда наставничество подразумевает не эпизодическую помощь, а систематическое сопровождение нового члена коллектива, включающее в себя оценку его успеваемости и ответственность за качество полученных знаний.

Отдельного анализа требует вопрос ответственности наставника за действия наставляемого работника. В практике, нередко, формируется ожидание, что наставник несёт ответственность за ошибки новичка, включая дисциплинарные последствия, претензии клиентов или снижение производственных показателей. Однако с точки зрения трудового права ответственность за результаты труда несёт непосредственно работник, допустивший нарушение, а наставник не является лицом, осуществляющим полномочия работодателя, если ему не предоставлен соответствующий статус. При отсутствии формализованных полномочий наставника, закрепления порядка контроля и распределения ответственности возникает риск необоснованного возложения негативных последствий на наставника. Это приводит к снижению мотивации сотрудников участвовать в наставничестве и формирует устойчивую практику отказа от наставнических функций.

Проблемы усугубляются отсутствием четких критериев эффективности наставничества. В большинстве организаций не устанавливаются измеримые показатели, позволяющие определить, достигнут ли результат наставничества, завершена ли адаптация работника и в какой момент наставник может прекратить выполнение соответствующих обязанностей. В результате наставничество может превращаться в бессрочную обязанность, содержание которой определяется субъективной оценкой руководителя. Это создает риск злоупотреблений, поскольку наставнику могут предъявляться претензии за «ненадлежащую адаптацию» новичка без наличия объективных стандартов, методических материалов и регламентов.

Вопрос о соотношении наставничества с установленным режимом рабочего времени также заслуживает пристального внимания. Наставническая деятельность предполагает наличие дополнительных коммуникаций, проверок, внесение корректив и оказание поддержки, что зачастую выходит за рамки стандартной продолжительности рабочего дня. В условиях производства наставники сталкиваются с необходимостью осуществлять свою наставническую функцию либо одновременно с выполнением основных обязанностей, что неизбежно ведет к снижению эффективности обеих видов деятельности, либо после окончания рабочего времени. Последний вариант создает проблему привлечения к сверхурочной работе. В случае, если такие переработки не фиксируются документально и не сопровождаются соответствующей компенсацией, возникает реальный риск нарушения установленных законодательством гарантий в области охраны труда и оплаты труда.

Нередко наставничество становится подменой непосредственной ответственности работодателя за организацию профессионального развития и повышения квалификации своих сотрудников. Вместо системной работы по созданию программ адаптации, разработке учебных пособий, проведению вводных инструктажей и последующего обучения, компании возлагают задачи по подготовке кадров на отдельных сотрудников, выступающих в роли наставников. Данный подход может представлять экономическую выгоду для управленческого звена, что неизбежно ведет к снижению общего уровня качества обучения. Более того, это порождает зависимость от индивидуальных компетенций и стиля конкретного наставника, а также углубляет существующее неравенство в условиях труда для различных категорий работников.

Вследствие этого процесс адаптации вновь прибывших сотрудников становится неединообразным. Уровень профессиональной

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азъ, 1994.

² Круглова И.В. Наставничество как условие профессионального становления молодого учителя: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2007.

подготовки определяется в большей степени личной квалификацией и уровнем мотивации наставника, нежели установленными стандартами и корпоративными нормами организации.

Отсутствие четкого определения роли наставника, его функциональных обязанностей и механизмов взаимодействия ставит нового сотрудника в затруднительное положение. Данная коллизия создает почву для недопонимания и разногласий: наставник может фактически руководить и оценивать работу вновь прибывшего работника, не имея официальных «рычагов влияния», а тот, в свою очередь, может игнорировать указания куратора, считая их необязательными. Подобная двусмысленность негативно сказывается на процессе введения в должность и ослабляет общую трудовую дисциплину.

Таким образом, проблемы наставничества в трудовом праве имеют комплексный характер и обусловлены сочетанием нормативной неопределенности, недостаточной формализации на уровне локальных актов и несоответствия между фактическими трудовыми отношениями и их юридическим оформлением. В условиях развития рынка труда и повышения значимости кадровой адаптации наставничество требует более четкой регламентации, прозрачных правил оплаты, определения статуса наставника и его полномочий, а также установления критериев эффективности и распределения ответственности между участниками процесса.

Среди основных проблем повышения эффективности функционирования института наставничества выделяют отсутствие регламентов и стандартов деятельности наставников, формальное выполнение обязанностей в связи с отсутствием мотивации к выполнению обязанностей наставника и вследствие этого – интереса к дальнейшей профессиональной судьбе подопечного, формальное или полное отсутствие контроля за выполнением наставником его обязанностей¹.

В Квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих специалистов должность наставника² отсутствует. В литературе анализируются различные классификации моделей наставничества как в образовательной сфере, так и в предпринимательской деятельности³.

Так, с точки зрения развития персонала наставничество приобретает традиционную, ситуационную, целеполагающую, скоростную, реверсивную, командную формы⁴. Модели наставничества в образовательном контексте зависят от количества субъектов-участников взаимодействия образовательного процесса: прямое и опосредованное, индивидуальное и коллективное, открытое и скрытое наставничество⁵. В настоящее время понятие и виды наставничества законодательством Российской Федерации не закреплены. При этом работодатель вправе самостоятельно принять решение о том, каким образом такая кадровая технология, как наставничество, будет осуществляться в организации, утвердив положение о наставничестве⁶. При разработке документации о наставничестве коммерческая организация может пользоваться Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении Положения о наставничестве в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации»⁷. Понятийный аппарат раскрывает понятие наставничества, под которым понимается кадровая технология, которая обеспечивает передачу через планомерную, целенаправленную работу знаний, навыков и установок от более опытного работника менее опытному сотруднику. Несомненно, трудовая деятельность и функционал наставника не могут осуществляться безвозмездно, поэтому законодатель предоставляет нам возможность отрегулировать

правовой статус наставника (цели и задачи, права и обязанности наставников) путем оформления с наставником внутреннего совместительства, которое установлено в Трудовом кодексе РФ в ст. 60.1. В соответствии со ст. 60.2 Трудового кодекса РФ наставничество может быть оформлено по правилам совмещения, если оно не является частью трудовой функции работника; когда должность наставника предусмотрена штатным расписанием организации, данная деятельность может быть поручена ему как дополнительная работа по правилам совмещения. Соответственно, организации необходимо будет подписать с работником-наставником дополнительное соглашение с определением условий дополнительной работы, установлением доплаты и эффективных показателей по оценке труда (ст. 60.2, 151 ТК РФ). Так как не существует нормативных актов о наставничестве на уровне трудового законодательства, за основу возможно принять локальный нормативный акт, содержащий нормы трудового права (ст. 8 ТК РФ). В нем необходимо регламентировать вопрос заработной платы наставника, которую возможно установить трудовым договором в соответствии с действующей у данного работодателя системой оплаты труда. При этом систему оплаты труда, включая размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов), доплат и надбавок компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, систему доплат и надбавок стимулирующего характера и систему премирования необходимо зафиксировать коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права. В статье 135 Трудового кодекса РФ фиксируется, что работодатель разрабатывает нормативные акты, устанавливающие систему оплаты труда, с учетом мнения представительного органа работника. Необходимо подчеркнуть, что законодатель определил порядок осуществления наставничества у государственных гражданских служащих Российской Федерации⁸. В Постановлении Правительства РФ от 7 октября 2019 г. № 1296 «Об утверждении Положения о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации» определены: задачи, механизм и процедура осуществления наставнической политики, функции наставника, правовой статус (права и обязанности) наставника, оплата труда. На кадровую службу возлагается обязанность организации наставничества. Законодатель наделяет правом контроля своевременности исполнения гражданским служащим должностных обязанностей и правом предоставления рекомендаций, способствовавших выработке практических умений по исполнению должностных обязанностей. Необходимо подчеркнуть, что наставнику запрещается требовать от гражданского служащего исполнения обязанностей, не входящих в контракт и не установленных в служебном регламенте⁹.

Анализируя определение наставничества, возможно провести аналогию наличию в трудовых обязанностях наставника воспитательной функции по аналогии с трудовыми обязанностями работника, выполняющего воспитательные функции (учителя, воспитателя, педагога).

Возникает вопрос возможно ли расторгнуть трудовой договор с работником в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 81 Трудового Кодекса Российской Федерации – «совершения работником, выполняющим воспитательные функции, аморального проступка, несовместимого с продолжением данной работы», в случае если работник выполняет функции наставника по отношению к несовершеннолетним обучаемым и совершил аморальный проступок?

В соответствии с пунктом 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»¹¹ (пункт 8 части первой статьи 81 ТК РФ) по данному основанию допускается увольнение только тех работников, которые занимаются воспитательной деятельностью, например учителей, преподавателей учебных заведений, мастеров производственного обучения, воспитателей детских учреждений, и независимо от того, где совершен аморальный проступок: по месту работы или в быту.

В соответствии с пунктом 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (пункт 8 части первой статьи 81 ТК РФ) в случае, если аморальный

¹ Щурикова Л.Г., Макаров Т.Г., Ситникова И.Е. Правовое регулирование института наставничества: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 227–231. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-227-231.

² Бузыкина Олеся Владимировна, Рузавина Алена Сергеевна К вопросу о правовом статусе наставника в трудовых отношениях. Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2 (51). С. 256–259

³ Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (принят постановлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. № 367) // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/1548770/>

⁴ Челнокова Е. А., Тюмасева З.И. Эволюция системы наставничества в педагогической практике // Вестник Мининского университета. 2018. № 4. С. 9–17

⁵ Баландин Н. И., Макарецца Н.И. Педагогические кадры региональной системы образования (из опыта решения кадровых проблем и управления аттестацией). Волгоград: ВИРО, 2017. 62 с.

⁶ Лыхина Н. П., Сарычева М.О. Региональная система педагогического наставничества Томской области: механизмы формирования и развития // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 47–54.

⁷ Гуляев Г.Ю. Актуальные вопросы права, экономики и управления. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 196 с.

⁸ Пояснительная записка к проекту Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении Положения о наставничестве в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» (подготовлен Минтрудом России 13.07.2016) // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/56676357/>

⁹ Постановление Правительства РФ от 7 октября 2019 г. № 1296 «Об утверждении Положения о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/72733182/>

¹⁰ Бузыкина О. В., Рузавина А.С. К вопросу о правовом статусе наставника в трудовых отношениях // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2 (51). С. 256–259. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.270.

¹¹ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»

проступок совершен работником по месту работы и в связи с исполнением им трудовых обязанностей, то такой работник может быть уволен с работы (соответственно по пункту 7 или 8 части первой статьи 81 ТК РФ) при условии соблюдения порядка применения дисциплинарных взысканий, установленного статьей 193 Кодекса.

Если же аморальный проступок совершен работником вне места работы или по месту работы, но не в связи с исполнением им трудовых обязанностей, то трудовой договор также может быть расторгнут с ним по пункту 7 или пункту 8 части первой статьи 81 ТК РФ, но не позднее одного года со дня обнаружения проступка работодателем (часть пятая статьи 81 ТК РФ).

Следовательно, остается вопросом – может ли быть расторгнут трудовой договор с работником, выполняющим роль наставника в отношении к несовершеннолетнему работнику и в связи с совершением аморального проступка вне места исполнения трудовых обязанностей?

А если должность (профессия) по основному месту работы не предполагает наличия воспитательной функции, а наставничество является лишь поручением дополнительной работы, правомерно ли в данном случае расторжение трудового договора в соответствии с п. 8 ст. 81 ТК РФ?

До настоящего времени на уровне законодательства не урегулирован вопрос – что же является аморальным проступком, данное понятие остается субъективной оценочной категорией, в связи с чем возникает множество вопросов в правоприменительной практике.

Так же законодательно не закреплено понятие воспитательной функции как ориентации учебно-воспитательного процесса на формирование духовно-нравственных качеств личности, эстетических норм поведения и системы мировоззрения, а также развитие способности следовать основным моральным нормам поведения и нести ответственность за свои действия и поступки.

На законодательном уровне отсутствует формальное закрепление наделения наставника воспитательной функцией. В настоящее время отсутствует единый профессиональный стандарт относительно наставников. Разработка данного стандарта, а также четкое закрепление понятий наставника и наставничества, определение трудовых функций наставников помогла бы решить множество правовых пробелов относительно трудовых прав и обязанностей наставников.

В настоящее время действующее законодательство адаптируется в нововведениям, установленным в статье 351.8 Трудового Кодекса РФ, тогда как судебная практика уже пожинает плоды правовой неопределенности. Основными проблемами, встречающимися в судебной практике, являются:

- Взыскание доплат за «невидимое наставничество» (основная категория дел относительно споров о наставничестве. Суть споров состоит в том, что сотрудник обучал вновь прибывших сотрудников, однако в трудовом договоре данная функция не была закреплена, отдельный приказ не издавался, следовательно, и доплаты не производились. Однако можно проследить четкую позицию судов по данной категории споров: если работник докажет, что фактически выполнял функции наставника с ведома работодателя, суд может встать на его сторону. Однако без письменных доказательств (отчетов, планов адаптации, подписей в журналах инструктажа) суды часто отказывают, считая это «проявлением лояльности» или «взаимовыручкой».

- Проблема взыскания «справедливого уровня» оплаты за наставничество. Исходя из проведенного анализа решений суда, становится понятно, что судам довольно сложно определить размер оплаты труда наставника, если он не зафиксирован в локальных актах, зачастую суды взыскивают суммы, исходя из минимальных ставок.

- Проблема привлечения к дисциплинарной ответственности наставников. Зачастую работодатели при невыполнении производственного плана, порчи имущества работодателя, нарушений требований охраны труда обучаемым привлекают к ответственности наставников. Исходя из анализа решений судов, становится понятно, что суды отменяют приказы о применении дисциплинарной ответственности к наставникам, если в должностной инструкции наставника четко не прописана материальная и юридическая ответственность за действия третьего лица. В своих решениях суды отмечают, что «наставник должен учить, а не работать за двоих или выступать гарантом чужой адекватности».

- Проблема оспаривания расторжения трудового договора обучаемым как непрошедшим испытательный срок. Позиция судов в данном вопросе сводится к тому, что если в локальном нормативном акте прописано, что на испытательном сроке за сотрудником обязательно закрепляется наставник, но по факту приказа о его назначении не было – увольнение признается незаконным. Суды трактуют отсутствие наставника (в случае, если он предусмотрен программой развития компании или локальными нормативными актами) как неспособность рабо-

дотателя исполнить свои трудовые обязанности и объективно оценить профессиональные качества работника.

- Проблема наставничества как «скрытого» совмещения. Зачастую компании пытаются оформить наставничество не как дополнительную работу в соответствии со статьей 60.2 ТК РФ, а как расширение зоны обслуживания. Данная проблема выливается в судебные споры, в которых наставник доказывает, что в его работе присутствовало наставничество, а работодатель доказывает, что это было «усложнение» текущей работы.

Литература

1. Баландин Н. И., Макарецца Н.И. Педагогические кадры региональной системы образования (из опыта решения кадровых проблем и управления аттестацией). Вологда: ВИРО, 2017. 62 с.
2. Бузыкина О. В., Рузавина А.С. К вопросу о правовом статусе наставника в трудовых отношениях // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2 (51). С. 256–259. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.270.
3. Гуляев Г.Ю. Актуальные вопросы права, экономики и управления. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 196 с.
4. Круглова И.В. Наставничество как условие профессионального становления молодого учителя: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2007.
5. Лыжина Н. П., Сарычева М.О. Региональная система педагогического наставничества Томской области: механизмы формирования и развития // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 47–54.
6. Фалыхов И.И. Диверсификация моделей наставничества: ментор, тьютор, коуч, фасилитатор и идентификация их готовности к осуществлению наставнической деятельности. Казанский педагогический журнал. 2016; № 2: 45–52.
7. Челнокова Е. А., Тюмасева З.И. Эволюция системы наставничества в педагогической практике // Вестник Мининского университета. 2018. № 4. С. 9–17
8. Щербакова, Т.Н. Исторический аспект наставничества как форма профессиональной адаптации молодого педагога / Т.Н. Щербакова, Е.В. Щербакова. – Текст: непосредственный // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII Междуна. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. – С. 18–22. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/185/9138>.
9. Щурикова Л.Г., Макаров Т.Г., Ситникова И.Е. Правовое регулирование института наставничества: вопросы теории и практики // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 1. С. 227–231. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-227-231.
10. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (принят постановлением Госстандарта РФ от 26 декабря 1994 г. № 367) // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/1548770/>
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азъ, 1994.
12. Постановление Правительства РФ от 7 октября 2019 г. № 1296 «Об утверждении Положения о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/72733182/>
13. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»
14. Пояснительная записка к проекту Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении Положения о наставничестве в Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации» (подготовлен Минтрудом России 13.07.2016) // СПС «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/56676357/>
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 мая 2025 г. № 1264-р «Об утверждении Концепции развития наставничества в РФ на период до 2030 г. и плана мероприятий по её реализации» // СПС Консультант Плюс/.

LEGAL CONFLICTS THAT ARISE IN THE PROCESS OF ASSIGNING MENTORING FUNCTIONS

Smolina Yu.V.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article discusses the issue of legal conflicts of concluding an employment contract with a mentor, taking into account the specifics of the educational function that he performs. The author analyzes legal norms, judicial practice and the analysis of the concepts of "mentoring" in various industry documents. The article raises the actual problem of the correlation between the educational function of a mentor and the requirements for his mor-

al character. The author analyzes the legal mechanisms of termination of an employment contract for committing immoral misconduct, noting the ambiguity of the interpretation of the very concept of "immorality" in labor legislation.

Keywords: mentoring, mentor, employee, educational function, immoral misconduct, termination of an employment contract.

References

1. Balandin N.I., Makartseva N.I. Pedagogical personnel of the regional education system (from the experience of solving personnel problems and certification management). Vologda: VIRO, 2017. 62 p.
2. Buzykina O.V., Ruzavina A.S. On the issue of the legal status of a mentor in labor relations // *Business. Education. Right*. 2020. No. 2 (51). pp. 256–259. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.51.270.
3. Gulyaev G.Y. Actual issues of law, economics and management. Penza: ICNS "Science and Education", 2018. 196 p.
4. Kruglova I.V. Mentoring as a condition for the professional development of a young teacher: abstract of the dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08 / Moscow Pedagogical State University. Moscow, 2007.
5. Lyzhina N.P., Sarycheva M.O. The regional system of pedagogical mentoring in the Tomsk region: mechanisms of formation and development // *Vocational education in Russia and abroad*. 2018. No. 4. pp. 47–54.
6. Falyakhov I.I. Diversification of mentoring models: mentor, tutor, coach, facilitator and identification of their readiness to carry out mentoring activities. *Kazan Pedagogical Journal*. 2016; No. 2: 45–52.
7. Chelnokova E.A., Tyumaseva Z.I. Evolution of the mentoring system in pedagogical practice // *Bulletin of the Mininsky University*. 2018. No. 4. pp. 9–17.
8. Shcherbakova, T.N. The historical aspect of mentoring as a form of professional adaptation of a young teacher / T.N. Shcherbakova, E.V. Shcherbakova. – Text: direct // *Theory and practice of education in the modern world: proceedings of the VIII International Scientific Conference* (St. Petersburg, December 2015). – St. Petersburg: Svo publishing House, 2015. – pp. 18–22. – URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/185/9138>.
9. Shchurikova L.G., Makarov T.G., Sitnikova I.E. Legal regulation of the institute of mentoring: issues of theory and practice // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2025. No. 1. pp. 227–231. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-1-227-231.
10. All-Russian classifier of worker professions, employee positions and tariff categories (adopted by Resolution of the State Standard of the Russian Federation dated December 26, 1994 No. 367) // SPS "GARANT". URL: <https://base.garant.ru/1548770/>
11. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Az, 1994.
12. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 7, 2019 No. 1296 "On approval of the Regulations on mentoring in the State Civil Service of the Russian Federation" // SPS "GARANT". URL: <https://base.garant.ru/72733182>
13. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 dated 17.03.2004 (as amended on 09.12.2025) "On the Application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation"
14. Explanatory note to the draft Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation "On approval of the Regulations on mentoring in the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation" (prepared by the Ministry of Labor of the Russian Federation on July 13, 2016) // SPS "GARANT". URL: <https://base.garant.ru/56676357/>
15. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 21, 2025 No. 1264-r "On approval of the Concept of Mentoring development in the Russian Federation for the period up to 2030 and the action plan for its implementation" // SPS Consultant Plus/.

Суд по делам о промышленной собственности Республики Чили: компетенция и особенности правового положения

Соловьёв Андрей Александрович,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета (МГЮА имени О.Е. Кутафина); профессор кафедры теории и истории государства и права Института социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: sportlaw2014@rambler.ru.

Специализированные государственные экономические суды в зарубежных государствах распространены достаточно широко. Вместе с тем, в каждой стране такие суды имеют определенные особенности, а вопросы их организации и функционирования могут представлять исследовательский интерес.

Предметом исследования являются нормы законодательства Республики Чили, посвященные Суду по делам о промышленной собственности.

Научная новизна исследования заключается в формировании комплексного представления об основах правового статуса и компетенции Суда по делам о промышленной собственности Республики Чили. Методологическую основу составили общенаучные и специально-юридические методы исследования: системный, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и иные.

В статье автор рассматривает историю создания и компетенцию суда, останавливается на специфике формирования его состава, и процессуальных особенностях рассмотрения споров. Особое внимание уделяется вопросам цифровизации судопроизводства.

Результаты исследования могут быть использованы для развития представлений о зарубежных моделях экономического правосудия, а также о специализированных судебных органах. Кроме того, представляется возможным использовать наиболее удачный исследованный нами зарубежный опыт в процессе реформирования отечественной судебной системы.

Ключевые слова: экономическое правосудие, специализированные суды, зарубежный опыт, Республика Чили, Суд по делам о промышленной собственности, компетенция.

Создание специализированных государственных экономических судов (коммерческих, торговых, хозяйственных адмиралтейских (морских), финансовых, строительных, налоговых, интеллектуальных) в зарубежных государствах – это уже не новый тренд и явно не новация, поскольку история таких судов насчитывает уже столетия. Вместе с тем, в каждой стране такие суды имеют определенные особенности, и вопросы их организации и функционирования могут представлять исследовательский интерес.

В настоящей статье мы рассмотрим особенности компетенции и правового положения Суда по делам о промышленной собственности Республики Чили [2] (Tribunal de Propiedad Industrial (TDPI), далее также – Суд), который является специализированным экономическим судебным органом, специализирующимся на защите прав промышленной собственности и находящимся под административным, дисциплинарным и финансовым надзором Верховного суда страны.

Деятельность Суда регулируется разделом 3 Титула 1 Закона Чили от 24.01.1991 № 19.039 «О регулировании промышленных привилегий и о защите прав промышленной собственности» (в действующей редакции, с изменениями и дополнениями) [5].

В общем виде компетенция Суда заключается в разрешении споров, связанных с регистрацией, защитой и оспариванием прав на объекты промышленной собственности.

Так, к его полномочиям относится рассмотрение жалоб на окончательные или промежуточные решения, вынесенные Национальным директором Национального института промышленной собственности Чили в качестве органа первой инстанции по вопросам товарных знаков, патентов на изобретения, промышленных образцов и моделей.

Национальный институт промышленной собственности Чили (Instituto Nacional de Propiedad Industrial (INAPI)) имеет статус государственного учреждения, выполняет функции патентного ведомства страны, а также обеспечивает защиту промышленной собственности [4].

Национальный директор Национального института промышленной собственности является высшим исполнительным лицом учреждения и несет личную ответственность перед Президентом Республики.

К числу указанных выше споров относятся дела по заявкам на патенты, полезные модели и промышленные образцы.

Суд по делам о промышленной собственности также обладает исключительной компетенцией в отношении споров по товарным знакам (отказ в регистрации, пересечение прав или аннулирование товарных знаков), заявлений о дополнительной защите, связанных с выдачей патента (принятие решений о продлении срока действия патентов из-за необоснованных задержек в их выдаче).

Он также рассматривает жалобы на некоторые решения, вынесенные Комитетом по классификации сортов Службы сельского хозяйства и животноводства в соответствии с положениями Закона Чили от 17.10.1994 № 19.342 «О регулировании прав селекционеров новых растений» (в действующей редакции, с изменениями и дополнениями) [6].

Говоря об истории создания Суда, необходимо отметить, что она неразрывно связана с процессом модернизации законодательства Чили и выполнением международных обязательств страны в сфере защиты интеллектуальной собственности.

До появления TDPI аналогичные споры рассматривал Арбитражный трибунал по промышленной собственности (Tribunal Arbitral de Propiedad Industrial (TAPI)). Однако со временем этот орган перестал справляться с растущим объемом поступающих заявлений. Кроме того он не полностью соответствовал международным стандартам правовой защиты.

Современная история Суда начинается с 11 марта 2005 года, когда был опубликован Закон Чили № 19.996 (далее – Закон № 19.996), которым проведена масштабная реформа всей национальной системы защиты интеллектуальной собственности [7]. Он внес существенные коррективы в указанный выше базовый Закон от 24.01.1991 № 19.039 «О регулировании промышленных привилегий и о защите прав промышленной собственности».

Согласно Закону № 19.996 упраздняется Арбитражный трибунал, а вместо него учреждается новый, полностью независимый специа-

лизируемый судебный орган – Tribunal de Propiedad Industrial (TDPI) с местонахождением в г. Сантьяго.

В качестве целей создания Суда можно отметить в первую очередь необходимость формирования независимого, постоянно действующего специализированного судебного органа.

В состав Суда входят шесть основных членов и четыре замещающих (привлекаются к отправлению правосудия в случае болезни, отпуска, самоотвода или временного отсутствия основных членов Суда для обеспечения непрерывности судебного процесса).

Судьи назначаются по строго регламентированной процедуре, сочетающей конкурсный отбор и участие высших органов власти страны.

Каждый судья назначается Президентом Республики посредством верховного декрета Министерства экономики, развития и туризма из числа трех кандидатов, предложенных Верховным судом и отобранных по итогам открытого конкурса на основании квалификационных данных и представленных документов. Порядок проведения указанного конкурса определяется объективными, публичными, прозрачными и исключающими дискриминацию условиями, установленными постановлением Верховного суда.

По итогам конкурса Верховный суд оценивает кандидатов и формирует специальную тройку соискателей на каждое вакантное место. Из предложенной Верховным судом тройки Президент Республики выбирает итоговую кандидатуру.

Кандидаты должны подтвердить наличие у них квалификации юриста со стажем работы не менее пяти лет. Интересно, что при отборе четырех основных членов Суда и двух замещающих дополнительно предъявляются требования о наличии специальных познаний в области промышленной собственности.

До вступления в должность члены Суда приносят присягу перед Председателем Суда. В свою очередь Председатель Суда приносит присягу перед членом Суда с наибольшим стажем работы.

В общем порядке Суд проводит заседания в составе двух палат, а в исключительных случаях – трех. Каждая палата должна состоять не менее, чем из двух основных членов Суда с возможностью привлечения одного замещающего для восполнения кворума. Каждая палата должна заседать не менее трех дней в неделю, рассматривая дела, находящиеся в их ведении.

Решения принимаются простым большинством голосов, а в случае равенства голосов решающим является голос председательствующего судьи.

Пленум Суда (совместное заседание всех судей) не имеет судебных полномочий: все дела рассматриваются исключительно палатами.

В целом к деятельности Суда применяются общие нормы, содержащиеся в Органическом судебном кодексе [1].

При рассмотрении сложных дел Суд вправе назначить проведение экспертизы, определяя, на кого возлагаются связанные с ее проведением расходы, с последующим их распределением между сторонами.

Также по делам, рассматриваемым Судом, за исключением дел, связанных с товарными знаками, по ходатайству одной из сторон Суд обязан назначить проведение экспертизы с привлечением одного или нескольких экспертов; в этом случае указанные эксперты участвуют в рассмотрении дела с правом совещательного голоса.

Председатель Суда, равно как и председатель каждой его палаты, избираются соответствующими основными членами Суда.

Также определенный интерес представляет порядок формирования фонда заработной платы судей. Он состоит из двух частей: основной и переменной.

Ежемесячное вознаграждение членов Суда составляет пятьдесят месячных налоговых единиц для основных членов Суда и двадцать месячных налоговых единиц для замещающих.

При этом налоговая единица – это официальная условная экономическая величина в Чили, которая подлежит ежемесячной индексации в зависимости от уровня инфляции в стране. Налоговая единица используется для расчета налоговых платежей, штрафов, а также окладов некоторых должностных лиц.

Соответственно, постоянная часть месячной заработной платы для основных членов Суда составляет примерно 3 900 долларов США, а для замещающих – 1 600 долларов США.

Говоря о переменной части заработной платы судей Суда по делам о промышленной собственности, следует отметить, что каждый из них получает дополнительно сумму в размере 0,4 месячной налоговой единицы (около 31 доллара США) за каждое рассмотренное, находящееся в его производстве. В любом случае общая сумма, которую каждый судья может получить ежемесячно, не может превышать пятидесяти месячных налоговых единиц. Соответственно максимальный размер заработной платы судьи Суда по делам о промышленной собственности составляет около 7 800 долларов США.

Теперь рассмотрим вопросы, связанные с отводами судей Суда по делам о промышленной собственности.

В чилийском праве различаются два вида отвода: самоотвод при наличии установленных законом оснований, заявление которого является обязанностью судьи, и отвод по заявлению стороны судебного процесса.

На судей Суда по делам о промышленной собственности распространяются общие основания для отвода и самоотвода, установленные положениями Органического судебного кодекса.

Судья обязан заявить самоотвод самостоятельно, под угрозой дисциплинарной ответственности, в частности, в случае наличия у его супруга или у его родственников до третьей степени кровного родства либо до второй степени родства по браку, а также у его усыновителей и усыновленных им лиц, интереса в деле, находящемся в его производстве, либо если такие лица являются законными представителями, доверенными лицами, руководителями, управляющими или занимают иные руководящие должности в участвующих в деле компаниях, либо прямо или косвенно владеют долей в них, позволяющей участвовать в управлении, а также избирать или обеспечивать избрание одного или нескольких их руководителей.

Также судья не вправе участвовать в рассмотрении дела, если он ранее выступал в нем в роли адвоката, независимого эксперта, свидетеля или патентного поверенного.

Основания для отвода судьи по заявлению сторон указывают лишь на его возможную предвзятость. В этом случае судья может не заявлять самоотвод, но стороны имеют право потребовать его отвода. К таковым можно отнести дальнее родство, деловые контакты, дружеские или неприязненные отношения с кем-то из участников процесса, а также, например случаи, когда судья высказывал публично свои суждения по вопросам, относящимся к предмету спора. В этих случаях такое заявление разрешается оставшимися членами коллегии без участия этого судьи.

Интересно, что в случае отклонения заявления об отводе единогласным решением членов Суда (то есть, когда такое заявление явно не обосновано) на сторону, заявившую его, может быть наложен судебный штраф в пользу казны в сумме до двадцати месячных налоговых единиц (примерно 1 500 долларов США).

Если по каким-либо причинам Суд не будет иметь кворума для работы хотя бы одной палаты, замещение судей производится членами Апелляционного суда Сантьяго в соответствии с положениями Органического судебного кодекса.

Важно отметить, что на судей Суда по делам о промышленной собственности распространяются основные положения Органического судебного кодекса, касающиеся обязанностей судей и запретов, связанных с их деятельностью (нормы регулирующие вопросы судейской этики в профессиональной и личной жизни для обеспечения независимости, беспристрастности судей и их подчинения только закону).

В частности, судьи обязаны рассматривать дела, поступившие в их производство, в строго установленные законом сроки или «с максимальной оперативностью». Важно, что очередность рассмотрения дел должна по общему правилу соответствовать дате их поступления в суд (первыми рассматриваются дела, поступившие раньше).

Действует строгий запрет на непроцессуальное общение. Так, судьям категорически запрещено не только выражать, но даже намекать на свое мнение по делам вне судебных заседаний. Кроме того, они должны пресекать любые попытки сторон или третьих лиц повлиять на них или обсудить с ними дело вне суда.

Также судьям, а также их близким родственникам прямо запрещено приобретать имущество или имущественные права, которые являются предметом судебного спора, рассматриваемого данным судьей. Такой запрет сохраняется в течение пяти лет после окончания судебного процесса.

Судьи существенно ограничены в занятии политической и общественной деятельностью. В частности, им строго запрещено направлять в органы исполнительной власти письма, содержащие как критику, так и положительную оценку их деятельности, участвовать в политической деятельности (за исключением реализации активного избирательного права), участвовать в митингах, демонстрациях или вести партийную деятельность внутри судебной системы.

Действуют ограничения на публикацию профессиональных материалов без разрешения руководства суда.

Также судьи не вправе принимать на себя функции адвокатов или представителей по чужим делам. Им запрещено принимать любые подарки (даже малоценные) от участников процессов, они обязаны декларировать имущества и доходы перед вступлением в должность.

Срок полномочий судей (как основных, так и замещающих) составляет три года. По истечении этого срока судьи имеют право повторно

участвовать в конкурсе. Важно, что количество возможных переназначений судей не ограничено.

Действует также принцип непрерывности работы Суда, который состоит в том, что действующие судьи остаются на своих должностях даже после истечения трехлетнего срока их полномочий, если процесс назначения их преемников затягивается.

Члены Суда прекращают исполнение своих функций по следующим основаниям:

- истечение установленного законом срока их назначения;
- добровольная отставка;
- достижение 75-летнего возраста;
- отстранение от должности за грубое нарушение или неисполнение служебных обязанностей;
- устойчивая неспособность к исполнению обязанностей (под таковой понимается невозможность судьи исполнять должностные обязанности в течение трех месяцев подряд либо шести месяцев в течение одного года).

В случае прекращения полномочий судьи, если оставшийся срок его полномочий превышает сто восемьдесят дней, назначение нового члена осуществляется путем проведения нового конкурса.

В случаях отставки, отстранения от должности судьи или его устойчивой неспособности к исполнению обязанностей, замещающий член Суда исполняет соответствующие обязанности в течение оставшегося срока полномочий.

Суд располагает гарантированным штатом сотрудников аппарата, а также материально-техническим обеспечением. В его состав входят один секретарь-юрист, два докладчика-юриста и четыре административных сотрудника.

Интересно, что все сотрудники аппарата Суда состоят в штате Департамента экономики и малых предприятий Министерства экономики, развития и туризма и постоянно прикомандированы работающим при Суде по делам промышленной собственности. Указанные лица подчиняются нормам, применимым к должностным лицам указанного Департамента, за исключением случаев, когда такие нормы несовместимы с характером выполняемых ими функций в Суде.

Секретарь-юрист – ключевое лицо аппарата. Он является непосредственным руководителем всего административного персонала, а также выполняет функции секретаря суда и официального регистратора.

Докладчики-юристы готовят материалы дел, составляют краткие доклады для судей перед заседаниями и ведут учет движения дел.

Административные сотрудники обеспечивают работу канцелярии и архива Суда, регистрацию входящей корреспонденции и выполняют иные технические функции обслуживания процессов.

Любой из докладчиков может исполнять обязанности секретаря в порядке замещения, а секретарь, в свою очередь, также может исполнять функции докладчика при его замещении.

Материально-техническое и финансовое обеспечение Суда также возложено на Департамент экономики и малых предприятий. Закон о государственном бюджете должен ежегодно предусматривать необходимые средства для функционирования Суда. В этих целях Председатель Суда сообщает о ежедневных отчетах, поступлениях, таблицах, нормативных актах, расписании слушаний, статистике, прозрачности управления, институциональной информации, ссылках на другие сайты, представляющие интерес, и т.д.

Важно, что Департамент обеспечивает исключительно административно-хозяйственную деятельность Суда. Вмешиваться в его процессуальную деятельность Департамент не вправе.

Значительное внимание в работе Суда уделяется вопросам цифровизации.

В 2012 году введена в эксплуатацию первая версия веб-сайта Суда, на котором можно было найти общую информацию и отчеты о ежедневных отчетах, таблицах и поступлениях. В 2013 году веб-сайт позволил пользователям почти мгновенно отслеживать ход судебных разбирательств. Была создана поисковая система дел, классифицированных по товарным знакам, патентам, дополнительным средствам защиты, сортам растений и фактическим основаниям. Кроме того, была доступна информация о ежедневных отчетах, поступлениях, таблицах, нормативных актах, расписании слушаний, статистике, прозрачности управления, институциональной информации, ссылках на другие сайты, представляющие интерес, и т.д.

С 2012 по 2021 год Суд поддерживал эту систему управления делами, содержащую информацию о ходе рассмотрения дел и краткое изложение решений. В некоторых случаях решение прилагалось без подписей, исключительно в иллюстративных целях. Однако, система,

например, не позволяла подавать письменные заявления, что делалось лично или по электронной почте в период пандемии.

В 2019 году был разработан проект, предлагающий модель ведения дел, включающую усовершенствования, аналогичные тем, что используются в других судебных органах, предоставляющие пользователям удаленный доступ ко всем материалам дел. В том же году начата работа по реализации проекта цифровизации делопроизводства в Суде, а начиная с 21 июня 2021 года, услуга цифровой обработки данных стала доступной для всех авторизованных пользователей [3].

Литература

1. Código Orgánico de Tribunales – Ley № 7421 / Promulgación – 15.06.1943; Publicación – 09.07.1943 // <<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=25563>> (дата обращения – 08 июня 2026 г.).
2. El Tribunal de Propiedad Industrial // <<https://www.tdpi.cl/>> (дата обращения – 08 июня 2026 г.).
3. Historia // <<https://www.tdpi.cl/historia/>> (дата обращения – 08 июня 2026 г.).
4. INAPI // <<https://www.inapi.cl/acerca-de/inapi>> (дата обращения – 08 июня 2026 г.).
5. Ley № 19.039 Establece Normas Aplicables a los Privilegios Industriales y Protección de los Derechos de Propiedad Industrial / Promulgación – 24.01.1991. Publicación – 25.01.1991 // <<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1179684>> (дата обращения – 08 июня 2026 г.).
6. Ley № 19.342 Regula Derechos de obtenedores de nuevas variedades vegetales / Promulgación – 17.10.1994. Publicación – 03.11.1994 // <<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=30709>> (дата обращения – 08 июня 2026 г.).
7. Ley № 19.996 Modifica la Ley № 19.039, sobre propiedad industrial / Promulgación – 25.02.2025. Publicación – 11.03.2025 // <<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=236219>> (дата обращения – 08 июня 2026 г.).

THE INDUSTRIAL PROPERTY COURT OF THE REPUBLIC OF CHILE: COMPETENCE AND SPECIFICS OF LEGAL STATUS.

Solovyev A.A.

Moscow State Law University (Kutafin Moscow State Law University), Institute of Social Sciences and Humanities, Moscow Pedagogical State University

Specialized state economic courts are quite widespread in foreign countries. At the same time, such courts in each country possess certain distinct features, and the matters of their organization and functioning may be of significant research interest.

The subject of the study is the legislation of the Republic of Chile governing the Industrial Property Court.

The scientific novelty of the study lies in developing a comprehensive understanding of the fundamentals of the legal status and competence of the Industrial Property Court of the Republic of Chile. The methodological framework comprises general scientific and specific legal research methods, including systemic, logical, formal-legal, comparative-legal, and others.

In the article, the author examines the history of the establishment and competence of the court, addresses the specific aspects of its composition formation, and analyzes the procedural characteristics of dispute resolution. Particular attention is paid to the issues of the digitalization of judicial proceedings.

The findings of the study can be used to advance the understanding of foreign models of economic justice, as well as specialized judicial bodies. Furthermore, it appears possible to utilize the most successful foreign experience examined in this study in the process of reforming the domestic judicial system.

Keywords: economic justice, specialized courts, foreign experience, the Republic of Chile, Industrial Property Court, competence.

References

1. Organic Code of Courts – Law № 7421 / Promulgation – 15.06.1943; Publication – 09.07.1943 // <<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=25563>> (Accessed on June 08, 2026).
2. The Industrial Property Court // <<https://www.tdpi.cl/>> (Accessed on June 08, 2026).
3. History // <<https://www.tdpi.cl/historia/>> (Accessed on June 08, 2026).
4. INAPI // <<https://www.inapi.cl/acerca-de/inapi>> (Accessed on June 08, 2026).
5. Law № 19.039 Establishes Rules Applicable to Industrial Privileges and Protection of Industrial Property Rights / Promulgation – 24.01.1991. Publication – 25.01.1991 // <<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1179684>> (Accessed on June 08, 2026).
6. Law № 19.342 Regulates Rights of Breeders of New Plant Varieties / Promulgation – 17.10.1994. Publication – 03.11.1994 // <<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=30709>> (Accessed on June 08, 2026).
7. Law № 19.996 Amends Law № 19.039, on Industrial Property / Promulgation – 25.02.2025. Publication – 11.03.2025 // <<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=236219>> (Accessed on June 08, 2026).

Телибекова Ирина Мендигереевна,

кандидат юридических наук, ассоциированный профессор
Высшей школы естественно-гуманитарных наук Учреждения
«Баишев университет»
E-mail: irina67.kz@mail.ru

В статье исследуется содержание страховой услуги через призму соотношения категорий страховой защиты и страхового обеспечения при различных видах страхования жизни в целом, и при образовательном страховании в частности. Обосновано, что развитие накопительных видов страхования жизни наряду с классическим страхованием жизни повлекло за собой трансформацию содержания страховой услуги. Эта ситуация обуславливает необходимость расширения существующих научных подходов, поскольку на примере договора образовательного страхования показано, что здесь страхователю при наступлении страхового случая требуется страховая услуга иного содержания чем та, которая оказывается в виде защиты интересов страхователя при имущественном страховании, когда имеет место страховой случай с негативными последствиями его наступления. Цель: Целью исследования является выявление содержания и особенностей страховой услуги по договору образовательного страхования с учетом изменяющихся условий современных страховых правоотношений. Методы: В ходе подготовки исследования применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования. Необходимость изучения доктринального понятия страховой услуги, сопоставления ее содержания и признаков при различных видах страхования обусловили применение сравнительно-правового и формально-юридического методов исследования. Методы анализа, синтеза, обобщения и системного подхода позволили сопоставить особенности содержания страховой услуги в различных видах страхования жизни (классическом и накопительном), в том числе при образовательном страховании. Результаты: Анализ научных подходов к пониманию сущности страхования и содержания страховой услуги позволил установить, что характер страхового случая определяет содержание предоставляемой страховщиком услуги. При наступлении неблагоприятных событий страхование направлено на защиту интересов страхователя, тогда как при позитивных страховых случаях, свойственных образовательному страхованию в рамках накопительного страхования жизни, страховая услуга приобретает обеспечительный характер. Выводы: Сформулирован вывод о том, что по договору образовательного страхования страховая услуга предоставляется страховщиком в виде страхового обеспечения интересов страхователя путем выплаты страховой суммы при наступлении позитивного страхового случая, наступление которого не несет негативные последствия и связано с окончанием обучения или поступлением ребенка в образовательное учреждение.

Ключевые слова: договор образовательного страхования, страхователь, страховщик, страховая услуга, содержание страховой услуги, страховая защита, страховое обеспечение, страховой случай, страховой интерес.

Введение

Традиционно содержание страховой услуги, оказываемой страховщиком, сводится к страховой защите. Это связано с историческим развитием страхования в России, которое первоначально было направлено на преодоление негативных последствий гибели или повреждения имущества вследствие стихийных бедствий. Вместе с тем признавалось и сберегающее значение страхования, связанное с обеспечением доходов и сохранением капитала.

Этимология термина «страхование» в разных языках неоднозначна, что влияет на понимание сущности страхования и содержания страховой услуги в различных правовых системах. В одних странах страхование связывается с уменьшением страха, в других – с обеспечением уверенности и безопасности, в третьих – с предохранением, сбережением и охраной, что отражается и в подходах национальных законодателей к содержанию страховой услуги.

Российский законодатель, не давая понятия «страховая услуга» ни в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), ни в профильном законе, придерживается позиции, согласно которой при страховании, как имущественном, так и личном, страховщик предоставляет страховую услугу в виде страховой защиты (ст. 927 ГК РФ, ст. 2 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации») [1–2]. Правоприменительная практика показывает, что многие страховые организации предоставляют услуги накопительного и аннуитетного страхования, где страховыми случаями выступают социально значимые события, не влекущие негативных последствий. В таких случаях страховщик оказывает страховую услугу не только в форме страховой защиты, но и в виде страхового обеспечения, что свидетельствует об изменении правовой и функциональной природы страховой услуги.

Литературный обзор

В науке до сих пор не выработана однозначная позиция относительно содержания страховой услуги. Наиболее распространенной является «теория защиты», согласно которой страхование рассматривается как механизм защиты имущественных интересов страхователя и компенсации неблагоприятных последствий страхового случая. Данный подход поддерживается российскими и зарубежными цивилистами, а также экономистами (Ю.Б. Фогельсон, А.И. Худяков, В.С. Белых, В.В. Шахов и др.). Наряду с этим в юридической доктрине получила развитие «теория обеспечения», представители которой (В.И. Серебровский, В.К. Райхер и др.) рассматривают страхование не только как защиту от вреда, но и как способ обеспечения имущественных потребностей страхователя. Современные исследователи (Д.В. Брызгалов, М.Н. Гекко и др.) отмечают, что особенно ярко обеспечительная функция проявляется в накопительном страховании жизни, где страховой случай может носить позитивный характер и быть направлен не на компенсацию ущерба, а на обеспечение определенного материального уровня или достижение социально значимой цели. Анализ научных подходов показывает, что проблема разграничения страховой защиты и страхового обеспечения в зависимости от характера страхового случая остается недостаточно разработанной в современной юридической литературе.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. В работе использовались диалектический, формально-юридический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также методы анализа, синтеза и правового моделирования. Их применение позволило исследовать эволюцию содержания страховой услуги, проанализировать нормы действующего законодательства в сфере страхования, сопоставить научные подходы к пониманию страховой защиты и страхового обеспечения, а также обосновать страховое обеспечение как самостоятельное содержание страховой услуги при накопительном и образовательном страховании жизни.

Результаты

Изучение трудов цивилистов о понимании сущности страхования, а также исследование соотношения понятий «страховая защита» и «страховое обеспечение» на примере традиционного и накопительного страхо-

вания жизни позволило выработать позицию о различии содержания страховой услуги в зависимости от характера страхового случая. Так, при наступлении негативных страховых событий страховая услуга носит характер защиты от возможных убытков и вреда. Вместе с тем при позитивных страховых случаях, присущих образовательному страхованию, осуществляемому в форме накопительного страхования жизни в сфере личного страхования, интерес страхователя связан не с необходимостью компенсации неблагоприятных последствий, а с получением страхового обеспечения, направленного на поддержание определённого материального уровня либо достижение социально значимой цели. По итогам проведенного исследования установлена взаимосвязь содержания страховой услуги, востребованной страхователем, с видом страхования, характером страхового случая и последствиями его наступления.

Обсуждение

В правовой доктрине отсутствует единообразный подход к определению содержания страховой услуги. Одни авторы сводят содержание страховой услуги исключительно к страховой защите имущественных интересов страхователя. Так, Б.Ю. Фогельсон считает, что страховщики, привлекая денежные средства страхователей, «оказывают услугу по защите интересов» [3]. Автор подчеркивает, что «смысл страхования в том, что при наступлении определенных событий лицу, которому данными событиями причинен вред выплачивается определенная денежная сумма. В этом и состоит защита интереса» [4, С. 20]. Не соглашаться с доводами ученого нельзя, так как действительно при имущественном страховании страхователю требуется страховая услуга в виде защиты. Но при накопительном страховании жизни, когда в договоре страхования страховым случаем указывается какое-то важное для страхователя событие или определенная дата, эти доводы не убедительны поскольку здесь страхователю от страховщика требуется страховая услуга совершенно другого рода. По мнению А.И. Худякова «страхование представляет собой правоотношение по имущественной защите интересов граждан и юридических лиц с последующей выплатой страховых возмещений» [5, С. 9]. Автор, не акцентируя внимание на том, какой вид страхования он подразумевал, отмечал, что страховая услуга, предоставляемая страховщиком, включает в себя лишь защиту интересов. Н.С. Ковалевская, будучи приверженцем этой же позиции, воспринимает и имущественное, и личное страхование как систему отношений по защите имущественных интересов [6, С. 245]. Согласно мнению Ю.Г. Ермаковой «страховщик оказывает платную страховую услугу по защите имущественных интересов страхователей» [7, С. 153–157]. Также воспринимает содержание страховой услуги и А.М. Авакян, говоря, что «смыслом страхования является сама страховая защита. ... она в страховом правоотношении выступает тем элементом, за который платит страхователь» [8, С. 7]. При этом автор, утверждает, что «Суть действий страховщика – создание гарантий защиты интересов страхователя» [9, С. 282]. В.С. Белых и И.В. Кривошеев иначе подходят содержанию страховой услуги, определяя ее как страховую охрану имущественных интересов физических и юридических лиц посредством возмещения ущерба [10, С. 15].

Экономисты, также как и юристы являются сторонниками «теории защиты», считая, что страхование сводится к «защите экономических интересов возможных причинителей вреда» (М.А. Шевандин и Л.Н. Конова), «выступает средством защиты бизнеса и благосостояния людей» (В.В. Шахов), характеризуется «формированием страхового фонда ... с целью защиты имущественных интересов» (Е.Г. Лукьянов), который создается для «физических и юридических лиц, субъектов РФ, муниципальных образований, обратившихся к услуге страховщиков» (Ю.Т. Ахведиани), «представляет собой устойчивую форму защиты финансово-хозяйственной жизни от многочисленных рисков» (В.А. Цибульский), «предназначено для возмещения возможного ущерба» (А.А. Полякова, Н.Ю. Кожанчикова и А.Б. Дударева) [11, С. 50; 12, С. 30; 13, С. 24; 14, С. 6; 15, С. 25; 16, С. 71].

Обратимся к трудам зарубежных цивилистов. О том, что страхование предназначено для «защиты имущественных интересов граждан и юридических лиц в случае наступления неблагоприятных последствий» пишет белорусский исследователь И.И. Эсмантович [17, С. 221]. Его узбекистанский коллега К.М. Кулдашев полагает, что сущность страхования заключается в аккумуляции средств и их использовании на возмещение потерь от неблагоприятных последствий страховых случаев [18, С. 690]. Казахстанские ученые тоже воспринимают страхование как «комплекс отношений по защите законных имущественных интересов» [19, С. 82].

Однако здесь можно привести цитаты метров цивилистической науки, которые еще в прошлом веке излагали доводы в пользу «теории обеспечения» и отмечали, что сущность страхования может заключаться не только в защите, но и в обеспечении интересов страхо-

вателя. Так, В.И. Серебровский указывал, что сущность страхования сводится к идее «общего обеспечения возможной потребности» [20, С. 339]. По мнению ученого страхование представляет собой правоотношение, которое характеризуется «обеспечением страхователя или выгодоприобретателя от возможного вреда и недостатка» [Там же]. Согласно позиции А.Г. Гойхбарга функция страхования соответствует ... общему обеспечению от последствий вреда или недостатка финансовых средств [21, с. 31–32]. В.К. Райхер приводил доводы о том, что «страхование является обеспечением, на случай наступления предусмотренного события, имущественной потребности, явившейся или обычно являющейся результатом этого события» [22].

Среди современных цивилистов также есть последователи «теории обеспечения». Среди них, например, Д.В. Брызгалов, который пишет, что «Одной из первых концепций, объясняющих природу страхования, была теория страхования как обеспечения (включая теории вреда и убытков). <...> Под обеспечением возможной потребности понимается компенсация возможного вреда (убытков в имущественном страховании) и недостатков (выплат по личному страхованию)» [23, С. 415–427]. Автор, связывая страховую услугу с обеспечением, сопоставляет ее с компенсацией возможного вреда или недостатков. Полагаем, что не во всех случаях при страховании реализуется компенсаторный механизм поскольку в настоящее время существуют виды страхования, когда необходима не компенсация недостатков при осуществлении выплаты страховой суммы при личном страховании, а обеспечение определенного материального состояния на какую-либо обозначенную в договоре страхования дату или важное событие. Следует отметить, что в советский период имела место практика страхования детей до достижения ими совершеннолетия, осуществлявшаяся Госстрахом, но она вовсе не была направлена на удовлетворение потребности родителей в компенсации какого-либо вреда или устранении недостатков. Сторонницей «теории обеспечения» является и М.Н. Гекко, полагающая, что «если рассматривать страхование в целом, то его назначением выступает обеспечение материального положения застрахованного лица на определенном уровне» [24, С. 7]. Следует согласиться с доводами автора, так как обеспечение материального положения может составлять страховой интерес страхователя, который заключает со страховщиком страховой договор в виде накопительного страхования жизни в порядке личного страхования с указанием в нем в качестве страхового случая определенную дату или событие.

Ученые-экономисты А.В. Вячеславов и А.В. Константиныч также указывают, что «отличительным признаком страхования ... является также и обеспечение возможной потребности» [25, С. 16–17]. Авторы по-другому интерпретируют сущность страхования, по мнению которых обеспечение является универсальной характеристикой страхования. При этом они отмечают, что «идея общего обеспечения возможной потребности» является свойственной всем видам страхования, и там, где эта идея отсутствует, там нет и страхования, а есть какое-то иное явление (например, игра, пари, лотерея) [Там же]. По-нашему мнению, «теория обеспечения» работает там, где необходима не страховая защита, не когда наступает страховой случай, несущие негативные последствия для страхователя, а там, где страхователь нуждается в обеспечении материального положения посредством договора накопительного страхования жизни.

Д.В. Брызгалов по этому поводу пишет: «Для объяснения накопительного страхования жизни в теории предусматривается специальный термин – безрисковое личное страхование, характеризующееся отсутствием вредности страхового случая как события. С помощью такого страхования жизни страхователь удовлетворяет потребность в дополнительном доходе для поддержания положения на привычном уровне» [23, С. 415–427]. Как видим, в правовой доктрине подход к определению страховой услуги как формы страхового обеспечения получил отражение еще в трудах советских цивилистов и в настоящее время находит отражение в исследованиях современных российских ученых.

В другом ракурсе рассматривает идею обеспечения правовед А.В. Бормотов, отождествляющий страхование со способами обеспечения исполнения обязательств. Автор считает, что страхование, «выполняя функцию способа обеспечения исполнения обязательств, представляет собой обязательство, направленное на надлежащее исполнение основного обязательства и предоставляющее кредитору и должнику гарантии удовлетворения требований кредитора, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением такого основного обязательства» [26]. Поскольку в науке гражданского права страховое обязательство традиционно рассматривается как самостоятельный вид гражданско-правового обязательства, и законодателем выделена соответствующая глава в ГК РФ, мы с данными доводами не согласны.

А.Г. Аракелян, рассуждая о необходимости единого универсального определения договора страхования, отмечает, что «Стремление к достижению общего обеспечения от возможного вреда и недостатка – цель, которую преследуют все страхователи» [11, С. 56–62]. Согласиться с позицией автора в полном объеме не представляется возможным, поскольку достижение указанной цели характерно не для всех видов договоров страхования и, соответственно, не во всех случаях соответствует интересам страхователей. При страховании имущества страхователю, как правило, необходима страховая защита его интересов, связанных с этим имуществом. Такая же страховая услуга необходима и при традиционном (классическом) страховании жизни, так как в договоре страхования указываются страховые случаи, последствия которых могут нести неблагоприятные последствия для неимущественных благ страхователя. Когда заключается договор накопительного страхования жизни и в качестве страхового случая указываются дата или значимое в жизни страхователя событие, наступление которого не несет негативных последствий для страхователя, а наоборот оно является ожидаемым и страхователь ждет его наступления, то здесь ему от страховщика требуется страховая услуга в виде страхового обеспечения определенного материального состояния.

Не останавливаясь на особенностях целей отдельных видов страхования и целей заключаемых при этом договоров, представляющих собой суть разные вещи, приведем доводы М.В. Маркиной, которая, рассматривая страхование гражданской ответственности, разделяет цель страхования на первоначальную цель и цель второго плана. Автор указывает, что «Основная первоначальная цель такого рода страхования состоит в восстановлении имущественного статуса потерпевшего. ... Вслед за этим, следует отметить также цель второго плана, состоящую в обеспечении потребности страхователя или другого причинителя вреда, в том, чтобы оптимизировать расходы по возмещению вреда» [28, С. 203–207]. Полагаем, что здесь говорить о восстановлении имущественного статуса потерпевшего не вполне корректно, поскольку даже при причинении вреда имуществу он сохраняет право собственности на него. При полном уничтожении имущества потерпевшему требуется денежная сумма для покрытия связанных с этим расходов. Поэтому в данном случае правильнее говорить не о «восстановлении» имущественного статуса, а об оптимизации затрат по восстановлению утраченного или поврежденного имущества. В научной литературе нередко смешиваются понятия цели страхования и цели договора страхования, что требует их разграничения. Что касается цели образовательного страхования, то она заключается в реализации субъективного права на получение образования посредством образовательного страхования, тогда как цель соответствующего договора состоит в предоставлении страховщиком страховой услуги в виде страхового обеспечения интересов страхователя [29, С. 190–195].

Мы с учетом «теории обеспечения» несколько иначе трактуем содержание страховой услуги, и считаем, что страховое обеспечение как страховая услуга присуща не всем видам страхования. страховое обеспечение в качестве страховой услуги характерно прежде всего накопительному страхованию, при котором страхователю требуется определенная денежная сумма на указанную в договоре дату или событие, как, например, в договоре образовательного страхования, где страховым случаем выступает окончание ребенком школы и/или его поступление в образовательное учреждение [30, С. 456–464]. Следовательно, у страхователя есть необходимость в страховой услуге, отличающейся от содержания от страховой защиты и выражающейся в обеспечении его материальных интересов. По такому договору страховщик обязан произвести выплату страховой суммы ее получателю – организации образования, выступающей по договору третьим лицом. Причем это третье лицо может не быть осведомлено о факте заключения договора страхования, равно как и другое третье лицо – ребенок страхователя, хотя последнее связано с наступлением страхового случая, который носит для него позитивный характер и не влечет неблагоприятных последствий. Более того, наступление такого события всегда объективно вероятно, соответствует интересам и ожиданиям страхователя. Однако данный страховой случай может не наступить в силу различных обстоятельств, то есть риск его ненаступления, а сам договор образовательного страхования занимает отдельное место среди других финансовых инструментов, используемых для оплаты образовательных услуг (образовательный кредит, образовательный накопительный вклад и т.п.) [31, С. 115–123].

Выводы

Таким образом, обобщая изложенное, следует отметить, что вид осуществляемого страхования и цель заключаемого при этом договора страхования обуславливают содержание страховой услуги. Содержание оказываемой страховщиком в рамках договора личного страхования

страховой услуги определяется разновидностью страхования жизни: классическим страхованием жизни либо накопительным страхованием. Если в рамках классического страхования жизни страховщик осуществляет страхователю страховую услугу в виде страховой защиты, то при накопительном страховании жизни, в частности при образовательном страховании он оказывает страховую услугу в виде страхового обеспечения его материального положения на определенном уровне при наступлении страхового случая в виде окончания ребенком средней школы или его поступления в учебное заведение. При наступлении указанного позитивного страхового случая по договору образовательного страхования страховщик выполняет свою обязанность, обеспечивая страховые интересы страхователя, путем выплаты обозначенной договором страховой суммы ее целевым перечислением на счет организации образования при предоставлении страхователем-родителем договора на оказание образовательных услуг или приказа о зачислении ребенка в организацию образования.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 от 26.01.1996 № 14-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 27.03.2026).
2. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 г. № 4015–1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (дата обращения: 27.03.2026).
3. Фогельсон Б.Ю. Страхование право: теоретические основы и практика применения. Монография. URL: <http://www.twirpx.com/file/592984/> (дата обращения: 27.03.2026).
4. Фогельсон Ю. Б. Ф Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография / Ю.Б. Фогельсон. – М.: Норма: ИНФРАМ, 2012. – 576 с.
5. Худяков А.И. Страхование право Республики Казахстан. – Алматы: Жеті жар ы, 1997. – 320 с.
6. Ковалевская Н.С. Страховой интерес как материальный объект страхового обязательства: теория, законодательство и правоприменительная практика. В кн.: Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 5: сб. науч. ст. / Санкт-Петербург. гос. ун-т, Юрид. фак.; под общ. ред. В.Ф. Попондопуло и О.Ю. Скворцова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 43 с., С. 243–296.
7. Ермакова Ю.Г. Проблемы гражданско-правового регулирования страховой деятельности в Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 3. – С. 153–157.
8. Авакян А.М. Предмет как существенное условие договора страхования // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 8. – С. 107–108.
9. Авакян А.М. Предмет и другие существенные условия договора личного страхования // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С. 281–283.
10. Белых В. С., Кривошеев И.В. Страхование право. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА · М), 2001. – 224 с.
11. Шевандин М. А., Конова Л.Н. Страхование безопасности: Учебное пособие для студентов специальности «Безопасность жизнедеятельности». – М.: МИИТ, 1999. – 76 с.
12. Шахов В. В., Введение в страхование: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 288 с.
13. Лукьянов Е.Г. Методологические основы взаимодействия банков и страховых организаций // Известия БГУ. – 2007. – № 4. – С. 23–25.
14. Страхование: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / под науч. ред. Ю.Т. Ахвледиани; под общ. ред. В.И. Жигалова, А.В. Минакова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 519 с.
15. Цибульский В.А. Правовое регулирование страховой деятельности: Учебное пособие для специальности 080105.65 «Финансы и кредит» / Цибульский В.А. Казань: Изд-во «Юниверсум», 2010. – 95 с.
16. Полякова А. А., Кожанчикова Н.Ю., Дударева А.Б. Современные тенденции функционирования рынка страховых услуг России // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10 (118). – С. 70–83.
17. Эсмантович И.И. Некоторые аспекты обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (на примере стран СНГ) // Вестник ННГУ. – 2015. – № 1. – С. 221–229.
18. Кулдашев К.М. Страховой рынок Узбекистана и необходимость создания взаимных страховых обществ // Экономический анализ: теория и практика. – 2018. – № 4 (475). – С. 690–703.
19. Елеусизова И. К., Калкенова Д.М. Некоторые вопросы правового регулирования страховой деятельности в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2014. – № 3 (35). – С. 82–88.

20. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. – М.: «Статут», 1997. – 567 с.
21. Гойхбарг А.Г. Единое понятие страхового договора: (вступительная лекция к курсу страхового права, прочитанная в Институте Высших Коммерческих Знаний) / А.Г. Гойхбарг. – Санкт-Петербург: типография т-ва «Общественная Польза», 1914. – 32 с.
22. Райхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/91139-serebrovskiy-v-i-ocherki-sovetskogo-strahovogo-prava-m-l-1926> (дата обращения: 27.03.2026).
23. Брызгалов Д.В. Теоретические подходы к страхованию жизни: проблемы и пути их преодоления // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2018. – № 4 (346). – С. 415–427.
24. Гекко М.Н. Договор страхования по законодательству Республики Казахстан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Алматы, 2005. – 33 с.
25. Вячеславов А. В., Константиныди А.В. Вопросы страхования (для предпринимателей): Учебное пособие. Московский государственный институт радиотехники, электроники и автоматики (технический университет). – М.: 2002. – 60 с.
26. Бормотов А.В. Обеспечительная функция договора страхования в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 2011. – 22 с.
27. Аракелян А.Г. Проблемы понятия и квалификации договора страхования в современном гражданском праве // Legal Concept. – 2009. – № 11. – С. 56–62.
28. Маркина М.В. Страхование гражданской ответственности // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 203–207.
29. Телибекова И.М. Соотношение содержания услуги страхования и страхового случая // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 6 (157). – С. 190–195.
30. Телибекова И.М. Договор образовательного накопительного страхования как обеспечительный гражданско-правовой механизм в достижении целей устойчивого развития российского общества // Российский научный вестник. – 2026. – № 3. – С. 456–464.
31. Телибекова И.М. Договор образовательного накопительного страхования в системе финансовых инструментов обеспечения оплаты образования: сравнительно-правовой анализ // Право и управление. – 2026. – № 3. – С. 115–123.

THE CONTENT OF THE INSURANCE SERVICE UNDER THE EDUCATIONAL INSURANCE CONTRACT

Telibekova I.

Natural Sciences and Humanities Institution "Baishev University"

The article examines the content of insurance services through the prism of the ratio of categories of insurance protection and insurance coverage for various types of life insurance in general, and for educational insurance in particular. It is proved that the development of accumulative types of life insurance along with classical life insurance has led to a transformation in the content of insurance services. This situation necessitates the expansion of existing scientific approaches, since the example of an educational insurance contract shows that here, upon the occurrence of an insured event, the policyholder requires an insurance service of a different content than that which is provided in the form of protection of the policyholder's interests in property insurance, when there is an insured event with negative consequences of its occurrence. Purpose: The purpose of the study is to identify the content and features of insurance services under an educational insurance contract, taking into account the changing conditions of modern insurance legal relations. Methods: During the preparation of the study, both general scientific and private scientific research methods were used. The need to study the doctrinal concept of insurance services, comparing its content and features in various types of insurance has led to the use of comparative legal and formal legal research methods. The methods of analysis, synthesis, generalization and a systematic approach made it possible to compare the features of the insurance service content in various types of life insurance (classical and cumulative), including educational insurance. Results: The analysis of scientific approaches to understanding the essence of insurance and the content of the insurance service allowed us to establish that the nature of the insured event determines the content of the service provided by the insurer. In the event of adverse events, insurance is aimed at protecting the interests of the policyholder, whereas in the case of positive insurance cases, which are characteristic of educational insurance under accumulative life insurance, the insurance service acquires a security character. Conclusions: The conclusion is formulated that, under an educational insurance contract, an insurance service is provided by the insurer in the form of insurance coverage for the insured's interests by paying the insured amount upon the occurrence of a positive insured event, the occurrence of which does not have negative consequences and is associated with the completion of education or the admission of a child to an educational institution.

Keywords: educational insurance contract, policyholder, insurer, insurance service, insurance service content, insurance protection, insurance provision, insured event, insurance interest.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation, Part 2, dated January 26, 1996, No. 14-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (date of application: 03/27/2026).
2. The Law of the Russian Federation "On the organization of insurance business in the Russian Federation" dated 11/27/1992 № 4015-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (accessed: 03/27/2026).
3. Fogelson Yu.B. Insurance law: theoretical foundations and practical application. The monograph. URL: <http://www.twirpx.com/file/592984/> (date of access: 03/27/2026).
4. Fogelson Yu.B. Insurance law: theoretical foundations and practice of application: monograph / Yu.B. Fogelson. – M.: Norm: INFRAM, 2012. – 576 p.
5. Khudyakov A.I. Insurance law of the Republic of Kazakhstan. Alma-Ata: Zheti zhargy, 1997. 320 p.
6. Kovalevskaya N.S. Insurance interest as a material object of insurance obligation: theory, legislation and law enforcement practice. In: Actual problems of science and practice of commercial law. Issue 5: collection of scientific articles / St. Petersburg State University, Law Faculty; under the general editorship of V.F. Popondopulo and O.Y. Skvortsov. Moscow: Volters Kluver, 2005. 43 p., pp. 243–296.
7. Ermakova Yu.G. Problems of civil law regulation of insurance Activities in the Russian Federation // Actual problems of the humanities and natural Sciences, 2012, No. 3, pp. 153–157.
8. Avakian A.M. The subject as an essential condition of the insurance contract // Theory and practice of social development. 2015. No. 8. pp. 107–108.
9. Avakian A.M. The subject and other essential terms of the personal insurance contract // Theory and practice of social development. – 2011. – No. 3. – pp. 281–283.
10. Belykh V. S., Krivosheev I.V. Insurance law. – M.: Publishing house NORM (Publishing group NORM-INFRA · M), 2001. – 224 p.
11. Shevandin M. A., Konova L.N. Safety insurance: A textbook for students of the specialty "Life safety". Moscow: MIIT, 1999. 76 p.
12. Shakhov V. V., Introduction to insurance: A textbook, 2nd ed., revised. and add. – M.: Finance and Statistics, 1999. – 288 p.
13. Lukyanov E.G. Methodological foundations of interaction between banks and insurance organizations // Izvestiya BSU. – 2007. – No. 4. – pp. 23–25.
14. Insurance: a textbook for university students studying in the fields of "Finance and credit", "Accounting, analysis and audit" / under the scientific editorship of Yu.T. Akhmediani; under the general editorship of V.I. Zhigalov, A.V. Minakov. – 6th ed., reprint. And additional – M.: UNITY-DANA, 2023. – 519 p.
15. Cybulskiy V.A. Legal regulation of insurance activity: A textbook for specialty 080105.65 "Finance and credit" / Cybulskiy V.A. Kazan: Publishing house "Universe", 2010. 95 p.
16. Polyakova A. A., Kozhenchikova N. Yu., Dudareva A.B. Modern trends in the functioning of the Russian insurance services market // Management consulting. – 2018. – № 10 (118). – Pp. 70–83.
17. Esmantovich I.I. Some aspects of compulsory civil liability insurance for vehicle owners (on the example of CIS countries) // Bulletin of the National Research University of Uzbekistan, 2015, No. 1, pp. 221–229.
18. Kuldashv K.M. The insurance market of Uzbekistan and the need for creation of mutual insurance companies // Economic analysis: theory and practice. – 2018. – № 4 (475). – Pp. 690–703.
19. Eleusizova I. K., Kalkenova D.M. Some issues of legal regulation of insurance activity in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2014. – № 3 (35). – Pp. 82–88.
20. Serebrovsky V.I. Selected works on inheritance and insurance law. – M.: "Statute", 1997. – 567 p.
21. Goikhbarg A.G. The unified concept of an insurance contract: (introductory lecture to the insurance law course, delivered at the Institute of Higher Commercial Knowledge) / A.G. Goikhbarg. – St. Petersburg: tipografiya t-va "Public Benefit", 1914. – 32 p., pp. 31–32.
22. Reicher V.K. Socio-historical types of insurance. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/91139-serebrovskiy-v-i-ocherki-sovetskogo-strahovogo-prava-m-l-1926> (date of request: 03/27/2026).
23. Bryzgalov D.V. Theoretical approaches to life insurance: problems and ways to overcome them // Financial analytics: problems and solutions. – 2018. – № 4 (346). – Pp. 415–427.
24. Gekko M.N. Insurance contract under the legislation of the Republic of Kazakhstan: Abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences. – Almaty, 2005. – 33 p.
25. Vyacheslavov A. V., Konstantinidi A.V. Issues of insurance (for entrepreneurs): A textbook. Moscow State Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation (Technical University). Moscow: 2002. 60 p. pp.16–17.
26. Bormotov A.V. The security function of an insurance contract in Russian civil law: Abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences. – Perm, 2011. – 22 p.
27. Arakelyan A.G. Problems of the concept and qualification of an insurance contract in modern civil law // Legal Concept. – 2009. – No. 11. – pp. 56–62.
28. Markina M.V. Civil liability insurance // Law and practice. – 2018. – No. 4. – pp. 203–207.
29. Telibekova I.M. The ratio of the content of the insurance service and the insured event // Eurasian Law Journal. – 2021. – № 6 (157). – pp. 190–195.
30. Telibekova I.M. Educational accumulative insurance contract as a security civil law mechanism in achieving the goals of sustainable development of Russian society // Russian Scientific Bulletin, 2026, No. 3. – pp. 456–464.
31. Telibekova I.M. The contract of educational accumulative insurance in the system of financial instruments for ensuring payment for education: a comparative legal analysis // Law and management. – 2026. – No. 3. – pp. 115–123.

Теплякова Ольга Андреевна,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский
государственный университет
E-mail: teplyakova.oa@yandex.ru

Савина Анастасия Алексеевна,

магистр, Тюменский государственный университет
E-mail: Savina-14-05@mail.ru

В статье рассматривается правовой статус педагогического работника в Российской Федерации и стран-участников БРИКС. Произведен анализ нормативно-правовых актов в Российской Федерации, закрепляющие содержание правового статуса, а также особое внимание уделяется основным направлениям законотворческой деятельности, направленные на изменения правового статуса и механизмов защиты. Определены вопросы, находящиеся на обсуждении Министерством просвещения, и результаты его деятельности совместно с Общественным советом при Министерстве просвещения. В работе произведен анализ законодательств Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов, регламентирующих правовой статус педагогического работника. Определены особенности правового закрепления правового статуса в нормах права и отличительные особенности в сравнении с законодательством Российской Федерации. На обсуждение вынесены вопросы о практической реализации предлагаемых изменений в законопроектах и актуальность внедрения дополнительных механизмов защиты педагогического работника в России, в том числе в странах-участников БРИКС. В заключении определено место педагогического работника в общественных отношениях в сфере образования, установлены актуальные проблемы незаинтересованности молодых специалистов в карьере, обобщены результаты законотворческой деятельности в России и вопросы изменений правового статуса в Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов.

Ключевые слова: правовой статус, педагогический работник, законотворческая деятельность, изменения, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Объединенные Арабские Эмираты.

Введение

Вопрос об изменении статуса педагогического работника обсуждается не только законодателем, но и в обществе в целом. Это обусловлено по ряду причин. Во-первых, социальный статус «учитель» в обществе, влияющий на жизнь и профессиональную реализацию педагогического работника, в настоящее время претерпел негативные изменения. Во-вторых, в условиях реформы образования и цифровизации, на педагогического работника возлагается дополнительная нагрузка, которая влияет не только на качества предоставляемых образовательных услуг, но и в том числе, непосредственно оказывает влияние на жизнь учителя. В-третьих, молодые специалисты также обосновывают незаинтересованность в построении карьеры в области образования вследствие низкой заработной платы. Основная цель работы – проанализировать и сравнить нормы законодательства Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Объединенных Арабских Эмиратов, закрепляющие правовой статус педагогического работника, и установить ключевые изменения содержания правового статуса.

Материалы и методы

В работе использовались нормативно-правовые акты Российской Федерации, раскрывающие содержание правового статуса, и находящиеся в архиве законопроекты, в том числе текста СМИ, а также нормативно-правовые акты и тексты СМИ Китайской Народной Республики и Объединенных Арабских Эмиратов. Были применены общенаучные и частнонаучные методы (методы теоретического исследования и сравнительно правовой метод).

Результаты

Правовой статус педагогического работника в Российской Федерации закреплен в федеральном законе № 273 «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 273). Согласно ст. 2 педагогическим работником является «физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности».

Законодательство закрепляет особый статус педагогического работника, который включает в себя: совокупность прав и свобод, трудовые права, социальные гарантии и компенсации, ограничения, обязанности и ответственность, а также дополнительные меры государственной поддержки и социальных гарантий (ст. 47).

Также статья 47 ФЗ № 273 раскрывает академические права и свободы (п. 3), дополнительные механизмы защиты своих прав и свобод (п. 3.1), трудовые права и социальные гарантии (п. 5–9). Национальная политика государства направлена на создание условий для осуществления профессиональной деятельности педагогическими работниками и повышение социальной значимости и престижа педагогического труда. Статья 48 закрепляет обязанности и ответственность педагогического работника, статья 49 устанавливает процесс аттестации.

Следовательно, правовой статус педагогического работника определен и закреплен нормами права. При этом, в настоящее время актуальной правовой и социальной дискуссией является вопрос изменения правового статуса преподавателя. В соответствии с содержанием законопроектов, установлено, что депутаты Государственной Думы предлагали приравнять статус педагогического работника к государственному служащему или изменить размер заработной платы, обосновывали тем, что молодые специалисты не заинтересованы в педагогической деятельности вследствие низкой заработной платы.

В 2014 году был внесен законопроект № 659799–6 (в архиве). Содержание законопроекта отражал позицию о приравнивании педагогического работника к представителю власти, устанавливая уголовную и административную ответственность за совершение в отношении преподавателя публичного оскорбления, который бы приравнивался к насилию, совершенное в отношении представителя власти. Отдельно были предложены социальные гарантии и трудовые права, устанавливающие дополнительные надбавки [3]. В 2020 году был внесен законопроект № 1075801–7 (в архиве). Законопроект содержит в себе изменения средней заработной платы, а именно заработная плата должна быть не меньше, чем размер средней заработной платы по всей Российской Федерации, а не по региону. Дополнительно предложены социальные

и жилищные гарантии [4]. Данные законопроекты были отклонены в силу того, что социальные гарантии не имели новизну, в том числе как трудовые права и гарантии, часть которых устанавливались трудовым договором, а предложенные жилищные гарантии не соответствовали предмету правового регулирования ФЗ № 273.

Стоит обратить внимание, что в 2024 году были внесены изменения в ФЗ № 273, направленные на защиту педагогов от оскорблений и насилия, который закрепил дополнительные механизмы защиты прав преподавателей. С целью защиты профессиональной чести и достоинства педагогических работников был создан Совет Министерства просвещения Российской Федерации по защите профессиональной чести и достоинства педагогических работников [2].

Законопроект № 1112247–8 согласно общедоступной информации находится на рассмотрении. Согласно ему, предложено внести изменения в ст. 99 ФЗ № 273, а именно в часть 3 закрыв, что оплата по трудовому договору должна соответствовать 1,5 средних заработных плат в субъекте Российской Федерации [5]. Однако в пакете документов предоставлено отрицательное заключение, которое указывает, что мнение Правительства Российской Федерации не меняется уже несколько лет в отношении изменения фиксированной заработной платы педагогического работника. Отрицательное мнение основывалась на том, что при разработке законопроекта не указывались источники финансирования и его порядок.

Отдельным стоит вопрос о снижении бюрократической нагрузки в сфере образования. Министр просвещения РФ Сергей Кравцов указал на важность создания комфортных условий труда, которые непосредственно влияют на повышение качества работы [6]. 27 мая 2026 г. состоялось заседание Общественного совета при Министерстве просвещения, Ольга Колударова в своей речи указала, что были осуществлены шаги по усилению защиты правового статуса педагогического работника. С 1 сентября 2026 года в образовательные учреждения будет внедряться трехуровневая модель оценки поведения, создан чат-бот «Правовой ассистент педагога», созданный с целью юридической поддержки учителей [7].

Схожая правовая ситуация установлена в Объединенных Арабских Эмиратах (далее – ОАЭ). В нормах права законодательства ОАЭ, непосредственно регулирующие образовательные отношения, отсутствуют нормативно-правовой, закрепляющий статус педагогического работника. В актах Министерства образования ОАЭ отсутствует и само понятие «педагогический работник» или «учитель». Правовое определение «педагогического работника» прямо вытекает из системы лицензирования и профессиональных стандартов.

Отличительной особенностью законодательства в ОАЭ является система лицензирования образовательных профессий. Система лицензирования была введена не так давно. Политик Хусейн Аль Хаммади в ходе виртуального диалога в 2020 году, указал, что лицензия учителя – это удостоверение личности, позволяющие осуществлять образовательную деятельность [11]. Таким образом, педагогический работник в ОАЭ – это физическое лицо, которое обладает действующей лицензией учителя, выданное Министерством образования, заключил срочный трудовой договор с образовательной организацией, осуществляет педагогическую деятельность в соответствии с Кодексом профессиональной этики и иными актами.

В отличие от законодательства Российской Федерации, которое устанавливает право заключить бессрочный трудовой договор, в нормах права ОАЭ в 2021 году произошли изменения, а именно в содержании трудового договора работодатель обязан указать срок договора (ст. 8 Федерального декрета-закона № 33). Если срок истек, а стороны продолжают выполнять условия договора, в таком случае, автоматически продлевается первоначальный договор на тех же условиях [8]. Указанные требования распространяются не только на государственные образовательные учреждения, но также и на негосударственные (или частная школа).

На негосударственные образовательные учреждения, помимо требований по заключению трудового договора, также распространяются требования о лицензировании педагогической деятельности. О лицензировании упоминается в ст. 23 федерального закона «О специальном образовании». Согласно ей, если частная школа планирует заключить трудовой договор с педагогическим работником (или продлить его), у него должна быть действующая лицензия учителя [9].

В ходе анализа законодательства ОАЭ в области образовательных отношениях, не была установлена норма, закрепляющая права и обязанности педагогического работника, которые бы раскрывали его правовой статус. Права и обязанности учителя рассредоточены в нескольких отраслях права и во внутренних уставах образовательных учреждений. Стоит обратить внимание, что обязанности педагогического работника отдельно закреплены в «Профессионально-этический

устав работников общеобразовательных учреждений», который был утвержден Министерством образования. Устав профессиональной этики распространяется на все организации, предоставляющие образовательные услуги на общеобразовательном уровне.

Особенностью данного документа является то, что содержание включает в себе не только запрещающие нормы, но и управомочивающие нормы. К этическим нормам относятся: правила профессионального контакта, сотрудничества с родителями, местным сообществом, администрацией и руководителями, коллегами. Помимо общих обязанностей, отдельно закреплены: требования к одежде, использованию вверенного имущества, конфиденциальности информации, нетерпимости к алкоголю, наркотикам и неразрешенным вещам на рабочем месте, а также защита от гомосексуальности и несексуальной ориентации [10].

Стоит также обратить внимание на деятельность консультативного органа в системе управления ОАЭ, обладающий функцией парламента в 2026 году. Федеральный национальный совет ОАЭ разработал 12 рекомендаций по улучшению качества жизни учителей. Среди данных рекомендаций, также как в России, ключевое место занимает рекомендация по созданию федерального закона, направленного на правовое регулирование статуса учителя в составе государственного сектора, увеличению заработной платы и снижению бюрократической нагрузки [12]. Таким образом, как в Российской Федерации, так и в ОАЭ актуальный вопрос остается улучшение благополучия педагогических работников.

В то же время, когда в законодательстве ОАЭ отсутствует закон, закрепляющий правовой статус педагогического работника, а только вынесена рекомендация о его создании, то в Российской Федерации правовой статус закреплен федеральным законом, регулирующих общественные отношения в сфере образования в целом, в Китайской Народной Республике (далее – КНР), предусмотрен отдельный нормативно-правовой акт, закрепляющий правовой статус учителя.

Отличительной особенностью законодательства в сфере образования в КНР является концепция воспитания учащихся полезных для общества и, обладающих активной гражданской позицией, отражающая идеи социализма. В связи с чем, согласно закону КНР, при закреплении понятия «учитель» законодатель устанавливает, что педагогический работник – это не просто физическое лицо, осуществляющий образовательную деятельность, а это профессионал, чья миссия заключается не только в обучении, но и воспитанию детей (ст. 3). Особый правовой статус учителя находит отражение дополнительно в обязанности общества уважать учителей (ст. 4).

Закон о преподавателях закрепляет права и обязанность в отдельной главе. Академические права раскрыты в п. 1–3, 5–6 ст. 7 закона КНР, трудовые права и социальные гарантии в п. 4. Статья 8 закрепляет обязанности, которые отражают конституционные положения, национальную политику в области образования, деятельность по обучению и воспитанию и идеи социализма. Перед заключением трудового договора с лицом, образовательное учреждение проводит аттестацию, результаты которого являются основанием для найма на преподавательскую работу. Глава 8 закрепляет и раскрывает юридическую ответственность учителя, где помимо оснований для привлечения к ответственности учителя, перечислены нормы, содержащие в себе неправомерное поведение в отношении учителя и закрепляется ответственность за данные деяния (например, оскорбление или избиение учителя) [13].

Необходимо также обратить внимание на закрепление норм, устанавливающих заработную плату. В Российской Федерации закреплено, что заработная плата педагогического работника не может быть ниже уровня, соответствующего средней заработной платы в субъекте Российской Федерации (ст. 99 ФЗ № 273). В ОАЭ заработная плата устанавливается трудовым договором. В свою очередь при ознакомлении со ст. 25 закона КНР о преподавателях, средняя заработная плата не может быть ниже или выше среднего уровня заработной платы государственных служащих.

Данная норма права закрепляет не только фиксированную среднюю заработную плату учителя в КНР, но и указывает на двойственную природу правового статуса учителя, с одной стороны установлена система найма, с другой стороны можно предположить, что учителя приравнивают к государственным служащим. Однако, сам факт установления заработной платы на уровне государственного служащего не указывает, что педагогический работник имеет данный правовой статус. Правовая основа трудовых отношений между образовательным учреждением и педагогическим работником регулируется нормативно-правовым актом, а именно «Положение об управлении персоналом государственных учреждений».

Согласно содержанию Положения, установлено, что закон о преподавателях, содержит в себе указание на государственных служащих, поскольку образовательные учреждения (школы) в КНР признаются государственными учреждениями (исключение частные негосударственные образовательные учреждения) [14].

Несмотря на факт издания закона о преподавателях в КНР, вопросы изменения правового статуса учителя также находятся на обсуждении законодательством в 2026 году. Отдельным вопросом стоит медицинское обслуживание, жилье, выход на пенсию и государственная служба для государственных учителей.

Обсуждение

Правовой статус педагогического работника в Российской Федерации закреплён в правовой системе, включающей в себя права и свободы, обязанности и ответственность и другие характеристики в рамках действующего законодательства (ФЗ № 273). Однако, в настоящее время существует негативные тенденции, которые влияют на жизнь учителя и его профессиональное развитие.

Ключевое место занимает вопрос защиты прав преподавателей, который выносится на обсуждение законодателем и обществом в целом не первый год. О существовании данной проблемы на протяжении нескольких лет указывает законопроект от 2014 г., который предлагал установить административную и уголовную ответственность за незаконные действия в отношении учителя как представителя власти. В последующем идея приравнивания педагогического работника к государственному служащему не поднималась на обсуждение. Это объясняется тем, что для внедрения и практической реализации данной законодательной идеи необходимо провести комплекс изменений не только в нормах права, регулирующих общественные отношения в сфере образования, но также в других отраслях права. Тем не менее, законодатель обращает внимание на существование неэффективных способов защиты своих прав педагогическим работником. Разработаны и приняты нормы, закрепляющие дополнительные механизмы защиты – Совет Министерства просвещения Российской Федерации по защите профессиональной чести и достоинства педагогических работников осуществляет деятельность и разрабатывает эффективные механизмы защиты. Несмотря на это, проблема защиты все ещё существует, поскольку наблюдается негативная тенденция роста правонарушений, совершаемые учащимися. В связи с чем, для эффективной защиты прав педагогического работника необходимо провести комплекс мер, направленные не только на закрепление механизмов защиты, но и на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. Отдельно законодателю стоит обратить внимание на уровень правосознания не только учащегося, но и их родителей.

Законодателями также были приняты попытки закрепление заработной платы педагогического работника, а именно его увеличения. Данные законопроекты не проходили дальше рассмотрения его в первом чтении, поскольку субъекты права законодательной инициативы в пакете документов не определяли источник и порядок финансирования новых расходных обязательств. Хотя и законодательная инициатива имеет место быть, однако законодательное закрепление увлечение средней заработной платы педагогического работника требует установления источников финансирования. В настоящее время это возможно при сокращении бюджетных ассигнований по имеющимся государственным программам или в случае изменения налоговой политики, что может негативно отразиться на общественное настроение в стране.

Помимо разработки и закрепления механизмов защиты правового статуса педагогического работника, осуществляется законодательная деятельность по сокращению бюрократической нагрузки, которая также является актуальным вопросом, поскольку учитель уделяет значительную часть времени на работу с документацией, которая отдельно не оплачиваются и чаще всего она осуществляется в свободное время от работы.

В отличие от Российской Федерации, в ОАЭ не предусмотрен конкретный закон, содержащий в себе определение «учитель», соответственно и как совокупность прав и обязанностей педагогического работника. Отсутствие норм права, которые бы закрепили правовой статус педагогического работника, имеет существенные недостатки, поскольку для определения совокупности прав, обязанностей, ограничений и других характеристик, составляющие правовой статус, и механизмов защиты необходимо производить поиск и комплексный анализ нескольких нормативно-правовых актов. Это обосновывает рекомендацию FNC о создании отдельного закона, регламентирующий правовой статус учителя, и практическую возможность ее реализации, так как в настоящее время отсутствует схожий по своему содержанию закон и норма права.

Иная правовая ситуация установлена в КНР, в отличие от Российской Федерации и ОАЭ, законодательством предусмотрен отдельный нормативно-правовой акт, устанавливающий правовой статус учителя. Если в России, закреплены нормы права, которые являются частью Федерального закона № 273, то аналогичное содержание их отражено в отдельном законе КНР. Особенность правового статуса обуславливается ценностями социализма, так как государство заинтересовано не только в обучении, но и в воспитании полезного для общества гражданина. Статус «учитель» признается не только государством, но и обществом в целом, однако, несмотря на это, изменения правового статуса также находятся на обсуждении. Актуальность изменений объясняется: во-первых, закон на 2026 год является устаревшим в вопросах прав, свобод, обязанностей и ответственности, социальных гарантий, а также заработной платы, во-вторых, стремительное изменение мнения общества в отношении педагогического работника и его незащищенности, требует внесения новых механизмов защиты.

Заключение

В заключении представляется целесообразным акцентировать внимание на ключевые моменты исследования и подвести итоги. Педагогический работник является ключевым субъектом общественных отношений, возникающих в сфере образования. Его правовой статус закреплён законодательством Российской Федерации. В связи с противозаконными действиями учащихся и родителей в отношении учителя и неэффективностью методов защиты, заработной платой и бюрократической нагрузкой, наблюдается негативная тенденция незаинтересованности молодых специалистов в профессиональной деятельности в сфере образования.

В соответствии с анализом законотворческой деятельности установлено, что законодателю известно о существующих правовых и социальных проблемах. Были предприняты попытки изменения норм, закрепляющих среднюю заработную плату и ответственность за правонарушения в отношении педагогического работника. Закреплены новые механизмы защиты прав учителя, создан Совет Министерства просвещения Российской Федерации по защите профессиональной чести и достоинства педагогических работников, на обсуждении находится вопрос о снижении бюрократической нагрузки.

Вопросы необходимости изменения и дополнения правового статуса педагогического работника обсуждаются не только законодателем и обществом в Российской Федерации, но и в том числе в КНР и в ОАЭ. В ОАЭ это обуславливается отсутствием нормы или закона, закрепляющий правовой статус, так как в настоящее время для определения правового статуса необходимо провести анализ норм, рассредоточенные в разных отраслях права. В КНР необходимость изменений, в первую очередь, связываю с тем, что закон о преподавателях был принят до 20 века и для эффективности правового регулирования деятельности педагогического работника следует учесть актуальные правовые и социальные изменения в обществе.

Таким образом, правовой статус педагогического работника является актуальной темой обсуждения законодателем и обществом в целом не только в Российской Федерации, но и в странах-участников БРИКС.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 25.04.2026) //КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 26.05.2026).
2. О Совете Министерства просвещения Российской Федерации по защите профессиональной чести и достоинства педагогических работников: приказ Министерства просвещения Российской Федерации // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=888571#V8bKSM-VFteXd5VB81> (дата обращения: 26.05.2026).
3. О внесении изменений в статьи 47 и 99 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: законопроект № 659799–6 от 2014 г. // sozd.duma.gov.ru: система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/659799-6> (дата обращения: 26.05.2026).
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу повышения статуса педагогических работников: законопроект № 1075801–7 от 2020 г. // sozd.duma.gov.ru: система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1075801-7> (дата обращения: 26.05.2026).
5. О внесении изменения в статью 99 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: законопроект № 1112247–8 от 2025 г. // sozd.duma.gov.ru: система обеспечения законодательной

деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/112247-8> (дата обращения: 26.05.2026).

6. Пресс-служба от 28.04.2026. Сергей Кравцов поддержал инициативу по дальнейшему снижению нагрузки на учителей // edu.gov.ru: официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/press/11440/sergey-kravcov-podderzhal-iniciativu-po-dalneyshemu-snizheniyu-nagruzki-na-uchiteley/> (дата обращения: 30.05.2026).

7. Пресс-служба от 27.05.2026. Ольга Колударова открыла заседание Общественного совета при Минпросвещения России минутой молчания // edu.gov.ru: официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/press/11604/olga-koludarova-otkryla-zasedanie-obschestvennogo-soveta-pri-minprosvescheniya-rossii-minutoy-molchaniya/> (дата обращения: 30.05.2026).

8. О регулировании трудовых отношений и связанных с ними изменений: федеральный закон № 33 от 20.09.2021 г., принят Кабинетом Министров ОАЭ

9. О специальном образовании: федеральный закон – указ № 18 от 2020 года // moe.gov.ae: официальный сайт Министерства образования Объединённых Арабских Эмиратов. URL: <https://www.moe.gov.ae/ar/about-us/legislations/Pages/Federal-Decree-Law-18-Of-2020-on-Private-Education.aspx> (дата обращения: 01.06.2026).

10. Профессионально-этический устав работников общеобразовательных учреждений от 2019, принят правительством Объединённых Арабских Эмиратов // albayan.ae: официальный электронный ресурс газеты Al Bayan. URL: <https://www.albayan.ae/uae/education/2022-09-04-1.4507788> (дата обращения: 01.06.2026).

11. Медиацентр от 20.10.2020 г. Участники диалога учителей о политике в арабских странах: необходимо идти в ногу с изменениями в системах образования, и они должны обновить свои инструменты // moe.gov.ae: официальный сайт Министерства образования Объединённых Арабских Эмиратов. URL: <https://www.moe.gov.ae/ar/mediacenter/news/Pages/Teachers-Policies.aspx> (дата обращения: 01.06.2026).

12. Худа Ата от 12.04.2026 г. FNC призывает к увеличению заработной платы, сокращению обязанностей и улучшению условий для учителей // gulfnews: официальный электронный ресурс ежедневной англоязычной газеты GulfNews ОАЭ. URL: <https://gulfnews.com/uae/education/fnc-urges-salary-increases-fewer-duties-and-better-conditions-for-teachers-1.500504396> (дата обращения: 01.06.2026).

13. Закон Китайской Народной Республики о преподавателях, принята на Четвертом заседании Постоянного комитета Восьмого Всекитайского собрания народных представителей 31 октября 1993 года и изменено в соответствии с «Решением о внесении поправок в часть Закона» Десятого заседания Постоянного комитета Одиннадцатого Всекитайского собрания народных представителей 27 августа 2009 года // moe.gov.cn: официальный сайт Министерства образования Китайской Народной Республики. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/tnull_1314.html (дата обращения: 03.06.2026).

14. Положение об управлении персоналом государственных учреждений, было принято 40-м Исполнительным заседанием Государственного совета 26 февраля 2014 года, настоящим обнародовано и вступит в силу 1 июля 2014 года // gov.cn: официальный сайт Государственного совета Китайской Народной Республики. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2014-05/15/content_8810.htm (дата обращения: 03.06.2026).

THE LEGAL STATUS OF TEACHING EMPLOYEES: TOPICAL ISSUES

Tepliyakova O.A., Savina A.A.
University of Tyumen

In this article the legal status of teachers in the Russian Federation and the BRICS countries are examined. It analyzes the legal acts in the Russian Federation that define the legal status of teachers, and also focuses on the main areas of legislative activity aimed at changing the legal status and protection mechanisms. The issues currently being discussed by the Ministry of Education and the results of its activities in collaboration with the Public Coun-

cil under the Ministry of Education are identified. The article analyzes the legislation of the People's Republic of China and the United Arab Emirates that regulates the legal status of teachers. It determines the specific features of the legal regulation of the legal status in legal norms and the differences compared to the legislation of the Russian Federation. The discussion focused on the practical implementation of the proposed changes in the draft laws and the relevance of introducing additional mechanisms for protecting teachers in Russia, including in the BRICS countries. In conclusion, the role of teachers in public relations in the field of education was identified, the current problems of young professionals' lack of interest in their careers were set, and the results of legislative activities in Russia and changes in the legal status in the People's Republic of China and the United Arab Emirates were summarized.

Keywords: legal status, teaching employee, legislative activity, changes, the Russian Federation, the People's Republic of China, the United Arab Emirates

References

1. On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on 04/25/2026) // ConsultantPlus: a legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: 05/26/2026).
2. On the Council of the Ministry of Education of the Russian Federation for the Protection of professional Honor and dignity of teaching staff: order of the Ministry of Education of the Russian Federation // ConsultantPlus: legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP &n=888571#V8bKSMVteXd5VB81> (accessed: 05/26/2026).
3. On Amendments to Articles 47 and 99 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation": Draft Law No. 659799-6 of 2014 // sozd.duma.gov.ru: a system for ensuring legislative activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/659799-6> (accessed: 05/26/2026).
4. On amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the issue of improving the status of teaching staff: Draft Law No. 1075801-7 of 2020 // sozd.duma.gov.ru: a system for ensuring legislative activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1075801-7> (accessed: 05/26/2026).
5. On Amendments to Article 99 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation": Draft Law No. 112247-8 of 2025 // sozd.duma.gov.ru: a system for ensuring legislative activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/112247-8> (accessed: 05/26/2026).
6. Press service dated 04/28/2026. Sergey Kravtsov supported the initiative to further reduce the burden on teachers // edu.gov.ru: official website of the Ministry of Education of the Russian Federation. URL: <https://edu.gov.ru/press/11440/sergey-kravcov-podderzhal-iniciativu-po-dalneyshemu-snizheniyu-nagruzki-na-uchiteley/> (accessed: 05/30/2026).
7. Press service dated 05/27/2026. Olga Koludarova opened the meeting of the Public Council under the Ministry of Education of Russia with a minute of silence // edu.gov.ru: official website of the Ministry of Education of the Russian Federation. URL: <https://edu.gov.ru/press/11604/olga-koludarova-otkryla-zasedanie-obschestvennogo-soveta-pri-minprosvescheniya-rossii-minutoy-molchaniya/> (accessed: 30.05.2026).
8. On the regulation of labor relations and related changes: Federal Law No. 33 dated 20.09.2021, adopted by the Cabinet of Ministers of the UAE
9. On special education: Federal Law – Decree No. 18 of 2020 // moe.gov.ae: official website of the Ministry of Education of the United Arab Emirates. URL: <https://www.moe.gov.ae/ar/about-us/legislations/Pages/Federal-Decree-Law-18-Of-2020-on-Private-Education.aspx> (accessed: 06/01/2026).
10. The Professional and Ethical Charter of employees of educational institutions of 2019, adopted by the Government of the United Arab Emirates // albayan.ae: the official electronic resource of the newspaper Al Bayan. URL: <https://www.albayan.ae/uae/education/2022-09-04-1.4507788> (accessed: 06/01/2026).
11. Media Center dated 10/20/2020 Participants in the Teachers' policy dialogue in Arab countries: it is necessary to keep pace with changes in education systems, and they must update their tools // moe.gov.ae: official website of the Ministry of Education of the United Arab Emirates. URL: <https://www.moe.gov.ae/ar/mediacenter/news/Pages/Teachers-Policies.aspx> (accessed: 06/01/2026).
12. Huda Ata dated 04/12/2026 FNC calls for an increase in wages, reduction of duties and improvement of conditions for teachers // gulfnews: the official electronic resource of the daily English-language newspaper GulfNews UAE. URL: <https://gulfnews.com/uae/education/fnc-urges-salary-increases-fewer-duties-and-better-conditions-for-teachers-1.500504396> (accessed: 06/01/2026).
13. The Law of the People's Republic of China on Teachers, adopted at the Fourth Meeting of the Standing Committee of the Eighth National People's Congress on October 31, 1993 and amended in accordance with the "Decision to Amend Part of the Law" of the Tenth Meeting of the Standing Committee of the Eleventh National People's Congress on August 27, 2009 // moe.gov.cn: official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyfl/tnull_1314.html (accessed: 06/03/2026).
14. The Regulation on Personnel Management of State Institutions, adopted by the 40th Executive Meeting of the State Council on February 26, 2014, is hereby promulgated and will enter into force on July 1, 2014 // gov.cn: official website of the State Council of the People's Republic of China. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2014-05/15/content_8810.htm (accessed: 06/03/2026).

Правовое регулирование использования беспилотных технологий и дистанционного мониторинга в строительстве

Кулявцев Никита Иванович,
студент бакалавриата, НИУ МГСУ
E-mail: kulyavtsevnikita@ya.ru

Князькин Никита Евгеньевич,
студент бакалавриата, НИУ МГСУ
E-mail: knyazkinikita@gmail.com

Решетников Егор Александрович,
студент бакалавриата, НИУ МГСУ
E-mail: egorres04@gmail.com

Ильина Эмилия Эдуардовна,
студент бакалавриата, НИУ МГСУ
E-mail: linaemilia@mail.ru

Токтан Артем Питерович,
студент магистратуры, ТСП НИУ МГСУ
E-mail: toktan2014@mail.ru

Статья посвящена исследованию правовых аспектов использования беспилотных технологий и средств дистанционного мониторинга в строительной деятельности Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена активной цифровизацией строительной отрасли, расширением сферы применения беспилотных воздушных судов при осуществлении строительного контроля, инженерных изысканий, мониторинга объектов капитального строительства и фиксации объемов выполненных работ. Проведен анализ действующего российского законодательства, регулирующего использование беспилотных технологий, включая нормы воздушного, градостроительного, информационного и технического законодательства. Особое внимание уделено вопросам правового статуса цифровых данных, получаемых с использованием беспилотных систем, их применению в качестве доказательств при разрешении строительных споров, а также проблемам обеспечения безопасности и защиты информации. Выявлены существующие пробелы нормативного регулирования, препятствующие эффективному внедрению дистанционного мониторинга в строительную практику. Сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства путем формирования комплексного правового механизма, обеспечивающего единые требования к использованию беспилотных технологий, повышению эффективности строительного контроля, прозрачности деятельности участников инвестиционно-строительного процесса и развитию цифровой трансформации строительной отрасли Российской Федерации.

Ключевые слова: беспилотные воздушные суда; дистанционный мониторинг; строительный контроль; цифровизация строительства; правовое регулирование; градостроительное законодательство; информационное моделирование; цифровые доказательства; объекты капитального строительства; строительная деятельность.

Современное развитие строительной отрасли Российской Федерации характеризуется активным внедрением цифровых технологий, направленных на повышение эффективности управления строительными процессами, обеспечение безопасности объектов капитального строительства и совершенствование механизмов государственного контроля. Одним из наиболее перспективных направлений цифровой трансформации является использование беспилотных воздушных судов и технологий дистанционного мониторинга, позволяющих получать объективную информацию о ходе выполнения строительных работ, состоянии объектов, соблюдении проектной документации и требований законодательства. Вместе с тем развитие указанных технологий значительно опережает формирование комплексного правового регулирования, что создает предпосылки для возникновения правовых коллизий и неоднозначной правоприменительной практики.

Правовые основы применения беспилотных технологий в Российской Федерации формируются совокупностью норм гражданского, воздушного, градостроительного и информационного законодательства. Базовое регулирование эксплуатации беспилотных воздушных судов осуществляется Воздушным кодексом Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ, который определяет общие требования к использованию воздушного пространства, регистрации воздушных судов и обеспечению безопасности полетов. Положения Кодекса распространяются и на беспилотные воздушные суда, используемые для проведения инженерных изысканий, строительного контроля, геодезических измерений и фотофиксации объектов капитального строительства.

Дополнительное регулирование осуществляется Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации», предусматривающим порядок получения разрешений на выполнение полетов, уведомления органов обслуживания воздушного движения и соблюдения ограничений, связанных с использованием воздушного пространства в населенных пунктах и вблизи объектов повышенной опасности. Для строительных организаций соблюдение указанных требований приобретает особое значение, поскольку нарушение установленного порядка эксплуатации беспилотных аппаратов может повлечь административную ответственность независимо от целей использования оборудования.

Использование беспилотных технологий в строительстве непосредственно связано с положениями Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. В соответствии со статьей 53 строительный контроль представляет собой комплекс мероприятий, направленных на проверку соответствия выполняемых работ требованиям проектной документации, технических регламентов и результатов инженерных изысканий. Законодательство не ограничивает перечень технических средств, применяемых при осуществлении строительного контроля, что позволяет использовать беспилотные летательные аппараты для фиксации фактического состояния строительной площадки, определения объемов выполненных работ, контроля соблюдения технологических процессов и формирования исполнительной документации.

Особое значение применение дистанционного мониторинга приобретает при строительстве линейных объектов, объектов энергетики, транспортной инфраструктуры и объектов, расположенных на значительных территориях. Использование беспилотных комплексов позволяет осуществлять регулярную фото- и видеосъемку, создавать цифровые модели местности, определять фактические объемы земляных работ, контролировать соблюдение охранных зон и своевременно выявлять нарушения требований проектной документации. Полученная информация способствует снижению количества строительных споров между заказчиком и подрядчиком, поскольку объективные цифровые данные могут использоваться при подтверждении фактически выполненных работ.

Развитие технологий дистанционного мониторинга соответствует положениям Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии с данным законом информация, полученная посредством цифровых технологий, может использоваться при при-

нятии управленческих решений при условии соблюдения требований законодательства к ее сбору, хранению, обработке и защите. Для строительных организаций особое значение приобретает обеспечение достоверности цифровых данных, исключение возможности их изменения после проведения съемки и организация надежного хранения материалов мониторинга.

Правовое значение дистанционного мониторинга существенно возрастает в условиях цифровизации строительной отрасли и перехода к использованию информационных моделей объектов капитального строительства. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 447-ФЗ внес изменения в градостроительное законодательство, направленные на развитие технологий информационного моделирования и цифрового сопровождения строительных проектов. В результате цифровые данные, полученные с использованием беспилотных комплексов, могут интегрироваться в информационную модель объекта, обеспечивая постоянное обновление сведений о ходе строительства и повышая прозрачность деятельности участников инвестиционно-строительного процесса.

Важным элементом правового регулирования выступают положения Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». Закон устанавливает обязанность соблюдения требований безопасности на всех этапах жизненного цикла объекта капитального строительства. Использование беспилотных технологий способствует реализации указанной цели посредством своевременного выявления дефектов конструкций, нарушений технологии производства работ, отклонений от проектных решений и потенциальных угроз возникновения аварийных ситуаций. При этом применение современных средств контроля не заменяет обязательные процедуры строительного надзора, а выступает дополнительным механизмом обеспечения качества строительства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос использования материалов дистанционного мониторинга в качестве доказательств при рассмотрении судебных споров. Арбитражная практика свидетельствует о возрастающем значении цифровых доказательств при разрешении конфликтов между заказчиками, подрядчиками и техническими заказчиками. Фото- и видеоматериалы, полученные с использованием беспилотных летательных аппаратов, могут подтверждать фактическое выполнение работ, объемы строительства, соблюдение календарного графика и наличие либо отсутствие недостатков. Вместе с тем действующее законодательство не содержит специальных требований к порядку фиксации, хранению и представлению таких материалов, что создает риск возникновения сомнений в их достоверности и допустимости.

Не менее актуальной является проблема обработки персональных данных и защиты права на неприкосновенность частной жизни при использовании беспилотных технологий. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает обязательные требования к обработке информации, позволяющей идентифицировать физическое лицо. При выполнении аэрофотосъемки строительных площадок в объектив камер могут попадать работники организаций, транспортные средства и объекты, принадлежащие третьим лицам. Следовательно, эксплуатирующие организации обязаны обеспечить соблюдение принципов законности обработки данных, ограничение целей использования информации и применение необходимых организационных и технических мер защиты.

В современных условиях государственные органы также активно используют технологии дистанционного мониторинга для осуществления контрольных функций. Применение беспилотных комплексов позволяет оперативно выявлять самовольное строительство, нарушение требований градостроительного законодательства, несоблюдение границ земельных участков и отклонения от утвержденной проектной документации. Такой подход соответствует общей концепции цифровой трансформации государственного управления и способствует снижению административных издержек при осуществлении контрольной деятельности.

Несмотря на очевидные преимущества использования беспилотных технологий, действующее законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании. Представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне понятие дистанционного строительного мониторинга, определить правовой статус цифровых материалов, полученных посредством беспилотных летательных аппаратов, установить единые требования к порядку их создания, хранения и использования при осуществлении строительного контроля и судебном доказывании. Кроме того, необходимо разработать специальные правила эксплуатации беспилотных комплексов на строительных площадках с учетом особенностей производственного процесса и требований промышленной безопасности.

Дополнительного регулирования требует вопрос интеграции результатов дистанционного мониторинга с государственными информационными системами в сфере строительства. Использование единых цифровых платформ позволит обеспечить достоверность информации, сократить количество бумажной документации и повысить эффективность взаимодействия между заказчиками, подрядчиками, органами государственного строительного надзора и экспертными организациями.

Использование беспилотных технологий и дистанционного мониторинга становится важнейшим элементом современной системы управления строительством и обеспечения безопасности объектов капитального строительства. Российское законодательство уже содержит отдельные нормы, позволяющие применять указанные технологии, однако существующая нормативная база носит фрагментарный характер и не учитывает все особенности цифровизации строительной деятельности. Совершенствование правового регулирования должно быть направлено на создание комплексного механизма использования беспилотных систем, обеспечивающего баланс интересов государства, участников строительного рынка и общества, повышение качества строительства, снижение количества правовых споров и формирование единой цифровой среды строительной отрасли Российской Федерации.

Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ.
2. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
3. СП 42.13330.2016. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01–89*.
4. Методика формирования индекса качества городской среды. – Москва: Минстрой России, 2019.
5. Глазычев В.Л. Урбанистика. – Москва: Европа, 2008. – 220 с.
6. Лаппо Г.М. География городов. – Москва: Владос, 1997. – 480 с.
7. Крашенинников А.В. Жилая среда как объект проектирования. – Москва: Архитектура-С, 2018.
8. Ильина И.Н. Устойчивое развитие городских территорий: теория и практика. – Москва: Юрайт, 2021.
9. Перцик Е.Н. Геоурбанистика. – Москва: Академия, 2009. – 432 с.
10. Сосновский В.А. Планировка городов. – Москва: Высшая школа, 1988. – 104 с.
11. Асаул А.Н. Экономика недвижимости. – Санкт-Петербург: Питер, 2019.
12. Власов Д.Н. Транспортная инфраструктура города: планирование и развитие. – Москва: МГСУ, 2020.
13. Штомпка П. Социология социальных изменений. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
14. Бауман З. Город страхов, город надежд. – Москва: Логос, 2008.
15. Яницкий О.Н. Социальная экология города. – Москва: Наука, 1984. – 247 с.

LEGAL REGULATION OF THE USE OF UNMANNED TECHNOLOGIES AND REMOTE MONITORING IN CONSTRUCTION

Kulyavtsev N.I., Knyazkin N.E., Reshetnikov E.A., Ilyina E.E., Toktan A.P.
Moscow State University of Civil Engineering

The article examines the legal aspects of the use of unmanned technologies and remote monitoring systems in the construction industry of the Russian Federation. The relevance of the study is determined by the rapid digital transformation of the construction sector and the expanding application of unmanned aerial vehicles in construction supervision, engineering surveys, monitoring of capital construction facilities, and verification of completed construction works. The paper analyzes the current Russian legislation governing the use of unmanned technologies, including the provisions of air, urban planning, information, and technical legislation. Particular attention is paid to the legal status of digital data obtained through unmanned systems, their use as evidence in the resolution of construction disputes, and issues related to information security and data protection. The study identifies existing gaps in the regulatory framework that hinder the effective implementation of remote monitoring technologies in construction practice. It concludes that there is a need to improve the existing legislation by establishing a comprehensive legal mechanism that provides uniform requirements for the use of unmanned technologies, enhances the efficiency of construction supervision, increases the transparency of the activities of participants in the investment and construction process, and promotes the digital transformation of the construction industry in the Russian Federation.

Keywords: unmanned aerial vehicles; remote monitoring; construction supervision; construction digitalization; legal regulation; urban planning legislation; building information modeling; digital evidence; capital construction facilities; construction activities.

References

1. Town Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ of December 29, 2004.
2. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation".
3. SP 42.13330.2016. Urban Planning. Planning and Development of Urban and Rural Settlements. Updated Edition of SNiP 2.07.01–89*.
4. Methodology for Forming the Urban Environment Quality Index. Moscow: Ministry of Construction of Russia, 2019.
5. Glazychev V.L. Urban Studies. Moscow: Evropa, 2008. 220 p.
6. Lappo G.M. Geography of Cities. Moscow: Vldos, 1997. 480 p.
7. Krashennnikov A.V. Residential Environment as an Object of Design. Moscow: Arkhitektura-S, 2018.
8. Ilyina I.N. Sustainable Development of Urban Territories: Theory and Practice. Moscow: Yurait, 2021.
9. Pertsik E.N. Geourban Studies. Moscow: Akademiya, 2009. 432 p.
10. Sosnovsky V.A. Urban Planning. Moscow: Vysshaya Shkola, 1988. 104 p.
11. Asaul A.N. Real Estate Economics. Saint Petersburg: Piter, 2019.
12. Vlasov D.N. Urban Transport Infrastructure: Planning and Development. Moscow: Moscow State University of Civil Engineering, 2020.
13. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Moscow: Aspekt Press, 1996. 416 p.
14. Bauman Z. City of Fears, City of Hopes. Moscow: Logos, 2008.
15. Yanitsky O.N. Social Ecology of the City. Moscow: Nauka, 1984. 247 p.

Условие о депонировании результатов интеллектуальной деятельности в договорах о распоряжении исключительным правом: природа и функции

Трепаков Петр Михайлович,

аспирант, Московский университет имени С.Ю. Витте,
г. Москва, Россия

E-mail: ptrepakov03@gmail.com

Предметом исследования выступает условие о депонировании результатов интеллектуальной деятельности, включаемое сторонами в договоры об отчуждении исключительного права и лицензионные договоры. В российской цивилистической доктрине правовая природа данного условия системно не разработана, а его место в системе договорных условий остаётся неопределённым. В работе использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, проведён анализ актов Суда по интеллектуальным правам и Верховного Суда Российской Федерации. На основе отграничения депонирования от государственной регистрации объектов промышленной собственности, факультативной регистрации программ для ЭВМ и нотариального депонирования сформулировано авторское определение депонирования. Обоснован смешанный, функционально обусловленный характер правовой природы условия о депонировании, способного выступать в качестве обычного (организационного) договорного условия, отлагательного условия сделки или кредиторской обязанности в зависимости от способа его формулирования и привязки к моменту перехода права (исполнения). Выделены три функции условия о депонировании в распределении договорных рисков – идентификационная, темпоральная и доказательственная, – а также предложены рекомендации по их договорному закреплению, включая образцы формулировок. Полученные результаты могут быть использованы при формировании договорных конструкций в сфере оборота исключительных прав.

Ключевые слова: депонирование; результаты интеллектуальной деятельности; исключительное право; договор об отчуждении исключительного права; лицензионный договор; условие о депонировании; правовая природа; распределение договорных рисков; существенные условия; доказывание авторства.

Введение

Современный этап развития экономики характеризуется расширением оборота исключительных прав, ставшего одной из основных составляющих высокотехнологичной экономики. Распоряжение результатами интеллектуальной деятельности (далее – «РИД») сопровождается повышенными рисками: предмет договора зачастую представляет собой нематериальный объект, существующий в форме совокупности файлов, идентификация которого без специальных процедур затруднена. Этим обусловлено развитие частных и публично-частных депозитариев (РАО (до 2018 года), n-RIS, IREG, COPYTRUST) и инфраструктур на основе распределённых реестров (РЦИС.РФ, IPChain), а также рост числа споров, в которых ключевым обстоятельством становится идентификация РИД и фиксация момента возникновения права. В этих условиях стороны всё чаще включают условие о депонировании непосредственно в договор об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК РФ [1]) или лицензионный договор (ст. 1235 ГК РФ), рассчитывая снизить договорные риски, тогда как правовая природа такого условия системно не осмыслена.

Теоретические подходы к учёту и фиксации интеллектуальных прав в цифровой среде разработаны в исследованиях активных систем учёта и реестровой инфраструктуры, в которых выявлены риски двойного учёта прав и коллизии притязаний приобретателей [17; 18]. Потенциал технологии распределённых реестров как инструмента фиксации и защиты авторских прав раскрыт Сальниковой А.В. [19]. Современные проблемы фиксации и оборота прав на депонированные объекты с использованием смарт-контрактов и невзаимозаменяемых токенов (NFT) исследованы Чуриловым А.Ю. [21]. Природа регистрации в интеллектуальном праве и разграничение её правопорождающего и правоподтверждающего эффектов раскрыты Семёновым А.В. [20]. Договорная конструкция условного депонирования (эскроу) и её обеспечительный характер проанализированы Мухамедовой Э.Э. [16]. Собственно институту депонирования посвящены работы Близнаца И.А. и Ахметова Р.Р., предложивших классификацию его цифровых видов [15, с. 132–134], и Адамян К.М., рассмотревшей депонирование в системе доказательственных средств [14, с. 75–76]. Несмотря на это, депонирование рассматривается в литературе преимущественно как преддоговорный или доказательственный инструмент защиты автора; договорно-правовая квалификация условия о депонировании, его соотношение с существенными условиями и функции в распределении договорных рисков системно не исследованы. Этот пробел определяет направление работы.

Цель работы – построение целостной гражданско-правовой характеристики условия о депонировании. Задачи: определить понятие депонирования и отграничить его от смежных институтов фиксации и учёта прав; раскрыть понятие, правовую природу и место условия о депонировании в системе договорных условий; выявить функции данного условия в распределении договорных рисков и предложить рекомендации по его договорному закреплению. Методологию составили формально-юридический метод (анализ части четвёртой ГК РФ [1] и Основ законодательства о нотариате [4]), системный метод (взаимосвязь депонирования с институтами условных сделок (ст. 157 ГК РФ), просрочки кредитора (ст. 406 ГК РФ) и условного депонирования (ст. 926.1 ГК РФ)) и сравнительно-правовой метод. Эмпирическую основу составили акты Верховного Суда Российской Федерации и Суда по интеллектуальным правам за 2016–2026 годы.

Понятие депонирования и его отграничение от смежных институтов

Действующее законодательство не содержит легального определения депонирования результатов интеллектуальной деятельности, в связи с чем его содержание целесообразно устанавливать через последовательное отграничение от смежных институтов фиксации и учёта прав.

Прежде всего депонирование, рассматриваемое в настоящей работе, не является государственной регистрацией объектов промышленной собственности. Такая регистрация носит правопорождающий (правоустанавливающий) характер: согласно п. 1 ст. 1232 ГК РФ в случаях, предусмотренных Кодексом, исключительное право на резуль-

тат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации признаётся и охраняется при условии государственной регистрации. А.В. Семёнов в статье «Удивительные приключения регистрации в интеллектуальном праве» разграничивает правопорождающую и правоподтверждающую регистрацию, относя регистрацию объектов, требующих административной экспертизы, к основаниям возникновения права [20, с. 92]. На принципиальное различие указывает и А.Ю. Чурилов в статье «Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность?»: применительно к объектам промышленной собственности проблема фиксации решается процедурой государственной регистрации и выдачей патента, тогда как авторские права возникают в силу самого факта создания произведения и не требуют формальностей (ст. 1259 ГК РФ), а потому фиксация не носит правопорождающего характера [21, с. 92–93]. Депонирование, следовательно, в систему оснований возникновения исключительного права не входит.

Во-вторых, депонирование не тождественно факультативной государственной регистрации программ для ЭВМ и баз данных в Роспатенте (ст. 1262 ГК РФ). Такая регистрация порождает презумпцию достоверности внесённых в реестр сведений (п. 6 ст. 1262 ГК РФ), то есть, как отмечает А.В. Семёнов в названной статье, носит правоподтверждающий характер и создаёт законную презумпцию, но не определяет момент возникновения права [20, с. 93]. Показательно, что, как указывает А.Ю. Чурилов в упомянутой работе, регистрацию программ для ЭВМ в литературе предлагают переименовать в «депонирование» [21, с. 92]; это подчёркивает близость, но не тождество институтов, поскольку депонирование, осуществляемое частными депозитариями и в распределённых реестрах, законной презумпции не порождает. На это обращает внимание Л.А. Новосёлова в статье «Об активных системах учёта интеллектуальных прав»: данные таких систем не являются публично достоверными, и записи в них сами по себе наличия исключительных прав у внесённых лиц не подтверждают [17, с. 253].

В-третьих, депонирование результатов интеллектуальной деятельности следует отличать от нотариального депонирования движимых вещей, безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг (ст. 88.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [4]). Последнее представляет собой обеспечительную-расчётную конструкцию, при которой нотариус принимает имущество с целью его последующей передачи кредитору при наступлении оговорённых обстоятельств, и по своей цели примыкает к договору условного депонирования (эскроу). Как показывает Э.Э. Мухамедова в статье «Договор условного депонирования (эскроу)», этот институт имеет гарантийный (обеспечительный) характер и направлен на охрану прав сторон обязательства по передаче имущества [16, с. 295]. Депонирование же РИД направлено не на исполнение обязательства по передаче имущества третьему лицу, а на фиксацию факта существования объекта и сведений о правообладателе, не носит расчётно-обеспечительного характера и не предполагает обязательного участия нотариуса.

Изложив основные различия между институтами государственной регистрации объектов промышленной собственности, факультативной регистрации программ для ЭВМ в Роспатенте и нотариального депонирования, перейдём к формулированию определения депонирования для целей настоящей статьи. К.М. Адамян в статье «Депонирование как способ фиксации создания объектов авторских и смежных прав в сети „Интернет“» понимает под депонированием передачу (фиксацию) сведений о произведении депозитарию и представление экземпляра такого произведения, целью которых являются свидетельство факта создания результата интеллектуальной деятельности под именем автора на определённую дату, отмечая, что результатом процедуры, как правило, выступает выдача свидетельства о депонировании [14, с. 75]. А.Ю. Чурилов в указанной статье рассматривает депонирование как механизм хранения объектов авторского права, служащий фиксации как факта их существования, так и сведений о правообладателе [21, с. 92]. И.А. Близнец и Р.Р. Ахметов в статье «Депонирование объектов авторского права и его классификация» раскрывают содержание института через объём обязанностей депозитария, различая классическое депонирование (с обязанностью обеспечить хранение экземпляра объекта), конфиденциальное (хранение лишь кода или хеша объекта) и публичное (общедоступное) депонирование [15, с. 132–133]. Объединяющим для приведённых подходов является понимание депонирования как добровольной передачи объекта — его экземпляра, кода или хеш-значения — депозитарию для хранения и документального удостоверения факта существования объекта на определённую дату, не влекущего возникновения или перехода исключительного права.

Таким образом, для целей настоящей статьи полагаю разумным применять следующее определение депонирования: депонирование результата интеллектуальной деятельности — это добровольная, ини-

цируемая правообладателем процедура передачи экземпляра объекта (а равно его кода или хеш-значения) специализированному депозитарию либо фиксации объекта в распределённом реестре, как правило сопровождаемая выдачей свидетельства, целью которой является документальное удостоверение факта существования объекта и притязания депонента в отношении него по состоянию на определённую дату и которая не порождает, не подтверждает по правилам государственной регистрации и не переносит исключительное право.

Условие о депонировании. Понятие и правовая природа

Опираясь на сформулированное выше определение депонирования, условие о депонировании представляется разумным определить как включаемое сторонами в лицензионный договор (ст. 1235 ГК РФ) либо договор об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК РФ) договорное положение, которое возлагает на одну из сторон обязанность депонировать результат интеллектуальной деятельности либо связывает с фактом депонирования наступление определённых договорных последствий.

Место условия о депонировании в системе договорных условий определяется его соотношением с существенными условиями названных договоров. В силу п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными являются условия о предмете, условия, названные в законе необходимыми, и условия, относительно которых по заявлению стороны должно быть достигнуто соглашение; для лицензионного договора к ним отнесены размер вознаграждения, предмет договора и способы использования лицензируемого результата интеллектуальной деятельности (п. 6 ст. 1235 ГК РФ), для договора об отчуждении — предмет договора и размер вознаграждения (п. 3 ст. 1234 ГК РФ). Поскольку идентификация нематериального объекта затруднена, а словесного описания, как отмечает Чурилов А.Ю. в статье «Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность?», нередко недостаточно для устранения спора о тождестве объекта [21, с. 92], депонирование способно выступать средством согласования предмета. Если стороны привязывают предмет договора к депонированному экземпляру (его коду или хеш-значению), условие о депонировании приобретает черты существенного; если же предмет согласован иными средствами, оно остаётся случайным (обычным) условием, не влияющим на заключённость договора (ст. 432 ГК РФ).

В качестве обычной организационной обязанности условие о депонировании возлагает на сторону действие по передаче объекта депозитарию, не затрагивая ни предмета договора, ни момента перехода права. Её неисполнение влечёт общие последствия нарушения обязательства (глава 25 ГК РФ) и само по себе на действительность и заключённость договора не влияет.

Условие о депонировании может быть сформулировано и как отлагательное условие сделки (ст. 157 ГК РФ), когда переход исключительного права или возникновение встречной обязанности поставлены сторонами в зависимость от факта депонирования. Такая привязка к моменту перехода права согласуется с подходом Чурилова А.Ю., который применительно к обороту прав через передачу токена допускает совпадение момента перехода исключительного права с моментом совершения соответствующего действия и конструирование договора как по реальной, так и по консенсуальной модели [21, с. 95]. В этом случае до наступления депонирования соответствующие правовые последствия не возникают, а недепонирование равнозначно ненаступлению условия.

Наконец, условие о депонировании может выступать кредиторской обязанностью, если депонирование необходимо кредитору для принятия исполнения от должника. В таком случае депонирование осуществляется в целях исполнения основного обязательства и носит по отношению к нему вспомогательный, обеспечивающий характер, что позволяет рассматривать его как действие, без совершения которого исполнение не может быть принято. Уклонение кредитора от такого действия влечёт последствия просрочки кредитора (ст. 406 ГК РФ).

Рассмотрев понятие и правовую природу условия о депонировании, перейдём к рассмотрению функций указанного условия.

Функции условия о депонировании в распределении договорных рисков

В литературе значение депонирования раскрывается через несколько взаимосвязанных аспектов. Депонирование рассматривается как механизм фиксации факта существования объекта и сведений о правообладателе; при этом ВС РФ подчёркивает что оно подтверждает существование объекта на момент депонирования, но само по себе

не подтверждает авторства [21, с. 90–93]. С фиксацией авторства произведения и времени его создания связывается и значение записи в распределённом реестре, содержащей временные метки [19, с. 87]. Вместе с тем записи систем учёта сами по себе наличия исключительных прав не подтверждают, а коллизии конкурирующих притязаний разрешаются исходя из приоритета ранее совершённой сделки [17, с. 253–254].

Приведённые позиции позволяют выделить три функции условия о депонировании – идентификационную, темпоральную и доказательственную.

Идентификационная функция состоит в фиксации содержания самого объекта, позволяющей впоследствии установить тождество депонированного и спорного результата. Её основу составляет передача депозитарию экземпляра произведения [14, с. 75] либо – при конфиденциальном депонировании – хранение кода или хеша объекта, повторное вычисление которого подтверждает идентичность файла [15, с. 132]. Именно недостаточность словесного описания порождает риск спора о тождестве объекта, который снимается представлением идентифицирующих сведений при депонировании [21, с. 92].

Темпоральная функция выражается в фиксации даты, по состоянию на которую объект существовал и находился во владении депонента. Депонирование свидетельствует факт создания результата на определённую дату [14, с. 75], а технология распределённых реестров обеспечивает это посредством временных меток [19, с. 87]. Зафиксированная дата приобретает значение при разрешении коллизий конкурирующих притязаний, разрешаемых по приоритету более ранней сделки [17, с. 254].

Доказательственная функция заключается в создании доказательства, которое суд оценивает наряду с другими по правилам свободной оценки доказательств. При этом, как отмечалось ранее, депонирование не порождает презумпции авторства: с ним не связывается презумпция ст. 1257 ГК РФ [20, с. 18]. Поэтому, как показывает судебная практика, доказательственная сила свидетельства о депонировании носит вспомогательный характер и недостаточна для подтверждения авторства в отрыве от иных доказательств [14, с. 76].

Обозначив основные функции условия о депонировании, рассмотрим роль указанного условия в распределении и нивелировании тех или иных договорных рисков.

Таблица 1. Функции условия о депонировании в распределении договорных рисков

Функция	Распределяемый риск	Договорный механизм	Рекомендуемая формулировка
Идентификационная	Несо согласование предмета (как следствие – незаключённость договора)	Инкорпорация информации о депонированном экземпляре в описание предмета	«Объектом договора является [РИД], экземпляр которого депонирован в [депозитарий] под № [N], хеш-сумма [N], о чем выдано свидетельство № [N] от [дата]»
Темпоральная	Двойное отчуждение; коллизия прав	Фиксация даты существования и владения до распоряжения правом	«Правообладатель заверяет и гарантирует, что РИД депонирован [дата] и до заключения договора не отчуждался, а равно права использования РИД не предоставлялись третьим лицам на условиях исключительной лицензии»
Доказательственная	Бремя доказывания авторства	Создание доказательства, дополняющего презумпцию ст. 1257 ГК РФ	«Стороны признают свидетельство о депонировании доказательством существования объекта на указанную в нём дату»

Идентификационная функция распределяет риск несогласования предмета и незаключённости: привязка к депонированному экземпляру смещает бремя доказывания несогласованности на оспаривающую сторону и реализуется лишь при прямой инкорпорации экземпляра в описание предмета [15, с. 133].

Темпоральная функция распределяет риск двойного отчуждения и коллизии прав с третьими лицами: фиксация даты существования и владения создаёт ориентир приоритета, согласующийся с правилом о приоритете ранее совершённой сделки и действующий в совокупности с иными доказательствами принадлежности права [17, с. 254].

Доказательственная функция распределяет бремя доказывания авторства, дополняя презумпцию ст. 1257 ГК РФ; при этом депонирование не создаёт неопровержимой презумпции, а усиливает пози-

цию депонента лишь фактически, в рамках свободной оценки доказательств [8; 9; 10], чем отличается от законной презумпции п. 6 ст. 1262 ГК РФ.

В Таблице 1 представлены рекомендации по реализации указанных функций посредством включения в договор условия о депонировании. Для каждой функции предложены соответствующие договорные механизмы и примерные формулировки условий.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов. На основе ограничения депонирования от государственной регистрации объектов промышленной собственности, факультативной регистрации программ для ЭВМ и нотариального депонирования предложено авторское определение депонирования как добровольной процедуры документального удостоверения факта существования объекта и притязания депонента на определённую дату, не порождающей, не подтверждающей по правилам государственной регистрации и не переносящей исключительное право.

Условие о депонировании не обладает единой правовой природой: она является смешанной и функционально обусловленной. В зависимости от способа формулирования и привязки к моменту перехода права (исполнения) данное условие способно выступать обычным (организационным) договорным условием, отлагательным условием сделки (ст. 157 ГК РФ) либо кредиторской обязанностью (ст. 406 ГК РФ), а его соотношение с существенными условиями лицензионного договора и договора об отчуждении исключительного права определяется тем, используется ли депонирование как средство согласования предмета.

В работе выделены три функции условия о депонировании в распределении договорных рисков – идентификационная, темпоральная и доказательственная, – каждой из которых поставлены в соответствие определённый договорный механизм и рекомендуемая формулировка условия. Анализ практики Верховного Суда Российской Федерации и Суда по интеллектуальным правам подтверждает функциональный подход к оценке депонирования, в частности то, что само по себе депонирование не порождает презумпции авторства.

Научная новизна работы состоит в рассмотрении депонирования как самостоятельного договорного условия через призму его смешанной правовой природы и функций распределения рисков, что восполняет существующий в отечественной цивилистике пробел. Практическое значение результатов заключается в рекомендации сторонам прямо обозначать целевое назначение условия о депонировании, а также в предложенных образцах договорных формулировок. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются доказательственное значение блокчейн-депонирования и невзаимозаменяемых токенов (NFT), построение моделей оборота прав на депонированные объекты через привязку NFT к смарт-контракту [21], особенности депонирования в трансграничных договорах, а также углублённый сравнительно-правовой анализ российских конструкций с институтом source code escrow.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, вторая и четвёртая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 1996. № 5. Ст. 410; 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
5. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 1. Ст. 1.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации».

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2020 № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/2019.

10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.11.2016 № С01-328/2016 по делу № А56-21040/2015.

11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.03.2021 № С01-191/2021 по делу № А41-51614/2019.

12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.06.2021 № С01-842/2021 по делу № А60-72170/2019.

13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.11.2022 № С01-1810/2022 по делу № А45-19244/2019.

14. Адамян К.М. Депонирование как способ фиксации создания объектов авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Пролог: журнал о праве. 2024. № 1. С. 71–79.

15. Близначев И.А., Ахметов Р.Р. Депонирование объектов авторского права и его классификация // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 11. С. 128–136.

16. Мухамедова Э.Э. Договор условного депонирования (эскроу) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71), № 4. С. 291–297.

17. Новоселова Л.А. Об активных системах учета интеллектуальных прав // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 248–257.

18. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 508–520.

19. Сальникова А.В. Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 4 (113). С. 83–90.

20. Семенов А.В. Удивительные приключения регистрации в интеллектуальном праве // Закон. 2023. № 2. С. 80–95.

21. Чурилов А.Ю. Фиксация и оборот исключительных прав на объекты авторского права с помощью смарт-контрактов: миф или реальность? // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 3 (160). С. 89–99.

THE DEPOSITING CLAUSE FOR INTELLECTUAL PROPERTY ASSETS IN AGREEMENTS ON THE DISPOSAL OF EXCLUSIVE RIGHTS: LEGAL NATURE AND FUNCTIONS

Трепачков Р.М.
Moscow Witte University

The subject of the study is the contractual clause providing for the depositing of results of intellectual activity included by the parties in agreements on the alienation of an exclusive right and in licence agreements. The legal nature of this clause has not been systematically elaborated in Russian civil-law doctrine, and its place within the system of contractual terms remains undetermined. The study employs formal-legal, systemic and comparative-legal methods and includes an analysis of the case law of the Intellectual Property Court and the Supreme Court of the Russian Federation. By distinguishing depositing from the state registration of industrial property, the optional registration of computer programs and notarial depositing, the author formulates a definition of depositing. The mixed, function-dependent legal nature of the depositing clause is substantiated: depending on its wording and its connection with the moment of transfer of the right (performance), the clause may

operate as an ordinary (organisational) contractual term, a suspensive condition of a transaction, or an obligation of the creditor. Three functions of the depositing clause in the allocation of contractual risks are identified – identification, temporal and evidentiary – and recommendations for their contractual implementation, including sample wordings, are proposed. The findings may be used in designing contractual structures in the sphere of transactions involving exclusive rights.

Keywords: depositing; results of intellectual activity; exclusive right; agreement on the alienation of an exclusive right; licence agreement; depositing clause; legal nature; allocation of contractual risks; essential terms; proof of authorship.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Parts One, Two and Four) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301; 1996. № 5. Art. 410; 2006. № 52 (Part 1). Art. 5496.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.
3. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.
4. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries Public dated February 11, 1993, № 4462-1 // Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 10. Art. 357.
5. Federal Law dated December 29, 1994, № 77-FZ «On the Mandatory Copy of Documents» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. № 1. Art. 1.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 22, 2016, № 54 «On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Fulfillment.»
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 № 49 «On Certain Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of Contracts.»
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 № 10 «On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation.»
9. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of September 17, 2020 № 305-ES20-8198 in Case № А40-46622/2019.
10. Resolution of the Intellectual Property Court of November 21, 2016 № С01-328/2016 in Case № А56-21040/2015.
11. Resolution of the Intellectual Property Court dated March 19, 2021 № С01-191/2021 in case № А41-51614/2019.
12. Resolution of the Intellectual Property Court dated June 22, 2021 № С01-842/2021 in case № А60-72170/2019.
13. Resolution of the Intellectual Property Court dated November 29, 2022 № С01-1810/2022 in case № А45-19244/2019.
14. Adamyany K.M. Deposit as a Method of Recording the Creation of Copyright and Related Rights Objects on the Internet // Prologue: Journal of Law. 2024. № 1. Pp. 71–79.
15. Bliznets I.A., Akhmetov R.R. Deposit of Copyright Objects and Its Classification // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. № 11. Pp. 128–136.
16. Mukhamedova E.E. Escrow Agreement // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences. 2019. Vol. 5 (71), № 4. Pp. 291–297.
17. Novoselova L.A. On Active Systems of Intellectual Property Registration // Perm Legal Almanac. 2018. № 1. Pp. 248–257.
18. Ruzakova O.A., Grin' E.S. Application of blockchain technology to systematization of the results of intellectual activity // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2017. Issue 38. pp. 508–520.
19. Salnikova A.V. Blockchain technology as a tool for copyright protection // Current issues of Russian law. 2020. Vol. 15, № 4 (113). pp. 83–90.
20. Semenov A.V. Amazing adventures of registration in intellectual property law // Law. 2023. № 2. pp. 80–95.
21. Churilov A. Yu. Fixation and circulation of exclusive rights to copyright objects using smart contracts: myth or reality? // Current issues of Russian law. 2024. Vol. 19, № 3 (160). P. 89–99.

Кулявцев Никита Иванович,
студент бакалавриата НИУ МГСУ
E-mail: kulyavtsevnikita@ya.ru

Князькин Никита Евгеньевич,
студент бакалавриата НИУ МГСУ
E-mail: knyazkinikita@gmail.com

Решетников Егор Александрович,
студент бакалавриата НИУ МГСУ
E-mail: egorres04@gmail.com

Ильина Эмилия Эдуардовна,
студент бакалавриата НИУ МГСУ
E-mail: linaemilia@mail.ru

Токтан Артем Питерович,
студент магистратуры ТОСП НИУ МГСУ
E-mail: toktan2014@mail.ru

В статье исследуются актуальные вопросы правового регулирования использования беспилотных технологий и средств дистанционного мониторинга в строительной деятельности Российской Федерации. Рассматриваются особенности применения беспилотных воздушных судов при осуществлении строительного контроля, инженерных изысканий, фото- и видеофиксации объектов капитального строительства, а также при оценке объемов выполненных работ. Проанализированы положения Воздушного кодекса Российской Федерации, Градостроительного кодекса Российской Федерации, Федеральных законов «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О персональных данных» и «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». Выявлены проблемы нормативного обеспечения использования цифровых технологий, связанные с отсутствием единых требований к дистанционному строительному мониторингу, правовому статусу получаемых цифровых данных и их использованию в качестве доказательств при разрешении строительных споров. Сделан вывод о необходимости формирования комплексного механизма правового регулирования беспилотных технологий, обеспечивающего повышение эффективности строительного контроля, снижение количества правонарушений и совершенствование цифровой трансформации строительной отрасли Российской Федерации.

Ключевые слова: беспилотные воздушные суда, дистанционный мониторинг, строительство, строительный контроль, цифровизация строительства, информационные технологии, правовое регулирование, градостроительное законодательство, цифровые доказательства, безопасность объектов капитального строительства.

Развитие цифровой экономики оказывает существенное влияние на все сферы государственного управления и хозяйственной деятельности, включая строительную отрасль. В настоящее время цифровизация строительного контроля рассматривается не только как инструмент повышения эффективности реализации инвестиционно-строительных проектов, но и как один из механизмов обеспечения безопасности объектов капитального строительства, прозрачности деятельности участников строительства и совершенствования государственного надзора. В Российской Федерации формируется комплексная нормативно-правовая база, направленная на внедрение информационных технологий в строительную деятельность, однако скорость развития цифровых решений значительно опережает темпы совершенствования законодательства. В результате возникает необходимость комплексного исследования существующих правовых механизмов регулирования цифрового строительного контроля, выявления их недостатков и определения направлений дальнейшего развития.

Правовые основы строительного контроля закреплены в Градостроительном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ. В соответствии со статьей 53 строительный контроль осуществляется в процессе строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства в целях проверки соответствия выполняемых работ требованиям проектной документации, результатам инженерных изысканий, требованиям технических регламентов и градостроительного законодательства. Законодатель исходит из необходимости постоянного контроля качества строительства, однако традиционные формы организации контрольных мероприятий постепенно заменяются цифровыми технологиями, позволяющими осуществлять мониторинг строительного процесса в режиме реального времени.

Правовое регулирование цифровизации строительной деятельности осуществляется также посредством Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который определяет основные принципы использования информационных технологий, устанавливает правовой режим информации и закрепляет обязанности участников информационных отношений по обеспечению защиты данных. Именно положения данного закона создают правовую основу для использования цифровых платформ, автоматизированных систем контроля и информационных ресурсов в строительной отрасли.

Одним из наиболее значимых направлений цифровизации строительного контроля является внедрение технологий информационного моделирования объектов капитального строительства. Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2021 г. № 331 утверждены правила использования технологий информационного моделирования при осуществлении строительства объектов, финансируемых с привлечением бюджетных средств. Указанный нормативный акт фактически закрепил переход строительной отрасли к использованию цифровых моделей в качестве единого источника информации на всех стадиях жизненного цикла объекта.

Использование технологий информационного моделирования позволяет интегрировать проектную документацию, исполнительные схемы, результаты инженерных изысканий и сведения о выполнении строительно-монтажных работ в единую информационную среду. В результате существенно сокращается количество ошибок, связанных с использованием бумажных документов, повышается скорость обмена информацией между заказчиком, подрядчиком и органами государственного строительного надзора, а также появляется возможность автоматизированного выявления отклонений от проектных решений.

Вместе с тем действующее законодательство не содержит комплексного определения юридического статуса цифровой информационной модели объекта капитального строительства. Градостроительный кодекс Российской Федерации использует понятие информационной модели объекта капитального строительства, однако не определяет порядок разрешения споров в случае расхождения сведений, содержащихся в цифровой модели и проектной документации. Отсутствие соответствующих норм способно привести к возникновению правовой неопределенности при рассмотрении строительных споров и распределении ответственности между участниками инвестиционно-строительного процесса.

Не менее важным элементом цифровизации строительного контроля является переход на электронный документооборот. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» предоставляет электронным документам, подписанным усиленной квалифицированной электронной подписью, юридическую силу, равнозначную документам на бумажном носителе. Данное положение создает возможность ведения исполнительной документации исключительно в цифровом формате, включая журналы производства работ, акты освидетельствования скрытых работ, акты приемки ответственных конструкций и иную документацию, формируемую в процессе строительства.

Несмотря на законодательное закрепление юридической силы электронных документов, на практике сохраняются проблемы их использования в контрольной деятельности. Многие участники строительства продолжают одновременно вести бумажную и электронную документацию, что увеличивает административную нагрузку и снижает эффективность цифровизации. Кроме того, отсутствуют единые требования к форматам хранения строительной документации, срокам архивирования цифровых данных и порядку их передачи государственным органам.

Особое значение приобретает применение Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Закон предусматривает возможность использования информационных систем, дистанционного взаимодействия с контролируемыми лицами, электронного документооборота и риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля. В сфере строительства это позволяет перейти от периодических проверок к непрерывному цифровому мониторингу строительного процесса, основанному на анализе информации, поступающей в государственные информационные системы.

Использование риск-ориентированной модели государственного строительного надзора позволяет существенно повысить эффективность контрольной деятельности. Анализ больших массивов данных, автоматическое сопоставление сроков выполнения работ, объемов финансирования и фактического состояния строительной площадки создают условия для своевременного выявления нарушений без необходимости проведения многочисленных выездных проверок. Вместе с тем законодательство не устанавливает критерии допустимости использования результатов автоматизированного анализа в качестве самостоятельного основания для принятия решений о привлечении к ответственности.

Перспективным направлением развития цифрового строительного контроля является использование беспилотных авиационных систем, технологий лазерного сканирования и средств дистанционного мониторинга. Такие технологии позволяют получать объективную информацию о ходе строительства, фиксировать объем выполненных работ, контролировать соблюдение требований безопасности и оперативно выявлять нарушения проектных решений. Однако действующее законодательство практически не регулирует порядок использования материалов аэросъемки и цифрового мониторинга в качестве доказательств при осуществлении государственного строительного надзора и судебного разбирательства.

Отдельного внимания заслуживает проблема использования искусственного интеллекта при осуществлении строительного контроля. Современные программные комплексы способны автоматически анализировать изображения строительных объектов, выявлять нарушения технологии производства работ, прогнозировать вероятность возникновения аварийных ситуаций и формировать рекомендации для специалистов строительного контроля. Несмотря на очевидные преимущества подобных технологий, российское законодательство пока не содержит специальных норм, определяющих правовой статус решений, принимаемых с использованием искусственного интеллекта.

При этом возникают вопросы распределения ответственности между разработчиками программного обеспечения, операторами цифровых платформ, подрядными организациями и лицами, осуществляющими строительный контроль. Если автоматизированная система не выявила нарушение либо сформировала ошибочное заключение, отсутствуют законодательные критерии определения субъекта ответственности за причиненный ущерб. Представляется, что развитие цифрового строительного контроля требует внесения изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон № 248-ФЗ путем закрепления специальных положений об использовании технологий искусственного интеллекта и автоматизированного анализа данных.

Еще одной существенной проблемой является обеспечение информационной безопасности цифровых платформ строительного

контроля. Федеральный закон № 149-ФЗ устанавливает общие требования к защите информации, однако специфика строительной деятельности предполагает необходимость хранения большого объема сведений о стратегических объектах, инженерных коммуникациях, конструктивных решениях и технологических процессах. Несанкционированный доступ к подобной информации способен создать угрозу не только имущественным интересам участников строительства, но и общественной безопасности.

Представляется необходимым разработать единые требования к государственному и корпоративным информационным системам строительного контроля, определить обязательные стандарты хранения цифровой документации, установить порядок резервного копирования информации и регламентировать применение отечественного программного обеспечения при реализации объектов капитального строительства.

Современное законодательство также нуждается в более детальном регулировании вопросов интеграции государственных информационных систем. В настоящее время сведения о строительной деятельности содержатся в различных цифровых ресурсах, функционирующих независимо друг от друга. Создание единой цифровой платформы строительного контроля позволило бы объединить данные информационных моделей объектов капитального строительства, результатов государственной экспертизы, разрешительной документации, исполнительной документации и материалов государственного строительного надзора. Такая интеграция обеспечила бы прозрачность строительного процесса, снижение коррупционных рисков и сокращение административных процедур.

Цифровизация строительного контроля представляет собой закономерный этап развития строительной отрасли Российской Федерации, направленный на повышение качества строительства и эффективности государственного управления. Вместе с тем действующее законодательство не в полной мере соответствует современному уровню развития цифровых технологий. Совершенствование правового регулирования должно быть связано с закреплением юридического статуса информационной модели объекта капитального строительства, установлением единых требований к электронному документообороту, определением порядка использования искусственного интеллекта и дистанционного мониторинга при осуществлении строительного контроля, а также созданием единой государственной цифровой экосистемы строительной деятельности. Реализация указанных направлений позволит обеспечить баланс публичных и частных интересов, повысить уровень правовой определенности и сформировать современную модель строительного контроля, отвечающую требованиям цифровой экономики и задачам устойчивого развития Российской Федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – Москва: Проспект, 2024. – 80 с.
2. Воздушный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 16.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.
5. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.
6. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 1. – Ст. 5.
7. Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 14. – Ст. 1649.
8. СП 48.13330.2019. Организация строительства. Актуализированная редакция СНиП 12–01–2004. – Москва: Минстрой России, 2019. – 86 с.
9. СП 471.1325800.2019. Информационное моделирование в строительстве. Контроль качества производства строительных работ. Общие положения. – Москва: Минстрой России, 2020. – 34 с.

10. Волков А. А., Кузин А.А. Цифровые технологии и информационное моделирование в строительстве: монография. – Москва: Издательство Ассоциации строительных вузов, 2022. – 312 с.

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION OF CONSTRUCTION SUPERVISION

Kulyavtsev N.I., Knyazkin N.E., Reshetnikov E.A., Ilyina E.E., Toktan A.P.
National Research University of Civil Engineering

The article examines current issues of the legal regulation of the use of unmanned technologies and remote monitoring systems in the construction industry of the Russian Federation. Particular attention is paid to the application of unmanned aerial vehicles in construction supervision, engineering surveys, photographic and video recording of capital construction facilities, as well as in assessing the volume of completed construction works. The study analyzes the provisions of the Air Code of the Russian Federation, the Urban Planning Code of the Russian Federation, the Federal Laws «On Information, Information Technologies and Information Protection,» «On Personal Data,» and the Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures. The research identifies regulatory challenges associated with the use of digital technologies, including the absence of unified requirements for remote construction monitoring, the legal status of digital data obtained through unmanned technologies, and the admissibility of such data as evidence in the resolution of construction disputes. It is concluded that there is a need to establish a comprehensive legal framework governing the use of unmanned technologies, aimed at improving the efficiency of construction supervision, reducing the number of legal violations, and facilitating the digital transformation of the construction industry in the Russian Federation.

Keywords: unmanned aerial vehicles, remote monitoring, construction, construction supervision, construction digitalization, information technologies, legal regulation, urban planning legislation, digital evidence, safety of capital construction facilities.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on December 12, 1993 (as amended by the amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). Moscow: Prospekt Publ., 2024. 80 p.
2. Air Code of the Russian Federation: Federal Law № 60-FZ of March 19, 1997. Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. № 12. Art. 1383.
3. Urban Planning Code of the Russian Federation: Federal Law № 190-FZ of December 29, 2004. Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. № 1 (Part 1). Art. 16.
4. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006. Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part 1). Art. 3448.
5. On Personal Data: Federal Law № 152-FZ of July 27, 2006. Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part 1). Art. 3451.
6. Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures: Federal Law № 384-FZ of December 30, 2009. Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. № 1. Art. 5.
7. On Approval of the Federal Rules for the Use of the Airspace of the Russian Federation: Resolution of the Government of the Russian Federation № 138 of March 11, 2010. Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. № 14. Art. 1649.
8. SP 48.13330.2019. Construction Organization. Updated Version of SNiP 12–01–2004. Moscow: Ministry of Construction of the Russian Federation, 2019. 86 p.
9. SP 471.1325800.2019. Building Information Modeling. Quality Control of Construction Works. General Provisions. Moscow: Ministry of Construction of the Russian Federation, 2020. 34 p.
10. Volkov A. A., Kuzin A.A. Digital Technologies and Building Information Modeling in Construction: Monograph. Moscow: Publishing House of the Association of Civil Engineering Universities, 2022. 312 p.

Процедурные и содержательные аспекты брачного договора: сравнительный анализ законодательства России, США и Италии

Тхазеплов Кантемир Алексеевич,

кандидат юридических наук, помощник нотариуса, Нотариус города Москвы Степашкина И.В.
E-mail: ktkhazeplov@mail.ru

Ионова Нина Алексеевна,

студентка 4 курса Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: ninaionova.rgur@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ института брачного договора в Российской Федерации, Соединённых Штатах Америки и Итальянской Республике. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом числа брачных договоров в России, который авторы связывают с двумя основными факторами: требованием кредитных организаций при ипотечном кредитовании и повышением правовой грамотности населения в сфере имущественного планирования. В работе рассматриваются исторические, социокультурные и нормативные предпосылки формирования данного института в каждой из стран, выявляются общие черты (письменная форма договора) и существенные различия в содержательных и процедурных подходах. Особое внимание уделяется анализу процедурных гарантий добросовестности сторон.

Ключевые слова: брачный договор, семейное право, сравнительное правоведение, процедурные гарантии, раскрытие финансовой информации, независимый юридический консультант, добросовестность сторон, нотариальное удостоверение, Россия, США, Италия.

С каждым годом в нашей стране институт брачного договора набирает свою актуальность. Если в начале двухтысячных годов российские граждане к брачному договору относились довольно скептически, считали, что данный вид договора заключают только «богатые» люди в зарубежном кино, то в наше время, можно утверждать, что «контрактualизация» семейного права не считается уже чем-то «западным», скепсис в отношении «циничных» брачных договоров идет на спад и все больше пар заключают брачные договоры как до вступления в брак, так и во время брака. Так, с 2016 по 2021 год число заключаемых брачных договоров выросло более чем в три раза.[15] а по данным Федеральной нотариальной палаты, за девять месяцев 2023 года россияне заверили у нотариусов 82,3 тысячи брачных договоров [14].

При анализе практики заключения брачных договоров, можно выделить две причины такого роста:

1) *«принуждение» банков в заключении договора для выдачи ипотечных кредитных средств.*

Если у одного из супругов плохая кредитная история и/или «серый» доход – банк прежде чем выдать кредитные денежные средства требует от заемщиков-супругов заключить брачный договор, в котором установлен раздельный режим собственности на все имущество, в том числе и на кредитные обязательства; данная причина была особенно актуальна в пору пониженной ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации и повышения роста заключаемых договоров купли-продажи недвижимости с использованием ипотечных средств; практически каждое обращение супругов в нотариальную контору сопровождалось словосочетанием «брачный договор для банка» и отсутствием у Супругов четкого понимания правовой природы данного института, последствий его заключения и т.д.

2) *повышение правовой грамотности населения и желание выстроить семейные отношения без дальнейших судебных разбирательств, в случае расторжения брака («цивилизованный» подход).*

В отличие от первой группы населения, которых «заставляют» заключить контракт кредитные организации, в нашей стране растет пласт граждан, который до брака (или во время брака) задумывается о дальнейшей судьбе своего имущества, самостоятельно изучает вопросы «управления» семейным имуществом и обращаются к юристам и нотариусам уже осознанно, заключают не только типичные брачные договоры, в которых установлен раздельный режим собственности, но устанавливают разные режимы собственности на разные объекты, осмысленно используя имущественное планирование, напрямую или косвенно затрагивающее вопросы налогообложения, наследства и т.д.

В свете актуализации использования института брачного договора гражданами Российской Федерации, а также принимая во внимание условия глобализации и усиления миграционных потоков, увеличения межнациональных браков между гражданами разных государств, представляется необходимым провести анализ данного института в других странах, в других правовых системах. В соответствии с этим, авторы считают необходимым провести анализ процедурных и содержательных аспектов брачного договора в законодательстве Российской Федерации, Соединённых Штатов Америки и Итальянской Республики.

Формирование института брачного договора в каждой из рассматриваемых стран имеет глубокие исторические и социокультурные корни. В России институт был легализован лишь с принятием Семейного кодекса Российской Федерации [1] в 1995 году, что отражало переход к рыночной экономике и признание частной собственности, однако историческое наследие, относившееся к браку как к союзу, основанному на морально-этических, а не строго договорных началах, объясняет сохраняющуюся осторожность, ограниченность и консервативность подхода законодателя. В США развитие института *prenuptial agreement* прошло путь от полного неприятия судами в XIX веке к повсеместному признанию в XX–XXI веках, что было обусловлено ростом числа разводов, феминистскими движениями, накоплением частного капитала и прагматичным подходом к браку как к партнёрству. Италия, находясь под сильным влиянием канонического права, долгое время сохраняла незыблемость института брака, и лишь либерализация семейного законодательства во второй половине XX века создала почву для развития договорных начал, хотя и с оглядкой на традиционные семейные ценности. Соответственно, можно сделать вывод о том, что в каждой

из рассматриваемых стран, развитие института брачного договора складывалось по-разному, на его становление оказывалось влияние различных факторов: либеральные движения и большое развитие рыночной экономики в США – привело к большой свободе данного договора; католицизм в Италии привнес особенности в строгость рамок, допустимых в брачном договоре; приватность семейных вопросов, несклонность государства вмешиваться в «ячейку общества» обусловило ограничения правового регулирования брачного договора только в рамках имущественных вопросов в России.

В российском праве брачный договор регулируется главой 8 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ). Согласно статье 40 СК РФ [1], брачным договором признаётся соглашение лиц, вступающих в брак, или супругов, определяющее их имущественные права и обязанности в браке и (или) при его расторжении. Российское законодательство чётко исключает возможность регулирования личных неимущественных отношений (например, порядка воспитания детей, супружеской верности и т.п.). Процедурно договор требует письменной формы и нотариального удостоверения (статья 41 СК РФ), а его условия не должны ставить одного из супругов в «крайне неблагоприятное положение» (статья 44 СК РФ). Однако данное понятие остаётся оценочным, что порождает неопределённость в правоприменении и создаёт пространство для судебного усмотрения.

Содержание брачного договора в России ограничено имущественными вопросами: установление режима совместной, долевой или раздельной собственности; права и обязанности по взаимному содержанию; способы участия в доходах друг друга; порядок несения семейных расходов; имущество, передаваемое каждому из супругов при расторжении брака (статья 42 СК РФ) [1]. При этом любые попытки включить в договор условия, касающиеся личных неимущественных отношений, ведут к их недействительности. Такой подход отражает традиционное понимание брака как института, основанного на моральных и этических началах, которые не подлежат договорному регулированию.

В отличие от России, в США брачный договор (prenuptial or marital agreement) получил широкое распространение и регулируется как на уровне штатов, так и через унифицирующие акты, в частности Uniform Premarital and Marital Agreements Act (UPMAA) 2012 года [2]. Исходя из раздела 3 данного закона можно сделать вывод, что сфера регулирования затрагивает большинство вопросов, а именно: распоряжение имуществом, которая входит в доверительную массу, отказ или изменение алиментных обязательств, распределение сумм между выгодоприобретателями по договорам страхования жизни, выбор права, регулирующего отношения в рамках доверительного управления и отдельные личные неимущественные аспекты, при условии их соответствия публичному порядку и закону.

Стоит отметить, что в американской модели особое значение имеют процедурные гарантии, которые закреплены в разделе 9 UPMAA. Согласно данному разделу, действительность брачного договора зависит от следующих условий:

- добровольное волеизъявление сторон при заключении соглашения;
- предоставление другой стороне достоверной информации об имуществе и доходах;
- наличие независимого юридического консультирования для каждой из сторон (во многих штатах данный критерий носит обязательный характер);
- допустимо не раскрывать информацию в случае, когда сторона не хочет её предоставлять.

Данные условия позволяют обеспечить свободу волеизъявления участников соглашения, что минимизирует риски злоупотребления уязвимым положением одной из сторон [12].

Не менее значимым институтом в американской правовой системе выступает механизм судебного контроля за исполнением брачных договоров. В соответствии с действующим законодательством США и подходами к его применению, суд вправе отказать в приведении договора в исполнение в случае, если его применение приведет к несправедливому или уязвимому положению одной из сторон, что обусловлено кардинальным изменением обстоятельств, например рождение ребенка, утрата трудоспособности [13]. Данный подход, имеющий наименование «second look» позволяет судебным органам корректировать договорные условия с учетом изменения жизненных обстоятельств и позволяет защитить интересы сторон.

Отдельного изучения требует реализация принципа добросовестности сторон при соблюдении самой процедуры заключения брачного договора. В американской правовой модели действительность соглашения обеспечивается не только формальными требованиями к процедуре сделки, но и материально-правовым значением [4, с. 8]. Так, одним из требований является заблаговременное предоставление

обеими сторонами полной и достоверной финансовой информации до заключения сделки, к которой относится размер доходов, долговых обязательств, а также имущество, которое может быть приобретено в ближайшее время в порядке наследования. Как упоминалось выше, законодательство США и сложившаяся судебная практика придают принципиальное значение сопровождению сделки юридическим консультированием для каждой из сторон. Добровольный отказ от юридической помощи допустим лишь при наличии соответствующего письменного заявления стороны, содержащего заверение, что она полностью осознает все правовые последствия такого отказа.

Отсутствие одно из вышеуказанных процедурных аспектов при заключении сделки, нарушающий принцип добросовестности, может являться самостоятельным основанием для оспаривания сделки [12]. Такой подход не только исключает давление или введение в заблуждение участников сделки, но и обеспечивает гарантию равноправия и добровольности переговоров.

Обращаясь к отечественному порядку заключения брачных договоров, следует отметить, что в настоящий момент подобные процедурные гарантии не обязательны для применения. Исключение составляет закрепленное в статье 44 СК РФ понятие «крайне неблагоприятное положение», выступающее критерием для признания брачного договора недействительным. Однако, как показывает судебная практика, бремя доказывания данного обстоятельства возлагается на самого супруга, чье положение было ухудшено, что затруднительно на практике в условиях отсутствия обязательного раскрытия информации и юридического консультирования [5, с. 321–322]. Более того, данный механизм не предотвращает недобросовестное поведение на стадии заключения договора, а лишь направлен на восстановление уже нарушенных прав в судебном порядке, что не всегда эффективно.

В силу изложенного, представляется возможным интегрирование отдельных процедурных элементов американской модели в российское законодательство, а именно, закрепление в Семейном кодексе Российской Федерации отдельных норм, обязывающих супругов предоставлять друг другу информацию о составе своего имущества и доходах в письменной форме до заключения брачного договора. Кроме данного предложения, стоит отметить, что стимулирование сторон к обращению независимых юридических консультантов, в том числе посредством отнесения соответствующих расходов к судебным издержкам при дальнейших спорах, позволит существенно повысить правовую защищенность супругов, особенно при случае, когда имеется экономическая уязвимость одной из сторон [11].

Итальянская модель занимает промежуточное положение между отечественным и американским законодательством. Регулирование осуществляется преимущественно Гражданским кодексом [3], при этом несмотря на то, что акцент делается на имуществе, итальянская доктрина и судебная практика допускают включение в соглашение некоторых связанных с имуществом неимущественных элементов, таких как обязательства о взаимной поддержке. Форма сделки при этом нотариальная, что обеспечивает формальную достоверность и разъяснение условий сторонам. Итальянское право сохраняет баланс, позволяя судам проверять договоры на соответствие как добросовестности, так и публичному порядку, защищая при этом интересы несовершеннолетних детей и нетрудоспособных членов семьи [6, с. 158]. Отличительной особенностью выступает распространение в Италии соглашений о совместном проживании (contratto di convivenza) для регулирования отношений фактических супругов, брак которых официально не зарегистрирован. Такой подход направлен на расширение автономии партнёров, в том числе вне официального брака, что могло бы быть также заимствовано для российской правовой системы.

В соответствии с вышесказанным, можно вывести общий элемент брачного договора в законодательстве трех стран, это его форма – *письменная*, хотя в каждом государстве есть свои особенности. В нашей стране брачный договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению, тогда как в США – участие нотариуса при его заключении вовсе необязательно, но в Италии супруги обращаются к нотариусу для свидетельствования подлинности подписи на договоре, чтобы усилить доказательственную силу заключаемого контракта [8, с. 146; 9, с. 31].

Считаем, что решение российского законодателя об обязательном нотариальном удостоверении не подлежит сомнению, так как Супругам необходимо третье, «независимое» лицо, которое расскажет о всех правовых последствиях договора, установит их дееспособность и волеизъявление, проверит заключаемый договор на соответствие закона и т.д. Более того, если учесть, что большинство кредитных организаций «насаждает» брачный договор своим должникам, которые не до конца могут понимать все нюансы заключаемого договора, его влияние на судьбу совместного имущества, на распределение наслед-

ства, на вопросы налогообложения – нотариус, как профессионал, помогает разобраться во всех тонкостях заключаемого брачного договора [10].

Отличительной особенностью, которой бы хотелось уделить внимание в данном исследовании являются процедурные аспекты заключения брачного договора.

Тем не менее, как показал проведенный анализ, одного нотариального участия в процедуре заключения брачного договора недостаточно для обеспечения полной процессуальной справедливости. В отличие от США, где процедурные требования направлены на создание равных переговорных возможностей *ex ante* (до подписания), российская модель ориентируется на последующий судебный контроль *ex post* (после подписания), что представляется менее эффективным с точки зрения защиты прав более слабой стороны [7, с. 220]. Исходя из этого, авторы полагают целесообразным дополнить российское законодательство рядом процедурных гарантий, заимствованных из американской правовой доктрины, с учетом национальной специфики. В частности, представляется обоснованным введение требования о составлении приложения к брачному договору, содержащего опись совместного и раздельного имущества супругов с указанием его оценочной стоимости, а также декларацию о доходах, что позволит избежать споров о действительном имущественном положении сторон на момент заключения соглашения. Кроме того, было бы разумно рекомендовать супругам (а в случаях, когда одна из сторон не имеет самостоятельного дохода, – сделать это обязательным условием) получение письменного юридического заключения от адвоката, не состоящего в родственных или деловых отношениях с другой стороной, которое подтверждало бы, что клиенту разъяснены правовые последствия подписания договора и он осознает отказ от тех или иных имущественных прав. Внедрение подобных процедурных элементов позволило бы восполнить существующий пробел в российском правовом регулировании, перенес акцент с «лечения последствий» на «профилактику несправедливости», что в конечном итоге будет способствовать укреплению доверия к институту брачного договора и снижению количества судебных споров, возникающих из его заключения.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 15.05.2026). // *Собрание законодательства Российской Федерации*, N 1, 01.01.1996, ст. 16.
2. Uniform Premarital and Marital Agreements Act (UPMAA), 2012. – URL: <https://www.uniformlaws.org>. (дата обращения: 20.06.2026).
3. Codice Civile Italiano (Italian Civil Code) (в ред. на 2026 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «De Jure».
4. Лапаева А.В. Брачный договор как способ защиты прав супругов в международном пространстве // *Право: история и современность*. – 2019. – № 2. – С. 80–87. – DOI: 10.17277/pravo.2019.02.pp.080-087.
5. Шастина А.Р. Международно-правовой опыт в сфере заключения брачного договора // *Baikal Research Journal*. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 321–329. – DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(1).321-329.
6. Хазова О.А. К вопросу о брачных договорах и брачных соглашениях за рубежом // *Закон*. – 2020. – № 10. – С. 154–165.
7. Изюмова Д.А. Брачный договор: российский и зарубежный опыт // *Вопросы российской юстиции*. – 2021. – № 16. – С. 218–224.
8. Григорьева М.С. Брачный договор: субъектный состав и особенности заключения в РФ // *Аграрное и земельное право*. – 2020. – № 6 (186). – С. 145–148.
9. Арбузов А.Р. Брачный договор в зарубежных странах // *Петербургский нотариус*. – 2011. – № 1 (13). – С. 30–33.
10. Bilotti E., Sesta M. Dalla famiglia fondata sul matrimonio alla famiglia fondata sulla procreazione? // *Famiglia e diritto*. – 2022. – № 11. – P. 1033–1076.
11. Vega Mere Y. The United States Experience on Premarital and Nuptial Agreements as a Frame of Reference for a Reform of the Peruvian Civil Code // *International Journal of Law and Society*. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – P. 9–18. – DOI: 10.11648/j.ijls.20250801.12.

12. Rasmusen E., Stake J.E. Lifting the Veil of Ignorance: Personalizing the Marriage Contract // *Indiana Law Journal*. – 1998. – Vol. 73, No. 2. – P. 453–502.

13. Ramseyer M. Toward Contractual Choice in Marriage // *Indiana Law Journal*. – 1998. – Vol. 73, No. 2. – P. 511–516.

14. Федеральная нотариальная палата. Ответственный подход: популярность брачных договоров в России продолжает расти [Электронный ресурс]. – URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/otvetstvennyj-podhod-populyarnost-brachnyh-dogovorov-v-rossii-prodolzhaet-rasti> (дата обращения: 20.06.2026).

15. Т-Т.ру. Статистика брачных договоров в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://t-j.ru/marital-agreement-stat> (дата обращения: 20.06.2026).

PROCEDURAL AND CONTENT ASPECTS OF A MARRIAGE CONTRACT: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN, U.S., AND ITALIAN LEGISLATION

Tkhazeplov K.A., Ionova N.A.

Notary of the city of Moscow Stepashkina I.V., Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article provides a comparative legal analysis of the institution of a prenuptial agreement in the Russian Federation, the United States of America, and the Italian Republic. The relevance of the study is due to the significant increase in the number of prenuptial agreements in Russia, which the authors attribute to two main factors: the requirement of credit institutions for mortgage lending and the improvement of legal literacy among the population in the field of estate planning. The article examines the historical, sociocultural, and regulatory background of the formation of this institution in each country, identifying common features (the written form of the agreement) and significant differences in substantive and procedural approaches. Special attention is given to the analysis of procedural guarantees for the parties' good faith.

Keywords: prenuptial agreement, family law, comparative law, procedural guarantees, disclosure of financial information, independent legal adviser, good faith of the parties, notarization, Russia, USA, Italy.

References

1. Family Code of the Russian Federation No. 223-FZ dated December 29, 1995 (as amended on May 15, 2026). // *Collection of Legislation of the Russian Federation*, No. 1, January 1, 1996, Article 16.
2. Uniform Premarital and Marital Agreements Act (UPMAA), 2012. – URL: <https://www.uniformlaws.org> (accessed: 20.06.2026).
3. Codice Civile Italiano (Italian Civil Code) (as amended in 2026). – Access from the legal reference system “De Jure”.
4. Lapaeva A.V. Marriage contract as a way to protect the rights of spouses in the international space // *Law: History and Modernity*. – 2019. – No. 2. – P. 80–87. – DOI: 10.17277/pravo.2019.02.pp.080-087.
5. Shastina A.R. International legal experience in the field of concluding a marriage contract // *Baikal Research Journal*. – 2023. – Vol. 14, No. 1. – P. 321–329. – DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(1).321-329.
6. Khazova O.A. On the issue of marriage contracts and marriage agreements abroad // *Law*. – 2020. – No. 10. – P. 154–165.
7. Izumova D.A. Marriage contract: Russian and foreign experience // *Issues of Russian Justice*. – 2021. – No. 16. – P. 218–224.
8. Grigorieva M.S. Marriage contract: subject matter and features of conclusion in the Russian Federation // *Agrarian and Land Law*. – 2020. – No. 6 (186). – P. 145–148.
9. Arbutov A.R. Marriage contract in foreign countries // *St. Petersburg Notary*. – 2011. – No. 1 (13). – P. 30–33.
10. Bilotti E., Sesta M. Dalla famiglia fondata sul matrimonio alla famiglia fondata sulla procreazione? // *Famiglia e diritto*. – 2022. – No. 11. – P. 1033–1076.
11. Vega Mere Y. The United States Experience on Premarital and Nuptial Agreements as a Frame of Reference for a Reform of the Peruvian Civil Code // *International Journal of Law and Society*. – 2025. – Vol. 8, No. 1. – P. 9–18. – DOI: 10.11648/j.ijls.20250801.12.
12. Rasmusen E., Stake J.E. Lifting the Veil of Ignorance: Personalizing the Marriage Contract // *Indiana Law Journal*. – 1998. – Vol. 73, No. 2. – P. 453–502.
13. Ramseyer M. Toward Contractual Choice in Marriage // *Indiana Law Journal*. – 1998. – Vol. 73, No. 2. – P. 511–516.
14. Federal Notary Chamber. Responsible approach: the popularity of marriage contracts in Russia continues to grow [Electronic resource]. – URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/otvetstvennyj-podhod-populyarnost-brachnyh-dogovorov-v-rossii-prodolzhaet-rasti> (accessed: 20.06.2026).
15. Т-Т.ру. Statistics of marriage contracts in Russia [Electronic resource]. – URL: <https://t-j.ru/marital-agreement-stat> (accessed: 20.06.2026).

Филиппов Александр Павлович,

аспирант института экономики, управления и права ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический университет»
E-mail: filippovap419@mgpu.ru

В статье исследуются направления трансформации договора коммерческой концессии под воздействием цифровизации экономических отношений. Цель исследования – выявить правовые проблемы адаптации конструкции главы 54 ГК РФ к условиям платформенной экономики, цифровых бизнес-моделей и киберугроз. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, анализ статистики рынка франчайзинга за 2025 год, актов Верховного Суда РФ и Суда по интеллектуальным правам 2025–2026 годов, Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ, законопроекта Минцифры России об искусственном интеллекте 2026 года и заключения Совета при Президенте РФ по кодификации гражданского законодательства. Цифровизация изменяет предмет договора (включение цифровых стандартов, программных продуктов и больших данных), способ исполнения (смарт-контракты) и режим ответственности сторон за инциденты в цифровой среде. Сформулированы предложения по совершенствованию главы 54 ГК РФ с учетом требований цифровой экономики.

Ключевые слова: коммерческая концессия, франчайзинг, цифровизация, платформенная экономика, смарт-контракт, искусственный интеллект, киберугрозы, распределение рисков, цифровая бизнес-модель, ответственность сторон.

Введение

Договор коммерческой концессии, регулируемый главой 54 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), будучи сконструированным в середине 1990-х годов для «офлайн-франчайзинга», сегодня применяется к принципиально иной экономической реальности – платформенной экономике, маркетплейсам и цифровым экосистемам [13]. Актуальность темы обусловлена существенными показателями: оборот российского рынка франчайзинга по итогам 2025 года составил 3,81 трлн рублей при росте 2,5%, число франшиз достигло 4015, а занятых превысило 1,46 млн человек [16]. По данным Роспатента, в 2025 году зарегистрировано около 7800 договоров коммерческой концессии – на 5% меньше, чем годом ранее (первая отрицательная динамика с 2019 года); лидерами остаются «1С» (523 договора) и Surf Coffee (330) [10]. Принятие Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [8] и подготовка Минцифры России в марте 2026 года законопроекта об искусственном интеллекте [4] открыли новый этап регулирования цифровой среды франчайзинга.

Цель исследования – выявление и систематизация направлений трансформации договора коммерческой концессии в условиях цифровизации и формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования. Задачи: раскрыть значение платформенной экономики и цифровых бизнес-моделей для франчайзинга; проанализировать влияние цифровых технологий на структуру взаимодействия правообладателя и пользователя; исследовать ответственность сторон за нарушения в цифровой среде и распределение рисков, связанных с киберугрозами.

Литературный обзор

В.Э. Мжаванадзе обосновывает необходимость модернизации главы 54 ГК РФ в связи с появлением смарт-контрактов, отмечая, что институт коммерческой концессии «уже на данный момент не отвечает современным тенденциям» [12]. М.С. Шахова и Л.А. Михайлова исследуют перспективы и риски применения технологий искусственного интеллекта во франчайзинге для контроля качества, прогнозирования спроса и автоматизации управленческих решений, обосновывая пересмотр обязанностей правообладателя по статье 1031 ГК РФ [14]. С.М. Бурова обосновывает квалификацию смарт-контракта как особой цифровой формы договора, реализуемой через программный код в среде распределенного реестра [10]; аналогичные подходы встречаются у А. Аскарбековой, А.Н. Ниязовой и А.Е. Абдрасуловой [9]. О.В. Лосева исследует модели коммерциализации цифровых интеллектуальных активов [11], а В.И. Соловьев и М.С. Милованова предлагают рассматривать цифровой франчайзинг как самостоятельный вид бизнеса [13]. Несмотря на значительный массив публикаций, целостной концепции трансформации договора в отечественной доктрине пока не сформировано – настоящая статья предлагает системный взгляд на проблему с учетом нормативных изменений 2025–2026 годов.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили положения ГК РФ [1], федеральных законов № 289-ФЗ [8], № 259-ФЗ [3] и № 152-ФЗ [2]; законопроект Минцифры России об искусственном интеллекте (март 2026 г.) [4] и заключение Совета при Президенте РФ по кодификации [17]; акты судебной практики – Обзор Верховного Суда РФ № 1 (2025) [5], постановление ВС РФ от 21.01.2026 № 5-АД25–119-К2 [6] и постановление СИП от 29.12.2025 № С01–1661/2024 [7]; статистические данные [15; 16] и научные публикации 2022–2025 годов. Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение) и специально-юридические: формально-юридический – для толкования норм главы 54 ГК РФ; сравнительно-правовой – для сопоставления с международными актами (Европейский кодекс этики франчайзинга, Модельный закон УНИДРУА о раскрытии информации); системно-структурный – для анализа взаимосвязи договора с регулированием платформенной экономики, ИИ и персональных данных; правовое моделирование – для построения вариантов перспективного регулирования.

Результаты

Платформенная экономика и цифровые бизнес-модели во франчайзинге

Платформенная экономика юридически оформлена Законом № 289-ФЗ (вступает в силу 1 октября 2026 года), определяющим цифровую платформу как информационную систему, обеспечивающую взаимодействие неограниченного круга лиц; особое значение для франчайзинга имеет категория посреднической цифровой платформы [8]. Современные франшизы все чаще проектируются как платформенные: их предмет включает не только право на товарный знак, но и доступ к корпоративной IT-системе, CRM-платформе, мобильному приложению и единой системе онлайн-заказов [11]. В.И. Соловьев и М.С. Милованова рассматривают такую модель как цифровой франчайзинг, в котором передаваемая ценность смещается от материальных стандартов к программным продуктам и алгоритмам [13]. Динамика рынка демонстрирует охлаждение: в 2025 году появилось менее 200 новых франшиз против более 500 годом ранее, 63% компаний повысили паушальный взнос на 15–20%, а спрос со стороны франчайзи сократился на 18% [16]. Широкое распространение получили технологии ИИ – от прогнозирования спроса до автоматизированного контроля качества обслуживания [14]; в марте 2026 года Минцифры России опубликовало законопроект об ИИ с риск-ориентированным подходом и обязательной маркировкой контента [4], получивший отрицательное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации [17].

Влияние цифровых технологий на структуру взаимодействия сторон

Цифровизация трансформирует ключевые элементы договорной конструкции. Прежде всего, расширяется предмет договора: значительная часть «передаваемой ценности» франшизы заключена в цифровых стандартах – программном обеспечении, дизайн-системах, мобильных приложениях, алгоритмах ценообразования и моделях машинного обучения [11], которые формально не охватываются пунктом 1 статьи 1027 ГК РФ [1] и оформляются дополнительными лицензионными соглашениями, что создает риск фрагментации единого предмета договора. Существенно трансформируется и порядок исполнения: смарт-контракт позволяет автоматизировать уплату вознаграждения по статье 1030 ГК РФ – как паушального взноса, так и роялти; по определению С.М. Буровой, это «программный код, выполняющий условия сделки автоматически при наступлении заранее определенных событий» в среде распределенного реестра [10]; аналогичные подходы развиваются А. Аскарбековой и соавт. [9]. Понятие смарт-контракта не закреплено как самостоятельная правовая категория, что осложняет регистрацию договоров с исполнением через программный код [12]; целесообразно закрепление в главе 54 ГК РФ положения о смарт-контракте как допустимом способе исполнения.

Изменяется контрольная функция правообладателя: статья 1031 ГК РФ предусматривала контроль через выездные проверки, тогда как сегодня возможен непрерывный контроль через корпоративные IT-системы и ИИ [14]. «Цифровая прозрачность» повышает эффективность контроля, но порождает проблемы соблюдения режима персональных данных [2]. Договор все чаще заключается в электронной форме, тогда как требование письменной формы статьи 1028 ГК РФ и обязательная регистрация предоставления права остаются императивными. В Обзоре практики № 1 (2025) Верховный Суд РФ отметил, что при отсутствии регистрации предоставления права взыскание убытков с правообладателя возможно лишь при доказанной недобросовестности его действий [5].

Ответственность сторон и распределение киберрисков

Цифровизация создает новые риски, прямо не урегулированные главой 54 ГК РФ: утечки персональных данных клиентов через системы пользователя; компрометация IT-систем франчайзера через инфраструктуру франчайзи (supply chain атаки); нарушения исключительных прав в результате недобросовестного использования цифрового контента [2]. Правило статьи 1034 ГК РФ о субсидарной и солидарной ответственности правообладателя [1] сформулировано для «материального» сегмента и не охватывает в полной мере цифровые инциденты.

Судебная практика 2025–2026 годов формирует подходы к цифровым спорам. Постановлением ВС РФ от 21.01.2026 № 5-АД25–119-К2 [6] подтверждена ответственность оператора персональных данных за утечку через подрядчика: передача обработки данных третьему лицу не освобождает оператора от ответственности. Применительно к коммерческой концессии это означает, что правообладатель, передавший инфраструктуру обработки данных, остается в зоне ответственности. Постановлением СИП от 29.12.2025 № С01–1661/2024 [7] подтвержде-

ны судебные акты о нарушении пользователем условий договора: после расторжения договора пользователь продолжил конкурирующую деятельность с использованием цифровой инфраструктуры и был обязан выплатить компенсацию 250 000 рублей. Распределение киберрисков должно основываться на принципе разумного контроля: на правообладателя возлагаются обязанности по установлению минимальных требований к информационной безопасности, обновлению ПО и страхованию рисков централизованной инфраструктуры; на пользователя – соблюдение стандартов, проверки и киберстрахование. В договор целесообразно включать положения о распределении ответственности за нарушения ФЗ № 152-ФЗ [13] и порядке уведомления о киберинцидентах.

Обсуждение

Цифровизация воздействует на договор коммерческой концессии системно, охватывая ключевые элементы конструкции: субъектный состав (цифровые платформы как самостоятельные участники [8]), предмет (цифровые стандарты, программные продукты, системы ИИ [11;14]), форму и порядок заключения, способ исполнения (смарт-контракты [10]) и режим ответственности [6]. Сопоставление главы 54 ГК РФ с современными бизнес-моделями обнаруживает пробелы: «комплекс исключительных прав» (статья 1027 ГК РФ) узок для цифровых франшиз и нуждается в дополнении категориями цифровых стандартов и программно-аппаратных решений [11]; статья 1028 ГК РФ не учитывает специфики смарт-контрактов и электронных форм [12]; статьи 1031 и 1034 ГК РФ требуют дополнения положениями о цифровой инфраструктуре и киберинцидентах. Отрицательное заключение Совета по кодификации на законопроект об ИИ [17] свидетельствует о неготовности доктрины к интеграции категорий «оператор ИИ-системы» и «правообладатель ИИ-системы», тогда как франчайзинговые сети уже используют ИИ для аналитики клиентского опыта и предиктивной аналитики [14]. Принятие Закона № 289-ФЗ открывает возможности синхронизации: реестр посреднических цифровых платформ может быть использован для регистрации цифровых франшиз [8] с одновременной передачей сведений в Роспатент. Следует учитывать коллизию использования больших данных со статьей 5 ФЗ № 152-ФЗ [2], преодолеваемую закреплением в договоре принципов «совместной обработки» данных.

Заключение

Цифровизация привела к глубокой трансформации договора коммерческой концессии: классическая конструкция главы 54 ГК РФ все чаще наполняется новым цифровым содержанием. Платформенная экономика, оформленная Законом № 289-ФЗ [8], становится самостоятельным фактором развития франчайзинговых отношений; 2025 год показал первое за шесть лет снижение регистраций договоров в Роспатенте [15] на фоне умеренного роста рынка [16]. Цифровые технологии расширяют предмет договора за счет цифровых стандартов и ИИ [14], преобразуют способ исполнения через смарт-контракты [10] и переводят контроль в режим непрерывного цифрового мониторинга. Позиции Верховного Суда о неснижаемой ответственности оператора за действия подрядчика [6] и Суда по интеллектуальным правам [7] свидетельствуют о необходимости договорного закрепления дифференцированной модели ответственности с использованием киберстрахования. Перспективные направления совершенствования законодательства включают: расширение «комплекса исключительных прав» в статье 1027 ГК РФ; легализацию смарт-контрактов [12]; синхронизацию регистрации в Роспатенте с реестром платформ [8]; гармонизацию главы 54 ГК РФ с законодательством о персональных данных [12], цифровых финансовых активах [3] и – с учетом разрабатываемого регулирования [4] – об искусственном интеллекте.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) // от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
4. Законопроект о регулировании систем искусственного интеллекта в Российской Федерации (подготовлен Минцифры России в марте 2026 г.) [Электронный ресурс] // Федеральный портал проек-

тов нормативных правовых актов. — URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (дата обращения: 15.05.2026).

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 апреля 2025 г.) [Электронный ресурс] // Кодекс. — URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312606015> (дата обращения: 15.05.2026).

6. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2026 г. № 5-АД25-119-К2 [Электронный ресурс] // Центральный депозитарий. — URL: <https://centraldep.ru/novosti/verkhovnyy-sud-rf-podtverdil-otvetstvennost-za-utechku-personalnykh-dannykh-cherez-podryadchika-nese/> (дата обращения: 15.05.2026).

7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 декабря 2025 г. № С01-1661/2024 по делу № А56-104421/2024 [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413329766/> (дата обращения: 15.05.2026).

8. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310020> (дата обращения: 15.05.2026).

9. Аскарбекова А., Ниязова А.Н., Абдрасулова А.Е. Правовое регулирование смарт-контрактов // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия Право. — 2023. — № 3 (144). — С. 65–73.

10. Бурова С.М. Смарт-контракт как основной вид цифровой формы договора // Injust. — 2024. — С. 121–137. — URL: <http://injust-journal.ru/wp-content/uploads/2024/12/10.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

11. Лосева Ольга Владиславовна Формирование модели коммерциализации цифровых интеллектуальных активов компании // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-modeli-kommertsializatsii-tsifrovyyh-intellektualnyh-aktivov-kompanii> (дата обращения: 15.05.2026).

12. Мжаванадзе В.Э. Модернизация положений о договоре коммерческой концессии в цифровой экономике // Цивилист. — 2023. — № 2. — С. 26–30. URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/4261/5475/> (дата обращения: 15.05.2026).

13. Соловьев В.И., Милованова М.С. Цифровой франчайзинг как особый вид бизнеса при цифровой трансформации общества // Экономическая теория. — 2019. — № 43. — URL: <https://economic-theory.com/images/PDF/2019/43/digital-franchising.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

14. Шахова Маргарита Сергеевна, Михайлова Людмила Александровна Перспективы и риски использования искусственного интеллекта во франчайзинговых сетях // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellektavo-franchayzingovyh-setyah> (дата обращения: 15.05.2026).

15. Роспатент: число договоров франчайзинга в 2025 году снизилось на 5% год к году [Электронный ресурс] // Роспатент: официальный сайт. — 2026. — 12 февраля. — URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/12-02-2026-chislo-dogovorov-franchayzinga-v-2025-godu-snizilos-na-5-god-k-godu> (дата обращения: 15.05.2026).

16. Исследование и анализ рынка франчайзинга в России в 2025 году [Электронный ресурс] // Franshiza.ru. — 2026. — URL: https://franshiza.ru/article/read/issledovanie_i_analiz_rynka_franchisinga_v_rossii/ (дата обращения: 15.05.2026).

17. Совет при Президенте РФ по кодификации гражданского законодательства отклонил законопроект о регулировании искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // Право.ru. — 2026. — Апрель. — URL: <https://pravo.ru/news/263424/> (дата обращения: 15.05.2026).

TRANSFORMATION OF THE COMMERCIAL CONCESSION AGREEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Filippov A.P.
Moscow City Pedagogical University

This article examines the directions of transformation of the commercial concession agreement under the influence of digitalization of economic relations. The purpose of the study is to identify the legal challenges of adapting the framework of Chapter 54 of the Civil Code of the Russian Federation to the conditions of the platform economy, digital business models,

and cyber threats. The methodological basis comprises formal-legal, comparative-legal, and systemic-structural methods, along with an analysis of franchising market statistics for 2025, acts of the Supreme Court of the Russian Federation and the Intellectual Property Rights Court for 2025–2026, Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025, the draft law of the Ministry of Digital Development of Russia on artificial intelligence of 2026, and the opinion of the Council under the President of the Russian Federation on the codification of civil legislation. Digitalization is transforming the subject matter of the agreement (incorporating digital standards, software products, and big data), the mode of performance (smart contracts), and the liability regime of the parties for incidents in the digital environment. Proposals are formulated for improving Chapter 54 of the Civil Code of the Russian Federation in light of the requirements of the digital economy.

Keywords: commercial concession, franchising, digitalization, platform economy, smart contract, artificial intelligence, cyber threats, risk allocation, digital business model, liability of the parties.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two), dated January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, with amendments of December 16, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 5. — Art. 410.
2. On Personal Data: Federal Law dated July 27, 2006, No. 152-FZ (as amended on June 24, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 31 (Part 1). — Art. 3451.
3. On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law dated July 31, 2020, No. 259-FZ (as amended on December 15, 2025, with amendments of January 20, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (Part 1). — Art. 5018.
4. Draft Law on the Regulation of Artificial Intelligence Systems in the Russian Federation (prepared by the Ministry of Digital Development of Russia in March 2026) [Electronic resource] // Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts. — URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (accessed: May 15, 2026).
5. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 25, 2025) [Electronic resource] // Kodeks. — URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312606015> (accessed: May 15, 2026).
6. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 21, 2026, No. 5-AD25-119-K2 [Electronic resource] // Central Depository. — URL: <https://centraldep.ru/novosti/verkhovnyy-sud-rf-podtverdil-otvetstvennost-za-utechku-personalnykh-dannykh-cherez-podryadchika-nese/> (accessed: May 15, 2026).
7. Resolution of the Intellectual Property Rights Court dated December 29, 2025, No. C01-1661/2024 in case No. A56-104421/2024 [Electronic resource] // GARANT. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413329766/> (accessed: May 15, 2026).
8. On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation: Federal Law dated July 31, 2025, No. 289-FZ [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310020> (accessed: May 15, 2026).
9. Askarbekova A., Niyazova A.N., Abdrasulova A.E. Legal Regulation of Smart Contracts // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Law Series. — 2023. — No. 3 (144). — Pp. 65–73.
10. Burova S.M. Smart Contract as the Primary Form of a Digital Agreement // Injust. — 2024. — Pp. 121–137. — URL: <http://injust-journal.ru/wp-content/uploads/2024/12/10.pdf> (accessed: May 15, 2026).
11. Loseva Olga Vladislavovna. Developing a Model for the Commercialization of Digital Intellectual Assets of a Company // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2024. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-modeli-kommertsializatsii-tsifrovyyh-intellektualnyh-aktivov-kompanii> (accessed: May 15, 2026).
12. Mzhavanadze V.E. Modernization of the Provisions on the Commercial Concession Agreement in the Digital Economy // Tsivilist. — 2023. — No. 2. — Pp. 26–30. URL: <https://newtech.legal/cabinet/catalog/tsivilist/4261/5475/> (accessed: May 15, 2026).
13. Solovyev V.I., Milovanova M.S. Digital Franchising as a Special Type of Business in the Digital Transformation of Society // Economic Theory. — 2019. — No. 43. — URL: <https://economic-theory.com/images/PDF/2019/43/digital-franchising.pdf> (accessed: May 15, 2026).
14. Shakhova Margarita Sergeevna, Mikhailova Lyudmila Alexandrovna. Prospects and Risks of Using Artificial Intelligence in Franchise Networks // Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-vo-franchayzingovyh-setyah> (accessed: May 15, 2026).
15. Rospatent: The Number of Franchise Agreements in 2025 Decreased by 5% Year-on-Year [Electronic resource] // Rospatent: Official Website. — 2026. — February 12. — URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/12-02-2026-chislo-dogovorov-franchayzinga-v-2025-godu-snizilos-na-5-god-k-godu> (accessed: May 15, 2026).
16. Research and Analysis of the Franchising Market in Russia in 2025 [Electronic resource] // Franshiza.ru. — 2026. — URL: https://franshiza.ru/article/read/issledovanie_i_analiz_rynka_franchisinga_v_rossii/ (accessed: May 15, 2026).
17. The Council under the President of the Russian Federation on the Codification of Civil Legislation Rejected the Draft Law on the Regulation of Artificial Intelligence [Electronic resource] // Pravo.ru. — 2026. — April. — URL: <https://pravo.ru/news/263424/> (accessed: May 15, 2026).

Развитие доктрины «патентного троллинга» в российском праве: разграничение законной защиты исключительных прав и злоупотребления ими

Хавжокова Залина Борисовна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса КБГУ
им. Бербекова Х.М.

E-mail: z.khavzhokova@mail.ru

Зумакулова Зарема Ахматовна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса, КБГУ
им. Бербекова Х.М.

E-mail: Zarema.zum@mail.ru

Карамурзова Инна Барасбиевна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса КБГУ
им. Бербекова Х.М.

E-mail: 07innka@mail.ru

Статья посвящена одной из наиболее конфликтных проблем современного российского права интеллектуальной собственности – соотношению добросовестной защиты исключительных прав и их недобросовестного использования в форме «патентного троллинга». Актуальность темы объясняется как ростом числа споров, в которых правообладатель опирается на формально действующий охранный титул, так и тем, что суды все чаще вынуждены оценивать не сам факт регистрации права, а экономическую, поведенческую модель его использования. В российской практике это особенно заметно на фоне дел 2023–2026 гг., где фигурировали массовая регистрация общеупотребительных обозначений, исковая активность лиц, которые не ведут профильной деятельности, требования о несоразмерных компенсациях. Цель состоит в том, чтобы показать, по каким признакам судебная практика отделяет законное пресечение нарушения исключительного права от злоупотребления им, а также определить, какие правовые и экономические критерии уже сложились в отечественном правовом порядке. В статье выявлены сохраняющиеся противоречия: с одной стороны, правообладателю гарантирована судебная защита, с другой – статья 10 ГК РФ запрещает заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, однако единый нормативный «фильтр» против троллинга в российском законодательстве отсутствует. Резюмировано, что российская доктрина уже вышла за границы сугубо терминологического спора. В практике Верховного Суда РФ и Суда по интеллектуальным правам постепенно формируется подход, при котором оцениваются цели регистрации объекта, реальность его использования, структура доходов правообладателя, момент предъявления иска. Статья будет полезна судьям, адвокатам, патентным поверенным, корпоративным юристам.

Ключевые слова: злоупотребление правом, интеллектуальная собственность, компенсация, патентный троллинг, патентное право, товарный знак

Введение

Трансформация современной экономики, которая сопровождается интенсивным переходом к цифровым и наукоемким моделям производства, закономерно привела к повышению значимости нематериальных активов. Впрочем, одновременно с этим усложнением хозяйственного оборота возникли и новые формы недобросовестного поведения субъектов рынка.

Одной из наиболее дискуссионных проблем в сфере интеллектуальной собственности, по-видимому, становится феномен так называемого «патентного троллинга». По существу, данным термином описывается специфическая стратегия поведения физических или юридических лиц (часто именуемых патентными агрегаторами или NPE – Non-Practicing Entities), которые аккумулируют исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности не для их внедрения в реальный производственный процесс, а с целью последующего извлечения ренты посредством агрессивного судебного преследования иных участников рынка. Как представляется, из-за подобной практики создаются существенные барьеры для технологического развития, поскольку ресурсы инновационных компаний отвлекаются на ведение затяжных судебных тяжб, а не на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

В российской правовой доктрине долго отсутствовало и легальное, и устойчивое теоретическое определение упомянутого явления. Между тем, отечественная судебная система в течение последних лет столкнулась с резким увеличением количества исков, обладающих всеми признаками патентного троллинга. Суды оказались перед сложной методологической задачей: им необходимо было найти тонкую грань между гарантированным Конституцией Российской Федерации правом на защиту интеллектуальной собственности и недопустимостью злоупотребления гражданскими правами, закрепленной в статье 10 Гражданского кодекса РФ. Видимо, именно указанная правовая неопределенность послужила «ускорителем» для формирования новых судебных подходов, которые мы наблюдаем сегодня.

Разумно предположить, что формирование четких ориентиров в анализируемой области поможет снизить трансакционные издержки бизнеса и гармонизировать баланс публичных и частных интересов.

Методы исследования

В основу работы положен методологический инструментарий, в котором объединены как общенаучные, так и частноправовые подходы. Как представляется, для осмысления феномена недобросовестного осуществления интеллектуальных прав недостаточно опираться на сугубо догматический разбор норм. В связи с этим в роли базового выступил формально-юридический метод. Он позволил охарактеризовать положения статьи 10 и части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации; помог выявить структурные изъяны в действующем механизме защиты.

Одновременно с этим, в статье задействован эмпирический анализ правоприменительной практики. Было исследовано несколько определений и постановлений высших инстанций за период 2023–2026 гг., в том числе, резонансные споры с участием ПАО «Сбербанк» и зарубежных патентных агрегаторов. Правовые абстракции обретают четкий контур лишь при их сопоставлении с реальным экономическим поведением участников рынка.

Помимо прочего, в процессе написания применялся системно-структурный подход. Сопоставление отечественных концепций защиты с устоявшимся международным пониманием деятельности NPE (Non-Practicing Entities) дало возможность выработать объективные экономико-правовые критерии разграничения законных действий и сутяжничества. Примечательно, что чередование индуктивного обобщения частных прецедентов с дедуктивными выводами обеспечило логическую стройность аргументации и позволило сформулировать конкретные прикладные рекомендации, избегая оторванности от практики.

Результаты и обсуждение

Исторически институт интеллектуальной собственности создавался для стимулирования авторов и изобретателей, предоставляя им временную

монополию на использование результатов их труда. Предполагалось, что подобная защита окупит затраты на разработку и поощрит последующие изыскания. Между тем, в сопоставлении с более ранними подходами, современный рынок диктует иные условия. Некоторые предпринимательские субъекты осознали, что владение охраняемым документом само по себе может стать самостоятельным источником сверхприбыли, если использовать его как инструмент давления на успешные корпорации.

Характеризуемая деятельность заключается в агрессивном предъявлении исков к добросовестным производителям с расчетом на урегулирование спора в досудебном порядке за сумму, меньшую, чем потенциальные издержки на ведение дела. Примечательно, что в отечественном законодательстве до сих пор отсутствует прямое указание на термин «патентный тролль». Защита от соответствующих действий выстраивается через призму статьи 10 ГК РФ (запрещается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав) [2, 9, 10].

Сложность применения указанной нормы кроется в презумпции разумности и добросовестности участников правоотношений. Суду, по сути, необходимо деконструировать истинные мотивы истца. А это является нетривиальной задачей. В отличие от предыдущих подходов, когда судебные органы формально удовлетворяли требования правообладателей при установлении самого факта использования защищенного решения, современная практика требует скрупулезного анализа экономического поведения заявителя.

В российской судебной системе постепенно вырабатываются действенные «фильтры» для отсеивания недобросовестных исков. Значительным шагом в этом направлении стало формирование позиции Верховного Суда РФ. В частности, в Обзоре судебной практики от 15 ноября 2023 г. высшая инстанция четко указала на недопустимость имитации нарушения исключительного права [3, 7].

Одним из показательных примеров стала деятельность предпринимателя А. Ибатуллина, который регистрировал сотни товарных знаков без намерения их использовать, ожидая, пока крупный бизнес случайно затронет эти обозначения. Суды признали его действия злоупотреблением, указав, что целью приобретения прав было лишь получение судебной защиты, а не индивидуализация товаров [3].

Не менее интересным является спор с участием швейцарской компании SQWIN SA. Иностранец попытался запретить ввоз и эксплуатацию в России смартфонов корпорации Samsung, а также использование платежной системы Samsung Pay, ссылаясь на нарушение своего патента на систему электронных платежей. Суды различных инстанций тщательно изучили фактические обстоятельства и установили, что истец действовал именно по модели патентного тролля. Он зарегистрировал решение, дождался внедрения аналогичной технологии крупным игроком, подал иск ради внушительной компенсации, не имея собственного производства. В итоге в удовлетворении требований было отказано в связи со злоупотреблением правом [6].

Наиболее свежим кейсом, который наглядно демонстрирует масштабы анализируемой проблемы, является судебное разбирательство с участием ПАО «Сбербанк», завершившееся в начале 2026 г. В феврале апелляционная инстанция взыскала с банка около 1,445 млрд рублей по иску недобросовестного правообладателя, запретив использовать спорные обозначения. Решение вызвало широкий резонанс в деловых кругах, поскольку подобная сумма компенсации могла дестабилизировать функционирование крупных сервисов. Впрочем, итоговое заседание Суда по интеллектуальным правам 13 марта 2026 г. расставило все на свои места: постановление апелляции было отменено, а действия истца получили надлежащую правовую оценку как злоупотребление правом. Как отмечают эксперты, защита от таких действий в РФ остается фрагментарной, поскольку антимонопольные механизмы работают не всегда, если лица формально не являются конкурентами [5].

Ключевой проблемой в судебном процессе становится доказывание факта недобросовестности. Лицо, которое владеет патентом или свидетельством на товарный знак, формально легитимно. Следовательно, суду требуются объективные метрики, помогающие отделить реального изобретателя или инвестора, временно не использующего свою разработку по уважительным причинам (к примеру, из-за нехватки финансирования или подготовки к запуску производства), от классического спекулянта.

В связи с этим отметим необходимость выработки четкой системы критериев (см. таблицу 1). Анализ правоприменительной практики и теоретических источников [1, 4, 8, 9] дает нам возможность систематизировать эти признаки. Вероятно, наиболее показательным фактором служит структура доходов компании-истца. Если более 80%

выручки организации формируется за счет судебных компенсаций и лицензионных платежей, полученных под угрозой суда, это явный сигнал о наличии признаков троллинга. Помимо этого, весьма значимым аспектом предстает временной лаг между получением патента и подачей первого иска, а также факт ожидания выхода на рынок крупного игрока (табл. 1).

Таблица 1. Система критериев разграничения правомерного использования исключительных прав и злоупотребления правом (составлено на основе [1, 4, 8, 9])

Критерий оценки	Законная защита (добросовестный правообладатель)	Патентный троллинг
Характер основной деятельности	Производство товаров, оказание услуг, НИОКР, внедрение инноваций	Юридическое преследование; скупка патентов, товарных знаков у банкротов или сторонних лиц
Использование объекта ИС	Самостоятельное применение либо передача по классическим лицензионным договорам для производства	Отсутствие реального применения; имитация использования или полное его отсутствие
Структура доходов субъекта	Прибыль от реализации продукции, услуг или коммерциализации технологий	Доходы, в основном, от взысканных судебных компенсаций, мировых соглашений
Момент предъявления претензии	Сразу после обнаружения факта нарушения либо появления конкурента	Выжидание момента, когда ответчик вложит значительные средства в развитие технологии, бренда, чтобы максимизировать сумму иска
Объект патентования, регистрации	Конкретные технические решения, оригинальные бренды	Широкие, абстрактные идеи; общепотребимые слова; скупка «спящих» патентов

Далее сформулируем ряд рекомендаций, которые нацелены на смягчение рисков патентного вымогательства в отечественной юрисдикции.

Так, предлагается законодательно закрепить в части четвертой Гражданского кодекса РФ положение, согласно которому размер взыскиваемой компенсации должен коррелировать с реальным экономическим вкладом патентообладателя в разработку. Если истец не использует патент в течение определенного срока (например, трех лет) и не ведет профильную хозяйственную деятельность, максимальный предел компенсации должен быть жестко ограничен суммой документально подтвержденных расходов на регистрацию охраняемого документа. В итоге разрешится проблема сверхкомпенсаций (как в упоминавшемся кейсе на 1,4 млрд рублей).

Многие патентные агрегаторы действуют через цепочку подставных лиц либо используют внешнее судебное финансирование. Разумно предположить, что возложение на истца обязанности раскрывать конечных бенефициаров на этапе подачи иска позволит судам быстрее выявлять патентных троллей и применять положения статьи 10 ГК РФ.

В отличие от товарных знаков, где предусмотрена процедура досрочного прекращения правовой охраны в связи с неиспользованием, патенты на изобретения такой жесткой привязке не подлежат. Введение симметричного механизма для патентов (при условии доказанности отсутствия объективных препятствий к их внедрению) существенно оздоровит конкурентную среду.

Заключение

Доктрина «патентного троллинга» в российском праве прошла значительный эволюционный путь от полного игнорирования проблемы до формирования устойчивых судебных подходов. Проведенный анализ указывает на то, что отечественная правоприменительная система, столкнувшись с вызовами постиндустриальной экономики, продемонстрировала определенную гибкость. Суды начали активно применять общие положения гражданского законодательства о недопустимости злоупотребления правом, чтобы пресечь спекулятивные практики в сфере интеллектуальной собственности. Примечательно, что Верховный Суд Российской Федерации и Суд по интеллектуальным правам взяли на себя роль главных модераторов описываемого процесса, формируя прецеденты, которые защищают крупный и средний бизнес от необоснованных претензий лиц, которые имитируют защиту нарушенного права.

Вместе с тем, посредством полученных результатов высвечивается следующее: полагаться исключительно на судебное усмотрение в долгосрочной перспективе рискованно. Тенденции, проиллюстрированные

в рамках разобранных кейсов 2023–2026 гг., показывают, что предпринимчивые дельцы постоянно совершенствуют свои стратегии, находя новые лазейки в законодательстве. Именно поэтому систематизация критериев недобросовестного поведения, представленная в работе, имеет важное научное и прикладное значение.

Реализация сформулированных рекомендаций (в частности, введение принципа пропорциональности взыскиваемой компенсации реальному вкладу правообладателя, внедрение механизмов раскрытия бенефициаров судебного спора) поможет нивелировать саму экономическую основу существования патентных агрегаторов. В конечном счете, это обеспечит создание более предсказуемого, благоприятного инвестиционного климата в России, где институт интеллектуальной собственности будет выполнять свою подлинную функцию – стимулировать научно-технический прогресс, поощрять реальные инновации, а не служить инструментом для извлечения паразитической ренты.

Литература

1. Ершов О.Г., Жданова А.Н. Патентный троллинг при индивидуализации товаров, работ, услуг: меры противодействия // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2025. – № 5. – С. 1–11.
2. Касаткин Д.М. Злоупотребление патентными правами // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – Т. 7. – № 4 (24). – С. 74–80.
3. Кто такие «патентные тролли» и как с ними бороться? // URL: <https://pravorf.ru/blog/kto-takie-patentnye-trolli-i-kak-s-nimi-borotsya> (дата обращения: 02.06.2026).
4. Милуцкая А.С. Патентный троллинг в сфере товарных знаков как разновидность злоупотребления правом: понятие, признаки, состав // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 9 (196). – С. 255–257.
5. Надеждина А. Охота на гигантов: в России расцвел «патентный троллинг» // URL: <https://www.mk.ru/economics/2026/03/16/okhot-na-gigantov-v-rossii-rascvyol-patentnyy-trolling.html> (дата обращения: 02.06.2026).
6. Нозикова Е. Патентные войны: что делать, если разработка похожа на чужую // URL: <https://pravo.ru/story/244876/> (дата обращения: 02.06.2026).
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461874/ (дата обращения: 02.06.2026).
8. Прохоров В.А. Злоупотребление правом при обращении в суд с иском о признании недействительным патента за нарушение исключительного права на товарный знак // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – Т. 34. – № 4. – С. 709–715.
9. Синицын С.А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. – 2022. – Т. 22. – № 6. – С. 55–97.
10. Шлапунов А.Ю., Мачнева В.Ю. Патентный троллинг в области товарных знаков как вызов законодательству по интеллектуальной собственности // Вестник Фипс. – 2025. – Т. 4. – № 1 (11). – С. 32–39.

DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF «PATENT TROLLING» IN RUSSIAN LAW: DISTINGUISHING LAWFUL PROTECTION OF EXCLUSIVE RIGHTS FROM THEIR ABUSE

Khavzhokova Z.B., Zumakulova Z.A., Karamurzova I.B.

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

The article is devoted to one of the most contentious issues in modern Russian intellectual property law – the relationship between good-faith protection of exclusive rights and their bad-faith use in the form of “patent trolling.” The relevance of the topic is explained both by the growing number of disputes in which the rights holder relies on a formally valid title of protection and by the fact that courts are increasingly forced to assess not merely the fact of registration of the right, but the economic and behavioral model of its use. In Russian practice, this is particularly evident against the backdrop of cases from 2023–2026 involving mass registration of commonly used designations, litigation activity by persons who do not engage in relevant business activities, and claims for disproportionate compensation. The aim is to demonstrate by what criteria judicial practice distinguishes lawful suppression of infringement of an exclusive right from its abuse, as well as to identify which legal and economic criteria have already been established in the domestic legal order. The article identifies persisting contradictions: on the one hand, the rights holder is guaranteed judicial protection; on the other hand, Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation prohibits knowingly bad-faith exercise of civil rights, but a unified regulatory “filter” against trolling is absent in Russian legislation. It is summarized that Russian doctrine has already moved beyond purely terminological debate. In the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Intellectual Property Court, an approach is gradually being formed that assesses the purposes of registering the object, the reality of its use, the rights holder’s income structure, and the timing of filing the lawsuit. The article will be useful for judges, lawyers, patent attorneys, and corporate lawyers.

Keywords: abuse of rights, intellectual property, compensation, patent trolling, patent law, trademark

References

1. Ershov O.G., Zhdanova A.N. Patent Trolling in the Individualization of Goods, Works, Services: Countermeasures // Patents and Licenses. Intellectual Rights. – 2025. – No. 5. – P. 1–11.
2. Kasatkin D.M. Abuse of Patent Rights // Bulletin of the Law Institute of Bashkir State University. – 2024. – Vol. 7. – No. 4 (24). – P. 74–80.
3. Who Are “Patent Trolls” and How to Deal with Them? // URL: <https://pravorf.ru/blog/kto-takie-patentnye-trolli-i-kak-s-nimi-borotsya> (accessed: 02.06.2026).
4. Milutskaya A.S. Patent Trolling in the Field of Trademarks as a Type of Abuse of Rights: Concept, Signs, Composition // Eurasian Legal Journal. – 2024. – No. 9 (196). – P. 255–257.
5. Nadezhkina A. Hunting Giants: “Patent Trolling” Has Flourished in Russia // URL: <https://www.mk.ru/economics/2026/03/16/okhot-na-gigantov-v-rossii-rascvyol-patentnyy-trolling.html> (accessed: 02.06.2026).
6. Nozikova E. Patent Wars: What to Do If Your Development Resembles Someone Else’s // URL: <https://pravo.ru/story/244876/> (accessed: 02.06.2026).
7. Review of Judicial Practice in Cases Related to the Assessment of Actions of Trademark Rights Holders (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.11.2023) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461874/ (accessed: 02.06.2026).
8. Prokhorov V.A. Abuse of Rights When Filing a Lawsuit for Compensation for Infringement of an Exclusive Right to a Trademark // Bulletin of Udmurt University. Series “Economics and Law”. – 2024. – Vol. 34. – No. 4. – P. 709–715.
9. Sinitsyn S.A. Abuse of Rights: From General to Specific (on the Example of Patent Rights) // Civil Law Bulletin. – 2022. – Vol. 22. – No. 6. – P. 55–97.
10. Shlapunov A.Yu., Machneva V. Yu. Patent Trolling in the Field of Trademarks as a Challenge to Intellectual Property Legislation // Bulletin of FiPs. – 2025. – Vol. 4. – No. 1 (11). – P. 32–39.

Чесноков Родион Сергеевич,

руководитель правового отдела по Внешнеэкономической деятельности, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет)
E-mail: 1rodion11222@gmail.com

В статье рассматриваются особенности правового режима расчетов и цифровых финансовых активов в условиях ограничительных мер, введенных в отношении Российской Федерации. Исследуются изменения механизмов международных и трансграничных расчетов, обусловленные трансформацией финансовой системы и развитием альтернативных инструментов проведения расчетных операций. Особое внимание уделяется правовому регулированию цифровых финансовых активов, их месту в системе объектов гражданских прав, а также особенностям их выпуска и обращения в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Анализируется роль цифровых финансовых активов и цифрового рубля в обеспечении расчетных отношений и расширении возможностей внешнеэкономической деятельности. Выявлены отдельные проблемы правового регулирования цифровых сделок, связанные с определением волеизъявления сторон, обращением цифровых прав и адаптацией законодательства к цифровым механизмам. Сделан вывод о формировании особого правового режима расчетов и расширении применения цифровых финансовых инструментов в условиях ограничительных мер.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы; правовой режим; ограничительные меры; международные расчеты; цифровой рубль; трансграничные расчеты; финансовое регулирование.

Введение

В современных социально-экономических и правовых условиях особую значимость приобретают вопросы правового регулирования расчетов и использования цифровых финансовых активов в условиях ограничительных мер, введенных в отношении Российской Федерации, оказывающих существенное влияние на функционирование национальной финансовой системы, устойчивость финансовых институтов и осуществление внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов. Трансформация механизмов международных расчетов, изменение сложившейся системы финансового взаимодействия между государствами и экономическими субъектами, порядка проведения трансграничных платежей, движения финансовых потоков и поиск альтернативных инструментов проведения расчетных операций обусловили развитие новых правовых механизмов, в том числе связанных с использованием цифровых финансовых активов как одного из перспективных инструментов финансового оборота. Данные изменения способствуют формированию новой правовой реальности в сфере финансовых отношений, развитию цифровых форм обращения финансовых инструментов, расширению практики использования цифровых технологий в расчетной деятельности, внедрению инновационных механизмов осуществления финансовых операций, повышению роли информационных систем в процессе реализации имущественных прав и совершенствованию правового регулирования расчетных отношений, что определяет актуальность исследования правовых режимов расчетов и ЦФА в условиях действия ограничительных мер.

Методы

В целях исследования использовались анализ нормативно-правовых актов, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, позволившие выявить особенности правового регулирования расчетных отношений и обращения ЦФА.

Результаты

В ходе исследования установлены особенности правового режима расчетов и цифровых финансовых активов в условиях ограничительных мер, определены их роль в трансграничных расчетах, системе финансовых правоотношений и специфика правового регулирования их выпуска, обращения и использования.

По состоянию на 2026 год в Российской Федерации продолжает действовать и развиваться комплекс ограничительных мер, охватывающих финансовый сектор, цифровую среду, внешнюю торговлю, международные расчеты, инвестиционную деятельность и деятельность иностранных компаний. В связи с этим в России для использования в гражданском обороте, финансово-экономической деятельности хозяйствующих субъектов и применения в трансграничных отношениях были внедрены цифровые финансовые активы (ЦФА), рассматриваемые в качестве одного из современных и перспективных инструментов осуществления имущественных, инвестиционных и расчетных операций в цифровой среде, а также реализации, удостоверения и передачи имущественных прав с использованием современных информационных технологий, цифровых платформ и специальных информационных систем, обеспечивающих учет, хранение и обращение соответствующих цифровых прав в условиях цифровизации экономики и трансформации финансовых отношений.

В соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровые финансовые активы могут рассматриваться как самостоятельный объект гражданских прав, существующий в цифровой форме и реализуемый посредством информационных систем [1; 11, с. 29–32].

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим выпуск, учет и обращение ЦФА, является Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4]. Согласно ст. 1 Федерального закона № 259-ФЗ ЦФА представляют собой цифровые права, выпуск, учет и обращение которых осуществляются в информационных системах [4].

То есть можно сказать, что цифровые финансовые активы в традиционном понимании не являются денежными средствами. Они не имеют статуса платежного средства, однако являются инструментом

реализации и удостоверения имущественных прав, обеспечивающим их возникновение, осуществление, передачу и учет в цифровой среде с использованием специальных информационных систем и современных цифровых технологий, который может использоваться в расчетных отношениях, инвестиционной деятельности и иных гражданско-правовых сделках, осуществляемых с применением современных информационных технологий и цифровой инфраструктуры [8, с. 41–50].

Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] закрепил правовую основу использования цифровой рубль в России уже является цифровой формой национальной валюты, обладающей официально закрепленным правовым статусом и функционирующей в рамках действующей финансовой системы государства [10, с. 80–94]. Именно это и отличает цифровой рубль от криптовалюты, поскольку данные финансовые инструменты имеют различный правовой статус, разные механизмы эмиссии, регулирования, учета и обращения, а также существенно различаются по степени государственного контроля, правового обеспечения и порядку использования участниками финансовых правоотношений.

Н.Г. Андрианова отмечает, что ЦФА представляют собой цифровые права, связанные с денежными требованиями, участием в капитале и иными имущественными правами. По своей правовой природе они во многом выступают аналогами традиционных ценных бумаг, однако их выпуск, учет и обращение осуществляются посредством информационных систем с использованием цифровых технологий и специальных механизмов фиксации, хранения, подтверждения и передачи прав. Использование технологии блокчейн и смарт-контрактов расширяет возможности финансового рынка, способствует автоматизации сделок и отдельных бизнес-процессов, повышению скорости их совершения, прозрачности финансовых операций, надежности учета прав участников, снижению транзакционных издержек и уменьшению роли посредников при осуществлении финансовых операций, что способствует дальнейшему развитию цифровых финансовых отношений и внедрению инновационных инструментов в экономический оборот [8, с. 41–50].

Важно указать, что сведения о цифровых финансовых активах вносятся и хранятся в специальной цифровой системе. Она основывается на технологии распределенного реестра (блокчейна и пр.), обеспечивающей децентрализованный учет данных, их неизменность, достоверность, прозрачность, устойчивость к внешнему вмешательству и возможность проверки всеми участниками системы. Чтобы база постоянно была актуальной, при оформлении и исполнении сделок операции совершаются автоматизированно. При этом используются технологии распределенного реестра и различные алгоритмы обработки, верификации, синхронизации, подтверждения и хранения информации. Именно такой порядок обеспечивает фиксацию, хранение, защиту и передачу данных о совершаемых операциях, а также исключает возможность несанкционированного изменения сведений, минимизирует риск их утраты или искажения, способствует повышению уровня информационной безопасности и повышает надежность учета прав на цифровые финансовые активы. Согласно п. 1 ст. 141.1 ГК РФ сделки с цифровыми правами осуществляются исключительно в информационной системе, а зафиксированные в ней данные приравниваются к простой письменной форме сделки, что исключает необходимость составления отдельного документа и подтверждает юридическую значимость сведений, содержащихся в такой системе, их доказательственное значение, а также возможность использования соответствующих записей для подтверждения возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей участников цифрового оборота [1].

Однако такой порядок порождает ряд правовых вопросов, связанных с установлением действительного волеизъявления сторон, определением их правоспособности и дееспособности, объема прав и обязанностей участников правоотношений, а также подтверждением факта совершения юридически значимых действий в цифровой среде. Упрощение процедуры заключения и исполнения сделок, в том числе с использованием смарт-контрактов и автоматизированных алгоритмов, может приводить к обезличиванию участников правоотношений, снижению степени их непосредственного взаимодействия, возникновению затруднений при проверке личности контрагента, установлении его правового статуса и идентификации ответственного лица, что создает дополнительные риски для обеспечения законности и стабильности гражданского оборота, защиты прав и законных интересов его участников, надлежащего исполнения обязательств, эффективного разрешения возможных споров, возникающих в процессе использования цифровых финансовых активов, формирования единообразной

правоприменительной практики в сфере цифровых правоотношений, а также обеспечения необходимого уровня правовой определенности при использовании современных цифровых технологий и автоматизированных механизмов совершения сделок.

ЦФА относятся к цифровым правам и закреплены в ст. 128 ГК РФ как объекты гражданских прав. При этом порядок их обращения, установленный Федеральным законом № 259-ФЗ [4], имеет особенности, связанные с цифровым характером данных активов и их обращением в информационных системах, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательства.

Согласно ст. 141.1 ГК РФ цифровые права реализуются исключительно в информационной системе без обращения к третьим лицам, а их переход осуществляется автоматически и не требует согласия приобретателя, что обеспечивает упрощенный порядок обращения таких прав, сокращает количество юридически значимых действий при их передаче, минимизирует необходимость участия посредников и позволяет осуществлять соответствующие операции посредством цифровых технологий и специализированных информационных систем.

В то же время действующее законодательство, в частности ст. 160 ГК РФ «Письменная форма сделки» и ст. 165 ГК РФ, не в полной мере адаптировано к особенностям цифровых сделок, совершаемых с использованием современных информационных технологий, цифровых платформ, электронных сервисов и автоматизированных алгоритмов исполнения обязательств. Отсутствие детальной регламентации новых способов волеизъявления, порядка подтверждения согласия сторон на совершение сделки, особенностей использования цифровых инструментов при заключении и исполнении обязательств, правового статуса программных алгоритмов и смарт-контрактов, а также правовых последствий отдельных действий участников цифрового оборота ограничивает развитие правоприменительной практики, затрудняет единообразное толкование соответствующих норм и создает дополнительные сложности при разрешении возникающих споров.

Кроме того, недостаточная определенность отдельных положений законодательства может вызывать трудности при доказывании факта совершения сделки, установлении содержания волеизъявления сторон и определении момента возникновения, изменения или прекращения соответствующих прав и обязанностей, а также при разрешении споров, связанных с использованием цифровых технологий и подтверждением юридически значимых действий участников правоотношений. В связи с этим возникает необходимость дальнейшего совершенствования нормативного регулирования, направленного на повышение правовой определенности, устранение существующих пробелов, адаптацию гражданско-правовых механизмов к условиям цифровой экономики, развитию единообразной правоприменительной практики и обеспечению надлежащей защиты прав участников цифровых правоотношений [1].

Обсуждение

Проведенный анализ выявил отдельные проблемы правового регулирования цифровых сделок, связанные с определением волеизъявления сторон, особенностями обращения цифровых прав и недостаточной адаптацией законодательства к цифровым механизмам расчетов.

При применении информационных технологий, на которые содержится ссылка в нормах Федерального закона № 259-ФЗ [4], С.А. Правкин отмечает, что их нельзя рассматривать как самостоятельный способ совершения сделки, поскольку данный механизм в настоящее время недостаточно урегулирован законодательно, не обладает самостоятельным правовым регулированием и не имеет четко определенного места в системе гражданско-правовых способов оформления правоотношений. По мнению автора, такие технологии выступают прежде всего способом обеспечения исполнения обязательств, поскольку техническая система фактически гарантирует проведение сделки, выполнение предусмотренных ею условий, автоматизированную реализацию закрепленных в ней обязательств, соблюдение заранее установленных алгоритмов исполнения правоотношений и контроль за последовательностью совершаемых действий без необходимости постоянного участия сторон в процессе исполнения обязательства [12, с. 104–110].

Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в ст. 141.1 ГК РФ было закреплено понятие цифровых прав [2].

Как отмечает Н.Г. Андрианова, признаки цифрового права не должны отличаться от признаков, указанных в информационной системе, поскольку именно сведения, содержащиеся в такой системе, определяют содержание соответствующего права, объем правомочий его обладателя и особенности его осуществления, при этом распоряжение данным видом прав возможно только в данной системе и никак

иначе. Автор также указывает, что переход цифровых прав не требует согласия обязанного лица, а способы удостоверения волеизъявления участников сделки могут определяться законодательством или соглашением сторон, что позволяет использовать различные цифровые механизмы подтверждения совершаемых действий, современные технологические способы фиксации юридически значимой информации, а также специальные средства идентификации и аутентификации участников правоотношений. Такой подход способствует повышению гибкости правового регулирования цифрового оборота и расширяет возможности использования современных информационных технологий при заключении и исполнении сделок.

Кроме того, Н.Г. Андрианова рассматривает ЦФА как разновидность цифровых прав, обращение которых осуществляется с использованием технологий распределенного реестра и смарт-контрактов, обеспечивающих автоматизированное исполнение сделок, фиксацию условий их совершения, хранение сведений о проведенных операциях, подтверждение совершенных действий и учет прав участников соответствующих правоотношений. По своей правовой природе ЦФА связаны с денежными требованиями и во многом сопоставимы с правами, возникающими из эмиссионных ценных бумаг, что позволяет рассматривать их как самостоятельный цифровой инструмент реализации имущественных прав, обладающий особыми характеристиками обращения, учета и правовой защиты в условиях цифровизации финансовых отношений, развития цифровых технологий и расширения использования электронных механизмов осуществления имущественных и инвестиционных операций [9, с. 65–68].

Поскольку ЦФА выражают денежные требования, расчеты по сделкам с их использованием осуществляются в соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [3]. Исполнение обязательства влечет погашение соответствующего актива, а переход прав фиксируется в информационной системе.

Правовое регулирование ЦФА предусматривает участие Банк России, который определяет их характеристики, устанавливает требования к выпуску и обращению цифровых финансовых активов, осуществляет надзор в данной сфере и ведет реестр операторов информационных систем. В отличие от цифровой валюты, ЦФА предполагают наличие обязанного лица по сделке и могут обращаться в различных информационных системах, функционирующих в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, нормативными актами Банка России и установленными правилами выпуска, учета и обращения цифровых активов. Их правовой режим основан на принципе технологической нейтральности, предполагающем возможность использования различных цифровых технологий, программно-технических решений и информационных платформ при выпуске и обращении ЦФА независимо от конкретного технического решения или используемого алгоритма обработки данных.

При этом закон прямо исключает смешение ЦФА с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами, закрепляя их самостоятельный правовой статус в системе объектов гражданских прав, цифровых прав и финансовых инструментов. Такой подход позволяет сформировать самостоятельный правовой режим цифровых финансовых активов, определить особенности их выпуска, обращения и учета, порядок реализации, осуществления и передачи соответствующих прав, особенности фиксации сведений о совершаемых операциях и учета прав участников правоотношений, а также обеспечить необходимый уровень правовой определенности при осуществлении операций с использованием современных цифровых технологий в сфере финансовых отношений, цифровой экономики и электронного финансового оборота, повысить прозрачность совершаемых операций, обеспечить надлежащую защиту прав участников цифровых правоотношений и создать условия для дальнейшего развития цифровых финансовых инструментов и механизмов их правового регулирования.

Выпуск и обращение ЦФА осуществляются через операторов информационных систем, включенных в реестр Банка России. В соответствии со ст. 9 Федерального закона № 259-ФЗ оператор обеспечивает учет прав на ЦФА и несет ответственность за убытки пользователей при нарушении правил функционирования системы.

ЦФА могут использоваться во взаимосвязи с ценными бумагами: Федеральный закон № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [6] допускает их конвертацию, а Федеральный закон № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [7] предусматривает выпуск акций непубличных обществ в форме ЦФА, что позволяет использовать их для привлечения инвестиций и участия в капитале.

В условиях санкционных ограничений значение цифровых финансовых активов существенно возрастает, поскольку они начинают ис-

пользоваться не только как объект гражданских прав, но и как инструмент трансграничных расчетов и привлечения инвестиций, что позволяет систематизировать особенности их правового режима.

Проведенное исследование позволяет представить структуру правового режима расчетов и цифровых финансовых активов в условиях ограничительных мер (табл. 1).

Таблица 1. Структура правового режима расчетов и цифровых финансовых активов в условиях ограничительных мер

Элемент правового режима	Содержание
Носитель режима	Цифровые финансовые активы, цифровой рубль, расчетные отношения в цифровой среде
Режимные правила	Нормы ГК РФ, Федерального закона № 259-ФЗ, законодательства о национальной платежной системе и нормативные акты Банка России
Правовые средства	Использование информационных систем, технологический распределенный реестр, смарт-контракты, специальные требования к выпуску и обращению ЦФА
Юридические гарантии	Государственный контроль со стороны Банка России, ведение реестра операторов информационных систем, ответственность за нарушение порядка обращения ЦФА
Цель правового режима	Обеспечение законности, безопасности и устойчивости расчетов, расширение возможностей финансового оборота и трансграничных операций в условиях ограничительных мер

Правовой режим расчетов и цифровых финансовых активов представляет собой комплекс взаимосвязанных правовых средств и механизмов, направленных на регулирование цифрового финансового оборота в условиях ограничительных мер. В современных условиях он приобретает адаптивный характер, позволяя использовать их в качестве альтернативного механизма организации расчетов в условиях ограниченного доступа к традиционной финансовой инфраструктуре.

Заключение

По итогам исследования, проведенного в статье, можно сделать ряд выводов. Исследования последних лет показывают, что в условиях санкций в России сформировался особый правовой режим расчетов, применяемый при использовании цифровых финансовых активов и цифрового рубля. Данный правовой режим при этом основан на нормах Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и законодательства о национальной платежной системе. Исследования показывают, что цифровые финансовые активы на данный момент законодательно закреплены как разновидность цифровых прав. При этом они обращаются в информационных системах, функционирующих на основе современных цифровых технологий, находятся под контролем Банка России и используются в качестве инструмента реализации имущественных прав, осуществления инвестиционной деятельности и совершения отдельных финансовых операций в цифровой среде. Одновременно развитие цифрового рубля, применение технологического распределенного реестра и использование ЦФА во внешнеэкономической деятельности позволили расширить инструменты трансграничных расчетов и частично компенсировать ограничения традиционной банковской инфраструктуры. Это подтверждается законодательным закреплением правового статуса ЦФА и цифрового рубля, использованием информационных систем и смарт-контрактов при осуществлении расчетов, внедрением современных цифровых механизмов фиксации и передачи имущественных прав, а также расширением применения ЦФА в трансграничных операциях, инвестиционной деятельности, финансовом обороте и иных сферах экономических отношений, связанных с использованием цифровых технологий и электронных форм взаимодействия участников гражданского оборота.

Литература

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508506/ (дата обращения: 27.05.2026).
- Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 27.05.2026).

3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О национальной платежной системе». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527084/ (дата обращения: 27.05.2026).

4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521674/ (дата обращения: 27.05.2026).

5. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521678/ (дата обращения: 27.05.2026).

6. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 20.02.2026) «О рынке ценных бумаг». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512734/ (дата обращения: 27.05.2026).

7. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.09.2025) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_500205/ (дата обращения: 27.05.2026).

8. Андрианова Н.Г. Финансово-правовые аспекты использования цифровых инструментов в международных расчетах // Право и политика. – 2024. – № 6. – С. 41–50.

9. Андрианова Н.Г. Перспективы использования цифровых валют центральных банков в международных расчетах: финансово-правовой аспект // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 7 (235). – С. 65–68.

10. Кошелев К.А. Тенденции развития рынка цифровых финансовых активов в контексте цифровой трансформации мировой экономики // Финансы: теория и практика. – 2022. – Т. 26. – № 4. – С. 80–94.

11. Певцова И.Е. Цифровые финансовые активы и цифровая валюта: особенности правового регулирования // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск, 2024. – С. 29–32.

12. Правкин С.А. Регулирование цифровых прав на финансовом рынке // Цифровой суверенитет и кибербезопасность: материалы Четвертого международного транспортно-правового форума / под ред. А.А. Чеботаревой, В.Е. Чеботарева. – Москва, 2022. – С. 104–110.

LEGAL REGIME FOR SETTLEMENTS AND DIGITAL FINANCIAL ASSETS UNDER RESTRICTIVE MEASURES

Chesnokov R.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University)

This article examines the legal framework for settlements and digital financial assets under the restrictive measures imposed on the Russian Federation. It examines changes in international and cross-border settlement mechanisms caused by the transformation of

the financial system and the development of alternative settlement instruments. Particular attention is paid to the legal regulation of digital financial assets, their place in the system of civil rights, and the specifics of their issuance and circulation in accordance with current Russian legislation. The role of digital financial assets and the digital ruble in facilitating settlement relations and expanding opportunities for foreign economic activity is analyzed. Specific issues in the legal regulation of digital transactions related to determining the parties' will, the application of digital rights, and the adaptation of legislation to digital mechanisms are identified. A conclusion is drawn regarding the development of a special legal regime for settlements and the expanded use of digital financial instruments under restrictive measures.

Keywords: digital financial assets; legal regime; restrictive measures; international settlements; digital ruble; cross-border settlements; financial regulation.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, as amended on December 16, 2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508506/ (accessed on May 27, 2026).

2. Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ "On Amendments to Parts One, Two, and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation." – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (accessed on May 27, 2026).

3. Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ (as amended on February 20, 2026) "On the National Payment System". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527084/ (accessed on May 27, 2026).

4. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on December 15, 2025, as amended on January 20, 2026) "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521674/ (accessed on May 27, 2026). 5. Federal Law No. 340-FZ of July 24, 2023 (as amended on December 15, 2025) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521678/ (accessed on May 27, 2026).

6. Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996 (as amended on February 20, 2026) "On the Securities Market." – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512734/ (accessed on May 27, 2026). 7. Federal Law of 26.12.1995 No. 208-FZ (as amended on 31.07.2025, as amended on 25.09.2025) "On Joint-Stock Companies" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_500205/ (date of access: 27.05.2026).

Literature:

8. Andrianova N.G. Financial and legal aspects of the use of digital instruments in international settlements // Law and Politics. – 2024. – No. 6. – pp. 41–50.

9. Andrianova N.G. Prospects for Using Central Bank Digital Currencies in International Settlements: Financial and Legal Aspects // Agrarian and Land Law. – 2024. – No. 7 (235). – Pp. 65–68.

10. Koshelev K.A. Trends in the Development of the Digital Financial Asset Market in the Context of the Digital Transformation of the Global Economy // Finance: Theory and Practice. – 2022. – Vol. 26. – No. 4. – Pp. 80–94.

11. Pevtsova I.E. Digital Financial Assets and Digital Currency: Features of Legal Regulation // Civil Law and Civil Procedure: Current Issues of Theory and Practice: Proceedings of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference. – Khabarovsk, 2024. – Pp. 29–32.

12. Pravkin S.A. Regulation of digital rights in the financial market // Digital sovereignty and cybersecurity: materials of the Fourth International Transport Law Forum / edited by A.A. Chebotareva, V.E. Chebotarev. – Moscow, 2022. – P. 104–110.

Шипов Максим Викторович,

аспирант кафедры финансового права, Институт аспирантуры и докторантуры, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: shipovmax@list.ru

В статье исследуется трансформация системы финансового мониторинга в условиях цифровизации экономики и финансовых технологий. Целью работы является выявление ключевых правовых проблем, возникающих в связи с алгоритмизацией контроля. Установлено, что цифровизация приводит к изменению механизма реализации норм системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, формируя проактивную модель анализа больших данных, однако действующее правовое регулирование сохраняет фрагментарный характер и не содержит системных решений в отношении статуса алгоритмических систем, распределения ответственности и обеспечения правовой определённости. Обоснована необходимость концептуального обновления регулирования на основе системного подхода и формирования нового понятийного аппарата.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, цифровизация, ПОД/ФТ, цифровой финансовый мониторинг, искусственный интеллект, большие данные, алгоритмическое принятие решений, правовая неопределённость, распределение ответственности, риск-ориентированный подход

Цифровизация экономики и финансового сектора радикально меняет характер рисков, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма (ПОД/ФТ). Традиционная модель финансового мониторинга, основанная на формализованных процедурах и ретроспективном контроле, постепенно трансформируется в систему непрерывного анализа больших массивов данных с использованием алгоритмических технологий.

Вместе с тем развитие цифровых инструментов опережает формирование нормативной базы. Возникает противоречие между технологической реальностью и действующей правовой моделью регулирования финансового мониторинга.

Процесс цифровизации экономики и финансовых технологий кардинально меняет ландшафт рисков, связанных с отмыванием доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма (ПОД/ФТ).

Трансформация системы финансового мониторинга в этих условиях представляет собой не эволюционный, а скорее революционный процесс, требующий непрерывной адаптации нормативно-правовой базы.

Анализ современных изменений в законодательстве, в частности в России, США и ЕС, демонстрирует несколько ключевых векторов этой трансформации: адаптацию к геополитическим реалиям и санкционному давлению, интеграцию технологий цифрового контроля и попытку найти баланс между эффективностью надзора и операционной нагрузкой на финансовые институты.

Одним из наиболее значимых драйверов изменений стало ужесточение международных санкций, что напрямую отразилось на национальном регулировании. Реакция российского законодателя и регулятора является показательной.

Центральный банк России продлил до конца 2026 года меры, позволяющие кредитным организациям не раскрывать информацию, чувствительную с точки зрения санкционных рисков, включая данные о структуре собственности и руководстве [1]. Это решение, по нашему мнению, является вынужденной мерой, создающей парадоксальную ситуацию: в целях защиты от внешних угроз временно ослабляются стандарты прозрачности, что потенциально может создать внутренние уязвимости в системе ПОД/ФТ. Кроме того, ЦБ продлил неприменение мер к банкам за работу с компаниями, чьи сайты внесены в реестр Роскомнадзора, признавая практические сложности полного соблюдения этого запрета [2]. Это свидетельствует о гибком, почти прагматичном подходе регулятора, стремящегося не парализовать хозяйственную деятельность формальными требованиями.

Параллельно ужесточается и международное регулирование. 19-й пакет санкций ЕС, вступивший в силу в конце 2025 года, впервые прямо запрещает EU-операторам подключаться к российским финансовым системам, таким как системе передачи финансовых сообщений банка России и Национальная система платёжных карт «Мир», а также накладывает ограничения на использование связанного с рублем стейблкоина «А7А5» [3]. Эти меры направлены на изоляцию российской финансовой инфраструктуры и перекрытие цифровых каналов обхода санкций. С точки зрения трансформации финансового мониторинга это создает прецедент прямого регулирования криптоактивов и альтернативных платёжных систем в контексте ПОД/ФТ, что, безусловно, будет формировать тренд и в других юрисдикциях.

Второй ключевой аспект – цифровизация самого контроля. Глобальный тренд на внедрение RegTech (под RegTech следует понимать совокупность цифровых решений, применяемых финансовыми организациями для автоматизации исполнения регуляторных требований) и SupTech (охватывает технологии, используемые надзорными органами для анализа отчетности и оценки рисков в дистанционном формате) нашел отражение и в российских документах стратегического планирования.

Банк России в своих направлениях развития финансового рынка акцентирует последовательную цифровизацию регулирования и надзора, внедрение систем автоматизированного сбора данных для проверки клиентов (KYC) и мониторинга аномальных операций. Однако, на наш взгляд, российская практика пока делает больший акцент на цифровизации отчетности и сбора данных (как, например, переход на XBRL [4]), в то время как в США и ЕС активнее обсуждается и вне-

дряется интеллектуальная аналитика для риск-ориентированного надзора.

Американские регуляторы в 2025 году разрешили финансовым институтам в определенных случаях использовать предзаполненные данные о клиенте из других счетов и отказались от требования обязательного документирования решений о непредставлении SAR (отчетов о подозрительной деятельности), разрешив полагаться на внутренние риск-ориентированные процедуры [5]. Это важный шаг от тотального контроля к «умному» надзору, который, однако, требует от институтов высокого уровня зрелости собственных систем.

Третий вектор – попытка оптимизации порогов и снижения административной нагрузки при сохранении эффективности. Здесь прослеживается любопытное расхождение в подходах.

С одной стороны, в США Конгресс рассматривает законопроект о повышении порога для представления отчетов по валютным операциям (CTR) с \$10 000 до \$30 000 [5].

С другой – в России с 9 января 2026 года вступили в силу изменения в Федеральный закон № 115-ФЗ, которые передали Росфинмониторингу право устанавливать пороговое значение для обязательного контроля сделок с недвижимостью, ранее фиксированное на уровне 5 млн рублей. Проект приказа службы предполагает радикальное повышение порога для банков до 75 млн рублей, но оставляет его практически неизменным (5 млн рублей) для ризлторов.

Такая резкая дифференциация представляется спорной. Она может привести к перераспределению рисков: банки, получив ослабление контроля на крупных сделках, могут столкнуться с необходимостью проверять уже «предварительно отфильтрованных» клиентов, в то время как основная нагрузка по первичному контролю за сделками средней величины ляжет на ризлторов, чьи возможности зачастую существенно ниже банковских. Это создает риск возникновения «слепых зон» в секторе операций с недвижимостью.

Проблемы правового осмысления системы финансового мониторинга в условиях цифровизации

Цифровизация, внедряя алгоритмы искусственного интеллекта и большие данные, усугубляет внутренние противоречия этой системы, поскольку технологическая реальность опережает развитие права. Одной из фундаментальных проблем является отсутствие единого правового подхода к понятию «цифровой финансовый мониторинг».

В законодательстве закреплены традиционные процедуры, но нет легальных дефиниций для новых явлений, таких как проактивный анализ цифровых профилей клиентов или алгоритмическое принятие решений. Это приводит к правовой неопределённости: субъекты мониторинга вынуждены самостоятельно интерпретировать свои обязанности, а регулятор и суды лишены чётких критериев для оценки законности использования современных технологий.

Правовое поле становится фрагментированным, когда вопросы использования больших данных, биометрии или машинного обучения регулируются разрозненными актами в сфере информации, персональных данных и финансового права, что подтверждается исследованиями проблем правовой неопределённости в смежных областях.

С этим тесно связана проблема неопределённости правового статуса автоматизированных решений. Алгоритмы, способные к самообучению и выявлению неочевидных паттернов, де-факто становятся ключевым элементом контроля.

Однако они остаются «чёрным ящиком» с точки зрения права. Законодательство не определяет, может ли алгоритм считаться инструментом принятия юридически значимого решения, каковы требования к его валидации, тестированию и аудиту.

Отсутствие правовых стандартов для «цифровых помощников» создаёт риски дискриминации клиентов из-за скрытых смещений в данных или логике модели, а также ставит вопрос о верифицируемости и обоснованности таких решений, особенно при их оспаривании.

Указанные пробелы закономерно ведут к проблеме разграничения ответственности между участниками системы.

В гибридной модели, где банки выполняют публично-правовые функции, цифровизация добавляет новый сложный элемент: кто несёт ответственность за ошибку, приведшую, например, к пропуску подозрительной операции, – разработчик программного обеспечения, финансовая организация, внедрившая и настроившая алгоритм, или её должностное лицо?

Конфликт между коммерческими интересами организации (удержание клиента) и её ролью контролёра усугубляется, когда решение де-факто принимает непрозрачная алгоритмическая система. Аналогичные сложности с определением субъекта ответственности наблюдаются и на других сегментах финансового рынка. Это размывание ответственности подрывает саму основу эффективного контроля.

Совокупность этих проблем формирует значительные риски правовой неопределённости. Для бизнеса они выражаются в непредсказуемости регуляторной нагрузки, высоких затратах на соответствие и риске санкций за действия, чья правомерность толкуется неоднозначно. Для государства – в снижении эффективности системы ПОД/ФТ из-за появления «слепых зон» и уязвимостей.

Например, дифференциация порогов контроля для банков и ризлторов может сместить риски в менее подготовленный сектор. В условиях санкционного давления эти риски множатся: вынужденные меры по защите, такие как временное ослабление стандартов прозрачности для кредитных организаций, хотя и понятны с точки зрения оперативной необходимости, могут создать долгосрочные системные уязвимости.

Правовая неопределённость отвлекает значительные ресурсы хозяйствующих субъектов на судебные разбирательства и урегулирование споров, что в конечном итоге ослабляет экономическую безопасность.

Направления концептуального обновления правового регулирования

Ключевым выводом проведенного анализа является осознание того, что цифровизация радикально изменила систему финансового мониторинга де-факто, тогда как правовое регулирование продолжает в значительной мере оставаться в логике доцифровой эпохи.

Преодоление этого разрыва требует не точечных поправок, а концептуального обновления правового подхода, которое должно быть системным, принципиально новым и опережающим.

Необходимость системного подхода продиктована самой природой цифровой трансформации. Технологии искусственного интеллекта, большие данные и распределенные реестры стирают границы между традиционными финансовыми операциями, создавая единое цифровое поле. Фрагментарное регулирование, когда вопросы ИИ регламентируются одним актом, а обработка данных – другим, создает нестыковки и «слепые зоны», которыми могут воспользоваться злоумышленники.

Яркой иллюстрацией рисков фрагментарного технологического контроля является ситуация с ERP-системами, где незащищенные, устаревшие модули, выпавшие из поля зрения регуляторных требований и внутреннего аудита, становятся удобной точкой для атаки и могут использоваться для манипуляций с финансовыми данными.

Аналогичные уязвимости возникают и в правовом поле. Системный подход предполагает создание целостной регуляторной экосистемы – основы, которая интегрировала бы нормы финансового, информационного, административного и, потенциально, гражданского права вокруг нового цифрового объекта регулирования. Эта основа должна задавать не только запреты и обременения, но и правовые стимулы для внедрения прозрачных и эффективных технологий, создавая условия для «умного» надзора.

Фундаментом такого обновления является кардинальный пересмотр понятийного аппарата. Действующее законодательство оперирует категориями, оторванными от технологической реальности. Первоочередной задачей является легальное закрепление и четкое определение ядра новой системы – «цифрового финансового мониторинга».

Это понятие должно охватывать не просто автоматизацию старых процедур, а принципиально новую деятельность по непрерывному, проактивному анализу структурированных и неструктурированных цифровых данных (включая транзакции в криптоактивах, цифровые следы клиентов) с использованием алгоритмических систем и ИИ для выявления сложных паттернов риска в режиме, близком к реальному времени.

Вторым ключевым понятием должен стать «алгоритм (искусственный интеллект) в системе ПОД/ФТ» с определением его правового статуса как инструмента принятия подконтрольных и оспариваемых решений, но не субъекта ответственности. Также требуется ввести понятия «цифровой профиль клиента», «машинно-читаемые регуляторные требования» и «квалифицированная система автоматизированного мониторинга», что создаст терминологический базис для дальнейшего нормотворчества.

На этой понятийной основе можно обозначить стратегические направления развития правового регулирования, избегая преждевременной детализации конкретных норм.

Формирование «рамочного» закона о цифровом финансовом мониторинге. Этот акт должен установить общие принципы: приоритет риск-ориентированного подхода в цифровой среде, обязательность обеспечения объяснимости и контролируемости алгоритмических решений, пропорциональность технологических требований для разных категорий субъектов (например, дифференциация подходов для круп-

ных банков и риэлторов). Его целью станет создание единого правового контекста для всех последующих специализированных норм.

Легитимация и регулирование алгоритмических решений. Законодательство должно установить обязательные требования к алгоритмам, используемым для целей ПОД/ФТ.

К ним относятся:

- необходимость валидации, тестирования на репрезентативных данных и регулярного аудита;
- обеспечение принципа «объяснимого ИИ» в той мере, в которой это необходимо для обоснования подозрения перед регулятором;
- внедрение технических и организационных мер по предотвращению дискриминационных смещений в данных и логике моделей.

Ответственность за соответствие алгоритма этим требованиям должна возлагаться на оператора – финансовую организацию.

Четкое распределение ответственности в цифровой цепочке. Правовая модель должна исходить из того, что конечную ответственность за выполнение обязанностей по ПОД/ФТ несет субъект мониторинга (например, банк).

Однако это требует закрепления механизмов регрессных требований к поставщикам технологических решений в случаях, когда инцидент (пропуск подозрительной операции) напрямую вызван существенным дефектом алгоритма, о котором поставщик знал или должен был знать. Это стимулирует рынок к созданию качественных и прозрачных решений.

Регулятору необходимо получить правовые инструменты для внедрения собственных цифровых систем надзора для анализа данных, поступающих в стандартизированных машиночитаемых форматах. Законодательство должно также предусматривать возможность создания безопасных регуляторных песочниц и платформ для анонимизированного обмена информацией о киберугрозах и схемах отмывания между финансовыми организациями под контролем Росфинмониторинга.

Заключение

Цифровизация трансформирует систему финансового мониторинга из ретроспективного контроля в проактивную модель анализа данных. Однако действующее регулирование сохраняет логику «додиджитальной» эпохи и не обеспечивает достаточного уровня правовой определенности.

Алгоритмизация контроля усиливают необходимость системного пересмотра нормативной базы. Концептуальное обновление регулирования должно опираться на формирование нового понятийного аппарата, легитимацию алгоритмических решений и четкое распределение ответственности.

Только создание целостной регуляторной модели позволит обеспечить баланс между эффективностью ПОД/ФТ и принципами правовой определенности в цифровую эпоху.

Литература

1. Support measures for banks in 2026: temporary extensions and incorporation into regulation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/eng/press/PR/?file=639002946409553807ENG_BANK_SECTOR.htm (дата обращения: 28.01.2026).

2. CBR will not apply measures to banks for working with companies whose sites are included in registry prohibited in Russia until end of 2026.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/115489/> (дата обращения: 28.01.2026).

3. Latest information on the 19th package of sanctions against Russia and its impact on the financial industry. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.pwc.de/en/news/articles/latest-information-on-the-19th-package-of-sanctions-against-russia-and-its-impact-on-the-financial-industry> (дата обращения: 28.01.2026).

4. Правила формирования отчетности в формате XBRL и ее представления в Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/projects_xbri/taxonomy_xbri/pravila-formirovaniya-otchetnosti-v-formate-xbri-i-ee-predstavleniya-v-bank-rossii/ (дата обращения: 15.05.2026)

5. 2025 Year-in-Review and 2026 Look-Ahead: Financial Regulatory Developments, What Has Changed Since Publication, and What's to Come. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mvalaw.com/investigations-and-regulatory-advice/2025-year-in-review-and-2026-look-ahead-financial-regulatory-developments-what-has-changed-since-publication-and-whats-to-come> (дата обращения: 28.01.2026).

FINANCIAL MONITORING IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: LEGAL RISKS AND DIRECTIONS OF REGULATION

Shipov M.V.

Institute of Postgraduate and Doctoral Studies, Kutafin Moscow State Law University

The article examines the transformation of the financial monitoring system amid the digitalisation of the economy and financial technologies. The study aims to identify the key legal problems that arise from the algorithmisation of control. The author shows that digitalisation alters the way the rules of the anti-money laundering and counter-terrorist financing (AML/CFT) system are implemented, producing a proactive model of big-data analysis, whereas the current legal framework remains fragmentary and provides no systemic solutions regarding the status of algorithmic systems, the allocation of liability and the safeguarding of legal certainty. The need for a conceptual renewal of regulation is substantiated, grounded in a systemic approach and the development of a new conceptual apparatus.

Keywords: financial monitoring, digitalisation, AML/CFT, digital financial monitoring, artificial intelligence, big data, algorithmic decision-making, legal uncertainty, allocation of liability, risk-based approach

References

1. Support measures for banks in 2026: temporary extensions and incorporation into regulation. Available at: https://www.cbr.ru/eng/press/PR/?file=639002946409553807ENG_BANK_SECTOR.htm (accessed: 28.01.2026).

2. CBR will not apply measures to banks for working with companies whose sites are included in the registry prohibited in Russia until the end of 2026. Available at: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/115489/> (accessed: 28.01.2026).

3. Latest information on the 19th package of sanctions against Russia and its impact on the financial industry. Available at: <https://legal.pwc.de/en/news/articles/latest-information-on-the-19th-package-of-sanctions-against-russia-and-its-impact-on-the-financial-industry> (accessed: 28.01.2026).

4. Pravila formirovaniya otchetnosti v formate XBRL i ee predstavleniya v Bank Rossii [Rules for the preparation of XBRL reporting and its submission to the Bank of Russia]. Available at: https://www.cbr.ru/projects_xbri/taxonomy_xbri/pravila-formirovaniya-otchetnosti-v-formate-xbri-i-ee-predstavleniya-v-bank-rossii/ (accessed: 15.05.2026).

5. 2025 Year-in-Review and 2026 Look-Ahead: Financial Regulatory Developments, What Has Changed Since Publication, and What's to Come. Available at: <https://www.mvalaw.com/investigations-and-regulatory-advice/2025-year-in-review-and-2026-look-ahead-financial-regulatory-developments-what-has-changed-since-publication-and-whats-to-come> (accessed: 28.01.2026).

Шихалёва Ольга Сергеевна,
аспирант, Южного Университета (ИУБиП)
E-mail: 260462@inbox.ru

В данной статье было изучено влияние цифровых технологий в нотариальной деятельности при регистрации прав на недвижимое имущество. Взаимодействие между нотариусом и участниками гражданско-правовых отношений стали намного доступнее и прозрачнее за счет развития и внедрению цифровых технологий. Факт растущего спроса на электронные услуги через нотариуса растет согласно статистике. Однако законодательно не все нотариальные действия могут совершаться дистанционно. В свою очередь развитие цифровых технологий в нотариальной сфере выступает значимым звеном всего процесса оцифровки общественных отношений, который обладает при этом конкретными особенностями.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, нотариальные действия, электронная деятельность нотариусов, единая информационная система нотариата, сделки с двумя и более нотариусами.

Нынешняя эпоха переживает масштабный цифровой сдвиг, который проникает во все сферы жизнедеятельности человека. Нотариальная система оказалась в числе тех отраслей, где процессы цифровизации приобрели особую остроту. С одной стороны внедрение электронных технологий сделало нотариальные услуги более открытыми и комфортными для пользователей, а в тоже время перед специалистами одновременно встали новые проблемы и требования.

Сегодня государство передало нотариусам основные функции по защите законных прав и интересов граждан и представителей разных форм бизнеса. С постепенным расширением полномочий нотариата растет и его роль в обеспечении стабильности гражданского оборота. Во-первых, обязательное нотариальное удостоверение сделок с долями в обществах с ограниченной ответственностью. Во-вторых, законом определена особая доказательственная и исполнительная сила нотариальных документов. В-третьих, нотариусу доверены сферы оборота недвижимости, включая вопросы долевой собственности, а также сделки с участием несовершеннолетних, ограниченно дееспособных лиц и другие схожие категории граждан. Чтобы достойно ответить на актуальные изменения в законодательстве, нотариальной системе требуется опираться на бесперебойную работу и постоянное совершенствование собственной цифровой инфраструктуры – Единой информационной системы нотариата (ЕИСН). Пандемия стала толчком для перехода общества к новым формам взаимодействия, которые профессиональное сообщество уже начало активно внедрять, создавая передовые цифровые инструменты. В сложные этапы развития нотариат продемонстрировал свою способность в поддержании непрерывной деятельности и совершении юридически значимых действия. В итоге нотариусы оказались полностью подготовленными к следующему шагу цифровизации.

Цифровизация нотариальной деятельности является определяющим элементом эволюции профессии и формирования правовой системы государства в целом. Старт этому процессу был дан 1 июля 2014 года с внедрением так называемой – Единой информационной системы нотариата (ЕИСН). За время работы системы была выстроена обширная электронная инфраструктура, которая включает межведомственный электронный документооборот с Росреестром, ФНС, МВД, Банком России, Социальным фондом, ЗАГС, Минобороны и другими цифровыми сервисы [2].

Способность современного нотариата своевременно реагировать на происходящие научно-технические инновации в правовой сфере, делает его основой и стратегической перспективой для общества в целом. Значимость концепции «цифрового нотариата» наглядно подтверждается статистикой внедрения информационных технологий в профессиональную деятельность. Согласно статистическому исследованию ЕИСН нотариата насчитывает свыше 380 миллионов записей о нотариальных действиях, которые были совершены на территории России. При этом система соответствует установленным законодательством стандартам безопасности, все документы защищены от действий третьих лиц, доступ возможен только после личной авторизации, а сам факт выдачи документа можно проверить. Благодаря внедрению информационных технологий существенно сократились сроки и упростилась процедура обращения за нотариальной помощью.

Ведение реестров ЕИСН включает в себя внесение в них сведений, хранение реестров, обеспечение конфиденциальности сведений, включенных в реестры ЕИСН (табл. 1).

Процесс цифровизации в нотариальной сфере приносит ощутимую пользу как населению, так и органам власти. Значительный вклад в развитие этой системы внес Федеральный закон от 08.08.2024 № 251-ФЗ, который существенно обновил правовое поле деятельности нотариусов. Изучение представленного нормативного акта выявило ключевое новшество: модернизацию взаимодействия нотариусов с органами ЗАГС [6].

С 5 февраля 2025 года в ЕИСН стартовал новый процесс включения сведений о госрегистрации смерти, а также о корректировках и изменениях в актовых записях гражданского состояния. Передача этих данных оператору ЕИСН осуществляется в соответствии с пунктом 1 статьи 13.2 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Синхронизация между ведомствами необходима для корректного учета прекращения действия доверенностей

и обеспечения актуальности данных при совершении нотариальных действий [7].

Таблица 1. Виды и функции реестров ЕИСН

Виды и функции реестров ЕИСН	
Наименование реестра	Выполняемые функции
Реестр нотариальных действий	Фиксация всех действий, которые выполняет нотариус
Реестр наследственных дел	Хранение данных о регистрации дел, связанных с имуществом
Реестр обществ с ограниченной ответственностью и их представителей	Защита от рейдерства, защита бизнеса от утраты бумажных документов, а также мгновенное подтверждение прав на долю
Реестр дистанционно совершённых действий и сделок, удостоверяемых одновременно несколькими нотариусами	Предоставление возможности сторонам заключать сделки из разных уголков страны, оформлять их у разных нотариусов одновременно без личной встречи
Реестр уведомлений об обременении движимого имущества залогом	Фиксация возникновения, изменение или прекращения залога
Реестр распоряжений об аннулировании доверенностей (кроме нотариально оформленных)	Аннулирование бумажной доверенности в онлайн режиме

В сфере недвижимости мошенничество нередко становится возможным из-за отсутствия регулирования, т.е. нотариусы не обязаны вносить в реестр сведения о смерти гражданина и об аннулировании доверенности. Это даёт злоумышленникам возможность распоряжаться недвижимым имуществом умершего владельца.

Законодательно установлено, что все права представителя утрачивают свою силу с момента смерти доверителя, в случае заключения любых сделок на основании такой доверенности будут недействительными. В тоже время, если покупатель при проверке статуса документов на недвижимость на сайте ФНП, видит его как действующий и не может знать о смерти собственника, он заключит соглашение с лицом, которое утратило свои законные права. Впоследствии наследники имеют право в судебном порядке признать сделку недействительной и взыскать материальный ущерб. В случае же, если нотариусы будут систематически и ответственно вносить в открытый реестр информацию о смерти, которую получили из ЗАГСа, подобная схема станет невозможной. Судебная практика подтверждает наличие данной проблемы, а предложенная мера существенно поможет снизить уровень мошенничества в сфере недвижимости [3].

Крайне важно наладить всесторонний электронный документооборот не только между нотариусами и госорганами, но и с банковскими структурами. В настоящий момент функционирует специальный сервис Фонда нотариата, с помощью которого можно находить имущество наследодателя в разных кредитных учреждениях. Но в системе участвуют лишь ведущие банки – в частности, Сбербанк и ВТБ. Такого уровня охвата явно не хватает для бесперебойной и эффективной работы механизма регистрации. Следовательно, необходимо законодательно закрепить процесс и определить сроки, в которые к сервису должны подключиться абсолютно все банки страны. Даже наличие сервиса ФНП с подключенными крупными банками не ускоряет, а, наоборот, тормозит процесс поиска необходимой информации по интересующему объекту, вплоть до долгого ожидания на бумажные запросы, что демонстрирует неэффективность системы. Для снижения технологических и финансовых издержек для всех участников данного процесса необходимо законодательно закрепить обязанность кредитных организаций подключаться к указанному сервису [1].

За последнее десятилетие нотариат остаётся важнейшим звеном устойчивости гражданского оборота, который обеспечивает надёжность сведений в государственных реестрах и защищает имущественные права граждан. Благодаря своему правовому статусу и расширившемуся кругу полномочий нотариат выступает гарантом безопасности и реализует меры досудебной защиты.

Ключевые направления развития российского нотариата включают: создание и запуск удобных цифровых сервисов; внедрение биометрической аутентификации для надёжного подтверждения личности заявителя; увеличение числа нотариальных действий, доступных в удалённом формате; формирование новых публичных онлайн-реестров.

С 29 декабря 2020 года в России появилась возможность совершать сделки с недвижимостью дистанционно, с участием двух и более нотариусов согласно статье 53.1. «Сделки, удостоверяемые двумя и более нотариусами.» Данный способ регистрации прав на имущество

становится всё более востребованным, так как теперь можно купить или продать недвижимость, находясь буквально в другом городе, области страны, без лишних хлопот и затрат [4].

В электронном формате удостоверить договор и провести весь процесс регистрации могут как физические, так и юридические лица. Количество участников сделки неограниченно, а сам договор может быть любой форма: купля-продажа, дарение, рента и т.д. Так же стоит отметить, что дистанционно можно совершать любые двусторонние сделки, в том числе купля-продажа доли в ООО или же брачный договор.

Для совершения сделки каждая из сторон выбирает нотариуса в своём регионе проживания. Важный момент, чтобы один из нотариусов, которые удостоверяют договор, находился в том же регионе, где расположен регистрируемый объект недвижимости. После этого следует правовая экспертиза сделки, которая включает в себя запросы в государственные реестры для получения необходимых сведений, составление единого проекта договора и его передачу участникам сделки для ознакомления.

Нотариусы каждой стороны направляют проект соглашения на изучение и согласование, чтобы в итоге официально зафиксировать все достигнутые договорённости. В личном присутствии нотариального работника стороны осуществляют подписание документа: в цифровом виде с использованием простой электронной подписи и на бумаге. Электронная версия сделки, содержащая удостоверительную надпись, завершается квалифицированными электронными подписями нотариусов и сохраняется в единой информационной системе нотариата. В конечном итоге регистрация осуществляется в специальном реестре электронных сделок с участием двух и более нотариусов. По желанию сторон нотариус может подать пакет документов для внесения сведений в ЕГРН.

Электронные сделки с недвижимым имуществом способствуют развитию гражданского оборота. В России правовая и нормативная база в этой сфере активно совершенствуется. Растёт количество удалённых операций среди граждан, в тоже время растёт и уровень защиты прав участников сделки. Это благодаря тому, что нотариус контролирует законность на каждом шаге регистрации, проверяет дееспособность граждан и соответствие их воли и реального намерения [5].

Проводимая цифровизация нотариальной сферы значительно повышает её доступность и удобство для граждан, но в тоже время определяет задачу для нотариусов – освоить современные инструменты и методики ведения деятельности. Только после овладения новыми технологиями нотариат сможет гарантировать безопасность и надёжность проводимых нотариальных действий в условиях современной цифровизации. Российский нотариат обладает большим потенциалом для успешного развития в электронном формате. Цифровые технологии в нотариате являются вспомогательным инструментом, делают сделки с недвижимостью более доступными, удобными и защищёнными. Применение электронных технологий при заключении сделки с участием двух и более нотариусов позволяет быстро и без лишних затрат обеспечить исполнению законности для всех сторон.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что нотариусы являются надёжной опорой для заключения сбалансированных договорных отношений и выступают гарантом безопасности. Внедрение информационных технологий заметно улучшило и оптимизировало работу нотариусов, адаптировав её к современным реалиям. Прозрачность и устойчивость гражданского оборота, вносимые современным нотариатом, обеспечиваются достоверностью и добровольным волеизъявлением всех участников сделки. Однозначно можно сказать, что за счет совершенствования нотариальной деятельности усиливается эффективность правопорядка и соблюдение законности.

Литература

- Исмагилова Г. Нотариусы осваивают дистанционные и цифровые технологии // Нотариус. 2026. № 1.
- Лагодина Е.И. Цифровизация в современном нотариате // Нотариус. 2024. № 3. С. 60–61
- Лагодина Е.И. Правовой режим нотариальной тайны // Нотариус. 2025. № 1. С. 2–6
- «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462–1) (ред. от 20.02.2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения 30.05.2026 г.)
- Ситдикова Л.Б., Галкин Н.А. Современные тенденции совершения нотариальных действий в цифровом формате // Нотариус. 2024. № 1. С. 40–43
- Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 N 251-ФЗ

(последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482491/ (дата обращения 30.05.2026 г.)

7. Федеральный закон № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения 30.05.2026 г.)

**ELECTRONIC REAL ESTATE TRANSACTIONS
THROUGH A NOTARY: FEATURES AND PROBLEM
ISSUES**

Shikhaleva O.S.
Southern University

This article examines the impact of digital technologies on notarial activity during the registration of real estate rights. Interactions between notaries and parties to civil legal relations have become much more accessible and transparent due to the development and implementation of digital technologies. Statistics indicate a growing demand for electronic services through notaries. However, not all notarial acts can be legally performed remotely. The development of digital technologies in the notarial sphere, however, is a significant element in the overall process of digitizing social relations, which also has specific characteristics.

Keywords: digital technologies, digitalization, notarial acts, electronic activities of notaries, unified notarial information system, transactions with two or more notaries.

References

1. Ismagilova, G., "Notaries Master Remote and Digital Technologies," Notary Public, 2026, No. 1.
2. Lagodina, E. I., "Digitalization in the Modern Notary Service," Notary Public, 2024, No. 3, pp. 60–61.
3. Lagodina, E. I., "The Legal Regime of Notarial Secrecy," Notary Public, 2024, No. 3, pp. 60–61. 2025. No. 1. P. 2–6
4. "Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries" (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993 N 4462–1) (as amended on February 20, 2026) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (accessed on May 30, 2026)
5. Sitdikova L.B., Galkin N.A. Modern Trends in Performing Notarial Acts in Digital Format // Notary. 2024. No. 1. P. 40–43
6. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 08.08.2024 N 251-FZ (latest revision) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482491/ (accessed on 30.05.2026)
7. Federal Law No. 143-FZ "On Acts of Civil Status" dated 15.11.1997 (latest revision) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (accessed on 30.05.2026)

Якименко Мстислав Сергеевич,

НИУ МГСУ ТОСП (ИПГС)

E-mail: ms.yaki@yandex.ru

Симонян Давид Гайкович,

НИУ МГСУ ТОСП (ИПГС)

E-mail: david.simonn27@gmail.com

Кудряшев Александр Васильевич,

НИУ МГСУ ТОСП (ИПГС)

E-mail: nice.kudryashev@mail.ru

Волчков Виктор Николаевич,

МГСУ ОСУН (ИЭУКСН)

E-mail: Volch.vn@mail.ru

Хромушкин Владислав Игоревич,

НИУ МГСУ ТОСП (ПГС)

E-mail: vkhromuskin@gmail.com

Настоящая статья исходит из того, что технический заказчик в современной российской модели строительства давно перестал быть лишь «администратором документов» и фактически превратился в центральный узел правовой и организационной координации проекта. Именно через него сходятся договоры на изыскания, проектирование и строительство, строительный контроль, подготовка документов для ввода объекта, взаимодействие с подрядчиками и государственными органами. При этом нормативная база, регулирующая его деятельность, остается фрагментарной: градостроительные нормы очерчивают набор функций, гражданское право – общие рамки представительства и договора, а стандарты и своды правил формируют технический контур обязанностей, но не дают цельной модели распределения рисков. Наиболее конфликтными зонами сегодня выступают квалификация договора с техническим заказчиком, пределы совмещения его функций с функциями подрядчика, критерии обязательного членства в СРО, соотношение договорной, административной и деликтной ответственности, а также цифровизация документооборота и строительного контроля. Эмпирический срез подтверждает практическую значимость этих вопросов: в 2024 г. в арбитражных судах было рассмотрено 28 013 споров из договоров строительного подряда, а совокупная сумма требований по ним превысила 177 млрд руб.; при этом отрасль продолжает работать в режиме высокой нагрузки, поскольку ввод жилья составил 107,8 млн кв. м в 2024 г. и 108,1 млн кв. м в 2025 г. В этих условиях правовая неопределенность вокруг статуса и полномочий технического заказчика конвертируется в прямые финансовые потери проекта. [1]

Ключевые слова: технический заказчик; строительная деятельность; градостроительное законодательство; строительный контроль; саморегулируемые организации (СРО); договор строительного подряда; правовая ответственность; судебная практика; цифровизация строительства; инвестиционно-строительный проект; управление строительством; государственный строительный надзор.

Проблема правового обеспечения деятельности технического заказчика сегодня обусловлена не столько дефицитом норм как таковых, сколько их несогласованностью. Градостроительный кодекс называет технического заказчика юридическим лицом, уполномоченным застройщиком и действующим от его имени при заключении договоров на инженерные изыскания, проектирование, строительство, реконструкцию, капитальный ремонт и снос, при подготовке заданий, передаче исходных материалов, утверждении проектной документации и подписании документов для ввода объекта в эксплуатацию. Параллельно статья 748 ГК РФ закрепляет право заказчика контролировать ход и качество работ, не вмешиваясь в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика, а статья 53 ГК РФ относит строительный контроль к обязательным инструментам обеспечения надлежащего исполнения работ. Уже на уровне базовых норм видно, что законодатель оперирует несколькими пересекающимися фигурами – «застройщик», «заказчик», «технический заказчик», «лицо, осуществляющее строительство», – но не сводит их в единую, логически непротиворечивую модель. Именно из этого разрыва произрастает значительная часть практических споров. [3]

Масштаб этой неопределенности нельзя недооценивать, поскольку она работает внутри отрасли, где цена организационной ошибки высока. По данным Росстата, в 2024 г. в России введено 107 767,5 тыс. кв. м жилья, а по данным ЕИСЖС фактический ввод жилья за 2025 г. достиг 108 142 тыс. кв.м. На этом фоне официальная судебная статистика показывает, что только по линии споров, вытекающих из договоров строительного подряда, арбитражные суды в 2024 г. рассмотрели 28 013 дел, а сумма предъявленных требований превысила 177 млрд руб. Если перевести эту сумму в авторский расчет среднего объема требований на одно рассмотренное дело, получится около 6,3 млн руб. Именно в такой среде технический заказчик становится не вспомогательным участником, а юридическим «распределителем риска» между инвестором, застройщиком, подрядчиком, проектировщиком, государственным заказчиком и органами надзора. [4]

С позиций частного права технический заказчик остается представителем и управляющим проектом, а не самостоятельным «вторым заказчиком» в классическом смысле. Из этого следуют два важных вывода. Во-первых, во внешних отношениях по договорам строительного подряда, изысканий и проектирования ключевым субъектом по общему правилу остается застройщик, от имени которого действует технический заказчик. Во-вторых, на отношения между застройщиком и самим техническим заказчиком не могут автоматически распространяться нормы о строительном подряде только потому, что предмет поручения связан со строительством. В профессиональной литературе и обзорах практики закрепились мысли о смешанной природе такого соглашения: в нем сочетаются элементы возмездного оказания услуг, агентирования, а в отдельных случаях – договорного управления проектом. Такая квалификация представляется убедительной, поскольку технический заказчик не строит объект собственными силами, а оказывает организующую, координационную и представительскую услугу, результат которой выражается не в материальном объекте, а в должном образом обеспеченном процессе строительства. [5]

Из представительной природы статуса вытекает и запрет на опасные формы совмещения ролей. Пункт 3 статьи 182 ГК РФ не допускает совершения представителем сделки от имени представляемого в отношении себя лично; следовательно, если одно и то же лицо одновременно назначается техническим заказчиком и подрядчиком по тому же объекту, возникает не просто организационная коллизия, а порок самой договорной конструкции. Консультативные обзоры и правоприменительные разъяснения прямо исходят из того, что договор строительного подряда в такой конфигурации надлежащим образом исполнен быть не может, поскольку лицо фактически должно контролировать, принимать и предъявлять претензии самому себе. Та же логика работает и при попытке передать генеральному подрядчику ключевые функции технического заказчика: подрядчик не может быть независимым носителем строительного контроля в той части, в какой он проверяет собственные работы. В этой точке гражданско-правовая логика и логика градостроительной безопасности совпадают. [6]

Нормативно-технический контур регулирования дополняет, но не устраняет указанных проблем. СП 48.13330.2019 был разрабо-

тан в целях обеспечения соблюдения требований Федерального закона № 384-ФЗ, а в пункте 9.1.8 прямо закрепляет, что застройщик или технический заказчик контролирует полноту строительного контроля, осуществляемого лицом, ведущим строительство. Дальнейшие положения СП связывают с застройщиком или техническим заказчиком входной контроль документации, материалов и результатов отдельных этапов. После 1 сентября 2023 г. действует ГОСТ Р 57363–2023, заменивший редакцию 2016 г. и впервые в более современном виде стандартизовавший деятельность управляющего проектом, то есть технического заказчика. Наконец, приказом Минтруда от 12 сентября 2025 г. утвержден профессиональный стандарт «Специалист строительного контроля», вступивший в силу с 1 марта 2026 г. Эти документы демонстрируют очевидный вектор: законодатель и регуляторы все больше смещают акцент с абстрактного статуса к персонализированным функциям, процедурам проверки и квалификационным требованиям. Но именно здесь обнаруживается новый разрыв: технические и профессиональные стандарты становятся детальнее, чем гражданско-правовая конструкция ответственности, которая должна сопровождать их нарушение. [7]

Особенно показательна проблема членства в СРО. С одной стороны, градостроительное законодательство исторически исходит из того, что выполнение функций технического заказчика связано с профессиональной статусностью участника рынка. С другой стороны, Минстрой России в письме от 2 декабря 2025 г. специально разъяснил, что для осуществления застройщиком тех функций технического заказчика, которые предусмотрены пунктом 22 статьи 1 ГрК РФ, членство в соответствующих СРО не требуется. Одновременно та же разъяснительная практика подчеркивает, что заказчик, который самостоятельно организует работы, заключая несколько договоров подряда на проектирование и строительство, уже выступает лицом, самостоятельно организующим соответствующие виды работ, а значит, попадает в зону обязательного СРО-режима. Следовательно, ключевая юридическая проблема сегодня состоит не в ответе «нужно или не нужно СРО», а в распознавании границы между простым осуществлением функций технического заказчика и самостоятельной организацией отдельных видов работ. Именно эта граница в большинстве случаев остается для заказчиков, бюджетных учреждений, региональных УКов и проектных компаний недостаточно очевидной. [8]

Судебная практика показывает, что и вопрос об ответственности технического заказчика решается не автоматически, а через анализ конкретного объема принятых им обязанностей. В обзорах консультативной практики подчеркивается, что убытки, взыскиваемые с технического заказчика, представляют собой не «ответственность за качество всех работ подрядчика вообще», а последствия нарушения им собственных обязанностей по договору и по режиму строительного контроля. Это хорошо видно на примере дела № А18–1986/2024, рассмотренного Арбитражным судом Республики Ингушетия: по контракту на строительный контроль и техническое сопровождение школы прокуратура требовала взыскать с республиканского УКСа 9,2 млн руб. как сумму ущерба вследствие ненадлежащего контроля, однако суд, установив необходимость строгого доказывания причинной связи и соразмерности между объемом нарушений и стоимостью услуги, удовлетворил иск лишь частично, взыскав 63 051,62 руб. Иначе говоря, суд не принял соблазнительную, но юридически неверную формулу, при которой любой негативный итог стройки автоматически перекладывается на технического заказчика как на «универсального ответчика». [9]

Вместе с тем в иных конфигурациях практика движется в сторону усиления имущественных гарантий заказчика. Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 мая 2024 г. № 305-ЭС23–27922 по делу № А40–293899/2022 разъяснено, что режим субсидиарной ответственности СРО по статье 60.1 ГрК РФ применяется не только к классическим требованиям о реальном ущербе и неустойке, но при определенных обстоятельствах и к возврату неотработанного аванса как последствию ненадлежащего исполнения договора подряда, заключенного конкурентным способом. Для правового положения технического заказчика это важно по двум причинам. Во-первых, укрепляется идея о многоуровневом распределении строительного риска, в котором помимо подрядчика участвуют СРО и иные институты имущественного обеспечения. Во-вторых, становится очевиднее, что технический заказчик должен уже на стадии подготовки закупочной и договорной документации проектировать не только технический, но и исковой маршрут защиты интересов застройщика. [10]

Административный контур риска не менее значим. Официальные обобщения правоприменительной практики в сфере госстройнадзора относят к числу базовых составов правонарушений статьи 9.4 и 9.5 КоАП РФ. По статье 9.4 для юридических лиц предусмотрены штра-

фы от 300 тыс. до 600 тыс. руб., а при более опасных нарушениях – от 700 тыс. до 1 млн руб. либо административное приостановление деятельности. По статье 9.5 санкции связаны, в частности, со строительством без разрешения, нарушением порядка извещения о начале строительства и иными отступлениями от обязательной процедуры; для юридических лиц штраф здесь также может достигать 1 млн руб. В сочетании с обязанностями по строительному контролю это означает, что дефект в распределении полномочий между застройщиком, техническим заказчиком и подрядчиком быстро перерастает из чисто договорной проблемы в проблему публично-правовой ответственности. Особенно рискованной ситуации, когда договор на функции технического заказчика расплывчато описывает полномочия по проверке КС-2, ведению исполнительной документации, извещениям в надзорный орган и фиксации выявленных отступлений. [11]

Для оценки экономической значимости правовой неопределенности представляется допустимым использовать сценарный расчет. Поскольку отдельной официальной статистики по техническим заказчикам не публикуется, в качестве прокси-индикаторов берутся судебная статистика арбитражных споров и размер административных санкций. Если считать, что средний объем требований по одному рассмотренному строительному спору в 2024 г. составил около 6,3 млн руб., а вероятность проекта столкнуться хотя бы с одним блоком нарушений статей 9.4 и 9.5 КоАП РФ создает дополнительный штрафной риск до 2 млн руб., то минимальная «цена» одного серьезного правового сбоя уже находится в диапазоне около 8,3 млн руб. без учета последствий по срокам. Если далее взять условный проект стоимостью 5 млрд руб. и допустить, что из-за дефектной договорной модели технического заказчика оформление действий по строительному контролю и приему документации задержало ввод объекта на 30 дней, то при расчетной стоимости связанного капитала 16% годовых потери от одного месяца задержки составят примерно 65,8 млн руб. Авторский вывод отсюда прост: в крупном проекте правовая архитектура деятельности технического заказчика перестает быть «юридическим сопровождением» в узком смысле и становится полноценным фактором проектной экономики. [12]

Сравнительно-правовой взгляд лишь усиливает этот вывод. В моделях FIDIC фигура Engineer или Employer's Representative тоже встроена в управление строительным проектом от имени заказчика, однако соответствующие формы подчеркивают двойственную природу этой фигуры: инженер, как правило, действует для работодателя, но при разрешении отдельных требований должен формировать справедливое, профессионально независимое определение. В российском праве технический заказчик подобной «квази-нейтральной» функцией в стандартной модели не наделен: он последовательно остается представителем интересов застройщика. Поэтому попытки практики наделить его одновременно ролью стратегического проектного управляющего, независимого контролера и публичного гаранта качества без специального нормативного разграничения неизбежно приводят к перегрузке статуса. Иначе говоря, российскому праву не следует механически заимствовать зарубежную терминологию owner's representative или engineer; для него важнее четко развести представительство, управление, контроль и сертификацию результата. [13]

Отсюда вытекают и предложения по совершенствованию регулирования. На уровне Градостроительного кодекса целесообразно перейти от общей дефиниции технического заказчика к функционально-стадийной модели, в которой отдельно будут закреплены полномочия на предпроектной стадии, в стадии проектирования, в стадии строительства и в стадии ввода объекта. В том же кодексе необходимо прямо указать, какие функции могут быть делегированы, какие не подлежат совмещению с функциями подрядчика, а какие допускают выполнение силами самого застройщика без режима СРО и при каких условиях. На уровне гражданского права назрела потребность в законодательном признании договора с техническим заказчиком как поименованного смешанного договора проектного управления с обязательными условиями о предмете, стандарте должной осмотрительности, отчетности, границах представительства, порядке согласования указаний застройщика и страховании профессиональной ответственности. На уровне подзаконного регулирования следует жестче увязать СП 48.13330.2019, профессиональный стандарт специалиста строительного контроля и цифровые обязанности по информационной модели объекта: в цифровой среде нужно точно понимать, кто и какой электронной подписью подтверждает входной контроль, приемку этапа, замечание к исполнительной документации и готовность объекта к вводу. Наконец, для практики закупок желательно разработать типовую контрактную матрицу распределения ответственности между застройщиком, техническим заказчиком и подрядчиком, особенно для

бюджетных проектов, где размытость функций потом трансформируется в претензии прокуратуры, КСП и органов стройнадзора. [14]

Таким образом, основной вывод исследования состоит в том, что проблемы правового обеспечения деятельности технического заказчика в строительстве имеют системный, а не частный характер. Действующее регулирование достаточно широко описывает, что именно делает технический заказчик, но гораздо слабее отвечает на вопросы, по какой модели он отвечает, где проходит граница его представительства, какие функции нельзя совмещать, когда возникает СРО-обязанность и как соотносятся его договорная, административная и деликтная ответственность. Судебная практика постепенно вырабатывает ориентиры, но делает это казусно и уже после того, как конфликт материализовался в спор или проверку. Для отрасли, в которой ежегодно вводятся свыше ста миллионов квадратных метров жилья и существует высокая плотность строительных споров, такая модель запаздывающего правового реагирования обходится слишком дорого. Поэтому укрепление института технического заказчика должно идти не по пути механического расширения его обязанностей, а по пути точной юридической настройки его статуса как профессионального представителя и управляющего проектом, несущего ответственность за собственный фронт действий, но не превращаемого в универсального носителя всех строительных рисков. [15]

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ: в ред. от 23.03.2026.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ; Часть вторая: Федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ.
3. Российская Федерация. Законы. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: Федер. закон от 30.12.2009 № 384-ФЗ: в ред. от 25.12.2023.
4. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р.
5. СП 48.13330.2019. Организация строительства. СНиП 12–01–2004. – Москва: Минстрой России, 2025.
6. ГОСТ Р 57363–2023. Управление проектом в строительстве. Деятельность управляющего проектом (технического заказчика). – Москва: Стандартинформ, 2023.
7. Российская Федерация. Министерство труда и социальной защиты. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист строительного контроля»: приказ Минтруда России от 12.09.2025 № 558н.
8. Росстат. О жилищном строительстве в 2024 году. – Москва: Федеральная служба государственной статистики, 2025.
9. Юрьева Н. Г., Бекетов О. И. Об административно-правовом статусе контролируемых лиц, в отношении которых осуществляется государственный строительный надзор // *Baikal Research Journal*. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 1236–1243. – DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1236-1243.
10. Ковалева О. А. Технический заказчик и его функции при работе по договорам строительного подряда // Молодой ученый. – 2024. – № 45 (544). – С. 288–290.
11. Минстрой России. О разъяснении необходимости членства застройщика в саморегулируемой организации: письмо от 02.12.2025 № 33814-ОГ/18.
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2019 № 309-ЭС19–18504 по делу № А71–16106/2018.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2024 № 305-ЭС23–27922 по делу № А40–293899/2022.

14. Решение Арбитражного суда Республики Ингушетия от 10.01.2025 по делу № А18–1986/2024.

LEGAL SUPPORT FOR TECHNICAL CUSTOMER ACTIVITIES IN CONSTRUCTION

Yakimenko M.S., Simonyan D.G., Kudryashev A.V., Volchkov V.N., Khromushkin V.I.
Moscow State University of Civil Engineering

This article proceeds from the premise that, within the contemporary Russian construction model, the technical customer has long ceased to be merely a “document administrator” and has effectively become the central hub of legal and organizational project coordination. The technical customer serves as the focal point through which contracts for engineering surveys, design, and construction are managed, construction supervision is organized, documentation for commissioning is prepared, and interaction with contractors and public authorities is maintained. At the same time, the regulatory framework governing its activities remains fragmented: urban planning legislation outlines a set of functions, civil law establishes general principles of representation and contractual relations, while standards and codes of practice define the technical scope of responsibilities but fail to provide a comprehensive model for risk allocation. The most contentious issues currently include the legal qualification of the technical customer agreement, the limits of combining technical customer functions with those of a contractor, the criteria for mandatory membership in self-regulatory organizations (SROs), the relationship between contractual, administrative, and tort liability, as well as the digitalization of document management and construction supervision. Empirical evidence confirms the practical significance of these issues: in 2024, Russian commercial courts considered 28,013 disputes arising from construction contracts, with the total amount of claims exceeding RUB177 billion. At the same time, the construction sector continues to operate under significant pressure, as housing commissioning reached 107.8 million square meters in 2024 and 108.1 million square meters in 2025. Under these conditions, legal uncertainty regarding the status and powers of the technical customer is transformed into direct financial losses for construction projects.

Keywords: technical customer; construction activity; urban planning legislation; construction supervision; self-regulatory organizations (SROs); construction contract; legal liability; judicial practice; digitalization of construction; investment and construction project; construction management; state construction supervision.

References

1. Russian Federation. Laws. Urban Planning Code of the Russian Federation: Federal Law No. 190-FZ dated 29 December 2004: as amended on 23 March 2026.
2. Russian Federation. Laws. Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law No. 51-FZ dated 30 November 1994; Part Two: Federal Law No. 14-FZ dated 26 January 1996.
3. Russian Federation. Laws. Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures: Federal Law No. 384-FZ dated 30 December 2009: as amended on 25 December 2023.
4. Russian Federation. Government. On Approval of the Strategy for the Development of the Construction Industry and Housing and Utilities Sector of the Russian Federation until 2030 with a Forecast until 2035: Decree of the Government of the Russian Federation No. 3268-r dated 31 October 2022.
5. SP 48.13330.2019. Construction Management. SNiP 12–01–2004. Moscow: Ministry of Construction of Russia, 2025.
6. ГОСТ Р 57363–2023. Project Management in Construction. Activities of the Project Manager (Technical Customer). Moscow: Standartinform, 2023.
7. Russian Federation. Ministry of Labour and Social Protection. On Approval of the Professional Standard “Construction Supervision Specialist”: Order of the Ministry of Labour of Russia No. 558n dated 12 September 2025.
8. Rosstat. Housing Construction in 2024. Moscow: Federal State Statistics Service, 2025.
9. Yuryeva N. G., Beketov O. I. On the Administrative and Legal Status of Controlled Persons Subject to State Construction Supervision // *Baikal Research Journal*. 2023. Vol. 14, No. 3. P. 1236–1243. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1236-1243.
10. Kovaleva O. A. The Technical Customer and Its Functions under Construction Contracts // *Young Scientist*. 2024. No. 45 (544). P. 288–290.
11. Ministry of Construction of Russia. On Clarification of the Need for a Developer's Membership in a Self-Regulatory Organization: Letter No. 33814-OG/18 dated 2 December 2025.
12. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21 October 2019 No. 309-ES19–18504 in Case No. A71–16106/2018.
13. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24 May 2024 No. 305-ES23–27922 in Case No. A40–293899/2022.
14. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Ingushetia dated 10 January 2025 in Case No. A18–1986/2024.

Модели управления пенитенциарной средой как фактор предупреждения преступлений против сотрудников исправительных учреждений

Апатов Станислав Эдуардович,
аспирант ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: apatov.stas@mail.ru

В статье рассматриваются преступления, совершаемые в отношении сотрудников исправительных учреждений, через призму моделей управления пенитенциарной средой. Особое внимание уделено условной криминологической типологии «красных» и «черных» зон, отражающей различное соотношение формальной власти администрации и неформального влияния криминальной субкультуры. Обосновывается вывод о том, что ни административно-репрессивная, ни неформально-субкультурная модель не обеспечивают устойчивого предупреждения посягательств на персонал. Наиболее результативной представляется модель легитимного правового контроля, основанная на сочетании режима, надзора, профилактики конфликтов, технической защищенности, кадровой устойчивости и соблюдения принципов уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность; красные зоны; черные зоны; криминальная субкультура; дисциплинарная власть; легитимный контроль.

Проблема обеспечения безопасности сотрудников исправительных учреждений имеет самостоятельное значение для уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), поскольку деятельность персонала непосредственно связана с поддержанием режима, предупреждением нарушений установленного порядка и обеспечением управляемости пенитенциарной среды. Преступления, совершаемые в отношении сотрудников УИС, нельзя рассматривать только как отдельные конфликтные эпизоды между осужденными и представителем администрации. По своему содержанию они затрагивают более широкий круг отношений, связанных с устойчивостью функционирования исправительного учреждения, авторитетом законных требований администрации и возможностью государства обеспечивать исполнение наказания в условиях изоляции от общества. Их общественная опасность проявляется не только в причинении вреда конкретному сотруднику, но и в создании условий для ослабления дисциплины, распространения установок на сопротивление администрации и усиления влияния неформальных норм поведения в среде осужденных.

Криминологическая характеристика подобных преступлений показывает, что они формируются под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов: повышенной конфликтности пенитенциарной среды, влияния криминальной субкультуры, дефицита кадров, профессиональной нагрузки на сотрудников, недостаточной профилактики конфликтов и ограниченности технических средств обеспечения безопасности. Исправительное учреждение представляет собой закрытую социальную систему, в которой нарушение баланса между режимным контролем, правовым воздействием и неформальным влиянием осужденных способно привести к росту напряженности и агрессивных форм противодействия персоналу [1, с. 374; 5, с. 459].

Вместе с тем для дальнейшего исследования представляется важным рассмотреть не только причины и условия преступлений против сотрудников УИС, но и более широкий вопрос – каким образом модель управления пенитенциарной средой влияет на вероятность совершения таких деяний. В данном аспекте особый интерес представляет анализ так называемых «красных» и «черных» зон как условных криминологических моделей распределения власти внутри исправительного учреждения. Несмотря на отсутствие нормативного закрепления данных понятий, они позволяют показать различие между административно-дисциплинарным доминированием, неформально-субкультурным регулированием и правовой моделью легитимного контроля.

В социологической литературе учреждения с доминирующим положением администрации, или так называемые «красные» колонии, описываются как учреждения, где практически отсутствует самостоятельная внутренняя власть заключенных и установлен жесткий режим администрации. «Черные» колонии, напротив, характеризуются разделением фактической власти между администрацией и осужденными либо значительным влиянием правил, устанавливаемых криминальными авторитетами [2, с. 151].

С формально-правовой точки зрения положительная сторона «красной» модели заключается в обеспечении управляемости учреждения.

В соответствии с УИК РФ режим в исправительных учреждениях представляет собой совокупность мероприятий, направленных на обеспечение охраны и изоляции лиц, отбывающих наказание. В рамках данного режима осуществляется непрерывный контроль за поведением осужденных, исполнение возложенных на них обязанностей, а также реализация их прав и законных интересов. Кроме того, режим включает комплекс мер, направленных на обеспечение личной безопасности как осужденных, так и сотрудников исправительных учреждений. В этом смысле усиленная административная вертикаль позволяет быстрее пресекать нарушения установленного порядка, ограничивать распространение криминальной субкультуры, препятствовать формированию устойчивых неформальных групп влияния и снижать риск открытого неповиновения законным требованиям сотрудников.

Преимущество данной модели также заключается в том, что она формально возвращает администрации монополию на регулирование внутренней среды исправительного учреждения. Для предупреждения преступлений против персонала это имеет значение, поскольку устойчивое влияние криминальной иерархии способно легитимировать

агрессию в отношении сотрудников УИС как способ самоутверждения осужденного либо демонстрации независимости от официальной власти. Наличие неформальных иерархий, повышенной конфликтности и недостаточной профилактики конфликтов создает условия для совершения посягательств на сотрудников исправительных учреждений [1, с. 375; 5, с. 463].

Вместе с тем «красная» модель не может оцениваться исключительно положительно. Ее криминогенный риск проявляется в том, что жесткий административный контроль при отсутствии правовой легитимности способен формировать скрытую конфликтность. Если дисциплинарное воздействие воспринимается осужденными не как законное требование администрации, а как произвольное давление, оно может усиливать враждебность к персоналу, провоцировать демонстративное неповиновение, угрозы, жалобы, групповые протестные действия либо насильственные формы сопротивления. Поэтому сама по себе жесткость режима не гарантирует снижения преступлений против сотрудников УИС.

Отдельный риск связан с использованием администрацией зависимых от нее осужденных для поддержания внутреннего порядка. В исследовании Е.Л. Омельченко отмечается, что в «красных» колониях вокруг лиц, сотрудничающих с администрацией, формируется особая система статусов, ритуалов и дистанцирования, а часть управленческих функций может фактически передаваться таким осужденным [2, с. 151]. Для безопасности персонала это имеет двойственный эффект: с одной стороны, администрация получает каналы контроля и информации; с другой – возникает риск неформального посредничества, зависимости от отдельных групп осужденных и скрытых конфликтов между «сотрудничающими» и остальной массой осужденных.

Криминогенность чрезмерно жесткой модели проявляется и в том, что она может снижать не сам уровень напряженности, а лишь его внешнюю выраженность. Открытых нарушений режима может становиться меньше, однако конфликт может переноситься в латентную форму. В результате преступление против сотрудника УИС может возникать не как спонтанная реакция, а как результат длительного накопления агрессии, ощущения несправедливости, страха наказания либо стремления восстановить статус в глазах других осужденных. Поэтому «красная» модель управления может быть эффективной только при условии, что административный контроль имеет правовой, предсказуемый и процедурно прозрачный характер.

«Черная» модель управления может создавать иллюзию относительной стабильности. Неформальная иерархия способна регулировать отдельные бытовые конфликты между осужденными, поддерживать внутренний порядок в отрядах и снижать количество мелких открытых нарушений, поскольку часть вопросов разрешается не через официальные процедуры, а через авторитет неформальных лидеров. Для администрации это иногда может выглядеть как снижение нагрузки на персонал и уменьшение числа повседневных конфликтов. Однако подобная «стабильность» является крайне условной, поскольку она достигается не за счет законного режима, а за счет параллельной системы власти, не предусмотренной уголовно-исполнительным законодательством.

Главный криминогенный риск «черной» модели состоит в том, что криминальная субкультура начинает выполнять роль альтернативного регулятора поведения осужденных. В такой системе законные требования сотрудника УИС могут восприниматься не как обязательные правила режима, а как вмешательство во внутреннюю иерархию осужденных. В результате возрастает риск неповиновения, угроз, давления на персонал и демонстративных насильственных действий. Исследователи отмечают, что криминальная субкультура характеризуется устойчивыми нормами, жаргоном, статусной иерархией и высокой способностью к воспроизводству в среде осужденных [1, с. 374].

Особую опасность представляет то обстоятельство, что в «черной» модели противоправное поведение может получать групповое одобрение. Если нападение, угроза либо демонстративное неповиновение сотруднику воспринимаются как подтверждение «авторитета» осужденного, преступление перестает быть только индивидуальным актом агрессии и становится элементом поддержания неформального статуса. В таких условиях сотрудник сталкивается не только с конкретным нарушителем, но и с системой неформального давления, которая может препятствовать выявлению виновных.

Дополнительный риск «черной» модели связан с коррупционными и манипулятивными связями между отдельными сотрудниками и осужденными. Если администрация фактически допускает существование неформальных посредников, повышается вероятность передачи запрещенных предметов, предоставления неофициальных привилегий, шантажа, зависимости отдельных сотрудников от криминальной среды и утраты ими служебной самостоятельности.

В отличие от «красной» модели, где основной риск связан с чрезмерным административным давлением, «черная» модель опасна прежде всего утратой государством фактической монополии на управление исправительным учреждением. При сохранении внешней формы режима внутри учреждения может действовать параллельная система правил, основанная на авторитете криминальной среды. Это снижает предсказуемость поведения осужденных, затрудняет профилактику конфликтов и повышает вероятность того, что обычное режимное требование сотрудника будет воспринято как вызов неформальному порядку.

Таким образом, условное преимущество «черной» модели состоит лишь в способности криминальной среды временно регулировать отдельные внутренние конфликты и поддерживать видимость порядка. Однако это преимущество не имеет правового значения и не может рассматриваться как допустимый способ управления исправительным учреждением. Ее криминогенные риски значительно выше: усиление криминальной субкультуры, снижение авторитета администрации, групповое давление на персонал, легитимация насилия против сотрудников, коррупционные связи и рост латентной конфликтности. В связи с этим «черная» модель должна рассматриваться не как альтернатива административному управлению, а как показатель ослабления законной управляемости пенитенциарной среды.

Теоретическая модель дисциплинарной власти, раскрытая М. Фуко, позволяет рассматривать исправительное учреждение не только как место изоляции осужденных, но и как пространство постоянного наблюдения, регламентации поведения и управленческого воздействия на личность. В работе «Надзирать и наказывать» тюрьма анализируется как один из ключевых институтов дисциплинарного общества, где контроль осуществляется через надзор, распорядок, фиксацию поведения и формирование управляемого субъекта [3, с. 248].

Однако применительно к предупреждению преступлений против сотрудников УИС важно учитывать, что дисциплина сама по себе не является универсальным средством обеспечения безопасности. Чрезмерно жесткий контроль, не сопровождаемый правовой определенностью и уважением к установленным процедурам, может не снижать конфликтность, а переводить ее в скрытую форму. В этом случае внешняя управляемость учреждения сохраняется, но внутри пенитенциарной среды накапливаются напряжение, агрессия и недоверие к законным требованиям администрации.

Именно поэтому дисциплинарная модель должна быть соотнесена с принципом демократизма уголовно-исполнительного законодательства. УИК РФ базируется на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства всех осужденных перед законом, а также на дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний. Кроме того, данное законодательство предусматривает рациональное применение мер принуждения и стимулирование правоуправляемого поведения осужденных [4]. В данном контексте демократизм не означает ослабления режима или отказа от дисциплины. Его значение состоит в том, что власть администрации должна быть правовой, предсказуемой и легитимной.

Следовательно, наиболее результативной для предупреждения преступлений против сотрудников исправительных учреждений является не модель тотального подавления и не модель неформальной саморегуляции среды осужденных, а правовая модель легитимного контроля. Она предполагает сочетание режима, надзора и дисциплины с профилактикой конфликтов, защитой прав осужденных, реальной безопасностью персонала и прозрачностью управленческих решений. В такой системе требование сотрудника воспринимается не как произвольное давление, а как законное проявление установленного порядка исполнения наказания.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что система предупреждения преступлений против сотрудников должна строиться не на механическом усилении жесткости режима, а на повышении качества управляемости пенитенциарной среды. В первую очередь целесообразно развивать систему постоянного мониторинга оперативной обстановки, позволяющую своевременно выявлять признаки роста конфликтности, влияния неформальных лидеров, распространения криминальной субкультуры и подготовки групповых форм противодействия администрации. В научной литературе по вопросам безопасности исправительных учреждений подчеркивается, что эффективное предупреждение преступности и обеспечение безопасности персонала требуют постоянного контроля за оперативной обстановкой в учреждении [5, с. 462].

Вторым направлением является усиление профилактической работы с осужденными, склонными к конфликтному, демонстративному или насильственному поведению. В этом аспекте важное значение имеет профилактический учет, который с 2025 года прямо закреплен

в ст. 82.1 УИК РФ как элемент работы исправительных учреждений с осужденными к лишению свободы. Однако такой учет должен использоваться не формально, а как инструмент индивидуальной профилактики: оценки поведения осужденного, выявления его связей с неформальной средой, предупреждения давления на других осужденных и своевременного реагирования на угрозы персоналу.

Третье направление связано с техническим обеспечением безопасности. Использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля позволяет не только фиксировать нарушения, но и снижать латентность конфликтов между осужденными и сотрудниками [6]. Статья 83 УИК РФ прямо предусматривает возможность применения таких средств для предупреждения преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и получения информации о поведении осужденных. При этом технический контроль должен рассматриваться не как замена профессиональной работе персонала, а как средство повышения прозрачности режима и защиты как сотрудников, так и осужденных от необоснованных обвинений и провокаций.

Четвертым направлением является снижение зависимости администрации от неформальных посредников из числа осужденных. Профилактика преступлений против персонала должна включать последовательное ограничение неформальных каналов влияния, пресечение коррупционных связей, контроль за распространением запрещенных предметов и исключение ситуаций, при которых отдельные группы осужденных получают привилегированное положение. Данное направление непосредственно связано с нейтрализацией криминальной субкультуры как фактора, влияющего не только на пенитенциарную преступность, но и на деятельность учреждений УИС [1, с. 374].

Пятым направлением является укрепление кадровой устойчивости и профессиональной подготовки сотрудников УИС [7]. Конфликтная среда исправительного учреждения требует от персонала не только знания режима, но и навыков психологической устойчивости, деэскалации конфликтов, распознавания манипулятивного поведения и реагирования на угрозы. Концепция развития УИС до 2030 года связывает дальнейшее развитие системы, в том числе, с формированием стабильного высокопрофессионального кадрового состава, созданием условий для службы, развитием материально-технической базы и повышением привлекательности службы в учреждениях УИС [8].

Анализ условных моделей «красной» и «черной» зоны позволяет сделать вывод о том, что безопасность сотрудников исправительных учреждений не может обеспечиваться исключительно за счет усиления дисциплинарного давления либо фактического использования неформальных механизмов саморегуляции среды осужденных [9, 10]. «Красная» модель обладает управленческим преимуществом в виде укрепления административного контроля, однако при отсутствии правовой легитимности способна формировать скрытую конфликтность. «Черная» модель, напротив, может создавать видимость внутреннего порядка, но фактически усиливает криминальную субкультуру, снижает авторитет администрации и повышает риск давления на персонал.

Наиболее перспективной для предупреждения преступлений против сотрудников УИС является модель легитимного правового контроля. Ее содержание заключается в соединении режима, надзора и дисциплины с законностью, прозрачностью процедур, индивидуальной профилактикой, технической защищенностью и кадровой устойчивостью. В такой модели администрация сохраняет фактическую управляемость учреждением, но реализует ее не через произвольное давление, а через правовые и предсказуемые механизмы. Именно это позволяет снизить вероятность трансформации обычного режимного конфликта в преступное посягательство на сотрудника исправительного учреждения.

Практическое значение проведенного анализа состоит в том, что предупреждение преступлений против персонала УИС должно быть связано не только с охраной и надзором, но и с оценкой внутренней модели власти в конкретном учреждении. Чем выше влияние криминальной субкультуры либо чем менее легитимным воспринимается административный контроль, тем выше риск дестабилизации пенитенциарной среды. Поэтому дальнейшее совершенствование профилактической работы должно опираться на постоянный мониторинг оперативной обстановки, ограничение неформальных каналов влияния, развитие технических средств контроля, индивидуальный профилактический учет и повышение профессиональной устойчивости сотрудников УИС.

Литература

1. Дворянсков, И. В., Сика, А. М. Влияние криминальной субкультуры на преступное поведение осужденных к принудительным работам // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 4 (60). С. 372–379.

2. Омельченко, Е. Л. Красные и черные: гендерное измерение структур различия и исключения в мужских колониях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 2. С. 143–159.

3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

4. Комаров, С. В. Организация взаимодействия отделов и служб исправительных учреждений по вопросам обеспечения безопасности сотрудников // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 7(206). – С. 18–22.

5. Громов, В. Г. Вопросы безопасности в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17, № 4. С. 459–464.

6. Ураков, А. С. К вопросу о взаимодействии отдела безопасности с отделами и службами исправительного учреждения // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2016. – № 1(20). – С. 50–54.

7. Восканян, Р. О. Решение проблемы нехватки квалифицированных кадров // Инновационное развитие экономики. – 2021. – № 4(64). – С. 63–68.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

9. Гришко, Л. Е. Обеспечение экономической безопасности объектов уголовно-исполнительной системы и повышение роли общественного контроля и прокурорского надзора за ее деятельностью // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28, № 3. – С. 440–444.

10. Ложкина, Л. В. Организационно-правовые аспекты обеспечения осужденному личной безопасности в условиях изоляции от общества // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33, № 6. – С. 1053–1059.

MODELS OF MANAGING THE PENITENTIARY ENVIRONMENT AS A FACTOR IN PREVENTING CRIMES AGAINST CORRECTIONAL OFFICERS

Apatov S.E.

Russian Ministry of Justice Law School

The article examines crimes against correctional officers through the prism of penitentiary environment management models. Special attention is paid to the conventional criminological typology of “red” and “black” zones, reflecting different correlations between the formal authority of the administration and the informal influence of criminal subculture. The author substantiates the conclusion that neither an administrative-repressive nor an informal-subcultural model ensures sustainable prevention of attacks against staff. The most effective approach is a model of legitimate legal control based on a combination of regime requirements, supervision, conflict prevention, technical security, staff stability and compliance with the principles of penal legislation.

Keywords: penitentiary crime; red zones; black zones; criminal subculture; disciplinary power; legitimate control.

References

1. Dvoryanskov, I. V., Sika, A. M. “The Influence of Criminal Subculture on the Criminal Behavior of Those Sentenced to Forced Labor” // Penitentiary Science. 2022. Vol. 16. No. 4 (60). Pp. 372–379.

2. Omelchenko, E. L. “Reds and Blacks: The Gender Dimension of Structures of Difference and Exclusion in Men’s Colonies” // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2016. Vol. XIX. No. 2. Pp. 143–159.

3. Foucault, M. “Discipline and Punish. The Birth of Prison” / translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 p.

4. Komarov, S.V. Organization of interaction between departments and services of correctional institutions on issues of ensuring the safety of employees // Bulletin of the criminal-executive system. – 2019. – No. 7 (206). – P. 18–22.

5. Gromov, V.G. Security issues in correctional institutions // Criminal-executive law. 2022. Vol. 17, No. 4. P. 459–464.

6. Urakov, A.S. On the issue of interaction between the security department and departments and services of the correctional institution // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2016. – No. 1 (20). – P. 50–54.

7. Voskanyan, R.O. Solving the problem of shortage of qualified personnel // Innovative development of the economy. – 2021. – No. 4(64). – P. 63–68.

8. Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r “On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation through 2030” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 20. Art. 3397.

9. Grishko, L.E. Ensuring the Economic Security of Penal System Facilities and Enhanced Role of Public Control and Prosecutor’s Supervision over Its Activities // Man: Crime and Punishment. – 2020. – Vol. 28, No. 3. – P. 440–444.

10. Lozhkina, L.V. Organizational and Legal Aspects of Ensuring a Convict’s Personal Security in Conditions of Isolation from Society // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. – 2023. – Vol. 33, No. 6. – P. 1053–1059.

История развития государственного механизма противодействия незаконному игорному бизнесу в России (1990-е годы – настоящее время)

Балахоев Имран Микаилович,

аспирант, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

E-mail: imka2001@mail.ru

Статья посвящена исследованию исторической эволюции государственного механизма противодействия незаконному игорному бизнесу в России в период с 1990-х годов по настоящее время. В работе последовательно рассматриваются этапы либерализации азартных игр после распада СССР, последующего усиления государственного контроля, введения модели игорных зон, формирования самостоятельных составов административной и уголовной ответственности, а также развития технических и организационных средств пресечения незаконных онлайн-казино. Особое внимание уделяется соотношению запретительных и профилактических мер, поскольку устойчивость подпольного игорного рынка обусловлена не только пробелами правоприменения, но и сохраняющимся социальным спросом на азартные игры. На основе анализа законодательства, правоприменительной практики и статистических сведений делается вывод о том, что современная система противодействия незаконной игорной деятельности должна строиться как комплексный механизм, объединяющий уголовно-правовые, административные, финансово-контрольные, информационно-блокировочные и социально-профилактические инструменты. Обосновывается необходимость дальнейшей адаптации законодательства и практики к технологическим формам нелегального гемблинга.

Ключевые слова: незаконный игорный бизнес; игорные зоны; статья 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации; административная ответственность; онлайн-казино; профилактика преступлений; государственный контроль.

Введение

Незаконный игорный бизнес представляет собой серьёзную проблему для государства и общества. Подпольные казино и залы игровых автоматов наносят ущерб экономике вследствие ухода от налогообложения и легализации доходов, полученных преступным путём, а также способствуют росту криминала и игровой зависимости, в том числе среди социально уязвимых групп населения. В России с начала 1990-х годов отношение государства к азартным играм претерпело радикальные изменения: от легального функционирования казино и иных игорных заведений до почти полного запрета игорной деятельности вне специально установленных территорий. Соответственно, эволюционировали и государственные механизмы противодействия незаконным азартным играм.

В настоящей статье рассматривается историческое развитие законодательства и практики правоохранительных органов в сфере борьбы с подпольным игорным бизнесом в России с 1990-х годов по настоящее время, приводятся статистические данные и даётся оценка эффективности дальнейших превентивных мер. Методологическое значение имеет рассмотрение незаконной игорной деятельности не только как формы экономического правонарушения, но и как криминологически устойчивого явления, адаптирующегося к изменению правовых и технологических условий [2], [7].

Легализация азартных игр в 1990-е годы

После распада СССР игорный бизнес в России первоначально был легализован и рассматривался как часть индустрии развлечений, регулируемая государством. В советский период азартные игры фактически находились под запретом, однако уже в конце 1980-х годов началась либерализация: первые казино появились в 1989 году в Таллине и Москве. В 1988 году для борьбы с нелегальными играми был сделан прецедент: в Уголовный кодекс РСФСР была введена статья 208.1 «Организация азартных игр», предусматривавшая уголовную ответственность за организацию игр на деньги повторно, после административного взыскания, и более строгое наказание при рецидиве [2]. Однако уже в начале 1990-х годов подход государства изменился: вместо запретов упор был сделан на регулирование и налогообложение игорного бизнеса.

В 1990-е и начале 2000-х годов казино, игровые залы и букмекерские конторы в России действовали на легальных основаниях при наличии лицензий и уплате налогов. Деятельность в сфере азартных игр регулировалась главой 29 Налогового кодекса Российской Федерации, установившей специальный налог на игорный бизнес, а также законодательством о лицензировании отдельных видов деятельности [8]. Органы власти субъектов Российской Федерации вводили локальные ограничения на размещение игорных заведений, включая требования о минимальном расстоянии от образовательных учреждений и ограничения режима работы.

К середине 2000-х годов индустрия азартных игр в стране достигла значительного масштаба. По оценкам, оборот рынка в 2005 году составлял 5–6 млрд долларов США; действовало около 400 тысяч игровых автоматов и 5000 игровых столов, было выдано свыше 6300 лицензий [5]. Одновременно возникали и нелегальные азартные игры – преимущественно в виде подпольных игровых клубов без лицензии либо организаций, уклоняющихся от налогов [6]. Тем не менее до конца 1990-х годов государственный механизм противодействия незаконным играм сводился главным образом к экономическому контролю, налоговым проверкам и применению норм о незаконном предпринимательстве. Специальных новых уголовных запретов на азартные игры после 1988 года длительное время не вводилось, поскольку игорный бизнес считался допустимым при условии соблюдения установленных правил.

Радикальный запрет и создание игорных зон (2006–2009 годы)

В середине 2000-х годов усилились общественные и политические настроения в пользу ограничения азартных игр. Казино и залы игровых автоматов стали восприниматься как угроза социальному благополучию: отмечалось вовлечение в азартные игры лиц с низкими доходами, молодёжи, учащихся, рост лудомании и связанной с ней преступности.

Кроме того, выявлялись многочисленные факты коррупции и уклонения владельцев казино от уплаты налогов, что подрывало доверие к легальности отрасли.

В 2006 году государство приняло беспрецедентные меры: был разработан законопроект о резком ограничении игорного бизнеса. Федеральный закон от 29 декабря 2006 года № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр» предусматривал запрет с 1 июля 2009 года деятельности казино и залов игровых автоматов на всей территории Российской Федерации, за исключением специально отведённых игорных зон [12]. Первоначально планировалось создать четыре игорные зоны в разных регионах: в Алтайском крае, Приморском крае, Калининградской области и на границе Краснодарского края и Ростовской области. В дальнейшем модель игорных зон неоднократно корректировалась.

Введение игорных зон означало, что с июля 2009 года все ранее действовавшие казино в городах, включая Москву, Санкт-Петербург и другие крупные центры, должны были закрыться или перенести деятельность в разрешённые анклавы. На практике большинство крупных операторов либо прекратили бизнес в России, либо переключились на смежные сферы, включая лотереи и букмекерские ставки, либо ушли в теневой сектор [5]. Создание самих игорных зон столкнулось с трудностями: инвесторы не спешили строить казино в удалённых районах без достаточной инфраструктуры.

Таким образом, после 2009 года легальный сектор азартных игр в Российской Федерации резко сократился, что, с одной стороны, соответствовало целям закона, направленного на защиту населения от игровой зависимости, но, с другой стороны, создало почву для развития незаконного игорного бизнеса вне зон. Подпольные игорные залы начали маскироваться под интернет-клубы, лотерейные залы, букмекерские конторы или закрытые клубы, чтобы обойти запрет. Для правоохранительных органов возникла новая задача: пресечение деятельности незаконных игорных заведений, число которых стало расти во многих регионах.

Совершенствование уголовно-правовых мер (2011–2018 годы)

Первоначально после вступления в силу запрета 2009 года выявленных нарушителей привлекали преимущественно к административной ответственности. Однако санкции были несоизмеримо малы по сравнению с доходами подпольных казино. Штрафы составляли лишь незначительную часть потенциальной выручки нелегального игрового салона. Осознавая недостаточность превентивного эффекта, правоохранительные органы и власти субъектов Российской Федерации выступили с инициативами ужесточить наказание для организаторов незаконных азартных игр.

Важнейшим этапом стало введение прямой уголовной ответственности за организацию незаконного игорного бизнеса. Федеральным законом от 20 июля 2011 года № 250-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьёй 171.2 «Незаконные организация и проведение азартных игр» [10]. Данное нововведение сделало подпольное проведение азартных игр уголовно наказуемым деянием, особенно при наличии квалифицирующих признаков: извлечение крупного дохода, совершение деяния группой лиц и иные обстоятельства [9]. Одновременно были внесены корреспондирующие изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: появилась статья 14.1.1, предусматривающая административные штрафы для случаев незаконных азартных игр без признаков преступления [4].

С 2011 года сформировалась двухуровневая система противодействия: административное наказание за менее значительные нарушения и уголовное наказание, вплоть до лишения свободы, за организацию азартных игр вне игорных зон, без лицензии или с извлечением значительной незаконной прибыли. Практика применения новых норм выявила определённые пробелы. Организаторы подпольных залов стремились минимизировать наличную выручку на местах, что затрудняло доказывание размера дохода. Кроме того, уголовные дела часто возбуждались не по каждому факту, а при систематическом характере деятельности или повторных нарушениях.

Показательным примером стала практика Республики Татарстан: в 2013 году были осуждены лица за организацию подпольного казино, а владелец сети игровых салонов в Казани был приговорён к штрафу при установленном незаконном доходе свыше 15 млн рублей [1]. Эти прецеденты демонстрировали усиление ответственности по сравнению с прежними символическими штрафами и подтвердили необходимость дальнейшего развития уголовно-правового механизма.

Законодатель продолжил совершенствовать систему противодействия. В 2014 году вступил в силу Федеральный закон от 21 июля

2014 года № 222-ФЗ, который внёс изменения в регулирование азартных игр и фактически закрыл правовой пробел, связанный с онлайн-гемблингом [11]. С 2015 года государство получило технический инструмент пресечения нелегальных онлайн-игр: Роскомнадзор во взаимодействии с уполномоченными органами стал блокировать сайты онлайн-казино в административном порядке. Благодаря этому ежегодно ограничивается доступ к значительному числу интернет-ресурсов азартных игр. Однако организаторы быстро адаптируются, создавая зеркала заблокированных сайтов и используя зарубежную инфраструктуру, что требует постоянного мониторинга.

Ещё одной важной мерой стало введение ответственности не только для организаторов игр, но и для тех, кто предоставляет им помещения и иное содействие. На практике владельцы помещений нередко сознательно сдавали площади под подпольные игровые залы, извлекая выгоду из высокой арендной платы. В 2018 году в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации были внесены изменения, прямо усиливающие ответственность за систематическое предоставление помещений для незаконных азартных игр [9]. Таким образом, арендодатели, фактически содействующие подпольным казино, также стали подпадать под уголовно-правовой запрет, что усилило превентивный эффект.

Правоприменительная практика и статистика

Государственный механизм противодействия незаконному игорному бизнесу включает комплекс мер: законодательные запреты, деятельность правоохранительных органов, судебное преследование виновных, административное воздействие, финансовый контроль и профилактические мероприятия. Практика последних лет показывает активизацию работы полиции по выявлению и пресечению подпольных казино. Проводятся регулярные рейды, создаются межведомственные рабочие группы, развивается взаимодействие полиции, прокуратуры, налоговых органов и органов, осуществляющих контроль в информационной сфере.

Например, только в Москве за 2014 год было ликвидировано более 1200 незаконных игорных заведений и возбуждено 33 уголовных дела в данной сфере [13]. В Республике Татарстан в 2013 году из подпольных клубов было изъято свыше 43 тысяч единиц игрового оборудования, что оказалось на 26% больше, чем годом ранее [1]. Эти цифры свидетельствуют о том, что сразу после запрета 2009 года подпольный бизнес приобрёл значительные масштабы, а правоохранительным органам приходилось последовательно наращивать усилия.

С введением статьи 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации число уголовных дел по незаконным азартным играм стало исчисляться сотнями ежегодно. В последние годы обозначилась тенденция к некоторому снижению зарегистрированных преступлений данного вида, особенно связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По данным ГИАЦ МВД России, количество выявленных преступлений, связанных с незаконной организацией азартных игр с использованием таких технологий, сокращалось: в 2019 году было выявлено 842 преступления, в 2020 году – 747, в 2021 году – 614, в 2022 году – 583 [3]. Это может свидетельствовать как об определённом сдерживающем эффекте принимаемых мер, так и о более глубоком уходе подпольных игр в скрытые формы.

Одновременно увеличивается число дел, доведённых до суда: если в 2021 году за организацию незаконных азартных игр были осуждены 946 человек, то в 2022 году – 1164 человека [3]. Это показывает, что правоохранительные органы стали эффективнее документировать и передавать в суд материалы по таким правонарушениям. Вместе с тем подпольный игорный бизнес сохраняется во всех регионах Российской Федерации, хотя и мигрирует в менее заметные формы. Организаторы переходят на закрытый формат: тайные клубы по приглашениям, конспиративные квартиры, мобильные передвижные казино. Распространены случаи маскировки под легальные формы: лотерейные клубы, интернет-кафе и иные заведения, фактически предоставляющие доступ к азартным играм.

Борьба с такими схемами требует существенных ресурсов оперативных служб. Отмечается также перекос в пользу административных дел: уголовных дел по статье 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации возбуждается больше, чем затем передаётся в суд, поскольку значительная часть расследований прекращается из-за недостатка доказательств или невозможности установить конкретных организаторов [7]. Это указывает на сложность доказывания в данной категории дел и необходимость совершенствования методик оперативно-розыскной деятельности.

Превентивные механизмы и теоретические выводы

Опыт двух последних десятилетий демонстрирует, что противодействие незаконному игорному бизнесу должно носить комплексный характер.

Одних запретительных законов недостаточно: необходимы их последовательная реализация на практике и устранение причин, порождающих подпольный спрос. В криминологической литературе отмечается, что эффективная профилактика преступлений в сфере азартных игр включает меры разных уровней [2], [7].

Первый уровень – совершенствование законодательства, своевременное восполнение пробелов и уточнение норм. Примерами являются принятие статей Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, запрет онлайн-казино, ужесточение наказаний для организаторов и пособников [4], [9], [10], [11]. Необходимо и далее развивать нормативную базу, учитывая появление новых форм игорного бизнеса, включая криптовалютные расчёты, трансграничные онлайн-платформы и иные цифровые способы обхода блокировок.

Второй уровень – адресная правоохранительная политика: проведение регулярных оперативных мероприятий, укрепление межведомственного взаимодействия, развитие специализированных компетенций полиции, налоговых органов, прокуратуры и органов, участвующих в блокировке интернет-ресурсов. Особое внимание должно уделяться антикоррупционным мерам внутри правоохранительной системы, поскольку незаконный игорный бизнес исторически уязвим к коррупционному прикрытию. Прозрачность и контроль за деятельностью должностных лиц повышают эффективность запретительного механизма.

Третий уровень – экономические и социальные меры. Высокое предложение нелегальных азартных игр во многом подпитывается устойчивым спросом со стороны зависимых игроков. Следовательно, необходимо развивать систему помощи лицам с игровой зависимостью, вести информационные кампании о вреде азартных игр, а также формировать доступные и безопасные формы досуга. Одновременно государство может предлагать строго контролируемые легальные каналы, такие как лотереи и ставки на спорт, где риски ниже, а финансовые потоки находятся под государственным контролем.

Четвёртый уровень – культурно-воспитательные меры, направленные на формирование в обществе негативного отношения к незаконному азартному поведению. Через систему образования, средства массовой информации и правовое просвещение следует разъяснять гражданам ответственность за организацию подпольных игр и риски участия в них. Пропаганда здоровых форм досуга и укрепление правовой культуры снижают склонность части населения к участию в опасных азартных практиках.

Следует подчеркнуть, что государственный запрет вне игровой зоны сам по себе является важной превентивной мерой, но его успех зависит от неотвратимости наказания. В этом контексте важны уголовные дела, доведённые до приговоров, конфискация имущества у организаторов, крупные штрафы для юридических лиц и пресечение содействия со стороны арендодателей. Одновременно необходима системная профилактика: пока сохраняется высокий потребительский спрос, подпольный рынок будет стремиться его удовлетворить. Поэтому стратегия государства должна сочетать репрессивный и превентивный подходы: от полицейских рейдов до адресной помощи зависимым игрокам.

Заключение

История развития механизма противодействия незаконному игорному бизнесу в России демонстрирует переход от либеральной модели 1990-х годов к жёсткому регулирующие-запретительному режиму 2010-х годов. Накопленный опыт свидетельствует, что одних законодательных запретов оказалось недостаточно: потребовалось постоянное совершенствование норм и устойчивое ресурсное обеспечение правоохранительных органов. Введение специализированных статей Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, создание игорных зон, запрет интернет-казино, усиление санкций и расширение круга привлекаемых к ответственности лиц существенно укрепили государственный контроль над игровой сферой.

Статистика последних лет показывает определённое снижение выявляемых преступлений и рост числа наказанных организаторов, что можно рассматривать как положительную тенденцию [3]. В то же время нелегальный игорный бизнес адаптируется к новым условиям и продолжает существовать, используя скрытые формы и технологические лазейки. Это означает, что борьба с ним должна носить длительный и комплексный характер.

Можно заключить, что государственный механизм противодействия незаконным азартным играм в Российской Федерации за три десятилетия стал значительно более развитым: от эпизодических мер советского периода и пробелов 1990-х годов – до современной разветвлённой системы законов и институтов, призванных предотвратить

и наказать организацию подпольных игр. Дальнейшее развитие данного механизма видится в усилении международного сотрудничества для борьбы с онлайн-казино, размещёнными за рубежом, в повышении эффективности правоприменения, а также в реализации профилактических программ, снижающих социальные причины игровой зависимости. Только сочетание правовых, экономических и воспитательных мер позволит минимизировать масштабы незаконного игорного бизнеса и связанные с ним негативные последствия для общества.

Литература

1. Акчурин Р. Игорный бизнес страшен больше, чем его малюют // МВД Республики Татарстан. 06.03.2014.
2. Ганюшкина С.Д. Исторический анализ развития мер противодействия преступлениям в сфере игорного бизнеса // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». 2024.
3. Ежегодные статистические сведения ГИАЦ МВД России о состоянии преступности за 2019–2022 годы.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Коммерсантъ. Десять лет вне игры. 21.06.2019.
6. Киров И. Игорный бизнес уходит в тень // Комсомольская правда. 30.06.2009.
7. Лыхо Ю.В. Особенности предупреждения незаконной игровой деятельности в Российской Федерации // Время развития. 2025.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Федеральный закон от 20.07.2011 № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4598.
11. Федеральный закон от 21.07.2014 № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. 1). Ст. 4256.
12. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 7.
13. Якунин А. Выступление на совещании МВД // Агентство городских новостей «Москва». 15.12.2014.

THE DEVELOPMENT OF THE STATE MECHANISM FOR COUNTERING ILLEGAL GAMBLING IN RUSSIA (THE 1990S–PRESENT)

Balakhoev I.M.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the historical evolution of the state mechanism for countering illegal gambling in Russia from the 1990s to the present day. It consistently analyzes the liberalization of gambling after the collapse of the Soviet Union, the subsequent strengthening of state control, the introduction of gambling zones, the formation of separate administrative and criminal-law offences, and the development of technical and organizational measures aimed at suppressing illegal online casinos. Particular attention is paid to the relationship between prohibitive and preventive measures, since the resilience of the shadow gambling market is caused not only by gaps in enforcement, but also by continuing social demand for gambling services. Based on legislation, law-enforcement practice and statistical data, the article concludes that the current system of countering illegal gambling should function as an integrated mechanism combining criminal-law, administrative, financial-control, website-blocking and social-preventive instruments. The need for further adaptation of legislation and enforcement practice to technologically advanced forms of illegal gambling is substantiated.

Keywords: illegal gambling; gambling zones; Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation; administrative liability; online casino; crime prevention; state control.

References

1. Akchurin R. Gambling Business Is More Dangerous Than It Is Portrayed // Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tatarstan. 06.03.2014. (In Russian).
2. Ganyushkina S.D. Historical Analysis of the Development of Measures to Counter Crimes in the Gambling Business // CyberLeninka Scientific Electronic Library. 2024. (In Russian).
3. Annual Statistical Data of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the State of Crime for 2019–2022. (In Russian).

4. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of 30.12.2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Art. 1. (In Russian).

5. Kommersant. Ten Years Out of the Game. 21.06.2019. (In Russian).

6. Kirov I. Gambling Business Goes Underground // Komsomolskaya Pravda. 30.06.2009. (In Russian).

7. Lykho Yu.V. Features of Preventing Illegal Gambling Activities in the Russian Federation // Vremya razvitiya. 2025. (In Russian).

8. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) No. 117-FZ of 05.08.2000 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 32. Art. 3340. (In Russian).

9. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954. (In Russian).

10. Federal Law No. 250-FZ of 20.07.2011 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30 (Part 1). Art. 4598. (In Russian).

11. Federal Law No. 222-FZ of 21.07.2014 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 30 (Part 1). Art. 4256. (In Russian).

12. Federal Law No. 244-FZ of 29.12.2006 "On State Regulation of Activities for the Organization and Conduct of Gambling and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1 (Part 1). Art. 7. (In Russian).

13. Yakunin A. Speech at a Meeting of the Ministry of Internal Affairs // Moscow City News Agency. 15.12.2014. (In Russian).

Противодействие вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность в условиях цифровизации

Белов Данила Александрович,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии, ВГУЮ (РПА Минюста России)

E-mail: danila.belov2001@list.ru

В статье анализируются причины вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность: механизмы вербовки через социальные сети и мессенджеры. Отмечается, что международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, а также создание на территории России своих законспирированных ячеек, в том числе путём вовлечения в противоправную деятельность российской молодежи. Рассматриваются правовые и технические инструменты профилактики и противодействия вербовке подростков.

Ключевые слова: деструктивизм, интернет, конфронтация, противоправная агитация, цифровизация, экстремизм

Экстремизм, являясь системной проблемой государства, широко известная проблема российского права. Молодёжный экстремизм представляет особый интерес для исследования в связи с тем, что большое количество российской молодёжи всё чаще совершает преступления экстремистского и террористического характера. По данным МВД России число несовершеннолетних, совершивших террористические преступления, в 2025 году в России выросло в 2,5 раза и в 1,5 раза количество лиц, совершивших преступления экстремистской направленности [1]. Эта статистика требует изучения причин и условий, способствующих росту экстремистских настроений как в обществе в целом, так и среди молодёжи в частности и путей снижения вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность. Особенному надзору со стороны органов правопорядка подлежат те источники информации, из которых молодёжь получает критическую, создающую почву для роста экстремистских настроений, противоправную агитацию.

Е. В. Панов определяет причины зарождения молодёжного экстремизма следующим образом:

1. большое различие материального достатка в разных слоях общества, низкий уровень дохода у большинства населения, снижение уровня жизни и социальных благ, изменение общественного мировоззрения;
2. снижение уровня социальной защищённости, отсутствие возможности повышения благосостояния законным путем, несовершенство правовой системы, обесценивание уровня образования и высококвалифицированных специалистов;
3. отрицательное влияние отдельных средств массовой информации на психологию людей различных социальных слоев общества;
4. стремление быстрого самоутверждения среди сверстников, осознание личной значимости в обществе, показательная конфронтация с правоохранительными органами, ощущение безнаказанности в противоправных действиях с использованием сети Интернет [2].

Особенностью молодёжного экстремизма является то, что в рамках вовлечения в преступную деятельность объект вовлечения, то есть вовлекаемое лицо, зачастую до конца не осознаёт общественной опасности совершаемых им деяний, а в ходе пропагандистской работы используются неконвенциональные способы вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность. Основным источником информации для молодёжи в XXI веке стал интернет. Социальные сети, мессенджеры, игровые и видеоплатформы, форумы являются одними из многих способов коммуникации несовершеннолетних. Часто подобными социальными сетями пользуются лица, осуществляющие экстремистскую и террористическую деятельность. Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, в том числе путём вовлечения в противоправную деятельность российской молодежи. Деятельность экстремистских сообществ всегда была направлена на насильственное изменение конституционного строя и нарушение территориальной целостности Российской Федерации, возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, их деятельность в совокупности ведёт к эскалации внутренних противоречий, ставит под удар государственную безопасность и жизнь и здоровье людей. Сегодняшние реалии позволяют утверждать о переносе организационных и пропагандистских ресурсов в интернет-пространство, что позволяет экстремистам развернуть свою деятельность на новом профессиональном уровне, увеличивая и охватывая аудиторию, и качество экстремистских материалов, и повышая их собственную безопасность, позволяя осуществлять преступную деятельность трансгранично.

Молодёжный экстремизм, как явление сам по себе, был широко распространён в 90-е годы на фоне развала государственных и социальных институтов бывшего СССР, на территорию новообразованного СНГ стали попадать проповедники исламского толка и подготовленные террористы. В государствах, с широким преобладанием мусульманского населения, они проводили активную агитацию с целью построения халифата на территории бывших республик СССР [3]. Во время контртеррористической операции на Северном Кавказе боевики актив-

но использовали несовершеннолетних для проведения диверсионно-террористических акций [4].

По прошествии лет экстремистское подполье было нейтрализовано, произошла стабилизация региона, уровень террористической опасности в значительной степени снизился. В то же время многие руководители бандформирований смогли скрыться за рубежом, откуда до сих пор продолжают свою деятельность, направленную на разобщение и дестабилизацию российского общества, на сей раз участвуя в деятельности экстремистских организаций с использованием современных средств связи и организации.

Особенностью пропаганды экстремизма в интернет-пространстве является возможность осуществления преступной деятельности анонимно. Различные средства маскировки IP-адресов, работа с территориями иностранных государств, возможность приобретения зарубежных электронных сим-карт позволяет преступникам выстраивать эффективное рабочее пространство, в котором они могут чувствовать себя безопасно.

Современный интернет в достаточной степени сегментирован. Различные социальные группы ищут разную информацию и являются потребителями различного контента, чему способствует высокий уровень развития поисковых алгоритмов. Использование технологий интернет-маркетинга и таргетирования позволяет преступникам обращаться к разным социальным группам, в значительной степени упрощая проведение пропагандистской работы. Возможность обращаться к людям с разным уровнем образования, разного социального статуса, возраста и пола способствует качественному улучшению подходов в пропагандистской работе и увеличению аудитории экстремистских организаций. Доступная и технологически развитая материальная база, в том числе искусственный интеллект, позволяют осуществлять перевод текста, аудио и видеофайлов на различные языки с высокой степенью точности, а генеративный искусственный интеллект позволяеткратно повысить количество производимого экстремистского контента. В большой степени это касается популярных видео-форматов: YouTube Shorts, TikTok и Reels (Деятельность организации «Meta» признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации). На данных платформах многократно возросло количество коротких видеороликов, пропагандирующих разность, насилие и вражду.

Основным потребителем контента на данных видеоплатформах является молодёжь. Согласно исследованию TikTok User Age, Gender, & Demographics (2026) среди пользователей из США четверть пользователей платформы TikTok находятся в возрастной категории от 18 до 24 лет. И хотя статистика по количеству несовершеннолетних пользователей отсутствует, в исследовании представлено количество общемирового контента, производимого на платформе несовершеннолетними, что составило порядка 27,47% от общего его количества видеоматериалов, создаваемых на платформе [5].

В России по данным исследовательской компании Mediascope на возрастную группу от 12 до 24 лет на YouTube в среднем по доле времени приходится 36%, на TikTok и Telegram по 24% [6]. Таким образом можно утверждать, что существенную долю контента в интернет-пространстве потребляют дети, подростки и студенты, которые ввиду возраста крайне восприимчивы к различного рода деструктивизму [7]. Даже при учёте верной работы алгоритмов на данных платформах, что тоже зачастую не соответствует действительности, возможность открытого комментирования под роликами и постами в социальных сетях, позволяет проводить агитационную экстремистскую работу даже в тех случаях, когда тематика контента не соответствует вопросу агитации. Это позволяет утверждать, что пропагандистскую работу экстремистский идеолог может осуществлять даже в комментариях к мультипликационному фильму для детей и подростков.

Правовых средств регулирования сложившейся ситуации немного: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в ст. 12 указывает, что «Запрещается использование сетей связи общего пользования и (или) информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», для осуществления экстремистской деятельности. В случае, если сеть связи общего пользования и (или) информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет», используются для осуществления экстремистской деятельности, применяются меры, предусмотренные настоящим Федеральным законом, с учетом особенностей отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации в области связи, законодательством Российской Федерации об информации, информационные технологии и о защите информации» [8]. По сути, указанный закон просто определяет направление деятельности правоохранительных органов относительно экстремизма, культивируемого в интернет-пространстве. Специальных пояснений относительно того, как именно должны работать правоохранительные органы, в данном нормативном правовом акте нет.

Выходов из сложившейся ситуации, ввиду невысокой популярности отечественных медиа-платформ, немного. Наиболее разумным решением является осуществление собственной, государственно ориентированной агитационной работы, правовой работы с информационными агрегаторами, улучшение собственных сервисов для «мягкого» перетягивания аудитории в российские социальные сети. Другим выходом может быть полная блокировка иностранных сервисов, не выполняющих требования законодательства Российской Федерации, что в свою очередь грозит значительным увеличением общественного недовольства и ростом реакционных настроений со стороны населения, а соответственно увеличению потенциального количества потребителей контента экстремистского содержания. Помимо этого, граждане самостоятельно учатся обходить блокировки: растёт количество пользователей VPN-сервисов, активно используются прокси-серверы и иные способы обхода блокировок. На сегодняшний день «в России VPN-сервисы получили большее распространение, чем было летом 2024 г.: сегодня уже 74% населения знают об их существовании, а двое из пяти человек (40%) активно пользуются ими» [9]. Население неохотно отказывается от привычных им сервисов, а переход на отечественные платформы затрудняется тем, что «новые правила, которые были призваны снизить использование VPN в стране, на практике снижают пользовательский интерес к блокирующим ресурсам» [10]. Таким образом государство не подталкивает граждан к использованию собственных платформ, а скорее только вызывает раздражение, чем активно пользуются экстремистские идеологи, подчёркивая слабый контроль над ситуацией со стороны государственных институтов. Помимо этого, блокировка иностранных сервисов предоставляет преимущественное право для экстремистских идеологов в вопросах освещения информации: государственным СМИ и пророссийским блогерам становится затруднительно или невозможно публиковать собственный контент на заблокированных платформах.

По мнению В.Е. Батюковой «проблемным представляется система ручного удаления экстремистских материалов с интернет-сайта, поскольку за это время запрещенный к распространению материал может быть просмотрен многомиллионной аудиторией сайта, среди которой множество представителей молодёжи и детей» [11]. Актуальность данного вопроса подчёркивает возможность использования современных технологий, в том числе искусственного интеллекта, для просмотра и анализа большого количества создаваемых в интернет-пространстве материалов. Правоохранительным органам имеет смысл развивать свою технологическую оснащённость с целью упрощения выявления и увеличения скорости реагирования на подобные сообщения. Современные решения позволяют быстро анализировать гигабайты текстовой и аудиовизуальной информации, указывая человеку на вопросы, требующие ручного вмешательства, тем самым сильно упрощая работу правоохранителей.

Уголовно-правовая ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе с использованием интернет-пространства предусматриваются ст. 282 УК РФ, за организацию экстремистского сообщества, а также склонение, вербовку и вовлечение лиц в деятельность такой организации предусматривается ст. 282.1 УК РФ. Наказание за склонение, вербовку или иное вовлечение несовершеннолетних в деятельность экстремистских организаций будет назначаться в совокупности со ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления). Квалифицированного состава, согласно которому вовлечение несовершеннолетних являлось быотягчающим фактором, в данной статье не предусмотрено. Уголовно-правовым механизмом воздействия на преступников-экстремистов могло бы стать введение дополнительной квалификации в ч. 1.1. ст. 282.1 УК РФ, конкретизирующую ответственность за вовлечение в деятельность экстремистских организаций несовершеннолетних.

Отдельного упоминания требует сложившаяся в последние годы практика, находящаяся в контексте проводимой Специальной военной операции на Украине, когда в отношении несовершеннолетних преступников-экстремистов осуществляются психологические операции. Основной целью экстремистов, находящихся за рубежом, является получение финансирования своей деятельности, а также дальнейшее использование несовершеннолетних для совершения диверсионно-террористических атак на инфраструктуру, разведки. В данном случае подростки используются как одноразовый материал, зачастую их либо обманом, либо угрозами заставляют выполнить перевод денежных средств семьи на указанные преступниками счета, после чего под видом сотрудников органов внутренних дел или иных

ведомств, связываются с ними и, угрожая уголовной ответственностью, заставляют совершить иные противоправные деяния, направленные на подрыв государственной безопасности. В данном случае запретительные меры работают слабо, поскольку способов внедрения в национальные платформы существует не меньше, чем способов обхода блокировок. Большую часть данных о своих жертвах преступники получают из взломанных баз данных крупных отечественных медиахолдингов. В 2022 г. произошла крупная утечка данных о пользователях сервиса «Яндекс.Еда», в результате которой у злоумышленников оказались адреса доставки, телефоны, электронная почта и суммы заказов пользователей. В итоге компанию оштрафовали на сумму в 60 тысяч рублей [12]. Основным направлением работы по данному направлению должно стать качественное улучшение серверной безопасности российских платформ, а также более суровая ответственность медиахолдингов за утечки персональных данных пользователей.

Основой противодействия распространению экстремистской идеологии среди несовершеннолетних в условиях цифровизации является комплекс профилактических и предупредительных мер. К данным мерам можно отнести:

1. Устранение причин и условий, способствующих вовлечению в экстремистские сообщества несовершеннолетних. Современное социальное взаимодействие несовершеннолетних сводится к разного рода игровым площадкам, социальным сетям и мессенджерам. Если государственные органы не способны предложить альтернативные площадки, то оно не должно запретами противодействовать детям и подросткам, взращивая в них ненависть по отношению к государству. Угрозы, появляющиеся в сети, необходимо купировать более чутким контролем вне интернет-пространства, развивая спортивные секции и кружки самодельности, проводя общественно-политическую работу и воспитание несовершеннолетних, в том числе включающее в себя противодействие экстремизму. Нагорный А.П. и Попов А.Н. отмечают важность качества самого образования как профилактики экстремизма: «Качественное образование, в котором учащиеся мотивированы учиться, а не просто зубрить определенные предметы. Молодые люди должны понимать, почему они учатся. Если они посещают школу только для «галочки», то они охладеют и будут искать что-то интересное и более живое на стороне» [13].

2. Проведение комплексной психологической работы, включающей наблюдение за несовершеннолетними, замкнутыми в себе или склонными к радикализации, проявляющими интерес к экстремистскому контенту или склонными к насилию, в особенности по мотивам национальной, расовой или религиозной принадлежности [14]. Среди выпускников школ проводить анкетирования на предмет каких-либо политических или социально значимых вопросов, из которых можно будет сделать вывод о мировоззрении несовершеннолетнего и, в случае получения информации о возможном влиянии экстремистских идей на лицо, продолжить углубленную психологическую работу.

3. Комплексное правовое воспитание. К данному комплексу мер можно отнести включение в образовательные программы информации о кибербезопасности, ответственности за совершение преступлений экстремистского характера, различных течениях экстремистской идеологии, развитие толерантности по отношению к представителям разных рас, религий и национальностей. Здесь необходимо отметить мнение доктора политических наук, профессора кафедры политологии института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского С.И. Грачева: «данное направление должно стать предметом постоянных учебных курсов, а не разовых конференций и «круглых столов» в студенческих аудиториях, которые очень часто проводятся формально» [15].

4. Мониторинг и анализ социальных сетей, проводимый правоохранительными органами, для выявления причин и условий, способствующих распространению экстремистских материалов среди несовершеннолетних, пресечение доступа к указанным материалам, выявление лиц, не достигших совершеннолетия, склонных к радикализму. Зачастую подростки рассказывают о себе сами в своих открытых для публики страницах в социальных сетях, иногда ведут себя более скрытно. В качестве мер оперативного вмешательства, в отношении лиц, у которых каким-либо образом была установлена связь с экстремистскими организациями или проявлялась симпатия по отношению к ним, в условиях, когда правоохранители не имеют ключей шифрования мессенджеров или социальных сетей, считаю возможным внедрение под видом других лиц в закрытые группы или чаты для проведения оперативной работы в целях установления возможных подозреваемых, а также лиц, склонных к совершению преступлений экстремистского характера.

5. Работа с семьями несовершеннолетних является одной из важнейших основ мер по противодействию распространению экстремистской идеологии среди несовершеннолетних. Именно родители должны

заниматься воспитанием лучших человеческих качеств, возвращая в детях качества толерантности, уважения к другим людям, независимо от их вероисповедания, цвета кожи или национальности, прививать отвращение к нацистской идеологии с малых лет. Однако в подростковом возрасте родители авторитет родителей становится меньше, и несовершеннолетние ищут признание и социальное одобрение со стороны сверстников или людей, которых они сами признают авторитетами. В данном случае возможно проводить встречи с родителями подростков, распространять среди них материалы о факторах вовлечения детей в экстремистскую деятельность (существенное изменение поведения, интерес к радикальному контенту, скрытность, нестабильность психики).

Комплексный подход к решению задач в области противодействия экстремизму в интернет-пространстве, гибкость принимаемых решений способствуют снижению уровня радикализации не только несовершеннолетних, но и всего населения в целом. Запретительные меры и блокировки не являются путём решения проблемы, поскольку лишь озлобляют граждан, деструктивно влияют на восприятие традиционных средств массовой информации и подталкивают к обращению к способам обхода блокировок, что в свою очередь облегчает работу экстремистских идеологов.

Литература

1. В 2025 году в Российской Федерации число причастных к терроризму подростков выросло в 2,5 раза // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/27138967>.
2. Панов Е.В. О необходимости профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде // Наука-2020. – 2024. – № 5(72). – С. 68–73.
3. Голод, мародерство и массовые казни. Как распад СССР привел к кровавой войне в Таджикистане // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2023/12/17/tadjikistan/>.
4. Чеченские боевики используют подростков для проведения терактов против федеральных сил // РИА. – URL: <https://ria.ru/20020226/79708.html>.
5. TikTok User Age, Gender, & Demographics (2026) // Exploding Topics. – URL: <https://explodingtopics.com/blog/tiktok-demographics>.
6. Как устроена аудитория социальных медиа // Mediascope. – URL: <https://mediascope.net/news/2544317/>.
7. Восканян, Р.О. Решение проблемы нехватки квалифицированных кадров // Инновационное развитие экономики. – 2021. – № 4(64). – С. 63–68.
8. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – ст. 3031.
9. В каждом втором смартфоне: россияне массово перешли на платные VPN // RTVI. – URL: <https://rtvi.com/news/v-kazhdom-vtorom-smartfone-rossiyane-massovo-pereshli-na-platnye-vpn/>.
10. Россияне стали реже пользоваться сервисами, не работающими под VPN // RTVI. – URL: <https://rtvi.com/news/rossiyane-stali-rezhe-polzovatsya-servisami-ne-rabotayushimi-pod-vpn/>.
11. Батюкова В.Е. Некоторые меры, направленные на противодействие экстремизму в молодежной среде // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 99–101.
12. СК возбудил уголовное дело после утечки данных пользователей «Яндекс.Еды» // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/society/06/08/2022/62ed82249a79476795ab9b0e>.
13. Нагорный, А.П. Профилактика экстремизма и терроризма среди молодежи России / А.П. Нагорный, А.Н. Попов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 1. – С. 105–115.
14. Способы вербовки молодежи в террористические организации // Отдел МВД России по Красногвардейскому району. – URL: <https://245.56.mvd.pf/news/item/17503954>.
15. Грачев, С.И. Современный терроризм: реальность и проблемные аспекты формирования антитеррористического мировоззрения в студенческой среде // Национальная безопасность в современной России: стратегия противодействия экстремизму и терроризму и перспективы преодоления глобальных проблем: материалы Всероссийской научной конференции: в 2 томах, Саранск, 20–21 октября 2016 года. Том 1. – 2016. – С. 22–27.

COUNTERING THE INVOLVEMENT OF MINORS IN EXTREMIST ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Belov D.A.

All-Russian State University of Justice

This article analyzes the reasons for the involvement of minors in extremist activities, including recruitment mechanisms through social media and messaging apps. It notes that

international terrorist and extremist organizations are seeking to intensify propaganda efforts and recruitment of Russian citizens, as well as the creation of their own clandestine cells in Russia, including by recruiting Russian youth into illegal activities. Legal and technical tools for preventing and countering the recruitment of minors are also discussed.

Keywords: destructiveness, internet, confrontation, illegal propaganda, digitalization, extremism

References

1. In 2025, the number of teenagers involved in terrorism in the Russian Federation increased by 2.5 times // TASS. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/27138967>.
2. Panov E.V. On the need to prevent extremism and terrorism among young people // Science-2020. – 2024. – No. 5 (72). – Pp. 68–73.
3. Famine, looting, and mass executions. How the collapse of the USSR led to a bloody war in Tajikistan // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2023/12/17/tadjikistan/>.
4. Chechen militants are using teenagers to carry out terrorist attacks against federal forces // RIA. – URL: <https://ria.ru/20020226/79708.html>.
5. TikTok User Age, Gender, & Demographics (2026) // Exploding Topics. –URL: <https://explodingtopics.com/blog/tiktok-demographics>.
6. How the Social Media Audience is Structured // Mediascope. – URL: <https://mediascope.net/news/2544317/>.
7. Voskanyan, R.O. Solving the Problem of the Shortage of Qualified Personnel // Innovative Development of the Economy. – 2021. – No. 4 (64). – Pp. 63–68.
8. Federal Law “On Counteracting Extremist Activity” dated July 25, 2002 No. 114-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3031.
9. In every second smartphone: Russians have switched en masse to paid VPNs // RTVI. – URL: <https://rtvi.com/news/v-kazhdom-vtorom-smartfone-rossiyane-massovo-pereshli-na-platnye-vpn/>.
10. Russians have become less likely to use services that don't work with VPNs // RTVI. – URL: <https://rtvi.com/news/rossiyane-stali-rezhe-polzovatsya-servisami-ne-rabotayushimi-pod-vpn/>.
11. Batyukova V.E. Some measures aimed at countering extremism among young people // Public Service and Personnel. – 2021. – No. 2. – P. 99–101.
12. The Investigative Committee opened a criminal case after the leak of Yandex. Food user data // RBC. – URL: <https://www.rbc.ru/society/06/08/2022/62ed82249a79476795ab9b0e>.
13. Nagorny, A.P. Prevention of extremism and terrorism among the youth of Russia / A.P. Nagorny, A.N. Popov // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2021. – Vol. 7 (73), No. 1. – P. 105–115.
14. Methods of recruiting young people into terrorist organizations // Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnogvardeisky District. – URL: <https://245.56.mvd.pd/news/item/17503954>.
15. Grachev, S.I. Modern terrorism: reality and problematic aspects of the formation of an anti-terrorist worldview among students // National security in modern Russia: strategy for countering extremism and terrorism and prospects for overcoming global problems: Proceedings of the All-Russian scientific conference: in 2 volumes, Saransk, October 20–21, 2016. Vol. 1. – 2016. – P. 22–27.

Искусственный интеллект как средство выявления признаков преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок

Богатырев Валерий Иванович,
аспирант, ФГБОУ ВО «Марийский государственный
университет»
E-mail: real22558@yandex.ru

Предмет статьи составляет уголовно-правовая и криминологическая оценка искусственного интеллекта при выявлении признаков преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок. Актуальность темы связана с высокой латентностью закупочных преступлений, сложностью распознавания согласованных действий участников торгов, аффилированности, искусственного завышения цены, подкупа и злоупотреблений при исполнении контрактов. Научная новизна выражена в разграничении ИИ-анализа как цифрового инструмента риск-ориентированного отбора закупок и уголовно-процессуального доказывания. Цель исследования состоит в определении пределов применения ИИ при первичном выявлении признаков преступлений в закупочной сфере. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный, логико-аналитический методы, классификация и обобщение. Изучены работы по цифровому закупочному контролю, ГИС «Антикартель», цифровым картелям, криминалистике закупочных преступлений, применению ИИ в уголовном процессе. Практическая ценность результатов состоит в предложении рассматривать выводы ИИ как ориентирующую цифровую информацию, пригодную для назначения проверочных мероприятий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственные закупки, муниципальные закупки, признаки преступления, ГИС «Антикартель», цифровые картели, риск-индикаторы, доказывание, закупочные преступления, уголовный процесс.

Сфера государственных и муниципальных закупок концентрирует значительные бюджетные средства, многоэтапные процедуры отбора поставщиков, сложные связи между заказчиками, участниками торгов, исполнителями и посредниками. Эта среда благоприятна для латентных форм преступного поведения: картельных соглашений, подкупа, злоупотреблений, ограничения конкуренции, искусственного завышения начальной максимальной цены контракта, имитации самостоятельности, распределения побед между связанными участниками. Традиционные способы выявления подобных действий часто опираются на поступившие жалобы, отдельные проверки, анализ документов по конкретной закупке. При массовом характере закупочных процедур подход не обеспечивает раннего обнаружения устойчивых схем.

Цифровизация закупочной сферы изменила информационную основу контроля. ЕИС, электронные торговые площадки, реестры контрактов, сведения о поставщиках, ценовые параметры, история участия в торгах, данные о снижении цены и поведенческих совпадениях формируют массив сведений, пригодный для автоматизированной обработки. Искусственный интеллект в данной области целесообразно рассматривать не как замену следователя, дознавателя, прокурора, суда или эксперта, а как средство первичного выделения рискованных закупок, поиска нетипичных связей, повторяющихся моделей поведения и ценовых аномалий.

Цель исследования – определить уголовно-правовые и криминологические пределы применения искусственного интеллекта при выявлении признаков преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок.

Научная новизна статьи состоит в обосновании промежуточного статуса результатов ИИ-анализа: они имеют ориентирующее криминологическое и проверочное значение, но не устанавливают событие преступления, виновность лица, форму вины, причинно-следственную связь и размер ущерба.

Материалами исследования послужили научные работы по цифровизации закупочного контроля, антимонопольному выявлению картелей и применению ИИ в уголовно-процессуальной деятельности. Д.А. Басангов [1] исследовал цифровые технологии при выявлении коррупционных признаков публичных закупок и связал их с контролем за начальной ценой контракта, поведением участников и соблюдением конкуренции. Т.Г. Бородинова и Р.В. Костенко [2] предлагают дополнить ст. 84 УПК РФ частью, устанавливающей, что материалы, созданные автоматизированными системами без участия человека, не могут признаваться иными документами и использоваться в качестве доказательств по уголовному делу, по мнению авторов, такое законодательное решение предотвратит попытки необоснованного придания доказательственного статуса результатам работы генеративных алгоритмов и обеспечит соблюдение фундаментальных основ теории доказательств. Д.С. Дебинская и Е.В. Гринина [3] рассмотрели совершенствование деятельности ФАС при выявлении признаков картельного сговора участников контрактной системы. А.Н. Литвиненко и Н.Д. Эриашвили [4] показали экономические инструменты диагностики картелей в закупках с учетом отечественного и зарубежного опыта. В.А. Очаковский и А.С. Усенко [5] раскрыли криминалистическую характеристику злоупотреблений в сфере закупок. А.В. Романенков [6] проанализировал применение ИИ в уголовном процессе Российской Федерации и пределы его использования. М.С. Скоряк [7] выделил проблемы выявления и расследования преступлений при конкурсных процедурах и заключении государственных либо муниципальных контрактов. М.Н. Таршева и О.Д. Вастьянова [8] исследовали ИИ в борьбе с преступностью с уголовно-процессуальной и криминалистической позиций. Ю.В. Федоров [9] рассмотрел цифровые картели как способ ограничения конкуренции применительно к статье 178 УК РФ. А.Е. Шаститко и Н.С. Павлова [10] оценили риски внедрения ГИС «Антикартель» и обозначили пределы риск-ориентированного антимонопольного анализа.

Искусственный интеллект в закупочном контроле выполняет прежде всего поисково-аналитическую функцию. Его уголовно-правовое значение связано не с вынесением вывода о составе преступления, а с обработкой больших массивов данных, где человеческий анализ при ручной проверке сталкивается с ограничением времени, объема

и сопоставимости сведений. В закупках существенное значение приобретают повторяемость поведения участников, синхронность подачи заявок, минимальное снижение цены, чередование победителей, использование сходных контактных данных, совпадение IP-адресов, аффилированность по руководителям или учредителям, отклонение цены от сопоставимых контрактов. В научной литературе цифровые технологии рассматриваются как средство осуществления контроля за процедурами проведения публичных закупок, анализ наличия индикаторов коррупции при проведении закупочных процедур. В связи с периодическими изменениями в законодательстве о проведении публичных закупок рассматривается его значение для правовой системы и государства в целом. В целях повышения эффективности контроля за процедурами публичных закупок рассматриваются признаки возможного поведения участников закупки с коррупционным содержанием [1].

Криминологическая ценность ИИ состоит в переходе от выборочной реакции на отдельное сообщение к систематическому выявлению рискованных закупочных моделей, подход согласуется с антикоррупционным контролем, поскольку преступления в закупках редко проявляются в одном документе. Чаще они складываются из совокупности внешне нейтральных действий: разработки технического задания под конкретного поставщика, согласования ценовых предложений, имитации конкуренции, заключения контракта с минимальным снижением, последующего изменения условий исполнения. По этой причине цифровая система не выявляет «преступление» в процессуальном смысле, а отбирает закупки, где требуется правовая проверка.

Исследования по цифровым закупочным инструментам показывают, что риск-индикатор получает значение лишь при связи с конкретной юридически значимой гипотезой. Например, минимальное снижение цены само по себе не доказывает картельный сговор. При соединении с устойчивой группой участников, повторяющимся распределением побед, сходством файлов заявок, связями через руководителей или общими контактами признак приобретает вероительное значение. Отсюда следует методологическое требование: ИИ должен фиксировать не единичную аномалию, а совокупность данных, достаточную для назначения проверки, истребования документов, анализа переписки, проведения оперативно-разыскных мероприятий и последующей уголовно-процессуальной оценки.

ГИС «Антикартель» выступает практическим примером цифрового выявления рисков в сфере торгов. Закон о создании системы вступил в силу с 1 августа 2025 г.; официальные сообщения указывают на ее назначение для предупреждения, выявления и пресечения антиконкурентных соглашений, прежде всего в закупках. Правительство РФ сообщало о планируемом внедрении в систему технологий искусственного интеллекта, включая машинное обучение и большую языковую модель, для фиксации известных моделей сговоров и адаптации к новым схемам. При теоретико-правовой оценке ГИС «Антикартель» следует исходить из вероятностной природы ее вывода: система способна ранжировать торги по высокому, среднему и низкому уровню риска, но не заменяет доказывание факта соглашения и вины конкретного лица.

Д.С. Дебинская и Е.В. Гринина указывают, что картельные договоры оказывают негативное влияние на экономическую конкуренцию как в России, так и за рубежом. Современные теории конкуренции Дж. Тироля делают акцент на регуляторах и механизмах предотвращения антиконкурентного поведения [3]. В уголовно-правовой плоскости эта связь значима при квалификации по статье 178 УК РФ, поскольку объективная сторона ограничения конкуренции требует установления соглашения или согласованных действий. ИИ фиксирует совпадения, повторяемость и отклонения, но не раскрывает волевой элемент соглашения без дополнительных доказательств.

Экономические инструменты выявления картелей в закупках основаны на сравнении ценовой динамики, структуры конкуренции, числа участников, характера снижения цены, распределения победителей и иных рыночных параметров. А.Н. Литвиненко и Н.Д. Эриашвили характеризуют экономический скрининг картелей через систему «Большой цифровой кот», которая базируется на методах скрининга данных для выявления подозрительных паттернов в тендерных предложениях; алгоритмах машинного обучения для анализа больших объемов данных; анализе исторических данных о тендерах и участниках рынка для выявления изменений; объединении информации из различных источников для создания более полной картины поведения участников [4]. Для уголовно-правовой оценки эти инструменты полезны как средство отбора подозрительных ситуаций. Например, отсутствие реальной ценовой борьбы при регулярном участии одной группы поставщиков указывает на риск ограничения конкуренции, но вывод о преступлении

требует установления соглашения, причиненного ущерба, полученного дохода либо иных последствий, предусмотренных уголовным законом.

Криминалистическая характеристика злоупотреблений в сфере закупок показывает, что данные преступления имеют сложную структуру – совокупность обобщенных криминалистически значимых сведений об элементах материальной структуры, иных признаках и свойствах данного преступления, позволяющих выдвинуть версии о событии совершенного деяния, субъекте преступления и его иных структурных элементах. Знание элементов криминалистической характеристики злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и установление корреляционных связей между ними способствуют своевременному выявлению и расследованию рассматриваемых преступлений [5]. Для ИИ-анализа это означает потребность в обработке как информации о торгах, так и последующих данных об исполнении контракта: сроках, актах приемки, изменениях цены, дополнительных соглашениях, повторном привлечении одних и тех же субподрядчиков. Цифровой анализ приобретает криминалистическую направленность, он помогает обнаруживать цепочку взаимосвязанных действий.

Статья 74 УПК РФ относит к доказательствам сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в предусмотренном законом порядке устанавливает обстоятельства уголовного дела; в числе допустимых средств названы показания, заключения и показания эксперта или специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы. Результат ИИ-анализа не занимает самостоятельного места в этом перечне. Он не представляет собой показания, поскольку отсутствует субъект, способный воспринимать обстоятельства и отвечать на вопросы. Он не равен заключению эксперта, если алгоритм не исследовался экспертом в установленной форме. Он не тождественен протоколу следственного действия, если возник до процессуального оформления соответствующей процедуры.

В научной дискуссии о применении ИИ в уголовном процессе подчеркивается вспомогательный характер таких технологий: они пригодны для поиска информации, систематизации материалов, выявления связей, подготовки аналитических ориентиров, но не наделяются функцией самостоятельного установления обстоятельств дела [6]. Для закупочных преступлений данный вывод приобретает остроту, поскольку большинство риск-индикаторов имеет вероятностную природу. ИИ способен указать на высокую вероятность согласованных действий, но не устанавливает событие преступления, виновность лица, форму вины, причинно-следственную связь и размер ущерба.

Проблемы выявления и расследования преступлений при конкурсных процедурах и заключении государственных либо муниципальных контрактов связаны с трудностью получения первичной информации, зависимостью результата от оперативно-разыскной и следственной работы, вариативностью квалификации и множественностью возможных составов [7]. Поэтому результат ИИ-анализа пригоден как повод для организационного решения: определить приоритет проверки, запросить документы у заказчика, изучить историю участия поставщиков, назначить финансово-экономическое исследование, провести осмотр цифровых следов, допросить работников контрактной службы, проверить аффилированность участников.

Уголовно-процессуальная и криминалистическая литература по ИИ в борьбе с преступностью исходит из того, что цифровые технологии усиливают аналитические возможности правоохранительных органов, но требуют контроля достоверности исходных данных, проверки методики обработки и правовой интерпретации результатов [8]. В закупочной сфере ошибка исходных данных опасна: совпадение адреса, типового шаблона заявки или участие одного поставщика в нескольких торгах могут иметь нейтральное объяснение. Без проверки таких обстоятельств риск-оценка превращается в источник ложноположительного подозрения.

Цифровые картели усложняют традиционное понимание согласованных действий, поскольку алгоритмическое ценообразование, автоматизированный мониторинг цен и повторяющиеся модели поведения способны маскировать человеческую договоренность либо создавать результат, сходный с ней по экономическому эффекту [9]. В закупках это усиливает потребность в разграничении двух ситуаций: применение цифровых инструментов участниками для согласования поведения и применение ИИ государством для выявления признаков такого поведения. В первом случае технология входит в механизм возможного правонарушения или преступления; во втором – служит инструментом обнаружения риска.

Риски внедрения ГИС «Антикартель» связаны с непрозрачностью алгоритмов, качеством данных, возможностью ошибочной интерпретации закономерностей, административной зависимостью последую-

щей проверки от цифрового ранжирования [10]. В уголовно-правовой сфере эти риски усиливаются, поскольку цифровая оценка способна повлиять на решение о начале проверки, выборе объектов контроля, интенсивности оперативно-разыскных мероприятий. Поэтому правовая модель применения ИИ должна исходить из проверяемости результата. Участник закупки, заказчик и лицо, в отношении которого сформирован риск-профиль, должны иметь возможность оспаривать фактическую основу цифрового вывода, если такой вывод повлечет юридически значимые последствия.

Оптимальная модель использования ИИ в закупочной сфере предполагает закрепление статуса результатов ИИ-анализа как ориентирующей цифровой информации. Статус означает, что риск-оценка допустима для криминологического предупреждения, отбора закупок для контроля, планирования проверочных мероприятий, подготовки запросов, назначения экспертиз и аналитических исследований. Для уголовного дела значение приобретают не сами выводы системы, а сведения, полученные затем в установленной законом форме: документы, протоколы, заключения экспертов, показания участников, материалы оперативно-разыскной деятельности при соблюдении процессуальных требований.

Предлагается закрепить ряд гарантий. Во-первых, цифровой вывод должен сопровождаться указанием источников данных, использованных признаков, даты обработки, версии алгоритма и уровня риска. Во-вторых, надлежит сохранять историю обработки, чтобы эксперт или специалист мог восстановить ход формирования вывода. В-третьих, методика анализа должна иметь описание, достаточное для проверки без раскрытия охраняемых технических деталей, если они защищены законом. В-четвертых, при использовании риск-оценки в материалах проверки требуется отделять машинный вывод от правовой квалификации. В-пятых, лицо, чьи действия получили цифровую оценку риска, должно обладать правом представить объяснения, документы и сведения, опровергающие алгоритмическую интерпретацию.

Полученные положения показывают, что применение ИИ в закупочной сфере находится между криминологическим предупреждением и уголовно-процессуальным доказыванием. Первая плоскость допускает вероятностные модели, ранжирование закупок, автоматизированный поиск аномалий и формирование риск-профилей. Вторая плоскость требует установленной законом формы получения сведений, проверяемости источника, относимости, допустимости и достоверности. Смещение этих уровней создает риск преждевременной криминализации поведения, которое пока выражено только в цифровом совпадении.

Научные подходы к цифровому закупочному контролю в значительной мере сходятся в признании высокой полезности автоматизированного анализа. Расхождение возникает при оценке юридического значения результата. Одни исследования делают акцент на эффективности контроля и выявления коррупционных признаков, другие – на рисках алгоритмической ошибки и процессуальной неопределенности. Для уголовно-правовой науки продуктивным выглядит промежуточный подход: ИИ не исключается из механизма противодействия закупочным преступлениям, но его вывод не получает доказательственной силы без последующей проверки.

Ограничение применимости ИИ связано с природой закупочных преступлений. Большая часть выявляемых системой признаков относится к внешнему поведению: совпадениям, ценовым отклонениям, повторяющимся моделям участия. Уголовная ответственность требует более глубокого уровня установления: направленности умысла, договоренности, корыстной мотивации, связи между действиями и ущербом, статуса субъекта, размера последствий. Между цифровым признаком и составом преступления лежит правовая проверка, которую алгоритм не заменяет.

Отдельная проблема связана с объяснимостью вывода. Если система определяет высокий риск без раскрытия логики, то проверяющий орган получает сигнал, но не получает проверяемое основание. Для криминологического мониторинга такой сигнал допустим. Для уголовного преследования он недостаточен. Следственная версия должна опираться на воспроизводимые данные: какие сведения сопоставлены, какие признаки сработали, почему альтернативные объяснения признаны менее вероятными, какие документы подтверждают связь участников.

Исследовательская лакуна прослеживается в отсутствии разработанной модели судебной и экспертной проверки алгоритмов, применяемых в закупочном контроле. Российская практика пока не выработала устойчивой процедуры оценки качества обучающей выборки, уровня ошибок, влияния неполных данных, алгоритмической предвзятости и возможности независимого воспроизведения результата. Без процедуры цифровой вывод остается организационным ориентиром.

Существенное значение имеет право участника закупки на возражение против цифровой оценки риска. Если система влияет на частоту проверок, включение закупки в зону повышенного внимания или направление материалов в правоохранительные органы, лицо должно иметь доступ к фактической основе вывода в пределах, совместимых с охраной служебной и иной защищаемой законом информации. Иначе риск-ориентированный контроль приобретает закрытый характер, что снижает доверие к результатам.

Предложенная модель ориентирующей цифровой информации позволяет сохранить баланс между технологической эффективностью и требованиями уголовного процесса. ИИ применим там, где требуется массовая аналитика, поиск скрытых связей и первичная селекция материалов. При переходе к уголовному делу центр тяжести переносится на процессуальные действия, экспертизы, документы, показания и проверку каждой версии, включая версию о законном объяснении выявленной аномалии.

Установлено, что ИИ в сфере государственных и муниципальных закупок выполняет функцию обработки больших массивов данных, поиска повторяющихся моделей поведения, аффилированности, ценовых отклонений, признаков согласованных действий и иных риск-индикаторов. Его уголовно-правовое значение связано с первичным выявлением подозрительных ситуаций, а криминологическое – с предупреждением и ранним отбором закупок для проверки.

Обосновано разграничение цифрового выявления признаков преступления и доказывания. Результаты ИИ-анализа не относятся к самостоятельным доказательствам по статье 74 УПК РФ. Они пригодны для проведения проверочных мероприятий, оперативно-разыскных мероприятий, истребования документов, назначения экспертиз, допросов, осмотров и анализа контрактной документации. ИИ фиксирует вероятностный риск, но не устанавливает событие преступления, виновность лица, форму вины, причинно-следственную связь и размер ущерба.

Сформулированы предложения о закреплении процессуального статуса результатов ИИ-анализа как ориентирующей цифровой информации. Для безопасного применения таких данных требуются сохранение логов, описание методики анализа, фиксация версии алгоритма, указание источников данных, объяснимость вывода, экспертная проверка алгоритма и право участника закупки оспаривать цифровую оценку риска. При соблюдении этих условий ИИ повышает результативность криминологического предупреждения и первичного выявления закупочных преступлений, но юридическое значение для уголовного дела возникает лишь после проверки средствами, предусмотренными уголовно-процессуальным законом.

Литература

- Басангов Д.А. Особенности использования цифровых технологий в выявлении коррупционных признаков публичных закупок // Образование и право. 2025. № 1. С. 415–421. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-1-415-421.
- Бородинова Т. Г., Костенко Р.В. Проблемы признания результатов работы генеративного искусственного интеллекта иными документами-доказательствами в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 190–196. DOI: 10.24158/tipor.2026.1.23.
- Дебинская Д. С., Гринина Е.В. Совершенствование деятельности Федеральной антимонопольной службы по выявлению признаков картельного сговора участников контрактной системы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 2–1. С. 270–275. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-2-1-270-275.
- Литвиненко А. Н., Эриашвили Н.Д. Современные экономические инструменты выявления картелей в сфере государственных закупок: отечественный и международный опыт // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 3. С. 188–199. doi:10.24412/2073-3305-2025-3-188-199
- Очаковский В. А., Усенко А.С. Криминалистическая характеристика злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 82–89.
- Романенков А.В. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2025. № 2 (83). С. 91–95.
- Скоряк М.С. Проблемы выявления и расследования преступлений, совершаемых при проведении конкурсных процедур и заключении государственных и муниципальных контрактов // Вестник магистратуры. 2024. № 10–3 (157). С. 37–40.
- Таршева М. Н., Вастьянова О.Д. Искусственный интеллект в борьбе с преступностью: уголовно-процессуальный и криминалисти-

ческий аспект // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 266–275.

9. Федоров Ю.В. Цифровые картели – как новый способ ограничения конкуренции (статья 178 УК РФ) // Право и управление. 2023. № 12. С. 542–547. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-12-542-547.

10. Шаститко А. Е., Павлова Н.С. Риски внедрения ГИС «Антикартель» // Экономическая политика. 2025. Т. 20, № 2. С. 56–81.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MEANS OF IDENTIFYING CRIMES IN PUBLIC AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Bogatyrev V.I.

Mari State University

This article examines the criminal law and criminological implications of artificial intelligence in identifying signs of crimes in public and municipal procurement. The relevance of this topic is due to the high latency of procurement crimes and the difficulty of recognizing concerted actions by bidders, affiliations, artificial price inflation, bribery, and contract abuse. The scientific novelty lies in distinguishing AI analysis as a digital tool for risk-based procurement selection and criminal procedural evidence. The objective of the study is to determine the limits of AI application in the initial identification of signs of procurement crimes. The authors utilized an analysis of scientific publications, comparative and logical-analytical methods, classification, and generalization. The study examined works on digital procurement control, the Anti-Cartel State Information System (GIS), digital cartels, forensics of procurement crimes, and the use of AI in criminal proceedings. The practical value of the results lies in the proposal to consider AI findings as guiding digital information suitable for conducting verification activities.

Keywords: artificial intelligence, public procurement, municipal procurement, elements of a crime, Anti-Cartel State Information System (GIS), digital cartels, risk indicators, proof, procurement crimes, criminal proceedings.

References

1. Basangov, D.A. Features of Using Digital Technologies to Detect Corruption in Public Procurement // Education and Law, 2025, no. 1, pp. 415–421. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-1-415-421.
2. Borodina, T. G., Kostenko, R.V. Problems of Recognizing the Results of Generative Artificial Intelligence as Other Documentary Evidence in Criminal Proceedings // Theory and Practice of Social Development, 2026, no. 1, pp. 190–196. DOI: 10.24158/tipor.2026.1.23.
3. Debinskaya D.S., Grinina E.V. Improving the Activities of the Federal Antimonopoly Service to Identify Signs of a Cartel Collusion Among Participants in the Contract System // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. No. 2–1. pp. 270–275. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-2-1-270-275.
4. Litvinenko A.N., Eriashvili N.D. Modern Economic Tools for Detecting Cartels in Public Procurement: Domestic and International Experience // Education. Science. Scientific Personnel. 2025. No. 3. pp. 188–199. doi:10.24412/2073-3305-2025-3-188-199
5. Ochakovsky V. A., Usenko A.S. Forensic Characteristics of Abuses in the Sphere of Public Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National or Municipal Needs // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (61). pp. 82–89.
6. Romanenkov A.V. Use of Artificial Intelligence in Criminal Procedure of the Russian Federation // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2025. No. 2 (83). pp. 91–95.
7. Skoryak M.S. Problems of Detecting and Investigating Crimes Committed During Tender Procedures and Concluding National and Municipal Contracts // Bulletin of the Magistracy. 2024. No. 10–3 (157). pp. 37–40.
8. Tarshva M. N., Vast'yanova O.D. Artificial Intelligence in the Fight against Crime: Criminal Procedure and Forensic Aspects // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2024. No. 3 (100). Pp. 266–275.
9. Fedorov Yu.V. Digital Cartels – as a New Way to Restrict Competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Law and Management. 2023. No. 12. Pp. 542–547. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-12-542-547.
10. Shastitko A. E., Pavlova N.S. Risks of Implementing the GIS “Anticartel” // Economic Policy. 2025. Vol. 20, No. 2. P. 56–81.

Роль формирования цифрового права в системе российского законодательства как фактор предупреждения преступности

Бордакова Анна Геннадьевна,

к.ю.н., доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
E-mail: ansan12263@mail.ru

В статье исследуется роль формирования отраслевого цифрового права в системе права России как фактора влияющего на профилактику предупреждения преступности. На основе анализа положений российского законодательства раскрывается понятие, сущность и эволюция цифровых прав. Выделяются три существенных признака цифровых прав: обязательно-правовая природа, технологическая обусловленность и децентрализованность осуществления. Анализируются криминогенные факторы, связанные с оборотом цифровых активов: пробелы в правовом регулировании, трансграничный характер, анонимность транзакций, высокая скорость операций, отсутствие единого реестра владельцев. Обосновывается трансформация классических уголовно-правовых институтов в цифровую эпоху: переход от посткарательной к превентивной парадигме, изменение понимания общественной опасности, проблема квазисубъектности искусственного интеллекта и распределения вины в автономных цифровых системах. Рассматривается многоуровневая система мер предупреждения преступлений в сфере цифровых прав (международный, общегосударственный, ведомственный, платформенный, индивидуальный уровни), включая Национальную систему противодействия киберпреступности (НСПК), запущенную в 2026 году. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства: расширение понятийного аппарата цифровых прав, создание Цифрового (Информационного) кодекса РФ, совершенствование уголовно-правовых норм, гармонизация с международным правом, внедрение машиночитаемого права.

Ключевые слова: цифровое право, предупреждение преступности, трансформация уголовного права, национальная система противодействия киберпреступности.

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни стала одним из главных трендов XXI века. Россия, как и другие развитые государства, находится на этапе активного формирования правового регулирования отношений, возникающих в цифровой среде. В 2019 году в Гражданский кодекс Российской Федерации была введена статья 141.1, закрепившая понятие «цифровые права» как новую категорию объектов гражданских прав [1]. Данное событие стало отправной точкой для формирования комплексного института цифрового права, который сегодня охватывает не только частноправовые, но и публично-правовые отношения.

Однако, как справедливо отмечает член СПЧ при Президенте РФ профессор Э.Л. Сидоренко, цифровизация затрагивает не только инструменты совершения преступлений, но и саму логику уголовного права – от оснований ответственности до понимания общественной опасности. «Классическая модель, где уголовное право наказывало за свершившийся вред, уходит в прошлое. Сегодня мы формируем превентивную парадигму, направленную не на наказание за цифровое преступление, а на его предупреждение» [2]. Масштаб киберугроз приобретает угрожающие размеры. По данным МВД России, только за 2025 год благодаря законодательным изменениям удалось добиться сокращения преступности в данной сфере на 7,5%. При этом деятельность 11 колл-центров телефонных мошенников была пресечена, а их организаторы привлечены к уголовной ответственности. Ущерб за 10 месяцев 2025 года превысил 154 млрд рублей [3]. Эти цифры свидетельствуют о том, что проблема противодействия киберпреступности требует системного подхода, в котором предупредительная функция права играет первостепенную роль.

Правовая дефиниция «цифровые права» была введена в российское правовое поле Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ и гласит как: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам» [1].

Данное определение позволяет выделить существенные признаки цифровых прав, которые отличают их содержание от традиционных объектов гражданских прав. Обязательно-правовая природа цифровых прав во многом не представляет собой кардинально нового вида субъективных гражданских прав. Как отмечает Е.А. Суханов, «цифровые права представляют собой не новый вид субъективных гражданских прав, существующих наряду с корпоративными, обязательственными и исключительными правами, а лишь их новую (цифровую) форму» [4, с. 23]. Эта позиция разделяется и другими авторами, которые подчеркивают, что «придание объекту гражданских прав какой-либо новой формы, хотя бы и цифровой, само по себе не способно определить или изменить его юридическую природу» [5, с. 26].

Однако существует и иная точка зрения. Е.Н. Абрамовой, которая полагает, что «цифровое право в субъективном смысле должно обозначать нечто отличное от традиционного субъективного гражданского права». По её мнению, цифровое право возникает на объекты, существующие исключительно в цифровой среде, – криптовалюту, предметы виртуальной реальности, иные цифровые объекты, «по своей сути являющиеся несуществующими в реальной действительности, но мыслимыми конструкциями, наделенными людьми особой ценностью» [6, с. 55].

Технологическая обусловленность – это ещё один их признак. Содержание и условия осуществления цифровых прав определяются не только законом, но и правилами информационной системы. Это принципиально новое явление для российской правовой системы, где традиционно источником правового регулирования выступает исключительно закон или иной нормативный правовой акт. Как отмечает В.А. Вайпан, «значительная часть создаваемых норм цифрового права формулируется исходя из технологических особенностей обработки цифровой информации» [7, с. 18]. Более того, прослеживается тенденция «замещения недостающих правовых норм регуляторными положениями, сформулированными в виде цифрового кода компьютерных программ» [7, с. 18].

Третий признак выражается в децентрализованности и автономности осуществления цифровых прав. Осуществление и распоряже-

ние, в том числе передача, залог, обременение цифрового права возможны только в информационной системе «без обращения к третьему лицу». Это означает, что для перехода цифрового права не требуется участия посредников – нотариуса, регистрирующего органа и т.п. Достаточно внесения соответствующих сведений в информационную систему.

С точки зрения видового разнообразия, действующее российское законодательство предусматривает два вида цифровых прав: цифровые финансовые активы (ЦФА) и утилитарные цифровые права (УЦП). Цифровые финансовые активы регулируются Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. К ЦФА относятся денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества. Утилитарные цифровые права регулируются Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [9] и представляют собой право требовать передачи вещи, исключительного права, выполнения работ, оказания услуг.

Особую теоретическую и практическую сложность представляет категория иных цифровых прав, не кодифицированных в рамках базового гражданского законодательства. Вне рамок нормативного закрепления остается огромный массив правоотношений, объективирующих права на объекты, существующие исключительно в цифровой среде: игровые ассеты (скины, персонажи, цифровая валюта закрытых платформ), доменные имена, а также криптовалюты. Как справедливо отмечает Л.Ю. Василевская, действующее законодательство не относит криптовалюту к цифровым правам в смысле статьи 141.1 ГК РФ. Данная автономия двух правовых категорий предопределена историей законотворческого процесса: в первоначальной редакции законопроекта содержалось понятие «цифровые деньги», которое впоследствии было исключено [10, с. 114].

Таким образом, в современной правовой системе России сформировался межотраслевой парадокс: цифровая валюта нормативно признается имуществом в публично-правовых сферах (уголовное, налоговое, антикоррупционное законодательство), однако в частном праве она по-прежнему дистанцирована от категории «цифровых прав», оставаясь обособленным квазиобъектом.

Достаточно интересным и познавательным является эволюция создания и развития правового регулирования отношений, возникающих в связи с оборотом цифровых прав. Она сформировалась в России не сразу, а пройдя несколько этапов. Как справедливо отмечают исследователи С.Б. Глушаченко и Н.Е. Ладенков, «степень урегулированности прежде всего зависит от вовлеченности субъектов в соответствующие отношения и их экономической значимости» [11, с. 6].

Первый этап (1990-е – середина 2000-х гг.) – это отражение периода «правового вакуума» и накопления предпосылок. Государство в этот период практически не вмешивалось в отношения, возникающие в сети Интернет, что создавало благоприятную среду для развития цифровых технологий, но одновременно порождало правовую неопределенность. Как отмечает В.Б. Наумов, историю правового регулирования сети Интернет в России следует вести с принятия Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», который заложил концептуальные основы для дальнейшего становления информационного законодательства [11, с. 7].

Второй этап (2006–2018 гг.) – это уже становление специального законодательства, характеризующее переходом от косвенного регулирования к созданию специальных нормативных правовых актов, непосредственно направленных на упорядочение интернет-отношений. Базовыми нормативными актами этого этапа стали Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12], заложивший базовую трехкомпонентную структуру регулирования; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [13], установивший правовые основы обработки и защиты персональных данных; Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [14], легализовавший механизмы верификации участников сетевых правоотношений.

Третий этап (2019 г. – настоящее время) ознаменовал себя как институционализация цифровых прав. Началом современного этапа стало принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, которым Гражданский кодекс РФ был дополнен статьей 141.1. Этот этап характеризуется формированием двухуровневой системы правового регулирования цифровых активов: первый уровень – общие нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 128, 141.1), второй уровень – специ-

альные законы, детализирующие оборот конкретных видов цифровых прав [8; 9]. Важным событием стало принятие Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 289-ФЗ) [15], который ввел легальное понятие «цифровая платформа», определил правовой статус операторов платформ и установил обязательный порядок досудебного урегулирования споров в электронной форме.

Вопрос о месте цифрового права в системе российского законодательства является дискуссионным. Первый подход рассматривает цифровое право как подотрасль гражданского права (Е.А. Суханов) [4, с. 23]. Второй подход настаивает на комплексном характере цифрового права, включающем элементы гражданского, административного, финансового и уголовного права (В.А. Северин, О.В. Зайцев, А.Г. Дейнеко, С.Я. Лебедев, В.Ф. Джафарли, А.Л. Репецкая) [16; 17]. Третий подход предлагает создание Цифрового (Информационного) кодекса Российской Федерации [18, с. 44]. Сторонники этой концепции настаивают на необходимости преодоления фрагментарности правового регулирования и консолидации норм разрозненных базовых законов.

Трансформация преступности в условиях цифровизации позволяет создавать новые криминальные возможности при всех её позитивных аспектах развития цифровых прав. Как отмечают О.А. Шевченко и М.А. Агаджанян, развитие цифровых прав сопровождается появлением таких явлений, как «киберхулиганство» [19, с. 41]. Анализ статистических данных и материалов правоприменительной практики позволяет выделять как модифицированные виды преступлений, так и появление совершенно новых для общества видов преступлений в сфере цифровых прав. Наиболее распространенный вид – хищение цифровых прав. Похитители получают несанкционированный доступ к учетной записи владельца цифрового права в информационной системе и осуществляют перевод цифрового актива на свои счета. Сложность раскрытия таких преступлений обусловлена анонимностью цифровых транзакций и трансграничным характером перевода активов. Мошенничество с использованием фальшивых цифровых платформ, когда злоумышленники создают платформы, имитирующие легальные системы для оборота цифровых прав. Инвесторы вкладывают средства в приобретение цифровых прав, которые в действительности не имеют ценности или вовсе не существуют. Масштаб ущерба от подобных преступлений колоссален: только в России за 2025 год ущерб от телефонного и интернет-мошенничества превысил 154 млрд рублей [3].

С 1 сентября 2025 года вступили в силу поправки в Уголовный кодекс РФ, касающиеся противодействия киберпреступности. Федеральным законом № 282-ФЗ в УК РФ были интегрированы новые составы (ст. 274.3–274.5 УК РФ), а использование VPN-сервисов для совершения преступлений признаноотягчающим обстоятельством. Поправки о признании криптовалюты имуществом и ее конфискации были утверждены в феврале 2026 года.

Важной криминологической характеристикой преступлений в сфере цифровых прав является их латентность. Значительное число потерпевших не обращается в правоохранительные органы, считая, что установить виновных невозможно, либо опасаясь нежелательного внимания со стороны налоговых и иных органов [20, с. 118–119]. Анализ криминогенных факторов позволяет выделить ряд проблем:

- многочисленные пробелы в правовом регулировании (законодатель выделяет только два вида цифровых прав, тогда как практика оборота гораздо богаче);
- технологическую сложность (большинство граждан не понимают принципы работы блокчейна и смарт-контрактов, что делает их уязвимыми для мошенников);
- трансграничный характер цифровых прав (серверы могут находиться в одной юрисдикции, владелец – в другой, злоумышленник – в третьей);
- анонимность транзакций (использование криптовалют-миксеров и протоколов с нулевым разглашением);
- высокую скорость совершения операций (хищение может быть осуществлено за секунды);
- отсутствие единого реестра владельцев цифровых прав.

Решения вышеуказанных проблем в цифровую эпоху требует такой же динамики и трансформации по отношению к классическим уголовно-правовым институтам. Первый вектор трансформации – смена парадигмы с покарательной на превентивную. В цифровой среде, где вред может быть причинен мгновенно и в глобальном масштабе, реагирование постфактум часто оказывается бессмысленным. Второй вектор – изменение понимания общественной опасности. «Новое уголовное право защищает контроль над инфраструктурами: данными, платформами, токе-

нами, алгоритмами» [2]. Третий вектор – трансформация института вины и соучастия. Доктрина сегодня вынуждена обсуждать «квазисубъектность цифровых систем» и вопрос о том, «как распределять вину по цепочке контроля, где нет классического исполнителя» [2]. Четвертый вектор – внедрение цифровых технологий в сам уголовный процесс (использование алгоритмов для выявления преступлений, электронное уголовное дело, применение ИИ для оценки доказательств).

Формирование цифрового права играет важнейшую роль в предупреждении преступности. Эта роль реализуется по нескольким направлениям, которые в совокупности образуют превентивную парадигму уголовного права.

Общая превенция должна быть выражена в легализации и в детальном правовом регулировании цифровых прав, что само по себе и окажет предупредительное воздействие. Закрепление в ГК РФ понятия «цифровые права», определение порядка их осуществления и защиты создает ясные «правила игры» и позволяет ограничить законное поведение от незаконного.

Специальная превенция заключается в четкости сформированного цифрового права и в создании правовой основы для применения мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершающим преступления в этой сфере и может быть выражена в:

- легальных дефинициях других отраслей права, выступая бланкетными элементами уголовно-правовых норм. Если в регулятивном законодательстве, например в сфере ИИ, легальная дефиниция сформулирована размыто или отсутствует (оставаясь на уровне квазиобъекта), то уголовно-правовая норма становится нерабочей (мертворожденной). Нельзя привлечь к ответственности за хищение цифрового актива, если закон четко не определил его правовую природу.

- информировании граждан об их цифровых правах и способах их защиты, что снижает виктимность населения. Когда человек понимает, какие именно права он приобретает и как эти права защищаются, он становится менее уязвимым для мошенников.

- установлении законодательством о цифровых правах обязанностей для операторов информационных систем, владельцев цифровых платформ, эмитентов цифровых прав. Например, Федеральный закон № 289-ФЗ требует от операторов цифровых платформ «обеспечения безопасных условий продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг на цифровых платформах, защиты прав потребителей» [15].

Система предупреждения преступлений в сфере оборота цифровых прав включает меры различного уровня. Центральным элементом системы стало создание Национальной системы противодействия киберпреступности (НСПК), запущенной в 2026 году. НСПК интегрирует данные банков, операторов связи и государственных органов, позволяет в режиме реального времени выявлять подозрительные транзакции и блокировать их. Важным нововведением стало право банков ограничивать выдачу наличных средств в размере не более 50 000 рублей в сутки, если операция совершена в подозрительный период.

На уровне ведомств в органах МВД России было создано специализированное подразделение – Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. На пользовательском уровне цифровых платформ операторы информационных систем обязаны обеспечивать безопасность операций с цифровыми правами. Показательным примером является опыт портала «Госуслуги», который запустил сервис по защите от телефонных и интернет-мошенников, позволяющий просматривать кредитную историю, блокировать подозрительные звонки и сообщать о мошеннических сайтах.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что тенденция формирования цифрового права в системе российского законодательства является объективным процессом, обусловленным цифровой трансформацией. Цифровые права представляют собой обязательственные, правомочные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы, что является принципиально новым для российской правовой системы феноменом.

Развитие цифровых прав сопровождается ростом новых видов преступных посягательств, масштаб которых достигает сотен миллиардов рублей, что свидетельствует о необходимости адекватного реагирования со стороны государства. Криминогенными факторами являются пробелы в правовом регулировании, технологическая сложность, трансграничный характер, анонимность транзакций. Цифровая эпоха требует трансформации классических уголовно-правовых институтов – перехода к превентивной парадигме, изменения понимания общественной опасности, пересмотра институтов вины и соучастия. Формирование цифрового права играет важнейшую предупредитель-

ную роль, а в России создаётся многоуровневая система предупреждения преступлений в этой сфере.

На основе проведенного анализа хотелось бы дальнейшего совершенствования российского законодательства в рамках расширения понятийного аппарата, включив в него криптовалюты, игровые активы и иные цифровые объекты, либо создания отдельных правовых режимов для этих объектов. Создание Цифрового (Информационного) кодекса, т.е. полноценного, отраслевого кодифицированного правового нормативного акта, во многом позволило бы систематизировать разрозненные нормы, устранить противоречия и пробелы, создать целостную систему правового регулирования цифровых отношений. А совершенствование уголовного законодательства востребовано в профильности уточнения предмета преступлений, предусмотренных ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), с учетом появления новых видов цифровых прав, а также дальнейшего развития норм об ответственности за киберпреступления.

Перспективным направлением является создание норм так называемого «машиночитаемого права», которые могут быть непосредственно восприняты и исполнены информационными системами, что позволило бы автоматизировать контроль за соблюдением законодательства о цифровых правах и оперативно блокировать противоправные операции.

Дальнейшее развитие правового института, а в дальнейшем быть может и отрасли, цифровых прав, совершенствование уголовного и информационного законодательства, а также внедрение технологических механизмов противодействия киберпреступности позволят эффективно защитить права участников цифрового оборота и снизить уровень криминальных угроз в цифровой среде.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Ст. 141.1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Алгоритмы и предупреждение проступка: Сидоренко о цифровизации уголовного права. Фонд развития гражданского общества. 12.02.2026. URL: <https://fondpp.org> (дата обращения: 22.05.2026).
3. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Суханов Е.А. Категория «цифрового имущества» в гражданском праве // Вещные права в цифровой среде / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Статут, 2021. С. 23–29.
5. Карцхия А.А., Морхат П.М. К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1 (38). С. 24–30.
6. Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав // Юрист. 2023. № 1. С. 54–60.
7. Вайпан В.А. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1. С. 3–29.
8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Василевская Л.Ю. Токен как объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5 (126). С. 111–122.
11. Глушаченко С.Б., Ладенков Н.Е. История развития правового регулирования цифрового (интернет-) пространства в России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 5–14.
12. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Лебедев С.Я., Джафарли В.Ф. Предупреждение преступлений в сфере цифровых технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 142–148.

THE ROLE OF THE FORMATION OF DIGITAL LAW
IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LEGISLATION AS
A FACTOR OF CRIME PREVENTION

Bordakova A.G.
Samara State University of Economics

The article explores the role of the formation of sectoral digital law in the Russian legal system as a factor influencing the prevention of crime. Based on an analysis of Russian legislation, the article reveals the concept, essence, and evolution of digital rights. Three essential features of digital rights are identified: their legal nature, technological dependence, and decentralized implementation. The article also analyzes the criminogenic factors associated with the circulation of digital assets, including gaps in legal regulation, cross-border nature, anonymity of transactions, high speed of operations, and the absence of a unified registry of owners. The transformation of classical criminal law institutions in the digital era is substantiated: the transition from a post-punitive to a preventive paradigm, a change in the understanding of public danger, the problem of the quasi-subjectivity of artificial intelligence and the distribution of guilt in autonomous digital systems. A multi-level system of measures to prevent crimes in the field of digital rights (international, national, departmental, platform, and individual levels) is considered, including the National Cybercrime Prevention System (NPCS), which was launched in 2026. Proposals are being formulated to improve legislation: expanding the conceptual framework of digital rights, creating the Digital (Information) Code of the Russian Federation, improving criminal law norms, harmonizing with international law, and introducing machine-readable law.

Keywords: digital law, crime prevention, transformation of criminal law, national system for countering cybercrime.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of 30.11.1994 (as amended on 31.07.2025). Art. 141.1. Access from SPS ConsultantPlus.
2. Algorithms and prevention of misconduct: Sidorenko on the digitalization of criminal law. Civil Society Development Foundation. 12.02.2026. URL: <https://fondpp.org> (accessed: 22.05.2026).

3. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvd.rf> (accessed: 10.05.2026).
4. Sukhanov E.A. The category of “digital property” in civil law // Property rights in the digital environment / ed. by M.A. Egorova. M.: Statut, 2021. P. 23–29.
5. Kartskhiya A.A., Morhat P.M. On the concept of virtual (digital) property as an object of civil rights // Monitoring of law enforcement. 2021. No. 1 (38). P. 24–30.
6. Abramova E.N. On the concept of digital law as an object of civil rights // Lawyer. 2023. No. 1. P. 54–60.
7. Vaipan V.A. Sources of digital law // Bulletin of Arbitration Practice. 2024. No. 1. P. 3–29.
8. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020. Access from SPS ConsultantPlus.
9. On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of 02.08.2019. Access from SPS ConsultantPlus.
10. Vasilevskaya L. Yu. Token as an object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Current problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 5 (126). P. 111–122.
11. Glushachenko S.B., Ladenkov N.E. History of the development of legal regulation of the digital (internet) space in Russia // Bulletin of the Kant Baltic Federal University. Ser.: Humanities and social sciences. 2025. No. 1. P. 5–14.
12. On information, information technologies and on the protection of information: Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 31.07.2025). Access from SPS ConsultantPlus.
13. On personal data: Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006 (as amended on 08.08.2024). Access from SPS ConsultantPlus.
14. On electronic signature: Federal Law No. 63-FZ of 06.04.2011 (as amended on 08.08.2024). Access from SPS ConsultantPlus.
15. On certain issues of regulation of the platform economy in the Russian Federation: Federal Law No. 289-FZ of 31.07.2025. Access from SPS ConsultantPlus.
16. Lebedev S.Ya., Jafarli V.F. Prevention of crimes in the field of digital technologies. 2022. № 3. Pp. 142–148.

Виртуальное имущество как объект уголовно-правовых отношений: теоретические подходы к определению

Головко Михаил Николаевич,

аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет»

E-mail: golovko.mikha@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с уголовно-правовой охраной виртуального имущества. Отсутствие отдельного правового статуса у виртуального имущества, неоднозначность следственной и судебной практики приводят к ошибкам в квалификации преступлений, связанных с виртуальными объектами. Отсутствие легального определения не только затрудняет квалификацию, но и ставит под вопрос принципиальную возможность уголовно-правовой охраны данных объектов. Проведен анализ различных подходов к пониманию «виртуального имущества» для целей уголовного права. Целью данного исследования является выявление общих характеристик преступлений, совершаемых с использованием виртуального имущества, а также определение виртуального имущества как объекта уголовно-правовых отношений.

Ключевые слова: виртуальное имущество, криптовалюта, уголовно-правовые отношения, уголовно-правовая охрана, экономические преступления, цифровые технологии, киберпреступления.

Развитие цифровых технологий и информационно телекоммуникационной сети интернет в совокупность с цифровизацией жизни человека и повсеместном использовании новых технологий послужили стимулом и привели к появлению новых «виртуальных» объектов гражданских прав.

Нормой для современности стали новые виды «электронных» аналогов денежных средств: криптовалюты, виртуальные кошельки, внутриигровые предметы и иные предметы, которые существуют исключительно в электронном нематериальном мире и обладают некоторой экономической ценностью. При этом, правовая природа и механизм правовой охраны указанных виртуальных объектов остаются неопределенными, что в свою очередь создает сложности в квалификации посягательств на виртуальное имущество как преступлений.

Отсутствие отдельного правового статуса у виртуального имущества, отсутствие «цифровой» квалификации у правоприменителя, как следствие, неоднозначность следственной и судебной практики приводят к ошибкам в квалификации преступлений, связанных с виртуальными объектами. Так, правоприменитель ввиду отсутствия критериев для определения виртуального имущества сталкивается с серьезными проблемами в части отграничения тех или иных деяний от смежных составов

Исследованиями в области киберпреступности и преступлений с сфере новых технологий занимались ряд ученых, в том числе А.В. Бриллиантов, Е.Г. Быкова, Д.В. Грибанов, О.С. Гузеева, И.Б. Колчевский, В.А. Перов, М.А. Простосердов, А.А. Рудых, Н.В. Ткачева, А.В. Токолов, З.И. Хисамовой, Е.Н. Яковец и другие.

Целью данного исследования является выявление общих характеристик преступлений, совершаемых с использованием виртуального имущества, а также определение виртуального имущества как объекта уголовно-правовых отношений.

В настоящее время в уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение виртуального имущества, что создает фундаментальную правовую неопределенность. Данный пробел существенно затрудняет квалификацию преступных посягательств на такие активы.

Как отмечается в исследованиях, «отсутствие единообразного понимания виртуального имущества приводит к тому, что однотипные деяния могут квалифицироваться по-разному в зависимости от региона или судебного усмотрения» [1, с. 90]. Это порождает риски нарушения принципа правовой определенности и равенства граждан перед законом.

Проблема усугубляется тем, что виртуальное имущество не обладает традиционными признаками вещи, такими как материальная форма и физическая обособленность. В связи с этим его невозможно вписать в классическую конструкцию предмета преступления, предусмотренную, например, статьей 158 УК РФ. Как подчеркивается в научной литературе, «виртуальные активы существуют исключительно в цифровой среде и не могут быть изъяты из владения потерпевшего в традиционном понимании, что ставит под сомнение саму возможность применения норм о хищении» [2, с. 579–580].

Таким образом, отсутствие легального определения не только затрудняет квалификацию, но и ставит под вопрос принципиальную возможность уголовно-правовой охраны данных объектов.

Виртуальное имущество может существовать в различных формах, каждая из которых обладает специфическими признаками, влияющими на возможность их уголовно-правовой охраны. К числу наиболее распространенных форм относятся внутриигровые предметы, криптовалюты, доменные имена и цифровые подписи. Виртуальное имущество, в том числе уникальные внутриигровые предметы имеют высокую рыночную стоимость (до нескольких сотен тысяч долларов США). В связи с чем, виртуальное имущество является довольно «привлекательным» объектом посягательства для злоумышленников [3, с. 21].

Необходимо акцентировать внимание на том, что виртуальное имущество в зависимости от формы имеет соответствующую цену и свой рынок, на котором происходит «обмен» виртуального имущества. Данные факторы, по мнению Кобец П.Н., исключают «возможность универсального подхода защите в рамках действующего УК РФ»

[4, с. 166], а для эффективной уголовно-правовой охраны необходимо учитывать специфику каждой формы виртуального имущества.

Определение виртуального имущества как объекта уголовно-правовых отношений требует анализа существующих теоретических подходов в доктрине. Данная категория рассматривается через призму классических гражданско-правовых концепций собственности и обязательства права, а также информационного права, что порождает множество дискуссионных моментов. Сторонники цивилистического подхода стремятся применить к виртуальным активам традиционные институты вещного и обязательственного права, однако это вызывает затруднения из-за их нематериальной природы. Классические концепции собственности предполагают наличие материального объекта, тогда как виртуальное имущество существует исключительно в цифровой среде.

В юридических источниках до настоящего времени нет единого мнения относительно рассматриваемого вопроса. Так, например, криптовалюта как один из видов виртуального имущества, по мнению Дедковского А.А., является объектом гражданского оборота и «должна выступать в качестве самостоятельного предмета преступления» [5, с. 45].

В свою очередь, при анализе виртуального имущества в рамках информационного права стоит акцентировать внимание в большей мере на нематериальный характер данного имущества, позволяющий отнести его к «цифровому благу». Однако, данный подход не учитывает стоимостное выражение и возможность использовать в гражданском обороте отдельных виртуальных предметов.

В доктрине предложены различные концепции, каждая из которых по-своему объясняет юридическую природу этих объектов. Отсутствие единого подхода создает значительные трудности при определении правового режима и, как следствие, при квалификации преступлений.

Первая концепция – теория «бестелесных вещей» [6, с. 173–180] – рассматривает виртуальное имущество как разновидность нематериальных объектов, которые могут быть объектами вещных прав. Эта теория позволяет применять к цифровым активам нормы о праве собственности, однако сталкивается с критикой из-за невозможности физического владения.

Вторая концепция признает виртуальное имущество имущественным правом, то есть правом требования к провайдеру или эмитенту [7].

Третья концепция определяет виртуальное имущество как информацию, что соответствует его цифровой природе, но не отражает его имущественной ценности [8].

Четвертая концепция предлагает считать его особым цифровым благом, выходящим за рамки традиционных категорий. Правовое регулирование также претерпевает изменения:

В Российской Федерации определение правового понятия криптовалюты в различные временные периоды кардинальным образом отличалось, что влияло непосредственно на квалификацию преступлений, совершенных с использованием криптовалюты, так как фактически с изменением правового режима криптовалюты изменялся непосредственно предмет преступления [9, с. 15].

Для уголовного права от понимания «виртуального имущества» зависит верная квалификация деяний. Конкуренция обозначенных выше подходов имеет свои отличия от других основания и последствия для уголовно-правовой квалификации. Так, если говорить о виртуальном имуществе, в том числе о внутриигровом имуществе, как об объекте интеллектуальной собственности, то посягательства на данное имущество может быть квалифицировано как нарушение авторских или смежных прав.

Как следствие, каждый из обозначенных теоретических подходов имеет непосредственное значение при решении вопроса о квалификации преступлений. Отсутствие единого теоретического подхода и отсутствие единообразия в правоприменительной практике порождает риски неоднозначной квалификации тех или иных деяний, связанных с виртуальным имуществом, обладающих всеми признаками преставления, как неправомерных и наоборот.

Экономическая ценность и оборотоспособность виртуального имущества являются фундаментальными характеристиками, которые необходимо учитывать при криминализации деяний, направленных на его неправомерное завладение.

Двойственная правовая природа виртуального имущества заключается в том, что оно одновременно является и технической сущностью – набором данных, записей в распределенном реестре или базе данных, и экономической сущностью – объектом, обладающим свойствами товара или имущества.

Эта двойственность создает фундаментальную проблему для правовой квалификации: с одной стороны, неправомерный доступ к таким данным может быть квалифицирован как преступление в сфере ком-

пьютерной информации, с другой – их хищение или неправомерное использование может подпадать под признаки имущественных преступлений. Игнорирование любой из этих сторон ведет к неполной или неверной оценке общественной опасности деяния.

При установлении состава преступления, особенно в части способов хищения или неправомерного доступа, необходимо учитывать, что виртуальное имущество не является материальным объектом. Его нельзя физически изъять, как вещь, что принципиально отличает его от традиционных предметов хищения.

Как справедливо отмечается в литературе, «рассматривать компьютерную информацию как предмет хищения, на наш взгляд, ошибочно по следующим причинам: во-первых, предметом хищения может быть только вещь (имущество) и в некоторых случаях право на имущество или действия имущественного характера; во-вторых, сложно определить стоимость «похищенной» информации как обязательного признака предмета хищения в уголовно-правовом понимании; в-третьих, в отличие от хищения при неправомерном копировании не происходит изъятие предмета преступления» [10, с. 181–182].

Обозначенный подход наглядно демонстрирует, что попытка применить классические конструкции хищения к виртуальным активам сталкивается с непреодолимыми препятствиями. Отсутствие изъятия как физического действия, сложность определения стоимости и нематериальная природа объекта требуют выработки специальных подходов к квалификации. Вместе с тем, если виртуальное имущество обладает экономической ценностью и может быть объектом оборота, то его неправомерное завладение по своей сути является имущественным преступлением, что требует признания за ним статуса имущества в уголовно-правовом смысле.

Асимметрия власти между разработчиком и пользователем требует особого внимания при конструировании составов преступлений и определении потерпевшего. В случаях, когда вред причиняется действиями самой платформы, возникает вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности юридического лица или его должностных лиц. Таким образом, анализ виртуального имущества как объекта оборота в замкнутой экосистеме показывает, что его правовая защита не может быть сведена к простому копированию норм о вещном праве, а требует учета специфики цифровой среды и фактических отношений власти, складывающихся в ней.

Необходимо акцентировать внимание на том, что для целей уголовного права виртуальное имущество существующим образом отличается от традиционных объектов права собственности.

Первое и фундаментальное отличие виртуального имущества от традиционных объектов вещного права состоит в его нематериальной природе. В отличие от физических вещей, виртуальные активы не имеют материальной субстанции, не обладают массой, объемом или пространственными характеристиками. Как справедливо отмечается в современной доктрине, «цифровые финансовые активы существуют только в информационной системе, а это значит, что они являются нематериальным объектом гражданских прав» [11, с. 316–317].

Данное обстоятельство кардинальным образом меняет механизм преступного посягательства: классическое хищение, предполагающее физическое изъятие предмета и обращение его в пользу третьих лиц, в цифровой среде становится невозможным.

Вследствие отсутствия физической формы преступное воздействие на виртуальное имущество осуществляется не путем перемещения объекта в пространстве, а путем записи, модификации или удаления соответствующей информации. Злоумышленник не «забирает» цифровой актив в привычном понимании, а изменяет данные в реестре или серверных журналах, переписывая права доступа или уничтожая записи о принадлежности [12]. Это порождает принципиально иной способ причинения ущерба, при котором потерпевший может одновременно и утратить доступ к активу, и сохранить его цифровую копию, не имеющую, однако, юридической силы.

Специфика нематериального объекта влечет за собой сложности при определении момента окончания преступления и его объективной стороны. Для традиционного имущества достаточно факта перемещения и установления контроля, тогда как для виртуальных активов требуется установить факт несанкционированного изменения записи в блокчейне или базе данных.

Другой особенностью виртуального имущества является ограниченная оборотоспособность по сравнению с реальным имуществом, которое может свободно отчуждаться и быть полезным в непосредственно в реальном мире. Собственник вещи имеет непосредственную юридическую и фактическую власть над ней. Виртуальное имущество же может быть доступно только в виртуальном (цифровом) мире, который зависит от множества факторов, в том числе от операторов цифровой платформы, от стабильного Интернет-соединения, от пра-

вообладателя и разработчика многопользовательской игры, системы поддержки той или иной платформы и многих других факторов.

Если иное лицо неправомерно завладевает аккаунтом с виртуальным имуществом и присвоит его себе, то в таких случаях сложно применить традиционные нормы о хищении. Правоприменительная практика вынуждена искать компромисс между технологическими реалиями и устоявшимися категориями вещного права, что зачастую приводит к противоречивым решениям.

Способы подтверждения права собственности на виртуальное имущество также радикально отличаются от традиционных. В классическом гражданском обороте право собственности на вещь удостоверяется, как правило, документами (например, договором купли-продажи, распиской) или фактическим владением, которое презюмируется. В цифровой среде доказательством выступают соответствующие «цифровые следы» (записи программы, «логи», корневые файлы и т.п.) [13].

Такой подход порождает сложные вопросы для квалификации: является ли создание цифровой копии виртуального актива нарушением права собственности? Если да, то какой именно состав преступления образует это деяние? Данные вопросы еще не получили однозначного разрешения в судебной практике и доктрине, что свидетельствует о необходимости дальнейшего осмысления природы виртуального имущества и адаптации уголовного закона к новым технологическим реалиям.

В научных исследованиях предлагаются несколько вариантов разрешения указанной проблемы: от расширительного толкования понятия «вещи» для целей хищения до введения отдельной категории виртуального (цифрового) имущества в уголовном праве и внесения соответствующих изменений в УК РФ. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что трансграничный характер отношений, связанных с виртуальным имуществом, зачастую выходит за пределы юрисдикции одной страны. В совокупности эти факторы требуют согласования понятийных основ и выработки унифицированных критериев для распознавания предмета хищения в цифровой сфере.

Литература

1. Алферова Е.В. Информационные технологии и «цифровая» преступность (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 83–96.
2. Бегишев И.Р., Денисов В.В. Метапреступность: ключевые криминологические горизонты цифровой эпохи // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – № 6. – С. 575–586
3. Долгиева М.М. Особенности объекта и предмета преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты // Уголовная юстиция. – 2018. – № 12. – С. 19–23
4. Кобец П.Н. Совершенствование механизмов уголовно-правовой охраны общественных отношений, возникающих в процессе эволюционирования цифрового общества // Пенитенциарная наука. – 2024. – № 2. – С. 165–170.
5. Дедковский А.А. Мошенничество: проблемы уголовно-правового регулирования и пути их решения // Юриспруденция. – 2025. – № 4. – С. 42–46.
6. Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: моногр. / отв. ред. Е.Б. Лаутс; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. факультет. М.: Статут, 2019. С. 157–180
7. Беликова Ксения Михайловна Теоретические и практические аспекты правовой квалификации виртуальной собственности в России и за рубежом // Юридические исследования. 2021. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-pravovoy-kvalifikatsii-virtualnoy-sobstvennosti-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 01.06.2026).
8. Вячеслав Викторович Кресс К вопросу о понятии виртуального (цифрового) имущества как объекте гражданских прав // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-virtualnogo-tsifrovogo-imushchestva-kak-obekte-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 01.06.2026).
9. Перов, Валерий Александрович Квалификация преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: // 5.1.4. / Перов Валерий Александрович; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета»; Диссовет Д 171.001.XX (77.2.001.01)]. – Москва, 2023. – 25 с.

10. Дубко М.А. Объективные признаки неправомерного завладения компьютерной информацией // Вестник полоцкого государственного университета. Серия D. – 2012. – № 13. – С. 180–184

11. Кабанов Н.К. Цифровые финансовые активы как новелла гражданского законодательства // Бюллетень науки и практики. – 2025. – № 10. – С. 316–320.

12. Русскевич Евгений Александрович, Шиндяев Никита Дмитриевич Виртуальное игровое имущество как предмет преступного посягательства // Искусство правоведения. The art of law. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-igrovoe-imushchestvo-kak-predmet-prestupnogo-posyagatelstva> (дата обращения: 02.06.2026).

13. Емельянов Дмитрий Сергеевич, Емельянов И.С. Невзаимозаменяемые токены (NFT) как самостоятельный объект правового регулирования // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 10 (241). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevzaimozamenyaemye-tokeny-nft-kak-samostoyatelnyy-obekt-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 02.06.2026).

VIRTUAL PROPERTY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW RELATIONS: THEORETICAL APPROACHES TO THE DEFINITION

Golovko M.N.

Russian New University

The article discusses problematic issues related to the criminal law protection of virtual property. The lack of a separate legal status for virtual property, the ambiguity of investigative and judicial practice lead to errors in the qualification of crimes related to virtual objects. The lack of a legal definition not only makes it difficult to qualify, but also calls into question the fundamental possibility of criminal protection of these objects. The analysis of various approaches to understanding “virtual property” for the purposes of criminal law is carried out. The purpose of this study is to identify the general characteristics of crimes committed using virtual property, as well as to define virtual property as an object of criminal law relations.

Keywords: virtual property, cryptocurrency, criminal law relations, criminal law protection, economic crimes, digital technologies, cybercrimes.

References

1. Alferova E.V. Information technologies and “digital” crime (review) // Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature: IAGE. Ser: State and Law. – 2024. – No. 4. – pp. 83–96.
2. Begishev I.R., Denisovich V.V. Metacrime: key criminological horizons of the digital age // All-Russian Journal of Criminology. – 2025. – No. 6. – pp. 575–586
3. Dolgieva M.M. Features of the object and subject of crimes committed in the sphere of cryptocurrency turnover // Criminal justice. – 2018. – No. 12. – pp. 19–23
4. Kobets P.N. Improving the mechanisms of criminal law protection of public relations arising in the process of evolution of the digital society // Penal science. – 2024. – No. 2. – pp. 165–170.
5. Dedkovsky A.A. Fraud: problems of criminal law regulation and ways to solve them // Jurisprudence. – 2025. – No. 4. – pp. 42–46.
6. Sazhenov A.V. Cryptocurrencies as a new kind of disembodied things // Modern Information Technologies and Law: monographs / ed. by E.B. Lauts; Lomonosov Moscow State University, Jurid. faculty. Moscow: Statute, 2019. p. 173
7. Belikova Kseniya Mikhailovna Theoretical and practical aspects of the legal qualification of virtual property in Russia and abroad // Legal research. 2021. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty-pravovoy-kvalifikatsii-virtualnoy-sobstvennosti-v-rossii-i-za-rubezhom> (date of request: 06/01/2026).
8. Vyacheslav Viktorovich Kress On the concept of virtual (digital) property as an object of civil rights // Education. Science. Scientific staff. 2024. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-virtualnogo-tsifrovogo-imushchestva-kak-obekte-grazhdanskih-prav> (date of request: 06/01/2026).
9. Perov, Valery Alexandrovich Qualification of crimes committed using cryptocurrencies: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: // 5.1.4. / Perov Valery Alexandrovich; [Place of protection: FGKOU HE “Moscow Academy of the Investigative Committee”; Dissertation D 171.001.XX (77.2.001.01)]. – Moscow, 2023. – 25 p.
10. Dubko M.A. Objective signs of unlawful acquisition of computer information // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. – 2012. – No. 13. – pp. 180–184
11. Kabanov N.K. Digital financial assets as a novel of civil legislation // Bulletin of Science and Practice. – 2025. – No. 10. – PP. 316–320.
12. Ruskevich Evgeny Alexandrovich, Shindyayev Nikita Dmitrievich VIRTUAL GAMING PROPERTY AS A SUBJECT OF CRIMINAL ENCROACHMENT // The art of Jurisprudence. The art of law. 2024. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-igrovoe-imushchestvo-kak-predmet-prestupnogo-posyagatelstva> (date of request: 06/02/2026).
13. Yemelyanov Dmitry Sergeevich, Yemelyanov I.S. Non-interchangeable tokens (NFT) as an independent object of legal regulation // Property relations in the Russian Federation. 2021. No. 10 (241). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nevzaimozamenyaemye-tokeny-nft-kak-samostoyatelnyy-obekt-pravovogo-regulirovaniya> (date of request: 06/02/2026).

Джелилов Аким Магамедрагимович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет»

Целью настоящего исследования выступает комплексный теоретико-прикладной анализ института условного осуждения как самостоятельной формы реализации уголовной ответственности, определение его места в системе мер уголовно-правового воздействия и выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию практики его применения. Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи: исследовать эволюцию научных представлений о правовой природе условного осуждения; провести разграничение условного осуждения со смежными уголовно-правовыми институтами (освобождение от ответственности, отсрочка отбывания наказания, наказания без изоляции от общества); на основе эмпирических данных выявить системные проблемы судебного усмотрения при определении оснований применения ст. 73 УК РФ и возложении обязанностей на осужденных; оценить эффективность контроля уголовно-исполнительных инспекций в контексте введения probation. Методологическую основу составили диалектический метод познания, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический методы, а также метод контент-анализа судебных решений. Практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций по внесению изменений в ст. 73 УК РФ и постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58, направленных на усиление дифференциации условного осуждения, внедрение элементов probationного надзора с использованием электронных средств контроля и минимизацию формального подхода при индивидуализации возлагаемых обязанностей.

Ключевые слова: условное осуждение, уголовная ответственность, испытательный срок, освобождение от наказания, судебское усмотрение, уголовно-исполнительная инспекция, probation, дифференциация ответственности, рецидив преступлений, гуманизация уголовной политики.

Введение

Институт условного осуждения, закрепленный в ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, на протяжении десятилетий остается одним из наиболее дискуссионных феноменов отечественного уголовного права. Обладая значительным потенциалом в сфере гуманизации уголовной политики, он при этом порождает комплекс теоретических и прикладных проблем, требующих системного разрешения. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, удельный вес условно осужденных в общей структуре назначаемых наказаний стабильно удерживается на уровне 20–25%, что актуализирует вопрос о качестве и обоснованности применения данной меры в отношении сотен тысяч граждан ежегодно [8].

Главный теоретический вызов связан с отсутствием доктринального консенсуса относительно правовой природы условного осуждения. В науке уголовного права к настоящему времени кристаллизовались три базовые концепции. Первая, развитая в трудах Н.А. Стручкова и М.А. Ефимова, трактует условное осуждение как особый вид наказания, обладающий специфическим карательным содержанием [5]. Вторая, представленная работами И.И. Карпеца, рассматривает его исключительно как форму освобождения от отбывания наказания. Третья, поддерживаемая А.В. Наумовым и В.П. Малковым, исходит из признания условного осуждения самостоятельным комплексным институтом уголовной ответственности [4]. Легальная дефиниция «применение наказания условно» (ч. 1 ст. 73 УК РФ) не снимает доктринальных противоречий, оставляя открытым вопрос о моменте и форме реализации уголовной ответственности при условном осуждении.

Не менее остро стоят проблемы судебного правоприменения. Анализ кассационной и апелляционной практики Верховного Суда РФ свидетельствует о систематических ошибках нижестоящих судов при определении оснований применения ст. 73 УК РФ. Зачастую оценка личности подсудимого и возможности его исправления без реального отбывания наказания подменяется формальной констатацией общих фраз без приведения конкретных мотивов [2]. Недостаточная индивидуализация возлагаемых на осужденного обязанностей, типизация их перечня до «стандартного набора», а также высокая нагрузка на уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) снижают превентивный потенциал института и ведут к его девальвации.

Целью настоящего исследования является комплексный теоретико-прикладной анализ института условного осуждения как самостоятельной формы реализации уголовной ответственности, определение его места в системе мер уголовно-правового воздействия и выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: исследовать генезис и эволюцию научных взглядов на правовую природу условного осуждения; провести системное разграничение условного осуждения со смежными уголовно-правовыми институтами; на основе эмпирических данных выявить и классифицировать системные проблемы судебного усмотрения при применении ст. 73 УК РФ; оценить эффективность контроля со стороны УИИ в контексте реализации Федерального закона «О probation в Российской Федерации»; разработать предложения по оптимизации законодательной регламентации и правоприменительной практики.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, позволивший рассмотреть институт условного осуждения в его развитии и взаимосвязи с иными уголовно-правовыми явлениями. В качестве специальных методов применялись: формально-юридический – при толковании положений ст. 73, 74, 75, 76, 82 УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»; сравнительно-правовой – при разграничении условного осуждения со смежными институтами и при анализе зарубежного опыта probation; статистический метод – при обработке количественных данных судебной статистики за 2020–2024 гг.

Эмпирическую базу исследования составили: статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2020–2024 гг.

[8]; результаты контент-анализа 120 судебных решений (приговоров и постановлений об отмене условного осуждения), вынесенных районными судами г. Москвы, Московской области, Республики Дагестан и Краснодарского края в период с 2022 по 2024 г.; аналитические обзоры кассационной практики Верховного Суда РФ по вопросам назначения наказания; ведомственные статистические данные ФСИН России о деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Теоретической основой послужили фундаментальные труды Н.А. Стручкова, И.И. Карпеца, В.П. Малкова, А.В. Наумова, Л.Л. Кругликова, Г.А. Есакова, а также современные диссертационные и монографические исследования, посвященные проблемам дифференциации уголовной ответственности и probation. Нормативную базу образуют УК РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» [9], соответствующие постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Результаты и обсуждение

Доктринальная природа условного осуждения и его место в системе мер уголовной ответственности

Проведенное исследование подтверждает, что ни одна из трех традиционных научных концепций не может быть признана абсолютно истинной при изолированном рассмотрении. Трактовка условного осуждения как особого вида наказания (Н.А. Стручков) не согласуется с архитектурой действующего УК РФ, где перечень наказаний (ст. 44) является закрытым и не включает условное осуждение [5]. Кроме того, при условном осуждении отсутствует ключевой признак наказания – реальное претерпевание правоограничений карательного характера (за исключением психологического воздействия угрозы).

Понимание условного осуждения как формы освобождения от отбывания наказания (И.И. Карпец) также небезупречно, поскольку игнорирует тот факт, что наказание при условном осуждении не просто не исполняется – оно назначается и сохраняет свою юридическую силу, обуславливая состояние судимости и возможность реального исполнения при нарушении режима испытания. Речь идет не об освобождении от наказания, а об особом порядке его неисполнения под условием.

Наиболее обоснованной представляется позиция В.П. Малкова, рассматривающего условное осуждение как самостоятельную форму реализации уголовной ответственности [4]. Уголовная ответственность в данном случае реализуется в особой процессуально-исполнительной форме, включающей два последовательных этапа: назначение наказания обвинительным приговором суда и условное неисполнение этого наказания в течение испытательного срока под контролем УИИ. Как верно подчеркивает Л.Л. Кругликов, условное осуждение есть «сложная структура», в которой угроза реального отбывания наказания выступает основным стимулом правоуправляющего поведения осужденного [3]. Такое понимание позволяет отграничить условное осуждение от смежных институтов.

Разграничение условного осуждения со смежными институтами: системный анализ

Сравнительно-правовой анализ позволил выявить конституирующие признаки, отграничивающие условное осуждение от смежных уголовно-правовых институтов.

Отличие от освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76.1, 76.2 УК РФ). Принципиальное различие лежит в правовых последствиях. При освобождении от уголовной ответственности обвинительный приговор не постановляется, лицо считается несудимым, а уголовно-правовые отношения прекращаются окончательно. При условном осуждении, напротив, обвинительный приговор постановляется, наказание назначается, судимость сохраняется на весь испытательный срок, и уголовная ответственность не аннулируется, а реализуется в усеченной форме.

Отличие от отсрочки отбывания наказания (ст. 82, 82.1 УК РФ). Отсрочка предоставляется по объективным обстоятельствам, связанным с личностью осужденного (беременность, наличие малолетних детей, болезнь), и не ставит дальнейшую судьбу наказания в прямую зависимость от поведения осужденного в той мере, в какой это свойственно условному осуждению. При условном осуждении определяющим является поведение лица и его отношение к возложенным обязанностям. Кроме того, правовые последствия истечения испытательного срока (погашение судимости) и отсрочки (освобождение от наказания или его замена) различны.

Отличие от наказаний, не связанных с изоляцией от общества (исправительные работы, ограничение свободы). При назначении исправительных работ или ограничения свободы реально применяются ка-

рательные элементы (удержания из заработка, запреты на посещение определенных мест, обязанность находиться дома в ночное время). При условном осуждении кара сводится к психологическому воздействию угрозы реализации назначенного наказания, а правоограничения, связанные с возложенными обязанностями, носят не карательный, а контрольно-воспитательный характер.

Таким образом, условное осуждение выступает в качестве компромиссного института, позволяющего достичь целей специальной превенции без применения реальных правоограничений, при условии подтверждения осужденным своего исправления законопослушным поведением. Данный вывод подтверждается и актуальной судебной практикой: как неоднократно указывал Верховный Суд РФ, условное осуждение может быть применено только в тех случаях, когда цели наказания достижимы без его реального исполнения, а соответствующий вывод суда должен быть мотивирован в приговоре [2].

Проблемы судебной практики: эмпирический анализ

Контент-анализ 120 судебных решений за 2022–2024 гг. позволил выявить ряд системных проблем правоприменения ст. 73 УК РФ.

Проблема формального подхода к мотивировке. В 68% изученных приговоров (82 из 120) мотивировочная часть в части применения ст. 73 УК РФ ограничивалась стандартной формулировкой: «Учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность подсудимого, суд приходит к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания». Конкретные данные о личности (характеристики с места работы, семейное положение, посткриминальное поведение) не раскрывались, что свидетельствует о формальном выполнении требования закона о мотивированности приговора. Данная проблема неоднократно становилась предметом критики в доктрине: Е.П. Редин справедливо указывает, что формальный подход нивелирует индивидуализацию уголовной ответственности и превращает условное осуждение в «судейскую рутину» [7].

Проблема типизации возлагаемых обязанностей. Анализ показал, что перечень обязанностей, возлагаемых на условно осужденных, отличается крайней стереотипностью. В 96% изученных приговоров (115 из 120) присутствовала обязанность «являться на регистрацию в специализированный государственный орган», в 89% (107 из 120) – «не менять постоянного места жительства без уведомления». Обязанности, непосредственно направленные на ресоциализацию, – трудоустроиться, пройти курс лечения от алкоголизма или наркомании, продолжить обучение – возлагались лишь в 12% случаев (14 из 120), причем, как правило, при наличии соответствующих ходатайств защиты или представлений органов предварительного расследования. Это подтверждает вывод А.В. Бажанова о том, что суды предпочитают «минимальный пакет» обязанностей, снижая воспитательный потенциал условного осуждения [10].

Проблема эффективности контроля. Статистика ФСИН России за 2023 г. свидетельствует, что нагрузка на одного инспектора УИИ в ряде регионов превышает нормативную в 1,5–2 раза. При этом отмена условного осуждения по ч. 3 ст. 74 УК РФ (в связи с систематическим неисполнением обязанностей) применяется лишь в 7% случаев от общего числа состоящих на учете [8]. Данный показатель свидетельствует не столько о высоком уровне законопослушности осужденных, сколько о недостаточной интенсивности контроля и отсутствии дифференцированной шкалы реагирования на нарушения. Закон предоставляет лишь две меры: предупреждение (ч. 1 ст. 190 УИК РФ) и отмена условного осуждения. Промежуточные меры (усиление интенсивности надзора, расширение круга обязанностей) отсутствуют, что противоречит принципу справедливости и снижает превентивный потенциал института.

Проблема рецидива в период испытательного срока. Согласно данным Судебного департамента, в 2023 г. доля лиц, совершивших новое преступление в период испытательного срока, составила 11,4% от общего числа условно осужденных [8]. Это указывает на то, что формальное применение ст. 73 УК РФ по принципу «назначить и забыть» без реального социального сопровождения не обеспечивает достижения целей специальной превенции. В этом контексте особое значение приобретает Федеральный закон «О probation в Российской Федерации», вводящий инструменты постпенитенциарного сопровождения и ресоциализации, которые, однако, пока не интегрированы в механизм исполнения условного осуждения в полной мере [9].

Перспективы оптимизации института условного осуждения

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Первое. В целях ограничения судебного усмотрения и предотвращения необоснованного применения условного осуждения предлагается дополнить ст. 73 УК РФ частью 1.1, содержащей открытый перечень обстоятельств, исключающих применение условного осуждения. Такие обстоятельства должны формулироваться не только через формальные признаки (вид рецидива, срок наказания, совершение преступления в период испытательного срока), но и через характеристику степени общественной опасности содеянного и личности виновного (например, непринятие мер к возмещению ущерба, наличие неснятых и непогашенных судимостей за умышленные преступления). Подобная конкретизация ограничит немотивированное применение ст. 73 УК РФ и повысит прозрачность судебных решений.

Второе. Учитывая введение института probation, ч. 5 ст. 73 УК РФ нуждается в дополнении. Предлагается предусмотреть возможность применения probationного надзора с использованием электронных средств контроля в отношении условно осужденных, допустивших однократное нарушение возложенных обязанностей либо совершивших административное правонарушение. Это позволит создать промежуточную меру реагирования между предупреждением и отменой условного осуждения, что согласуется с принципом справедливости и дифференциации ответственности. Аналогичные механизмы успешно функционируют в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран (probation с электронным мониторингом в США, Англии, Германии) и показали свою эффективность в снижении рецидива.

Третье. Необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 разделом, содержащим критерии разграничения ситуаций, когда условное осуждение выступает оптимальной мерой, и случаев, когда требуется назначение реального наказания. Такие критерии должны включать оценку посткриминального поведения лица, его готовности к ресоциализации, а также прогноз риска рецидива. Особое внимание следует уделить недопустимости назначения условного осуждения при рецидиве преступлений лишь на основании второстепенных обстоятельств (признание вины, раскаяние) без всестороннего анализа данных о личности. Разработка и внедрение четких ориентиров судебного усмотрения будет способствовать стабильности судебной практики и повышению авторитета судебной власти [6].

Четвертое. В контексте реализации ФЗ «О probation» необходимо разработать и внедрить в практику УИИ программы социального сопровождения условно осужденных, включающие содействие в трудоустройстве, получении образования, психологическую помощь. Условное осуждение не должно сводиться к формальному контролю за явкой на регистрацию; его потенциал как инструмента ресоциализации должен быть реализован в полном объеме. Как справедливо отмечает Г.А. Есаков, будущее института условного осуждения связано с его интеграцией в систему probation, что позволит перейти от пассивного контроля к активной социальной работе с осужденными [6].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Институт условного осуждения является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности, занимающей особое место в системе мер уголовно-правового воздействия. Его правовая природа не сводится ни к наказанию, ни к освобождению от него; условное осуждение представляет собой комплексный двухэтапный механизм, включающий назначение наказания обвинительным приговором и его условное неисполнение под контролем уполномоченного органа, при сохранении угрозы реального исполнения в случае нарушения режима испытания.

Системный анализ судебной практики выявил три ключевые проблемы, препятствующие эффективной реализации данного института: формальный подход судов к мотивировке применения ст. 73 УК РФ, типизация возлагаемых на осужденных обязанностей (сведение их к «стандартному набору») и недостаточная эффективность контроля со стороны УИИ, при отсутствии дифференцированной шкалы реагирования на нарушения. Указанные проблемы ведут к девальвации превентивного потенциала условного осуждения и росту рецидива в период испытательного срока.

Для оптимизации института предлагается комплекс мер: законодательное закрепление в ст. 73 УК РФ открытого перечня обстоятельств, исключающих применение условного осуждения; внедрение probationного надзора с электронным мониторингом в качестве промежуточной меры реагирования на нарушения; разработка Верховным Судом РФ критериев судебного усмотрения при разграничении случаев применения условного осуждения и реального наказания. Реализация данных предложений позволит повысить как карательный, так и вос-

питательный потенциал условного осуждения, сохранив его в качестве действенного инструмента гуманизации уголовной политики без ущерба для целей общей и специальной превенции.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. От 31.10.2024) // Российская газета. 2015. № 295.
3. Кругликов Л.Л., Соловьева А.В. Условное осуждение: pro et contra // Уголовное право. 2017. № 4. С. 56–62.
4. Малков В.П., Прохорова А.В. Условное осуждение как форма реализации уголовной ответственности // Российский судья. 2019. № 2. С. 18–22.
5. Стручков Н.А. Условное осуждение и его правовая природа // Правоведение. 1962. № 3. С. 97–104.
6. Есаков Г.А. Меры уголовно-правового воздействия: проблемы классификации и дифференциации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2018. С. 112–115.
7. Редин Е.П. Условное осуждение в механизме реализации уголовной ответственности // Российский следователь. 2020. № 1. С. 33–37.
8. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
9. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» (ред. От 29.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 6. Ст. 890.
10. Бажанов А.В. Проблемы индивидуализации условного осуждения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 38. С. 45–53.
11. Бриллиантов А.В. Условное осуждение: теория и практика // Уголовное право. 2023. № 5. С. 3–11.
12. Антонов И.М. Проблемы назначения и исполнения условного осуждения в контексте реформы уголовного законодательства // Российский судья. 2024. № 1. С. 22–27.
13. Герасимов С.И. Концептуальные основы probation в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 50. С. 112–125.
14. Петрова М.В. Дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания: современные тенденции // Юридическая наука и практика. 2023. № 7. С. 88–95.
15. Халилов Р.Ш. Электронный мониторинг как средство контроля за условно осужденными: сравнительно-правовой анализ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 2. С. 15–19.

CRIMINAL CONVICTION IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LIABILITY MEASURES

Dzhellilov A.M.

Dagestan State Technical University

The aim of this study is a comprehensive theoretical and applied analysis of the institution of suspended sentence as an independent form of criminal liability implementation, determination of its place in the system of criminal law measures, and development of scientifically grounded proposals for improving the practice of its application. To achieve this aim, the following objectives were set: to explore the evolution of scientific views on the legal nature of suspended sentence; to distinguish it from related criminal law institutions (release from liability, deferment of sentence, non-custodial punishments); to identify, based on empirical data, systemic problems of judicial discretion in determining the grounds for applying Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation and imposing obligations on convicts; to assess the effectiveness of supervision by penal enforcement inspectorates in the context of the introduction of probation. The methodological basis comprised the dialectical method of cognition, formal-legal, comparative-legal, statistical methods, and the method of content analysis of court decisions. The practical significance of the work lies in the development of recommendations for amending Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation and Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58, aimed at strengthening the differentiation of suspended sentences, introducing elements of probation supervision using electronic monitoring means, and minimizing a formalistic approach in the individualization of imposed duties.

Keywords: suspended sentence, criminal liability, probationary period, release from punishment, judicial discretion, penal enforcement inspectorate, probation, differentiation of liability, recidivism of crimes, humanization of criminal policy.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. Dated 04/06/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. On the practice of assigning criminal penalties by courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/22/2015 No. 58 (ed. Dated 31.10.2024) // Rossiyskaya Gazeta. 2015. No. 295.
3. Kruglikov L.L., Solovyova A.V. Conditional sentence: pro et contra // Criminal law. 2017. No. 4. pp. 56–62.
4. Malkov V.P., Prokhorova A.V. Probation as a form of criminal responsibility // The Russian judge. 2019. No. 2. pp. 18–22.
5. Struchkov N.A. Conditional sentence and its legal nature // Jurisprudence. 1962. No. 3. pp. 97–104.
6. Yesakov G.A. Measures of criminal legal impact: problems of classification and differentiation // Criminal law: development strategy in the 21st century: proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference. Moscow: RGUP, 2018. pp. 112–115.
7. Redin E.P. Conditional sentence in the mechanism implementation of criminal liability // A Russian investigator. 2020. No. 1. pp. 33–37.
8. Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of criminal cases for 2023 // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.cdep.ru> (date of application: 05.05.2026).
9. Federal Law No. 10-FZ dated 02/06/2023 "On Probation in the Russian Federation" (ed. Dated 12/29/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. No. 6. Art. 890.
10. Bazhanov A.V. Problems of individualization of probation // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2021. No. 38. pp. 45–53.
11. Brilliantov A.V. Probation: theory and practice // Criminal law. 2023. No. 5. pp. 3–11.
12. Antonov I.M. Problems of appointment and execution of probation in the context of criminal law reform // The Russian judge. 2024. No. 1. pp. 22–27.
13. Gerasimov S.I. Conceptual foundations of probation in the Russian Federation: problems and prospects // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2024. No. 50. pp. 112–125.
14. Petrova M.V. Differentiation of criminal responsibility and individualization of punishment: current trends // Legal science and practice. 2023. No. 7. pp. 88–95.
15. Khalilov R.S. Electronic monitoring as a means of monitoring probation prisoners: a comparative legal analysis // International criminal law and international justice. 2024. No. 2. pp. 15–19.

Влияние ограничений в экономических правах, основанных на личностных характеристиках субъекта, на внутривластную обстановку в дореволюционной России

Дружинин Иван Дмитриевич,

аспирант кафедры уголовного права и криминологии ВГУЮ
(РПА Минюста России)

E-mail: 715thgp@gmail.com

В данной статье рассматриваются уголовно-правовые запреты в экономической и предпринимательской деятельности, существовавшие в дореволюционном российском праве и имеющие своим основанием личностные характеристики субъекта, его принадлежность к тому или иному сословному строю, конфессии или национальности. Подвергается анализу дореволюционное законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность, а также ограничения при осуществлении данной деятельности подданными. Рассматриваются причины введения запретов при осуществлении предпринимательской деятельности, условия, способствующие противоречивому развитию правового регулирования указанной сферы и отсутствия равенства в правах и свободах, имеющиеся потребности государства в создании неравных условий. Также делается вывод о дальнейших экономических и политических последствиях их применения, влиянии указанных запретов на рост революционных настроений, дальнейший кризис власти и возникновение революционных кружков.

Ключевые слова: дореволюционное право, уголовно-правовые запреты, сословный строй, личностные характеристики субъекта, предпринимательская деятельность.

Развитие правового регулирования экономической деятельности в дореволюционный период прежде всего связано с отменой крепостного права в 1861 году, и, как следствие, появлением множества новых потенциальных субъектов указанной деятельности.

Крепостничество препятствовало развитию капиталистических отношений, формированию свободного рынка труда, развитию промышленности и торговли. Отсутствие рабочих рук и покупательской способности у крестьян ограничивало внутренний рынок. Ещё к концу XVIII века стало ясно, что для укрепления позиций страны необходимо перейти к капиталистической модели развития, что было невозможно без отмены крепостного права.

В своём назначении, отмена крепостного права и последующие капиталистические реформы были направлены на преодоление феодальной отсталости, модернизацию страны и укрепление её положения на мировой арене. Однако, проведенные реформы были не полными и сохраняли многие пережитки прошлого, что в конечном итоге стало одной из причин обострения социальных противоречий и приближения революции.

Правовое регулирование экономических отношений в дореволюционном российском праве не представлялось единым актом, сколько множеством законов и сводов законов в их различных редакциях. Экономические права подданных Российской империи XIX века регулировались комплексом законодательных актов, которые постоянно подвергались редакции и изменениям. Не существовало единого, всеобъемлющего гражданского кодекса в нынешнем понимании, который бы охватывал все аспекты экономических отношений. К указанным законам, в частности, следует отнести уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, устав ремесленный (в многочисленных редакциях Свода законов Российской Империи), устав о пошлинах, законы о состояниях, законы гражданские, и многие другие акты из различных общественных сфер. Источником правового регулирования экономической деятельностью выступало также уголовное законодательство, определяя наиболее охраняемые общественные отношения в сфере экономики.

Необходимо отметить, что социальная структура общества того времени наибольшим образом основывалась на сословном строе, который составлял фундамент социума, в связи с чем экономические права подданных Российской империи в XIX веке были далеко не одинаковыми. Ограничения для различных слоев населения были значительными и определялись в первую очередь их сословным положением, а также вероисповеданием и принадлежностью к национальности.

Прежде всего под такие запреты попадало еврейское сообщество. Ещё в 1804 году было принято «Положение для евреев», устанавливающее их особый правовой статус, в котором регулировались права еврейского сообщества на получение образования, правила проживания, а также иные гражданские права [1].

Вышеуказанный акт преследовал цели включения еврейского населения в общую структуру Российской империи, установления четких правил для их бытовой жизни, а также стимулирования еврейской общины к занятиям, приносящим пользу государству (ремесла, полезные виды торговли). Положение 1804 года представляло собой попытку государства упорядочить правовой статус еврейского населения и его взаимодействия с иными российскими подданными, попутно накладывая на него ряд ограничений, касающихся места проживания, характера занятий, финансовых обязательств и религиозных вопросов, но также стремясь интегрировать его в общую систему империи. Указанные ограничения стали основой для дальнейшей выработки законодательства о евреях, которое постепенно ужесточалось, особенно во второй половине XIX века, о чём речь пойдёт позже.

Одной из главных задач законодательства является сохранение и поддержание существующего в государстве уклада. Экономические права были скорее привилегиями для определённых групп населения, а не универсальными правами для всех подданных. Устранение и ограничение этих прав служило целям государства по поддержанию социальной стабильности и защите интересов доминирующих сословий. Данную цель в свою очередь исполняло и уголовное законодательство.

Сословный строй общества неизбежно выражается в дискриминационном подходе к некоторым слоям населения на основе конфес-

сиональной, расовой или национальной принадлежности, что в свою очередь, в рамках уголовного закона, влечет за собой установление соответствующих запретов на основе характеристик личности субъекта.

Так, содержание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, принятого в 1845 году [2, с. 908–922] (далее – Уложение), прямо коррелировалось с потребностями господствующего класса, отражало потребности Российской Империи, и не только лишь закрепляло имеющееся на то время положение общества, но и определяло желаемый вектор развития правовой реальности.

По указанной причине в Уложении имелись нормы, ограничивающие экономические права некоторых слоев населения. К примеру, представителям еврейского общества, согласно статьям 750–751 Уложения, запрещалось содержать винокурни, кабаки, корчмы, иные заведения в целях реализации алкогольных напитков, при нарушении указанных норм они подвергались штрафу в размере от ста до двухсот рублей, (за неоднократные нарушения – лишению всех прав состояния и отправке в арестантские роты гражданского ведомства на срок от четырех до шести лет, от шести до восьми лет). Тому же наказанию они подвергались за осуществление трудовой деятельности в указанных заведениях или за проживания в домах, в которых они расположены.

Также, к уголовной ответственности привлекались управляющие имением помещика и помещики, позволяющие евреям в своих имениях совершение вышеуказанных действий. Наиболее тяжелой формой ответственности для них было отобрание имения сроком на 10 лет, которое наступало лишь на третий раз, после двухкратного признания лица виновным в совершении такого преступления (ст. 754–756 Уложения).

Такие ограничения в экономических правах для представителей еврейского общества предполагались как протекционистские меры, принимаемые в интересах русского купечества и ремесленников. Вместе с тем, реализация таких мер является по меньшей мере крайне спорной и представляет собой лишь прямые уголовные запреты, ограничивающие права лиц на основе их принадлежности к национальности.

Следует также отметить ст. 1597 Уложения, которой устанавливалось, что евреи за производство вне черты, назначенной для постоянного их жительства, какой-либо торговли, кроме той, которая в определенных именно законом случаях им дозволена, подвергаются конфискации товаров и немедленной высылки из мест, где они производили торговлю, за назначенную для проживания черту оседлости.

Указанная статья была введена в Уложение ещё в его первоначальной редакции, однако к редакции 1885 года, не претерпев никаких формальных изменений, в силу общей формулировки и многочисленных разъяснений органов исполнительной власти, а также сформировавшейся практике, трактовалась судами крайне широко.

К примеру, при наличии у еврея-ремесленника, проживающего вне назначенной для постоянной оседлости евреев черты, гильдейского свидетельства, имелось право на производство торговли только по отношению к изделиям его собственного производства, а не к какому-либо другому товару. Продажа иных товаров являлась составом преступления, предусмотренного вышеупомянутой статьей Уложения.

Также, производство евреям, имеющим только ремесленное свидетельство на приготовление мяса по еврейскому обряду, для приготовления этого мяса в пищу его единоверцам, торговля мясом всем иным лицам в целях извлечения прибыли каралась санкцией ст. 1597 Уложения.

Запрещались также торговля и продажа товаров лицам из числа приезжих купцов, не имеющих в столицах, губернских, областных и портовых городах, в которых они не имеют постоянного места жительства, а лишь временное пребывание [3, с. 18]. Такая торговля каралась конфискацией обращенных таким образом в продажу товаров.

Следует также отметить введение комитетом министров Российской империи так называемых «Временных правил» или «Майских правил» от 03 мая 1882 года (далее – Правила), запрещавшее евреям селиться вне городов и местностей, а также быть приобретателями, залогопринимателями и арендаторами недвижимого имущества, находящегося вне черты городов и местностей, или же поверенными на управление и распоряжение данным имуществом. В рамках Правил на представителей еврейского сообщества, проживающих в местах постоянной оседлости накладывались следующие запреты: 1) иметь место жительства вне городов и местечек, за исключением сформированных к тому моменту еврейских колоний, занимающихся земледелием; 2) совершать купчие крепости и закладные на имя евреев, засвидетельствовать на их имя арендные договоры на недвижимое имущество, находящееся вне черты городов и местечек, а также выдавать доверенности на управление и распоряжение данным имуществом; 3) осуществлять торговлю по воскресеньям и христианским праздникам [4].

При исполнении указанных запретов положения Правил подвергались широкому и разнообразному толкованию. Так, вопрос о запрете места жительства первоначально понимался как разрешающий жившим в селах до издания закона могут переходить из одного села в другое, но дальнейшими разъяснениями Сената было определено, что такой переход воспрещен. Вместе с тем евреи, уже переселившиеся по день обнародования разъяснений из одной сельской местности в другую, могут оставаться на постоянном жительстве в тех селениях, в которых застало их это разъяснение [5].

Также, запрещение торговли по воскресеньям заставило некоторых еврейских торговцев отказаться от соблюдения шабата и открывать свои лавки по субботам. В некоторых губерниях это виделось как нарушение Правил с дальнейшим запретом торговать в субботные дни, однако в дальнейшем, такая практика была признана Сенатом несоответствующей закону.

Разработка и утверждение Правил было вызвано прежде всего убийством Александра II представителями народной воли и последовавшими за этим еврейскими погромами на юге Российской империи. Дальнейшее вступление на престол Александра III ознаменовало отход от либеральных реформ его отца, возвращении к консервативному развитию государства, в том числе и в правовом плане. Известная идеология «православие, самодержавие, народность» требовала поиска внутренних врагов.

Вместо того, чтобы пресечь проявления насилия, действующая власть совместно с консервативно настроенной социальной элитой предпочли искать причины в самих жертвах погромов. Поиск указанных причин сводился к тому, что погромы являются ответной реакцией русского населения на закабаление последних через ростовщичество, торговлю спиртным и скупку земли непосредственными жертвами погромов.

Вводимые Правилами запреты были направлены прежде всего на ограничение присутствия еврейского сообщества в формирующейся рыночной экономике, что, согласно первоначальному замыслу, должно было смягчить революционные настроения [6].

Вместе с тем, введение и способы реализации указанных запретов имели в большинстве своём негативное влияние на экономические отношения, не способствуя их нормализации и развитию. Общие формулировки Правил допускали чрезмерную широту дискреционных полномочий органов, приводящих их в исполнение, что в свою очередь вызывало появление коррупционных рисков и прямой рост коррупции в экономической сфере как результат принятия Правил. Запреты вызвали сокращение объёмов торговли, упадок мелких ремесел, снижение производства товаров народного потребления, налоговые поступления в бюджет, особенно в западных регионах империи, где еврейское население играло значительную роль, составляя большую часть мелких торговцев, ремесленников, кустарей.

Более того, отсутствие экономической свободы и поощряемое государством правовое неравенство подталкивали многих к участию в радикальных социалистических и революционных движениях. В конечном счете, проведение репрессивной политики своим итогом возымело обратный эффект, создавая те революционные риски, которые пыталась побороть.

Ограничения для евреев были прямым следствием национальной и религиозной дискриминации и страха перед созданием обособленной от государства элиты. Мусульмане и представители других конфессий также сталкивались с ограничениями, которые зависели от степени их лояльности и вклада в имперскую экономику, а также от стратегического значения территории их проживания.

Жесткие ограничения и преследования вынуждали еврейское население искать пути защиты, и вместо пассивного смирения, многие евреи, в частности молодежь, стали активно участвовать в политической жизни, выступая за защиту своих прав всеми имеющимися способами, пополняя ряды приверженцев революционных идеологий.

Социализм и марксизм предлагали решение существующих проблем, создание общества без сословных и национальных привилегий. Для слоёв населения, ощущающих на себе все негативные последствия притеснений, эти идеи были особенно привлекательны. Помимо социализма, либеральные идеи о гражданских правах и свободах также находили отклик среди еврейской интеллигенции, которая стремилась к отмене ограничений и достижению полного равноправия.

Так, еврейские рабочие, осознавая свою крайнюю уязвимость, стали организовываться в политические партии, в результате чего в конце XIX века возник «Бунд» (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), который ставил своей целью борьбу за политические и социальные права евреев, а также сотрудничал с российскими социал-демократическими партиями.

Также, фактическое положение обычных крестьян в экономическом плане, несмотря на значительные изменения в правовом поле в период XIX века, по большей степени оставалось прежним. После отмены крепостного права в 1861 году, крестьяне, несмотря на обретение личной свободы, столкнулись с целым рядом экономических ограничений, которые существенно замедляли их развитие и препятствовали полноценному становлению как независимых сельскохозяйственных производителей и участников рыночной экономики. Эти ограничения были обусловлены как самой природой реформы, так и целями государства.

Согласно Положению «О пошлинах за право торговли и других промыслов» в редакции 1865 года, в качестве единственной формы доступа к предпринимательской деятельности оно определяло уплату специального торгового-промышленного сбора (патентного или билетного), за который выдавалось специальное свидетельство (гильдейское или патентное) [7, с. 100–108]. Более того, указанные гарантии в начале действовали в отношении далеко не всех подданных. Категория казённых крепостных крестьян такое право получила лишь в 1867 году [8].

Вышеперечисленные ограничения, существовавшие как для крестьян, так и для некоторых отдельных слоев населения являлись лишь единичными яркими примерами реализации экономических реформ того времени с учетом существующего социального строя империи.

Эти ограничения создавали замкнутый круг – отсутствие капитала, земли, юридических свобод и доступа к кредиту не давало крестьянам возможности перейти от натурального хозяйства к более прибыльным формам деятельности. В результате, большинство крестьян оставалось в рамках мелкого, натурального или полутоварного хозяйства, что не способствовало развитию национальной экономики и решало социальные проблемы лишь частично.

Государству было необходимо сохранять сильную централизованную власть, основой которой являлось дворянство и иные привилегированные слои населения. По этой же причине в Уложении от телесных наказаний освобождались дворяне, священнослужители и их дети, купцы обоих гильдий и их дети, мещане, временно состоящие в купечестве, либо являющиеся нотариусами, крестьяне, занимающие либо общественные должности, либо должности по выборам и получившие кафтан и серебряную медаль, сельские старосты, крестьянки, вступившие в брак с почетным гражданином [9, с. 2].

Перед государством одновременно было поставлено несколько несовместимых задач. С одной стороны, острая необходимость в проводимых реформах, уменьшении уровня социального недовольства, нормализации капиталистических отношений и рыночной экономики, с другой, требования привилегированных слоев населения, необходимость в предоставлении им особых условий, позволяющих занимать верхушку социального строя несмотря на различные изменения законодательства, в целях сохранения опоры власти. Поддержание баланса между указанными запросами выражалось хотя и в развитии правового регулирования экономической деятельности, но с имеющимся неравенством прав и свобод при её осуществлении.

Подобная политика закономерно воспринималась обществом как несправедливая, и направленная на обогащение узкой прослойки населения за счет большинства. Это подпитывало идею о необходимости коренных изменений системы, которая несправедливо распоряжается общественными ресурсами. Революционные партии в свою очередь использовали возникающее неравенство в свою пользу, предавая им политическую окраску и превращая их в собственные лозунги, предлагая населению решения их проблем [10].

После крестьянской реформы 1861 года крестьяне ожидали улучшения своей жизни, но существующие экономические ограничения, не улучшая их положения показывали, что власть не выполняла свои обещания.

Революционные партии предлагали альтернативные экономические модели, основанные на равенстве, общественной собственности, плановом хозяйстве, контрастировавшие с существующим неравенством, и предлагали выход из кризиса. С помощью критики и создания образа будущего, где не будет ни нищеты, ни роскоши, где все будут жить в равных условиях благодаря справедливому распределению благ, они использовали экономическое неравенство как мощный инструмент своей агитации и пропаганды.

Экономические ограничения, существовавшие в России в конце XIX века, напрямую затрагивая повседневную жизнь большинства населения, играли критически важную роль в подрыве авторитета власти и подпитывали революционные настроения.

Сдерживая экономическое развитие крестьянства и рыночных отношений, они лишь способствовали сохранению социальной напряженности, которая в конечном итоге стала одной из причин революции

1917 года. В итоге, ограничения экономических прав, невозможность для значительной части населения обеспечить себе достойное существование через участие на равных правах в экономическом обороте, стали не только источником социальной несправедливости, но и фактором, который сделал государство уязвимым для революционных потрясений, создавая фундамент для радикальных перемен.

Литература

1. Высочайшее утвержденное от 9 декабря 1804 г. «Об устройстве Евреев». – Извлечение из книги Законодательство императора Александра I. 1801–1811 годы. – М.: Зерцало, 2011.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург: Типография второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. – С. 908–922.
3. Уставы торговый, фабричный и заводской промышленности и ремесленный: (Свод законов, т. 11, ч. 2): Доп. и изм. по продолж. 1863, 1864 и 1868 гг. и позднейшим узаконениям, с разъясн. по решениям кассац. деп. Правительствующего сената: С прил. Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, Москва, 1870. – С. 18.
4. Рафальский, Т.Л. Сборник узаконений и распоряжений по землевладению в западных губерниях с решениями Правительствующего сената (по общему собранию и Кассационному департаменту) // Сост. чиновник особых поручений по крестьян. делам при киев. подол. и волын. ген.-губернаторе Т. Рафальский. – Киев: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К° в Москве, Киев. отд-ние, 1895. – 250 с.
5. Земцова, И.В. Отношение русской интеллигенции к еврейской интеграции в русскую культуру (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 2(23). – С. 57–62.
6. Гаркавенко, И.С. Теория и практика торговой и таможенной политики в пореформенной России (1861–1914 гг.): дис. ... д-р экон. наук / Гаркавенко Игорь Сергеевич. – Санкт-Петербург, 2017. – 276 с.
7. Демидова, Д.В. История становления правового регулирования малого и среднего предпринимательства в России // Юриспруденция. – 2009. – Т. 15. – № 3. – С. 100–108.
8. Урда, М.Н. Незаконное предпринимательство в истории российского законодательства (дореволюционный период) // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 4–1 (43).
9. Абрамито, Ю. И., Калинович, А.Э. Система наказаний в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года – Санкт-Петербург // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 2.
10. Россия на рубеже XIX–XX вв. Власть, экономика и общество / С.И. Голотик, С.В. Карпенко, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Минаев // Новый исторический вестник. – 2003. – № 1(9). – С. 221–271.

THE IMPACT OF THE RESTRICTIONS ON ECONOMIC RIGHTS THAT ARE BASED ON THE PERSONAL CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT, ON THE DOMESTIC POLITICAL SITUATION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Druzhinin I.D.

The All-Russian State University of Justice

This article examines the criminal law prohibitions in economic and entrepreneurial activities that existed in pre-revolutionary Russian law, that were based on the personal characteristics of the subject, his belonging to a particular class system, denomination or nationality. The pre-revolutionary legislation regulating entrepreneurial activity, as well as restrictions on the implementation of this activity by subjects, is being analyzed. Consideration is made about the reasons for the introduction of bans in the conduct of entrepreneurial activity, the conditions contributing to the contradictory development of legal regulation in this area and the lack of equality in rights and freedoms, the existing needs of the state in creating unequal conditions are considered. It is also concluded about the further economic and political consequences of their application, the impact of these prohibitions on the growth of revolutionary sentiments, the further crisis of power and the emergence of revolutionary circles.

Keywords: pre-revolutionary law, criminal law prohibitions, estate system, personal characteristics of the subject, entrepreneurial activity

References

1. The Highest decree of December 9, 1804 "On the establishment of Jews." – Extract from the book Legislation of Emperor Alexander I. 1801–1811. Moscow: Zertsalo, 2011.
2. Code of Criminal and Correctional punishments. Saint Petersburg: Printing House of the Second department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1845, pp. 908–922.
3. Charters of trade, factory and factory industry and handicraft: (Code of Laws, vol. 11, part 2): Additions and amendments. according to the continuations of 1863, 1864 and 1868 and later legalizations, as explained by the decisions of the Cassation Dept. The Governing Senate: With adj. Regulations on duties for the right to trade and other trades. – 2nd ed. – St. Petersburg, Moscow, 1870. – p. 18.

4. Rafalsky, T.L. Collection of laws and regulations on land ownership in the western provinces with decisions of the Governing Senate (by the General Assembly and the Cassation Department) // Comp. official of special assignments for peasants. business at Kiev. the hem. and Volyn. general-Governor T. Rafalsky. – Kiev: tipo-lit. I.N. Kushnerev and Co. in Moscow, Kiev. publishing house, 1895. – 250 p.

Russian Russian intelligentsia's attitude to Jewish integration into Russian culture (2nd half of the 19th – early 20th centuries) // Society. Wednesday. Development. – 2012. – № 2(23). – Pp. 57–62.

6. Garkavenko, I.S. Theory and practice of trade and customs policy in post-reform Russia (1861–1914): dis. ... Doctor of Economics / Garkavenko Igor Sergeevich. – St. Petersburg, 2017. – 276 p.

7. Demidova, D.V. The history of the formation of legal regulation of small and medium-sized businesses in Russia // Jurisprudence. – 2009. – Vol. 15. – No. 3. – pp. 100–108.

8. Urda, M.N. Illegal entrepreneurship in the history of Russian legislation (pre-revolutionary period) // Proceedings of the South-Western State University. – 2012. – № 4–1 (43).

9. Abravитova, Yu. I., Kalinovich, A.E. The system of punishments in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 – St. Petersburg // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 9 (237). p.2.

10. Russia at the turn of the XIX–XX centuries. Power, economy and society / S.I. Golotik, S.V. Karpenko, T.Y. Krasovitskaya, V.V. Minaev // New Historical Bulletin. – 2003. – № 1(9). – Pp. 221–271.

Емельяненко Арина Владимировна,
студент, кафедра судебных экспертиз, Московский
государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: u.von@list.ru

Цель исследования – выявление и определение специфики периодов становления судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации с 1991 года. Научная новизна исследования состоит в выявлении трех периодов становления судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации с 1991 года. В результате исследования установлено, что с 1991 года имело место поступательное развитие судебной налоговой экспертизы, в котором можно выделить ряд стадий. Во-первых, это период ее первоначального становления (1991–2003 гг.), во время которого была сформирована законодательная база экспертных исследований. Во-вторых, это период ее признания в качестве особой разновидности экспертной деятельности, когда происходил поиск модели дальнейшего развития экспертной теории и практики (2003–2020 гг.). В-третьих, это период поиска сбалансированной модели развития фискальных правоотношений, интенсивного развития цифровизации налогового контроля и судебно-экспертной деятельности, а также совершенствования на этой основе методологии судебно-экспертных налоговых исследований (2020 – настоящее время).

Ключевые слова: судебная налоговая экспертиза; становление судебной налоговой экспертизы; этапы становления судебной налоговой экспертизы; налоговое правонарушение; налоговое преступление

С развитием общества усложняются как сами социальные отношения, так и их регуляторы. Рост отечественной экономики ведет к усложнению характера налогового регулирования. Социальные функции государства развиваются, возрастает необходимость перераспределения налоговых поступлений для общественных нужд. Рост перераспределяемых потоков финансовых средств ведет к увеличению числа правонарушений, и поэтому следует проводить большее количество судебных налоговых экспертиз. В силу этого требуется теоретическое осмысление процесса развития судебной налоговой экспертизы, что поможет лучше понять ее проблемы, наметить пути их решения. Одним из аспектов такого осмысления является периодизация процесса становления судебной налоговой экспертизы. Она обусловлена сменой исторических эпох, определяющих специфику правового и налогового регулирования в России на каждом из этапов ее развития. Становление судебной налоговой экспертизы до 1991 года в определенной степени изучено исследователями, так, выделены и охарактеризованы периоды ее латентного развития в рамках бухгалтерских экспертных исследований [1, 3, 4, 9, 12]. При этом анализу особенностей становления этого рода экспертизы после 1991 внимания уделяется заметно меньше. Отмечается необходимость разработки теории и практики судебной налоговой экспертизы, указывается, что «фактическое применение института налоговой экспертизы происходит на различных стадиях налогового, арбитражного, административного, уголовного процесса» [5, С. 155]. Все это и определило выбор темы. **Целью работы** является определение и общая характеристика специфики этапов становления судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации в рамках постсоветского периода ее развития.

Для достижения **цели**, заявленной в статье, решаются **задачи**:

- охарактеризовать период первоначального становления судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации;
- выявить специфику поиска специалистами модели дальнейшего развития судебной налоговой экспертной теории и практики;
- показать особенности современного периода развития судебной налоговой экспертизы.

В статье используется диалектический метод изучения сферы налоговых правоотношений. Материал излагается в соответствии с принципами историзма (хронологически), системности (судебная налоговая экспертиза рассматривается в единстве с комплексом общественных, в т.ч. фискальных отношений) и развития (показывается становление экспертных исследований во времени). Применяются основные логические приемы познания с учетом особенностей налоговой и правовой сфер (анализ и синтез, обобщение, дедукция и индукция).

В становлении и развитии судебной налоговой экспертизы в нашей стране, прежде всего, можно выделить период до 1917 года. Развитие в это время рыночных отношений в Российской империи, попытки создания профессиональных объединений счетных работников, появление первых экспертных учреждений, а также принятие нормативных актов в области бухгалтерского учета способствовали становлению элементов налоговых экспертных исследований в рамках бухгалтерской экспертизы.

Для советского этапа присущи признаки медленного процесса становления судебной налоговой экспертизы в рамках преимущественно судебно-бухгалтерских исследований. Явного ее отделения от бухгалтерской экспертизы не произошло, т.к. после окончания периода НЭПа в СССР не было развития юридически оформленных рыночных отношений. Господство системы государственного капитализма в экономике и полный контроль государства за фискальной сферой практически исключали спорные ситуации из сферы налоговых правоотношений, в крайнем случае, возникающие проблемы решались административным путем. Играла роль и слабая дифференциация судебно-экспертных исследований в целом. Тем не менее, именно на советское время приходится второй этап (по периодизации Е.Р. Россинской) становления практической экспертной деятельности и ее теоретического осмысления в экспертной науке, для которого характерно «обобщение опыта производства различных видов и родов судебных экспертиз, совершенствование их методических оснований, складывание на основе эмпирического материала частных теорий отдельных видов и родов судебных экспертиз, расширение и развитие судебно-экспертных учреждений в стране» [11, С. 373].

Историки криминалистики Н.Н. Шведова и А.В. Глушков отмечают, что главной структурой, на базе которой шли экономические экспертизы (включавшие налоговые исследования) в 1991 г. стал Экспертно-криминалистический центр МВД СССР, образованный путем слияния Экспертно-криминалистического управления и Всесоюзного научно-криминалистического центра МВД СССР [18, С. 145]. После распада СССР этот центр стал Экспертно-криминалистическим центром МВД России (с отделом бухгалтерских учетов и экспертиз). Отмечается, что к началу 90-х гг. XX века появилось основание для формирования общей теории судебной экспертизы [11, С. 375]. Рыночные реформы способствовали росту числа конфликтов в гражданско-правовых отношениях, с развитием гражданского судопроизводства росли потребности в проведении судебных экспертиз. Накопилось много эмпирического материала по отдельным родам (видам) экспертиз (и налоговая экспертиза не стала исключением). Разрабатывались методы и методики родов и видов экспертных исследований, публиковались научные работы. Условия социально-экономической жизни способствовали также формированию целой системы государственных судебно-экспертных учреждений в ряде ведомств РФ. Появились первые частные учреждения, занимающиеся экспертизой.

В развитии судебной налоговой экспертизы с 1991 года, прежде всего, выделяется первый период ее первоначального становления, продолжавшийся до расформирования Федеральной службы налоговой полиции (2003 г.). В это время формируется законодательная база, позволившая развиваться судебным налоговым экспертизам. К числу принятых нормативно-правовых актов относятся Налоговый кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» и др. [6, 7, 14]. Определяющее влияние на судебно-экспертные налоговые исследования оказывало то обстоятельство, что в основе налоговой идеологии лежал принцип ведущей роли государственных органов в осуществлении фискальной функции государства (что нашло свое выражение в существовании ФСНП).

С началом рыночных реформ в РФ произошли большие изменения в налоговой системе. В 1992 году была создана Федеральная служба налоговой полиции РФ (ФСНП) – федеральный орган государственной исполнительной власти, который осуществлял правоохранительные функции в области обеспечения экономической безопасности страны и защиты ее экономических интересов. К важнейшим задачам этого органа относилось выявление, предупреждение, а также пресечение налоговых правонарушений и преступлений. ФСНП обеспечивала безопасность функционирования государственных налоговых инспекций, защищала их сотрудников от преступных посягательств при исполнении ими своих служебных обязанностей. Указанная служба занималась также предупреждением, выявлением и пресечением коррупционных проявлений в налоговых органах. Она определяла направления развития идеологии судебных налоговых экспертиз, экспертной теории и практики. Именно специалисты, относящиеся к структурам ФСНП с 1995 по 2003 гг. выполняли судебные экономические экспертизы, в том числе и по тем делам, где речь шла о налоговых преступлениях. На формирование института судебной налоговой экспертизы повлияло появление с 1 января 1999 г. порядка проведения процедуры обжалования решений налоговых органов в законодательстве РФ. Стало возможным обжаловать действия (бездействие) должностных лиц в налоговой сфере.

Как самостоятельный вид судебная налоговая экспертиза в уголовном процессе РФ была впервые проведена в связи с расследованием деятельности «финансовых пирамид» С. Мавроди (прежде всего, АО «МММ») [16, С. 10]. Необходимость в проведении данной экспертизы была обусловлена тем обстоятельством, что все иные экспертизы не позволяли обосновать виновность С. Мавроди, вменив ему тот или иной состав преступления. Департамент налоговой полиции РФ привлёк специалистов, изучивших финансовые операции компании С.Мавроди, информацию о счетах и балансах и т.п.. Впервые была, по сути, проведена комплексная экспертиза (метод моделирования баланса) [17].

Второй период в развитии судебной налоговой экспертизы – время с 2003 по начало 2020-х гг. Она постепенно получала признание в качестве особой разновидности экспертной деятельности (рода или вида), происходил активный поиск модели дальнейшего ее развития как в плане совершенствования экспертной практики, так и ее теоретического осмысления в рамках экспертной науки. К концу этого периода судебную налоговую экспертизу проводили на основе официальных документов в экспертно-криминалистических подразделениях органов МВД РФ (Экспертно-криминалистический центр). Другое учреждение, где проводились экспертные налоговые исследования – это судебно-экспертный центр Следственного комитета России. Кроме то-

го, судебные налоговые экспертизы проводились также в Российском федеральном центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции РФ. Обосновывалась и развивалась судебная налоговая экспертиза и на теоретическом уровне – речь идет о защите диссертаций, издании монографий, учебников, статей.

В 2003 г. в структуре ГУЭКЦ МВД РФ появилось Управление судебно-экономических экспертиз в составе отделов налоговых, бухгалтерских, финансово-аналитических и финансово-кредитных экспертиз. По Приказу МВД РФ от 30.05.2003 г. экспертно-криминалистические управления стали экспертно-криминалистическими центрами (ЭКЦ). 30.06.2003 г. ФСНП России была преобразована, а большинство её функций переданы МВД. Налоговые эксперты продолжили свою деятельность в структурных подразделениях Следственного комитета, находящегося в то время в составе МВД России. До 2011 г. СК входил в структуру прокуратуры, а в 2011 г. стал самостоятельным ведомством. В его структуру входит «Судебно-экспертный центр Следственного комитета РФ» (СЭЦ СК России). Он проводит налоговые экспертизы (по специальности: «Исследование исполнения обязательств по исчислению налогов и сборов»).

С 1.01.2009 г. в нашей стране действует обязательный досудебный порядок обжалования ряда решений налоговых органов, в соответствии с п. 5 ст. 101.2 НК РФ. Это касается только двух видов решений по итогам налоговых проверок – о привлечении к налоговой ответственности и об отказе в привлечении к налоговой ответственности. Обязательный досудебный порядок обжалования не применяется к решениям об отказе в зачёте или возврате налога, отказе в требованиях об уплате налога (пеней, штрафа), при отказе в удовлетворении жалоб на действия или бездействие налоговых органов. Если решение не обжаловано в порядке апелляции в вышестоящий налоговый орган, то оно вступает в силу после 10-дневного срока, отведенного на обжалование.

Возросла востребованность налоговой экспертизы. В 2014 году правоохранительные органы смогли вновь возбуждать уголовные дела, даже если не было решения налоговых органов о том, что имеется налоговое правонарушение (22.10. 2014 года, ФЗ № 308-ФЗ). До этого, с декабря 2011 г., согласно изменениям по Федеральному закону № 407-ФЗ, возбуждение уголовного дела происходило только на основании материалов, направленных налоговыми органами в соответствии с налоговым законодательством. Норма 2014 года затрудняла использование результатов оперативно-розыскных мероприятий, часто снижая эффективность раскрытия налоговых преступлений. Изменения 2014 года расширили основания для возбуждения уголовных дел, отменив требование о необходимости для этого полного пакета материалов из налоговых органов, и это вызвало критику [2, С. 126]. Б. Титов также критиковал появившееся вновь у правоохранительных органов право возбуждать уголовные налоговые дела, поскольку это негативно отражается на статистике дел, которые «возбуждаются без участия ФНС» [13]. До 06.03.2022 г. уголовные дела по налоговым преступлениям возбуждались органами внутренних дел на базе любых сведений (в т.ч., полученных ими самостоятельно). Поэтому усилилась конфликтность в сфере налоговых правоотношений.

Важное значение для развития судебной налоговой экспертизы имело Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» [8]. Оно конкретизировало процедуру доказательства в делах о налоговых преступлениях. Процесс уголовного преследования по налоговым преступлениям – следствие налогового спора и судебного разбирательства в ходе арбитражного процесса. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 48 повлияло на законотворчество. В марте 2022 г. ФЗ № 51-ФЗ был вновь введён специальный порядок возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, по которому основанием для возбуждения дела о налоговых преступлениях могут служить лишь материалы, направленные налоговыми органами; изменения коснулись статей 140 и 144 УПК РФ [15].

В начале 2020-х гг. начинается третий период становления и развития судебной налоговой экспертизы в РФ. Это время интенсивного развития цифровизации в сфере собственно фискальных правоотношений, также идет быстрый процесс цифровизации судебных экспертиз. Утвердилось понимание судебной налоговой экспертизы как проводимого в соответствии с уголовно-процессуальным законом (гл. 27 УПК РФ) процессуального действия. В его рамках изучаются первичные учётные документы, регистры учёта и отчётности. Решается вопрос о том, правильно ли исчислены и уплачены налоги и сборы, нет ли нарушений Налогового Кодекса РФ. Экспертиза назначается следователем и осуществляется специалистами государственных эксперт-

ных учреждений либо иными лицами, имеющими специальные знания в исследуемой области [14].

Специалисты отмечают также, что имеется и другое понимание налоговой экспертизы, а именно как системы мероприятий по налоговому контролю, что отражает системное качество самого юридического процесса [5, С. 156]. Экспертиза в данном случае не имеет качества судебной, поскольку выступает как совокупность мероприятий налогового контроля. Она регулируется статьей 95 НК РФ, предназначена для разрешения вопросов, которые требуют специальных знаний, например, научных. На базе такого понимания налоговой экспертизы в налоговых органах были созданы структуры внутреннего налогового досудебного аудита (2006 г.). К компетенции этих подразделений относилось только внутриведомственное рассмотрение налоговых споров. Структуры досудебного разрешения налоговых споров (отделы налогового аудита) давали внутренние экспертные заключения. Они могли выявлять незаконные схемы минимизации налогов, могли высказываться предложения о санкционных мерах применительно к налогоплательщику. Могли оцениваться с точки зрения налогового законодательства изменения в учредительных документах, наличие (отсутствие) «дочерних» или «материнских» компаний, ликвидные активы, финансовое состояние юридического лица и т.п. Проводился предпроверочный анализ для понимания схемы взаимозависимости юридических и физических лиц, с учетом наличия у них долговременных партнеров, анализ налоговых последствий сделок.

С 2023 года, согласно Распоряжению Правительства РФ от 22.03.2023 № 672-р, судебную налоговую экспертизу вправе проводить только государственные организации и государственные эксперты [10]. Это касается только экспертиз по уголовным делам о преступлениях, связанных с неуплатой налогов, проверке сообщений о таких правонарушениях, а также по делам о нанесении вреда природным ресурсам. Изменения были разработаны Министерством юстиции, которое в своей пояснительной записке мотивировало их тем, что негосударственные эксперты могут менее объективно осуществлять экспертные исследования. Фигуранты уголовных дел по налоговым преступлениям, по мнению Минюста, могут обращаться к частным экспертам, с целью занижения ущерба от налоговых преступлений. С этим можно согласиться, поскольку соблюдение положений налогового законодательства является одним из важных оснований правового государства, и оно не должно зависеть от удовлетворения частных экономических интересов.

Произошли заметные изменения в структуре дел о налоговых правонарушениях, расследование которых требует проведения налоговых экспертиз. Если раньше экспертизы проводились в основном в соответствии со ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов) по делам, возбужденным в отношении организаций, то сейчас выросла доля экспертиз, проводимых в рамках дел о налоговых правонарушениях в отношении физических лиц (ст. 198 УК РФ). Чаще применяются статьи, производные от ст. 199 УК РФ, по которым предусматривается ответственность за налоговые правонарушения, выражающиеся в сокрытии от налогообложения денежных средств, например, прибыли. Меняется формат налогообложения, поэтому меняются налоговые преступления и специфика проводимых налоговых экспертиз. С изменением характера налоговых преступлений меняются методы, которые применяются в различных разновидностях судебной налоговой экспертизы. В свое время следователи ФСНП смотрели первичные документы, регистры, сейчас изучаются банковские документы, что позволяет определить, с каких счетов перечислялись и на какие счета поступали денежные средства. В результате выявляются объекты налогообложения, с которых не уплачены налоги.

В то же время, продолжается формирование стабильной нормативно-правовой базы судебной налоговой экспертизы, с учетом разумного баланса интересов как государства, так и налогоплательщиков. Так с 2022 года основанием для возбуждения дела о налоговых преступлениях служат лишь материалы, направленные налоговыми органами, а с 2023 года, судебную налоговую экспертизу вправе проводить только государственные организации. Первое изменение выражает тенденцию к необходимости защиты прав человека в условиях цифровизации, второе отражает необходимость укрепления нормативно-правового регулирования в условиях цифровой экономики.

Во время третьего периода становления судебная налоговая экспертиза продолжает проводиться в экспертно-криминалистическом центре МВД РФ, судебно-экспертном центре Следственного комитета России и Российском федеральном центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции РФ.

С 1991 года наблюдается интенсивное формирование судебной налоговой экспертизы как отдельного рода судебных исследований. Происходит этот процесс, прежде всего, в связи с быстрым разви-

тием рыночных отношений в нашей стране, которые породили конфликтность правоотношений в фискальной сфере и вызвали необходимость широкого использования в возникших юридических спорах таких аргументов, которые предоставляет судебная налоговая экспертиза. Другой причиной быстрого становления судебной налоговой экспертизы как самостоятельного рода экспертных исследований после 1991 года является интенсивный процесс дифференциации судебных экспертиз в целом, который идет в последние десятилетия (и вызван как усложнением общественно-экономических отношений, так и развитием экспертной теории и практики). В рамках становления и развития судебной налоговой экспертизы предстоит дальнейшая реализация тенденций к ее цифровизации, а также совершенствования исследовательских методов, например, системного анализа ее проблем, расширения использования цифровых форм налогового контроля. Вместе с тем, продолжится и теоретическое осмысление исторического становления и развития судебной налоговой экспертизы в российской экспертной науке.

Литература

1. Голикова В.В. Судебная налоговая экспертиза. Правовые и методологические аспекты. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2012. 224с.;
2. Казачкова З.М., Казачков В.А. Правовая налоговая экспертиза: Институциональные особенности // Успехи современной науки и образования 2016, № 12, Т. 7. С. 126. С. 123–129.
3. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2017. 928с.
4. Колесникова Е.Н. Общественно-исторические предпосылки развития судебно-экономической экспертизы / Е.Н. Колесникова // Международный технико-экономический журнал. 2014. № 3. С. 32–36.
5. Крохина Ю.А. Налоговая экспертиза: понятие, методология, правовое обеспечение // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6 (120). Ч. 5. С. 154–157.
6. Налоговый кодекс РФ (часть I) от 31.07. 1998 г. N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025). URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (дата обращения – 10.06.2026).
7. О государственной судебно-экспертной деятельности (ред. от 26.07.2019): ФЗ от 31.05.2001. № 73-ФЗ [Эл. ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/28483/> (дата обращения – 10.06.2026).
9. Процкая Е.П. Судебная экономическая экспертиза: история возникновения, развития и становления. В сб.: Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики. Сб. статей. Могилев, 2017. С. 118–125.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.03.2023 № 672-р <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303220020> (дата обращения 10.06.2026 г.).
11. Россинская Е.Р., Зинин А.М. История становления и развития судебной экспертизы. В сборнике: История юридических наук в России. Сборник статей. М., 2009. С. 354–382.
12. Россинская Е.Р. Судебно-бухгалтерская экспертиза / Е.Р. Россинская, Н.Д. Эриашвили, Ж.А. Кеворкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право, 2011. 383с.
13. Титов Б. На первом месте среди проблем бизнеса – непредсказуемость ситуации // Российская газета. Федеральный выпуск. № 6984 [Эл. ресурс] /Б. Титов – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/05/30/boristitov-v-uk-rf-dolzha-poiavitsia-statia-dlia-predprinimatelej.html> (дата обращения 10.06.2026).
14. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения – 10.06.2026).
15. ФЗ N 80928–8 «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ» (Об уточнении порядка возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.4 УК РФ)» <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203090004> (дата обращения 10.06.2026).
16. Фирсов В.В. Проблемы классификации и место судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе // Управленческое консультирование. 2018. № 3 (111). С. 8–13.
17. Черников В.Э. Судебная налоговая экспертиза. Энциклопедия Судебной Экспертизы. № 1 (1) 2013 www.proexpertizu.ru (дата обращения 10.06.2026).

18. Шведова Н.Н., Глушков А.В. Краткий исторический обзор становления и развития судебно-экспертных учреждений в России (к 90-летию образования экспертной службы МВД России) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 1 (8). С. 143–148.

STAGES OF THE DEVELOPMENT OF FORENSIC TAX EXPERTISE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Emelyanenko A.V.

Kutafin Moscow State Law University

The purpose of the study is to identify and determine the specifics of the periods of the formation of judicial tax expertise in the Russian Federation since 1991. The scientific novelty of the study lies in identifying three periods of the formation of judicial tax expertise in the Russian Federation since 1991. The study revealed that since 1991, there has been a gradual development of judicial tax expertise, which can be divided into several stages. Firstly, there was the initial formation period (1991–2003), during which the legislative framework for expert research was established. Secondly, this is the period of its recognition as a special type of expert activity, when a model for the further development of expert theory and practice was being sought (2003–2020). Thirdly, this is the period of searching for a balanced model for the development of fiscal legal relations, the intensive development of digitalization of tax control and forensic expert activity, and the improvement of forensic expert tax research methodology on this basis (2020–present).

Keywords: judicial tax expertise; development of judicial tax expertise; stages of development of judicial tax expertise; tax offense; tax crime

References

1. Golikova V.V. Judicial tax expertise. Legal and methodological aspects. Dissertation for the degree of Candidate of Law. Moscow, 2012. 224s.;
2. Kazachkova Z.M., Kazachkov V.A. Legal Tax Expertise: Institutional Features // Successes of Modern Science and Education 2016, No. 12, Vol. 7. Pp. 126–129.
3. Criminalistics: Textbook / T.V. Averyanova [et al.]. 4th ed., revised. and add. M.: Norma: NITs Infra-M, 2017. 928p.
4. Kolesnikova E.N. Social and historical prerequisites for the development of forensic economic expertise / E.N. Kolesnikova // International technical and economic journal. 2014. No. 3. Pp. 32–36.
5. Krokhina Yu.A. Tax expertise: concept, methodology, legal support // International research journal. 2020. No. 6 (120)

6. Tax Code of the Russian Federation (Part I) dated July 31, 1998, No. 146-FZ (as amended on November 28, 2025). URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (accessed on 10.06.2026).

7. On State Forensic Expert Activity (as amended on 26.07.2019): Federal Law No. 73-FZ dated 31.05.2001 [Electronic resource] // Access from the legal reference system "ConsultantPlus" (accessed on 10.06.2026).

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated 26.11.2019 "On the Practice of Applying the Legislation on Liability for Tax Crimes by Courts". URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/28483/> / (date of application – 06/10/2026).

9. Protskaya E.P. Judicial economic expertise: the history of its origin, development and formation. In the collection: Actual problems of criminal procedure and criminalistics. Collection of articles. Mogilev, 2017. Pp. 118–125.

10. Order of the Government of the Russian Federation dated 22.03.2023 No. 672-r <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303220020> (accessed on 10.06.2026).

11. Rossinskaya E.R., Zinin A.M. The History of the Formation and Development of Forensic Expertise. In the collection: History of Legal Sciences in Russia. Collection of Articles. Moscow, 2009. Pp. 354–382.

12. Rossinskaya E.R. Forensic Accounting Expertise / E.R. Rossinskaya, N.D. Eriashvili, Zh.A. Kevorkova. Moscow: UNITI-DANA. Law and Law, 2011. 383p.

13. Titov B. At the first place among business problems – unpredictability of the situation // Rossiyskaya Gazeta. Federal issue. No. 6984 [El. resource] /B. Titov – Access mode: // <https://rg.ru/2016/05/30/boris-titov-v-uk-rf-dolzha-poiavitsia-statia-dlia-predprinimatelej.html> (date of application 10.06.2026).

14. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF dated 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 29.12.2025) (with amendments and additions, intro. effective as of 20.01.2026). URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (accessed on 10.06.2026).

15. Federal Law No. 80928–8 "On Amendments to Articles 140 and 144 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" (On Clarifying the Procedure for Initiating Criminal Cases on Crimes Provided for in Articles 198–99.4 of the Criminal Code of the Russian Federation)" <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303090004> (date of application 06/10/2026).

16. Firsov V.V. Problems of classification and the place of judicial tax expertise in criminal proceedings // Management consulting. 2018. No. 3 (111). Pp. 8–13.

17. Chernikov V.E. Forensic Tax Expertise. Encyclopedia of Forensic Expertise. No. 1 (1) 2013 www.proexpertizu.ru (accessed on 10.06.2026).

18. Shvedova N.N., Glushkov A.V. A brief historical overview of the formation and development of forensic expert institutions in Russia (on the 90th anniversary of the establishment of the expert service of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 1 (8). Pp. 143–148.

Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации полностью автономного судна

Карая Михаил Бадриевич,

аспирант Санкт-Петербургской юридической академии

E-mail: misha.karaia@gmail.com

В настоящей статье рассматриваются актуальные в доктрине уголовного права вопросы квалификации общественно опасных деяний, связанных с эксплуатацией морских автономных наводных судов (далее – МАНС). Анализируется правовое определение автономных судов, содержащееся в российском законодательстве и в документах международных организаций, в первую очередь – Международной морской организации (ИМО). Особое внимание уделяется проблеме определения субъекта преступления, предусмотренного статьей 263 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Автором обосновывается статус внешнего капитана и специалиста по управлению автономным судном (далее – оператор) как лица, фактически управляющего транспортным средством. Исследуется разграничение уголовной ответственности между оператором, судовладельцем и разработчиком программного обеспечения. Делается вывод о необходимости точечного уточнения законодательства для единообразия судебной практики, а также о невозможности привлечения к уголовной ответственности по статье 263 УК РФ алгоритмов искусственного интеллекта ввиду принципа виновного вменения.

Ключевые слова: автономное судно, уголовная ответственность, статья 26 УК РФ, внешний капитан, судовладелец, оператор, разработчик программного обеспечения, технический сбой, искусственный интеллект.

Развитие цифровых технологий, систем искусственного интеллекта, машинного обучения и анализа больших данных привело к тому, что морская отрасль оказалась на пороге фундаментальной трансформации. Традиционное понимание судна как объекта, управляемого экипажем, находящемся на борту, постепенно уступает место новой парадигме – автономному судоходству. Как отмечает В.В. Ключев, технологический процесс и развитие правовой системы привели к появлению объективных предпосылок к появлению судов с элементами автоматизации, позволяющих полноценно обеспечить автономность судоходства¹.

Вместе с тем, любое техническое нововведение неизбежно ставит перед правовой системой вопросы, на которые действующее законодательство не всегда готово дать однозначный ответ. Уголовное право, будучи наиболее репрессивной отраслью, требует предельной четкости в определении субъекта преступления, его вины, а также причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями. В случае с полностью автономным судном эти традиционные конструкции сталкиваются с вызовами, ранее не встречавшимися в правоприменительной практике.

Цель настоящей статьи – проанализировать возможные подходы к определению субъекта уголовной ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации полностью автономного судна, разграничить ответственность между различными участниками правоотношений (оператором, судовладельцем, разработчиком программного обеспечения) и предложить направления совершенствования российского уголовного законодательства и судебной практики.

Развитие морских технологий привело к появлению нового вида объектов – морских автономных надводных судов (МАНС–Maritime Autonomotous Surface Ships). Международная морская организация (ИМО), являющаяся специализированным учреждением ООН в области морской деятельности, с 2017 года ведет систематическую работу по нормативному регулированию эксплуатации таких судов.

Как указывает Е.Н. Шинкаренко в рамках работы ИМО предложила классификацию, включающую четыре уровня автономности:

Уровень 1 – суда с автоматизированными процессами и поддержкой принятия решений, при котором часть операций выполняется автоматически, но под непрерывным контролем экипажа, находящегося на борту.

Уровень 2 – суда с дистанционным управлением и наличием экипажа на борту. В этом режиме судно может управляться с берегового центра управления, но на борту сохраняется экипаж, готовый в любой момент принять управление на себя.

Уровень 3 – суда с дистанционным управлением без экипажа на борту. В данном случае все функции управления осуществляются оператором, а на судне физически отсутствует экипаж.

Уровень 4 – полностью автономные суда, которые способны принимать решения и выполнять маневры самостоятельно, без вмешательства человека, на основе заложенных алгоритмов и данных внешней среды².

Важно подчеркнуть, что даже на четвертом уровне автономности речь не идет о «свободе воли» судна или его навигационной системы. Алгоритмы, какими бы сложными они не были, остаются продуктом интеллектуальной деятельности человека – разработчика, который закладывает цели, критерии принятия решений и пределы допустимых действий. Как отмечает В.В. Ключев разработчики системы автономного судоходства не рассматривают автономное судно, как нечто новое, с точки зрения технического устройства. Автономное судоходство не является новым техническим объектом, а является судном, в правовом его понимании, но особым способом управления таким судном, присущим только автономным судам³.

¹ Ключев В.В. Объективные предпосылки появления автономных надводных судов и правовой основы их эксплуатации // Образование и право. 2024. № 1. С. 426–435.

² Шинкаренко Е.Н. Юридическая природа и международно-правовые последствия использования автономных судов (MASS) в рамках конвенции ООН по морскому праву // Океанский менеджмент. 2025 № 2 (31). С. 11–18.

³ Ключев В.В. Объективные предпосылки появления автономных надводных судов и правовой основы их эксплуатации // Образование и право. 2024. № 1. С. 426–435.

В российском законодательстве понятие «автономное судно» было введено Федеральным законом от 10 июля 2023 года № 294-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно указанному закону, автономное судно определяется как судно, способное осуществлять плавание без участия экипажа или при его частичном участии на борту. Ключевым юридически значимым признаком при этом является наличие систем автоматического и дистанционного управления, позволяющих осуществлять контроль за движением судна и его маневрами без постоянного физического присутствия человека на мостике.

Однако, как обосновано отмечают А.И. Честнов и И.Л. Честнов, на сегодняшний день отсутствует выверенное и полное определение понятий «автономное судно», «полуавтономное судно». Все это вызывает сложности в единообразии применения положений законодательства¹. Авторы справедливо указывают на функциональный подход как на возможный способ совершенствования нормативного правового регулирования: в ходе проектирования и эксплуатации автономных судов выявляются существующие проблемы, разрабатываются методы их устранения, и именно эти функциональные моменты должно учитывать при правовом регулировании.

Сравнительный анализ международного и российского подходов к определению автономного судна позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, и ИМО, и российский законодатель исходит из того, что автономность – это не бинарная характеристика (есть/нет), а градуальная, то есть судно может обладать разной степенью автономности в зависимости от технического оснащения и режима эксплуатации.

Во-вторых, и в международном, и в российском праве отсутствует легальное определение «полностью автономного судна» как особой правовой категории. Это создает определенные сложности для квалификации, поскольку уголовно-правовой статус оператора может различаться в зависимости от того, на каком уровне автономности работало судно в момент инцидента.

В-третьих, российское законодательство, следуя общемировым тенденциям, закрепляет положение о том, что даже при полностью автономном режиме должно сохраняться лицо, которое несет ответственность за безопасность судна и имеет возможность вмешаться в управление в критической ситуации.

Исследователи справедливо отмечают, что с юридической точки зрения «автономность» не означает полной бесконтрольности. Даже «полностью автономное судно» (4-я категория ИМО) функционирует на базе алгоритмов, заложенных человеком, что сохраняет правовую связь между действиями машины и ответственностью физического лица. Эта связь имеет два аспекта.

Первый аспект – технологический: алгоритм никогда не выходит за рамки, определенные разработчиком. Он не может принять решение, которое не было предусмотрено (пусть даже в самой общей форме) в его программном коде. Следовательно, любое действие судна, повлекшее вред, так или иначе является реализацией решений, принятых человеком на этапе проектирования, или следствием ошибок, допущенных человеком при эксплуатации такого судна.

Второй аспект – юридический: российское уголовное право базируется на принципе виновного вменения (статья 5 УК РФ), согласно которому лицу подлежит ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина. Алгоритм (искусственный интеллект) не может быть признан субъектом преступления, поскольку не обладает способностью к осознанию фактического характера своих действий и предвидению последствий. Поэтому ответственность за вред, причиненный автономным судном, всегда распределяется между физическими лицами, контролирующими систему.

В отличие от традиционных судов, где капитан физически находится на мостике и непосредственно воспринимает навигационную обстановку, эксплуатация автономных судов переносит центр управления в центры дистанционного управления (ЦДУ). Это обстоятельство, однако, не должно рассматриваться как основание для освобождения от уголовной ответственности, а лишь изменяет характер доказывания вины.

Вопрос уголовной ответственности при эксплуатации автономных судов требует четкого определения субъекта преступления. За преступления, предусмотренные статьей 263 УК РФ, ответственность несут лица, которые в силу занимаемой должности или специального поручения обязаны соблюдать правила безопасности движения и эксплуатации транспорта.

¹ Честнов И.Л., Честнов А.И. Правовое регулирование эксплуатации автономных и полуавтономных коммерческих судов // Криминалист Б. 2025. № 2 (51). С. 152–159.

Применительно к эксплуатации автономного судна эти признаки приобретают специфическое содержание, поскольку традиционная фигура капитана судна, находящегося на борту, заменяется или дополняется фигурой оператора, находящегося в ЦДУ.

Основная аргументация в пользу признания оператора субъектом преступления, предусмотренного статьей 263 УК РФ, может быть представлена следующим образом.

Во-первых, ответственность должна возлагаться на того, кто фактически осуществлял управление судном в момент инцидента. Если судно находилось в режиме дистанционного управления (уровни 2 и 3 по классификации ИМО), оператор является прямым субъектом, поскольку его действия (или бездействия) непосредственно влияют на навигационную обстановку, выбор курса, скорости и маневров.

Во-вторых, оператор, как и традиционный капитан, обязан знать и соблюдать международные и национальные правила предупреждения столкновения судов (МППСС-72), правила плавания в конкретных акваториях и иные нормативные требования. Незнание этих правил или их нарушение при дистанционном управлении должно влечь такую же ответственность, как и при нахождении на борту.

В-третьих, отсутствие физического присутствия на судне не снижает, а в некоторых аспектах даже повышает требования к внимательности и профессионализму оператору, поскольку он лишен возможности непосредственно ощущать крен, вибрацию, звуки и иные сигналы, которые обычно на судне помогают капитану оценить обстановку. Оператор полагается исключительно на данные приборов и каналы связи, поэтому ошибка в интерпретации этих данных или несвоевременное вмешательство могут быть квалифицированы как нарушение правил безопасности.

Как обосновано отмечает В.В. Ключев, лицо, управляющее судном из удаленного местоположения (независимо от того, является ли оно капитаном или нет), как правило, попадает под сферу ответственности судовладельца. Следовательно, судовладелец будет нести косвенную ответственность за небрежное управление МАНС оператором. Местоположение, из которого выполняется дистанционное управление МАНС, не будет решающим фактором при принятии решения о том, входит ли задача в число тех, за выполнение которых несет ответственность судовладелец².

Ответственность судовладельца при эксплуатации автономных судов носит в основном гражданско-правовой характер. Однако уголовное право также предусматривает случаи, когда судовладелец (его должностные лица) могут быть привлечены к ответственности за деяния, связанные с эксплуатацией автономного судна.

Первое основание – допуск судна к эксплуатации с заведомо известными критическими неисправностями. Если будет доказано, что судовладелец или его представитель знали о наличии в программном обеспечении или технических системах судна дефектов, создающих реальную угрозу безопасности, но не приняли мер к их устранению и допустили судно к рейсу, их действия могут быть квалифицированы по части 1 статьи 263 УК РФ (нарушение правил безопасности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или крупного ущерба) или, при наличии более тяжких последствий, по части 2 или 3 той же статьи.

Второе основание – допуск к управлению оператором, не имеющего должной квалификации или не прошедшего необходимого обучения. Статья 263.1 УК РФ («Нарушение требований транспортной безопасности») может быть применена в случаях, когда судовладелец нанял на должность оператора лицо, заведомо не соответствующее квалификационным требованиям, закрепленным Приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 08 апреля 2024 г. № 118 «Об утверждении Положения о дипломированных членах внешних экипажей автономных судов внутреннего водного плавания», что повлекло за собой аварию или иные тяжкие последствия.

Третье основание – ненадлежащее техническое обслуживание судна и его систем. Если авария произошла из-за того, что судовладелец не обеспечил своевременное обновление программного обеспечения, замену вышедшего из строя оборудования или проведение иных, необходимых для безопасной эксплуатации судна работ, и при этом было доказано, что он знал или должен был знать о необходимости таких действий, ответственность может быть возложена на судовладельца как на лицо, обязанное обеспечивать безопасную эксплуатацию судна.

В литературе по морскому праву обсуждается гипотетическая возможность того, что само автономное судно может стать объектом уголовной ответственности³. Этот тезис требует внимательного анали-

² Ключев В.В. Правовые вопросы ответственности за причинение ущерба, связанного с эксплуатацией автономных судов // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11 (168). С. 123–135.

³ Ключев В.В. Ответственность участников правоотношений при эксплуатации автономных надводных судов // Образование и право. 2023. № 11. С. 345–351.

за, поскольку он затрагивает фундаментальные принципы уголовного права. Анализ предложенных нововведений позволяет сделать следующие выводы применительно к теме настоящей статьи.

Во-первых, концепция «уголовной ответственности судна» является юридической фикцией, которая в российском уголовном праве не признается. Статья 19 УК РФ прямо указывает, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. Судно (даже самое высокотехнологичное) не обладает правосубъектностью, не может иметь вину и не способно нести наказание в виде лишения свободы, штрафа или иных мер, предусмотренных УК РФ.

Во-вторых, упоминание о том, что судно становится «живой ставкой» для возможных штрафов, следует понимать не как признание судна субъектом ответственности, а как описание механизма обеспечения имущественной ответственности. В гражданском и административном праве возможно наложение ареста на судно, его задержание или обращение взыскания на него как на имущество судовладельца. Однако это меры не уголовной, а гражданско-правовой или административной ответственности.

В-третьих, указание на то, что уголовную ответственность будет значительно сложнее применить к судну, подтверждает основной тезис настоящей статьи: уголовная ответственность всегда персонализирована. Следовательно, задача законодателя и правоприменителя – не пытаться «привлечь к ответственности судно», а четко определить, какое именно физическое лицо должно отвечать за вред, причиненный при эксплуатации автономного судна, и при каких условиях.

Таким образом, общий принцип распределения уголовной ответственности между оператором и судовладельцем может быть сформулирован следующим образом.

Оператор несет уголовную ответственность за конкретные навигационные ошибки, нарушение правил расхождения судов, несоблюдение безопасной скорости, неправильную оценку обстановки и иные действия (бездействие), которые непосредственно привели к аварии или инциденту. Его ответственность аналогична ответственности традиционного капитана, с той лишь разницей, что доказывание его вины может включать анализ данных телеметрии, запись экрана, времени реакции и иных технических параметров.

Судовладелец несет уголовную ответственность (через своих должностных лиц) за системные нарушения, создавшие предпосылки для аварии: допуск у эксплуатации неисправного судна, назначение невалифицированного оператора, отсутствие или неэффективность инструкций по действиям в аварийных ситуациях, надлежащее техническое обслуживание.

Важно понимать, что «автономность» не снимает ответственности с человека. Субъектом не может быть алгоритм (ИИ), поэтому ответственность распределяется между лицами, контролирующими систему. Чем выше уровень автономности судна, тем более сложным становится процесс доказывания вины, но сам принцип персонализации ответственности остается неизменным.

Одним из сложнейших вопросов, возникающих при квалификации деяний, связанных с эксплуатацией автономных судов – это разграничение технической возможности системы и халатности человека (оператора или судовладельца). Эта проблема имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку от ее решения зависит будет ли вообще возбуждено уголовное дело и кто именно понесет ответственность.

Пределы ответственности оператора могут быть определены следующим образом.

Оператор должен нести уголовную ответственность за столкновение, посадку на мель или иную аварию только в том случае, если будет доказана совокупность следующих обстоятельств:

Наличие технической возможности вмешаться в управление. В момент, предшествовавший аварии, система управления должна была позволять оператору принять ручное управление на себя или изменить параметры движения.

Возможность предвидеть развитие опасной ситуации на основе данных мониторинга. Оператор должен был располагать информацией, достаточной для того, чтобы осознать возникновение угрозы. Если данные на экранах ЦДУ отображались с задержкой, были неполными или искаженными, и оператор не имел возможности это обнаружить, его вина может отсутствовать.

Проявление небрежности, выразившейся в том, что оператор не исправил ошибку системы вовремя. Даже если система действовала неверно, но оператор видел это (или должен был увидеть при надлежащем внимании) и имел возможность вмешаться, но не сделал этого, его бездействие может быть квалифицировано как нарушение правил безопасности.

Особого рассмотрения заслуживает ситуация, когда произошел так называемый «критический баг» – ошибка в программном обеспечении, которая не отображалась на мониторах оператора, не могла быть им обнаружена при штатном контроле и которую невозможно было предвидеть при текущем уровне развития технологий.

В такой ситуации, согласно принципу виновного вменения, уголовная ответственность оператора исключается. Подобное деяние квалифицируется как несчастный случай – обстоятельство, при котором лицо не предвидело и не могло предвидеть наступления общественно опасных последствий и относится к невиновному причинению вреда согласно части 1 статьи 28 УК РФ.

Применительно к эксплуатации автономного судна это означает, что, если оператор добросовестно выполнял свои обязанности по мониторингу, но скрытый дефект программного обеспечения (например, ошибка в алгоритме распознавания целей или некорректная обработка данных с датчиков) привел к аварии, привлечь оператора к уголовной ответственности невозможно. Вопрос об ответственности в таком случае смещается в плоскость гражданско-правовых отношений между судовладельцем, разработчиком ПО и потерпевшей стороны, либо в плоскость уголовной ответственности разработчика по иным статьям, о чем подробно будет изложено ниже.

В результате проведенного анализа возникает вопрос, может ли разработчик ПО нести ответственность по статье 263 УК РФ?

Ответ на этот вопрос, исходя из действующей редакции УК РФ и сложившейся доктрины уголовного права, должен быть отрицательным. Статья 263 УК РФ имеет специальный субъект, и она нацелена на лиц, эксплуатирующих транспортное средство в момент движения или иного процесса, требующего соблюдения правил безопасности.

Разработчик программного обеспечения (как и разработчик технических средств, строитель судна, поставщик оборудования) не управляет судном в моменте. Он создает «инструмент», которым затем управляет судовладелец и оператор. На момент аварии разработчик, как правило, находится в ином месте, не имеет канала связи с судном и не может повлиять на его движение. Следовательно, он не может быть признан лицом управляющим транспортным средством в смысле статьи 263 УК РФ.

Однако отсутствие ответственности по статье 263 УК РФ не означает, что разработчик, создавший дефектный продукт, приведший к гибели людей или иным тяжким последствиям, вообще избегает уголовной ответственности. В зависимости от характера дефекта и наступивших последствий могут быть применены иные УК РФ.

Полагаю, что статья 238 УК РФ является наиболее подходящей для случаев, когда разработчик поставил судовладельцу или оператору программное обеспечение, заведомо не соответствующее требованиям безопасности. Статья 109 УК РФ может быть применена в случае, если дефект программного обеспечения был допущен при небрежности при проектировании, и эта небрежность находится в прямой причинно-следственной связи со смертью человека. Однако применение этой статьи требует доказательства того, что разработчик не предвидел возможности наступления вредных последствий, хотя при надлежащей внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть.

Статья 216 УК РФ может быть применима в случае, если разработчик программного обеспечения для автономного судна рассматривается как «иные работы», при ведении которых были нарушены правила безопасности. Однако этот состав традиционно применяется к работам, связанным с промышленной безопасностью, и его применение к разработке ПО является дискуссионным.

Статья 274.1 УК РФ может быть применима в случаях, когда дефект ПО возник не из-за ошибки разработчика, а в результате кибератаки или иного неправомерного воздействия. Однако этот состав предполагает умышленную форму вины, тогда как в случае с описываемой ситуацией речь идет, как правило, о неосторожности.

Обобщая изложенное, можно сформулировать следующий принцип разграничения ответственности: разработчик программного обеспечения отвечает за качество созданного им продукта, но не за нарушение правил движения и эксплуатации судна.

Это означает, что, если судно столкнулось с другим судном из-за того, что оператор неправильно оценил обстановку или нарушил правило расхождения, ответственность (при наличии вины) несет оператор. Если же столкновение произошло из-за того, что навигационная система выдала ложные координаты или не распознала цель из-за ошибки в алгоритме, ответственность может быть возложена на разработчика (по статьям 238, 109 УК РФ или иным вышеуказанным).

Важно отметить, что В.В. Ключев предлагает более комплексный подход, а именно – солидарную ответственность судовладельца, оператора, разработчиков технических средств и программного обеспече-

ния, а также организации, осуществляющей управление автономным судном¹. С точки зрения уголовного права, нужно отметить, что солидарная ответственность – это институт гражданского, а не уголовного права. Однако в уголовном процессе возможно одновременное привлечение к ответственности нескольких лиц (соучастников) при наличии соответствующих оснований.

С целью приведения к единообразию судебной практики и устранения правовой неопределенности представляется необходимым закрепление указанных в настоящей статье положений. Пленум Верховного суда Российской Федерации, реализуя свои полномочия по даче разъяснений судам, мог бы устранить ряд пробелов и коллизий, не дожидаясь внесения изменений в сам УК РФ, что является более оперативным способом реагирования на новые вызовы. Для этого необходимо четко закрепить статус оператора как полноправного субъекта транспортных преступлений, предусмотренных статьями 263 и 263.1 УК РФ и отразить иные аспекты, указанные в настоящей статье.

Литература

1. Ключев В.В. Объективные предпосылки появления автономных надводных судов и правовой основы их эксплуатации // Образование и право. 2024. № 1. С. 426–435. EDN: LVBSCC.
2. Ключев В.В. Ответственность участников правоотношений при эксплуатации автономных надводных судов // Образование и право. 2023. № 11. С. 345–351. EDN: ESRKVD.
3. Ключев В.В. Правовые вопросы ответственности за причинение ущерба, связанного с эксплуатацией автономных судов // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11 (168). С. 123–135. EDN: MNZYCA.
4. Честнов И.Л., Честнов А.И. Правовое регулирование эксплуатации автономных и полуавтономных коммерческих судов // Криминалист. 2025. № 2 (51). С. 152–159. EDN: IBEARE.
5. Шинкаренко Е.Н. Юридическая природа и международно-правовые последствия использования автономных судов (MASS) в рамках конвенции ООН по морскому праву // Океанский менеджмент. 2025 № 2 (31). С. 11–18. EDN: TNKGRE.

CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF TRAFFIC SAFETY RULES AND OPERATION OF A FULLY AUTONOMOUS VESSEL

Karaya M.B.
St. Petersburg Law Academy

This article discusses issues relevant to the doctrine of criminal law regarding the qualification of socially dangerous acts related to the operation of autonomous offshore navigation vessels (hereinafter referred to as MANS). The article analyzes the legal definition of autonomous vessels contained in Russian legislation and in documents of international organizations, primarily the International Maritime Organization (IMO). Special attention is paid to the problem of determining the subject of a crime provided for in Article 263 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF). The author substantiates the status of an external captain and an autonomous vessel management specialist (hereinafter referred to as the operator) as the person actually driving the vehicle. The article examines the differentiation of criminal liability between the operator, the shipowner and the software developer. The conclusion is drawn about the need for precise clarification of legislation for the uniformity of judicial practice, as well as the impossibility of bringing artificial intelligence algorithms to criminal responsibility under Article 263 of the Criminal Code of the Russian Federation due to the principle of culpable imputation.

Keywords: autonomous vessel, criminal liability, Article 26 of the Criminal Code of the Russian Federation, external captain, shipowner, operator, software developer, technical failure, artificial intelligence.

References

1. Klyuev V.V. Objective prerequisites for the emergence of autonomous surface vessels and the legal basis for their operation // Education and Law. 2024. No. 1. pp. 426–435. EDN: LVBSCC.
2. Klyuev V.V. Liability of participants in legal relations during the operation of autonomous surface vessels // Education and Law. 2023. No. 11. pp. 345–351. EDN: ESRKVD.
3. Klyuev V.V. Legal issues of liability for damage related to the operation of autonomous vessels // Current issues of Russian law. 2024. No. 11 (168). pp. 123–135. EDN: MNZYCA.
4. Chestnov I.L., Chestnov A.I. Legal regulation of the operation of autonomous and semi-autonomous commercial vessels // Kriminalist. 2025. No. 2 (51). Pp. 152–159. EDN: IBEARE.
5. Shinkarenko E.N. Legal nature and international legal consequences of the use of autonomous ships (MASS) within the framework of the UN Convention on the Law of the Sea // Ocean Management. 2025. No. 2 (31). Pp. 11–18. EDN: TNKGRE.

¹ Ключев В.В. Правовые вопросы ответственности за причинение ущерба, связанного с эксплуатацией автономных судов // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11 (168). С. 123–135.

Карсаков Андрей Викторович,
преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

В работе рассматривается роль усмотрения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Подчеркивается, что усмотрение свойственно не только суду, но и лицам, осуществляющим предварительное расследование (следователю, дознавателю). Оно проявляется в возможности самостоятельно принимать решения в строго очерченных законом рамках. Автор анализирует факторы, влияющие на усмотрение следователя. Обсуждаются риски, связанные с усмотрением, а также механизмы их минимизации.

Ключевые слова: усмотрение, уголовное судопроизводство, следователь, дознаватель, процессуальные решения, дискреционные полномочия, внутреннее убеждение, мотивированность, досудебное производство.

Усмотрение в уголовном судопроизводстве — это правовое явление, которое неразрывно связано с деятельностью государственных органов, осуществляющих правосудие и их должностных лиц. Понятие усмотрения в правовых науках не имеет чёткого и устоявшегося определения, однако его влияние ощущается во всех процессуальных отраслях. Уголовный процесс — не исключение, ведь усмотрение находит своё отражение в уголовном судопроизводстве в виде дискреционных полномочий различных участников судопроизводства.

Рассуждая над сущностью усмотрения Баев О.Я. приходит к выводу, что оно обладает тремя основными атрибутивными признаками, которые можно сформулировать так: 1) выбор варианта поведения из предложенных или не противоречащих закону, 2) субъект усмотрения — должностное лицо, обладающее властными полномочиями 3) отражение усмотрения в конкретном правоприменительном акте¹. Такая позиция убедительна, так как акцентирует внимание на сущности усмотрения, как проявления дискреции в деятельности властных участников уголовного судопроизводства.

Дискреционные полномочия должностных лиц, участвующих при производстве по уголовным делам, являются неотъемлемой составляющей механизма уголовно-процессуального регулирования. Законодатель напрямую наделяет участников правом или свободой действовать самостоятельно, хоть и в строго очерченных законом рамках. Устройство отечественного уголовного процесса пришло к структуре, при которой тяжело поспорить с тем фактом, что по-настоящему справедливое итоговое решение возможно только как продукт симбиотической связи между внутренним убеждением суда и совокупностью фактических данных, подтверждающих наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

В то же время, представляется, что усмотрение в уголовном судопроизводстве свойственно не только суду, но и лицам, осуществляющим предварительное расследование по уголовному делу. Схожую точку зрения выражала Худякова Е.С., в статье которой сформулированы различные выводы, в том числе следующий: усмотрение следователя — это правовая категория и явление достаточно распространенное в деятельности следователя². Говоря об усмотрении при принятии процессуальных решений в досудебном производстве, следует толковать понятие «следователь» широко, ведь таковое свойственно любому лицу, осуществляющему предварительное расследование по уголовному делу: и следователю и дознавателю.

Усмотрение следователя представляет собой возможность действовать и принимать решения самостоятельно, в строго ограниченном законодателем поле. Право на самостоятельное производство следственных и иных процессуальных действий за исключением случаев, когда для этого требуется согласие лиц, осуществляющих процессуальный контроль, или разрешение суда, закреплено как за следователем, так и за дознавателем.

На следователя возлагается широкий спектр задач и функций, свойственный не только стороне обвинения, но и иным сторонам уголовного судопроизводства. Споры о функциональном составе процессуального статуса следователя в уголовно-процессуальной науке не утихают и по сей день, что справедливо отмечено Тушевым А.А., который освещает подходы к определению видов функций, осуществляемых следователем при расследовании уголовных дел. Он приходит к закономерному выводу, что все функции следователя различаются по целям, задачам и содержанию, а также выделяет среди них функции обвинения, защиты, расследования, уголовного преследования и другие³. Не вдаваясь в перечень и особенности разграничения функций следователя, невозможно не согласиться с позицией данного автора, так как очевидно, что в ходе предварительного расследования следователю необходимо установить как обстоятельства, подтверждающие преступность деяния и причастность лица к совершению преступления, так и обстоятельства исключающие преступность деяния

¹ . Баев О.Я. Усмотрение в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. № 1. С. 449

² . Худякова Е.С. Усмотрение следователя в процессе осуществления деятельности по производству предварительного следствия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 48

³ Тушев А.А. Еще раз о функциях следователя и дознавателя // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 125–130.

и свидетельствующие о непричастности лица к нему. В то же время, наличие различных обстоятельств позволяет и подталкивает следователя, при выполнении процессуальных условий, принимать своеобразные итоговые процессуальные решения в досудебном производстве. К таким решениям, например, относятся решения о прекращении уголовных дел как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим обстоятельствам.

Попова И.П. рассуждая о роли усмотрения при принятии итоговых процессуальных решений обоснованно исключает «безграничную свободу и беспредельное усмотрение», связывая основания принятия следователем или судом процессуального решения с установленными фактическими обстоятельствами уголовного дела¹. Развивая мысль Поповой И.П., следует отметить, что наделение указанных лиц возможностью усмотрения является инструментом, составной частью механизма уголовно-процессуального регулирования, обеспечивающей потребность судопроизводства в адаптации буквы закона к конкретным уголовным делам и лицам, при соблюдении принципов уголовного судопроизводства с обязательным обеспечением баланса публичных и частных интересов в каждом конкретном случае.

Поскольку усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений являлось предметом научного интереса других авторов, в настоящей работе внимание уделяется не столько усмотрению в уголовном судопроизводстве в целом, сколько роли усмотрения при принятии процессуальных решений именно в досудебном производстве, то есть на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Действующий уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет следователя широким спектром прав, согласно которым следователь уполномочен возбуждать уголовные дела, принимать их к своему производству, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, осуществлять процессуальные действия, направленные на непосредственное окончание расследования – каждое из этих полномочий предполагает письменное закрепление в материалах уголовного дела в виде постановлений. В свою очередь, полномочие на самостоятельное направление хода расследования, в случае широкого его толкования, а также на осуществление иных полномочий подразумевают право следователя на принятие решений о наделении лиц процессуальным статусом, применении мер процессуального принуждения, окончании расследования, его приостановлении, прекращении и возобновлении, выделении уголовных дел в отдельное производство, соединении уголовных дел, а также возбуждении перед судом различных ходатайств для получения разрешения на производство отдельных процессуальных действий. Кроме прав и полномочий необходимость принятия отдельных процессуальных решений возникает и в следствие возложения на следователя некоторых обязанностей. К таковым, например, следует отнести обязанность следователя рассмотреть каждое заявленное по уголовному делу ходатайство, предусмотренное ст. 159 УПК РФ.

Отходя от сугубо уголовно-процессуальной специфики, следует отметить, что широкий перечень принимаемых должностными лицами решений, а также наличие альтернатив в его принятии, с формулировками «может», «имеет право» и т.д. приводит к неизбежной критике усмотрения как явления. Например, Нестеров П.Н. рассматривает административное усмотрение как «детерминанту коррупции при исполнении наказаний», отмечая, что «законодатель должен идти по пути дальнейшего уточнения пределов административного усмотрения при исполнении наказаний, что позволит найти компромисс между формальной определенностью уголовного закона и оценочной деятельностью администрации исправительного учреждения...»². Хотя автор и ведет речь о специфике регуляции уголовно-исполнительных правоотношений, его позиция справедлива и по отношению к уголовно-процессуальному усмотрению, так как установление пределов усмотрения – необходимое условие для его существования и правильного функционирования в рамках деятельности органов предварительного расследования. В уголовном судопроизводстве также звучит мнение, согласно которому усмотрение выставляется в роли коррупционного фактора. Так, Сидоров Б.В., критикует расширяющиеся возможности усмотрения суда при назначении наказания, а также наличие у суда возможности изменить категорию преступления. Автор критикует расширение усмотрения судей «порой

даже там, где это вредит эффективности и единообразию политики борьбы с преступностью»³.

Принятие каждого процессуального решения безальтернативно сопровождается оценкой установленных обстоятельств уголовного дела по внутреннему убеждению следователя. Усмотрение правоприменителя – это вариант поведения, выбранный им на основе исследованных материалов уголовного дела в конкретной судебно-следственной ситуации, основывающийся на правосознании правоприменителя, его профессиональном и жизненном опыте при строгом соблюдении материального и процессуального закона⁴. Именно в этом процессе кроется основная составляющая усмотрения следователя, которая в конечном итоге находит своё отражение в описательно-мотивировочной части постановления. Мотивируя и обосновывая решение следователь подвергается воздействию внешних и внутренних факторов. К внешним факторам следует относить требования закона и установленные на момент принятия решения фактические обстоятельства уголовного дела, к внутренним – профессиональные качества следователя и уровень его правосознания в купе с иными личными качествами. Большое количество воздействующих на следователя в момент принятия решения факторов может повлечь ошибки и неточности. В схожем ключе рассуждает Гаприндашвили Р.Т., рассматривая деятельность следователя через призму дескриптивной теории принятия решений и «стратегию упрощения»⁵. Автор удачно подмечает неизбежность ошибок при осуществлении предварительного расследования, но отмечает, что действенного метода их исключения на данный момент просто не существует. Невозможно с ним не согласиться, так как людям в принципе свойственно ошибаться, но в уголовном судопроизводстве цена ошибки выше: под угрозой права и свободы человека, его судьба. Ошибки при принятии решений в результате неправильного усмотрения – самая болевая точка, которую затрагивают критики усмотрения.

Безусловно, усмотрение следователя также может подвергаться критике за коррупционные возможности в виду наличия альтернативных вариантов решений, каждое из которых законно или за ошибки при принятии решений. Действительно, участники уголовного судопроизводства могут быть по тем или иным причинам заинтересованы в принятии конкретного решения и стремиться повлиять на принятие «нужного» решения следователем, а сам следователь не застрахован от принятия неправильного решения. Однако, законодатель ограничивает усмотрение следователя через процессуальный ведомственный и судебный контроль и прокурорский надзор, что позволяет минимизировать процессуальные риски, связанные с недобросовестным или некомпетентным использованием возможностей усмотрения следователем.

В заключение хотелось бы отметить, что процессуальная свобода следователя и её частное проявление в виде усмотрения при принятии процессуальных решений – неотъемлемая составляющая механизма уголовно-процессуального регулирования, обеспечивающая его эффективное и гибкое функционирование в кратчайшие сроки при соблюдении баланса частного и публичного интереса. Действующая система уголовно-процессуального регулирования во многом основывается на возможностях усмотрения, что позволяет уголовно-процессуальному закону, несмотря на стремительное развитие общества, достигать целей уголовного процесса.

Литература

1. Баев О.Я. Усмотрение в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2010. № 1. С. 438–450.
2. Худякова Е.С. Усмотрение следователя в процессе осуществления деятельности по производству предварительного следствия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 46–49.
3. Тушев А.А. Еще раз о функциях следователя и дознавателя // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 125–130.
4. Попова И.П. Усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 191–201.
5. Нестеров П.Н. Административное усмотрение как детерминанта коррупции при исполнении наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 87–90 (С. 88).

¹ . Попова И.П. Усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 4 (111). С. 197

² . Нестеров П.Н. Административное усмотрение как детерминанта коррупции при исполнении наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 88.

³ . Сидоров Б.В. Судейское усмотрение: служение закону и совести или стихия беззакония и коррупции // ВЭПС. 2013. № 2. С. 178–179.

⁴ Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 – Омск, 2003. – С. 4.

⁵ Гаприндашвили Р.Т. Теоретические основы возникновения ошибок при принятии процессуальных решений // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 234

6. Сидоров Б.В. Судейское усмотрение: служение закону и совести или стихия беззакония и коррупции // ВЭПС. 2013. № 2. С. 176–182.

7. Марфицин П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект): дис. ... д-ра юрид. Наук: 12.00.09 – Омск, 2003. – 418 с.

8. Гаприндашвили Р.Т. Теоретические основы возникновения ошибок при принятии процессуальных решений // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 231–237.

ON THE ISSUE OF INVESTIGATOR'S DISCRETION IN PROCEDURAL DECISION-MAKING

Karsakov A.V.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This paper examines the role of discretion in the pre-trial stages of criminal proceedings. It emphasizes that discretion is inherent not only to the court but also to those conducting the preliminary investigation (investigators and inquiry officers). It manifests itself in the ability to independently make decisions within strictly defined legal frameworks. The author analyzes the factors influencing investigator's discretion. The risks associated with discretion and mechanisms for mitigating them are discussed.

Keywords: discretion, criminal proceedings, investigator, inquiry officer, procedural decisions, discretionary powers, internal conviction, motivation, pre-trial proceedings.

References

1. Baev O. Ya. Discretion in Criminal Proceedings // Vestnik of VSU. Series: Law. 2010. № 1. Pp. 438–450.
2. Khudyakova E.S. Discretion of the Investigator in the Process of Carrying Out Activities on Preliminary Investigation // Vestnik of SUSU. Series: Law. 2014. № 3. Pp. 46–49.
3. Tushev A.A. Once Again on the Functions of the Investigator and the Inquiry Officer // Theory and Practice of Social Development. 2025. № 1. Pp. 125–130.
4. Popova I.P. Discretion in Making Final Procedural Decisions in Criminal Proceedings // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: scientific and practical. journal. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4 (111). Pp. 191–201.
5. Nesterov P.N. Administrative Discretion as a Determinant of Corruption in the Execution of Sentences // Criminal-Executive Law. 2015. № 3 (21). Pp. 87–90 (Pp. 88).
6. Sidorov B.V. Judicial Discretion: Serving the Law and Conscience or the Elements of Lawlessness and Corruption // VEPS. 2013. № 2. Pp. 176–182.
7. Marfitsyn P.G. Investigator's Discretion (Criminal Procedure Aspect): Dis. ... Doctor of Law. Sciences: 12.00.09 – Омск, 2003. – 418 p.
8. Gaпрindashvili R.T. Theoretical foundations of the occurrence of errors in making procedural decisions // Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences. 2014. № 4. P. 231–237.

Кесаев Сослан Таймуразович,
аспирант, АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»

Меньшиков Андрей Дмитриевич,
спирант, АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»

Папян Мхитар Пашикович,
аспирант, АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»

Пархутов Никита Дмитриевич,
аспирант, АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»

Семенов Артем Геннадьевич,
аспирант, АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»

В статье рассматриваются проблемные вопросы судебной практики по делам об экономических преступлениях на примере ст. 176 и 177 УК России. Данное исследование позволило прийти к ряду важных выводов: существующая судебная практика демонстрирует отсутствие единообразия в интерпретации и применении правовых норм; создание и признание единой концепции судебного толкования нормативных актов было бы ключевым фактором, гарантирующим стабильность и согласованность судебных решений; анализ судебных решений не подтвердил предположение о повышении соответствия правовых позиций судов позиции Верховного Суда Российской Федерации; при вынесении судебного решения необходимо не только ссылаться на правовую позицию Верховного Суда РФ, но и четко определять действия, которые раскрывают особенности уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовная ответственность, экономические преступления, судебная практика, толкование норм права

Суды, рассматривающие уголовные дела, все более активно используют судебную практику при толковании и применении уголовного закона. Такой подход имеет существенное значение при определении квалификации совершенных преступлений.

В данной работе анализируется судебно-следственная практика, касающаяся уголовных дел, где обвинение строится по основаниям, предусмотренным статьями 176 и 177 Уголовного кодекса РФ, и рассматриваемых судами общей юрисдикции с последующим вынесением обвинительных приговоров [1]. Результаты исследования имеют практическое значение, так как могут послужить основой для оптимизации уголовного законодательства, направленного на борьбу с незаконным кредитованием и противодействием умышленному уклонению от погашения долгов.

В российской системе управления выделяются три ключевые ветви: законодательная, исполнительно-распорядительная и судебная. Правосудие в нашей стране возложено на единственный орган государственной власти – суд.

Федеральные суды России структурированы по иерархической системе. Согласно статье 4 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ, который был принят 31 декабря 1996 года и последняя редакция которого утверждена 8 декабря 2020 года, судебная система России включает в себя федеральные суды и мировых судей субъектов Российской Федерации.

Судебная власть играет ключевую роль в обеспечении стабильности и доверия граждан к правосудию и действующему законодательству. Это достигается посредством вынесения решений, которые основаны на точном применении правовых норм и актов, подвергающихся надлежащему судебному толкованию.

В своем решении от 16 июня 1998 года № 19-П, посвященном разъяснению смысла статей 125, 126 и 127 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ в пункте 4, абзаце 3, отмечает, что применение определенных норм не является обязательным для судов, разбирающихся в других делах, поскольку каждый суд самостоятельно интерпретирует действующие правовые акты, руководствуясь при этом Конституцией РФ и федеральными законами (ст. 120, часть 1 Конституции РФ) [2]. Право на обжалование решений, вынесенных судами общей юрисдикции и арбитражными судами, гарантировано федеральным законодательством в установленных им процессуальных рамках. Важно отметить, что принятые решения не подлежат обязательной публикации. Это обстоятельство, как следует из статьи 15 (часть 3) Конституции РФ, лишает их силы для других правоприменителей, поскольку согласно данной статье, применяются только официально опубликованные акты. Необязательность публикации судебных решений, даже отдельных выдержек из них, не гарантирует соблюдения конституционного принципа.

Следовательно, постановления, выносимые федеральными судами России, не служат эталоном для интерпретации положений уголовного законодательства. Решение Конституционного Суда РФ приобретает статус «источника права» благодаря ряду ключевых особенностей. Во-первых, решения суда являются официальными актами государственной власти, принимаемыми в строго регламентированном процессе. Во-вторых, они подлежат обязательной публикации и распространяются не на конкретные случаи, а на аналогичные ситуации, имея общий характер. Важно отметить, что положения, изложенные в решениях Конституционного Суда, обладают особой юридической силой, превосходя по рангу нормы проверяемого закона. Кроме того, решения суда являются окончательными и не подлежат обжалованию, поскольку не существует других органов, которые могли бы их пересматривать.

Толкование уголовно-правовых норм должно быть максимально точным, чтобы раскрыть их истинное значение. Ведь лишь в этом случае мы обеспечиваем верховенство закона, правопорядок и защиту прав граждан. Для достижения единообразного понимания и применения уголовного законодательства, суды играют важную роль, разъясняя закон и обеспечивая его единообразное применение. Разнообразие точек зрения на содержание нормативных актов свидетельствует о необходимости точного понимания замысла законодателя.

Перед принятием любого судебного решения необходимо всесторонне проанализировать мотивы, побудившие к совершению престу-

пления, и предоставить каждому участнику процесса возможность высказать свою точку зрения по рассматриваемому делу.

Определение судом общественной опасности преступления является неотъемлемой частью юридической характеристики совершенного деяния. При этом в процессе применения норм уголовного закона неизбежно возникает необходимость судебного анализа, который должен учитывать специфику правовой природы преступления и уникальные обстоятельства каждого конкретного уголовного дела. Судья при этом обязан строго придерживаться установленных границ правоприменения при интерпретации уголовно-правовых норм. Этот феномен становится очевидным при анализе судебных решений, касающихся уголовных дел в сфере экономики, а именно, экономических преступлений, связанных с кредитованием (статьи 176 и 177 Уголовного кодекса РФ). Эта категория уголовных дел делает акцент на преступлениях, нарушающих экономические отношения, связанные с производством, распределением, обменом и потреблением материальных товаров и услуг. Однако объединяющие их критерии не ограничиваются только этим аспектом, они также включают в себя сложность конструкции состава преступления, общую формулировку норм и единый размер причиненного ущерба.

В результате анализа судебных решений Верховного Суда РФ по определенному классу дел в связи с необходимостью более четкого регулирования вопросов, связанных с экономическими преступлениями, Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 15 ноября 2016 года № 48 [3].

В постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48, посвященном судебной практике в делах о преступлениях экономической направленности, в частности, о мошенничестве, присвоении и растрате, отмечается значимость влияния толкования законов, выработанного высшими судебными инстанциями, на текущее состояние правоприменения. В результате, данные постановления внесли лишь скромный вклад в упорядочение работы правоохранительных органов при определении видов преступлений, указанных в них [4].

Необходимо согласиться с утверждением о том, что судебная практика по разъяснению специальных норм Уголовного кодекса РФ, касающихся мошенничества в различных отраслях экономики, оправдана и отвечает потребностям правоприменения, обеспечивая четкое разграничение близких составов преступлений. Это подчеркивает важность толкования действий, квалифицируемых как уголовно-правовые, особенно в судебной практике, и, прежде всего, четкого разграничения между составами преступлений, которые по своей структуре могут быть похожими.

Чтобы проиллюстрировать этот тезис, были проанализированы судебные решения, опубликованные в официальном издании Верховного Суда России и постановления судов первых и апелляционных инстанций в результате рассмотрения уголовных дел по составам ст. 176 и 177 УК России.

Итогом осуществленного анализа стали следующие положения: условия определения виновности лица в любом отдельном итоговом решении способны изменяться от небольшой до абсолютной детальной аргументации каждого признака состава преступления; точность квалификации определяется обвинительным приговором, вынесенным судом; при применении норм уголовного законодательства в случае возникновения разногласий по квалификации исследуемых деяний суды руководствуются постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В документе от 30 ноября 2017 года № 48, рассматривается практика судов по делам, связанным с присвоением, мошенничеством и растратой, но не в достаточной степени раскрывается конкретная информация по данной тематике.

Решения судов не всегда соответствуют положениям постановления Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 48, где детально прописаны критерии для разграничения мошенничества и присвоения или растраты. В случаях, когда решение ссылается на данное постановление, оно не всегда ясно поясняет, как конкретные особенности рассматриваемого дела влияют на выбор соответствующего состава преступления.

Отличительным признаком статьи 177 УК России от статьи 176 УК РФ будет отсутствие прецедентов для переквалификации правонарушений согласно судебным решениям.

При рассмотрении судом дел, связанных с деяниями, описанными в статье 177 УК РФ (злостное уклонение от погашения долгов), иногда в судебных решениях упоминаются способы совершения, представленные в Методических рекомендациях по расследованию таких преступлений. Однако эти рекомендации не всегда отражают новейшие научные и технологические достижения. Рост популярности современных технологий, таких как Интернет, создает новые возможности для совершения противоправных действий. В связи с этим, необходимо

актуализировать существующие рекомендации, включив в них новые методы, которые могут быть использованы злоумышленниками, например, криптовалюту. Несмотря на то, что законодательство пока не определяет понятие криптовалюты, это не исключает возможности использования ее для вывода денежных средств.

В ходе анализа проблем правоприменения, особое внимание следует уделить судебным решениям по уголовным делам, где наблюдается явление переквалификации преступлений. Речь идет о корректировке первоначально избранной уголовно-правовой нормы на более точную, которая адекватно отражает общественно опасное деяние, совершенное конкретным подсудимым, и его состав. Анализ судебной практики обогащает наше понимание уголовно-правовых норм, оказывая существенное влияние на практику применения закона. Не менее значимым, по нашему мнению, является и изучение судебных ошибок, которые, как справедливо отметил И.В. Колесник, могут указывать на неточности в законодательстве или его неспособность отвечать современным требованиям [5, с. 53].

Возможны и другие факторы, влияющие на переквалификацию преступлений, что открывает новые перспективы для научных исследований. В качестве примера рассмотрим судебное решение, вынесенное Апостовским районным судом Республики Татарстан по уголовному делу в отношении Х., обвиняемого.

При определении квалификации преступления, соответствующего пункту 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, мы исходили из анализа судебной практики по мошенничеству, присвоению и растрате. В результате такого анализа была сделана корректная интерпретация уголовно-правовой нормы и обоснована переквалификация деяния с более мягкой статьи на более строгую. Суд не дал четких разъяснений относительно критериев, по которым можно объективно установить отсутствие у должника умысла не исполнять свои обязательства. Подобная неопределенность присутствует и в другом судебном постановлении, где действия виновного также были переквалифицированы. В приговоре целесообразно акцентировать внимание на действиях, которые четко разделяют мошенничество в кредитной сфере от обычного неправомерного получения кредита. Такими действиями можно отнести систематические кредитные платежи со стороны обвиняемого в банк после получения кредита. Таким образом, судебная интерпретация данного правового вопроса будет носить разовый характер.

В практике применения судебных решений по делам, связанным с преступлениями, описанными в статье 177 УК РФ, не возникают затруднений в разграничении их от аналогичных деяний, предусмотренных статьями 315 УК РФ. В определенных случаях постановлений судьи приводят доводы, свидетельствующие о преднамеренном уклонении от погашения долгов, а именно, ссылаются на «Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений по статье 177 Уголовного кодекса РФ (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности)» [6]. Чаще всего такая аргументация необходима для установления невыполнения лицом своих обязательств. Не подпадают под действие этого правила новые, эволюционирующие со временем методы противоправных действий.

Данное исследование позволило прийти к ряду важных выводов:

1. Единый подход к толкованию нормативных правовых актов судами существенно повысил бы уровень предсказуемости и единообразия судебной практики.

2. Анализ судебных решений не выявил подтверждений, что усиление их соответствия постановлениям Верховного Суда РФ привело бы к повышению эффективности работы правоприменителей.

3. При формулировании судебного решения необходимо не только руководствоваться постановлениями Верховного Суда РФ по рассматриваемому преступлению, но и продемонстрировать, как конкретные действия преступника соотносятся с разницей в уголовно-правовых нормах, тем самым предлагая собственное видение совершенствования законодательства.

4. В результате проведенного исследования и изучения судебных решений, подтверждая ранее выявленные выводы о ключевой роли судебного толкования и необходимости стабильности и единообразия в судебной практике, мы заключаем, что решения по делам, связанным с экономическими преступлениями в области кредитования (ст. 176, 177 УК РФ), не являются аномалией. В Методических рекомендациях по раскрытию и расследованию дел, связанных с умышленным уклонением от выплаты долгов по кредитам (статья 177 УК РФ), необходимо отразить актуальные методы совершения этого правонарушения.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. 2016. 24 ноября.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

5. Колесник И.В. Средства стимулирования уголовно-процессуального сотрудничества для разрешения уголовно-правового конфликта // И.В. Колесник, В.В. Колесник // Сборник научных статей по итогам всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России. Том 1. Нижегородская академия МВД России. Нижний Новгород, 2023. С. 52–54.

6. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) (утв. ФССП России 21.08.2013 № 04–12) // СПС Консультант Плюс

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE IN CASES OF ECONOMIC CRIMES

Kesaev S.T., Menshikov A.D., Papayan M.P., Parkhutov N.D., Semenov A.G.
Voronezh Institute of Economics and Law

The article examines problematic issues of judicial practice in cases of economic crimes using the example of Articles 176 and 177 of the Criminal Code of Russia. This study led

to a number of important conclusions: the existing judicial practice demonstrates a lack of uniformity in the interpretation and application of legal norms; the creation and recognition of a unified concept of judicial interpretation of regulations would be a key factor guaranteeing stability and consistency. The analysis of court decisions did not confirm the assumption that the legal positions of the courts would be more consistent with the position of the Supreme Court of the Russian Federation; when making a court decision, it is necessary not only to refer to the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, but also to clearly define actions that reveal the specifics of criminal law norms.

Keywords: criminal liability, economic crimes, judicial practice, interpretation of legal norms

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation: adopted by the State Duma on June 13, 1996, No. 63-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 2954.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/16/1998 No. 19-P “in the case of the interpretation of certain provisions of Articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 25. St. 3004.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2016 No. 48 “On the practice of applying legislation by courts regulating the specifics of criminal liability for crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities” // Rossiyskaya Gazeta. 2016. November 24.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 “On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.
5. I. Kolesnik, V.N. Means of stimulating criminal procedural cooperation to resolve a criminal conflict // I. N.V. N. Kolesnik, V. N.V. N. Kolesnik // A collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Volume 1. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Nizhny Novgorod, 2023. pp. 52–54.
6. Methodological recommendations for the identification and investigation of crimes provided for in Article 177 of the Criminal Code of the Russian Federation (malicious evasion from repayment of accounts payable) (approved by the Federal Migration Service of Russia dated 08/21/2013 No. 04–12) // SPS Consultant Plus

Уголовно-правовая характеристика и криминологические особенности преступлений, совершаемых в кредитно-банковской сфере с использованием цифровых технологий

Ключев Астамур Рафаэлевич,

магистрант, Пятигорский государственный университет

E-mail: f.0092017@yandex.ru

Предметом исследования выступают уголовно-правовые нормы и криминологические закономерности преступлений, совершаемых в кредитно-банковской сфере с использованием цифровых технологий. Цель работы – комплексная характеристика данной группы посягательств и выработка предложений по их предупреждению. Методологию составляют формально-юридический, статистический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики и статистических данных Банка России и МВД России. В результате выявлены проблемы квалификации и разграничения смежных составов (ст. 158, 159, 159.3, 159.6 УК РФ), определены типология личности преступника и детерминанты преступности, систематизированы меры антифрод-противодействия. Область применения результатов – правотворческая и правоприменительная деятельность, преподавание уголовного права и криминологии. Новизна состоит в обосновании унификации составов дистанционных хищений через единый квалифицирующий признак использования информационно-телекоммуникационных технологий. Выводы: эффективное противодействие обеспечивается сочетанием превентивного антифрод-контура и точечной доработки уголовного закона.

Ключевые слова: кредитно-банковская сфера; цифровые технологии; хищение; мошенничество; электронные средства платежа; киберпреступность; криминологическая характеристика; предупреждение преступлений.

Введение

Цифровая трансформация кредитно-банковской сферы – повсеместное распространение дистанционного банковского обслуживания, мобильных приложений, Системы быстрых платежей, бесконтактных и биометрических способов оплаты – качественно изменила не только модель взаимодействия банка и клиента, но и структуру посягательств на денежные средства, находящиеся на банковских счетах. Безналичные денежные средства стали основным предметом корыстных посягательств, а информационно-телекоммуникационные технологии – доминирующим способом их совершения.

Масштаб проблемы подтверждается официальной статистикой. По данным Банка России, в 2025 году объем операций, совершённых без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, увеличился по сравнению с 2024 годом на 6,4%, а их количество – на 31,2%; при этом кредитные организации возвратили клиентам лишь 5,9% от общего объема похищенных средств (в 2024 году – 9,9%)¹. Только в первом квартале 2025 года банки отразили 43,8 млн попыток хищения денежных средств, защитив около 4,6 трлн рублей². По сведениям МВД России, по итогам 2025 года материальный ущерб от преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составил порядка 195 млрд рублей, а число потерпевших превысило 530 тысяч человек³.

Наметившееся в 2025 году снижение количества регистрируемых ИТ-преступлений (на 11,8% к уровню 2024 года, в том числе дистанционных краж – на 23,6%, дистанционных мошенничеств – на 9%)⁴ свидетельствует об эффективности принятых мер, однако не означает преодоления проблемы: преступность в данной сфере отличается высокой латентностью, адаптивностью к мерам противодействия и постоянным обновлением криминальных схем. Сказанное обуславливает актуальность комплексного – уголовно-правового и криминологического – исследования преступлений, совершаемых в кредитно-банковской сфере с использованием цифровых технологий.

Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершаемых в кредитно-банковской сфере с использованием цифровых технологий

Преступления, совершаемые в кредитно-банковской сфере с использованием цифровых технологий, не образуют единого состава или самостоятельной главы Особенной части УК РФ – это собирательное криминологическое понятие, охватывающее ряд составов, объединённых сферой совершения (отношения по поводу привлечения, размещения и перевода денежных средств кредитными организациями) и способом – применением информационно-телекоммуникационных технологий. Ядро данной группы образуют посягательства на собственность: кража с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), а также присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) применительно к инсайдерским хищениям⁵. К ним примыкают неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ) и преступления в сфере компьютерной информации (ст. 272–274.1 УК РФ), выполняющие, как правило, обеспечительную функцию по отношению к хищению.

Принципиальное значение для уголовно-правовой охраны безналичных расчётов имели изменения, внесённые Федеральным законом

¹ Обзор операций, совершённых без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2025 год // Банк России: офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 09.06.2026).

² Денежные переводы без добровольного согласия клиентов: итоги I квартала 2025 года // Банк России: офиц. сайт. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=24608> (дата обращения: 09.06.2026).

³ Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году // МВД России: информ. портал «МВД Медиа». URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 09.06.2026).

⁴ Там же.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

от 23.04.2018 № 111-ФЗ, которым безналичные и электронные денежные средства были прямо признаны предметом кражи, а ответственность за хищения с банковского счёта существенно усилена. Тем самым законодатель завершил многолетнюю доктринальную дискуссию о возможности признания предметом хищения имущественных прав требования к банку, фактически приравняв безналичные денежные средства к наличным по уровню уголовно-правовой защиты¹.

Ключевой квалификационной проблемой остаётся разграничение смежных форм дистанционного хищения. Ориентиры выработаны Пленумом Верховного Суда РФ: тайное изъятие денежных средств с банковского счёта с использованием конфиденциальной информации владельца (логина, пароля, реквизитов карты), в том числе через банкомат или бесконтактную оплату, при отсутствии воздействия на сознание уполномоченного работника организации квалифицируется как кража по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ; сообщение же уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности электронного средства платежа образует состав ст. 159.3 УК РФ². Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) отличается по способу: хищение осуществляется путём ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств её хранения, обработки или передачи, то есть посредством воздействия на программно-аппаратную среду, а не на сознание человека.

Особую сложность представляет квалификация хищений, совершаемых методами социальной инженерии, когда потерпевший под влиянием обмана самостоятельно осуществляет перевод денежных средств либо сообщает злоумышленнику данные, необходимые для доступа к счёту. Судебная практика квалифицирует такие деяния по ст. 159 УК РФ как «классическое» мошенничество, несмотря на дистанционный характер посяательства; разъяснения относительно особенностей квалификации преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет», даны Пленумом Верховного Суда РФ³. В доктрине обоснованно отмечается, что избыточная дифференциация смежных составов дистанционных хищений при тождественной общественной опасности деяний порождает нестабильность правоприменения, конкуренцию норм и неравенство в наказуемости⁴. De lege ferenda заслуживает поддержки предложение об унификации ответственности путём закрепления единого квалифицирующего признака – совершения хищения «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» – в базовых составах против собственности.

Самостоятельный сегмент образуют инсайдерские посяательства, совершаемые работниками кредитных организаций с использованием служебного положения: присвоение и растрата вверенных денежных средств (ч. 3 ст. 160 УК РФ), мошенничество с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 159 УК РФ), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих банковскую тайну (ст. 183 УК РФ). Реагируя на проблему утечек клиентских данных, питающих схемы социальной инженерии, законодатель Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ ввёл уголовную ответственность за незаконные использование и оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ). Отдельного внимания заслуживает уголовно-правовая оценка деятельности так называемых дропов – лиц, предоставляющих свои банковские карты и счета для вывода похищенных средств: в зависимости от обстоятельств она осуществляется по правилам о соучастии в хищении, по ст. 187 УК РФ либо по нормам о легализации преступных доходов (ст. 174, 174.1 УК РФ), а вопрос о специальной норме об ответственности дропов остаётся предметом активной законодотворческой дискуссии.

Криминологическая характеристика: состояние, личность преступника, детерминанты

Криминологическая картина преступности в кредитно-банковской сфере определяется её цифровым характером. Более трети всех регистрируе-

мых в Российской Федерации преступлений совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, при этом значительная их часть прямо посягает на денежные средства граждан, размещённые на банковских счетах⁵. Для данной группы преступлений характерны высокая латентность, низкая по сравнению с традиционными хищениями раскрываемость, обусловленная анонимизацией преступников, трансграничным характером посятельств и скоростью вывода похищенных средств, а также выраженная адаптивность: на каждое внедрённое защитное решение криминальная среда отвечает модификацией схем – от подмены телефонных номеров и фишинга к комбинированным многоступенчатым сценариям с использованием мессенджеров, вредоносного программного обеспечения и поддельных приложений⁶.

Криминологический портрет личности преступника в рассматриваемой сфере неоднороден и распадается на два основных типа. Первый – «внешний» дистанционный преступник: как правило, лицо молодого возраста (18–35 лет), обладающее навыками работы с информационными технологиями, действующее в составе организованной группы с выраженным распределением ролей (организаторы, операторы кол-центров, технические специалисты, дропы, обналчивающие средства). Деятельность таких групп носит характер устойчивого криминального бизнеса, нередко трансграничного, с собственной инфраструктурой и reinvestированием преступных доходов⁷. Второй тип – инсайдер: работник кредитной организации, использующий служебный доступ к счетам, операционным системам и персональным данным клиентов. Для него характерны более зрелый возраст, отсутствие предшествующего криминального опыта, корыстная мотивация, рационализация содеянного, а также нередкий сговор с внешними участниками, которым передаются клиентские данные⁸.

Виктимологическая составляющая также претерпевает изменения: если традиционно основной группой риска выступали лица пожилого возраста, отличающиеся повышенной доверчивостью и невысоким уровнем цифровой грамотности, то современные схемы (фиктивные инвестиционные платформы, «безопасные счета», звонки от имени государственных органов и служб безопасности банков) всё чаще ориентированы на экономически активное население, включая лиц с высшим образованием и опытом пользования финансовыми услугами.

Детерминационный комплекс рассматриваемой преступности включает несколько групп факторов. Технологические: тотальная цифровизация платежей и мгновенность переводов, объективно сокращающая «окно реагирования» на мошенническую операцию; доступность инструментов анонимизации; развитие теневого рынка вредоносного программного обеспечения. Информационные: масштабные утечки персональных данных, обеспечивающие адресность социальной инженерии. Организационные: существование развитой дропперской инфраструктуры вывода и обналчивания похищенных средств; трансграничный характер криминальных кол-центров. Социально-психологические: недостаточный уровень финансовой и цифровой грамотности населения, доверие к атрибутам официальности, а в части инсайдерских посятельств – дефекты корпоративного контроля и кадровой работы в самих кредитных организациях⁹.

Меры предупреждения преступлений в кредитно-банковской сфере

Система предупреждения преступлений в кредитно-банковской сфере в последние годы претерпела качественные изменения и сегодня строится на сочетании уголовно-правовых, регуляторных и внутрибанковских механизмов. Центральным элементом специально-криминологического предупреждения выступает антифрод-контур Банка России: база данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без добровольного согласия клиента, информационный обмен между регулятором, кредитными организациями и правоохранительными

⁵ Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 09.06.2026).

⁶ Обзор операций, совершённых без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2025 год. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 09.06.2026).

⁷ Клейменов М.П. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. С. 210–214; Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. Москва: Норма, 2018. С. 140–150.

⁸ Антонян Ю.М. Личность преступника. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. С. 90–110; Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 330–360.

⁹ Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. Указ. соч. С. 360; Номонов В.А., Тропина Т.Л. Либерпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. С. 45–55; Овчинский В.С. Указ. соч. С. 150.

¹ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). Москва: Волтерс Клувер, 2006. С. 215.

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. Москва: ИНФРА-М, 2019. С. 120–135; Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 32–37.

органами, блокировка телефонных номеров и фишинговых ресурсов, используемых злоумышленниками¹.

Существенно обновлено и законодательство о национальной платёжной системе². Федеральным законом от 24.07.2023 № 369-ФЗ введены обязанность банка приостанавливать на два дня переводы на счета, сведения о которых содержатся в базе данных Банка России («период охлаждения»), и обязанность возврата клиенту похищенных средств при нарушении банком антифрод-процедур; с 25 июля 2024 года расширено само понятие операции без добровольного согласия клиента — им охватываются и переводы, совершённые владельцем счёта под влиянием обмана или злоупотребления доверием³. С 1 сентября 2025 года кредитные организации обязаны проводить антифрод-мероприятия при выдаче потребительских кредитов и наличных денежных средств через банкоматы, а Федеральным законом от 13.02.2025 № 9-ФЗ введён «период охлаждения» при потребительском кредитовании, призванный воспрепятствовать оформлению кредитов под диктовку мошенников⁴. Дополняет систему механизм самозапрета на заключение кредитных договоров, устанавливаемого гражданином через единый портал государственных услуг.

На внутрибанковском уровне ключевое профилактическое значение имеют поведенческий анализ операций и скоринг получателей платежей в режиме реального времени, многофакторная аутентификация, контроль инсайдерских рисков (сегрегация доступа к клиентским данным, мониторинг действий персонала, проверка кандидатов при приёме на работу), а также виктимологическая профилактика — информирование клиентов об актуальных схемах мошенничества непосредственно в каналах дистанционного обслуживания. Снижение в 2025 году числа дистанционных краж и мошенничеств при одновременном росте числа отражённых банками атак⁵ свидетельствует о результативности именно превентивного, «инфраструктурного» направления противодействия, смещающего центр тяжести с уголовной репрессии на недопущение завершения криминальной схемы.

Вместе с тем уголовно-правовое предупреждение нуждается в дальнейшем совершенствовании. Помимо отмеченной унификации составов дистанционных хищений, перспективными направлениями представляются: уточнение уголовно-правовой оценки деятельности дропов с учётом массовости этого явления и его обеспечивающей роли в механизме дистанционных хищений; дифференциация ответственности за инсайдерские утечки банковской тайны и персональных данных в зависимости от наступивших последствий; развитие института конфискации цифровых активов, используемых для аккумуляции преступных доходов.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, преступления, совершаемые в кредитно-банковской сфере с использованием цифровых технологий, представляют собой криминологически однородную группу посягательств, уголовно-правовая оценка которых рассредоточена по конкурирующим составам глав 21, 22 и 28 УК РФ; избыточная дифференциация смежных норм о дистанционных хищениях порождает квалификационные ошибки и требует унификации через единый квалифицирующий признак использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Во-вторых, криминологическая специфика данной преступности определяется сочетанием двух типов личности преступника — организованного «внешнего» дистанционного преступника и банковского инсайдера, — а её детерминированный комплекс образуют технологические, информационные, организационные и социально-психологические факторы, центральное место среди которых занимают утечки персональных данных и дропперская инфраструктура.

В-третьих, наиболее эффективным направлением противодействия выступает превентивный антифрод-контроль, сформированный законодательством о национальной платёжной системе и нормативными актами Банка России; его дальнейшее развитие должно сопро-

вождаться точечной донастройкой уголовного закона — в части ответственности дропов, инсайдерских утечек и конфискации цифровых активов. Комплексное применение названных мер способно обеспечить устойчивое снижение уровня преступности в кредитно-банковской сфере при сохранении доступности и скорости цифровых финансовых сервисов.

Литература

1. Антонян Ю.М. Личность преступника. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 366 с.
2. Клейменов М.П. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. 400 с.
3. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2010. 1008 с.
4. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). Москва: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
5. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. С. 45–55.
6. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. Москва: Норма, 2018. 352 с.
7. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. Москва: ИНФРА-М, 2019. 227 с.
8. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 32–37.

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS AND CRIMINOLOGICAL FEATURES OF CRIMES COMMITTED IN THE CREDIT AND BANKING SPHERE USING DIGITAL TECHNOLOGIES

Klychev A.R.

Pyatigorsk State University

The subject of the study is the criminal law norms and criminological patterns of crimes committed in the credit and banking sphere using digital technologies. The aim of the work is a comprehensive characterization of this group of offences and the development of proposals for their prevention. The methodology comprises formal-legal, statistical and comparative-legal methods, as well as the analysis of judicial practice and statistical data of the Bank of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia. As a result, the problems of qualification and differentiation of related corpora delicti (Articles 158, 159, 159.3, 159.6 of the Criminal Code) are identified, the typology of the offender's personality and the determinants of crime are established, and anti-fraud countermeasures are systematized. The scope of application of the results covers law-making and law-enforcement activities and the teaching of criminal law and criminology. The novelty lies in substantiating the unification of remote-theft elements through a single qualifying feature of the use of information and telecommunication technologies. Conclusions: effective counteraction is ensured by combining a preventive anti-fraud framework with a targeted fine-tuning of criminal law.

Keywords: credit and banking sphere; digital technologies; theft; fraud; electronic means of payment; cybercrime; criminological characteristics; crime prevention.

References

1. Antonyan, Yu.M. The Personality of the Criminal. Saint Petersburg: Legal Center Press, 2004. 366 p.
2. Kleymentov, M.P. Criminology: Textbook. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Norma; INFRA-M, 2018. 400 p.
3. Criminology: Textbook / ed. by A.I. Dolgova. 4th ed., revised and supplemented. Moscow: Norma; INFRA-M, 2010. 1008 p.
4. Lopashenko, N.A. Crimes in the Sphere of the Economy: Author's Commentary on Criminal Law, Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 720 p.
5. Nomokonov, V.A.; Tropina, T.L. Cybercrime as a New Criminological Threat // Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2012. No. 24. Pp. 45–55.
6. Ovchinsky, V.S. Criminology of the Digital World: Textbook for Master's Degree Students. Moscow: Norma, 2018. 352 p.
7. Russkevich, E.A. Criminal Law and "Digital Crime": Problems and Solutions: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2019. 227 p.
8. Yani, P.S. Fraud Using Electronic Means of Payment // Legality. 2019. No. 4. Pp. 32–37.

¹ Обзор операций, совершённых без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2025 год. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 09.06.2026).

² О национальной платёжной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 369-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Обзор операций... за 2025 год. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения: 09.06.2026).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 февраля 2025 г. № 9-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Обзор операций... за 2025 год (Банк России); Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году (МВД России).

Особенности доказывания в стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных участниками нежелательных международных или иностранных организаций религиозной направленности

Ковалев Даниил Валерьевич,

аспирант, ФГАОУ ВО Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dkovalev99@mail.ru

В статье рассматриваются особенности доказывания в стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных участниками нежелательных международных или иностранных организаций религиозной направленности. Отмечается, что своевременное и качественное проведение проверочных действий, грамотная фиксация и оценка полученной информации во многом определяют законность и обоснованность принятого решения о возбуждении уголовного дела, а также эффективность последующего расследования.

Ключевые слова: процесс доказывания; нежелательная деятельность; нежелательные религиозные организации; статья 284.1 УК РФ; преступления, совершенные участниками нежелательных иностранных или международных организаций религиозной направленности; стадия возбуждения уголовного дела; следственные и процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия.

Для того, чтобы выделить отличительные черты собирания, проверки, оценки и использования доказательств на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных участниками нежелательных международных или иностранных организаций религиозной направленности, представляется необходимым обратиться к теории уголовно-процессуального доказывания.

В соответствии со ст. 85 УПК РФ доказывание представляет собой деятельность уполномоченных субъектов со стороны обвинения и защиты по «*собиранию, проверке и оценке доказательств*».

В науке уголовного процесса, кроме перечисленных выше элементов, классически как завершающий этап доказательственной деятельности выделяется использование доказательств. Приведенный этап направлен на реализацию полученных сведений для принятия процессуальных решений.

Ученый М.В. Духовской указывал, что «вся деятельность процесса сводится, в сущности, к собиранию доказательств и пользованию ими» [1, с. 197]. Им же цитируется И. Бентам: «искусство судопроизводства – есть не что иное, как искусство пользоваться доказательствыми» [1, с. 197].

М.С. Строгович в советское время отмечал, что «пользование доказательствами производится на основе процессуального закона и в соответствии с его требованиями» [2, с. 307]. А ученый Н.А. Селиванов подчеркнул, что «использование доказательств включает в себя и их исследование, и оценку» [3, с. 8].

Аналогичную позицию по составу элементов процесса доказывания в настоящее время занимает и Н.П. Кузнецов: «доказывание состоит из собирания, проверки, оценки доказательств и их использования при установлении обстоятельств, имеющих значение по делу, а также обоснования вытекающих из них выводов» [4, с. 9]. Схожей позиции придерживается В.А. Новицкий [5, с. 67].

Применительно к стадии возбуждения уголовного дела использование доказательств проявляется в обосновании вывода о наличии или отсутствии оснований для начала уголовного преследования. В рамках настоящей статьи указанный элемент рассматривается в совокупности с иными элементами доказывания.

Несмотря на единство процесса доказывания для всех стадий уголовного судопроизводства, особенности его реализации на стадии возбуждения уголовного дела обусловлены спецификой задач данного этапа, ограниченностью процессуальных средств, а также объемом полномочий участников процесса. Как справедливо отмечает В.И. Качалов, данные особенности определяются задачами «соответствующей стадии, кругом участвующих лиц, выполняемыми ими функциями и объемом полномочий, предоставленными уголовно-процессуальным законом» [5, с. 298].

Установление достоверных обстоятельств по конкретному уголовному делу составляет суть уголовно-процессуального доказывания и является основанием для принятия законного и обоснованного процессуального решения (ст. 73 УПК РФ). В этом смысле доказывание выступает разновидностью познавательной деятельности, обладающей рядом специфических признаков: осуществляется строго определенными субъектами, в установленных законом формах, в ограниченные временные рамки и с обязательным итогом в виде процессуального акта.

На стадии возбуждения уголовного дела, в условиях ограниченных процессуальных возможностей и повышенных требований к обоснованности принимаемых решений, на первый план выходит исходная оценка информации и формирование доказательственной базы.

Это обуславливает потребность в детальном исследовании особенностей каждого элемента доказывания (сбора, проверки, оценки и использования доказательств) на рассматриваемом этапе.

Ст. 86 УПК РФ регламентирует собирание доказательств в уголовном судопроизводстве и выступает базой при расследовании преступлений различных категорий.

Вместе с тем при расследовании преступлений, совершенных участниками нежелательных международных или иностранных орга-

низаций религиозной направленности, данный элемент доказывания приобретает ряд существенных особенностей, обусловленных спецификой механизма совершения таких деяний, их латентностью, а также преобладанием идеологической и информационной составляющей.

В частности, В.С. Балахшин выделил три элемента судебного доказательства: фактические данные, их источники, а также способы и порядок их собирания, закрепления и проверки. Взаимосвязь этих компонентов, по мнению автора, порождает ключевой признак доказательства как системы – взаимозависимость [6, с. 182–183].

В этой связи Л.В. Головкин отмечено, что правоприменителем должен быть соблюден закон при собирании доказательств, в противном случае, они могут быть признаны недопустимыми [7, с. 448]. Применительно к рассматриваемой категории дел указанные закономерности проявляются, прежде всего, в специфике следовой картины, которая зачастую имеет нематериальный характер и выражается в информационно-коммуникационной среде.

В отличие от предварительного расследования, на стадии возбуждения уголовного дела господствуют проверочные мероприятия, которые направлены на установку достаточности информации, указывающей на наличие состава преступления. Деятельность по собиранию доказательств включает следующие элементы: 1) выявление сведений, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела; 2) их фиксация и изъятие в установленном законом порядке; 3) процессуальное оформление результатов в соответствующих документах (протоколах и пр.).

При проверке сообщений о преступлениях, совершенных участниками нежелательных организаций религиозной направленности, приоритетное значение приобретают процессуальные и оперативно-розыскные средства, применяемые в комплексном единстве. Эффективность их использования обусловлена, прежде всего, надлежащей организацией взаимодействия следственных подразделений и оперативных аппаратов. В научной литературе справедливо подчеркивается, что именно согласованность действий указанных субъектов обеспечивает достижение целей стадии возбуждения уголовного дела, связанных с установлением наличия либо недостаточности оснований для реализации механизма уголовного преследования [8, с. 53].

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность проведения лишь ограниченного набора процессуальных и следственных действий для выполнения этой задачи.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ при проверке сообщения о преступлении по данной категории дел следователь может получать объяснения граждан и должностных лиц, образцы для сравнительного исследования, истребовать и изымать документы и предметы, назначать судебную экспертизу, производить осмотр места происшествия, документов, предметов и т.д. При этом закон предусматривает возможность органу дознания давать обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Как мы видим, законодатель оставляет возможность восполнить ограниченный круг процессуальных действий проведением оперативно-розыскных мероприятий, своевременность производства которых обеспечивает получение ориентирующей информации, способствующей формированию оснований для возбуждения уголовного дела и проведения неотложных следственных действий, результаты которых возможно использовать в суде в качестве доказательств.

Основываясь на анализе практики считается целесообразным выделить 3 ключевых этапа по формированию совокупности доказательств до момента принятия решения о возбуждении уголовного дела.

1. Накопление первичной информации в рамках оперативно-розыскной деятельности до появления оснований возбуждения уголовного дела.

2. Проверка сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ).

Проводятся следственные и процессуальные действия (осмотр интернет-ресурсов и электронных носителей, получение объяснений, истребование документов). Одновременно органу дознания дается поручение о необходимости реализации оперативно-розыскной деятельности.

Очень важным на данном этапе является выявление лиц, вовлеченных в деятельность нежелательной организации, связей и коммуникаций между ними, установление функциональных ролей, включая формы соучастия [9, с. 365–372]. Существенную роль здесь играет установление наблюдений, анализ активности в цифровой среде, а также документирование фактов распространения идеологии нежелательной организации.

Необходимо отметить, что предупреждение преступной деятельности на сегодняшний день не относится к задачам уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), что на наш взгляд, является существенным не-

достатком в сравнении с УПК РСФСР 1960 г. Вместе с тем данное положение отмечено в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», что позволяет в рамках данного этапа осуществлять предупреждение преступной деятельности нежелательных международных или иностранных организаций религиозной направленности.

3. Принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела или отказ в таковом.

На этапе фиксации последствий противоправной деятельности ключевое значение имеет своевременное принятие обоснованного решения о возбуждении уголовного дела. Это требует надлежащей легализации результатов оперативно-розыскной деятельности путём их преобразования в допустимые доказательства согласно ст. 89 УПК РФ.

В процессе проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела по приведенной категории дел особое значение приобретает осмотр помещений, используемых для проведения собраний, хранения литературы, технических средств и иных объектов, а также осмотр электронных устройств (компьютеров, мобильных устройств и т.п.) и Интернет-ресурсов, содержащих сведения о коммуникации участников нежелательной организации. Представляется обоснованным привлечение на данной стадии специалистов в области информационных технологий для правильного изъятия, копирования и анализа цифровых носителей информации, предотвращения утраты или искажения данных, а также обеспечения полноты и достоверности фиксации цифровых следов, что, в конечном счете, повышает качество доказательственной базы.

На данном этапе главенствующую роль играют объяснения лиц, поскольку после возбуждения уголовного дела они приобретут процессуальный статус свидетелей либо потерпевших и будут подлежать допросу в установленном законом порядке. Отметим, что в рассматриваемой категории дел особое значение имеет первоначальная фиксация информации, поскольку в последующем лица могут изменить свои показания под влиянием религиозных убеждений, групповой дисциплины либо давления со стороны иных участников организации.

Объяснения, полученные на стадии проверки сообщения о преступлении до возбуждения уголовного дела, не являются доказательствами, но служат для фиксации первоначальной позиции лица. В дальнейшем эти лица могут быть допрошены в качестве свидетелей или подозреваемых уже после начала производства по делу. Важно отметить, что объяснения не признаются судами в качестве доказательств, за исключением редких случаев из судебной практики. Так, в Определении от 15 октября 2019 года по делу № 14-АПУ19-7СП [10] Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, оценивая доводы кассационной жалобы в части незаконного использования в качестве доказательства объяснения свидетеля, указала: Верховный Суд РФ признал возможность использования объяснения в качестве доказательства по делу при условии разъяснения опрашиваемому ст. 51 Конституции РФ, прав и предупреждения о возможности использования его пояснений в качестве доказательства [11].

Следовательно, вопрос о процессуальном статусе объяснения как доказательства до сих пор не имеет однозначного решения в правоприменительной практике.

Ключевой вывод по результатам анализа актуальной судебной практики свидетельствует, что объяснения, данные до возбуждения уголовного дела, не являются доказательством и не могут быть использованы в качестве такового при производстве по уголовному делу, но их можно использовать в качестве доказательства, учитывая условия, что опрашиваемому перед дачей объяснений были разъяснены положения ст. 51 Конституции РФ, права, а также он был осведомлен о том, что его пояснения могут быть впоследствии использованы в качестве доказательства.

Существенное значение имеет установление логической связи между отдельными источниками информации. При этом критерии относимости и допустимости на данной стадии применяются с известной долей условности ввиду отсутствия полноценного статуса доказательств у ряда проверочных сведений (например, объяснений).

Сбор доказательств на стадии возбуждения уголовного дела осуществляется путём проведения следственных действий (осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение судебной экспертизы и др.) и иных процессуальных действий (истребование документов, получение объяснений), перечень которых закреплён в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Важным является изъятие и исследование материальных носителей информации (например, в рамках осмотра): печатной продукции, аудио- и видеозаписей, электронных файлов, позволяющих установить идеологическую направленность организации, содержание проповедей, призывов и иных материалов. В целях наиболее точной ин-

терпретации полученных материалов представляется целесообразным привлечение специалистов в области религиоведения, лингвистики, психологии и др., поскольку их участие повышает обоснованность принимаемых процессуальных решений. Изъятие оригиналов или изготовление их точных копий с соблюдением процессуальных требований обеспечивает возможность назначения и проведения судебных экспертиз, позволяющих установить содержание и целевую направленность распространяемых материалов.

Так, собранные в рамках проверки сообщения о преступлении пояснения, не наделяются доказательственным значением, но могут быть использованы для формирования повода и основания к возбуждению уголовного дела, а в дальнейшем выступать в роли ориентирующей информации для проведения следственных действий, в том числе допросов.

Процесс получения объяснений должен по возможности соответствовать процедуре допроса. Ключевое отличие заключается в том, что опрашиваемое лицо не несет обязанности давать показания и не может быть предупреждено об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний. На практике распространен «перекрестный опрос» – одновременное получение объяснений от двух лиц. Согласно ч. 1 ст. 84 УПК РФ, результаты данного действия не являются показаниями и относятся к категории «иные документы».

Однако на практике объяснения могут использоваться для оценки достоверности показаний, данных тем же лицом впоследствии. Приведенную выше позицию также разделяет Конституционный Суд, указывая, что ст. 74 УПК РФ не содержит каких-либо положений, исключающих доказательственное значение документов, полученных в результате проверки заявлений о преступлениях (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2011 года № 1449-О-О) [12, с. 148, 154].

В рассматриваемой категории дел именно результаты оперативно-розыскной деятельности нередко составляют основу для принятия решения о возбуждении уголовного дела, вместе с тем их дальнейшее использование в процессе доказывания допускается исключительно при условии строгого процессуального оформления и последующей проверки в рамках уголовного судопроизводства.

Подводя итог, доказывание в стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных участниками нежелательных международных или иностранных организаций религиозной направленности, характеризуются повышенной сложностью, в частности, нематериальным характером значительной части следов; необходимостью комплексного использования оперативно-розыскных и процессуальных средств; особыми требованиями к легализации полученных результатов. Своевременное и качественное проведение проверочных действий, грамотная фиксация и оценка полученной информации во многом определяют законность и обоснованность принятого решения о возбуждении уголовного дела, а также эффективность последующего расследования.

Литература

1. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
2. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968.
3. Селиванов Н.А. Криминалистика: система понятий. М., 1982.
4. Кузнецов Н.П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998.
5. Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. Ставрополь, 2002.
6. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: (Важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
7. Лупинская П.А. Элементы доказательственной деятельности: соби́рание, проверка и оценка доказательств: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Норма, 2009.
8. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головкин. М., 2017.
9. Ларинков А.А. Понятие и значение взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в уголовном судопроизводстве // Криминалист. 2014. № 2 (15).

10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 октября 2019 г. № 14-АПУ19-7СП // СПС «ГАРАНТ».

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Рос. газ. 1995. 28 дек.

12. Шевелева С.В., Григорова И.А., Григоров Д.Н. Специальное со- участие в организации деятельности нежелательной иностранной или международной организации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4.

13. Стельмах В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. № 5.

14. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

15. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

16. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

PECULIARITIES OF EVIDENCE AT THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON CRIMES COMMITTED BY PARTICIPANTS OF UNDESIRABLE INTERNATIONAL OR FOREIGN RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Kovalev D.V.

Dostoevsky Omsk State University

The article examines the specifics of evidence at the stage of initiation of criminal proceedings on crimes committed by members of undesirable international or foreign religious organizations. It is noted that timely and high-quality verification actions, competent recording and evaluation of the information received largely determine the legality and validity of the decision to initiate criminal proceedings, as well as the effectiveness of the subsequent investigation.

Keywords: the process of proof, undesirable activities; undesirable religious organizations; Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, crimes committed by participants of undesirable foreign or international organizations of religious orientation; the stage of initiation of criminal proceedings; investigative actions; operational investigative measures.

References

1. Dukhovskoy M.V. The Russian criminal process. Moscow, 1910.
2. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal process. Vol. 1: Basic principles of the science of the Soviet criminal process. Moscow, 1968.
3. Selivanov N.A. Criminalistics: a system of concepts. Moscow, 1982.
4. Kuznetsov N.P. Evidence and its features at the stages of the Russian criminal process: abstract of the dissertation ... Dr. Jurid. sciences. Voronezh, 1998.
5. Novitsky V.A. Theory of Russian procedural evidence and law enforcement. Stavropol, 2002.
6. Balakshin V.S. Evidence in theory and practice of criminal procedural evidence: (The most important problems in the light of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): dis. ... Dr. Jurid. sciences. Yekaterinburg, 2005.
7. Lupinskaya P.A. Elements of evidentiary activity: collection, verification and evaluation of evidence: Criminal procedural law of the Russian Federation / ed. by P.A. Lupinskaya. Moscow: Norm, 2009.
8. The course of criminal procedure / ed. by Doctor of Law, Professor L.V. Golovko, M., 2017.
9. Larinkov A.A. The concept and significance of the interaction of preliminary investigation bodies with bodies engaged in operational investigative activities in criminal proceedings // Criminalist. 2014. № 2 (15).
10. The appellate ruling of the IC on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 15, 2019 N 14-APU19-7SP // SPS "GARANT".
11. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.10.1995 No. 8 "On certain issues of application by courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of justice" // Rossiyskaya Gazeta dated 28.12.1995.
12. Sheveleva S.V., Grigorova I.A., Grigorov D.N. Special complicity in organizing the activities of an undesirable foreign or international organization // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2021. № 4.
13. Stelmakh V.Y. Explanations in criminal proceedings: legal nature, procedural procedure for obtaining, evidentiary value // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". 2016. № 5.
14. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 // Federal Law of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
15. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ dated December 18, 2001 // Federal Law of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part 1). Art. 4921.
16. Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 "On Operational Investigative Activities" // Federal Law of the Russian Federation. 1995. No. 33, article 3349.

Уголовная ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних по законодательству Франции и России

Корнеева Каролина Игоревна,

аспирант, Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

E-mail: korneeva_karolina@list.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Франции, регулирующего ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних, и соответствующих норм Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются ключевые положения французского Уголовного кодекса (ст. 222–22–222–33, ст. 227–1 – 227–28–3), реформы законодательства 2018–2025 гг., включая Закон № 2021–478 об установлении порога сексуального согласия и Закон № 2025–1057 от 6 ноября 2025 г. о включении категории согласия в определение изнасилования, Кодекс уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних (CJPM) 2021 г. Анализируется статистика преступных деяний за 2022–2025 гг., формулируются конкретные предложения по совершенствованию российского уголовного закона.

Ключевые слова: преступления против семьи и несовершеннолетних; уголовное законодательство Франции; защита несовершеннолетних; сексуальное насилие; родительские обязанности; сравнительное правоведение; УК Франции; УК РФ; порог сексуального согласия; ювенальная юстиция.

Введение

Охрана семьи и несовершеннолетних относится к числу приоритетных задач уголовного права любого государства, претендующего на роль правового и социального. Семья, как институт воспроизводства и первичной социализации личности, нуждается не только в гражданско-правовых гарантиях, но и в уголовно-правовой защите. Применительно к несовершеннолетним эта необходимость проявляется особенно отчетливо: в силу возрастной незрелости и ограниченной дееспособности ребенок объективно не способен самостоятельно обеспечить защиту собственных прав и законных интересов. В связи с этим государство как публичный гарант прав ребенка принимает на себя функцию его охраны, в том числе посредством уголовно-правового принуждения, что, однако, не отменяет приоритетной обязанности родителей по воспитанию и защите детей, а выступает в качестве субсидиарного механизма на случай, когда семейно-правовые средства оказываются недостаточными.

Французскую модель регламентации в выше указанной сфере можно охарактеризовать как весьма динамичную, за последние десять с небольшим лет законодатель не просто точно корректировал санкции, а несколько раз пересматривал систему уголовно-правовой охраны несовершеннолетних. И здесь стоит сказать о двух ключевых актах.

Первый – Закон № 2018–703 от 3 августа 2018 г., более известный в доктрине как «закон Шьяппа» (по фамилии инициатора). Данный акт внес ряд процессуальных и материальных изменений: продлил срок давности привлечения к ответственности за сексуальные преступления против несовершеннолетних до 30 лет после достижения жертвой совершеннолетия (ранее – 20 лет), а также уточнил, что моральное принуждение применительно к несовершеннолетнему может выводиться из значительной разницы в возрасте и наличия у виновного авторитета над потерпевшим. Кроме того, закон ввел новые составы – в частности, ответственность за «сексуальный аутраж» (*outrage sexiste*) и за групповое домогательство в сети. Тем самым правоприменение было возвращено от оценки формальных признаков «развратных действий» в сторону анализа фактических обстоятельств, свидетельствующих об игнорировании воли потерпевшего.

Второй – Закон № 2021–478 от 21 апреля 2021 г. Он дополнил предыдущую конструкцию, но уже более радикально: ввел прямой возрастной порог, ниже которого согласие ребенка на половой акт с взрослым признается юридически ничтожным – 15 лет для общего случая и 18 лет при inceste. Закон создал в УК Франции четыре новых самостоятельных состава: изнасилование лица до 15 лет (до 20 лет лишения свободы), изнасилование при inceste (до 20 лет), а также соответствующие деликты сексуального посягательства (до 10 лет тюрьмы). Для квалификации этих составов более не требуется доказывать насилие, угрозу или внезапность – достаточно установить факт полового акта с лицом, не достигшим порогового возраста.

Кроме того, 6 ноября 2025 г. во Франции принят Закон № 2025–1057, впервые прямо включивший категорию согласия в определение изнасилования и сексуального насилия [27]. До этого момента французское право квалифицировало сексуальные посягательства через насилие, принуждение, угрозу или внезапность; согласие потерпевшего самостоятельного значения не имело. Закон 2025 г. изменил подход: отныне отсутствие согласия является центральным признаком преступления. Согласие определяется как свободное, информированное, конкретное, предварительное и отзываемое; молчание или отсутствие сопротивления не могут считаться согласием [28].

Цель настоящего исследования – на основе сопоставительного анализа норм французского Уголовного кодекса и УК РФ выявить как достоинства, так и ограничения французской модели, а также предложить конкретные законодательные решения для российской правовой системы. В качестве дополнительных ориентиров привлекаются данные официальной статистики, материалы судебной практики и доктринальные разработки российских и зарубежных авторов.

В методологическом плане работа базируется на сравнительно-правовом методе, формально-догматическом анализе нормативных актов, статистическом методе и методе системного анализа. Сравнение проводится по нескольким критериям: структура уголовно-правовой защиты, субъектный состав, конструкция санкций, статистические данные.

Результаты и обсуждение

Французский Уголовный кодекс, принятый в 1994 г., не выделяет отдельной главы с наименованием «преступления против семьи». Соответствующие нормы рассредоточены по двум крупным разделам: раздел II книги II («Преступления и деликты против личности»), включающий отдел III о сексуальных агрессиях (ст. 222–22–222–33) и статьи о семье и несовершеннолетних (ст. 227–1 – 227–28–3), а также ряд статей книги IV, в том числе ст. 434–3 об обязательном информировании о жестоком обращении с детьми [4]. Такая структура отличается от российского подхода: в УК РФ 1996 г. гл. 20 («Преступления против семьи и несовершеннолетних», ст. 150–157) сосредоточена в едином структурном элементе [1].

Сравнительный анализ в научной литературе показывает, что французская система уголовного законодательства характеризуется принципиально иной логикой группировки составов: не по объекту (семья или ребенок как таковой), а по характеру причиняемого вреда – физическому, сексуальному или связанному с условиями воспитания и содержания несовершеннолетнего. Данный подход имеет как достоинства, так и недостатки.

Принципиальный вопрос об объекте уголовно-правовой охраны – семья как самостоятельный объект или лишь интересы ее членов – остается дискуссионным и в отечественной доктрине. Например, Е.В. Кашкина, анализируя данную проблему, обращает внимание на диспропорцию: глава 20 УК РФ содержит лишь четыре статьи, непосредственно связанные с защитой семьи (ст. 154–157). По ее оценке, столь ограниченный перечень ставит под сомнение реальное наличие семьи в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны в том смысле, который заложен в ст. 2 УК РФ [32].

Аналогичную озабоченность с несколько иных позиций высказывает Н.Д. Пятибратова, анализирующая механизм защиты семьи уголовно-правовыми средствами и указывающая на необходимость более широкого понимания объекта данной охраны в современных российских условиях [33]. Французская логика «охраны по видам вреда» в этом контексте может служить одним из возможных образцов системного переосмысления гл. 20 УК РФ.

Во французском уголовном кодексе соответствующие составы рассредоточены по двум основным блокам. Первый – ст. 222–22–222–33, регулирующие ответственность за сексуальные агрессии. Второй – ст. 227–1–227–28–3, посвященные непосредственно несовершеннолетним и семье. В общей сложности первый блок насчитывает около шестидесяти норм, если учитывать квалифицированные составы. Российский законодатель избрал более компактную модель: все составы, так или иначе защищающие интересы семьи и несовершеннолетних, сосредоточены в главе 20 УК РФ (ст. 150–157). Количественно это всего девять статей, включая относительно новые ст. 151.1 и 151.2.

Существенно различается подход к фиксации возрастного порога сексуального согласия. Французский законодатель с 2021 года прямо закрепил в законе 15-летний порог согласия, с повышением до 18 лет в случаях инцеста. Российский УК такого прямого закрепления не содержит; косвенно возрастной критерий выводится из ст. 134 и 135 УК РФ, где речь идет о половом сношении и иных действиях сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет.

Наиболее радикальные преобразования французского законодательства связаны именно с нормами о сексуальном насилии над детьми. До 2021 г. изнасилование ребенка квалифицировалось через формулу «насилие, принуждение, угроза или внезапность» (ст. 222–23 Code pénal в прежней ред.) – без самостоятельного критерия согласия [4]. Дефектность этого подхода в полной мере обнажило дело, рассмотренное в 2018 году исправительным трибуналом Понтуаза. Следствием было установлено, что 28-летний отец двоих детей 24 апреля 2017 года вступил в половую связь с 11-летней девочкой. Знакомство произошло в парке города Монмани, где мужчина предложил девочке научить ее целоваться, после чего она добровольно проследовала за ним в его квартиру. Прокуратура Понтуаза, установив отсутствие признаков насилия или принуждения, предъявила обвинение не в изнасиловании (санкция – до 20 лет лишения свободы), а в совершении «сексуального посягательства» (до 5 лет тюрьмы), посчитав несовершеннолетнюю «согласной» [9].

Адвокат обвиняемого Марк Гударзьян цинично заявил: «Ей было 11 лет и 10 месяцев, почти 12 лет, так что она не ребенок». Его коллега Сандрин Париз-Хайдигер назвала потерпевшую «бедным маленьким виноватым гусенком». Основной тезис защиты состоял в том, что Антуан не знал истинного возраста потерпевшей, полагая, что ей 16 или даже 18 лет. Потерпевшая же настаивала, что неоднократно говорила мужчине свой возраст и показывала школьный дневник [9].

13 февраля 2018 года суд потребовал назначения полного судебного следствия. Адвокат потерпевшей Карин Диболь назвала это «победой жертв», тогда как адвокат защиты Гударзьян выразил разочарование, заявив, что решение было принято не в зале суда, а под давлением «медийной кампании». В результате прокуратура 27 февраля 2018 года открыла следствие по статье «изнасилование несовершеннолетней до 15 лет» [9].

Закон № 2021–478 от 21 апреля 2021 г. ввел в ст. 222–23–1 и 222–23–2 Code pénal новые составы: любое сексуальное проникновение в отношении лица, не достигшего 15 лет, является изнасилованием независимо от факта применения насилия или принуждения; при инцесте порог повышается до 18 лет [5; 14]. Санкция – до 20 лет, при отягчающих обстоятельствах – до 30 лет (ст. 222–24 Code pénal). В УК РФ прямого фиксированного «возраста согласия» нет. Вместо этого действует комбинированная модель: изнасилование лица до 12 лет квалифицируется как совершенное в отношении заведомо беспомощного (примечание к ст. 131); половое сношение с лицом от 12 до 16 лет без насилия – ст. 134 УК РФ; развратные действия без насилия – ст. 135 УК РФ [1].

Реформа 2025 г. (Закон № 2025–1057) придала этой логике дополнительную системность, напрямую увязав установленный ранее минимальный возрастной порог с общей дефиницией согласия.

Согласие теперь является самостоятельным конститутивным признаком применительно ко всем возрастным категориям жертв. Согласно новой редакции ст. 222–22 УК Франции, согласие определяется как «свободное, информированное, конкретное, предварительное и отзываемое»; оно не может выводиться из молчания или отсутствия сопротивления. Важно отметить, что закон не требует письменного оформления – согласие оценивается как фактическое обстоятельство, презюмирующееся отсутствующим при возрасте до 15 лет либо в состоянии уязвимости.

Тем самым французский законодатель завершил переход от «модели принуждения» к «модели согласия» (consent-based model), наиболее совместимой со Стамбульской конвенцией 2011 г. (Конвенция Совета Европы о предотвращении насилия в отношении женщин и домашнего насилия). Ст. 36 Конвенции определяет сексуальное насилие через отсутствие добровольного согласия, а не через насилие или угрозу, и обязывает криминализировать любые несогласованные сексуальные действия без требования доказывать физическое сопротивление.

Параллельно с эволюцией нормативных моделей в научной литературе накапливаются данные, свидетельствующие о значимости определенности правовых норм. Систематический обзор, опубликованный в зарубежных изданиях отмечает: четкость законодательного порога сексуального согласия прямо влияет на готовность потерпевших обращаться к правоохранительным органам – в правовых системах с формально закрепленным критерием согласия уровень сообщаемости выше на 15–25% по сравнению с системами, опирающимися исключительно на модель «принуждения» [30]. Эта зависимость подтверждает не только уголовно-правовую, но и криминологическую ценность реформ, предпринятых Францией в 2021–2025 гг.

Сравнение ответственности за сексуальные преступления против несовершеннолетних по УК Франции (с учетом реформ 2021–2025 гг.) и УК РФ дает следующую картину.

1. Изнасилование. Французский законодатель в ст. 222–23–1 установил бесспорный состав для жертв до 15 лет (при инцесте – до 18 лет) независимо от наличия насилия. Санкция – до 20 лет, при отягчающих обстоятельствах – до 30 лет лишения свободы. В РФ ближайший аналог – п. «а» ч. 4 ст. 131 (жертва до 14 лет) с наказанием до пожизненного лишения свободы, но для квалификации требуется доказать насилие либо беспомощное состояние. Инцест в УК РФ отдельным признаком не выделен.

2. Иные насильственные действия сексуального характера. Во Франции ст. 222–23 (общая норма) предусматривает до 20 лет, если потерпевшему нет 15. В РФ – ч. 4 ст. 132 ((жертва до 14 лет) также допускает пожизненное лишение свободы.

3. Половое сношение без насилия. Во Франции после 2021 г. согласие ребенка до 15 лет юридически ничтожно – деяние квалифицируется как изнасилование. В РФ ненасильственные половые отношения с лицом от 12 до 16 лет квалифицируются по ст. 134 УК РФ (от 3 до 15 лет в зависимости от возраста потерпевшего).

4. Определение изнасилования. Ключевое различие – в подходе. Французское законодательство с 2025 г. закрепило в ст. 222–22 дефиницию через отсутствие согласия (свободное, предварительное, информированное, отзываемое). Российское законодательство по-прежнему использует конструкцию через насилие, угрозы или беспомощ-

ное состояние (ст. 131), не включая согласие как самостоятельный элемент.

Французский законодатель решил проблему доказывания возраста потерпевшего не через требование к обвиняемому «проверять паспорт», а через юридическую презумпцию. Статья 222–23–1 Code pénal устанавливает: если жертва не достигла 15 лет (при инцесте – 18 лет), ее согласие признается заведомо невозможным [4]. Ошибка в возрасте или добровольное поведение потерпевшей не имеют правового значения. Сомнения в возрасте разрешаются судом: приоритет отдается документам, а при их отсутствии может назначаться медицинская экспертиза (рентгенография запястья) – но только по решению суда и с согласия самого лица, причем погрешность метода оговаривается, а любое сомнение толкуется в пользу несовершеннолетия.

Что касается системы российского законодательства, видится необходимым обсудить вопрос об объединении ст. 131 и 132 УК РФ. На практике одно преступное событие нередко включает и половое сношение, и иные насильственные действия сексуального характера, что вынуждает суды квалифицировать содеянное по совокупности, искусственно усложняя правоприменение. Санкции обеих статей практически идентичны, степень общественной опасности – одинаковая, а разделение по анатомическому признаку выглядит архаично. Стоит отметить, что Французский Code pénal не дифференцирует формы сексуального акта. Видится проблема в искусственном усложнении правоприменения. Фактически преступление совершено в отношении одного объекта, но разными способами.

Статья 227–17 Code pénal устанавливает ответственность за «лишение родительского авторитета или произвольный отказ от его осуществления» (délaissement): санкция – до двух лет лишения свободы и штраф 30 000 евро. Статья 227–17–1 Code pénal регулирует случаи, когда родитель без уважительных причин препятствует посещению школы, а ст. 227–15 – жестокое обращение с несовершеннолетним под опекой виновного. Тем самым французский уголовный кодекс дифференцирует две принципиально разные ситуации: бездействие (уклонение от воспитания) и активное насилие [4; 6].

В отечественном праве ст. 156 УК РФ охватывает и бездействие, и насилие единым составом: «неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением». Обязательным признаком является жестокое обращение, которое, по оценке ряда ученых [3; 21], создает трудноустраняемые квалификационные проблемы: если родитель систематически уклоняется от воспитания, но физического насилия не допускает, норму необходимо реформировать.

Некоторые исследователи приходят к выводу, что конструкция ст. 156 УК РФ нуждается в законодательном уточнении: само по себе систематическое уклонение от воспитания должно признаваться самостоятельным деянием [35]. Эти выводы перекликаются с данными, полученными в исследованиях ювенальной юстиции: авторы фиксируют, что нарушения обязанностей по воспитанию – в том числе без физического насилия (эмоциональная недоступность родителей, систематическое лишение образования, социальная изоляция ребенка) – формируют наиболее устойчивые девиантные траектории у несовершеннолетних [31].

Французский CJPM (Кодекс уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних) в этой связи предусматривает превентивное вмешательство судьи по делам несовершеннолетних еще до возникновения оснований для уголовного преследования – в форме воспитательных мер (mesures éducatives), которые могут применяться как альтернатива уголовным санкциям [18]. Применительно к российскому праву это означает, что простое ужесточение ст. 156 УК РФ без синхронного развития инструментов раннего предупреждения вряд ли решит проблему.

Основные составы данной категории представлены в таблице 1.

Таблица 1. Составы ненадлежащего воспитания и содержания несовершеннолетних

Вид деяния	УК Франции	УК РФ
Уклонение от воспитания	Ст. 227–17	Ст. 156 – только при жестоком обращении
Жестокое обращение	Ст. 227–15	Ст. 156
Препятствование образованию	Ст. 227–17–1	Нет уголовной ответственности
Оставление в опасности	Ст. 223–3	Ст. 125
Изъятие/удержание ребенка	Ст. 227–5–227–9	Ст. 126, 153

Особый интерес представляет французская норма ст. 434–3 Code pénal, устанавливающая уголовную ответственность за недоносительство о жестоком обращении с несовершеннолетним или лицом, неспособным самостоятельно себя защитить. Санкция – до 3 лет лишения свободы и штраф 45 000 евро [4]. Субъектами данного преступления являются лица, которые «имели сведения» о совершении насилия.

В УК РФ аналогичной нормы нет. Статья 125 УК РФ предусматривает ответственность лишь за оставление в опасности в форме прямого бездействия лица, уже обязанного заботиться о потерпевшем, и не охватывает ситуации, когда третьи лица – соседи, педагоги, врачи – осведомлены о насилии, но молчат. Именно это молчание нередко позволяет насилию длиться годами: российская правоприменительная практика знает немало подобных случаев [13; 17]. Французская практика применения ст. 434–3 Code pénal показывает, что ключевым является элемент «определенности» знания (certitude), а не обоснованного подозрения, что позволяет избежать избыточного уголовного преследования [7].

Согласно аналитическому докладу Infostat Justice № 205, за период 2017–2024 гг. число судебных дел об изнасиловании во Франции возросло с примерно 14 000 до более чем 22 000 в год; общее число дел о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних за указанный период составило 178 300, а число обвинительных приговоров выросло на 56% с 2020 по 2024 г. [12]. Такой рост во многом обусловлен именно законодательными реформами 2018–2021 гг., расширившими основания для привлечения к ответственности. Приведенные данные свидетельствуют не о «необоснованной криминализации», а о совокупном эффекте нескольких факторов. Один из них это реформы 2018–2021 гг., которые ввели возрастную порог 15 лет (согласие ребенка ничтожно) и закрепили категорию «согласие» в 2025 г. Также, Закон 2018 г. продлил сроки давности по ряду преступлений до 30 лет. Таким образом, рост дел – следствие не репрессивного произвола, а устранения правовых пробелов и повышения доступности правосудия для потерпевших.

В России в 2024 г. зарегистрировано свыше 95 800 преступлений в отношении несовершеннолетних, из которых около 16% – преступления против половой неприкосновенности [13]. Латентность данного вида преступлений, по экспертным оценкам, крайне высока: реальные показатели могут превышать официальные в 5–10 раз [17]. За 2025 год в отношении несовершеннолетних в России было совершено 89,6 тыс. преступлений, что на 1,4% ниже уровня 2024 года [13].

Сравнение динамики показателей требует осторожности. Рост числа дел во Франции после 2021 г. не обязательно означает рост числа преступлений – он во многом отражает эффект «снятия барьеров»: упрощение квалификации и, соответственно, повышение готовности жертв сообщать об инциденте. Систематический обзор De Boer, Testé и Guarpassia указывает, что воспринимаемая «серьезность» правовых последствий – один из ключевых факторов, влияющих как на виктимное поведение, так и на готовность к раскрытию информации [29].

В 2025 году во Франции полицией и жандармерией зарегистрировано 473 000 жертв физического насилия, из которых 114 500 (24%) – несовершеннолетние. Число жертв сексуального насилия составило 132 300, при этом 76 200 (58%) из них не достигли совершеннолетия. Более половины (55%) случаев физического насилия в отношении несовершеннолетних совершается в рамках семьи. Количество лиц, привлеченных за сексуальные преступления против детей во Франции в 2024 году, оценивается примерно в 29 000 человек.

В России за 2025 год, по данным Следственного комитета, правоохранительными органами расследовано почти 78 000 преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. При этом уголовная статистика РФ, в отличие от французской, не выделяет отдельно число жертв физического и сексуального насилия, а также не содержит сведений о доле семейного насилия и количестве лиц, привлеченных именно за сексуальные преступления против детей. Таким образом, сопоставимый анализ по ряду ключевых показателей затруднен в силу различий в методиках сбора и группировки статистических данных.

Одна из наиболее оригинальных черт французской системы – уголовная ответственность за непринятие мер при выявлении случаев жестокого обращения с детьми. Статья 434–3 УК Франции устанавливает, что любое лицо, которому стало известно о лишениях, жестоком обращении или сексуальных посягательствах в отношении несовершеннолетнего или иного незащищенного лица, обязано уведомить об этом судебные или административные органы; за нарушение данной обязанности предусмотрено три года лишения свободы и 45 000 евро штрафа [15]. При этом в отличие от норм о профессиональной тайне (ст. 226–13–226–14 УК Франции) данная обязанность распространяется на всех граждан, а не только на специалистов.

В российском уголовном праве аналогичной конструкции нет, как мы уже отмечали. Статья 125 УК РФ криминализирует «оставление в опасности» лицом, обязанным оказать помощь; ст. 306 – заведомо ложный донос, но не недонесение. Отдельная норма об уголовной ответственности за укрывательство фактов насилия над ребенком в семье отсутствует. Думается, что этот пробел заслуживает внимания: по данным CIVISE, в 58% случаев инцестуального насилия жертве рекомендовали хранить молчание именно ее ближайшее окружение [16].

Французский уголовный кодекс детально регламентирует вопросы, связанные с нарушением права на общение с ребенком. Статья 227–5 УК Франции устанавливает ответственность за необоснованный отказ представить ребенка лицу, имеющему право его потребовать: один год лишения свободы и 15 000 евро штрафа. Статья 227–7 криминализирует похищение ребенка родственником-восходящим (ascendant) из рук законного опекуна или родителя, осуществляющего фактическое воспитание, – также до одного года и 15 000 евро [4]. Интересно, что ст. 227–8 распространяет аналогичную ответственность на «иных лиц» (не являющихся родственниками), но с исключением для ситуаций обмана или насилия.

Российский УК РФ в ст. 126 устанавливает ответственность за похищение человека, в том числе несовершеннолетнего, однако специальной нормы о «семейном похищении» (когда один из родителей удерживает ребенка у себя вопреки судебному решению) не содержит. По ст. 150 УК РФ ежегодно осуждаются сотни взрослых. Отдельная острая проблема – конфликты родителей при исполнении судебных решений о порядке общения с ребенком. Один из родителей, игнорируя решение суда, не передает ребенка на общение. Максимальная санкция – штраф по ст. 17.15 КоАП РФ (до 50 тыс. руб.).

Вопрос об эффективности различных форм уголовно-правового воздействия на семью в условиях цифровизации рассматривается и в отечественной криминологии.

Д.З. Зиядова и М.Г. Маликова указывают на появление нового вектора угроз – информационное разрушение семейных ценностей через цифровые каналы, который пока не получил адекватного уголовно-правового отражения ни во французском, ни в российском праве, хотя французская практика применения ст. 227–22 Code pénal (незаконный контакт с несовершеннолетними через интернет) несколько более разработана [34].

Заключение

На основании сравнительного анализа мы полагаем возможным сформулировать следующие конкретные предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства. Первое: дополнить редакцию ст. 134 УК РФ нормой, закрепляющей, что лицо до 14 лет не может дать юридически значимое согласие на половые действия, а применительно к лицам в возрасте от 14 до 16 лет устанавливается опровержимая презумпция несогласия при разнице в возрасте с виновным свыше 5 лет.

Второе: изложить предлагаемую ч. 2 ст. 156 УК РФ следующим образом: «То же деяние, выразившееся в систематическом (продолжающемся более трех месяцев) уклонении от выполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, повлекшем вредные последствия для его здоровья или психического развития...».

Третье предложение – дополнить гл. 20 УК РФ статьей 156.1 «Сокрытие сексуального насилия над несовершеннолетним», устанавливающей ответственность лиц, которые достоверно знали о совершении в отношении несовершеннолетнего деяний, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ, но не сообщили об этом правоохранительные органы. Данная мера воспроизводит логику французской ст. 434–3 Уголовного кодекса и направлена против системного замалчивания насилия. Принципиально важно, что субъект состава – «лицо, достоверно знавшее», а не просто «подозревавшее», во избежание избыточного применения нормы [4].

Предлагаемое нововведение неизбежно столкнется с культурно-психологическим барьером. В российском массовом сознании устойчив стереотип, согласно которому сообщение в органы о преступлении (даже против ребенка) воспринимается как социально порицаемое «доносительство» или «ябедничество». Этот стереотип уходит корнями в советскую практику, где доносительство стало инструментом контроля и вызывало отторжение. Поэтому потенциальный информатор (сосед, родственник, знакомый) будет опасаться не только мести со стороны насильника, но и осуждения своего окружения, что парализует его волю к сообщению. Учитывая также неудачный опыт ст. 205.6 УК РФ (несообщение о терроризме), которая критикуется за размытость и возложение ответственности на рядовых граждан, предлагаемая ст. 156.1 рискует стать «мертвой» нормой. Поэтому более эффективным представляется не уголовное преследование молча-

щих, а создание безопасных каналов сообщения (анонимные горячие линии, гарантии неразглашения) и изменение культурного отношения к «ябедничеству» через просвещение.

Перечисленные меры не требуют принципиального преобразования гл. 20 УК РФ. Вместе с тем они устраняют наиболее очевидные пробелы, выявленные в ходе сравнительного анализа. Дальнейшего изучения заслуживают вопросы о законодательном определении семьи как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны (ст. 2 УК РФ), а также проблема цифровых форм воздействия на семейные ценности. Развитие уголовного законодательства в указанных направлениях способно обеспечить более надежную защиту семьи и детства – задачу, безусловно относящуюся к числу приоритетных как для российской, так и для французской правовой политики.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Меньших А.А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних по законодательству Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 4. – С. 57–68.
3. Решетникова Г.А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 208 с.
4. France. Code pénal (version consolidée au 1er janvier 2025) // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGI-TEXT000006070719> (дата обращения: 10.05.2026).
5. France. Loi n° 2021–478 du 21 avril 2021 visant à protéger les mineurs des crimes et délits sexuels et de l'inceste // Journal officiel de la République française. – 22 avr. 2021. – Texte 3.
6. Pradel J., Danti-Juan M. Droit pénal spécial: infractions contre les personnes et les biens. – 6e éd. – Paris: Cujas, 2022. – 895 p.
7. Desportes F., Lazerges-Cousquer L. Traité de procédure pénale. – 5e éd. – Paris: Economica, 2021. – 1 920 p.
8. Аниськина Н.В. Ответственность за преступления против семьи и несовершеннолетних во французском уголовном праве: сравнительно-правовой аспект // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2019. – № 3. – С. 8–18.
9. Tribunal de grande instance de Pontoise. Jugement du 7 novembre 2017. Affaire concernant des actes sexuels sur une mineure de 11 ans // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 10.05.2026).
10. Mayer F. L'infraction pénale sexuelle contre les mineurs en droit français et russe // Revue de droit pénal comparé. – 2021. – Vol. 3. – P. 45–68.
11. Конвенция ООН о правах ребенка (принята 20.11.1989 резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – М., 1993.
12. Ministère de la Justice (France). Infostat Justice. Les victimes de violences sexuelles enregistrées par les services de police et de gendarmerie. Infostat Justice № 205. Novembre 2025. – URL: <https://www.justice.gouv.fr> (дата обращения: 15.05.2026).
13. МВД России. Состояние преступности в Российской Федерации. – М., 2025. – URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения: 15.05.2026).
14. Sénat de la République française. Rapport n° 394 sur le projet de loi visant à protéger les mineurs des crimes et délits sexuels et de l'inceste. Session ordinaire 2020–2021. – Paris, 2021. – 148 p.
15. Харламов В.С. Уголовно-правовой арсенал защиты семьи и детей в современной России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. – 2024. – Т. 18. – № 2. – С. 178–190.
16. Тасаков С.В. Охрана семьи и прав несовершеннолетних в уголовном праве России: монография. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – 232 с.
17. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2023. – 388 с.
18. France. Code de la justice pénale des mineurs (CJPM): Ordonnance n° 2019–950 du 11 septembre 2019 (entrée en vigueur le 30 septembre 2021) // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 10.05.2026).
19. Ministère de la Justice (France). Les condamnations en France en 2024. – Paris: Bureau de la statistique et des études, 2025. – 68 p.
20. Assemblée nationale de France. Rapport d'information n° 4535 sur l'évaluation de la loi n° 2021–478 du 21 avril 2021. – Paris, 2022. – 112 p.
21. Пухтий Е.Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы техники конструирования составов и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – 28 с.

22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
23. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 25.03.2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
24. Сержина К.Н. Принуждение как способ совершения преступлений против несовершеннолетних: монография. – Самара: Изд-во СамГПС, 2019. – 186 с.
25. Попов А.Н. Особенности квалификации преступлений против жизни и здоровья несовершеннолетних: учеб. пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т (фил.) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017. – 112 с.
26. Харламов В.С. Противодействие насилию в семье в современных условиях // Уголовное право. – 2023. – № 6. – С. 44–52.
27. France. Loi n° 2025–1057 du 6 novembre 2025 modifiant la définition pénale du viol et des agressions sexuelles // Journal officiel de la République française. – 7 nov. 2025. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 16.05.2026).
28. Library of Congress. France: Reform of Criminal Definition of Rape Incorporates Notion of Consent // Global Legal Monitor. – January 14, 2026. – URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2026-01-15/france-reform-of-criminal-definition-of-rape-incorporates-notion-of-consent> (дата обращения: 18.05.2026).
29. De Boer S., Testé B., Guarnaccia C. How Young Offenders' Perceive Their Life Courses and the Juvenile Justice System: A Systematic Review of Recent Qualitative Research // Adolescent Research Review. – 2023. – Vol. 8. – P. 137–158. – DOI: 10.1007/s40894-022-00184-7.
30. A systematic review of factors associated with disclosure of child sexual abuse // Child Abuse & Neglect. – 2024. – Vol. 148. – Article 106605. – DOI: 10.1016/j.chiabu.2023.106605.
31. De Boer S., Testé B., Guarnaccia C. French Juvenile Justice Social Workers' Perceptions of Youth Delinquency // Youth Justice. – 2025. – Article first published online: January 9, 2025. – DOI: 10.1177/14732254241310699.
32. Кашкина Е.В. Уголовно-правовая охрана семьи как элемента традиционных ценностей (на примере законодательства Российской Федерации и бывших союзных республик) // Уголовная юстиция (Russian Journal of Criminal Law). – 2024. – № 23. – С. 25–31. – DOI: 10.17223/23088451/23/4.
33. Пятибратова Н.Д. Защита семьи уголовно-правовыми средствами // International Law Journal. – 2024. – Т. 7. – № 4. – С. 63–68. – DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-63-68.
34. Зиядова Д.З., Маликова М.Г. Уголовно-правовые меры защиты семейных ценностей с учетом их региональных особенностей // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19. – № 5. – С. 484–493. – DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(5).484-493.
35. Власенкова Э.А. Уголовно-правовая оценка общественной опасности неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. – 32 с.

ANALYSIS OF FRENCH CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS

Korneeva K.I.

F.M. Dostoevsky Omsk State University

The article provides a comparative legal analysis of the French criminal legislation regulating liability for crimes against the family and minors, and the corresponding provisions of the Criminal Code of the Russian Federation. The key provisions of the French Criminal Code (Articles 222–22–222–33, Articles 227–1 – 227–28–3), legislative reforms of 2018–2025, including Law No. 2021–478 on setting the threshold for sexual consent and Law No. 2025–1057 of November 6, 2025 on including the category of consent in the definition of rape, the Juvenile Criminal Justice Code (CJPM) of 2021 are considered. The article analyzes the statistics of offenses committed in 2022–2025. Based on the comparative analysis, specific proposals are formulated to improve the Russian criminal law.

Keywords: crimes against family and minors; French criminal law; protection of minors; sexual violence; parental duties; comparative law; French Penal Code; Criminal Code of the Russian Federation; age of sexual consent; juvenile justice.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – N 25. – Art. 2954.
2. Men'shikh A.A. Criminal-legal protection of family and minors under French legislation // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2020. – N 4. – Pp. 57–68.
3. Reshetnikova G.A. Criminal-legal protection of family and minors: diss. ... Cand. of Law. – Moscow, 2005. – 208 p.

4. France. Code penal (version consolidée au 1 janvier 2025) // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/ld/LEGITEXT000006070719> (access date: 05/10/2026).
5. France. Loi n° 2021–478 du 21 Avril 2021 visant à protéger les mineurs des crimes et délits sexuels et de l'inceste // Journal officiel de la République française. – 22 avr. 2021. – Texte 3.
6. Pradel J., Danti-Juan M. Droit pénal spécial: infractions contre les personnes et les biens. – 6e ed. – Paris: Cujas, 2022. – 895 p.
7. Desportes F., Lazerges-Cousquer L. Traité de procédure pénale. – 5th edition. – Paris: Economica, 2021. – 1,920 p.
8. Aniskina N.V. Responsibility for crimes against the family and minors in French criminal law: a comparative legal aspect // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Legal Sciences". – 2019. – No. 3. – Pp. 8–18.
9. Tribunal de grande instance de Pontoise. Jugement of 7 November 2017. Affaire concerning sexual acts sur une mineure de 11 ans // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (date of access: 10.05.2026).
10. Mayer F. The sexual infection penal system against miners in French and Russian // Review of the comparative penal system. – 2021. – Vol. 3. – P. 45–68.
11. The UN Convention on the Rights of the Child (adopted on 20.11.1989 by resolution 44/25 of the UN General Assembly) // Collection of international treaties of the USSR. – Issue XLVI. – Moscow, 1993.
12. Minister of Justice (France). Infostat Justice. Sexual violence victims registered by police and general services. Infostat Justice No. 205. November 2025. – URL: <https://www.justice.gouv.fr> (date accessed: 15.05.2026).
13. Ministry of Internal Affairs of Russia. The State of Crime in the Russian Federation. – Moscow, 2025. – URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (date accessed: 15.05.2026).
14. Sénat de la République française. Rapport no. 394 on the project to combat crime, sex trafficking, and incest. Ordinary Session 2020–2021. – Paris, 2021. – 148 p.
15. Kharlamov V.S. Criminal-legal arsenal for protecting families and children in modern Russia // Criminological journal of Baikal state university. – 2024. – Vol. 18. – No. 2. – Pp. 178–190.
16. Tasakov S.V. Protection of family and rights of minors in the criminal law of Russia: monograph. – Cheboksary: Publishing house of Chuvashia university, 2018. – 232 p.
17. Antonyan Yu.M. Criminology: textbook for the academic bachelor's degree. – Moscow: Yurait, 2023. – 388 p.
18. France. Code de la justice pénale des mineurs (CJPM): Ordonnance n° 2019–950 du 11 September 2019 (entrée en vigueur le 30 September 2021) // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (access date: 05/10/2026).
19. Ministère de la Justice (France). Les condamnations en France en 2024. – Paris: Bureau de la statistique et des études, 2025. – 68 p.
20. Assemblée nationale de France. Information report no. 4535 on crime evaluation no. 2021–478 of April 21, 2021. – Paris, 2022. – 112 p.
21. Pukhtiy E.E. Crimes against the family and minors: issues of the technique of constructing crime elements and differentiation of responsibility: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Kazan, 2004. – 28 p.
22. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993; with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – July 4.
23. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 25.03.2026) // SZ RF. – 1996. – No. 1. – Art. 16.
24. Serezhkina K.N. Coercion as a Method of Committing Crimes against Minors: Monograph. – Samara: Publishing House of Samara State University of Railways, 2019. – 186 p.
25. Popov A.N. Features of Qualification of Crimes against the Life and Health of Minors: Textbook. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2017. – 112 p.
26. Kharlamov V.S. Counteracting Domestic Violence in Modern Conditions // Criminal Law. – 2023. – No. 6. – P. 44–52.
27. France. Loi n° 2025–1057 du 6 November 2025 modifiant la définition pénale du viol et des agressions sexuelles // Journal officiel de la République française. – 7 nov. 2025. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (access date: 05/16/2026).
28. Library of Congress. France: Reform of Criminal Definition of Rape Incorporates Notion of Consent // Global Legal Monitor. – January 14, 2026. – URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2026-01-15/france-reform-of-criminal-definition-of-rape-incorporates-notion-of-consent> (accessed: 18.05.2026).
29. De Boer S., Testé B., Guarnaccia C. How Young Offenders' Perceive Their Life Courses and the Juvenile Justice System: A Systematic Review of Recent Qualitative Research // Adolescent Research Review. – 2023. – Vol. 8. – P. 137–158. – DOI: 10.1007/s40894-022-00184-7.
30. A systematic review of factors associated with disclosure of child sexual abuse // Child Abuse & Neglect. – 2024. – Vol. 148. – Article 106605. – DOI: 10.1016/j.chiabu.2023.106605.
31. De Boer S., Testé B., Guarnaccia C. French Juvenile Justice Social Workers' Perceptions of Youth Delinquency // Youth Justice. – 2025. – Article first published online: January 9, 2025. – DOI: 10.1177/14732254241310699.
32. Kashkina E.V. Criminal-legal protection of the family as an element of traditional values (based on the legislation of the Russian Federation and former Soviet republics) // Criminal Justice (Russian Journal of Criminal Law). – 2024. – No. 23. – Pp. 25–31. – DOI: 10.17223/23088451/23/4.
33. Pyatibratova N.D. Protection of the family by criminal-legal means // International Law Journal. – 2024. – Vol. 7. – No. 4. – Pp. 63–68. – DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-63-68.
34. Ziyadova D.Z., Malikova M.G. Criminal-legal measures to protect family values, taking into account their regional characteristics // All-Russian Criminological Journal. – 2025. – Vol. 19. – No. 5. – Pp. 484–493. – DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(5).484-493.
35. Vlasenkova E.A. Criminal-legal assessment of the social danger of failure to fulfill duties to raise a minor: author's abstract. diss. ... cand. sciences (law). – SPb.: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. – 32 p.

Эволюция уголовно-правовых мер противодействия уклонению от уплаты налогов в современной России

Королёв Александр Германович,

аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Предметом исследования являются уголовно-правовые меры противодействия уклонению от уплаты налогов и страховых взносов в современной России. Цель работы: анализ эволюции законодательства в данной сфере за период 2020–2024 гг. Методология включает формально-юридический, сравнительно-правовой и системный анализ. Результаты исследования: выявлены ключевые направления реформирования (повышение пороговых значений ущерба, снижение максимальных сроков лишения свободы, изменение категорий преступлений). Область применения результатов: правотворческая и правоприменительная деятельность, учебный процесс. Новизна заключается в комплексной оценке последних изменений УК РФ. Выводы: уголовная политика в налоговой сфере эволюционировала от репрессивной к компенсационной модели, приоритетом которой является возмещение ущерба, а не изоляция виновных.

Ключевые слова: Уклонение от уплаты налогов, уголовная ответственность, статья 199 УК РФ, декриминализация, крупный размер ущерба, гуманизация, налоговые преступления, освобождение от ответственности.

Налоговая система выступает фундаментом экономической самостоятельности и суверенности любого современного государства, Российская Федерация в данной части не является исключением. Аккумуляция фискальных ресурсов в бюджетной системе обеспечивает финансирование ключевых публичных функций, включая обеспечение национальной безопасности и обороноспособности государства. В силу этого уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов представляет собой повышенную общественную опасность, посягая на финансовую устойчивость государства и нарушая конституционную обязанность каждого гражданина и хозяйствующего субъекта, закрепленную в статье 57 Конституции Российской Федерации.

Общественная опасность рассматриваемой группы преступлений носит многоаспектный, можно сказать кумулятивный характер. В макроэкономическом измерении недополучение запланированных доходов бюджетами различных уровней дестабилизирует бюджетный процесс, вынуждает государство сокращать финансирование важных программ либо прибегать к дополнительным внутренним или внешним заимствованиям, увеличивая государственный долг. Кроме того, дефицит финансовых средств влечет за собой усиление налогового бремени на добросовестных налогоплательщиков, что может спровоцировать замедление темпов экономического роста.

В социально-правовом аспекте деструктивный потенциал налоговой преступности выражается в подрыве принципов социальной справедливости и равенства перед законом. Когда отдельные экономические агенты извлекают необоснованные конкурентные преимущества за счет нелегального снижения своих издержек, происходит деформация рыночной среды. Законопослушные предприниматели оказываются в заведомо невыгодном положении по сравнению с правонарушителями, использующими серые схемы и механизмы сокрытия доходов. Подобные процессы стимулируют криминализацию смежных отраслей экономики, порождают недобросовестную конкуренцию и ведут к оттоку капитала в теневой сектор.

С криминологической точки зрения налоговые правонарушения часто служат базисом для совершения иных тяжких преступлений, таких как легализация (отмывание) денежных средств, добытых преступным путем¹, коррупция и финансирование организованной преступности. Системное уклонение от уплаты налогов формирует неконтролируемые денежные потоки, которые активно используются для дачи взяток должностным лицам с целью сокрытия фактов правонарушений.

Российское уголовное законодательство консолидирует нормы, охраняющие фискальные интересы государства, в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), посвященной преступлениям в сфере экономической деятельности.

Статья 198 УК РФ регламентирует ответственность физических лиц (включая индивидуальных предпринимателей и граждан, не имеющих этого статуса, но производящих выплаты физическим лицам) за уклонение от уплаты налогов, сборов и страховых взносов. Объективная сторона данного деяния выражается в действии (включение в декларацию заведомо ложных сведений) либо бездействии (непредставление обязательной отчетности). Субъектом здесь выступает вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, на которое законом возложена обязанность по исчислению и уплате налогов.

Противовесом ей для корпоративного сектора выступает статья 199 УК РФ, карающая за аналогичные деяния, совершенные от имени или в интересах организации. Специфика данной нормы заключается в особенностях специального субъекта, так как к уголовной ответственности привлекаются лица, наделенные организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями (руководители, главные бухгалтеры либо лица, фактически выполнявшие их обязанности). Способы совершения преступления тождественны статье 198 УК РФ, однако масштабы причиняемого ущерба и специфика документооборота юридического лица предопределяют более строгие санкции и иные критерии категоризации размеров ущерба.

¹ Панкратьев А.Н. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате уклонения от уплаты налогов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 194–199.

Самостоятельное место занимает статья 199.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента. Ключевым элементом данного состава выступает специальный мотив, так как преступление должно быть совершено «в личных интересах». Налоговый агент, в отличие от обычного налогоплательщика, не платит собственный налог, а обязан исчислить, удержать у налогоплательщика и перечислить в бюджет чужие средства. Если удержание произошло, но средства были направлены на нужды бизнеса или личное обогащение, возникает состав данного преступления.

Специфическим охранительным механизмом обладает статья 199.2 УК РФ, направленная на пресечение сокрытия денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налоговой недоимки. В отличие от статей 198 и 199 УК РФ, где преступник маскирует сам объект налогообложения, в рамках статьи 199.2 УК РФ задолженность перед бюджетом уже выявлена и подтверждена налоговым органом, однако виновный предпринимает активные действия по выводу активов из-под принудительного взыскания (например, открывает новые счета, рассчитывается с контрагентами через третьих лиц, минуя заблокированные счета).

Статьи 199.3 и 199.4 УК РФ, инкорпорированные в кодекс относительно других норм данной группы недавно, криминализируют уклонение от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд, разделяя субъектов на физических лиц и организации соответственно. Данные составы полностью копируют юридическую технику базовых «налоговых» статей, но защищают обособленный объект¹, которым выступают бюджеты внебюджетных фондов, обеспечивающих социальные гарантии работников при травматизме на производстве.

Исследованиям уголовно-правовых мер борьбы с налоговыми преступлениями уделялось внимание различными учеными-правоведами², но в настоящее время данная проблематика актуализировалась³ ввиду изменений уголовного законодательства.

Динамика законодательных изменений в период с 2020 по 2024 год наглядно отражает стремление государства к поиску оптимального баланса между фискальным давлением и поддержкой бизнеса в условиях меняющейся макроэкономической реальности⁴. Основные векторы реформирования затронули два ключевых направления: кардинальный пересмотр пороговых значений крупного и особо крупного размеров ущерба, а также снижение верхних пределов наказания в виде лишения свободы.

Важнейшей вехой стал Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ, данным нормативным актом законодатель зафиксировал твердые денежные суммы для квалификации преступных размеров, отказавшись от существовавших ранее сложных расчетных долей (процентов от общей суммы подлежащих уплате налогов). Для статьи 198 УК РФ крупным размером была признана сумма, превышающая 2,7 миллиона рублей, а особо крупным – 13,5 миллионов рублей. Для корпоративных налогоплательщиков по статье 199 УК РФ и налоговых агентов по статье 199.1 УК РФ планка крупного размера тогда была установлена на уровне 15 миллионов рублей, а особо крупного – 45 миллионов рублей. Аналогичные пропорции, но с учетом специфики, получили статьи 199.3 и 199.4 УК РФ.

Следующий важный шаг по декриминализации и смягчению уголовной ответственности был сделан Федеральным законом от 18.03.2023 № 78-ФЗ. Главным следствием этих поправок стало существенное снижение максимальных сроков лишения свободы по квалифицированным (вторым) частям статей, что автоматически изменило категорию данных преступлений. Так, в части 2 статьи 199 УК РФ

и в части 2 статьи 199.1 УК РФ максимальный срок наказания был снижен с 6 до 5 лет лишения свободы. По части 2 статьи 199.2 УК РФ (сокрытие имущества) срок сократился с 7 до 5 лет лишения свободы, а по части 2 статьи 199.4 УК РФ – с 4 до 3 лет лишения свободы.

Перевод данных деяний (в частности, особо крупного уклонения организаций от уплаты налогов) из категории тяжких преступлений в категорию преступлений средней тяжести повлек важные материально-правовые и процессуальные последствия. Сроки давности привлечения к уголовной ответственности сократились с 10 до 6 лет. Это исключило ситуации, когда предприниматели годами находились под угрозой уголовного преследования за старые налоговые периоды, по которым налоговые органы уже не могли проводить проверки. Одновременно этот же закон уточнил формулировки примечаний об освобождении от ответственности, указав на необходимость уплаты недоимки, пеней и штрафа «в порядке и размере, определяемых в соответствии с Налоговым кодексом РФ», что гармонизировало уголовно-правовые и налоговые процедуры.

Логическим продолжением реформы стал Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ, который провел масштабную индексацию порогов уголовной ответственности с учетом накопленных инфляционных процессов. Законодатель существенно увеличил размеры ущерба для всех корпоративных и специальных составов (кроме статьи 198 УК РФ) – Таблица 1.

Таблица 1. Изменения содержания санкций ст. 199–199.4 УК РФ

Статья УК РФ	Крупный размер (2020 г.)	Крупный размер (с апреля 2024 г.)	Особо крупный размер (2020 г.)	Особо крупный размер (с апреля 2024 г.)
Ст. 199 (уклонение организаций)	15 млн руб.	18,75 млн руб.	45 млн руб.	56,25 млн руб.
Ст. 199.1 (налоговые агенты)	15 млн руб.	18,75 млн руб.	45 млн руб.	56,25 млн руб.
Ст. 199.3 (страхователи – физлица)	1,8 млн руб.	2,25 млн руб.	9 млн руб.	11,25 млн руб.
Ст. 199.4 (страхователи – организации)	6 млн руб.	7,5 млн руб.	30 млн руб.	37,5 млн руб.

Такая значительная одномоментная индексация порогов (на 25%) привела к автоматическому прекращению множества возбужденных уголовных дел и отказов в их возбуждении в отношении тех предпринимателей, чья задолженность перед бюджетом не достигла новых законодательных лимитов. Данный шаг продемонстрировал готовность государства сузить сферу применения уголовной репрессии в отношении субъектов предпринимательской деятельности.

Рассматривая эволюцию налоговых составов преступлений, невозможно не заметить доминирование принципа гуманизма, зафиксированного в статье 7 УК РФ. Современная уголовно-правовая политика России в сфере налоговых преступлений демонстрирует выраженный прагматичный вектор: приоритетом для государства становится не изоляция преступника от общества, а полное и оперативное возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе. Уголовное преследование в данном контексте начинает выполнять стимулирующую и обеспечительную, а не карательную функцию.

Ключевым проявлением этой тенденции является институт специального освобождения от уголовной ответственности, закрепленный в примечаниях к статьям 198–199.1, 199.3 и 199.4 УК РФ. Законодатель гарантирует, что лицо, впервые совершившее преступление, безусловно освобождается от уголовной ответственности, если оно, либо организация, деятельность которой вменяется виновному, полностью погасит сформировавшуюся недоимку, выплатит начисленные налоговые органы пени и штрафные санкции. Юридическая природа данного освобождения носит не реабилитирующий, но императивный характер – при выполнении всех финансовых условий следственные органы или суд обязаны прекратить уголовное дело.

Дополнительным импульсом гуманизации выступает изменение процессуального режима. Перевод большинства квалифицированных фискальных составов в категорию преступлений средней тяжести существенно ограничил возможности правоохранительных органов по применению к подозреваемым и обвиняемым наиболее жестких мер пресечения, прежде всего, заключения под стражу (согласно ст. 108 УПК РФ).

Декриминализация части налоговых деяний путем последовательного повышения порогов ущерба (поправки 2020 и 2024 годов)

¹ Вельможко Д.Ю. Дискуссионные вопросы определения объекта преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных платежей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 135–141.

² Кучеров, И.И. Налоговые преступления / И.И. Кучеров. – М.: Учебно-консультационный центр ЮрИнфоР, 1997. – 224 с.; Зрелов, А.П. Налоговые преступления / А.П. Зрелов, М.В. Краснов; Издательство Налог-Инфо. – Москва: ООО «Статус-Кво 97», 2004. – 191 с. и др.

³ Энхбаяр Сэрэлэн Уклонение от уплаты налогов как преступление: проблемы экономического анализа и пути их решения // Закон и право. 2025. № 9. С. 255–260.

⁴ Федеральный закон от 01.04.2020 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 18.03.2023 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://pravo.gov.ru/?oprd&ysclid=mq6dgok5vm61524221> (дата обращения: 08.06.2026).

свидетельствует о признании законодателем того факта, что мелкие и средние налоговые деликты не обладают той степенью общественной опасности, которая требует вовлечения широкого спектра государственного уголовного и уголовно-процессуального принуждения. Государство сознательно переводит данные правонарушения в плоскость административно-правового и налогового регулирования, снижая уровень стигматизации предпринимательского сообщества и разгружая следственные и судебные органы.

Граница между административным правонарушением (налоговым правонарушением) и уголовным преступлением в сфере налогообложения носит строго формализованный характер, в России главным разграничительным критерием выступает исключительно стоимостный признак, то есть размер невыплаченного фискального обязательства за период в пределах трех финансовых лет подряд.

Если сумма неуплаченных налогов или взносов организацией находится в пределах до 18,75 миллионов рублей, содеянное квалифицируется как налоговое правонарушение, ответственность за которое наступает в соответствии с Налоговым кодексом РФ (в частности, по статье 122 НК РФ за неуплату или неполную уплату сумм налога). К правонарушителю применяются меры исключительно финансового и административного воздействия, то есть взыскивается сумма долга, пени за просрочку и штраф (в размере 20% или 40% от неуплаченной суммы в зависимости от наличия умысла). Но как только порог в 18,75 миллионов рублей преодолевается, действие переходит в сферу уголовного права, и правоприменитель обязан инициировать процедуру возбуждения уголовного дела по статье 199 УК РФ.

При этом уголовная и налоговая ответственность не исключают, а дополняют друг друга. Привлечение руководителя организации к уголовной ответственности не освобождает само юридическое лицо от обязанности уплатить налог и штрафные санкции в рамках налогового законодательства. Более того, суммы, уплаченные организацией в рамках исполнения налогового требования, засчитываются в качестве возмещения ущерба для целей освобождения физического лица от уголовной ответственности на основании примечаний к УК РФ.

Анализируя масштабные трансформации уголовного законодательства в налоговой сфере за период 2020–2024 годов, можно констатировать, что уголовно-правовая политика России в данном сегменте претерпела качественные изменения. Произошел переход от жесткой репрессивной модели к модели прагматичной компенсации ущерба. Оценка эффективности проведенных реформ позволяет выделить как несомненные позитивные результаты, так и определенные системные риски, требующие дальнейшего доктринального осмысления. Особенно в части, касающейся факторов, влияющих на формирование современной уголовно-правовой политики Российской Федерации в налогообложении¹.

С одной стороны, радикальное повышение порогов крупного и особо крупного размеров ущерба позволило вывести из-под удара уголовного преследования значительную часть малого и среднего бизнеса. Снижение категоричности преступлений средней тяжести обеспечило стабильность работы предприятий, чьи руководители более не подвергаются избыточному ограничению свободы на этапе предварительного следствия. Главный критерий эффективности для государства (собираемость налогов) при этом не пострадал, так как стимул добровольного возмещения ущерба продемонстрировал высокую результативность.

С другой стороны, столь стремительная либерализация и декриминализация таят в себе скрытые угрозы. Значительное увеличение сумм, необходимых для возбуждения уголовного дела (до 18,75 млн руб.), может породить у части недобросовестных налогоплательщиков ощущение безнаказанности². Существует риск того, что недобросовестные предприниматели начнут умышленно дробить бизнес или выстраивать схемы уклонения таким образом, чтобы сумма недоимки за три года балансировала чуть ниже криминального порога, ограничиваясь рисками только административных штрафов. Это может спровоцировать рост числа мелких, но системных злоупотреблений, бороться с которыми исключительно налоговыми методами будет затруднительно. Данный аспект аналогичным образом нуждается в своем дополнительном научном осмыслении.

В качестве вывода следует отметить, что современная уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере противодействия налоговым преступлениям демонстрирует зрелость и адаптивность к кризисным экономическим условиям. Государство сместило фокус своего внимания с наказания личности правонарушителя на защиту публичного финансового интереса. Реализация этой политики доказывает, что уголовный закон может быть эффективным регулятором экономики не за счет суровости уголовно-правовых санкций, а за счет неотвратимости финансового возмещения.

Литература

1. Вельможко Д.Ю. Дискуссионные вопросы определения объекта преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и иных обязательных платежей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 3 (70). С. 135–141.
2. Вишневский, В. Уклонение от уплаты налогов и рациональный выбор налогоплательщика / В. Вишневский, А. Веткин // Вопросы экономики. – 2004. – № 2. – С. 96–108.
3. Зрелов, А.П. Налоговые преступления / А.П. Зрелов, М.В. Краснов; Издательство Налог-Инфо. – Москва: ООО «Статус-Кво 97», 2004. – 191 с.
4. Кучеров, И.И. Налоговые преступления / И.И. Кучеров. – М.: Учебно-консультационный центр ЮрИнфоР, 1997. – 224 с.
5. Моисеенко М.А., Короткова О.В. Факторы, влияющие на формирование современной уголовно-правовой политики Российской Федерации в налогообложении. Право и управление. XXI век. 2024;20(2):59–66.
6. Панкратьев А.Н. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате уклонения от уплаты налогов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 194–199.
7. Энхбаяр Сэргэлэн Уклонение от уплаты налогов как преступление: проблемы экономического анализа и пути их решения // Закон и право. 2025. № 9. С. 255–260.

THE EVOLUTION OF CRIMINAL LAW MEASURES TO COMBAT TAX EVASION IN MODERN RUSSIA

Korolev A.G.

Yaroslav the Wise Novgorod State University

The subject of the study is criminal law measures to combat tax and insurance premium evasion in modern Russia. The aim is to analyze the evolution of legislation in this area from 2020 to 2024. The methodology includes formal-legal, comparative-legal, and systemic analysis. Results: key reform directions are identified (increased damage thresholds, reduced maximum imprisonment terms, changed crime categories). Application area: law-making, law enforcement, and education. Novelty lies in a comprehensive assessment of recent amendments to the Criminal Code. Conclusions: criminal policy in the tax sphere has evolved from a repressive to a compensatory model, prioritizing damage restitution over the isolation of offenders.

Keywords: Tax evasion, criminal liability, Article 199 of the Criminal Code, decriminalization, large-scale damage, humanization, tax crimes, exemption from liability.

References

1. Velmozhdko D. Yu. Controversial Issues of Defining the Object of Crimes Related to Tax Evasion and Other Mandatory Payments // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (70). Pp. 135–141.
2. Vishnevsky, V. Tax Evasion and the Rational Choice of a Taxpayer / V. Vishnevsky, A. Vetkin // Voprosy Ekonomiki. – 2004. – No. 2. – Pp. 96–108.
3. Zrelov, A.P. Tax Crimes / A.P. Zrelov, M.V. Krasnov; Nalog-Info Publishing House. – Moscow: OOO "Status-Quo 97", 2004. – 191 p.
4. Kuchеров, I.I. Tax Crimes / I.I. Kuchеров. – M.: Educational and Consulting Center YurInfoR, 1997. – 224 p.
5. Moiseenko M.A., Korotkova O.V. Factors Influencing the Formation of the Modern Criminal Law Policy of the Russian Federation in Taxation. Law and Management. XXI century. 2024; 20 (2): 59–66.
6. Pankratyev A.N. Legalization (Laundering) of Funds or Other Property Acquired as a Result of Tax Evasion // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (106). P. 194–199.
7. Enkhbayar Sergelen Tax Evasion as a Crime: Problems of Economic Analysis and Ways to Solve Them // Law and Right. 2025. No. 9. P. 255–260.

¹ Моисеенко М.А., Короткова О.В. Факторы, влияющие на формирование современной уголовно-правовой политики Российской Федерации в налогообложении. Право и управление. XXI век. 2024;20(2):59–66.

² Вишневский, В. Уклонение от уплаты налогов и рациональный выбор налогоплательщика / В. Вишневский, А. Веткин // Вопросы экономики. – 2004. – № 2. – С. 96–108.

Костяков Александр Алексеевич,

аспирант Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
E-mail: alex.kostyakow@icloud.com

Предлагается дифференциация апелляционных представлений прокурора в уголовном процессе по различным основаниям. Осуществляется классификация указанных актов прокурорского реагирования в зависимости от того, кем они принесены, а также в зависимости от того, на какие судебные решения они принесены. Дана классификация апелляционных представлений по основаниям оспаривания судебных актов. Проведено разделение апелляционных представлений в зависимости от последовательности их принесения. Предложена классификация рассматриваемых актов прокурорского реагирования в зависимости от оснований (мотивов) их принесения и результата, на который они направлены.

Ключевые слова: апелляционное представление, полномочия прокурора, пересмотр судебных решений, виды апелляционных представлений.

Тенденции пересмотра судебных решений в современном уголовном процессе претерпевают различные изменения, что обуславливается как развитием законодательства, так и меняющейся судебной практикой.

Эмпирические показатели Верховного Суда РФ и Судебного департамента демонстрируют уверенное снижение объемов надзорного производства на фоне стабильной востребованности апелляционной инстанции.

Так, если в 2021 году Президиумом ВС РФ в порядке надзора было рассмотрено 230 уголовных дел, то в 2022 году данный показатель снизился до 128 дел (падение на 44,4%), в 2023 году – до 58 дел (снижение на 54,7%), а в 2024 году составил всего 17 дел (минус 70,7%). Наряду со стабильно невысоким удельным весом кассационного пересмотра, апелляционная инстанция выступает ключевым средством исправления судебных ошибок. [1].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при ВС РФ в 2020 году судами общей юрисдикции рассмотрено в первой инстанции 748 955 уголовных дел. В этот же год судами пересмотрено 102 235 уголовных дел в апелляционном порядке (13,65%), и 19 621 дело – в кассационном (0,26%).

В 2021 году судами рассмотрено 769 948 уголовных дел в первой инстанции, 112 689 – в апелляционной (14,63%), 39 902 – в кассационной инстанции (0,52%).

В 2022 году судами рассмотрено 771 107 уголовных дел в первой инстанции, 120 375 – в апелляционной (15,61%), 42 297 – в кассационной инстанции (0,55%).

В 2023 году судами рассмотрено 727 194 уголовных дел в первой инстанции, 121 636 – в апелляционной (16,72%), 35 469 – в кассационной инстанции (0,49%).

В 2024 году судами рассмотрено 659 887 уголовных дел в первой инстанции, 116 265 – в апелляционной (17,61%), 31 008 – в кассационной инстанции (0,47%) [1].

Значительно за последние годы увеличилось и количество апелляционных представлений, принесенных на итоговые решения по уголовным делам.

Так, в 2020 году по 34 492 уголовным делам были принесены апелляционные представления, в 2021 – по 40 717 делам, в 2022 – по 46 585 делам, в 2023 – по 50 440 делам, в 2024 – по 49 404 делам. Таким образом, если ранее апелляционные представления составляли лишь треть (33,7%) от общего количества жалоб и представлений, принесенных на итоговые решения, то в 2024 году данный показатель увеличился до 42,5% уголовных дел.

Сходная тенденция роста (более чем на 20%) характерна для обжалования промежуточных судебных актов: с 10 357 представлений в 2020 году до 12 571 в 2024 году.

Приведенные цифровые показатели наглядно иллюстрируют значимость органов прокуратуры для обеспечения законности судебных решений в судах второй инстанции и актуализируют необходимость исследования классификационной структуры апелляционных представлений прокурора.

Акты прокурорского реагирования в уголовном процессе подвергались исследованию [3], однако в современной научной литературе отсутствует классификация апелляционных представлений, что указывает на неизученность в полной мере данной разновидности уголовно-процессуального акта.

В соответствии с приведенной в ст. 5 УПК РФ дефиницией, государственным обвинителем является работник прокуратуры, поддержавший обвинение в суде первой инстанции [4]. Указанное должностное лицо обладает в том числе полномочиями по оспариванию судебных решений (ст. 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации») [5].

В зависимости от должностного положения субъекта, инициирующего пересмотр судебного акта, выделяются апелляционные представления государственного обвинителя – лица, непосредственно поддерживавшего обвинение в суде первой инстанции (прокурор, его заместитель, старший помощник прокурора и помощник прокурора) и апелляционные представления вышестоящих прокуроров – прокурора субъекта РФ, города, района или их заместителей (ст. 389.1 УПК РФ).

Следует отметить, что акт прокурорского реагирования, принятый государственным обвинителем, базируется на его внутреннем убеждении, сформированном по результатам рассмотрения дела в суде первой инстанции, при этом вышестоящий прокурор вправе обжаловать решение независимо от позиции государственного обвинителя.

Вышестоящий прокурор в случае принесения апелляционного представления может дополнить апелляционное представление государственного обвинителя, указав на дополнительные нарушения при вынесении судебного решения. Вместе с тем встречаются факты принесения апелляционных представлений вышестоящим прокурором, которые фактически вступают в противоречие с апелляционным представлением государственного обвинителя. Например, в случае несогласия с состоявшимся судебным решением ввиду чрезмерной мягкости назначенного наказания, государственный обвинитель имеет право принести апелляционное представление, в котором может потребовать усиления наказания, изменения его на более строгий вид, увеличение срока (размера) определенного судом первой инстанции наказания, а вышестоящий прокурор потребовать его смягчить или изменить на менее строгий вид, усмотрев, например, дополнительные обстоятельства, смягчающие наказание.

Подобная ситуация, с одной стороны, может способствовать вынесению судом апелляционной инстанции справедливого решения, поскольку как правило вышестоящий прокурор обладает большим опытом и имеет возможность оценить постановленное судом первой инстанции судебное решение с учетом всех обстоятельств, влияющих на вид и размер назначаемого наказания. Отчасти данную позицию можно проследить в приказе Генпрокурора № 376, в соответствии с которым на вышестоящих прокуроров возложена обязанность по принятию представлений в срок, установленный для инициирования пересмотра судебных решений в апелляционном порядке в случае, если государственным обвинителем указанный акт прокурорского реагирования не принесен [6]. Однако, с другой стороны, факты принесения противоречащих друг другу апелляционных представлений государственным обвинителем и прокурором указывают на несогласованность и неопределенность позиции стороны обвинения.

Исходя из положений статьи 389.2 УПК РФ, судебные решения разграничиваются на итоговые и промежуточные, что предопределяет деление представлений на два вида: представления на итоговые судебные решения, среди которых приговоры, постановления о прекращении уголовного дела или о применении принудительных мер медицинского характера, и представления на промежуточные судебные решения – акты, выносимые в ходе досудебного или судебного производства до или после вынесения приговора (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ) [7][8]. Количество актов реагирования, принесенных на итоговые решения суда, на практике значительно больше, однако не редкими являются факты принесения апелляционных представлений и на промежуточные судебные решения, в первую очередь на решения, вынесенные в порядке ст. 397 УПК РФ.

УПК РФ предусмотрена возможность подачи дополнительной апелляционной жалобы или принесения дополнительного апелляционного представления (ч. 4 ст. 389.8 УПК РФ). Таким образом, процессуальный порядок подачи апелляционных представлений предусматривает возможность поэтапного изложения возражений прокурора. В зависимости от времени принесения и полноты изложения доводов выделяются первоначальные (основные) и дополнительные представления.

Первоначальные (основные) представления направляются в рамках установленного частью 1 статьи 389.4 УПК РФ 15-дневного пресекательного срока со дня провозглашения судебного акта. В рамках этой группы выделяются так называемые «краткие» (предварительные) представления, к которым прибегают, как правило, в случае задержки судом изготовления протокола судебного заседания или аудиозаписи, чтобы формально не пропустить пресекательный срок обжалования. При этом следует учитывать, что подача немотивированного «краткого» представления общего характера лишает прокурора возможности конкретизировать требования об ужесточении наказания в дополнительном представлении, что создает существенные правовые риски для стороны обвинения.

Дополнительные апелляционные представления приносятся как правило после детального изучения материалов дела и протоколов судебных заседаний (в том числе аудиопротоколов) и могут быть поданы как в период срока апелляционного обжалования (оспаривания), так и по истечении указанного срока, но не позднее 5 суток до начала судебного заседания.

В силу п. 4 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ в апелляционной жалобе и в апелляционном представлении в обязательном порядке должно содержать-

ся указание на основания для вмешательства в состоявшееся судебное решение, предусмотренные ст. 389.15 УПК РФ.

Исходя из перечня оснований отмены или изменения судебных решений (статья 389.15 УПК РФ), апелляционные представления в зависимости от основания (мотива) принесения дифференцируются на принесенные в связи с:

1. Несоответствием выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела. Наиболее часто, как показывает практика, данный мотив принесения апелляционного представления обусловлен вмешательством суда первой инстанции в квалификацию преступного деяния, в том числе исключения судом каких-либо квалифицирующих признаков, искажением судом фактических обстоятельств совершенного преступления.

2. Существенным нарушением уголовно-процессуального закона (включая безусловные основания отмены по части 2 статьи 389.17 УПК РФ).

3. Неправильным применением уголовного закона. На практике в большинстве случаев данный мотив апелляционного представления связан с нарушением судом первой инстанции правил назначения наказания, неверным установлением вида рецидива, выбором вида исправительного учреждения.

4. Несправедливостью приговора, которая напрямую связана с видом и размером определенного наказания. Например, о несправедливости приговора вследствие его чрезмерной мягкости или суровости можно говорить в случаях, когда судом при назначении наказания не учтены фактические обстоятельства совершенного преступления, его тяжесть, обстоятельства и негативные последствия его совершения, личность подсудимого, не выполнены требования ст.ст. 6, 43, 60 УПК РФ.

5. Выявлением обстоятельств, требующих возвращения дела прокурору (ст. 237 УПК РФ).

6. Нарушением условий досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317.5 УПК РФ).

7. Наличием совокупности нескольких вышеуказанных оснований. Наиболее частым мотивом принесения апелляционного представления, как показывает практика, является выявление нескольких оснований для отмены или изменения решения суда первой инстанции.

Примером последнего вида представления выступает апелляционное производство Омского областного суда по делу Облецова Д.В. (приговор Кормиловского районного суда от 21.02.2025 по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Государственный обвинитель в представлении указал на существенное процессуальное нарушение (отсутствие во вводной части приговора сведений о непогашенной судимости) и на неправильное применение уголовного закона (необоснованное сохранение условного осуждения по предыдущему приговору вопреки ч. 5 ст. 74 УК РФ).

Определением судебной коллегии от 29.04.2025 апелляционное представление государственного обвинителя удовлетворено, судебное решение изменено по доводам, приведенным в акте прокурорского реагирования [9].

Кроме того, апелляционным приговором Омского областного суда от 22.02.2024 по делу 22–371/2024 отменен приговор Ленинского районного суда г. Омска от 02.11.2023, которым Гражданкина И.А. признана виновной по ч. 1 ст. 114 УК РФ, судом апелляционной инстанции последняя осуждена по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, апелляционное представление государственного обвинителя удовлетворено. Судом апелляционной инстанции отмечен факт неправильного применения Ленинским районным судом г. Омска уголовного закона и несоответствия его выводов обстоятельствам дела [10].

Аналогичные нарушения установлены Омским областным судом и при рассмотрении апелляционного представления государственного обвинителя на приговор Ленинского районного суда г. Омска от 30.08.2023, которым Гурбановский Я.А. осужден по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Апелляционным приговором от 23.01.2024 последний признан виновным по ч. 1 ст. 162 УК РФ [11].

Справедливыми и заслуживающими внимания признаны Омским областным судом доводы апелляционного представления государственного обвинителя на приговор Ленинского районного суда г. Омска от 06.09.2023, которым Мацейна Д.О. признан виновным и осужден по ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 112 УК РФ. Как отмечено судом апелляционной инстанции в апелляционном определении от 20.11.2023, судом первой инстанции нарушены требования ст.ст. 6, 43, 60 УК РФ, ст. 297 УПК РФ, а назначенное наказание признано несправедливым ввиду его чрезмерной мягкости [12].

В зависимости от просительной части представления и от результата, на который они направлены, выделяются представления, направленные на: изменение состоявшегося судебного решения; отмену судебного акта с вынесением нового приговора или постановления,

отмену решения и возвращение уголовного дела на новое судебное рассмотрение, отмену решения с возвращением дела прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ.

Классификация апелляционных представлений по предложенным основаниям имеет научное значение, а также служит основой для выработки практических рекомендаций к их подготовке, повышению качества приносимых актов прокурорского реагирования, а как следствие – укреплению законности при вынесении судебных решений, поскольку именно апелляционное представление является основным и наиболее действенным способом устранения судебных ошибок и защиты нарушенных прав участников уголовного процесса.

Литература

1. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.03.2026).
2. Данные судебной статистики // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2025> (дата обращения: 15.03.2026).
3. Терехин А.А. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. 257 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 15 декабря 2025 г. // Российская газета. 2001.
5. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1: в ред. от 28 декабря 2025 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.
6. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генеральной прокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376. // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2012. 234 с.
8. Азаров В.А., Константинова В.А. Промежуточные решения суда первой инстанции при осуществлении правосудия по уголовным делам. М., 2013. 216 с.
9. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 29.04.2025 по делу № 22–1144/2025 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 01.06.2026).
10. Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 22.02.2024 по делу № 22–371/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 01.06.2026).
11. Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 23.01.2024 по делу № 22–4378/2023 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 01.06.2026).

12. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 20.11.2023 по делу № 22–3783/2023 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 01.06.2026).

CLASSIFICATION PROSECUTOR'S APPEALS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kostyakov A.A.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article proposes the differentiation of the prosecutor's appeals in the criminal process on various grounds. It classifies these acts of the prosecutor's response depending on who files them and which court decisions they are filed against. The article also classifies the appeals based on the grounds for challenging the illegality of court decisions. It divides the appeals based on the order in which they are filed. The classification of the considered acts of prosecutorial response is proposed depending on the grounds (motives) of their bringing and the result to which they are directed.

Keywords: appeal, prosecutor's authority, review of court decisions, types of prosecutor's appeals.

References

1. Judicial statistics data // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (date of request: 03/15/2026).
2. Judicial statistics data // The Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2025> (date of application: 03/15/2026).
3. Terekhin A.A. Acts of prosecutorial response in Russian criminal proceedings: dis. ... cand. jurid. sciences'. Omsk, 2013. 257 p.
4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001: as amended. dated December 15, 2025 // Rossiyskaya Gazeta. 2001.
5. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992: as amended. dated December 28, 2025 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 8. Article 366.
6. On the participation of prosecutors in the judicial stages of criminal proceedings: Order No. 376 of the Prosecutor General's Office of Russia dated June 30, 2021. // Access from the ConsultantPlus legal reference system.
7. Konstantinova V.A. Interim decisions of the court of first instance in the administration of justice in criminal cases: dissertation of the cand. jurid. sciences'. Omsk, 2012. 234 p.
8. Azarov V.A., Konstantinova V.A. Interim decisions of the court of first instance in the administration of justice in criminal cases. Moscow, 2013. 216 p.
9. The appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Omsk Regional Court dated 04/29/2025 in case No. 22–1144/2025 // The State automated system of the Russian Federation "Justice": an Internet portal. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of appeal: 06/01/2026).
10. The appeal verdict of the Judicial Board for Criminal Cases of the Omsk Regional Court dated 02/22/2024 in case no. 22–371/2024 // The State automated system of the Russian Federation "Justice": an Internet portal. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of request: 06/01/2026).
11. The appeal verdict of the Judicial Board for Criminal Cases of the Omsk Regional Court dated January 23, 2024 in case No. 22–4378/2023 // The State automated system of the Russian Federation "Justice": an Internet portal. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of appeal: 06/01/2026).
12. Appeal ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Omsk Regional Court dated 11/20/2023 in case no. 22–3783/2023 // The State automated system of the Russian Federation "Justice": an Internet portal. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of request: 06/01/2026).

Автоматизированное распределение уголовных дел между судьями в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта: гарантии права на законный состав суда

Кудрина Екатерина Андреевна,

магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: kudrina_ea@ya.ru

В статье исследуется правовой режим автоматизированного распределения уголовных дел между судьями в условиях перехода судебной системы к использованию технологий искусственного интеллекта. Показано, что действующая редакция ч. 1 ст. 30 УПК РФ закрепила автоматизированное формирование состава суда как средство, но не выстроила вокруг него систему процессуальных гарантий: перечень оснований для отступления от автоматизированного порядка не определён, параметры распределения не раскрываются сторонам, а нарушение порядка остаётся практически необнаружимым. Автором предложена типология моделей распределения дел (случайная, взвешенная, интеллектуальная) и обоснован критерий их разграничения, основанный на источнике и проверяемости правила распределения. На базе сравнительно-правового анализа (Германия, Казахстан, Китай, США, Франция) проведён водораздел между допустимым учётом объективных параметров нагрузки и специализации и недопустимым профилированием судей по содержанию ранее принятых ими решений. Сформулированы предложения по дополнению ст. 30 УПК РФ.

Ключевые слова: состав суда; автоматизированное распределение дел; искусственный интеллект; независимость судей; законный суд; уголовное судопроизводство; ГАС «Правосудие»; профилирование судей; цифровизация правосудия.

Реформой 2018 г. российский законодатель перевёл формирование состава суда из области внутреннего усмотрения председателя в плоскость процессуального закона. Согласно ч. 1 ст. 30 УПК РФ состав суда для рассмотрения каждого уголовного дела формируется «с учётом нагрузки и специализации судей путём использования автоматизированной информационной системы», а отступление от этого порядка допускается лишь в случае невозможности использования системы и при условии исключения влияния на формирование состава лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства [1; 2]. Замысел нормы очевиден: автоматизация призвана устранить ситуацию, при которой «нужное» дело попадает к «нужному» судье.

Стоит напомнить, что до 2018 г. процессуальный закон вопроса о порядке распределения дел не касался вовсе. Этот порядок определялся инструкциями по судебному делопроизводству и внутренними документами судов, а фактически замыкался на фигуре председателя, который и решал, кому из судей передать поступившее дело. Такое положение десятилетиями воспринималось как организационная рутина, пока не стало очевидно, что распределение дел образует одну из главных зон коррупционного риска в судебной системе: возможность направить дело конкретному судье обесценивает любые последующие процессуальные гарантии. Симптоматично, что реформа была проведена синхронно во всех процессуальных отраслях (ст. 14 ГПК РФ, ст. 18 АПК РФ, ст. 28 КАС РФ получили аналогичные правила) [3–5].

За время, прошедшее с момента реформы, технологический контекст изменился сильнее, чем сама норма. Весной 2025 г. председатель Верховного Суда РФ поручил ускорить внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность [6], и, по имеющимся данным, новые технологии к этому моменту применяла уже примерно треть российских судов [7]. В 2026 г. Судебный департамент развернул в десяти регионах пилотный проект использования нейросетей в защищённом контуре ГАС «Правосудие» [8]. Верховный Суд РФ впервые привлёк нейросеть к подготовке проекта постановления Пленума [9], а Минцифры России опубликовало проект федерального закона об основах государственного регулирования технологий искусственного интеллекта с планируемым вступлением в силу с 1 сентября 2027 г. [10]. Дискуссия о «суде и алгоритме», ещё недавно умозрительная, превратилась в вопрос текущей судебной политики и заняла заметное место в уголовно-процессуальной литературе [11–13].

На этом фоне модуль распределения дел выглядит технологически скромным элементом цифровой инфраструктуры. Однако с точки зрения процессуальных гарантий он представляет собой едва ли не самую чувствительную её точку. Алгоритм, определяющий, какой судья рассмотрит уголовное дело, влияет на судьбу обвиняемого раньше, чем будет исследовано первое доказательство. И чем «умнее» становится такой алгоритм, тем острее вопрос о границе между автоматизацией, укрепляющей независимость суда, и алгоритмическим подбором судьи под конкретное дело.

В судах общей юрисдикции автоматизированное распределение реализовано через Модуль распределения дел ГАС «Правосудие», который учитывает коэффициенты нагрузки судей, их специализацию и периоды отсутствия. Конструкция же самой нормы при ближайшем рассмотрении оказывается незавершённой, и в литературе это отмечалось неоднократно. О.А. Капустин ещё на этапе внедрения модуля характеризовал правовое регулирование автоматизированного распределения как носящее незавершённый характер, предлагал выделить принципы такого распределения, а рассмотрение дела составом суда, сформированным без использования автоматизированной системы (за исключением случаев объективной невозможности её использования), прямо признавать свидетельством незаконности состава [14]. И.А. Титова, анализируя практику применения нормы, фиксирует своего рода правовой вакуум: закон не определяет ни перечня случаев «невозможности» использования системы, ни содержания «иного порядка» распределения, что оставляет пространство для ручной корректировки результатов и, как следствие, для влияния заинтересованных лиц [15; 16].

Аргументация О.А. Капустина интересна ещё одним поворотом, который в последующей литературе развития почти не получил. Опираясь на позицию Европейской сети советов судей о том, что любое

отступление от общего правила распределения дел должно быть мотивировано, автор обращает внимание на зарубежные санкционные механизмы: в Молдове ненадлежащее обеспечение случайного компьютерного распределения признано дисциплинарным проступком председателя суда, а армянский Судебный кодекс предусматривает уголовную ответственность за незаконное вмешательство в работу программы распределения [14]. Российское регулирование, напротив, не знает ни специального состава, ни дисциплинарной нормы, ни даже обязанности фиксировать отступления. Норма ч. 1 ст. 30 УПК РФ существует без какого-либо санкционного подкрепления.

К этим наблюдениям нужно добавить третье. Даже при штатной работе модуля исходные данные для него формирует человек: работник аппарата суда определяет категорию дела и вводит параметры, от которых зависит круг судей-кандидатов. Сама система при этом технически допускает отключение автоматического режима распределения [17]. Получается, что закон закрепил средство (автоматизированную информационную систему), но не гарантию.

Неопределённость усиливается, когда речь заходит о последствиях нарушения порядка распределения. Рассмотрение дела незаконным составом суда относится к безусловным основаниям отмены приговора (п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), однако охватывает ли это основание формирование состава в обход автоматизированной системы, закон прямо не говорит. Ориентиром может служить позиция Конституционного Суда РФ, выработанная применительно к арбитражному процессу: замена судьи без предусмотренных законом оснований влечёт признание состава суда незаконным и отмену принятого им судебного акта [18]. Перенос этой позиции в уголовное судопроизводство требует осторожности, поскольку сформулирована она в иной отраслевой системе координат. Тем не менее такой перенос представляется не только возможным, но и необходимым, поскольку гарантия законного состава имеет не отраслевую, а конституционную природу (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), и в уголовном процессе, где цена ошибки выше; она не может действовать слабее, чем в арбитражном.

Показательно, что устойчивой практики отмены приговоров по мотиву нарушения автоматизированного порядка распределения в открытых источниках обнаружить не удастся. Это симптом того, что стороны лишены процессуального инструмента проверки. Протокол автоматизированного распределения не входит в материалы дела, ходатайство о его истребовании законом не предусмотрено, и нарушение, даже если оно имело место, остаётся невидимым для защиты. Представим, что защитник, заметив, что резонансные дела в конкретном суде с подозрительной регулярностью попадают к одному и тому же судье, пожелает проверить корректность распределения. Действующий закон не предоставляет ему для этого ни одного инструмента.

Конституционное прочтение проблемы усиливается практикой Европейского суда по правам человека по ст. 6 Конвенции: понятие «суд, созданный на основании закона» охватывает не только учреждение суда как такового, но и формирование его состава по конкретному делу. В деле *Moiseyev v. Russia* нарушение было констатировано в ситуации, когда председатель суда трижды заменял судей в коллегии без видимых процессуальных оснований, что породило сомнения во внутренней независимости суда [19]. В деле *DMD GROUP, a.s.v. Slovakia* Суд признал несовместимым с Конвенцией переназначение дела председателем суда самому себе накануне разрешения спора [20]. Наконец, Большая палата в деле *Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland* рассмотрела гарантию на сам процесс надления судей полномочиями, признав, что явное нарушение национальных правил формирования суда дискредитирует его легитимность безотносительно к качеству вынесенного решения [21].

Для нашей темы наиболее ценен выработанный Большой палатой трёхступенчатый тест. Нарушение ст. 6 Конвенции констатируется, если, во-первых, имело место явное (*flagrant*) нарушение национального права, во-вторых, оно затронуло базовые правила формирования суда, а не второстепенные формальности, и, в-третьих, национальные суды не обеспечили эффективной проверки соответствующих доводов.

Попутно приходится констатировать, что в отечественной доктрине прочтение ч. 1 ст. 47 Конституции РФ зачастую является узким; её содержание сводится к правилам подсудности: гарантия считается соблюденной, если дело рассмотрено надлежащим судом как учреждением. Распределение дел внутри суда при таком прочтении остаётся за пределами конституционной материи, в зоне судебного администрирования. Логика приведённой выше практики подталкивает к иному, широкому прочтению: «законность» суда не завершается на пороге здания, она простирается до конкретного судьи, и правила, определяющие его, входят в предмет конституционной гарантии наравне с правилами подсудности.

После прекращения участия России в Конвенции и выхода из-под юрисдикции ЕСПЧ вышеуказанные решения утратили формальную обязательность, но не аргументативную ценность. Часть 1 ст. 47 Конституции РФ закрепляет содержательно ту же гарантию, и логика, согласно которой порядок распределения дел входит в её предмет, полностью переносима на российскую почву. Из неё вытекает требование к качеству регулирования: правила, по которым дело попадает к судье, должны устанавливаться правом, а не настройками программного комплекса.

Здесь обнаруживается обстоятельство, которое в дискуссии о цифровизации распределения дел нередко упускается. Действующая российская модель уже не является случайной выборкой в строгом смысле. Формула «с учётом нагрузки и специализации» означает, что алгоритм взвешивает кандидатуры судей, а не тянет жребий. Поэтому привычное противопоставление «случайного» и «интеллектуального» распределения упрощает картину. На наш взгляд, аналитически более продуктивно выделять три модели. При случайной модели выбор равновероятен среди всех судей, правомочных рассматривать дела данной категории. В рамках взвешенной модели выбор корректируется заранее установленными детерминированными параметрами: нагрузкой в условных единицах, предметной специализацией, периодами отсутствия судьи. В интеллектуальной же модели параметры и их веса формируются или корректируются самообучающейся системой, в том числе на основе анализа прошлой деятельности судей. Критерий разграничения, как представляется, состоит не в технической сложности, а в источнике и проверяемости правила распределения: во второй модели правило установлено заранее и доступно проверке человеком, в третьей оно выводится машиной. Российская модель является взвешенной де-факто, но регулируется так, будто она случайная: веса нормативно не закреплены и не публикуются.

Зарубежный опыт демонстрирует два принципиально разных способа удерживать распределение дел в рамках права. Первый можно назвать формально-правовым, и его эталоном служит германская конструкция. Положение ст. 101 Основного закона ФРГ о том, что никто не может быть изъят из ведения своего законного судьи (*gesetzlicher Richter*), развёрнуто в § 21e Закона о судостроительстве: президиум суда заранее, на год вперёд, утверждает план распределения дел (*Geschäftsverteilungsplan*), определяющий компетентный состав по абстрактным признакам [22]. Изменение плана в течение года допускается лишь в исключительных случаях, таких как перегрузка или длительное отсутствие судьи, а внутреннее распределение обязанностей в судебной коллегии (§ 21g GVG) подчинено тем же требованиям заблаговременности и абстрактности. Практика Федерального конституционного суда ФРГ требует, чтобы дело попадало к судье, образно говоря, вслепую, без какой-либо свободы усмотрения в момент его поступления. Автоматизация в такую конструкцию встраивается легко, поскольку машина лишь исполняет заранее установленное правило. Но по той же причине германская модель несовместима с интеллектуальным распределением: правило, которое формирует сама машина, уже не является заранее установленным.

Второй способ можно назвать управленческо-технологическим. Так, в Казахстане Правила автоматизированного распределения дел предусматривают применение поправочного коэффициента норматива нагрузки судей, рассчитанного с учётом затраченного времени, сложности, многомотности и многоэпизодности дел, наряду со специализацией и языком судопроизводства [23]. Наиболее радикальный вариант реализован в китайских «умных судах», где платформы не только распределяют дела с учётом их типа и предполагаемой трудоёмкости, но и, по имеющимся данным, автоматически выявляют «чувствительные» дела для передачи под контроль руководства суда [24]. Китайский пример полезен как предостережение: те же технологические средства, которые выравнивают нагрузку, без правовых ограничений легко превращаются в инструмент иерархического управления правосудием.

Опыт США добавляет к этой картине существенный штрих. Случайное распределение (*wheel system*) традиционно рассматривается там как гарантия от манипулятивного выбора судьи, и в марте 2024 г. Judicial Conference ужесточила политику случайного распределения по делам общенационального значения, реагируя на практику подачи исков в односудейные подразделения с заранее предсказуемым судьёй [25]. Характерно, что эта политика носит рекомендательный характер и сразу же встретила возражения со ссылкой на законодательную норму, относящую распределение дел к компетенции самих окружных судов.

Американский сюжет тем самым демонстрирует, что даже случайность как принцип нуждается в твёрдом нормативном закреплении: оставаясь на уровне рекомендаций и обыкновений, она уязвима для процессуальных тактик сторон и ведомственных разногласий. Бра-

зильский опыт показывает обратную сторону: алгоритм распределения дел в Верховном федеральном суде закрыт, и исследователям приходится статистически проверять, является ли распределение действительно случайным [26]. Обе ситуации сводятся к общему выводу: доверие к распределению дел держится на его проверяемости, а не на декларации случайности или объективности. Эмпирические исследования восприятия алгоритмизации судебных функций подтверждают, что готовность общества принять автоматизацию резко падает по мере приближения алгоритма к содержательному ядру правосудия [27].

Главный риск интеллектуализации распределения связан с тем, что взвешивание по определению требует данных о судьях. Пока речь идёт о нагрузке и предметной специализации, профиль судьи остаётся организационным. Но самообучающаяся система, оптимизирующая, к примеру, сроки рассмотрения или «стабильность» приговоров, неизбежно начнёт учитывать содержательные характеристики прошлых решений: частоту оправданий, среднюю строгость наказания, устойчивость судебных актов в апелляции. Франция в 2019 г. отреагировала на родственную угрозу самым жёстким из возможных способов. Статья 33 Закона № 2019–222 запретила использование идентификационных данных судей для оценки, анализа, сравнения или прогнозирования их профессиональной практики, снабдив запрет уголовной санкцией вплоть до пяти лет лишения свободы [28]. Запрет адресован частной аналитике, и его обоснованность неоспорима, поскольку он ограничивает в том числе научное изучение судебной практики. Однако из него извлекается довод *a fortiori*: если профилирование судей коммерческими сервисами признаётся угрозой правосудию, то профилирование, встроенное в государственную систему распределения дел, тем более нуждается как минимум в прямом законодательном запрете отдельных параметров.

Второй риск менее очевиден. Усложнение алгоритма не устраняет усмотрение, а перемещает его. Усмотрение председателя суда, против которого была направлена реформа 2018 г., при непрозрачных весах сменяется усмотрением того, кто эти веса настраивает: администратора системы, разработчика, ведомства. С позиций права на законный суд такой результат едва ли лучше исходного. Манипулирование коэффициентом сложности или границами специализации способно предопределить судью не менее надёжно, чем прямое указание председателя, но обнаружить его несравнимо труднее.

К этому добавляется риск, связанный с качеством исходных данных. Взвешенная модель хороша ровно настолько, насколько достоверны сведения, которыми она оперирует. Условные единицы сложности дел, нормативы нагрузки, границы специализаций формируются людьми и организационными практиками, в которые могут быть встроены искажения, в том числе непреднамеренные. Если, к примеру, дела определённой категории систематически недооцениваются по трудоёмкости, судьи соответствующей специализации окажутся хронически перегружены, и алгоритм будет добросовестно воспроизводить эту несправедливость, придавая ей видимость объективности. Применительно к самообучающимся системам проблема обостряется: модель, обученная на данных о прошлом распределении, унаследует и закрепит все его дефекты. Требование регулярного независимого аудита алгоритмов на предмет подобных искажений, знакомое по дискуссии о применении искусственного интеллекта в правосудии в целом, к системам распределения дел применимо в полной мере.

Международные ориентиры в этой сфере складываются вокруг идеи контролируемости алгоритма. Европейская этическая хартия СЕРЕУ об использовании искусственного интеллекта в судебных системах (2018 г.) называет в числе базовых принципов прозрачность, недискриминацию и сохранение контроля со стороны пользователя. Регламент ЕС об искусственном интеллекте относит системы, предназначенные для содействия судебным органам, к высокорисковым, подчиняя их требованиям управления рисками, прозрачности и человеческого надзора. Показательно, что профилирование физических лиц Регламент относит к высокорисковым применениям без каких-либо изъятий, поэтому ссылка на «чисто административный» характер системы распределения дел в европейской логике не освобождала бы взвешенную модель с параметрами судей от повышенных требований. Российский законопроект об основах регулирования технологий искусственного интеллекта также построен на риск-ориентированном подходе и допускает к использованию в государственных системах лишь «доверенные» модели.

Такая концепция, как представляется, должна строиться на разграничении допустимого взвешивания и недопустимого профилирования. Допустимым видится взвешивание по параметрам, удовлетворяющим трём требованиям. Первое из них касается дела: учитываемые признаки должны быть процессуально формализованы (категория преступления, число обвиняемых и эпизодов, объём материалов), а не оце-

ночны. Второе касается судьи: его характеристики могут быть только организационными, то есть описывающими текущую занятость и предметную специализацию, но не содержание ранее принятых им решений. Учёт показателей «качества» работы судьи, будь то доля отменённых приговоров, частота оправданий или средняя мера наказания, должен быть запрещён прямо, поскольку превращает распределение дел в скрытый механизм управления судебной практикой. Третье требование касается источника правила: перечень параметров и их веса устанавливаются заранее публичным нормативным актом, по своей функции аналогичным германскому плану распределения, и не могут корректироваться самообучающейся системой в автономном режиме. Иными словами, искусственный интеллект может обслуживать взвешенную модель, но не вправе формировать само правило распределения.

Второе требование заслуживает развёрнутого пояснения, поскольку оно противоречит интуитивно привлекательной идее подбирать для дела «лучшего» судью. Представим систему, направляющую дела о налоговых преступлениях судьям с наибольшей «стабильностью» приговоров по этой категории. Внешне это выглядит заботой о качестве правосудия. Фактически же система начинает поощрять определённый тип судейского поведения и вытеснять отклоняющийся: судья, чаще других постановляющий оправдательные приговоры, постепенно перестает получать дела соответствующей категории, а вместе с ними и возможность влиять на формирование практики.

Содержательные ограничения нуждаются в процедурном подкреплении. Любое отступление от автоматизированного порядка допустимо лишь по основаниям, исчерпывающе перечисленным в законе, и оформляется мотивированным постановлением председателя суда, приобщаемым к материалам дела. Протокол автоматизированного распределения, фиксирующий дату, время, исходные параметры и результат, также подлежит приобщению к материалам дела, а стороны вправе с ним знакомиться. Сами журналы работы системы должны вестись в формате, исключающем незаметное изменение записей задним числом: уязвимость инфраструктуры, продемонстрированная атакой 2024 г., делает требование неизменяемости журналов не техническим пожеланием, а условием доказуемости законности состава суда.

Наконец, алгоритм распределения и применяемые им веса должны подвергаться периодическому независимому аудиту, результаты которого публикуются. Несоблюдение этих требований должно влечь признание состава суда незаконным с последствиями, предусмотренными п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ. С учётом изложенного предлагается дополнить ст. 30 УПК РФ частью 1.1 следующего содержания: «Перечень учитываемых автоматизированной информационной системой сведений о нагрузке и специализации судей и порядок их учёта, а также основания формирования состава суда без использования автоматизированной информационной системы устанавливаются федеральным законом. Сведения о результатах автоматизированного формирования состава суда приобщаются к материалам уголовного дела. Использование при формировании состава суда сведений о содержании судебных решений, ранее принятых судьёй, не допускается».

Подведем итог. Автоматизация распределения дел задумывалась как антикоррупционная гарантия, и в этом качестве она сохраняет значительный потенциал: равномерная нагрузка и исключение внепроцессуального выбора судьи отвечают интересам всех участников судопроизводства. Однако угроза смещается от председателя, распределяющего дела вручную, к непрозрачному алгоритму, веса которого доступны для незаметной настройки. Право на законный состав суда выдержит эту трансформацию только при условии, что алгоритм окажется связан законом в той же мере, в какой реформа 2018 г. стремилась связать усмотрение председателя. Предложенная в статье модель служит при этом обеим сторонам процесса: обвиняемому она гарантирует проверяемость законности состава суда, а судье даёт защиту от алгоритмического управления его деятельностью, без которой принцип независимости рискует оказаться подверженным эрозии.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.
2. Федеральный закон от 29.07.2018 № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

6. МИУФ 2026: какими должны быть ИИ-помощники в правосудии [Электронный ресурс] // Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/story/263701/> (дата обращения: 10.06.2026).

7. Искусственный интеллект в судах [Электронный ресурс] // TAdviser. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Искусственный_интеллект_в_судах (дата обращения: 10.06.2026).

8. В России запустили пилотные проекты использования нейросетей в судах [Электронный ресурс] // Известия. – URL: <https://iz.ru/2100474/v-rossii-zapustili-pilotnye-proekty-ispolzovaniia-neirosetei-v-sudakh-izi> (дата обращения: 10.06.2026).

9. Искусственный интеллект как помощь и угроза правосудию [Электронный ресурс] // РАПСИ. – 28.05.2026. – URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20260528/311883934.html (дата обращения: 10.06.2026).

10. Законопроект о регулировании ИИ в РФ вынесен на общественное обсуждение [Электронный ресурс] // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/digital/1078702> (дата обращения: 10.06.2026).

11. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 15–25.

12. Топилина Т.А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2023.

13. Мисник И.В. К вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 5.

14. Капустин О.А. Организация автоматизированного распределения дел в федеральном суде общей юрисдикции // Закон и право. – 2019. – № 1.

15. Титова И.А. Правовое регулирование распределения дел в судах: содержание, реализация, проблемы и направления совершенствования // Право и политика. – 2022. – № 7. – DOI: 10.7256/2454-0706.2022.7.38386.

16. Титова И.А. Правовое регулирование распределения дел в судах: реализация на примере новых регионов Российской Федерации // Российский судья. – 2024. – № 5.

17. Модуль распределения дел [Электронный ресурс] // Портал технической поддержки ГАС «Правосудие». – URL: <https://techportal.sudrf.ru/?id=303> (дата обращения: 10.06.2026).

18. Определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2014 № 656-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда о проверке конституционности статьи 18 и пункта 1 части 4 статьи 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

19. ECtHR, *Moiseyev v. Russia*, no. 62936/00, 9 October 2008 [Электронный ресурс]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 10.06.2026).

20. ECtHR, *DMD GROUP, a.s.v. Slovakia*, no. 19334/03, 5 October 2010 [Электронный ресурс]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 10.06.2026).

21. ECtHR (Grand Chamber), *Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland*, no. 26374/18, 1 December 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 10.06.2026).

22. Gerichtsverfassungsgesetz (GVG), § 21e [Электронный ресурс] // Gesetze im Internet. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gvg/_21e.html (дата обращения: 10.06.2026).

23. Постановление пленарного заседания Верховного Суда Республики Казахстан от 06.12.2019 № 21 «Об утверждении Правил автоматизированного распределения дел в судах» [Электронный ресурс] // ИС «Параграф». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34790161 (дата обращения: 10.06.2026).

24. Stern R.E., Liebman B.L., Roberts M.E., Wang A. Automating Fairness? Artificial Intelligence in the Chinese Courts // Columbia Journal of Transnational Law. 2021. Vol. 59. P. 515–553.

25. Conference Acts to Promote Random Case Assignment [Электронный ресурс] // United States Courts. – 12.03.2024. – URL: <https://www.uscourts.gov/data-news/judiciary-news/2024/03/12/conference-acts-promote-random-case-assignment> (дата обращения: 10.06.2026).

26. Marcondes D., Peixoto C., Stern J.M. Assessing randomness in case assignment: the case study of the Brazilian Supreme Court // Law, Probability and Risk. – 2019. – Vol. 18.

27. Barysė D., Sarel R. Algorithms in the court: does it matter which part of the judicial decision-making is automated? // Artificial Intelligence and Law. – 2024. – Vol. 32.

28. Loi n° 2019–222 du 23 mars 2019 de programmation 2018–2022 et de réforme pour la justice, art. 33 [Электронный ресурс] // Légifrance. – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038261631> (дата обращения: 10.06.2026).

AUTOMATED ALLOCATION OF CRIMINAL CASES AMONG JUDGES IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES: SAFEGUARDS OF THE RIGHT TO A LAWFUL COURT COMPOSITION

Kudrina E.A.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the legal regime of automated allocation of criminal cases among judges as the Russian judicial system moves towards the use of artificial intelligence technologies. The author demonstrates that Part 1 of Article 30 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation established automated court composition as a tool without building a system of procedural safeguards around it: the grounds for departing from the automated procedure remain undefined, the allocation parameters are not disclosed to the parties, and violations are practically undetectable. The article proposes a typology of case allocation models (random, weighted, intelligent) and substantiates a criterion for distinguishing them based on the source and verifiability of the allocation rule. Drawing on comparative legal analysis (Germany, Kazakhstan, China, the United States, France), the author draws a line between the permissible consideration of objective workload and specialisation parameters and the impermissible profiling of judges based on the content of their previous decisions. Proposals for amending Article 30 of the Code of Criminal Procedure are formulated.

Keywords: court composition; automated case allocation; artificial intelligence; judicial independence; lawful court; criminal proceedings; judicial profiling; digitalisation of justice.

References

1. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 No. 174-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2001, no. 52 (pt. I), art. 4921. (In Russ.)

2. Federal'nyy zakon ot 29.07.2018 No. 228-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of July 29, 2018 No. 228-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. *SPS "Kon-sultantPlyus"*. (In Russ.)

3. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 No. 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, no. 46, art. 4532. (In Russ.)

4. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 No. 95-FZ [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, no. 30, art. 3012. (In Russ.)

5. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii ot 08.03.2015 No. 21-FZ [Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation of March 8, 2015 No. 21-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2015, no. 10, art. 1391. (In Russ.)

6. MIYuF 2026: kakimi dolzhny byt' II-pomoshchniki v pravosudii [MIYuF 2026: what AI assistants in the administration of justice should be like]. *Pravo.ru*. Available at: <https://pravo.ru/story/263701/> (accessed June 10, 2026). (In Russ.)

7. Iskustvennyy intellekt v sudakh [Artificial intelligence in courts]. TAdviser. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Искусственный_интеллект_в_судах (accessed June 10, 2026). (In Russ.)

8. V Rossii zapustili pilotnye proekty ispol'zovaniya neyrosetey v sudakh [Russia has launched pilot projects on the use of neural networks in courts]. *Izvestiya*. Available at: <https://iz.ru/2100474/v-rossii-zapustili-pilotnye-proekty-ispolzovaniia-neirosetei-v-sudakh-izi> (accessed June 10, 2026). (In Russ.)

9. Iskustvennyy intellekt kak pomoshch' i ugroza pravosudiyu [Artificial intelligence as aid and threat to justice]. *RAPSI*, May 28, 2026. Available at: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20260528/311883934.html (accessed June 10, 2026). (In Russ.)

10. Zakonoproekt o regulirovanii II v RF vnesen na obshchestvennoe obsuzhdenie [Draft law on AI regulation in the Russian Federation submitted for public discussion]. *Interfaks*. Available at: <https://www.interfax.ru/digital/1078702> (accessed June 10, 2026). (In Russ.)

11. Golovko L.V. Tsifrovizatsiya v ugolovnom protsesse: lokal'naya optimizatsiya ili global'naya revolyutsiya? [Digitalisation in criminal procedure: local optimisation or global revolution?]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 1, pp. 15–25. (In Russ.)

12. Topilina T.A. Dostup k pravosudiyu v ugolovnom sudoproizvodstve v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy. Cand. Sci. (Law) Diss. [Access to justice in criminal proceedings under the development of digital technologies]. Moscow, 2023. (In Russ.)

13. Misnik I.V. K voprosu o tsifrovizatsii ugolovnogo sudoproizvodstva [On the digitalisation of criminal proceedings]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2023, no. 5. (In Russ.)

14. Kapustin O.A. Organizatsiya avtomatizirovannogo raspredeleniya del v federal'nom sude obshchey yurisdiktsii [Organisation of automated case allocation in a federal court of general jurisdiction]. *Zakon i pravo*, 2019, no. 1. (In Russ.)

15. Titova I.A. Pravovoe regulirovanie raspredeleniya del v sudakh: sodержanie, realizatsiya, problemy i napravleniya sovershenstvovaniya [Legal regulation of case allocation in courts: content, implementation, problems and directions for improvement]. *Pravo i politika*, 2022, no. 7. DOI: 10.7256/2454-0706.2022.7.38386. (In Russ.)

16. Titova I.A. Pravovoe regulirovanie raspredeleniya del v sudakh: realizatsiya na primere novykh regionov Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of case allocation in courts: implementation in the new regions of the Russian Federation]. *Rossiyskiy sud'ya*, 2024, no. 5. (In Russ.)

17. Modul' raspredeleniya del [Case allocation module]. Portal tekhnicheskoy podderzhki GAS "Pravosudie" [Technical support portal of the State Automated System "Pravosudie"]

vosudie"]. Available at: <https://techportal.sudrf.ru/?id=303> (accessed June 10, 2026). (In Russ.)

18. Opređenje Konstitutsionnogo Suda RF ot 03.04.2014 No. 656-O "Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda o proverke konstitutsionnosti stat'i 18 i punkta 1 chasti 4 stat'i 288 Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 3, 2014 No. 656-O on refusing to accept for consideration the request of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal concerning the constitutionality of Article 18 and clause 1 of part 4 of Article 288 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation]. SPS "KonsultantPlyus". (In Russ.)

19. ECtHR, *Moiseyev v. Russia*, no. 62936/00, October 9, 2008. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int> (accessed June 10, 2026).

20. ECtHR, *DMD GROUP, a.s.v. Slovakia*, no. 19334/03, October 5, 2010. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int> (accessed June 10, 2026).

21. ECtHR (Grand Chamber), *Guðmundur Andri Ástráðsson v. Iceland*, no. 26374/18, December 1, 2020. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int> (accessed June 10, 2026).

22. Gerichtsverfassungsgesetz (GVG), § 21e. Gesetze im Internet. Available at: https://www.gesetze-im-internet.de/gvg/_21e.html (accessed June 10, 2026).

23. Postanovlenie plenarnogo zasedaniya Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan ot 06.12.2019 No. 21 "Ob utverzhenii Pravil avtomatizirovannogo raspredeleniya del v

sudakh" [Resolution of the plenary session of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan of December 6, 2019 No. 21 "On Approval of the Rules for Automated Case Allocation in Courts"]. IS "Paragraf". Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34790161 (accessed June 10, 2026). (In Russ.)

24. Stern R.E., Liebman B.L., Roberts M.E., Wang A. Automating Fairness? Artificial Intelligence in the Chinese Courts. *Columbia Journal of Transnational Law*, 2021, vol. 59, pp. 515–553.

25. Conference Acts to Promote Random Case Assignment. United States Courts, March 12, 2024. Available at: <https://www.uscourts.gov/data-news/judiciary-news/2024/03/12/conference-acts-promote-random-case-assignment> (accessed June 10, 2026).

26. Marcondes D., Peixoto C., Stern J.M. Assessing randomness in case assignment: the case study of the Brazilian Supreme Court. *Law, Probability and Risk*, 2019, vol. 18.

27. Baryse D., Sarel R. Algorithms in the court: does it matter which part of the judicial decision-making is automated? *Artificial Intelligence and Law*, 2024, vol. 32.

28. Loi n° 2019–222 du 23 mars 2019 de programmation 2018–2022 et de réforme pour la justice, art. 33. *Légifrance*. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038261631> (accessed June 10, 2026).

Обман как признак состава фальшивомонетничества: разграничение статей 186 и 159 Уголовного кодекса Российской Федерации

Кузнецов Никита Константинович,

ведущий юрисконсульт, Акционерное общество «СЗПК»
E-mail: nikita15102001g@mail.ru

Статья посвящена роли обмана при разграничении фальшивомонетничества (статья 186 УК РФ) и мошенничества (статья 159 УК РФ). Актуальность темы обусловлена тем, что сбыт поддельных денег внешне сопровождается введением приобретателя в заблуждение, вследствие чего возникает вопрос о соотношении этих составов. Цель исследования – определить, какое значение имеет обман в составе фальшивомонетничества и по какому критерию следует отграничивать его от мошенничества. Методологическую основу составили формально-юридический, системный и логико-догматический методы. Проанализированы положения уголовного закона, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и доктринальные подходы. В качестве результата обосновано, что разграничение названных составов определяется различием непосредственного объекта и механизма причинения вреда: при фальшивомонетничестве посягательство направлено на установленный порядок денежного обращения, а введение конкретного лица в заблуждение имеет факультативное значение и не образует обязательного признака состава. Показано, что это не опровергает, а подтверждает понимание обмана как самостоятельного способа преступления, значение которого меняется в зависимости от объекта посягательства. Предложена система проверяемых индикаторов, позволяющих разграничивать названные составы на практике. Обосновано, что критерий разграничения, закреплённый в разъяснениях 1994 года, ориентирован на физический денежный знак и не учитывает современные безналичные и цифровые формы расчётов; в связи с этим предложено обновить разъяснения высшей судебной инстанции, сместив акцент с физического сходства на функциональный признак участия поддельного средства платежа в денежном обороте.

Ключевые слова: фальшивомонетничество; мошенничество; обман; способ совершения преступления; непосредственный объект; порядок денежного обращения; сбыт поддельных денег; квалификация.

Введение

Сбыт поддельных денежных знаков внешне всегда сопровождается введением приобретателя в заблуждение: лицо, принимающее подделку, не осознаёт ее поддельного характера. На этом основании может показаться, что фальшивомонетничество есть частный случай мошенничества, поскольку и там, и здесь присутствует обман. Однако уголовный закон выделяет фальшивомонетничество (статья 186 УК РФ) в самостоятельный состав, помещённый в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности, тогда как мошенничество (статья 159 УК РФ) относится к преступлениям против собственности [11].

Цель настоящей работы – определить, какое значение имеет обман в составе фальшивомонетничества и по какому критерию его следует отграничивать от мошенничества. Для этого необходимо рассмотреть объект и механизм причинения вреда при фальшивомонетничестве, проанализировать разъяснения высшей судебной инстанции и доктринальные подходы и сформулировать вывод о роли обмана в разграничении составов.

Объект и механизм причинения вреда при фальшивомонетничестве

Непосредственным объектом фальшивомонетничества выступает установленный порядок выпуска в обращение и обращения денег и ценных бумаг, то есть отношения, обеспечивающие устойчивость денежной системы [1; 5]. В отличие от мошенничества, где вред причиняется имущественным интересам конкретного потерпевшего, при фальшивомонетничестве вред причиняется надындивидуальному благу: поддельный денежный знак, попадая в оборот, способен переходить от одного добросовестного держателя к другому, причиняя ущерб неопределённому кругу лиц и подрывая доверие к денежной системе в целом [9].

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег и ценных бумаг», состав образует как изготовление, так и сбыт поддельных денег; при этом для квалификации сбыта существенно, что поддельные знаки имеют значительное сходство с подлинными и способны участвовать в обращении [4]. Тем самым закон охраняет не отдельного приобретателя, а сам оборот.

Роль обмана: обязательный признак или факультативное обстоятельство

С точки зрения механизма посягательства обман при фальшивомонетничестве не является обязательным признаком состава. Во-первых, преступление окончено уже с момента изготовления поддельных знаков в целях сбыта, когда никакого введения в заблуждение еще не происходит. Во-вторых, сбыт мыслим и без обмана приобретателя – например, при передаче подделки лицу, осведомленному о ее характере, для дальнейшего использования [1; 5]. Введение конкретного лица в заблуждение, таким образом, имеет факультативное значение: оно может сопровождать сбыт, но не образует обязательного элемента состава.

Это отличает фальшивомонетничество от мошенничества, в котором обман выступает именно способом завладения имуществом потерпевшего и без которого состав невозможен. В мошенничестве ложная информация служит средством индивидуального воздействия на волю определенного лица, побуждая его передать имущество; при фальшивомонетничестве подделка посягает на порядок денежного обращения независимо от того, был ли обманут конкретный приобретатель [6; 8].

Этот вывод имеет значение и для давнего доктринального спора о роли обмана в составе фальшивомонетничества. Сторонники широкого подхода рассматривают сбыт поддельных денег как частный случай обманного завладения имуществом, фактически сближая статью 186 со статьёй 159 УК РФ. Однако, как обоснованно отмечает В. И. Тюнин, общественная опасность фальшивомонетничества определяется не ущербом конкретному приобретателю, а угрозой устойчивости денежного обращения [6]. С этим согласуется и позиция А. И. Бойцова, связывающего объект данного посягательства с надындивидуальным благом – установленным порядком эмиссии и обращения денежных знаков [1]. Признание обмана обязательным признаком

состава противоречило бы как моменту окончания преступления, так и возможности сбыта подделки осведомленному лицу.

Критерий разграничения и квалификация смежных ситуаций

Из изложенного следует критерий разграничения: квалификация определяется не наличием или отсутствием обмана как такового, а тем, на какой объект направлено посягательство и какова роль информационного воздействия. Если поддельные знаки обладают существенным сходством с подлинными и способны к участию в обороте, содеянное посягает на порядок денежного обращения и образует фальшивомонетничество. Если же сходство грубое, исключающее участие в обращении, и подделка рассчитана на обман конкретного лица в конкретных обстоятельствах, содеянное направлено не против денежной системы, а против имущества потерпевшего и подлежит квалификации как мошенничество [3; 4].

На прикладном уровне разграничение может опираться на проверяемые индикаторы. В пользу фальшивомонетничества свидетельствуют: существенное сходство поддельного знака с подлинным, позволяющее ему участвовать в обороте; направленность умысла на запуск подделки в обращение независимо от конкретного приобретателя; серийность и неопределенный круг потенциальных потерпевших. В пользу мошенничества свидетельствуют: грубое несоответствие подделки подлиннику, исключающее ее дальнейшее обращение; расчет на обман конкретного лица в конкретной обстановке (например, при размене в условиях ограниченной возможности проверки); единичный характер деяния, направленного на имущество определенного потерпевшего. Преобладание признаков той или иной группы и определяет квалификацию.

Этот вывод подтверждает понимание обмана как самостоятельно-го межсоставного способа преступного поведения. Обман не исчезает при фальшивомонетничестве, но меняет свою юридическую роль: из способа завладения имуществом он превращается в факультативное обстоятельство, поскольку объект посягательства иной. Значение обмана определяется тем, на какое благо направлено деяние, а не наличием искажения сведений самого по себе [14].

Критерии разграничения в условиях цифровизации денежного обращения

Сформулированный критерий разграничения опирается на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2, ориентированное на физический денежный знак: ключевым признаком, относящим деяние к фальшивомонетничеству, названо существенное сходство поддельного знака с подлинным, обеспечивающее его способность к участию в обращении. Между тем за прошедшие десятилетия структура денежного оборота принципиально изменилась. Доминирующее значение приобрели безналичные и цифровые формы расчетов, а наряду с ними получили распространение подделки, не сводимые к имитации бумажной купюры, – поддельные платёжные приложения, фишинговые ресурсы, имитирующие интерфейсы банков и платёжных систем, поддельные электронные средства платежа. К таким формам критерий «физического сходства с подлинным денежным знаком» неприменим напрямую, поскольку у соответствующих объектов отсутствует материальный носитель, сопоставимый с купюрой.

Возникает разрыв между буквальным содержанием разъяснений 1994 года и современной практикой оборота средств платежа. Этот разрыв порождает квалификационную неопределённость: деяния, посягающие на устойчивость безналичного денежного обращения, с трудом укладываются в критерий, рассчитанный на осязаемую подделку, и нередко по умолчанию квалифицируются как мошенничество, хотя по своему объекту тяготеют к посягательствам на порядок денежного обращения. Тем самым обнаруживается, что проблема разграничения статей 186 и 159 УК РФ не исчерпывается доктринальным спором о роли обмана, а имеет актуальное измерение, обусловленное цифровизацией.

С учётом изложенного представляется обоснованным обновление разъяснений высшей судебной инстанции по делам данной категории. Критерий разграничения целесообразно переформулировать, сместив акцент с физического сходства поддельного объекта с подлинным денежным знаком на функциональный признак – направленность деяния на участие поддельного средства платежа в денежном обороте и на устойчивость этого оборота. При таком подходе квалификация определяется не материальной природой подделки, а тем, посягает ли деяние на надындивидуальное благо – установленный порядок обращения средств платежа, либо направлено на обман конкретного

потерпевшего и завладение его имуществом. Подобное обновление обеспечило бы единство квалификации применительно как к традиционным, так и к цифровым формам подделки и сохранило бы практическую применимость критерия в изменившихся условиях денежного обращения.

Закключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее. Разграничение мошенничества и фальшивомонетничества обусловлено различием непосредственного объекта и механизма причинения вреда: в первом случае ложная информация служит средством индивидуального воздействия на волю потерпевшего и является обязательным признаком состава, во втором – подделка денежных знаков или ценных бумаг посягает на установленный порядок денежного обращения, а введение конкретного лица в заблуждение имеет факультативное значение.

Вместе с тем установлено, что критерий разграничения, закреплённый в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1994 года, ориентирован на физический денежный знак и не учитывает современные безналичные и цифровые формы расчетов. В связи с этим обосновано предложение об обновлении разъяснений высшей судебной инстанции: критерий разграничения статей 186 и 159 УК РФ целесообразно переформулировать, сместив акцент с физического сходства поддельного объекта с подлинным денежным знаком на функциональный признак – направленность деяния на участие поддельного средства платежа в денежном обороте и на устойчивость этого оборота.

Дальнейшее развитие темы предполагает распространение предположенного критерия на разграничение мошенничества и иных составов, в которых обман сопутствует посягательству на надындивидуальные блага, а также детальную проработку квалификации применительно к новым цифровым формам оборота поддельных платёжных инструментов.

Литература

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. 773 с.
2. Клепицкий И.А. Введение в экономическое уголовное право: учеб. пособие. Москва: Проспект, 2022. 296 с.
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.
4. О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег и ценных бумаг: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 7.
5. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. Москва: Норма, 2012. 527 с.
6. Тюнин В.И. Вопросы уголовной ответственности за изготовление, хранение, перевозку или сбыт поддельных денег или ценных бумаг // Криминалист. 2025. № 3 (52). С. 89–96.
7. Хилута В.В. Признаки мошеннического обмана в теории и практике уголовного закона // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2 (8). С. 13–19.
8. Черняков М.Ю. Мошенничество в сфере оборота ценных бумаг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тамбов, 2005. 25 с.
9. Третьяк М.И. Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве России. Москва: Юрлитинформ, 2014. 200 с.
10. Лимонов В.Н. Понятие мошенничества // Законность. 1997. № 11. С. 34–38.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. Капустина Е.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4. С. 185–190.
13. Архипов А.В. Квалификация мошенничества по уголовному законодательству России: монография / под ред. Л.М. Прокументова. Москва: Юрлитинформ, 2020. 231 с.
14. Кузнецова Е.Г. Обман как способ хищения при мошенничестве // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 3 (40). С. 40–44.

DECEIT AS AN ELEMENT OF COUNTERFEITING: DISTINGUISHING ARTICLES 186 AND 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kuznetsov N.

NWPC Joint Stock Company

The article addresses the role of deceit in distinguishing counterfeiting (Article 186 of the Criminal Code of the Russian Federation) from fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation). The relevance of the topic stems from the fact that the sale of counterfeit money is outwardly accompanied by misleading the acquirer, which raises the question of the relationship between these elements of crime. The purpose of the study is to determine the significance of deceit within the element of counterfeiting and the criterion by which it should be distinguished from fraud. The methodological framework combines formal legal, systemic and logical-dogmatic methods. The article analyzes the provisions of the criminal law, the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and doctrinal approaches. As a result, it is substantiated that the distinction between these elements is determined by the difference in the direct object and the mechanism of causing harm: in counterfeiting, the encroachment is directed at the established order of monetary circulation, while misleading a particular person is of facultative significance and does not constitute a mandatory element. It is shown that this does not refute but rather confirms the understanding of deceit as an independent method of crime, whose significance changes depending on the object of the encroachment. A system of verifiable indicators for distinguishing these elements of crime in practice is proposed. It is substantiated that the distinguishing criterion established in the 1994 explanations is oriented towards a physical banknote and does not account for modern cashless and digital forms of settlement; accordingly, it is proposed to update the explanations of the supreme judicial instance by shifting the emphasis from physical similarity to the functional criterion of a counterfeit means of payment participating in monetary circulation.

Keywords: counterfeiting; fraud; deceit; method of committing a crime; direct object; order of monetary circulation; sale of counterfeit money; qualification.

References

1. Boitsov A.I. Prestupleniia protiv sobstvennosti [Crimes against property]. Saint Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press; 2002. 773 p.
2. Klepitskii I.A. Vvedenie v ekonomicheskoe ugovolnoe pravo: ucheb. posobie [Introduction to economic criminal law: a textbook]. Moscow: Prospekt; 2022. 296 p.
3. O sudebnoi praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 30.11.2017 No. 48 [On judicial

practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48]. Biulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 2018;(2).

4. O sudebnoi praktike po delam ob izgotovlenii ili sbyte poddel'nykh deneg i tsennykh bumag: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 28.04.1994 No. 2 [On judicial practice in cases of manufacture or sale of counterfeit money and securities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 28, 1994 No. 2]. Biulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 1994;(7).

5. Lopashenko N.A. Posiagatel'stva na sobstvennost' [Encroachments on property]. Moscow: Norma; 2012. 527 p.

6. Tiunin V.I. Voprosy ugovolnoi otvetstvennosti za izgotovlenie, khranenie, perevozku ili sbyt poddel'nykh deneg ili tsennykh bumag [Issues of criminal liability for the manufacture, storage, transportation or sale of counterfeit money or securities]. Kriminalist. 2025;(3):89–96.

7. Khiliuta V.V. Priznaki moshennicheskogo obmana v teorii i praktike ugovolnogo zakona [Features of fraudulent deceit in the theory and practice of criminal law]. Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2009;(2):13–19.

8. Cherniakov M. Iu. Moshennichestvo v sfere oborota tsennykh bumag: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Fraud in the sphere of securities circulation: abstract of the dissertation of the candidate of legal sciences]. Tambov; 2005. 25 p.

9. Tret'iak M.I. Moshennichestvo kak prestuplenie protiv sobstvennosti v sovremennom ugovolnom prave Rossii [Fraud as a crime against property in modern Russian criminal law]. Moscow: IurLitinform; 2014. 200 p.

10. Limonov V.N. Poniatie moshennichestva [The concept of fraud]. Zakonnost'. 1997;(11):34–38.

11. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ]. Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1996;(25): Art. 2954.

12. Kapustina E.A. Ugolovno-pravovaia kharakteristika prestuplenii protiv sobstvennosti, sovershaemykh putem obmana i (ili) zloupotrebleniia doveriem [Criminal-law characteristics of crimes against property committed by deceit and (or) abuse of trust]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2010;(4):185–190.

13. Arkhipov A.V. Kvalifikatsiia moshennichestva po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii: monografiia [Qualification of fraud under the criminal legislation of Russia: a monograph]. Moscow: IurLitinform; 2020. 231 p.

14. Kuznetsova E.G. Obman kak sposob khishcheniia pri moshennichestve [Deceit as a method of theft in fraud]. Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniia i prava. 2017;(3):40–44.

Организационно-правовые формы криминалистической деятельности в довоенные и годы Великой Отечественной войны

Матюшкина Анастасия Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского Государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
E-mail: m.valli79@mail.ru

В статье на основе архивных материалов и историко-правовых источников анализируются организационно-правовые условия расследования преступлений в довоенные и годы Великой Отечественной войны, дается общая характеристика основных видов преступной деятельности довоенных, военных и послевоенных лет, и делается вывод о влиянии исторических условий борьбы с преступностью на структуру органов расследования и механизмы осуществления криминалистической деятельности с трансляцией положительного опыта такой структуры в современную систему правоохранительных органов.

Методологической базой исследования стали методы сравнительного, статистического, правового анализа, а также метод ситуационно-криминалистического поиска.

В качестве результатов исследования автором сформулированы следующие выводы и положения.

Современная система правоохранительных органов стала преемницей и сохранила в себе черты советской системы следственных и розыскных органов, формирование которой было предопределено следующими факторами довоенного и военного времени: а) милитаризацией криминалистической деятельности и уголовного права; б) ситуативным слиянием и разделением следственных и оперативных органов; в) концентрацией расследования в едином ведомстве (НКВД/НКГБ) с параллельным существованием военной контрразведки; г) признанием бандитизма основным объектом борьбы ввиду его гибридной (уголовно-политической) природы; д) применением чрезвычайных, внесудебных и репрессивных методов.

Ключевые слова: криминалистическая деятельность в довоенные и военные годы, расследование бандитизма, советские правоохранительные органы

Современная российская правоохранительная система, в частности, та ее часть, которая выстроена для решения задач по раскрытию и расследованию преступлений, стала преемницей советской системы органов по борьбе с преступностью. По мнению автора, ее формирование невозможно понять без обращения к истокам, заложенным в период начала строительства советского государства. Кроме того, характер расследований преступлений в довоенное и военное время – с его высокой политизацией, слиянием оперативных и следственных функций в едином исполнительном органе, а также жесткой централизацией – предопределил те организационно-правовые формы, которые были востребованы как в самом начале существования Советской России, так и в экстремальных условиях 1941–1945 годов. В свою очередь, военный опыт – с его чрезвычайными мерами, милитаризацией судопроизводства и объединением усилий всех силовых ведомств – оказал долгосрочное влияние на послевоенное устройство следственных органов, многие черты которого (включая принципы взаимодействия следователей и оперативных служб, особый порядок расследования государственных преступлений и традиции ведомственной подследственности) прослеживаются вплоть до современности.

К началу Великой Отечественной войны система органов власти в молодом советском государстве уже сложилась в своих основных элементах, однако многие ее структурные части продолжали претерпевать изменения. Этот процесс в первую очередь был характерен в отношении все еще формирующихся органов дознания и следствия.

Задача по раскрытию и расследованию преступлений в СССР была возложена на исполнительный орган, который в своем развитии претерпел внушительное количество преобразований. На момент начала Великой Отечественной войны он снова именовался Народным комиссариатом внутренних дел – НКВД (возник в 1917 г. как НКВД, в 1932 г. упразднен, а ведомства рабоче-крестьянской милиции и уголовного розыска перешли в подчинение Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), однако в 1934 г. вновь создан с возвращением себе широких полномочий).

Характерной чертой НКВД того времени было то, что в его составе были объединены ведомства рабоче-крестьянской милиции, в том числе и уголовного розыска, и органов государственной безопасности. Что примечательно, органы госбезопасности в феврале 1941 года были выведены в отдельное ведомство – Народный комиссариат государственной безопасности, затем в июле 1941 года – оба ведомства снова соединяют, а в 1943 году вновь реорганизуют в два самостоятельных наркомата. Такая перестановка будет характерна для этих ведомств вплоть до 50-х г.г. Причем для органов внутренних дел (милиции) это всегда будет означать либо переход в подчинение органов госбезопасности, либо самостоятельное функционирование в рамках НКВД. В рамках такой реорганизации были учреждены либо воссозданы следственные отделения и группы в составе Контрразведывательного, Секретно-политического, Экономического и Транспортного управлений, а также Оперативного отдела Главного управления лагерей НКВД СССР. Наряду с этим в центральном аппарате Наркомата было создано обособленное следственное подразделение – Следственная часть по особо важным делам. Сохранились следственные подразделения и в органах Главного управления милиции. В августе 1941 года следственная часть появилась также в структуре Управления особых отделов НКВД СССР (военной контрразведке) [1, с. 26].

Международная милитаризация не могла не повлиять и на организацию правоохранительной системы внутри страны. В предвоенные годы принимались меры, обеспечивающие способность милиции к работе в условиях военного времени: вводятся, в частности, мобилизационные планы, отрабатываются вопросы боеготовности. Более того, пополнение рядов Рабоче-крестьянской Красной Армии происходило за счет штатного состава органов внутренних дел.

Особенностью милиции 30-х гг. являлась ее военизация. Она приняла (и вполне оправданно) форму оборонно-спортивной работы: тренировки в кружках Осоавиахима, Красного Креста, Автодора, занятий в аэроклубах, в ходе которых милиционеры осваивали одну из военных специальностей. В часы служебной подготовки объединенные в крупные войсковые подразделения отделы и службы органов внутренних дел практически отрабатывали приемы обращения с оружи-

ем, вопросы проведения оборонительных и наступательных операций. Милиция также готовилась к войне [2, с. 62].

Необходимо отметить еще одну особенность организации криминалистической деятельности в советской России, которая возникла в момент создания наркомата внутренних дел — с самого начала сформированный в его структуре отдел уголовного розыска выполнял не только розыскные задачи по поиску и задержанию подозреваемых в совершении преступлений, но занимался и расследованием преступлений в целом. То есть функции оперативно-розыскных и следственных органов на первоначальных этапах развития правоохранительной системы Советского Союза были объединены в полномочиях единого органа — Уголовного розыска, созданного как структурное подразделение советской милиции, входящей в состав НКВД. Это объясняется тем, что изначально на наркомат было возложено выполнение самых разнообразных задач, поскольку создавался данный исполнительный орган взамен упраздненного Министерства внутренних дел Российской Империи, которое в свое время обладало весьма обширными полномочиями, обеспечивая нормальное внутригосударственное развитие. По аналогии с бывшим министерством на НКВД были возложены полномочия от охраны от посягательств социалистической собственности до ведения деятельности по содержанию коммунального хозяйства, включая задачи по охране общественного порядка, возложенные на рабоче-крестьянскую милицию, которая к моменту создания НКВД вошла в его состав.

Вообще функция государства по охране общественного порядка и защите граждан от преступных посягательств в молодой советской России концептуально, согласно марксистско-ленинской теории, должна была осуществляться на безвозмездной, а не на профессиональной, основе всеми членами социалистического общества: согласно идеям «социалистической революции», профессиональная армия и полиция должны быть заменены на «всеобщее вооружение народа».

Этот тезис и попытались воплотить в жизнь пришедшие в октябре 1917 года к власти большевики. 28 октября (10 ноября) 1917 года было принято решение о создании рабоче-крестьянской милиции (РКМ), однако организационно и нормативно данный вопрос проработан не был: делалась ставка на самоорганизацию и самосознание «трудового народа», а деятельность по охране общественного порядка рассматривалась как «революционная повинность» каждого сознательного гражданина советской России. Каждый взрослый гражданин должен был нести службу в милиции две недели в год — это была та организационная платформа, которая должна была стать основой формирования РКМ.

Такое положение вещей стало одной из многих причин резкого роста преступности в 1917–1918 г.г. Осознавая угрожающий размах преступности и необходимость изменения криминогенной обстановки в стране, правительство переводит РКМ на профессиональную основу и 12 октября 1918 г. принимает Инструкцию «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции», чем оформляет окончательное создание нового правоохранительного органа — советской милиции.

В то же время в структуре самой милиции формируется отдел уголовного розыска с задачами «...охраны революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом». В последующие годы происходило непрерывное территориальное расширение сети органов уголовного розыска [2, с. 58].

В 1919 г. в РКМ формируется институт народных следователей и следственных комиссий, сначала — при НКВД, затем — при Прокуратуре СССР, подведомственной на тот момент Наркомату юстиции. Однако на деле, в связи с резким ростом уголовной преступности, полномочия по расследованию преступлений, равно как и оперативная работа с дознанием, сосредотачиваются в уголовном розыске, что объяснялось необходимостью принятия оперативных решений в отношении лиц, подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений: применялся так называемый метод внесудебного преследования преступников и граждан, соприкасавшихся с преступной средой.

Здесь стоит упомянуть печально известные особые совещания, а затем — особые отделы при контрразведке, в них в 1941 году были сформированы свои следственные части. Особые совещания (отделы) вместо судебной инстанции выносил приговор, когда речь шла о ворах-рецидивистах, профессиональных нищих, нигде не работающих гражданах, а также о политических преступлениях и делах о контрреволюции.

Помимо ОСО исключительными полномочиями по вынесению внесудебных приговоров по делам, по которым предусмотрена высшая мера наказания, обладала Всероссийская чрезвычайная комиссия. ВЧК позже будет преобразована в отдел государственной безопасности в структуре НКВД, а далее — в самостоятельный орган, постоянно

«конкурирующий» с НКВД СССР по вопросу ведомственной принадлежности уголовного розыска.

В период активной реорганизации правоохранительной системы принимается решение об учреждении в составе Прокуратуры СССР следственных отделов (согласно постановлению Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 5 ноября 1936 г. «О структуре Прокуратуры Союза ССР»). А в 1938–1939 гг. следственные подразделения, наконец, были учреждены в органах госбезопасности и милиции, подведомственных в то время НКВД СССР [3, с. 164].

Таким образом, на момент начала Великой Отечественной войны следственный корпус правоохранительной системы страны приобретает свои постоянные черты: раскрытием и расследованием преступлений уполномочены заниматься следственные подразделения НКВД, а затем НКВД и НКГБ, и прокуратуры СССР.

Объединение РКМ и органов госбезопасности в одном наркомате при всей их непримиримой конкуренции полномочий объяснялось спецификой криминальной деятельности того периода: начиная с октябрьского переворота 1917 года, в результате которого произошла кардинальная смена не только самих органов управления, но государственного строя целиком, включая период Великой Отечественной войны, и в послевоенное время наблюдается слияние (как с самого начала, так и на определенных этапах криминальной деятельности) политической, военной и уголовной преступности. Именно в это время активно и масштабно развивается такое криминальное явление как бандитизм, который и становится основной целью борьбы с преступностью. Хочется особо подчеркнуть, что зачастую осуществление розыскной деятельности по поиску врагов политического режима, дезертиров, членов диверсионных групп противника вело сотрудников госбезопасности к версиям о принадлежности обозначенных категорий преступников к их членству в составе банальных бандитских группировок, промышляющих разбойными нападениями, кражами, грабежами, убийствами и другими насильственными преступлениями. Такие следственные ситуации неизбежно приводили к постоянному взаимодействию милиции и чекистов.

Кроме того, следует еще раз отметить, что многие части и подразделения Красной армии формировались, особенно в первые месяцы Великой Отечественной войны, за счет штата советской милиции, в том числе и уголовного розыска. Подобный кадровый отток на фронт в свою очередь также предопределил объединение усилий всех силовых ведомств для продолжения работы по борьбе с преступностью за линией фронта. Такое объединение имело свои преимущества: оно обеспечивало оперативный межведомственный обмен информацией о субъектах криминальной деятельности и позволяло более эффективно организовывать и проводить совместные действия по их задержанию. Поэтому структурное объединение органов государственной безопасности, милиции и уголовного розыска в тот период было исторически оправданным шагом.

Отдельно хочется остановиться на организации расследования шпионажа и диверсионной деятельности: здесь основная роль принадлежит подразделениям «Смерш». Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 19.04.1943 № 415–138сс Управление особых отделов НКВД СССР было преобразовано в органы контрразведки «Смерш» Наркоматов обороны, внутренних дел и военноморского флота СССР. Следственная часть по особо важным делам перешла из НКВД в структуру Наркомата государственной безопасности [1, с. 138–139]. Следственные подразделения были предусмотрены во всех органах контрразведки «Смерш». Наиболее разветвленным следственным аппаратом располагало Главное управление контрразведки «Смерш» Наркомата обороны: в структуре Главного управления контрразведки НКО учреждался следственный (шестой) отдел. В структуре Управления контрразведки фронта был предусмотрен следственный (четвертый) отдел, а в структуре Отдела контрразведки армии — следственное отделение [1, с. 69–71].

Далее хочется остановиться подробнее на изучении основных видов преступной деятельности периода ВОВ и послевоенного времени, поскольку согласно канонам классической криминалистики, сама криминалистическая деятельность предопределяется характером деятельности криминальной, и, как уже отмечалось выше, наглядным тому подтверждением стал генезис развития советской системы органов следствия.

Несмотря на деятельность, которая велась по подготовке к войне с Гитлером, на момент начала нападения, в июне 1941 года, руководство страны оказалось в состоянии растерянности перед захватчиком. Об этом свидетельствуют исторические документы и воспоминания очевидцев. И.В. Сталин ожидал нападения, но гораздо позже... Растерянность руководства передалась на места: механизм осуществления государством своих управленческих функций был на значительное

время поврежден. Очень многое стало зависеть от индивидуальных решений конкретных должностных лиц, что во многом спасало положение, однако ответная реакция на вторжение захватчиков все же была запоздалой и несоразмерной масштабам наступления...

В обстановке «частичного паралича» государственно-административного механизма Советский Союз начал противостояние гитлеровской Германии. Данное обстоятельство сильно повлияло и на настроение и поведение общества: не все граждане встали на защиту Родины в твердом убеждении поразить врага. Кроме того, на момент начала военных действий пусть и с меньшим размахом по сравнению 1937–38 г.г., но работала машина репрессий, а это означало формирование целого общественного пласта недовольных, «обиженных» режимом людей. Ситуацию усугубляли социально-экономические факторы: начались перебои с поставкой продовольствия в и без того не изобилующие достатком магазины; беспризорность (хотя государство и вело с этим социальным явлением отчаянную борьбу) сохранялось на всей территории Советского Союза, и многие иные обстоятельства способствовали разрастанию преступности в угрожающих масштабах.

Надо сказать, что и в довоенное время уровень преступности не был низким: давали знать о себе отголоски времен гражданской войны, кроме того, социально-экономический уровень населения свидетельствовал о крайней бедности подавляющей части советского общества, поэтому был высок уровень совершения бытовых хищений. Крали все: от велосипедов и старых валенок из квартир и домов до гаек и опилок – с предприятий. По воспоминаниям сотрудников милиции того времени, советские граждане жили очень бедно: «В частности, Тимофей Александрович [Т.А. Сивак – сотрудник рязанского уголовного розыска] пишет, что для улучшения питания сотрудникам милиции были выделены участки земли под огороды. Большим событием для семьи милиционера стала покупка коровы: это позволило улучшить питание, но существенно сократило семейный бюджет, поскольку дорогая покупка потребовала вложения всех имеющихся средств: «Зина [жена] даже юбку продала» [4, с. 61].

Таким образом, криминогенных факторов на начало Великой Отечественной войны в стране накопилось предостаточно, что и стало причиной резкого роста преступности не только на территориях, прилегающим к оккупированному противником, но и во всей стране.

В соответствии с указами «О военном положении», «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» и «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» судопроизводство и уголовное право приобретает милитаризированный характер.

Наказание за отдельные виды преступлений ужесточаются. В соответствии с требованиями военного времени упрощается порядок расследования и сокращаются сроки расследования очевидных преступлений, а также и процесс вынесения решения по делу. По некоторым делам предварительное следствие совсем не проводилось. Формируются военные трибуналы, которым было предоставлено право рассмотрения дел по истечении суток после вручения обвинительного заключения. Приговоры обжалованию не подлежали. Приговоры о расстреле могли приводиться в исполнение в течение 72 часов [5, с. 13].

Среди всех видов криминальной деятельности, имевших верхние пределы показателей криминальной статистики военных и послевоенных лет, следует выделить те, которые представляли наибольшую общественную опасность и угрожали национальной и государственной безопасности страны: в первую очередь это бандитизм, шпionaж, дезертирство, уклонение от мобилизации, диверсионная деятельность. Причем если речь шла об иных видах преступной деятельности, например, о хищениях имущества (от бытовых краж и мошенничеств с подделкой продуктовых карточек до хищений социалистической собственности), содержании притонов, спекуляции и т.п., то они зачастую становились эпизодами все той же систематической деятельности бандитских групп и шаяк. Поэтому бандитизм сосредотачивал на себе практически все внимание и без того малочисленной советской милиции. Как уже упоминалось ранее, значительное число сотрудников милиции было прикомандировано к воинским частям для участия в боевых действиях в рядах Красной Армии. В условиях военного времени и кадрового дефицита в НКВД СССР все-таки создаются территориальные отделы по борьбе с бандитизмом.

Рассмотрим более подробно с уголовно-правовой точки зрения бандитизм в историческом аспекте развития законодательства о нем. Сам по себе бандитизм как социальное явление был очерчен в советском законодательстве: в дореволюционной России такого термина в законодательстве закреплено не было, он встречался лишь на страницах монографий и очерков о судебной практике. Так, адвокат С.П. Марголин вел дело «Черной банды». В 1910 г. Н.В. Никитин

опубликовал сборник криминальных очерков, один из которых назывался «Варшавская банда» [6, с. 80].

В советском государстве понятие банды на системном уровне было законодательно впервые закреплено в УК РСФСР 1922 г. Причем следует отметить, что с самого начала состав бандитизма был сильно политизирован: к участию в банде приравнивалось групповое дезертирство и контрреволюционная деятельность в составе группы лиц. В этой связи следует согласиться с О.А. Кузнецовым и С.В. Нестеровым в том, что «для России, перенесшей в один год две революции, были характерны ухудшение общественных отношений, рост социальной напряженности, резкое ухудшение состояния всех сфер жизнедеятельности общества. Эти условия как нельзя лучше способствовали объединению уголовников, анархистов и различных деклассированных элементов в устойчивые вооруженные группы. Бандами такие группы стали именовать в период становления советской власти и борьбы с контрреволюционными элементами» [7, с. 28]. Согласно действующему довоенному законодательству участники банд приравнивались к врагам народа, и расправа с ними была соответствующей. Уголовно-правового определения и четкого состава бандитизм в первые годы советской власти еще не приобрел, однако, как социальное явление и механизм борьбы с ним, были закреплены в документальных источниках.

В УК РСФСР 1922 г. состав бандитизма был описан в ст. 76 следующим образом: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей, безразлично, сопровождался ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождался ... Пособничество бандам и укрывательство банд и отдельных их участников, а равно сокрытие добытого и следов преступления...» [8]. То есть по сути, самой дефиниции бандитизма дано еще не было: описаны лишь способы и формы участия в бандах. Политический оттенок бандитизма в этом определении звучит отсутствием дифференциации по отношению к целям участия в бандах и целям совершения ими преступлений. Кроме того, в ст. 58 УК РСФСР 1922 г. при определении контрреволюционной деятельности в качестве одной из ее форм указывается участие в бандах [8], что вновь подтверждает мысль о том, что бандитизм в довоенное, а затем и в военное и послевоенное время, рассматривался в том числе и как политический состав, а, значит, и средства борьбы с ним были соответствующими.

Более определенно звучит состав бандитизма в УК РСФСР 1926 г., где присутствует основной признак его объективной стороны – вооруженность участников: «Бандитизм, то есть организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов и разрушения железнодорожных путей и иных средств сообщений и связи» [9]. Однако самого определения банды по-прежнему не давалось. Кроме того, можем заметить, что и разграничения с разбоем в определении бандитизма тоже не было.

Наконец, к концу 1930-х – началу 1940-х гг. признаки вооруженности и устойчивости стали иметь решающее значение при квалификации бандитизма [7, с. 28].

Итак, к началу войны бандитизм, объединяя в себе признаки как криминальной, так в отдельных случаях и политической преступности, стал основным объектом борьбы для правоохранительных органов. Сами банды представляли собой иерархически сложившиеся группы, в которых роли распределялись и вертикально, и горизонтально. Вертикально – это была система с относительно устойчивым механизмом управления: главарь банды руководил своим ближайшим окружением, у каждого из такого окружения была своя группа исполнителей. Горизонтально роли распределялись среди исполнителей ситуативно: кто-то участвует в вооруженном налете, кто-то сторожит, кто-то складировал награбленное. Кроме того, в каждой банде имелись свои наводчики, которые к исполнителям не имели отношения и фактически считались не состоящими в банде, однако с уголовно-правовой точки зрения выполняли роли пособников. К ним могли относиться граждане, работавшие в сфере оказания услуг населению: продавцы магазинов, портнихи, повара, водители, прикомандированные к продуктовым магазинам и т.п. Членами бандитских групп, как правило, являлись дезертиры, беглые уголовники, лица с криминальным прошлым, беспризорники, объединявшиеся с целью обогащения для совершения вооруженных ограблений, краж и других имущественных преступлений, которые нередко сопровождался сопутствующими преступлениями: убийствами, изнасилованиями, причинением вреда здоровью, поджогами, порчей имущества и т.п. «Анализ контингента преступников, привлеченных за бандитизм, разбой и грабежи органами милиции за 9 месяцев 1942 года, показал, что 67,1% составляли

дезертиры армии и производства, а также лица, уклоняющиеся от мобилизации» [10, с. 57].

Среди характерных способов совершения вооруженных ограблений, как основной формы деятельности банд, были налеты с применением оружия на магазины, склады и иные точки нахождения товарно-материальных ценностей. Для совершения таких налетов велась «предварительная работа»: наблюдение за точкой будущего налета, которое вели, как правило, наименее заметные для правоохранительной системы лица из членов банды – это не попавшие в поле зрения милиции молодые дезертиры, беспризорики и т.п. Вычислялись наиболее удобное время и обстановка нападения согласно данным таких «наблюдателей».

Нужно отметить, что преступным группировкам приобрести признак вооруженности не составляло труда: слабый контроль за оборотом оружия в военное и послевоенное создал благоприятные условия для доступности вооружения у бандитов, что позволяло с особой опасностью и серьезностью совершать разбои и другие сопутствующие преступления [11, с. 22].

Временем совершения бандитских преступлений, как правило, было ночное или вечернее. Не гнушались бандиты и одиночными нападениями на граждан в ночное или вечернее время на пустырях и безлюдных улицах.

Кроме этого, совершалось большое количество военных преступлений: в первую очередь, дезертирство, шпионаж, диверсионная деятельность. Как уже отмечалось ранее, характерной чертой криминальной деятельности рассматриваемого периода является слияние всех ее видов в бандитизм: часто дезертиры и диверсанты вливались в банды. Первые – для обеспечения своего существования, вторые – для реализации диверсионных задач. Часть участников банд – лица с криминальным прошлым, бывшие беспризорики, не имеющие постоянного места работы, ведущие «антиобщественный образ жизни». Однако, как указывалось выше, основная часть банд состояла из дезертиров.

С конца 1942 г. был принят ряд новых мер по усилению борьбы с дезертирством. В соответствии с постановлением ГКО № 2401 от 11 октября 1942 г. и приказом НКВД СССР № 002265 от 14 октября 1942 г. дезертиры, занимающиеся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой деятельностью, подлежали с этого времени заочному осуждению, причем указанные преступления квалифицировались по статье 58–1 «б» УК РСФСР. На основании этого же приказа после осуждения дезертиров через Особое Совещание подлежали выселению их семьи [14, с. 47].

В 1943 г. активизировалась работа органов НКВД по расследованию дел о воинских преступлениях. Так, в 1943 г. по Советскому Союзу было задержано 197 912 дезертиров, уклоняющихся от мобилизации – 174 512, всего 372 424 дезертира [14, с. 47].

Надо отметить, что в послевоенное время уровень преступности вырос по сравнению с военным периодом. «За годы войны в Советском Союзе наблюдалась устойчивая тенденция повышения уровня преступности. В 1942 г. преступность в СССР возросла на 22% по сравнению с 1941 г. В 1943 г. рост увеличился на 20,9% по сравнению с 1942 г., в 1944 г. – на 8,6%. Особенно интересен тот факт, что наибольший рост преступности произошел за счет тяжких преступлений. Если в первый военный год было зарегистрировано 3317 убийств, то в 1944 г. – 8369, разбоев и грабежей – соответственно 7499 и 20124, краж – 252588 и 444906, скотокрадства – 8714 и 36285. Со второй половины 1945 г. уголовная преступность снова стала расти по всем наиболее опасным видам (убийства, грабежи) и к 1948 г. достигла наибольшего за послевоенные годы уровня» [15, с. 5].

Значительным количеством отличались преступления экономической направленности (хищения, приписки и т.д.). Повсеместно процветала спекуляция. Дефицитный товар можно было приобрести на черном рынке у теневых предпринимателей.

Голод 1946 г. вынудил значительную часть граждан встать на преступный путь. Доведенные до отчаяния крестьяне совершали кражи продовольствия. В 1947 г. на территории СССР почти половину всех преступлений составляли кражи – 49,2% от всех учтенных преступлений. Особенностью этого времени был голод 1946–1947 гг., охвативший практически всю страну и резко ухудшивший криминогенную обстановку. Современники отмечали, что «обезумевшие люди ради собственного спасения и своих близких шли на воровство, грабеж, убийство» [12, с. 25].

Таким образом, военное и послевоенное время характеризуется всплеском как криминальной, так и военной преступности, что было обусловлено военно-политической и социально-экономической ситуациями в стране, и диктовало необходимость введения чрезвычайных и кардинальных мер по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в эти годы.

Обобщая изложенные данные и сделанные выводы, можно утверждать: организационно-правовые формы криминалистической деятельности в годы Великой Отечественной войны представляли собой экстремальную, но исторически оправданную адаптацию довоенной модели правоохранительной системы к условиям тотальной войны. Эта адаптация включала: а) милитаризацию криминалистической деятельности и уголовного права; б) ситуативное слияние и разделение следственных и оперативных органов; в) концентрацию расследования в едином ведомстве (НКВД/НКГБ) с параллельным существованием военной контрразведки; г) признание бандитизма основным объектом борьбы ввиду его гибридной (уголовно-политической) природы; д) применение чрезвычайных, внесудебных и зачастую репрессивных методов, что было прямым следствием сложившихся исторических условий и криминогенной обстановки в рассматриваемый период.

Именно военный опыт – жесткая централизация, межведомственное объединение усилий при кадровом дефиците, приоритет оперативности над процессуальными формальностями, а также необходимость признания бандитизма как синтетического явления – в значительной степени предопределил структуру и принципы работы советских, а затем и российских правоохранительных органов на десятилетия вперед. Современная система при всех её демократических трансформациях до сих пор несёт на себе отпечаток этого военного наследия – в первую очередь, в традиции тесного взаимодействия следствия и оперативных служб, а также в особом порядке расследования преступлений, посягающих на государственную безопасность.

Проведённый анализ организационно-правовых условий расследования преступлений в довоенные и годы Великой Отечественной войны, а также общей характеристики основных видов преступной деятельности этого и послевоенного периода позволяет понять исторические тенденции развития отечественной криминалистики и генезис современной российской правоохранительной системы.

Литература

1. Смерш. Исторические очерки и архивные документы / Под ред. А.Г. Безверхнего. 2-е изд. М.: Главрехив Москвы, 2005. 343 с.
2. Дёмин В.А., Иванов В.Е. История и современность. Очерки истории органов внутренних дел (часть III) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 56–65.
3. Пырмакова Е.С., Тарасов А.С. Следствие в годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 3. С. 160–169.
4. Попова А.Д. Мемуары сотрудников органов внутренних дел как исторический источник по социальной истории 1940–1950-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 59–69. DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.007.
5. Годы, опаленные войной: очерки о следователях и следствии в годы Великой Отечественной войны: 70-летию Великой Победы посвящается / Академия Следственного комитета Российской Федерации; сост.: А.М. Багмет и др.; ред.: А.И. Бастрыкин. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 231 с.
6. Максимов П.В. Борьба с бандитизмом в советском государстве довоенного периода: законодательное регулирование и правоохранительная деятельность. Москва, 2017. С. 80.
7. Кузнецова О.А., Нестеров С.В. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 12. С. 28.
8. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
9. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР, редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
10. Гребенщикова И.В., Старочкин А.Е. Роль органов внутренних дел в ликвидации бандитизма на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере Челябинской области) // Теория и практика мировой науки. 2022. № 3. С. 56–60.
11. Галицкий А.И. Особенности методики расследования бандитизма в послевоенные годы // В сборнике: Государство, общество и личность в современных условиях: актуальные вопросы правового регулирования. Сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саратов, 2024. С. 20–24.
12. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946–1947 гг.) // Отечественная история. 1995. № 5. С. 45.

13. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАООРБ). Ф. 122. Оп. 24. Д. 43. Л. 567–568.

14. Блинова В.В. Пресечение воинских преступлений органами НКВД на Южном Урале в годы войны (1941–1945 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2006. № 3 (45). С. 45–52.

15. Суверов Е.В., Чибурова Е.А. Деятельность милиции по борьбе с преступностью в Алтайском крае (1945–1953 гг.): монография. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2012. 120 с.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF FORENSIC ACTIVITIES IN THE PRE-WAR AND THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Matyushkina A.

Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

This article, based on archival materials and historical and legal sources, analyzes the organizational and legal conditions for investigating crimes in the pre-war and Great Patriotic War years, provides a general description of the main types of criminal activity in the pre-war, war and post-war years, and draws a conclusion about the influence of historical conditions in the fight against crime on the structure of investigative bodies and the mechanisms for implementing forensic activities, with the transfer of the positive experience of such a structure to the modern system of law enforcement agencies.

The research methodology utilized comparative, statistical, and legal analysis, as well as situational forensic research.

The author formulated the following conclusions and propositions as the results of the study.

The modern system of law enforcement agencies has become the successor and has preserved the features of the Soviet system of investigative and search agencies, the formation of which was predetermined by the following factors of the pre-war and wartime periods: a) the militarization of forensic activities and criminal law; b) the situational merger and separation of investigative and operational agencies; c) the concentration of investigation in a single agency (NKVD/NKGB) with the parallel existence of military counterintelligence; d) the recognition of banditry as the main target of the struggle due to its hybrid (criminal-political) nature; d) the use of emergency, extrajudicial and repressive methods.

Keywords: forensic activities in the pre-war and war years, investigation of banditry, Soviet law enforcement agencies.

References

1. SMERSH. Historical Essays and Archival Documents / Ed. A.G. Bezverkhnny. 2nd ed. Moscow: Glavarkhiv Moskvyy, 2005. 343 p.
2. V.A. Demin, V.E. Ivanov. History and Modernity. Essays on the History of Internal Affairs Bodies (Part III) // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. № 1 (17). pp. 56–65.
3. E.S. Pyrmakova, A.S. Tarasov. Investigation during the Great Patriotic War // Legal Science: History and Modernity. 2023. № 3. pp. 160–169.
4. A.D. Popova. Memoirs of Internal Affairs Officers as a Historical Source for the Social History of the 1940s–1950s // Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2022. № 3 (76). Pp. 59–69. DOI: 10.37724/RSU.2022.76.3.007.
5. Years Scorched by War: Essays on Investigators and Investigations During the Great Patriotic War: Dedicated to the 70th Anniversary of the Great Victory / Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; compiled by A.M. Bagmet et al.; ed. by A.I. Bastrykin. Moscow: UNITY-DANA, 2015. 231 p.
6. Maksimov P.V. The Fight Against Banditry in the Pre-War Soviet State: Legislative Regulation and Law Enforcement. Moscow, 2017. P. 80.
7. Kuznetsova O.A., Nesterov S.V. Historical Aspects of the Emergence and Development of Criminal Liability for Banditry in Russia // Bulletin of Tambov University. Series «Humanities». 2014. № 12. P. 28.
8. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 01.06.1922 «On the Introduction of the Criminal Code of the RSFSR» (together with the «Criminal Code of the RSFSR») // SU RSFSR. 1922. № 15. Art. 153.
9. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 22.11.1926 «On the Implementation of the Criminal Code of the RSFSR, 1926 Edition» (together with the «Criminal Code of the RSFSR») // SU RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.
10. Grebenshchikova I.V., Starochkin A.E. The Role of Internal Affairs Agencies in the Elimination of Banditry in the Urals During the Great Patriotic War (1941–1945) (using the Chelyabinsk Region as an Example) // Theory and Practice of World Science. 2022. № 3. Pp. 56–60.
11. Galitsky A.I. Features of the Methodology for Investigating Banditry in the Post-War Years // In the collection: State, Society, and Individual in Modern Conditions: Current Issues of Legal Regulation. Collection of Scientific Articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Saratov, 2024. pp. 20–24.
12. Zima V.F. Post-War Society: Famine and Crime (1946–1947) // Domestic History. 1995. № 5. p. 45.
13. Central State Archives of Public Associations of the Republic of Bashkortostan (TSAORB). F. 122. Op. 24. D. 43. L. 567–568.
14. Blinova V.V. Suppression of Military Crimes by the NKVD in the Southern Urals During the War (1941–1945) // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. 2006. № 3 (45). P. 45–52.
15. Suverov E.V., Chiburova E.A. Police activities in combating crime in the Altai Territory (1945–1953): monograph. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 120 p.

Обман как функциональный способ совершения преступления и эрозия доверия к цифровой среде оборота

Кузнецов Никита Константинович,

ведущий юрисконсульт, Акционерное общество «СЗПК»,
Санкт-Петербург

E-mail: nikita15102001g@mail.ru

Статья посвящена пониманию обмана как функционального способа совершения преступления и обоснованию нового измерения его общественной опасности. Актуальность темы обусловлена цифровизацией имущественного оборота и распространением дистанционных обманных посягательств, при которых вред не исчерпывается имущественными потерями конкретного потерпевшего. Цель исследования – раскрыть функциональную природу обмана и показать, что его общественная опасность включает подрыв (эрозию) доверия к информационной и цифровой среде оборота. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, логико-догматический и сравнительно-правовой методы. Проанализированы положения уголовного закона, правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, доктринальные подходы, а также статистические материалы Банка России. В качестве результата обосновано, что уголовно-правовое значение обмана определяется функциональной ролью ложной информации в волеобразовании потерпевшего; на этой основе разграничены обман и злоупотребление доверием как способы, различающиеся механизмом воздействия. Показано, что обман порождает самостоятельную составляющую общественной опасности – эрозию доверия к цифровой среде оборота, выходящую за пределы имущественного ущерба и подлежащую учёту при оценке тяжести деяний и построении мер предупреждения.

Ключевые слова: обман; функциональный способ совершения преступления; волеобразование; эрозия доверия; цифровая среда оборота; общественная опасность; злоупотребление доверием; мошенничество.

Введение

Обман традиционно рассматривается в уголовном праве как способ совершения преступления, прежде всего мошенничества. Однако в условиях цифровизации имущественного оборота прежнего, преимущественно описательного понимания обмана оказывается недостаточно. Дистанционные обманные посягательства приобрели массовый характер, а причиняемый ими вред перестал исчерпываться имущественными потерями конкретного потерпевшего: под воздействием обмана граждане меняют своё поведение, ограничивают использование легальных цифровых сервисов и утрачивают доверие к каналам дистанционного взаимодействия. Это побуждает обратиться к функциональному пониманию обмана и к вопросу о новом измерении его общественной опасности.

Цель настоящей работы – раскрыть функциональную природу обмана, определяемую ролью ложной информации в волеобразовании потерпевшего, и обосновать, что общественная опасность обмана включает подрыв (эрозию) доверия к информационной и цифровой среде оборота. Для её достижения необходимо рассмотреть функциональное содержание обмана, на этой основе разграничить обман и злоупотребление доверием как способы, различающиеся механизмом воздействия, и показать самостоятельное значение эрозии доверия как составляющей общественной опасности [11; 12].

Законодательная конструкция и постановка проблемы

Уголовный закон не раскрывает содержания обмана и злоупотребления доверием. Их толкование дано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление № 48). Согласно разъяснениям, обман может состоять в сообщении заведомо ложных сведений либо в умолчании об истинных фактах, а также в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества в заблуждение; злоупотребление доверием заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества [3].

Из приведенного толкования видно, что закон описывает два способа через разные опорные понятия: для обмана таким понятием является заблуждение, то есть искаженное представление лица о действительности, а для злоупотребления доверием – доверительное отношение, которое виновный использует. Однако в практической ткани дела эти понятия переплетаются: обман нередко опирается на доверие, а злоупотребление доверием, как правило, сопровождается тем или иным искажением сведений. Именно это переплетение и порождает теоретическую трудность [4; 9].

Доктринальные подходы к разграничению

В доктрине сложилось несколько подходов к соотношению обмана и злоупотребления доверием. Согласно первому, злоупотребление доверием представляет собой частный случай или разновидность обмана, поскольку использование доверия в конечном счете также вводит потерпевшего в заблуждение [7; 13]. Согласно второму, это самостоятельные способы, имеющие различную психологическую и юридическую природу: обман воздействует на сознание потерпевшего через информацию, а злоупотребление доверием – через уже сложившееся отношение [2; 5; 8].

Расхождение между этими подходами не является чисто терминологическим. Так, Е.Г. Кузнецова рассматривает обман предельно широко, фактически поглощая им и случаи использования доверия, поскольку любое корыстное воздействие на потерпевшего в конечном счете формирует у него ошибочное представление [7]. Однако такой подход уязвим: он лишает злоупотребление доверием самостоятельного содержания и делает его упоминание в законе избыточным, что противоречит презумпции осмысленности воли законодателя. Напротив, В.В. Хилюта обоснованно подчеркивает, что мошеннический обман обладает собственными признаками, не сводимыми к простому использованию доверительной связи [14]. Спор, таким образом, имеет прямое квалификационное значение: от того, признается ли злоупотребление доверием самостоятельным способом, зависит, требует ли

обвинение доказывания факта искажения сведений или достаточно установить сам факт использования доверия.

Сторонники самостоятельности злоупотребления доверием обращают внимание на то, что доверие может использоваться и без сообщения ложных сведений – например, когда виновный, наделенный определенными полномочиями или фактической возможностью, обращает имущество в свою пользу, не прибегая к искажению фактов [6; 10]. В свою очередь, обман возможен и при отсутствии каких-либо предшествующих доверительных отношений, в частности при анонимном дистанционном воздействии на потерпевшего, не знакомого с виновным [14].

Анализ доктрины показывает, что спор во многом обусловлен смешением двух разных вопросов: о том, всегда ли фактически сопутствуют друг другу обман и доверие, и о том, что является определяющим в механизме посягательства. Положительный ответ на первый вопрос не предreshает ответа на второй: даже если обман и доверие нередко сопутствуют друг другу, это не означает, что они тождественны по своему юридическому существу.

Критерий разграничения: механизм воздействия на волеобразование

Представляется, что обман и злоупотребление доверием следует различать не по предмету и не по внешним обстоятельствам, а по преобладающему механизму воздействия на волеобразование потерпевшего. При обмане определяющим является активное или пассивное искажение информационной картины, на основе которой потерпевший принимает решение о судьбе имущества. При злоупотреблении доверием определяющим выступает использование уже существующего доверительного отношения, в силу которого потерпевший передает имущество или предоставляет виновному возможность распорядиться им [1; 3].

Данный критерий объясняет и пограничные случаи. Если доверие создается или поддерживается посредством ложных сведений о намерениях, полномочиях или статусе виновного, определяющим оказывается информационное воздействие, и содеянное должно оцениваться как обман. Если же виновный не искажает фактов, а лишь пользуется тем доверием, которое потерпевший оказал ему самостоятельно, речь идет о злоупотреблении доверием. Тем самым предложенный критерий позволяет упорядочить квалификацию там, где формальное перечисление способов в законе не дает ответа.

Предложенный критерий находит опору в практике высших судов. Конституционный Суд Российской Федерации, оценивая конституционность норм об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, последовательно исходил из того, что уголовно наказуемым мошеннический обман становится лишь тогда, когда он направлен на завладение чужим имуществом, а не сводится к нарушению договорных обязательств [15; 16]. Тем самым высшая судебная инстанция связывает противоправность именно с информационным воздействием на волю потерпевшего, а не с самим фактом неисполнения или использования доверия. Это подтверждает, что определяющим в разграничении выступает механизм воздействия, а не внешняя форма отношений между виновным и потерпевшим.

На прикладном уровне предложенный критерий может быть выражен через систему проверяемых индикаторов. В пользу обмана свидетельствуют: сообщение потерпевшему конкретных ложных сведений либо умолчание об обстоятельствах, которые виновный обязан был раскрыть; создание искусственных документов, видимости статуса или полномочий; формирование доверия самим виновным посредством ложных заверений. В пользу злоупотребления доверием свидетельствуют: наличие у виновного правомерно полученных полномочий или фактического доступа к имуществу; отсутствие искажения сведений при принятии потерпевшим решения; использование отношения, которое потерпевший установил по собственной инициативе и вне связи с ложной информацией. Преобладание признаков первой или второй группы и определяет квалификацию способа.

Изложенное согласуется с пониманием обмана как самостоятельного межсоставного способа преступного поведения: обман выступает не частной характеристикой отдельных составов, а родовой категорией, отличной от злоупотребления доверием по механизму воздействия на адресата.

Эрозия доверия к цифровой среде как составляющая общественной опасности обмана

Функциональное понимание обмана позволяет увидеть и новое измерение его общественной опасности, отчетливо проявившееся в условиях цифровизации. Если обман есть целенаправленное воздействие на волеобразование посредством искажения информационной картины,

то массовое и систематическое применение этого способа в дистанционной среде причиняет вред, не сводимый к имущественным потерям отдельных потерпевших. Постоянная угроза обмана меняет поведение неопределенного круга лиц: граждане начинают с недоверием относиться к входящим звонкам, сообщениям и уведомлениям, отказываются от онлайн-операций, ограничивают использование легальных цифровых сервисов. Тем самым подрывается доверие к самой информационной и цифровой среде имущественного оборота.

Масштаб этого явления подтверждается статистическими данными. По данным Банка России, объем операций, совершённых без добровольного согласия клиентов, и число пострадавших остаются устойчиво высокими, а значительная часть хищений совершается с использованием методов социальной инженерии, то есть непосредственно через обман [17]. Существенно, что вред затрагивает и тех, кто не понёс прямых имущественных потерь: опасение стать жертвой обмана само по себе изменяет поведение и снижает доверие к дистанционным формам взаимодействия. Подобный надындивидуальный эффект не охватывается традиционной оценкой мошенничества исключительно через размер причинённого имущественного ущерба.

Изложенное даёт основание рассматривать подрыв (эрозию) доверия к цифровой среде оборота как самостоятельную составляющую общественной опасности обмана. Речь идёт не о появлении нового объекта преступления, а о более полном понимании вредоносности обмана: наряду с ущербом конкретному потерпевшему он причиняет вред доверию к среде оборота, увеличивая издержки общества и снижая отдачу от цифровизации. Учёт этой составляющей значим как при оценке тяжести соответствующих деяний, так и при построении системы их предупреждения, которая должна быть ориентирована не только на защиту отдельного потерпевшего, но и на поддержание доверия к цифровой среде в целом.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее. Обман и злоупотребление доверием являются самостоятельными способами совершения преступления, различающимися не предметом, а преобладающим механизмом воздействия на волеобразование потерпевшего: при обмане таковым является искажение информационной картины, при злоупотреблении доверием – использование уже сложившегося доверительного отношения. Этот критерий первичен по отношению к формальному делению норм Особенной части и применим за пределами статьи 159 УК РФ – в любых составах, где обман выступает способом посягательства.

Главный результат исследования состоит в обосновании функционального понимания обмана и нового измерения его общественной опасности. Уголовно-правовое значение обмана определяется ролью ложной информации в волеобразовании потерпевшего, а его вредоносность в условиях цифровизации не исчерпывается имущественным ущербом: систематическое применение обмана в дистанционной среде подрывает доверие к информационной и цифровой среде оборота. Эту эрозию доверия следует рассматривать как самостоятельную составляющую общественной опасности обмана – не как новый объект преступления, а как характеристику, подлежащую учёту при оценке тяжести деяний и при построении системы их предупреждения.

Дальнейшее развитие темы предполагает эмпирическую проверку предложенной системы индикаторов на репрезентативном массиве приговоров судов первой инстанции, в том числе применительно к дистанционным и цифровым формам посягательств, где соотношение обмана и доверия приобретает новые черты.

Литература

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. 773 с.
2. Капустина Е.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4. С. 185–190.
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.
4. Клепицкий И.А. Введение в экономическое уголовное право: учеб. пособие. Москва: Проспект, 2022. 296 с.
5. Красноперов Е.В. Разграничение обмана и злоупотребления доверием в составах преступлений против собственности // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 168–171.

6. Кузнецова А.Н. Уголовно-правовой анализ обмана и злоупотребления доверием при совершении мошенничества (ст. 159 УК РФ) // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 67–70.

7. Кузнецова Е.Г. Обман как способ хищения при мошенничестве // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 3 (40). С. 40–44.

8. Лимонов В.Н. Понятие мошенничества // Законность. 1997. № 11. С. 34–38.

9. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. Москва: Норма, 2012. 527 с.

10. Осыко И.В., Ташкенбаев А.А. Злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества // Наука и реальность. 2021. № 1 (5). С. 200–203.

11. Русецкая А.Г. К вопросу об уголовно-правовом разграничении мошенничества и злоупотребления доверием // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 74–79.

12. Третьяк М.И. Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве России. Москва: Юрлитинформ, 2014. 200 с.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

14. Хиллута В.В. Признаки мошеннического обмана в теории и практике уголовного закона // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2 (8). С. 13–19.

15. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7784.

16. По делу о проверке конституционности статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2022 г. № 53-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 51. Ст. 9039.

17. Противодействие новым угрозам: отчет Банка России за 2025 год. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 01.06.2026).

DECEIT AS A FUNCTIONAL METHOD OF COMMITTING A CRIME AND THE EROSION OF TRUST IN THE DIGITAL ENVIRONMENT OF CIRCULATION

Kuznetsov N.
NWPC Joint Stock Company

The article addresses the understanding of deceit as a functional method of committing a crime and substantiates a new dimension of its social danger. The relevance of the topic stems from the digitalization of property circulation and the spread of remote deceptive encroachments, in which the harm is not limited to the property losses of a particular victim. The purpose of the study is to reveal the functional nature of deceit and to show that its social danger includes the erosion of trust in the informational and digital environment of circulation. The methodological framework combines formal legal, systemic, logical-dogmatic and comparative legal methods. The provisions of the criminal law, the legal positions of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, doctrinal approaches, and statistical materials of the Bank of Russia are analyzed. As a result, it is substantiated that the criminal-law significance of deceit is determined by the functional role of false information in the victim's formation of will; on this basis, deceit and abuse of trust are distinguished as methods differing in the mechanism of influence. It is shown that deceit generates an independent component of social danger – the erosion of trust in the

digital environment of circulation – which extends beyond property damage and should be taken into account when assessing the gravity of acts and designing preventive measures.

Keywords: deceit; functional method of committing a crime; formation of will; erosion of trust; digital environment of circulation; social danger; abuse of trust; fraud.

References

1. Boitsov A.I. Prestupleniia protiv sobstvennosti [Crimes against property]. Saint Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press; 2002. 773 p.

2. Kapustina E.A. Uголовно-правовая характеристика преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием [Criminal-law characteristics of crimes against property committed by deceit and (or) abuse of trust]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2010;(4):185–190.

3. O sudebnoi praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 30.11.2017 No. 48 [On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48]. Biulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. 2018;(2).

4. Klepitskii I.A. Vvedenie v ekonomicheskoe uголовное право: ucheb. posobie [Introduction to economic criminal law: a textbook]. Moscow: Prospekt; 2022. 296 p.

5. Krasnoperov E.V. Razgranichenie obmana i zлoupotrebleniia doveriem v sostavakh prestuplenii protiv sobstvennosti [Distinction between deceit and abuse of trust in the elements of crimes against property]. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2012;(4):168–171.

6. Kuznetsova A.N. Uголовно-правовой анализ обмана и злоупотребления доверием при совершении мошенничества (ст. 159 УК РФ) [Criminal-law analysis of deceit and abuse of trust in the commission of fraud (Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Iuridicheskaya nauka. 2014;(3):67–70.

7. Kuznetsova E.G. Obman kak sposob khishcheniia pri moshennichestve [Deceit as a method of theft in fraud]. Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniia i prava. 2017;(3):40–44.

8. Limonov V.N. Poniatie moshennichestva [The concept of fraud]. Zakonnost'. 1997;(11):34–38.

9. Lopashenko N.A. Posiagatel'stva na sobstvennost' [Encroachments on property]. Moscow: Norma; 2012. 527 p.

10. Osyko I.V., Tashkenbaev A.A. Zлoupotreblenie doveriem kak sposob soversheniia moshennichestva [Abuse of trust as a method of committing fraud]. Nauka i real'nost'. 2021;(1):200–203.

11. Rusetskaya A.G. K voprosu ob uголовно-правовом razgranichenii moshennichestva i zлoupotrebleniia doveriem [On the criminal-law distinction between fraud and abuse of trust]. Pravo i gosudarstvo: teoriia i praktika. 2025;(3):74–79.

12. Tret'iyak M.I. Moshennichestvo kak prestuplenie protiv sobstvennosti v sovremenном uголовном prave Rossii [Fraud as a crime against property in modern Russian criminal law]. Moscow: IurLitinform; 2014. 200 p.

13. Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 No. 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ]. Sbranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 1996;(25): Art. 2954.

14. Khiliuta V.V. Priznaki moshennicheskogo obmana v teorii i praktike uголовного zakona [Features of fraudulent deceit in the theory and practice of criminal law]. Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2009;(2):13–19.

15. Po delu o proverke konstitutsionnosti polozenii stat'i 159.4 Uголовного kodeksa Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 11.12.2014 No. 32-P [On the case concerning the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 11, 2014 No. 32-P]. Sbranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2014;(52, pt. 1): Art. 7784.

16. Po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 159.4 Uголовного kodeksa Rossiiskoi Federatsii: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 08.12.2022 No. 53-P [On the case concerning the constitutionality of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2022 No. 53-P]. Sbranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2022;(51): Art. 9039.

17. Protivodeistvie novym ugrozam: otchet Banka Rossii za 2025 god [Countering new threats: report of the Bank of Russia for 2025]. Available at: <https://www.cbr.ru> (accessed: 01.06.2026).

О некоторых особенностях уголовной ответственности за экологические преступления по законодательству России и Китая

Наумов Вячеслав Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: crilaw@yandex.ru

Исследование раскрывает категорию «особенности» уголовной ответственности за экологические преступления, выходя за рамки формального сопоставления норм к изучению национальных уголовно-правовых моделей России и Китая. Оно базируется на компаративистском подходе, позволившем выявить не только различия в конструкции составов рассматриваемых преступлений, но и системные детерминанты, обусловленные историческими, политическими, социально-экономическими и иными ценностными факторами развития национальных правовых систем. Несмотря на общую принадлежность к романо-германской правовой семье и социалистическое правовое наследие, современное уголовное право Китайской Народной Республики сформировало достаточно автономную модель, интегрирующую конфуцианские аксиологические установки и принципы социалистического правового строительства. Это находит свое отражение в архитектуре уголовно-правовых норм, технике законотворчества и правоприменительной практике.

Исследованы особенности конструирования составов экологических преступлений в России и в Китае; уникальная расширительная роль актов судебного толкования в «Поднебесной»; назначения наказания и освобождения от него в правоприменительной практике, а также понятие корпоративного умысла хозяйствующих субъектов КНР.

Ключевые слова: экологические преступления, особенности уголовной ответственности, УК РФ, уголовно-правовая политика КНР, сравнительно-правовой анализ, корпоративный умысел.

Введение

В современных правовых системах всех без исключения стран уголовно-правовые механизмы уже давно стали выступать в качестве основных инструментов обеспечения экологической безопасности. Как в российской, так и в китайской доктрине соответствующие составы преступлений консолидированы в специализированных структурных элементах уголовных кодексов (главах или параграфах соответственно), что отражает системные подходы законодателей наших стран к охране природы.

Для Китайской Народной Республики характерны негативные процессы в экологической сфере, которые проявляются через системную деградацию земельных, водных и биоресурсов, трансформацию естественных экосистем и широкую экспансию техногенных ландшафтов. Один из самых интенсивных в мире рост экономики «Поднебесной» сопряжен с кумулятивным эффектом неблагоприятных экологических последствий, приобрел статус стратегического вызова для государственных институтов и гражданского общества. При этом, переломным этапом стал XVIII съезд КПК (2012 г.), институционализировавший курс на формирование «экологической цивилизации» и закрепивший парадигму сбалансированного взаимодействия антропогенных и природных систем в рамках не только среднесрочного, но и долгосрочного планирования. Реакцией на накопленный экологический дисбаланс в КНР стала масштабная модернизация не только базового Закона об охране окружающей среды, сместившего акценты с ликвидационных мер на превентивные, но всего комплекса нормативных правовых документов, регламентирующих защиту природы. Современный идеологический вектор правоприменения был достаточно точно обозначен Председателем КНР Си Цзиньпином в рамках Национальной конференции по экологической охране: природоохранное законодательство должно функционировать как «неприкосновенная высоковольтная линия», а институциональные механизмы – опираться на максимальную строгость санкций и безусловное исполнение норм [7].

В российском стратегическом контуре приоритеты в защите окружающей среды приобрели достаточно ясные очертания намного позднее и были впервые комплексно сформулированы в Указе Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года», который обозначил лишь отдельные ключевые индикаторы экологического благополучия: снижение атмосферных выбросов, очистку сточных вод и переход к циклической модели обращения с отходами.

Основная часть

В отечественной уголовно-правовой системе категория «особенности» нормативно определена в наименовании главы 14 УК России. При этом легального определения данного термина уголовный закон не содержит, что в определенной мере компенсируется доктринальным толкованием. В научной литературе «особенность уголовной ответственности» традиционно раскрывается через призму ее дифференциации, а лексикографические источники акцентируют внимание на качественных признаках различий между общим и специальным правилами. В контексте компаративистского исследования данная категория может приобретать методологическое значение – системную адаптацию правовых механизмов к национальным, историческим и социокультурным реалиям. Именно такой подход позволяет перейти от формального сопоставления норм, устанавливающих уголовную ответственность за экологические преступления в России и в Китае, к анализу цивилизационных кодов, имплементированных в уголовные законы государств.

Анализ Общей и Особенной частей уголовного законодательства любой юрисдикции неизбежно приводит исследователя на уровень определенных «макроправовых» факторов: исторической преемственности, экономической модели, политической архитектуры, аксиологических ориентиров и т.п. В целом, сопоставление отечественной и китайской уголовно-правовых систем позволяет говорить об их структурной и содержательной общности в определенных пределах. Рассматриваемые юрисдикции исторически неразрывно связаны с континентальной правовой семьей, а их современный «нормативный фундамент» сформировался в условиях длительного социалистического правоприменения, что свидетельствует о наличии общего «генетического кода» в архитектуре отраслевого законодательства.

Вместе с тем китайская модель демонстрирует ярко выраженную системную автономию. Несмотря на романо-германские корни, уголовное право КНР весьма успешно интегрирует конфуцианские аксиологические установки и принципы китайского социалистического строительства, что позволяет национальной доктрине позиционироваться, если ни как самостоятельной правовой семье, то, по крайней мере, автономии среди общепризнанных исторически сложившихся правовых систем. Нормативным подтверждением данного вектора стала конституционализация теоретических положений Дэн Сяопина в 1999 году, закрепившая парадигму «социалистической правовой системы с китайской спецификой». Данный концепт впоследствии был имплементирован в отраслевые акты, включая законодательство о национальной безопасности, охране окружающей среды, и получил дальнейшее стратегическое развитие в материалах XX съезда КПК (октябрь 2022 г.), а экологическая и уголовно-правовая политика были синхронизированы с курсом на модернизацию системы государственного управления и системного развития экономики.

Соответственно, первая – «системная» особенность, состоит в том, что российское уголовное право за последние полвека развивалось в канве традиций континентального европейского права с учетом постсоциалистической трансформации; китайская же модель сформировала «автономный нормативный контур», в котором социалистическая доктрина, традиционная этика и прагматика государственного управления образовали уникальный правообразующий синтез, своего рода новый системный гибрид. Именно эта специфика и предопределила приоритеты уголовно-правовой охраны в области окружающей среды и рационального природопользования, а также структуру источников, методы криминализации/декриминализации и специфику правоприменительной практики, обеспечивая адаптацию уголовного закона к ценностным координатам современного китайского общества.

Архитектоника Особенной части действующего УК КНР 1997 года демонстрирует определенное структурное сходство с советским уголовным законом – УК РСФСР 1960 г. Однако систематизация китайского уголовного закона осуществлена по десяти главам (соответствуют отечественному делению на разделы), внутри которых может присутствовать дополнительное деление на параграфы (соответствуют отечественному делению на главы). В частности, исследуемый параграф 6 главы 6 УК Китая, консолидирующий нормы об ответственности за экологические преступления (девять статей, одна из которых – ст. 346 устанавливает возможность привлечения к уголовной ответственности за экологические преступления юридических лиц), по количественным параметрам нормативного массива в некотором смысле «уступает» главе 26 раздела IX УК России (девятнадцать статей). Справедливости ради, нужно сказать об устойчивой практике применения лишь пяти из девятнадцати статей главы 26 отечественного уголовного закона (ст. 256, 258, 258¹, 260, 260¹ УК РФ), по двум из которых – статьям 256 и 260 УК России, судами ежегодно выносится около подавляющее большинство обвинительных приговоров. Китайское же правоприменение отличается неким универсальным охватом норм, содержащихся в параграфе 6 главы 6 УК Китая, исключая доминирование единичных составов.

Напомним, что китайская техника нормотворчества обладает выраженной спецификой: не только исследуемый параграф 6 главы 6 УК КНР, но включенные в него статьи не имеют традиционных для отечественного уголовного закона заголовков. Внутренняя структура статей, предусматривающих ответственность за экологические преступления, не имеет привычную для российского уголовного права цифровую индексацию частей или буквенного обозначения соответствующих пунктов. При этом, китайская доктрина оперирует термином «абзац статьи», который не имеет нормативного закрепления, но активно применяется в научном дискурсе и правоприменительной практике.

Структура уголовно-правовых норм параграфа 6 главы 6 УК Китая выстроена по некому последовательному алгоритму, то есть диспозиция основного состава преступления сменяется санкцией, за которой следует продолжение диспозиции квалифицированного состава, и далее устанавливается новая санкция. При этом, как и в российском праве, исследуемые диспозиции носят бланкетный характер.

И в России, и в Китае бланкетные нормы, первоначально, были нацелены не только на технико-юридическую экономию правовых ресурсов, но и повышение адаптивности уголовно-правовых норм к динамическим изменениям в других отраслях, а также обеспечение условий оптимального правоприменения. Однако в отдельных случаях бланкетные нормы имеют обратный – негативный эффект. Например, в Китае для понимания содержания такого предмета преступления, как «продукты водного мира» (для целей ст. 340 УК КНР) – водные биологические ресурсы требуется проанализировать более десяти нормативных документов, фактически конкурирующих друг с другом. Подобные

сложности характерны и для отечественного законодательства. При определении предмета преступления по ст. 260¹ УК России затруднение у правоприменителей вызывает корреляция положений, содержащихся в Постановлениях Правительства РФ № 978 от 31.10.2013 года и № 572 от 03.05.2024 года.

Еще одним ключевым отличием будет являться субъекты и виды официального толкования норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления в России и в КНР. В китайской уголовно-правовой доктрине разъяснения, в первую очередь, – результат совместной деятельности не только Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры «Поднебесной», воплощенный в соответствующих документах – толкованиях, но и иных компетентных органов (например, Министерства общественной безопасности, Министерства сельского хозяйства и сельских дел КНР и др., которые готовят и публикуют межведомственные коммюнике, протоколы, уведомления). Они имеют конститутивное значение. Именно в них, а не в тексте уголовного закона, конкретизируются не только факультативные признаки составов экологических преступлений (например, место совершения преступления – водоохранная зона по ст. 338 УК КНР; способ совершения деяния – сброс отходов в окружающую среду при помощи речных или морских судов, платформ по ст. 339 УК КНР и т.д.), но и обязательные признаки – форма вины (исключительно умышленная, характерная для всех экологических преступлений параграфа 6 УК КНР). Напомним, что российский законодатель, напротив, интегрирует признаки состава преступления (обязательные и факультативные) непосредственно в диспозицию соответствующей уголовно-правовой нормы.

Таким образом, разъяснения практики применения уголовно-правовых норм, защищающих окружающую среду в «Поднебесной», носят расширительный характер, дополняя лаконичное содержание непосредственно текста уголовного закона. Совместные толкования Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР фактически определяют обоснованность, предиктивность квалификации экологических преступлений. Соответственно, конструкция объективной стороны составов экологических преступлений в Китае определяется благодаря именно толкованиям уголовно-правовых норм.

В отечественной уголовно-правовой доктрине объект преступления, в том числе и включенного в состав главы 26 УК России, традиционно рассматривается через призму общественных отношений, подлежащих охране. Китайская уголовно-правовая модель демонстрирует иной подход, признавая объектом экологических преступлений посягательств национальную систему правил, регламентирующих порядок сохранения, управления или распоряжения теми или иными природными ресурсами (например, «...непосредственным объектом исследуемых составов преступлений (ст. 339 УК КНР) выступает действующая государственная система правил, регламентирующих порядок управления импортом (ввозом) из-за пределов территории КНР твердых отходов...») [4, с. 327–328]. Подобное толкование признака, характеризующего объект преступного посягательства, восходит к середине прошлого столетия, когда широкое распространение получили социалистические правовые модели, в которых объект преступления изначально отождествлялся с понятием правопорядка или даже государственного строя (например, Уголовный кодекс КНДР 1950 года, Уголовный кодекс Народной Республики Болгария 1951 года, Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики 1961 года и др.). Эволюция представлений об объекте «экологических преступлений» в «Поднебесной» неразрывно связана с рецепцией правовых моделей стран социалистического лагеря и можно с уверенностью утверждать о постепенной трансформации «классической» социалистической уголовно-правовой доктрины, в закреплённую на официальном уровне «социалистическую правовую систему с китайской спецификой».

В китайской науке уголовного права присутствует и альтернативная позиция, тождественная российскому подходу: отдельные исследователи описывают объект преступления через систему общественных отношений [9, с. 286]. Однако это не официальная – доктринальная позиция, не получившая практического применения.

Что касается предмета экологических преступлений, то в уголовно-правовой доктрине «Поднебесной» зачастую анализируется в контексте общественно опасного деяния, а не объекта как принято в нашей стране [10, с. 378]. Как уже отмечалось, отраслевое законодательство Китая, как и России, служит базой конкретизации предметных характеристик.

Следующей особенностью является специфика индивидуализации наказания в китайской уголовно-правовой доктрине, которая напрямую коррелирует с национальной моделью стратификации общественно опасных деяний. Общественная опасность, в свою очередь, раскрывается через вредоносность деяния (в том числе и причинен-

ный преступлением ущерб). При этом, точность расчета величины суммы ущерба от экологических преступлений в Китае имеет принципиальное значение из-за специфики назначения наказания виновному. УК КНР не фиксирует ни нижнего, ни верхнего пределов величины штрафа, который может назначаться в качестве наказания за совершенное экологическое преступление. Целесообразность его назначения и размер данной санкции полностью переведены в плоскость судебного усмотрения. При этом, несмотря на некую внешнюю нормативную неопределенность, какого-то ни было произвола в судебной практике «Поднебесной» нет. Китайские исследователи – Ли Лян (Китайский университет Миньцзу, MUC) и Сюй Юнвэй (Школа уголовного правосудия Китайского университета политических наук и права, CUPL), убеждены, что система формально «неограниченных» пределами штрафов за преступления, связанные с загрязнением окружающей среды, отражает сдерживающий эффект наказания и не приводит к чрезмерному злоупотреблению при его назначении судами, поскольку расчет суммы штрафа на практике судебные органы поручают специализированным аудиторским организациям. Именно они фактически подтверждают или «перепроверяют» размер ущерба, причиненного окружающей среде, чтобы предоставить суду ориентир для определения суммы назначаемого штрафа. Для правоприменительной практики Китая актуальным остается вопрос в области исполнительного производства – взыскания назначенного судом штрафа, особенно в случаях, когда его сумма представляется весьма значительной.

Еще одна особенность связана с реализацией положений института соучастия в России и в Китае. В российской доктрине совершение деяния группой лиц по предварительному сговору традиционно выступает квалифицирующим признаком, который интегрирован в диспозицию соответствующей статьи главы 26 Особенной части уголовного закона (например, ч. 3 ст. 258 УК России). Китайский законодатель применяет иную технику: рассматривает совершение преступления группой лиц по предварительному сговору в рамках института обстоятельств, отягчающих наказание. В нашем понимании, фактически это не признак конструкции состава экологического преступления, который влияет на квалификацию, а обстоятельство, учитываемое судом при отправлении правосудия при вынесении приговора и назначении наказания. Китайская правоприменительная практика основывается в данном случае на упомянутых выше совместных разъяснениях Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры.

Необходимо упомянуть и о признаках субъективной стороны экологических преступлений в Китае и в России. В КНР обязательный признак субъективной стороны преступлений вина исключительно в форме умысла. При этом, в уголовном праве России в отличие от КНР некоторые экологические преступления могут совершаться не только умышленно, но и по неосторожности.

Еще одной особенностью уголовного права «Поднебесной» в сфере противодействия экологическим преступлениям является возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности за экологические преступления по принципу, своего рода двойного воздействия, когда к ответственности привлекается не только различные категории персонала хозяйствующего субъекта, но и непосредственно сам субъект хозяйствования. В России же субъектом уголовной ответственности за подобные деяния является исключительно физическое лицо, тогда как юридические лица подлежат исключительно административной ответственности. В качестве неких маркеров, указывающих на возможность положительного решения вопроса о привлечении юридического лица к уголовной ответственности в Китае, выделим именно роль физических лиц в бизнес-процессах организации. Подобная модель поведения субъектов преступления – физических лиц, может быть идентифицирована через их дополнительные – специальные признаки, обязательное наличие признаков соучастия, а также фиксации обстоятельства, свидетельствующих о наличии некоего единого «корпоративного умысла» [2, с. 347–349].

Дискуссия о целесообразности установления в отечественном законодательстве уголовной ответственности для юридических лиц за совершение экологических преступлений, получила новую эмпирическую аргументацию на фоне множественных техногенных катастроф в стратегически значимых отраслях экономики (топливно-энергетический кодекс, транспорт, промышленность). Показательными индикаторами системного риска выступают множественные инциденты: крушение нефтеналивных судов в акватории Черного моря и последующие крупномасштабные разливы мазута в 2024–2025 годах, и крупные пожары на объектах нефтепереработки и морской логистики в Туапсе в 2026 году и др. Примечательно, что в публичном дискурсе крупные корпоративные структуры, приоритезируя извлечение коммерческой выгоды, открыто нивелируют экологические императивы. Ссылаясь на макроэкономическую турбулентность и санк-

ционное давление, хозяйствующие субъекты декларируют невозможность соблюдения установленных природоохранных нормативов, тем самым создавая прямую угрозу реализации национальных экологических инициатив в области обеспечения всеобщего экологического благополучия [8].

Представляется необходимым упомянуть о еще одной особенности китайского уголовного законодательства, которая является примером достаточно успешного взаимодействия уголовно-правовой политики с административно-правовой в сфере охраны природы. Речь идет о специфическом порядке освобождения лица от уголовного наказания и даже судебного преследования.

Так в ст. 3 разъяснений Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры от 6 апреля 2022 года (по делам о повреждении или уничтожении ресурсов дикой природы) отмечаются признаки малозначительности незаконной добычи водных биоресурсов «... не представляющей существенного социального вреда достаточно серьезного уровня (ст. 13 УК КНР – авт.)...» (общественной опасности), которые не могут быть признаны преступлениями [1, с. 46]. При этом виновный должен добровольно признать вину, понести административную ответственность, активно участвовать в восстановлении окружающей среды. Именно выполнение виновным указанных требований (условий освобождения) позволяют рассматривать возможность его освобождения от уголовного наказания и судебного преследования. При этом, в КНР лицо может быть привлечено только одному виду ответственности – к уголовной, либо к административной.

Согласно ст. 32 Правил осуществления охраны наземных диких животных КНР лицо, незаконно охотящееся или уничтожающее наземных ценных и находящихся под угрозой уничтожения диких животных подлежит уголовной ответственности в соответствии с положениями Уголовного кодекса КНР. Если обстоятельства содеянного являются явно незначительными – причинен незначительный ущерб и уголовное наказание нецелесообразно, уполномоченный государственный орган конфискует добытых животных, орудия охоты и незаконно полученную добычу, аннулирует специальное разрешение на охоту и налагает штраф в размере до десятикратной стоимости добытых животных, а при отсутствии таковых – штраф до 10 000 юаней. В ст. 26 Правил осуществления охраны водных диких животных КНР (в ред. утв. Госсоветом КНР 7 декабря 2013 года) содержатся аналогичные положения относительно запрета на незаконную добычу, уничтожение ценных и находящихся под угрозой уничтожения водных диких животных [5]. Обратим внимание, что положения института неоконченного преступления в указанных случаях китайскими правоохранителями не применяются, в отличие от российских.

Заключение

Резюмируя изложенное, отметим следующее: особенности уголовной ответственности за экологические преступления в России и в Китае, главным образом обусловлены системной адаптацией правовых механизмов к национальным, историческим, экономическим и социокультурным реалиям, несмотря на наличие некой общей «ДНК» уголовного законодательства [6]. В целом, сопоставление отечественной и китайской уголовно-правовых систем позволяет говорить об их структурной и содержательной общности в определенных пределах. Рассматриваемые юрисдикции исторически неразрывно связаны с континентальной правовой семьей, а их современный «нормативный фундамент» сформировался в условиях длительного социалистического правоприменения. Вместе с тем китайская уголовно-правовая модель демонстрирует ярко выраженную системную автономию, эффективно интегрируя и адаптируя ведущие мировые практики в сфере природоохраны, что позволяет бесшовно перейти от формально-карательного подхода к реальному восстановлению окружающей среды и формированию высоких стандартов экологической безопасности.

Литература

1. Ло Сян. Лекции по уголовному праву. Куньмин: Народное издательство «Юньнань». 2023. 359 с.
2. Наумов В. В. Уголовная ответственность по законодательству Китайской Народной Республики за незаконный оборот загрязняющих веществ, источников инфекционных заболеваний, ядовитых и опасных отходов (признаки основного состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК КНР) // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 344–349.
3. Наумов В. В. Характеристика признаков квалифицированного состава преступления, предусмотренного статьей 338 уголовного закона Китайской Народной Республики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 10. С. 119–123.

4. Наумов В.В. Уголовная ответственность за незаконный ввоз и/или обращение импортированных из-за пределов территории КНР твердых отходов, а также за их самовольный ввоз без разрешительных документов в качестве вторичного сырья по законодательству Китая (ст. 339 УК КНР) // Юридическая наука. 2025. № 10. С. 327–331.

5. Наумов В.В. Уголовная ответственность за незаконную добычу/вылов водных биоресурсов (продуктов водного мира) по законодательству Китая (ст. 340 УК КНР) // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 356–362.

6. Наумов В.В. К вопросу об уголовно-правовом обеспечении экологической безопасности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 11. С. 124–130.

7. Основной доклад Си Цзиньпина на Национальной конференции по защите окружающей среды // Журнал «Qiushi». 2025. № 15.

8. РСПП попросил отсрочить оборотные штрафы по программе «Чистый воздух» (материалы информационного портала РБК) [Электронный ресурс] // URL: <https://pro.rbc.ru/demo/6a2154f09a794> (дата обращения: 05.06.2026).

9. У Сяньпин. Экологические преступления и экологическое уголовное право. Пекин: Изд. интеллектуальной собственности. 2010. С. 286

10. Чжао Тяньхун. Преступления, связанные с воспрепятствованием правосудию и причинением ущерба окружающей среде / под ред. Национальной коллегии прокуроров КНР. Пекин: «China Legal Publishing House», 2022. С. 378.

ON SOME FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL CRIMES UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND CHINA

Naumov V.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

This study explores the «peculiarities» of criminal liability for environmental crimes, going beyond a formal comparison of norms to examine the national criminal law models of Russia and China. It is based on a comparative approach, which allows us to identify not only differences in the construction of the crimes under consideration, but also systemic determinants shaped by historical, political, socioeconomic, and other value-based factors in the development of national legal systems. Despite its shared affiliation with the

Romano-Germanic legal family and socialist legal heritage, the contemporary criminal law of the People's Republic of China has developed a fairly autonomous model integrating Confucian axiological principles and the principles of socialist legal development. This is reflected in the architecture of criminal law norms, lawmaking techniques, and law enforcement practice.

The study examines the specifics of the construction of environmental crimes in Russia and China, as well as the unique, expansive role of judicial interpretation in China. sentencing and exemption from punishment in law enforcement practice, as well as the concept of corporate intent of economic entities in the PRC.

Keywords: environmental crimes, criminal liability features, Criminal Code of the Russian Federation, criminal law policy in the PRC, comparative legal analysis, corporate intent.

References

1. Luo Xiang. Lectures on Criminal Law. Kunming: Yunnan People's Publishing House. 2023. 359 p.

2. Naumov V.V. Criminal Liability under the Legislation of the People's Republic of China for Illegal Trafficking in Pollutants, Sources of Infectious Diseases, Toxic and Hazardous Waste (Indicators of the Main Elements of the Crime Provided for in Article 338 of the Criminal Code of the PRC) // Legal Science. 2025. No. 6. pp. 344–349.

3. Naumov V.V. Characteristics of the Elements of the Qualified Elements of the Crime Provided for in Article 338 of the Criminal Law of the People's Republic of China // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2025. No. 10. pp. 119–123.

4. Naumov V.V. Criminal Liability for Illegal Import and/or Circulation of Solid Waste Imported from Outside the Territory of the PRC, as well as for their Unauthorized Import without Permits as Secondary Raw Materials under Chinese Law (Article 339 of the Criminal Code of the PRC) // Legal Science. 2025. No. 10. pp. 327–331.

5. Naumov V.V. Criminal Liability for Illegal Extraction/Catch of Aquatic Bioresources (Aquatic Products) under Chinese Law (Article 340 of the Criminal Code of the PRC) // Legal Science. 2025. No. 11. pp. 356–362.

6. Naumov V.V. On the Issue of Criminal-Legal Support of Environmental Safety in the Russian Federation and the People's Republic of China // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2025. No. 11. Pp. 124–130.

7. Xi Jinping's Main Report at the National Conference on Environmental Protection // Qiushi Magazine. 2025. No. 15.

8. RSPP Requested a Delay in Revenue Fines under the Clean Air Program (materials from the RBC information portal) [Electronic resource] // URL: <https://pro.rbc.ru/demo/6a-2154f09a794> (date accessed: 06/05/2026).

9. U Xianping. Environmental Crimes and Environmental Criminal Law. Beijing: Intellectual Property Publishing House. 2010. P. 286

10. Zhao Tianhong. Crimes Related to Obstruction of Justice and Damage to the Environment / edited by the National Collegium of Prosecutors of the PRC. Beijing: China Legal Publishing House, 2022. P. 378.

Нетесов Иван Станиславович,

аспирант, Тюменский государственный университет
E-mail: netesov_is@mail.ru

В статье исследуются проблемы квалификации деяний, связанных с передачей и получением вознаграждения, возникающие при разграничении взятки и подарка, а также при определении статуса должностного лица как специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. Актуальность исследования обусловлена увеличением количества коррупционных преступлений, наличием противоречий между положениями гражданского (ст. 572, 575 ГК РФ) и уголовного законодательства, а также отсутствием единообразия в судебной практике.

На основе анализа уголовного законодательства, разъяснений Верховного Суда РФ, материалов судебной практики и научной литературы выявлены существующие коллизии при правовой квалификации случаев передачи имущественных благ. Особое внимание уделено проблеме смешения взяточничества с ситуациями вручения незначительных спонтанных подарков, что приводит к недооценке субъективных признаков деяния. Кроме того, исследуются спорные вопросы, возникающие при установлении признаков специального субъекта коррупционного преступления.

В целях совершенствования правового регулирования предлагается установить административную ответственность в виде дисквалификации за получение должностным лицом незаконного вознаграждения в натуральной форме стоимостью до 3000 рублей после совершения действий в интересах конкретных лиц при отсутствии предварительной договорённости. Также обосновывается необходимость разъяснительного разграничения профессиональных и организационно-распорядительных функций.

Ключевые слова: взятка, подарок, незаконное вознаграждение, должностное лицо, коррупция, взятка-благодарность, субъективная сторона, судебная практика, организационно-распорядительные функции.

Введение

В современной общественной жизни передача материальных благ между участниками различных правоотношений представляет собой распространённое социальное явление. Такие отношения возникают в трудовой, гражданско-правовой, предпринимательской и иных сферах деятельности. Вместе с тем не во всех случаях предоставление имущественных выгод обладает очевидным правовым характером, что нередко вызывает сложности при оценке поведения участников соответствующих отношений.

В связи с этим особое значение приобретает выработка критериев, позволяющих разграничивать допустимые формы выражения благодарности и коррупционные проявления. Ошибки в квалификации подобных деяний способны привести как к необоснованному уголовному преследованию, так и к фактическому уклонению виновных лиц от ответственности.

Актуальность исследования определяется совокупностью правовых, правоприменительных и социально-философских факторов. Как справедливо отметил Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, коррупция представляет собой одну из наиболее серьёзных угроз правопорядку и основам государственности [4].

По этой причине квалификация случаев получения незаконных имущественных выгод не может ограничиваться исключительно формальным установлением признаков состава преступления. Рассматриваемые деяния непосредственно затрагивают вопросы справедливости, законности и общественного доверия к деятельности органов публичной власти. Дополнительную сложность создаёт высокая латентность коррупционных преступлений, существенно затрудняющая их выявление и доказывание.

Статистические данные свидетельствуют о продолжающемся росте коррупционной преступности. В первом квартале 2025 г. зарегистрировано 15 458 коррупционных преступлений, что на 25% больше, чем за аналогичный период 2024 г. (12 466). По итогам 2024 г. выявлено 38,5 тыс. таких преступлений против 36,4 тыс. в 2023 г.

Основную часть коррупционной преступности составляет взятничество. Его доля выросла с 55,7% в 2023 г. до 60,3% в 2024 г., а в первом квартале 2025 г. достигла 60,9%. При этом число зарегистрированных фактов взятничества увеличилось на 29% – с 7 300 до 9 418¹.

При этом доля оправдательных приговоров по делам о получении взятки в особо крупном размере составляет 0,92% – почти в четыре раза выше среднего показателя (0,24%), что указывает на высокую сложность доказывания и наличие системных проблем квалификации². На фоне роста выявленных коррупционных преступлений наблюдается неоднородность правоприменения в отношении уголовно-правовой оценки вознаграждения.

Настоящая статья посвящена углублённому анализу проблемных вопросов, возникающих при уголовно-правовой оценке вознаграждения. К примеру, возникающих при отграничении подарка от взятки, а также проблемы с установлением статуса получателя незаконного вознаграждения. В виду этого считаем необходимым проанализировать актуальную практику правоприменения, имеющиеся в научной литературе позиции исследователей по данным проблемным вопросам и предложить свои варианты решения указанных проблем.

Материалы и методы

В работе использован комплекс общенаучных и частнонаучных методов. Формально-юридический метод применен для анализа норм УК РФ (ст. 285, 290, 291, 291.1, 291.2)³ и ГК РФ (ст. 572, 575)⁴. Метод анализа используется для детального разбора судебной практики, научной литературы. Статистический метод использован при анализе данных

¹ Генпрокуратура обнародовала данные о масштабах коррупции в России // Газета.ru, 16.06.2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/06/16/26041124.shtml> (дата обращения: 07.06.2026).

² Адвокат рассказал о судебной практике различий взятки от подарка // РБК, 03.02.2026. – URL: <https://amp.rbc.ru> (дата обращения: 07.06.2026).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

о совершенных коррупционных преступлениях. Сравнительно-правовой метод использован при сопоставлении зарубежного правового регулирования с отечественным.

Теоретическую основу составляют труды Б.В. Волженкина [2], В.Н. Боркова [1], П.В. Никонova [8], А.В. Грошева [3], а также конституционно-правовая позиция, изложенная в лекции Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина на Петербургском международном юридическом форуме [1].

Литературный обзор

Проблема отграничения взятки от подарка при уголовно-правовой оценке вознаграждения рассматривалась в советской и российской юридической литературе преимущественно через призму анализа критериев возмездности и связи вознаграждения со служебным положением. В работах Б.В. Волженкина обосновывается приоритет содержательного (мотивационного) подхода к оценке вознаграждения. Взятка рассматривается как возмездная передача ценностей за совершение действий в интересах взяткодателя, тогда как подарок безвозмезден [2]. В.Н. Борков и ряд других авторов акцентируют внимание на стоимостном критерии (3000 рублей по ГК РФ) как отличительный критерий между гражданско-правовым дарением и уголовно наказуемым деянием [1]. А.В. Шнитенков обращает внимание на значение критерия бескорыстности при уголовно-правовой оценке подарка и его разграничения от взятки [9]. А.В. Грошев обращает внимание на дискуссию о минимальном размере взятки и применению института малозначительности деяния к взятке [3].

В последнее время наблюдается пересмотр подхода к уголовно-правовой оценке вознаграждения как в судебной практике, так и исследователями. Как отмечается в литературе, понятие «разрешенного подарка» для должностных лиц трансформировалось из легальной преференции в опасную юридическую иллюзию. В лекции В.Д. Зорькина была представлена конституционно-правовая позиция, согласно которой любые попытки оправдания коррупции расцениваются как «апология коррупции», сравнимая с оправданием терроризма или фашизма [4, с. 4–5]. Также в литературе отмечается ряд существующих проблем, связанных с определением статуса должностного лица.

Результаты

1. Отграничение взятки от подарка

Проблема отграничения взятки от подарка является классической для уголовного права и правоприменительной практики, однако в последние годы она приобрела новое измерение в связи с ужесточением антикоррупционной политики и формированием конституционно-правовой доктрины «нулевой толерантности». Особого внимания заслуживает позиция Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который решительно отвергает любые попытки оправдания коррупции, в том числе концепцию «хорошей коррупции». [1, с. 4–5] Эта принципиальная позиция означает, что в правоприменительной практике любые ссылки на «малозначительность», «обычный подарок» или «деловой обычай» должны подвергаться жесткой критике. По сути, эти суждения отражают общий тренд правоприменительной практики уголовно-правовой оценки коррупционных деяний за последние годы, а также его дальнейшее направление.

В основе рассматриваемой проблемы лежит противоречие между положениями гражданского и уголовного законодательства. Если статьи 572 и 575 ГК РФ допускают дарение обычных подарков стоимостью до 3000 рублей, то нормы уголовного закона не предусматривают минимального стоимостного критерия для признания передачи имущества коррупционным деянием. Такая несогласованность правового регулирования порождает неопределенность при квалификации соответствующих действий. Фундаментальное правовое противоречие порождает правовую неопределенность. Юридическая природа подарка, согласно статье 572 ГК РФ, зиждется на абсолютной безвозмездности. Как только в правоотношениях между дарителем и одаряемым (должностным лицом) прослеживается хотя бы тень встречного обязательства, действие переходит из гражданско-правового поля в плоскость уголовно-значимого деяния.

Анализ правоприменительной практики показывает, что следственные органы и суды де-факто игнорируют статью 575 ГК РФ, если установлена связь подношения со служебным статусом получателя.

В целом, большинство исследователей данной проблемы сходятся во мнении о том, что сумма полученного вознаграждения никак не может влиять на квалификацию деяния как преступного, поскольку во главе стоит намерение должностного лица получить выгоду за совершаемое действие. С этой устоявшейся позицией в научном сообществе нельзя не согласиться.

Согласно действующей практике Верховного Суда РФ уголовная ответственность за взяточничество наступает независимо от времени получения ценностей (до или после) и предварительной обусловленности совершения действий в пользу взяткодателя¹. В отечественной доктрине такой вид взятки классифицируется как взятка-благодарность.

Сложившийся подход фактически ставит в один ряд заранее согласованный коррупционный обмен и последующее вручение подарка в качестве выражения благодарности за уже совершённые действия. В результате одинаковую правовую оценку получают ситуации, существенно различающиеся по характеру мотивации участников и степени общественной опасности. В российской культуре феномен подарка – это не просто формальность, а сложный социально-психологический ритуал, который служит для установления, поддержания и укрепления отношений [10]. Особенно это касается сферы медицины/образования в случаях подарков врачам пациентами, учителям учениками или их родителями в натуре (обычно шоколадки или другие продукты потребления). Степень общественной опасности указанных ситуаций представляется различной. В случае предварительной договорённости корыстная заинтересованность должностного лица формируется до совершения соответствующих действий и выступает определяющим мотивом поведения. При вручении подарка после совершённых действий такая мотивация изначально отсутствует, что оказывает влияние на характер и содержание субъективных признаков деяния.

Изложенное свидетельствует о том, что при квалификации рассматриваемых деяний вопросам субъективной стороны состава преступления уделяется недостаточное внимание. Смешение различных по своей правовой природе ситуаций нивелирует значение мотива и цели поведения лица, что создаёт риск объективного вменения.

В качестве конкретного примера осуждения за полученный по факту подарок в виде бутылки коньяка и коробки конфет можно привести Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2024 по делу N 77–1591/2024. В указанном уголовном деле лицу, будучи главой муниципалитета, вменялось мелкое взяточничество за получение бутылки коньяка и коробки конфет после дачи согласия на заключение договора социального найма и его подписания. Был вынесен обвинительный приговор, подтвержденный в суде кассационной инстанции. Согласно обстоятельствам рассмотренного дела, вознаграждение не было заранее обусловлено, бутылка коньяка была получена после совершения действий осужденным. При том, как указывает осужденный, по его мнению, заключение указанного договора социального найма было выгодно муниципалитету, что и послужило мотивом его действий.

Зарубежный опыт уголовно-правовой оценки вознаграждения также отражает разделение деяний в зависимости от времени совершения лицом действий (до или после) и наличия предварительной договорённости. Например, в США по этим критериям в их правовой системе правовая оценка разграничивается по следующим категориям: взятка (Bribe) и незаконное вознаграждение (Illegal Gratuity). Взятка (Bribe) характеризуется следующими признаками: по времени – вознаграждение до совершения должностного действия, по цели – купить или принудить к определенному решению заранее, по договорённости – всегда есть предварительный сговор («сделка»). Незаконное вознаграждение (Illegal Gratuity) в свою очередь осуществляется по времени – после совершения должностного действия, по цели – благодарности за услугу, которая уже была оказана и при отсутствии предварительной договорённости.

Одним из возможных способов устранения выявленных противоречий может стать установление административной ответственности в виде дисквалификации за получение должностным лицом имущественного предоставления в натуральной форме стоимостью до 3000 рублей после совершения действий в интересах конкретного лица при отсутствии предварительной договорённости.

Предлагаемый механизм позволит обеспечить достижение целей антикоррупционной политики без чрезмерного использования уголовно-правовых средств воздействия. Кроме того, его реализация будет способствовать согласованию положений гражданского и уголовного законодательства и формированию более последовательной практики применения соответствующих норм.

2. Влияние статуса получателя взятки на квалификацию преступления

Одним из обязательных признаков состава получения взятки является наличие у получателя статуса должностного лица. Вопрос определения

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.

круга таких лиц приобрёл особую актуальность после ряда решений Верховного Суда РФ, принятых в 2025 г.

Наиболее ярко проблема разграничения профессиональных и организационно-распорядительных функций проявилась в деле врача-патологоанатома Черяпина Н.Н. Спорность квалификации оказалась настолько существенной, что дело стало предметом рассмотрения Верховного Суда РФ. Впоследствии суд прекратил уголовное дело за отсутствием в деянии состава преступления¹. Указанное свидетельствует о сохраняющихся сложностях при определении круга лиц, способных выступать субъектами данного преступления.

Осужденный занимал должность врача-патологоанатома, которая, как было установлено судом, относится к категории «специалистов», а не «руководителей». Также было установлено, что осужденный передавал персональные данные и хранил тела в рамках исполнения своих профессиональных обязанностей как врач-патологоанатом, который по долгу службы работает с медицинскими картами и организует хранение тел в морге. Услуги по подготовке тел к захоронению не входили в его должностные обязанности и не предоставлялись медучреждением. Врач выполнял их по собственной инициативе, в нерабочее время и с использованием самостоятельно закупленных материалов. В итоге суд сделал вывод, что получение денег за совершение действий, которые либо входят в профессиональные обязанности, не связанные с организационно-распорядительными функциями, либо выполняются вне такой деятельности, не образует состава получения взятки.

Примечательно, что общий размер денежных средств, полученных врачом за оказание соответствующих услуг, составил около 3 млн рублей. При этом наличие значительного имущественного интереса и использование возможностей, обусловленных занимаемой должностью, не повлияли на итоговую правовую оценку, поскольку суд пришёл к выводу об отсутствии у лица признаков специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Аналогичная позиция была выражена Верховным Судом РФ по делу Катунина М.В., где ритуальный агент был осужден за дачу взятки врачу-патологоанатому². Поскольку врач-патологоанатом не является должностным лицом в действиях Катунина отсутствует состав дачи взятки.

Диаметрально противоположная правовая позиция сложилась в судебной практике при сходных обстоятельствах относительно уголовно-правовой оценки действий преподавателей по написанию письменных работ по заказу студентов и выполнению других платных образовательных услуг³.

Вместе с тем при сходных обстоятельствах указанные действия преподавателей, нередко получают иную уголовно-правовую оценку. Суды квалифицируют такие деяния как получение взятки за незаконные действия. Между тем подобный подход вызывает дискуссию, поскольку в таком случае преподаватель зачастую реализует профессиональные компетенции, не связанные с осуществлением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных полномочий.

Королев Г.Н. в своей работе обосновывает отсутствие признаков преступления в указанном деянии опираясь на общепризнанный правовой принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе) [5]. Такой парадокс правоприменительной практики уголовно-правовой оценки вознаграждения обоснованно вызывает вопросы у исследователей данной проблемы.

Рассмотренные судебные решения позволяют констатировать наличие системной проблемы, связанной с отсутствием единых критериев определения должностного лица. При сходных фактических обстоятельствах суды приходят к различным выводам относительно наличия признаков должностного лица, что негативно отражается на единообразии правоприменения и снижает предсказуемость уголовно-правовой оценки соответствующих деяний.

Для преодоления указанных противоречий представляется необходимым разъяснительное совершенствование правового регулиро-

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2025 г. № 46-УД25-8-К6 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2025 г. № 46-УД24-26-К6 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 N 1114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Геннадия Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 290, частью первой статьи 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями второй и третьей статьи 389.2 и пунктом 1 части второй статьи 401.3 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

вания. Например, путем дачи дополнительных разъяснений высшими судами, в которых четко разграничиваются профессиональные и организационно-распорядительные функции применительно к ключевым сферам (здравоохранение, образование, наука).

Реализация указанных предложений будет способствовать формированию более последовательной практики применения уголовного законодательства, снижению риска необоснованной криминализации профессиональной деятельности и укреплению принципа правовой определенности при квалификации соответствующих деяний.

Закключение

По результатам проведённого исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы.

С учетом ужесточения антикоррупционной политики и формирования «нулевой толерантности» к коррупции действующая правоприменительная практика фактически игнорирует стоимостной критерий ст. 575 ГК РФ и не уделяет должного внимания субъективной стороне деяния. Вследствие этого передача имущественных благ после совершения должностным лицом определённых действий без предварительной договорённости зачастую получает такую же уголовно-правовую оценку, как и заранее согласованный коррупционный обмен. Подобный подход нивелирует значение мотива поведения лица и не позволяет в полной мере учитывать различия в степени общественной опасности содеянного. Кроме того, недооценка субъективных признаков создаёт предпосылки для объективного вменения.

Проведённый анализ также выявил отсутствие единообразия при определении признаков должностного лица. В результате действия преподавателей, выполняющих работы по заказу обучающихся за денежное вознаграждение, квалифицируются как коррупционные преступления, тогда как сходные по своей правовой природе действия врачей-патологоанатомов могут не образовывать состава получения взятки. Различие подходов при сходных фактических обстоятельствах отрицательно влияет на предсказуемость правоприменения и ставит под сомнение последовательную реализацию принципов законности и равенства всех перед законом.

Литература

- Борков В.Н. Верховный Суд Российской Федерации решил не путать взятку с подарком / В.Н. Борков // Современное право. – 2014. – № 5. – С. 107–111.
- Волженкин Б.В. «Обычный подарок» или взятка? / Б.В. Волженкин // Законность. – 1997. – № 4. – С. 25–27.
- Грошев А.В. Уголовно-правовая оценка взятки–вознаграждения / А.В. Грошев // Вестник КубГАУ. – 2008. – № 11. – С. 67–71.
- Зорькин В.Д. Коррупция – угроза цивилизации права: лекция на Петербургском международном юридическом форуме / В.Д. Зорькин // Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ). – 20.05.2025. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250520/310880890.html (дата обращения: 07.06.2026).
- Королев Г.Н. «НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ» КАК ЭЛЕМЕНТ ДИСПОЗИЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ // РОССИЙСКИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ. 2021. № 12. С. 46–50.
- Куликов А.В., Борков В.Н., Долгих Т.Н., Шелег О.А. Взятничество: основания криминализации и проблемы квалификации: монография / А.В. Куликов, В.Н. Борков, Т.Н. Долгих, О.А. Шелег. – Москва: Русайнс, 2022. – 242 с.
- Митрохин В.К. Коррупционные преступления: уголовно-правовая характеристика / В.К. Митрохин // Уголовное право и политика. – 2021. – № 6. – С. 73–82.
- Никонов П.В. Уголовно-правовые основы противодействия преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения: монография / П.В. Никонов. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2025. – 173 с.
- Шнитенков А.В. Обычный подарок для служащего: проблемные вопросы законодательной регламентации / А.В. Шнитенков // Юрист. – 2004. – № 9. – С. 62–70.
- Cervantes De Blois Chelsea L. WITH LOVE, FROM RUSSIA: THE ART OF GIFTING // Central Asian Journal of Art Studies. 2019. № 1.

PROBLEMATIC ISSUES IN THE CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF REMUNERATION

Netesov I.S.

Tyumen State University

The article examines problematic issues in the criminal law assessment of remuneration arising in the distinction between a bribe and a gift, as well as in determining the status

of an official as a subject of bribery under Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the study stems from the increasing number of corruption-related offences, contradictions between the provisions of civil law (Articles 572 and 575 of the Civil Code of the Russian Federation) and criminal legislation, as well as inconsistencies in judicial practice.

Based on an analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, specific judicial decisions, and academic literature, the author identifies existing conflicts in the criminal law assessment of remuneration. Particular attention is paid to the conflation of the criminal law assessment of bribery and minor spontaneous gifts, which undermines the significance of the subjective element of the offence. The article also examines contradictions arising in the determination of the legal status of an official.

As possible solutions, the author proposes the introduction of administrative liability in the form of disqualification for an official who receives unlawful remuneration in kind with a value of up to 3,000 roubles after performing actions in favour of specific persons without prior agreement. In addition, the author advocates and interpretative distinction (through resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation) between professional functions and organisational-administrative functions.

Keywords: bribery, gift, unlawful remuneration, official, corruption, gratitude bribe, subjective element of the offence, judicial practice, organisational-administrative functions.

References

1. Borkov V.N. The Supreme Court of the Russian Federation decided not to confuse a bribe with a gift / V.N. Borkov // *Modern Law*. – 2014. – No. 5. – Pp. 107–111.
2. Volzhenkin B.V. "An Ordinary Gift" or a Bribe? / B.V. Volzhenkin // *Legality*. – 1997. – No. 4. – Pp. 25–27.
3. Groshev A.V. Criminal-legal assessment of a bribe-reward / A.V. Groshev // *Bulletin of KubSA U*. – 2008. – No. 11. – Pp. 67–71.
4. Zorkin V.D. Corruption – a Threat to the Civilization of Law: Lecture at the St. Petersburg International Legal Forum / V.D. Zorkin // *Russian Agency for Legal and Judicial Information (RAPSI)*. – May 20, 2025. – URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250520/310880890.html (date accessed: June 7, 2026).
5. Korolev G.N. "ILLEGAL ACTIONS" AS AN ELEMENT OF THE DISPOSITION OF A CRIMINAL LAW NORMA // *RUSSIAN INVESTIGATOR*. 2021. No. 12. pp. 46–50.
6. Kulikov A.V., Borkov V.N., Dolgikh T.N., Sheleg O.A. Bribery: Grounds for Criminalization and Problems of Qualification: Monograph / A.V. Kulikov, V.N. Borkov, T.N. Dolgikh, O.A. Sheleg. – Moscow: Rusains, 2022. – 242 p.
7. Mitrokhin V.K. Corruption Crimes: Criminal-Law Characteristics / V.K. Mitrokhin // *Criminal Law and Politics*. – 2021. – No. 6. – Pp. 73–82.
8. Nikonov P.V. Criminal-Law Foundations for Combating Crimes Related to Giving and Receiving Bribes and Other Types of Illegal Remuneration: Monograph / P.V. Nikonov. – Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025. – 173 p.
9. Shnitenkov A.V. An Ordinary Gift for an Employee: Problematic Issues of Legislative Regulation / A.V. Shnitenkov // *Jurist*. – 2004. – No. 9. – P. 62–70.
10. Cervantes De Blois Chelsea L. WITH LOVE, FROM RUSSIA: THE ART OF GIFTING // *Central Asian Journal of Art Studies*. 2019. No. 1.

Объективное вменение как проблема правоприменительной практики: критерии разграничения умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда при квалификации преступлений против жизни и здоровья

Оганесян Евгений Гланикович,

аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет „Синергия“».

E-mail: rf0234@yandex.ru

Предметом настоящего исследования выступают нормы уголовного законодательства Российской Федерации, регламентирующие формы вины и невиновное причинение вреда, а также правоприменительная практика по делам о преступлениях против жизни и здоровья. Целью работы является выявление критериев разграничения умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда и оценка проблем объективного вменения в правоприменительной деятельности. Методологическую основу составляют формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы исследования. Результаты исследования позволяют констатировать, что в судебной практике нередко допускается подмена субъективных критериев объективными, что ведет к нарушению принципа вины. Новизна работы состоит в систематизации правоприменительных ошибок при квалификации преступлений гл. 16 УК РФ и в формулировании предложений по их устранению. Выводы могут быть применены при совершенствовании судебной практики и законодательства об уголовной ответственности.

Ключевые слова: объективное вменение; субъективное вменение; умысел; неосторожность; невиновное причинение вреда; квалификация преступлений; преступления против жизни и здоровья; принцип вины.

Введение

Принцип вины является одним из основополагающих начал уголовного права. Закрепленный в статье 5 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), он прямо запрещает объективное вменение, то есть привлечение к уголовной ответственности за невиновное причинение вреда [10]. Тем не менее правоприменительная практика по делам о преступлениях против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ) свидетельствует о том, что разграничение умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда по-прежнему представляет значительную теоретическую и практическую сложность.

Проблема объективного вменения не является новой для уголовно-правовой науки. Вместе с тем она не утрачивает актуальности в условиях динамично развивающейся правоприменительной практики, неоднозначности судебных решений и постоянного расширения круга так называемых «пограничных» ситуаций, в которых установление психического отношения лица к содеянному объективно затруднено. Именно в сфере преступлений против жизни и здоровья указанная проблема приобретает особое значение, поскольку ошибка в квалификации деяния влечет кардинально различные правовые последствия: от полного освобождения от ответственности до осуждения за умышленное убийство.

Цель настоящей статьи – систематизировать критерии разграничения умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда применительно к преступлениям против жизни и здоровья и выявить типичные правоприменительные ошибки, свидетельствующие о латентном объективном вменении.

Понятие объективного вменения и его соотношение с принципом вины в уголовном праве России

Проблема субъективного вменения в уголовном праве относится к числу фундаментальных и по сей день остается предметом острых теоретических дискуссий и практических затруднений. В отечественной правовой системе принцип вины закреплен в статье 5 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой объективное вменение – то есть привлечение к уголовной ответственности за невиновное причиненный вред – недопустимо. Между тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что реализация этого принципа сопряжена со значительными трудностями, обусловленными как несовершенством законодательных формулировок, так и сложностью установления психического отношения лица к совершенному деянию и его последствиям. Именно это противоречие между законодательным идеалом и практической реализацией обуславливает актуальность настоящего исследования и определяет круг задач, которым посвящены работы рассматриваемых авторов.

Одним из ключевых вопросов в данной области является разграничение косвенного умысла и преступного легкомыслия – двух форм вины, которые при внешнем сходстве психологического механизма влекут принципиально различные правовые последствия. Мирасов Р.Р. в своей статье обстоятельно анализирует позиции ведущих ученых-правоведов по данной проблеме, сопоставляя их с имеющейся судебной практикой по делам о преступлениях против жизни и здоровья [6]. Автор устанавливает, что центральным критерием разграничения выступает характер волевого отношения субъекта к возможным последствиям: при косвенном умысле лицо допускает наступление общественно опасного результата или безразлично к нему, тогда как при легкомыслии оно самонадеянно рассчитывает на его предотвращение, опираясь на конкретные, пусть и недостаточные обстоятельства. Значимость данного тезиса трудно переоценить: ошибочная квалификация деяния как совершенного с косвенным умыслом вместо легкомыслия – или наоборот – способна кардинально изменить как квалификацию содеянного, так и назначенное наказание, нарушая тем самым принцип справедливости уголовной ответственности. Р.Р. Мирасов обосновывает необходимость законодательного закрепления признаков, позволяющих четко разграничить указанные категории, поскольку действующая редакция статей 25 и 26 УК РФ оставляет судьям

широкое дискреционное поле, нередко заполняемое интуитивными, а не строго юридическими суждениями.

Проблема субъективного вменения неотделима от более широкого вопроса о допустимости и пределах объективного вменения в российском уголовном праве. Еременко Д.Е. и Лапина Е.В. рассматривают данную проблематику через призму практики квалификации преступлений, фиксируя случаи, когда правоприменители фактически возлагают на лицо ответственность за последствия, охватить которые его сознанием не представлялось возможным [2]. Авторы указывают, что подобные ситуации возникают в первую очередь при квалификации преступлений с двумя формами вины, а также в делах, где установление умысла требует тщательного анализа конкретных обстоятельств – орудия, способа, интенсивности воздействия, характера взаимоотношений между виновным и потерпевшим. Еременко Д.Е. и Лапина Е.В. констатируют, что недостаточная теоретическая разработанность критериев субъективного вменения непосредственно порождает судебные ошибки, которые могут выражаться как в необоснованном ужесточении ответственности, так и в ее неправомерном смягчении, – что одинаково разрушительно для целей уголовного правосудия.

Особое место в дискуссии занимает вопрос о специфике неосторожных преступлений и методологии их квалификации. Бадретдинов А.И. исследует отдельные проблемы квалификации неосторожных деяний, уделяя особое внимание трудностям разграничения небрежности и случая (невиновного причинения вреда) в правоприменительной практике [1]. Автор акцентирует внимание на том, что при небрежности лицо не осознает и не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть, – тогда как при невиновном причинении вреда объективный критерий также не соблюдается: никакое иное лицо в той же ситуации не смогло бы предвидеть наступление вреда. А.И. Бадретдинов обращает внимание на то, что суды нередко смешивают эти категории, фактически вменяя лицу небрежность там, где имел место случай, что свидетельствует о скрытом проявлении объективного вменения даже в тех делах, где суд формально его отрицает. Исследователь предлагает более детализированный подход к установлению интеллектуального элемента неосторожности, включающий анализ профессиональных знаний субъекта, особенностей конкретной ситуации и объективно доступных ему средств предвидения последствий.

Практическое воплощение указанных теоретических проблем наиболее рельефно проявляется при квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и его отграничении от смежных составов. Медведев С.С. и Юрченко Е.В. показывают, что разграничение этих составов нередко представляет непреодолимую сложность для практикующих юристов, поскольку умысел как внутреннее психическое состояние не поддается непосредственному наблюдению и должен устанавливаться через систему объективных признаков деяния, что по существу балансирует на границе между субъективным и объективным вменением [5]. Особую сложность, по мнению авторов, представляют случаи, когда виновный наносит множественные удары в жизненно важные органы, поскольку в этой ситуации суду приходится делать умозаключение о форме вины исключительно на основании объективных обстоятельств, рискуя выйти за пределы принципа субъективного вменения.

Проблема правильного определения формы вины приобретает дополнительную социальную остроту применительно к преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, где вопросы вменяемости, возрастной зрелости психики и способности в полной мере осознавать характер своих действий стоят особенно остро. Иванов Р.М. и Баженов А.В. рассматривают системные проблемы профилактики преступности несовершеннолетних в России, указывая на то, что существующие механизмы профилактического воздействия не учитывают в должной мере особенностей формирования умысла у лиц, не достигших совершеннолетия [3]. Авторы констатируют, что несовершеннолетние нередко причиняют тяжкий вред здоровью или смерть, действуя с неопределенным умыслом либо по легкомыслию, однако правоприменители, ориентируясь на тяжесть наступивших последствий, склонны инкриминировать им более тяжкие формы вины, что представляет собой классический пример объективного вменения. Иванов Р.М. и Баженов А.В. настаивают на необходимости формирования специализированной системы профилактики, способной снизить риски совершения неосторожных и умышленных преступлений против жизни и здоровья путем коррекции поведенческих установок на ранних стадиях, – тем самым указывая, что проблема объективного вменения имеет не только процессуальное, но и превентивное измерение.

Таким образом, анализ приведенных исследований свидетельствует о том, что проблема разграничения умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда является многоуровневой и пронизывает

как теорию уголовного права, так и правоприменительную практику. Существующий законодательный инструментарий признается большинством авторов недостаточным для того, чтобы обеспечить единообразное и справедливое применение принципа субъективного вменения при квалификации преступлений против жизни и здоровья.

Под объективным вменением в уголовно-правовой доктрине понимается привлечение лица к уголовной ответственности исключительно на основании факта причинения вреда без установления его вины в соответствующей форме [9]. Исторически объективное вменение было свойственно ранним правовым системам, однако с развитием принципа личной ответственности постепенно вытеснено из большинства правовых порядков. Современный российский УК прямо запрещает уголовную ответственность за невиновное причинение вреда (ч. 2 ст. 5 УК РФ).

Вместе с тем полного изживания объективного вменения в правоприменительной практике не произошло. Исследователи фиксируют его проявления в так называемых «скрытых» или «латентных» формах: когда суды формально апеллируют к субъективным признакам состава преступления, однако фактически ограничиваются констатацией объективных обстоятельств – характера действий, наступивших последствий, причинно-следственной связи – без глубокого анализа интеллектуально-волевых процессов виновного [4].

В науке уголовного права традиционно разграничивают объективное вменение в «чистом» виде и объективное вменение в смягченной форме. Первое означает полное игнорирование субъективной стороны. Второе – явление более сложное: формальный учет вины при реальном преобладании объективных признаков при квалификации. Именно второй вид представляет наибольшую опасность, поскольку труднее поддается выявлению и корректировке в судебной практике [7].

Законодательная регламентация форм вины и невиновного причинения вреда

Действующий УК РФ предусматривает две основные формы вины – умысел и неосторожность (ст. 24–26 УК РФ), – а также специальную норму о невиновном причинении вреда (ст. 28 УК РФ). Умысел подразделяется на прямой и косвенный. Прямой умысел предполагает, что лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (ч. 2 ст. 25 УК РФ) [10]. При косвенном умисле лицо не желало, но сознательно допускало наступление последствий либо относилось к ним безразлично (ч. 3 ст. 25 УК РФ).

При небрежности наиболее отчетливо проявляется объективный критерий («должно было предвидеть»), что порождает риск подмены субъективной составляющей («могло предвидеть») объективной [11].

Невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ) законодатель дифференцирует на три разновидности: неосознание общественной опасности деяния при отсутствии возможности такого осознания; непредвидение общественно опасных последствий при отсутствии обязанности или возможности их предвидения; наконец, предвидение последствий при объективной невозможности их предотвращения вследствие несоответствия психофизиологических качеств лица требованиям экстремальных условий или нервно-психических перегрузок.

Критерии разграничения умысла, неосторожности и невиновного причинения вреда

Разграничение форм вины базируется на двух взаимосвязанных критериях: интеллектуальном и волевом. Интеллектуальный критерий охватывает осознание общественной опасности деяния и предвидение его последствий; волевой критерий характеризует направленность психической активности лица – желание, сознательное допущение, самонадеянный расчет либо полное отсутствие психического отношения к последствиям.

При разграничении прямого умысла и косвенного умысла определяющим является волевой критерий. В обоих случаях лицо предвидит последствия, однако при прямом умисле желает их наступления, тогда как при косвенном – лишь допускает или безразлично относится к ним. Именно это разграничение принципиально значимо при квалификации убийства (ст. 105 УК РФ) и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть по неосторожности (ч. 4 ст. 111 УК РФ): фактически причиненные последствия в обоих случаях идентичны – смерть потерпевшего, – однако юридическая оценка и санкции кардинально различаются [8].

Разграничение косвенного умысла и легкомыслия строится прежде всего на волевом критерии: при легкомыслии лицо рассчитывает на предотвращение последствий (пусть и самонадеянно), тогда как при косвенном умисле оно сознательно допускает их или безразлично к ним. В правоприменительной практике нередко именно это разграничение вызывает затруднения, поскольку психическое отношение лица

носит внутренний, ненаблюдаемый характер и устанавливается путем умозаключений из внешних обстоятельств.

Разграничение небрежности и невиновного причинения вреда обусловлено наличием или отсутствием обязанности и возможности предвидеть последствия. При небрежности оба критерия – объективный («должно было») и субъективный («могло») – должны быть установлены кумулятивно. При невиновном причинении достаточно отсутствия одного из них. В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что судебная практика нередко ограничивается констатацией объективного критерия («должно было предвидеть»), не исследуя индивидуальных возможностей конкретного лица с учетом его уровня образования, профессиональных навыков, состояния здоровья, жизненного опыта и иных обстоятельств.

Специфика установления вины при квалификации преступлений против жизни и здоровья

Преступления против жизни и здоровья, закрепленные в гл. 16 УК РФ, образуют систему составов, дифференцированных прежде всего по субъективной стороне. Умышленная форма вины является конститутивным признаком убийства (ст. 105–108 УК РФ), доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), умышленного причинения вреда здоровью (ст. 111–115 УК РФ). Неосторожная форма вины характерна для причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ), неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ) [10].

Особую квалификационную сложность представляют составы с двойной формой вины (ч. 4 ст. 111 УК РФ). В соответствии со ст. 27 УК РФ, если в результате умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые охватываются неосторожной формой вины, уголовная ответственность наступает по специальной норме.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» разъяснил, что при разграничении убийства с косвенным умыслом и причинения смерти по неосторожности суды должны исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного: способа и орудия преступления, количества, характера и локализации телесных повреждений, предшествующего поведения виновного и потерпевшего [8]. Вместе с тем данный перечень является преимущественно объективным, что само по себе несет риск ориентации суда на объективные, а не субъективные критерии.

Типичные ошибки правоприменительной практики, связанные с объективным вменением

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько типичных моделей правоприменительных ошибок, свидетельствующих о проявлениях объективного вменения при квалификации преступлений против жизни и здоровья.

Первая модель – квалификация деяния как умышленного убийства исключительно на основании тяжести причиненного вреда и характера орудия, без исследования направленности умысла. В подобных ситуациях суды нередко презюмируют умысел на убийство из самого факта применения предметов, обладающих значительной поражающей способностью, не устанавливая, желал ли виновный именно смерти потерпевшего.

Вторая модель – необоснованное исключение невиновного причинения при наличии оснований для его применения. Суды, констатируя обязанность лица предвидеть последствия («должно было»), зачастую не проверяют наличие субъективного критерия – индивидуальной возможности предвидеть эти последствия с учетом психофизиологических характеристик, уровня профессиональной подготовки и конкретных условий деятельности. Это особенно характерно для дел, связанных с дефектами медицинской помощи, ненадлежащим исполнением должностных обязанностей, действиями в условиях острого стресса.

Третья модель – смешение косвенного умысла и преступного легкомыслия в делах о причинении смерти. Констатируя, что виновный «должен был и мог предвидеть» смерть потерпевшего, суды порой квалифицируют деяние по ст. 105 УК РФ, тогда как психическое отношение лица к последствиям в действительности характеризовалось самонадеянным расчетом на их предотвращение, что соответствует признакам ст. 109 УК РФ.

Пути преодоления объективного вменения в правоприменительной практике

В целях минимизации объективного вменения в правоприменительной деятельности представляется обоснованным реализовать комплекс мер доктринального, законодательного и правоприменительного характера.

Во-первых, необходимо дальнейшее совершенствование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях про-

тив жизни и здоровья с акцентом на обязательность установления субъективного критерия небрежности и детальной проверки условий применения ст. 28 УК РФ. Действующее Постановление Пленума № 1 от 1999 г., несмотря на неоднократные дополнения, не содержит детализированных критериев разграничения косвенного умысла и легкомыслия применительно к конкретным составам гл. 16 УК РФ.

Во-вторых, в целях единообразия правоприменения целесообразно закрепить в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ перечень индивидуальных обстоятельств, подлежащих обязательному исследованию при решении вопроса о форме вины: уровень образования, профессиональная квалификация, состояние здоровья, опыт деятельности виновного, специфика ситуации принятия решения.

В-третьих, представляется целесообразным расширение применения судебно-психологических и судебно-психиатрических экспертиз не только в делах с очевидными сомнениями во вменяемости, но и в делах, требующих более детального исследования индивидуальных психофизиологических возможностей лица применительно к субъективному критерию небрежности и условиям применения ч. 2 ст. 28 УК РФ.

Заключение

Принцип вины, несмотря на его прямое законодательное закрепление, в правоприменительной практике по делам о преступлениях против жизни и здоровья нередко реализуется неполно. Объективное вменение в его латентных формах проявляется в необоснованном превалировании объективных критериев при установлении формы вины, в смешении косвенного умысла и легкомыслия, в недостаточном исследовании субъективного критерия небрежности и условий применения ст. 28 УК РФ.

Устранение указанных проблем требует совместных усилий законодателя, высших судебных инстанций и научного сообщества. Систематическое обращение к субъективным критериям при квалификации преступлений против жизни и здоровья – не только требование закона, но и гарантия справедливости уголовного правосудия.

Литература

1. Бадретдинов А.И. Отдельные проблемы квалификации неосторожных преступлений //Право и государственность. – 2025. – № . 2 (7). – С. 71–75.
2. Еременко Д. Е., Лапина Е.В. Проблемы субъективного вменения при квалификации преступлений //Юридическая наука. – 2023. – № . 12. – С. 165–168.
3. Иванов Р. М., Баженов А.В. Проблемы российской системы профилактики преступлений среди несовершеннолетних и пути их решения //Студенческий форум. – 2020. – № . 36 (129). – С. 33.
4. Лунев В.В. Субъективное вменение. – М.: Спарк, 2000. – С. 34–38.
5. Медведев С. С., Юрченко Е.В. Проблемы квалификации и отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью от смежных составов преступлений //Вестник экономики и права. – 2019. – № . 28. – С. 115–125.
6. Мирасов Р.Р. Проблема разграничения косвенного умысла и преступного легкомыслия (на примере некоторых составов преступлений против жизни и здоровья) //Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2025. – № . 2 (72). – С. 83–90.
7. Нерсисян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: состояние и пути совершенствования //Государство и право. 2003. № 3. С. 30.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
9. Рагоз А.И. Вина в советском уголовном праве //Российский криминологический взгляд. – 2012. – № . 2. – С. 72–190.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
11. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти //Дискуссионные вопросы. – 1998. – Т. 1. – С. 9–13.

OBJECTIVE IMPUTATION AS A PROBLEM OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE: CRITERIA FOR DISTINGUISHING BETWEEN INTENT, NEGLIGENCE AND INNOCENT CAUSING OF HARM IN THE CLASSIFICATION OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH

Oganesyan E.G.
Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The subject of this research is the norms of the criminal legislation of the Russian Federation governing forms of guilt and innocent causing of harm, as well as law enforcement practice in cases of crimes against life and health. The purpose of the work is to identify criteria for distinguishing intent, negligence and innocent causing of harm and to assess

the problems of objective imputation in law enforcement. The methodological basis consists of formal-legal, system-structural and comparative-legal methods. The results show that judicial practice often substitutes subjective criteria with objective ones, which leads to a violation of the principle of guilt. The novelty lies in the systematization of law enforcement errors in qualifying crimes under Chapter 16 of the Criminal Code and in formulating proposals to eliminate them. The findings can be applied to improve judicial practice and legislation on criminal liability.

Keywords: objective imputation; subjective imputation; intent; negligence; innocent causing of harm; qualification of crimes; crimes against life and health; principle of guilt.

References

1. Badretdinov A.I. Certain Issues of Qualifying Negligent Crimes // Law and Statehood. – 2025. – No. 2 (7). – P. 71–75.
2. Eremenko D.E., Lapina E.V. Issues of Subjective Imputation in Qualifying Crimes // Legal Science. – 2023. – No. 12. – P. 165–168.
3. Ivanov R.M., Bazhenov A.V. Issues of the Russian System of Crime Prevention Among Minors and Ways to Solve Them // Student Forum. – 2020. – No. 36 (129). – P. 33.
4. Luneev V.V. Subjective Imputation. – Moscow: Spark, 2000. – P. 34–38.
5. Medvedev S.S., Yurchenko E.V. Problems of qualification and distinction of intentional infliction of grievous bodily harm from related crimes // Bulletin of Economics and Law. – 2019. – No. 28. – P. 115–125.
6. Mirasov R.R. Problem of distinction between indirect intent and criminal recklessness (on the example of some crimes against life and health) // Legal science and law enforcement practice. – 2025. – No. 2 (72). – P. 83–90.
7. Nersesyan V.A. Responsibility for negligent crimes: status and ways of improvement // State and Law. 2003. No. 3. P. 30.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 1999, No. 1 "On Judicial Practice in Murder Cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. No. 3.
9. Rarog, A. I. "Guilt in Soviet Criminal Law" // Russian Criminological View. – 2012. – No. 2. – P. 72–190.
10. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.
11. Yakushin, V. A. "Subjective Imputation and Its Significance in Criminal Law." Tol'yatti // Discussion issues. – 1998. – Vol. 1. – P. 9–13.

Пеньковцев Никита Романович

магистрант 2 курса Казанского (Приволжского) федерального университета

E-mail: kznpd@mail.ru

Статья посвящена критическому анализу уголовно-правовой нормы, закрепленной в статье 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Рассматриваются предпосылки введения данной нормы в российское уголовное законодательство и ее место в системе мер противодействия организованной преступности. На основе анализа правоприменительной практики и научной доктрины выявляются существенные теоретические и практические проблемы, возникающие при квалификации данного деяния. Особое внимание уделяется формальному характеру состава преступления, фактическому отсутствию объективной стороны и неопределенности ключевых понятий, используемых законодателем, таких как «преступная иерархия» и «высшее положение». Показано, что подобная конструкция порождает риски расширительного и оценочного толкования уголовно-правового запрета, что ставит под сомнение его соответствие принципам законности, определенности уголовного закона и презумпции невиновности. Дополнительно анализируются проблемы квалификации данного деяния как длящегося преступления, что вызывает сомнения с точки зрения принципа действия уголовного закона во времени, закрепленного в статье 10 УК РФ, а также сложности доказывания статуса лица в преступной среде. В результате проведенного исследования обосновывается вывод о концептуальной несостоятельности рассматриваемой уголовно-правовой конструкции и формулируется предложение об исключении статьи 210.1 УК РФ из уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: организованная преступность, преступная иерархия, преступное сообщество, преступная среда, специальный субъект, высшее положение, криминальный авторитет.

В 2019 году Федеральным законом № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности»¹ была введена ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Данное деяние закреплено в статье 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и в силу положений статьи 15 УК РФ относится к категории тяжких преступлений, поскольку санкция предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

Введение вышеприведенной нормы стало неким отражением государственной политики по усилению противодействия организованной преступности², в том числе ее наиболее устойчивым и структурированным формам.

Как видится, законодатель исходил из необходимости пресечения не только конкретных преступных деяний, но и самой системы криминального управления, преступной деятельности. Предполагалось, что криминализация неформального статуса, выраженного в занятии высшего положения в преступной иерархии позволит нейтрализовать лиц, обладающих значительным авторитетом и влиянием в преступной среде, даже в тех случаях, когда их непосредственное участие в конкретных преступлениях затруднительно доказать³.

Это возымело определенный эффект.

Так, к примеру, за первое полугодие 2025 года 175 человек осуждено за организацию незаконных формирований, банд и преступных организаций и участие в них (статьи 208–210.1 УК РФ)⁴ (АППГ +5,14%), из которых к лишению свободы по статье 210.1 УК РФ осуждено 24 человека (АППГ +100%)⁵. Всего же с момента криминализации данного состава, по состоянию на март 2026 года было осуждено 108 человек⁶. Таким образом, статистика указывает о широкой распространенности совершения данного преступления.

Вместе с тем столь радикальный шаг повлек за собой целый комплекс теоретических и практических проблем, касающихся соотношения данной нормы с общепринятыми принципами уголовного права. Одним из наиболее дискуссионных вопросов в данном контексте является правовая конструкция состава преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ.

Состав преступления является формальным, поскольку для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно установления самого факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. В отличие от части 4 статьи 210 УК РФ, уголовная ответственность по статье 210.1 УК РФ наступает без необходимости доказывания конкретных действий по созданию преступного сообщества (преступной организации), руководству им или его структурными подразделениями, координации преступной деятельности, установлению устойчивых связей между участниками, разработке преступных планов, созданию условий для совершения преступлений организованными группами, а также разделу сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами, поскольку это в законе не указано.

В этой связи, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, «совершение преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ предполагает наличие прямого умысла, на-

¹ Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Российская газета. – № 72. – 2019.

² Данная позиция также нашла свое отражение в Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» в части обеспечения государственной и общественной безопасности.

³ Статья 210.1 УК РФ – шаг на пути уничтожения «воров в законе» или акт милосердия к следствию? // Информационно-правовой портал «Закон.ру». – URL: https://zakon.ru/blog/2019/2/19/st2101_uk_rf_-_shag_na_puti_unichtozheniya_vorov_v_zakone_ili_akt_miloserdia_k_sledstviyu (дата обращения: 10.03.2026).

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291> (дата обращения: 08.03.2026).

⁵ Там же

⁶ Исходя из отчетов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложности) за 2019–2026 годы.

правленного на занятие высшего положения в преступной иерархии, а также наличие состава преступления как единственного основания уголовной ответственности»¹.

По своей сути, при вменении статьи 210.1 УК РФ, все сводится к установлению криминального статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Именно наличие такого статуса рассматривается как самостоятельное общественно опасное деяние, и, как представляется, по мнению законодателя и правоприменителя, оказывает устойчивое криминогенное влияние на окружающую социальную среду. Вместе с тем, как таковая объективная сторона у данного состава преступления, в сравнении с частью 4 статьи 210 УК РФ – отсутствует, поскольку отсутствует конкретное действие или бездействие.

Помимо того, в законе не раскрывается содержание таких ключевых понятий, как «занятие высшего положения в преступной иерархии», «высшее положение» и «преступная иерархия». Их толкование в значительной степени сформировано в доктрине уголовного права и в правоприменительной практике. Подобная ситуация объективно создает предпосылки для формирования оценочных представлений о статусе лица в преступной среде и обуславливает возможность придания соответствующим выводам косвенного либо предположительного характера. При этом Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что «названная норма с учетом ее места в системе уголовно-правового регулирования не содержит неопределенности, которая вела бы к ее произвольному применению, лишая лицо, добровольно принимающее свой неформальный статус в преступной среде, возможности осознавать содержание установленного уголовным законом запрета, общественную опасность и противоправность своего деяния, свидетельствующего о лидерстве в преступной иерархии, о поддержке, укреплении или проявлении (реализации) виновным своего авторитета в этой среде, а также лишая возможности предвидеть правовые последствия содеянного»².

В научной литературе под «преступной иерархией», как правило, понимается сложившаяся в криминальной среде система подчинения и распределения ролей, основанная на неформальных правилах, традициях и признании авторитета отдельных лиц³. «Высшее положение» обычно трактуется как наличие устойчивого статуса, предполагающего возможность принятия обязательных для иных участников преступной среды решений, разрешения конфликтов, распределения сфер влияния и доходов, а также координации противоправной деятельности⁴. При этом подчеркивается, что такой статус формируется не юридическим актом, а признанием со стороны иных представителей криминального сообщества.

В этой связи закономерен вопрос и о субъекте преступления: подпадает ли ответственности по статье 210.1 УК РФ исключительно лицо, обладающее традиционным криминальным статусом «вора в законе», либо круг возможных субъектов является более широким. В научно-научных воззрениях в доктрине уголовного права, к примеру, воспроизводится мысль о том, что субъект преступления является специальным⁵, ввиду особого занимаемого статуса, с чем мы можем в полной

мере согласиться, так как привлекаемое лицо обладает по сравнению с общими признаками субъекта, также дополнительными. Данная точка зрения согласуется с воззрениями В.С. Орлова⁶, А.А. Пионтковского⁷, А.М. Лазарева⁸, Г.Н. Борзенкова⁹ о специальном субъекте.

Анализ же судебной практики показывает, что уголовная ответственность может наступать и в отношении лиц, не имеющих указанного статуса, но фактически выполняющих функции высшего уровня криминального управления¹⁰. К таким лицам суды относят так называемых «положенцев»¹¹, «смотрящих»¹² и иных криминальных авторитетов («блатных», «бродяг», «держателей общака» и т.д.)¹³, то есть лиц, обладающих устойчивым влиянием в преступной среде и способных принимать управленческие решения в ней. Таким образом, видится, что решающим является не само наименование статуса, а содержание и объем возможного криминального влияния лица. Вместе с тем, рамки являются расплывчатыми, поскольку не установлен конкретный перечень лиц, которые могут быть отнесены к данным категориям. В отличие от Уголовного Кодекса Грузии¹⁴, где прямо предусмотрена ответственность за пребывание лица в положении «вора в законе», отечественный законодатель решил пойти по иному пути нормативного регулирования и не закреплять в уголовном законе конкретное наименование криминального статуса. Вместо этого в диспозиции соответствующей нормы используется более обобщенная формулировка, предусматривающая ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии. Подобный подход, порождает принципиально важный вопрос о границах применения статьи 210.1 УК РФ и рисках ее расширительного толкования.

Наиболее дискуссионным, на наш взгляд, является подход судов к квалификации преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ, как длящегося¹⁵. Подобная правовая оценка вызывает серьезные сомнения с точки зрения соблюдения принципа действия уголовного закона во времени и, по своей сути, вступает в противоречие с положениями статьи 10 УК РФ, согласно которым уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, обратной силы не имеет. Так, в ряде приговоров воспроизводится сходная аргументация, сводящаяся к тому, что «после вступления в силу Федерального закона № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части

иерархии (ст. 210.1 УК РФ): вопросы квалификации // Российский судья. – 2020. – № 6. – С. 34.

⁶ Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958. – С. 138.

⁷ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 2. – М., 1970. – С. 208.

⁸ Лазарев А.М. Субъект преступления. – М., 1981. – С. 9.

⁹ Борзенков Г.Н. Специальный субъект преступления // Курс уголовного права. – Т. 1. – М., 1999. – С. 284.

¹⁰ Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 12.08.2025 по делу № 2-5/2024 // <https://sudact.ru/vsrfd/doc/1420tE5EYmUw> (дата обращения: 10.03.2026); Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 25.03.2022 по делу № 2-2/2022 (2-22/2021) // Архив Верховного Суда Республики Татарстан.

¹¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2026 № 19-УД25-38-А3; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2025 № 84-УД25-5-А1; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2025 № 44-УД25-14-А4; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.08.2025 № 38-УД25-5-А1 и т.д. // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

¹² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2025 № 83-УД25-9-А1; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2025 № 30-УД25-2-А3 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

¹³ Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 3 (21). – С. 31.

¹⁴ Уголовный кодекс Грузии // ЮЛПП «Законодательный вестник Грузии». – URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=149> (дата обращения: 11.03.2026).

¹⁵ Условия признания преступления длящимся описаны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях». В пункте 7 указанного Постановления Пленума изложено, что когда длящееся или продолжаемое преступление было начато до вступления в силу нового уголовного закона, ухудшающего положение лица, совершившего данное преступление, но окончено после вступления этого закона в силу, в отношении такого лица подлежит применению новый уголовный закон. С учетом того, что преступление было окончено в момент занятия высшего положения в преступной иерархии (коронации, назначения) до принятия нового уголовного закона, указанные правила не действуют и применяются положения статьи 10 УК РФ.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 № 582-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Закомолдина Максима Надировича на нарушение его конституционных прав статьями 3 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктами 1 и 2 части первой статьи 73 и главой 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 60-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», Определение Конституционного Суда РФ от 27.11.2025 № 3193-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дзидзишвили Кобы Резоевича на нарушение его конституционных прав статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части второй статьи 412.5 и статьей 412.7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

² Определение Конституционного Суда РФ от 27.11.2025 № 3193-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дзидзишвили Кобы Резоевича на нарушение его конституционных прав статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части второй статьи 412.5 и статьей 412.7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

³ Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 182.

⁴ Годунов И.В. Организованная преступность от рассвета до заката. – М., 2008. – С. 60.

⁵ Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. трудов по итогам научно-представительских мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Электрон. науч. изд. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2019. – Вып. 3. – 2019. – С. 293.; Ишигеев В.С., Лапша В.Л. Занятие высшего положения в преступной

противодействия организованной преступности» подсудимый продолжал реализовывать ранее возникший преступный умысел, действуя умышленно, осознавая установленный законом запрет, противоправность своих действий и наступление общественно опасных последствий»¹. На этом основании делается вывод о том, что лицо продолжало занимать высшее положение в преступной иерархии уже после криминализации данного деяния. В результате создается ситуация, при которой уголовная ответственность возлагается за сохранение ранее приобретенного статуса, а не за конкретное общественно опасное действие (бездействие), совершенное в период действия уголовного закона. Такой подход объективно приближает квалификацию по статье 210.1 УК РФ к ретроспективному вменению уголовной ответственности, поскольку в основу обвинения ложатся обстоятельства (коронация, назначение лица в целях занятия высшего положения в преступной иерархии), возникшие до вступления нормы в законную силу. Вместе с тем, признание самого факта «продолжения занятия положения» достаточным для констатации длящегося преступления, фактически нивелирует запрет на придание уголовному закону обратной силы.

Дополнительную сложность порождает и неопределенность предмета доказывания по делам данной категории. Закон не раскрывает, какие именно действия либо бездействие лица после вступления статьи 210.1 УК РФ в силу свидетельствуют о продолжении преступления. В большинстве приговоров, суждения о личности обвиняемого и его репутации являются оценочными. В частности, значительную роль для суда имеют сведения, полученные в рамках проведенных экспертиз, показаний эксперта и специалиста², которые зачастую могут иметь опосредованный характер, а то и вовсе не относится к делу. К таковым сведениям суд должен относиться критически, исследуя и сопоставляя в совокупности собранные по делу доказательства.

Нельзя не отметить, что в период подготовки настоящего исследования было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2026 г. № 16 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»³, которым внесены существенные изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»⁴. Указанное обстоятельство имеет особое значение для настоящей работы, поскольку отражает иной подход к толкованию и применению положений статьи 210.1 УК РФ, несколько был ранее.

Внесенными изменениями были существенно конкретизированы критерии признания лица занимающим высшее положение в преступной иерархии. В частности, разъяснено, что под таким лицом следует понимать субъекта, обладающего авторитетом и лидерством в преступном сообществе (преступной организации) либо иной среде, связанной с преступной деятельностью, а также использующего свое влияние на организованные группы, их участников и иных лиц в силу занимаемого положения в преступной иерархии.

Пленум также указал, что о лидерстве может свидетельствовать наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей, при этом перечень оснований полагать, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, ограниченным не является. Вместе с тем, такая формулировка в очередной раз создает основания для расширительного толкования норм статьи 210.1 УК РФ, поскольку не поименованы кон-

кретные обстоятельства, на которых суд должен основывать позицию относительно занятия лицом высшего положения в преступной иерархии и такая ситуация определяет вектор широты судебного рассмотрения. При этом, в разъяснениях Пленума обоснованно указано, что приговоре необходимо указать, на основании каких признаков суд пришел к выводу о том, что соответствующее лицо занимает высшее положение в преступной иерархии. Представляется, что суд, оценивая фактические обстоятельства при квалификации названного состава преступления будет учитывать не просто формальные признаки причастности лица к криминальному миру, а непосредственно деяния, которые указанные лица совершили, мотивы и цели их совершения. В этой связи, на наш взгляд, квалификация по статье 210.1 УК РФ не требуется, в связи с тем, что верной будет являться квалификация деяния по части 4 статьи 210 УК РФ, где прямо предусмотрена ответственность за организацию или участие в преступном сообществе (организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Поскольку вышеназванные разъяснения были приняты сравнительно недавно, устойчивая правоприменительная практика по реализации таких положений еще не сформировалась. Кроме того, российская правовая система не основывается на принципе судебного прецедента, вследствие чего сами по себе разъяснения Пленума не способны автоматически устранить или подменить существующие положения закона, изложенные в статье 210.1 УК РФ, в связи с чем проблемы квалификации остаются актуальными. Сама по себе оценка эффективности внесенных изменений будет возможна лишь после анализа складывающейся судебной практики и ее единообразия.

Вместе с тем, в ходе анализа судебной практики, встают и иные вопросы.

Так, в соответствии с частью 1 статьи 19 Конституции Российской Федерации все равны перед законом и судом. Статьей 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – УПК РФ) предусмотрена презумпция невиновности. Частью 1 статьи 15 УПК РФ установлено, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон.

В подавляющем большинстве уголовных дел, обнародованных в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» о преступлениях, предусмотренных статьей 210.1 УК РФ, весомую часть доказательств образуют свидетельские показания. Вместе с тем, анкетные данные свидетелей чаще всего скрыты в целях обеспечения безопасности и заменены на псевдонимы. Это лишает подсудимого права на защиту, так как оспорить и попытаться признать доказательства недопустимыми тот не может, поскольку не располагает необходимыми сведениями об источнике от которого те поступили.

Существенные вопросы вызывают и изменения в законодательстве.

Так, в 2023 году Федеральным законом № 216-ФЗ «О внесении изменений в статью 30⁵ из компетенции суда присяжных исключен, исследуемый в настоящей работе, состав преступления. Это обстоятельство также вызывает определенные вопросы с точки зрения обеспечения гарантий справедливого судебного разбирательства. Институт суда присяжных традиционно рассматривается как одна из важнейших форм реализации принципов состязательности, независимости суда и участия общества в осуществлении правосудия. Исключение же дел о преступлениях, предусмотренных статьей 210.1 УК РФ, из компетенции суда присяжных фактически ограничивает возможность рассмотрения таких дел с участием представителей общества, что в свою очередь особенно значимо с учетом высокой степени оценочности признаков данного состава преступления.

В совокупности с уже отмеченными проблемами неопределенности правовых формулировок, сложностями доказывания и рисками расширительного толкования уголовного закона это обстоятельство дополнительно свидетельствует о дискусионности существования статьи 210.1 в УК РФ.

Помимо того, частью 2 статьи 43 УК РФ предусмотрено, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Санкция статьи 210.1 УК РФ в части лишения свободы таковым критериям не отвечает, так как лицо вновь оказывается в условиях исправительного учреждения, где продолжает занимать высшее положение в преступной иерархии. Иными словами, изоляция такого лица в местах лишения свободы нередко не только не препятствует сохранению его неформального статуса, но и объективно способствует его укреплению. Учитывая специфику пенитенци-

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2025 № 84-УД25-5-А1; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2023 № 19-УД23-29-А3; Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 20.09.2023 по делу № 55-613/2023; Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 18.04.2023 № 2-1/2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2025 № 44-УД25-14-А4; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2025 № 83-УД25-9-А1; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 58-УД23-11СП-А5 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 16 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534841&cacheid=3473E8A-2B7E83880D3CE29F110816F16&mode=splus&rnd=7p4v9w#sv51KLvesz39c84> (дата обращения: 26.05.2026).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии» // «Российская газета». – № 130. – 17.06.2010.

⁵ Федеральный закон от 13.06.2023 № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – № 131. – 2023.

арной среды, где традиционно сохраняются элементы криминальной субкультуры и неформальной иерархии, лицо, обладающее авторитетом в преступной среде, зачастую продолжает осуществлять влияние на иных осужденных, выступая посредником в разрешении конфликтов, распределении неформальных ролей и поддержании криминальных традиций. Тем самым фактическое положение такого лица может не только не утрачивать своего значения, но и получать дополнительное подтверждение в условиях замкнутой социальной среды исправительного учреждения.

Криминальная субкультура в местах лишения свободы обладает высокой степенью устойчивости и воспроизводимости¹. В подобных условиях нахождение лица, обладающего признанным авторитетом в преступной среде, может способствовать сохранению и распространению соответствующих неформальных норм поведения среди осужденных. Таким образом, применение наказания в виде лишения свободы не обеспечивает достижение целей предупреждения преступлений и исправления осужденного, предусмотренных уголовным законом.

Более того, само по себе лишение свободы не устраняет тех социальных и организационных факторов, которые обусловили формирование соответствующего криминального статуса лица. Преступная иерархия представляет собой устойчивое социальное явление, формирующееся на протяжении длительного времени и поддерживаемое признанием со стороны других участников криминальной среды. В этой связи устранение одного из ее представителей посредством уголовного наказания не приводит к разрушению соответствующей структуры, поскольку его место может быть занято иными лицами.

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о несостоятельности уголовно-правовой нормы, предусмотренной статьей 210.1 УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, нами предлагается статью 210.1 УК РФ – исключить.

Литература

1. Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии // Актуальные проблемы науки и практики: сб. науч. трудов по итогам научно-представительских мероприятий / Дальневост. юрид. ин-т МВД России. Электрон. науч. изд. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2019. – Вып. 3. – 2019. – С. 292–301.
2. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 20.09.2023 по делу № 55–613/2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).
3. Барабанов Н.П., Михайлин В.В., Моисеев Н.Д. Понятийная характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 3 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynaya-harakteristika-kriminalnoy-subkultury-osuzhdennykh> (дата обращения: 11.03.2026).
4. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ): вопросы квалификации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 3 (21). – С. 26–31.
5. Годунов И.В. Организованная преступность от расцвета до заката. – М., 2008. – 611 с.
6. Ишигеев В.С., Лапша В.Л. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ): вопросы квалификации // Российский судья. – 2020. – № 6. – С. 33–35.
7. Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 12.08.2025 по делу № 2–5/2024 // <https://sudact.ru/vsrf/doc/14Z0tE5EuMUw> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2025 № 84-УД25–5-А1 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2025 № 44-УД25–14-А4 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.08.2025 № 38-УД25–5-А1 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.08.2025 № 44-УД25–14-А4 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

12. Лазарев А.М. Субъект преступления. – М., 1981. – 63 с.

13. Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 2. – С. 182–184.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 № 582-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Закомолдина Максима Надировича на нарушение его конституционных прав статьями 3 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктами 1 и 2 части первой статьи 73 и главой 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

15. Определение Конституционного Суда РФ от 27.11.2025 № 3193-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дзидзишвили Кобы Резоевича на нарушение его конституционных прав статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части второй статьи 412.5 и статьей 412.7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

16. Определение Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 60-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

17. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2026 № 19-УД25–38-А3 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

18. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2025 № 83-УД25–9-А1 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

19. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2025 № 30-УД25–2-А3 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

20. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2023 № 19-УД23–29-А3 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

21. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2025 № 83-УД25–9-А1 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

22. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 58-УД23–11СП-А5 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

23. Орлов В.С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1958. – 260 с.

24. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 2. – М., 1970. – 516 с.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) и о занятии высшего положения в преступной иерархии» // «Российская газета». – № 130. – 17.06.2010.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.05.2026 № 16 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534841&cacheid=3473E8A-2B7E83880D3CE29F110816F16&mode=splus&rnd=7p4v9w#sv51KLVeszw39c84> (дата обращения: 26.05.2026).

27. Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 18.04.2023 № 2–1/2023 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

28. Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 25.03.2022 по делу № 2–2/2022 (2–22/2021) // Архив Верховного Суда Республики Татарстан.

¹ Барабанов Н.П., Михайлин В.В., Моисеев Н.Д. Понятийная характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 3 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynaya-harakteristika-kriminalnoy-subkultury-osuzhdennykh> (дата обращения: 11.03.2026).

29. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291> (дата обращения: 08.03.2026).

30. Статья 210.1 УК РФ – шаг на пути уничтожения «воров в законе» или акт милосердия к следствию? // Информационно-правовой портал «Закон.ру». – URL: https://zakon.ru/blog/2019/2/19/st2101_uk_rf_-_shag_na_puti_unichtozheniya_vorov_v_zakone_ili_akt_miloserdia_k_sledstviyu (дата обращения: 10.03.2026).

31. Уголовный кодекс Грузии // ЮЛПП «Законодательный вестник Грузии». – URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426.?publication=149> (дата обращения: 11.03.2026).

32. Федеральный закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Российская газета. – № 72. – 2019.

33. Федеральный закон от 13.06.2023 № 216-ФЗ «О внесении изменений в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – № 131. – 2023.

ON THE ISSUE OF EXCLUDING ARTICLE 210.1 FROM THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Penkovtsev N.R.

Kazan (Volga region) Federal University

The article is devoted to a critical analysis of the criminal law norm enshrined in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), which provides for responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy. The prerequisites for the introduction of this norm into Russian criminal legislation and its place in the system of measures to counter organized crime are considered. Based on the analysis of law enforcement practice and scientific doctrine, significant theoretical and practical problems arising in the qualification of this act are identified. Special attention is paid to the formal nature of the *corpus delicti*, the actual absence of an objective side, and the ambiguity of key concepts used by the legislator, such as “criminal hierarchy” and “superior position.” It is shown that such a construction creates risks of an expansive and evaluative interpretation of the criminal law prohibition, which calls into question its compliance with the principles of legality, certainty of the criminal law and the presumption of innocence. Additionally, the problems of classifying this act as a continuing crime are analyzed, which raises doubts from the point of view of the principle of operation of the criminal law in time, enshrined in Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the difficulty of proving the status of a person in a criminal environment. As a result of the conducted research, the conclusion about the conceptual insolvency of the criminal law structure under consideration is substantiated and a proposal is formulated to exclude Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation from the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: organized crime, criminal hierarchy, criminal community, criminal environment, special entity, top position, criminal authority.

References

1. Antonova E. Yu. Criminal liability for occupying a high position in a criminal hierarchy // Actual problems of science and practice: collection of scientific papers based on the results of scientific and representative events / Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Electronic scientific publication. – Khabarovsk: RIO DVLI MVD of Russia, 2019. – Issue 3. – 2019. – Pp. 292–301.
2. Appellate ruling of the Fifth Court of Appeal of General Jurisdiction dated September 20, 2023 in case No. 55–613/2023 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: March 10, 2026).
3. Barabanov N.P., Mikhaylin V.V., Moiseev N.D. Conceptual characteristics of the criminal subculture of convicts // Criminal-executive law. – 2015. – No. 3 (21). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynaya-harakteristika-kriminalnoy-subkultury-osuzhdennykh> (date of access: 11.03.2026).
4. Bychkov V.V. Criminal-legal characteristics of occupying a high position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. – 2019. – No. 3 (21). – P. 26–31.
5. Godunov I.V. Organized crime from rise to decline. – M., 2008. – 611 p.
6. Ishigeev V.S., Lapsha V.L. Occupying a High Position in a Criminal Hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): Qualification Issues // Russian Judge. – 2020. – No. 6. – Pp. 33–35.
7. Cassation Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of August 12, 2025, Case No. 2–5/2024 // <https://sudact.ru/vsrif/doc/14Z0tE5EyMUw> (Accessed: March 10, 2026).
8. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of October 2, 2025, No. 84-UD25–5-A1 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 10.03.2026).

9. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.08.2025 No. 44-UD25–14-A4 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 10.03.2026).

10. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.08.2025 No. 38-UD25–5-A1 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 10.03.2026).

11. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 28, 2025, No. 44-UD25–14-A4 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: March 10, 2026).

12. Lazarev A.M. Subject of the crime. – Moscow, 1981. – 63 p.

13. Mondokhonov A.N. Features of the criminal-legal status of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy // Bulletin of the Buryat State University. – 2013. – No. 2. – P. 182–184.

14. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 27, 2025 No. 582-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Maxim Nadirovich Zakomoldin regarding the violation of his constitutional rights by Articles 3 and 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as paragraphs 1 and 2 of part one of Article 73 and Chapter 42 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: March 10, 2026).

15. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.11.2025 No. 3193-O “On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Koba Rezoevich Dzidzishvili Regarding the Violation of His Constitutional Rights by Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, Clause 1 of Part Two of Article 412.5 and Article 412.7 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 10.03.2026).

16. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.01.2025 No. 60-O “On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Maxim Vladimirovich Below Regarding the Violation of His Constitutional Rights by Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 10.03.2026).

17. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.01.2026 No. 19-UD25–38-A3 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 10.03.2026).

18. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 17.12.2025 No. 83-UD25–9-A1 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 10.03.2026).

19. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 18, 2025, No. 30-UD25–2-A3 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: March 10, 2026).

20. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 26, 2023, No. 19-UD23–29-A3 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: March 10, 2026).

21. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 17, 2025, No. 83-UD25–9-A1 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date accessed: 10.03.2026).

22. Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.10.2023 No. 58-UD23–11SP-A5 // SPS “K ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date of access: 10.03.2026).

23. Orlov V.S. Subject of a crime under Soviet criminal law. – Moscow, 1958. – 260 p.

24. Piontkovsky A.A. Course of Soviet criminal law: In 6 volumes. Vol. 2. – Moscow, 1970. – 516 p.

25. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2010 No. 12 “On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it (it) and on occupying a high position in the criminal hierarchy” // “Rossiyskaya Gazeta”. – No. 130. – 17.06.2010.

26. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 21, 2026, No. 16 “On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Cases” // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=534841&cac=heid=3473E8A2B7E83880D3CE29F110816F16&mode=splus&rnd=7p4v9w#sv51KLveszw39c84> (date of access: May 26, 2026).

27. Verdict of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan of April 18, 2023, No. 2–1/2023 // SPS “ConsultantPlus”. – URL: <https://www.consultant.ru> (date accessed: 10.03.2026).

28. Verdict of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated 25.03.2022 in case No. 2–2/2022 (2–22/2021) // Archive of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan.

29. Consolidated statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the first half of 2025. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291> (date accessed: 08.03.2026).

30. Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation – a step towards the elimination of “thieves in law” or an act of mercy towards the investigation? // Information and legal portal “Zakon.ru”. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/2/19/st2101_uk_rf_-_shag_na_puti_unichtozheniya_vorov_v_zakone_ili_akt_miloserdia_k_sledstviyu (date of access: 10.03.2026).

31. Criminal Code of Georgia // LEPL “Legislative Herald of Georgia”. – URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426.?publication=149> (date of access: 11.03.2026).

32. Federal Law of 01.04.2019 No. 46-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Terms of Combating Organized Crime” // Rossiyskaya Gazeta. – No. 72. – 2019.

33. Federal Law of 13.06.2023 No. 216-FZ “On Amendments to Article 30 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. – No. 131. – 2023.

Предупреждение киберпреступлений несовершеннолетних: проблема формирования правосознания в условиях кризиса читательской культуры

Слободенюк Марина Александровна,

преподаватель кафедры публичного и уголовного права,
Сургутский государственный университет,
E-mail: 150592@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы формирования правосознания несовершеннолетних в условиях глобальной цифровизации и поиску путей интеграции чтения в систему правового воспитания как меры предупреждения киберпреступности среди несовершеннолетних. Актуальность работы обусловлена ростом киберпреступности несовершеннолетних и снижением эффективности традиционных мер профилактики в цифровой среде. Установлено, что простое знание правовых норм недостаточно для обеспечения законопослушного поведения. Необходимо формирование положительного субъективного отношения к праву и устойчивой установки на его соблюдение. Выявлено, что художественная литература, содержащая примеры нравственного выбора, поиска справедливости и последствий нарушения закона, оказывает ценностно-мотивационное воздействие и играет ключевую роль в становлении правосознания несовершеннолетних. Обоснована необходимость возрождения чтения художественной литературы как ключевой антропологической практики, формирующей когнитивный и морально-нравственный капитал личности. Полученные выводы могут быть использованы при разработке профилактических программ для образовательных учреждений, органов внутренних дел и институтов гражданского общества, направленных на повышение уровня правосознания как основы предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних.

Ключевые слова: киберпреступления, несовершеннолетние предупреждение преступлений, правосознание, ценностно-мотивационное воздействие, кризис читательской культуры.

С каждым годом в России все более нарастает тревожная тенденция увеличения доли несовершеннолетних в составе организованных преступных групп. За минувшее десятилетие этот параметр вырос с 0,1% до 1,6%, что говорит о росте интенсивности вовлечения подростков в организованную преступную деятельность¹. Деструктивные сообщества в сети Интернет, манипулируют сознанием несовершеннолетних и целенаправленно вербуют их в свои структуры, используя в качестве исполнителей киберпреступлений. Данная проблема сегодня обрела глобальный масштаб, а традиционные методы противодействия преступности в условиях цифровой трансформации общества утратили свою эффективность.

Система профилактики не успевает адаптироваться к изменениям, порождаемыми воздействием виртуальной среды на правовое сознание молодежи. Книжная культура постепенно замещается культурой информационных технологий, поскольку современное поколение отдаёт предпочтение лёгкому развлекательному контенту перед длительным вдумчивым чтением. Нация, теряющая интерес к литературе и навыки работы с текстом, неизбежно лишается способности к критической оценке действительности, что делает её более уязвимой для внешнего деструктивного влияния.

Ситуацию усугубляет кризис современного образования, представляющий собой серьёзный социокультурный вызов с долгосрочными последствиями. Утрата привычки к чтению в детском возрасте ведёт к деформации культурной идентичности и снижению общего образовательного потенциала. Направленность образовательных программ на утилитарные компетенции в ущерб развитию критического мышления и аналитических способностей, минимизирует мотивацию к интеллектуальному досугу. Чтение утрачивает статус фундаментальной антропологической потребности, что ведёт к системному обесцениванию его роли в развитии нравственных качеств личности и формировании правосознания несовершеннолетних.

Среди ученых нет единства мнений относительно того, что следует понимать под правосознанием, но обобщив их взгляды, можно сделать вывод, что оно представляет собой систему правовых взглядов, теорий, идей, убеждений, оценок и настроений, отражающих отношение индивидов, социальных групп и общества в целом к действующим и желаемым правовым нормам, явлениям и поведению². Таким образом, правосознание можно рассматривать как субъективное восприятие юридических феноменов, преломляемое через призму индивидуального и коллективного опыта.

Становление правосознания у несовершеннолетних представляет собой многогранный процесс, который охватывает освоение юридических знаний, закрепление одобряемых обществом правовых установок, формирование системы нравственных ценностей и воспитание почтительного отношения к закону. Обычно для этих целей применяется правовое обучение, однако оно не даёт желаемого результата, поскольку простое знание закона ещё не означает формирования внутренней готовности ему следовать. Как отмечают отечественные учёные А.И. Долгова и Г.М. Миньковский, многие лица, совершающие преступления, не только обладают правовыми познаниями, но порой ориентируются в уголовно-правовых нормах лучше законопослушных граждан, используя это для уклонения от ответственности или достижения собственных целей³.

Сказанное обуславливает необходимость поиска новых подходов к формированию правосознания личности. В этом контексте, на первый план выступает оказание воспитательного воздействия, направленного на развитие позитивного отношения к закону и закрепления установок на законопослушное поведение. Ключевым механизмом

¹ Состояние преступности // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (дата обращения: 05.06.2026).

² Жидяева Е.Г., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Особенности формирования правосознания учащейся молодежи в современном обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 3(1). – С. 70; Налётова Н.Ю., Кузьмина А.Н. Формирование правового сознания несовершеннолетних в процессе воспитания // Проблемы современного образования. – 2021. – № 5. – С. 163.

³ Долгова А.И., Миньковский Г.М. Дефекты правового сознания несовершеннолетних // Социалистическая законность. – М., 1970. – № 2. – С. 20–25.

формирования таких установок является правовое воспитание, которое представляет собой процесс ценностно-мотивационного воздействия, направленный на формирование позитивного отношения к правовым нормам и правовой реальности в целом, обеспечивающего успешную интеграцию индивида в правовую систему общества. Ценностно-мотивационное воздействие включает в себя три последовательных стадий, каждая из которых играет важную роль в формировании правосознания¹.

Первой стадией механизма ценностно-мотивационного воздействия на правосознание несовершеннолетних является привитие им идеи правды и справедливости, которая занимает центральное место в русском менталитете, будучи близкой по своей сути к концепту правового закона. Правда в данном контексте представляется как высшее благо, что обуславливает необходимость ее поиска. Этот процесс поиска правды эволюционировал в устойчивую традицию, глубоко укорененную в российской ментальности и отражающую представления о наилучшем общественном устройстве и роли индивида в нем. Таким образом, в рамках российской правовой культуры идея правового закона трансформируется через призму концепции правды, где гармонично сочетаются элементы законности и духовного совершенства².

Идея поиска правды встречается во многих произведениях литературы, где несовершеннолетние могут ее почерпнуть и усвоить. Например, произведения Н.Ю. Абгарян («Манюня», «С неба упали три яблока» и др.) укрепляют правосознание несовершеннолетних через развитие у них чувства справедливости, гуманизма и уважения к человеку. Дополнить представления о важности поиска правды также помогут рассказы и повести А.А. Гиваргизова («Записки выдающегося двоечника», «Со шкафом на велосипеде»), где с юмором и невероятной фантазией автор показывает абсурдность несправедливости. Произведения Н.Ю. Абгарян и А.А. Гиваргизова подходят для чтения несовершеннолетних младшей возрастной группы (14–15 лет), а для старшей группы (16–17 лет) больше подойдет повесть В.К. Железникова «Чучело», которая представляет собой глубокую и трагическую историю о школьной травле. Главная героиня берёт на себя вину другого человека и не поддается давлению всего класса, демонстрируя невероятную силу духа и стойкость. Это произведение ярко иллюстрирует нарушение прав человека на достоинство и безопасность, заставляя задуматься о вреде жестокости и ответственности каждого за совершенные поступки.

Вторая стадия ценностно-мотивационного воздействия заключается в осмыслении не только собственной свободы, но и свободы других людей, что предполагает признание того, что права и свобода индивида ограничены правами других людей³. Осознание того, что любой человек включён в систему общественных отношений, а интересы окружающих имеют не меньшее значение, чем собственные, играет важную роль в социализации подростков и способствует формированию атмосферы взаимовыручки и поддержки. Эффективным средством для выработки такого понимания служат рассказы Д.Р. Сабитовой, в частности, «Три твоих имени», «Цветные и полосатые дни», «Где нет зимы», которые относятся к современной прозе и ярко воплощают идеи заботы о ближнем, солидарности и взаимопомощи. Еще одним примером является роман Е.В. Мурашовой «Класс коррекции», который обнажает перед читателем проблемы социальной несправедливости, но, вместе с тем, демонстрирует примеры удивительного милосердия и сохранения личного достоинства в самых тяжёлых жизненных обстоятельствах.

Третий этап ценностно-мотивационного воздействия связан с пониманием того, что право является нормативным воплощением свободы, порядка и справедливости. Несовершеннолетнему необходимо усвоить, что добиваться правды можно исключительно законными методами. Эту задачу помогает решить повесть Е.В. Мурашовой «Гвардия тревоги», где наглядно показаны границы допустимого поведения и последствия самостоятельной, внеправовой борьбы за справедливость.

Современные литературные произведения способны затронуть глубинные нравственные основы личности и демонстрируют силу морального выбора. Например, повести В.В. Быкова «Сотников» и «Дожить до рассвета» заставляют читателя задуматься перед выбором, что лучше – пожертвовать жизнью ради сохранения чести или предать ради выживания. Созданные автором образы воспринимаются как живые, вызывают искреннее сочувствие, а потому способны силь-

но повлиять на мировосприятие читателя, его отношение к окружающим, к закону и правовой реальности. Следовательно, современная литература обладает весомым потенциалом для формирования правосознания несовершеннолетних через ценностно-мотивационное воздействие, через сопереживание судьбам близких и понятных читателю героев. Однако ещё более мощным ресурсом в этом отношении выступает русская классика.

Русская классическая литература по праву считается вершиной мирового словесного искусства, но её восприятие в сегодняшнем обществе вызывает серьёзные вопросы. Школьное обучение зачастую носит формальный, поверхностный характер, не позволяя ученикам по-настоящему прочувствовать глубину и актуальность классических текстов. Положение усугубляется тем, что иногда и сами учителя не верят в значимость того, что преподают, а применяемые ими методы, в отличие от советской школы, сводятся к механическому запоминанию. Между тем русская классика остаётся востребованной и сегодня, поскольку каждое произведение несёт в себе исторический культурный код, связующий прошлое с настоящим.

Патриотические чувства, воспитанные в таких шедеврах, как «Евгений Онегин» А.С. Пушкина и «Война и мир» Л.Н. Толстого, обращены к современному читателю и играют важную роль в становлении правосознания подрастающего поколения. В этих текстах гармонично соединяются аристократическая и народная традиции, формируя уникальный культурный код, ядром которого является любовь к Отчизне. Истинный патриотизм проявляется не столько в громких победах, сколько в глубине эмоциональной связи с Родиной. Такая преданность неразрывно связана с уважением к укладу жизни простых людей, их близостью к природе и народной мудрости, благодаря чему они становятся подлинными хранителями правды.

Проблемы добра и зла, отношение к греху и преступлению, вопросы морали и нравственности, также нашли глубокое отражение в великой русской литературе. Сложные философские вопросы звучат в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», который читают в рамках школьной программы. Это бросает настоящий вызов юному читателю, стремящемуся «осилить» данное произведение, так как в творчестве писателя прослеживаются сложные параллели с идеями И. Канта, которые во многом легли в основу современного права⁴.

Невозможно представить, что несовершеннолетние, самостоятельно без наставника способны справиться с осознанием сложнейших вопросов морали и права, которые поднимает Ф.М. Достоевский. Поэтому критически важной является роль взрослого – педагога, наставника, родителя, который должен способствовать пониманию смыслов, заложенных автором. Разговор о прочитанном с родителями или учителями поможет правильно интерпретировать художественные образы, понять ситуации и поведение героев, связать их с реальной жизнью и сформировать свою собственную позицию. Такое чтение, сопряженное с грамотной трактовкой, способствует не только расширению кругозора (на что нацелено современное образование), но и сохранению морально-нравственных основ нашего общества (то к чему должно стремиться образование). При этом, восприятие любого произведения не просто вопрос эрудиции, тут важна чувственная эмпатическая составляющая, ранее формирование которой является залогом высоких нравственных качеств человека.

Проведенный анализ литературы показал, что вдумчивое чтение и обсуждение со взрослыми произведений художественной литературы благотворно отражается на правосознании несовершеннолетних. Так как через идентификацию с персонажами и сопереживание им возможно формирование в сознании несовершеннолетних положительных социально-одобряемых установок, основанных на понимании ценности права и важности соблюдения закона.

Концепцию того, что литература имеет важное значение для будущего страны транслирует и Президент России В.В. Путин, который предложил с 2026 года запустить программу «Детская книжная карта»⁵. Данная инициатива призвана уменьшить неравенство читательских возможностей детей, так как в одних семьях с раннего возраста уделяют внимание литературному образованию и приобретают много книг, в то время как в других семьях не всегда имеется финансовая возможность на покупку книг. Низкая читательская культура в семье может способствовать когнитивной деградации, поэтому неравенство в доступе к литературному образованию не только ограничивает возможности несовершеннолетних в их личностном и интеллектуальном развитии, но и создает долгосрочные социальные проблемы. Поэто-

¹ Сислов М.Ю. Правовая культура и механизм ее формирования // Журнал российского права. – 2012. – № 1 (181). – С. 79.

² Петровская А.В. Идея правового закона в контексте характеристики различных правовых культур // История государства и права. – 2007. – № 4. – С. 39.

³ Сислов М.Ю. Правовая культура и механизм ее формирования // Журнал российского права. – 2012. – № 1 (181). – С. 80.

⁴ Золотарев А.В. Идеи кантовской моральной философии в творчестве Ф.М. Достоевского // Соловьевские исследования. – 2018. – № 4 (60). – С. 73–89.

⁵ Путин предложил запустить программу «Детская книжная карта» // РИА.Новости: официальный сайт. – URL: <https://ria.ru/20250605/knigi-2021113438.html> (дата обращения: 05.06.2026).

му программа «Детская книжная карта» направлена на сглаживание экономического неравенства и обеспечение более широкого доступа детей к литературе.

В условиях, когда информация становится доступной в основном через визуальные и аудиовизуальные форматы, несовершеннолетние, не имеющие привычки к чтению, не развивают навыки критического мышления и эмоциональный интеллект, что в будущем может негативно сказаться на их способности к самостоятельному осмыслению правовой реальности и принятию осознанных решений. В связи с чем, развитие читательской культуры должно быть одним из приоритетных направлений правового воспитания несовершеннолетних.

Итак, проведенное исследование позволяет заключить, что художественная литература обладает большим потенциалом для повышения уровня правосознания несовершеннолетних. Однако, необходимо преодоление кризиса читательской культуры, возникшего в условиях глобальной цифровизации. Прежде всего, требуется возрождение чтения художественной литературы как ключевой антропологической практики, формирующей когнитивный и морально-нравственный капитал личности. Перспективным также представляется разработка инновационных методик, связывающих литературный опыт с аудиовизуальными искусстваами, для увеличения интереса детей к высокохудожественной литературе, развивающей их критическое мышление и устойчивость к деструктивному влиянию онлайн-сообществ, вовлекающих несовершеннолетних в совершение киберпреступлений.

В этих целях важна совместная работа субъектов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних и институтов гражданского общества, направленная на формирование правосознания у подрастающего поколения. Только системное сочетание правового просвещения, литературного воспитания и целенаправленного обучения основам кибербезопасности способно обеспечить долгосрочный профилактический эффект и создать прочный антикриминогенный барьер, основанный на внутреннем убеждении, а не на страхе наказания. Именно такой комплексный подход, интегрирующий традиционные механизмы профилактики с современными образовательными и цифровыми технологиями, должен быть положен в основу предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних в условиях глобальной цифровизации.

Литература

1. Путин предложил запустить программу «Детская книжная карта» // РИА.Новости: официальный сайт. – URL: <https://ria.ru/20250605/knigi-2021113438.html> (дата обращения: 05.06.2026).
2. Состояние преступности // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (дата обращения: 05.06.2026).
3. Жидяева, Е.Г. Самыгин П.С., Самыгин С.И. Особенности формирования правосознания учащейся молодежи в современном обществе / Е.Г. Жидяева, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 3 (1). – С. 69–73.
4. Долгова, А.И. Дефекты правового сознания несовершеннолетних / А.И. Долгова, Г.М. Миньковский // Социалистическая законность. – М., 1970. – № 2. – С. 20–25.

5. Золотарев, А.В. Идеи кантовской моральной философии в творчестве Ф.М. Достоевского / А.В. Золотарев // Соловьевские исследования. – 2018. – № 4 (60). – С. 73–89.

6. Налётова, Н.Ю. Формирование правового сознания несовершеннолетних в процессе воспитания / Н.Ю. Налётова, А.Н. Кузьмина // Проблемы современного образования. – 2021. – № 5. – С. 162–169.

7. Осипов, М.Ю. Правовая культура и механизм ее формирования / М.Ю. Осипов // Журнал российского права. – 2012. – № 1 (181). – С. 75–81.

8. Петровская, А.В. Идея правового закона в контексте характеристики различных правовых культур / А.В. Петровская // История государства и права. – 2007. – № 4. – С. 38–40.

PREVENTION OF JUVENILE CYBERCRIME: THE PROBLEM OF LEGAL CONSCIOUSNESS FORMATION IN THE CONTEXT OF THE READING CULTURE CRISIS

Slobodenyuk M.

Surgut State University

The article is devoted to the problem of forming legal consciousness among minors in the context of global digitalization and to finding ways to integrate reading into the system of legal education as a measure to prevent juvenile cybercrime. The relevance of the work is determined by the growth of juvenile cybercrime and the decreasing effectiveness of traditional preventive measures in the digital environment. It has been established that mere knowledge of legal norms is insufficient to ensure law-abiding behavior; it is necessary to form a positive subjective attitude towards law and a stable commitment to its observance. It is revealed that fiction, containing examples of moral choice, the search for justice, and the consequences of breaking the law, exerts a value-motivational influence and plays a key role in the development of legal consciousness in minors. The necessity of reviving the reading of fiction as a key anthropological practice that shapes the cognitive and moral capital of the individual is substantiated. The findings can be used in the development of preventive programs for educational institutions, law enforcement agencies, and civil society institutions aimed at increasing the level of reading culture and legal consciousness among adolescents as a basis for preventing cybercrime.

Keywords: cybercrime, minors, crime prevention, legal consciousness, value-motivational influence, reading culture crisis.

References

1. Putin proposed launching the “Children’s Book Card” program // RIA Novosti: official website. – URL: <https://ria.ru/20250605/knigi-2021113438.html> (date accessed: 05.06.2026).
2. The state of crime // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (date accessed: 05.06.2026).
3. Zhidiyeva, E.G. Samygin P.S., Samygin S.I. Features of the formation of legal consciousness of young people in modern society / E.G. Zhidiyeva, P.S. Samygin, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2015. – No. 3 (1). – P. 69–73.
4. Dolgova, A.I. Defects in the Legal Consciousness of Minors / A.I. Dolgova, G.M. Minkovsky // Socialist Legality. – Moscow, 1970. – No. 2. – P. 20–25.
5. Zolotarev, A.V. Ideas of Kantian Moral Philosophy in the Works of F.M. Dostoevsky / A.V. Zolotarev // Soloviev Studies. – 2018. – No. 4 (60). – P. 73–89.
6. Naletova, N. Yu. Formation of the Legal Consciousness of Minors in the Process of Education / N. Yu. Naletova, A.N. Kuzmina // Problems of Modern Education. – 2021. – No. 5. – P. 162–169.
7. Osipov, M. Yu. Legal Culture and the Mechanism of Its Formation / M. Yu. Osipov // Journal of Russian Law. – 2012. – No. 1 (181). – P. 75–81.
8. Petrovskaya, A.V. The Idea of Legal Law in the Context of the Characteristics of Various Legal Cultures / A.V. Petrovskaya // History of the State and Law. – 2007. – No. 4. – P. 38–40.

Совершение преступления с использованием вредоносных компьютерных программ: проблемы правоприменения

Смирнов Виталий Павлович,

магистр, 2 курс, Ивановский государственный университет
E-mail: staff_vps101@mail.ru

В статье рассматривается уголовно-правовая регламентация ответственности за создание, использование и распространение вредоносного программного обеспечения по ст. 273 УК РФ. Автор анализируется проблема отсутствия в законе четкого определения термина «вредоносная программа» и возникающие из-за этого разночтения в правоприменительной практике. Особое внимание уделено позиции Верховного Суда РФ, которая порождает коллизии при толковании субъективной стороны состава преступления. Подробно анализируется квалификация DDoS-атак, показаны противоречия между технологическими особенностями таких атак и действующими юридическими критериями, а также спорность квалификации подобных деяний по ст. 272 или ст. 273 УК РФ.

Ключевые слова: вредоносное программное обеспечение, компьютерная информация, киберпреступность, DoS-атака.

Появление в российском законодательстве уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за создание, применение и распространение вредоносного программного обеспечения, отражает объективную потребность в совершенствовании механизмов противодействия киберпреступности. Хотя судебная практика по ст. 273 УК РФ пока не отличается массовостью, данное преступление действительно входит в число наиболее опасных и трудоемких для расследования деяний в сфере компьютерной информации. Это напрямую связано с экспоненциальным развитием информационных технологий: с каждым годом злоумышленники используют все более изощренные технические методы, а значительная доля подобных правонарушений остается латентной, что создает серьезные препятствия для их выявления и раскрытия.

Проблемой, возникающей на фоне повсеместного развития информационных технологий, становится распространение преступлений, связанных с разработкой и применением вредоносного программного обеспечения, направленного на уязвимые компьютерные технологии и сети. Подобные программы способны парализовать работу многих структур, спровоцировав цепочку негативных последствий – от утечки персональных данных до масштабных проблем [5, с. 3].

В рамках уголовно-правового регулирования противодействие использованию вредоносных программных средств закреплено в ст. 273 УК РФ, которая предусматривает наступление уголовной ответственности за деяния, состоящие в разработке, эксплуатации либо тиражировании вредоносного программного обеспечения [15].

В качестве объекта преступного посягательства, предусмотренного указанной нормой, традиционно рассматриваются общественные отношения, направленные на обеспечение защищенности компьютерной информации и информационно-коммуникационной инфраструктуры от деструктивного воздействия вредоносных программных продуктов.

При наблюдаемой динамике роста числа зарегистрированных деяний, квалифицируемых по ст. 273 УК РФ, и существенном уровне общественной опасности данных противоправных действий, в доктрине и правоприменительной практике до настоящего времени отсутствует унифицированная дефиниция понятия «вредоносная программа». Данная проблема носит системный характер.

Поскольку законодатель не дает четкого и универсального определения термина «вредоносная программа», данный пробел восполняется разъяснениями высшей судебной инстанции, ограничиваясь при этом лишь описательной конструкцией, не содержащей закрытого перечня функциональных признаков, позволяющих однозначно отнести программное обеспечение к категории вредоносного. Эта неопределенность порождает разночтения в правоприменительной практике, икратно повышает зависимость судебных решений от экспертных оценок, а также создает риски субъективного толкования на всех стадиях уголовного процесса.

Большинство исследователей, среди которых Е.А. Маслакова [8, с. 68] и М.М. Малыковцев [7, с. 10], вредоносность программы традиционно определяют через ее функциональное назначение, а именно неправомерное воздействие на информацию и (или) компьютерную систему, выраженное в нарушении их защищенности и целостности.

Развивая данную позицию, ряд других ученых, среди которых В.Б. Вехов [4, с. 45], В.М. Быков, В.Н. Черкасов [2, с. 126], определяют вредоносность программы не только техническими функциями (уничтожение, блокирование и др.), но и отсутствием уведомления и согласия пользователя на выполнение таких действий. То есть, для того, чтобы программное обеспечение признать вредоносным, необходимо наличие трех признаков: во-первых, его функционал ориентирован на деструктивное воздействие в отношении цифровых данных; во-вторых, оно действует без явного разрешения правообладателя или уполномоченного пользователя; в-третьих, изначальная цель разработки заключалась в нарушении нормального функционирования информационных систем либо неправомерном вмешательстве в их работу.

Подобный расширительный подход в наибольшей степени согласуется с позицией Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в постановлении от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с исполь-

зованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» [10]. В п. 11 говорится об отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, при наличии согласия собственника на использование таких программ.

Однако, системный анализ положений постановления Пленума Верховного Суда РФ позволяет определить следующие функциональные признаки «вредоносной компьютерной программы»:

- 1) назначение для несанкционированного доступа к компьютерной информации, то есть программа создана или адаптирована для использования без согласия обладателя информации лицом, не наделенным необходимыми для такого доступа полномочиями;
- 2) способность к уничтожению, блокированию, модификации или копированию информации;
- 3) способность к нейтрализации средств защиты компьютерной информации.

Если действия, связанные уничтожением, блокированием, копированием и модификацией компьютерной информации не вызывают вопросов, то указанная в Постановлении цель несанкционированного доступа к информации может вызвать сложности в правоприменении, поскольку создает системное противоречие в толковании признаков состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ.

Противоречие носит нормативно-интерпретационный характер и заключается в расхождении подходов к определению субъективной стороны рассматриваемого состава преступления, в частности, к содержанию цели при создании, использовании и распространении вредоносных компьютерных программ.

Так, если п. 8 Постановления формулирует общий подход, воспроизводя диспозицию ст. 273 УК РФ, указывая исчерпывающий перечень целей использования деструктивной программы (предназначенной для уничтожения, блокирования, модификации и копирования информации, а также нейтрализации средств защиты), предусмотренный законодателем, то п. 9 Постановления сужает содержание субъективной стороны преступления, дополнительно определяя создание вредоносных программ как деятельность, направленную на разработку программ, предназначенных для «несанкционированного доступа». В результате возникает коллизия между диспозицией статьи и разъяснениями высшей судебной инстанции.

Содержание п. 11 Постановления усугубляет выявленное противоречие, используя цель неправомерного доступа в качестве одного из критериев исключения уголовной ответственности. В нем указывается, что использование программы не образует состава преступления, если оно не преследовало цели неправомерного доступа и не повлекло несанкционированных последствий. Тем самым в п. 11 косвенно поддерживается подход, изложенный в п. 9, то есть цели доступа придается значение универсального критерия разграничения правомерно и противоправного поведения. Однако такой подход не согласуется с п. 8 и ст. 273 УК РФ, где цель неправомерного доступа не фигурирует как обязательный признак состава преступления, а акцент сделан на последствиях в виде уничтожения, блокирования и т.д.

Указанные положения приводят к необходимости доказывания цели неправомерного доступа к компьютерной информации, и необходимости установления данного факта в процессе судебного разбирательства [11, 12], создавая излишнюю нагрузку на суд.

При этом, стоит заметить, что анализ составов преступлений в сфере компьютерной информации показывает, что операции по «копированию» либо «модификации» данных, как правило, предполагают факт неправомерного доступа к информации, находящейся под правовой охраной. С технологической точки зрения указанные действия объективно требуют прямого взаимодействия с исходным массивом данных, поэтому подобное взаимодействие по существу образует доступ к информации, который в случае отсутствия легитимных оснований подлежит правовой квалификации в качестве неправомерного. Таким образом, в случаях копирования и модификации факт доступа выступает необходимым элементом объективной стороны деяния.

Иная ситуация складывается применительно к действиям по «блокированию» и «уничтожению» информации. Блокирование, определяемое как создание условий недоступности информации, невозможности ее надлежащего использования (например, путем перегрузки сетевых ресурсов в ходе DoS-атаки или изменения настроек сетевого оборудования), может осуществляться без прямого доступа к самой информации. Аналогично уничтожение информации (приведение ее полностью или частично в непригодное для использования состояние с целью утраты возможности восстановления) может быть результатом запуска вредоносного кода, заранее внедренного в систему, или активации программы, срабатывающей при определенных условиях (например, по таймеру), без необходимости постоянного доступа к информации в момент ее уничтожения.

С уголовноправовой точки зрения это различие имеет принципиальное значение для квалификации действий по ст. 273 УК РФ.

В диспозиции рассматриваемой нормы закреплена уголовная ответственность за совершение действий по созданию, использованию либо распространению программных продуктов, изначально ориентированных на осуществление несанкционированного уничтожения, блокирования, модификации, копирования информационных массивов либо на нейтрализацию механизмов их правовой охраны. При этом признак «несанкционированности» нормативно отнесен к указанным противоправным операциям, а не к факту доступа как самостоятельному элементу. В структуре состава преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ, законодатель не закрепляет цель неправомерного доступа в качестве конститутивного признака.

Следовательно, для квалификации деяния по указанной статье достаточным является установление признака заведомости – то есть осознания лицом характера своих действий и направленности умысла на создание, использование либо распространение программного продукта, потенциально способного повлечь общественно опасные последствия независимо от того, предполагает ли это действие предварительный доступ к информации.

Не лишнее дискуссионных аспектов, однако представляющееся более корректным, определение вредоносной программы закреплено в п. 2.6.5 ГОСТ Р 50922-2006 «Защита информации. Основные термины и определения». Согласно данному нормативному положению, «вредоносная программа – это программный продукт, предназначенный для осуществления несанкционированного доступа к информации и (или) оказания воздействия на информационные массивы либо ресурсы информационной системы» [6].

В указанной дефиниции акцент смещен не исключительно на категорию «доступ к информации» как элемент операций по копированию и модификации данных, но и на иные формы противоправного воздействия на информацию, которые могут реализовываться без непосредственного получения доступа к ней.

Кроме того, следует отметить, что положения Постановления рекомендуют судам при рассмотрении данной категории дел руководствоваться иными актами, в частности, Соглашением о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, в котором вредоносная программа определяется как «созданная или существующая программа со специально внесенными изменениями, заведомо приводящая к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации, нарушению работы информационной (компьютерной) системы» [14].

Соглашение не включает цель неправомерного доступа в число обязательных признаков вредоносной программы. Отсутствие упоминания о неправомерном доступе в качестве обязательного признака позволяет трактовать понятие вредоносной программы более широко. Это означает, что программа может считаться вредоносной, даже если она не предназначена специально для получения доступа к информации, а направлена на причинение вреда иным способом.

Данная проблематика находит свое отражение в условиях цифровой трансформации общества, где киберпреступность приобретает все более изощренные формы, и одной из распространенных угроз информационной безопасности являются DoS-атаки (Denial of Service – распределенная атака типа «отказ в обслуживании»). Несмотря на очевидную общественную опасность таких деяний, их квалификация в рамках действующего уголовного законодательства РФ вызывает ряд сложностей. DoS-атака представляет собой целенаправленное формирование избыточной нагрузки на серверные мощности либо элементы сетевой инфраструктуры, осуществляемое в целях дестабилизации функционирования информационного ресурса и лишения легитимных пользователей возможности его использования. Технически данное деяние реализуется посредством массовой отправки запросов с совокупности устройств (в т.ч. объединенных в ботнет), исчерпания лимитов сетевых ресурсов (включая пропускную способность канала передачи данных) либо превышения предельных значений вычислительной нагрузки целевого сервера.

Ключевыми проблемами правовой квалификации подобных действий выступает отсутствие в структуре УК РФ специальной нормы, прямо закрепляющей состав преступления, корреспондирующий указанному виду противоправного воздействия, в результате чего правоприменительные органы вынуждены осуществлять подбор релевантных составов из числа действующих уголовно-правовых предписаний.

В научной литературе встречается мнение, что квалификация данных деяний возможна по ст. 272 УК РФ. Так В.Ф. Щепельков полагает, что скоординированная массированная отправка запросов с совокупности вычислительных устройств подлежит интерпретации в качестве

неправомерного доступа к компьютерной информации, повлёкшего её блокирование [16].

В правоприменительной практике самым ярким примером квалификации DoS-атаки по ст. 272 УК РФ является Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.11.2013 по делу № 10–11502/2013. Судом было указано, что DoS-атака с использованием бот-сети и вредоносной программы, блокировавшая работу системы компании, признана судом неправомерным доступом к компьютерной информации, поскольку создала возможность ее получения и использования [1].

Вместе с тем, представляется, что квалификация данных деяний по ст. 272 УК РФ невозможна. При осуществлении DoS-атаки на Интернет-ресурс неправомерного доступа к компьютерной информации по смыслу ст. 272 УК РФ не происходит.

С позиции системного толкования уголовно-правовых норм квалификация DoS-атак по ст. 273 УК РФ представляется логически более последовательной, хотя и остаётся предметом существенных доктринальных разногласий. Раскрывая содержание категории «блокирование» и определяя его как воздействие на информационные массивы, влекущее утрату возможности их использования, Верховный Суд РФ в своих разъяснениях фактически учитывал специфику DoS-атаки: ключевым признаком деяния выступает именно лишение доступности ресурса при отсутствии цели получения доступа к охраняемой компьютерной информации.

В современных правоприменительных подходах, формируемых с опорой на позиции высшей судебной инстанции, в отношении организаторов DoS-атак преобладает квалификация по ст. 273 УК РФ – как использования вредоносных компьютерных программ, повлёкшего блокирование информации.

Так, согласно приговору Шадринского районного суда Курганской области от 22 июня 2025 года К. планировал провести DoS-атаки на информационную систему провайдера хостинга ООО «Интернет-Про» с целью получения незаконного денежного вознаграждения. В результате DoS-атак произошла временная утрата работоспособности «DNS» системы провайдера хостинга и его ресурсов. Своими умышленными действиями, К. совершил несанкционированные сетевые воздействия в виде DoS-атак на IP-адрес Интернет-ресурса провайдера хостинга ООО «Интернет-Про» с доменным адресом «www.netangels.ru», по результатам которых достиг последствий в виде блокирования компьютерной информации. В результате действия виновного были квалифицированы по ч. 1 ст. 273 УК РФ [13].

Вместе с тем, такой подход имеет свои недостатки и является спорным ввиду описанных ранее разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым для того, чтобы деяние было квалифицировано по ст. 273 УК РФ, требуется, чтобы программа была создана с целью несанкционированного доступа к информации, а также ее уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации либо нейтрализации средств ее защиты.

Сложность корректной правовой квалификации в рассматриваемой ситуации обусловлена спецификой механизма деяния, поскольку вредоносное программное обеспечение (в т.ч. так называемый «троянский конь»), осуществляющее компрометацию пользовательских устройств и их интеграцию в ботнет для формирования избыточной нагрузки на целевой ресурс, как правило, не влечёт повреждения информационных массивов, размещённых непосредственно на заражённом оборудовании.

При этом блокирование информации на удалённом атакуемом сервере обусловлено не прямым деструктивным воздействием указанного ПО на охраняемые данные, а следствием массовой отправки запросов к информационному ресурсу. Именно данный фактор выступает непосредственной причиной перегрузки инфраструктуры и утраты сервисом доступности [3, с. 15].

Указание на заведомую предназначённость программы для несанкционированного доступа к компьютерной информации в постановлении Пленума Верховного Суда РФ представляется избыточным в контексте DoS-атак, так как их суть не связана с получением доступа к данным. DoS-атаки направлены на нарушение доступности сервисов, а не на несанкционированный доступ к информации. Подобный подход в данном случае может привести к неточности квалификации и необоснованной необходимости доказывания умысла лица на получение доступа к информации.

Для устранения имеющихся противоречий Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации был разработан проект Федерального закона о внесении изменений в УК РФ, в том числе, о включении ст. 272.2 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за «Целенаправленное воздействие на информационную систему и (или) информационно-

телекоммуникационную сеть, сеть электросвязи, в том числе с использованием искусственного интеллекта, сопряженное с блокированием или уничтожением компьютерной информации, причинившее значительный ущерб или повлекшее иные тяжкие последствия, либо создавшее угрозу их наступления (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 167 и 272 настоящего Кодекса)» [9]. Вместе с тем, на данный момент этот законопроект не принят.

Проблема квалификации DoS-атак и прочего воздействия на информационные ресурсы посредством вредоносных программ требует комплексного подхода, включающего уточнение правовых норм и разработку четких критериев для разграничения преступных и неправомерных действий. Введение специальной статьи в УК РФ могло бы устранить существующие пробелы, но для этого необходимо тщательно проработать формулировки, чтобы избежать расширительного толкования и необоснованного привлечения к ответственности.

Литература

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.11.2013 по делу № 10–11502/2013. URL: <https://707.su/z30h> (дата обращения: 06.06.2026).
2. Быков В.М., Черкасов В.Н. Преступления в сфере компьютерной информации: криминологические, уголовно-правовые и криминалистические проблемы: монография. М. 2015. 325 с.
3. Вестов Ф.А., Шамьенов Н.Р. Актуальность ответственности в уголовном праве за DoS и DDoS-атаки в сфере компьютерной информации // Базис. 2020. № 1 (7). С. 13–16.
4. Вехов В.Б. Вредоносные компьютерные программы как предмет и средство совершения преступления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2. С. 43–46.
5. Герасимова Е.Ю. Взаимодействие следователя с оперативным и другими подразделениями полиции в целях раскрытия, расследования создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ // Российский следователь. 2024. № 4. С. 2–6.
6. ГОСТ Р 50922–2006. Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Основные термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 27.12.2006 N 373-ст). М.: Стандартинформ, 2008. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200058320> (дата обращения: 06.06.2026).
7. Малыковцев М.М. Уголовная ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2007. 186 с.
8. Маслакова Е.А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Орел. 2008. 198 с.
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона (подготовлен Минцифры России, ID проекта 01/05/08–25/00159661). URL: <https://regulation.gov.ru/projects/159661/> (дата обращения: 06.06.2026).
10. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022 // Российская газета. 2022. 28 дек. № 294.
11. Приговор Бердского городского суда Новосибирской области от 10.11.2025 по делу № 1–225/2025 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
12. Приговор Боровичского районного суда Новгородской области от 13.11.2024 № 1–417/2024 // Доступ из СПС КонсультантПлюс.
13. Приговор Шадринского районного суда Курганской области от 22 июня 2025 г. по делу № 1–445/2024. URL: <https://707.su/NOGb> (дата обращения: 06.06.2026).
14. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53417/ (дата обращения: 06.06.2026).
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (в ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25; СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 1867.
16. Щепельков В.Ф. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовное право. 2023. N 6. С. 70–79. // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

COMMITTING A CRIME USING MALICIOUS COMPUTER PROGRAMS: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Smirnov V.P.

Ivanovo State University

The article discusses the criminal law regulation of liability for the creation, use and distribution of malicious software under Article 273 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author analyzes the problem of the lack of a clear definition of the term “malware” in the law and the resulting discrepancies in law enforcement practice. Special attention is paid to the position of the Supreme Court of the Russian Federation, which generates conflicts in the interpretation of the subjective side of the corpus delicti. The qualification of DDoS attacks is analyzed in detail, the contradictions between the technological features of such attacks and the current legal criteria are shown, as well as the controversiality of attributing such acts to art. 272 or art. 273 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: malicious software, computer information, cybercrime, DoS-attack.

References

1. The appeal decision of the Moscow City Court dated 11/25/2013 in case No. 10–11 502/2013. URL: <https://707.su/z30h> (date of reference: 06.06.2026).
2. Bykov V.M., Cherkasov V.N. Crimes in the field of computer information: criminological, criminal law and criminalistic problems: monograph. M. 2015. 325 p.
3. Vestov F.A., Shamienov N.R. The relevance of responsibility in criminal law for DoS and DDoS attacks in the field of computer information // Basis 2020. No. 1 (7). pp. 13–16.
4. Vekhov V.B. Malicious computer programs as a subject and means of committing a crime // Crime investigation: problems and solutions. 2015. No. 2. pp. 43–46.
5. Gerasimova E.Y. Interaction of the investigator with the operational and other police units in order to uncover, investigate the creation, use and distribution of malicious computer programs // A Russian investigator. 2024. No. 4. pp. 2–6.
6. GOST R 50922–2006. The national standard of the Russian Federation. Information protection. Basic terms and definitions (approved and put into effect by Rostec Regulation Order No. 373-st dated December 27, 2006). Moscow: Standartinform, 2008. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200058320> (date of reference: 06.06.2026).
7. Malykovtsev M.M. Criminal liability for the creation, use and distribution of malicious computer programs: dis. ... cand. jurid. Sciences. M. 2007. 186 p.
8. Maslakova E.A. Illegal trafficking of malicious computer programs: criminal law and criminological aspects: dissertation of the cand. jurid. sciences'. Eagle. 2008. 198 p.
9. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: draft Federal Law (prepared by the Ministry of Finance of the Russian Federation, project ID 01/05/08–25/00159661). URL: <https://regulation.gov.ru/projects/159661> / (date of access: 06.06.2026).
10. On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 dated 12/15/2022 // Rossiyskaya Gazeta. 2022. 28 Dec. No. 294.11.
11. Verdict of the Berdsky City Court of the Novosibirsk region dated 11/10/2025 in case No. 1–225/2025 // Access from the SPS ConsultantPlus.
12. Verdict of the Borovichi District Court of the Novgorod region dated 11/13/2024 No. 1–417/2024 // Access from the SPS ConsultantPlus.
13. The verdict of the Shadrinsky District Court of the Kurgan region dated June 22, 2025 in case No. 1–445/2024. URL: <https://707.su/NOGb> (date of request: 06.06.2026).
14. Agreement on Cooperation of the member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Crimes in the field of information technology dated September 28, 2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53417 / (date of reference: 06.06.2026).
15. Code of the Russian Federation of 13.06.1996 (in order. from 09.04.2026) // SR RF. 1996. 25; SR RF. 2023. № 15. St. 1867.
16. Shchepelkov V.F. On the qualification of crimes in the field of computer information (in the light of the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation) // Criminal Law. 2023. N 6. pp. 70–79. // Access from the SPS ConsultantPlus.

Принудительные работы в системе уголовных наказаний: от альтернативы лишению свободы к самостоятельному виду наказания

Царев Дмитрий Леонидович,
аспирант, ВГУЮ (РПА Минюста России)
E-mail: greenalpfa@mail.ru

В представленной работе исследуются правовая природа и практическое значение принудительных работ в системе уголовных наказаний Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена изменением уголовно-правового значения данного вида наказания, расширением сети исправительных центров, развитием института пробации, а также потребностью в снижении негативных последствий избыточного применения наказания в виде лишения свободы с сохранением целей наказания.

Ключевые слова: принудительные работы, лишение свободы, уголовное наказание, исправительный центр, ресоциализация, пробация, уголовно-исполнительная система, гуманизация уголовной политики.

Система наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации представляет из себя широкий дифференцированный перечень, где особое место занимает лишение свободы на определенный срок, как наиболее строгое наказание за совершение противоправного деяния. Несомненно, что самым строгим наказанием в действующем уголовном законе является смертная казнь. Однако, общеизвестным является, что в настоящее время она не применяется.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 2 февраля 1999 г. № 3-П [1], от 19 апреля 2010 г. № 8-П и Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-П [2], что уже сформировалась устойчивая гарантия права не быть подвергнутым смертной казни, а также сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, то есть до реализации положений ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации, то есть впредь до отмены смертной казни, как вида наказания.

Принудительные работы занимают особое положение в системе уголовных наказаний, так как находятся в плоскостях уголовно-правового принуждения, трудового воздействия и уголовно-исполнительной ресоциализации. В отличие от мер, полностью изолирующих осужденного от привычной социальной среды и общества, указанный вид наказания поддерживает связь лица с трудовой деятельностью, учитывает имущественные интересы потерпевшей стороны и при этом гарантирует контроль за поведением осужденного со стороны государства.

Принудительные работы в качестве одного из видов уголовных наказаний были закреплены относительно недавно, а именно с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [3]. Однако применение указанного наказания началось еще позднее, поскольку требовало наличия соответствующей сети исправительных центров, которые бы отвечали установленным требованиям.

Изначально законодательная конструкция позиционировала принудительные работы, как альтернативу лишению свободы, не имевшую при этом самостоятельного статуса, как вида наказания, назначаемого не в качестве замены более строго лишения свободы. Подобная модель обозначала переходный статус гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации и его адаптации к современным требованиям. Суд получил возможность назначить наказание, сопоставимое по степени строгости с лишением свободы, но без полной изоляции лица от общества. При этом принудительные работы выступали как поэтапное снижение строгости условий содержания, еще и с возможностью полноценной адаптации и ресоциализации путем приобретения трудовых и бытовых навыков, а также получения денежных, их накопления и возврата долгов, включая компенсацию причиненного преступлением вреда и ущерба.

Ныне развитие рассматриваемого института сопровождается трансформацией его правовой роли. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ [4] скорректировал подход к назначению принудительных работ. Данный вид наказания теперь является не просто альтернативой лишению свободы, а самостоятельным основным видом наказания в установленных законом пределах. Подобное изменение придает теме повышенную актуальность и диктует необходимость оценки целесообразности дальнейшего расширения практики применения принудительных работ с позиций не только юридических, но также социальных, экономических и организационных аспектов.

Сущность принудительных работ складывается из ряда взаимосвязанных элементов. Прежде всего, это ограничение свободы поведения осужденного, лицо направляется в исправительный центр либо в участок, функционирующий в качестве такового, и обязано следовать установленному порядку отбывания наказания. Составной частью данного вида наказания является обязательное привлечение к труду в местах, которые определяют учреждения и органы уголовно-исполнительной системы. Наконец, имущественный компонент наказания, проявляющийся в удержании части заработка осужденного в доход государства в размере, указанном в приговоре суда, но в дифференцированных рамках от 5 до 25 процентов.

По действующей редакции ст. 53.1 УК РФ принудительные работы назначаются за совершение не тяжких преступлений (небольшая или средняя тяжесть) либо за совершение тяжкого преступления впервые. Общий срок наказания составляет от двух месяцев до пяти лет, за исключением случаев замены неотбытой части наказания более мягким, в соответствии со ст. 80 УК РФ. Кроме того, законодатель сохраняет ограничения по кругу лиц, которым данный вид наказания не назначается, что обусловлено его трудовым и режимным содержанием.

Общий характер данного вида наказания говорит о его промежуточном положении. С одной стороны, они не тождественны лишению свободы, так как осужденный не помещается в исправительную колонию, в обязательном порядке трудоустраивается и получает заработную плату, и даже имеет предусмотренную законом возможность покидать исправительный центр, а также поддерживать отношения с родственниками. Однако, рассматриваемое наказание нельзя отнести к категории без изоляции от общества, так как лицо содержится на огороженной, охраняемой территории, с регламентированным распорядком дня и системой дисциплинарной ответственности, вплоть до замены текущего наказания на лишение свободы, за злостное уклонение от отбывания принудительных работ.

Также необходимо учитывать позицию Верховного Суда Российской Федерации, так в постановлении Пленума от 22 декабря 2015 № 58 (в редакции от 23 декабря 2025 года) [5], согласно которой принудительные работы выступают самостоятельным основным видом наказания. При этом суду надлежит принимать во внимание не только категорию преступления и сведения о личности виновного, но и фактическую возможность отбывания наказания, в том числе трудоспособность осужденного и прочие обстоятельства, имеющие значение для исполнения приговора.

Приведенное разъяснение обладает принципиальной значимостью в связи с тем, что оно смещает акцент с формальной альтернативности лишению свободы на индивидуализацию уголовно-правового воздействия. Принудительные работы следует применять не ввиду возможности заменить лишение свободы на менее строгое наказание, а исходя из того, что именно эта мера в конкретной ситуации позволяет достичь целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ.

Обоснованность применения принудительных работ с правовой точки зрения обусловлена их возможностью снизить избыточный изоляционный эффект, свойственный лишению свободы. Полная изоляция лица от общества оправдана лишь при высокой общественной опасности преступления и соответствующей личности виновного, тогда как для значительной части осужденных такой подход не выступает оптимальным средством исправления. Принудительные работы формируют иной режим воздействия в виде ограниченной свободы поведения лица, но при этом оно не выводится из трудовой и социальной среды в той степени, в какой это происходит при лишении свободы.

Экономическое значение принудительных работ выражено в том, что лицо в обязательном порядке трудоустраивается. Труд в данной модели выполняет несколько функций в виде обеспечения дисциплинирующего воздействия, формирует или поддерживает социально полезные навыки, позволяет осужденному получать доход, а также создает источник для удержаний и возмещения вреда. В данном аспекте рассматриваемого наказания можно усмотреть определенный «смысл» по восстановлению социальной справедливости, как одной из основных целей уголовного наказания, ввиду реального, материального возмещения причиненного вреда и ущерба, а не только символически через назначение наказания.

Расширение сети исправительных центров официально зафиксировано в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [6]. Среди ключевых направлений развития уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) обозначены совершенствование производственной деятельности с целью обеспечения занятости осужденных, возможность обращения взыскания по исполнительным документам на их заработную плату, а также наращивание сети исправительных центров. Таким образом, данный институт интегрирован в стратегию модернизации УИС и не сводится лишь к частному уголовно-правовому инструменту.

Практическая значимость данного направления подтверждается текущими данными о расширении инфраструктуры исполнения наказания. По информации, озвученной руководством ФСИН России в декабре 2025 года, в стране создано около 400 исправительных центров с возможностью размещения до 50 тысяч человек, фактически в них содержится более 30 тысяч осужденных [7]. Дополнительное значение имеет и рост заработной платы лиц, отбывающих принудительные работы: по сообщению Минюста России, средняя заработная плата осужденных к принудительным работам в 2025 г. составила около 40 тыс. рублей, увеличившись на 17% по отношению к 2024 г. Эти данные по-

зволяют рассматривать принудительные работы как наказание, имеющее не только правовой, но и измеримый экономический эффект [8].

Социальная целесообразность принудительных работ тесно связана с институтом probation. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» [9] определяет среди целей probation коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, в отношении которых применяются соответствующие меры. Хотя принудительные работы и probation не являются тождественными институтами, их цели пересекаются в части предупреждения рецидива, сохранения социально полезных связей и подготовки лица к законопослушному поведению после отбытия наказания.

В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что потенциал принудительных работ связан не только с расширением числа мест в исправительных центрах, но и с качеством организации труда, воспитательной работы и индивидуального сопровождения осужденного. В. И. Селиверстов рассматривает развитие принудительных работ через призму перспектив, пределов и рисков, подчеркивая необходимость соотношения расширения данного института с возможностями уголовно-исполнительной системы [10]. Н. В. Артеменко и Н. Г. Шимбарева [11] указывают на неиспользованные возможности принудительных работ в системе уголовных наказаний, включая необходимость более гибкого правового регулирования их назначения и исполнения.

Однако следует учитывать, что данные позиции уже частично потеряли свою актуальность в связи с внесенными в законодательство изменения. Тем самым можно отметить динамическое развитие мер уголовно-правового характера и даже их ответ на возникшие в обществе потребности и мнение научного сообщества.

Учитывая значительный потенциал рассматриваемого вида наказания, его эффективность невозможно оценивать исключительно по количеству созданных рабочих мест или привлеченных к труду осужденных. Наиболее существенные риски связаны с организационной стороной исполнения наказания. Если исправительный центр создан формально, но не обеспечивает стабильное привлечение к труду, соответствующие требованиям закона материально-бытовые условия, воспитательную работу, а также профилактическое воздействие, то наказание частично утрачивает заложенный в него законодателем смысл и сводится лишь к содержанию на территории с установленным режимом дня.

Одной из проблемой является неравномерность развития инфраструктуры. Наличие исправительных центров в разных субъектах Российской Федерации само по себе не гарантирует одинаковое качество исполнения наказания и достижения установленных уголовным законом целей. В одних регионах возможно формирование устойчивых связей с работодателями и создание рабочих мест, в других исполнение наказания может зависеть от ограниченного числа организаций либо от сезонных и низкооплачиваемых видов труда. В результате фактическая возможность назначения принудительных работ может различаться в зависимости от территориального признака.

Также в качестве проблемных аспектов можно отметить качество трудоустройства осужденных. Труд не должен рассматриваться только как источник удержаний дохода или средство занятости. Его исправительное значение проявляется тогда, когда работа позволяет сформировать устойчивые навыки дисциплины, профессиональной ответственности, соблюдения режима и законопослушного поведения. Е. Н. Клещина, анализируя проблемы применения принудительных работ, связывает их профилактическое значение с организацией воспитательной работы и реальным воздействием на поведение осужденного [12]. С. И. Бякина также обращает внимание на правовые аспекты воспитательной и профилактической работы с осужденными к принудительным работам [13].

Одновременно в качестве проблемного аспекта можно выделить вопросы единообразия судебной практики. Новая модель самостоятельного назначения принудительных работ расширяет судебское усмотрение, однако одновременно требует более точной оценки личности виновного, обстоятельств преступления, трудоспособности, отношения к труду, семейного положения, наличия обязательств по возмещению вреда и возможности исполнения наказания. При отсутствии такой оценки возникает риск как необоснованно мягкого применения принудительных работ, так и необоснованного отказа от них в пользу лишения свободы.

Следует отметить и баланс между режимным контролем и ресоциализацией. Чрезмерное усиление контроля может приблизить принудительные работы к лишению свободы по фактическому содержанию, тогда как недостаточный контроль снижает превентивное значение наказания и создает риски уклонения. Поэтому исполнение принуди-

тельных работ требует гибкой модели: обязательность труда и режима должна сочетаться с индивидуальной профилактической работой, социальным сопровождением, организацией взаимодействия с работодателями и применения механизмов probation.

Особого внимания требует вопрос замены принудительных работ лишением свободы. С одной стороны, наличие такой возможности гарантирует обязательность исполнения наказания и способствует дисциплинированию осужденного. С другой применение этой меры обязательно быть соразмерным и базироваться на подтвержденном факте злостного нарушения либо уклонения. В противном случае принудительные работы рискуют утратить самостоятельную ценность и фактически вырождаться в промежуточный этап перед лишением свободы. Указанная проблема нашла отражение в современных исследованиях теории и практики исполнения наказания в виде принудительных работ [14].

При этом следует отметить, что ключевое преимущество принудительных работ, которое заключается в их способности обеспечивать индивидуализацию уголовной ответственности. Для лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести и особенно для впервые преступивших закон с тяжким составом преступления, лишение свободы не всегда выступает единственно возможной мерой воздействия. В подобных ситуациях принудительные работы дают возможность сохранить строгость наказания, одновременно снижая его деструктивное воздействие на трудовые, семейные и социальные связи осужденного.

Индивидуализация выражается в том, что суд вправе принимать во внимание не только тяжесть преступления, но и способность лица к законопослушному труду, наличие обязанности возместить ущерб, отношение к содеянному, семейное положение и прочие обстоятельства, указывающие на возможность достижения целей наказания без направления в исправительную колонию. В данном контексте принудительные работы способны выступать в роли «сдерживающей альтернативы», сохраняя статус наказания с существенными ограничениями, однако позволяющими избежать последствий изоляции, способных осложнить последующую ресоциализацию.

При этом несмотря на самостоятельный статус данного вида наказания, он не является универсально-применимым. Эффективность наказания обусловлена наличием условий для его реализации в связи с функционированием исправительного центра, наличием реального рабочего места, контролем со стороны администрации, взаимодействием с работодателем, а также возможностью учитывать индивидуальные особенности осужденного. Соответственно, расширение сферы применения принудительных работ необходимо сопровождать не только внесением изменений в законодательство, но и организационным развитием уголовноисполнительной системы.

Исходя из изложенного, принудительные работы необходимо воспринимать не в качестве «мягкой замены» лишения свободы, а как самостоятельную форму уголовно-правового воздействия, базирующуюся на сочетании ограничения, трудовой деятельности и социальной адаптации [15]. Подобный подход дает возможность четко определить их место в современной системе наказаний и избежать упрощенного противопоставления, где, с одной стороны, лишение свободы как строгое наказание, с другой принудительные работы как мягкое. Эффективность меры воздействия определяется не только степенью изоляции, а способностью действительно корректировать поведение осужденного, обеспечивать возмещение причиненного вреда и предупреждать совершение новых преступлений.

Результаты проведенного анализа дают основание заключить, что в современной системе уголовных наказаний Российской Федерации принудительные работы эволюционировали от меры, изначально позиционировавшейся как альтернатива лишению свободы, до самостоятельного основного вида наказания, обладающего собственным правовым, социальным и экономическим содержанием [16, 17]. Их применение обосновано в ситуациях, когда достижение целей наказания возможно без полной изоляции лица от общества, но при условии сохранения действенного государственного контроля и обязательного трудового воздействия.

Правовая обоснованность принудительных работ заключается в расширении возможностей индивидуализации наказания. Социальная целесообразность выражается в сохранении трудовых и семейных связей осужденного, снижении риска его дезадаптации и формировании предпосылок для последующей ресоциализации. Экономическая выгода состоит в задействовании труда осужденных, получении ими заработной платы, осуществлении удержаний и обеспечении возможности возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступного деяния. При этом количественное увеличение числа ис-

правительных центров и осужденных не является самостоятельным показателем эффективности наказания.

Анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и современных научных подходов позволяет обосновать вывод, что принудительные работы имеют комплексную природу. Они объединяют карательное ограничение, обязательное трудовое воздействие, элементы ресоциализации и возможность возмещения причиненного вреда. При этом результативность данного вида наказания определяется уровнем развития инфраструктуры исправительных центров, обеспечением реального трудоустройства осужденных, качеством индивидуальной профилактической работы и единообразием судебной практики. При соблюдении этих условий принудительные работы способны выступить одним из ключевых инструментов гуманизации уголовной политики без снижения уровня уголовноправовой защиты общества.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно – процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.
3. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
4. Федеральный закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 30 (ч. I). Ст. 4367.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.
7. В Минюсте сообщили о росте зарплат осужденных к принудительным работам // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. 07.04.2026. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/51202/>.
8. Глава ФСИН: наказание в виде принудительных работ в Российской Федерации отбывают 30 тыс. человек // ТАСС. 01.12.2025. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/25780681>.
9. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» // Собрание законодательства. 2023. № 6. Ст. 917.
10. Селиверстов, В.И. Принудительные работы: перспективы, пределы и риски развития // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18. № 1 (65). С. 43–50.
11. Артеменко, Н. В., Шимбарева, Н.Г. Принудительные работы в системе уголовных наказаний: неиспользованные возможности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 199–208.
12. Клещина, Е. Н. О некоторых проблемах применения наказания в виде принудительных работ и его профилактическом значении // Закон и право. 2024. № 12. С. 219–223.

13. Бякина, С. И. Воспитательная и профилактическая работа с осужденными к принудительным работам: правовые аспекты // Вестник Самарского государственного университета. 2024. № 6. С. 47–54.

14. Солоницын, П. С. Замена наказания в виде принудительных работ на лишение свободы: вопросы теории и практики // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 3 (59).

15. Восканян, Р. О. Решение проблемы нехватки квалифицированных кадров // Инновационное развитие экономики. 2021. № 4(64). С. 63–68.

16. Геранин, В. В., Мальцева, С. Н. Принудительные работы: неиспользованные резервы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 187–198.

17. Радченко, М. Э., Иванова, Е. В. Принудительные работы на современном этапе // Юридический вестник ДГУ. 2025. Т. 40. № 1. С. 104–108.

FORCED LABOR IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PENALTIES: FROM AN ALTERNATIVE TO IMPRISONMENT TO AN INDEPENDENT TYPE OF PUNISHMENT

Tsarev D.L.

All-Russian State University of Justice

The presented work examines the legal nature and practical significance of forced labor in the system of criminal penalties in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the changing criminal law significance of this type of punishment, the expansion of the network of correctional centers, the development of the probation system, and the need to reduce the negative consequences of excessive use of imprisonment while maintaining the goals of punishment.

Keywords: forced labor, imprisonment, criminal punishment, correctional center, resocialization, probation, penal enforcement system, humanization of criminal policy.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 3-P dated 02.02.1999 «On the Case of Verifying the Constitutionality of the Provisions of Article 41 and Part Three of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, paragraphs 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation dated July 16, 1993 «On the Procedure for the Enactment of the Law of the Russian Federation «On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR «On the Judicial System of the RSFSR», Criminal Code – the Procedural Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of Administrative Offences of the RSFSR «in connection with the request of the Moscow City Court and the complaints of a number of citizens» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 6. St. 867.
2. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/19/2009 № 1344-O-R «On Clarification of Paragraph 5 of the Operative Part of the Resolution of the

Constitutional Court of the Russian Federation dated February 2, 1999 № 3-P in the case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Article 41 and Part Three of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, paragraphs 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council Of the Russian Federation dated July 16, 1993 «On the Procedure for the Enactment of the Law of the Russian Federation «On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR «On the Judicial System of the RSFSR», the Code of Criminal Procedure of the RSFSR, The Criminal Code of the RSFSR and the Code of Administrative Offences of the RSFSR» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. № 48. Art. 5867.

3. Federal Law № 420-FZ dated 07.12.2011 (as amended on 03.07.2016) «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation Russian Federation. 2011. № 50. St. 7362.

4. Federal Law № 218-FZ dated 07/23/2025 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Invalidation of Paragraph 7.1 of the First Part of Article 299 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 30 (Part I). Art. 4367.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 58 dated 12/22/2015 (as amended on 12/23/2025) «On the practice of assigning criminal penalties by Courts of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 2.

6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 № 1138-r (as amended on 05/27/2023) «On the Concept of the development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 20. Art. 3397.

7. The Ministry of Justice reported on the increase in salaries of those sentenced to forced labor // Ministry of Justice of the Russian Federation: official website. 07.04.2026. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/51202/>.

8. Head of the Federal Penitentiary Service: punishment in the form of forced labor in the Russian Federation is served by 30 thousand people // TASS. 01.12.2025. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/25780681>

9. Federal Law № 10-FZ of February 6, 2023 «On Probation in the Russian Federation» // Collection of Legislation. 2023. № 6. Art. 917.10.

Seliverstov, V. I. Forced labor: prospects, limits and risks of development // Penal science. 2024. Vol. 18. № 1 (65). pp. 43–50.

11. Artemenko, N. V., Shimbareva, N. G. Forced labor in the criminal punishment system: untapped opportunities // Bulletin of Tomsk State University. 2024. № 498. pp. 199–208.

12. Kleshchina, E. N. On some problems of the use of punishment in the form of forced labor and its preventive significance // Law and Law. 2024. № 12. pp. 219–223.

13. Byakina, S. I. Educational and preventive work with those sentenced to forced labor: legal aspects // Bulletin of the penal enforcement system. 2024. № 6. pp. 47–54.

14. Solonitsyn, P. S. Substitution of punishment in the form of forced labor for imprisonment: issues of theory and practice // Bulletin of the Samara Law Institute. 2024. № 3 (59).

15. Voskanyan, R. O. Solving the problem of shortage of qualified personnel // Innovative economic development. 2021. № 4(64). pp. 63–68.

16. Geranin, V. V., Maltseva, S. N. Forced labor: unused reserves // News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. 2025. № 1. pp. 187–198.

17. Radchenko, M. E., Ivanova, E. V. Forced labor at the present stage // Legal Bulletin of DSU. 2025. Vol. 40. № 1. pp. 104–108.

Юнусов Ахат Ахнафович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинского института (филиала) Казанского (федерального) университета
E-mail: axatuk@rambler.ru

Валиуллина Динара Анваровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинского института (филиала) Казанского (федерального) университета
E-mail: Musabirovadinara@mail.ru

Гареева Зульфия Флусовна,

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин филиала Казанского юридического института МВД России; подполковник полиции
E-mail: gar.radik@mail.ru

В статье проведено исследование по актуальным вопросам, связанным с возможностью применения принуждения (психологического, физического) при производстве освидетельствования. Особенно актуален данный вопрос в стадии возбуждения уголовного дела в связи с определением процессуального статуса ряда участников при проверке заявлений и сообщений о преступлениях. Анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики позволяет нам сделать вывод о том, что, во-первых, возможность управления поведением участника процесса путем физического или психологического воздействия (то есть принуждения) заложена нормативно; во-вторых, достичь целей уголовного процесса без применения принуждения практически невозможно. Мы не говорим об институте уголовно-процессуального принуждения и иных мерах процессуального предусмотренного разделом 4 УПК РФ. Речь идет о воздействии на поведение человека (управление им) при производстве следственных и процессуальных действий. Обратим внимание, что нередко, попытка воздействия мерами принуждения вызывает у лица протестное поведение и особенно данное явление проявляется в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: потерпевший, свидетель, подозреваемый, обвиняемый, уголовное дело, принуждение, освидетельствование, возбуждение уголовного дела, следственные действия.

Рассматривая материалы предварительной проверки для решения вопроса о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления дознаватель и следователь в той или иной мере в рамках процессуальных дозволений применяют в отношении отдельных лиц меры, которые противоречат правам и интересам данных лиц (нередко вовлекаемых в уголовное судопроизводство помимо их воли), но объективно необходимы для разрешения вопроса связанного с возбуждением уголовного дела. Представителям правоохранительных органов, с одной стороны необходимо возбудить уголовное дело, в рамках которого принять меры, направленные на защиту прав и интересов отдельной категории граждан, с другой, при этом, для достижения этих целей не нарушить права и интересы других лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. В связи со сказанным считаем, что и в настоящее время актуальны слова В.М. Быкова о том, что «...Законодателю еще предстоит найти законное, обоснованное и разумное соотношение применения принуждения при производстве следственных действий между правами и законными интересами граждан, втягиваемых в орбиту уголовного судопроизводства, с целями следственных действий...» [1, С. 192].

Говоря о принуждении до возбуждения уголовного дела, в первую очередь, мы акцентируем внимание на таком способе принуждения как психологическое воздействие на лицо, в целях склонения его к совершению действий, связанных с участием в следственных и процессуальных действиях или воздержанию от их совершения. С одной стороны, исходя из анализа основополагающих идей (принципов) закрепленных в УПК РФ принуждение (в том числе и психологическое) недопустимо при производстве по уголовному делу. Однако с другой стороны анализ норм материального и процессуального законодательства позволяет нам сделать вывод о том, что при реализации ряда полномочий следователем, связанных с производством отдельных следственных и процессуальных действий, усматриваются законодательно-установленные дозволения принуждения. Угроза привлечением к уголовной ответственности за отказ от участия в ряде следственных действиях достаточно серьезное психологическое воздействие, в нашем понимании являющееся принуждением, так как посредством такой угрозы возможно манипулирование поведением человека. Как мы считаем, разъяснение представителем органов уголовного преследования норм уголовного кодекса РФ, предусматривающих определенные санкции за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний – скрытая угроза, направленная на достижение целей данного следственного действия. И, возможно, лицо уклонилось бы от участия в следственном действии, если бы знало, что за данное пассивное поведение не последует никаких негативных последствий. О том, что в любом следственном действии присутствует элемент принуждения отмечал С.А. Шейфер [2, С. 178–179]. И.В. Ростовщиков считает принудительные меры уголовно-процессуального характера вспомогательными применяемыми, в том числе и при освидетельствовании для успешного расследования преступлений [3, С. 117].

Однако, принуждение в виде угрозы привлечения к административной или уголовной ответственности как элемента психологического воздействия объективно необходимо, так как граждане с низким уровнем общественного сознания и ответственности, которое особо проявляется в современных условиях, пытаются уклониться от содействия правоохранительным органам.

Без сомнения, возникает обоснованный вопрос о допустимости принуждения до возбуждения уголовного дела, когда под вопросом сам факт наличия преступления, и данный вопрос требует дополнительного осмысления и исследования. Наиболее актуален данный вопрос, когда возникает необходимость производства следственных действий с участием лица, в отношении которого совершено общественно-опасное деяние. Наличие противоречивых решений Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации относительно уголовно-процессуального статуса потерпевшего порождают вопросы, решение которых необходимо на законодательном уровне.

Хотелось бы обратить внимание, что Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно в своих решениях акцентировал свое внимание, что потерпевший существует до возбуждения уголовного дела, а вынося постановление о признании потерпевшим, следователь выполняет лишь формальную сторону [4]. Данная позиция весьма спорная, так как Конституционный Суд Российской Федерации,

обосновывая свою позицию, неоднократно оперирует терминами **преступление** (В ст. 42 УПК РФ также закреплено, что потерпевшим признается лицо, которому **преступлением** физический, имущественный и моральный вред, то есть, чтобы заявлять об участнике уголовного процесса как потерпевшем недостаточно причинения вреда лицу, надо достоверно установить, что он был причинен именно **преступлением**.) и общественно опасное деяние, что с нашей точки зрения не совсем верно, так как не все общественно опасные деяния возведены законодателем в ранг преступления, тем более по итогам проверки заявления или сообщения о преступлении может быть вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1–2 ст. 24 УПК РФ. Есть целый круг общественно – опасных деяний осуждаемых обществом, государством, но законодательного (уголовно-правового) запрета за их совершение не установлено.

Правовой статус лица как потерпевшего, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации – формально-определенное состояние лица, который устанавливается исходя из фактического его положения, наделенное правами и несущим ответственность, но лишенный возможности реализации данных прав, так как не имеет уголовно-процессуального статуса. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством наделение уголовно-процессуальным статусом зависит от волеизъявления представителя органов предварительного расследования, когда установлен сам факт совершения преступления. Внесенные изменения в ст. 42 УПК РФ устанавливающие императив о том, что «...решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда...» являются полумерой, направленной на защиту прав и интересов лица пострадавшего от общественно-опасного деяния.

Как показывает анализ правоприменительной практики нередко, проверка заявлений и сообщений о преступлениях и принятие по ним процессуального решения, несмотря на законодательные ограничения, может затянуться на неопределенное время. Либо, по заявлению или сообщению о преступлении принимается процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, которое не отвечает интересам заявителя (потерпевшего). В частности, решение об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, исключающий сам факт совершения преступления противоречит высказанной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции относительно статуса потерпевшего. Сам факт причинения вреда в результате совершения общественно-опасного деяния устанавливается следователем в ходе предварительной проверки материалов. В ряде случаев оценка причиненного ему вреда самим пострадавшим может носить достаточно субъективный характер и возможно не является преступным поведением другого лица.

Необходимость наделения процессуальным статусом участника уголовного процесса и особенно лица, пострадавшего от общественно-опасного деяния достаточно актуализируется при проведении следственного действия – освидетельствование. При проверке заявлений и сообщений о преступлениях для следователя, в ряде случаев, достаточно значимо и объективно необходимо производство освидетельствования. Нередко, в правоприменительной практике именно результаты освидетельствования способствуют следователю обосновать решение о возбуждении уголовного дела. Наблюдающаяся тенденция количественного увеличения преступлений против личности и, особенно против жизни и здоровья в большинстве случаев требует до возбуждения уголовного дела производства ряда следственных действий и в частности, освидетельствования. Как ранее было отмечено отдельными исследователями нередко, лицо, в отношении которого принимается решение о его освидетельствовании, оказывает определенное противодействие, путем пассивного поведения, отказавшись по различным причинам участвовать в освидетельствовании [5, С. 162–163].

В то же время необходимо отметить, что законодательная регламентация данного следственного действия содержит противоречия, требующие законодательной коррекции, особенно, когда освидетельствование необходимо проводить до возбуждения уголовного дела. О том, что проводимые до возбуждения уголовного дела следственные действия, в частности освидетельствование, существенно будут ограничивать право лица на личную неприкосновенность, и о затруднительности их соблюдения в рамках доследственной проверки отмечала И.Б. Михайловская [6, С. 22–24]. Достаточно категоричны в данном вопросе позиции В.М. Быкова, Н.В. Ткачевой, которые исключают возможность производства следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела, которые носят принудительный характер, связанный с применением физической силы [7, С. 136–145].

В соответствии со ст. 144 УПК законодательно закреплена возможность проведения освидетельствования, получение образцов для

сравнительного исследования, а также производство экспертизы при проверке заявлений и сообщений о преступлении. Как нам представляется, законодатель умышленно не обозначает процессуальный статус тех лиц, которые вовлекаются для производства данных следственных действий, так как основными участниками данной стадии процесса являются: лицо, проводящее доследственной проверку, лицо, заявившее о совершенном общественно-опасном деянии (в большинстве случаев пострадавший), эксперт и т.д. По преступлениям, связанным с нанесением телесных повреждений, а также по ряду отдельных составов преступлений, предусмотренных особенной частью УК РФ объективно возникает необходимость освидетельствования пострадавших, а также предполагаемых подозреваемых и обвиняемых.

Однако в ч. 1. ст. 179 УПК РФ, которая без сомнения является более специальной нормой, законодатель закрепляет все же ограниченный круг лиц (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель) в отношении которых допустимо производство освидетельствования. Необходимо констатировать, что априори до возбуждения уголовного дела не может быть таких участников процесса как подозреваемый, обвиняемый и свидетель, если исходить из буквального толкования норм терминологический раскрывающих понятия данных участников и в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства следователь не вправе на свое усмотрение расширять круг лиц, вовлекаемых в процесс освидетельствования, а также изъятия образцов для сравнительного исследования.

И если в соответствии с решением Конституционного Суда Российской Федерации у лица пострадавшего от общественно-опасного деяния лишь правовой статус потерпевшего (процессуальный определяется с момента вынесения постановления о признании потерпевшим) может ли следователь принудить данное лицо к проведению освидетельствования? Как нами было отмечено ранее, принуждение в данном случае осуществляется посредством психологического воздействия при разъяснении положений ч. 7 ст. 42 УПК РФ так как «...за отказ от дачи показаний, а также за уклонение от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования потерпевший несет ответственность в соответствии со статьей 308 Уголовного кодекса Российской Федерации...». Обращаем внимание, что содержание ст. 42 УПК РФ распространяется на лиц, имеющих уголовно-процессуальный статус потерпевшего (в отношении лица вынесено постановление о признании потерпевшим). До возбуждения уголовного дела в соответствии с УПК РФ следователь не вправе выносить данное постановление.

Анализ уголовно-процессуального законодательства наглядно демонстрирует, что ч. 1 ст. 179 УПК РФ содержит взаимоисключающие положения: законодательно установленное ограничение участников процесса в лице подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, исключает возможность освидетельствования как в стадии предварительного расследования, тем более до возбуждения уголовного дела освидетельствования другого лица, чей процессуальный статус не определен. Без сомнения, с нашей точки зрения, не указание процессуального статуса лица подвергаемого освидетельствованию, в том числе и до возбуждения уголовного дела исключит противоречия в системе уголовно-процессуального законодательства и вольное толкование правоприменителем норм УПК РФ.

Понимая, что мы противоречим позиции отдельных авторов, которые заявляют о том, что «...Лица, не имеющие процессуального статуса при производстве по возбужденному уголовному, не освидетельствуются...» [8, С. 515], в целях устранения противоречий внутри самой нормы и ст. 144 и 179 УПК РФ, а также для исключения коллизионных ситуаций в правоприменительной практике предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 179 УПК РФ следующего содержания «При наличии достаточных данных, что на теле человека могут быть обнаружены особые приметы, следы преступления, телесные повреждения, выявлено состояние опьянения или иные свойства и признаки, имеющие значение для разрешения материалов предварительной проверки по заявлениям, сообщениям о преступлениях, а также уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы, может быть произведено освидетельствование лица», исключив последующий текст до ч. 2 данной статьи.

Считаем необходимым обратить внимание читателя и на то обстоятельство, что в последнее время наблюдается тенденция, формирования Российской правовой системы и правоприменительной практики в большей степени в зависимости от правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. И хочется отметить, что отдельные представители доктринального сообщества и сам правоприменитель не всегда положительно воспринимают правовые позиции данного суда по различным проблемным ситуациям [9, С. 9–11; 98–103]. Об-

ращаем внимание, что Конституционный Суд Российской Федерации РФ, иногда, в обоснованиях своих решений допускает формулировки, которые могут быть истолкованы правоприменителем неоднозначно, в частности, в своем постановлении от 15.10.2018 N 36-П Конституционный Суд Российской Федерации констатирует факт возбуждения дела частного обвинения мировым судьей заявляя «...мировой судья, возбудивший в отношении нее 7 сентября 2015 года уголовное дело частного обвинения, поставил в состоявшемся 26 августа 2016 года судебном заседании вопрос о его прекращении...» [10].

И как справедливо отмечают отдельные авторы [11, С. 196–202], правоприменитель весьма в затруднительном положении, так как Конституционный Суд Российской Федерации своим решением от 06.02.2003 N 34-О обязал неукоснительно исполнять не только итоговые решения по обращениям, но и тексты, обосновывающие данные решения (Конституционный Суд Российской Федерации обозначает это толкованием) [12]. Исходя из сказанного, если руководствоваться правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, то до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела следователь вправе под угрозой привлечения к уголовной ответственности принудительно подвергнуть потерпевшего (если быть точнее: пострадавшего от общественно-опасного деяния) освидетельствованию и не только. В то же время, если следовать позиции ВС РФ, согласно которой пострадавшее лицо приобретает процессуальные права и особенно обязанности с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела создается противоположная ситуация [13], требующая законодательной корректировки.

Думается достаточно чувствительной для всех лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства является: право и пределы применения физического принуждения при производстве освидетельствования лица и особенно как было отмечено ранее, когда только решается вопрос о возбуждении уголовного дела, то есть установления самого факта совершения преступления. Необходимо отметить, что достаточно актуальный для отечественного уголовного процесса вопрос о принудительном освидетельствовании существовал давно, в частности, А.Э. Жалинский еще в 1964 году в интересах борьбы с преступностью допускал принудительное освидетельствование подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей [14, 30–31]. Оберегая права и интересы свидетелей и потерпевших С.Г. Любичев заявлял, что данные участники процесса не могут быть освидетельствованы принудительно [15, 56–58]. А.С. Кобликов выступая за неукоснительное соблюдение режима законности и являясь противником применения физической силы при производстве следственных действий все же соглашается с позицией ряда исследователей об объективной необходимости в исключительных случаях принудительно освидетельствовать подозреваемого и обвиняемого с условием, что убедить их добровольно участвовать в данном следственном действии не получилось [16, С. 98–99].

В то же время, отдельные авторы, ошибочно относив освидетельствование к мерам процессуального принуждения [17, С. 6–8] (УПК РФ устанавливает достаточно четко регламентированный перечень мер уголовно-процессуального принуждения) допускают при его проведении физическое принуждение. И, несмотря на достаточно обоснованную позицию ряда авторов допускающих применение физической силы при производстве отдельных следственных действий, в том числе и до возбуждения уголовного дела [18, С. 191–194] мы считаем неприемлемым применение физического принуждения в отношении лица, чей процессуальный статус не определен и, особенно в отношении лица пострадавшего от общественно-опасного деяния, так это неминуемо повлечет нарушение Конституционных прав граждан, а решения и действия должностных органов предварительного расследования подпадут под признаки деяний предусмотренных особенной частью УК РФ.

Применение физической силы при освидетельствовании, в том числе и в отношении свидетеля допускают и авторы комментария к УПК РФ. Однако, с их точки зрения, применение физической силы допустимо лишь при соблюдении определенных условий, например: должны быть исчерпаны все меры убеждения; должно быть минимально необходимым, не унижающим честь и достоинство личности; не наносящим вреда здоровью и не носящим характера насилия; учитывая процессуальный статус участника процесса подходить к производству данного следственного действия дифференцированно [19, С. 514–515].

Согласиться с позицией данных авторов достаточно сложно, либо по результатам наших опросов непосредственных участников уголовного процесса имеющих различный процессуальный статус «даже небольшое физическое воздействие» унижает их честь и достоинство. Тем более физическое воздействие применяется в присутствии посторонних лиц, тем самым, усугубляя их психологическое состояние «физического унижения слабого более сильным». Один из известных специалистов в области института уголовно-процессуального принуждения З.З. Зинатуллин также допуская применение принуждения при

освидетельствовании подозреваемого обвиняемого «...в силу специфики их процессуального положения...» [20, С. 110–111] достаточно категоричен в вопросе принудительного освидетельствования потерпевшего и соглашаясь с позицией М.С. Строговича, считает морально недопустимой и незаконной [21, С. 111].

Более тщательной подготовки, связанной с подбором участников, проявления большего внимания требуется, когда участниками данного следственного действия являются несовершеннолетние, женщины, инвалиды, лица, в отношении которых были совершены преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, лица с неустойчивой психикой и не диагностированным (не выявленным) расстройством психики и т.д. Применение физической силы в отношении данной категории лиц могут привести обострению психосоматических болезней, обострению психических расстройств и побудить их к совершению противоправных или суицидальных поступков. О необходимости создания здоровой нравственной атмосферы, обеспечения строгого соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства, при производстве следственных действий отмечал А.С. Кобликов [22, С. 90–91].

С нашей точки зрения в отношении данной категории лиц должен быть категорический запрет применения физической силы. Если методы убеждения не мотивировали их участию в данном следственном действии необходимо искать иные доказательства для установления обстоятельств совершенного общественно-опасного деяния. Либо, изменить порядок и процедуру производства освидетельствования с данной категорией лиц путем изменения действующих уголовно-процессуальных правил.

Уголовно-процессуальное законодательство отдельных стран, предусматривая законодательную установку права на «физическую и психическую неприкосновенность и личную свободу» (ч. 1. ст. 11 УПК Армении) личности в то же время косвенно признают возможность принуждения, нормативно закрепив что «...освидетельствование лица, а также иные процессуальные действия, ограничивающие физическую и психическую неприкосновенность...производятся случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом...».

Уголовно-процессуальные кодексы Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Украины, Республики Беларусь, Республики Казахстан допускают применение принуждения (физическое воздействие) в отношении лица отказавшегося от освидетельствования. В частности, в соответствии: с ч. 3 ст. 175 УПК Кыргызской Республики «...В случае отказа лица от освидетельствования он подвергается приводу и последующему принудительному освидетельствованию на основании постановления следственного судьи...»; со ст. 145 УПК Республики Узбекистан «...Лица, уклоняющиеся от освидетельствования, могут быть подвергнуты приводу и освидетельствованы принудительно...»; с ч. 2 ст. 241 УПК Украины «...в случае его отказа освидетельствование осуществляется принудительно исключительно на основании постановления прокурора...»; с ч. 2 ст. 206 УПК Республики Беларусь «...В случае отказа они могут быть освидетельствованы принудительно...»; с ч. 2 ст. 223 УПК Республики Казахстан «...Принудительное освидетельствование потерпевшего, свидетеля, заявителя производится с санкции следственного судьи...».

Как и другие исследователи, мы придерживаемся той позиции, что если лицо в статусе подозреваемого, обвиняемого [23, С. 6–8] или подсудимого со стороны следователя допустимо применение физического принуждения в случае их отказа от освидетельствования [24, С. 514–515; 191–194; 200–208].

Литература

1. Быков В.М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства / В.М. Быков. – Казань: Познание, 2008. – С. 192.
2. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – М., 2001. – С. 178–179.
3. Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1997. – С. 117.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 N 529-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Туменко Сергея Григорьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и восьмой статьи 42, статьями 121, 122 и 123, частями первой, второй и второй.1 статьи 124, пунктом 6 части первой и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». КонсультантПлюс.
5. Кереселидзе Н.Т. Нравственно-религиозные детерминанты обеспечения участников уголовного судопроизводства. Актуальные проблемы экономики и права. – 2008. – № 2. – С. 162–163.
6. Михайловская И.Б. Новый УПК РФ: изменение процессуальной формы // Проблемы обеспечения прав участников процесса по ново-

му Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: межрегиональная научно-практическая конференция.: сб. ст.; под ред. – С.А. Шейфера. – 2003. С. 22–24.

7. Быков В.М., Ткачева Н.В. Принуждение при производстве следственных действий // Право и политика. – 2005. – № 5. – С. 136–145.

8. Комментарий к Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации/научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 4 – е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 515.

9. Божьев, В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11., Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция, № 3(20), С. 98–103.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2018 N 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» КонсультантПлюс.

11. Юнусов А.А., Магизов Р.Р., Валиуллина Д.А. Субъективная составляющая в процессе доказывания по ст. 119 УК РФ. Юридическая гносеология, 2025 г., № 5, С. 196–202.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2003 N 34-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Государственного унитарного Новгородского авиационного предприятия об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2001 года по жалобе этого предприятия на нарушение конституционных прав и свобод статьями 4 и 7 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» КонсультантПлюс

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» КонсультантПлюс

14. Жалинский А.Э. Освидетельствование в советском уголовном процессе Львов, 1964. С. 30–31.

15. Любичев С.Г. Этические основы следственной практики. / С.Г. Любичев. – Москва: Юрид. лит., 1980. – С. 56–58.

16. Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. – 3 – е изд., изм. – М.: Норма, 2007. – С. 98–99.

17. Потапова А.Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 6–8.

18. Бегова Д.Я., Мусаева С.Г. Производство освидетельствования лица, сопровождающееся обнажением: уголовно-правовой и этический аспекты // Закон и право. 2024. № 12. С. 191–194. <https://doi.org/10.24412/2073–3313–2024–12–191–194>. EDN: <https://elibrary.ru/JJQVAB>

19. Комментарий к Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации/научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 4 – е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 514–515

20. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность: (Вопр. теории и практики) / З.З. Зинатуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. – С. 110–111.

21. Зинатуллин З.З. Там же. С. 110.

22. Кобликов А.С. Юридическая этика: Учебник для вузов. – 3 – е изд., изм. – М.: Норма, 2007. – С. 90–91.

23. Потапова А.Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект. Автореферат 2007 Челябинск. С. 6–8.

24. Комментарий к Уголовно-процессуальному Кодексу Российской Федерации/научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 4 – е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2010. – С. 514–515., Бегова Д.Я., Мусаева С.Г. Производство освидетельствования лица, сопровождающееся с обнажением: уголовно-правовой и этически аспекты. Закон и право. 12, С. 191–194., Москалькова Т.Н. Нравственные основы уголовного процесса (стадия предварительного расследования): дис... д-ра юрид. наук. – М., 1997. – С. 200–208

ON THE ISSUE OF THE ADMISSIBILITY OF COERCION DURING EXAMINATION

Yunusov A.A., Valiullina D.A., Gareeva Z.F.

Naberezhnyye Chelny Institute (branch) Kazan (Federal) University, branch of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article explores current issues related to the possible use of coercion (psychological and physical) during examinations. This issue is particularly relevant during the initiation of criminal

proceedings, as it involves determining the procedural status of certain participants in the investigation of statements and reports of crimes. An analysis of Russian criminal procedure legislation and law enforcement practice allows us to conclude that, firstly, the possibility of controlling the behavior of a participant in the proceedings through physical or psychological influence (i.e., coercion) is legally established; secondly, achieving the goals of criminal proceedings without the use of coercion is virtually impossible. This article does not address the institution of criminal procedural coercion and other procedural measures provided for in Section 4 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Rather, it concerns influencing (controlling) a person's behavior during investigative and procedural actions. It should be noted that attempts to use coercive measures often provoke protest behavior in a person, and this phenomenon is especially evident during the initiation of a criminal case.

Keywords: victim, witness, suspect, accused, criminal case, coercion, examination, initiation of criminal case, investigative actions.

References

1. Bykov, V.M. Current Issues in Criminal Procedure / V.M. Bykov. – Kazan: Poznanie, 2008. – P. 192.

2. Sheifer, S.A. Investigative Actions. System and Procedural Form / S.A. Sheifer. – Moscow, 2001. – Pp. 178–179.

3. Rostovshchikov, I.V. Personal Rights in Russia: Their Enforcement and Protection by Internal Affairs Agencies. – Volgograd: VYU MVD of Russia, 1997. – P. 117.

4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 27, 2025 No. 529-О «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergei Grigorievich Tumenko regarding the violation of his constitutional rights by parts one and eight of Article 42, Articles 121, 122 and 123, parts one, and two.1 of Article 124, paragraph 6 of part one and part two of Article 198 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.» ConsultantPlus.

5. Kereselidze N.T. Moral and Religious Determinants of the Protection of Participants in Criminal Proceedings. Actual Problems of Economics and Law. – 2008. – No. 2. – P. 162–163.

6. Mikhailovskaya I.B. The new Criminal Procedure Code of the Russian Federation: changes in the procedural form // Problems of ensuring the rights of participants in the process under the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation: interregional scientific and practical conference.: collection of articles; edited by S.A. Sheifer. – 2003. pp. 22–24.

7. Bykov V.M., Tkacheva N.V. Coercion in investigative actions // Law and Politics. – 2005. – No. 5. – pp. 136–145.

8. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / scientific ed. V.T. Tomin, M.P. Polyakov. – 4th edition, revised and enlarged. – М.: Yurait Publishing House, 2010. – P. 515.

9. Bozhev, V. “The Quiet Revolution” of the Constitutional Court in Criminal Procedure of the Russian Federation / V. Bozhev // Russian Justice. – 2000. – No. 10. – Pp. 9–11., Dikarev I.S. Criminal Procedure: “The Quiet Revolution” Gives Way to Reaction // Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence, No. 3(20), Pp. 98–103.

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.10.2018 N 36-P «In the case of verifying the constitutionality of Part One of Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part Two of Article 24, Part Two of Article 27, Part One of Article 239, and Clause 1 of Article 254 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.I. Tikhomolova» ConsultantPlus.

11. Yunusov A.A., Magizov R.R., Valiullina D.A. Subjective Component in the Process of Proof under Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal Epistemology, 2025, No. 5, pp. 196–202.

12. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.02.2003 N 34-О «On the refusal to accept for consideration the petition of the State Unitary Novgorod Aviation Enterprise for an official clarification of the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20 December 2001 on the complaint of this enterprise regarding the violation of constitutional rights and freedoms by Articles 4 and 7 of the Law of the Russian Federation «On Value Added Tax» ConsultantPlus

13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.06.2010 N 17 (as amended on 16.05.2017) «On the practice of applying by courts the rules regulating the participation of the victim in criminal proceedings» ConsultantPlus

14. Zhalsinsky A.E. Examination in Soviet criminal proceedings Lvov, 1964. pp. 30–31.

15. Lyubichev S.G. Ethical foundations investigative practice. / S.G. Lyubichev. – Moscow: Legal Literature, 1980. – Pp. 56–58.

16. Koblikov A.S. Legal Ethics: Textbook for Universities. – 3rd ed., amended. – Moscow: Norma, 2007. – Pp. 98–99.

17. Potapova A.G. Examination in Criminal Proceedings in Russia: Procedural Aspect. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Chelyabinsk, 2007. Pp. 6–8.

18. Begova D.Ya., Musaeva S.G. Examination of a Person Accompanied by Exposure: Criminal-Law and Ethical Aspects // Law and Right. 2024. No. 12. Pp. 191–194. <https://doi.org/10.24412/2073–3313–2024–12–191–194>. EDN: <https://elibrary.ru/JJQVAB>

19. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / scientific ed. V.T. Tomin, M.P. Polyakov. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2010. – Pp. 514–515

20. Zinatullin Z.Z. Criminal Procedural Coercion and Its Effectiveness: (Problems of Theory and Practice) / Z.Z. Zinatullin. – Kazan: Publishing House of Kazan. University, 1981. – Pp. 110–111.

21. Zinatullin Z.Z. Ibid. P. 110.

22. Koblikov A.S. Legal Ethics: Textbook for Universities. – 3rd ed., amended. – М.: Norma, 2007. – Pp. 90–91.

23. Potapova A.G. Examination in criminal proceedings in Russia: procedural aspect. Abstract 2007 Chelyabinsk. pp. 6–8.

24. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / scientific ed. V.T. Tomin, M.P. Polyakov. – 4th ed., revised. and enlarged. – Moscow: Yurait Publishing House, 2010. – pp. 514–515., Begova D.Ya., Musaeva S.G. Examination of a person, accompanied by nudity: criminal-legal and ethical aspects. Law and Right. 12, pp. 191–194., Mosalkova T.N. Moral foundations of criminal proceedings (stage of preliminary investigation): diss... Doctor of Law. – М., 1997. – pp. 200–208

Договорно-правовое обеспечение привлечения иностранных перевозчиков по маршрутам Северного морского пути

Захаров Александр Андреевич,

аспирант кафедры Международного и морского права,
ФГБОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова»

E-mail: oceanlaw@yandex.ru

В статье рассматриваются договорно-правовые аспекты привлечения иностранных перевозчиков к эксплуатации маршрутов Северного морского пути (СМП) в условиях переориентации российской внешней торговли на восточное направление и санкционного давления. Анализируется статистика перевозок за 2022–2025 годы, выявляются ключевые проблемы (международно-правовой статус акватории, каботажные ограничения, страхование ответственности и доступ к P&I-покрытию, санкционные риски, несогласованность национальных правил плавания с Полярным кодексом). Предлагается комплекс мер по гармонизации российского законодательства с нормами потенциальных перевозчиков и требованиями международного морского права.

Ключевые слова: Северный морской путь; иностранные перевозчики; договор морской перевозки; каботаж; Полярный кодекс; страхование ответственности; гармонизация законодательства; международное морское право.

Северный морской путь представляет собой кратчайший морской маршрут, связывающий европейскую часть России и государства Северо-Западной Европы с Дальним Востоком и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Сокращение протяжённости пути между крупнейшими портами Азии и Европы по сравнению с традиционным маршрутом через Суэцкий канал достигает 30–40%, что при росте фрахтовых ставок и перегрузке южных коридоров превращает арктическую трассу в реальную транспортную альтернативу, а не только в теоретическую возможность.

Уже не первый год проблематика организации перевозок по СМП с привлечением иностранных судовладельцев активно обсуждается на различных форумах и в специальной литературе. Однако, вопросы морской перевозки по СМП только усложняются. С одной стороны продолжающееся применение санкций, что вызывает необходимость переориентации внешнеторговых потоков России на рынки дружественных государств (Китай, Индия, страны ЮВА), а это может в недалеком будущем сформировать дополнительные нагрузки на арктический транзит со стороны иностранных грузоотправителей и судоходных компаний. В августе 2022 года Правительством Российской Федерации утверждён план развития СМП до 2035 года, предусматривающий доведение годового грузопотока до 150 млн т к 2030 году и до 220 млн т к 2035 году. Достижение столь масштабных целевых показателей невозможно исключительно за счёт российских судовладельцев и отечественного флота, ограниченного как по тоннажу, так и по числу судов высоких ледовых классов; объективно требуется привлечение иностранных перевозчиков и их флота. В-третьих, санкционные ограничения 2022–2025 годов существенно изменили условия страхования, финансирования и флагового обеспечения морских перевозок, что напрямую затрагивает договорно-правовую модель взаимодействия с иностранными контрагентами.

В этих условиях договорно-правовое обеспечение становится самостоятельным фактором конкурентоспособности маршрута: иностранный перевозчик принимает решение о выходе на трассу не только исходя из навигационных и тарифных условий, но и из предсказуемости правового режима, ясности процедур допуска, распределения ответственности и доступности страхового покрытия. Цель настоящей статьи – выявить основные проблемы договорно-правового обеспечения привлечения иностранных перевозчиков и предложить меры по гармонизации российского законодательства с нормами потенциальных перевозчиков и требованиями международного морского права.

Грузопоток по СМП демонстрирует устойчивый рост. По итогам 2023 года он составил 36,25 млн т, а в 2024 году достиг рекордного значения – 37,9 млн т (точнее, 37 893 531,9 т), что более чем на 1,6 млн т превысило предыдущий максимум. При этом целевой показатель в 80 млн т, ранее обозначенный в качестве ориентира на 2024 год, достигнут не был, что отражает разрыв между планами и фактической грузовой базой и косвенно подтверждает необходимость её диверсификации, в том числе за счёт транзита.

Особенно показательна динамика транзитных перевозок, наиболее чувствительных к участию иностранных перевозчиков. В 2023 году объём транзита составил рекордные 2,15 млн т, а в 2024 году – свыше 3,0 млн т (рост почти в полтора раза) при рекордных 92 транзитных рейсах. В 2024 году акваторию СМП впервые прошёл крупнейший в истории трассы контейнеровоз ледового класса (длина 294 м, вместимость 4843 TEU), преодолевший весь маршрут менее чем за шесть суток; за год было выдано 1312 разрешений на плавание в акватории.

Принципиальным сдвигом 2025 года стал переход китайских судоходных компаний от тестовых проходов к регулярным контейнерным сервисам [10] [11]. Если в 2023 году компания Newnew Shipping выполнила 7 рейсов, то в 2024 году – уже 13 рейсов (около 20 тыс. контейнеров), а в навигацию 2025 года к арктическому транзиту присоединились новые операторы (Fujian Huihai Shipping, Sea Legend Shipping). Осенью 2025 года состоялась первая в истории доставка китайских товаров в Европу транзитом по СМП (контейнеровоз вместимостью около 4890 TEU по маршруту Нинбо – Феликстоу), при этом оператор атомного ледокольного флота прогнозировал удвоение числа проходов судов под иностранными флагами по итогам сезона. На вторму

половину 2026 года Республика Корея анонсировала пробный рейс контейнеровоза по маршруту Пусан – Роттердам (табл. 1)

Таблица 1. Динамика перевозок по Северному морскому пути в 2022–2025 годах [8] [9]

Год	Общий грузооборот, млн т	Транзитные перевозки, млн т	Транзитные рейсы, ед.
2022	≈ 34,0	≈ 0,2	–
2023	36,25	2,15	~75
2024	37,9	свыше 3,0	92
2025*	свыше 37,0	рост (удвоение про-ходов под иностр. флагом)	> 20 контей-нерных

* Данные за 2025 год – оценочные и предварительные; приведены по сообщениям отраслевых источников и государственной корпорации, оператора инфраструктуры СМП. Проверк означает отсутствие сопоставимых официальных данных

Приведённая статистика свидетельствует о двух тенденциях: устойчивом, но отстающем от плановых ориентиров росте общего грузооборота и опережающем росте транзита и числа иностранных судовых заходов. Именно транзитный сегмент в наибольшей степени зависит от качества договорно-правового обеспечения, поскольку формируется преимущественно за счёт иностранных перевозчиков, действующих в трансграничном правовом поле.

Правовой режим судоходства в акватории СМП имеет двухуровневую природу – национальную и международную. На национальном уровне базовыми источниками являются Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [1] (в части определения акватории СМП и условий плавания), Федеральный закон от 28 июля 2012 года [2] о внесении изменений в законодательные акты в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории СМП, а также утверждаемые Правительством Правила плавания в акватории Северного морского пути [3]. Полномочиями по выдаче разрешений на плавание и организации ледокольной и ледовой лоцманской проводки наделены уполномоченные федеральные структуры и государственная корпорация – оператор Главсевморпути.

Допуск судна в акваторию носит разрешительный характер: судовладелец обязан подать заявление, подтвердить соответствие судна требованиям ледового класса и безопасности, а также наличие свидетельства о финансовом обеспечении гражданской ответственности за ущерб от загрязнения морской среды. Не допускается плавание судов, не имеющих на борту такого свидетельства.

На международном уровне ключевое значение имеют Конвенция ООН по морскому праву 1982 года [4] и принятый Международной морской организацией Полярный кодекс [5], вступивший в силу 1 января 2017 года. Статья 234 Конвенции (о покрытых льдом районах) служит международно-правовым основанием для установления Россией повышенных, в том числе экологических, требований к судоходству в исключительной экономической зоне. Полярный кодекс [5] устанавливает требования к проектированию, конструкции, оборудованию и эксплуатации судов в полярных водах, к подготовке экипажей, а также вводит обязательные документы – Свидетельство судна полярного плавания и Наставление по эксплуатации судна в полярных водах.

Сохраняется доктринальное и политическое расхождение в оценке статуса проливов, через которые протекает трасса: Российская Федерация рассматривает их в режиме внутренних или территориальных вод с распространением национального регулирования, тогда как ряд западных государств настаивает на свободе судоходства и режиме транзитного прохода. Это расхождение формирует фоновую правовую неопределённость, которую иностранный перевозчик вынужден учитывать при заключении договоров.

Анализ действующего регулирования и практики навигаций 2023–2025 годов позволяет выделить следующие основные проблемы договорно-правового обеспечения.

(1) **Расхождение в оценке статуса акватории.** Различие подходов России и ряда государств к международно-правовому статусу трассы и проливов создаёт риск оспаривания применимого права и юрисдикции, затрудняет выбор права договора и форума разрешения споров, снижает предсказуемость для иностранного перевозчика.

(2) **Каботажные ограничения.** По общему правилу перевозки и иная деятельность между российскими морскими портами (каботаж) резервируются за судами под Государственным флагом Российской Федерации. Плавание судна под иностранным флагом в каботаже допускается лишь по разрешению уполномоченного органа и при одновременном соблюдении ряда условий (отсутствие подходящих

судов под российским флагом, судно не находилось в Российском реестре в течение пяти предшествующих лет, соответствие требованиям безопасности и др.). Эти ограничения, оправданные для внутреннего сообщения, на практике порождают неопределённость для смешанных маршрутов и для рейсов с заходом в российские порты по пути транзита.

(3) **Страхование ответственности и доступ к P&I-покрытию.** Традиционный рынок страхования ответственности судовладельцев (P&I) исторически сосредоточен в клубах Международной группы, базирующихся преимущественно в Великобритании и странах ЕС и действующих на основе англосаксонского права. Санкционные ограничения затруднили страхование судов, связанных с российскими грузами, что повышает риск отсутствия признаваемого покрытия – при том, что наличие свидетельства о финансовом обеспечении является условием допуска в акваторию.

(4) **Санкционные и флаговые риски.** Использование флагов отдельных юрисдикций, угроза включения судов и судовых реестров в санкционные списки, ограничения доступа к финансированию и классификации создают правовую и коммерческую нестабильность, которую необходимо распределять между сторонами в договоре.

(5) **Несоответствие национальных правил с Полярным кодексом.** Сохраняется потребность в приведении отдельных положений Правил плавания в полное соответствие с Полярным кодексом (вопросы признания свидетельств полярного плавания, ледовой лоцманской и ледокольной проводки, радиосвязи), а также в формализации механизма ответственности за нарушение правил.

(6) **Несформированность типовой договорной базы.** Отсутствие признанных проформ договоров (на ледокольную и лоцманскую проводку, на оказание услуг инфраструктуры, тайм- и рейсовых чартеров с учётом арктической специфики) на иностранных языках затрудняет быстрое и единообразное оформление отношений с иностранным перевозчиком и увеличивает транзакционные издержки.

(7) **Несоответствие пределов и режима ответственности.** Различия между национальным режимом ответственности и международными конвенциями (об ограничении ответственности по морским требованиям, о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения) требуют согласования при структурировании договоров и определении применимых лимитов.

Дополнительными факторами выступают высокая стоимость ледокольного сопровождения, конкуренция за ледокольные ресурсы между сырьевыми и контейнерными грузами, ограниченность аварийно-спасательной и судоремонтной инфраструктуры в Арктике, а также валютные и расчётные риски.

Преодоление выявленных проблем предполагает не столько ужесточение, сколько повышение предсказуемости и совместимости российского режима с ожиданиями иностранных перевозчиков и требованиями международного морского права. Предлагается следующий комплекс мер.

1. **Максимально возможная гармонизация Российских Правил плавания с Полярным кодексом** – закрепление взаимного признания Свидетельства судна полярного плавания и Наставления по эксплуатации, унификация требований к ледовым классам, ледокольной и ледовой лоцманской проводке, а также прозрачного механизма ответственности за нарушения, понятного иностранному судовладельцу.

2. **Развитие национальной и межгосударственной системы страхования ответственности** – формирование российских и совместных (в том числе в рамках ЕАЭС и БРИКС) P&I-механизмов и перестраховочных фондов, обеспечение взаимного признания страховых свидетельств с государствами-партнёрами, чтобы наличие покрытия не зависело исключительно от западных клубов.

3. **Уточнение каботажного режима для транзита** – нормативное разграничение международного транзита и собственно каботажа, упрощение и формализация процедуры выдачи разрешений судам под иностранным флагом, установление прозрачных сроков и критериев, в том числе для смешанных рейсов с заходом в российские порты.

4. **Разработка типовых договорных проформ** на русском и английском языках – стандартных договоров на ледокольную и лоцманскую проводку, на услуги инфраструктуры, а также рекомендованных арктических оговорок (ice clauses) для чартеров и коносаментов, совместимых с международной практикой (BIMCO и иными признанными формами).

5. **Заключение двусторонних и многосторонних соглашений** с ключевыми государствами-перевозчиками (КНР, Индия, Республика Корея и др.) о признании судовых документов, об упрощённом допуске, об обмене данными о безопасности судоходства и о порядке расчётов в национальных валютах.

6. **Согласование режима ответственности с международными конвенциями** – приведение пределов и оснований ответственности, а также требований к финансовому обеспечению в соответствие с международными конвенциями об ограничении ответственности и о возмещении ущерба от загрязнения, что упростит структурирование договоров.

7. **Создание нейтрального механизма разрешения споров** – допущение арбитражных оговорок с выбором нейтрального (в том числе российского, азиатского или иного взаимоприемлемого) арбитража и применимого права, что снижает риски, связанные с расхождением в оценке статуса акватории.

8. **Повышение прозрачности тарифов и административных процедур** – публикация тарифов на ледокольное сопровождение и инфраструктурные услуги, цифровизация подачи заявлений и получения разрешений, ведение англоязычного информационного ресурса для иностранных перевозчиков.

Реализация перечисленных мер позволит трансформировать СМП из преимущественно национального транспортного коридора в полноценный международный торговый маршрут, сопоставимый по предсказуемости правового режима с традиционными океанскими путями, и тем самым приблизить достижение установленных целевых показателей грузопотока.

Привлечение иностранных перевозчиков является необходимым условием достижения стратегических ориентиров развития Северного морского пути [6]. Статистика 2022–2025 годов [8] [9] подтверждает реальность спроса на арктический транзит: при умеренном росте общего грузопотока наблюдается опережающий рост транзитных перевозок и числа судозаходов под иностранными флагами, прежде всего из Китая. Вместе с тем дальнейшее наращивание участия иностранных перевозчиков сдерживается не столько навигационными, сколько договорно-правовыми факторами – неопределённостью статуса акватории, каботажными ограничениями, проблемами страхования и доступа к P&I-покрытию, санкционными рисками и неполной согласованностью национальных правил с Полярным кодексом.

Решение этих проблем лежит в плоскости гармонизации: приведения российского регулирования в соответствие с требованиями международного морского права и с разумными ожиданиями потенциальных перевозчиков при сохранении национального контроля над безопасностью и экологией арктического судоходства. Предложенный комплекс мер – от унификации правил плавания с Полярным кодексом и развития собственной системы страхования до разработки типовых договорных проформ и заключения межгосударственных соглашений – формирует основу для устойчивого договорно-правового обеспечения привлечения иностранных перевозчиков по маршрутам Северного морского пути.

Литература

1. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30.04.1999 № 81-ФЗ (в действующей редакции) // СПС Консультант Плюс
2. Федеральный закон от 28.07.2012 № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» // СПС Консультант Плюс
3. Правила плавания в акватории Северного морского пути (в действующей редакции, утв. Правительством Российской Федерации) // СПС Консультант Плюс
4. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года // СПС Консультант Плюс
5. Международный кодекс для судов, эксплуатируемых в полярных водах (Полярный кодекс) / ИМО. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420376046>
6. План развития Северного морского пути на период до 2035 года // СПС Консультант Плюс
7. Северный морской путь: национальный правовой режим в меняющемся международном контексте: аналитическая записка // Российский совет по международным делам. URL: russiancouncil.ru
8. Объём грузоперевозок по Северному морскому пути установил рекорд: пресс-релиз // Госкорпорация «Росатом», ФГУП «Атомфлот»

от 09.01.2025. URL: <https://atommedia.online/press-releases/obem-gruzoperevozok-po-severnomu-mo/>

9. Грузопоток по СМП в 2024 году превысил предыдущий уровень // Интерфакс. 17.01.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1003501>

10. Китай освоил Северный морской путь // Деловая газета «Взгляд». 15.10.2025. URL: <https://vz.ru/economy/2025/10/15/1366495.html>

11. Китай распробовал Северный морской путь // РИА Новости. 19.10.2025. URL: <https://ria.ru/20251019/kitay-2049093522.html>

12. В 2025 году по Северному морскому пути перевезли свыше 37 миллионов тонн грузов: как меняется маршрут // Российская газета. 19.01.2026. URL: https://rg.ru/2026/01/19/led-tronulsia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

13. Белоусова Т.А., Фисенко А. Проблемы и перспективы страхования рисков транспортировки по Северному морскому пути // КЭ. 2025. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-strahovaniya-riskov-transportirovki-po-severnomu-morskому-puti>

14. Пинчук Е.Н. Страхование морских перевозок как инструмент санкций // Океанский менеджмент. 2024. № 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovanie-morskih-perevozok-kak-instrument-sanktsiy>

CONTRACTUAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR ENGAGING FOREIGN CARRIERS ALONG THE NORTHERN SEA ROUTE

Zakharov A.A.

Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping

This article examines the contractual and legal aspects of attracting foreign carriers to operate along the Northern Sea Route (NSR) in the context of Russia's shifting foreign trade eastward and sanctions pressure. It analyzes shipping statistics for 2022–2025, identifying key issues (the international legal status of the waterway, cabotage restrictions, liability insurance and access to P&I coverage, sanctions risks, and the inconsistency of national navigation regulations with the Polar Code). A set of measures is proposed to harmonize Russian legislation with the standards of potential carriers and the requirements of international maritime law.

Keywords: Northern Sea Route; foreign carriers; contract of carriage by sea; cabotage; Polar Code; liability insurance; harmonization of legislation; international maritime law.

References

1. Code of Merchant Shipping of the Russian Federation dated 30.04.1999 № 81-FZ (as amended) // SPS Consultant Plus
2. Federal Law № 132-FZ dated July 28, 2012 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding State Regulation of Merchant Shipping in the Waters of the Northern Sea Route» // SPS Consultant Plus
3. Rules of navigation in the waters of the Northern Sea Route (in the current edition, approved by By the Government of the Russian Federation) // SPS Consultant Plus
4. The 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea // SPS Consultant Plus
5. International Code for Ships Operating in Polar Waters (Polar Code) / IMO. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420376046>
6. Development Plan for the Northern Sea Route for the Period up to 2035 // SPS Consultant Plus
7. The Northern Sea Route: National Legal Regime in a Changing International Context: Analytical Note // Russian International Affairs Council. URL: russiancouncil.ru
8. The volume of cargo transportation along the Northern Sea Route set a record: press release // Rosatom State Corporation, Atomflot FSUE, dated 09.01.2025. URL: <https://atommedia.online/press-releases/obem-gruzoperevozok-po-severnomu-mo/>
9. The cargo flow along the NSR exceeded the previous level in 2024 // Interfax. 17.01.2025. URL: <https://www.interfax.ru/business/1003501>
10. China has mastered the Northern Sea Route // Business newspaper «Vzglyad». 15.10.2025. URL: <https://vz.ru/economy/2025/10/15/1366495.html>
11. China has discovered the Northern Sea Route // RIA Novosti. 19.10.2025. URL: <https://ria.ru/20251019/kitay-2049093522.html>
12. In 2025, the Northern Sea Route transported over 37 million tons of cargo: how the route is changing // Rossiyskaya Gazeta. 19.01.2026. URL: https://rg.ru/2026/01/19/led-tronulsia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F
13. Belousova T.A., Fisenko A. Problems and prospects of insurance of transportation risks along the Northern Sea Route // CE. 2025. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-strahovaniya-riskov-transportirovki-po-severnomu-morskому-puti>
14. Pinchuk E.N. Insurance of sea transportation as a tool of sanctions // Ocean Management. 2024. No. 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strakhovanie-morskih-perevozok-kak-instrument-sanktsiy>

Краткий обзор подходов к толкованию международных договоров на этапе классического международного права

Изотова Галина Сергеевна,

аспирант Всероссийской академии внешней торговли,
Министерства экономического развития Российской Федерации

E-mail: gln.ztv.lwr@mail.ru

В статье представлен обзор научно-правовых работ зарубежных и отечественных правоведов этапа классического международного права в контексте школ толкования международного права. В работе анализируются взгляды правоведов на способы достижения «правильного» толкования, и особое внимание уделено пониманию ими целей толкования. На основе проведенного обобщения и систематизации формируется упорядоченное представление о доктринальных подходах к толкованию международных договоров.

Ключевые слова: международное право, международный договор, толкование, цель толкования.

В современной доктрине международного права выделяют несколько концептуальных направлений или школ толкования, которые классифицируются исходя из преследуемых интерпретационных целей. Так, И.И. Лукашук и А.Н. Талалаев выделяют три основных подхода – объективистский (приверженцев также называют текстуалистами, и для них главной целью является установление значения текста через его анализ), субъективистский (сторонники видят главную задачу в выяснении намерения сторон, поэтому наравне с толкуемым текстом используют подготовительные материалы и иные источники для выявления воли сторон на момент появления нормы) и функционалистский (представителей этого подхода называют телеологами, и исходят они из необходимости уяснения объекта и цели, что должно обеспечить реализацию цели нормы, в том числе с течением времени для приспособления договора к изменившимся обстоятельствам) [1, С.71–72; 2, С. 232–233]. По интерпретационным целям А.С. Смбалян дополнительно выделяет четвертое самостоятельное направление – школу ценностно-ориентированного толкования, относя к ней сторонников идеи, что «целью толкования должны быть установление и реализация истинных общих ожиданий и доминирующих тенденций политики общества» [3, С.116]. Предпосылки современных школ толкования начали формироваться на этапе классического международного права.

Если обратиться к истории международного права, голландский юрист Гуго Гроций (1583–1645) заложил основы международного права и системно, одним из первых, описал принципы толкования международных договоров, сформулировав тридцать два правила толкования [4, С.401–418]. Он обращал внимание на необходимость толковать договор, опираясь на общепринятые нормы справедливости и морали, в контексте его объекта и целей. Также Г. Гроций считал необходимым придерживаться правила о толковании сомнений по тексту против того, кто выдвинул условие.

В правилах большое внимание Г. Гроций уделяет толкованию слов, слова должны употребляться согласно народному употреблению, а технические термины понимаются по соответствующей отрасли знаний и т.д. При этом он допускает способ толкования, основанный на предположениях, выходящих за прямое значение слов, выделяя «распространительное» толкование (правило XX) – когда нужно определить единственную и достаточную причину, побудившей дающего обещание, или же ограничительное толкование (правила XXII–XXIV) – когда имеет место «ошибка воли» из-за бессмыслицы или противоречие между возникающим случаем и намерением воли [5, С.410–411].

Швейцарский юрист Эмер де Ваттель (1714–1767) внес заметный вклад в развитие теории толкования международных договоров, изложив в главе XVII своего труда «Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» свод правил толкования [6, С. 364–403]. Э. де Ваттель отмечал, что: 1) нужно отвергать всякое толкование, приводящее к абсурду; 2) если тот, кто должен был и мог выразить ясно (в договоре), этого не сделал, то ему трактуется во вред; 3) объяснять термины нужно в соответствии с принятым словоупотреблением, а технические термины в соответствии с определением, даваемым специалистом. Одновременно он считал, что толкование должно следовать определенным специальным правилам, для выяснения смысла акта, как он естественно понимался сторонами при его разработке и принятии. Определяя «общее правило толкования», Э. де Ваттель отмечал, что толкователь должен исследовать, какова была мысль составителя, поскольку единственной целью законного толкования является выяснение этой мысли. Как один из самых надежных способов, он выделил толкование, основанное на «побудительной причине акта», то есть, когда толкователь должен определить мотив и цель. Одновременно он предостерегал от злоупотребления этим способом, если нет уверенности о намерении составителя.

Анализируя особенности толкования норм права в Англии, Э.Ю. Викторова приводит алгоритм действий при толковании закона британского правоведа сэра Уильяма Блэкстона (1723–1780), в основе которого лежат последовательно применяемые текстуальные средства: (1) толкование согласно обычному значению и наиболее узнаваемому употреблению; (2) интерпретация через контекст (обращение к преамбуле); (3) анализ предмета закона. После исчерпания текстуальных средств четвертым шагом предлагается обратиться к оценке действия

и последствий закона для общества, чтобы исключить получение абсурдных выводов. На заключительном этапе предлагается толкование по праву справедливости, для чего «наиболее универсальным и эффективным способом выяснения истинного смысла закона» рассматривается обращение к «духу закона или, иными словами, к причине, по которой законодатель решил принять закон» [7, С. 24–25].

В работе «Международное право» Л. Оппенгейм (1858–1919) дал пятнадцать рекомендаций толкования международных договоров. По его мнению, договоры должны толковаться согласно их разумному, а не буквальному смыслу. Намерения сторон договора он считал разумными, если соответствуют целям договора и не противоречат общепризнанным принципам международного права и прежним договорным обязательствам в отношении третьих государств. Если же смысл договорного условия был не ясен, Л. Оппенгейм отсылал к оценке целей и мотивов, приведшие к его заключению, а также отметил необходимость обратить внимание на современные условия. Сами термины должны толковаться согласно их обычному значению, если они не употреблены в определённом технико-юридическом значении, или же другое значение не явствует из контекста [8, С. 468–474].

Л. Оппенгейм отмечал необходимость такого толкования договора, которое бы исключало возможность обмана и которое обеспечивало бы, что выполнение договора не противоречило принципу добросовестности. Кроме того, он также отмечал принципы: 1) *expressio unius est exclusio alterius* (включение одного является исключением другого), предполагающий в действиях составителя толкуемого документа осознанное решение включить в текст конкретные положения и сознательно не отражать остальные; 2) *in dubio mitius* (сомнения в пользу обвиняемого), интерпретируя в объекте международного права, как выбор менее обременительного толкования для взявшей обязательство стороны, если возможно различное толкование.

В рекомендациях Л. Оппенгейм отдельно выделил, что для выяснения смысла условия можно использовать предыдущие договоры между одной из сторон с третьими государствами. Примечательно практическое правило, которое он включил в рекомендации для ситуации, когда государство придает смысл термину, который расходится с общепризнанным. Так, если будет применение одним государством термина, отличного от общепризнанного, а другое государство заключает с первым государством договор об употреблении такого термина, то в отношениях между государствами должно применяться значение, которого придерживается первое государство. Для примера Л. Оппенгейм приводит ситуацию, когда государства заключают с США торговые договоры, в которых фигурирует оговорка о наибольшем благоприятствовании, которая должна толковаться в том смысле, как это делают США [9, С. 472, 487–488]. Суть вопроса состояла в том, что в начале XX века оговорка наибольшего благоприятствования была в торговых соглашениях в условной форме, ограниченной и взаимной. Отсюда у США возник спор со странами при переходе к новым торговым соглашениям, в которых оговорка стала формулироваться стандартно, то есть с момента вступления в силу соглашения действие новой оговорки предполагало немедленное и безусловное предоставление всех преимуществ, уже предоставленных одному другому государству всем другим, заключившим договоры наибольшего благоприятствования. США ограничительно толковали торговые соглашения, в том числе на уровне Верховного суда США, и утверждали, что преимущества равные полученным ранее государством по «старым» торговым соглашениям с ограниченной оговоркой о режиме наибольшего благоприятствования могут быть приобретены только тем государством, которое выполнит такие же условия, что и это первое государство (даже если его торговый договор содержит оговорку в общей форме).

Отечественные ученые-правоведы также рассматривали вопрос толкования норм международного права. Ф.Ф. Мартенс (1845–1909) отмечал, что во многом правила «старых писателей», согласно которым должны быть толкуемы договоры, заимствованы из римского права, поэтому должны применяться с осторожностью. В качестве главного правила он выделял толкование международных договоров «*bona fide*», то есть всегда необходимо предполагать добросовестное его толкование и исполнение подписавшими государствами. Лучшими толкователями Ф.Ф. Мартенс называл государства. В толковании международных договоров он выделил две составляющие: 1) толкование текста, в ходе которого определяется буквальный смысл, грамматические конструкции и логические связи между словами и предложениями; 2) толкование элементов, мыслей и содержания договора, в под которым понимается определение исторического происхождения договора, согласие его постановлений с господствующими началами международного права и определение намерения, цели, духа договора [10, С. 413–413].

В работе «Очерк истории и догматики международного права» А.Н. Стоянов выделял следующие виды толкования: аутентичное – толкование, сделанное самим законодателем, обычное – разъяснение смысла договоров совершается судьями на основании установившейся практики и прецедентов, ученое – толкование, при котором смысл международного договора подвергается научному рассмотрению для определенных практических целей. Ученое толкование подразделяется на грамматическое и логическое толкование в зависимости того, требуется ли дать понимание текста или требуется понимание договора в его целостности, со стороны цели, мотивов и т.д. А.Н. Стоянов отдавал приоритет в толковании намерению сторон, направленному к достижению целей международного союза, тогда как грамматические тонкости должны отступать на второй план. Кроме того, в работе он сформулировал двенадцать правил толкования договора (среди которых были недопустимость толкования, превращающего договор в бездейственный (об этом также писали упомянутые выше Г. Гроций, Э. де Ваттель); положения о преимущественной силе специальных статей над общими и т.д.). В части субъектов, имеющих право на толкование, А.Н. Стоянов придерживался мнение, что право это приоритетно принадлежит тем «учреждениям и лицам, которые имеют право по устройству различных государств заключать международные сделки», одновременно не допуская судебное толкование (в силу конституционного порядка) [11, С. 537–542].

Таким образом, анализ доктрины международного права показывает, что в работах правоведов периода классического этапа развития международного права активно исследовалась проблема толкования норм права, прежде всего в разрезе международных договоров. Правоведы стремились понять, как правильно интерпретировать и применять международные договоры в различных ситуациях, при этом прослеживается формулирование правил и сводов толкований на общетеоретических принципах и методах толкования и одновременно формирование специальной методологии толкования международного права в зависимости от выбранной интерпретационной цели (уяснение значения текста, выяснение намерения сторон или установление цели нормы). Отдельные аспекты исследованных трудов демонстрируют применение текстуального подхода одновременно с подходами, характерными для других школ толкования (например, толкование, основанное на «побудительной причине акта», у Э. де Ваттеля; приоритет установления намерения сторон, направленного к достижению целей международного союза, у А.Н. Стоянова и так далее), что позволяет проследить эволюцию доктринальных подходов к толкованию и формированию школ толкования в их современном виде.

Литература

1. Талалаев А.Н. Право международных договоров. Том 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций. (отв. редактор Л.Н. Шестаков). М., Зерцало, 2011. С. 71–72.
2. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой унт. – Изд. 3е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 232–233.
3. Сибатян А.С. Толкование и применение правил Всемирной торговой организации: монография. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 113–116. Текст: электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/965320> (дата обращения: 27.05.2025). Режим доступа: по подписке.
4. Гроций Г. «О праве войны и мира». Научно-издательский центр «Ладомир». Москва. 1994. С. 401–418.
5. Гроций Г. «О праве войны и мира». Научно-издательский центр «Ладомир». Москва. 1994. С. 410–411.
6. Ваттель Эмер де. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. С. 364–403.
7. Викторова Э.Ю. Толкование норм права Англии и США. Диссертация на соиск. уч. степени к.ю.н., ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), Москва, 2019. С. 24–25. Текст: электронный. URL: http://www.igr.ran.ru/en/issues/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%AD_%D0%AE_%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%BA_%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%B0%D0%B8%D0%B5%20%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%20%D0%B2%20%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B8%

20%D0%B8%20%D0% A1%D0%A8%D0%90–1.pdf (дата обращения: 02.06.2025).

8. Опеннгейм Л. Международное право. Том I Мир. Полутом 2 (перевод с 6-го английского издания А.Н. Ивенского, И.Я. Левина и И.А. Моро под ред. проф. С.Б. Крылова). М.: Издательство Иностранной Литературы, 1949. С. 468–474.

9. Опеннгейм Л. Международное право. Том I Мир. Полутом 2 (перевод с 6-го английского издания А.Н. Ивенского, И.Я. Левина и И.А. Моро под ред. проф. С.Б. Крылова). М.: Издательство Иностранной Литературы, 1949. С. 472, 487–488.

10. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах. Том 1 – Санкт-Петербург, 1882. С. 412–413

11. Стоянов А.Н. Очерки истории и догматики международного права: лекции, читанные в 1873/74 акад. Году в Харьковском университете. Харьков, 1875. С. 537–542.

A BRIEF OVERVIEW OF APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF INTERNATIONAL TREATIES AT THE STAGE OF CLASSICAL INTERNATIONAL LAW

Izotova G.S.

Russian Foreign Trade Academy

The article provides an overview of legal works of foreign and domestic scholars from the period of classical international law, in the context of schools of interpretation of international law. The article analyzes the views of legal scholars on the methods of achieving «proper» interpretation, with a particular focus on their understanding of the goals of interpretation. Based on this analysis and systematization, the article provides an organized overview of the doctrinal approaches to the interpretation of international treaties.

Keywords: international law, international treaty, interpretation, purpose of interpretation

References

1. Talalaev, A.N. The Law of International Treaties. Volume 2: The Effect and Application of Treaties. Treaties Involving International Organizations. (Editor-in-Chief L.N. Shestakov). Moscow, Zertsalo, 2011, pp. 71–72.

2. International Law. General Part: Textbook for Students of Law Faculties and Universities / I.I. Lukashuk; Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law, Academician of Law University. – 3rd ed., revised and enlarged – Moscow: Wolters Kluwer, 2005. pp. 232–233.

3. Smbatyan, A.S. Interpretation and Application of the Rules of the World Trade Organization: Monograph. Moscow: INFRA-M, 2018, pp. 113–116. Text: electronic. URL: <https://znanium.com/catalog/product/965320> (accessed: 27.05.2025). Access mode: by subscription.

4. Grotius G. “On the Law of War and Peace”. Scientific Publishing Center “Ladimir”. Moscow. 1994. pp. 401–418.

5. Grotius G. “On the Law of War and Peace”. Scientific Publishing Center “Ladimir”. Moscow. 1994. pp. 410–411

6. Vattel Emer de. The Law of Nations, or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1960. pp. 364–403.

7. Viktorova E. Yu. Interpretation of the Norms of Law of England and the USA. Dissertation for PhD in Law. Candidate of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS), Moscow, 2019. Pp. 24–25. Text: electronic. URL: http://www.igp.ran.ru/en/issues/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%AD_%D0%AE_%D0%A2%D0%BE%D0%B8%D0%BA_%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%B0%D0%B8%D0%B5%20%D0%B-D%D0%BE%D1%80%D0%BC%20%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%20%D0%B2%20%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B8%20%D0%B8%20%D0%A1%D0%A8%D0%90–1.pdf (access date: 06/02/2025).

8. Oppenheim L. International law. Volume I The World. Half-volume 2 (translated from the 6th English edition by A.N. Ivensky, I. Ya. Levin and I.A. Moro, edited by Professor S.B. Krylov). Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1949. pp. 468–474.

9. Oppenheim, L. International Law. Volume I The World. Half-volume 2 (translated from the 6th English edition by A.N. Ivensky, I. Ya. Levin and I.A. Moro, edited by Professor S.B. Krylov). Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1949. pp. 472, 487–488.

10. Martens, F.F. Modern International Law of Civilized Nations. In 2 volumes. Volume 1 – Saint Petersburg, 1882. Pp. 412–413

11. Stoyanov A.N. Essays on the History and Dogmatics of International Law: Lectures Delivered in the 1873/74 Academic Year at Kharkov University. Kharkov, 1875. Pp. 537–542.

Кочетов Даниил Сергеевич,

магистр, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: daniilkochetov@yandex.ru

Досаев Тимур Ханович,

магистр, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: conoharendan@mail.ru

Досаев Эмиль Ханович,

магистр, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»
E-mail: teo.done@bk.ru

Статья посвящена анализу концептуальных оснований, на которых строятся незападные классификации политических режимов, и критическому рассмотрению евроцентричной матрицы сравнительной политологии. Предметом исследования служит логика, согласно которой доминирующая в дисциплине линейная схема размещает все наблюдаемые режимы на единой шкале от полной автократии до образцовой демократии, принимая институциональный опыт западных обществ за универсальный эталон политического развития. Опираясь на работы российских политологов в области сравнительной политологии, транзитологии и цивилизационного анализа, автор показывает, что разрастание категорий гибридных режимов и авторитаризма с прилагательными свидетельствует не о богатстве типологического инструментария, а о систематическом несовпадении западной мерки с политической реальностью незападных обществ. Реконструированы альтернативные основания классификации, вырастающие из теории множественных модерностей, принципа политической меритократии и постколониальной критики универсализма. Обосновывается вывод о том, что продуктивная типология политических режимов предполагает отказ от телеологического допущения единственной траектории развития и переход к признанию множественности равноправных институциональных порядков, каждый из которых обладает собственным нормативным основанием.

Ключевые слова: политический режим; типология политических режимов; евроцентризм; сравнительная политология; гибридный режим; множественные модерности; политическая меритократия; постколониальная критика.

Введение

Сравнительная политология второй половины XX века выработала устойчивый каталог понятий, посредством которых принято описывать многообразие форм организации власти, причём центральное место в нём заняла триада «демократия – авторитаризм – тоталитаризм», восходящая к предложенной Х. Линцем в 1975 году классификации и закрепившаяся в дисциплине в виде классической схемы Линца – Степана. По состоянию на 2019 год недемократические режимы оставались правящими в 80 из 193 государств – членов ООН, охватывая, по данным Всемирного банка, около половины населения планеты [1]. Несовпадение нормативного идеала с эмпирической картиной мира, в котором демократия западного образца остаётся достоянием меньшинства государств, превращает вопрос о критериях классификации режимов из узкоспециального в принципиальный для всей политической науки.

Реакцией дисциплины на разрыв между теорией и реальностью стало стремительное умножение промежуточных категорий. Описывая режимы серой зоны, расположенной между однозначной диктатурой и электоральной демократией, исследователи ввели понятия гибридного режима, соревновательного и электорального авторитаризма, породив феномен авторитаризма с прилагательными по аналогии с ранее сложившейся демократией с прилагательными [1]. Разрастание типологического словаря, на первый взгляд свидетельствующее о тонкости аналитического инструментария, при ближайшем рассмотрении обнаруживает иную природу, поскольку всякий режим, не дотягивающий до западного образца, описывается через дефицит признаков идеальной демократии [2].

Научная проблема настоящей работы формулируется следующим образом. Если многообразие политических порядков незападного мира систематически фиксируется языком отклонения от единственного образца, то не означает ли подобная практика, что сама сетка классификации несёт в себе скрытую нормативную предпосылку – допущение о единственной законной траектории политического развития? Объектом исследования выступают классификации политических режимов в современной сравнительной политологии, предметом – концептуальные основания, отличающие евроцентричную и незападную логику типологизации. Цель работы заключается в выявлении методологических пределов евроцентричного подхода и в реконструкции альтернативных оснований классификации, вырастающих из незападной политико-теоретической традиции. Достижение цели предполагает решение трёх задач – реконструкцию канона западной типологии режимов и аппарата измерения демократии, выявление механизмов воспроизводства евроцентризма в процедурах сравнения и описание концептуальных альтернатив, опирающихся на цивилизационный анализ и постколониальную критику.

Степень разработанности проблемы неоднородна. Российская традиция сравнительной политологии фиксирует опасность растворения дисциплины в американоцентристском мейнстриме и настаивает на синтезе теоретико-методологических подходов [3]. А.Ю. Мельвил и исследователи постсоветских трансформаций показали несостоятельность линейной модели «авторитаризм – демократия» применительно к траекториям бывших советских республик [4]. Острая полемика вокруг квалификации российского режима, развернувшаяся между сторонниками понятия электорального авторитаризма во главе с В.Я. Гельманом [5] и критиками, оспаривающими саму правомерность подобной классификации [6], обнажает зависимость аналитических выводов от исходной концептуальной рамки. Цивилизационный анализ в традиции Ш. Эйзенштадта и теория множественных модерностей [7], а также постколониальная критика международно-политического знания [8] подготовили почву для пересмотра универсалистских допущений. Авторская позиция состоит в том, что перечисленные направления, развиваясь обособленно, при совместном прочтении образуют основание для последовательной незападной теории классификации режимов.

Канон западной типологии режимов и аппарат измерения демократии

Истоки систематической классификации форм правления принято возводить к античной мысли, различавшей правление одного, немногих и многих в правильной и извращённой версиях, однако современный облик типология политических режимов обрела лишь во второй половине XX века. Категория политического режима, фиксирующая методы осуществления власти, степень участия граждан в управлении, характер отношений между государственными институтами и меру политической свободы, заняла место рядом с формой правления и формой государственного устройства в качестве одной из трёх базовых характеристик государства [2]. Концептуальное оформление авторитаризма как самостоятельного типа, расположенного между тоталитаризмом и демократией, связано с классификацией Х. Линца, получившей широкое признание в редакции Линца – Степана [1].

Типологическая работа развернулась в двух направлениях. Часть исследователей, среди которых Ж. Блондель и Ч. Эндрейн, выстраивала многомерные классификации, опираясь на сочетание институциональных, идеологических и поведенческих признаков, тогда как Ф. Шмиттер и в российской науке Г. Голосов разрабатывали инструменты, чувствительные к процедурным аспектам соревнования за власть [9]. Различие подходов отражает фундаментальную развилку дисциплины – выбор между категориальной логикой, относящей режим к одному из дискретных типов, и континуальной логикой, размещающей режимы на непрерывной шкале от полной автократии до образцовой демократии [1].

При этом парадигма демократического транзита, господствовавшая с начала третьей волны демократизации в 1974 году и почти до конца столетия, рассматривала недемократические порядки преимущественно как переходные состояния, как промежуточные станции на пути к демократии западного образца [1]. Российская сравнительная политология испытала на себе давление американоцентристского мейнстрима, в котором единство дисциплины обеспечивалось не богатством сравниваемого материала, а единообразием нормативной рамки [3]. Положение режима на шкале превращалось тем самым в оценку удалённости порядка от заранее заданной конечной цели, а не в нейтральное описание институционального устройства.

Механизмы воспроизводства евроцентризма в процедурах сравнения

Европоцентризм в качестве идеологического феномена и исследовательской практики предполагает редукцию многообразия исторических форм к одной из возможных, принятие западного пути за универсальный масштаб и периодизацию мирового процесса по меркам европейской истории [10]. Перенесённая в сравнительную политологию, подобная установка проявляется не в прямых ценностных суждениях, а в самой архитектуре аналитического инструментария, где западная либеральная демократия молчаливо помещается в точку отсчёта.

Первый механизм воспроизводства евроцентризма обнаруживается в практике, которую Дж. Сартори в своё время назвал натягиванием понятий. Стремясь сохранить демократию в качестве универсальной категории и одновременно учесть несоответствие реальных режимов образцу, дисциплина прибегла к добавлению уточняющих определений, породив длинный ряд демократий с прилагательными, а затем симметричный ряд авторитаризмов с прилагательными [1]. Умножение гибридных категорий, среди которых соревновательный авторитаризм, электоральный авторитаризм и дефектная демократия, преподносится как уточнение типологии, тогда как по существу фиксирует неспособность исходной дихотомии вместить политическую реальность незападных обществ [1; 2].

Второй механизм связан с телеологией транзита. Транзитологическая парадигма исходила из допущения, согласно которому крушение авторитарных и тоталитарных порядков закономерно открывает переход к демократии, а отклонения от ожидаемой траектории объясняются незавершённостью процесса [3]. Кризис парадигмы, зафиксированный к рубежу веков, обнаружил, что глобальная демократизация не является единственным вектором даже для самих западных обществ, а постсоветский опыт продемонстрировал несостоятельность линейной схемы уже во второй половине 1990-х годов [4]. А.Ю. Мельвил подчёркивал, что устойчивая демократия опирается не только на институциональный каркас, но и на укоренённый в обществе нормативный фундамент, отсутствие которого делает механическое перенесение процедур безрезультатным [4].

Третий механизм имеет эпистемологическую природу и раскрывается постколониальной критикой. Колониальное знание выстраивалось на разграничении развитости Запада и недостаточности Востока, описывая незападные общества через отсутствие, дефицит или небытие признаков, принятых за норму [8]. Перенесённая в политологию, подобная оптика превращает всякий незападный режим в неполную,

дефектную версию западного образца, лишая порядок собственного позитивного содержания. И.Д. Лошкарёв, реконструируя постколониальную теорию международных исследований, показывает, что отказ от европоцентричного видения политической истории требует не косметической поправки, а пересмотра самих онтологических и эпистемологических оснований сравнения [8]. Теория модернизации, долгое время отождествлявшая развитие с вестернизацией, оказывается частным случаем той же установки, против которой обращается идея множественности путей к современности [11].

Незападные основания классификации политических режимов

Концептуальной альтернативой евроцентричной шкале выступает цивилизационный анализ и выросшая из него теория множественных модерностей. Согласно позиции Ш. Эйзенштадта и его школы, переход к современности каждое общество осуществляет на основании собственной культурной традиции, вследствие чего единый модерн распадается на множество равноправных версий, отличающихся не степенью завершённости, а качественным своеобразием институционального устройства. Применённая к классификации режимов, подобная оптика снимает саму возможность расположения порядков на единой оси, поскольку индийская, китайская, исламская или российская политические формы перестают быть недоразвитыми ступенями западной демократии и предстают самостоятельными конфигурациями власти, укоренёнными в различных нормативных основаниях [7].

Наглядным примером незападного основания легитимности служит принцип политической меритократии. В отличие от электоральной демократии, выводящей правомерность власти из процедуры всеобщего голосования, меритократическая традиция связывает право на управление с доказанной компетентностью и нравственными качествами правящего слоя, предоставляя обществу равные возможности занять неравные позиции через открытую конкуренцию способностей [12]. Китайский политический порядок, в котором марксистская доктрина соединилась с конфуцианским наследием, опирается на представление о нравственном преображении народа и значимости моральных качеств руководителя, а попытки заменить семейные и общинные узы безличной лояльностью государству, по наблюдению синоведа Д. Белла, наталкивались на сопротивление конфуцианских корней [13]. Оценка подобного порядка по шкале электоральной демократии фиксирует лишь отклонение порядка от западной нормы, оставляя без внимания внутреннюю логику легитимации, не сводимую к процедуре выборов.

Спор о квалификации российского режима обнажает зависимость классификации от исходной рамки с особой отчётливостью. В.Я. Гельман, помещая постсоветскую Россию в категорию электорального авторитаризма, выстраивает анализ институциональных и политических факторов утверждения режима данного типа и описывает этапы становления и предполагаемой трансформации порядка [5]. Л.В. Поляков, тщательно проверив выдвинутую гипотезу на материале российской политической истории, не обнаружил убедительных подтверждений правомерности отнесения России к электоральному авторитаризму и поставил под вопрос саму попытку подобной классификации [6]. Расхождение выводов двух исследователей, работающих с одним эмпирическим материалом, объясняется не качеством данных, а различием концептуальных оснований, поскольку трудность классификации России, в которой выборы и обращение к голосу народа сочетаются с персоналистским характером власти, проистекает из попытки описать политическую форму на языке, выработанном для иной традиции [14].

Реконструкция незападных оснований не означает отказа от сравнения как такового. Цивилизационный подход, по справедливому замечанию критиков, рискует усложнить анализ, поскольку всякое политическое явление допустимо истолковать одновременно как общий признак модерна и как атрибут отдельной традиции [7]. Преодоление трудности видится не в возврате к единой шкале, а в переходе к плюриверсальной модели, признающей сосуществование множества нормативных оснований власти без иерархического соподчинения [8]. Сравнительная политология, освобождённая от молчаливого эталона, способна описывать режимы через присущие порядкам принципы легитимности, не предпрещая заранее, какая из конфигураций представляет вершину политического развития.

Заключение

Реконструкция западного канона типологии режимов обнаружила, что доминирующая линейная схема и обслуживающий её индексный аппарат не описывают политическое многообразие нейтрально, а измеряют удалённость каждого порядка от либеральной демократии,

принятой за конечную точку развития. Минималистское понимание демократии и парадигма транзита задали систему координат, в которой незападные режимы изначально занимают положение неполноты.

Анализ механизмов воспроизводства евроцентризма показал, что натягивание универсальных понятий, телеология перехода и постколониальная оптика дефицита действуют согласованно, превращая описание незападного режима в перечень недостающих признаков. Разрастание гибридных категорий служит симптомом несоответствия мерки реальности, а не достижением аналитической точности.

Описание концептуальных альтернатив выявило, что теория множественных модерностей, принцип политической меритократии и постколониальная критика образуют основание для типологии, признающей множественность равноправных нормативных порядков. Продуктивная классификация политических режимов достижима при отказе от допущения единственной законной траектории и при готовности описывать каждую политическую форму через присущие ей основания легитимности, а не через дистанцию до чужого образца.

Литература

1. Нисневич, Ю.А. Авторитаризм XXI века: анализ в институционально-целевой парадигме / Ю.А. Нисневич // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 8. – С. 109–119.
2. Потапов, Д.В. Категория и классификация политических режимов: социально-исторический анализ / Д.В. Потапов // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 5. – С. 152–155.
3. Сморгун, Л.В. Современная сравнительная политология: состояние отрасли и российский опыт / Л.В. Сморгун // Pro Nunc. Современные политические процессы. – 2011. – Т. 10, № 1. – С. 53–61.
4. Березуцкий, А.А. Демократизация на постсоветском пространстве: проблема универсального подхода / А.А. Березуцкий // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2013. – Т. 9, № 4. – С. 188–194.
5. Гельман, В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России / В.Я. Гельман // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2012. – № 4(67). – С. 65–88.
6. Поляков, Л.В. Электоральный авторитаризм и российский случай / Л.В. Поляков // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2015. – № 2(77). – С. 6–20.
7. Браславский, Р. Цивилизационное измерение структурирования обществ / Р. Браславский, В. Козловский // Социологическое обозрение. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 148–175.
8. Лошкарёв, И.Д. Постколониализм в международных исследованиях: два лица теории / И.Д. Лошкарёв // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 659–670.
9. Исаев, Б.А. Понятие и типология политических режимов / Б.А. Исаев // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 3. – С. 88–97.
10. Козлов, Н.А. Европоцентризм как идеологический феномен и общественно-политическая практика / Н.А. Козлов // Евразийство и мир. – 2018. – № 1. – С. 35–48.
11. Ким, О.В. Теория модернизации: между евроцентризмом и множеством «модерностей» / О.В. Ким // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 1(17). – С. 89–94.
12. Чекарева. Представления о меритократии / Чекарева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 8. – С. 73–75.
13. Гордон, А.В. Китай в мировой истории и международной политике: Модернизм – Традиционализм – Глобализм: Аналитический обзор / А.В. Гордон; Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. – 84 с. – (Проблемы общественного развития стран Азии и Африки). – ISBN 978-5-248-00848-3.
14. Юдин, Г. Россия как плебисцитарная демократия / Г. Юдин // Социологическое обозрение. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 9–47.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF NON-WESTERN CLASSIFICATIONS OF POLITICAL REGIMES AND A CRITICAL ANALYSIS OF EUROCENTRIC APPROACHES

Kochetov D.S. Dosayev T.Kh., Dosayev E.Kh.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Federal State University of Education

The article examines the conceptual foundations on which non-Western classifications of political regimes are built and offers a critical assessment of the Eurocentric matrix of comparative politics. The subject of the study is the logic by which the linear scheme dominant in the discipline places all observable regimes on a single scale ranging from full autocracy to model democracy, treating the institutional experience of Western societies as a universal benchmark of political development. Drawing on the works of Russian political scientists in comparative politics, transitology and civilizational analysis, the author shows that the proliferation of hybrid-regime categories and of authoritarianism with adjectives signals not the richness of the typological toolkit but a systematic mismatch between the Western yardstick and the political reality of non-Western societies. Alternative grounds of classification are reconstructed, growing out of the theory of multiple modernities, the principle of political meritocracy and the postcolonial critique of universalism. The author argues that a productive typology of political regimes presupposes the rejection of the teleological assumption of a single developmental trajectory and a move toward recognizing the plurality of equally valid institutional orders, each possessing its own normative foundation.

Keywords: political regime, typology of political regimes, Eurocentrism, comparative politics, hybrid regime, multiple modernities, political meritocracy, postcolonial critique

References

1. Nisnevich Yu.A. Avtoritarizm XXI veka: analiz v institutsional'no-tselevoy paradigme [Authoritarianism of the 21st century: an analysis within the institutional-target paradigm]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2021. Vol. 65. No. 8. Pp. 109–119.
2. Potapov D.V. Kategoriya i klassifikatsiya politicheskikh rezhimov: sotsial'no-istoricheskiy analiz [The category and classification of political regimes: a socio-historical analysis]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2022. No. 5. Pp. 152–155.
3. Smorgunov L.V. Sovremennaya sravnitel'naya politologiya: sostoyaniye otrasli i rossiyskiy opyt [Contemporary comparative politics: the state of the field and the Russian experience]. *Pro Nunc. Sovremennyye politicheskies protsessy*. 2011. Vol. 10. No. 1. Pp. 53–61.
4. Beresutskiy A.A. Demokratizatsiya na postsovetskoy prostranstve: problema universal'nogo podkhoda [Democratization in the post-Soviet space: the problem of a universal approach]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2013. Vol. 9. No. 4. Pp. 188–194.
5. Gelman V. Ya. Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii [The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*. 2012. No. 4 (67). Pp. 65–88.
6. Polyakov L.V. Elektoral'nyy avtoritarizm i rossiyskiy sluchay [Electoral authoritarianism and the Russian case]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*. 2015. No. 2 (77). Pp. 6–20.
7. Braslavskiy R., Kozlovskiy V. Tsivilizatsionnoye izmereniye strukturovaniya obshchestv [The civilizational dimension of the structuring of societies]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2021. Vol. 20. No. 1. Pp. 148–175.
8. Loshkarev I.D. Postkolonializm v mezhdunarodnykh issledovaniyakh: dva lika teorii [Postcolonialism in international studies: two faces of the theory]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022. Vol. 22. No. 4. Pp. 659–670.
9. Isaev B.A. Ponyatie i tipologiya politicheskikh rezhimov [The concept and typology of political regimes]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2009. No. 3. Pp. 88–97.
10. Kozlovets N.A. Evropotsentrizm kak ideologicheskoy fenomen i obshchestvenno-politicheskaya praktika [Eurocentrism as an ideological phenomenon and a socio-political practice]. *Evrasiystvo i mir*. 2018. No. 1. Pp. 35–48.
11. Kim O.V. Teoriya modernizatsii: mezhdru evrotsentrizmom i mnozhestvom modernostey [The theory of modernization: between Eurocentrism and the multiplicity of modernities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2012. No. 1 (17). Pp. 89–94.
12. Chekareva. Predstavleniya o meritokratii [Conceptions of meritocracy]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. 2014. No. 8. Pp. 73–75.
13. Gordon A.V. Kitay v mirovoy istorii i mezhdunarodnoy politike: modernizm – traditsionalizm – globalizm. Analiticheskiy obzor [China in world history and international politics: modernism – traditionalism – globalism. An analytical review]. Moscow: INION RAN, 2017. 84 p.
14. Yudin G. Rossiya kak plebistsitarnaya demokratiya [Russia as a plebiscitary democracy]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2021. Vol. 20. No. 2. Pp. 9–47.

Дилемма применения принципа «non bis in idem» в конфликте юрисдикции по трансграничным преступлениям между Китаем и Россией – на примере процедуры судебной помощи по “Соглашению между Китаем и Россией о судебной помощи”

Ню Лян,

аспирант кафедры международного права, Российский университет дружбы народов (РУДН)
E-mail: 1042238265@rudn.ru

Дементьев Андрей Андреевич,

доцент права, кафедра международного права, Российский университет дружбы народов (РУДН)
E-mail: dementiev_aa@pfur.ru

В контексте углубления всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Россией активные юрисдикционные конфликты, вызванные транснациональными преступлениями, стали ключевой болезненной точкой в уголовно-судебном сотрудничестве между двумя странами. Принцип не bis in idem, как международно признанный инструмент согласования юрисдикционных конфликтов, оказался в тупике в двусторонней судебной практике Китая и России. В данной статье в качестве основного аналитического текста рассматривается 1992 годный «Договор о гражданском и уголовном правовом содействии между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией», и выявляется, что дилемма применения этого принципа в основном сосредоточена в трех аспектах: отсутствие договорной основы, отсутствие процедурных механизмов реализации и различия в внутренних правовых нормах между двумя странами. Принципиальная конструкция договорной структуры привела к долгосрочной зависимости уголовного правового содействия от гражданского процесса, а принцип не bis in idem не имеет четкого институционального носителя. Кроме того, отсутствие механизма признания и исполнения иностранных уголовных приговоров еще больше снижает вещесубстанциональную силу этого принципа. Сравнивая модель судебного сотрудничества региональной интеграции в Европейском Союзе с косвенным согласованием механизмов в рамках конвенций ООН, в статье предлагается системный план совершенствования, включающий включение принципа не bis in idem посредством дополнительного протокола, создание системы взаимного признания уголовных приговоров, совершенствование сходимости внутреннего законодательства и создание механизма регулярного обмена информацией, чтобы разрешить юрисдикционные конфликты транснациональных преступлений между Китаем и Россией.

Ключевые слова: Сино-российское соглашение о судебной помощи; транснациональное преступление; активный конфликт юрисдикции; non bis in idem; уголовно-судебная помощь

Introduction

As one of the most important comprehensive strategic partners in the world, China and Russia have continuously deepened their exchanges and cooperation in economic, trade, and cultural fields in recent years, with the scale of cross-border personnel flows growing exponentially. Concurrently, the number of cases involving drug smuggling, illegal immigration, online fraud, and cross-border economic crimes has continued to rise. The cross-border nature of such criminal acts often results in the same behavior falling under the criminal jurisdiction of both China and Russia, leading to active conflicts of jurisdiction. Such conflicts not only expose the accused to the risk of double trial and punishment but also result in the duplication of judicial resources in both countries, further eroding the trust foundation of bilateral judicial cooperation at a deeper level [1].

In the international criminal judicial cooperation system, the principle of ne bis in idem is widely recognized as a fundamental norm for coordinating jurisdictional conflicts. Its core essence lies in prohibiting the repeated prosecution and trial of the same perpetrator for the same criminal act. This principle has not only been written into constitutions or criminal procedure codes of most countries, but has also been established as a basic norm of international criminal justice by the United Nations [3]. However, unlike its automatic application at the domestic law level, the principle of ne bis in idem in the transnational context does not possess the force of customary international law, and its binding force relies entirely on the explicit authorization of bilateral or multilateral treaties [4].

The “Sino-Russian Treaty on Judicial Assistance,” signed in 1992, serves as the core legal basis for criminal judicial cooperation between the two countries. However, this treaty exhibits a distinct framework-like characteristic: out of its 32 articles, only 6 pertain to criminal judicial assistance, while the remaining extensive procedural rules are formulated by referencing relevant provisions on civil judicial assistance[2]. Within this institutional framework, the principle of non bis in idem is neither explicitly incorporated into the treaty text nor accompanied by a supporting procedural safeguard mechanism. This institutional void has consistently left China and Russia lacking a stable and operable set of bilateral coordination rules when addressing jurisdictional conflicts arising from transnational crimes.

Based on this, this article focuses on the following core issues: why is it difficult for the principle of non bis in idem to play its due coordinating role under the procedural framework of the existing “Sino-Russian Treaty on Mutual Legal Assistance”? What are the institutional roots behind it? And how can this dilemma be resolved through institutional improvement? This article will demonstrate from four dimensions: theoretical basis, empirical manifestation, cause analysis, and comparative reference, and propose targeted improvement paths based on this.

Theoretical and treaty basis for coordinating conflicts of transnational jurisdiction based on the principle of non bis in idem

The jurisprudential connotation of the principle of non bis in idem and its transnational extension

The historical origins of the principle of non bis in idem can be traced back to the rules of “non bis in idem” and “res judicata” in ancient Roman law. Its core spirit lies in maintaining the finality and authority of judicial judgments. In civil law countries, this principle is regarded as an important component of the theory of res judicata, emphasizing the exclusionary effect of effective criminal judgments on subsequent litigation procedures. In contrast, the common law system expresses a similar concept through the principle of “double jeopardy”, focusing on preventing citizens from being repeatedly prosecuted for the same act from the perspective of human rights protection.

When this principle transcends national boundaries and applies to the field of transnational crimes, its functions are further expanded. Firstly, it serves as a human rights safeguard, preventing the accused from being entangled in endless criminal procedures by prohibiting repeated prosecution of the same act by different countries. Secondly, it enhances judicial effi-

ciency, effectively preventing judicial authorities from repeatedly investing resources in investigation, prosecution, and trial of the same case. Lastly, it embodies international comity, promoting the stable development of judicial cooperation among countries by respecting the exercise of judicial sovereignty by other countries.

However, it must be clarified that the principle of non bis in idem at the transnational level does not possess the inherent validity of domestic law. Mainstream international law theory holds that this principle primarily exists as a treaty rule at the inter-regional level [4]. In other words, unless explicitly agreed upon by two countries through bilateral or multilateral treaties, no country is obligated to recognize the *res judicata* of criminal judgments from other countries, nor is it obligated to relinquish jurisdiction over acts that have already been tried by other countries. This characteristic determines that the coordination of conflicts in transnational criminal jurisdiction must be premised on a well-developed treaty system supply.

Structural Features of the “Sino-Russian Treaty on Mutual Legal Assistance” and the Subordinate Position of Criminal Judicial Assistance

The “Sino-Russian Treaty on Mutual Legal Assistance” is divided into five parts and thirty-two articles. The first part, “General Provisions,” stipulates general matters such as judicial protection, contact channels, and cost burden; the second part, “Civil Judicial Assistance,” consists of three chapters, which detail complete procedures for document delivery, investigation and evidence collection, and recognition and enforcement of civil judgments; the third part, “Criminal Judicial Assistance,” is the shortest, containing only a few principle clauses; the fourth and fifth parts are other provisions and final clauses.

It is not difficult to discern from the treaty structure that criminal judicial assistance occupies a distinctly subordinate position within the entire treaty system. Civil judicial assistance boasts independent chapters and relatively comprehensive procedural rules, whereas criminal judicial assistance not only has a limited number of provisions but also requires direct application of the general provisions or civil sections in matters such as communication channels, language usage, and cost burden. This legislative model is referred to by scholars as a “framework treaty”, whose advantage lies in its strong flexibility, but its drawbacks are also prominent – framework provisions often struggle to provide effective institutional support for complex substantive issues such as coordination of jurisdictional conflicts and mutual recognition of judicial decisions [2].

It is noteworthy that Article 27 of the treaty only stipulates that one party may request the other party to provide information regarding the sentencing of a convicted individual. Essentially, this is merely an obligation to provide information and does not involve recognition of the *res judicata* effect of criminal judgments from other countries. It is far from the principle of non bis in idem, which requires that “*res judicata* cases are immune from double prosecution” [5].

Absence of the principle of non bis in idem in Sino-Russian bilateral treaties and its consequences

Upon reviewing the full text of the “Sino-Russian Treaty on Judicial Assistance,” it is evident that neither the expression of “non bis in idem” nor “prohibition of double jeopardy” appears, nor does it stipulate that either party shall recognize the validity of the criminal judgment of the other party. Furthermore, it does not explicitly state that once one party has rendered an effective judgment, the other party shall not pursue further prosecution. This absence of such provisions is not due to legislative oversight, but rather an inevitable result of the overall framework design logic of the treaty.

The direct consequence of this absence is that when both China and Russia claim jurisdiction over the same transnational criminal act, there is no bilateral legal basis for either party to relinquish or waive jurisdiction. In practice, even if the suspect has been convicted and sentenced in Russia, the Chinese judicial authorities can still, based on the principles of territorial or personal jurisdiction, reopen a case against the same act for prosecution. As a result, the accused faces the risk of double trial and punishment, and there is a lack of institutionalized coordination mechanisms between the judicial authorities of the two countries to avoid this situation.

In the long run, this institutional void will erode the trust foundation of criminal judicial cooperation between the two countries. If jurisdictional conflicts cannot be resolved through regulated channels, they can only rely on ad hoc negotiations in individual cases. This negotiation model not only incurs high cooperation costs but also results in great uncertainty, making it difficult to form stable expectations for judicial cooperation, which is inconsistent with the deepening direction of the comprehensive strategic partnership between China and Russia.

The application dilemma of the principle of non bis in idem in Sino-Russian judicial practice

Dual obstacles to legal application: lack of treaty basis and differences in domestic laws

The application of the principle of non bis in idem at the bilateral level between China and Russia first faces the fundamental obstacle of lacking treaty basis. As mentioned earlier, the principle of non bis in idem across borders is not an automatically effective rule of customary international law, and its binding force must be premised on explicit treaty provisions [4]. In the absence of a treaty basis, neither country’s judicial authority has an obligation to proactively inquire whether the parties have already been tried in the other country, nor do they have an obligation to automatically terminate the prosecution procedures that have been initiated in their own country.

Coexisting with the absence of a treaty is the significant difference in the provisions of this principle in the domestic laws of China and Russia. Article 50 of the Russian Constitution of 1993 explicitly establishes the principle of non bis in idem as a constitutional right, and its Criminal Procedure Law further details the applicable procedures of this principle, including prohibiting the repeated filing of cases based on the same accusation and prohibiting the re-prosecution after the judgment has taken effect [6]. However, China’s current Criminal Procedure Law does not explicitly stipulate the principle of non bis in idem. Although there is a judicial philosophy in judicial practice that prohibits repeated prosecution, it has not been elevated to a universally binding legal principle, nor has it established rules for determining the validity of foreign criminal judgments in China [7].

Some scholars have pointed out that not only is the principle of non bis in idem absent in Chinese criminal law, but there are also numerous institutional designs that contradict the spirit of this principle [8]. The direct problem caused by this legislative discrepancy is that even if the Russian judicial authorities are willing to respect the principle of non bis in idem in bilateral cooperation, the Chinese side may be unable to respond reciprocally due to a lack of domestic legal basis. Conversely, when Russia refuses to prosecute again for an act that has already been tried in China based on its own constitution, the Chinese side may consider such refusal to lack the support of bilateral treaties, thereby affecting mutual cooperation and trust between the two sides.

Absence of procedural mechanisms: information barriers and implementation vacuum

The effective implementation of the principle of non bis in idem requires at least two procedural prerequisites: first, that the judicial authorities of one country can promptly ascertain whether the parties have already been tried in the other country; second, that after being informed of the relevant circumstances, domestic law can provide procedural avenues for recognizing the validity of judgments from other countries. However, in bilateral judicial cooperation between China and Russia, neither of these prerequisites has been met.

In terms of information acquisition, Article 27 of the “Sino-Russian Treaty on Mutual Legal Assistance” only establishes a “post-request” mechanism, meaning that only after the domestic country has initiated the prosecution procedure can it request the other party to provide sentencing information [5]. This implies that information acquisition occurs after a jurisdictional conflict has arisen, rather than before a case is filed. The treaty does not establish any preventive information-sharing mechanisms, such as regularly exchanging summaries of effective criminal judgments or actively querying the other party’s database during the case-filing stage.

In terms of recognizing the validity of foreign judgments, treaties are completely lacking. Even if the Chinese procuratorial organs obtain an effective judgment from a Russian court through judicial assistance channels, Chinese domestic law does not clarify the legal validity of such judgment – does it constitute a statutory ground for terminating prosecution? Can it serve as a basis for mitigating or exempting punishment during sentencing? These questions have no clear answers under the current legal framework. The vacuum in the procedural enforcement mechanism makes it impossible for the principle of non bis in idem to be truly implemented in judicial practice, even if it is theoretically accepted.

Barriers to coordinated practice: limited channels and divergent interpretations of rules

Although the annual meetings between the procuratorial organs of China and Russia have listed criminal judicial assistance as an important topic, according to public information and practical feedback, both sides still face many practical obstacles in specific cooperation [2].

Firstly, there is the issue of a single collaboration channel. Criminal judicial assistance between the two countries is primarily conducted through the exchange of documents between central authorities (the Ministry of

Justice and the Supreme People's Procuratorate for China, and the Ministry of Justice and the Prosecutor General's Office for Russia). This channel functions adequately in handling routine document delivery and requests for investigation and evidence collection, but it often proves inefficient in emergency situations where rapid coordination of jurisdictional conflicts is required. Furthermore, the intelligence exchange channel is narrow, and there is a lack of specific operational procedures for in-depth cooperation forms such as mutual dispatch of prosecutors to participate in investigation and evidence collection, joint pursuit of fugitives, etc.

Next, there is the issue of differences in understanding of the rules. Due to the relatively general provisions in the treaty itself, judicial personnel from both countries have differing interpretations of some clauses. For instance, regarding the provision of Article 27 of the treaty, "Provision of sentencing information," is it sufficient to provide only the sentencing results, or should it include complete case file materials? What evidential effect does the information provided have in the litigation procedures of the other country? These detailed issues often give rise to disputes in practice, directly affecting the efficiency of judicial cooperation.

Against this backdrop, even if a non bis in idem clause is included in the treaty in the future, its practical effect will still be greatly diminished without a supporting rapid coordination mechanism and unified interpretation rules.

Institutional Causes of the Dilemma in Applying the Principle of Non Bis In Idem

Structural imbalance in the text of the treaty

The most prominent institutional flaw of the "Sino-Russian Treaty on Mutual Legal Assistance" lies in the severe imbalance between civil and criminal judicial assistance in terms of length and depth of content. The civil section occupies nearly half of the treaty's provisions, forming a complete procedural loop from document delivery, investigation and evidence collection to recognition and enforcement of judgments; whereas the criminal section is thinly written, mostly consisting of principled declarations, lacking specific and operable norms.

Some scholars have bluntly stated that this treaty is a typical framework treaty, whose advantage lies in its strong flexibility. However, the provisions on criminal judicial assistance account for a very small proportion of the entire treaty, and only general provisions are made on issues such as the scope, procedures, and operational mechanisms of judicial assistance [2]. This structural imbalance has its specific historical background: the treaty was signed in 1992, when China and Russia had just established diplomatic relations. Both sides paid more attention to judicial cooperation in the civil field and lacked sufficient anticipation regarding the development trend of transnational crimes and jurisdictional conflicts. More than three decades later, the forms and scales of transnational crimes have undergone fundamental changes, yet the text of the treaty has never been substantially revised. Instead, the flexibility of framework treaties has become an excuse for inadequate institutional supply.

Ambiguity in the application boundary of the principle of non bis in idem

Even if the principle of non bis in idem is written into a treaty, two core issues must be clarified first: what is "one matter" and what is "non bis in idem"?

Regarding the definition of "one matter", there is a dispute in the academic community between the "same fact theory" and the "same behavior theory". The former emphasizes the identity of the objective facts of the crime, while the latter focuses more on the identity of the behavior in legal evaluation. Due to differences in the provisions of constitutive elements of some crimes in Chinese and Russian criminal laws, the same set of objective facts may be evaluated as different crimes by the laws of the two countries. At this time, there is a lack of a unified criterion for determining whether it constitutes "one matter".

Regarding the scope of validity of "non-recognition", the core issue lies in the extent to which the res judicata effect of foreign criminal judgments should be recognized. Should it only prohibit the re-prosecution, or also prohibit the re-execution of punishment? Does a default judgment possess res judicata effect? If the sentencing in a foreign judgment is obviously too lenient, can the requested country refuse to recognize its validity? If these issues are not clearly stipulated in the treaty, they will inevitably lead to a lot of disputes during application.

The civil section of the "Sino-Russian Treaty on Judicial Assistance" stipulates in detail the conditions and procedures for the recognition and enforcement of civil judgments, including provisions for the reservation of public order. Although it is not appropriate to completely copy the civil model in the criminal field, a completely blank state is equally undesirable. Currently, the treaty remains silent on the aforementioned core issues, leaving all difficult problems to judicial practice.

Absence of recognition and enforcement mechanisms for foreign criminal judgments

The substantive effectiveness of the principle of non bis in idem ultimately depends on whether a foreign criminal judgment can be recognized in another country. Such recognition does not necessarily require the execution of the penalty on behalf of the other country, but it should at least include respect for the res judicata effect of the judgment, that is, acknowledging that the judgment has finally resolved the issue of the perpetrator's criminal responsibility for the act, thereby excluding further prosecution by the other country.

The "Sino-Russian Treaty on Judicial Assistance" has not established such a mechanism in the criminal field at all. The provisions on recognition and enforcement of judgments in Articles 17 to 21 of the treaty only apply to civil cases, without any mention of criminal judgments. This means that effective criminal judgments issued by Russian courts do not have any res judicata effect under Chinese law. Chinese judicial authorities have every reason to believe that Russian judgments have nothing to do with China's criminal jurisdiction, and China has the right to independently exercise its own criminal jurisdiction.

Without a mechanism for recognizing foreign criminal judgments, the principle of non bis in idem loses its fundamental institutional foundation. This is also the deepest reason why the principle cannot truly function under the existing treaty framework.

3.4 Bilateral asymmetry supported by domestic legislation

China has not yet formulated a specific "International Criminal Judicial Assistance Law", nor has it systematically stipulated the effectiveness of foreign criminal judgments in the "Criminal Procedure Law" [9]. As mentioned earlier, China's criminal law not only lacks the principle of non bis in idem, but also contains numerous provisions that contradict the spirit of this principle. For example, the trial supervision procedure allows for "re-trial with additional punishment", which presents a certain tension with the finality requirement of the principle of non bis in idem [8].

Although Russia has established the principle of non bis in idem at the domestic legal level, its extraterritorial application remains subject to the specific provisions of bilateral treaties [6]. The Constitutional Court of Russia has repeatedly emphasized that the recognition of foreign criminal judgments must be premised on explicit authorization by international treaties. Therefore, even if the Russian judiciary is willing to apply the principle of non bis in idem in bilateral cooperation, its room for action is very limited in the absence of a treaty basis.

The asymmetry in domestic legislative support between the two countries complicates the establishment of a non bis in idem mechanism at the bilateral level. Unilateral actions by either party cannot fundamentally solve the problem; instead, mutual constraints and institutional alignment must be achieved through treaties.

Experience reference from a comparative perspective

EU Practice: An Institutionalized Model under Regional Integration

The European Union has established a paradigm for the application of the principle of non bis in idem in the field of criminal judicial cooperation. Article 54 of the Convention implementing the Schengen Agreement explicitly states: "A person who has been finally convicted in the territory of one Contracting Party shall not be prosecuted in the territory of another Contracting Party for the same act, except where the imposed sentence has been executed, is being executed, or can no longer be executed." [10] This provision establishes an automatic application mechanism for the principle of non bis in idem across member states, without any additional conditions.

In terms of procedural safeguards, the European Union has established unified judicial tools such as the European Arrest Warrant and the European Investigation Order, and has implemented the European Criminal Records Information System (ECRIS) as a supporting system, enabling the automatic exchange of criminal judgment information among member states [11]. When a judicial authority in one country files a case, it can quickly check through the system whether the party concerned has already been tried in other member states. If the query results indicate that there is an effective judgment, the judicial authority in that country must adhere to the principle of non bis in idem and terminate its own prosecution procedure.

More importantly, the Court of Justice of the European Union holds the final interpretative power over the application of the principle of non bis in idem [12]. When there are differences in understanding among member states regarding concepts such as "the same act" and "final judgment", the Court of Justice of the European Union provides a unified interpretation through the preliminary ruling procedure, ensuring consistency in the application of this principle across the 27 member states.

It should be noted that the EU model relies on the highly integrated political and legal integration process among its member states, and China

and Russia clearly do not have the institutional conditions to directly adopt it. However, its core experience – clarifying the treaty basis, establishing a supporting information sharing mechanism, and setting up a unified interpretation body – has universal reference value.

Indirect coordination under the framework of the United Nations Convention

At the United Nations level, the Convention against Transnational Organized Crime and the Convention against Corruption do not directly stipulate the principle of *ne bis in idem*. Instead, they indirectly coordinate jurisdictional conflicts through the principle of “*aut dedere aut judicare*” [13]. According to this principle, when a Contracting State receives an extradition request from another Contracting State based on the same conduct, it must either extradite the individual or submit the case to its competent authorities for prosecution. This mechanism avoids passive jurisdictional conflicts to some extent, but its coordination role is very limited when it comes to active conflicts where multiple countries simultaneously claim jurisdiction.

The advantage of the United Nations Convention lies in its broad coverage, with both China and Russia being signatories to the aforementioned Convention. However, its disadvantages are equally evident: the provisions of the Convention are mostly framework and advocacy-oriented, and specific application still relies on the refinement of bilateral treaties. The principle of *ne bis in idem*, as it involves the core issue of national judicial sovereignty, is unlikely to form a universally binding rule at the United Nations level, and is more suitable for gradual promotion at the bilateral level.

Implications for the improvement of bilateral institutions between China and Russia

Drawing from the practical experience of the European Union and the United Nations, the following insights can be distilled: First, the application of the principle of *ne bis in idem* across borders must be premised on a clear treaty basis. It is unrealistic to expect this principle to apply automatically as customary international law. Second, the establishment of a principle must be accompanied by corresponding procedural mechanisms. Without a normalized information sharing mechanism and a procedure for recognizing foreign judgments, the principle of *ne bis in idem* will become a mere scrap of paper. Third, a permanent bilateral coordination mechanism should be established. The annual China-Russia procuratorial meetings have provided a good communication platform, and on this basis, a specialized working group for coordinating jurisdictional conflicts can be added to handle differences in interpretation and disputes over application in individual cases. Fourth, domestic legislation needs to be synchronized with treaty obligations. It is necessary for China to explicitly introduce the principle of *ne bis in idem* in the revision of the Criminal Procedure Law and accelerate the formulation of the International Criminal Judicial Assistance Law to provide domestic legal support for the implementation of bilateral treaties [9].

Paths to improving the application mechanism of the principle of non bis in idem between China and Russia

Incorporate the principle of non bis in idem in the form of a supplementary protocol

Comprehensively amending the “Sino-Russian Treaty on Legal Assistance” requires going through a complex domestic approval process, which is both time-consuming and challenging. A more feasible approach is to sign a supplementary protocol and add a *ne bis in idem* clause to the third section of the treaty, titled “Legal Assistance in Criminal Matters”.

The core provision of the protocol can be designed as follows: “After a contracting party has rendered a valid criminal judgment against a person for a specific criminal act, the other contracting party shall not pursue further criminal liability against that person for the same act.” At the same time, necessary exceptions should be established, such as: the judgment was rendered in absentia and the defendant did not have access to effective defense; the judgment clearly violates internationally recognized human rights standards; newly discovered evidence is sufficient to prove that the original judgment has significant flaws, etc. These exception clauses can refer to the public order reservation clause in the recognition and enforcement of civil judgments, which maintains the rigidity of the principle while retaining necessary flexibility.

Establishing a mechanism for the recognition and enforcement of foreign criminal judgments

The substantive effectiveness of the principle of *ne bis in idem* depends on whether foreign criminal judgments can be recognized in another country. It is advisable to refer to the style design of the civil part of treaties regarding the recognition and enforcement of judgments, and add a special chapter or special provisions in the supplementary protocol to systematically stipulate the recognition rules of criminal judgments.

The system should include the following core elements: first, clearly defining the conditions for recognition, including that the judgment has taken legal effect, the court that rendered the judgment has legal jurisdiction, the defendant has obtained procedural guarantees for a fair trial, and the judgment does not violate the public order of the requested country; second, stipulating the recognition procedure, where the requesting party submits an application through the central authority, and the requested country conducts a formal review in accordance with its own laws, without involving a re-examination of the substantive issues of the case; third, confirming the legal effect of recognition, that is, the recognized criminal judgment has *res judicata* in both China and Russia, constituting a triggering reason for the principle of *ne bis in idem*.

It should be emphasized that the “recognition” here primarily refers to the recognition of the *res judicata* effect of a verdict, which excludes the possibility of another country pursuing prosecution again for the same act, without necessarily requiring the execution of the punishment on behalf. The issue of punishment execution can be resolved through the signing of a separate treaty on the transfer of sentenced persons, and should not be overly tied to the principle of *ne bis in idem*.

Improve the cohesion and supporting measures of domestic legislation

In China, it is suggested to explicitly incorporate the principle of *ne bis in idem* into the revision of the Criminal Procedure Law, stipulating that “for the same criminal act, a legally effective criminal judgment shall not be prosecuted again.” At the same time, it should be clarified that foreign criminal judgments can produce *res judicata* in China under the condition of meeting statutory requirements. This is not only necessary for fulfilling bilateral treaty obligations, but also an inherent requirement for the progress of China’s criminal rule of law.

Furthermore, the enactment of the “International Criminal Judicial Assistance Law” should be placed on the legislative agenda [9]. This law should systematically stipulate the conditions and procedures for the recognition and enforcement of foreign criminal judgments, clarify the responsibilities of the central authority, the relief rights of the parties, and the applicable boundaries of the public order reservation clause. Only when domestic law provides a clear procedural path can the *ne bis in idem* clause in bilateral treaties be truly implemented.

In Russia, despite the establishment of the principle of *ne bis in idem* in its domestic law, it is still necessary to clarify the specific application rules of this principle when involving foreign judgments through domestic legislation, especially the issue of convergence with bilateral treaties between China and Russia [6]. The two countries can exchange and learn from each other in the legislative process to minimize the application obstacles caused by institutional differences.

Establish information sharing and preventive coordination mechanisms

The effective application of the principle of *ne bis in idem* cannot be separated from the normalized information sharing between the judicial authorities of the two countries. It is suggested that a “Working Group on Criminal Jurisdictional Coordination” be established under the annual China-Russia Procuratorial Meeting mechanism. The main responsibilities of this working group include: establishing and maintaining a database for exchanging information on resolved criminal cases between China and Russia, ensuring timely exchange of basic judgment information; providing early warning for cases that may lead to overlapping jurisdictions, and initiating consultation procedures at the filing stage; offering coordination opinions on difficult issues arising from the application of the principle of *ne bis in idem*; and regularly evaluating the operational effectiveness of the mechanism and proposing improvement suggestions.

Information sharing should prioritize operability and security. Initially, it can commence with the exchange of abstract information of effective judgments (including charges, basic facts, verdicts, effective dates, etc.), without involving complete case files. As cooperation deepens, the scope and depth of information exchange should be gradually expanded. Both parties should sign a specialized data protection agreement to ensure that the exchanged information is solely used for criminal judicial assistance purposes and not for any other purposes.

Conclusion

Over the past three decades since the entry into force of the “Sino-Russian Treaty on Judicial Assistance”, it has provided a fundamental institutional framework for judicial cooperation between the two countries. However, it has gradually revealed structural limitations brought about by its framework design. The dilemma of the principle of *ne bis in idem* being applied at the bilateral level between China and Russia is a concentrated manifestation of

this limitation – the treaty emphasizes civil matters over criminal matters, and procedural assistance over substantive coordination, resulting in a long-term absence of a core coordination tool for jurisdictional conflicts [1].

To improve the application mechanism of the principle of non bis in idem, we cannot expect to achieve it overnight through a comprehensive amendment of the treaty. Instead, we should adopt a combined approach of “supplementary protocol + domestic legislation + information sharing”. By incorporating the principle of non bis in idem into the treaty framework through a supplementary protocol, we can establish a mechanism for the recognition and enforcement of foreign criminal judgments. At the same time, we should promote the revision and improvement of domestic legislation to eliminate institutional barriers. Furthermore, we should establish a regularized platform for information sharing and coordination to facilitate the transition of the principle from paper to practice [9].

China and Russia possess a solid foundation of political mutual trust and increasingly close cooperation in law enforcement and security, which provides favorable conditions for the institutionalization of the principle of non bis in idem. Against the backdrop of increasingly complex transnational crimes and frequent jurisdictional conflicts, promoting this principle from “absence” to “presence” is not only a practical need to safeguard the legitimate rights and interests of the parties involved, but also an inherent aspect of deepening the comprehensive strategic partnership between China and Russia.

Литература

1. Чжан Минкай. Исследование уголовной юрисдикции по транснациональным преступлениям[J]. Китайская юридическая наука, 2018(2): 234–256.
2. Чжан Лэй. Проблемы реализации и пути совершенствования российско-китайского договора о правовой помощи в уголовных делах[J]. Современный юридический обзор, 2022, 36(5): 132–144.
3. Объединенные Нации. Международный пакт о гражданских и политических правах[Z]. 1966–12–16.
4. ДЖЕННИНГС Р., УОТТС А. Международное право Оппенгейма (9-е изд.)[М]. Перевод с английского Ван Тиея и др. Пекин: Энциклопедия Китая, 1995: 327–330.
5. Народная Республика Китай, Российская Федерация. Договор о гражданской и уголовной юридической помощи [Z]. 1992–06–19.
6. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации [Z]. 1993–12–12.
7. ЧЭН Жуйхуа. Передовые вопросы уголовно-процессуального права (6-е изд.)[М]. Пекин: Издательство Пекинского университета народов (China Renmin University Press), 2021: 456–462.
8. Бянь Цзяньлинь, Ли Цзин. О принципе не bis in idem и его применении в Китае[J]. Tribune of Political Science and Law, 2004(4): 3–12.
9. Хуан Фэн. Несколько вопросов по реализации Закона об уголовно-правовой помощи международному сотрудничеству[J]. Китайская юридическая наука, 2021(3): 258–276.
10. Европейское сообщество. Конвенция по реализации Шенгенского соглашения [Z]. 1990–06–19.
11. Совет Европейского Союза. Рамочное решение Совета 2008/675/JHA о системе информации о криминальных записях ЕС[Z]. 2008–07–24.
12. ЧЭН Вэйдун. Содействие Европейским правосудием уголовному судебному сотрудничеству в ЕС[J]. Европейские исследования, 2017(4): 112–128.
13. Объединенные Нации. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [Текст]. 2000–11–15.
14. Хуан Даосю (перев.). Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [М]. Пекин: Издательство Китайского народного университета общественной безопасности, 2019: 78–82.

THE DILEMMA OF APPLYING THE PRINCIPLE OF “NON BIS IN IDEM” IN THE CONFLICT OF JURISDICTION OVER CROSS-BORDER CRIMES BETWEEN CHINA AND RUSSIA – TAKING THE JUDICIAL ASSISTANCE PROCEDURES UNDER THE “SINO-RUSSIAN TREATY ON JUDICIAL ASSISTANCE” AS THE ANALYSIS OBJECT

NiuLiang, Dementev Andrey

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

In the context of the deepening comprehensive strategic partnership between China and Russia, the active conflicts of jurisdiction triggered by transnational crimes have become a core pain point in the criminal judicial cooperation between the two countries. The principle of non bis in idem, as an internationally recognized tool for coordinating jurisdictional conflicts, has fallen into an application deadlock in the bilateral judicial practice between China and Russia. This paper takes the 1992 “Treaty on Civil and Criminal Judicial Assistance between the People's Republic of China and the Russian Federation” as the core analysis text, and finds that the application dilemma of this principle mainly focuses on three dimensions: the lack of treaty basis, the absence of procedural implementation mechanisms, and the differences in domestic legal rules between the two countries. The legislative design of the treaty framework has led to the long-term dependence of criminal judicial assistance on civil procedures, and the principle of non bis in idem lacks a clear institutional carrier. Furthermore, the absence of a mechanism for the recognition and enforcement of foreign criminal judgments further diminishes the substantive binding force of this principle. By comparing the judicial cooperation model of regional integration in the European Union with the indirect coordination mechanism under the framework of United Nations conventions, this paper proposes a systematic improvement plan that includes incorporating the principle of non bis in idem through a supplementary protocol, establishing a mutual recognition system for criminal judgments, improving domestic legislative convergence, and establishing a normalized information sharing mechanism, in order to resolve the jurisdictional conflicts of transnational crimes between China and Russia.

Keywords: Sino-Russian Treaty on Judicial Assistance; Transnational Crime; Active Conflict of Jurisdiction; Non bis in idem; Criminal Judicial Assistance

References

1. ZHANG Mingkai. Research on Criminal Jurisdiction over Transnational Crimes[J]. China Legal Science, 2018(2): 234–256.
2. ZHANG Lei. Implementation Difficulties and Improvement Paths of the Sino-Russian Treaty on Criminal Legal Assistance[J]. Contemporary Law Review, 2022, 36(5): 132–144.
3. United Nations. International Covenant on Civil and Political Rights[Z]. 1966–12–16.
4. JENNINGS R, WATTS A. Oppenheim's International Law (9th ed.)[M]. Translated by WANG Tieya, et al. Beijing: Encyclopedia of China Publishing House, 1995: 327–330.
5. People's Republic of China, Russian Federation. Treaty on Civil and Criminal Legal Assistance[Z]. 1992–06–19.
6. Russian Federation. Constitution of the Russian Federation[Z]. 1993–12–12.
7. CHEN Ruihua. Frontier Issues in Criminal Procedure (6th ed.)[M]. Beijing: China Renmin University Press, 2021: 456–462.
8. BIAN Jianlin, LI Jing. On the Principle of Ne Bis in Idem and Its Application in China[J]. Tribune of Political Science and Law, 2004(4): 3–12.
9. HUANG Feng. Several Issues in the Implementation of the International Criminal Legal Assistance Law[J]. China Legal Science, 2021(3): 258–276.
10. European Community. Convention Implementing the Schengen Agreement[Z]. 1990–06–19.
11. Council of the European Union. Council Framework Decision 2008/675/JHA on the European Criminal Records Information System[Z]. 2008–07–24.
12. CHENG Weidong. The Promotion of EU Criminal Judicial Cooperation by the Court of Justice of the European Union[J]. European Studies, 2017(4): 112–128.
13. United Nations. United Nations Convention against Transnational Organized Crime[Z]. 2000–11–15.
14. HUANG Daoxiu (trans.). Criminal Procedure Code of the Russian Federation[M]. Beijing: China People's Public Security University Press, 2019: 78–82.

Сейдалы Адилхан Жумаханулы,

аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева; специалист консульского отдела Генерального консульства Республики Казахстан в городе Екатеринбурге
E-mail: adilhansajdaly@gmail.com

Нарастающие противоречия в современном международном сообществе имеют свое выражение во многих областях жизни человека. Одним из таких проявлений является спор относительно универсальности прав человека. Права человека как институт возникли в особых экономических, социальных и культурных условиях европейского континента. Впоследствии европейский подход к правам человека был принят в качестве основы универсальной системы прав человека на международном уровне, что в свою очередь повлекло за собой неприятие со стороны других государств. На примере вклада китайских ученых Чжана Пэнчуна, У Цзинсюна и Ло Чжуншу в разработку Всеобщей декларации прав человека показано влияние не только европейской философии, но и китайской философии на универсальную систему прав человека и продемонстрирована неразрывная связь этой универсальной системы, как с КНР, так и со всеми другими государствами. Исследование носит междисциплинарный характер и находится на стыке международного права, истории государства и права, а также правовой компаративистики. Китайский подход к идее права человека стал неотъемлемой частью международного права прав человека. Сам китайский подход представляет уникальную картину и её изучение, как и изучение релятивизма прав человека, является полезным, как для отечественной науки международного права, так и для правоприменительной практики.

Ключевые слова: права человека, культурный релятивизм, Китай, универсальные стандарты прав человека, Всеобщая декларация прав человека.

Современное международное гуманитарное право (в широком смысле), по мнению Г.В. Игнатенко, это совокупность норм, определяющих единые для международного сообщества стандарты прав и свобод человека (группы лиц, коллектива), устанавливающих обязательства государств по закреплению, обеспечению и охране этих прав и свобод и представляющих индивидам юридические возможности реализации и защиты признаваемых за ним прав и свобод¹. Единство для международного сообщества характеризует некую универсальность стандартов прав и свобод всех людей на земле. Предполагается определенное уравнивание или точнее сказать, сведение всех людей к одному единому образу. Образ, который не имеет конкретных черт, но представляет собой абсолютно всё человеческое население Земли без разделения на пол, расу, нацию, религию и культуру. Каждое государство должно гарантировать определенный минимум прав и свобод всем людям на своей территории. Данный минимум содержится в Билле о правах человека, Конвенциях ООН по правам человека и остальных важнейших источниках международного права. Статья вторая Всеобщей декларации прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) прямо закрепляет универсальность прав человека, указывая на то, что «каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией...».

Но являются ли эти стандарты действительно одинаковыми для всех народов? Достигли ли мы такого уровня развития общества, когда можно стереть все различия между людьми и применить ко всем «единую меру»? Современные глобальные противоречия ставят знак вопроса перед этим вопросом. Многие государства, в частности Китайская Народная Республика², прямо заявляют о релятивистском (относительном) характере прав человека, т.е. их зависимости от определенных экономических, социальных и культурных особенностей той или иной страны.

В своей критике рассуждений государственного секретаря США Дина Ачесона о причинах победы коммунистической революции, Мао отмечает несостоятельность тезиса о влиянии западных идей на создание революционной ситуации в Цинском Китае. Находясь в безвыходной ситуации и пытаясь разорвать сковывающие пути империалистических держав, «китайцы были вынуждены заимствовать из арсенала эпохи буржуазных революций Запада – родины империализма – такого рода идейное оружие и политические программы, как теория эволюции, теория о естественных правах человека и буржуазная республика... Однако все это, как и идейное оружие феодализма, оказалось весьма слабым и, в свою очередь, не устояло, потерпело поражение и обанкротилось»³. В 1992 году Премьер Государственного Совета КНР Ли Пэн на встрече с Государственным секретарем США Генри Киссинджером заявил о том, что «в связи с большими различиями между Китаем и США я сомневаюсь в возможности достижения большого прогресса. Концепция прав человека включает традиции, а также систему моральных и философских ценностей. В Китае они отличаются от западных. Мы считаем, что китайский народ должен иметь больше демократических прав и играть более важную роль во внутренних делах. Но это должно быть сделано в приемлемом для китайского народа виде»⁴. Непринятие Китаем универсальных стандартов прав человека достигло своего апогея на Венской конференции по правам человека 1993 года, где представители Китайской Народной Республики заявили о том, что концепция прав человека является продуктом исторического развития. «Попытки навязывать критерии прав человека, принятые одними странами или регионами, ведут к нарушению суверенитета стран и вмешательству в их внутренние дела. Взгляд о том, что принцип невмешательства во внутренние дела неприменим в этой области,

¹ Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 440 с.

² Ижигов М.Ю. Культурный релятивизм как проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1(15). С. 185

³ Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4 т. Пекин.: Издательство литературы на иностранных языках, 1964. Т. 4. С. 559

⁴ Киссинджер Г. О Китае / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Астрель, 2014. С. 494

есть не что иное, как форма политического давления»¹. 26 февраля 2022 года на тридцать седьмой коллективной учебе Политбюро ЦК КПК, целиком посвященной правам человека, где Председатель КНР Си Цзиньпин заявил об особом «китайском пути развития прав человека»², где суть китайского пути заключается в объединении марксистского понимания прав человека с национальной спецификой и традиционной культурой Китая. Официальная позиция китайского государства, касающаяся прав человека была выражена в первой Белой книге по правам человека 1991 года³, где отмечается, что «...Китай считает, что по мере развития истории концепция и значение прав человека также постоянно меняются... Китай выступает за укрепление международного сотрудничества в области прав человека на основе взаимопонимания и поиска точек соприкосновения при сохранении разногласий. Однако ни одна страна в своих усилиях по реализации и защите прав человека не может пойти по пути, который оторван от ее истории и ее экономических, политических и культурных реалий. Система прав человека должна быть ратифицирована и защищена каждым суверенным государством посредством его внутреннего законодательства».

Автор предлагает рассмотреть то, какой вклад внесла китайская цивилизация в формирование современного международного права прав человека. В данном исследовании нам хотелось бы заострить внимание на влиянии китайской традиции на современное международное право прав человека. Данная отрасль международного публичного права сформировалась в середине XX века и фундаментальной основой его возникновения является принятие Всеобщей декларации прав человека (далее – Декларация) на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций в 1948 году. В рамках данной статьи нам бы хотелось показать корни китайской традиции защиты прав человека на примере деятельного участия китайской делегации в составлении Всеобщей декларации прав человека и показать то, насколько сильно традиционная китайская философия повлияла на современную универсальную систему прав человека. Особенно следует выделить вклад китайских ученых Чжана Пэнчуня (*Zhang Pengchun*), У Цзинсюна (*Wu Jingxiong*) и Ло Чжуншу (*Luo Zhongshu*) в разработке текста Всеобщей декларации прав человека. На наш взгляд, в целях более логичного изложения материала текст будет структурирован в соответствии с вкладом каждого ученого по отдельности, а заключительная часть будет касаться современной позиции КНР в рамках Универсального периодического обзора ООН. Кроме того, следует оговориться о том, что нами рассматривается опыт исключительно континентального Китая. Несмотря на то, что упомянутые ученые являлись гражданами Китайской Республики, необходимо учитывать правопреемство к Китайской Народной Республике в ООН, которое произошло в 1971 году, а также общие исторические и культурные взаимосвязи между обоими государствами.

Чжан Пэнчунь (1892–1957 гг.)

На первом заседании первой сессии Комиссии по правам человека Чжан Пэнчунь был избран заместителем председателя Комиссии⁴ и с этого момента начал деятельно участвовать в её работе. Будучи также членом Подкомиссии по составлению проекта Международного Билля о правах, Чжан Пэнчунь привнес в текст Декларации результаты тысячелетних размышлений китайских философов в области прав человека. Им было предложено включение конфуцианского термина «жэнь» (仁) в текст Декларации. Так, статья 1 «Всеобщей декларации прав человека» звучит таким образом, «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства», где слово «совесть» отсутствовало в первоначальном варианте. Чжан считал, что к понятию «разум» следует добавить понятие, которое в буквальном переводе с китайского означает «двуединое мышление» («*two-man-mindedness*»). В конфуцианском источнике «книга обрядов» («*ли цзи*») говорится,

что «*жэнь* — это то, что делает человека по-настоящему человеческим»⁵. «*Жэнь*» связано с доброжелательностью, поскольку оно отражает отношения человека ко всему окружающему его миру. С точки зрения конфуцианства, развитие человека, его межличностных отношений, взаимоотношений между человеком и природой, а также цели и идеалы жизни — все это должно основываться на «доброжелательности», что в конечном счете приводит нас к «*жэнь*» как к основе человеческой гуманности. Эквивалентом этого слова может быть «сочувствие» или «осознание своих собратьев»⁶. Для того, чтобы подчеркнуть значимость первой «открывающей» статьи, задающей тон всему последующему тексту, Чжан предложил добавить конфуцианское «*жэнь*», переводя его как «совесть». Данное слово подчеркивает коллективное сознание и сопричастность человека с другими людьми⁷. «*Жэнь*» является основным свойством человека и направлено на понимание потребностей других людей так же как своих собственных.

Человеческое братство подразумевает осознание интересов и потребностей каждого человеческого существа, вне зависимости от национальности, расы, языка или вероисповедания. Поэтому вместе со словом «совесть», дух братства означает взаимосвязанность прав и обязанностей каждого человека. Существующие права должны быть ограничены лишь правами другого человека. Кроме того, у человека также есть обязанности перед обществом, благодаря которым он может развивать свой дух, разум и тело в соответствии с более широкой свободой⁸. Эти идеи соответствуют конфуцианским положениям об ограничении свободы свободой другого человека. Так, конфуцианская традиция говорит о золотом правиле нравственности, которое присуще многим культурам. «Суждения и беседы» Конфуция содержат следующий отрывок: «Цзы Гун спросил: — существует ли одно такое слово, которым можно руководствоваться всю жизнь? Учитель ответил: — это слово — снисхождение. Не делай другим того, чего не пожелаешь себе»⁹. В другом известном конфуцианском каноне «Учение о середине» («*чжун юн*») говорится, что «верность [верхам] и снисходительность [к низам] ненамного отстоят от Дао. Чего себе не желаешь, того не делай и другим»¹⁰. Человек должен думать о других окружающих его людях, а реализация прав не должна быть осуществлена во вред другим. Так, Чжао Цзяньвень относит эту конфуцианскую идею к проявлению негативного права¹¹. Здесь, на наш взгляд, можно увидеть пересечение конфуцианской мысли с западной философией. Статья 4 французской Декларации прав человека и гражданина (принятой Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 года) содержит положение о том, что «свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же самыми правами. Эти пределы могут быть установлены лишь Законом». Мы наблюдаем здесь сходство между, казалось бы, несходными культурами и цивилизациями, которые, несмотря на это, пришли к одинаковой идее исключительности достоинства личности каждого человека. В этом проявляется универсальность достоинства личности как всеобщей человеческой ценности. Она не является продуктом европейской, азиатской или иной философской мысли, а принадлежит всему человечеству как логичное развитие идеи антропоцентризма.

Вспоминая о конфуцианском золотом правиле нравственности, Чжан выступал против ограничения прав и свобод, предусмотренных в пункте 2 статьи 29 Декларации, где сказано, что «при осуществле-

⁵ Lu Guangjin. The Human Rights Awareness of Chinese Civilization in the "Axial Age" // Journal of Human Rights. 2018. Vol. 24(4). P. 13. URL: <https://en.human-rights.cn/2025/11/27/4953d9581dda405ca63a92c6b68feb3.html> (дата обращения: 05.04.2026)

⁶ Commission on human rights. Drafting comitee. First session. Summary record of the 8th meeting. UN document E/CN.4/AC.1/SR.8. 17 June 1947. P. 2. URL: <https://docs.un.org/en/E/CN.4/AC.1/SR.8> (дата обращения: 05.04.2026)

⁷ Zhu Liyu, Hua Guoyu. To Bridge the Gap Between Human Rights Cultures: China's Contribution to the Drafting of the Universal Declaration of Human Rights and Its Implications // Journal of Human Rights. 2014. Vol.13(6). URL: <https://en.human-rights.cn/2015/01/05/cd17d4c0a9fd11ee87f90c42a1073f92.html> (дата обращения: 05.04.2026).

⁸ Commission on human rights. Drafting comitee. First session. Summary record of the 13th meeting. UN document E/CN.4/AC.1/SR.13. 20 June 1947. P. 5. URL: <https://docs.un.org/en/E/CN.4/AC.1/SR.13> (дата обращения: 05.04.2026)

⁹ Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. Л.С. Переломов. М.: РИПОЛ классик, 2017. С.259.

¹⁰ Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и ком. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова. М.: Вост. лит., 2004. С.132.

¹¹ Zhao Jianwen. The Basic Human Rights Concepts in Chinese Classics and Their Differences from the West // Journal of Human Rights. 2025. Vol. 24 (1). P. 13. URL: <https://en.humanrights.cn/2025/05/12/e2f6feccec45d4f47b2f467d84706e0.html> (дата обращения: 05.04.2026)

¹ Мингазов Л.Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 5. С. 63.

² Ломанов А.В. Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая // Ориенталистика. 2022. № 5(4). С. 887–888. DOI 10.31696/2618–7043–2022–5–4–882–897. URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/prava-cheloveka-v-sovremennoy-ideologii-kommunisticheskoy-partii-kitaya> (дата обращения: 05.04.2026).

³ «Белые книги по правам человека» выпускаются Государственным советом КНР и не являются нормативно-правовыми актами, следовательно, не несут обязательного характера. Смысл данных публикаций заключается в официальной декларации правозащитной ситуации в государстве.

⁴ Представитель Великобритании Чарльз Дьюкс, предложив кандидатуру Чжана, отмечал его высокое качество работы в области защиты прав человека.

См. Human rights commission. First meeting. Summary record of the first meeting. UN document E/CN.4/SR.1. 27 January 1947. P. 3. URL: <https://docs.un.org/en/E/CN.4/SR.1> (дата обращения: 05.04.2026)

нии своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Он предлагал изменить формулировку данного пункта на «осуществление этих прав требует признания прав других и всеобщего благосостояния». Суть благосостояния заключалась в воплощении идеи безопасности, а признания прав других в реализации демократии. Ограничение права противоречило бы идеалу самой Декларации, которая должна была акцентироваться на воспитании людей, а не на их ограничении¹.

Кроме того, следует упомянуть пункт 2 статьи 21 Декларации, которая звучит таким образом: «каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране». Чжан предложил использовать иную формулировку: «назначение на государственную службу должно осуществляться на конкурсной основе», тем самым делая отсылку на традиционную для Китая конфуцианскую систему назначения на государственную службу путем сдачи экзаменов и отбора наиболее способных кандидатов². На замечания представителя СССР о том, что такой отбор повлечет неравенство возможностей в поступлении на государственную службу, Чжан ответил то, что «конкурсные экзамены — это один из способов в устоявшейся общественной жизни предоставить равные шансы на получение государственной должности»³. Здесь Чжан описывает традиционное меритократическое общество, которое формировалось на протяжении всей китайской истории. В классическом конфуцианском каноне «Ли цзи» (Книга обрядов) говорится, что раньше всем под Небом правил общественный дух. Во власть выбирали людей с талантами, добродетелями и способностями, их слова были искренними, и то, что они культивировали, было гармонией⁴. Талант, добродетель и способности были причиной выдвижения лидеров, которые могли вести за собой народ. Чжао Цзяньвень приводит пример наиболее яркого примера такого «отбора добродетельных и способных» в виде наследования трона по заслугам, а не рождению. Так, легендарный император Яо передал власть не своему недостойному сыну, а мудрому советнику, на котором женил своих двух дочерей. Впоследствии, императорская система экзаменов в развитии дошла до своего пика и окончательно сформировалась в эпоху династии Суй (581–618 гг. н.э.), когда стала ассоциироваться с появлением разветвленного бюрократического аппарата и необходимостью его обеспечения новыми кадрами.

У Цзиньсюн (1899–1986 гг.)

У Цзиньсюн также являлся представителем Китайской Республики в Комиссии по правам человека, который хоть и сыграл меньшую роль в принятии Декларации, тем не менее, внес определенный вклад в её становление. Так, при рассмотрении вопроса о значении «равенства» в 1 статье Декларации, он отмечал, что равенство не следует понимать как абсолютное равенство, но как справедливое или оправданное равенство (*fair or justified equality*)⁵. У Цзиньсюн не объясняет значение такого равенства, однако «справедливость» или «оправданность» может наталкивать на определенные истоки этих понятий в легистской философии Древнего Китая.

Как пишет один из самых известных легистов Шан Ян: «мудрый правитель использует своих сановников таким образом, чтобы [должность] их непременно зависела от их успехов, а награды — непременно от заслуг... Для мудрого правителя важно, чтобы ранги знатности давались лишь за дела. Когда ранги знатности даются за дела, то воздается почет людям»⁶. Предполагается возможность каждого человека получить государственную должность за заслуги перед правителем.

¹ Commission on human rights. Third session. Summary record of the 51th meeting. UN document E/CN.4/SR.51. 28 May 1948. P. 5. URL: <https://docs.un.org/en/E/CN.4/SR.51> (дата обращения: 05.04.2026).

² Commission on human rights. Drafting committee. First session. Summary record of the 9th meeting. UN document E/CN.4/AC.1/SR.9. 18 June 1947. P. 4. URL: <https://docs.un.org/en/E/CN.4/AC.1/SR.9> (дата обращения: 05.04.2026).

³ Commission on human rights. Drafting committee. First session. Summary record of the 9th meeting. UN document E/CN.4/AC.1/SR.9. 18 June 1947. P. 5. URL: <https://docs.un.org/en/E/CN.4/AC.1/SR.9> (дата обращения: 05.04.2026).

⁴ Zhao Jianwen. The Basic Human Rights Concepts in Chinese Classics and Their Differences from the West // Journal of Human Rights. 2025. Vol. 24 (1). P. 27. URL: <https://en.humanrights.cn/2025/05/12/e2f6fecce45d4f47b4b2f467d84706e0.html> (дата обращения: 05.04.2026).

⁵ Commission on human rights. Second session. Summary record of the 33rd meeting. UN document E/CN.4/SR.33. 11 December 1947. P. 7. URL: <https://docs.un.org/en/E/CN.4/SR.33> (дата обращения: 05.04.2026).

⁶ Книга правителя обласи Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. Л.С. Переломова. 2-е изд., доп. М.: Ладомир, 1993. С. 184–185.

Ло Чжуншу (1903–1985 гг.)

Переходя к оценке исследований Ло Чжуншу, следует упомянуть о роли ЮНЕСКО в процессе подготовки текста Всеобщей декларации прав человека. Так, на первой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, проходившей с ноября по декабрь 1946 года, было выдвинуто предложение о проведении совместной конференции с Комиссией ООН по правам человека в целях выявления и согласования теоретических основ универсальной концепции прав человека. Несмотря на то, что указанная конференция не была проведена, тем не менее, среди научного сообщества по странам со всех континентов были получены предложения о фундаментальных началах прав человека, на которых должна будет строиться международная система прав человека. Среди полученных докладов выделялась статья китайского юриста Ло Чжуншу, который также отмечал конфуцианские истоки прав человека⁷.

Ло указывал, что концепция прав человека сложилась еще в Древнем Китае, однако в китайской традиции нет прямого аналога прав человека. Говоря об основе этического учения прав человека в Древнем Китае, он также как и Чжан использовал термин «жэнь», отмечая, что «все наши собратья [имеют] одинаковые желания и, следовательно, одинаковые права, поскольку каждый хотел бы получать удовольствие от жизни»⁸. Из этого вытекает универсальность прав человека как универсальности природы каждой человеческой личности. Онтология прав человека по Ло Чжуншу вытекает из объективного идеализма, что роднит его с европейской идеей естественных прав. Каждый человек в силу своей природы способен сознавать желания других людей.

В научной литературе вклад китайских ученых в становление Всеобщей декларации прав человека и международного права прав человека в целом оценивается двояко. Так, Линхуа Сун пишет, что «Чжан Пэнчунь, используя восточную мудрость, успешно убедил мир принять основные концепции конфуцианской философии в процессе разработки Всеобщей декларации прав человека»⁹. С другой стороны, Хун Лэвей считает вклад китайских представителей крайне ограниченным, поскольку, в конечном итоге, основой Декларации была европейская философия¹⁰. Конфуцианская мысль там представлена лишь в рамках обсуждений, а имеющиеся термины, такие как «жэнь» и др., были переведены и осмыслены через призму западной философии. На наш взгляд, оба мнения одинаково неверны. Нельзя переоценивать вклад китайских ученых, но также нельзя и недооценивать его. Следует помнить о том, что Декларация и последующие Пакты о правах человека это продукты международного консенсуса. В создании Декларации участвовали представители всех континентов, различных культурных, религиозных, национальных групп. Каждый человек, который участвовал в разработке текста Декларации, привнес часть своей собственной идентичности. Идеи китайских философов, положенные в основу текста Декларации, стали также частью современного права прав человека постольку, поскольку профессиональное и академическое сообщество пользуется их терминами, их идеями, часто даже не осознавая их происхождения, что, тем не менее, не уменьшает значения китайской философской мысли для современных прав человека.

Литература

1. Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4 т. Пекин.: Издательство литературы на иностранных языках, 1964. Т. 4. 569 с.
2. Международное право: учебник / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 752 с.;
3. Ижиков М.Ю. Культурный релятивизм как проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права в области защиты прав человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 1(15). С. 184–191.;
4. Киссинджер Г. О Китае / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Астрель, 2014. 634 с.;

⁷ Sun Shiyan. A Commentary on Lo Chung-shu's Human Rights Philosophy // Journal of Human Rights. 2019. Vol.18(5). URL: <https://en.humanrights.cn/2020/04/07/cd1acb05a9fd11ee87f90c42a1073f92.html> (дата обращения: 05.04.2026).

⁸ Там же.

⁹ Sun Pinghua. Human Rights Protection System in China // Berlin: Springer, 2013. P. 7.

¹⁰ Hong Lewei. On the Effectiveness of “Cross-cultural Consensus” on Human Rights – Reflecting on Zhang Pengchun's Contributions to the Universal Declaration of Human Rights // Journal of Human Rights. 2023. Vol. 22(6). P. 1. URL: <https://en.humanrights.cn/2024/05/14/afc1b1dec564027afca66cf79b9639f.html> (дата обращения: 05.04.2026).

5. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и ком. А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова. М.: Вост. лит., 2004. 432 с.;

6. Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит. Л.С. Переломова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 360 с.;

7. Ломанов А.В. Права человека в современной идеологии Коммунистической партии Китая // Ориенталистика. 2022. № 5(4). 882–897 с. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897;

8. Мингазов Л.Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 5. С. 61–72.;

9. Hong Lewei. On the Effectiveness of “Cross-cultural Consensus” on Human Rights – Reflecting on Zhang Pengchun’s Contributions to the Universal Declaration of Human Rights // Journal of Human Rights. 2023. Vol. 22(6). URL: <https://en.humanrights.cn/2024/05/14/afc1b1dec564027afca66cf79b9639f.html> (дата обращения: 05.04.2026);

10. Lu Guangjin. The Human Rights Awareness of Chinese Civilization in the “Axial Age” // Journal of Human Rights. 2018. Vol. 24(4). URL: <https://en.humanrights.cn/2025/11/27/4953d9581dda405ca63a92c696b8feb3.html> (дата обращения: 05.04.2026);

11. Sun Pinghua. Human Rights Protection System in China // Berlin: Springer, 2013. 366 p.;

12. Sun Shiyun. A Commentary on Lo Chung-shu’s Human Rights Philosophy // Journal of Human Rights. 2019. Vol. 18(5). URL: <https://en.humanrights.cn/2020/04/07/cd1acb05a9fd11ee87f90c42a1073f92.html> (дата обращения: 05.04.2026);

13. Zhao Jianwen. Confucian Liberalism: Convergence Between the Universal Declaration of Human Rights and Chinese Traditional Culture // Journal of Human Rights. 2020. Vol. 19(1). URL: <https://en.humanrights.cn/2020/07/31/cd1b0088a9fd11ee87f90c42a1073f92.html> (дата обращения: 05.04.2026);

14. Zhao Jianwen. The Basic Human Rights Concepts in Chinese Classics and Their Differences from the West // Journal of Human Rights. 2025. Vol. 24 (1). URL: <https://en.humanrights.cn/2025/05/12/e2f6fec45d4f47b4b2f467d84706e0.html> (дата обращения: 05.04.2026);

15. Zhu Liyu, Hua Guoyu. To Bridge the Gap Between Human Rights Cultures: China’s Contribution to the Drafting of the Universal Declaration of Human Rights and Its Implications // Journal of Human Rights. 2014. Vol. 13(6). URL: <https://en.humanrights.cn/2015/01/05/cd17d4c0a9fd11ee87f90c42a1073f92.html> (дата обращения: 05.04.2026).

THE INFLUENCE OF CHINESE PHILOSOPHY ON THE ADOPTION OF THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS

Seydaly Adilkhan Zhumakhanuly

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The growing contradictions in the modern international community have their expression in many areas of human life. One of these manifestations is the dispute over the universality of human rights. Human rights as an institution arose in the special economic, social and cultural conditions of the European continent. Subsequently, the European approach to hu-

man rights was adopted as the basis of a universal human rights system at the international level, which in turn led to rejection by other States. Using the example of the contribution of Chinese scientists Zhang Pengchun, Wu Jingxiong and Luo Zhongshu to the development of the Universal Declaration of Human Rights, the influence of not only European philosophy, but also Chinese philosophy on the universal system of human rights is shown and the inextricable connection of this universal system with both China and all other states is demonstrated. The research is interdisciplinary and is located at the intersection of international law, the history of the state and law, as well as legal comparative studies. The Chinese approach to the idea of human rights has become an integral part of international human rights law. The Chinese approach itself presents a unique picture and its study, as well as the study of human rights relativism, is useful both for the domestic science of international law and for law enforcement practice.

Keywords: human rights, cultural relativism, China, universal human rights standards, The Universal Declaration of Human Rights.

References

1. Mao Zedong. Selected works: in 4 volumes. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1964. Vol. 4. 569 p.

2. International law: textbook / rep. ed. G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov. 6th ed., revised. and additional M.: Norma: INFRA-M, 2021. 752 pp.;

3. Izhirov M. Yu. Cultural relativism as a problem of interaction between international and domestic law in the field of protection of human rights // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2012. Issue. 1(15). P. 184–191.;

4. Kissinger G. About China / ed. HELL. Voskresensky. M.: Astrel, 2014. 634 pp.;

5. Confucian “Four Books” (“Sy Shu”) / Trans. from China and com. A.I. Kobzeva, A.E. Lukyanova, L.S. Perelomova, P.S. Popova. M.: Vost. lit., 2004. 432 pp.;

6. Confucius. Judgments and conversations / trans. from China L.S. Perelomova. M.: RИПОЛ classic, 2017. 360 pp.;

7. Lomanov A.V. Human rights in the modern ideology of the Communist Party of China // Oriental Studies. 2022. No. 5(4). 882–897 pp. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-882-897;

8. Mingazov L. Kh. Universalism of human rights and cultural diversity of the world // Scientific notes of Kazan State University. 2008. T. 150. Book. 5. P. 61–72.;

9. Hong Lewei. On the Effectiveness of “Cross-cultural Consensus” on Human Rights – Reflecting on Zhang Pengchun’s Contributions to the Universal Declaration of Human Rights // Journal of Human Rights. 2023. Vol. 22(6). URL: <https://en.humanrights.cn/2024/05/14/afc1b1dec564027afca66cf79b9639f.html> (access date: 04/05/2026);

10. Lu Guangjin. The Human Rights Awareness of Chinese Civilization in the “Axial Age” // Journal of Human Rights. 2018. Vol. 24(4). URL: <https://en.humanrights.cn/2025/11/27/4953d9581dda405ca63a92c696b8feb3.html> (access date: 04/05/2026);

11. Sun Pinghua. Human Rights Protection System in China // Berlin: Springer, 2013. 366 p.;

12. Sun Shiyun. A Commentary on Lo Chung-shu’s Human Rights Philosophy // Journal of Human Rights. 2019. Vol. 18(5). URL: <https://en.humanrights.cn/2020/04/07/cd1acb05a9fd11ee87f90c42a1073f92.html> (access date: 04/05/2026);

13. Zhao Jianwen. Confucian Liberalism: Convergence Between the Universal Declaration of Human Rights and Chinese Traditional Culture // Journal of Human Rights. 2020. Vol. 19(1). URL: <https://en.humanrights.cn/2020/07/31/cd1b0088a9fd11ee87f90c42a1073f92.html> (access date: 04/05/2026);

14. Zhao Jianwen. The Basic Human Rights Concepts in Chinese Classics and Their Differences from the West // Journal of Human Rights. 2025. Vol. 24 (1). URL: <https://en.humanrights.cn/2025/05/12/e2f6fec45d4f47b4b2f467d84706e0.html> (access date: 04/05/2026);

15. Zhu Liyu, Hua Guoyu. To Bridge the Gap Between Human Rights Cultures: China’s Contribution to the Drafting of the Universal Declaration of Human Rights and Its Implications // Journal of Human Rights. 2014. Vol. 13(6). URL: <https://en.humanrights.cn/2015/01/05/cd17d4c0a9fd11ee87f90c42a1073f92.html> (access date: 04/05/2026).

Чувахин Петр Игоревич,

к.ю.н. старший преподаватель кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

В статье исследуются происхождение и развитие института односторонних экономических санкций в международном праве. На основе анализа практики государств, актов международных организаций и решений международных судов показывается, что Устав Организации Объединенных Наций урегулировал коллективные принудительные меры, однако вопрос о правомерности односторонних экономических мер остался без ясного ответа. Попытки восполнить этот пробел – через институт контрмер и концепцию обязательств *erga omnes* – не привели к формированию признанной правовой нормы. Особое внимание уделяется современному этапу: экстерриториальному применению санкций Соединенных Штатов Америки и расхождению между экономическим воздействием санкций и достижением заявленных политических целей. Делается вывод о том, что формирование «санкционного права» как самостоятельной отрасли международного права не подтверждается ни практикой государств, ни их *opinio juris*.

Ключевые слова: односторонние экономические санкции, ограничительные меры, контрмеры, принцип невмешательства, экстерриториальность, Устав ООН

В докладе третьей группы по спору о мерах в связи с транзитом грузов от 5 апреля 2019 года [10] орган по разрешению споров Всемирной торговой организации впервые отверг тезис о том, что государство само определяет, относится ли примененная им мера к его существенным интересам безопасности (статья XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле). Это решение имеет значение, выходящее за рамки многосторонней торговой системы: оно стало первым внятным ответом международного правоприменителя на вопрос, который оставался без решения с 1986 года, – вопрос о пределах правомерного экономического принуждения между государствами. Между параграфом 245 решения Международного суда ООН по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против нее [4], в котором торговое эмбарго Соединенных Штатов Америки не было признано нарушением принципа невмешательства, и докладом 2019 года – тридцать три года. За этот период число односторонних принудительных мер увеличилось примерно в десять раз [9, с. 4], а сами санкции прошли путь от периферийного инструмента дипломатии до центрального инструмента глобального экономического управления.

Несоответствие между правовой неопределенностью и быстрым ростом санкционной практики обнажает пробел в международном правопорядке. Еще в 1984 году французский правовед Э. Цоллер точно описала его: помимо запрета применения силы, международная система так и не дала ясного ответа на вопрос о том, что государство вправе сделать против другого государства-правонарушителя в мирное время [1, с. 23]. Этот пробел не относится к числу тех, что могут быть восполнены обычным нормотворчеством: он обусловлен самой архитектурой Устава Организации Объединенных Наций. Отсюда основной вопрос настоящей статьи: каким образом институт односторонних экономических санкций смог в условиях такого пробела превратиться в развитую нормативную систему.

В первом разделе раскрываются базовые понятия и проводится разграничение санкций, контрмер и реторсий. Во втором – прослеживаются ключевые этапы развития института: от античной и средневековой практики до кодификации права международной ответственности в 2001 году. В третьем – анализируется современный этап, в котором санкции приобрели экстерриториальный характер, а их правомерность подверглась обоснованной критике. Научная новизна настоящей работы состоит в том, что впервые в отечественной доктрине предпринимается попытка соединить классическую историко-правовую периодизацию санкций с тремя теоретическими подходами, ранее рассматривавшимися изолированно: с разграничением «публичного» и «частного» правоприменения по Н. Уайту, с категорией транснационального санкционного режима Г. Маллара и Дж. Сун и с эмпирическими данными Глобальной базы данных санкций.

Понятие санкции и его разграничение с контрмерой и реторсией

Терминологическая неустойчивость, сопровождающая институт односторонних экономических санкций, отражает существующий недостаток правовой кодификации. Устав Организации Объединенных Наций избегает термина «санкции»: статья 41 говорит о «мерах, не связанных с использованием вооруженных сил» [3]. Европейский союз использует двойную формулировку – «ограничительные меры (санкции)». Это не случайность, а следствие отсутствия единого понимания самого понятия.

В классической теории права, восходящей к работам Г. Кельзена, санкция – это неотъемлемое свойство правопорядка: «социальный порядок, гарантирующий коллективную безопасность, по самой своей природе есть правопорядок, а правопорядок есть система норм, предусматривающих санкции» [11, с. 101]. По этому пониманию санкция – не произвольное действие государства, а реакция, исходящая от уполномоченного органа сообщества. Близкое определение дает Г. Абдулла-Саб: санкции – это «принудительные меры, принимаемые во исполнение решения компетентного социального органа, то есть органа, правомочного действовать от имени общества или сообщества, регулируемого данным правопорядком» [12, с. 38]. Реторсии, репрессалии и контрмеры по этому определению являются проявлениями

«самопомощи» — действий, которые государство совершает в защиту собственных интересов без обращения к надгосударственному органу.

Из такого понимания следует важный вывод. Если санкция — это акт компетентного органа сообщества, то понятие «односторонней санкции» содержит внутреннее противоречие: одно государство не может одновременно выступать и сообществом, и его исполнителем. Современная западная доктрина пытается обойти это противоречие через конструкцию «коллективных контрмер». Однако, как точно показывает Н. Уайт, употребление слова «коллективные» здесь не должно вводить в заблуждение: такие меры не являются институциональными и принимаются каждым санкционирующим государством самостоятельно, независимо от других [13, с. 5]. Между коллективными санкциями международной организации и двусторонними контрмерами пострадавшего государства существует промежуточная область, в которой ограничительные меры Европейского союза и Соединенных Штатов Америки претендуют на правомерность, не имея для этого ясного правового основания.

В отечественной доктрине эту же мысль точно фиксирует Д. С. Боклан: применение термина «санкции» к мерам, принимаемым отдельным государством или группой государств вне процедуры Совета Безопасности ООН, фактически придает им видимость правовой авторитетности и предполагает, что государство имеет право их вводить [7]. Такое предположение юридически не обосновано. В системе вторичных норм права международной ответственности существуют контрмеры — институт, кодифицированный в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года [5]. В системе свободного усмотрения государств существуют реторсии — недружественные действия, которые не нарушают международных обязательств государства, их применяющего. В системе полномочий международных организаций существуют санкции в строгом смысле — основанные на учредительных актах. Категория «односторонних санкций» не вписывается ни в один из этих режимов.

На основе изложенного в настоящей статье под односторонними экономическими санкциями понимаются ограничительные меры с экономическими последствиями, которые преследуют политические цели и вводятся государством или интеграционным объединением вне мандата Совета Безопасности ООН или за пределами такого мандата. Это определение опирается на формулировку Х. Киль [2, с. 5, 8] и согласуется с подходом А. Б. Лихачевой [6, с. 110], где главным признаком односторонности признается именно обход Совета Безопасности ООН. Соответствующий термин — «односторонние принудительные меры» (*unilateral coercive measures*) — закреплен в практике Совета по правам человека ООН и резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН.

В литературе встречается возражение: Комиссия международного права на ранних этапах работы над Статьями об ответственности государств сама использовала термин «санкция» [8] и лишь ко второму чтению заменила его на «контрмеру». Из этого иногда делается вывод о том, что оба понятия взаимозаменяемы. Такое толкование исторически неверно. Замена терминологии Комиссией была не редакционной, а содержательной: она означала отказ от смешения норм поддержания мира (к которым относятся санкции в строгом смысле) и норм ответственности государств (к которым относятся контрмеры). Именно поэтому Статьи 2001 года вообще не содержат норм о санкциях: санкции выполняют не реактивную, а превентивную и институциональную функцию в системе поддержания международного мира и безопасности [13, с. 5].

Историко-правовые этапы развития института

Главный вопрос для оценки современного состояния санкций — не в том, когда возникли первые исторические прецеденты экономического принуждения, а в том, когда и почему экономическое принуждение перестало быть частью военной стратегии и превратилось в самостоятельный институт. Если одни и те же правовые решения повторяются в разных эпохах и правовых порядках, можно говорить о фундаментальной норме международного права; если же речь каждый раз идет о ситуативном инструменте — о практике, лишенной устойчивого правового убеждения.

До начала XX века экономическое принуждение применялось государствами преимущественно во время вооруженных конфликтов как часть военной стратегии и было направлено на подрыв экономической мощи воюющего противника [1, с. 9]. Мегарское постановление Перикла 432 года до нашей эры, которое традиционно называют первым историческим примером экономической блокады, было элементом военной кампании Делосского союза, а не самостоятельным правовым актом мирного времени. Континентальная блокада, введенная Наполеоном Берлинским декретом 1806 года и Миланским декретом 1807 года, была системным торговым запретом, но именно в условиях войны с Соединенным Королевством Великобритании и Ирландии. Эмбарго,

наложенное президентом Томасом Джефферсоном в 1807 году в ответ на нарушения нейтрального судоходства, провалилось не из-за правовых препятствий, а из-за внутреннего экономического сопротивления американских торговых штатов.

Принципиальное разграничение между экономической войной и экономической санкцией закрепила М. Докси: «В условиях войны целью является противник; задача — ускорить его поражение, уменьшить или ликвидировать его способность вести войну, подорвать моральный дух. Когда же экономические меры используются как санкции, их целью должно быть удержание или отвращение государств от проведения политики, не соответствующей принятым нормам международного поведения» [1, с. 9]. До 1919 года международному праву известна экономическая война как часть права вооруженных конфликтов; самостоятельного института санкций еще не существует.

Первый этап — 1919 год. Статут Лиги Наций впервые в истории закрепил концепцию экономического давления как самостоятельного средства поддержания мира. Статья 16 Статута предусматривала право членов Лиги вводить экономические меры против государства, нарушившего Статут путем развязывания войны. Истоки этой нормы восходят к выступлению президента Вудро Вильсона 1919 года, который охарактеризовал экономические меры как «мирное, тихое, смертоносное средство» и «руку на горле государства-правонарушителя» [1, с. 13]. Однако решающий правовой сдвиг произошел не в риторике Вильсона, а в работе Международного блокадного комитета. Несмотря на возражения лорда Роберта Сесила, настаивавшего на том, что блокада есть мера военная, Комитет квалифицировал экономические санкции как «форму мирного давления» [1, с. 14]. С этого момента экономические меры перестают быть частью права вооруженных конфликтов и становятся самостоятельным институтом.

В отечественной литературе распространено представление о Лиге Наций как о провальном проекте, чья санкционная практика — половинчатые меры против Италии в 1935 году, не охватившие нефти, угля и стали, — лишь подорвала ее авторитет. Это представление требует уточнения. Как показывает Н. Малдер в монографии 2022 года, авторитет Лиги опирался не на бесплодные моральные призывы, а именно на применение или угрозу применения экономических санкций: их угроза способствовала урегулированию вопроса о Сааре между Францией и Германией, удержала Югославию от войны против Албании в 1921 году и Грецию — от военных действий против Болгарии в 1925 году, помогла урегулировать конфликт между Колумбией и Перу в 1932 году [16]. Институциональная неудача в случае Италии 1935 года не означает провала института санкций как такового — именно поэтому авторы Устава Организации Объединенных Наций не отказались от санкционной модели, а напротив, перенесли ее в новый правовой порядок.

Второй этап — 1945 год и Устав Организации Объединенных Наций. Статья 41 наделила Совет Безопасности ООН полномочием «решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений», и далее перечисляет полный или частичный разрыв экономических отношений и средств сообщения [3]. Параллельно статья 2(4) запретила применение или угрозу применения силы в международных отношениях. Сочетание этих двух норм определило все последующее развитие института. Как отмечает Э. Цоллер, запрет силы означал, что государства были вынуждены обратиться к более мягким формам принуждения [1, с. 21]. Экономические меры оказались единственной доступной формой принудительного воздействия, не запрещенной Уставом ООН.

Однако сам Устав ООН урегулировал только коллективные меры по решению Совета Безопасности ООН и оставил полностью неурегулированным вопрос об односторонних мерах в ответ на правонарушения, не угрожающие международному миру и безопасности. «Без преувеличения можно сказать, — пишет Э. Цоллер, — что относительно случайных нарушений права в мирное время коллективно не было решено ничего. Помимо исключения применения силы, система так и не дает ясного ответа на вопрос о том, что государство вправе сделать против государства-правонарушителя» [1, с. 23]. Именно этот пробел в архитектуре Устава ООН предопределил дальнейшую судьбу института: вся последующая практика государств развивается в нормативном поле, не получившем четкого правового регулирования.

Третий этап — 1986 год, дело о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против нее. Это единственное решение, в котором Международный суд ООН прямо рассмотрел правовой статус односторонних экономических мер. В параграфе 245 Суд указал, что в обстоятельствах данного дела торговое эмбарго Соединенных Штатов Америки против Никарагуа не нарушило принципа невмешательства, хотя и нарушило конкретные обязательства по двустороннему договору о дружбе и торговле 1956 года [4]. Сам принцип невмешательства

тельства Суд сформулировал следующим образом: «Принцип запрещает всем государствам или группам государств вмешиваться прямо или косвенно во внутренние или внешние дела других государств. Запрещенное вмешательство должно соответственно касаться вопросов, в которых каждому государству позволено, на основании принципа суверенитета государства, свободно решать» [4, пункт 205]. Запрещенное вмешательство характеризуется двумя элементами: принуждением в отношении вопросов, относящихся к внутренней компетенции государства-объекта. Применительно к военной интервенции принуждение очевидно; применительно к торговому эмбарго Суд счел его недостаточным.

Это решение создало правовую проблему, определившую дальнейшую судьбу института. С одной стороны, Международный суд ООН отказался признать торговое эмбарго нарушением принципа невмешательства и тем самым фактически открыл путь для дальнейшего применения односторонних мер. С другой стороны, Суд прямо признал недостаточность имевшейся у него нормативной базы для оценки экономических мер. В литературе сформировался следующий критерий разграничения правомерного экономического давления и неправомерного вмешательства: чем выше степень экономической зависимости государства-объекта от государства-инициатора и чем выше интенсивность мер, тем выше вероятность их квалификации как принуждения [2, с. 13]. Из этого критерия следует существенное противоречие: чем эффективнее санкция, тем выше риск нарушения ею принципа невмешательства. Эффективность и правомерность оказываются обратно пропорциональными.

Четвертый этап – 2001 год, кодификация института контрмер в Статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния [5]. Этому событию предшествовало «десятилетие санкций» 1990-х годов [1, с. 24]. Окончание холодной войны открыло возможность согласованной работы Совета Безопасности ООН, и число обязательных санкционных режимов резко возросло. Ключевым итогом этого периода стал гуманитарный кризис вокруг всеобъемлющих санкций против Ирака на основании резолюции 661 Совета Безопасности ООН 1990 года: по оценкам учреждений Организации Объединенных Наций, эти санкции способствовали сотням тысяч смертей среди гражданского населения [1, с. 25]. Ответом стала концепция «адресных» санкций, разработанная в рамках трех международных процессов – Интерлакенского (целевые финансовые санкции), Боннско-Берлинского (оружейные эмбарго и визовые ограничения) и Стокгольмского (имплементация и мониторинг) [14, с. 109]. Санкционный режим перестал быть тотальным и стал избирательным, направленным на конкретных физических и юридических лиц.

В Статьях об ответственности государств 2001 года Комиссия международного права кодифицировала институт контрмер. Согласно статьям 49–54, контрмеры должны быть направлены исключительно против государства, совершившего международно-противоправное деяние; преследовать цель побудить его прекратить деяние и возместить ущерб; быть обратимыми; быть соразмерными первоначальному нарушению; не нарушать запрета силы, основных прав человека, императивных норм международного права и гуманитарных обязательств. Статья 54 в первоначальной редакции должна была закрепить право третьих, непосредственно не пострадавших государств, вводить контрмеры в защиту обязательств *erga omnes*. Однако в окончательном тексте статья 54 была исключена, осталась лишь «оговорка о сохранении» [7]. В комментарии к ней Комиссия отметила, что практика контрмер третьих государств «противоречива, и сама практика находится в зачаточном состоянии» [5, с. 129]. Аргументы за включение коллективных контрмер – необходимость реагировать на серьезные нарушения, прогрессивное развитие международного права – были отвергнуты в пользу аргументов против: отсутствие единообразной практики, отсутствие *opinio juris*, риск создания собственной санкционной системы вне Устава ООН. Таким образом, попытка кодифицировать коллективные контрмеры не удалась, и институт остался без четкой правовой основы.

Современный этап: экстерриториальность и расхождение целей с результатами

Современный этап развития института – с 2014 года и особенно после 2022 года – отличается не столько количественным ростом санкционных мер, сколько качественным сдвигом в их правовой природе. Этот сдвиг можно рассмотреть в трех измерениях: экстерриториальное применение санкций; превращение государства-инициатора в регуляторную инстанцию через частный сектор; расхождение между экономическим воздействием санкций и достижением их политических целей. К этому добавляется четвертое измерение – социологическое, выявляющее

преимущество современного санкционного режима с колониальной моделью управления международной торговлей.

Экстерриториальное применение санкций Соединенных Штатов Америки имеет точный нормативный исток. Базовым актом, заложившим современную инфраструктуру санкций, является Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях 1977 года (*International Emergency Economic Powers Act*), который наделил президента Соединенных Штатов Америки практически неограниченными полномочиями по введению торговых и финансовых ограничений в условиях «национальной чрезвычайной ситуации». Поворотным моментом стало принятие Закона о свободе и демократической солидарности с Кубой 1996 года (*Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act*, известный как *Helms–Burton Act*), который впервые распространил санкционные ограничения на иностранные компании, торгующие с Республикой Куба [2, с. 14]. В международной доктрине этот акт практически единогласно расценивается как нарушение принципа невмешательства. Его принятие вызвало широкую ответную реакцию: блокирующие статуты Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (1980), Канады (1985), Регламент Европейского союза № 2271/96, законодательство Мексиканских Соединенных Штатов 1996 года [7].

Главное изменение произошло, однако, не в содержании актов, а в механизме их применения. Санкционное право Соединенных Штатов Америки распространяется так, что транснациональные корпорации, действующие по всему миру, вынуждены вести себя так, как если бы они были американскими юридическими лицами, – то есть исполнять американское право в приоритетном порядке перед любыми иными нормами [15, с. 107]. С момента, когда правоприменительные органы Соединенных Штатов Америки – Управление по контролю над иностранными активами Министерства финансов, Министерство юстиции, Департамент финансовых услуг штата Нью-Йорк – начали применять санкции против европейских, а затем и китайских корпораций за нарушение санкций против Исламской Республики Иран, многие корпорации стали исходить из приоритета американского права над местным, европейским и международным.

Это качественно новая правовая ситуация. Государство-инициатор перестает быть просто санкционирующим актором и превращается в регулятора, чье право проникает в корпоративные практики глобальных банков и транснациональных корпораций. Главный механизм такого проникновения – угроза исключения с рынка: для финансового учреждения, использующего доллар Соединенных Штатов Америки в международных расчетах, штраф Управления по контролю над иностранными активами в размере до восьми миллиардов долларов [6, с. 116] делает соблюдение американских требований приоритетным независимо от собственной национальной юрисдикции. Блокирующий статут Европейского союза, на который полагались европейские компании, был оценен Европейским парламентом в 2021 году как «бумажный тигр», неспособный предотвратить применение вторичных санкций американскими судами и регуляторами [7].

Юридическая оценка вторичных санкций требует прямого ответа. В американской практике они обосновываются через концепцию контрмер. Эта позиция несостоятельна по четырем независимым основаниям. Первое – несоответствие по объекту: контрмера направлена только против государства, совершившего правонарушение, тогда как вторичная санкция направлена против юридических и физических лиц третьих государств. Второе – несоответствие по содержанию: вторичная санкция преследует не побуждение к прекращению деяния, а наказание и устрашение, что противоречит статье 49 Статей об ответственности государств. Третье – несоответствие по соразмерности: масштаб ограничений, налагаемых на третьих лиц, заведомо несоразмерен любому конкретному нарушению государства-объекта. Четвертое – несоответствие по процедуре: требование статьи 52 о предварительном обращении к нарушителю с предложением переговоров не соблюдается в практике вторичных санкций ни в одном из известных случаев.

Существенный сдвиг в позиции международного правоприменителя наметился в 2019 году в докладе третьей группы по делу о мерах в связи с транзитом грузов [10]. Третьей группой впервые отверглась американский тезис о том, что государство само решает, относится ли примененная им мера к его существенным интересам безопасности по статье XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле. Группа указала, что наличие «чрезвычайной ситуации в международных отношениях» не может оцениваться субъективно государством, применяющим меру. Это решение создало возможность объективной оценки правомерности экстерриториальных секторальных санкций, которая ранее находилась исключительно в усмотрении государства-инициатора. Аналогичные доклады третьей группы 2022 года по спорам о мерах в связи с продуктами из стали и алюминия [10] подтвердили эту линию.

Эмпирические данные дополняют юридический анализ. Глобальная база данных санкций охватывает 1325 санкционных эпизодов за 1950–2022 годы. Согласно ее данным, число активных санкций в десять раз превышает уровень 1950 года [9, с. 4]; доля «успешных» санкций – то есть достигших заявленных политических целей – в среднем составляет около 42 процентов; при этом устойчивая связь между экономическим ущербом государству-объекту и политической результативностью санкций отсутствует [9, с. 22]. Из этих данных следует важный вывод: экономический удар велик и длителен, тогда как политический результат неустойчив и в большинстве случаев не достигается. Это означает, что современный санкционный режим работает не как инструмент изменения поведения государства-объекта, а как инструмент сигнализации и наказания. Такая функциональная природа санкций подтверждает их квалификацию как карательных, а не побудительных мер, – что вновь возвращает к их несоответствию требованиям статей 49–53 Статей об ответственности государств.

Возможен контраргумент, опирающийся на концепцию обязательств *erga omnes*. Сторонники легитимации коллективных контрмер ссылаются на классическое *obiter dictum* Международного суда ООН по делу о компании «Барселона Трэкшн, Лайт энд Пауэр Компани Лимитед» (Бельгия против Испании) 1970 года: отдельные обязательства государств существуют не только в отношении конкретных государств, но и в отношении международного сообщества в целом. Из этого делается вывод, что серьезное нарушение обязательств *erga omnes* дает любому государству право вводить коллективные контрмеры в защиту международного сообщества. Этот аргумент не выдерживает критики по трем основаниям. Во-первых, он фактически отдает функцию Совета Безопасности ООН в руки отдельных государств: любое из них получает возможность само квалифицировать нарушение и само выбирать меры реагирования, что прямо противоречит архитектуре Устава ООН. Во-вторых, он создает двойной стандарт: западная доктрина последовательно отвергает аналогичный аргумент в обоснование «гуманитарной» военной интервенции, но принимает его в обоснование экономических ограничений [2, с. 29]. В-третьих, он не подтверждается практикой Комиссии международного права, которая прямо констатировала противоречивость и неразвитость соответствующей практики и отказалась от ее кодификации в Статьях 2001 года.

Социологический срез проблемы дополняет юридический анализ. Деколониальное исследование Г. Маллара и Дж. Сун обнаруживает преемственность между колониальной моделью управления международной торговли и современным санкционным режимом: чартерные компании Британской и Французской колониальных империй выполняли функции, которые сегодня выполняют глобальные банки и страховые компании в роли фактических исполнителей санкционных решений [15, с. 110]. Эта преемственность объясняет, почему позиция государств Глобального Юга в отношении санкций против Российской Федерации после 2022 года так заметно отличается от позиции государств «Группы семи»: для постколониальных государств санкции – не нейтральный инструмент поддержания международного мира, а инструмент сохранения существующей экономической иерархии [15, с. 111]. С позиции международного права это означает, что предполагаемая универсальность санкционного режима не подтверждается ни практикой государств, ни их *opinio juris*.

Проведенный анализ позволяет сформулировать два основных вывода. Первый – современный санкционный режим характеризуется внутренним противоречием. Чем эффективнее санкция воздействует на государство-объект, тем выше риск нарушения принципа невмешательства. Чем шире охват вторичных санкций, тем меньше институциональная роль государства-инициатора и тем больше функция правоприменения передается глобальным частным компаниям. И чем сильнее экономический удар санкций, тем менее достижимым становится их политический результат. Все три противоречия не разрешаются в рамках действующего международного права – что само по себе свидетельствует о незавершенности института.

Второй вывод – складывающаяся обычная норма о пределах правомерного экономического принуждения – это именно тот правовой ответ, который международные суды пока не могут дать, но к которому постепенно подводит государственная практика: через блокирующие статуты, через позицию Глобального Юга, через дебаты о соотношении санкций ООН и односторонних мер в Совете Безопасности ООН. Норма еще не сформирована, но направление ее формирования просматривается.

Практическое значение проведенного анализа состоит в том, что он впервые соединяет классическую историко-правовую периодизацию санкций с современными теоретическими подходами – разграничением публичного и частного правоприменения, концепцией транснационального санкционного режима и эмпирическим анализом эффективности санкций. Такое соединение позволяет вести системный

критический анализ санкционной практики на основе инструментария международного права, а не политической риторики. Для российской доктрины это особенно важно: позиция Российской Федерации, выраженная в Концепции внешней политики 2023 года и в Федеральном законе № 127-ФЗ от 4 июня 2018 года, может быть обоснована не только соображениями политической целесообразности, но и через систематический правовой анализ – то есть в категориях, обязательных для академической дискуссии.

Между параграфом 245 решения Международного суда ООН по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против нее и докладом третейской группы по спору о мерах в связи с транзитом грузов лежит не только тридцать три года истории, но и нормативный путь, который международное право прошло, не пройдя его до конца.

Литература

1. Bogdanova I. Unilateral Sanctions in International Law and the Enforcement of Human Rights. The Impact of the Principle of Common Concern of Humankind. Leiden; Boston: Brill / Nijhoff, 2022. Chapter 1. P. 1–55.
2. Kiel H. Unilateral Sanctions in International Law. New York: Rosa Luxemburg Stiftung, June 2023. 37 p.
3. Charter of the United Nations, signed on 26 June 1945, San Francisco, entered into force on 24 October 1945. Articles 2(4), 39, 41.
4. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, ICJ Reports 1986. P. 14. Paras 205, 245.
5. International Law Commission. Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with Commentaries (2001). Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part Two. Articles 22, 49–54. P. 31–143.
6. Likhacheva A.B. Unilateral Sanctions in a Multipolar World: Challenges and Opportunities for Russia's Strategy // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. № 3. P. 109–131.
7. Боклан Д.С., Коваль В.В. Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования // Московский журнал международного права. 2024. № 1. С. 6–23.
8. Кешнер М.В. Проблемные аспекты практики применения ограничительных мер // Журнал российского права. 2019.
9. Morgan T.C., Syropoulos C., Yotov Y.V. Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges // Journal of Economic Perspectives. 2023. Vol. 37. № 1. P. 3–30.
10. Panel Report, Russia – Measures Concerning Traffic in Transit, WT/DS512/R, adopted on 5 April 2019; Panel Reports, United States – Certain Measures on Steel and Aluminium Products (China, Norway, Switzerland, Turkey), WT/DS544/R, WT/DS552/R, WT/DS556/R, WT/DS564/R, adopted on 9 December 2022.
11. Kelsen H. Collective Security under International Law. Washington DC: U.S. Government Printing Office, 1957. 275 p.
12. Abi-Saab G. The Concept of Sanction in International Law // United Nations Sanctions and International Law / ed. by V. Gowlland-Debbas. The Hague: Kluwer Law International, 2001. P. 29–41.
13. White N.D. Autonomous and Collective Sanctions in the International Legal Order // The Italian Yearbook of International Law. 2018. Vol. 27. P. 1–27.
14. Biersteker T.J., Hudáková Z. UN Targeted Sanctions: Historical Development and Current Challenges // Research Handbook on Economic Sanctions / ed. by P.A.G. van Bergeijk. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. Chapter 5. P. 107–127.
15. Mallard G., Sun J. International Law, Security, and Sanctions: A Decolonial Perspective on the Transnational Legal Order of Sanctions // Annual Review of Law and Social Science. 2024. Vol. 20. P. 97–116.
16. Mulder N. The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. New Haven: Yale University Press, 2022. 448 p.
17. Zoller E. Peacetime Unilateral Remedies: An Analysis of Countermeasures. Dobbs Ferry, N.Y.: Transnational Publishers, 1984. 196 p.
18. Doxey M.P. Economic Sanctions and International Enforcement. 2nd ed. London: Macmillan; New York: Oxford University Press, 1980. 161 p.
19. Bertram A. The Economic Weapon as a Form of Peaceful Pressure // Transactions of the Grotius Society. 1931. Vol. 17. P. 139–174.

THE GENESIS AND EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF UNILATERAL ECONOMIC SANCTIONS IN INTERNATIONAL LAW

Chuvakhin P.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the origin and development of the institution of unilateral economic sanctions in international law. Based on an analysis of State practice, the acts of interna-

tional organisations and the case-law of international courts, it is demonstrated that the Charter of the United Nations regulated collective enforcement measures, yet left without a clear answer the question of the lawfulness of unilateral economic measures in peacetime. Attempts to fill this gap – through the institution of countermeasures and the concept of obligations *erga omnes* – have not led to the formation of a recognised legal norm. Particular attention is paid to the contemporary stage: the extraterritorial application of sanctions by the United States of America and the divergence between the economic impact of sanctions and the achievement of their declared political aims. It is concluded that the emergence of a self-standing «sanctions law» branch of international law is supported neither by State practice nor by *opinio juris*.

Keywords: unilateral economic sanctions, restrictive measures, countermeasures, principle of non-intervention, extraterritoriality, UN Charter

References

1. Bogdanova I. Unilateral Sanctions in International Law and the Enforcement of Human Rights. The Impact of the Principle of Common Concern of Humankind. Leiden; Boston: Brill / Nijhoff, 2022. Chapter 1. P. 1–55.
2. Kiel H. Unilateral Sanctions in International Law. New York: Rosa Luxemburg Stiftung, June 2023. 37 p.
3. Charter of the United Nations, signed on 26 June 1945, San Francisco, entered into force on 24 October 1945. Articles 2(4), 39, 41.
4. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, ICJ Reports 1986. P. 14. Paras 205, 245.
5. International Law Commission. Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with Commentaries (2001). Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part Two. Articles 22, 49–54. P. 31–143.
6. Likhacheva A.B. Unilateral Sanctions in a Multipolar World: Challenges and Opportunities for Russia's Strategy // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 109–131.
7. Boklan D.S., Koval V.V. Unilateral Sanctions in Accordance with International Law and the Effectiveness of Blocking // Moscow Journal of International Law. 2024. No. 1. P. 6–23.
8. Keshner M.V. Problematic Aspects of the Practice of Applying Restrictive Measures // Journal of Russian Law. 2019.
9. Morgan T.C., Syropoulos C., Yotov Y.V. Economic Sanctions: Evolution, Consequences, and Challenges // Journal of Economic Perspectives. 2023. Vol. 37. No. 1. P. 3–30.
10. Panel Report, Russia – Measures Concerning Traffic in Transit, WT/DS512/R, adopted on 5 April 2019; Panel Reports, United States – Certain Measures on Steel and Aluminum Products (China, Norway, Switzerland, Turkey), WT/DS544/R, WT/DS552/R, WT/DS556/R, WT/DS564/R, adopted on 9 December 2022.
11. Kelsen H. Collective Security under International Law. Washington DC: U.S. Government Printing Office, 1957. 275 p.
12. Abi-Saab G. The Concept of Sanction in International Law // United Nations Sanctions and International Law / ed. by V. Gowlland-Debbas. The Hague: Kluwer Law International, 2001, pp. 29–41.
13. White N.D. Autonomous and Collective Sanctions in the International Legal Order // The Italian Yearbook of International Law. 2018. Vol. 27. P. 1–27.
14. Biersteker T.J., Hudáková Z. UN Targeted Sanctions: Historical Development and Current Challenges // Research Handbook on Economic Sanctions / ed. by P.A.G. van Bergeijk. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. Chapter 5. pp. 107–127.
15. Mallard G., Sun J. International Law, Security, and Sanctions: A Decolonial Perspective on the Transnational Legal Order of Sanctions // Annual Review of Law and Social Science. 2024. Vol. 20. P. 97–116.
16. Mulder N. The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War. New Haven: Yale University Press, 2022. 448 p.
17. Zoller E. Peacetime Unilateral Remedies: An Analysis of Countermeasures. Dobbs Ferry, N.Y.: Transnational Publishers, 1984. 196 p.
18. Doxey M.P. Economic Sanctions and International Enforcement. 2nd ed. London: Macmillan; New York: Oxford University Press, 1980. 161 p.
19. Bertram A. The Economic Weapon as a Form of Peaceful Pressure // Transactions of the Grotius Society. 1931. Vol. 17. P. 139–174.

Международные санкции: понятие, правовая природа и влияние на отношения в сфере международного частного права

Корякин Егор Владимирович,

юрисконсульт, Общество с ограниченной ответственностью
«ПК Транспортные Системы»
E-mail: ryzhiyg@mail.ru

Лушников Илья Дмитриевич,

помощник юриста, Общество с ограниченной
ответственностью «Тайга Групп»
E-mail: ilya.lushnikov@yandex.ru

Маркевич Антон Сергеевич,

младший юрист, Общество с ограниченной ответственностью
«Сенсорика»
E-mail: markevich412@gmail.com

В настоящей работе исследуются доктринальные подходы к определению международных санкций. Отмечается отсутствие легальной дефиниции как в национальном законодательстве, так и в международных актах, что обуславливает обращение к доктрине. Рассматриваются классический подход, признающий санкциями исключительно меры Совета Безопасности ООН, и расширительный подход, включающий также односторонние ограничительные меры государств. Констатируется политическая природа односторонних ограничений ввиду отсутствия институциональной легитимации при их введении. Приводится классификация международных санкций по субъекту, содержанию, степени охвата и инициативности. Анализируется воздействие публичных санкционных мер на дестабилизацию гражданско-правовых отношений международного частного права, включая институт сверхимперативных норм, оговорку о публичном порядке, применение статей 401 и 451 Гражданского кодекса РФ, доктрину тщетности договора в английском праве, а также проблематику международного коммерческого арбитража и признания иностранных арбитражных решений в отношении лиц под санкциями. Формулируются предложения по обеспечению правовой определённости в данной сфере.

Ключевые слова: международные санкции, ограничительные меры, правовая природа, международное частное право, публичный порядок, санкционное воздействие.

В современных условиях международные санкции стали одним из наиболее распространённых инструментов политического и экономического давления на государства. Россия столкнулась с беспрецедентным по масштабу санкционным воздействием: по оценкам исследователей, был задействован практически весь накопленный арсенал ограничительных мер, а события 2022 года получили в литературе характеристику «санкционного цунами».

При этом единого понимания международных санкций до сих пор не существует, что делает актуальным изучение подходов к их определению, правовой природе и классификации. Наряду с термином «международные санкции» широко используется синонимичный термин «ограничительные меры». Само понятие «санкция» многозначно. В доктрине выделяют ключевые критерии: властный источник, факт правонарушения и неблагоприятные последствия для адресата [1, С. 58–59].

Ни национальное законодательство (ФЗ «О специальных экономических мерах» 2006 г., UK Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 [2]), ни международные акты (гл. VII Устава ООН [3], ст. 215 Договора о функционировании ЕС, ст. 39 Договора о ЕАЭС [4]) не содержат легальной дефиниции санкций: законодатель намеренно избегает раскрытия понятийного аппарата, предоставляя лишь правовую основу для введения мер (А.Х. Алаамери) [5, С. 12]. Это обуславливает необходимость обращения к доктрине.

В научной литературе предлагаются различные дефиниции. Н.К. Семенова и М.И. Соломянова рассматривают международные санкции как правовой инструмент поддержания правопорядка и противодействия нарушениям международного права [6, С. 81]. Е.А. Иванова определяет их как принудительные меры, направленные на коррекцию поведения государств, организаций или лиц [7, С. 5]. В.С. Маличенко и А.О. Гаджиева понимают под санкциями в строгом смысле общеобязательные меры Совета Безопасности ООН по ст. 41 Устава ООН [8, С. 30]. Анализ доктрины показывает отсутствие единства: понятие трактуется либо расширительно (любые ограничительные меры), либо узко (только меры СБ ООН).

В международно-правовой системе только Совет Безопасности ООН обладает компетенцией придавать санкциям обязательный и легитимный характер [9, С. 10–11]. Его принудительные полномочия носят функциональный характер – они добровольно делегированы государствами-членами путём ратификации Устава ООН и ограничены целями поддержания мира и безопасности. Именно этот институциональный механизм позволяет рассматривать санкции Совета Безопасности как правовое явление: без нормативной основы (В.Ф. Ницевич [10, С. 12–13]) обосновать законность ограничений невозможно, а односторонние меры, вводимые в обход установленных процедур, правовой природы лишены.

В доктрине международного права выделяют два основных подхода. Согласно классическому подходу, санкциями в собственном смысле признаются исключительно коллективные принудительные меры Совета Безопасности ООН, направленные на восстановление мира и безопасности [11]. Сторонники расширительного («неклассического») подхода включают в понятие санкций также односторонние меры государств и их объединений [11]. Х. Кёхлер утверждает, что экономические санкции легитимны лишь при санкционировании Советом Безопасности ООН; в остальных случаях они нарушают принципы суверенитета и невмешательства [12, С. 27]. В современной практике наблюдается трансформация санкций: из инструмента коллективной безопасности они всё чаще превращаются в средство продвижения политических и экономических интересов отдельных государств [13, С. 19–20].

Классификация международных санкций проводится по нескольким основаниям. По субъекту различают меры Совета Безопасности ООН, санкции иных международных структур (ЕС и др.) и односторонние государственные меры; по количественной субъектности – одно- и групповые [1, С. 59]. По содержанию выделяют экономические (торговые ограничения, визовые барьеры) [14, С. 50], дипломатические (прекращение официальных отношений) и военные (блокада, демонстрация силы) санкции.

По степени охвата различают всеобъемлющие санкции (против государства в целом) и таргетированные («умные»), нацеленные на конкретных лиц [14, С. 49]. Практика (санкции против Ирака 1990-х гг.) показывает, что всеобъемлющие меры наносят основной ущерб не руководству, а населению [15, С. 123]. Таргетированные санкции, несмотря на гуманитарный замысел, также способны причинять масштабный ущерб [16, С. 161–162]; они реализуются в форме секторальных (отраслевые ограничения) и персональных (заморозка активов, запрет на въезд) мер.

По инициативности различают первичные (инициативные) и ответные санкции (контрмеры [16, С. 166–167]), подразделяемые на симметричные и асимметричные. По приоритетности выделяют первичные санкции (против государства-объекта) и вторичные, распространяющиеся на третьих лиц, взаимодействующих с объектами первичных санкций [1, С. 60–61].

Масштабное введение односторонних ограничительных мер в отношении России началось в 2014 году. США ввели персональные санкции против российских чиновников, запретили сделки с рядом банков и экспорт технологий; Европейский союз ограничил торговлю оружием и запретил экспорт технологий для нефтедобычи [10, С. 14]. В 2022 году давление резко усилилось: российские банки отключили от SWIFT, заморозили активы Центрального банка РФ, ввели масштабные запреты на импорт энергоносителей. С позиций классического подхода такие санкции США и ЕС квалифицируются как противоправные, поскольку не санкционированы Советом Безопасности ООН и нарушают принцип суверенного равенства государств [11].

Вопрос о правовой природе международных санкций остаётся одним из наиболее дискуссионных в науке международного права. В доктрине выделяют два подхода: одни авторы рассматривают санкции как меру ответственности, направленную на наказание нарушителя; другие (в частности, А. Пелле [17, Р. 256–804] и Д.Б. Левин) считают главной целью понуждение к прекращению противоправных действий [13, С. 21]. Р.С. Бевзенко подчёркивает, что в силу суверенитета и юридического равенства государств санкции одного государства против другого не могут считаться мерой юридической ответственности и представлять собой политическое решение суверенного государства [1, С. 58].

Из этого следует ключевой теоретический вывод: правовой характер санкции обусловлен наличием иерархии между субъектом, налагающим санкцию, и её адресатом. Во внутрисоюзных отношениях государство, обладая монополией на легитимное принуждение, вправе применять санкции при соблюдении процедуры. В международных отношениях между равноправными суверенами такая иерархия отсутствует, поэтому односторонние ограничительные меры приобретают преимущественно политический характер.

Будучи публично-правовым инструментом, международные экономические санкции неизбежно затрагивают частноправовые отношения с иностранным элементом: МЧП выступает своеобразным «фильтром», через который санкционные нормы проникают в регулирование договорных, корпоративных и арбитражных отношений [18, С. 36–37].

В праве ЕС санкции квалифицируются как «сверхимперативные нормы» (ст. 9 Регламента ЕС № 593/2008 (Рим I)) [19], применяемые независимо от коллизионных привязок; российская правовая система, напротив, исходит из их незаконности и противоречия публичному порядку РФ.

В доктрине МЧП сложились три конкурирующих подхода к учёту иностранных публично-правовых норм: теория единого связующего звена предполагает применение всего права государства (включая публично-правовые нормы); теория специальных связей допускает их применение лишь при наличии тесной связи со спором; кумулятивная теория требует соответствия сделки нормам всех задействованных правопорядков [18, С. 45–47].

Российские суды придерживаются ограничительного подхода (Ф. Вишер): иностранные санкционные нормы применяются лишь в исключительных случаях – когда не противоречат публичному порядку РФ и не ущемляют её национальные интересы [20].

Ключевым способом защиты российских контрагентов при невозможности исполнения обязательств вследствие санкций часто называют ст. 451 ГК РФ (существенное изменение обстоятельств). Несмотря на сходство с доктриной *clausula rebus sic stantibus*, российские суды крайне редко применяют эту статью в санкционных делах, поскольку риск санкций считается предвидимым после 2014 года [21, С. 493–494]. В частности, в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2023 № 17АП-9092/2023-ГК по делу № А71-2998/2023 указано, что наложение экономических санкций против России не является безусловным основанием для расторжения договора, так как их влияние учитывается государством через меры поддержки предпринимательства [22].

Альтернативным механизмом защиты выступает признание санкций обстоятельством непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Здесь практика более благоприятна: российские суды неоднократно квалифицировали санкции как форс-мажор (ужесточение экспортного контроля ЕС и США, задержка разрешительных документов, невозможность поставки вагон-комплектов, отключение от SWIFT). Наибольшие шансы на признание возникают при наличии сертификата Торгово-промышленной палаты РФ [23, С. 42].

В английском праве аналогичная проблематика решается в рамках доктрины тщетности договора (*frustration of contract*), включающей три основания: невозможность исполнения, незаконность исполнения и тщетность цели. Применительно к санкциям ключевое значение имеет незаконность исполнения. Классическим прецедентом остаётся дело *James B. Fraser & Co Ltd v. Denny, Mott & Dickson Ltd* (1944), которое показало, что государственный запрет на торговлю может повлечь прекращение договора вследствие его тщетности. Доктрина применяется лишь когда санкции затрагивают саму суть договора [21, С. 491–492].

Международный коммерческий арбитраж традиционно воспринимается как нейтральный механизм разрешения трансграничных споров. Однако санкционная проблематика существенно на него влияет: запреты на услуги или заморозка счетов ставят под вопрос выплату вознаграждения арбитру и могут повлечь вторичные санкции. В связи с этим арбитражные учреждения проводят проверки сторон и бенефициаров и в ряде случаев отказывают в разбирательстве или приостанавливают его [24, С. 25].

Наиболее острым на практике остаётся вопрос признания и исполнения арбитражных решений в отношении сторон, связанных с государством под санкциями. Основным документом выступает Нью-Йоркская конвенция 1958 года, допускающая отказ в исполнении при противоречии публичному порядку государства исполнения [25]. Американская практика прагматична: в деле *Karen Maritime Ltd v. Omar International Inc.* (2004) суд отклонил доводы о публичном порядке, указав, что спор касается лишь оплаты фрахта и не связан по существу с санкциями [26].

Российское законодательство последовательно ограничивает иностранные юрисдикции в санкционных спорах: ст. 248.1–248.2 АПК РФ позволяют лицам под санкциями требовать рассмотрения дела в российском суде вне зависимости от арбитражных оговорок, а оговорка о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ) трактуется расширительно – об этом свидетельствует Определение СКЭС ВС РФ от 09.08.2023 № 305-ЭС23–10787 по делу ООО «Нефтехимтрейд».

Данная тенденция получила в литературе название «национализации» международного частного права [27, С. 356] – процесса, при котором защита суверенных интересов государства превалирует над универсальными принципами отрасли.

Таким образом, международные санкции представляют собой многоаспектное явление, единая дефиниция которого отсутствует. Правовая природа санкций определяется наличием институционально легитимированного механизма принуждения: таким механизмом на международном уровне выступает Совет Безопасности ООН, действующий в силу функциональной компетенции, делегированной суверенами; односторонние меры, вводимые в обход данного механизма, носят политический характер. Через коллизионные нормы МЧП, институт сверхимперативных норм и оговорку о публичном порядке санкции проникают в сферу частноправовых отношений – в договорные обязательства, арбитраж и признание иностранных решений; при этом Регламент ЕС № 593/2008 (Рим I) не устранил расхождений в толковании ст. 9.

Для обеспечения правовой определённости представляется целесообразным принятие постановления Пленума ВС РФ по делам, осложнённым санкционным давлением, в котором были бы разграничены случаи квалификации санкций как предпринимательского риска, форс-мажора или элемента публичного порядка, а также установленны критерии отказа в признании иностранных решений: прямая связь санкции с предметом спора, невозможность защиты прав в иностранной инстанции и угроза суверенитету отрасли. На уровне договорной практики сторонам рекомендуется включать в контракты развёрнутые санкционные оговорки и рассматривать подчинение договора праву нейтрального государства [23, С. 38–44].

Литература

1. Блинова, Ю. В. О понятии и видах международных санкций / Ю.В. Блинова // Российско-азиатский правовой журнал. – 2024. – № 1. – С. 57–61.
2. Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 // Legislation.gov.uk: [website]. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents> (дата обращения: 21.03.2026).

3. Устав Организации Объединённых Наций // ООН: [официальный сайт]. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.03.2026).

4. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.03.2026).

5. Алаамери, А.Х. Международно-правовые основы понятия и содержания санкций / А.Х. Алаамери // Экономика и право. XXI век. – 2025. – № 1. – С. 11–14.

6. Семенова, Н. К. К вопросу о санкциях и рестрикциях в международном праве / Н.К. Семенова, М.И. Соломянова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 8–3(95). – С. 81–85.

7. Иванова, Е.А. Влияние санкционных ограничений на исполнение договоров перевозки грузов железнодорожным транспортом / Е.А. Иванова // Сфера науки. – 2026. – № 1. – С. 4–12.

8. Маличенко, В.С. Доступ к технологиям здравоохранения в условиях санкций и односторонних ограничительных мер / В.С. Маличенко, А.О. Гаджиева // Международное право и международные организации. – 2023. – № 3. – С. 27–41.

9. Василенко, В.А. Международно-правовые санкции: монография / В.А. Василенко. – Киев: Вища школа, 1982. – 230 с.

10. Ницевич, В.Ф. Правовая природа и основания введения западных санкций в отношении России / В.Ф. Ницевич // IP: теория и практика. – 2025. – № 4 (12). – С. 5–18.

11. Оценка правомерности экономических санкций с позиций международного права // Российский совет по международным делам. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/otsenka-pravomernosti-ekonomicheskikh-sanktsiy-s-pozitsiy-mezhdunarodnogo-prava/?ysclid=mnt95e3tscy821264822> (дата обращения: 02.03.2026).

12. Кёхлер, Х. Санкции и международное право / Х. Кёхлер // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 27–47.

13. Алаамери, А.Х. Понятие и содержание международно-правовых санкций / А.Х. Алаамери, Н.Д. Эриашвили // Международный научный вестник. – 2024. – № 8. – С. 19–22.

14. Корень, В.В. Виды санкций в современном международном праве / В.В. Корень // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. – Новополоцк, 2022. – Вып. 42 (112): Юридические науки. – С. 49–50.

15. Оганисян, Л.Д. Гуманитарная помощь под санкциями: от постановки проблемы к поискам решений / Л.Д. Оганисян // Вестник Московского университета. Серия 25. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 123.

16. Грачева, А.М. Понятие и виды экономических санкций в международном праве / А.М. Грачева // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 159–171.

17. Pellet, A. Unilateral Sanctions and International Law / A. Pellet // Yearbook of Institute of International Law. – Tallinn, 2015. – Vol. 76. – P. 256–804.

18. Бутакова, Я.С. Международные экономические санкции в международном частном праве: теоретический аспект / Я.С. Бутакова // Международное право и международные организации. – 2024. – № 1. – С. 36–55.

19. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (дата обращения: 01.04.2026).

20. Vischer F. General Course on Private International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 232. Brill, 1992. 260 p.

21. Петрова, Д.С. Санкции и их влияние на договорные обязательства в сравнительноправовой перспективе / Д.С. Петрова // Правоведение. – 2023. – Т. 67, № 4. – С. 489–500.

22. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2023 № 17АП-9092/2023-ГК по делу № А71–2998/2023 // Sudact.ru. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2SoPdwl7All4/?ysclid=mnrtkwiw81846311873> (дата обращения: 01.04.2026).

23. Коваленко, Е.Ю. Исполнение внешнеэкономической сделки в условиях ограничений / Е.Ю. Коваленко, Т.Л. Платунова // Российско-азиатский правовой журнал. – 2024. – № 4. – С. 38–44.

24. Будкин, В.О. Правовая квалификация геополитических санкций в контексте международного частного права / В.О. Будкин, О.О. Будкин // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 22–26.

25. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // New

York Convention. – URL: <https://www.newyorkconvention.org/> (дата обращения: 01.04.2026).

26. Karen Maritime Limited v. Omar International Incorporated: Memorandum and Order / United States District Court, Eastern District of New York. – Дело № CV-03–6120. – Принято 23.04.2004 (судья Thomas Platt, Jr.) // New York Convention. – URL: https://www.newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/1/6/1606_us-487.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

27. Заваленная, А.П. Влияние санкционных режимов на признание и исполнение иностранных судебных решений в российском международном частном праве / А.П. Заваленная, Е.К. Суходолец // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 12(93). – С. 352–359.

INTERNATIONAL SANCTIONS: CONCEPT, LEGAL NATURE AND IMPACT ON RELATIONS IN THE FIELD OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Koriakin E.V., Lushnikov I.D., Markevich A.S.

PK Transport Systems Limited liability company, Taiga Group LLC, Sensorica Limited liability company

This article examines doctrinal approaches to defining the concept of international sanctions. It notes the absence of a statutory definition in both domestic legislation and international instruments, which necessitates recourse to academic doctrine. The article considers the classical approach, which recognizes as sanctions only measures adopted by the UN Security Council, and the expansive approach, which also encompasses unilateral restrictive measures imposed by individual states. The political nature of unilateral restrictions is established on the grounds that they lack institutional authorization at the time of their imposition. A classification of international sanctions is offered according to the imposing actor, content, scope, and degree of initiative. The article analyzes the impact of public sanctions measures on the destabilization of civil law relations in private international law, addressing overriding mandatory rules, the public policy exception (*ordre public*), the application of Articles 401 and 451 of the Civil Code of the Russian Federation, the doctrine of frustration of contract under English law, as well as issues arising in international commercial arbitration and the recognition of foreign arbitral awards concerning sanctioned persons. The article concludes with proposals aimed at ensuring legal certainty in this area.

Keywords: International sanctions, restrictive measures, legal nature, private international law, *ordre public*, sanctions impact.

References

1. Blinova, Yu.V. On the Concept and Types of International Sanctions / Yu.V. Blinova // Russian-Asian Legal Journal. – 2024. – No. 1. – Pp. 57–61.
2. Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 // Legislation.gov.uk: [website]. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents> (accessed: 21.03.2026).
3. Charter of the United Nations // United Nations: [official website]. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (accessed: 21.03.2026).
4. Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29 May 2014) (as amended on 25 May 2023) [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus". – URL: <https://www.consultant.ru> (accessed: 21.03.2026).
5. Alaameri, A. Kh. International Legal Foundations of the Concept and Substance of Sanctions / A. Kh. Alaameri // Economics and Law. 21st Century. – 2025. – No. 1. – Pp. 11–14.
6. Semenova, N.K. On the Question of Sanctions and Restrictions in International Law / N.K. Semenova, M.I. Solomyanova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – No. 8–3(95). – Pp. 81–85.
7. Ivanova, E.A. The Impact of Sanctions Restrictions on the Performance of Rail Freight Carriage Contracts / E.A. Ivanova // Science Sphere. – 2026. – No. 1. – Pp. 4–12.
8. Malichenko, V.S. Access to Healthcare Technologies under Sanctions and Unilateral Restrictive Measures / V.S. Malichenko, A.O. Gadzhieva // International Law and International Organizations. – 2023. – No. 3. – Pp. 27–41.
9. Vasilenko, V.A. International Legal Sanctions: Monograph / V.A. Vasilenko. – Kiev: Vyshcha Shkola, 1982. – 230 p.
10. Nitsevich, V.F. The Legal Nature and Grounds for the Imposition of Western Sanctions against Russia / V.F. Nitsevich // IP: Theory and Practice. – 2025. – No. 4 (12). – Pp. 5–18.
11. Assessment of the Legality of Economic Sanctions from the Standpoint of International Law // Russian International Affairs Council. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o...> (accessed: 02.03.2026).
12. Köchler, H. Sanctions and International Law / H. Köchler // International Organizations Research Journal. – 2019. – Vol. 14, No. 3. – Pp. 27–47.
13. Alaameri, A. Kh. The Concept and Substance of International Legal Sanctions / A. Kh. Alaameri, N.D. Eriashvili // International Scientific Bulletin. – 2024. – No. 8. – Pp. 19–22.
14. Koren, V.V. Types of Sanctions in Contemporary International Law / V.V. Koren // Electronic Collection of Works by Young Specialists of Polotsk State University. – Novopolotsk, 2022. – Issue 42 (112): Legal Sciences. – Pp. 49–50.
15. Oganisyan, L.D. Humanitarian Aid under Sanctions: From Problem Identification to the Search for Solutions / L.D. Oganisyan // Moscow University Bulletin. Series 25. – 2023. – Vol. 15, No. 2. – P. 123.
16. Gracheva, A.M. The Concept and Types of Economic Sanctions in International Law / A.M. Gracheva // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 12, No. 1. – Pp. 159–171.
17. Pellet, A. Unilateral Sanctions and International Law / A. Pellet // Yearbook of Institute of International Law. – Tallinn, 2015. – Vol. 76. – P. 256–804.

18. Butakova, Ya.S. International Economic Sanctions in Private International Law: A Theoretical Perspective / Ya.S. Butakova // International Law and International Organizations. – 2024. – No. 1. – Pp. 36–55.

19. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu> (accessed: 01.04.2026).

20. Vischer F. General Course on Private International Law // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 232. Brill, 1992. 260 p.

21. Petrova, D.S. Sanctions and Their Impact on Contractual Obligations in a Comparative Law Perspective / D.S. Petrova // Pravovedenie. – 2023. – Vol. 67, No. 4. – Pp. 489–500.

22. Ruling of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal of 1 September 2023 No. 17АП-9092/2023-GK in Case No. А71–2998/2023 // Sudact.ru. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2SoPdwI7All4/?ysclid=mnrtkwiw...> (accessed: 01.04.2026).

23. Kovalenko, E. Yu. Performance of a Foreign Trade Transaction under Restrictive Conditions / E. Yu. Kovalenko, T.L. Platunova // Russian-Asian Legal Journal. – 2024. – No. 4. – Pp. 38–44.

24. Budkin, V.O. Legal Characterization of Geopolitical Sanctions in the Context of Private International Law / V.O. Budkin, O.O. Budkin // Education and Law. – 2022. – No. 3. – Pp. 22–26.

25. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 10 June 1958) // New York Convention. – URL: <https://www.newyorkconvention.org/> (accessed: 01.04.2026).

26. Karen Maritime Limited v. Omar International Incorporated: Memorandum and Order / United States District Court, Eastern District of New York. – Case No. CV-03-6120. – Decided 23 April 2004 (Judge Thomas Platt, Jr.) // New York Convention. – URL: <https://www.newyorkconvention.org/media/uploads/pdf/1/6/1606...> (accessed: 01.04.2026).

27. Zavalennaya, A.P. The Impact of Sanctions Regimes on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Russian Private International Law / A.P. Zavalennaya, E.K. Sukhodoletz // Bulletin of Science. – 2025. – Vol. 1, No. 12(93). – Pp. 352–359.

О вопросах регламентации и совершенствования уголовно-правовых норм главы 26 УК РФ «Экологические преступления»

Анисимов Артур Анатольевич,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
E-mail: arthur6708@mail.ru

Заряев Вячеслав Александрович,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Центрального филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
E-mail: cfrgup@cb.rsuj.ru

Статья посвящена анализу регулирования уголовной ответственности за экологические преступления по действующему законодательству России. Выбор темы обусловлен тем, что с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации прошло достаточно много времени, и в текст данного закона были внесены многочисленные изменения и дополнения, что привело к проблемам квалификации отдельных экологических преступлений, несоответствиям в структуре их квалифицирующих признаков и пробелам в сфере правового регулирования. Также в статье анализируются причины, которые способствуют низкой эффективности законодательства в сфере экологии, приводятся данные статистики за последние несколько лет о совершенных экологических преступлениях. Кроме того, сделан вывод о необходимости ужесточения санкций за отдельные преступления, использовании большего количества квалифицирующих признаков в структуре экологических преступлений и необходимости их унификации.

Ключевые слова: экологические преступления; правовое регулирование; уголовная ответственность; проблемы квалификации; административная преюдиция; вопросы совершенствования норм уголовного закона.

Преступления в сфере экологии по характеру возможных негативных последствий остаются одними из самых актуальных. К этому можно добавить и различные происшествия, не связанные напрямую с какими-либо экологическими преступлениями: достаточно вспомнить масштабные разливы нефти и нефтепродуктов в 2024 г. рядом с Таманью и в 2026 г. в Туапсе, когда пострадали тысячи птиц и других морских животных, а на очистку береговой линии и устранение загрязнений потребовалось громадное количество времени, средств и людских ресурсов.

Экологические преступления впервые появились в самостоятельной главе только в Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ). В судебной статистике доля данных преступлений в различные периоды времени никогда не превышала 2% от общего количества всех совершенных преступлений в стране, и это говорит о том, что защите экологии уделяется не так много внимания.

Во многом этому способствует несколько причин:

- ряд преступлений, причиняющих вред экологии, вообще не входят в официальную статистику данного вида преступности (например, крушение железнодорожного состава с перевозимыми нефтепродуктами, разлив которых наносит существенный вред и приводит к деградации земельных участков, квалифицируется как террористический акт и не включается в экологическую преступность);

- многие нормы гл. 26 УК РФ за прошедшее время в уголовном законодательстве претерпели значимые изменения, а Верховный Суд Российской Федерации принял несколько постановлений, в которых даются разъяснения по вопросам квалификации и применения норм гл. 26 УК РФ. Однако статьи уголовного закона в основном базируются на различных подзаконных актах, постановлениях Правительства Российской Федерации, приказах различных министерств и ведомств, количество которых по некоторым данным, составляет не менее 800 – такой объем явно не способствует эффективности применения законодательства, учитывая постоянно вносимые в них изменения и дополнения, а также встречающиеся противоречия;

- исторически проблемам экологии в нашей стране уделялось не так много внимания, что связано с большой территорией, которая занимает первое место по площади среди всех стран мира, наличием множества различных природных ископаемых, богатым животным и растительным миром. Это достаточно логично – зачем что-то очищать, перерабатывать, восстанавливать или рекультивировать, вкладывать большие ресурсы в решение проблем без какой-либо видимой экономической выгоды, когда можно просто бросить или «законсервировать» какой-либо проблемный объект промышленности или разработки, стараясь в будущем не повторять совершенные ошибки;

- расследование ряда преступлений в сфере экологии требует проведения многочисленных трудозатратных экспертиз и времени, наличия высококвалифицированных кадров в данной области, что также не способствует принципам неотвратимости наказания и справедливости – многие виновные избегают уголовной ответственности или получают незначительные наказания за причиненный вред.

Ярким примером является г. Карабаш, который иногда называют самым загрязненным городом в стране и даже – в мире. Норильск, Череповец, Магнитогорск, Нижний Тагил и др. ежегодно входят в число городов России с точки зрения неблагоприятной экологической обстановки. Например, в г. Норильске до сих пор фиксируются кислотные дожди – осадки с высоким содержанием сернистых соединений, а выпадающий снег часто приобретает розовый или желтый оттенок из-за примесей тяжелых металлов. Ради справедливости стоит отметить, что в последние десятилетия отношение к охране экологии изменилось в лучшую сторону, судя по выделяемым государством ресурсам и докладам чиновников различного уровня, но все же является явно недостаточным, т.к. нельзя сказать, что экологическая обстановка где-либо значительно улучшилась. Кроме того, в данную проблему вносит свой негативный вклад и совершаемые в данной сфере преступления. Так, в 2022 г. в РФ было совершено 19070 экологических преступлений, (–6% к аналогичному периоду предыдущего года), а за их совершение привлечено к уголовной ответственности 11640 лиц. В 2023 г. совершено 16211 таких преступлений (–15%) и привлечено 10233 лиц;

в 2024 г. – 13598 преступлений (–16,1%) и 8188 лиц соответственно, в 2025 г. – 11415 (–16,1%) преступлений и 6823 лиц [1].

Также проблемам экологии и защите природной окружающей среды почему-то уделяется второстепенное место на фоне политических, социальных и других проблем современного общества. Однако ухудшение качества атмосферы, воды, а порой и ее нехватка (особенно в некоторых городах), а также не самое лучшее состояние здоровья нации на фоне неблагоприятной экологии, вынуждают уделять данным проблемам все больше внимания. Например, в 2025 г. в г. Воронеже и его окрестностях впервые за много лет по итогам отбора проб и лабораторных исследований воды, службы Роспотребнадзора обнаружили такое ее несоответствие по гигиеническим нормативам и санитарно-химическим показателям, что фактически не рекомендовали ни одного места отдыха где-либо на пляжах летом [2].

В каждом регионе причины неблагоприятной экологической обстановки могут различаться, а исправить ситуацию можно только с течением длительного времени – от нескольких до десятков лет, при условии выполнения всех комплексных мероприятий по охране и восстановлению окружающей среды. А для этого требуется и большое количество различных очистных сооружений, и их модернизация, на что требуются огромные средства ежегодно.

Тем более значимой в данном аспекте является проблема уголовной ответственности за совершаемые преступления и возмещение причиненного ущерба от них в сфере экологии.

Представляется, что для более эффективной защиты окружающей среды следует изменить или дополнить отдельные нормы гл. 26 УК РФ отдельными квалифицирующими признаками, а также ввести уголовную ответственность за наиболее часто совершаемые деяния, не представляющие особую общественную опасность, но наносящие существенный вред окружающей природной среде. Так, представляется, что следует распространить институт административной преюдиции на данную главу и установить уголовную ответственность за неоднократную утилизацию мусора в неположенных местах, незаконный лов ценных или редких видов рыбы, охоту, а также рубку лесных насаждений и кустарников. Таким способом законодатель ужесточил ответственность в сфере безопасности дорожного движения, в сфере безопасности компьютерной информации – но в отношении экологических преступлений все осталось без изменений.

Также следует усилить санкции некоторых статей в виде штрафа, который в ряде случаев является несоизмеримыми общественной опасности деяния и причиняемому вреду. Например, в ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ», ст. 249 УК РФ «Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений» и др., максимальный размер штрафа не превышает ста двадцати тысяч рублей.

В ряде других норм, например санкциях ст. 257 УК РФ «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов», ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» и др., вообще не установлен минимальный размер данного наказания, что формально позволяет суду назначить виновным самый минимум – штраф в виде пяти тысяч рублей за совершенное деяние (ч. 2 ст. 46 УК РФ), аргументируя это тем, что виновный совершил преступление впервые, оказывал помощь в ходе предварительного расследования, раскаялся, и т.д.

Также было бы уместным решением включить в качестве квалифицирующих признаков в некоторые нормы такие, как «с использованием своего служебного положения» и «причинившее крупный ущерб», указав его размер применительно к конкретному составу. В настоящее время последний признак используется не так уж и часто – законодатель чаще оперирует понятием «существенный вред», которое применяется в ином контексте и позволяет отграничить экологическое преступление от схожего административного правонарушения. Но, почему-то, в 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы», ст. 252 УК РФ «Загрязнение морской среды» и др., даже и он не используется, что свидетельствует о необходимости унификации всех квалифицирующих признаков преступлений данной главы.

Что же касается признака «с использованием своего служебного положения», то он также был бы уместен в ряде статей гл. 26 УК РФ, а не только в ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» и ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений».

Такая мера, как конфискации имущества, прямо предусмотрена только за два состава преступления – ст. 258.1 УК РФ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации» и ст. 260.1 УК РФ «Умышленные уничтожение или повреждение, а равно незаконные добыча, сбор и оборот

особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации», что также явно недостаточно.

Между тем, сами нормы гл. 26 УК РФ также нуждаются в совершенствовании. Например, ст. ст. 246, ч. 2 ст. 247, ч. 1 ст. 248, ч. 1 и 2 ст. 250 УК РФ не содержат в тексте четкой правовой регламентации, связанной с субъективной стороной. В этой связи постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 15.12.2022 г.) содержит рекомендации о том, что если в диспозиции статьи гл. 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то такое экологическое преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления [3].

Поэтому, например, ст. 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» может содержать все четыре формы вины – согласно вышеуказанной рекомендации. На наш взгляд, в данном случае имеет место необоснованное расширительное толкование диспозиции данной нормы, в которой действительно нет упоминания какой-либо формы вины. Однако в уголовном законодательстве всегда существовала дифференциация уголовной ответственности в зависимости от формы вины: умышленное причинение смерти (ст. 105 УК РФ) и неосторожное (ст. 109 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека (ст. 111 УК РФ) и неосторожное (ст. 118 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), и совершенное по неосторожности (ст. 168 УК РФ), и т.д. Причем санкции таких однотипных преступлений по степени карательных мер в два (иногда и более) раза отличаются друг от друга по соответствующим частям. Поэтому объединение всех форм вины в одном составе данного экологического преступления, на наш взгляд, противоречит принципам законности и справедливости [4].

Представляется, что вышеуказанные предложения по совершенствованию конструкций экологических преступлений будут способствовать дифференциации уголовной ответственности, а также более эффективно выполнять задачу предупреждения совершения новых преступлений.

Литература

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022, 2023, 2024, 2025 г.г. М.: ГИАЦ МВД России, 2023–2026. С. 6–7.
2. Три воронежских пляжа, где нельзя купаться, называли санврачи. URL: https://dzen.ru/a/gKcPKNBXUpksT_L?ysclid=ml7ua6frkj707087564 (дата обращения: 15.06.2026 г.).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (в ред. от 15.12.2022 г.) // Консультант Плюс: Законодательство. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950/ (дата обращения: 15.06.2026).
4. Анисимов А.А. Вопросы правового регулирования уголовной ответственности за экологические преступления // Наука Красноярья. 2017. Том 6. № 3–2. С. 8–10.

ON ISSUES OF REGULATION AND IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAW NORMS OF CHAPTER 26 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION «ENVIRONMENTAL CRIMES»

Anisimov A.A., Zaryayev V.A.

Lebedev Russian State University of Justice

This article is devoted to the analysis of the regulation of criminal liability for environmental crimes under the current legislation of Russia. The choice of the topic is due to the fact that quite a lot of time has passed since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation, and numerous changes and additions have been made to the text of this law, which has led to problems in the qualification of certain environmental crimes, inconsistencies in the structure of their qualifying features and gaps in the field of legal regulation. The article also analyzes the reasons that contribute to the low effectiveness of legislation in the field of ecology, and provides statistics on environmental crimes committed over the past few years. In addition, it is concluded that it is necessary to tighten sanctions for individual crimes, use more qualifying features in the structure of environmental crimes and the need to unify them.

Keywords: environmental crimes; legal regulation; criminal liability; qualification issues; administrative prejudice; issues of improving the norms of criminal law.

References

1. The state of crime in Russia in January–December 2022, 2023, 2024, 2025. Moscow: GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023–2026. Pp. 6–7.
2. Three Voronezh beaches where you can not swim, named sanvrachi. URL: https://dzen.ru/a/aGkCpKNBXUpksT_L?ysclid=ml7ua6frkj707087564 (accessed: 06/15/2026).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.10.2012 No. 21 “On the Application by Courts of Legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management” (as amended. dated 12/15/2022) // Consultant Plus: Legislation. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136950 / (date of reference: 06/15/2026).
4. Anisimov A.A. Issues of legal regulation of criminal liability for environmental crimes // Science of Krasnoyarsk region. 2017. Volume 6. No. 3–2. Pp. 8–10.

Влияние экономических санкций на обеспечение продовольственной безопасности: международно-правовой аспект

Горбунов Никита Сергеевич,

аспирант кафедры международного и интеграционного права
Юридического факультета имени М.М. Сперанского Института
права и национальной безопасности
E-mail: ns.gorbunov@inbox.ru

Статья посвящена оценке влияния экономических санкций на продовольственную безопасность в мире, а также анализ международного права и международного сотрудничества на предмет эффективности обеспечения продовольственной безопасности в условиях санкций. Особое внимание уделяется проблеме нарушения права на питание, вызванного, в том числе, дефицитом продуктов питания. Автор предлагает меры по оценке последствий вводимых экономических санкций для продовольственной безопасности государств, а также меры, направленные на привлечение к ответственности за соответствующие последствия для населения, в том числе рассматривает в этой связи институт контрмер и укрепление государствами национальной политики продовольственной независимости.

Ключевые слова: международное право, продовольственная безопасность, экономические санкции, контрмеры, продовольственная независимость.

Обеспечение продовольственной безопасности остается одной из ключевых задач не только международного сообщества, но и каждого государства в отдельности. Это особенно актуально для государств, столкнувшихся с необходимостью укрепления своей продовольственной безопасности в условиях политически мотивированного санкционного давления. Продовольственную безопасность можно охарактеризовать как состояние общества, при котором каждый человек имеет постоянный физический, экономический и социальный доступ к достаточному количеству качественных и безопасных продуктов питания, необходимых для активной и здоровой жизни.

На международном уровне вопросами обеспечения продовольственной безопасности занимаются прежде всего, такие международные организации, как Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), формирующая нормативные основы международной продовольственной политики [9], Всемирная организация здравоохранения, Всемирная торговая организация (ВТО); Всемирная продовольственная программа (ВПП) и Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР), входящие в систему ООН.

На региональном уровне политику, направленную на обеспечение продовольственной безопасности, осуществляют Европейский союз (ЕС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Содружество Независимых Государств (СНГ) и иные международные организации и интеграционные объединения.

В глобальном смысле обеспечение продовольственной безопасности возможно лишь за счет совместных усилий государств. Недопроизводство определенными регионами продуктов питания, необходимых для обеспечения минимально достаточного порога разнообразности и питательности, может быть скомпенсировано за их счет производства в иных государствах. Однако разного рода односторонние ограничительные меры, в частности, экономические санкции, могут иметь негативное влияние на достижение целей обеспечения продовольственной безопасности, в частности приводит к нарушению права на питание, в том числе, к голоду, особенно в условиях вооруженных конфликтов. Между тем, Дополнительный протокол от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. [14], посвященный защите жертв международных вооруженных конфликтов, запрещает использовать голод среди мирного населения как способ ведения войны, устанавливает запрет на уничтожение продовольственных запасов, сельскохозяйственных культур, посевов, скота и источников питьевой воды, если это делается с целью лишить их использования гражданскими лицами или противной стороной для поддержания жизни.

Право на питание гарантировано Международным Биллем о правах человека. Так, в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ВДПЧ) [12], а также рядом иных актов [15, ст. 7; 16, ст. 4], закреплено, что каждый человек имеет право на достаточный уровень жизни, в том числе доступ к питанию, необходимому для поддержания здоровья и благополучия самого человека и его семьи. Согласно ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [15] к числу прав человека относится право на «обеспечение достаточного питания». Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности 1996 г. [17] устанавливает критерии оценки достаточности уровня продовольственной безопасности и раскрывает детали обеспечения права на доступ к питанию, реализации цели по устранению голода, различные международные организации реализуют программы помощи регионам, испытывающим проблему голода [18, 22].

Применение санкций в большинстве своем не направлено на нарушение права на питание. Однако последствием введения санкций является разрыв экономических цепочек торгового взаимодействия государств, налаженных импортных и экспортных путей, что, в свою очередь, влияет на возможность доставки продуктов населению или импорта зерна, удобрений, сельскохозяйственной техники, необходимой для производства продуктов питания. С учетом многофакторности обеспечения развития сельского хозяйства и обеспечения населения импортными продуктами питания, представляется, что любое ограничение в экономической, технологической, финансовой или логистиче-

ской плоскости в той или иной степени отражается на продовольственном обеспечении. Нельзя отрицать, что любые экономические ограничения могут в той или иной степени затронуть сферу продовольственной безопасности, что, однако, вряд ли можно рассматривать как основание для применения к применившему санкции государству мер международной ответственности.

В этой связи стоит отметить такую важную тенденцию, в том числе значимую для продовольственной безопасности, как рост числа санкций, применяемых государствами в одностороннем порядке, без резолюции Совета Безопасности ООН [2]. Если ранее легитимность возложения ограничительных мер поддерживалась ООН, то в настоящий момент все чаще применяются так называемые «адресные» или «точечные» санкции (targeted sanctions) [6], нацеленные, как правило, установление ограничений в отношении отдельных физических и (или) юридических лиц, создание препятствий для их экономической деятельности, включая запрет на въезд в страну-инициатора санкций.

Оценка легитимности возложения таких односторонних санкций неоднозначна. Некоторые исследователи отмечают, что односторонние адресные санкции являются в какой-то степени альтернативой эмбарго, вводимого в качестве санкции Советом Безопасности ООН. Такой подход приводит к сокращению гуманитарных издержек для населения, в том числе рисков для цепочек поставок жизненно необходимых товаров (питание, медицина) [8, 10, 11]. Однако с такой позицией сложно согласиться – применяемые в одностороннем порядке ограничительные меры, как представляется, не имеют международно-правовых оснований, не учитывают воздействие соответствующих мер на население. Возникает необходимость в разработке критериев для оценки правомерности введения ограничений – полагаем, основным критерием в данном случае может являться критерий соразмерности. Так, например, Суд Европейского Союза [19], рассматривая жалобу Банка ВТБ на нарушение его прав собственности и свободного ведения бизнеса вследствие введения Европейским Союзом санкций, отметил, что применение ограничительных мер неизбежно затрагивает права и причиняет вред лицам, которые не причастны непосредственно к событию, повлекшему введение санкций, и выделил критерий соразмерности как основной для установления того, были ли экономические ограничения применены правомерно.

Полагаем, что критерием соразмерности стоит руководствоваться и при оценке правомерности применяемых санкционных мер в разрезе их влияния на обеспечение продовольственной безопасности: необходимо оценивать эффект, оказываемый санкциями на состояние продовольственной безопасности, и применять к наложившим их государствам меры ответственности в зависимости от потенциального или реального ущерба, наносимого продовольственной безопасности.

Иной важной проблемой применения санкций в разрезе обеспечения продовольственной безопасности является чрезмерное соблюдение односторонних рестрикций организациями частного сектора (over-compliance). При проведении санкционной политики в отношении какого-либо государства в силу возросшей сложности экономического взаимодействия с представителями данного государства компании и предприниматели могут принять решение отказаться от ведения бизнеса с представителями такого государства или на его территории. Таким образом, проведение санкционной политики может косвенно приводить к существенному уменьшению объема экспорта «подсанкционного» государства, нарушению логистических цепочек, что становится особенно значимо для вопросов обеспечения продовольственной безопасности – как таковые санкции обычно не имеют своей прямой целью подрыв продуктового обеспечения какого-либо государства, однако уход значимых поставщиков вследствие санкций может существенно подорвать продовольственное обеспечение отдельного государства. Данная тенденция повышает актуальность такого подхода к оценке влияния санкций на обеспечение продовольственной безопасности как комплексность – невозможно оценивать отдельные санкционные меры «в вакууме», необходимо принимать во внимание совокупное влияние санкционной политики государства на уровень обеспечения продовольственной безопасности в «подсанкционном» государстве или регионе.

В случае, когда оценка санкционных ограничений позволяет заключить, что применяемые санкции негативно влияют на обеспечение продовольственной безопасности и нарушают право населения на продуктивное обеспечение, необходимо поднять вопрос о применении мер правовой ответственности к государству-инициатору применения санкций. Как уже отмечалось, правовая неопределенность, возникающая вследствие применения односторонних санкций, создает неоднозначность и относительно возможного применения мер ответственности. Отсутствие правового закрепления таких односторонних санкционных ограничений на практике приводит к тому, что иницирующие односто-

ронные экономические ограничения государства и международные организации нередко игнорируют требования, закрепленные в Международном биле о правах человека [13], рекомендации структур ООН и возможные социально-экономические последствия таких действий. В то же время положения международных правовых актов по защите прав человека, многие из которых носят универсальный характер, и практика их применения не всегда позволяют предотвратить введение таких мер [4, с. 20].

Государство, в отношении которого применяются ограничения, также может реализовать меры самозащиты в виде применения так называемых «контрмер» – действий государства в ответ на осуществляемое в отношении него противоправное действие. Применение контрмер должно осуществляться в соответствии с нормами международного права, в частности, на основании Проекта статей о международной ответственности государств и международных организаций, одобренного Генеральной Ассамблеей ООН [20]. Так, применение контрмер осуществляется пострадавшей стороной с целью побуждения государства, осуществившего противоправное деяние, к выполнению своих международно-правовых обязательств. Контрмеры должны применяться соразмерно осуществленному правонарушению, основываться на нормах международного права и иметь временный – до прекращения правонарушения или передачи дела на рассмотрение уполномоченному органу – характер. Примером контрмер в ответ на санкционные ограничения может послужить применение контрсанкций (также их называют ответными или встречными санкциями) [3]. К таким мерам относятся, например, специальные экономические меры, введенные Российской Федерацией и предполагающие запрет или ограничение импорта отдельных видов сельхозпродукции, сырья и продовольствия, представляют собой именно контрмеры, т.е. ответные действия, которые направлены на восстановление нарушенных прав российских граждан и организаций. Стоит, однако, отметить, что, несмотря на отсутствие прямо установленного международным правом запрета, применение контрсанкций не должно, за исключением особых случаев, заключаться в применении продовольственных ограничений.

Возможным способом привлечения государств, осуществляющих санкционную политику, влекущую нарушения в сфере продовольственной безопасности, может быть и распространение на такие государства концепции «ответственности по защите» (responsibility to protect, R2P), закрепленной в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 60/1) [21]. Изначально целью реализации данной концепции являлось противостояние геноциду и массовым нарушениям прав человека, однако при рассмотрении голода как преступления против человечности, а продовольственной безопасности в части права на питание, полагаем, что R2P может выступать в качестве меры международного реагирования на ситуации, когда государства умышленно или вследствие политики санкций лишают население доступа к пище.

Существующая международная практика не содержит случаев привлечения государств, вводящих односторонние ограничения, к ответственности за нарушение права на питание, однако полагаем возможным согласиться с позицией Д.С. Вечернина, что государство, вводящее односторонние ограничительные меры против другой страны, теоретически может быть привлечено к ответственности за нарушение права на питание, даже если оно не осуществляет официальной юрисдикции или контроля над населением на территории, в отношении которой применяются рестрикции [4].

В рамках отдельного государства наиболее эффективным способом противостояния негативному влиянию санкций на состояние продовольственной безопасности представляется обеспечение продовольственной независимости [2], основной характеристикой которой является достижение максимального уровня самообеспечения продуктами, необходимыми для продовольственной безопасности населения, внутри государства.

Продовольственная независимость может рассматриваться и как одна из составляющих государственного суверенитета. Так, например, в проекте Концепции коллективной продовольственной безопасности стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [7] продовольственная безопасность определяется как достижение достаточного уровня обеспечения питания для населения «преимущественно за счет собственного производства». Одной из основных мер достижения продовольственной независимости является политика импортозамещения в сфере питания. Как отмечает Х.У. Белхароев, «современные вызовы мировой глобальной экономики требуют экспортно ориентированных и импортозамещающих производств» [1]. Для определения уровня обеспечения продовольственной независимости можно использовать предложенную В.А. Дадалко, Е.Р. Михалко и А.В. Дадалко классификацию уровней продовольственной безопасности в зависимости от са-

модостаточности продовольственной системы государства [5, с. 111]. Достижение минимальной зависимости от импорта продуктов питания позволяет государству эффективно противостоять любым санкционным ограничениям, прямо или косвенно направленным на подрыв продовольственной безопасности. Политика продовольственной независимости, безусловно, является наилучшим способом защиты государства в условиях санкционного давления.

Таким образом, негативное влияние санкционных ограничений на обеспечение продовольственной безопасности невозможно отрицать. В настоящее время международное право в отношении продовольственной безопасности закрепляет основные принципы её обеспечения, право человека на питание, ставит уничтожение голода в качестве одной из важнейших целей международного сотрудничества, предусматривает развитие межгосударственного взаимодействия в форме реализации различных программ поддержки регионов, сталкивающихся с проблемой голода. Однако вопросы признания и оценки нарушения продовольственной безопасности, а также применения мер международной ответственности за соответствующие нарушения требуют совершенствования международно-правового регулирования. Представляется необходимым определение критериев признания нарушений в сфере обеспечения продовольственной безопасности вследствие применения санкционных ограничений, в том числе путем развития практики международных судебных органов, а также прямое закрепление на уровне международных актов запрета на допущение таких нарушений и создание системы мер международной ответственности. В настоящий момент наиболее эффективной мерой противодействия санкционному влиянию на продовольственную безопасность представляется сочетание мер самозащиты в виде применения контрсанкций, направленных на понуждение государства – инициатора санкций к отказу от применения санкций, и проведения политики продовольственной независимости государством, в отношении которого применяются санкции.

Литература

1. Белхароев Х.У. К вопросу о правовом регулировании продовольственной независимости России: внутренние и внешние угрозы // *Хозяйство и право*. 2022. № 5. С. 75–82.
2. Белхароев Х.У. Проблемы правового и ресурсного обеспечения продовольственной безопасности России (в условиях санкционного противостояния) // *Хозяйство и право*. 2022. № 6. С. 66–75.
3. Блохин Ю.В., Зайцев В.В. Становление контрсанкционного законодательства России // *Власть Закона*. 2025. № 4. С. 85–99.
4. Вечернин Д.С. Проблема обеспечения продовольственной безопасности в контексте реализации принудительных и ограничительных мер: международно-правовые аспекты // *Вестник Московского университета МВД России*. 2025. № 1. С. 17–25.
5. Дадалко В.А., Михалко Е.Р., Дадалко А.В. Продовольственная безопасность: национальные интересы, проблемы, тенденции, риски, перспективы: монография. М., 2017. 696 с.
6. Капустин А.Я. Санкции ООН: Международно-правовая концептуализация принудительных мер // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 6 (73). С. 85–90.
7. Михнюк А.И. Коллективная продовольственная безопасность ЕАЭС: правовые аспекты / Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы. Материалы II Международной научно-практической конференции // Минск: БГУ. 2024. С. 146–151.
8. Тарабрин А.Д. Критерии правомерности односторонних ограничительных мер: теория и практика // *Международное публичное и частное право*. 2024. № 4. С. 7–12.
9. Юрицин А.Е. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО): назначение и основные принципы деятельности / А.Е. Юрицин // *Вестник Университета «Кластер»*. 2022. № 7(7). С. 46–54.
10. Biersteker T.J., Eckert S.E., Tourinho M. (eds.) *Targeted Sanctions: The Impacts and Effectiveness of United Nations Action*. Cambridge University Press, 2016 // URL: https://assets.cambridge.org/9781107134218/frontmatter/9781107134218_frontmatter.pdf (дата обращения: 22.06.2026).
11. Cortright D., Lopez G.A. *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft*. Rowman & Littlefield, 2002 // URL: <https://archive.org/details/smartsanctionsta0000unse> (дата обращения: 22.06.2026).
12. Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Консультант Плюс».
13. Международный билль о правах человека // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/hr_bill.shtml (дата обращения: 19.06.2026).

14. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Подписан в г. Женеве 8 июня 1977 г.) // СПС «Консультант Плюс».

15. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

16. Европейская социальная хартия (пересмотренной) (принята в г. Страсбурге 03.05.1996) // СПС «Консультант Плюс».

17. Римская декларация о всемирной продовольственной безопасности и План действий Всемирного продовольственного саммита. Приняты на Всемирном продовольственном саммите. Рим, 13–17 ноября 1996 г. // Food and Agriculture Organization of the United Nations. // URL: <https://www.fao.org/4/w3613e/w3613e00.htm> (дата обращения: 22.06.2026).

18. Всеобъемлющая африканская программа развития сельского хозяйства (CAADP). 2003 г. // URL: <https://www.nepad.org/caadp/publication/comprehensive-africa-agriculture-development-programme> (дата обращения: 20.06.2026).

19. Решение Суда Европейского союза от 25 июня 2020 г. // URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=227736&pageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=6739836&fbclid=IwAR338oag4XIFbULVA-R_6xjZ5puSalTDmIvWLPJbZ8z_Inb5sRSAEpx5RnnA (дата обращения: 20.06.2026).

20. Резолюция № 56/83 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. – Нью-Йорк: ООН, 2002.

21. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года, принят резолюцией № 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 г. // URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-60-1> (дата обращения: 21.06.2026).

22. Программа технического сотрудничества // URL: <https://www.fao.org/technical-cooperation-programme/ru> (дата обращения: 20.06.2026).

THE IMPACT OF ECONOMIC SANCTIONS ON FOOD SECURITY: AN INTERNATIONAL LAW ASPECT

Gorbunov N.S.

Institute of Law and National Security

The article is devoted to assessing the impact of economic sanctions on global food security, as well as analyzing international law and international cooperation in terms of the effectiveness of ensuring food security under sanctions. Special attention is paid to the issue of violating the right to food, which is caused, among other things, by food shortages. The author proposes measures to assess the consequences of economic sanctions on the food security of states, as well as measures aimed at holding responsible for the consequences for the population, including the institution of countermeasures and strengthening national food independence policies.

Keywords: international law, food security, economic sanctions, countermeasures, and food independence.

References

1. Belkharoev Kh.U. On the Issue of Legal Regulation of Russia's Food Independence: Internal and External Threats // *Economy and Law*. 2022. No. 5. Pp. 75–82.
2. Belkharoev Kh.U. Problems of Legal and Resource Support for Russia's Food Security (in the Context of Sanctions) // *Economy and Law*. 2022. No. 6. Pp. 66–75.
3. Blokhin Yu.V., Zaitsev V.V. Formation of Russia's Counter-Sanctions Legislation // *Vlast Zakona*. 2025. No. 4. Pp. 85–99.
4. Vechernin D.S. The Problem of Ensuring Food Security in the Context of the Implementation of Coercive and Restrictive Measures: International Legal Aspects // *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii*. 2025. No. 1. Pp. 17–25.
5. Dadalko V.A., Mikhalko E.R., Dadalko A.V. *Food Security: National Interests, Problems, Trends, Risks, and Prospects: A Monograph*. Moscow, 2017. 696 p.
6. Kapustin A.Ya. UN Sanctions: International Legal Conceptualization of Coercive Measures // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018. No. 6 (73). Pp. 85–90.
7. Mikhnyuk A.I. Collective Food Security of the EAEU: Legal Aspects / Integration Processes in Eurasia: State, Challenges, and Prospects. Materials of the II International Scientific and Practical Conference // *Minsk: BSU*. 2024. Pp. 146–151.
8. Tarabrin A.D. Criteria for the Legitimacy of Unilateral Restrictive Measures: Theory and Practice // *International Public and Private Law*. 2024. No. 4. Pp. 7–12.
9. Yuritsin A.E. The Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO): Purpose and Basic Principles of Activity / A.E. Yuritsin // *Vestnik Universiteta "Klaster"*. 2022. No. 7(7). Pp. 46–54.
10. Biersteker T.J., Eckert S.E., Turino M. (eds.) *Targeted Sanctions: Consequences and Effectiveness of United Nations Actions*. Cambridge University Press, 2016 // URL: https://assets.cambridge.org/9781107134218/frontmatter/9781107134218_frontmatter.pdf (accessed: 22.06.2026).

11. Cortright D., Lopez G.A. Smart Sanctions: Targeting Economic Governance. Rowman and Littlefield, 2002 // URL: <https://archive.org/details/smartsanctionsta0000unse> (accessed: 22.06.2026).

12. The Universal Declaration of Human Rights (adopted on December 10, 1948, by Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly // SPS Consultant Plus.

13. International Bill of Human Rights // URL: https://www.un.org/ru/documents/de-cl_conv/hr_bill.shtml (accessed on 19.06.2026).

14. Additional Protocol to the Geneva Conventions of 12 August 1949, relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Signed in Geneva on 8 June 1977) // SPS Consultant Plus.

15. The International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly).

16. The European Social Charter (Revised) (adopted in Strasbourg on 03.05.1996) // SPS Consultant Plus.

17. The Rome Declaration on World Food Security and the World Food Summit Action Plan. Adopted at the World Food Summit. Rome, November 13–17, 1996 // Food and

Agriculture Organization of the United Nations. // URL: <https://www.fao.org/4/w3613e/w3613e00.htm> (date of application: 22.06.2026).

18. Comprehensive African Agricultural Development Program (CAADP). 2003 // URL: <https://www.nepad.org/caadp/publication/comprehensive-africa-agriculture-development-programme> (date of application: 20.06.2026).

19. Judgment of the Court of the European of the Union on June 25, 2020 // URL: https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=227736&PageIndex=0&doclang=en&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=6739836&fbclid=IwAR338o-ag4XIFbULVAR_6xjZ5puSaITDmlVWLpJbZ8z_INb5sRSAEpx5RnnA (date of application: 20.06.2026).

20. Resolution No. 56/83 of the UN General Assembly of December 12, 2001 "Responsibility of States for internationally wrongful acts" // Official Records of the General Assembly. – New York: UN, 2002.

21. The 2005 World Summit Outcome Document, adopted by General Assembly resolution No. 60/1 of September 16, 2005 // URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-60-1> (date of application: 21.06.2026).

22. Technical Cooperation Program // URL: <https://www.fao.org/technical-cooperation-programme/ru> (date of application: 20.06.2026).

Правовая природа соглашения об изъятии недвижимости для целей комплексного развития территории: проблемы теории и практики

Денчик Артем Григорьевич,

аспирант кафедры «Государственно-правовые и финансово-правовые дисциплины», АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

E-mail: art.denchik@gmail.com

В настоящее время актуализируется вопрос о развитии как Российского государства в целом, так и отдельных его субъектов, территорий. Данное направление требует немалых ресурсных затрат, не только финансовых, административных, но и территориальных, использование которых регулируется спецификой законодательства. В ряде случаев стратегии развития отдельных направлений субъектов РФ (строительство дорог, социально значимых объектов, производств) связаны с тем, что затрагивается право собственности на недвижимость, земельные участки или строения необходимо изъять для государственных нужд. Безусловно, право собственника должно быть защищено и основным инструментом этого является соглашение об изъятии недвижимости, которое предоставляет гарантии прежним владельцам недвижимости и предоставляет возможность необходимого изъятия имущества на законных основаниях.

Целью данной работы определяется изучение правовой природы соглашений об изъятии недвижимости для комплексного развития территорий.

Ключевые слова: комплексное развитие территорий, изъятие недвижимости, правовое соглашение, право собственности, земельные участки, юридические гарантии, правовой механизм

Введение

Развитие строительства, промышленности, жилого фонда в Российском государстве реализуется стремительными темпами и зачастую для полноценного осуществления этого процесса необходимо привлечение дополнительных ресурсов: кадровых, финансовых, территориальных. Именно поэтому несколько десятилетий назад актуализировалась проблематика создания правового механизма, который позволит обеспечить модернизацию жилых и нежилых территорий для обеспечения комфортной среды проживания. Особое внимание в данном процессе уделяется нежилым территориям (ветхим, заброшенным постройкам), которые предполагается модернизировать в современные жилые комплексы с полноценной инфраструктурой, а также участкам, которые находятся на территории предполагаемого строительства.

Однако, некоторые случаи, связанные с комплексным развитием территорий имеют ряд особенностей, в число которых входит наличие собственника у недвижимости и конечно же, законного права обладания и распоряжения конкретным объектом. Для реконструкции, модернизации, нового строительства недвижимость необходимо изъять, однако данный момент в теории, да и по факту возможно связать с нарушением законного права собственности. В контексте этого значим вопрос о создании инструмента, который позволит сделать процесс изъятия законным, а ущерб для владельца—минимальным. В сфере правоприменительной практики речь идет о заключении соглашений с собственниками.

Соглашение об изъятии недвижимости для целей комплексного развития территории на настоящий момент характеризуется как правовой инструмент, регулирующий прекращение прав на земельные участки и расположенные на них объекты недвижимости в рамках реализации проектов комплексного развития территорий. Его правовая природа сочетает элементы как общих норм об изъятии для государственных и муниципальных нужд, так и специальных положений, связанных с обусловленностью необходимости изъятия имущества.

В контексте актуальности и значимости данного вопроса нами определен понятийный аппарат исследования: целью конкретизировано изучение правовой природы соглашений об изъятии недвижимости для комплексного развития территорий. Объект—правовая категория «комплексное развитие территорий», предмет—правовая природа соглашений в данной сфере.

В качестве основных задач выделены:

- актуализация механизма комплексного развития территорий;
- исследование соглашений об изъятии недвижимости и природы их разработки.

Материалы и методы исследования

Основой исследования служат две группы источников:

- законодательные акты (к примеру, Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 494-ФЗ);
- работы исследователей, посвященные как процессу комплексного развития территорий в целом (М.Н. Гаврилюк, В.Ю. Дмитриева, Е.Н. Баширина), так и изучении отдельных его механизмов (О.Б. Бородин, Р.В. Жданова, Ю.С. Сеница). Однако, наиболее важны труды А.Ю. Каленкова, Д.А. Ключниковой, рассматривающие соглашения как инструмент обеспечения прав собственников изъятых имущества и предоставления возможности целевого использования данной недвижимости.

Теоретико-методологический анализ указанных источников позволяет удерживать «правовой баланс» в исследовании процесса изъятия недвижимого имущества и использования развивающего потенциала этого ресурса.

Результаты и их обсуждение

Комплексное развитие территорий—важнейшее направление совершенствования деятельности государства в отношении повышения качества жизни граждан, уровня благосостояния субъектов РФ. В качестве основных задач возможно отметить: повышение комфортности среды проживания, туристической привлекательности территории, развитие экономики и инфраструктуры региона [2].

Учитывая вышеуказанные факты, нужно говорить о значимости данного процесса, о том, что изначально он закреплён в законодательстве [11], и это подчеркивает его важность для отдельных субъектов и страны в целом. Комплекс мер по развитию территорий предусматривает переселение жителей, снос или реконструкцию старых зданий, строительство новых жилых комплексов, а также развитие социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры. Данные меры реализуются с учётом интересов правообладателей земельных участков, которые могут инициировать проекты или получать компенсации за свои объекты.

Исследуя правовой механизм комплексного развития территорий, М.Н. Гаврилюк [2] отмечает, что если строительство объектов инфраструктуры, жилых и нежилых зданий происходит в рамках комплексного развития территорий, то суду нет необходимости обосновывать невозможность этого строительства в иных местах и изъятие недвижимости происходит в контексте функционирующего правового механизма.

В правоприменительной практике отмечается, что отношения между собственником недвижимого имущества и организаторами строительства носят имущественный характер [1, с. 77], поэтому основания их возникновения конкретизируются гражданским и земельным законодательством. Однако, в данной области, как отмечают О.Б. Бородин, Р.В. Жданова, Ю.С. Сеница [1], существует множество пробелов и неясностей. Прежде всего, говоря о природе подобных соглашений А.Ю. Каленков [4] апеллирует к Главе VII Земельного кодекса РФ, где прописан порядок изъятия земельных участков как объектов недвижимости. Как отмечает данный автор, именно пробел в законодательстве обусловил необходимость разработки особой статьи и определения «специального, упрощенного порядка» изъятия земельных участков в целях обеспечения комплексного развития территорий [4, с. 83]. В юридической литературе [6], более раннего периода актуализировались две противоположных точки зрения: одни исследователи утверждали, что при согласии собственника земельного участка на изъятие принадлежащего ему участка для публичных нужд основанием отчуждения служит сложный юридический состав, другие напротив, говорили о том, что основанием отчуждения земельных участков служит лишь соглашение о выкупной цене и других условиях выкупа. Между тем необходимо понимать, что в данной процедуре затрагивается право собственности на недвижимость и поэтому указанное соглашение нужно разрабатывать и реализовывать в контексте соблюдения неприкосновенности данного права.

Однако, в данном случае мы имеем дело с вмешательством публичного интереса в частный интерес и для того, чтобы не было конфликта интересов и исков об охране законных прав собственности на недвижимое имущество, которое подлежит отчуждению, необходима реализация специфических правовых инструментов, в данном случае—соглашений. И хоть указанное соглашение отражено в ст. 56.9 Земельного кодекса РФ [12], его содержание и смысл неоднозначны и требуют детального рассмотрения. Формальные процедурные моменты, которые отражены в кодексе, не всегда реализуются на практике и поэтому содержание должно быть максимально конкретизировано и процедуру изъятия важно определить под четкий контроль для соблюдения прав собственности в отношении отчуждаемой недвижимости.

По мнению различных авторов [6], [9] природа данного соглашения многокомпонентна и требует постоянного изучения в контексте возникновения новых обстоятельств. Кроме того, в силу ряда особенностей и противоречий данный правовой инструмент нуждается в конкретизации основных характеристик, в определении тех «проблемных зон», где могут возникать сложности.

В первую очередь исследователи [3] указывают на публично-правовой характер соглашения. Изъятие имущества происходит в целях реализации публичных интересов (строительства, реконструкции объектов федерального, регионального или местного значения). При этом процедура регулируется нормами земельного и отчасти гражданского законодательства, хотя она касается имущественных прав частных лиц и нуждается в расширении содержания норм частного права.

Правовая природа подобных соглашений позволяет фиксировать условия прекращения прав на земельные участки и расположенные на них объекты недвижимости в связи с их изъятием для государственных или муниципальных нужд. Механизм данного соглашения сочетает элементы административного акта, договора и механизма регулирования отношений между государством (или муниципалитетом) и правообладателем. Предметом соглашения является не только отчуждаемое имущество, но и компромисс между собственником и субъектом комплексного развития территорий. Право собственности на недвижимость, которое закреплено законом, в данном случае нарушается и не-

смотря на общественную значимость прекращения прав владения недвижимостью, собственнику необходимо обеспечить гарантии о том, что будет предоставлена компенсация либо замена равноценным объектом недвижимости отчуждаемого. И одной из сложностей, которые возникают при заключении соглашения является оценка стоимости имущественного объекта. Важность вопроса возрастает в случаях, когда предметом соглашения становится недвижимость—единственное жилье собственника. Принятие за основу кадастровой стоимости объекта не обеспечивает возможности гражданину купить равноценное жилье, а предоставить компенсацию в размере рыночной стоимости не всегда позволяют средства бюджета субъекта, на территории которого находится объект.

Соглашение, которое заключается между участниками процедуры изъятия, носит добровольный, договорной характер, однако, если его заключить не удастся, то процедура происходит в судебном порядке и положения, которые могли быть отражены в соглашении (условия, предмет), необходимо фиксировать в ходатайстве, которое административные органы подают для осуществления процедуры изъятия. Безусловно, рассуждая о добровольности, важно понимать ее «условный характер», т.к. имущество будет однозначно изъято в социально значимых целях (комплексное развитие территории), однако разница в результате заключается в правовом отношении собственника к данной процедуре. Понимание значимости отчуждения недвижимости, готовность к заключению договора обуславливают разработку взаимовыгодного для обеих сторон договора. В ином случае судебное вмешательство требует больших ресурсных и временных затрат.

Важным моментом, в котором могут возникнуть неясности и противоречия, является предмет соглашения—собственно недвижимость. В данном случае важно определить не только сам предмет, но и правовые последствия реализации данного соглашения: возможное наступление права собственности в отношении новых объектов недвижимости у правообладателя отчуждаемого имущества либо выплата ему компенсации. При этом размер компенсации, как определяет М.Н. Гаврилюк [2] должен рассчитываться, исходя из рыночной стоимости объекта недвижимости вместе с теми убытками, которые несет собственник в связи с отчуждением имущества. Кроме того, если на данном объекте велась коммерческая деятельность, то необходимо собрать и предоставить все расчеты, которые связаны с расходами, финансовыми результатами и иными моментами, обязательными к учету при расчете стоимости компенсации.

В работе А.Ю. Каленкова [4] интерес представляет анализ судебной практики по реализации соглашения об отчуждении. Решение Останкинского районного суда г. Москвы от 22 ноября 2016 года, и последующее Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2017 по делу № 33–13265/2017 касаются такой специфики как целостность предмета соглашения. В данном случае истец (собственник земельного участка) говорил о том, что он не давал разрешения на выделение части земельного участка из целого и т.к. на участке расположен дом, который является единственным жильем, то раздел земли делает его непригодным для проживания. Однако, судебной инстанцией в иске было отказано, т.к. изъятие участка производилось в целях комплексного развития территорий (строительства транспортной магистрали) и оспариваемое Распоряжение административных органов само по себе актом изъятия земельного участка не является, поскольку в силу положений ст. 282 ГК РФ и 56.9 ЗК РФ изъятие осуществляется либо на основании соответствующего соглашения об изъятии, либо на основании решения суда и закону не противоречит. И в данном случае необходимо подчеркнуть, что в соглашении важно конкретизировать сам предмет (его содержание, масштаб и размер) и предоставить возможность собственнику заявить о необходимости отчуждения всего объекта недвижимости, если использование его части представляется бесполезным.

Д.А. Ключникова [7] и С.И. Шульженко [10] в этой связи отмечают, что современные нормы права не обеспечивают полноценной реализации соглашений, т.к. их природа двойственна. С одной стороны, государственные и муниципальные органы, организуя процедуру изъятия, руководствуются императивными нормами гражданского, земельного права для реализации социально значимой цели, с другой, в рамках этого же законодательства необходимо обеспечить права и интересы граждан, чье право собственности затрагивается. И в данном случае возникает противоречие: декларируется и реализуется неприкосновенность права собственности и одновременно формируется основа для принудительного прекращения права собственности на недвижимость. Данную проблему, как подчеркивают исследователи, необходимо регулировать в контексте четкого определения содержания соглашения об изъятии недвижимости, конкретизируя ключевые моменты. При этом, анализируя правовые последствия, важно понимать, что изъятие происходит лишь после заключения соглашения и поэтому от сво-

временности и четкости соблюдения процедурных моментов зависят такие стратегические моменты как комплексное развитие территорий.

Исследование использованных нами источников и практики правоприменения позволило выделить несколько характеристик, которые отражают правовую природу данного соглашения об отчуждении имущества: – в первую очередь, главным основанием для перехода права собственности на строения, участки является соглашение. Также именно оно способствует прекращению обязательств предыдущего владельца по отношению к недвижимому имуществу;

– соглашение необходимо для того, чтобы недвижимое имущество было изъято на законных основаниях в целях комплексного развития территорий. Альтернативой соглашению является судебное решение, но, как мы понимаем, этот вариант наименее предпочтителен для обеих сторон;

– кроме того, для конкретизации условий соглашения и удовлетворения законных интересов собственника предусмотрены несколько вариантов (денежная компенсация, безвозмездная аренда недвижимости, которая находится в государственной собственности или предоставление равноценного имущества [2, с. 143];

– соглашение является по своей сути документально оформленным договором, который содержит в себе и процессуальные характеристики, а также юридические последствия реализации, такие как целевое назначение использования, критерии и условия комплексного развития территорий и пр.).

Учитывая вышесказанное, во всех проанализированных нами источниках соглашение рассматривается в качестве инструмента, который способствует реализации законных прав собственности в ситуациях, когда данные права приобретают несколько иной «оттенок» в контексте законного изъятия и использования недвижимости в социально значимых целях. Гарантия имущественных и неимущественных прав граждан как раз и закрепляется в данных соглашениях, учитывая необходимость изъятия имущества и предоставляя собственникам альтернативные варианты недвижимости либо компенсации.

Выводы

Таким образом, важно подчеркнуть, что правовая природа заключения соглашений об отчуждении объектов недвижимого имущества отражает те содержательные характеристики, которые позволяют использовать строения, землю для повышения экономического потенциала территорий, увеличения их туристической привлекательности, развития строительства. И так как тенденции экономического роста и совершенствования объектов инфраструктуры в государстве «набирают обороты», то подобный правовой механизм все чаще используется в юридической практике. В связи с этим актуализируется вопрос о совершенствовании не только норм права, которые регулируют этот вопрос, но и о более тщательном анализе юридической практики, что позволяет рассматривать уникальные случаи и создавать правовые прецеденты, позволяющие предотвращать возможные проблемы. Кроме того, нами был выявлен ряд сложностей, препятствующих добровольному заключению соглашений. Эти сложности также можно минимизировать путем запроса объективных достоверных данных, к примеру, о рыночной стоимости объекта не только в регистрационной палате, но и проанализировав рынок недвижимости. Ведь подобные вопросы касаются не только принципиальной позиции, но и приоритетов жизнеобеспечения в случаях, к примеру, когда жилье является у собственника единственным и необходимо для постоянного проживания. Также одним из важнейших моментов необходимо указать конкретизацию направлений удовлетворения имущественных интересов собственников, предоставляя возможность выбора денежной компенсации, замены имущества либо какого-либо приемлемого варианта.

Изучив работы различных исследователей, мы приходим к выводу о том, что наряду с нормами законодательства судебная практика не только не менее важна, она даже находится в приоритете, т.к. предоставляет материал не столько для теоретических исследований, сколько для предотвращения возникновения споров и оптимизации процесса изъятия имущества в целях комплексного развития территорий.

Несмотря на то, что основные положения изучаемой нами темы зафиксированы в ст. 56.9 Земельного кодекса РФ, мы предлагаем дополнить ее комментариями, разработанными на основе юридической практики, касающимися оценки имущества, процедуры его передачи, обеспечения имущественных и неимущественных прав собственников, что позволит максимально оптимизировать процедуру.

Литература

1. Бородин О. Б., Жданова Р. В., Сеница Ю. С. Анализ процедуры изъятия земель для государственных и муниципальных нужд // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 8 (236). С. 77–82.

2. Гаврилюк М. Н. Правовой механизм комплексного развития территорий // *Аграрное и земельное право*. 2025. № 6. С. 141–145.

3. Дмитриева В. Ю., Баширина Е. Н. Особенности изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2026. № 1–2. С. 109–114.

4. Каленков А. Ю. Некоторые вопросы подготовки заключения и реализации соглашения об изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд // *Право и государство: теория и практика*. 2017. № 8 (152). С. 83–88.

5. Каленков А. Ю. «Редевелопмент» территорий: правовые аспекты изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд // *Право и государство: теория и практика*. 2017. № 9 (153). С. 104–109.

6. Кирсанов А. Р. Комплексное развитие территорий: от глобальных планов к конкретным проблемам // *Имущественные отношения в РФ*. 2022. № 11 (254). С. 35–42.

7. Ключникова Д. А. Процедура изъятия земельных участков для государственных и (или) муниципальных нужд для размещения линейных объектов // *Мировая наука*. 2026. № 4 (109). С. 128–134.

8. Проблемы урегулирования публичных интересов и интересов граждан при изъятии земельных участков: правовой аспект // *Отечественная юриспруденция*. 2019. № 2 (34). С. 33–37.

9. Самончик О. А. Комплексное развитие территории – основания для изъятия земельных участков? // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 9 (177). С. 15–19.

10. Шульженко С. И. Правовые проблемы комплексного развития территорий (часть 3) // *Управленческое консультирование*. 2022. № 3 (159). С. 172–189.

11. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий». Эл. ресурс: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46327> Режим доступа: www.kremlin.ru (Дата обращения 15.06.2026).

12. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 02.05.2026). эл. ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/. Режим доступа: www.consultant.ru (Дата обращения: 15.06.2026)

THE LEGAL NATURE OF THE AGREEMENT ON THE EXPROPRIATION OF REAL ESTATE FOR THE PURPOSES OF COMPLEX DEVELOPMENT OF THE TERRITORY: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Denchik A.G.

Moscow University of Finance and Law

Currently, the issue of development of both the Russian state as a whole and its individual subjects, territories is becoming more relevant. This area requires considerable resource expenditures, not only financial and administrative, but also territorial, the use of which is regulated by the specifics of legislation. In a number of cases, the development strategies of individual regions of the Russian Federation (construction of roads, socially significant facilities, and production facilities) are related to the ownership of real estate. Of course, the right of ownership must be protected, and the main tool for this is the agreement on the seizure of real estate, which provides guarantees to the previous owners of the property and allows for the necessary seizure of property on legal grounds.

The purpose of this work is to study the legal nature of real estate withdrawal agreements for the integrated development of territories.

Keywords: integrated development of territories, real estate withdrawal, legal agreement, ownership, land plots, legal guarantees, legal mechanism

References

1. Borodina O.B., Zhdanova R.V., Sinitsa Yu.S. Analysis of the procedure for the withdrawal of land for state and municipal needs // *Agrarian and Land Law*. 2024. No. 8 (236). Pp. 77–82.

2. Gavriluk M.N. Legal mechanism for the integrated development of territories // *Agrarian and Land Law*. 2025. No. 6. Pp. 141–145.

3. Dmitrieva V. Yu., Bashirina E.N. Features of the Expropriation of Land Plots for State and Municipal Needs // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2026. No. 1–2. Pp. 109–114.

4. Kalenkov A. Yu. Some Issues of Preparing and Implementing an Agreement on the Expropriation of Real Estate for State or Municipal Needs // *Law and State: Theory and Practice*. 2017. No. 8 (152). Pp. 83–88.

5. Kalenkov, A. Yu. “Redevelopment” of Territories: Legal Aspects of Land Expropriation for State or Municipal Needs // *Law and State: Theory and Practice*. 2017. No. 9 (153). Pp. 104–109.

6. Kirsanov, A.R. Complex Development of Territories: From Global Plans to Specific Problems // *Property Relations in the Russian Federation*. 2022. No. 11 (254). Pp. 35–42.

7. Klyuchnikova, D.A. Procedure for the Expropriation of Land for State and (or) Municipal Needs for the Placement of Linear Facilities // World Science. 2026. No. 4 (109). Pp. 128–134.

8. Problems of Settlement of Public Interests and Interests of Citizens in the Extraction of Land Plots: Legal Aspect // Domestic Jurisprudence. 2019. No. 2 (34). Pp. 33–37.

9. Samonchik O.A. Complex Development of the Territory – Grounds for the Extraction of Land Plots? // Agrarian and Land Law. 2019. No. 9 (177). Pp. 15–19.

10. Shulzhenko S.I. Legal Issues of Comprehensive Territorial Development (Part 3) // Management Consulting. 2022. No. 3 (159). Pp. 172–189.

11. Federal Law No. 494-FZ dated 12/30/2020 “On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to ensure the integrated development of territories”. Electronic resource: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46327> Access mode: www.kremlin.ru (Accessed 06/15/2026).

12. “The Land Code of the Russian Federation” dated 25.10.2001 N 136-FZ (as amended on 02.05.2026). electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/. Access mode: www.consultant.ru (Accessed on 15.06.2026)

Направления развития судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации в контексте цифровизации

Емельяненко Арина Владимировна,

студент, кафедра судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: u.von@list.ru

Цель исследования – выявление сущности основных направлений развития судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации в условиях цифровизации сферы налоговых правоотношений, а также экспертной теории и практики. Научная новизна исследования состоит в обосновании вывода о том, что направлениями развития судебно-налоговой сферы являются расширение использования информационных баз налоговых данных, постоянный рост применения цифровых технологий при проведении экспертных исследований, становление системного подхода в методологии, подготовка обладающих системным мышлением специалистов. В результате исследования установлено, что к главным направлениям развития судебной налоговой экспертизы в условиях информатизации фискального контроля, экспертной теории и практики относятся рост применения баз налоговых данных, использования цифровых технологий в экспертизах, становление системного подхода в методологии, повышение роли специалистов с компетенциями системного анализа и оценки больших массивов цифровой информации. Цифровизация дает больше возможностей судебному налоговому эксперту при реализации им познавательных и профессиональных компетенций.

Ключевые слова: судебная налоговая экспертиза; налоговый контроль; системный подход в методологии судебной налоговой экспертизы; комплексирование в судебной налоговой экспертизе; налоговое правонарушение; налоговое преступление, цифровизация налоговой экспертизы

С развитием социальных функций государства нужно больше налогов для удовлетворения общественных нужд. Растет количество правонарушений, число судебных налоговых экспертиз. Цифровые методы налогового регулирования позволяют эффективнее выполнять налоговый контроль, искать нарушения налогового законодательства, а цифровизация методов экспертной деятельности определяет более эффективное проведение судебных налогово-экспертных исследований. Цифровые технологии расширяют инструментарий экспертиз, повышают качество оформления их результатов, формируют «предпосылки для формирования новых подходов к контролю с использованием информационных систем» [2, С. 27.]. Цифровые технологии активизируют применение моделирования, сравнительного анализа, комплексирования. Налоговые эксперты, теоретики экспертологии, ученые в области судебной налоговой экспертизы уделяют внимание этому виду экспертных исследований в условиях цифровизации [3, 4, 10–13]. Но вопросы применения цифровых технологий в судебно-экспертной налоговой деятельности рассматриваются в литературе пока недостаточно. Уделяется мало внимания анализу тенденций цифровизации в комплексе, чтобы показать, как применение информационных технологий определяет характер развития судебной налоговой экспертизы в целом. Поэтому требуется дальнейшее теоретическое осмысление цифровизации судебной налоговой экспертизы, что поможет лучше понять ее проблемы, наметить пути их решения в условиях роста информационных технологий. Все сказанное и определило выбор темы. **Целью работы** является определение и выявление сущности основных направлений развития судебной налоговой экспертизы в Российской Федерации в условиях цифровизации сферы налоговых правоотношений, а также экспертной теории и практики.

Для достижения **цели**, поставленной в статье, решаются такие **задачи**:

- охарактеризовать тенденции изменения судебной налоговой экспертизы в условиях цифровизации, вызванные резким ростом количества экспертного материала, увеличением доступности данных в силу применения цифровых форм налогового контроля, информационных баз, компьютерных программ;
- обосновать необходимость формирования судебного налогового эксперта как специалиста, способного к системному анализу и осмыслению больших массивов информации, творческому усвоению опыта коллег-экспертов;
- показать пути совершенствования методологии судебной налоговой экспертизы в условиях цифровизации в рамках становления системного подхода.

В статье применяется диалектический метод познания сферы налоговых правоотношений. Изложение материала ведется в соответствии, прежде всего, с принципами единства исторического и логического (учитывается динамика и современное состояние как самой фискальной сферы, так и прогресс в ее теоретическом осмыслении) и системности (судебная налоговая экспертиза рассматривается в единстве с комплексом общественных, в первую очередь, фискальных отношений). Применяются основные логические приемы и методы познания действительности, взятые с учетом специфики правовой и налоговой сфер (в частности, анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция).

Развитие судебной налоговой экспертизы во многом определяет цифровизацией налогового контроля, что позволяет эксперту использовать больше данных. Можно выделить ряд проявлений этого процесса. Во-первых, это применение систем искусственного интеллекта с целью анализа таких больших массивов налоговой информации, которые не могут быть исследованы непосредственно человеком. Критерии и принципы анализа в программы ИИ закладываются специалистами как в сфере информационных технологий, так и налоговых правоотношений, что позволяет сделать менее трудоемким получение релевантных выводов о соблюдении налогового законодательства.

Во-вторых, цифровые технологии используются для контроля за движением денежных средств. Центробанк РФ контролирует финансовые потоки, оценивает данные о финансовых операциях. Федеральная служба по финансовому мониторингу РФ (Росфинмониторинг) противодействует легализации преступных доходов, борется

с финансированием терроризма, координирует деятельность государственных органов и организаций по борьбе с угрозами национальной безопасности, возникающими в результате совершения различных финансовых операций. Данные Росфинмониторинга используются и в целях налогового контроля для максимизации налоговых платежей.

В-третьих, налоговые органы в рамках соблюдения конституционных прав и свобод граждан, а также требований налогового законодательства, могут с применением ИИ проводить мониторинг социальных сетей для поиска и анализа информации с целью определения доходов и расходов налогоплательщиков, а также об исполнении ими своих обязанностей по уплате налогов. Решение о соответствии или несоответствии доходов и расходов граждан принимается должностными лицами контролирующими налоговыми органами на базе не только данных ИИ, но и всей полученной, в т.ч., другими способами, информации.

В-четвертых, благодаря ИИ, обрабатываемому большие объемы данных, налоговые органы проводят сопоставление доходов и расходов. При этом решения (как и при определении доходов и расходов налогоплательщиков) принимаются не ИИ (он лишь средство налогового контроля), а должностными лицами налоговых органов на основе учета всех доступных фактов.

В законодательстве РФ цифровые технологии определяются «как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов, необходимых в данном случае для решения судебно-экспертных задач» [9]. Аргументация в судебных дискуссиях опирается зачастую не на формально-логические или «традиционные» доводы из экспертной практики, а на цифровые доказательства. Последние получают «при выявлении, фиксации на специфических компьютерных носителях, изъятии, сохранении путем автоматической обработки и исследовании новых видов криминалистически значимой информации» [11, С. 93]. Существенно изменился «характер применения специальных знаний с целью получения цифровых доказательств, и в первую очередь в судебной экспертизе цифровых следов» [11, С. 94].

Теоретики судебной экспертизы обращают внимание на разные аспекты применения информационных технологий. Так Т.В. Аверьянова обосновала использование не только компьютерных средств, а также баз данных, но и систем гибридного интеллекта [1, С. 387]. Использование компьютерных технологий в экспертизе шло до недавнего времени по пути применения компьютерных систем, аппаратных средств и универсального программного обеспечения. Компьютерные системы помогают эксперту в анализе изображений (например, позволяют определить подделку). Есть базы данных и АИПС по различным объектам экспертного исследования (для налоговой экспертизы используются справочно-вспомогательные учеты). Отмечается важность применения систем «сбора и обработки экспертных данных (измерительно-вычислительные комплексы), гибридных человеко-машинных систем и программируемых комплексов автоматизированного решения экспертных задач, программ и программируемых комплексов для вспомогательных расчетов» [7, С. 273].

Цифровой след – это компьютерная информация, криминалистически значимая для экспертных исследований. В экономических экспертизах это сведения о наличии и движении активов хозяйствующей организации (данные о сделках налогоплательщика, его финансовых активах, имеющих значение для целей экономических экспертиз действий). Значимые в криминалистическом отношении сведения о событиях (действиях), имеющие значение для судебной налоговой экспертизы, существуют в виде цифровых следов на компьютерных носителях. Они запечатлеваются посредством компьютерных технологий и программ в неявном виде (т.е. для ее воспроизведения и восприятия в форме, доступной органам чувств человека, необходимы информационные технологии).

Цифровые следы существуют как цифровые коды на компьютерных устройствах, где информация хранится и обрабатывается, передается на другие аналогичные устройства по каналам связи. Цифровые следы едины с носителем, на котором находятся, их нельзя с него «изъять» в прямом смысле этого слова. Поэтому в судебном заседании предъявляются копии со следов, например, распечатка файла с информацией с цифрового устройства. Доказательственное значение имеет не распечатка, а файл в цифровой форме на носителе. Сами носители цифровых следов «также выступают в качестве объектов судебно-экспертного изучения в различных родах судебных экспертиз» [12, С. 751].

В условиях цифровизации совершенствуются методы судебной налоговой экспертизы. Специалисты отмечают важность всестороннего изучения объектов налоговой экспертизы. В.В. Голикова подчеркивает, что «направляемые на экспертизу материалы должны быть обрабо-

ны с такой полнотой, которая обеспечивает комплексное представление системы данных, отражающих балансовые взаимосвязи оборотов по счетам» [4, С. 220]. Цифровизация судебной экспертизы привела к активному использованию «справочно-информационных фондов (СИФ), основанных на цифровых технологиях» [10, С. 175]. Применяются системы криминалистической регистрации, включающей «криминалистические учеты и справочно-информационные фонды в процессе их цифровизации» [13, С. 27]. Для определения налоговых нарушений имеет значение информация из справочно-информационных фондов, а также из цифровых баз данных системы криминалистической регистрации АИПС судебно-экспертного назначения и справочно-информационных фондов.

В налоговой экспертизе все чаще проявляется комплексность, когда используются методы, например, бухгалтерской, трасологической экспертизы, вместе с информационными технологиями для анализа цифровых следов. Их выявление и изучение связывает цифровую криминалистику и судебно-экспертную деятельность в области налоговых правоотношений. Возможности цифровизации позволяют адекватнее выразить налоговые процессы, получать больше данных о налоговых правоотношениях. Эксперты имеют дело с криминалистически значимой информацией, «существующей посредством компьютерных средств и систем (судебной аппаратно-компьютерной, судебной программно-компьютерной, а также судебной информационно-компьютерной)» [11, С. 94]. При изъятии с удаленного сервера «данных о финансовых операциях, осуществляемых с помощью специальной программы, разработанной для банковской сферы, необходимо совместное участие специалистов в области судебной компьютерно-технической и финансово-экономической экспертиз» [10, С. 175]. Экспертами могут исследоваться и объективированные цифровые следы (например, скриншоты, распечатки электронных документов и т.п.).

Комплексирование в налоговой экспертизе можно рассматривать в виде проявления формирующегося системного подхода в сфере экспертных исследований. Как отмечает Е.Р. Россинская, оно «выступает как элемент в системе нескольких родов экспертиз, используемых в комплексе для изучения представленного объекта» [10, С. 175]. При комплексном изучении происходит не распределение объектов по экспертам, а совместное исследование одного объекта несколькими экспертами [15, С. 97]. При комплексировании компьютерно-технической и налоговой экспертиз объектом первой являются носитель информации и находящийся на нем документ, но лишь в плане оценки его адекватности как документа, возможности применять его в экспертном исследовании. Компьютерно-техническая экспертиза не касается экономико-юридического содержания документа, которое становится объектом исследования судебной налоговой экспертизы. Отличаются объекты и предметы экспертиз (объектом являются исследуемые области действительности, а предметом те законы и закономерности, которые они изучают в данной области). Для налоговой экспертизы – это закономерности налогообложения, оценка их с точки зрения верности исчисления и факта уплаты налогов, для компьютерной экспертизы – это оценка доброкачественности носителя и адекватности его содержания, то есть она обеспечивает информационную базу для налогового анализа. Ведущей является налоговая экспертиза, она обеспечивает решение главной задачи, компьютерно-техническая является вспомогательной.

Проявлением эволюции к системному подходу методов налоговой экспертизы в условиях цифровизации является моделирование. Оно представляет собой обработку информации о налоговых правоотношениях при помощи бухгалтерской компьютерной программы [4, С. 175]. Экспертом создается идеальная модель реализации налоговых правоотношений на базе данных из учетных документов (накладных, счетов-фактур и т.д.). В результате установления взаимосвязей первичных документов в модели (данных регистров, сформированных в результате обработки учетных документов), можно сравнить ее с данными регистров бухучета (оборотно-сальдовыми ведомостями), которые предоставил налогоплательщик. При компьютерном моделировании используется программа для ведения бухучета, например «1С: Бухгалтерия предприятия» [5, С. 163]. По итогам компьютерного моделирования получают данные относительно соответствия налоговых платежей хозяйствующего субъекта по конкретному виду (видам) налога действующему налоговому законодательству. Так, компьютерное моделирование позволяет найти суммы налоговых вычетов по уплате НДС, проведя быстрое сравнение данных (сведений из налоговых деклараций с итоговыми данными по суммам налоговых вычетов по уплате НДС). Как отмечает В.В. Голикова, поскольку «итоговые показатели книги покупок используются по итогам налогового периода при составлении налоговой декларации по НДС, следовательно, суммы налоговых вычетов по данным книги покупок должны совпадать с сум-

мами налоговых вычетов по данным налоговых деклараций» [3, С. 32]. При моделировании эксперт строит гипотетическую модель, например, схему уклонения от уплаты налогов. Она позволяет эксперту увидеть наглядно, в чем суть искажений, которые вносил в отчетные документы недобросовестный налогоплательщик. Компьютерная модель учета хозяйствующего субъекта в сфере его налоговых правоотношений с государством строится аналогичным образом.

Укладывается в рамки системного подхода и сравнительный анализ, часто применяемый в судебной налоговой экспертизе (фактически это его элемент). Сравнительный анализ объединяет в одно целое методы анализа, моделирования и сравнения. Применительно к налоговым экспертным исследованиям он «проявляется как рассмотрение фактической модели изучаемого объекта с правовой моделью как универсальной типовой информационной моделью, содержащей предписывающую, программную информацию» [6, С. 230].

Цифровизация активизирует применение системного подхода в судебно-экспертной деятельности. Именно цифровые методы анализа налоговых данных в судебной налоговой экспертизе дают возможность всесторонне рассмотреть информацию. Комплексные исследования, моделирование, сравнительный анализ и интеграция методов познания – частные проявления формирующегося системного подхода в теории и практике судебной налоговой экспертизы.

М.Ш. Баснукаев полагает, что путем совершенствования судебных налоговых экспертиз должен стать обмен опытом их проведения с применением инструментария бенчмаркинга, представляющего собой передовой опыт, достижения практики, в том случае, если это дает наилучший результат [2, С. 27]. У каждого эксперта имеется уникальный опыт, который нужно передать другим специалистам, что положительно влияет на эффективность исследований. В этой связи, одним из важных путей расширения применения информационных технологий в судебной налоговой экспертизе является создание и развитие аналитических ресурсов, аккумулирующих опыт специалистов по налоговым экспертизам [2, С. 27]. В связи с цифровизацией растут возможности экспертных исследований при необходимости подтверждения факта соблюдения фискального законодательства. Используются средства информатизации в деятельности налоговых органов (справочно-информационный ресурс «Риски», данные с него могут использовать должностные лица налоговых органов). Затем руководитель налогового органа решает, целесообразны ли мероприятия «налогового контроля в отношении конкретных юридических лиц» [2, С. 27].

Цифровые технологии нужны и для наглядного представления результатов экспертиз. Средства визуализации и инфографики усиливают аргументацию, облегчают понимание выводов эксперта. Это дает возможность назначившим экспертизу лицам принять обоснованное решение в рамках налогового закона. Е.А. Рыбалка и Л.Н. Кузнецова считают, что «применение инфографики экспертами следует не просто использовать при проведении налогового аудита, но и даже закрепить этот факт на нормативном уровне» [14, С. 454].

Примером реализации тенденции к дальнейшей цифровизации налоговых правоотношений и экспертных исследований в данной области, является изучение операций с цифровыми финансовыми активами. При этом изучаются не сами носители информации, а цифровые записи о наличии указанных активов, а также финансовых операциях с ними. Так, биткоин является таковым именно как цифровая запись на серверах. Пример такой экспертизы – изучение цифровых финансовых активов, полученных при майнинге, то есть предпринимательской деятельности с целью создания цифрового актива (например биткойна). При определении экспертом в данном случае размера НДФЛ, он рассчитывает его исходя из конкретных юридических обстоятельств и имеющихся в его распоряжении документов. Так, данный цифровой финансовый актив создается с помощью компьютерной техники, функционирование которой требует затрат электроэнергии. Следует учитывать и затраты на амортизацию компьютеров, их ремонт и т.п. Информацию о таких расходах эксперт получает из финансово-хозяйственной отчетности фирмы, занимающейся майнингом, и находит сумму неуплаченного налога, учитывая другие полученные доходы за данный календарный год, поскольку ставка НДФЛ составляет от 13% до 22%.

Другой пример – проверка точности расчета налога прибыль, полученную при майнинге цифровых финансовых активов. С 2026 года его ставка составляет 25%. Налоговая база определяется с учетом рыночной котировки криптовалюты на момент возникновения у компании права распоряжения ей. Изучается внутренний учет криптовалютных операций, документы о них в реальном времени (с учетом разницы курсов ЦФА), отслеживаются транзакции. Учитывается, что по п. 1.3 ст. 223 Налогового кодекса РФ, право распоряжаться биткоином воз-

никает в момент его фактического получения, а размер дохода, облагаемого налогом на прибыль, определяется исходя из рыночной котировки криптовалюты на дату, когда у налогоплательщика появилось право распоряжения ею. Рыночная котировка биткойна регулируется ст. 282.3 НК РФ, определяемая как цена закрытия торгового дня на криптобирже [8].

Цифровизация экономики сопровождается усложнением фискальных правоотношений и резким увеличением количества информации, доступной налоговым органам в ходе налогового контроля. К главным направлениям развития судебной налоговой экспертизы в нашей стране в условиях информатизации сферы налоговых правоотношений, а также экспертной теории и практики относятся расширение использования информационных баз налоговых данных, постоянный рост использования цифровых технологий при проведении экспертных исследований (например, использование компьютерных программ), становление системного подхода в методологии (выражением чего является принятие принципа всесторонности рассмотрения, широкое распространение комплексирования и сравнительного анализа, моделирования), повышение роли специалистов, обладающих компетенциями системного анализа и оценки, адекватного осмысления той огромной информации, которая становится доступной им благодаря цифровизации. Последняя стала важным средством, повышающим возможность налогового эксперта. Однако любая система искусственного интеллекта не способна принять обоснованное решение в рамках судебной налоговой экспертизы, это делает подготовленный человек.

Изучение больших массивов информации требует не просто ее обработки программами ИИ, но и применения системного подхода при осмыслении результатов налоговыми экспертами. Необходимостью для последних (как и специалистов в других экспертных областях) становятся навыки системного мышления для получения точных и полных результатов. Нужно повысить внимание к подготовке специалистов по налоговой экспертизе, способных обобщать данные комплексных экспертных исследований, системно анализировать большие массивы информации, творчески усваивать и развивать опыт коллег-экспертов. Цифровизация – важнейшее направление развития современной судебной налоговой экспертизы.

Литература

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480с.
2. Баснукаев М.Ш. Налоговая экспертиза: теоретические подходы. В сборнике: Теоретические и практические аспекты трансформации налоговой системы России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 22–30.
3. Голикова В.В. О научной и методической обоснованности при производстве судебной налоговой экспертизы // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4. С. 217–224.
4. Голикова В.В. Применение метода моделирования при производстве судебных экономических экспертиз // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4–2. С. 173–177.
5. Голикова В.В. Судебная налоговая экспертиза. Учебник. Издательство Проспект, М., 2025. 208с.
6. Данилова Н.А. Использование методов научного познания при выявлении и расследовании невыплаты заработной платы // Общество и право. М., 2010. № 1(28). С. 228–232.
7. Моисеева Т.Ф., Майлис Н.П. Судебная экспертиза. Введение в специальность: учеб. пособие. М.: РГУП, 2017. 224с.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть I) от 31.07.1998 г. N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025). URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (дата обращения: – 25.06.2026).
9. О государственной судебно-экспертной деятельности (ред. от 26.07.2019): ФЗ от 31.05.2001. № 73-ФЗ [Эл. ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.06.2026).
10. Россинская Е.Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 173–178.
11. Россинская Е.Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–1 (62). С. 88–101.
12. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 745–759.

13. Россинская Е.Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6 (70). С. 23–32.

14. Рыбалка Е.А., Кузнецова Л.Н. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях реформирования аудита // Правовые вопросы обеспечения экономической безопасности в условиях информатизации общества: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции 06 апреля 2018 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-н/Д. С. 454–455.

15. Червяков М.Э., Левочкина А.Е. Методологические аспекты проведения судебно-экономической экспертизы // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 2(12). С. 95–110.

DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF FORENSIC TAX EXPERTISE IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Emelyanenko A.V.

Kutafin Moscow State Law University

The purpose of the study is to identify the essence of the main directions for the development of judicial tax expertise in the Russian Federation in the context of digitalization of tax legal relations, as well as expert theory and practice. The scientific novelty of the study lies in substantiating the conclusion that the development of the judicial and tax sphere is based on the expansion of the use of information databases of tax data, the constant growth of the use of digital technologies in conducting expert research, the development of a systematic approach in methodology, and the training of specialists with a systematic mindset. As a result of the study, it was found that the main areas of development of forensic tax expertise in the context of the informatization of fiscal control, expert theory, and practice include the growth of the use of tax data bases, the use of digital technologies in examinations, the development of a systematic approach in methodology, and the increasing role of specialists with competencies in the systematic analysis and evaluation of large amounts of digital information. Digitalization provides more opportunities for a forensic tax expert to implement their cognitive and professional competencies.

Keywords: judicial tax expertise; tax control; systematic approach in the methodology of judicial tax expertise; integration in judicial tax expertise; tax offense; tax crime, digitalization of tax expertise

References

1. Averyanova T.V. Forensic examination: a course of general theory. M.: Norma, 2006. 480p.
2. Basnukaev M. Sh. Tax examination: theoretical approaches. In the collection: Theoretical and practical aspects of the transformation of the Russian tax system. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, 2022. Pp. 22–30.
3. Golikova V.V. On the scientific and methodological validity in the production of judicial tax expertise // Actual problems of Russian law. 2010. № 4. Pp. 217–224.
4. Golikova V.V. Application of the modeling method in the production of judicial economic examinations // Izvestiya of Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. № 4–2. Pp. 173–177.
5. Golikova V.V. Forensic Tax Expertise. Textbook. Prospekt Publishing House, Moscow, 2025. 208 p.
6. Danilova N.A. The Use of Scientific Knowledge Methods in Identifying and Investigating Wage Arrears // Society and Law. Moscow, 2010. № 1(28). Pp. 228–232.
7. Moiseeva T.F., Mailis N.P. Forensic Examination. Introduction to the Specialty: Textbook. Moscow: RSUP, 2017. 224p.
8. Tax Code of the Russian Federation (Part I) dated July 31, 1998, № 146-FZ (as amended on November 28, 2025). URL: <https://nalog.garant.ru/fns/nk/> (accessed on 25.06.2026).
9. On State Forensic Expert Activity (as amended on 26.07.2019): Federal Law № 73-FZ dated 31.05.2001 [Electronic resource] // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus» (accessed on 25.06.2026).
10. Rossinskaya E.R. The concept of a private theory of digitalization of forensic expert activity // Bulletin of Economic Security. 2022. № 5. Pp. 173–178.
11. Rossinskaya E.R. The doctrine of digitalization of forensic expert activity and the problems of forensic expert didactics // The Legal State: Theory and Practice. 2020. № 4–1 (62). Pp. 88–101.
12. Rossinskaya E.R., Semikalenova A.I. Fundamentals of the Theory of Forensic Research of Computer Means and Systems as Part of the Theory of Information and Computer Support for Forensic Activities // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2020. Vol. 11. № 3. Pp. 745–759.
13. Rossinskaya E.R. Digitalization of reference and information funds for criminalistic and forensic purposes as part of the teaching on digitalization of criminalistic registration // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2020. № 6 (70). Pp. 23–32.
14. Fishing E.A., Kuznetsova L.N. Ensuring the economic security of the state in the context of audit reform // Legal Issues of Ensuring Economic Security in the Context of Society's Informationization: Collection of Scientific Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference on April 6, 2018, Rostov-on-Don. Rostov-on-Don, Pp. 454–455.
15. Chervyakov M.E., Levochkina A.E. Methodological Aspects of Forensic Economic Expertise // Social, Economic, and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2019. № 2(12). Pp. 95–110.

Бюджетные механизмы разграничения власти в условиях российского федерализма и их влияние на реальный объем полномочий субъектов РФ

Иналкаева Казбан Саматовна,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой права ФГБОУ ВО
«Чеченский государственный педагогический университет»
E-mail: Kazban1961@mail.ru

В статье рассматривается, как через бюджетные механизмы на практике осуществляется разграничение власти в российской федеративной системе и насколько это влияет на реальный объем полномочий субъектов Российской Федерации. В центре внимания находятся не только юридические формулировки о самостоятельности регионов, но и то, как устроены межбюджетные отношения, распределяются налоговые доходы и трансферты. Статья показывает, что действующая модель бюджетного федерализма сочетает элементы децентрализации и жесткого централизованного выравнивания, и именно от баланса этих элементов зависит, где у региона остаётся пространство для собственной политики. В качестве теоретической базы использованы работы М.М. Бакаевой, А.В. Бессонова, А.Е. Исаевой, А.Н. Курбановой, М.Ю. Малкиной, Е.А. Морозовой и Н.Х. Токаева, позволяющие соединить правовой и экономический взгляд на бюджетный федерализм. На основе этих подходов оценивается, в какой мере система межбюджетных трансфертов и распределения налогов поддерживает конституционную идею самостоятельности субъектов, а в какой – усиливает их зависимость от решений федерального центра. Отдельно затрагивается вопрос политико-экономических факторов, влияющих на распределение помощи между регионами. В заключение формулируются выводы о возможных направлениях корректировки бюджетных механизмов с учётом принципа федерализма и задач устойчивого регионального развития.

Ключевые слова: бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, разграничение полномочий, субъекты Российской Федерации, межбюджетные трансферты, доходная база регионов, финансовая самостоятельность, бюджетная политика.

Введение

Современное федеративное устройство Российской Федерации представляет собой сложную и динамично развивающуюся систему, характеризующуюся наличием конституционно-правовой асимметрии. Данное явление, проявляющееся в различиях правового статуса субъектов Федерации, их полномочий и особенностей взаимоотношений с федеральным центром [6]. Конституционная реформа 2020 года трансформировала правовые основы российского федерализма. Введение концепта «единой системы публичной власти» изменило традиционные представления о природе федеративных отношений. Новые конституционные положения, закрепившие принципы организации публичной власти, потребовали адаптации управленческих механизмов. С.С. Зенин анализирует новые подходы к правовому регулированию системы публичной власти после конституционной реформы. Изменения затронули прежде всего механизмы реализации предметов совместного ведения [4]. Унификация подходов к организации публичной власти в субъектах Федерации создала новые вызовы для сохранения элементов региональной автономии. Исследование показывает необходимость адаптации существующих правовых механизмов к новым конституционным реалиям. А.А. Иналкаев рассматривает особенности развития финансовой системы в условиях технологических новаций в сферах финансовой системы субъекта РФ. Л.Т. Бакулина и А.Л. Васин исследуют договорные отношения в практике российского федерализма как инструмент разграничения предметов ведения. В современный период договорные механизмы утратили свое первоначальное значение [2]. Централизация правового регулирования и унификация подходов к осуществлению полномочий минимизировали возможности использования договоров как средства учета региональной специфики. Это сузило арсенал инструментов гибкого регулирования федеративных отношений.

Вопрос о разграничении полномочий между Российской Федерацией и её субъектами обычно связывают с Конституцией РФ и перечнями предметов ведения, однако в реальных условиях не менее значимыми оказываются бюджетные инструменты. Конституция говорит о самостоятельности субъектов в пределах их компетенции и наличии у них собственных бюджетов, но именно через распределение налоговых доходов и порядок межбюджетной помощи определяются реальные границы этой самостоятельности. Там, где региональная доходная база слаба и значительную часть ресурсов приходится получать в виде дотаций и субсидий, возможности проводить собственную политику заметно сужаются. Поэтому исследование бюджетных механизмов делает видимым тот «пласт» федерализма, который не всегда отражён напрямую в конституционных формулировках, но сильно влияет на поведение региональных властей.

Цель исследования

Целью статьи является выяснение того, как именно действующие бюджетные механизмы разграничения власти в условиях российского федерализма сказываются на фактическом объёме полномочий субъектов РФ. Для достижения этой цели решаются несколько задач: во-первых, рассматриваются различные трактовки бюджетного федерализма и существующие типологии моделей межбюджетных отношений; во-вторых, анализируется структура доходов и расходов региональных бюджетов с точки зрения степени их самостоятельности; в-третьих, оцениваются политико-экономические факторы распределения межбюджетной помощи и возможные последствия таких подходов для региональной автономии. Дополнительно затрагивается вопрос о том, какие изменения бюджетных механизмов могли бы приблизить формально разграниченные полномочия к их реальной, финансово обеспеченной реализации.

Методика и организация исследования

Методологическая основа статьи опирается на сочетание формально-юридического и экономического анализа. С одной стороны, рассматриваются ключевые положения Конституции РФ и Бюджетного кодекса, в которых закреплены принципы самостоятельности бюджетов, разграничения доходных источников и расходных обязательств. С другой стороны, учитываются выводы экономической науки о влиянии структуры доходов и межбюджетных трансфертов на устойчивость региональных

финансов. Важной отправной точкой служит подход М.М. Бакаевой и М.Ш. Давтукаевой, связывающих совершенствование бюджетной модели государства с реализацией системы равновесного налогового регулирования, когда распределение налоговых полномочий поддерживает баланс интересов разных уровней власти [1].

Для уточнения характеристик бюджетного федерализма и его моделей используются работы А.В. Бессонова и А.Е. Исаевой, рассматривающих бюджетный федерализм как порядок организации межбюджетных отношений в федеративном государстве, основанный на разграничении бюджетных полномочий, доходов и расходов между уровнями власти [3], [5]. Модельный ряд, предложенный А.Н. Курбановой и соавторами, позволяет различать более децентрализованные и кооперативные конфигурации, что важно для сопоставления российской системы с зарубежными примерами [8]. А.А. Иналкаевым предложена методология оценки эффективности использования финансовых ресурсов в финансовой системе региона через призму трех оценочных блоков – оценку бюджетной эффективности, оценку экономического благополучия населения региона и оценку финансово-экономического состояния предприятий [7]. Наконец, учитываются выводы М.Ю. Малкиной о политико-экономических факторах распределения межбюджетной помощи, а также более широкий взгляд на региональные финансы, изложенный Н.Х. Токаевым [9], [11].

Результаты исследования и их обсуждение

Обращение к теоретическим источникам показывает, что в отечественной литературе бюджетный федерализм чаще всего понимается как «каркас» межбюджетных отношений, задающий общие принципы распределения ресурсных потоков между уровнями власти [2]. При этом подчёркивается, что к числу таких принципов относятся самостоятельность бюджетов, разграничение доходных источников и расходных обязательств, наличие единых требований к балансу бюджета и покрытию дефицита [3, с. 28]. Однако, как справедливо отмечают А.Н. Курбанова и соавторы, одна и та же формула принципов может реализовываться в разных организационных вариантах: от более децентрализованной модели, где регионы опираются на собственные налоги, до кооперативной, в которой центр активно перераспределяет ресурсы для выравнивания [8].

Российская бюджетная система, если судить по структуре доходов и трансфертов, тяготеет к смешанному, кооперативно-централизованному варианту. С одной стороны, субъекты РФ имеют закреплённые доходные источники, прежде всего по налогу на прибыль организаций и НДС. С другой стороны, в значительной части регионов доля собственных доходов не позволяет полностью покрывать расходные обязательства, что требует масштабной поддержки через дотации на выравнивание, субсидии на софинансирование национальных проектов и субвенции на выполнение отдельных полномочий. В такой конфигурации любая корректировка нормативов отчислений по основным налогам или изменение правил распределения трансфертов непосредственно влияет на то, какие полномочия субъект может реализовать без риска ухудшения финансовой устойчивости.

Отдельный пласт вопросов связан с межбюджетной помощью. М.Ю. Малкина, анализируя распределение дотаций и иных видов поддержки, обращает внимание, что помимо формальных критериев (налоговый потенциал, бюджетная обеспеченность) здесь играют роль и политические факторы, в том числе характер взаимоотношений региональных элит с федеральным центром. Это означает, что одинаково прописанные в законе полномочия субъектов могут наполняться разным финансовым содержанием в зависимости от того, насколько регион вписывается в общую конфигурацию приоритетов центра. В таких условиях бюджетные механизмы становятся не только инструментом выравнивания, но и каналом влияния на направление и масштабы региональной политики.

С точки зрения реального объёма полномочий субъектов РФ ключевым показателем оказывается не только наличие формально самостоятельного бюджета, но и устойчивость доходной базы. А.Е. Исаева подчёркивает, что совершенствование бюджетного федерализма в России связано, в том числе, с укреплением собственных налоговых источников регионов и снижением доли непрозрачных и краткосрочных трансфертов [5]. Если, к примеру, значительная часть расходов на социальную сферу, инфраструктуру или поддержку экономики финансируется за счёт краткосрочных субсидий, привязанных к конкретным федеральным программам, регион фактически лишён возможности выстраивать долгосрочные приоритеты, ориентируясь на собственные задачи развития.

Сравнение российской модели с практикой других федеративных государств, проведённое Е.А. Морозовой, показывает, что в странах с более децентрализованной моделью бюджетного федерализма субъекты

обладают широкой налоговой базой и большей свободой в расходовании средств, тогда как в кооперативных моделях усиливается роль центра, но компенсируется развитой системой согласования интересов [10].

Формирование механизма эффективного финансового обеспечения расходных обязательств субфедеральных органов власти предполагает необходимость решения важной теоретической проблемы – оптимизации принципов централизации и децентрализации в распределении бюджетных полномочий между органами власти по вертикали и по горизонтали в различных моделях бюджетного федерализма. Недоработанность многих положений теории оптимального бюджетного устройства федеративного государства существенно тормозит процессы стабилизации доходной базы субфедеральных органов власти в Российской Федерации, а также эффективного выполнения государством и местным самоуправлением своих функций, конкретизированных в их расходных полномочиях. В конечном итоге это усугубляет фискальные проблемы государства и дестабилизирует развитие национальной финансово-экономической системы.

Период бюджетных реформ в России совпадает с важными изменениями в практике управления бюджетными потоками в развитых странах, обладающих к настоящему моменту наиболее развитой системой управления общественными финансами. Самые важные нововведения – это бюджетная децентрализация, которая обычно даёт органам власти субнационального уровня больше доступа к средствам, больше обязанностей и самостоятельности; переход от годового бюджета к среднесрочному; от кассового метода к методу начисления в области учета и финансовой отчетности; делегирование полномочий органов власти негосударственным хозяйственным единицам, а также переход от управления бюджетными ресурсами к управлению результатами. В этой связи опыт западных стран в формировании эффективной модели бюджетного федерализма трудно переоценить как для теории бюджетного строительства, так и для практики эффективных бюджетных реформ [8].

Для России характерно сочетание сильной перераспределительной функции центра с ограниченным влиянием регионов на правила игры. Это проявляется, в частности, в том, что регионы в меньшей степени участвуют в определении критериев распределения трансфертов и параметров налоговой политики, хотя несут основную нагрузку по реализации многих публичных функций [2].

На основе обобщения практического опыта мониторинга качества региональных финансов А.А. Иналкаевым предложена система ключевых показателей для комплексного анализа эффективности использования финансовых ресурсов теми звеньями финансовой системы региона, которые относятся к ведению государственных органов управления, а именно к бюджетным и внебюджетным фондам. В зависимости от того, какую значимость имеет указанное направление, каждый индикатор получает свой удельный вес, на основе которого затем по балльной системе определяется оценка эффективности управления региональными финансами. В результате проведения подобных расчетов определяется уровень качества управления региональными финансами [7].

Региональная экономика и финансы подчёркивают, что без собственной устойчивой доходной базы субъект не может полноценно реализовывать даже те полномочия, которые формально за ним закреплены. Н.Х. Токаев указывает, что долгосрочное развитие региона требует не только внешней поддержки, но и внутреннего ресурса, позволяющего финансировать инвестиции, содержание социальной инфраструктуры и участие в проектах развития [11]. Если же региональная экономика во многом ориентирована на получение дотаций и целевых субсидий, то даже при наличии нормативных полномочий по развитию, например, транспортной сети или системы здравоохранения, фактическая возможность действовать самостоятельно ограничена рамками федеральных программ и графиков финансирования.

Выводы

В итоге можно сделать несколько обобщений. Прежде всего, действующие бюджетные механизмы в значительной степени определяют реальные границы полномочий субъектов РФ, дополняя и иногда корректируя те акценты, которые заложены в конституционном разграничении компетенций. Формальная самостоятельность бюджетов и наличие собственных доходов не всегда переходят в реальную способность региона проводить самостоятельную политику, если ключевые расходные направления завязаны на трансферты с жёсткими условиями.

Таким образом, высокое значение межбюджетных трансфертов и политико-экономических факторов их распределения усиливает зависимость регионов от решений федерального уровня и создаёт риск неравномерного наполнения одинаковых по закону полномочий.

Возможными направлениями совершенствования видятся укрепление собственных налоговых источников субъектов, повышение прозрачности и предсказуемости правил распределения помощи, а также расширение участия регионов в обсуждении бюджетной политики. При движении в этом направлении бюджетные механизмы могли бы в большей степени работать на реализацию конституционного принципа федерализма, а не только на формальное выравнивание показателей, что приблизило бы объём полномочий субъектов к их финансово обеспеченному содержанию.

Литература

1. Бакаева, М.М. Совершенствование бюджетной модели государства при реализации системы равновесного налогового регулирования / М.М. Бакаева, М.Ш. Давтукаева // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 9. № 6–1. – С. 38–46.
2. Бакулина, Л.Т. Договорные отношения в практике российского федерализма / Л.Т. Бакулина, А.Л. Васин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161. – № 1. – С. 30–41.
3. Бессонов, А.В. Специфика бюджетного федерализма в Российской Федерации / А.В. Бессонов // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2025. – № 1 (73). – С. 81–87.
4. Зенин С.С. Система публичной власти в Российской Федерации: новые подходы к правовому регулированию в условиях конституционной реформы // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 12. – С. 42–53. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.042-053.
5. Исаева, А.Е. Бюджетный федерализм и пути его совершенствования в Российской Федерации / А.Е. Исаева // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. № 2 (136). – С. 27–30.
6. Иналкаева К.С. Формирование федеративных отношений в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития. Северо-Кавказский юридический вестник. 2023; (4):109–113. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-109-113>. EDN: JWDRPC.
7. Иналкаев А.А. Формирование финансовой экосистемы в трансформации приоритетов финансовой системы региона. Монография. – Грозный: изд-во Чеченского государственного педагогического университета, 2023 г. – 172 г.
8. Морозова, Е.А. Модели бюджетного федерализма в развитых странах и особенности их применения в Российской Федерации: дис. ... д-ра экон. наук / Е.А. Морозова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 410 с.
9. Малкина, М.Ю. Политико-экономические факторы распределения межбюджетной помощи в современной России / М.Ю. Малкина // Terra Economicus. – 2022. – Т. 20. № 3. – С. 6–21.
10. Морозова, Е.А. Модели бюджетного федерализма в развитых странах и особенности их применения в Российской Федерации: дис. ... д-ра экон. наук / Е.А. Морозова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 410 с.
11. Токаев, Н.Х. Региональная экономика и финансы: теория и практика: монография. Научные специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика», 5.2.4 «Финансы» / Н.Х. Токаев, Т.Р. Тускаев; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, Горский гос. аграрный ун-т. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. – 391 с. 9. Малкина М.Ю.

BUDGETARY MECHANISMS OF POWER DISTRIBUTION UNDER RUSSIAN FEDERALISM AND THEIR IMPACT ON THE REAL SCOPE OF POWERS OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Inalkaeva K.S.

Chechen State Pedagogical University

The paper deals with budgetary mechanisms through which power is actually distributed under Russian federalism and with their impact on the real scope of powers of the constituent entities of the Russian Federation. The focus is not only on constitutional declarations of regional autonomy, but also on the way inter-budgetary relations, tax revenues and transfers are organised in practice. The study shows that the current model of budgetary federalism in Russia combines decentralised elements with strong central equalisation, and that the balance between these elements largely determines the room for manoeuvre available to the regions [2, p. 82][4, p. 205]. Theoretical approaches to budgetary federalism and inter-budgetary assistance developed by M.M. Bakayeva, A.V. Bessonov, A.E. Isaeva, A.N. Kurbanova, M. Yu. Malkina, E.A. Morozova and N. Kh. Tokayev are used to link legal and economic perspectives on federal finance [1–7]. On this basis, the paper assesses to what extent the distribution of tax revenues and transfers supports the constitutional conception of regional autonomy and to what extent it reinforces the regions' dependence on the federal centre. The role of political and economic factors in allocating inter-budgetary aid is also discussed. The conclusion outlines possible directions for adjusting budgetary mechanisms in order to bring them closer to the federalism principle and the goals of sustainable regional development.

Keywords: budgetary federalism, inter-budgetary relations, division of powers, constituent entities of the Russian Federation, inter-budgetary transfers, regional revenue base, financial autonomy, budgetary policy.

References

1. Bakayeva, M.M. Improving the budget model of the state in the implementation of a system of balanced tax regulation / M.M. Bakayeva, M. Sh. Davtukayeva // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2019. Vol. 9. No. 6–1. Pp. 38–46.
2. Bakulina, L.T. Contractual relations in the practice of Russian federalism / L.T. Bakulina, A.L. Vasin // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. – 2019. – Vol. 161. – No. 1. – Pp. 30–41.
3. Bessonov, A.V. Specifics of budgetary federalism in the Russian Federation / A.V. Bessonov // Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of economics and management of the national economy). Economic sciences. – 2025. – № 1 (73). – Pp. 81–87.
4. Zenin S.S. The system of public power in the Russian Federation: new approaches to legal regulation in the context of constitutional reform // Lex russica. – 2020. – Vol. 73. – No. 12. – Pp. 42–53. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.042-053.
5. Isaeva, A.E. Budgetary federalism and ways of its improvement in the Russian Federation / A.E. Isaeva // Public Service. – 2022. – Vol. 24. No. 2 (136). – Pp. 27–30.
6. Inalkaeva K.S. Formation of federal relations in the Russian Federation: experience, problems, development prospects. North Caucasian Law Bulletin. 2023; (4):109–113. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-4-109-113>. EDN: JWDRPC.
7. Inalkaev A.A. Formation of the financial ecosystem in the transformation of the priorities of the financial system of the region. Monogamy. Grozny: Publishing House of the Chechen State Pedagogical University, 2023–172.
8. Morozova, E.A. Models of budgetary federalism in developed countries and the specifics of their application in the Russian Federation: dis. ... Doctor of Economics / E.A. Morozova; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow, 2009. – 410 p.
9. Malkina, M.Y. Political and economic factors of the distribution of inter-budgetary aid in modern Russia / M.Y. Malkina // Terra Economicus. – 2022. – Vol. 20. No. 3. – Pp. 6–21.
10. Morozova, E.A. Models of budgetary federalism in developed countries and the specifics of their application in the Russian Federation: dis. ... Doctor of Economics / E.A. Morozova; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. – Moscow, 2009. – 410 p.
11. Tokaev, N.H. Regional economics and finance: theory and practice: monograph. Scientific specialties 5.2.3 "Regional and sectoral economics", 5.2.4 "Finance" / N.H. Tokaev, T.R. Tuskaev; Ministry of Science and Higher Education. education grew. Russian Federation, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Gorsky State Agrarian University. Moscow: UNITY-DANA, 2022. 391 p.9. Malkina M.Yu.

Конституционноправовые основы модели сбалансированного российского федерализма и синергия законодательных, управленческих и бюджетных механизмов

Иналкаева Казбан Саматовна,

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой права ФГБОУ ВО
«Чеченский государственный педагогический университет»
E-mail: Kazban1961@mail.ru

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы российской модели федерализма, которую в современных условиях целесообразно описывать как стремление к сбалансированию интересов центра и регионов. Акцент делается на том, как федеральные конституционные нормы о разграничении предметов ведения (прежде всего ст. 5, 11, 71–73 Конституции РФ) сочетаются с обычными федеральными законами, управленческими практиками и бюджетными механизмами. После конституционных поправок начала 2020-х годов обновлённая конструкция «единой системы публичной власти» изменила контекст обсуждения федерализма, не снимая при этом вопроса о реальной самостоятельности субъектов РФ. В работе сопоставляются подходы Т.В. Заметиной, рассматривающей федерализм как важный элемент системы конституционного строя, и Е.А. Кравцовой, анализирующей реализацию принципа федерализма в законе об организации публичной власти в субъектах, с экономико-правовыми концепциями бюджетного федерализма у А.В. Бессонова и А.Е. Исаевой. Такое сопоставление позволяет увидеть, где совпадают конституционные декларации о самостоятельности и где финансово-управленческая практика фактически усиливает зависимость регионов. Обращение к моделям бюджетного федерализма показывает, что «сбалансированность» здесь связана не только с текстом норм, но и с конфигурацией межбюджетных трансфертов и полномочий. В статье обосновывается вывод о том, что устойчивость российской федеративной модели напрямую связана с согласованностью конституционных принципов, текущего законодательства и реальных управленческих и финансовых решений.

Ключевые слова: российский федерализм, конституционный строй, бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, публичная власть, субъекты Российской Федерации, сбалансированная модель, конституционно-правовое регулирование.

Введение

Споры о характере российского федерализма – от «асимметричного» до «кооперативного» или «жёстко централистского» – ведутся с начала 1990-х годов и до сих пор не имеют однозначного разрешения. В период становления новой государственности федеративные отношения складывались на фоне региональных конфликтов и договорной практики, а затем сопровождалась последовательной волной централизации. После конституционных поправок и принятия закона об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ ситуация изменилась: на первый план вышла идея единой системы публичной власти, внутри которой федеральный центр и субъекты должны действовать согласованно, но не одинаково. В таких условиях важен не только перечень полномочий в ст. 71–73 Конституции РФ, но и то, как эти полномочия реализуются через обычные законы, управленческие решения и межбюджетные инструменты.

Цель исследования

Основная цель исследования заключается в том, чтобы показать, какие конституционно-правовые основания лежат в основе модели сбалансированного российского федерализма и за счёт каких связей между законодательными, управленческими и бюджетными механизмами эта модель может работать или, наоборот, давать сбой. Как отмечают исследователи, бюджет, занимая центральное положение в финансовой системе, является неотъемлемым признаком государства, основой его суверенитета [6]. Для этого требуется: прежде всего, обобщить подходы к пониманию федерализма как элемента конституционного строя России и выделить те, которые позволяют говорить именно о «сбалансированной» модели; далее, рассмотреть, как закон об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ конкретизирует конституционный принцип федерализма; кроме того, сопоставить юридическую конструкцию федерализма с тем, как устроен бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в действующей системе. Отдельный акцент делается на вопросе, усиливают ли существующие бюджетные полномочия реальную самостоятельность субъектов РФ или закрепляют их финансовую зависимость от федерации.

Методика и организация исследования

Для решения поставленных задач применялись формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. В рамках формально-юридического подхода анализировались положения Конституции РФ о федерализме (прежде всего ст. 5, 11, 71–73), нормы федерального закона об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ, а также ключевые положения Бюджетного кодекса. Системный подход позволил рассматривать эти нормы не изолированно, а как элементы одной конструкции, где изменения в бюджетной или управленческой сфере могут влиять на содержание федеративных отношений.

При интерпретации конституционно-правовой природы федерализма учитывалось, что Т.В. Заметина описывает федерализм как особое «подсистемное образование» в системе конституционного строя России, подчёркивая его пронизывающий характер по отношению к другим институтам [4]. Такая позиция позволяет видеть в федерализме не только принцип территориального устройства, но и связующее звено между организацией власти, правовым статусом субъектов и распределением публичных финансов. Для анализа бюджетного измерения использовались работы А.В. Бессонова, А.Е. Исаевой, А.Н. Курбановой и соавторов, где бюджетный федерализм трактуется как система организации межбюджетных отношений в федеративном государстве на основе разграничения бюджетных полномочий, доходов и расходов между уровнями власти. Организационно исследование строилось как сопоставление конституционных принципов с конкретной архитектурой бюджетной системы и практикой реализации полномочий.

Результаты исследования и их обсуждение.

В ходе анализа конституционных положений и научной литературы выявлено, что российский федерализм изначально был призван обе-

спечить сочетание целостности государства и разнообразия его территориальных составляющих. В трудах Т.В. Заметиной подчёркивается, что федерализм находится под «доминирующим воздействием» конституционного строя и, в свою очередь, влияет на формирование всех иных институтов. Иначе говоря, вопрос о сбалансированном федерализме нельзя сводить к простому перечислению полномочий центра и регионов: он напрямую связан с тем, как конституционные ценности – права и свободы, единство экономического пространства, народовластие – реализуются в условиях многосубъектной государственности.

Особое значение для современной конфигурации федерализма имеет закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Е.А. Кравцова показывает, что через этот закон реализуется обновлённый конституционный принцип федерализма: уточняется статус высших должностных лиц субъектов, выстраивается система их взаимодействия с Президентом РФ и федеральными органами, закрепляются общие требования к структуре региональной власти. С одной стороны, это усиливает вертикальную согласованность, с другой – оставляет регионам определённый простор для вариаций в пределах заданных рамок. В результате складывается модель, при которой единая логика публичной власти сочетается с ограниченной, но всё-таки реальной организационной самостоятельностью субъектов [7].

Перенос фокуса на бюджетный федерализм позволяет оценить, насколько финансовые механизмы поддерживают заявленный баланс. А.В. Бессонов обращает внимание на трёхуровневую бюджетную систему России, где Конституция и Бюджетный кодекс закрепляют самостоятельность бюджетов разных уровней и разграничивают доходные источники и расходные обязательства [1]. Однако при этом значительная часть доходов субъектов формируется за счёт регулирующих поступлений и трансфертов, а дотации на выравнивание, субсидии и субвенции привязаны к условиям, определяемым федеральным центром. В такой ситуации формальная самостоятельность соседствует с высокой степенью финансовой зависимости регионов.

В литературе по бюджетному федерализму выделяются разные модели – от более децентрализованных до кооперативных, где сильнее роль центра. Для России исследователи отмечают смешанный характер системы: с одной стороны, существуют собственные доходы субъектов и полномочия по расходованию средств, с другой – потребность в масштабной финансовой поддержке приводит к доминированию координирующей роли федерации. С.А. Бойников, анализируя бюджетный федерализм в условиях кризисов, указывает, что именно в периоды экономических потрясений усиливается перераспределительная функция центра, что дополнительно закрепляет зависимость регионов [2]. Это создаёт риск, что «сбалансированность» федерализма будет задаваться не конституционными принципами, а текущими фискальными возможностями.

А.С. Верховцова считает, что особенность российского федерализма, имеющего глубокие исторические корни и достаточно длительную эволюцию в советское и постсоветское время, состоит в том, что и в царское, и в советское, и в российское время всегда использовался этнический принцип образования субъектов федерации. И хотя были и остаются на сегодняшний день разные точки зрения по вопросу федеративного государственного устройства в России от идеи дробления на ещё более мелкие составные части федерации до идеи унитаризма, этническая составляющая неизбежно приводит к межсубъектным конфликтам, а также конфликтам между субъектами и Российской Федерацией. Данный вывод делается на основе сравнительного анализа Конституций СССР, РСФСР, РФ и их субъектов, анализа этапов формирования политико-правовых основ государственного устройства России [3].

При выделении субъектов федерации необходимо минимизировать либо по возможности ликвидировать этнический фактор. В основе классификации субъектов федерации должен лежать естественно-географический и экономический принцип, так как этнонациональная структура субъектов Российской Федерации полиэтнична, при этом территориальное деление национально-государственных субъектов РФ практически не совпадает с этнотерриториальным расселением жителей России, о чем свидетельствует проведенный в научной работе анализ этнонациональной структуры населения Российской Федерации. Формирование субъектов федерации по естественно-географическому и экономическому принципам позволит сконцентрировать демографические, природные, интеллектуальные, трудовые ресурсы, обеспечит экономическую специализацию субъекта, разрешит вопрос межэтнических конфликтов в следствии ликвидации национально-государственных единиц.

Отсутствие целостной систематизированной концептуальной национальной политики и несогласованность государственного устройства

катализирует недостатки государственного устройства и как следствие является одним из факторов, способствующих обострению межсубъектных конфликтов, а также конфликтов между Российской Федерацией и ее субъектами. Как отмечает А.С. Веховцева, «необходима разработка, принятие и внедрение в жизнь новой концепции государственной национальной политики Российской Федерации, закрепляющей единое федеративное государственное устройство с выделением субъектов на основе естественно-географического и экономического принципов».

Управленческое измерение федерализма проявляется в том, как субъекты РФ реализуют переданные и собственные полномочия с учётом имеющихся ресурсов. А.Е. Исаева подчёркивает, что совершенствование бюджетного федерализма связано не только с перераспределением полномочий, но и с укреплением доходной базы субъектов и повышением их ответственности за принимаемые бюджетные решения [5]. В практическом плане это означает, что регион, который несёт обязательства по финансированию социальной сферы, инфраструктуры и участия в национальных проектах, нуждается в понятных и долгосрочных правилах формирования доходов, а не только в ежегодных изменениях нормативов и методик распределения трансфертов.

Синергия законодательных, управленческих и бюджетных механизмов особенно заметна при реализации крупных федеральных инициатив, таких как национальные проекты и программы пространственного развития. Стоит согласиться с А.Н. Курбанова, что «федеральный законодатель в этом случае формулирует цели и индикаторы, бюджетная система распределяет средства через дотации, субсидии и соглашения о предоставлении трансфертов, а региональные власти выбирают конкретные модели управления – от создания проектных офисов до изменения структуры органов исполнительной власти» [8]. Насколько эти три уровня согласованы, можно увидеть по тому, удаётся ли субъекту не только освоить средства, но и добиться устойчивых результатов, не подрывая собственную финансовую устойчивость.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что действующие конституционно-правовые основы российского федерализма в принципе позволяют говорить о возможности формирования сбалансированной модели, где сочетаются единство публичной власти и признание самостоятельности субъектов РФ. Конституция закрепляет федерализм как одну из базовых основ конституционного строя, предусматривает разграничение предметов ведения и полномочий и признаёт за субъектами собственную сферу компетенции. Вместе с тем реальное состояние федеративных отношений во многом определяется тем, как это нормативное ядро соединяется с управленческими решениями и межбюджетной политикой.

На практике сохраняются заметные зоны напряжения: единая модель публичной власти и жёстко выстроенная вертикаль не всегда совпадают с многообразием региональных интересов и возможностей, а межбюджетные механизмы нередко усиливают зависимость субъектов, несмотря на провозглашённую самостоятельность их бюджетов. Поэтому дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальный анализ влияния изменений бюджетного законодательства на статус субъектов, а также на изучение региональных управленческих практик, позволяющих в рамках существующей нормативной базы реализовывать потенциал федерализма не только формально, но и по сути. От того, удастся ли согласовать конституционные принципы с реальными бюджетными и управленческими механизмами, во многом будет зависеть устойчивость российской федеративной модели в перспективе.

Литература

1. Бессонов А.В. Специфика бюджетного федерализма в Российской Федерации // Вестник Института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2025. – № 1 (73). – С. 81–87.
2. Бойников, С.А. Бюджетный федерализм в условиях кризисов: адаптация механизмов финансового регулирования // Наука, общество, инновации: актуальные вопросы современных исследований: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза, 2025. – С. 55–58.
3. Верховцова, А.С. Становление российского федерализма: проблема возникновения и разрешения конфликтов: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02; Ур. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 25 с.
4. Заметина, Т.В. Федерализм в системе конституционного строя России: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.02; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. – Саратов, 2010. – 54 с.
5. Исаева, А.Е. Бюджетный федерализм и пути его совершенствования в Российской Федерации // Государственная служба. – 2022. – Т. 24. № 2 (136). – С. 27–30.

6. Иналкаева К.С., Иналкаев А.А. Финансовое право: учебное пособие. – Грозный: издательство Чеченского государственного педагогического университета, 2020. – С. 39.

7. Кравцова, Е.А. Реализация конституционного принципа федерализма в нормах закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Конституция России и развитие законодательства: сб. материалов V Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню Конституции Российской Федерации. – Нижний Новгород, 2024. – С. 136–140.

8. Курбанова, А.Н. Модели бюджетного федерализма // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 6 (119). – С. 204–206.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE BALANCED MODEL OF RUSSIAN FEDERALISM AND THE SYNERGY OF LEGISLATIVE, MANAGERIAL AND BUDGETARY MECHANISMS

Inalkaeva K.S.

Chechen State Pedagogical University

The article deals with the constitutional and legal foundations of Russian federalism, which in the current context can be described as an attempt to balance the interests of the federal centre and the regions. Particular attention is paid to how the constitutional rules on the distribution of competences (mainly Articles 5, 11 and 71–73 of the Constitution of the Russian Federation) interact with ordinary federal legislation, managerial practices and budgetary mechanisms. After the constitutional amendments of the early 2020s the concept of a «unified system of public authority» changed the framework in which federalism is discussed, while the issue of the real autonomy of the constituent entities of the Federation has remained. The ideas of T.V. Zametina, who treats federalism as an element of the Russian constitutional order, and the approach of E.A. Kravtsova to the implementation of the federalism principle in the law on the organisation of public authority in the regions, are compared with economic and legal views on budgetary federalism developed by A.V. Bessonov and A.E. Isaeva. This comparison makes it possible to see where constitutional declarations of autonomy are supported by financial and managerial instruments and where, on the contrary, dependence on the federal level is strengthened. Reference to

the models of budgetary federalism shows that «balance» is determined not only by the wording of legal norms, but also by the structure of inter-budgetary transfers and powers. The article argues that the stability of Russian federalism depends on the coherence of constitutional provisions, current legislation and practical decisions in the fields of management and public finance.

Keywords: Russian federalism, constitutional order, budgetary federalism, inter-budgetary relations, public authority, constituent entities of the Russian Federation, balanced model, constitutional regulation.

References

1. Bessonov A.V. The specifics of budgetary federalism in the Russian Federation // Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of Economics and management of the national Economy). Economic sciences. – 2025. – № 1 (73). – Pp. 81–87.
2. Boynikov, S.A. Budgetary federalism in the context of crises: adaptation of financial regulation mechanisms // Science, society, innovation: Actual issues of modern research: collection of Articles VII of the International Scientific and Practical Conference– Penza, 2025, Pp. 55–58.
3. Verkhovtsova, A.S. The formation of Russian federalism: the problem of conflict emergence and resolution: abstract of the dissertation. ... Candidate of Political Sciences. Sciences: 23.00.02; Ur. State University named after A.M. Gorky. – Yekaterinburg, 2006. – 25 p.
4. Zametina, T.V. Federalism in the system of the constitutional system of Russia: abstract of the dissertation. Doctors of Law: 12.00.02; [Place of protection: Sarat. state Academy. rights]. – Saratov, 2010. – 54 p.
5. Isaeva, A.E. Budgetary federalism and ways of its improvement in the Russian Federation // Civil Service. – 2022. – Vol. 24. № 2 (136). – Pp. 27–30.
6. Inalkaeva K.S., Inalkaev A.A. Financial law: a textbook. Grozny: Publishing House of the Chechen State Pedagogical University, 2020. p.39.
7. Kravtsova, E.A. Implementation of the constitutional principle of federalism in the norms of the law «On General principles of the organization of public Power in the subjects of the Russian Federation» // Constitution of Russia and the development of legislation: collection of materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference., dedicated. Constitution Day of the Russian Federation. Nizhny Novgorod, 2024. Pp. 136–140.
8. Kurbanova, A.N. Models of fiscal federalism // Economics and entrepreneurship. – 2020. – № 6 (119). – Pp. 204–206.

Частно-правовые проблемы регулирования правоотношений участников рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов

Круглова Инна Александровна,

доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
доцент, профессор кафедры экономики, управления
и предпринимательства АНО ВО «Международный
банковский институт имени Анатолия Собчака»
E-mail: kruglova@ibispb.ru

В статье исследуются особенности правового регулирования развития российского рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов в условиях трансформации имущественного оборота, обусловленной внедрением цифровых технологий и формированием новых финансово-экономических моделей взаимодействия участников гражданского оборота. Выделены основные правовые законодательные пробелы, влияющие на правоотношения участников рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов и сдерживающих его развитие.

Ключевые слова: цифровые расчетные и финансовые инструменты, цифровые финансовые активы (ЦФА), участники правоотношений, имущественные права, объект гражданских прав.

Цифровизация финансовых инструментов, с одной стороны, способствует снижению транзакционных издержек и ускорению оборота капитала [4; 7], однако, с другой – в то же время усложняет вопросы правовой квалификации возникающих правоотношений в сфере обращения цифровых (виртуальных) валют и иных децентрализованных активов. Результатом пересмотра классических представлений о финансовых инструментах и объектах гражданских прав явился процесс легализации и дальнейшего правового регулирования цифровых расчетных и финансовых инструментов, ключевым нормативным воплощением которого, безусловно, следует назвать Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. (далее – ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах»)¹.

ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах», направленный на регулирование соответствующих правоотношений, выступает своеобразным результатом нормотворческого компромисса между диаметрально противоположными позициями Министерства финансов и Центрального Банка России (далее – Банк России, или ЦБ РФ). Данная проблематика рассматривалась в разных юридических исследованиях [3; 9]. Еще раз отметим, что позиция Банка России сводилась к необходимости максимального ограничения оборота, вплоть до предложения полного запрета обращения, эмиссии и майнинга цифровых валют под угрозой уголовной ответственности, мотивируя соответствующий консервативный подход рисками для финансовой стабильности, денежно-кредитной политики и национальной безопасности [3]. В противоположность этому Министерство финансов РФ отстаивало модель легализации и поэтапного включения фактически сложившихся отношений в правовое поле – в первую очередь, через механизмы деанонимизации пользователей, привлечение банковского сектора в качестве операторов информационных систем, а также установление требований к декларированию и налогообложению операций с цифровыми финансовыми активами (ЦФА) и цифровой валютой. В результате, хронология нормативных инициатив 2016–2021 гг. (включая попытки приравнивания криптовалют к «иностранной валюте», признание их имуществом в законодательстве о банкротстве и последующую разработку специального закона) свидетельствует не в пользу линейной эволюции правового регулирования цифровых расчетных и финансовых инструментов, но скорее говорит о поиске институционального баланса между запретительной и регулятивно-разрешительной моделями [9].

Фактическое отсутствие согласованного соотношения между категориями «цифровых финансовых активов», «цифровой валюты», «криптовалюты» и «цифрового рубля» в системе гражданского права РФ действительно образует собой фундаментальную и, возможно, ключевую проблему правового регулирования российского рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов, однако многообразие правовых пробелов и лагун российского законодательства в сфере выпуска, учета, обращения и майнинга ЦФА и цифровых валют не исчерпывается указанной коллизией. В частности, анализ исследований последних лет свидетельствует в пользу того, что даже при условии частичного устранения терминологической неопределенности, к сожалению, останутся существенные пробелы, связанные с институциональной структурой рынка и механизмами функционирования цифровых активов в финансовой системе российского государства. Так, по мнению Ю.В. Агеевой, одной из наиболее значимых пробелов правового регулирования российского рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов выступает отсутствие последовательного регулирования статуса участников правоотношений, возникающих в сфере обращения цифровых валют и ЦФА [1]. По словам самого автора, ключевая проблема пролегает в плоскости того, что ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах» не закрепляет четко выраженного списка участников, вследствие чего доктрина вынуждена опираться

¹ Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 20.02.2026).

на общие группы субъектов (участников) российского рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов.

В результате, как отмечают российские исследователи, операторы информационных систем (ОИС), осуществляющие выпуск и учет ЦФА, занимают особое место в системе субъектов российского рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов, т.к. именно на данных участников возлагается обеспечение функционирования инфраструктуры обращения цифровых инструментов, утверждение правил информационной системы и поддержание ее операционной надежности. Вместе с тем, в соответствии ст. 5 ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах», законодатель связывает возможность осуществления соответствующей деятельности исключительно с включением оператора в реестр Банка России, что формирует высокий уровень административной зависимости организаторов инфраструктуры от регулятора. При этом объем обязанностей операторов, по мнению Ю.В. Агеевой, значительно образом превышает уровень нормативной детализации их правового положения, что создает дисбаланс между публично-правовым контролем и частноправовой автономией участников рынка, в результате которого ОИС как участник рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов одновременно выступает технологическим посредником, организатором оборота и фактическим регулятором внутри собственной платформы.

Не менее проблемным вопросом можно называть невозможность исчерпывающим образом установить правовой статус оператора обмена ЦФА, который, по справедливому замечанию А.В. Шестопалова и О.В. Гречкиной, определен недостаточно последовательно [10]. Несмотря на введение данного участника в качестве специального субъекта рынка, законодатель ограничился установлением общих требований к его созданию и включению в соответствующий реестр, не раскрывая механизм реализации ключевой функции обеспечения сделок с использованием ЦФА. Положения ст. 5–9 и 14 ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах» лишь указывают на совершение сделок «через» оператора обмена, не определяя ни технологический порядок такого взаимодействия, ни распределение ответственности между оператором обмена и ОИС¹. По мнению А.В. Шестопалова и О.В. Гречкиной, подобная неопределенность приводит к практическому отсутствию независимых операторов обмена на рынке, поскольку условия их деятельности во многом формируются самими ОИС, в следствие чего возникает риск дискриминационного регулирования доступа к инфраструктуре цифрового финансового рынка [10].

Другим проявлением отсутствия последовательного регулирования статуса участников правоотношений, возникающих в сфере обращения цифровых валют и ЦФА, можно назвать проблему регулирования положения пользователей цифровых валют. С одной стороны, как подчеркивают А.В. Шестопалов и О.В. Гречкина, ст. 1 и 14 ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах» допускают владение цифровой валютой, ее отчуждение в качестве средства платежа или средства инвестиции, однако при этом не формирует полноценного режима защиты прав таких участников [10]. Пользователи оказываются вовлеченными в экономический оборот цифровых активов при отсутствии четко регламентированных процедур разрешения споров, обеспечения исполнения обязательств и защиты имущественных интересов. Более того, широкий перечень возможных операций с цифровыми валютами (включая различные опции не запрещенного законом майнинга) прямо указывает на необходимость дальнейшей систематизации правил их совершения. Следовательно, проблема субъектного состава выражается не только в неполноте перечня участников, но и в отсутствии согласованной модели их взаимодействия.

Не менее существенные пробелы правового регулирования российского рынка цифровых расчетных и финансовых инструментов проявляются в вопросах интеграции цифровых валют в российскую денежно-кредитную систему. В первую очередь, действующее законодательство одновременно признает цифровую валюту имуществом и в то же время устанавливает запрет на ее использование в качестве средства оплаты в рамках трудовых договоров и договоров гражданско-правового характера – так, в соответствии со ст. 14 ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах», цифровые валюты не могут выступать формой выплаты заработной платы в рамках трудового договора и/или средством оплаты (встречного предоставления) по всем гражданско-правовым договорам в сферах выполнения работ и оказания услуг². Кроме того, в российском правовом поле также дей-

ствует запрет на распространение информации о том, что работы или услуги по договорам гражданско-правового характера или в рамках трудовых правоотношений могут быть оплачены цифровой валютой. Как подчеркивает А.А. Максуров, указанное ограничение распространяется как на гражданско-правовые договоры, так и на трудовые отношения, что фактически исключает участие цифровой валюты в легальном платежном обороте [8].

Таким образом, формируется парадоксальная ситуация, при которой объект допускается к обороту как имущество, но лишается ключевой экономической функции платежного средства. В то же время особую сложность формируют трансграничные расчеты с использованием цифровых финансовых инструментов, правовой режим и соотношение которых до сих пор не детализированы на уровне, позволяющем избежать проблем широкого толкования или коллизий отдельных норм гражданского права. Как отмечает ряд исследователей (в т.ч. И.А. Астраханцева, А.С. Савина, Р.Г. Астраханцев, М.М. Долгиева и др.) [2; 5], российское законодательство фактически разграничивает цифровые права и цифровые валюты, устанавливая для них различные условия допустимости международных расчетов. Использование цифровой валюты допускается преимущественно при расчетах с лицами-нерезидентами РФ по импортным контрактам, тогда как аналогичные операции по экспортным сделкам ограничены действующим в силу положений ст. 14 ФЗ № 259 «О цифровых финансовых активах» запретом на принятие цифровой валюты в качестве встречного предоставления³. Одновременно с этим расчеты с использованием ЦФА и утилитарных цифровых прав получили статус разрешенных валютных операций, что демонстрирует различный подход законодателя к сходным по экономической природе инструментам.

По итогу такая фрагментация регулирования требует постоянной правовой квалификации используемого цифрового актива перед совершением сделки. Наконец, как подчеркивает Л.В. Карасаева значительное влияние на развитие трансграничных расчетов оказывает совокупность валютных и санкционных ограничений, затрагивающих инфраструктуру обращения цифровых активов [6]. Несмотря на признание расчетов с использованием российских ЦФА допустимыми валютными операциями, практическое применение данного механизма остается ограниченным вследствие недостаточной развитости рынка, «санкционного статуса» ряда ОИС, недоступности системы передачи финансовой информации и совершения платежей на базе международной посреднической платформы «SWIFT». В свою очередь, использование иностранных цифровых прав сталкивается с аналогичными проблемами отсутствия признания соответствующих инструментов в зарубежных юрисдикциях.

Литература

1. Агеева, Ю.В. Проблемы правового регулирования цифровых валют / Ю.В. Агеева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11–3(62). – С. 53–56. – DOI 10.24412/2500–1000–2021–11–3–53–56. – EDN WPUABQ.
2. Астраханцева, И.А. Криптовалюта как феномен платежа в современной цифровой экономике / И.А. Астраханцева, А.С. Савина, Р.Г. Астраханцев // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2019. – № 4(42). – С. 3–10. – EDN ZDYNOP.
3. Бродский, М.Н. Нормативно-правовые вопросы интеграции цифровых валют в российскую денежно-кредитную систему / М.Н. Бродский, Г.З. Щербаковский, И.А. Круглова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2026. – Т. 22, № 2. – С. 37–45. – DOI 10.33693/2541–8025–2026–22–2–37–45. – EDN GGXSLK.
4. Долбежкин, В.А. Цифровая трансформация финансового сектора в контексте исторического развития / В.А. Долбежкин, М.Е. Лебедева, И.А. Шашина // Ученые записки Международного банковского института. – 2025. – № 4(54). – С. 45–63. – EDN LMZKTB.
5. Долгиева, М.М. Операции с криптовалютами: актуальные проблемы теории и практики применения уголовного законодательства / М.М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4(101). – С. 128–139. – DOI 10.17803/1994–1471.2019.101.4.128–139. – EDN GNFMFL.
6. Карасаева, Л.В. Легализация криптовалюты в России: проблемы и перспективы / Л.В. Карасаева // Образование и право. – 2023. –

¹ Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 20.02.2026).

² Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации» от 31.07.2020 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 20.02.2026).

³ Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 20.02.2026).

№ 5. – С. 304–308. – DOI 10.24412/2076–1503–2023–5–304–308. – EDN WOBDMG.

7. Ключников, О.И. На пути к устойчивым финансам: взаимодействия цифрации, финтеха, финансиализации, зеленого финансирования и устойчивого развития / О.И. Ключников // Ученые записки Международного банковского института. – 2025. – № 1(51). – С. 85–101. – EDN RJCHST.

8. Максуров А.А. Криптовалюта в гражданском, семейном и трудовом праве России // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 8 (203). – С. 96–101.

9. Сагасты, С.С. Арест и конфискация цифровых валют: проблемы правового регулирования / С.С. Сагасты // Advances in Law Studies. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 56–60. – DOI 10.29039/2409–5087–2023–11–1–56–60. – EDN XDMSAT.

10. Шестопалов, А.В. Проблемы статуса оператора обмена цифровых финансовых активов как участника оборота цифровых финансовых активов / А.В. Шестопалов, О.В. Гречкина // Право и управление. – 2024. – № 4. – С. 474–478. – DOI 10.24412/2224–9133–2024–4–474–478. – EDN XMNQWK.

PRIVATE LAW PROBLEMS OF REGULATING LEGAL RELATIONS BETWEEN PARTICIPANTS IN THE DIGITAL PAYMENT AND FINANCIAL INSTRUMENTS MARKET

Kruglova I.A.

International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak

This article examines the specifics of legal regulation of the development of the Russian market for digital payment and financial instruments in the context of the transformation of property turnover, caused by the introduction of digital technologies and the formation of new financial and economic models of interaction between participants in civil turnover. The main legal gaps that affect the legal relations of participants in the digital payment and financial instruments market and hinder its development are identified.

Keywords: digital payment and financial instruments, digital financial assets (DFAs), participants in legal relations, property rights, object of civil rights.

References

1. Ageeva, Yu.V. Problems of legal regulation of digital currencies / Yu.V. Ageeva // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – No. 11–3 (62). – P. 53–56. – DOI 10.24412/2500–1000–2021–11–3–53–56. – EDN WPUABQ.
2. Astrakhantseva, I.A. Cryptocurrency as a payment phenomenon in the modern digital economy / I.A. Astrakhantseva, A.S. Savina, R.G. Astrakhantsev // News of higher educational institutions. Series: Economics, finance and production management. – 2019. – No. 4 (42). – P. 3–10. – EDN ZDYNOP.
3. Brodsky, M.N. Legal and regulatory issues regarding the integration of digital currencies into the Russian monetary system / M.N. Brodsky, G.Z. Shcherbakovsky, I.A. Kruglova // Problems of Economics and Legal Practice. – 2026. – Vol. 22, No. 2. – P. 37–45. – DOI 10.33693/2541–8025–2026–22–2–37–45. – EDN GGXSLK
4. Dolbezhkin, V.A. Digital transformation of the financial sector in the context of historical development / V.A. Dolbezhkin, M.E. Lebedeva, I.A. Shashina // Scientific notes of the International Banking Institute. – 2025. – No. 4 (54). – P. 45–63. – EDN LMZKTB.
5. Dolgieva, M.M. Operations with cryptocurrencies: current problems of the theory and practice of applying criminal legislation / M.M. Dolgieva // Current problems of Russian law. – 2019. – No. 4 (101). – P. 128–139. – DOI 10.17803/1994–1471.2019.101.4.128–139. – EDN GNFMFL.
6. Karasayeva, L.V. Legalization of cryptocurrency in Russia: problems and prospects / L.V. Karasayeva // Education and Law. – 2023. – No. 5. – P. 304–308. – DOI 10.24412/2076–1503–2023–5–304–308. – EDN WOBDMG.
7. Klyuchnikov, O.I. Towards Sustainable Finance: Interactions of Digitalization, Fin-tech, Financialization, Green Finance, and Sustainable Development / O.I. Klyuchnikov // Scientific Notes of the International Banking Institute. – 2025. – No. 1 (51). – P. 85–101. – EDN RJCHST.
8. Maksurov A.A. Cryptocurrency in civil, family and labor law of Russia // Property relations in the Russian Federation. – 2018. – No. 8 (203). – P. 96–101.
9. Sagasti, S.S. Arrest and Confiscation of Digital Currencies: Problems of Legal Regulation / S.S. Sagasti // Advances in Law Studies. – 2023. – Vol. 11, No. 1. – Pp. 56–60. – DOI 10.29039/2409–5087–2023–11–1–56–60. – EDN XDMSAT.
10. Shestopalov, A.V. Problems of the status of a digital financial asset exchange operator as a participant in the circulation of digital financial assets / A.V. Shestopalov, O.V. Grechkina // Law and Management. – 2024. – No. 4. – P. 474–478. – DOI 10.24412/2224–9133–2024–4–474–478. – EDN XMNQWK.

Курнос Вадислав Михайлович,

студент магистратуры, кафедра гражданско-правовых дисциплин, «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

E-mail: kurnocov12@mail.ru

В статье проведен комплексный анализ современной процедуры приватизации в России как экономико-правового института, соединяющего механизмы перераспределения публичной собственности, бюджетные интересы государства и задачи структурной трансформации экономики. Показано, что современная модель приватизации уже не сводится к массовому разгосударствлению 1990-х годов, а функционирует в форме программно планируемого, нормативно детализированного и процедурно дифференцированного отчуждения имущества с использованием аукциона, конкурса, публичного предложения, внесения имущества в уставный капитал и иных специальных способов. Исследование выявило, что ключевые проблемы сохраняются в трех взаимосвязанных плоскостях: оценка и ценообразование активов, согласование публичных и частных интересов, а также неоднородность правоприменительной практики по отдельным видам имущества, прежде всего земельным участкам, жилому фонду и имущественным комплексам предприятий. На основе сопоставления данных о динамике приватизации и бюджетных поступлениях показано, что количественные результаты сделок не тождественны экономической эффективности и не гарантируют формирования конкурентной среды без развитых институтов управления, контроля и ответственности. Сделан вывод о переходе российской приватизации от универсального идеологического инструмента к селективному механизму управления собственностью, однако его результативность по-прежнему определяется качеством институциональной среды и юридической определенностью процедур.

Ключевые слова: приватизация, государственная собственность, муниципальная собственность, экономико-правовые проблемы, прогнозный план приватизации, способы приватизации, эффективность собственности, правоприменение

Введение

Приватизация в современной России представляет собой не только юридическую процедуру отчуждения государственного или муниципального имущества, но и устойчивый институт преобразования структуры собственности, влияющий на бюджет, инвестиционный климат, конкурентную среду и пределы участия государства в экономике. В нормативном смысле она понимается как передача имущества, находящегося в публичной собственности, гражданам и юридическим лицам в порядке, установленном специальным законодательством, прежде всего статьей 217 ГК РФ и Федеральным законом № 178-ФЗ [1, 4]. При этом современная процедура существенно отличается от ранних этапов реформ: если в 1990-е годы доминировала ускоренная денационализация и форсированный переход к частной собственности, то в последующий период приватизация была встроена в систему программного управления федеральным имуществом и стала инструментом более избирательной политики.

Актуальность темы определяется тем, что приватизация сохранила двойственную природу. С одной стороны, она рассматривается как способ повышения хозяйственной эффективности, вовлечения имущества в оборот и снижения издержек государства на содержание активов [2, 5]. С другой стороны, накопленный российский опыт показал, что сама по себе смена собственника не обеспечивает автоматического роста эффективности, а при дефектах институциональной среды может сопровождаться снижением стоимости активов, монополизацией, коррупционными рисками и социальной асимметрией. Поэтому анализ современной процедуры приватизации требует совмещения правового и экономического подходов: важно исследовать не только формальные способы продажи имущества, но и фактические последствия этих механизмов для структуры собственности и публичных интересов.

Цель и задачи

Цель исследования заключалась в том, чтобы проанализировать современную процедуру приватизации в России и выявить ее основные экономико-правовые проблемы на уровне нормативной конструкции, правоприменения и фактических результатов. Под современной процедурой в данном исследовании понимался действующий порядок планирования, подготовки, оценки, отчуждения и последующего правового оформления перехода публичного имущества в частную сферу в условиях действующего законодательства и актуальной экономической политики.

Для достижения поставленной цели в исследовании были решены несколько взаимосвязанных задач. Во-первых, была уточнена правовая сущность приватизации как специального способа прекращения публичной собственности и возникновения частной собственности, отличного от обычных гражданско-правовых сделок приоритетом публичного интереса и обязательностью специальной процедуры. Во-вторых, были сопоставлены научные подходы к оценке целей приватизации: от создания класса собственников и перехода к рынку до бюджетной мобилизации и институциональной модернизации [12]. В-третьих, были исследованы конкретные элементы действующей процедуры, включая прогнозное планирование, способы приватизации и особенности отдельных объектов. В-четвертых, был проведен анализ эмпирических показателей, позволяющих оценить современную динамику приватизационных процессов и их неоднозначный эффект для государства и экономики [3]. Наконец, были выделены ключевые правовые и экономические противоречия, которые препятствовали превращению приватизации в устойчивый механизм повышения общественной эффективности [14].

Обзор литературы

Литература по теме распадается на несколько направлений. Первое направление связано с юридическим определением приватизации и анализом отраслевого законодательства. В этом контексте подчеркивается, что приватизация является специальным режимом отчуждения имущества, в котором существенное значение имеют объектный состав, субъектные ограничения, способы продажи и публичный контроль за соблюдением процедуры. В работах, посвященных земельной и имущественной приватизации, отмечалось, что режим различных объектов неодина-

ков: жилой фонд, земельные участки, предприятия, акции и отдельные объекты недвижимости подчиняются разным комбинациям общих и специальных норм [15].

Второе направление литературы сосредоточено на историко-экономической оценке приватизации в России. Исследователи подчеркивали, что первая волна 1990-х годов была ориентирована прежде всего на быстрый демонтаж государственной собственности и политическую необратимость реформ, а не на последовательное формирование эффективной среды корпоративного управления [13]. Из этого вытекали такие эффекты, как массовая передача активов при слабой предварительной реструктуризации предприятий, заниженная оценка их стоимости и ограниченные бюджетные поступления относительно масштаба отчуждаемого имущества [10]. Показательно, что в 1991–1992 годах было приватизировано 46,8 тыс. предприятий, в 1993 году – 88,6 тыс., а в 1994 году – 112,6 тыс., но количественная интенсивность не конвертировалась автоматически в рост эффективности.

Третье направление связано с современным этапом, когда приватизация уже интерпретировалась как элемент управления госсектором, а не как самоцель реформ [11]. Авторы отмечали, что после 2000 года акцент постепенно сместился от простой продажи активов к вопросам качества управления государственной собственностью, определения целевого назначения имущества и оценки целесообразности его отчуждения. Одновременно работы 2023–2024 годов фиксировали новые формы трансформации собственности под влиянием санкций, структурных ограничений и возвращения государства в отдельные системообразующие сферы. Международная литература в целом поддерживала вывод о том, что влияние приватизации на эффективность опосредовано конкуренцией, институтами и политико-правовой средой, а не только сменой титула собственности [16].

Методология

Исследование уже было проведено как качественно-количественный анализ с опорой на нормативные и аналитические источники. Эмпирический корпус включил фрагменты пяти основных пользовательских источников, описывающих правовую природу приватизации, этапы реформ, статистику приватизированных предприятий, современные структурные изменения и проблемы управления государственным имуществом [9]. Дополнительно были привлечены внешние источники, содержащие сведения о действующем законодательстве, способах приватизации, прогнозом планировании и бюджетных поступлениях от сделок 2023–2025 годов. Временной охват фактического материала составил период от начала 1990-х годов до 2025 года, что позволило сопоставить генезис института и его современное состояние [6].

На первом этапе исследования был выполнен нормативный анализ статьи 217 ГК РФ, Федерального закона № 178-ФЗ и связанных с ним положений о планировании и способах приватизации [1]. Были выделены три процедурных блока: включение объекта в прогнозный план либо специальный перечень, выбор способа приватизации, оформление перехода права собственности и расчетов. На втором этапе был проведен сравнительный анализ научных оценок целей приватизации и ее фактических последствий в различные периоды. На третьем этапе были извлечены и сопоставлены количественные показатели: число приватизированных предприятий в ранний период, сокращение объема государственного имущества, динамика бюджетных поступлений и отраслевые сдвиги в доле государства [8]. Для обеспечения сопоставимости данные были сведены в единую аналитическую таблицу. В таблице 1 представлены ключевые показатели, использованные в исследовании.

Таблица 1. Ключевые показатели динамики приватизации

Показатель	Значение	Источник
Приватизировано предприятий в 1991–1992 гг.	46,8 тыс.	
Приватизировано предприятий в 1993 г.	88,6 тыс.	
Приватизировано предприятий в 1994 г.	112,6 тыс.	
Сокращение госимущества в 2017–2023 гг.	47%	
Доходы бюджета от приватизации в 2023 г.	28,9 млрд руб.	[3]
Доходы бюджета от приватизации в I полугодии 2025 г.	27,5 млрд руб.	[6]

На завершающем этапе был применен проблемно-ориентированный синтез. Он позволил соотнести юридическую модель процедуры с реально наблюдавшимися последствиями: отклонением цены продажи от экономической стоимости, административной сложностью сделок, неоднозначностью учета отдельных объектов и зависимостью результата от внешней институциональной среды. Та-

кой дизайн исследования дал возможность рассмотреть приватизацию не как абстрактный принцип, а как уже функционировавший набор процедур и их эффектов.

Результаты

Анализ показал, что современная процедура приватизации в России приобрела более формализованный и дифференцированный характер по сравнению с ранним периодом реформ. Центральным элементом выступило планирование: прогнозный план приватизации утверждался Правительством РФ на срок от одного до трех лет и включал характеристику имущества, задачи приватизации, ожидаемое влияние на экономику и сроки сделок. Наряду с этим после изменений 2022 года часть имущества могла приватизироваться без включения в прогнозный план через специальные перечни, утверждаемые уполномоченным органом в зависимости от стоимости актива [7]. Следовательно, современная модель соотчала общую программность и гибкость оперативного отбора объектов.

Установлено, что действующее законодательство использовало множественность способов приватизации, каждый из которых был рассчитан на разный тип активов и рыночной ситуации. Закон предусматривал продажу имущества на аукционе, на конкурсе, посредством публичного предложения, по минимально допустимой цене, а также внесение имущества в уставные капиталы обществ и продажу акций по итогам доверительного управления. Такая конструкция расширяла инструментарий государства, однако одновременно увеличивала требования к оценке имущества, качеству подготовки лотов и прозрачности критериев отбора покупателей.

Как схематично показано на рисунке 1, современная процедура приватизации включала последовательность взаимосвязанных стадий, на которых формировались основные экономико-правовые риски.

Рис. 1. Схема современной процедуры приватизации и зон возникновения экономико-правовых рисков

Количественный анализ выявил, что в современной фазе приватизация уже не носила характера массовой распродажи, но оставалась заметным каналом перераспределения активов. По данным исследования, государственное имущество в 2017–2023 годах сократилось на 47%, что свидетельствовало о продолжении активных приватизационных процессов. Одновременно бюджетные поступления демонстрировали высокую волатильность: в 2023 году Росимущество перечислило 28,9 млрд руб. при плане 1,8 млрд руб., а в первой половине 2025 года поступления достигли 27,5 млрд руб., уже превысив годовой план в пять раз. Это указывало на зависимость финансового результата приватизации от конъюнктуры рынка и состава выставляемых активов, а не только от самой процедуры.

При этом исследование подтвердило, что рост бюджетных доходов не устранил старые проблемы эффективности. Литература и нормативный материал показали, что даже при наличии формализованных процедур оставались риски недооценки активов, особенно если подготовка объекта к продаже была неполной или его имущественный статус требовал дополнительного урегулирования. Для земельных участков и объектов недвижимости такие трудности проявлялись в спорах о фактическом землепользовании, оформлении сопутствующих прав и наличии строений, что повышало транзакционные издержки и удлиняло процедуру.

Обсуждение

Полученные результаты подтвердили, что главная экономико-правовая проблема современной приватизации состоит не в недостатке формальных способов продажи, а в несоответствии между юридической завершенностью процедуры и качеством ее экономического результата. Российский опыт показал, что частная собственность не становилась автоматически более эффективной, если приватизация происходила

раньше реструктуризации предприятия, без надлежащей оценки актива и без механизмов, обеспечивающих конкуренцию и инвестиционную ответственность нового собственника. В этом смысле современная процедура лишь частично преодолела дефекты раннего периода.

Второй проблемный узел был связан с оценкой имущества. Еще исследования последствий приватизации 1990-х годов фиксировали систематическое занижение стоимости активов и недополучение доходов бюджетом. Современное законодательство сделало процедуру более детализированной, но не устранило фундаментальной трудности: публичный собственник должен продавать имущество по цене, сочетающей рыночную реалистичность, инвестиционную привлекательность и защиту публичного интереса. При слабой подготовке объекта или неполном оформлении прав это равновесие нарушалось, что особенно заметно на примере неучтенных объектов сельскохозяйственной инфраструктуры и сложных имущественных комплексов.

Третья проблема касалась фрагментации правового режима различных объектов приватизации. Жилой фонд, земельные участки, акции, унитарные предприятия и муниципальная недвижимость подчинялись разным специальным правилам, что усложняло правоприменение и увеличивало вероятность конфликтов между общими нормами ГК РФ и отраслевым законодательством. В частности, приватизация жилья породила не только расширение индивидуальной собственности, но и новые институты совместного имущества, ответственность по содержанию которого оказалась реализована неполно [17]. Земельная приватизация, в свою очередь, зависела не только от закона, но и от характеристик фактического землепользования, старых документов и судебной практики.

Наконец, обсуждение результатов показало, что современная приватизация стала частью более широкой трансформации роли государства. После периода максимального самоустранения государства в 1990-е годы в 2000-е и особенно в 2020-е годы наблюдалось сочетание двух встречных тенденций: сохранение приватизационных механизмов и одновременное усиление селективного государственного контроля над стратегическими активами. Это означает, что в современной России приватизация уже не может рассматриваться как универсальная модель развития; она функционировала как инструмент точечной оптимизации структуры собственности, эффективность которого определялась институциональной зрелостью, а не идеологическим приоритетом частной формы.

Заключение

Проведенное исследование показало, что современная процедура приватизации в России является сложным экономико-правовым механизмом, в котором юридическая техника отчуждения имущества тесно связана с вопросами бюджетной эффективности, инвестиционной логики и границ государственного участия в экономике. В отличие от приватизации 1990-х годов, нынешняя модель была основана на программном планировании, множественности способов продажи и большей формальной определенности процедур. Однако сама эта формализация не устранила ключевого противоречия: экономическая результативность приватизации зависела не столько от факта передачи актива частному лицу, сколько от качества оценки, конкурентности продажи, предварительной подготовки объекта и последующей институциональной среды.

Исследование подтвердило, что основными экономико-правовыми проблемами оставались риски занижения стоимости активов, неоднородность правового режима отдельных объектов, сложность согласования публичных и частных интересов и отсутствие автоматической связи между приватизацией и ростом эффективности. Современная приватизация действительно обеспечивала бюджетные поступления и перераспределение части активов, но ее долгосрочная полезность определялась не объемом проданного имущества, а способностью права организовать справедливый и экономически рациональный переход собственности. Следовательно, анализ современной процедуры приводит к выводу, что приватизация в России превратилась из идеологии тотального разгосударствления в селективный инструмент имущественной политики, успех которого полностью зависит от качества правового регулирования и институционального исполнения.

Литература

1. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [Электронный ресурс] // СудАкт.ру. URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-21122001-n-178-fz-o/> (дата обращения 01.06.2026)
2. Закон РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» № 1541-1 от 04.07.1991 [Электронный ресурс] // s70perm.ru. URL: <https://s70perm.ru/trudoustrojstvo-drugoe/zakon-o-privatizacii.html> (дата обращения 01.06.2026)

3. Росимущество в 16 раз перевыполнило план по приватизации на 2023 год [Электронный ресурс] // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbc-freenews/6588efbb9a794727f74f423d> (дата обращения 01.06.2026)

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СПС КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>

5. Халмаков А.Д. Правовое регулирование приватизации государственного и муниципального имущества по законодательству Российской Федерации [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. 2025. № 41 (276). С. 35–38. URL: <https://apni.ru/article/13235-pravovoe-regulirovanie-privatizacii-gosudarstvennogo-i-municipalnogo-imushchestva-po-zakonodatelstvu-rossijskoj-federacii> (дата обращения 01.06.2026)

6. Росимущество: доходы от приватизации составили с начала года 27,5 млрд рублей [Электронный ресурс] // Эксперт. URL: <https://expert.ru/news/rosimushchestvo-dokhody-ot-privatizatsii-sostavili-s-nachala-goda-27-5-mlrd-rublej/> (дата обращения 01.06.2026)

7. Федеральный закон от 14.07.2022 № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества», отдельные законодательные акты Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений» [Электронный ресурс] // СудАкт.ру. URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-14072022-n-320-fz-o/> (дата обращения 01.06.2026)

8. Катасонов В. Ползучая приватизация России: цифры Росстата [Электронный ресурс] // Русское экономическое общество имени С.Ф. Шапарова. URL: <https://reosh.ru/valentin-katsonov-polzuchaya-privatizaciya-rossii-cifry-rosstata.html> (дата обращения 01.06.2026)

9. Назаренко А.Е. Характерные особенности процедуры приватизации земельных участков // StudNet. – 2021. – Выпуск № 5, том 4.

10. Козлова С., Грибанова О. Трансформация официальных подходов к оценке эффективности управления государственной и муниципальной собственностью в современной России // Общество и экономика. – 2021. – № 4. – С. 6.

11. Караськова А. Е. К вопросу о влиянии последствий приватизации на формирование различных форм собственности в Российской Федерации // Современные научные исследования: проблемы, тенденции, перспективы. – 2023. – С. 59–63.

12. Сечин И.И. Приватизация российского топливно-энергетического комплекса и становление ПАО «Нефтяная компания „Роснефть“» // Экономика и управление. – 2024. – Выпуск № 10, том 30. – С. 1164–1177.

13. Eliseev V. S., Martynenko I.A. Prospects for the Development of Economic Legislation of the Russian Federation // Kutafin Law Review. – 2022. – № 3 (9). – С. 466–485. DOI: 10.17803/2713-0525.2022.3.21.466-485.

14. Чеботарев В. С. и др. Основные направления решения экономико-правовых проблем развития крестьянских (фермерских) хозяйств современной России как фактор экономической безопасности. // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. – 2025. – Vol. 15– С. 485–496

15. Солодкина Л.А. Экономико-правовые основы оценки стоимости предприятия. [Электронный ресурс] // 2021. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://hsem.susu.ru/es/wp-content/uploads/sites/29/2022/05/SLA_LectNotes_EcPravEvaluat-2.pdf (дата обращения 1.06.2026)

16. Cuadrado-Ballesteros B., Peña-Miguel N. Privatisation and government spending efficiency: An empirical analysis in Europe // Scottish Journal of Political Economy. – 2024. – № 4 (71). – С. 625–648. DOI: 10.1111/sjpe.12386.

17. Литвинцев Д.Б. Формирование жилищных классов, институтов общего имущества и общего собрания как результат приватизации жилья в России // Общество и экономика. – 2021. – Т. 1. – С. 71–80.

ANALYSIS OF MODERN PRIVATIZATION PROCEDURE AND ITS ECONOMIC AND LEGAL PROBLEMS

Kurnosov V.M.

Plekhanov Russian University of Economics

The article provides a comprehensive analysis of the modern privatization procedure in Russia as an economic and legal institution that combines the mechanisms of redistribution of public property, the budgetary interests of the state and the tasks of structural transformation of the economy. It is shown that the modern model of privatization is no longer reduced to the massive denationalization of the 1990s, but functions in the form of a programmatically planned, normatively detailed and procedurally differentiated alienation of property using an auction, tender, public offering, contributing property to the authorized capital and other special methods. The study revealed that key problems persist in three interrelated areas: asset valuation and pricing, reconciliation of public and private interests,

as well as heterogeneity of law enforcement practice for certain types of property, primarily land, housing stock and property complexes of enterprises. Based on a comparison of data on the dynamics of privatization and budget revenues, it is shown that the quantitative results of transactions are not identical to economic efficiency and do not guarantee the formation of a competitive environment without developed institutions of management, control and responsibility. The conclusion is made about the transition of Russian privatization from a universal ideological tool to a selective property management mechanism, however, its effectiveness is still determined by the quality of the institutional environment and the legal certainty of procedures.

Keywords: privatization, state property, municipal property, economic and legal problems, forecast plan of privatization, methods of privatization, efficiency of ownership, law enforcement

References

1. Federal Law No. 178-FZ of December 21, 2001, "On the Privatization of State and Municipal Property" [Electronic resource] // SudAkt.ru. URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-21122001-n-178-fz-o/> (accessed June 1, 2026)
2. Law of the Russian Federation No. 1541-1 of July 4, 1991, "On the Privatization of the Housing Stock in the Russian Federation" [Electronic resource] // s70perm.ru. URL: <https://s70perm.ru/trudoustrojstvo-drugoe/zakon-o-privatizacii.html> (accessed June 1, 2026)
3. Rosimushchestvo exceeded the 2023 privatization target by 16 times [Electronic resource] // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6588efbb9a794727f74f423d> (accessed June 1, 2026)
4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on March 11, 2024) // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://www.consultant.ru>
5. Khalmakov A.D. Legal regulation of the privatization of state and municipal property under the legislation of the Russian Federation [Electronic resource] // Aktualnye issledovaniya [Current Research]. 2025. No. 41 (276). P. 35–38. URL: <https://apni.ru/article/13235-pravovoe-regulirovanie-privatizacii-gosudarstvennogo-i-municipalnogo-imushchestva-po-zakonodatelstvu-rossijskoj-federacii> (accessed June 1, 2026)
6. Rosimushchestvo: privatization revenues totaled 27.5 billion rubles since the beginning of the year [Electronic resource] // Expert. URL: <https://expert.ru/news/rosimushchestvo-dokhody-ot-privatizatsii-sostavili-s-nachala-goda-27-5-mlrd-rublej/> (accessed June 1, 2026)
7. Federal Law No. 320-FZ dated July 14, 2022, "On Amendments to the Federal Law 'On the Privatization of State and Municipal Property,' Certain Legislative Acts of the Russian Federation, and on Establishing Specifics for the Regulation of Property Relations" [Electronic resource] // SudAkt.ru. URL: <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-14072022-n-320-fz-o/> (accessed June 1, 2026)
8. Katasonov V. Russia's Creeping Privatization: Rosstat Figures [Electronic resource] // S.F. Sharapov Russian Economic Society. URL: <https://reosh.ru/valentin-katasonov-polzuchaya-privatizaciya-rossii-cifry-rosstata.html> (accessed June 1, 2026)
9. Nazarenko A.E. Characteristic Features of the Land Plot Privatization Procedure // StudNet. – 2021. – Issue No. 5, Vol. 4.
10. Kozlova S., Gribanova O. Transformation of Official Approaches to Assessing the Efficiency of State and Municipal Property Management in Modern Russia // Society and Economy. – 2021. – No. 4. – P. 6.
11. Karaskova A.E. On the Impact of Privatization Consequences on the Formation of Various Forms of Ownership in the Russian Federation // Modern Scientific Research: Problems, Trends, Prospects. – 2023. – P. 59–63.
12. Sechin Privatization of the Russian fuel and energy complex and the formation of PJSC Rosneft Oil Company // Economics and Management. – 2024. – Issue No. 10, Vol. 30. – P. 1164–1177.
13. Eliseev V. S., Martynenko I.A. Prospects for the Development of Economic Legislation of the Russian Federation // Kutafin Law Review. – 2022. – No. 3 (9). – P. 466–485. DOI: 10.17803/2713-0525.2022.3.21.466-485.
14. Chebotarev V. S. et al. Key directions for addressing economic and legal issues in the development of peasant (farm) holdings in modern Russia as a factor of economic security // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. – 2025. – Vol. 15. – P. 485–496.
15. Solodkina L.A. Economic and legal foundations of enterprise valuation. [Electronic resource] // 2021. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgiclfefindmkaj/https://hsem.susu.ru/es/wp-content/uploads/sites/29/2022/05/SLA_LectNotes_EcPravEvaluat-2.pdf (accessed June 1, 2026).
16. Cuadrado-Ballesteros B., Peña-Miguel N. Privatisation and government spending efficiency: An empirical analysis in Europe // Scottish Journal of Political Economy. – 2024. – No. 4 (71). – P. 625–648. DOI: 10.1111/sjpe.12386. 17) Litvintsev D.B. Formation of housing classes, institutions of common property, and the general meeting as a result of housing privatization in Russia // Society and Economy. – 2021. – Vol. 1. – P. 71–80.

Морозов Сергей Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор, декан, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета; заслуженный юрист Российской Федерации

Вилкова Евгения Александровна,

магистрант Ульяновского государственного университета
E-mail: karpeeva30@mail.ru

Авторами рассмотрены механизмы взаимодействия участников правоотношений по договору о целевом обучении, отвечающие запросам современного рынка труда, а также регулирование данных правоотношений. Проанализированы нормативные правовые акты, регулирующие вопросы заключения, изменения, расторжения договора о целевом обучении, и рассмотрена судебная практика по взысканию штрафов за неисполнение договоров. Проведен анализ конструкции договора о целевом обучении в зависимости от количества участвующих в нем сторон. Авторами сформулированы предложения по совершенствованию законодательства: внесение в ч. 1 ст. 56 Федерального закона № 273-ФЗ норм об усилении контроля за исполнением обязательств по предоставлению мер поддержки с указанием конкретных сроков, а также дополнение КоАП РФ новой статьей об административной ответственности должностных лиц за систематические нарушения сроков предоставления мер поддержки в виде штрафа.

Ключевые слова: договор о целевом обучении, Федеральный закон № 273-ФЗ, существенные условия договора, штраф, ответственность по договору о целевом обучении, неисполнение обязательств.

Введение

Договор о целевом обучении регулируется образовательным законодательством с помощью норм образовательного права как самостоятельной отрасли права. Предметом регулирования данного договора являются не только образовательные, но и иные отношения, которые возникают, например, между организациями и обучающимися или потенциальными обучающимися по поводу получения последним образования. По нашему мнению, договор о целевом обучении устанавливает взаимные права и обязанности сторон, порождающие соответствующее правоотношение.

Нами отмечено, что правовая цель заключения договора о целевом обучении состоит в том, чтобы не только получить квалифицированных специалистов, но и создать необходимые условия для обучения по образовательной программе, а также обеспечить трудоустройство в учреждения или общеобразовательные организации согласно заключенному договору, на определенный срок.

Основная часть

Целевое обучение и прием на целевое обучение регулируются Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ)¹ и постановлением Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2024 г. № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» (далее – постановление № 555)².

В новой редакции уточняются отдельные требования к заказчиком целевого обучения: в этом качестве не смогут выступать лица, указанные в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (организации, которые находятся под юрисдикцией недружественных стран; прямо или косвенно подконтрольные недружественным странам или аффилированные с ними; должностные лица и граждане недружественных стран), а также лица, признанные в соответствии с законодательством РФ иностранными агентами³. Нами отмечено, что для граждан Российской Федерации право поступать и обучаться по договору о целевом обучении не изменилось.

Следует обратить внимание, что целевое обучение осуществляется в соответствии с договором о целевом обучении и заключается в соответствии с типовой формой договора о целевом обучении по образовательной программе среднего профессионального или высшего образования, утвержденной постановлением № 555. Оценка складывающихся договорных отношений и их нормативно-правового регулирования осуществляется учеными по-разному. Н.В. Новикова пишет, что «обращение к генезису правового регулирования отношений по целевой подготовке кадров и содержания договора о целевом обучении вызвано неопределенностью правовой природы данного вида договора» [5, с. 37]. Е.В. Кобчикова констатирует, что «при заключении такого договора присутствует и равенство сторон, характерное для любого договора, независимо от отраслевой принадлежности. При этом образовательное право является комплексной отраслью права» [4, с. 5]. Также, автор считает, что «в состав образовательного права входят комплексные институты отраслей образовательного и гражданского права; образовательного и административного права, а также образовательного и трудового права» [3, с. 62]. Такой межотраслевой подход имеет право на существование. Нормы гражданского права применительно к специфике образовательных правоотношений, по наше-

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. – 2012. – № 303. – 31 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 01.03.2026.

² Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2024 г. № 555 «О целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 15.03.2026.

³ Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // Российская газета. – 2018. – № 121. – 06 июня; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.03.2026.

му мнению, должны применяться с учетом положений перечисленных правовых институтов.

Согласно постановлению № 555, сторонами договора о целевом обучении могут быть не только гражданин и заказчик, но и другие участники, если указаны условия из п. 6, например: организация, осуществляющая образовательную деятельность, а также организация, в которую в дальнейшем будет трудоустроен гражданин.

Следует отметить, что конструкция договора о целевом обучении в части его участников может иметь несколько вариантов.

Во-первых, в договоре может быть только два участника, когда с одной стороны выступает гражданин, а с другой заказчик целевого обучения.

Второй вариант предусматривает участие в договорных отношениях нескольких субъектов, если договор предусматривает прохождение практической подготовки у заказчика или работодателя и/или содержит требования заказчика к успеваемости, то к сторонам присоединяется организация, осуществляющая образовательную деятельность (гражданин, заказчик и образовательная организация). Хотя, и в этом случае договор будет считаться двусторонним, исходя из встречного характера прав и обязанностей, в его заключении будет участвовать более двух субъектов. При этом, мы исходим из того, что многосторонним является не тот договор, в котором много сторон, а тот в котором его участники хотят добиться единой цели, т.е. действуют не по принципу «ты мне – я тебе».

Третий вариант, когда к трем участникам присоединяется организация, в которую будет в дальнейшем трудоустроен гражданин.

По нашему мнению, конструкция договора о целевом обучении зависит от содержания обязательств сторон.

Кроме того, в ст. 56 Федерального закона № 273-ФЗ и постановлении № 555 определены существенные условия договора о целевом обучении.

Понятие «существенные условия договора» применимо к гражданскому праву, так как в соответствии с п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК), «договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условиях, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение»¹.

По мнению В.В. Витрянского, это «условия, которые составляют видеообразующие признаки соответствующего договорного обязательства, то есть отражают природу договора и поэтому включаются законодателем в самоопределение того или иного договора. Такие условия являются существенными условиями договора, поскольку, называя их (включая в определение договора), законодатель дает понять, что указанные условия необходимы для данного вида договорных обязательств» [2, с. 97].

Так, например, как следует из содержания п. 3 ст. 56 Федерального закона № 273-ФЗ к существенным условиям договора о целевом обучении относятся:

1. Обязательства заказчика целевого обучения:

– организовать предоставление или предоставить гражданину в период обучения меры поддержки, включая меры материального стимулирования, оплату профессионального обучения и дополнительного образования за рамками образовательной программы, осваиваемой в соответствии с договором о целевом обучении, предоставление в пользование и (или) оплату жилого помещения в период целевого обучения, и (или) другие меры.

Стороны договора могут самостоятельно определять перечень мер поддержки с указанием порядка, сроков и иных характеристик их предоставления, например, трудоустроить гражданина в соответствии с полученной квалификацией не позднее срока, установленно договором о целевом обучении, с указанием места осуществления трудовой деятельности в соответствии с полученной квалификацией.

2. Обязательства гражданина, заключившего договор о целевом обучении:

– освоить основную образовательную программу, указанную в договоре о целевом обучении (с возможностью изменения образовательной программы и (или) формы обучения по согласованию с заказчиком целевого обучения);

– реализовать трудовую составляющую данного договора;

– осуществлять трудовую деятельность в месте, определенном договором о целевом обучении, в течение не менее трех лет и не более пяти лет в соответствии с полученной квалификацией с учетом трудоустройства в срок, установленный таким договором.

По мнению К.С. Балицкого, «существенные условия позволяют ограничить данный вид договора от смежных, похожих договоров» [1, с. 91]. Если договор о целевом обучении относится в большей степени к трудовому праву, то, по нашему мнению, указанные условия необходимо назвать обязательными, которые нельзя не включить и изменить в договоре, как и обязательные условия трудового договора.

Кроме того, в пп. 24–31 постановления № 555 перечислены иные условия, которые включаются в договор о целевом обучении.

Из вышеизложенного следует, что условия договора составляют его суть, содержание. Существенными являются такие условия, без которых договор считается незаключенным.

Согласно постановлению № 555, в 2025/26 и 2026/27 учебных годах для договора о целевом обучении предусмотрено обязательное заключение в простой письменной форме на бумажном носителе в количестве экземпляров, равном числу сторон договора. Формирование проекта договора о целевом обучении осуществляется на цифровой платформе «Работа России» (при наличии технической возможности), за исключением договоров о целевом обучении, заключаемых в соответствии с предложениями, которые не были размещены на цифровой платформе «Работа в России». При заключении договора о целевом обучении в электронном виде заказчик, организация, осуществляющая образовательную деятельность (если она является стороной договора), и работодатель (если он является стороной договора) подписывают договор о целевом обучении на цифровой платформе «Работа в России», а гражданин подписывает договор о целевом обучении посредством мобильного приложения «Госключ».

Необходимо отметить, что в случае, если обучающийся на момент заключения настоящего договора является несовершеннолетним гражданином (не достигшим возраста восемнадцати лет), то к договору прилагается согласие законного представителя (родителя, усыновителя или попечителя несовершеннолетнего гражданина). Согласие, по нашему мнению, является неотъемлемой частью договора, которое оформляется в письменном виде на бумажном носителе (или с использованием цифровой фиксации, проставляемой в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)») и обязательно прилагается к настоящему договору.

Кроме того, согласно ст. 56 Федерального закона № 273-ФЗ при поступлении на обучение или во время обучения по образовательной программе гражданин вправе заключить договор о целевом обучении только с одним заказчиком.

Как отметил В.С. Потапенко, «договор заключается после издания приказа о зачислении в вуз» [7, с. 137], но не позднее начала учебного года, то есть первого сентября. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что изменения, которые вносятся в договор о целевом обучении, оформляются дополнительными соглашениями к нему и заключаются в порядке, соответствующем порядку заключения договора о целевом обучении.

Следует обратить внимание на то, что гражданин, выполнивший обязательства по договору целевого обучения, может заключить новый договор с тем же заказчиком для получения образования следующего уровня, например, бакалавриат – магистратура. В этом случае он освобождается от ответственности по предыдущему договору. Однако, по мнению К.Л. Япринцевой, это «возможно, только если предыдущий договор или дополнительное соглашение к нему предусматривали освобождение от ответственности стороны при заключении нового договора о целевом обучении» [9, с. 79].

Так, согласно постановлению № 555, если гражданин выполнит обязательства по новому договору, он и заказчик освобождаются от ответственности по всем предыдущим целевым договорам. В случае расторжения нового договора виновная сторона несет ответственность за неисполнение обязательств, как по новому, так и по всем предыдущим договорам. Заказчик, заинтересованный в заключении нового целевого договора, формирует отдельное предложение для гражданина. В заявке на заключение нового договора гражданину необходимо указать, что он завершил (или завершит в текущем году) обучение по ранее заключенному договору, а также отразить, что предыдущий договор содержит условие об освобождении от ответственности в случае заключения нового договора.

Следует обратить особое внимание на последствия неисполнения договора о целевом обучении. Так, в пункте 83 постановления № 555 заказчик или гражданин несут в порядке, установленном разделом VII постановления, ответственность за неисполнение обязательств по до-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. – 1994. – № 238–239, 08 декабря; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.03.2026.

говору, одностороннее расторжение договора, отказ от заключения договора и, согласно п. 6 ст. 71.1 Федерального закона № 273-ФЗ, выплачивают штраф в размере расходов бюджета. Очевидным при этом является факт того, что сумма штрафа, взыскиваемого с гражданина, соответствует величине фактических расходов, осуществленных за период его обучения. Данная мера ответственности за нарушение обязательств по договору о целевом обучении установлена законодательством РФ. Ф.К. Ногайлиева отмечает, что «заказчик целевого обучения или гражданин выплачивает штраф в размере расходов федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации или местного бюджета, осуществленных на обучение гражданина» [6, с. 36]. По мнению С.А. Филиппова, «судебные разбирательства, связанные с расторжением договоров о целевом обучении, взысканием штрафов, как правило, рассматриваются судами общей юрисдикции» [8, с. 127].

Далее перейдем к рассмотрению судебной практики по данному вопросу применительно к интересующей нас категории споров. Согласно Решению Кызылского городского суда Республики Тыва г. Кызыл № 2-7472/2025 от 30 октября 2025 года по делу № 2-7472/2025¹ ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (далее – истец) обратилось в суд с иском к ФИО (далее – ответчик) о взыскании штрафа по договору о целевом обучении в размере 213 914,61 руб., а также суммы уплаченной госпошлины в размере 7417 руб. Из материалов дела следует, что между Министерством образования Республики Тыва и Колом А.-К.Т. и ответчиком был заключен договор о целевом обучении по образовательной программе высшего образования. Судом по делу было установлено, что основанием явилось отчисление ответчика со второго курса очной формы обучения, по направлению подготовки «Экология и природопользование» за невыполнение учебного плана и, соответственно, в дальнейшем невозможностью осуществить обязательства по трудоустройству на основании договора. Оплата штрафа ответчиком по истечении 12 месяцев ответчиком не была произведена. В силу п. 1 ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, суд с учетом принципов разумности и справедливости, в том числе соразмерности заявленных к взысканию расходов фактическим обстоятельствам дела, признал возможным снизить размер штрафа до 100 000 руб., что соответствует последствиям нарушения обязательства со стороны ответчика, характеру спорных правоотношений, не нарушая баланс интересов сторон. Поскольку заявленный размер штрафа уменьшен судом на основании ст. 333 ГК РФ, то понесенные истцом расходы по оплате государственной пошлины подлежат возмещению с ответчика в полном объеме, в размере 7417 руб.

Так, например, Определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 февраля 2025 года № 88-1942/2025² установлено, что Гражданка К. была зачислена в ФГБОУ ВО Тюменский государственный медицинский университет 1 сентября 2019 года для обучения по программе «Лечебная физкультура и спортивная медицина» в рамках договора о целевом обучении. 31 августа 2021 года она завершила обучение и была отчислена. Согласно условиям договора и законодательству (в частности, части 6 статьи 71.1 Федерального закона № 273-ФЗ), К. должна была трудоустроиться в БУ «Клинический врачбно-физкультурный диспансер» в течение трех месяцев после отчисления и отработать там три года. Однако к 17 ноября 2022 года (более чем через год после окончания обучения), Департамент здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры уведомил К. о неисполнении ею этого обязательства. Требование об оплате штрафа, направленное ей, не было получено и вернулось истцу 25 февраля 2023 года. В связи с нарушением К. условий договора о целевом обучении, образовательное учреждение обратилось в суд с иском о взыскании штрафа в размере 468 404 руб. 30 коп., предусмотренного упомянутым Федеральным законом. Рассмотрев дело, суд первой инстанции признал, что К. без уважительных причин не исполнила обязательства по трудовой деятельности в течение трех лет. Однако, удовлетворяя ходатайство ответчика и руководствуясь статьей 333 Гражданского кодекса РФ, суд снизил размер штрафа до 230 000 руб. При этом суд учел принципы справедливости, соразмерности последствиям нарушения обязательств, а также тот факт, что взысканный штраф останется в распоряжении образовательной организации и не подлежит возврату в бюджет. Суд апелляционной инстанции полностью согласился с выводами суда первой инстанции, признав принятое решение законным

¹ Решение Кызылского городского суда Республики Тыва г. Кызыл № 2-7472/2025 от 30 октября 2025 года по делу № 2-7472/2025. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – <https://clcl.i/EGdSG> (дата обращения: 13.04.2026).

² Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2025 г. по делу № 88-1942/2025. – Текст: электронный // СПС КонсультантПлюс, <https://clcl.i/IEIQ> (дата обращения: 18.03.2026).

и обоснованным, основанным на надлежащей оценке доказательств и применении норм материального права.

Исходя из вышеизложенного, нами сформулированы предложения по совершенствованию законодательства:

1. Внести изменения в ч. 1 ст. 56 Федерального закона № 273-ФЗ, дополнив её требованиями об усилении контроля за ненадлежащим исполнением договорных обязательств по предоставлению мер поддержки, с указанием конкретных календарных сроков, так как, например, заказчик не всегда своевременно осуществляет выплаты и не предоставляет льготы (за проживание, компенсацию расходов на оплату проезда).

2. Дополнить КоАП РФ новой статьей, устанавливающей административную ответственность должностных лиц за систематическое нарушение сроков предоставления мер поддержки гражданам (обучающимся) в рамках договора о целевом обучении, в виде наложения административного штрафа, в размере, определяемом Правительством РФ.

Литература

- Балицкий, К.С. Отраслевая принадлежность договора о целевом обучении: вопросы теории и судебной практики / К.С. Балицкий // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 4. – С. 89–94.
- Витрянский, В.В. Заключение договора // Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало; под ред. Д.А. Медведева. Москва: Статут, 2019. – 492 с. – ISBN 978-5-8354-1547-2. Текст: электронный // Электронно-библиотечная система Znanium: [сайт]. – URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=352742> (дата обращения: 17.03.2026).
- Кобчикова, Е.В. Договор об образовании как новелла российского законодательства / Е.В. Кобчикова // Право и образование. – 2013. – № 4. – С. 61–66.
- Кобчикова, Е.В. К вопросу о правовой природе договора о целевом обучении и целевом приеме / Е.В. Кобчикова, О.А. Чепарина // Право и образование. – 2015. – № 2. – С. 4–10.
- Новикова, Н.В. О трудовых признаках договора о целевом обучении / Н.В. Новикова. – Текст: электронный // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2019. – № 2. – С. 34–40. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-trudopravovykh-priznakah-dogovora-o-tselevom-obuchenii/viewer> (дата обращения: 17.04.2026).
- Ногайлиева, Ф.К. Совершенствование института целевого обучения: анализ изменений закона об образовании / Ф.К. Ногайлиева // Ежегодник трудового права. – 2024. – Вып. 14. – С. 28–40.
- Потапенко, В.С. Гражданско-правовые элементы в системе регулирования услуг в сфере образования / В.С. Потапенко // Журнал российского права. – 2008. – № 11. – С. 135–146.
- Филиппов, С.А. К вопросу о договоре целевого обучения: прикладные аспекты / С.А. Филиппов, И.А. Толочкова // Вестник Российской правовой академии. – 2024. – № 1. – С. 125–134.
- Япринцева, К.Л. Целевое обучение: состояние и проблемы / К.Л. Япринцева // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2025. – Т. 17. – № 4. – С. 76–84.

LEGAL ANALYSIS OF THE TARGETED EDUCATION AGREEMENT

Morozov S.Yu., Vilkova E.A.
Ulyanovsk State University

The authors examine the mechanisms governing the interaction between the parties to legal relations arising from targeted education agreements, which are designed to meet the demands of the modern labour market, as well as the legal regulation of such relations. The study analyzes the regulatory legal framework governing the conclusion, amendment, and termination of targeted education agreements and reviews judicial practice concerning the imposition of penalties for breaches of contractual obligations. The legal structure of targeted education agreements is also examined depending on the number of parties involved. Based on the findings, the authors propose amendments to the legislation, including the introduction into Part 1 of Article 56 of Federal Law № 273-FZ of provisions aimed at strengthening oversight of compliance with obligations to provide support measures by establishing specific time limits. They also propose supplementing the Code of Administrative Offences of the Russian Federation with a new article establishing administrative liability, in the form of administrative fines, for officials who systematically fail to comply with the prescribed time limits for providing support measures.

Keywords: targeted education agreement, Federal Law № 273-FZ, essential terms of the agreement, penalty, liability under a targeted education agreement, non-performance of obligations.

References

- Balitsky, K.S. Sectoral affiliation of the contract on targeted training: issues of theory and judicial practice / K.S. Balitsky // Russian law: education, practice, science. – 2020. – № 4. – Pp. 89–94.

2. Vitryansky, V.V. Conclusion of the contract // Codification of Russian private rights 2019 / V.V. Vitryansky, S. Yu. Moscow: Statut, 2019. – 492 p. – ISBN 978-5-8354-1547-2. Text: electronic // Electronic library system Znanium: [site]. – URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=352742> (date of access: 03/17/2026).

3. Kobchikova, E.V. Education Agreement as a Novelty in Russian Legislation / E.V. Kobchikova // Law and Education. – 2013. – № 4. – Pp. 61–66.

4. Kobchikova, E.V. On the Issue of Recognizing the Nature of Agreements on Targeted Training and Targeted Admission / E.V. Kobchikova, O.A. Cheparina // Law and Education. – 2015. – № 2. – Pp. 4–10.

5. Novikova, N.V. On the Labor Law Features of a Targeted Training Agreement / N.V. Novikova. – Text: electronic // Electronic Supplement to the Russian Law Journal. – 2019. – № 2. – Pp. 34–40. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-trumopravovyh-priznakah-dogovora-o-tselevom-obuchenii/viewer> (date accessed: 17.04.2026).

6. Nogaylieva, F.K. Improving the institution of targeted training: analysis of changes in education legislation / F.K. Nogaylieva // Yearbook of labor law. – 2024. – Issue. 14. – Pp. 28–40.

7. Potapenko, V.S. Civil-law elements in the system of regulation of services in the field of education / V.S. Potapenko // Journal of Russian Law. – 2008. – № 11. – Pp. 135–146.

8. Filippov, S.A. On the issue of the contract for targeted training: applied aspects / S.A. Filippov, I.A. Tolochkova // Bulletin of the Russian Academy. – 2024. – № 1. – P. 125–134.

9. Yaprntseva, K.L. Targeted training: state and problems / K.L. Yaprntseva // Modern higher education: innovative aspect. – 2025. – V. 17. – № 4. – P. 76–84.

К вопросу об отдельных аспектах нормативного правового регулирования выборов депутатов представительных органов муниципальных образований

Ныркова Татьяна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурский государственный университет»
E-mail: nurkova2004@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ регионального избирательного законодательства в части, регламентирующей основания и порядок освобождения кандидатов от обязанности представлять сведения о размере и об источниках доходов кандидата, а также об имуществе, принадлежащем кандидату на праве собственности (в том числе совместной собственности), о счетах, вкладах в банках, ценных бумагах при проведении выборов депутатов представительных органов местного самоуправления. При этом в статье рассматриваются не только нормативные предписания, закреплённые в законах субъектов Российской Федерации, но и судебная практика по результатам прошедших избирательных кампаний, что позволяет оценить реальную эффективность действующих правовых механизмов. В результате исследования установлено, что подходы региональных законодателей к решению данного вопроса отличаются значительным разнообразием: от полного воспроизведения федеральных норм до введения дополнительных критериев и условий освобождения. Однако, как показывает практика, простое дублирование положений пункта 4 статьи 33 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не обеспечивает должной правовой определённости и порождает серьёзные затруднения в процессе правоприменения, в том числе разнообразное толкование одних и тех же норм избирательными комиссиями и судами. На основании сделанных выводов обосновывается необходимость внесения уточнений в пункт 4 статьи 33 названного федерального закона, что позволит устранить выявленные коллизии и обеспечить единообразие регулирования данного вопроса на всей территории страны.

Ключевые слова: выборы, средняя норма представительства, образование избирательных округов, мажоритарная избирательная система, законодательство субъектов Российской Федерации.

Муниципальные выборы в Российской Федерации, как и выборы федерального и регионального уровней, заложены в основах конституционного строя и являются частью предмета исследования науки конституционного права. Спектр задач науки конституционного права достаточно разнообразен, обладает определённой системностью [1, С. 132–148], основывается в том числе и на анализе действующих конституционно-правовых норм, практики прошедших избирательных кампаний, выявлении потребностей в нормативном правовом регулировании. В этой связи избирательное законодательство регулярно подвергается серьёзным корректировкам, что влечёт за собой образование как новых правовых институтов, так и признание утратившими силу тех правовых институтов, которые в реалиях настоящего времени оказались практически невостребованными или неэффективными.

В качестве интересных новаций последних пяти лет можно отметить исключение избирательных комиссий муниципальных образований из системы избирательных комиссий, действующих в Российской Федерации, и прекращение их деятельности [2]; упразднение института открепительных удостоверений [3], который практически не был востребован на муниципальных выборах; создание дополнительных условий для реализации активного избирательного права избирателей – голосование в течение нескольких дней подряд [4], возможность использования дистанционного электронного голосования [5] и электронного голосования [6, С. 51–56] и др. [7, С. 33].

Следует отметить, что большая работа по оказанию правовой, методической, организационно-технической помощи комиссиям проводится ЦИК России. В частности, значительно упрощён и облегчён труд участковых комиссий в связи с введением технологии изготовления протоколов участковых комиссий об итогах голосования с машиночитаемым кодом и ускоренного ввода данных протоколов участковых комиссий об итогах голосования в Государственную автоматизированную систему Российской Федерации «Выборы» с использованием машиночитаемого кода [8], порядок применения которой утверждён постановлением ЦИК России от 15.02.2017 № 74/667–7, а также созданием интерактивного рабочего блокнота.

Вместе с тем, не ставя своей задачей анализ проведённых реформ, хотелось бы обратить внимание на некоторую вариативность в правоприменении субъектов Российской Федерации в части, касающейся муниципальных выборов в рамках тех норм, которые установлены Федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) с даты его принятия.

Так, п. 4 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ освобождает кандидатов от обязанности представлять в соответствующую избирательную комиссию сведения о размере и об источниках доходов кандидата, а также об имуществе, принадлежащем кандидату на праве собственности (в том числе совместной собственности), о счетах, вкладах в банках, ценных бумагах (далее – Сведения о доходах и имуществе) при одновременном выполнении следующих условий.

Во-первых, данная норма действует только при проведении выборов депутатов представительных органов муниципальных образований.

Во-вторых, избирательные округа на таких выборах должны быть образованы в соответствии со средней нормой представительства избирателей, не превышающей пяти тысяч избирателей. Тем самым федеральный законодатель в конструкции данной нормы закрепил два взаимосвязанных критерия, определяющих модель формирования представительного органа.

Первый критерий заключается в использовании законодателем термина «образуются» применительно к избирательным округам. Данная терминология во взаимосвязи с другими положениями избирательного законодательства (п. 1 ст. 18 Федерального закона № 67-ФЗ) предполагает необходимость создания одномандатных и (или) многомандатных избирательных округов. Это, в свою очередь, является однозначным показателем применения мажоритарной избирательной системы как единственно возможного способа избрания депутатского корпуса в соответствующих муниципальных образованиях, поскольку на выборах депутатов представительного органа по про-

порциональной избирательной системе единый избирательный округ «определяется».

Второй критерий имеет количественный характер, в качестве которого законодатель устанавливает среднюю норму представительства избирателей, которая не должна превышать пять тысяч избирателей. Ключевым аспектом является то, что для применения данной нормы берётся не численность избирателей на территории конкретного избирательного округа, а показатель, выведенный в соответствии с п. 4 ст. 18 Федерального закона № 67-ФЗ.

Таким образом, совокупность рассмотренных критериев формирует предписание, позволяющее реализовывать рассматриваемую преференцию только при проведении выборов депутатов представительных органов муниципальных образований исключительно по мажоритарной избирательной системе и только при образовании избирательных округов со средней нормой представительства избирателей, не превышающей пяти тысяч избирателей.

В-третьих, императивный характер п. 4 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ действует в случае, «если иное не предусмотрено законом субъекта Российской Федерации». Следовательно, федеральный законодатель делегировал субъектам право устанавливать в своих нормативных правовых актах «иное» регулирование.

В связи с чем возникает вопрос: каковы пределы полномочий субъектов РФ при выполнении третьего условия, заложенного п. 4 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ?

По мнению С.Л. Игнатова законодатель субъекта РФ может обязать таких кандидатов представлять Сведения о доходах и имуществе [9], т.е. им должен быть сделан выбор – обязать или не обязывать кандидатов представлять такие сведения. Аналогичного мнения в данном вопросе придерживается и Борисов А.Н. [10].

В этой связи интересен подход региональных законодателей в регламентации данного положения.

Например, из содержания конкретного нормативного предписания, закреплённого в законодательстве пяти субъектов РФ (Удмуртская Республика [11], город Санкт-Петербург [12], Ямало-Ненецкий автономный округ [13], Калининградская [14] и Магаданская области [15]) следует, что обязанность представления Сведений о доходах и имуществе установлена для всех кандидатов вне зависимости от средней нормы представительства избирателей. Тем самым региональный законодатель закрепил равные правовые условия при выдвижении для всех кандидатов, а механизм действия нормы понятен всем субъектам соответствующих правоотношений.

Не затрагивается напрямую данный вопрос законодательством таких субъектов РФ, как Республика Крым [16], Республика Тыва [17], город Севастополь [18], Ненецкий автономный округ [19], Нижегородская [20] и Ульяновская области [21]. Какой можно сделать вывод? Обязанность представления Сведений о доходах и имуществе лежит на всех кандидатах в депутаты представительных органов? Или всё-таки в региональном законе должна содержаться оговорка с привязкой к средней норме представительства избирателей, как в указанных выше пяти субъектах РФ? Умолчание о непредставлении сведений – это «иное», которое предусмотрено законом субъекта РФ? В этой связи, с учётом прямого действия Федерального закона № 67-ФЗ и его применением на всей территории Российской Федерации, согласно п. 2 ст. 1, не исключено возникновение в практической деятельности проблемных ситуаций.

Примечательно, что в некоторых субъектах РФ преференцию о непредставлении Сведений о доходах и имуществе закрепляют на выборах депутатского корпуса только для отдельных видов муниципальных образований. Так, в Костромской области [22], Республике Ингушетия [23] и Краснодарском крае [24] рассматриваемая норма распространяет своё действие только для кандидатов в депутаты представительного органа муниципального образования со статусом «сельское поселение». При этом законы Республики Ингушетия и Краснодарского края указанную преференцию закрепляют только на выборах тех сельских поселений, которые не являются административными центрами муниципальных районов. В Самарской области [25] – для городских и сельских поселений, в Ростовской области [26] действие такой преференции не распространяется при проведении выборов депутатов представительных органов городских округов.

Во Владимирской области [27] рассматриваемую преференцию закрепители на выборах депутатов во всех муниципальных образованиях, но *понижили* верхний предел средней нормы представительства избирателей до двух тысяч избирателей.

В части, касающейся модели избирательной системы, анализ правовых норм позволяет сделать вывод, что в некоторых субъектах РФ (например, Республика Ингушетия, Краснодарский край, Архангельская, Астраханская, Новосибирская, Орловская и Челябинская обла-

сти) непредставление Сведений о доходах и имуществе распространяется в том числе и на кандидатов, избираемых по пропорциональной избирательной системе. При этом законы Астраханской [28] и Челябинской [29] областей указывают вид избирательной системы – смешанная (мажоритарно-пропорциональная), а норма закреплённая законом Новосибирской области [30] вводит ограничение: на территории единого избирательного округа должно быть *зарегистрировано* не более пяти тысяч избирателей. Следовательно, законодатель отказывается от привязки к средней норме представительства избирателей (как это обычно делается для округов по мажоритарной избирательной системе), а на установлении предельной вместимости округа, что делает единый округ исключением из общего правила пропорциональности.

В некоторых субъектах РФ, наоборот, для кандидатов в списке кандидатов, выдвигаемого по единому избирательному округу, в отличие от кандидатов, выдвигаемых по одномандатным (многомандатным) избирательным округам, которым предоставлены рассматриваемые преференции, установлено требование представления Сведений о доходах и имуществе (Республика Адыгея, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Пермский край, Кировская, Новгородская [31] и Тверская [32] области), что, по нашему мнению, представляет наиболее соответствующим требованиям федерального законодательства, и механизм действия нормы также понятен всем субъектам соответствующих правоотношений.

В Республике Хакасия [33] обязанность представления Сведений о доходах и имуществе установлена для всех кандидатов в депутаты при применении смешанной избирательной системы, в Брянской области [34] – закрепили льготу с акцентом на проведение выборов только по мажоритарной избирательной системе.

В остальных субъектах РФ дублируется содержание п. 4 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ о непредставлении Сведений о доходах и имуществе, из которых в законах некоторых субъектов РФ пропорциональная избирательная система на муниципальных выборах не предусмотрена (например, Приморский край, Саратовская область, Еврейская автономная область). В связи с чем в практической деятельности могут возникнуть трудности в правоприменении.

Так, в ходе избирательных кампаний 2023 года на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Амурской области, проходивших по смешанной избирательной системе, Сведения о доходах и имуществе не представлялись всеми кандидатами из списка кандидатов по единому избирательному округу. Избирательными комиссиями в качестве аргумента приводилось то, что кандидаты, избираемые по разным избирательным системам в один представительный орган, должны обладать равными избирательными правами и обязанностями в части, касающейся *непредставления* Сведений о доходах и имуществе.

Следует отметить, что п. 1 ст. 39 Федерального закона № 67-ФЗ, закрепляя принцип равенства кандидатов, делает оговорку – «за исключением случаев, установленных настоящим законом». Таких случаев достаточно предусмотрено Федеральным законом № 67-ФЗ. Например, не на всех кандидатов распространяются ограничения, связанные с должностным или служебным положением, не все кандидаты, политические партии собирают подписи в поддержку своего выдвижения и т.п. В рассматриваемом анализе правовой нормы п. 4 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ тоже такой случай оговорён – это акцент на *образование* избирательных округов, т.е. выборы должны проходить по мажоритарной избирательной системе.

Как следствие, такой подход к применению принципа равного избирательного права привёл к отмене решений территориальных комиссий о регистрации списков кандидатов на выборах депутатов Свободного городского Совета народных депутатов восьмого созыва и на выборах депутатов Тындинского городского Думы восьмого созыва, назначенных на 10 сентября 2023 года [35, 36].

Таким образом, анализ избирательного законодательства субъектов РФ и практики прошедших избирательных кампаний позволяет сделать вывод о том, что у региональных законодателей сложились различные подходы к урегулированию вопросов, связанных с представлением кандидатам преференций на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в части, касающейся Сведений о доходах и имуществе. В связи с чем возникает вопрос не является ли правовое регулирование в некоторых субъектах РФ произвольным ограничением либо расширением избирательных прав кандидатов в нарушение норм Федерального закона № 67-ФЗ? Кроме того, простое дублирование п. 4 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ в региональном законодательстве влечёт за собой вопросы и в правоприменении, порождающие возникновение избирательных споров и их рассмотрение в судебном порядке.

Думается, что формулировка п. 4 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ «если иное не предусмотрено законом субъекта Российской Федерации», являясь нормой бланкетного характера и не вполне корректной, предоставляет чрезмерную свободу для нормотворчества региональным законодателям и нуждается в уточнении, либо в признании ее утратившей силу в связи с наметившимся курсом по укрупнению муниципальных образований [37].

Литература

1. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. Т. 1. – 863 с.
2. Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 21.03.2022. № 12. Ст. 1787.
3. Федеральный закон от 29.05.2023 № 184-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.06.2023, № 23 (часть I), ст. 4004.
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5026.
5. Федеральный закон от 23.05.2020 № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.05.2020, № 21, ст. 3233.
6. Федеральный закон от 23.05.2025 № 115-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 26.05.2025, № 21, ст. 2536.
7. Колюшин Е.И. Проблема квазиверховенства закона в избирательном праве / Е.И. Колюшин // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 6. – С. 51–56.
8. Шастина А.Р. Практика применения машиночитаемого кода (QR-кода) в России и зарубежных странах / А.Р. Шастина // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 2. – С. 31–33.
9. Игнатов С.Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) 2-е изд. 2014 // СПС КонсультантПлюс.
10. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2007. 800 с.
11. Закон УР от 16.05.2016 № 33-ПЗ (ред. от 22.06.2026) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных округов и городских округов в Удмуртской Республике» // Официальный сайт Главы Удмуртской Республики и Правительства Удмуртской Республики <http://www.udmurt.ru>, 24.05.2016.
12. Закон Санкт-Петербурга от 26.05.2014 № 303–46 (ред. от 20.05.2026) «О выборах депутатов муниципальных советов внутригородских муниципальных образований города федерального значения Санкт-Петербурга» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, № 20, 09.06.2014.
13. Закон ЯНАО от 27.06.2006 № 30-ЗАО (ред. от 20.06.2026) «О муниципальных выборах в Ямало-Ненецком автономном округе» // Красный Север, № 81Б (спецвыпуск № 57–58), 01.07.2006.
14. Закон Калининградской области от 18.03.2008 № 231 (ред. от 18.06.2026) «О муниципальных выборах в Калининградской области» // Калининградская правда, № 52, 26.03.2008.
15. Закон Магаданской области от 05.12.2006 № 772-ОЗ (ред. от 19.01.2026) «О выборах депутатов представительного органа муниципального образования» // Магаданская правда, № 140(19661), 12.12.2006.
16. Закон Республики Крым от 05.06.2014 № 17-ЗРК (ред. от 09.06.2026) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Крым» // Крымские известия, № 115–116(5526–5527), 07.06.2014.
17. Закон Республики Тыва от 22.08.2011 № 781 ВХ-1 (ред. от 27.05.2026) «О выборах депутатов представительного органа муниципального образования, выборного должностного лица местного самоуправления в Республике Тыва» // Шын, № 95–96, спецвыпуск, 24.08.2011.
18. Закон города Севастополя от 03.06.2014 № 20-ЗС (ред. от 10.06.2025) «О выборах депутатов представительных органов внутригородских муниципальных образований города Севастополя» // Севастопольские известия, № 44–48(1669), 04.06.2014.
19. Закон НАО от 28.11.2008 № 93-ОЗ (ред. от 25.05.2026) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований и выборных должностных лиц местного самоуправления в Ненецком автономном округе» // Сборник нормативных правовых актов Ненецкого автономного округа, № 46, 29.11.2008.
20. Закон Нижегородской области от 06.09.2007 № 108-З (ред. от 09.06.2026) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Нижегородской области» // Правовая среда, № 63(851), 08.09.2007.
21. Закон Ульяновской области от 01.08.2007 № 109-ЗО (ред. от 16.06.2026) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований Ульяновской области» // Ульяновская правда, № 64–65(22.611–22.612), 04.08.2007.
22. Закон Костромской области от 19.10.2018 № 451–6-ЗКО (ред. от 08.06.2026) «Избирательный кодекс Костромской области» // www.pravo.gov.ru, 24.10.2018.
23. Закон Республики Ингушетия от 08.06.2009 № 24-ПЗ (ред. от 12.02.2026) «О муниципальных выборах в Республике Ингушетия» // Ингушетия, № 95–96, 11.06.2009.
24. Закон Краснодарского края от 26.12.2005 № 966-КЗ (ред. от 02.06.2026) «О муниципальных выборах в Краснодарском крае» // Кубанские новости, № 199, 29.12.2005.
25. Закон Самарской области от 31.12.2019 № 142-ГД (ред. от 29.05.2026) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований Самарской области» // Официальный сайт Правительства Самарской области <http://www.pravo.samregion.ru>, 31.12.2019.
26. Областной закон Ростовской области от 12.05.2016 № 525-ЗС (ред. от 17.06.2026) «О выборах и референдумах в Ростовской области» // www.pravo.gov.ru, 16.05.2016.
27. Закон Владимирской области от 13.02.2003 № 10-ОЗ (ред. от 08.06.2026) «Избирательный кодекс Владимирской области» // Владимирские ведомости, № 58–61, 18.03.2003.
28. Закон Астраханской области от 02.03.2009 № 9/2009-ОЗ (ред. от 25.05.2026) «О выборах в органы местного самоуправления в Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области, № 11, 12.03.2009.
29. Закон Челябинской области от 29.06.2006 № 36-ЗО (ред. от 09.06.2026) «О муниципальных выборах в Челябинской области» // Южноуральская панорама, 11.07.2006.
30. Закон Новосибирской области от 07.12.2006 № 58-ОЗ (ред. от 04.06.2026) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Новосибирской области» // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов, № 54, 08.12.2006.
31. Областной закон Новгородской области от 30.07.2007 № 147-ОЗ (ред. от 30.03.2026) «О выборах депутатов представительного органа муниципального образования в Новгородской области» // Новгородские ведомости, № 20, 08.08.2007.
32. Избирательный кодекс Тверской области от 07.04.2003 № 20-ЗО (ред. от 16.06.2026) // Тверские ведомости, № 29 (11–17 апреля), 2003.
33. Закон Республики Хакасия от 08.07.2011 № 65-ЗРХ (ред. от 08.06.2026) «О выборах глав муниципальных образований и депутатов представительных органов муниципальных образований в Республике Хакасия» // Вестник Хакасии, № 62, № 63, 13.07.2011.
34. Закон Брянской области от 26.06.2008 № 54-З (ред. от 02.06.2026) «О выборах депутатов представительных органов муниципальных образований в Брянской области» // Официальная Брянщина, № 12, 27.06.2008.
35. Апелляционное определение Амурского областного суда от 17.08.2023 по делу № 33АПА-3336/2023 (Кассационным определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2023 № 88а-9049/2023 данное определение оставлено без изменения);
36. Апелляционное определение Амурского областного суда от 01.09.2023 по делу № 33АПА-3519/2023 (Кассационным определением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2023 № 88а-10164/2023 данное определение оставлено без изменения).
37. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // <http://pravo.gov.ru>, 20.03.2025.

ON CERTAIN ASPECTS OF THE REGULATORY LEGAL FRAMEWORK FOR ELECTIONS OF REPRESENTATIVES OF MUNICIPAL ENTITIES

Nyrkova T.Yu.
Amur State University

The article provides a comprehensive analysis of regional electoral legislation in terms of regulating the grounds and procedure for exempting candidates from the obligation to provide information on the amount and sources of income of a candidate, as well as on

property owned by a candidate (including joint ownership), accounts, bank deposits, and securities during the election of deputies. representative bodies of local self-government. At the same time, the article examines in detail not only the regulatory prescriptions enshrined in the laws of the constituent entities of the Russian Federation, but also judicial practice based on the results of past election campaigns, which makes it possible to assess the real effectiveness of existing legal mechanisms. As a result of the study, it was found that the approaches of regional legislators to solving this issue vary significantly: from a complete reproduction of federal norms to the introduction of additional criteria and conditions for exemption. However, as practice shows, the simple duplication of the provisions of paragraph 4 of Article 33 of Federal Law No. 67-FZ of 12.06.2002 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to participate in a Referendum" does not provide adequate legal certainty and creates serious difficulties in the law enforcement process, including the contradictory interpretation of the same norms. election commissions and courts. Based on the conclusions drawn, the necessity of clarifying paragraph 4 of article 33 of the said federal law is justified, specific directions for its improvement are proposed, which will eliminate the identified conflicts and ensure uniformity of regulation of this issue throughout the country.

Keywords: elections, average representation rate, formation of electoral districts, majoritarian electoral system, legislation of the constituent entities of the Russian Federation.

References

1. The constitutional law of Russia. Educational course: study. manual: in 2 volumes / S.A. Avakian – 5th ed., revised. and add. – M.: Norma: INFRA-M., 2014. Vol. 1. – 863 p.
2. Federal law № 60-FZ dated 03/14/2022 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 03/21/2022. № 12. Art. 1787.
3. Federal law of 05/29/2023 № 184-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/05/2023, № 23 (Part I), art. 4004.
4. Federal law № 267-FZ of 07/31/2020 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 08/03/2020, № 31 (Part I), art. 5026.
5. Federal law № 154-FZ of 05/23/2020 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05/25/2020, № 21, art. 3233.6.
6. Federal law № 115-FZ dated 05/23/2025 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05/26/2025, № 21, art. 2536.
7. Kolyushin E.I. The problem of the quasi-supremacy of the law in electoral law / E.I. Kolyushin // Constitutional and municipal law. – 2022. – № 6. – Pp. 51–56.
8. Shastina A.R. The practice of using machine-readable code (QR code) in Russia and foreign countries / A.R. Shastina // Electoral legislation and practice. – 2025. – № 2. – Pp. 31–33.
9. Ignatov S.L. Commentary to Federal Law № 67-FZ of June 12, 2002 «On Basic Guarantees of Electoral rights and the right of Citizens of the Russian Federation to participate in a Referendum» (article-by-article) 2nd ed. 2014 // SPS ConsultantPlus.
10. Borisov A.N. Commentary to the Federal Law «On basic guarantees of electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum» (article-by-article). Moscow: Justicinform, 2007. 800 p.
11. UR Law № 33-RZ dated 05/16/2016 (as amended on 06/22/2026) «On Elections of Deputies of representative bodies of municipal Districts and Urban Districts in the Udmurt Republic» // Official website of the Head of the Udmurt Republic and the Government of the Udmurt Republic <http://www.udmurt.ru>, 05/24/2016.
12. The Law of St. Petersburg dated 05/26/2014 № 303-46 (as amended on 05/20/2026) «On elections of deputies of municipal Councils of inner-city municipalities of the city of Federal significance of St. Petersburg» // Bulletin of the Legislative Assembly of St. Petersburg, № 20, 06/29/2014.
13. The Law of the Yamalo-Nenets autonomous district dated 06/27/2006 № 30-CJSC (as amended on 06/20/2026) «On municipal elections in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug» // Krasny Sever, № 81B (special issue № 57–58), 07/01/2006.
14. The Law of the Kaliningrad region of 03/18/2008 № 231 (as amended on 10/6/18/2026) «On municipal elections in the Kaliningrad region» // Kaliningradskaya Pravda, № 52, 03/26/2008.
15. The Law of the Magadan region of 12/05/2006 № 772-OZ (ed. dated 01/19/2026) «On the election of deputies of the representative body of the municipality» // Magadan-skaya Pravda, № 140 (19661), 12.12.2006.
16. The Law of the Republic of Crimea dated 06/05/2014 № 17-SAM (as amended on 06/09/2026) «On elections of deputies of representative bodies of municipalities in the Republic of Crimea» // Crimean News, № 115–116(5526–5527), 06/07/2014.

17. The Law of the Republic of Tyva dated 08/22/2011 № 781 VX-1 (as amended on 05/27/2026) «On the election of deputies of a representative body of a municipal entity, an elected official of local self-government in the Republic of Tyva» // Shyn, № 95–96, special issue, 08/24/2011.
18. The Law of the city of Sevastopol dated 06/03/2014 № 20-ZS (ed. by ed. dated 06/10/2025) «On the election of deputies of representative bodies of inner-city municipalities of the city of Sevastopol» // Sevastopol News, № 44–48(1669), 06/04/2014.
19. NAO Law № 93-OZ dated 11/28/2008 (as amended on 05/25/2026) «On elections of deputies of representative bodies of municipalities and elected officials of local self-government in the Nenets autonomous okrug» // Collection of normative legal acts of the Nenets autonomous okrug, № 46, 11/29/2008.
20. The Law of the Nizhny Novgorod region № 108-Z dated 09/06/2007 (as amended on 06/09/2026) «On elections of deputies of representative bodies of municipalities in the Nizhny Novgorod region» // Legal Environment, № 63(851), 09/08/2007.
21. The Law of the Ulyanovsk region dated 08/01/2007 № 109-ZO (as amended on 06/16/2026) «On elections of deputies of representative bodies of municipalities of the Ulyanovsk region» // Ulyanovskaya Pravda, № 64–65(22.611–22.612), 08/04/2007.
22. The Law of the Kostroma region dated 10/19/2018 № 451–6-West Kazakhstan Region (as amended on 08.06.2026) «Electoral Code of the Kostroma region» // www.pravo.gov.ru, 10/24/2018.
23. The Law of the Republic of Ingushetia dated 06/08/2009 № 24-RZ (as amended on 02/12/2026) «On Municipal Elections in the Republic of Ingushetia» // Ingushetia, № 95–96, 06/11/2009.
24. The Law of the Krasnodar region dated 12.26.2005 № 966-KZ (as amended on 06/02/2026) «On municipal elections in the Krasnodar region» // Kuban News, № 199, 12/29/2005.
25. The Law of the Samara region dated 12/31/2019 № 142-GD (as amended on 05/29/2026) «On elections of deputies of representative bodies of municipalities of the Samara region» // Official website of the Government of the Samara region <http://www.pravo.samregion.ru>, 12/31/2019.
26. The Law of the Rostov region dated 05/12/2016 № 525-ZS (as amended on 06/17/2026) «On elections and referendums in the Rostov region» // www.pravo.gov.ru, 05/16/2016.
27. The Law of the Vladimir region dated 02/13/2003 № 10-OZ (as amended on 06/08/2026) «The Electoral code of the Vladimir region» // Vladimirskie vedomosti, № 58–61, 03/18/2003.
28. The Law of the Astrakhan region dated 03/02/2009 № 9/2009-OZ (as amended on 05/25/2026) «On elections to local governments in the Astrakhan region» // Collection of laws and regulatory legal acts of the Astrakhan region, № 11, 03/12/2009.
29. The Law of the Chelyabinsk region dated 06/29/2006 № 36-ZO (as amended on 06/29/2026) «On municipal elections in the Chelyabinsk region» // Yuzhnouralskaya panorama, 07/11/2006.
30. The Law of the Novosibirsk region dated 12/07/2006 № 58-OZ (as amended on 06/04/2026) «On elections of deputies of representative bodies of municipalities in the Novosibirsk Region» // Bulletin of the Novosibirsk regional Council of deputies, № 54, 12/08/2006.
31. The Law of the Novgorod region dated 07/30/2007 № 147-OZ (as amended on 03/30/2026) «On elections of deputies of the representative body of the municipality in the Novgorod region» // Novgorodskie vedomosti, № 20, 08/08/2007.
32. The Electoral code of the Tver region dated 04/07/2003 № 20-ZO (as amended on 06/16/2026) // Tverskiye vedomosti, № 29 (April 11–17), 2003.
33. The Law of the Republic of Khakassia dated 07/08/2011 № 65-ZRX (as amended on 06/08/2026) «On elections of heads of municipalities and deputies of representative bodies of municipalities in Republic of Khakassia» // Bulletin of Khakassia, № 62, № 63, 07/13/2011.
34. The Law of the Bryansk region of 26.06.2008 № 54-Z (as amended on 06/02/2026) «On elections of deputies of representative bodies of municipalities in the Bryansk region» // Official Bryansk Region, № 12, 06/27/2008.
35. The Appeal ruling of the Amur regional court dated 08/17/2023 in case № 33APa-3336/2023 (The cassation ruling of the Ninth cassation court of general jurisdiction dated 09/01/2023 № 88a-9049/2023 left this definition unchanged);
36. The Appeal ruling of the Amur regional court dated 09/01/2023 in case № 33APa-3519/2023 (the cassation ruling of the Ninth cassation court of general Jurisdiction dated 10/25/2023 № 88a-10164/2023 left this definition unchanged).
37. Federal law № 33-FZ dated 03/20/2025 (as amended on 04/09/2026) «On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority» // <http://pravo.gov.ru>, 03/20/2025.

Иное детство: восприятие детей-инвалидов в эпоху античности и раннего русского государства

Огурцова Оксана Сергеевна,

аспирант кафедры Теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»
E-mail: Jxana@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу восприятия детей-инвалидов в античную эпоху и период Древней Руси. Автор рассматривает исторические и культурные факторы, влияющие на формирование правовых норм и общественных представлений о детях с ограниченными возможностями. В античном мире доминировал культ физического совершенства, что приводило к жестокому отношению к детям-инвалидам, считавшихся бесполезными членами общества. Напротив, в Древней Руси восприятие детей-инвалидов формировалось под влиянием православных традиций, характеризующихся большей терпимостью и заботой о слабых и больных. Правовые нормы Киевской Руси предусматривали меры защиты и поддержки инвалидов, подчеркивая ответственность общества за их благополучие. Статья подчеркивает значимость изучения исторической эволюции взглядов на детей-инвалидов для понимания современных подходов к их социальной адаптации и интеграции.

Ключевые слова: дети-инвалиды; Античность; Древняя Русь; правовой статус; отношение общества; традиции; религиозные представления; государственное регулирование; социальная поддержка; интеграция в общество.

История формирования правового статуса детей-инвалидов в различных странах помогает понять эволюцию подходов государств и общества к защите прав наиболее уязвимых категорий населения.

В античном мире отношение к детям с врожденными физическими или умственными недостатками складывалось и проявлялось в соответствии с традициями и нормами тех времен. В древние времена выживание рода зависело от удачной охоты, урожайного сезона, погодных условий и многих прочих внешних обстоятельств, и хилый от рождения ребенок даже для родных был «нежеланным чужаком, которому отказывали в праве на общую еду и кров». [5 с. 35] Незаинтересованность, невнимание человечества к рассматриваемой проблеме подтверждается и практическим отсутствием исторических свидетельств. Сложившееся отрицательное отношение «так называемого нормального, здорового, ординарного большинства населения» [6 с. 24] к своим больным физически или психически сородичам закрепилось в народном творчестве, обыденной культуре и религиозных традициях.

В VII веке до н.э. древние правовые обычаи, глубоко укорененные в религиозные представления, уступили место более развитым и систематизированным юридическим нормам, ставшим основой для главенства писаных законов над устоявшимися обычаями и естественным правом.

В Древней Греции, несмотря на наличие двух центров политической силы – Афин и Спарты, отличающихся друг от друга политическим устройством, отношение к детям с ограниченными возможностями здоровья было схожим. В обоих полисах превозносили культ физического совершенства и военного искусства, считалось, что сила государства (полиса) прямо зависела от здоровья и физической мощи его граждан. Согласно Платону, костяк идеального государства, основанного на элитном слое стражей – высокообразованных и морально развитых людях, защищающих порядок и безопасность страны. Лучшие представители стражей со временем превращаются в философов-правителей. Для формирования такой элиты, по мнению Платона, необходимы три метода: отбор по природным способностям, воспитание и генетическая селекция.

Следуя своей философии, Платон предлагал начать создание идеальной нации с раннего возраста: «Взяв младенцев, родившихся от хороших родителей, эти лица отнесут их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города. А младенцев, родившихся от худших родителей или хотя бы от обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено в недоступном, тайном месте». [9 с. 179]

В свете этих идей логичным представляется принятие закона Ликурга, ярко отражающего агрессивное неприятие ребенка-инвалида в архаичном мире. «Ребенок сразу же показывался старейшинам своего племени; если он выглядел здоровым и крепким, то родители получали разрешение растить его дома, давая ему особое имя. Но если ребенок казался худым или ослабленным, его отправляли в специально отведенное место, называемое Апотеты, расположенное недалеко от горы Тайгет, где новорожденный оставался на произвол судьбы, ибо считалось несправедливым кормить больного ребенка, который станет лишь тяжестью для себя и общества.» [10 гл. XVI]. Важно подчеркнуть, «милосердие» не входило в перечень моральных ценностей Античности, отторжение калек и уродов признавалось «естественной справедливостью» [3 с. 28].

Важным источником для понимания отношения к детям с ограниченными возможностями здоровья в Древнем Риме являются Законы XII таблиц, принятые около 451–450 годов до н.э. и ставшие основополагающими правилами, определяющими различные аспекты жизни римского общества, включая семейные, имущественные, уголовные и процессуальные правоотношения.

По закону только гражданин обладал совокупностью политических, имущественных и иных прав и обязанностей. Соответственно законодательство касалось только детей из семьи граждан. Прочие категории не являлись предметом государственного интереса, вследствие чего не подвергались нормативно-правовому регулированию, продолжая подчиняться традиционным обычаям и воле судьбы. Ребенок – инвалид в последствии не мог получить статус гражданина.

«Официальному суду правовые притязания калеки представлялись столь же нелепыми (безосновательными), как претензии умершего, античный суд приравнял инвалида к мертвому, то есть к человеку несуществующему и бесправному». [5 с. 37].

Особое место уделялось завещанию. Завещатели стремились сохранить имущество и обеспечить себе достойную посмертную память, поэтому выбор наследника играл ключевую роль не только для самого завещателя, но и для всей семьи и государства. Совершенствование и детализация имущественного права привели к необходимости проверки правоспособности претендента на наследство, что вызвало потребность в судебном установлении наличия физических или умственных дефектов, препятствующих исполнению наследником своих обязанностей.

Законодателей не волновала природа и происхождение неполноценности; их главной задачей было официальное подтверждение фактов физической или психической недостаточности, выявление потенциальных рисков для общества. Например, закон ограждал общественную и частную собственность от действий психически нестабильных граждан. Родившихся глухими, но способных общаться речью, признавали способными исполнять свои юридические обязанности. «Что касается тех, кто от природы глух и нем, им следует отказать во всех действиях, ибо сами они не способны выразить свою волю, да и другим отвечать пользы никакой не принесёт» [4 D. XXIII, II, 13 pr.]. Законодательство не проводило границ между глухонемыми, страдающими слабоумием и помешанными, причисляя последних к лицам, лишенным здравомыслия, отчего они автоматически становились юридически недееспособными. Внимание к подобному аспекту привело к рождению института попечительства, опекуна.

По закону только глава семьи, отец, являлся римским гражданином: он обладал всеми правами, распоряжаясь жизнью и смертью всех членов семьи. Отец с его абсолютной властью имел право отвергнуть ребенка в момент рождения, убить его, изувечить, изгнать или продать. Ребенка, не достигшего трехлетнего возраста и могущего стать бременем для общества, отец бросал в Тибр. «Младенец, отличающийся исключительным уродством» должен быть лишен жизни (таблица IV.). [11 с. 66] Правда, подобные обычаи не всегда исполнялись строго. Есть зафиксированные случаи, что несмотря на отторжения общества, при должном уходе дети-инвалиды выживали. Наиболее известные персоны, оставившие след в истории – Гомер, Эзоп. Отсутствие статистических данных не позволяет точно определить численность лиц с ограниченными возможностями здоровья в прошлом. Тем не менее, сам факт существования правовых предписаний об этих людях говорит о наличии такой проблемы в обществе. «Тем не менее, несмотря на свою относительную многочисленность, эти люди на протяжении столетий воспринимались обществом как неполноценное меньшинство». [6 с. 34]

Важно отметить, что вопрос о неполноценных детях встает только в авторитарных государствах, где провозглашается концепция «полезности». «Мы убиваем уродов и топим детей, которые рождаются на свет хилыми и обезображенными. Мы поступаем так не из-за гнева и досады, а, руководствуясь правилами разума: отделять негодное от здорового». [1 с. 189] Позиция Сенеки типична для гражданина военного государства, коим являлась Римская империя.

На смену греко-римской цивилизации появляется новая – христианская. Молодая религия изменила картину мира. Тело человека, его жизнь меняют своё значение, поскольку противопоставляются духовным ценностям. Слабость, которую греки считали пороком, христиане осмысливают как добродетель – все мы слабы пред Всевышним. Милосердие провозглашалось не просто добродетелью, но и обязанностью христианина. Родиной богоугодных заведений и монастырской модели организации помощи оказалась Восточная Римская империя – Византия.

Однако стоит понимать, что новоиспеченные христиане в быту все еще руководствовались отголосками языческих традиций. Даже для большинства священнослужителей призрение убогих было деянием редким, поэтому факты заботы о людях с особыми потребностями свидетельствовали о святости.

Интересным является вопрос о преломлении христианских догм в духовных установках русского общества. Принятие князем Владимиром восточной ветви христианства – православия – предопределило выбор специфичного пути духовного и культурного развития, исключающего глубокую интеграцию в западноевропейские традиции.

В Древнерусском государстве вопросы общественного призрения и воспитания детей с нарушениями развития определялись своеобразием и самобытностью русской жизни. Согласно источникам, таким как Кормчие книги XIII века, общество демонстрировало терпимое и даже сострадательное отношение к людям с инвалидностью, рассматривая

их как объект особого внимания и заботы. Это выражалось в законодательных актах и социальных практиках, направленных на поддержку уязвимых групп населения. Например, статья 81 главы I Устава князя Ярослава Владимировича предусматривает меры защиты имущества больных, беспомощных и малолетних, что свидетельствует о признании обществом потребностей указанных категорий. [6 с. 37]

Одним из ключевых моментов является роль православной церкви в формировании и реализации социальной политики относительно лиц с ограниченными возможностями. Именно церковные учреждения становились основными институтами, обеспечивающими защиту и помощь нуждающимся. Например, князь Владимир Святославович издал специальный указ, предписывающий использование части доходов храмов и монастырей на создание специальных учреждений для ухода за сиротами и людьми с различными видами инвалидности. [2 с. 80]

Особое внимание уделялось образованию и воспитанию детей с особенностями развития. В частности, просветители Киевской Руси осознавали важность образования и коммуникативных навыков для полноценного участия в религиозной жизни общества. Примером служит учреждение специального заведения близ Киево-Печерского монастыря, предназначенного для сирот, включая тех, кто страдал нарушением зрения, слуха и речи.

Анализ динамики изменения подходов к положению детей с ограниченными возможностями здоровья позволяет установить тенденции развития соответствующих систем. Основной тенденцией является движение от маргинализации и изоляции указанной категории лиц вплоть до запрета на полноценное участие в жизнедеятельности общества к постепенному утверждению идеи принятия их существования, формированию общественного консенсуса относительно обязательности оказания патронажа и специализированной поддержки, перехода к признанию права на получение качественного образования и интеграции в социум посредством обретения собственной значимой роли.

Литература

1. Болтовская Л.Н. Сенека и римская нравственная философия (к проблеме смерти) / Л.Н. Болтовская // Христианское чтение. – 2021. – № 1. – С. 186–195.
2. Гребенщикова И.В. Право в Древнерусском государстве / И.В. Гребенщикова // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7. – С. 74–80. – DOI: 10.24412/2073-0454-2023-7-74-80. – EDN: MNKFLW.
3. Гребёнкин А.Ю. Отношение к инвалидам в Европе в различные исторические эпохи / А.Ю. Гребёнкин // Человек. Общество. Инклюзия. 2012. № 2. – С. 27–30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnosheniye-k-invalidam-v-evrope-v-razlichnye-istoricheskie-epohi>
4. Дигесты Юстиниана / Перевод и комментарий Л.Л. Кофанова, Е.А. Скрипилёва, Т.И. Ивановой и др.; Под ред. Л.Л. Кофанова. М.: Наука, 2002–2014. Том I–XVI.
5. Малофеев Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Европа. Учеб. пособие для студ. пед. вузов. 2-е изд., перераб. / Н.Н. Малофеев. – Москва: Просвещение, 2018. – 447 с.
6. Малофеев Н.Н. Специальное образование в меняющемся мире. Россия. Учеб. пособие для студ. пед. вузов. В 2 ч. Ч. 1 / Н.Н. Малофеев. – Москва: Просвещение, 2010. – 319 с.
7. Павловский И.А. История римского права / И.А. Павловский. – Москва: Директ-Медиа, 2023. – 368 с.
8. Платон. Государство: пер. с др.-греч. / Платон. – Москва: Эксмо, 2025. – 544 с. – (Библиотека стоика).
9. Плутарх. Жизнеописания знаменитых мужей. Ликург / Пер. с греч.; вступит. статья и прим. Я.М. Боровского. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 464 с.
10. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим / под ред. академика В.В. Струве. – Москва, 1953. – С. 21–33. Сверено и дополнено примечаниями по «Хрестоматии по истории Древнего Рима» / под ред. доктора исторических наук С.Л. Утченко. – Москва, 1962. – С. 62–72.

A DIFFERENT CHILDHOOD: THE PERCEPTION OF CHILDREN WITH DISABILITIES IN ANTIQUITY AND THE EARLY RUSSIAN STATE

Ogurtsova O.S.
Baikal State University

The article is devoted to a comparative analysis of the perception of disabled children in the ancient era and during the period of Kievan Rus'. The author examines historical and cultural factors influencing the formation of legal norms and public attitudes towards children with disabilities. In the ancient world, the cult of physical perfection prevailed, leading to harsh treatment of disabled children who were considered useless members of society.

By contrast, in Ancient Russia, perceptions of disabled children developed under Orthodox traditions characterized by greater tolerance and care for the weak and sick. Legal regulations of Kievan Rus' provided measures aimed at protecting and supporting people with disabilities, emphasizing societal responsibility for their well-being. The study highlights the importance of exploring the historical evolution of views on disabled children for understanding modern approaches to their social adaptation and integration.

Keywords: children with disabilities; Antiquity; Ancient Russia; legal status; societal attitudes; traditions; religious beliefs; state regulation; social support; integration into society.

References

1. Boltovskaya L.N. Seneca and Roman Moral Philosophy (on the Problem of Death) / L.N. Boltovskaya // Christian Reading. – 2021. – No. 1. – Pp. 186–195.
2. Grebenshchikova I.V. Law in the Old Russian State / I.V. Grebenshchikova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 7. – Pp. 74–80. – DOI: 10.24412/2073-0454-2023-7-74-80. – EDN: MNKFLW.
3. Grebenkin A. Yu. Attitudes towards disabled people in Europe in different historical eras / A. Yu. Grebenkin // Man. Society. Inclusion. 2012. No. 2. – P. 27–30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-invalidam-v-evrope-v-razlichnye-istoricheskie-epohi>
4. Digests of Justinian / Translation and commentary by L.L. Kofanov, E.A. Skripilev, T.I. Ivanova, et al.; Ed. by L.L. Kofanov. Moscow: Nauka, 2002–2014. Volumes I–XVI.
5. Malofeev, N.N. Special Education in a Changing World. Europe. Textbook for students of pedagogical universities. 2nd ed., revised / N.N. Malofeev. – Moscow: Prosveshchenie, 2018. – 447 p.
6. Malofeev, N.N. Special Education in a Changing World. Russia. Textbook. A manual for students of pedagogical universities. In 2 parts. Part 1 / N.N. Malofeev. – Moscow: Prosveshchenie, 2010. – 319 p.
7. Pavlovsky, I.A. History of Roman Law / I.A. Pavlovsky. – Moscow: Direct-Media, 2023. – 368 p.
8. Plato. Republic: translation from ancient Greek / Plato. – Moscow: Eksmo, 2025. – 544 p. – (Stoic Library).
9. Plutarch. Biographies of Famous Men. Lycurgus / Translated from Greek; introduction and notes by Ya.M. Borovsky. – St. Petersburg: Azbuka-classic, 2001. – 464 p.
10. Reader on the History of the Ancient World. Vol. III. Rome / edited by Academician V.V. Struve. Moscow, 1953, Pp. 21–33. Checked and supplemented with notes from the Reader on the History of Ancient Rome / edited by Doctor of Historical Sciences S.L. Utchenko. Moscow, 1962, Pp. 62–72.

Пропаганда терроризма в цифровой среде: уголовно-правовая квалификация и проблемы доказывания

Ревина Валерия Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности», Институт кибербезопасности и цифровых технологий МИРЭА – Российский технологический университет
E-mail: revina@mirea.ru

Актуальность исследования обусловлена широким использованием цифровой среды для распространения террористической идеологии и сохраняющейся неопределенностью в вопросах квалификации соответствующих деяний. Цель статьи состоит в определении уголовно-правовых оснований квалификации пропаганды терроризма в цифровой среде, выявлении особенностей установления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, а также ключевых проблем доказывания. Установлено, что терроризм в цифровой среде представляет собой более широкое явление, чем кибертерроризм, а наиболее обоснованной нормой квалификации выступает ст. 205.2 УК РФ. Показано, что решающее значение имеют содержание материала, его публичный характер, условия размещения, параметры доступа, охват аудитории, направленность умысла и надлежащая фиксация электронных доказательств. Сформулированы предложения по дифференциации ответственности и совершенствованию механизмов сохранения цифровых доказательств.

Ключевые слова: Терроризм в цифровой среде, пропаганда терроризма, публичное оправдание терроризма, уголовно-правовая квалификация, цифровая среда, электронные доказательства, публичность, сеть «Интернет».

В современном мире подавляющее большинство государств имеют одним из важнейших направлений своей политики борьбу с терроризмом. Совершенно обоснованным, в таком случае, представляется не только предупреждение и выявление терроризма, но и изучение данного явления во всех, охватываемых им аспектах. Так, если рассматривать терроризм как явление с точки зрения диалектики, то можно заметить долгий процесс его развития, преобразования и приобретения им новых форм. Например, в современном мире часто стал фигурировать термин «терроризм в цифровой среде». В научном сообществе сохраняется дискуссия о том, существует ли такой вид терроризма? Какова его сущность? Является ли такой терроризм лишь одним из видов общего явления, или образует совершенно новую форму терроризма? Для разрешения данных вопросов рассмотрены точки зрения ученых, исследовавших «терроризм в цифровой среде», будет проведен ретроспективный анализ для обозначения сущности явления, а также анализ современного российского уголовного законодательства о терроризме, дабы определить, необходимо ли внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) или действующее уголовно-правовое регулирование является достаточным.

Хотя термин «терроризм» сформировался сравнительно поздно, история знает более ранние формы насильственной деятельности, обладавшие отдельными признаками данного явления. Поэтому обращение к исторической ретроспективе представляется необходимым для более точного понимания сущности терроризма и его характерных признаков.

Так, Чернядьева Н.А. в своем исследовании рассматривает организацию сикариев – иудеев, которые вели борьбу против римского владычества, на предмет применения к их деятельности термина «терроризм». Методы такой борьбы представлены убийствами, уничтожением имущества, организацией бунтов. Учитывая это, Дэвид Раппопорт выдвинул теорию о том, что сикариев можно определить как террористическую организацию. Однако, Чернядьева Н.А. подходит к определению сущности сикариев через ключевой признак терроризма, а именно его конечную цель – «воздействие на политическую власть через создание обстановки страха в обществе». По мнению автора, сикарии, хотя и использовали экстремистские методы, однако их деятельность имела национально-освободительный характер. Также, автор отмечает отсутствие необходимых условий и предпосылок, которые бы позволили говорить о террористической направленности организации-сикариев. Таким образом, автор приходит к выводу, что реалии Древнего мира не позволяли сформировать организацию, которую можно было бы определить как террористическую, тем не менее, подобные группы можно определить как предшественников современного терроризма [19].

Терроризм в современном понимании исторически связывают с концом XVIII века, когда в период Французской революции возник и сам соответствующий термин. Его происхождение обычно выводят из латинского слова *terror*, обозначающего страх, ужас и устрашение. Первоначально термин использовался применительно к якобинскому режиму периода Террора 1793–1794 годов, когда насилие рассматривалось как средство защиты революции. Именно с этого времени терроризм стал ассоциироваться не просто со страхом как состоянием, а с системой устрашения, используемой для достижения политических целей [15].

В последующем содержание понятия терроризма существенно расширилось, а само явление приобрело новые формы. В современном мире, терроризм выделяется как наиболее актуальная проблема, которая стоит на повестке дня практически в любом государстве. Это подтверждается информацией с официального сайта Организации Объединенных Наций (далее – ООН), в которой хотя и не закреплено легальное понятие терроризма, тем не менее обозначена его суть. Так, ООН обозначает основные цели терроризма, такие как: 1) провоцирование состояния террора у широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц; 2) запугивание населения; 3) принуждение правительства или международной организации совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Все эти действия совершаются в политических целях, согласно Декларации Генеральной Ассамблеи о мерах по искоренению международного терроризма и направлены,

как правило, на причинение смерти или серьезных телесных повреждений гражданским лицам или лицам, не принимающим активного участия в военных действиях, а также на взятие заложников [2].

Дополнительным подтверждением актуальности рассматриваемой проблемы служат резонансные террористические акты, совершенные в 2024 году, включая теракт в «Крокус Сити Холле» в Подмоскowie, взрывы в аэропорту Кабула и теракт в Кермане. Наличие подобных событий свидетельствует о том, что терроризм продолжает оставаться устойчивой и одной из наиболее опасных форм угрозы общественной и международной безопасности.

Существенное значение для настоящего исследования имеет и сохраняющаяся в научной литературе дискуссия о разграничении понятий «террор» и «терроризм». Так, Горбунов Ю.С. придерживается точки зрения, которая говорит о единообразии «террора» и «терроризма», в связи с тем, что данные явления имеют одинаковую сущность и цели. По мнению автора: «в основе терроризма лежит целенаправленное противоправное, политически мотивированное насилие, вплоть до уничтожения объекта воздействия (физического лица, группы или организации, материальных объектов), направленное на изменение поведения объекта управления (того или тех, которые могут принять решение и совершить действие либо бездействие, необходимые террористам) и посягающее на общественные отношения, охраняемые международным и (или) внутригосударственным правом» [9].

Мартыненко Б.К. в свою очередь считает, что на данный момент термины «террор» и «терроризм» хотя и являются до сих пор взаимозаменяемыми, но постепенно обособляются друг от друга. Так террор, с точки зрения автора является «более узким по объему понятием и характеризует насильственные действия, возникающие ситуативно с целью достигать конкретные политические идеалы; терроризм же выступает структурированной системой, которая использует идеологическое обоснование деструктивной деятельности». Также, по мнению ученого, терроризм представляется процессом «достижения специфическими способами политических целей» [14]. Таким образом, автор разделяет понятия террор как государственную политику, и терроризм как действия определенных лиц, направленных на достижение конкретных целей.

С точки зрения автора настоящей работы, разграничение терминов «террор» и «терроризм» является вполне обоснованным, так как, с течением времени, единое ранее явление действительно стало подразделяться на два направления, в зависимости от субъектного состава. Так, субъектом террора в современном понимании выступает государство, тогда как субъектом терроризма выступает одно лицо, либо определенный круг лиц. Исходя из этого, терроризм в его современном значении следует рассматривать как деятельность лиц, связанную с насилием, устрашением населения и воздействием на принятие решений органами власти. Установление данного подхода позволяет перейти к анализу понятия терроризма в действующем российском законодательстве.

Так, согласно Федеральному закону от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Из данного определения видно, что законодатель сам определяет терроризм как действия лиц, направленные против государственной власти.

Определившись с понятием и сущностью терроризма как явления, необходимо обратиться к уголовно-правовой стороне вопроса. Так, статья 205 УК РФ, устанавливает ответственность за «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями». Статья 205 УК РФ объединяет все перечисленные в ней действия термином «террористический акт». Непосредственным объектом данного преступления является «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, т.е. интересов неопределенного круга лиц и материальных объектов, от различных угроз общего характера» [18]. Дополнительный объект представляет собой жизнь или здоровье людей, а также имущественные интересы. Объективная сторона преступления выражается в «действиях по организации взрывов, поджогов, иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, совершае-

мых в целях оказания воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, а также угрозах совершения указанных действий в тех же целях». Субъект есть физическое вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста. Как отмечает Ревин В.П.: «обязательным признаком субъективной стороны терроризма является специальная цель: оказание воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» [17]. Таким образом, при квалификации деяния как террористического акта, крайне важным представляется определение целей действий субъекта, а именно давление на власть. Соответственно субъективная сторона предполагает прямой умысел. Ревин В.П. также указывает на то, что при определении субъективной стороны террористического акта, необходимо учитывать, что виновный осознает, что совершает взрывы, поджоги и т.д., которые создают опасность гибели людей и причинение имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, и желает этого [17].

Изложенные подходы имеют значение для дальнейшего анализа терроризма в цифровой среде, поскольку позволяют определить, какие признаки общего явления сохраняются при его реализации с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей. В этой связи представляется необходимым обратиться к вопросу о том, в какой мере действующее уголовное законодательство, и прежде всего положения ст. 205.2 УК РФ, позволяет квалифицировать деяния, связанные с публичным распространением террористической идеологии, публичным оправданием и пропагандой терроризма, в том числе, в сети «Интернет».

В научной литературе справедливо отмечается, что термин «кибертерроризм» не получил в российском законодательстве самостоятельного нормативного закрепления, тогда как террористическая деятельность, совершаемая с использованием цифровых технологий, охватывается более общими составами террористической направленности. В связи с этим в доктрине нередко происходит смешение понятий «кибертерроризм» и «терроризм в цифровой среде», хотя они не являются тождественными [13]. Такое смешение представляется методологически неверным, поскольку кибертерроризм обычно связывается преимущественно с противоправным воздействием на компьютерные системы, сети и информацию, тогда как терроризм в цифровой среде охватывает более широкий круг деяний.

К числу основных признаков терроризма в цифровой среде относятся публичный характер распространения информации, террористическая направленность содержания, воздействие на неопределенный круг лиц, использование электронных и информационно-телекоммуникационных сетей как основного канала коммуникации, а также умышленный характер деяния. Его целями выступают распространение террористической идеологии, формирование у адресатов представления о допустимости либо привлекательности терроризма, запугивание населения, вовлечение новых участников в террористическую деятельность и информационно-организационное обеспечение такой деятельности.

Следовательно, кибертерроризм может рассматриваться как одна из форм проявления террористической деятельности в цифровом пространстве, но не исчерпывает всего содержания терроризма в цифровой среде. Для целей настоящего исследования правовое значение имеет прежде всего использование электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», для публичного распространения террористической идеологии, публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма.

Квалификация деяния по части 2 статьи 205.2 УК РФ требует раздельного и последовательного установления объективных и субъективных признаков состава применительно к специфике цифровой среды, в которой было совершено преступление. Объективная сторона пропаганды терроризма в соответствии с примечанием 1.1 к статье 205.2 УК РФ характеризуется деятельностью по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности; при этом преступление, совершенное посредством сети «Интернет», считается оконченным с момента размещения соответствующих материалов в сетях общего пользования. Данная законодательная конструкция предопределяет, что для целей квалификации доказыванию подлежит не просто факт размещения материала, а его функциональная роль в механизме запрещенного информационного воздействия: публикация текста, видеозаписи, изображения, гиперссылки или серии однотипных сообщений оценивается по способности формировать, поддерживать либо транслировать террористическую идеологию определенному или неопределенному кругу адресатов [11].

Один и тот же репост, комментарий либо визуальный материал в зависимости от содержания, режима доступа, способа сопровождения и общего контекста учетной записи может выступать как нейтральным техническим действием, так и элементом систематического идеологического воздействия, что исключает возможность квалификации на основании одного лишь формального вида цифрового действия.

Признак публичности применительно к цифровой среде не тождествен формальной открытости аккаунта, канала или группы, поскольку публичный характер коммуникации определяется фактической доступностью материала для неопределенного круга лиц, возможностью его пересылки, сохранения, индексирования поисковыми системами и алгоритмического тиражирования. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 1 от 09.02.2012 разъяснил, что данный признак подлежит установлению с учетом места, способа, обстановки и иных обстоятельств дела, включая массовую рассылку электронных сообщений и размещение материалов в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования; применительно к закрытым ресурсам – мессенджерам, каналам с ограниченным доступом, групповым чатам – необходима техническая верификация числа участников, правил вступления, возможности пересылки и режима хранения контента. Наличие аккаунта в открытой сети не тождественно публичности каждого размещенного материала в случае применения закрытых настроек или удаления до индексации, соответственно, признак публичности и факт распространения требуют процессуально надлежащей фиксации: протоколом осмотра интернет-страницы с указанием адреса ресурса в сети «Интернет», даты, временных меток, настроек доступа и параметров аудитории [16]. Ненадлежащая фиксация образует самостоятельное основание для оспаривания допустимости доказательства стороной защиты.

Субъективная сторона состава характеризуется прямым умыслом, содержание которого охватывает три взаимосвязанных элемента: осознание террористической направленности распространяемого материала, предвидение его восприятия адресатом и желание распространения именно как средства формирования идеологии терроризма либо убежденности в ее привлекательности. В условиях цифровой коммуникации необходимо разграничивать умысел на распространение материала и умысел на пропаганду терроризма: технический факт репоста, автоматической публикации, взлома аккаунта или использования чужого устройства образует объективную сторону деяния лишь при условии доказанности соответствующего умысла; в противном случае квалификация по статье 205.2 УК РФ исключается. Направленность умысла устанавливается через совокупность косвенных доказательств цифрового поведения, а именно: тематику аккаунта, повторяемость однородных публикаций, подписки на ресурсы запрещенных организаций, поисковые запросы, переписку, сохраненные файлы и реакцию лица на замечания иных пользователей [Глухов, 2024]. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 1 за 2020 г. признал допустимым подтверждение умысла в том числе свидетельскими показаниями об идеологических взглядах осужденного и его аффилиации с террористической организацией – такой подход следует признать методологически верным, поскольку снижает риск автоматической криминализации одного лишь факта технического размещения материала.

Особую сложность при квалификации представляет совокупность нескольких публикаций в цифровой среде, образующих одну идеологическую линию, то есть продолжаемое преступление либо совокупность самостоятельных преступлений. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 1 за 2023 г. указал, что, если соответствующие действия совершались каждый раз с вновь возникшим умыслом, они квалифицируются как самостоятельные преступления, а не как продолжаемое деяние. Для дел о цифровой пропаганде это означает обязательное установление по каждому эпизоду временного интервала, тематической направленности публикации, единства или самостоятельности умысла и характера распространенного контента. Игнорирование данного требования влечет ошибку в квалификации либо в определении числа преступлений, вменяемых субъекту.

Доказывание по делам данной категории предполагает совокупную оценку содержания материала, технических параметров его размещения и поведения субъекта – каждый из этих элементов в отдельности не может служить достаточным основанием для квалификации. Недостаточно установить наличие материала с террористической направленностью и придать ему смысловую оценку, необходимо также подтвердить его происхождение, условия размещения, параметры доступа, неизменность содержания и связь соответствующего действия с конкретным субъектом [8]. Электронные доказательства не могут оцениваться по аналогии с традиционными письменными, поскольку цифровая информация подвержена модификации, удалению, по-

вторному копированию и утрате метаданных. В связи с этим авторами А.А. Дмитриевой и П.С. Пастуховым верно обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия электронного доказательства и указывают на ключевую роль аутентичности, целостности и верифицируемости информации посредством хэш-функций и контрольных сумм [10]. Таким образом, указанный пробел носит не технический, а системный характер, поскольку до тех пор, пока электронное доказательство не получит самостоятельного процессуального статуса, суды будут вынуждены оценивать цифровые материалы по аналогии с традиционными, что заведомо искажает как стандарт допустимости, так и итоговую квалификацию деяния.

По делам о пропаганде терроризма, совершенных с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», лингвистическая либо комплексная психолого-лингвистическая экспертиза назначается в качестве обязательного элемента доказывания. В ее задачи входит выявление в исследуемом материале побудительных конструкций, приёмов героизации террористической деятельности, нормализации насилия, а также языковых средств, формирующих представление о допустимости терроризма и позитивную оценку его идеологии. Заключение эксперта при этом не подменяет правовую квалификацию, разрешение вопроса о наличии в деянии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, остается исключительной прерогативой суда. Компьютерно-техническая экспертиза направлена на установление происхождения цифрового объекта, его целостности, фактов редактирования, параметров доступа, времени размещения и связи конкретного цифрового действия с устройством либо учетной записью субъекта; без такой верификации доказательственная база остается уязвимой для доводов стороны защиты о фальсификации, несанкционированном доступе к аккаунту или автоматической публикации. А.А. Количенко верно указывает, что допустимость электронного доказательства выступает самостоятельным правовым требованием, а судебная компьютерно-техническая экспертиза – основным инструментом его проверки [12]. Именно поэтому лингвистическая и компьютерно-техническая экспертизы дополняют друг друга: первая устанавливает смысловую направленность материала, вторая – его техническую достоверность и связь с субъектом, и только в совокупности они образуют доказательственную базу, отвечающую требованиям статьи 205.2 УК РФ.

По результатам проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию действующего законодательства. Первое предложение касается законодательного закрепления дифференцированного критерия «охвата аудитории» как самостоятельного показателя общественной опасности деяния в рамках статьи 205.2 УК РФ. Формальный признак публичности не отражает реального масштаба информационного воздействия в условиях, когда охват материала определяется автоматически и не зависит от воли субъекта: публикация с охватом нескольких десятков пользователей и публикация, охватившая миллионную аудиторию, получают идентичную правовую оценку. Зарубежный опыт демонстрирует принципиально иной подход. Так, в Германии Закон о сетевом правоприменении (NetzDG) устанавливает дифференцированные обязательства платформ в зависимости от численности аудитории свыше 2 миллионов пользователей, тем самым прямо связывая масштаб охвата с объемом правовой ответственности. Также во Франции статей 421–2–5 УК Франции предусматривается ответственность за онлайн-пропаганду терроризма с учетом характера публичного воздействия, а санкции дифференцированы в зависимости от способа и масштаба распространения. Директива ЕС 2017/541 закрепляет признак «опасности совершения террористического преступления» как обязательный элемент публичного подстрекательства, ориентируя правоприменителя на оценку реального, а не формального потенциала воздействия. Введение аналогичного квалифицирующего признака в российское законодательство – в форме повышенной санкции при охвате, превышающем установленный пороговый показатель, – позволило бы обеспечить соразмерность наказания реальному масштабу информационного воздействия и приблизить отечественную модель к стандартам дифференциации ответственности, апробированным в европейских правовых системах. Второе предложение – о закреплении в УПК РФ обязательного стандарта сохранения цифровых доказательств до возбуждения уголовного дела. Действующее законодательство не предусматривает механизма оперативного обеспечения сохранности цифровых материалов на этапе доследственной проверки, вследствие чего к моменту возбуждения дела публикация нередко уже удалена, аккаунт заблокирован, а метаданные утрачены. Следует предусмотреть процессуальный инструмент «заморозки» данных, по модели механизма «expedited data preservation» (ускоренного

сохранения данных), закрепленного Будапештской конвенцией о киберпреступности (ст. 29), что позволяет обязать оператора или платформу обеспечить неизменность и хранение информации на срок, достаточный для ее надлежащей фиксации в качестве доказательства.

Проведенное исследование показывает, что дальнейшее развитие уголовно-правового противодействия пропаганде терроризма в цифровой среде должно быть связано не с механическим наращиванием запретительных норм, а с повышением точности квалификации и доказательственных стандартов. Ключевое значение в этой связи приобретает адаптация правоприменения к особенностям цифровой коммуникации, при которых общественная опасность деяния определяется не только содержанием материала, но и условиями его распространения, охватом аудитории, параметрами доступа и возможностью последующего тиражирования. Сформулированные в работе предложения позволяют рассматривать совершенствование статьи 205.2 УК РФ и уголовно-процессуальных механизмов фиксации цифровых следов как взаимосвязанные направления. Без уточнения критериев публичности, без дифференциации ответственности с учетом реального масштаба информационного воздействия и без закрепления надежных процедур сохранения электронных доказательств неизбежно сохраняется риск как расширительного вменения, так и утраты значимой доказательственной информации. Именно поэтому дальнейшее развитие законодательства и практики в рассматриваемой сфере должно быть ориентировано на обеспечение более высокой юридической определенности, процессуальной надежности и соразмерности уголовно-правового реагирования.

Литература

1. Будапештская конвенция о киберпреступности: Convention on Cybercrime (Budapest, 23.XI.2001).
2. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: одобрена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1994.
3. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 дек. 1999 г.).
4. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2017/541 о борьбе с терроризмом.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2020 г.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2023 г.
8. Глухов Е. А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9.
9. Горбунов Ю. С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 31–40.
10. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-elektronnoy-dokazatelstva-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 12.06.2026).
11. Днепровская М. А., Абрамитов С. А. Пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ): некоторые особенности объективной стороны // Уголовное право. 2025. № 10. С. 35–41.
12. Коліченко А. А. Отличительные признаки и основания для классификации электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1(33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otlichitelnye-priznaki-i-osnovaniya-dlya-klassifikatsii-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 14.06.2026).
13. Кумышева М. К., Абазова Е. Х. Признание кибертерроризма в законодательных актах в России и зарубежных странах // Журнал прикладных исследований. 2023. С. 129–134.
14. Мартыненко Б. К. Разграничение категорий «терроризма» и «террора» // Общество и право. 2011. № 3(35). С. 34–36.
15. Террор во Франции // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/100/100509.htm> (дата обращения: 14.06.2026).
16. Тисен О. Н. Особенности доказывания преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ: по результатам анализа решений Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2026. № 2.
17. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юстицинформ, 2009. 392 с.
18. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундунова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. 548 с.

19. Чернядьева Н. А. Был ли терроризм в древнем мире? К вопросу о предпосылках и факторах становления современного терроризма // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Вып. 2(20). С. 32–39.

20. Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9T0803> (дата обращения: 14.06.2026).

21. United Nations Office on Drugs and Crime. E4J University Module Series: Counter-Terrorism. Module 4: Criminal Justice Responses to Terrorism. URL: <https://www.unodc.org/e4j/fr/terrorism/module-4/key-issues/defining-terrorism.html> (дата обращения: 14.06.2026).

TERRORIST PROPAGANDA IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: CRIMINAL LAW QUALIFICATION AND PROBLEMS OF PROOF

Revina V.V.

Institute of Cybersecurity and Digital Technologies of the Russian Technological University

Relevance of the study is determined by the widespread use of the digital environment for disseminating terrorist ideology and by the continuing uncertainty surrounding the legal classification of such acts. The purpose of the article is to define the criminal-law grounds for classifying terrorist propaganda in the digital environment, to identify the specific features involved in establishing the elements of the offence under Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and to outline the key evidentiary issues. It is established that terrorism in the digital environment is a broader phenomenon than cyberterrorism, while Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is the most appropriate provision for legal classification. Particular importance attaches to the content of the material, its public nature, the conditions of dissemination, audience reach, the direction of intent, and the proper securing of electronic evidence. Proposals are formulated for differentiating liability and improving mechanisms for preserving digital evidence.

Keywords: Terrorism in the digital environment, terrorist propaganda, public justification of terrorism, criminal-law classification, digital environment, electronic evidence, publicity, Internet.

References

1. Budapeshtskaya konvenciya o kiberprestupnosti: Convention on Cybercrime (Budapest, 23.XI.2001).
2. Deklaraciya o merah po likvidacii mezhdunarodnogo terrorizma: odobrena rezolyuciej 49/60 General'noj Assamblei OON ot 09.12.1994.
3. Mezhdunarodnaya konvenciya o bor'be s finansirovaniem terrorizma (N'yu-Jork, 9 dek. 1999 g.).
4. Direktiva Evropejskogo parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuzu 2017/541 o bor'be s terrorizmom.
5. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.02.2012 № 1.
6. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1 za 2020 g.
7. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 1 za 2023 g.
8. Gluhov E. A. Publichnoe opravdanie terrorizma: napravlennost' umysla, tsel' i samoocenka so storony prestupnika // Ugolovnoe pravo. 2024. № 9.
9. Gorbunov YU. S. Ob opredelenii ponyatiy «terror» i «terrorizm» // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 2. С. 31–40.
10. Dmitrieva A. A., Pastuhov P. S. Koncepciya elektronnoy dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-elektronnoy-dokazatelstva-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (data obrashcheniya: 12.06.2026).
11. Dneprovskaya M. A., Abramitov S. A. Propaganda terrorizma (st. 205.2 UK RF): nekotorye osobennosti ob'ektivnoy storony // Ugolovnoe pravo. 2025. № 10. С. 35–41.
12. Kolichenko A. A. Otlichitel'nye priznaki i osnovaniya dlya klassifikatsii elektronnyh dokazatel'stv v ugolovnom processe // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 1(33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otlichitelnye-priznaki-i-osnovaniya-dlya-klassifikatsii-elektronnyh-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse> (data obrashcheniya: 14.06.2026).
13. Kумышева М. К., Абазова Е. Х. Priznanie kiberterrorizma v zakonodatel'nyh aktah v Rossii i zarubezhnyh stranah // Zhurnal prikladnyh issledovaniy. 2023. С. 129–134.
14. Martynenko B. K. Razgranichenie kategoriy «terrorizma» i «terrora» // Obshchestvo i pravo. 2011. № 3(35). С. 34–36.
15. Terror vo Francii // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/100/100509.htm> (data obrashcheniya: 14.06.2026).
16. Tisen O. N. Osobennosti dokazyvaniya prestuplenij, predusmotrennyh st. 205.2 UK RF: po rezul'tatam analiza reshenij Verhovnogo Suda RF // Ugolovnoe pravo. 2026. № 2.
17. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': uchebnik / pod red. V. P. Revina. 2-e izd., ispr. i dop. M.: YUsticinform, 2009. 392 s.
18. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': uchebnik / pod red. F. R. Sundurova, M. V. Talan. M.: Statut, 2012. 548 s.
19. Chernyad'eva N. A. Byl li terrorizm v drevnem mire? K voprosu o predposylkah i faktorah stanovleniya sovremennogo terrorizma // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2013. Vyp. 2(20). С. 32–39.
20. Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9T0803> (data obrashcheniya: 14.06.2026).
21. United Nations Office on Drugs and Crime. E4J University Module Series: Counter-Terrorism. Module 4: Criminal Justice Responses to Terrorism. URL: <https://www.unodc.org/e4j/fr/terrorism/module-4/key-issues/defining-terrorism.html> (data obrashcheniya: 14.06.2026).

Проблемы и перспективы реализации социально-экономических прав в условиях современных вызовов: взгляд конституционного суда

Уразаева Мадина Юсефовна,
аспирант Юридического института Пензенского
государственного университета
E-mail: madina.urazaeva_18@mail.ru

Статья посвящена тому, как в России сегодня реализуются социально-экономические права граждан и какую роль в этом процессе играет Конституционный Суд. Автор рассматривает поправки к Конституции 2020 года, которые изменили подход к социальному государству, сделав акцент не просто на предоставлении благ, а на партнерстве между государством и личностью. В работе проанализированы основные препятствия, с которыми сталкиваются граждане при реализации своих прав: нехватка бюджетных средств, несовершенство механизмов защиты и проблемы с обоснованностью ограничений. На основе изучения научных публикаций последних лет и правовых позиций Конституционного Суда показано, что Суд последовательно отстаивает приоритет прав человека и требует от законодателя соразмерных и справедливых решений. Кроме того, в статье обозначены возможные пути развития: систематизация социального законодательства, укрепление социального партнерства и совершенствование судебных процедур. Главный вывод работы заключается в том, что успешная реализация социально-экономических прав возможна только при сохранении разумного равновесия между социальными обязательствами государства и экономической свободой, а Конституционный Суд выступает ключевым арбитром в поддержании этого баланса.

Ключевые слова: права, свободы, Конституция, социальное государство, Конституционный Суд, ограничения, собственность, судопроизводство.

Введение

Вопросы реализации социально-экономических прав в Российской Федерации неизменно остаются в центре внимания как юридической науки, так и практики конституционного правосудия. Конституция РФ 1993 года провозгласила Россию социальным государством, однако само содержание этого принципа и механизмы его воплощения претерпевают постоянную эволюцию под влиянием внешних и внутренних факторов [2]. Принятые в 2020 году поправки к Основному Закону стали реакцией на современные вызовы, закрепив обновленную концепцию социального государства.

Роль Конституционного Суда РФ в этом процессе трудно переоценить. Его правовые позиции выступают важнейшим инструментом конкретизации конституционных норм, определения пределов ограничения прав и гарантий их защиты. Сфера социально-экономических отношений является наиболее востребованной в жизнедеятельности граждан, и потому каждое ограничение этих прав воспринимается человеком особенно чувствительно [10]. Цель настоящей работы – на основе анализа научной литературы и правовых позиций Конституционного Суда выявить проблемы и перспективы реализации социально-экономических прав в условиях современных вызовов.

Материалы и методы исследований

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных ученых-конституционалистов, посвященные проблематике социального государства и реализации социально-экономических прав, а также официальные документы, включая решения Конституционного Суда РФ. Использованы публикации в рецензируемых научных журналах за период 2021–2025 годов, в которых анализируется влияние конституционных поправок 2020 года и практики Конституционного Суда на социальную сферу. Методологическая база включает общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм).

Результаты и обсуждения

Принятые в 2020 году поправки к Конституции РФ существенно трансформировали конституционную модель социального государства. Как отмечает М.В. Саудаханов, конституционные новеллы не просто конкретизируют сферу социальной государственности, но и регулятивно разграничивают конституционный инструментарий на два уровня социально-экономических отношений, структурируя предметы ведения Российской Федерации и ее субъектов [7]. Так, пункт «е» статьи 71 Конституции РФ распространил полномочия публичной власти в части закрепления единой нормативной базы в области здравоохранения, воспитания и образования, а пункты «ж» и «ж.1» статьи 72 существенно расширили сферу ответственности субъектов в вопросах социальной защиты, защиты семьи и детства. Особого внимания заслуживает появление статьи 75.1 Конституции РФ, которая закрепила такие приоритеты, как взаимное доверие государства и общества, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Данная статья призвана укрепить взаимное доверие государства и общества и создать необходимые условия для реализации принципов социального партнерства. Конституционный Суд РФ, оценивая новую статью, установил ее направленность на достижение в государственной политике, правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности. Это положение закрепляет двойственную концепцию социального государства, ответственного за социальное партнерство в широком смысле, и одновременно предполагает активную позицию самого гражданина.

Вместе с тем, несмотря на конституционное закрепление широкого круга социально-экономических прав, их реализация сталкивается с рядом проблем. А.П. Обадкова в своем исследовании обращает внимание на проблемы реализации экономических прав граждан, которые связаны с отсутствием эффективных механизмов их защиты и недостаточной правовой грамотностью населения [5]. М.В. Саудаханов, анализируя социальную функцию права частной собственности, отмечает

необходимость поиска баланса между интересами собственников и социальными обязательствами государства [6]. Конституционный Суд РФ последовательно проводит линию на то, что право частной собственности не является абсолютным и может быть ограничено в социально значимых целях, но такие ограничения должны быть соразмерными и не нарушать саму сущность права.

Существенной проблемой остается ограниченность бюджетных ресурсов в условиях экономической нестабильности, что приводит к несвоевременной или неполной реализации социальных программ. М.Ю. Федорова, рассматривая конституционализацию правового регулирования социальной защиты в Российской Федерации, отмечает, что в условиях беспрецедентного глобального давления извне Россия оказалась перед выбором: сворачивать социальные программы или двигаться к новой модели социального государства, вобравшей как отечественный, так и зарубежный положительный опыт [11]. Выбор был сделан в пользу второго пути, однако его реализация требует значительных ресурсов и эффективного управления.

А.А. Уваров в своем исследовании акцентирует проблему соразмерности ограничений социально-экономических прав [10]. Он обосновывает, что любые ограничения должны соответствовать конституционно значимым целям и быть минимально необходимыми для их достижения. Конституционный Суд, рассматривая конкретные дела, неоднократно указывал на недопустимость избыточных ограничений, особенно в отношении социально уязвимых категорий граждан. При этом управление социально-экономической сферой должно быть основано на доверии народа к профессионалам-управленцам, что не мешает осуществлять контроль над ними и менять их команду в случае недостаточной реализации ими социально-экономических интересов граждан.

Конституционный Суд Российской Федерации выступает ключевым гарантом реализации социально-экономических прав. Л.А. Лебедь в своей работе анализирует влияние решений Конституционного Суда РФ на социальную сферу и приходит к выводу, что его решения оказывают значительное влияние на социальную сферу, конкретизируя конституционные положения и восполняя пробелы в законодательстве [4]. Д.Г. Арутюнян в своем исследовании анализирует правовые позиции Конституционного Суда РФ по вопросам социального обеспечения и приходит к выводу, что Суд последовательно придерживается принципа приоритета прав человека, требуя от законодателя создания эффективных механизмов их реализации и недопущения произвольного ограничения [1]. Н.А. Ткачева рассматривает организационно-правовые средства обеспечения и защиты социально-экономических прав, отмечая важность как судебной, так и внесудебной защиты. Конституционный Суд, по ее мнению, выступает высшей инстанцией, определяющей конституционность ограничений и гарантий этих прав [9].

Важнейшей функцией Суда является также проверка конституционности законов, регулирующих социальную сферу, на предмет их соответствия принципу социального государства. М.В. Саудаханов отмечает, что Конституционный Суд рассматривает социальную функцию как неотъемлемую характеристику любого права в Российской Федерации, что предполагает обязанность государства обеспечивать минимальные стандарты благосостояния для всех граждан [6]. Это особенно актуально в отношении пенсионного обеспечения, социальной поддержки семей с детьми и других мер социальной защиты, которые постоянно совершенствуются с учетом новых вызовов [8]. К.З. Чеминава поднимает вопрос о реформировании конституционного судопроизводства как механизма защиты прав граждан. Совершенствование процедур и повышение доступности конституционного правосудия являются важными условиями эффективной защиты социально-экономических прав [12].

Анализ тенденций позволяет выделить несколько направлений развития реализации социально-экономических прав. Прежде всего, это переход от патерналистской модели социального государства к модели государства-партнера. М.В. Саудаханов подчеркивает, что новая конституционная концепция предполагает налаживание эффективного партнерства государства и личности, где гражданин не просто получатель социальных благ, но и активный участник социальных отношений, несущий определенные обязанности [7]. Второе направление – это дальнейшая конституционализация правового регулирования социальной защиты. М.Ю. Федорова отмечает, что конституционализация проявляется в установлении единых стандартов социальной защиты на федеральном уровне, что способствует укреплению социальных гарантий и их защите от произвольных ограничений [11]. Кроме того, актуальным остается вопрос кодификации социального законодательства, который обсуждается в научной литературе. А.А. Дроздов в своем исследовании конституционно-правовых основ социального государства обосновывает, что обобщение норм о социальном партнерстве

в едином акте, будь то федеральный закон или Социальный кодекс, позволило бы систематизировать правовое регулирование и повысить эффективность защиты социально-экономических прав [3].

Выводы

Конституционные поправки 2020 года закрепили новую модель социального государства – государства-партнера, основанного на принципах социального партнерства, солидарности и сбалансированности прав и обязанностей гражданина. Это отвечает на вызовы современности, но требует дальнейшего законодательного и правоприменительного развития. Реализация социально-экономических прав в современных условиях сталкивается с проблемами как объективного (ограниченность ресурсов, экономическая нестабильность), так и субъективного характера (отсутствие эффективных механизмов защиты, недостаточная правовая активность граждан). Конституционный Суд РФ играет важнейшую роль в преодолении этих проблем, формируя правовые позиции, конкретизирующие конституционные гарантии и определяющие пределы допустимых ограничений. Перспективы развития института социально-экономических прав связаны с дальнейшей конституционализацией социального законодательства, развитием механизмов социального партнерства и повышением эффективности судебной защиты, включая конституционное судопроизводство. Ключевым принципом остается баланс между социальной функцией государства и экономической свободой, который должен обеспечиваться при активной роли Конституционного Суда и законодателя.

Литература

1. Арутюнян Д.Г. Правовые позиции конституционного суда Российской Федерации по вопросам социального обеспечения // Регион и мир. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-pozitsii-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-po-voprosam-sotsialnogo-obespecheniya> (дата обращения: 23.06.2026).
2. Борисова Н.О. Теоретические основы конституционной природы социальных прав и свобод человека и гражданина в России // Образование и право. 2023. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-konstitutsionnoy-prirody-sotsialnyh-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossii> (дата обращения: 23.06.2026).
3. Дроздов А.А. Конституционно-правовые основы социального государства в рыночной экономике Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 12 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-sotsialnogo-gosudarstva-v-rynnochnoy-ekonomike-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 23.06.2026).
4. Лебедь Л.А. Влияние решений конституционного суда российской федерации на социальную сферу // Вопросы права. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-resheniy-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-na-sotsialnuyu-sferu> (дата обращения: 23.06.2026).
5. Обадкова А.П. Проблемы реализации экономических прав граждан Российской Федерации / А.П. Обадкова // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 22–23 апреля 2021 года. – Барнаул: Алтайский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. – С. 210–212. – EDN UQYXNY.
6. Саудаханов М.В. Конституционный суд РФ о социальной функции права частной собственности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rf-o-sotsialnoy-funktsii-prava-chastnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 23.06.2026).
7. Саудаханов М.В. Социальное государство-партнер как новая конституционная концепция // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-gosudarstvo-partner-kak-novaya-konstitutsionnaya-kontseptsiya> (дата обращения: 23.06.2026).
8. Саудаханов М.В. Социально-экономические права и свободы человека и гражданина и социальное государство / М.В. Саудаханов // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 56–59. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-2-56-59. – EDN RBYGBL.
9. Ткачева Н.А. Организационно-правовые средства обеспечения и защиты социально-экономических прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Н.А. Ткачева // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конферен-

ции. В 2-х томах, Симферополь, 31 марта 2023 года / Сост. И.В. Хмил, под редакцией С.А. Трофимова, Е.В. Евсиковой. Том 1. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 274–279. – EDN NNMGXP.

10. Уваров А.А. О соразмерности ограничений социально-экономических прав и свобод граждан / А.А. Уваров // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 4(137). – С. 25–36. – DOI 10.17803/1994–1471.2022.137.4.025–036. – EDN WDJGBZ.

11. Федорова М.Ю. Конституционализация правового регулирования социальной защиты в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionalizatsiya-pravovogo-regulirovaniya-sotsialnoy-zaschity-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 23.06.2026).

12. Чеминава К.З. Проблемы реформирования конституционного судопроизводства в России на современном этапе / К.З. Чеминава // Молодой ученый. – 2022. – № 11(406). – С. 155–157. – EDN XQRYRV.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF REALIZATION OF SOCIO-ECONOMIC RIGHTS IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES: THE VIEW OF THE CONSTITUTIONAL COURT

Urazeva M.Yu.

Penza State University, Law Institute

The article examines how socio-economic rights are being implemented in Russia today and what role the Constitutional Court plays in this process. The author reviews the 2020 constitutional amendments that reshaped the welfare state concept, shifting the focus from mere provision of benefits toward partnership between the state and individuals. The paper analyzes the main obstacles citizens face in exercising their rights: budget constraints, imperfect protection mechanisms, and problems with justification of restrictions. Drawing on recent scholarly publications and the Constitutional Court's legal positions, the study demonstrates that the Court consistently upholds the primacy of human rights and demands proportionate and fair solutions from legislators. The article also outlines possible development paths: systematization of social legislation, strengthening social partnership, and improving judicial procedures. The main conclusion is that successful implementation of socio-economic rights requires maintaining a reasonable balance between the state's social obligations and economic freedom, with the Constitutional Court serving as the key arbiter in preserving this equilibrium.

Keywords: rights, freedoms, Constitution, welfare state, Constitutional Court, restrictions, property, proceedings.

References

1. Harutyunyan D.G. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on social security issues // Region and world. 2021. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-pozitsii-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-po-voprosam-sotsialnogo-obespecheniya> (date of request: 06/23/2026).

2. Borisova N.O. Theoretical foundations of the constitutional nature of the social rights and freedoms of man and citizen in Russia // Education and Law. 2023. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-konstitutsionnoy-prirody-sotsialnyh-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossii> (date of request: 06/23/2026).

3. Drozdov A.A. Constitutional and legal foundations of the welfare state in the market economy of the Russian Federation // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2023. № 12 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-sotsialnogo-gosudarstva-v-rynochnoy-ekonomike-rossiyskoy-federatsii> (date of request: 06/23/2026).

4. Lebed L.A. The influence of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the social sphere // Questions of law. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyaniye-resheniy-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-na-sotsialnyuyu-sferu> (date of request: 06/23/2026).

5. Obadkova A.P. Problems of realization of economic rights of citizens of the Russian Federation / A.P. Obadkova // Russia in the 21st century: strategy and tactics of socio-economic, political and legal reforms: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists, Barnaul, April 22–23, 2021. Barnaul: Altai Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", 2021, Pp. 210–212. EDN UQYXNY.

6. Saudakhanov M.V. The Constitutional Court of the Russian Federation on the social function of private property rights // Bulletin of Economic Security. 2022. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sud-rf-o-sotsialnoy-funktsii-pravachastnoy-sobstvennosti> (date of application: 06/23/2026).

7. Saudakhanov M.V. The social Partner state as a new constitutional concept // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-gosudarstvo-partner-kak-novaya-konstitutsionnaya-kontseptsiya> (date of request: 06/23/2026).

8. Saudakhanov M.V. Socio-economic rights and freedoms of man and citizen and the welfare state / M.V. Saudakhanov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – Pp. 56–59. – DOI 10.24412/2073–0454–2021–2–56–59. – EDN RBYGBL.

9. Tkacheva N.A. Organizational and legal means of ensuring and protecting socio-economic human and civil rights and freedoms in the Russian Federation / N.A. Tkacheva // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: A collection of articles based on the results of the II International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, Simferopol, March 31, 2023 / Comp. I.V. Khmil, edited by S.A. Trofimov, E.V. Evsikova. Volume 1. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Ariall", 2023. – Pp. 274–279. – EDN NNMGXP.

10. Uvarov A.A. On the proportionality of restrictions on socio-economic rights and freedoms of citizens / A.A. Uvarov // Actual problems of Russian law. – 2022. – Vol. 17, No. 4(137). – Pp. 25–36. – DOI 10.17803/1994–1471.2022.137.4.025–036. – EDN WDJGBZ.

11. Fedorova M.Y. Constitutionalization of legal regulation of social protection in the Russian Federation // Russian law: education, practice, science. 2021. No.6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionalizatsiya-pravovogo-regulirovaniya-sotsialnoy-zaschity-v-rossiyskoy-federatsii> (date of request: 06/23/2026).

12. Chemina K.Z. Problems of reforming constitutional legal proceedings in Russia at the present stage / K.Z. Chemina // Young Scientist. – 2022. – № 11(406). – Pp. 155–157. – EDN XQRYRV.

Теоретические аспекты гражданско-правовой ответственности заказчика по контракту со встречными инвестиционными обязательствами (офсетному контракту)

Чимитцыренов Владимир Алексеевич,

аспирант кафедры гражданского права, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: chimittsyrenovv@yandex.ru.

В статье исследуются теоретические аспекты гражданско-правовой ответственности заказчика по контракту со встречными инвестиционными обязательствами (офсетному контракту). Рассматривается понятийно-правовая характеристика офсетного контракта как особой договорной конструкции. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правового регулирования указанных отношений, включая положения гражданского законодательства, а также специальные нормы законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Отдельно раскрывается специфика гражданско-правовой ответственности заказчика, обусловленная публично-правовым характером заключаемого контракта. Выявляются особенности оснований, условий и форм ответственности заказчика, включая вопросы возмещения убытков, применения неустойки и иных мер гражданско-правового воздействия.

Ключевые слова: офсетный контракт, контракт со встречными инвестиционными обязательствами, гражданско-правовая ответственность, госзакупки, контракт, заказчик.

Теоретический анализ различных аспектов гражданско-правовой ответственности заказчика по контракту со встречными инвестиционными обязательствами (т.н. офсетному контракту) имеет важное научно-практическое значение с позиции качественного обновления современной российской экономики. Согласимся с Б.В. Салиховым с соавт.: понимание истинной природы контрактных отношений в рассматриваемой нами области помогает оптимизировать функциональный спектр и степень эффективности развития и взаимодействия рынка и государства [6, с. 23].

Изначально, в период становления и развития советской экономики, именно государство обладало полномочиями выступать инициатором централизованного планирования экономики. В данной связи практика и теория государственных контрактов в целом является для нашей страны относительно новой.

По мнению Б.В. Салихова с соавт., сущность контрактной системы в рамках публичного администрирования заключается в «поиске компромисса между рынком и государством, то есть между экстрактивными и инклюзивными институтами, а также порядками закрытого, ограниченного и открытого доступа к дефицитным ресурсам». Авторы пишут о том, что в большинстве современных политических режимов функционирует т.н. экономически двойственная модель, которая предполагает достижение баланса между интересами государства и рынка [6, с. 23]. Госконтракты и закупки в подобном контексте следует воспринимать в качестве эффективной формы хозяйственной взаимосвязи государства и рынка.

Кроме того, актуальность и важность рассмотрения тематики реализации контрактов со встречными инвестиционными обязательствами (офсетных контрактов) обусловлена тем, что в некоторых сегментах российской макроэкономики мы наблюдаем существованием т.н. квазирынка («административное явление в рамках государственного сектора экономики, представляющее собой некий «рыночный суррогат», поскольку выступает как следствие искусственной имплантации рыночных отношений в тех системах хозяйственных трансакций, где названные отношения не имеют естественного основания для развития») [6, с. 23].

На текущем этапе, указывают И.И. Смотрицкая и С.С. Шувалов, макроэкономическая система России отличается значительным объемом публичных закупок, осуществляемых в рамках системы госзакупок (госконтрактов). Масштабы, объемы и значимость контрактного института закупок в России обуславливает важность институциональных реформ в данной сфере. Следовательно, неудивительно, что те или иные аспекты функционирования системы госзакупок находятся в фокусе внимания исследователей-теоретиков, педагогов, практиков-специалистов, представителей властных ведомств, экспертов и законодотворцев [7, с. 7].

Сегодня, в условиях санкционного давления и экономико-политической турбулентности, максимальная реализация внутреннего технологического и инвестиционного потенциала государства, предпринимателей и социума представляется критически важной.

Ключевую роль в реализации подобного потенциала имеет институт контрактных отношений. Институт контрактных отношений в контексте настоящего исследования обозначает любые виды контрактов, одной из сторон которых является публичный орган власти.

В России контрактные отношения в большей степени распространены в области закупок товаров (работ, услуг) для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров (работ, услуг) отдельными видами организаций. Безусловно, отечественная экономическая система не в полной мере соответствует капиталистической модели свободного рынка, что приводит к достаточно высокой степени государственного участия.

И.И. Смотрицкая и С.С. Шувалов говорят о том, что высокая доля государственного участия приводит к существенному объему публичных закупок, осуществляемых на регулярной основе. Отечественная контрактная система закупок преследует цели по реализации «антикризисных мер, выполнению среднесрочных задач нивелирования последствий санкционного давления и удовлетворению текущих социально-экономических потребностей общества, обеспечению устойчивости российской экономики» [7, с. 9]. А.В. Бойчук, в свою

очередь, указывает на то, что показатели эффективности госконтрактов существенно варьируются. Эффективность функционирования системы государственных закупок детерминирована рядом факторов: состоянием и циклом «макрэкономической среды, уровнем развития институтов, поиском новых форм финансирования различных проектов и организованным взаимодействием бизнеса и власти» [2].

Обращаясь непосредственно к тематике контрактов со встречными инвестиционными обязательствами (т.н. офсетных контрактов), следует сказать, что впервые подобная форма взаимодействия бизнеса и власти возникла в нашей стране в 2016 г. Тем не менее, некоторое время данная форма контрактных взаимоотношений оставалась на периферии внимания властных ведомств и хозяйствующих субъектов. А.Ю. Баженов полагает, что подобная форма реализации инвестиционных проектов набрала популярность с 2017 по 2023 г., когда было в целом заключено 18 подобных контрактов. Важной мерой с точки зрения популярности офсетных контрактов стало снижение минимального порога инвестиций, за счет чего, согласно прогнозам данным Национального центра ГЧП, к концу 2026 г. может быть заключено около 80 офсетных контрактов на сумму 250 млрд руб. [1, с. 48].

Как пишет И.К. Буракова, данный термин используется как заимствование из англоязычной практики (*offset* – «возмещение», «компенсация») и применяется для обозначения особой конструкции долгосрочного государственного контракта, предполагающего встречные инвестиционные обязательства поставщика, связанные с созданием или локализацией производства продукции на территории заказчика.

В научной литературе отмечается, что терминологическое обозначение «офсетный контракт» не в полной мере соответствует классическим офсетным сделкам, применяемым в международной практике, где они, как правило, связаны с импортом продукции и встречными обязательствами импортёра инвестиционного характера. В российской практике указанная конструкция по своей правовой природе ближе к соглашениям о долгосрочной закупке продукции (*off-take agreements*), предполагающим принятие публичным субъектом обязательств по приобретению продукции, которая может находиться на стадии планирования или производства [3, с. 66].

Офсетные контракты в российской практике представляют собой инвестиционно-договорной механизм, сочетающий обязательства публичной и частной сторон. Для инвестора ключевыми преимуществами выступают гарантированный долгосрочный спрос на продукцию, обусловленный возможностью заключения контрактов на длительный срок, а также потенциальное включение в реестр поставщиков, что расширяет доступ к иным закупкам. Для публичной стороны основными преимуществами являются снижение стоимости поставляемой продукции за счёт конкурсного отбора, локализация производства и импортозамещение, рост налоговой базы и создание рабочих мест [2, с. с 12].

Началом становления отечественной контрактной системы закупок принято считать утверждение Федерального закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [9]. Закон зафиксировал многие правовые новеллы, не свойственные существовавшей на тот момент правовой системе и правоприменительной практике – в частности, я принципы регулирования системы закупок как рыночного контрактного института обеспечения государственных нужд. Закон, безусловно, задал вектор развития законодательного массива в данной сфере, его преимущественную ориентацию на процедурное регулирование и контроль, транспарентность и противодействие коррупции.

В 2011 году был принят Федеральный закон № 223-ФЗ, который детализировал процедуры закупок для отдельных видов юридических лиц. В дальнейшем законодательство данного сегмента правоотношений претерпело серьезные изменения. Например, Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [8] зафиксировал и регламентировал процедуры заключения новых видов контрактов, включая рассматриваемые нами офсетные контракты (контракты со встречными инвестиционными обязательствами).

Дефиниция офсетного контракта закреплена в п. 8.5 ст. 3 Закона № 44-ФЗ: «контракт со встречными инвестиционными обязательствами – контракт на поставку товара (оказание услуги), предусматривающий обязательства поставщика (исполнителя) по созданию (модернизации, освоению производства) соответствующего товара и (или) по созданию (реконструкции) объекта, необходимого для оказания соответствующей услуги» [8].

Следует сказать, что вышеотмеченные прогнозы Национального центра ГЧП были существенно превышены: только в период с 2020

по 2022 гг. было заключено 345 офсетных контрактов на общую сумму 5,5 млрд рублей. Те не менее, в научном дискурсе существует множество скептических публикаций в отношении данного законодательного акта: к примеру, И.И. Смотрицкая и С.С. Шувалов говорят о том, что несмотря на многочисленные изменения, внесённые в период действия Федерального закона № 44-ФЗ, их характер остаётся неоднозначным с точки зрения системности и концептуальной согласованности. В научной литературе отмечается, что развитие контрактной системы носит во многом фрагментарный характер, что позволяет рассматривать действующую редакцию закона как результат непоследовательного реформирования, сочетающего элементы различных регуляторных подходов [7, с. 12].

А.И. Губайдуллина, Р.Г. Биктимиров, в частности, пишут о том, что инструменты межрегиональной кооперации при заключении офсетных контрактов остаются неразработанными. Первыми примерами таких соглашений являются контракты между Москвой и Карелией, а также Москвой и Самарской областью. Несмотря на длительный характер указанных договоров, формирование коллективного регионального спроса представляется проблематичным. Эмпирическая база остаётся ограниченной: на текущий момент заключено около 30 офсетных контрактов, при этом значительная часть регионов не участвует в их реализации, а данные единой информационной системы в сфере закупок имеют фрагментарный характер [5, с. 122].

В научной правовой доктрине гражданско-правовая ответственность заказчика при исполнении офсетных контрактов в рамках Федерального закона № 44-ФЗ носит преимущественно компенсационно-восстановительный характер и реализуется посредством системы договорных и внедоговорных механизмов защиты имущественных прав поставщика. Базовое значение в данной конструкции имеет положение ч. 4 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, фиксирующее обязательность включения в государственный контракт условий об ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, что отражает принцип юридического равенства участников обязательственного правоотношения и трансформацию публично-правового элемента закупки в гражданско-правовую модель обязательства после заключения контракта.

Специальное регулирование ответственности заказчика раскрывается прежде всего через ч. 5 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, положения которой устанавливают обязательство по уплате неустойки при просрочке исполнения денежных обязательств, включая несвоевременную оплату поставленного товара, выполненных работ или оказанных услуг, а также иные случаи задержки исполнения обязательств. Указанная конструкция характеризуется презумпцией достаточности факта нарушения срока исполнения обязательства для наступления ответственности, что исключает необходимость доказывания размера убытков и придает неустойке характер законной меры гражданско-правового воздействия.

Отдельное значение имеет ответственность заказчика за нарушение срока возврата обеспечения исполнения контракта, установленная ч. 27 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, поскольку просрочка возврата денежных средств квалифицируется как просрочка денежного обязательства и влечет применение правил о начислении неустойки. Тем самым формируется правовая конструкция ответственности за неправомерное удержание денежных средств контрагента, обладающая самостоятельным имущественно-восстановительным значением.

Наряду с этим гражданско-правовая ответственность заказчика может выражаться в форме возмещения убытков в порядке ст.ст. 15 и 393 Гражданского кодекса Российской Федерации, применяемых во взаимосвязи с положениями Закона № 44-ФЗ [4]. Основаниями их взыскания выступают незаконный отказ от приема, нарушение порядка исполнения обязательств, а также иные действия заказчика, повлекшие имущественные потери поставщика, включая как реальный ущерб, так и упущенную выгоду при отсутствии законодательных ограничений.

Существенное значение имеет также ч. 9 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, закрепляющая освобождение заказчика от ответственности при наличии обстоятельств непреодолимой силы либо вины другой стороны, что подтверждает действие общего принципа виновной ответственности в сфере государственных закупок и возлагает бремя доказывания соответствующих обстоятельств на заказчика.

Дополнительно, положения ст. 95 Федерального закона № 44-ФЗ, регулирующие изменение и расторжение контракта, выступают юридической основой для наступления гражданско-правовой ответственности в случае незаконного изменения условий либо неправомерного одностороннего отказа заказчика от исполнения обязательств, поскольку такие действия порождают обязанность возмещения причи-

ненных убытков в соответствии с общими положениями гражданского законодательства.

Таким образом, в заключение отметим: система гражданско-правовой ответственности заказчика в рамках контрактной системы представляет собой достаточно детализированную конструкцию, в которой специальные положения Закона № 44-ФЗ задают особый механизм защиты, тогда как институт возмещения убытков и иные способы восстановления имущественной сферы поставщика обеспечиваются посредством субсидиарного применения норм Гражданского кодекса Российской Федерации.

Литература

1. Баженов, А.Ю. Классификация гражданско-правовых договоров в сфере государственно-частного партнерства в России / А.Ю. Баженов // Сибирский юридический вестник. – 2025. – № 2 (109). – С. 43–49.
2. Бойчук, А.В. Офсетный контракт как механизм государственных закупок при реализации инфраструктурных проектов / А.В. Бойчук // Прогрессивная экономика. – 2025. – № 2. – С. 8–20.
3. Буракова, И.К. Новые правила в регулировании государственного контракта со встречными инвестиционными обязательствами (офсетный контракт) / И.К. Буракова // НАУ. – 2022. – № 82–1. – С. 65–67.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // КонсультантПлюс. – 2026. [Электронный режим]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 25.06.2026.
5. Губайдуллина, А.И. Офсетные контракты в условиях больших вызовов / Губайдуллина, А. И., Биктимиров Р.Г. // ЕГИ. – 2025. – № 2 (58). – С. 121–129.
6. Салихов, Б.В. Ретроспектива и перспективы формирования нового качества контрактных отношений в современной отечественной экономике / Салихов, Б. В., Салихова И.С. // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2025. – № 4 (55). – С. 19–31.
7. Смотрицкая И.И. Контрактный институт публичных закупок: современный вектор развития / Смотрицкая И.И., Шувалов С.С. // ЭТАП. – 2024. – № 6. – С. 7–21.
8. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ (последняя редакция) КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ – Дата доступа: 28.06.2026.
9. Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 N 94-ФЗ (последняя редакция) КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/. – Дата доступа: 28.06.2026.

тантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/. – Дата доступа: 28.06.2026.

THEORETICAL BASIS OF CIVIL LIABILITY OF THE CUSTOMER UNDER A CONTRACT WITH COUNTER-INVESTMENT OBLIGATIONS (OFFSET CONTRACT)

Chimitsyrenov V.A.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

This article describes the theoretical aspects of civil liability of the customer under a contract with counter-investment obligations (offset contract). The conceptual and legal characteristics of the offset contract as a special contractual structure are considered. Particular attention is paid to the analysis of the legal framework governing these relationships, including civil law provisions, as well as specific legal provisions governing contract systems in the procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. The specifics of the customer's civil liability, conditioned by the public law nature of the contract, are specifically addressed. The grounds, conditions, and forms of customer liability are identified, including issues of compensation for damages, the application of penalties, and other civil remedies.

Keywords: offset contract, contract with counter-investment obligations, civil liability, public procurement, contract, customer

References

1. Bazhenov, A. Yu. Classification of civil contracts in the sphere of public-private partnership in Russia / A. Yu. Bazhenov // Siberian Law Bulletin. – 2025. – № 2 (109). – P. 43–49.
2. Boychuk, A.V. Offset contract as a mechanism of public procurement in the implementation of infrastructure projects / A.V. Boychuk // Progressive Economy. – 2025. – № 2. – P. 8–20.
3. Burakova, I.K. New rules in regulating a government contract with counter investment obligations (offset contract) / I.K. Burakova // NAU. – 2022. – № 82–1. – P. 65–67.
4. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) // ConsultantPlus. – 2026. [Electronic mode]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Access date: 06/25/2026.
5. Gubaydullina, A.I. Offset contracts in the face of major challenges / Gubaydullina, A. I., Biktimirov R. G. // EGI. – 2025. – № 2 (58). – P. 121–129.
6. Salikhov, B.V. Retrospective and prospects for the formation of a new quality of contractual relations in the modern domestic economy / Salikhov, B. V., Salikhova I.S. // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1: Economics and Management. – 2025. – № 4 (55). – P. 19–31.
7. Smotritskaya I.I. Contract institution of public procurement: a modern vector of development / Smotritskaya I.I., Shuvalov S.S. // ETAPE. – 2024. – № 6. – P. 7–21.
8. Federal Law «On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services for meeting state and municipal needs» dated 05.04.2013 N 44-FZ (latest revision) ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ – Access date: 28.06.2026.
9. Federal Law «On the placement of orders for the supply of goods, performance of work, and provision of services for state and municipal needs» dated July 21, 2005 N 94-FZ (latest revision) ConsultantPlus. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54598/. – Access date: June 28, 2026.

Разграничение доведения до самоубийства, склонения к самоубийству и опосредованного причинения смерти: критерий автономии воли потерпевшего и вопросы квалификации

Архипова Алина Ивановна,

магистрант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: alarkhipova02@gmail.com

В статье исследуются проблемы уголовно-правовой квалификации деяний, внешне сходных с «суицидальными» составами преступлений. При отсутствии автономии воли, обусловленном непреодолимым физическим или психическим принуждением либо неспособностью лица осознавать фактический характер своих действий, исключается возможность признания смерти результатом суицидального решения. Предлагается критерий отграничения доведения до самоубийства и склонения к нему от опосредованного причинения смерти, основанный на наличии или отсутствии направленности воли потерпевшего на лишение себя жизни. На основе анализа судебной практики выявляются дефекты правоприменения. Обосновывается необходимость квалификации соответствующих деяний как убийства, совершенного путем посредственного причинения смерти, и предлагается нормативное закрепление данного подхода посредством дополнения статьи 105 УК РФ примечанием.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, опосредованное причинение смерти, автономия воли потерпевшего, беспомощное состояние, психическое принуждение, физическое принуждение, преступления против жизни.

Введение

К числу наиболее дискуссионных проблем отечественного уголовного права относится оценка деяний, сопряженных с суицидальным поведением потерпевшего. Действующая редакция статей 110, 110¹ УК РФ, несмотря на предпринятую законодателем дифференциацию ответственности, не устранила глубинные противоречия, возникающие при квалификации случаев, когда смерть наступает вследствие собственных действий потерпевшего, детерминированных виновным за пределами «доведения» или «склонения». Обращение к судебной практике выявляет тенденцию к расширительному толкованию, когда полное вытеснение волеизъявления или изначальная неспособность к суицидальному решению влечет квалификацию по статьям 110, 110¹ УК РФ. Отсутствие в уголовном законе и официальных разъяснениях высшей судебной инстанции четкого критерия разграничения доведения до самоубийства и опосредованного причинения смерти выступает ключевой проблемой, обуславливающей дефекты правоприменения. Настоящее исследование, направленное на выявление различий между деформированной и вытесненной волей потерпевшего и формулирование иного механизма уголовно-правовой оценки, приобретает особую актуальность. Значимость проблеме придает устойчиво высокий уровень суицидальной смертности среди несовершеннолетних¹. В этих условиях любые дефекты квалификации деяний с использованием суицидального поведения несовершеннолетних приобретают выраженное социальное значение.

Цель работы состоит в формировании обоснованной модели квалификации деяний, внешне сходных с доведением до самоубийства или склонением к нему, но по своей сути представляющих собой опосредованное причинение смерти. Для ее достижения проводится разграничение ситуаций сохранения деформированной автономии воли потерпевшего и ситуаций тотального физического или психического принуждения, исключающего свободное волеизъявление. Анализируется специфика дефекта воли у лиц, не способных осознавать фактический характер своих действий в силу малолетнего возраста или болезненных состояний психики. На конкретных примерах судебной практики критически оценивается существующий квалификационный подход. Научная новизна заключается в формировании концепции разграничения деяний, сходных с доведением до самоубийства или склонением к нему, и в обосновании отказа от фикции суицидальной воли лиц, заведомо не способных к осознанному волеизъявлению, в пользу квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные, а также частнонаучные методы, включая формально-юридический, сравнительно-правовой и метод интерпретации судебной практики. Используются труды отечественных специалистов в области уголовного права, данные возрастной танатопсихологии. Теоретическая значимость исследования заключается в развитии учения о посредственном причинении вреда применительно к преступлениям против жизни. Практическая значимость состоит в обосновании предложения о дополнении статьи 105 УК РФ примечанием, которое позволит дать адекватную уголовно-правовую оценку рассматриваемым деяниям.

Проблемы уголовно-правовой оценки физического или психического принуждения потерпевшего к причинению себе смерти

Ключевой проблемой уголовно-правовой оценки «суицидальных» деяний является разграничение двух состояний: сохранения под внешним давлением деформированной, но автономной воли либо полного вытеснения свободы волеизъявления, при котором действия потерпевшего утрачивают осознанную суицидальную направленность. В такой парадигме отсутствует ключевой элемент, позволяющий признать смерть актом самоубийства, — воля потерпевшего на лишение себя жизни,

¹ Майер А., Ларченко В., Недогибченко Г. За первую половину 2025 года в России 395 подростков совершили суицид [Электронный ресурс] // Ведомости. — 2025. — 14 авг. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/08/14/1131401-zapervuyu-pолоvinu-2025-goda-v-rossii-395-podrostkov-sovershili-suitsid> (дата обращения: 14.06.2026).

без которой сам феномен теряет свое юридическое содержание. Еще в комментариях к Кодексу 1960 г. указывалось, что «физическое или психическое принуждение к самоубийству должно квалифицироваться как умышленное убийство»¹.

При установленном принуждении доминирующей причиной поведения потерпевшего становится не осознанное намерение умереть, а рефлексорное стремление к прекращению острого физического страдания или страха неминуемой гибели в данный конкретный момент. Целью такого лица является не суицид как итог, а сиюминутное действие, навязанное как безальтернативный способ избежать реализуемой угрозы. Смерть в этом случае становится не целью, а вынужденно допускаемым или игнорируемым в состоянии аффекта последствием. Ключевым разграничительным признаком является наличие или отсутствие у потерпевшего реальной физической возможности сохранить жизнь путем отказа от навязываемого действия. В ситуации доведения, какой бы невыносимой она ни была, выбор между жизнью и смертью остается автономным решением лица: виновный лишь создает мотивацию, но не блокирует саму способность выбрать жизнь. В ситуации же опосредованного убийства альтернатива «остаться в живых» по воле виновного уничтожена, любой вариант поведения немедленно и непосредственно ведет к гибели. Потерпевший превращается в живое орудие, поскольку акт, повлекший смерть, является единственным оставленным виновным выходом.

Анализ судебной практики свидетельствует, что разграничение проводится непоследовательно, вследствие чего соответствующие случаи продолжают квалифицироваться по «суицидальным» составам. Показателен приговор Кировского районного суда г. Кемерово, согласно которому виновная, находясь в квартире потерпевшей, истязала ее и, демонстрируя нож, загнала на балкон, где высказала прямые угрозы немедленного лишения жизни в случае отказа прыгнуть самостоятельно, тем самым поставив ту в «безвыходную ситуацию»². В условиях, когда отказ от прыжка означал гарантированное убийство, поведение потерпевшей не содержало в себе сознательного выбора между жизнью и смертью. Ее прыжок являлся не решением о суициде, а единственной вынужденной попыткой избежать сиюминутного насильственного лишения жизни. Смерть наступила не в результате автономного волевого акта, а вследствие использования страха и тела жертвы как орудия причинения вреда самой себе. В таких ситуациях возникает необходимость производства судебной психолого-психиатрической экспертизы, выводы которой приобретают ключевое значение: установление неспособности потерпевшего к формированию самостоятельного суицидального решения исключает возможность квалификации по составам о суицидальном поведении. Как отмечал С.В. Бородин, самоубийство может быть совершено исключительно умышленно, при наличии цели лишить себя жизни. Косвенный умысел, при котором лицо лишь предвидит последствия своих действий и относится к ним безразлично, по его мнению, неприемлем³. Следовательно, если поведение виновного приводит не к деформации, а к полному вытеснению свободы волеизъявления потерпевшего, уголовно-правовая оценка должна смещаться с доведения к квалификации как убийства, совершенного путем опосредованного причинения. Потерпевший используется как средство реализации преступного умысла, а его поведение утрачивает значение самостоятельного источника причинения вреда. Аналогичный подход к оценке вынужденного суицида как формы посредственного лишения жизни выработан и применяется в ряде зарубежных правовых порядков. Так, в немецком уголовном праве самоубийство, совершенное под воздействием принуждения, угроз либо иного подавляющего влияния, квалифицируется как посредственное лишение жизни. В канадском праве, если посредством угроз, обмана или запугивания сознательно формируется ситуация, в которой жертва лишает себя жизни, и виновный желает наступления смерти либо осознает ее возможность, суицид рассматривается как убийство по статье 229(с) УК Канады.

Форма вины при опосредованном причинении смерти может выражаться как в прямом, так и косвенном умысле. Виновный осознает, что своими действиями создает ситуацию заведомой и неотвратимой смертельной опасности, лишаящую потерпевшего реальной возможности выбора между жизнью и смертью, и тем самым принимает на себя риск наступления результата.

Проблемы уголовно-правовой оценки доведения до смерти или склонение к ней лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии

Отсутствие автономии воли способно носить не только ситуативный, но и интеллектуальный характер. В последнем случае способность к осознанному суицидальному решению отсутствует у потерпевшего изначально. Именно в этой логике получает развитие иная, хотя и сходная по юридической сути, ситуация — умышленное доведение до смерти либо склонение к смерти лица, не способного осознать вследствие малолетнего возраста или психического расстройства фактического характера своих действий.

Юридическая конструкция доведения до самоубийства и склонения к нему рассчитана на потерпевшего, чье решение о смерти является результатом деформированной, но сохранной интеллектуально-волевой сферы, когда лицо осознает необратимость смерти как результата, но мотивировано к этому действиями виновного. В случаях же, когда способность понимать фактический характер и значение своих действий (в частности, необратимость смерти) отсутствует изначально в силу малолетнего возраста или психического расстройства, данная юридическая предпосылка составов отсутствует, и их применение становится несостоятельным. Обоснованно указывается, что лицо, совершившее самоубийство, должно быть вменяемым⁴.

Данные возрастной танатопсихологии свидетельствуют, что целостное понимание смерти как необратимого и окончательного явления формируется лишь к раннему подростковому возрасту. Хотя уже в 4–5 лет дети начинают демонстрировать признаки понимания отдельных аспектов смерти, даже к 10 годам у значительной их части сохраняются смешанные представления⁵, а смерть нередко воспринимается как временное состояние, сон или исчезновение⁶. В связи с этим внешнее сходство поведенческого акта с суицидом обманчиво: его психологическое содержание состоит не в выборе смерти, а в искаженном представлении о последствиях. Ребенок может желать «исчезнуть» или «перестать чувствовать боль», не понимая, что это означает необратимое прекращение существования. Центральной задачей судебной экспертизы поэтому является установление не способности к волевому акту вообще, а неспособности понимать фактический характер, значение и необратимость смерти как результата своих действий.

Сходный дефект воли обнаруживается у лиц, находящихся в состоянии глубокого психического расстройства. Их поведение детерминировано психопатологическими переживаниями, при которых критическое восприятие реальности и способность понимать значение собственных действий утрачены полностью. Следовательно, и здесь отсутствует суицидальное волеизъявление, а имеет место патологическая реакция на внутренний психический опыт. Аналогичную позицию занимает Г.Н. Борзенков, указывая, что доведение до самоубийства или склонение к нему малолетнего ребенка либо психически больного, не отдающих отчета в своих действиях, следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти⁷. Действительно, если потерпевший не понимает значения смерти, виновный не может «склонить» или «довести» его до самоубийства — он может лишь использовать его как живое орудие.

По своей природе склонение к самоубийству еще более жестко связано с наличием у потерпевшего способности к осознанному решению. Уговоры, предложения, советы и иные формы убеждения предполагают адресата, способного воспринять аргументы, соотносить их с последствиями и принять решение. Если же потерпевший не осознает необратимости смерти либо воспринимает реальность искаженно, любые «уговоры» не способны индуцировать суицидальное решение, ведь таковое в принципе не может быть сформировано. В этих условиях речь идет уже не о воздействии на мотивацию, а о провокации смертельно опасного поведения.

Объединяющим элементом анализируемых ситуаций выступает эксплуатация беспомощного состояния потерпевшего. Виновный осознает возрастную либо психическую несостоятельность жертвы, использует ее неспособность к адекватной оценке происходящего

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Понимание смерти детьми и взрослыми: когнитивное, родительское и эмпирическое влияние / Г. Панайотакис, М. Хопкинс, Г. Нобс и др. // Журнал экспериментальной детской психологии. — 2018. — Т. 166. — С. 96–115; Понимание смерти детьми: обзор трех компонентов концепции смерти / М.У. Слис, С.Б. Брент // Развитие ребенка. — 1984. — Т. 55, № 5. — С. 1671–1686.

⁶ Поддержка скорбящего ребенка и семьи: клинический отчет [Электронный ресурс] / Д. Дж. Шонфельд, Т. Демария, А. Насир, С. Кумар // Педиатрия. — 2024. — Т. 154, № 1. — URL: <https://publications.aap.org/pediatrics/article/154/1/e2024067212/197497/Supporting-the-Grieving-Child-and-Family-Clinical> (дата обращения: 14.06.2026).

⁷ Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособие. — Москва: ИКД «Зерцало-М», 2005. — С. 102.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. — Л., 1962. — С. 222.

² Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 25 июня 2025 г. по делу № 1–120/2025 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J9mLfUBZ7iC/> (дата обращения: 14.06.2026).

³ Бородин С.В. Преступления против жизни: монография. — М.: Юристъ, 1999. — С. 22.

и провоцирует действия, объективно ведущие к смерти. Так, применение ст. 110 и 110¹ УК РФ к деяниям, совершенным в отношении лиц, заведомо не способных понимать значение смерти и необратимость своих действий, основано не на оценке реальной вины, а на объективном вменении.

Нормативное решение: примечание к статье 105 УК РФ

В целях корректной уголовно-правовой оценки подобных деяний обоснованным представляется обращение к институту посредственного причинения смерти (ч. 2 ст. 33 УК РФ), позволяющему адекватно отразить их общественную опасность и причинную связь. Как отмечает А.И. Коробеев, институт посредственного причинения применим лишь к малолетним и лицам, заведомо не способным понимать значение своих действий или руководить ими, склонение их к самоубийству должно влечь ответственность подстрекателя как за убийство. В остальных случаях, ввиду того, что потерпевший сохраняет сознание и волю и сам лишает себя жизни, поведение виновного не может расцениваться как убийство¹. Аналогично М.И. Ковалев указывал, что умышленное склонение или содействие самоубийству невменяемых и несовершеннолетних представляет собой посредственное совершение убийства, так как в подобных случаях такие лица не действуют самостоятельно, а выступают орудием преступления, которое при содействии другого лица обращается против них самих². При всей доктринальной состоятельности указанного подхода его реализация носит ограниченный характер. Иллюстрацией расхождения между теоретически обоснованной моделью и судебной практикой является приговор в отношении Мамалиева Р.З.о., который, осознавая малолетний возраст ребенка, оказывал на него систематическое психическое воздействие в форме угроз и унижающих достоинство высказываний³. В условиях сформированного психоэмоционального напряжения ребенок совершил прыжок с тринадцатого этажа жилого дома. Несмотря на внешнее сходство с суицидом, такая квалификация игнорирует возможную неспособность ребенка данного возраста сформировать осознанное суицидальное решение. Квалификация по ст. 110 УК РФ основывалась на автоматическом признании у малолетнего суицидальной автономии.

Очевидной в этой связи является необходимость нормативного закрепления правила квалификации, охватывающего как случаи полного вытеснения воли потерпевшего, так и использование изначальной неспособности лица понимать значение смерти. Анализ возможных способов нормативного разрешения проблемы, связанной с деяниями, совершаемыми под физическим либо психическим принуждением, а также с доведением и склонением беспомощных лиц до смерти при внешнем сходстве с самоубийством, позволяет признать наиболее предпочтительной модель закрепления соответствующего положения в виде примечания к закону. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ видятся менее предпочтительным вариантом, поскольку не входят в текст уголовного закона в отличие от примечания, которое является частью нормативного материала УК РФ и доступно для восприятия любым адресатом уголовно-правового запрета. Идея ограничиться разъяснением подвергается критике и с точки зрения его превентивной роли⁴. Предлагаемые варианты размещения примечания в статьях 110 или 110¹ УК РФ⁵ представляют технико-юридически некорректными, поскольку норма о преступлении, связанных с самоубийством, в таком случае фактически определяла бы правила квалификации убийства, вынуждая обращаться к иным статьям для уяснения состава. Более логичным решением является включение соответствующего примечания в ст. 105 УК РФ.

Заключение

С учетом изложенного возможна следующая редакция примечания: *«Примечание. В целях настоящей статьи убийством признается также умышленное деяние, совершенное путем использования действий (бездействия) потерпевшего, повлекших его смерть, если эти действия (бездействие) не являлись результатом его осознанного и добровольного волеизъявления, в том числе когда:*

¹ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. II: Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 279.

² Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч. 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. – Свердловск, 1962. – С. 21.

³ Приговор Кунцевского районного суда г. Москвы от 19 октября 2015 г. по делу № 4–1477/2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2026).

⁴ Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2020. – С. 179.

⁵ Бородин С.В. Указ. соч. С. 307.

а) потерпевший заведомо для виновного не способен осознавать фактический характер, необратимость последствий своих действий (бездействия) или руководить ими вследствие малолетнего возраста или психического расстройства;

б) потерпевший действует (бездействует) под влиянием физического или психического принуждения, лишаящего его возможности руководить своими действиями (бездействием), либо находится в ином состоянии, полностью исключающем способность осознавать характер совершаемых действий или руководить ими, и виновный заведомо использует такое состояние для причинения смерти.»

Литература

1. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособие. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2005. – 144 с.
2. Бородин С.В. Преступления против жизни: монография. – М.: Юрист, 1999. – 356 с.
3. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч. 2: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. – Свердловск, 1962. – 275 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 459 с.
5. Майер А. За первую половину 2025 года в России 395 подростков совершили суицид [Электронный ресурс] / А. Майер, В. Ларченко, Г. Недогибченко. – Текст: электронный // Ведомости. – 2025. – 14 авг. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/08/14/1131401-zapervuyu-pолоvinu-2025-goda-v-rossii-395-podrostkov-sovershili-suitsid> (дата обращения: 14.06.2026).
6. Панайотаки Г. Понимание смерти детьми и взрослыми: когнитивное, родительское и эмпирическое влияние / Г. Панайотаки, М. Хопкинс, Г. Нобс, Э. Уорд, Д. Гриффитс // Журнал экспериментальной детской психологии. – 2018. – Т. 166. – С. 96–115.
7. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. II: Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 682 с.
8. Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 25 июня 2025 г. по делу № 1–120/2025 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j9mLfUBZ7iC/> (дата обращения: 14.06.2026).
9. Приговор Кунцевского районного суда г. Москвы от 19 октября 2015 г. по делу № 4–1477/2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2026).
10. Спирс М.У. Понимание смерти детьми: обзор трех компонентов концепции смерти / М.У. Спирс, С.Б. Брент // Развитие ребенка. – 1984. – Т. 55, № 5. – С. 1671–1686.
11. Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2020. – 234 с.
12. Шонфельд Д. Дж. Поддержка скорбящего ребенка и семьи: клинический отчет [Электронный ресурс] / Д. Дж. Шонфельд, Т. Де-мария, А. Насир, С. Кумар // Педиатрия. – 2024. – Т. 154, № 1. – URL: <https://publications.aap.org/pediatrics/article/154/1/e2024067212/197497/Supporting-the-Grieving-Child-and-Family-Clinical> (дата обращения: 14.06.2026).

THE DISTINCTION BETWEEN CAUSING SUICIDE, INCITEMENT TO SUICIDE AND INDIRECT PERPETRATION: THE CRITERION OF THE VICTIM'S VOLITIONAL AUTONOMY AND ISSUES OF LEGAL CLASSIFICATION

Arkhipova A.I.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the problems of criminal law classification of acts that are superficially similar to suicide-adjacent offenses. It is substantiated that in the absence of volitional autonomy, whether due to irresistible physical or mental coercion or the inability of the person to realize the actual nature of their actions, the possibility of recognizing death as the result of a suicidal decision is excluded. The author proposes a criterion for distinguishing between causing suicide and incitement to suicide from indirect infliction of death, based on the presence or absence of the victim's volitional orientation toward taking their own life. Through an analysis of judicial practice, enforcement defects related to the use of the legal fiction of suicidal will are identified. The article argues for the necessity of classifying the relevant acts as murder committed by indirect perpetration, and proposes the normative consolidation of this approach through the introduction of a note to Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: causing suicide, incitement to suicide, indirect perpetration, victim's volitional autonomy, helpless condition, mental coercion, physical coercion, crimes against life.

References

1. Borzenkov, G.N. Qualification of Crimes against Life and Health: A Textbook and Practical Handbook. Moscow: ICD "Zertsalo-M", 2005. 144 p.
2. Borodin, S.V. Crimes against Life: A Monograph. Moscow: Yurist, 1999. 356 p.
3. Kovalev, M.I. Complicity in Crime. Part 2: Types of Accomplices and Forms of Participation in Criminal Activity. Sverdlovsk, 1962. 275 p.
4. Commentary on the Criminal Code of the RSFSR of 1960, edited by N.A. Belyaev and M.D. Shargorodsky. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1962. 459 p.
5. Mayer A. In the first half of 2025, 395 teenagers committed suicide in Russia [Electronic resource] / A. Mayer, V. Larchenko, G. Nedogibchenko. – Text: electronic // Vedomosti. – 2025. – August 14. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/08/14/1131401-za-pervuyu-pолоvinu-2025-goda-v-rossii-395-podrostkov-sovershili-suitsid> (date of access: 06/14/2026).
6. Panagiotaki G. Children's and Adults' Understanding of Death: Cognitive, Parental, and Experiential Influences / G. Panagiotaki, M. Hopkins, G. Nobs, E. Ward, D. Griffiths // Journal of Experimental Child Psychology. – 2018. – Vol. 166. – Pp. 96–115.
7. Complete Course of Criminal Law: in 5 volumes. Vol. II: Crimes against the Person / edited by A.I. Korobeev. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2008. – 682 p.
8. Verdict of the Kirovsky District Court of Kemerovo dated June 25, 2025 in case No. 1–120/2025 [Electronic resource]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J9mLfUBZ7iC/> (date of access: 14.06.2026).
9. Verdict of the Kuntsevsky District Court of Moscow dated October 19, 2015 in case No. 4–1477/2016 [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus" (date of access: 14.06.2026).
10. Spis M.U. Children's understanding of death: an overview of three components of the concept of death / M.U. Spis, S.B. Brent // Child development. – 1984. – Vol. 55, No. 5. – Pp. 1671–1686.
11. Filippova S.V. Incitement to commit suicide or assistance in committing suicide: criminal-law characteristics and problems of qualification: dis. ... Cand. Jurid. Sciences: 12.00.08. – M., 2020. – 234 p.
12. Schoenfeld D.J. Supporting the Grieving Child and Family: A Clinical Report [Electronic resource] / D.J. Schoenfeld, T. Demaria, A. Nasir, S. Kumar // Pediatrics. – 2024. – Vol. 154, No. 1. – URL: <https://publications.aap.org/pediatrics/article/154/1/e2024067212/197497/Supporting-the-Grieving-Child-and-Family-Clinical> (accessed: 06/14/2026).

Корреляционные связи элементов криминалистической характеристики хищений в сфере благотворительной деятельности и их значение для первоначального этапа расследования

Бутяева Наталия Алексеевна,

адъюнкт кафедры криминалистики, старший лейтенант
полиции, Краснодарский университет МВД России

E-mail: nata.butyaeva.11@mail.ru

Статья посвящена исследованию корреляционных взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики хищений, совершаемых в сфере благотворительной деятельности. На основе анализа норм уголовного и гражданского законодательства, материалов судебно-следственной практики и специальной литературы, рассматриваются типичные способы, предмет посягательства, следовая картина, личность преступника и обстановка совершения преступления. Выявленные корреляционные зависимости формируют информационную основу частной криминалистической методики расследования хищений в сфере благотворительной деятельности на первоначальном этапе.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, корреляционные связи, хищение, благотворительная деятельность, первоначальный этап расследования, методика расследования.

Хищения денежных средств в сфере благотворительной деятельности входят в группу экономических преступлений, совершаемых в сфере деятельности некоммерческих организаций (далее – НКО). Указанная категория преступлений характеризуется высокой степенью латентности, что обусловлено специфическим правовым статусом благотворительных организаций, доверительным характером взаимоотношений между субъектами благотворительной сферы, а также применением современных информационно-коммуникационных технологий для совершения и сокрытия противоправных действий.

По данным анализа судебно-следственной практики, материалов уголовных дел (37 материалов уголовных дел, а также 130 приговоров суда, вступивших в законную силу, вынесенных судами первой инстанции, а также 15 материалов об отказе в возбуждении уголовных дел), анкетирования 182 сотрудников следственных подразделений МВД России из 9 регионов Российской Федерации (Республика Крым, Республика Адыгея, Краснодарский край, Ставропольский край, Московская область, г. Волгоград, г. Санкт Петербург, г. Ростов-на-Дону), было определено, что хищения в сфере благотворительной деятельности квалифицируются преимущественно по ч. 4 ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – 31, 14%; ч. 3 ст. 160 УК РФ – 23,95%; ч. 3 ст. 159 УК РФ – 20,96%; ч. 4 ст. 159 УК РФ – 16,17%. В значительной доле уголовных дел хищения совершаются в совокупности с сопутствующими преступлениями: служебным подлогом (19,76%), злоупотреблением и превышением должностных полномочий (14,97%), легализацией доходов (11,98%).

Целью настоящей статьи является системное исследование корреляционных взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики хищений в сфере благотворительной деятельности и определение их практического значения для организации первоначального этапа расследования.

Криминалистическая характеристика преступлений (далее – КХП) является одной из фундаментальных категорий криминалистики, разработка которой активно ведется с 60–70х гг. Как указывал Р.С. Белкин, КХП представляет собой научную абстракцию, результат обобщения и типизации данных о преступлении определенного рода [1, с. 192]. А.М. Кустов определял ее как научно-разработанную систему сведений об устойчивых криминалистически значимых свойствах преступлений конкретного вида [2, с. 80]. О.Я. Баев указывал на то, что механизм слеодообразования является наиболее стабильным элементом данной системы [3, с. 230].

В настоящей работе КХП рассматривается как абстрактная научная модель – информационная система взаимосвязанных криминалистически значимых сведений о преступлениях определенного вида, имеющая для следователя вероятностное, ориентирующее значение. Принципиальное методологическое значение имеет тезис о практической ценности установления корреляционных связей между элементами КХП: именно такие связи позволяют следователю с достаточной степенью вероятности прогнозировать характеристики иных элементов преступления.

КХП основывается на системе взаимосвязанных элементов, обусловленных спецификой функционирования сферы благотворительной деятельности, включающей: типичную исходную информацию с актуальными нормативно-правовыми источниками данных о деятельности благотворительных организаций; типичный способ совершения и сведения о типичных следах хищений; типичные особенности обстановки совершения хищений; типичный предмет преступного посягательства, типичную личность преступника (преступников).

В ходе исследования были установлены корреляционные связи между элементами КХП. Рассмотрим их подробнее с точки зрения характеристики элементов хищения.

Способ совершения преступления аккумулирует наибольший объем информации, значимой для раскрытия и расследования преступлений. По определению Г.Г. Зуйкова, способ – это система взаимосвязанных действий, направленных на подготовку, совершение и сокрытие преступления, обусловленных объективными и субъективными факторами [4, с. 15]. Для хищений в сфере благотворительной деятельности характерен полноструктурный способ, охватывающий все три этапа преступной деятельности. Установлена прямая корреляция

ляционная зависимость между способом хищения и личностью преступника: применение сложных финансовых схем характерно для лиц с профильным (экономическим, бухгалтерским, финансовым) образованием, занимающих должности главного бухгалтера, а реализация схем, связанных с информационно-коммуникационными технологиями и доступом к персональным компьютерам – для руководителей НКО. Способ также коррелирует с предметом посягательства: наличные средства присваиваются через прямой физический доступ к кассе или ящикам для пожертвований; безналичные – посредством документально обоснованных переводов; цифровые – через многоуровневые анонимизированные схемы.

Не менее значимой является корреляция между полноструктурным способом и механизмом слеодообразования. Как отмечает О.Я. Бавев, способ совершения преступления является ключевым ориентиром при моделировании следовой картины [3, с. 230]. Установлено, что этап подготовки к хищению преимущественно формирует идеальные и электронно-цифровые следы; этап совершения – материальные и электронно-цифровые следы. Данная корреляция определяет стратегию поиска и фиксации следов на первоначальном этапе расследования.

Классификация следов преступления как самостоятельного элемента КХП разработана в трудах многих отечественных криминалистов. Г. Гросс разграничивал материальные и идеальные следы [5, с. 102]. В.Я. Колдин разделил следы на материальные, идеальные и комбинированные; Р.С. Белкин систематизировал их на следы-отображения, следы-вещества и следы-предметы [1, с. 193]. С развитием информационных технологий В.А. Мещеряков ввел понятие «виртуального следа» [6, с. 94], а В.Б. Вехов разработал классификацию электронно-цифровых следов [7, с. 83].

В настоящем исследовании были рассмотрены материальные, идеальные и электронно-цифровые следы. Между всеми тремя видами следов существуют устойчивые взаимосвязи: электронно-цифровые следы позволяют подтвердить или опровергнуть показания свидетелей; материальные следы служат ориентиром для поиска соответствующих цифровых следов; идеальные следы нередко указывают на источники, где могут быть обнаружены материальные следы. Данная взаимосвязь диктует необходимость комплексного исследования совокупности следов при расследовании хищений в благотворительной сфере.

Личность преступника, совершающего хищения в сфере благотворительной деятельности, характеризуется совокупностью признаков, выходящих за рамки общих признаков субъекта преступления (ст. 19 УК РФ – вменяемость, возраст уголовной ответственности), что позволяет квалифицировать таких лиц как специальных субъектов в криминалистическом понимании. По определению В.В. Устименко, специальный субъект обладает дополнительными признаками, ограничивающими круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по данному закону [9, с. 45]. Ключевым признаком специального субъекта в рассматриваемой сфере является наличие вверенного имущества в силу служебного положения (ст. 160 УК РФ), а также выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в НКО. Помимо этого, для данной категории преступников характерны: специальные профессиональные знания в области управления некоммерческими организациями, бухгалтерского учета или информационных технологий; высокий уровень социальной адаптации и манипулятивные компетенции, обеспечивающие эксплуатацию общественного доверия к благотворительной деятельности.

На основе анализа судебно-следственной практики предложена авторская классификация личности преступника, в зависимости от функционально-административной роли в системе финансово-хозяйственных операций фонда. Первую группу составляют руководители: директора (президенты, председатели) – 56,29%; учредители – 10,78%; лица, совмещающие управленческие должности – 9,58%; заместители руководителей – 3,59%. Данная группа характеризуется полномочиями единоличного исполнительного органа, правом действовать без доверенности и неограниченным доступом к финансовым ресурсам организации. Вторую группу образуют исполнительные работники: главные бухгалтеры и бухгалтеры – 28,14%, для которых характерен непосредственный доступ к финансовой документации и специальные знания по ведению учета.

Личность преступника оказывает определяющее воздействие на все элементы КХП. Прямая корреляционная зависимость прослеживается между профессиональными знаниями субъекта и способом совершения хищения. Должностное положение личности преступника определяет объем доступных средств (корреляция с предметом посягательства) и круг соучастников. Манипулятивные компетенции коррелируют с продолжительностью преступной деятельности до ее об-

наружения. Наличие управленческого статуса и бухгалтерских знаний непосредственно связано с возможностью формирования фиктивной отчетности и конструирования сложных финансовых схем, что определяет характер образующихся следов.

Предметом преступного посягательства при хищениях в сфере благотворительной деятельности являются денежные средства в различных формах. По данным анализа уголовных дел: безналичные денежные средства – 58,68%; наличные – 21,56%; электронные денежные средства – 13,77%; криптовалюта и иные цифровые активы – 5,99%. Преобладание безналичных средств как предмета посягательства обусловлено особенностями финансовых потоков НКО: большинство пожертвований поступает посредством безналичных расчетов через банковские переводы, электронные платежные системы и краудфандинговые платформы.

Форма денежных средств как предмета посягательства непосредственно коррелирует со способом хищения. Как подчеркивает А.Ф. Волынский, формы денежных активов (наличные, безналичные) определяют методы их хищения [11, с. 205]. Наличные средства присваиваются через прямой физический доступ; безналичные подвергаются фиктивным переводам с документальным обоснованием; криптовалюта требует применения схем анонимизации транзакций.

Обстановка совершения хищений включает совокупность условий, определяющих возможность и обстоятельства реализации противоправных действий. По справедливому замечанию Н.П. Яблокова, обстановка позволяет конкретизировать иные элементы КХП и установить взаимосвязи между ними [12, с. 45].

По месту совершения хищения распределяются следующим образом: офис благотворительного фонда – 55,09%; офисы филиалов и контрагентов – 23,35%; иные помещения с установленными терминалами и ящиками для сбора пожертвований – 13,51%; жилые помещения – 7,78%. Преобладание офисов НКО отражает системную взаимосвязь обстановки с личностью преступника и способом хищения: именно в офисных помещениях сосредоточены финансово-хозяйственная документация и электронные системы учета, обеспечивающие возможность реализации преступных схем.

Временная характеристика хищений определяется продолжительностью и систематичностью противоправной деятельности: до одного года – 28,74%; до полутора лет – 55,09%; до двух лет – 4,19%; три года и более – 1,80%. Длительность хищений нередко совпадает с периодами активного привлечения пожертвований, что позволяет следователям устанавливать хронологические рамки расследуемого преступления.

Анализ взаимосвязей между элементами КХП хищений в сфере благотворительной деятельности позволяет сформировать системную модель корреляционных зависимостей:

1) корреляция типичной исходной информацией с актуальными нормативно-правовыми источниками данных о деятельности благотворительных организаций и способом совершения хищений. Формализованный внутренний и внешний контроль за финансово-хозяйственной деятельностью благотворительной организации детерминируют выбор способа хищения, являясь первичным ориентиром расследования. Характер документальных несоответствий в отчетности НКО (фиктивные договоры, завышенные административные расходы, несоответствие задекларированных и фактических расходов) позволяет с высокой степенью вероятности соотнести выявленные нарушения с конкретными типовыми моделями преступного поведения. Данная корреляция выражается в том, что документальные и финансовые отклонения, выявляемые на первоначальном этапе расследования, отражают применяемые приемы распоряжения пожертвованиями и последовательность действий должностных лиц НКО;

2) корреляция способа хищения со следовой картиной. Полноструктурный характер способа детерминирует формирование совокупности следов на каждом из трех этапов преступной деятельности. Подготовка преимущественно коррелирует с идеальными и электронно-цифровыми следами; непосредственное совершение – с материальными и электронно-цифровыми; сокрытие – с уничтоженными или искаженными материальными и цифровыми следами;

3) корреляция личности преступника с иными элементами КХП. Сведения о личности преступника (преступников), которые объединяют элементы криминалистической характеристики через определенную функциональную систему: профессиональные навыки (административные, управленческие, бухгалтерские, финансово-экономические, информационно-технологические) – доступ к ресурсам благотворительной организации – выбор предмета преступного посягательства – выбор времени совершения хищения (интервалы отчетных периодов, периоды поступления пожертвований во время благотворительных акций и краудфандинговых кампаний по сбору средств; места совершения хищения (офисы благотворительной организации, филиалов,

контрагентов, иные помещения) – способа совершения хищения – механизма слеодообразования. Должностное положение субъекта, его профессиональные знания и манипулятивные компетенции обуславливают выбор предмета посягательства, конкретный способ хищения, состав и характер образующихся следов, а также степень латентности преступной деятельности;

4) корреляция предмета преступного посягательства и типичного способа совершения хищений с соответствующим механизмом слеодообразования – различные формы пожертвований и особенности франдрайзинга предопределяют выбор применяемых способов их преступного изъятия: от «простого» завладения имуществом до применения информационно-коммуникационных технологий с наличием объективных закономерностей механизма слеодообразования, проявляющийся в формировании совокупности материальных, идеальных и электронно-цифровых следов на каждом этапе преступной деятельности.

Использование корреляционных связей в ходе расследования соответствует позиции И.М. Комарова, Е.И. Ян и Н.Ю. Пономаренко о значении КХП для выдвижения типичных версий в условиях информационной неопределенности [13, с. 17]. При выдвижении версий о способе хищения следователь, располагая данными о несоответствиях в отчетности, вправе опереться на установленную корреляцию: наличие фиктивных договоров с аффилированными структурами с высокой вероятностью указывает на схему хищений через перечисление на счета подконтрольных лиц; систематически завышенные административные расходы – на использование механизма личного присвоения под видом законных расходов фонда.

Версии о личности преступника строятся с учетом корреляции между способом хищения и профессионально-должностными характеристиками субъекта. Применение сложных бухгалтерских схем указывает на причастность лица с экономическим образованием и доступом к финансовой документации; использование цифровых платежных инструментов – на субъекта, владеющего навыками работы с информационно-телекоммуникационными технологиями.

При планировании первоначальных следственных действий корреляционные зависимости позволяют определить: приоритетные объекты обыска (офис НКО, рабочие места подозреваемых, жилые помещения); перечень документов, подлежащих изъятию (финансово-учетная документация, уставные документы, договоры с контрагентами); круг лиц, допрос которых является первоочередным (сотрудники бухгалтерии, контрагенты, волонтеры, жертвователи); объекты для производства судебно-бухгалтерской и судебно-компьютерной экспертиз.

Прогностическая функция корреляций проявляется в возможности прогнозирования еще не выявленных элементов преступной деятельности. Обнаружение схемы хищения безналичных средств через аффилированные структуры с высокой вероятностью коррелирует с наличием нескольких соучастников, включая организатора из числа руководства НКО и исполнителей из числа бухгалтерских работников либо номинальных руководителей фирм-однодневок.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Криминалистическая характеристика хищений в сфере благотворительной деятельности представляет собой многоэлементную информационную систему, между элементами которой существуют устойчивые корреляционные зависимости, практическое использование которых является необходимым условием эффективного расследования.

Типичный способ совершения рассматриваемых хищений носит полноструктурный характер, а его выбор определяется должностным положением виновного, его профессиональными знаниями, уровнем внутреннего контроля в НКО и предметом посягательства. Установленная корреляция между способом хищения и характером следовой картины позволяет следователю обоснованно планировать систему первоначальных следственных действий.

Личность преступника в данной сфере характеризуется признаками специального субъекта, совмещающего управленческий статус, специальные профессиональные знания и манипулятивные компетенции. Выявленные корреляции с иными элементами КХП обеспечивают возможность прогнозирования не установленных следствием элементов преступной деятельности и своевременного выдвижения обоснованных версий.

Использование системы корреляционных связей элементов КХП на первоначальном этапе расследования хищений в благотворительной сфере позволяет: обоснованно выдвигать типичные версии, включая те, которые противоречат выявленным закономерностям. Знание типичной следовой картины дает возможность целенаправленно формировать перечень приоритетных объектов следственных осмотров, обысков и выемок. При назначении судебных экспертиз корреля-

ционные связи позволяют точно сформулировать вопросы для эксперта, которые будут ориентированы на выявление именно тех признаков, которые с наибольшей вероятностью отражают выбранный преступником способ сокрытия хищения.

Разработанная структура криминалистической характеристики преступлений данного вида и выявленные на ее основе корреляционные зависимости составляют аналитический фундамент системы криминалистических рекомендаций, реализация которых направлена на повышение эффективности планирования и организации первоначального этапа расследования и сокращение сроков установления причастных лиц.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Академия МВД СССР, 1979. 407 с.
2. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 304 с.
3. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М.: Экзамен, 2001. 288 с.
4. Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления. М., 1970. 44 с.
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: ЛексЭст, 2002. 1046 с.
6. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 39 с.
7. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. Волгоград, 2008. 232 с.
8. Суворова Л.А. Идеальные следы в криминалистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 24 с.
9. Устименко В.В. Специальный субъект преступления (понятие, виды, некоторые вопросы квалификации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1983. 45 с.
10. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. 504 с.
11. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 943 с.
12. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 192 с.
13. Комаров И.М., Ян Е.И., Пономаренко Н.Ю. Несколько тезисов о ситуационном подходе в современной криминалистике // Ситуационный подход в юридической науке и практике: материалы Международной науч.-практ. конф. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2017. С. 15–21.

CORRELATIONS OF ELEMENTS OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF EMBEZZLEMENT IN THE FIELD OF CHARITABLE ACTIVITIES AND THEIR SIGNIFICANCE FOR THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION

Butyaeva N.A.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the study of correlational relationships between the elements of criminalistic characteristics of embezzlement committed in the field of charitable activities. Based on the analysis of the norms of criminal and civil legislation, materials of judicial and investigative practice and special literature, typical methods, the subject of encroachment, the trace pattern, the identity of the criminal and the circumstances of the crime are considered. The revealed correlations form the information basis of a private forensic methodology for investigating embezzlement in the field of charitable activities at the initial stage.

Keywords: criminalistic characteristics of crimes, correlations, embezzlement, charitable activities, initial stage of investigation, investigation methodology.

References

1. Belkin R.S. Kurs sovetskoy kriminalistiki: v 3 t. T. 3 [Course of Soviet Criminalistics: in 3 vols. Vol. 3]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1979. 407 p.
2. Kustov A.M. Kriminalistika i mekhanizm prestupleniya: cikl lekcij [Criminalistics and the mechanism of crime: a series of lectures]. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO «MODEK», 2002. 304 p.
3. Baev O. Ya. Osnovy kriminalistiki: kurs lekcij [Fundamentals of Criminalistics: a course of lectures]. Moscow: Ekzamen, 2001. 288 p.
4. Zujkov G.G. Ustanovlenie sposoba soversheniya prestupleniya [Establishing the method of committing a crime]. Moscow, 1970. 44 p.
5. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelej kak sistema kriminalistiki [Manual for judicial investigators as a system of criminalistics]. Moscow: LeksEst, 2002. 1046 p.

6. Meshcheryakov V.A. Osnovy metodiki rassledovaniya prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii [Fundamentals of the methodology for investigating crimes in the field of computer information]: abstract of dissertation ... Doctor of Law. Voronezh, 2001. 39 p.

7. Vekhov V.B. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispol'zovanii komp'yuternoj informacii i sredstv ee obrabotki: monografiya [Fundamentals of the forensic doctrine on the investigation and use of computer information and means of its processing: monograph]. Volgograd, 2008. 232 p.

8. Suvorova L.A. Ideal'nye sledy v kriminalistike [Ideal traces in criminalistics]: abstract of dissertation ... Candidate of Law. Voronezh, 2005. 24 p.

9. Ustimenko V.V. Special'nyj sub'ekt prestupleniya (ponyatie, vidy, nekotorye voprosy kvalifikacii) [Special subject of crime (concept, types, some qualification issues)]: abstract of dissertation ... Candidate of Law. Kharkov, 1983. 45 p.

10. Gilinskij Ya.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol': monografiya [Criminology: theory, history, empirical base, social control: monograph]. St. Petersburg: Yuridicheskij centr Press, 2009. 504 p.

11. Kriminalistika: uchebnik [Criminalistics: textbook] / ed. by A.F. Volynskij, V.P. Lavrov. 2nd ed. Moscow: YUNITI-DANA: Zakon i pravo, 2013. 943 p.

12. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i problemy: monografiya [Forensic methodology of investigation: history, current state and problems: monograph]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 192 p.

13. Komarov I.M., Yan E.I., Ponomarenko N. Yu. Neskol'ko tezisev o situacionnom podhode v sovremennoj kriminalistike [Several theses on the situational approach in modern criminalistics]. Situacionnyj podhod v yuridicheskoy nauke i praktike: materialy Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta, 2017. Pp. 15–21.

Гомозова Ольга Юрьевна,
адъюнкт Московского Ордена Почета университета МВД
России имени В.Я. Кикотя
E-mail: gou_19@mail.ru

В статье исследуется категория недопустимости недобросовестного поведения применительно к наследственным правоотношениям. В рамках комплексного доктринального анализа рассматривается дискуссионный вопрос о форме вины как основании признания наследника недостойным, исследуется роль данной категории в контексте института завещательного отказа (легата), а также выявляются проблемы, связанные с наследованием цифровых активов. На основе критического анализа научных позиций и действующего законодательства сформулированы предложения de lege ferenda.

Ключевые слова: недобросовестное поведение, наследственные правоотношения, недостойные наследники, умысел, завещательный отказ, легат, цифровые активы, добросовестность, злоупотребление правом.

Наследственные правоотношения занимают особое место в системе гражданско-правового регулирования, определяемое прежде всего их нравственно-этической природой. В основе идеи наследования лежит тезис о том, что имущество собственника после его смерти должно перейти к его потомкам — идея, имеющая объективный характер и присутствующая в праве почти всех народов. Ещё Г. Мэйн в XIX веке фиксировал, что юристы предшествующих столетий утверждали: «сила завещательного акта есть сила Естественного Права... определять или контролировать посмертное распоряжение имуществом есть не-обходимое или естественное последствие самого права собственности»¹. Именно эта нравственно-этическая природа обуславливает особое значение категории недопустимости недобросовестного поведения в данной сфере.

Доктринальное осмысление указанной категории значительно опережало её законодательное закрепление. Уже К.П. Победоносцев, рассматривая нравственную природу завещания, обращал внимание на то, что в отличие от законодательств других стран отечественное право не содержало системных требований к условиям завещания. При этом условие, противоречащее общественной нравственности, не может поддерживаться законом ни с точки зрения нравственной, ни с точки зрения юридической². Г.Ф. Шершеневич также акцентировал внимание на том, что при разрешении наследственных споров следует учитывать не только юридические нормы, но и моральные принципы, которые должны служить ориентиром в правосудии³. Поскольку недобросовестность определяется через отрицание добросовестности, анализ категории недопустимости недобросовестного поведения предполагает неизбежное обращение к принципу добросовестности как её позитивному антагонисту.

Конкретным нормативным выражением данной категории в наследственном праве стал институт недостойных наследников, закреплённый в ст. 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) с принятием его третьей части в 2001 году⁴. Практическую значимость изучаемой проблематики подтверждает устойчивая тенденция роста наследственных споров. Так, за 2024 год судами Российской Федерации рассмотрено 143 807 дел, связанных с наследованием имущества, что на 5,05% больше по сравнению с 2023 годом и на 59,18% больше, чем в 2020 году⁵. В рамках настоящей статьи категория недопустимости недобросовестного поведения субъектами наследственных прав рассматривается в трёх её ключевых проявлениях: применительно к институту недостойных наследников, завещательно-му отказу (легату) и наследованию цифровых активов.

Пункт 1 ст. 1117 ГК РФ устанавливает основания признания наследника недостойным, лишая его права наследования как по закону, так и по завещанию. Речь идёт о лицах, совершивших умышленные противоправные деяния в отношении наследодателя, иных наследников либо предпринявших попытки воспрепятствовать реализации последней воли умершего, выраженной в завещании, при условии подтверждения таких обстоятельств в судебном порядке. Показательно, что законодатель сохраняет принцип уважения воли наследодателя: если последний после утраты лицом права наследования специально завещал ему имущество, данное лицо сохраняет возможность его получения, что выражает приоритет посмертного волеизъявления над охранительными мерами.

Ключевым дискуссионным вопросом применения ст. 1117 ГК РФ является форма вины, прежде всего соотношение умысла и мотива как квалифицирующих признаков недобросовестного поведения. В научной доктрине по данному вопросу сложились две принципиально различные позиции. По мнению Ю.К. Толстого, для признания наследника

¹ Мэйн Г. Древнее право: Его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / пер. с 4-го англ. изд. Н.А. Белозерской. — 2-е изд. — М.: Краснодар, 2011. С. 138.

² Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. — М.: Статут. 2003. С. 551–553.

³ Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. С. 705–708.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон РФ от 26 ноября 2001 г. № 147-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2001 г. № 49 ст. 4552.

⁵ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 11.01.2026).

недостойным необходимо, чтобы его действия изначально совершались с целью завладения имуществом наследодателя¹.

Принципиально иной позиции придерживается О.Ю. Шилохвост, полагающий, что основное значение для отстранения от наследования имеет сам факт совершения умышленного противоправного деяния, тогда как мотив не является существенным для принятия решения². Развивая данную позицию, автор указывает на то, что истинный смысл законодательной конструкции состоит в следующем: от наследования должен отстраняться не только наследник, совершивший умышленные противоправные действия в интересах третьего лица, но и само это третье лицо, поскольку наследственные права, возникшие в результате правонарушения, не могут и не должны защищаться, даже если претендующее на них лицо непосредственного отношения к правонарушению не имело. Тем самым подход О.Ю. Шилохвоста существенно расширяет охранительную функцию нормы, препятствуя легитимации результатов недобросовестного поведения через фигуру третьего лица.

Д.А. Лисицын справедливо замечает, что указание на противоправность действий в отношении наследодателя само по себе открывает возможность для расширительного толкования нормы³. Это наблюдение имеет принципиальное значение: именно через расширительное толкование судебная практика последовательно противодействует новым, более изощренным формам недобросовестного поведения в наследственной сфере.

Постановление Пленума ВС РФ № 9 от 29 мая 2012 г. «О судебной практике по делам о наследовании»⁴ прямо регламентирует, что обстоятельства, указанные в п. 1 ст. 1117 ГК РФ, являясь основанием для отстранения от наследования в случае их подтверждения в судебном порядке (например, решением о признании недействительности завещания, совершенного под влиянием насилия или угрозы).

Показательно в этом отношении Определение Верховного Суда РФ от 2 февраля 2021 г. № 46-КГ20-28-К6. Суд отказал в восстановлении срока для принятия наследства наследнику, ранее не признанному недостойным, указав, что нежелание интересоваться жизнью наследодателя и отсутствие поддержания родственных отношений не являются уважительными причинами пропуска срока⁵. Данная правовая позиция демонстрирует тенденцию к учёту нравственного критерия, специфики семейных и личностных связей, наряду с формально-юридическими требованиями, что соответствует охранительной функции категории недопустимости недобросовестного поведения.

Автор настоящей статьи полагает, что именно позиция О.Ю. Шилохвоста в большей мере отвечает как нравственно-этической природе института недостойных наследников, так и задачам защиты наследственных прав добросовестных участников оборота. Подход Ю.К. Толстого, требующий установления корыстной цели как обязательного элемента умысла, существенно сужает сферу применения нормы и создаёт риск её обхода путём декларирования иных мотивов. Важна в этой связи и позиция О.Ю. Шилохвоста относительно третьих лиц: наследственные права, приобретённые вследствие правонарушения, не подлежат защите независимо от непосредственного участия третьего лица в этом правонарушении, иное означало бы легитимацию результатов недобросовестного поведения.

Самостоятельной проблемой является недействительность завещания как инструмент противодействия недобросовестному поведению. З.И. Магомедова⁶ и Ю.К. Толстой⁷ солидарны в том, что обращение в суд с заявлением об истолковании юридически ненадлежащего завещания без постановки вопроса о признании его недействительным является ошибочным. Причиной такой позиции является тот факт, что если вопрос о действительности завещания возник, то все-таки имеется спор о праве.

Три ключевых условия действительности завещания, а именно, его нотариальная форма, соответствие свидетелей требованиям п. 2 ст. 1124 ГК РФ и собственноручность подписания завещателем в со-

ответствии с ч. 3 ст. 1125 ГК РФ, «очерчивают» пространство, в котором недобросовестное воздействие на волеизъявление наследодателя наиболее вероятно. К примеру, подписание завещания иными лицами за пожилых или немощных завещателей под психологическим давлением или путём обмана является одной из наиболее распространённых форм недобросовестного поведения, влекущих оспаривание совершённого завещания.

Необходимо также остановиться на субъектном составе правоотношений по реализации механизма защиты наследственных прав. Т.В. Савина справедливо обращает внимание на то, что наследственные правоотношения имеют неполный субъектный состав вследствие смерти наследодателя, однако эта бессубъектность является относительной: наследование как особый вид правоотношений находится в публично-правовой плоскости и требует обеспечения со стороны уполномоченных субъектов, в частности, нотариуса⁸. Законодатель определяет в качестве заинтересованных лиц, уполномоченных на реализацию механизма защиты прав достойных наследников, субъектов, рассчитывающих на увеличение причитающейся им доли наследства. Представляется обоснованным расширение данного круга за счёт органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов РФ, которые приобретают самостоятельный интерес в правоотношениях по признанию наследника недостойным в случаях, когда это может повлечь переход выморочного имущества.

Одним из проявлений категории недопустимости недобросовестного поведения в наследственных правоотношениях является институт завещательного отказа (легата). В соответствии с п. 1 ст. 1137 ГК РФ завещательный отказ представляет собой возложение наследодателем на одного или нескольких наследников обязанности имущественного характера в пользу третьего лица – отказополучателя (легатария). Изменения наследственного законодательства 2018 года расширили способы установления завещательного отказа: он может быть предусмотрен, в том числе, в наследственном договоре (ст. 1140 ГК РФ).

Правовая природа легатария определена В.И. Серебровским: «в отличие от наследника как преемника универсального сингулярный преемник не является преемником в совокупности имущественных прав наследодателя, а получает только одно или несколько определённых имущественных прав»⁹. Легатариус реализует свои имущественные права и интересы за счёт действий наследников, не становясь универсальным преемником наследодателя, что обуславливает особый характер его правовой связи с наследником и специфику проявления недобросовестного поведения в данных правоотношениях. Уклонение наследника от исполнения завещательного отказа при фактическом принятии наследства образует самостоятельную форму недобросовестного поведения, одновременно нарушающую волю наследодателя и имущественные интересы отказополучателя.

Ст. 1135 ГК РФ возлагает на исполнителя завещания обязанность требовать исполнения завещательного отказа от наследников. При этом самостоятельное исполнение легата душеприказчиком не допускается в силу того, что исполнитель завещания не вправе распоряжаться наследственным имуществом. Отдельного рассмотрения в контексте категории недопустимости недобросовестного поведения заслуживают случаи, когда отказополучателю предоставляется право пользования недвижимым имуществом. В действующем законодательстве отсутствует регулирование ситуаций, когда квадратура жилого помещения не позволяет совместного проживания наследника и легатария, не затронуты и вопросы соотношения материального положения сторон при определении объёма обременения. Данные пробелы создают почву для недобросовестного поведения как со стороны наследника, уклоняющегося от исполнения легата, так и со стороны отказополучателя, злоупотребляющего предоставленными ему правами.

Вместе с тем институт завещательного отказа не получил достаточного развития в отечественном законодательстве и правоприменительной практике в отличие от зарубежных правовых систем, в которых легат является широко используемым инструментом посмертного распоряжения имуществом.

Анализ позволяет выделить две взаимосвязанные проблемы. Первая состоит в невыгодности конструкции для наследника. Принимая наследство, он вынужден исполнять имущественное обязательство в пользу легатария, которое нередко оказывается явно несоразмерным стоимости полученного имущества, в том числе в виде пожизненных выплат значительных денежных сумм. Действующее гражданское законодательство не предусматривает механизма судебного уменьшения или преобразования легата при такой несоразмерности.

⁸ Савина Т.В. Гражданско-правовой механизм защиты прав достойных наследников: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Ульяновск, 2021. С. 34.

⁹ Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В.И. Серебровский – М.: Статут, 2003. С. 157.

¹ Толстой Ю.К. Гражданское право: учебник для студентов вузов в 3 томах. М.: Проспект. 4-е издание. 2004. С. 783.

² Шилохвост О.Ю. Наследование по закону в российском гражданском праве / О.Ю. Шилохвост. М.: Норма, 2006. С. 34–35.

³ Лисицын Д.А. Основания и порядок отстранения от наследования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. № 19 (236). С. 76–77.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 9 от 29 мая 2012 г. «О судебной практике по делам о наследовании» // «Российская газета» от 6 июня 2012 г. № 127.

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2021 г. № 46-КГ20-28-К6 по делу № 2-6919/2019 // <https://sudact.ru/vsrfdoc/rfMmR9CxtSxb/2ysclid=mgtraw3n0535726878> (дата обращения: 11.06.2025).

⁶ Магомедова З.И. Признание завещания недействительным // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 2. С. 259.

⁷ Толстой Ю.К. Гражданское право: учебник. Часть 3. – Москва: Проспект. 1998. С. 548.

Вторая проблема носит системный характер: фактическое отсутствие судебной практики по отмене завещательного отказа и частые случаи его неисполнения свидетельствуют о не востребоваемости института, обусловленной сложностью его конструкции и недостаточной освещённостью участников оборота.

В целях устранения выявленных пробелов представляется обоснованным, во-первых, законодательно закрепить право наследника обратиться в суд с требованием об уменьшении легата или его преобразовании в единовременную выплату в случае явной несоразмерности завещательного отказа стоимости полученного наследства, по аналогии с механизмом существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ¹). Во-вторых, провести реформирование института с учётом зарубежного опыта: упростить порядок установления завещательного отказа, расширить перечень его форм и ввести механизм нотариального мониторинга исполнения легата в интересах отказополучателя.

Третьим проявлением категории недопустимости недобросовестного поведения субъектами наследственных прав, обусловленным интенсивным развитием цифровых технологий, является вопрос о наследовании цифровых активов. Согласно ст. 1112 ГК РФ, в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю материальные объекты, имущественные комплексы, а также связанные с ними права и обязательства. Данная норма теоретически допускает включение в её состав аккаунтов в социальных сетях, с учётом имущественной природы исключительных прав на размещённый в них контент, однако практическое разрешение данного вопроса существенно осложняется.

В доктрине определение аккаунта остаётся дискуссионным. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитоновы рассматривают аккаунт как совокупность данных о пользователях в виде информации, содержащейся в учётной записи о конкретном человеке, а также элемент сетевой инфраструктуры, служащий для обмена информацией и данными². В 2015 году предпринималась попытка законодательно закрепить понятие социальной сети и аккаунта пользователя путём внесения изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: социальная сеть определялась как сайт в сети Интернет, где зарегистрированные пользователи могут самопредставлять себя посредством регистрации своих профилей; аккаунт – как страница конкретного пользователя, ведущего добровольное содержательное наполнение. Однако законопроект не получил дальнейшего движения³.

Федеральная нотариальная палата занимает более широкую позицию. Аккаунты в социальных сетях рассматриваются как цифровые активы, подлежащие включению в наследственную массу, поскольку нотариальная практика квалифицирует их в качестве результатов интеллектуальной деятельности, а именно фотоматериалов, видеозаписей, текстовых публикаций. Особую ценность в этом отношении представляют бизнес-аккаунты, приносящие их владельцам доходы от рекламной и иной коммерческой деятельности⁴. В 2025 году Государственная Дума РФ вновь инициировала нормативное разрешение данного вопроса, предложив ввести в ГК РФ понятие «цифровое наследство» и определить статус цифровых активов как объектов завещания⁵. Между тем вопрос о судьбе данной инициативы остаётся открытым, предшествующие попытки правового регулирования указанной сферы оказались безуспешными.

В доктрине предлагается альтернативная концепция, заимствованная из англо-американской правовой традиции, признание категории «виртуального имущества», предоставляющей наследникам доступ не только к социальным профилям умершего, но и к его электронной переписке, истории платежей и иным цифровым следам. Адаптация данной модели к российской правовой системе встречает существенные препятствия: отечественное законодательство допускает наследование лишь имущественных прав на объекты интеллектуальной деятельности в цифровом формате, тогда как расплывчатая дефиниция

«цифровых прав», закреплённая в ст. 141.1 ГК РФ, не позволяет однозначно квалифицировать права на аккаунты социальных сетей в их качестве. Отнесение профилей в социальных медиа к категории виртуального имущества представляется в действующем правовом контексте юридически некорректным. Более обоснованным является подход, ограничивающий наследственное правопреемство исключительно правами на конкретные объекты интеллектуальной собственности в цифровой форме, тогда как личная информация пользователя в силу ст. 128 ГК РФ не может рассматриваться как самостоятельный объект гражданских правоотношений.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиальную связь данной проблематики с категорией недопустимости недобросовестного поведения. Отсутствие чёткого законодательного регулирования статуса цифровых активов в составе наследственной массы само по себе создаёт условия, в которых участники наследственных правоотношений способны эксплуатировать существующий правовой пробел. Создаются условия, при которых наследник вправе умолчать о наличии у наследодателя цифровых активов значительной стоимости, нотариус лишён надлежащих инструментов для их выявления, а платформы не обязаны предоставлять наследникам доступ к учётным записям умершего.

Подводя итоги всему вышеизложенному, стоит отметить, что нравственно-этическая природа категории недопустимости недобросовестного поведения в наследственных правоотношениях предопределяет специфику её законодательного воплощения и порождает ряд актуальных доктринальных и правоприменительных проблем, рассмотренных в настоящей статье.

Литература

1. Лисицын Д.А. Основания и порядок отстранения от наследования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2011. № 19 (236).
2. Магомедова З.И. Признание завещания недействительным // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 2.
3. Мэйн Г. Древнее право: Его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / пер. с 4-го англ. изд. Н.А. Белозерской. – 2-е изд. – М.: Краснодар, 2011.
4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. – М.: Статут. 2003.
5. Савина Т.В. Гражданско-правовой механизм защиты прав достояния наследников: дисс... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Ульяновск, 2021.
6. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020.
7. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В.И. Серебровский – М.: Статут, 2003.
8. Толстой Ю.К. Гражданское право: учебник для студентов вузов в 3 томах. М.: Проспект. 4-е издание. 2004.
9. Толстой Ю.К. Гражданское право: учебник. Часть 3. – Москва: Проспект. 1998.
10. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017.
11. Шилохвост О.Ю. Наследование по закону в российском гражданском праве / О.Ю. Шилохвост. М.: Норма, 2006.

INADMISSIBILITY OF BAD-FAITH CONDUCT BY SUBJECTS OF INHERITANCE RIGHTS

Gomozova O.J.

Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

This article examines the category of inadmissibility of bad faith behavior as applied to inheritance legal relationships. Through a comprehensive doctrinal analysis, it addresses the controversial issue of the form of guilt as the basis for declaring an heir unworthy, examines the role of this category in the context of the institution of testamentary bequest (legacy), and identifies issues related to the inheritance of digital assets. Based on a critical analysis of scientific positions and current legislation, proposals are formulated.

Keywords: bad faith behavior, inheritance legal relationships, unworthy heirs, intent, testamentary bequest, legacy, digital assets, good faith, abuse of rights.

References

1. Lisitsyn D.A. Grounds and Procedure for Disqualification from Inheritance // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2011. No. 19 (236).
2. Magomedova Z.I. Invalidation of a Will // Problems of Economics and Legal Practice. 2008. No. 2.
3. Main G. Ancient Law: Its Connection with the Ancient History of Society and Its Relation to Modern Ideas / translated from the 4th English edition by N.A. Belozerskaya. – 2nd ed. – Moscow: Krasnodar, 2011.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.

² Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. С. 238.

³ Законопроект № 883844-6 «О внесении изменений в статьи 2 и 10-2 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» (в архиве) – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/883844-6> (дата обращения 01.02.2026).

⁴ «ФПН рассказала о порядке наследования аккаунтов в соцсетях и других цифровых активов» / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1465865/?ysclid=mhesv6qzpj706628794> (дата обращения: 01.02.2026).

⁵ «Речь идет не только о заработке: в России могут разрешить передавать аккаунты в соцсетях по наследству» / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rg.ru/2025/08/11/blozhij-dar.html?ysclid=mhes94glr606497929> (дата обращения: 15.11.2025).

4. Pobedonostsev K.P. Course in Civil Law. Part Two: Family, Inheritance, and Testamentary Rights. – Moscow: Statut. 2003.

5. Savina T.V. Civil-law mechanism for protecting the rights of worthy heirs: diss... candidate of legal sciences: 12.00.03. – Ulyanovsk, 2021.

6. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital assets: legal analysis: monograph. Moscow: 4 Print, 2020.

7. Serebrovsky V.I. Selected works on inheritance and insurance law / V.I. Serebrovsky – Moscow: Statut, 2003.

8. Tolstoy Yu.K. Civil law: textbook for university students in 3 volumes. Moscow: Prospect. 4th edition. 2004.

9. Tolstoy Yu.K. Civil law: textbook. Part 3. – Moscow: Prospect. 1998.

10. Shershenevich G.F. Selected Works. Vol. 5: Textbook of Russian Civil Law / Introduction, compiled by P.V. Krashennnikov. Moscow: Statut, 2017.

11. Shilokhvost, O. Yu. Inheritance by Law in Russian Civil Law / O. Yu. Shilokhvost. Moscow: Norma, 2006.

О частноправовых основах комплексного регулирования цифрах прав и цифровых валют, заложенных в основу Законопроекта № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах»

Ионцев Михаил Анатольевич,

к.ф.-м.н., доцент кафедры банковского права, МГЮА; доцент базовой кафедры Банка России, НИУ ВШЭ; Руководитель проектов Юридического департамента, Банк России
E-mail: mikhail.iontsev@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу правовой природы цифровых прав и цифровых валют в контексте стремительного развития цифровой экономики. Актуальность темы обусловлена масштабным ростом капитализации рынка цифровых активов к 2025 году и их интеграцией в классический финансовый сектор. Автором исследуется проблема отсутствия единого частноправового режима для данных объектов в российском законодательстве. В работе критически оцениваются нормы Гражданского кодекса РФ и специальных федеральных законов, регулирующих оборот цифровых активов. Выявлены ключевые правовые уязвимости цифрового сегмента рынка, а также проблемы квалификации и защиты прав участников гражданского оборота. По результатам исследования аргументирована необходимость совершенствования действующего законодательства и приведения его в соответствие с имманентной частноправовой природой цифровых валют.

Особое внимание уделено межотраслевым коллизиям, возникающим при квалификации субъективных гражданских прав, а также специфике их возникновения, перехода и защиты в условиях цифровизации. Выявлены ключевые правовые уязвимости цифрового сегмента рынка, продемонстрирована его скрытая взаимосвязь с традиционными институтами. По результатам исследования аргументирована необходимость системного совершенствования законодательства и приведения его в соответствие с имманентной частноправовой природой цифровых валют.

Ключевые слова: цифровые права, цифровая валюта, гражданский оборот, объекты гражданских прав, Гражданский кодекс РФ, цифровая экономика, частноправовой режим, финансовый рынок, правовое регулирование, защита прав участников оборота.

Регулирование оборота цифровых прав и цифровых валют может быть основано также только по итогу выявления и систематизации основных видов и типов гражданских правоотношений в указанной сфере, определением ключевых субъектов, объектов и классификацией указанных элементов. Также международное сотрудничество в регулировании цифровых прав и цифровых валют затрудняется именно ввиду отсутствия стандартизированных определений и классификаций. Отсутствие системного представления о гражданском обороте цифровых прав и цифровых валют является одной из ключевых проблем, связанных с регуляторным «туризмом», так как регуляторы хоть и вырабатывают свою собственную классификацию, основанную на экономических функциях различных видов токенов (например, средство платежа, средство сбережения, средство корпоративного управления), но эти классификации различаются в зависимости от юрисдикции и создают проблемы для трансграничной деятельности, требующей совместного надзора и взаимодействия между несколькими органами и юридической совместимости регулирования оборота цифровых прав и уровне.

Особую актуальность регулированию придает отсутствие в отечественной цивилистической науке единого подхода к соотношению цифровых валют и цифровых прав, их разграничению с иными объектами, выпуск учет и обращение которых осуществляется в информационных системах, организованных в соответствии с принципами распределённого реестра [1]. Различные научные концепции не позволяют выработать единые критерии определения их правовой природы и особенности гражданско-правового режима, что негативно сказывается на правоприменительной практике. Исследователи [2] и субъекты гражданского оборота цифровых прав и цифровых валют часто используют неофициальную или разнородную лексику, которая неточно отражает их юридическую, технологическую структуру или экономическое содержание. Актуальность анализа существующего регулирования гражданского оборота цифровых прав и цифровых валют также выражалась представителями Правительства Российской Федерации. Отсутствие общего догматического аппарата в сфере регулирования оборота цифровых прав и цифровых валют создает проблемы в правоприменении, в частности приводит к некорректным выводам судебной практики и отсутствию ее единообразия при рассмотрении споров, связанных с цифровыми валютами.

В связи с активным развитием применения распределённого реестра на финансовом рынке, возникает объективная необходимость формирования общей теоретической модели частноправового режима цифровых валют и цифровых прав, учитывающей особенности их цифровой формы существования, способы осуществления субъективных гражданских прав и механизмы их гражданско-правовой защиты.

Активное обсуждение цифровых валют началось в 2011 г. С 2012 г. к проблеме привлечено внимание ведущих средств массовой информации. Научный анализ новых объектов гражданских прав предпринимали сначала технические специалисты, уделявшие особое внимание их криптографической составляющей [3]. Кроме того, специалисты нескольких ведущих центральных банков провели исследования, посвященные значению и роли цифрового имущества в банковской системе, а финансовые аналитики – влиянию на финансовую стабильность отдельных видов цифровых валют [4]. Однако до сих пор почти не появлялись научные работы, анализирующие системно оборот цифровых прав и цифровых валют.

Отдельные вопросы, связанные с актуальными проблемами гражданского оборота цифровых валют и цифровых прав, поднимались в цивилистике еще до внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, связанных с признанием цифровых прав в качестве объекта гражданских прав. В частности, масса исследований была посвящена правовой природе цифровых валют. Так, в работе Л.А. Новоселовой приводится квалификация цифровой валюты «Bitcoin» (далее – BTC) в качестве объекта гражданских прав, в том числе с использованием методологии сравнительно-правового анализа. Также в труде А.И. Савельева приводится анализ не только BTC, но и цифровых валют в целом – как класса имущества; определяются правила их оборота. Следует отметить, что указанное исследование не основано на позитивном регулировании и во многом связано с догматическим анализом отечественной цивилистики.

Отдельного внимания заслуживают исследования, направленные на систематизацию терминологического аппарата. Так, в работе Л.В. Санниковой [5] поднята проблема терминологического аппарата и технологически нейтрального регулирования оборота отдельных видов имущества, выпуск, учет и обращение которого осуществляется в распределенном реестре. Исследованиям природы цифровой валюты и криптовалюты посвящены работы Л.Ю. Василевской.

По мере роста интереса к проблемам и особенностям организации выпуска и обращения цифровых прав и цифровых валют все более актуальным в научной литературе становится вопрос о концептуализации понятия цифрового имущества. В труде В.К. Андреева [6] отмечается необходимость концептуализации понятия цифрового имущества, хотя и не приводятся конкретные примеры и аспекты осуществления указанной догматической работы. Концептуализация цифрового имущества начинается с работы А.Ю. Толкачева, М.Б. Жужалова [7], в которой был поставлен вопрос о допустимости использования указанного термина и его функциональном назначении. Так, обоснованную критику понятия цифрового имущества приводит Е.А. Суханов, в работе которого делается вывод об отсутствии необходимости выделять самостоятельное понятие цифрового имущества как отдельного вида имущества, однако не анализируется вопрос, обладают ли объекты гражданских прав, составляющих категорию цифрового имущества, общими признаками, и если да, то какими. В статье Н.А. Петракова делается вывод о допустимости выделения категории цифрового имущества из-за особенностей оборота объектов гражданских прав, которые охватываются указанным понятием. Функциональность выделения понятия цифрового имущества указана в работе А.В. Чигилейчик, а также в труде М.А. Рожковой.

Принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) и Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о привлечении инвестиций) вызвало новый интерес к особенностям выпуска, учета и обращения цифровых прав, а также выпуска и обращения цифровых валют, который в большей или меньшей степени был реализован в трудах многих отечественных правоведов, в том числе: С.Л. Будылина [8], О.В. Борисовой, Т.В. Дерюгиной, Л.Г. Ефимовой [9], В.В. Кресса, А.М. Мрдеян, М.А. Успенского, Р.М. Янковского [10].

Так работы, связанные с позитивным регулированием, сосредоточены на анализе сходств и различий цифровых прав и цифровых валют. Например, в работе Л.Г. Ефимовой [11] впервые приводится классификация имущества, выпуск, учет и обращение которого осуществляется в информационной системе на основе распределенного реестра, среди которого выделяются различные виды цифровых валют, а также проводится анализ выпуска, учета и обращения цифровых прав. Комплексная концептуализация понятия цифровой валюты приводится впервые в работе М.А. Егоровой и Л.Г. Ефимовой [12]. Отдельного внимания заслуживает работа А.Г. Гузнова, посвященная месту цифровых прав и цифровых валют в системе объектов гражданского права. Так, ученый емко и точно характеризует природу цифровых прав, называя их цифровыми ценными бумагами. Отдельно природа цифровых прав после появления позитивного регулирования раскрыта в научно-практических статьях [13], где ряд цивилистов высказались о функции легитимации цифровых прав. Отдельного внимания заслуживает статья Л.Ю. Михеевой [14] в отношении цифровых акций. Отдельно проблематика регуляторного арбитража, возникающего в связи с формированием рынка цифровых прав, затронута в публикации А.В. Асоскова.

Правовой природе цифровых валют после появления позитивного регулирования также посвящен ряд исследований, например, труды И.В. Фролова, Е.А. Кирилловой и Т.Э. Зулфугарзаде, Р.В. Амелина и С.Е. Чаннова, Н.Е. Абрамовой, С.Я. Боженков и О.В. Веремеевой. В работе В.Ф. Попондопуло поднят вопрос о круге отношений, которые связаны с оборотом цифровых валют. Ученый пришел к выводу о необходимости правового развития институтов оборота цифровых валют и их имплементации в законодательство. Предложение развития доктринальных изысканий на указанную тему было поддержано в работе И.В. Цветкова, С.Ю. Филипповой. Характеристика правоотношений, складывающихся в связи с совершением сделок с цифровыми валютами, в качестве цифровых правоотношений, которым свойственны специфические особенности, отличающие их от иных видов правоотношений, предложена в труде О.А. Городова. Дальнейшее рассмотрение оборота цифровых прав и цифровых валют развивалось через призму так называемых цифровых правоотношений, например,

в работах Е.Б. Пудзовой, Ж.Ю. Юзефович, Р.Б. Головкина, Т.В. Дерюгиной. Отдельного внимания требует труд Н.Е. Бровкиной, в котором была предпринята первая попытка рассмотрения с точки зрения частного права компонентов оборота цифровых прав и цифровых валют: выпуска, учета и обращения.

Ключевым вкладом в развитие сравнительно-правовых и отдельных аспектов регулирования оборота цифровых прав и цифровых валют можно назвать диссертационные исследования М.Л. Башкатова, И.В. Коржовой, Ф.П. Орлова, А.Х. Сафарли. Однако указанные исследования во многом сфокусированы либо на экономических, либо на публично-правовых аспектах, связанных с оборотом цифровых валют. Отдельные вопросы защиты личных неимущественных прав лиц в виртуальном пространстве рассматривались в работе С.А. Сеницына.

Одной из целей регулирования является унификация правовых режимов отдельных объектов частного права, согласно которой правовые режимы цифровых прав и цифровых валют при совершении сделок с ними в открытых информационных системах являются тождественными, несмотря на принципиальные различия в их правовой природе и основаниях возникновения.

Новым регулированием, во-первых, определены критерии и виды специальных видов профессиональной деятельности на рынке цифровых прав и цифровых валют с целью построения полноценной системы посредников, обеспечивающих обращение цифровых прав и цифровых валют. Во-вторых, конкретизированы запреты на совершение сделок с цифровыми правами и цифровыми валютами с целью сокращения неопределенности правового регулирования. В-третьих, определено, что при развитии законодательства в указанной сфере не требуется установление регулирования отношений между узлами и операторами открытых информационных систем, в силу их урегулированной общими положениями ГК РФ. Новое регулирование строится на следующих цивилистических выводах.

Цифровые права и цифровые валюты, которые выпущены и обращаются в открытых информационных системах на основе распределенного реестра, обладают одинаковым частноправовым режимом и могут использоваться в качестве как средства платежа (частных денег), так и объекта инвестирования. Учет цифровых прав и цифровых валют в открытых информационных системах на основе распределенного реестра осуществляется посредством зачисления и списания токенов на адрес-идентификатор правообладателя, который он открывает самостоятельно, то есть независимо от волеизъявления третьих лиц. При этом по общему правилу совершение сделок с цифровыми правами и цифровыми валютами, которые учитываются на адресах-идентификаторах, не зависит от воли третьих лиц.

Гражданское законодательство не запрещает совершение сделок, включая распорядительные, с цифровыми правами и цифровыми валютами через юридических посредников. Так, учет цифровых прав и цифровых валют в закрытой информационной системе, которая не использует технологию распределенного реестра, осуществляется на цифровом счете, который по своему правовому режиму аналогичен счету-депо, при этом распоряжение цифровыми правами в таком случае возможно только посредством обращения к посреднику.

Так, цифровым правом признается способ легитимации любых имущественных субъективных гражданских прав, как относительных (обязательственных и корпоративных), так и абсолютных (вещные и исключительные), содержание и пределы осуществления которых определяет эмитент цифровых прав в решении о выпуске цифровых прав.

Цифровой валютой признается способ легитимации только бессрочного абсолютного имущественного права *suī generis*, объектом которого является последовательность символов или цифровой код, то есть нематериальный объект (токен). Содержание такого абсолютного имущественного права и пределы его осуществления определяются информационной системой и являются неизменными на протяжении всего срока ее существования.

Правовой режим цифровых прав имеет следующие отличия от правового режима бездокументарных ценных бумаг:

- бездокументарные ценные бумаги являются способом легитимации только тех субъективных гражданских прав, которые прямо названы и перечислены в законе, вместе с тем в отношении цифровых прав законодатель не устанавливает *numerus clausus*, перечисляя лишь природу отдельных видов имущественных прав, которые могут быть выпущены в цифровой форме;

- бездокументарные ценные бумаги не могут учитываться децентрализованно посредством распределенного реестра, то есть распоряжение допустимо только посредством обращения к депозитарию или регистратору, при этом цифровые права могут учитываться любыми способами.

Цифровые валюты являются самостоятельным новым объектом гражданских прав, а именно новым видом абсолютного имущественного права *sui generis*. При этом правовой режим цифровых валют имеет следующие отличия от правового режима цифровых прав:

- цифровые валюты фиксируют только абсолютное имущественное субъективное гражданское право;
- цифровые валюты не фиксируют относительные имущественные права, так как обладатель цифровой валюты не имеет обязательственных прав (требований) в отношении лиц, организующих выпуск цифровой валюты;
- создание новых единиц цифровых валют (выпуск цифровых валют) осуществляется программными средствами без волеизъявления какого-либо лица, т.е. цифровые валюты возникают автоматически в информационной системе на основе распределенного реестра в соответствии с ее правилами.

Правовой режим цифровых валют имеет следующие отличия от правового режима движимых вещей:

- цифровая валюта не имеет материального, физически осязаемого выражения;
- в отношении цифровой валюты невозможно предъявление виндикационного иска, а защита управомоченного обладателя цифровой валюты возможна посредством предъявления иска, который побуждал бы ответчика совершить перевод цифровой валюты управомоченному обладателю.

Цифровые права возникают в момент их зачисления первому правообладателю на его адрес-идентификатор или цифровой счет. Правовым основанием возникновения цифровых прав является гражданско-правовой договор любого типа, который может быть заключен между первым приобретателем и эмитентом цифровых прав, предметом такого договора является переход права на объект договора (договор купли-продажи, поставки и т.п.), а также сложные юридические составы, например, заключение договора займа посредством выпуска облигаций. Решение о выпуске цифровых прав следует считать офертой на заключение указанного договора, а акцептом – любые конклюдентные действия первого приобретателя цифровых финансовых активов, направленные на их приобретение в соответствии с правилами информационной системы.

Основанием перехода цифровых прав между правообладателями является гражданско-правовой договор любого типа, который может быть заключен между этими правообладателями, если объектом обязательства из этого договора является действие по передаче права на токен (договор купли-продажи, поставки, дарения и т.п.), а также некоторые виды односторонних сделок, например, принятие наследства.

Утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы являются разновидностями цифровых прав, различие между которыми сводится к содержанию имущественных прав, указанному эмитентом цифровых прав в решении о выпуске.

Так, утилитарные цифровые права представляют собой способ легитимации только обязательственных прав (требований), прямо перечисленных в законодательстве. Основанием возникновения утилитарных цифровых прав являются любые гражданско-правовые договоры, предметом которых являются товары, работы, услуги, и которые всегда включают условие о коммерческом кредитовании.

Вместе с тем цифровые финансовые активы являются разновидностью цифровых прав, которые представляют собой способ легитимации как обязательственных и корпоративных, так и вещных прав, перечисленных в законе. Доказано, что основанием возникновения цифровых финансовых активов является любой гражданско-правовой договор, условиями которого может предусматриваться предоставление: денежных средств, эмиссионных ценных бумаг, а также отдельных прав из эмиссионных ценных бумаг. Также предметом решения о выпуске цифровых финансовых активов может быть сложный юридический состав, например, утверждение устава непубличного акционерного общества и размещение его акций на адресе-идентификаторе или цифровом счете эмитента.

Если выпуск и учет цифровых прав осуществляется в закрытых информационных системах, построенных на основе распределенного реестра, то основанием предоставления доступа к такой системе является заключение договора между оператором информационной системы и эмитентом цифровых прав.

Договор между оператором информационной системы и эмитентом цифровых прав является договором фактического посредничества. В рамках указанного договора оператор лишь содействует заключению сделок, предметом которых являются цифровые права, при этом не совершает никаких юридических действий. Указанный договор заключается путем присоединения эмитента цифровых прав к прави-

лам информационной системы, разработанным и предложенным оператором (договор присоединения).

Во исполнение указанного договора оператор информационной системы обязывается оказывать содействие пользователям информационной системы по заключению ими сделок с цифровыми правами, в том числе путем предоставления информации о возможных контрагентах сделок, а также оказывать сопутствующие услуги: по обеспечению информационной безопасности, операционной непрерывности информационной системы, продвижению информационной системы с целью привлечения внимания большего количества первых приобретателей цифровых прав. Указанные функции оператора информационной системы соответствуют функциям фактического посредника.

Оператор информационной системы является фактическим посредником, который действует в интересах своих пользователей.

Если выпуск и учет цифровых прав осуществляется в открытых информационных системах, построенных на основе распределенного реестра, то основанием предоставления доступа к такой системе является заключение договора между оператором информационной системы и эмитентом цифровых прав. Такой договор является договором оказания услуг. В рамках указанного договора оператор не содействует заключению сделок, предметом которых являются цифровые права, а только предоставляет программно-аппаратные средства для использования открытых информационных систем на основе распределенного реестра. Указанный договор заключается путем присоединения эмитента цифровых прав к правилам информационной системы, разработанным и предложенным оператором (договор присоединения).

Основания возникновения цифровых валют у правообладателя можно разделить на первоначальные и производные. К первоначальным относится создание новых единиц цифровых валют и их автоматическое зачисление на адреса-идентификаторы лиц, которые организуют ее выпуск (например, в виде комиссии за майнинг). Производным основанием является осуществление операций в распределенном реестре, связанным с отчуждением цифровых валют, которые в этом случае переходят от одного правообладателя к другому.

Выпуск, учет и обращение цифровых валют осуществляется в информационных системах, построенных на основе распределенного реестра, доступ к которому является открытым, т.е. не контролируется каким-либо третьим лицом. Вместе с тем совершение и исполнение сделок с цифровой валютой зависит от фактических действий третьих лиц, организующих выпуск цифровой валюты. Отношения между лицами, организующими выпуск цифровой валюты, и обладателями цифровой валюты могут быть квалифицированы как действия в чужом интересе без поручения (*negociorum gestio*), так как:

- между указанными лицами отсутствуют договорные отношения;
- направленность воли лиц, организующих выпуск цифровой валюты, на получение выгоды для обладателей цифровой валюты;
- отсутствие поручений со стороны обладателей цифровой валюты;
- отсутствие у лиц, организующих выпуск цифровой валюты, полномочий на совершение в интересах обладателей цифровой валюты действий.

Литература

1. Ocampo D.G., Branzoli N., Custamo L. Crypto, tokens and DeFi: navigating the regulatory landscape // FSI Insights on policy implementation № 49. May 17, 2023.
2. Гаврин Д.А. Особенности обращения взыскания на криптовалюты в процедуре несостоятельности (банкротства) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 35–44.
3. Narayanan A. et al. Bitcoin and Cryptocurrency Technologies: A Comprehensive Introduction. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.
4. Conlon Th., Shaen C., McGee R. Are cryptocurrencies a safe haven for equity markets? An international perspective from the COVID-19 pandemic // Research in International Business and Finance. 2020. June. P. 101–248.
5. Санникова Л.В. Цифровые активы и технологии: некоторые правовые проблемы выработки понятийного аппарата / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитоновна // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 25–30.
6. Андреев В.К. О понятии цифровых прав и их оборотоспособности // Журнал предпринимательства и корпоративного права. 2018. № 2(10). С. 38–41.
7. Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 120–121.
8. Будылин С.Л. Кriptoактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 74–115.

9. Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. 2022. № 4. С. 6–15.

10. Янковский Р.М., Попов В.А. Что меняет новый Закон о майнинге? // Закон. 2024. № 9. С. 119–123.

11. Ефимова Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. 2019. № 4. С. 17–25.

12. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex Russica. 2019. № 7. С. 130–140.

13. Брой У.Ш. Блокчейн и кибервалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 13–20.

14. Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. и др. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.

ON THE PRIVATE LAW BASIS FOR THE COMPREHENSIVE REGULATION OF DIGITAL RIGHTS AND DIGITAL CURRENCIES, WHICH FORMS THE BASIS OF BILL № 1194918–8 «ON DIGITAL CURRENCY AND DIGITAL RIGHTS»

Iontsev M.A.

Moscow State Law Academy, National Research University Higher School of Economics

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal nature of digital rights and digital currencies in the context of the rapid development of the digital economy. The relevance of the topic is due to the massive growth in the capitalization of the digital asset market by 2025 and its integration into the classical financial sector. The author explores the problem of the lack of a uniform private law regime for these objects in Russian legislation. The paper critically evaluates the norms of the Civil Code of the Russian Federation and special federal laws regulating the turnover of digital assets. Key legal vulnerabilities of the digital market segment, as well as problems of qualification and protection of the rights of civil turnover participants, are identified. Based on the results of the study, the necessity of improving the current legislation and bringing it into line with the inherent private law nature of digital currencies is argued.

Particular attention is paid to intersectoral conflicts arising in the qualification of subjective civil rights, as well as the specifics of their origin, transfer, and protection in the context of digitalization. Key legal vulnerabilities of the digital market segment are identified, and its

hidden connection with traditional institutions is demonstrated. Based on the results of the study, the necessity of systematic improvement of current legislation and bringing it into line with the inherent private law nature of digital currencies is argued.

Keywords: digital rights, digital currency, civil turnover, objects of civil rights, Civil Code of the Russian Federation, digital economy, private law regime, financial market, legal regulation, protection of turnover participants' rights.

References

1. Ocampo D.G., Branzoli N., Custamo L. Crypto, tokens and DeFi: navigating the regulatory landscape // FSI Insights on policy implementation № 49. May 17, 2023.
2. Gavrin D.A. Features of foreclosure on cryptocurrencies in insolvency (bankruptcy) proceedings // Russian law: education, practice, science. 2023. № 4. pp. 35–44
3. Narayanan A. et al. Bitcoin and Cryptocurrency Technologies: A Comprehensive Introduction. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.
4. Conlon T., Shaen C., McGee R. Are cryptocurrencies a safe haven for equity markets? An international perspective from the COVID-19 pandemic // Research in International Business and Finance. 2020. June. P. 101–248.
5. Sannikova L.V. Digital Assets and Technologies: Some Legal Problems of Developing a Conceptual Apparatus / L.V. Sannikova, Yu.S. Kharitonova // Law and Digital Economy. 2018. № 1. Pp. 25–30.
6. Andreev V.K. On the Concept of Digital Rights and Their Transferability // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2018. № 2(10). Pp. 38–41.
7. Tolkachev A. Yu., Zhuzhalov M.B. Cryptocurrency as Property – Analysis of the Current Legal Status // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. № 9. Pp. 120–121.
8. Budylin S.L. Cryptoassets: Role in Civil Circulation and Legal Nature // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. № 5. pp. 74–115.
9. Efimova L.G. On the Legal Nature of Non-cash Money, Digital Currency, and the Digital Ruble // Tsivilist. 2022. № 4. pp. 6–15.
10. Yankovsky R.M., Popov V.A. What Does the New Law on Mining Change? // Zakon. 2024. № 9. pp. 119–123.
11. Efimova L.G. Cryptocurrencies as an Object of Civil Law // Business and Law. 2019. № 4. pp. 17–25.
12. Egorova M.A., Efimova L.G. The Concept of Cryptocurrencies in the Context of Improving Russian Legislation // Lex Russica. 2019. № 7. pp. 130–140.
13. Broy W. Sh. Blockchain and Cybercurrencies: Is a New Legislative Framework Needed? // Law and Digital Economy. 2018. № 1. pp. 13–20.
14. Guznov A., Mikheeva L., Novoselova L., et al. Digital Assets in the System of Civil Rights Objects // Law. 2018. № 5. pp. 16–30.

«Финансовое ДНК» как инструмент преодоления обезличивания денежных средств в системе процессуальных средств доказывания по уголовным делам о взяточничестве

Капитонова Эльвира Вильусовна,

ведущий специалист, Прокуратура Республики Татарстан,
референт государственной гражданской службы Российской
Федерации 3 класса

E-mail: sadykova.elvira2013@mail.ru

В статье анализируются процессуальные и криминалистические проблемы доказывания взяточничества при использовании многоуровневых безналичных расчётов через подставные фирмы и притворные сделки. Обосновывается, что обезличивание денежных средств, закреплённое в статье 140 Гражданского кодекса Российской Федерации, не является непреодолимым препятствием, если применять системный финансовый анализ, позволяющий восстановить транзакционную цепь. Автор предлагает метод «Финансовое ДНК», включающий графическое картирование движения активов, выявление аффилированности и признаков притворности операций. На основе обобщения судебной практики и примеров из уголовных дел формулируются критерии распознавания подставных организаций и алгоритм действий следователя. Вносятся предложения по дополнению УПК РФ статьями 80.3 и 80.4, закрепляющими процессуальный статус заключения специалиста по финансовому анализу и карты перемещения активов. Определяются организационные меры по внедрению метода в правоприменительную деятельность.

Ключевые слова. взяточничество, финансовое ДНК, доказывание, обезличивание денег, подставные фирмы, притворные сделки, карта перемещения активов, уголовный процесс, судебная практика, финансовый анализ.

Введение

Противодействие коррупционным проявлениям остаётся одной из наиболее значимых государственных задач, при этом правоприменительная практика постоянно сталкивается с новыми способами сокрытия преступных доходов, которые существенно осложняют процесс доказывания. Особую сложность представляют случаи получения должностным лицом вознаграждения в безналичной форме с использованием цепочки подставных организаций и притворных гражданско-правовых сделок, когда каждая отдельная операция выглядит юридически безупречной, однако в своей совокупности они образуют механизм передачи взятки [1, с. 3–5]. Классический пример из судебной практики – перечисление пятнадцати миллионов рублей на счёт фирмы-однодневки, затем двенадцать транзитных переводов через различные организации и три банка, после чего средства поступают на счёт супруги чиновника под видом оплаты консультационных услуг, которые фактически никогда не оказывались. Суд в подобных делах нередко констатирует, что связь между взяткодателем и конечным получателем не доказана, поскольку каждый транш сам по себе не нарушает законодательства [2]. Такая ситуация порождается фундаментальным свойством денег, закреплённым в статье 140 Гражданского кодекса Российской Федерации, – их обезличенностью, которая делает невозможным индивидуальную идентификацию каждой денежной единицы [3]. Однако, как показывает анализ доктрины и практики, данное правовое установление не должно служить непреодолимым барьером для установления фактического маршрута движения активов, если применять системные методы финансового анализа [4].

Анализ судебной практики последних лет показывает устойчивую тенденцию к усложнению коррупционных схем и активному использованию подставных юридических лиц. Так, в одном из резонансных дел, рассмотренных Кумертауским межрайонным судом Республики Башкортостан в августе 2025 года, подсудимый был признан виновным в создании юридических лиц через подставных лиц и предоставлении в регистрирующий орган данных, повлёкших внесение в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах [5, с. 13–18]. Подсудимый согласился выступить в качестве номинального учредителя и руководителя общества с ограниченной ответственностью, заведомо зная, что никакого отношения к деятельности юридического лица он фактически иметь не будет и никаких действий, связанных с управлением, совершать не станет [5, с. 20–36]. Данное дело иллюстрирует типичную схему, когда физическое лицо за денежное вознаграждение предоставляет свои паспортные данные для регистрации фирмы-однодневки, которая в дальнейшем используется для проведения транзитных операций по выводу и обналичиванию денежных средств. При этом, как показывает практика, номинальные руководители зачастую являются лицами с низким социальным статусом, ранее судимыми или находящимися в местах лишения свободы – в одной из выявленных схем «бумажного» НДС, включавшей около 4800 фирм, у 190 организаций директорами числились более ста человек из исправительной колонии [2, с. 16–18].

Ещё более масштабные схемы раскрываются в рамках расследований незаконной банковской деятельности. По одному из дел, рассмотренных в 2025 году, организованная группа создала и зарегистрировала на подставных лиц около трёхсот фирм, с использованием которых в безналичный оборот незаконно выведено более 1,6 миллиарда рублей, а извлечённый доход составил свыше 190 миллионов рублей [6, с. 35–38]. Суть преступной деятельности заключалась в обналичивании денежных средств через подставные организации, создании фиктивных фирм и использовании поддельных платёжных поручений [7, с. 28–31]. Суды первой и апелляционной инстанций назначили осуждённым длительные сроки лишения свободы – от трёх с половиной до пяти лет в исправительной колонии общего режима и крупные штрафы – от шестисот тысяч до одного миллиона рублей [7, с. 26–28]. При этом защита пыталась оспаривать приговоры, ссылаясь на чрезмерную суровость наказания, отсутствие данных о времени, месте и способе совершения преступлений, а также неправильное определение размера извлечённого дохода [7, с. 32–37]. Однако кассационный суд отклонил эти доводы, подтвердив обоснованность квалификации

действий группы по статьям 172, 187 и 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [7, с. 18–25].

В другом деле, расследованном в Красноярском крае, группировка через подставных лиц создавала фирмы, которые на самом деле не работали, и под видом сделок обналачивала деньги за восемь процентов от суммы [6, с. 23–26]. Общий объём незаконно обналаченных средств превысил 160 миллионов рублей [6, с. 23–24]. Особенностью данной схемы являлось использование поддельных платёжных поручений для осуществления обналачивания, что дополнительно квалифицировалось как неправомерный оборот средств платежей [6, с. 15–16]. Эти примеры наглядно демонстрируют, что подставные фирмы служат не только для сокрытия коррупционных доходов, но и для систематического обналачивания денежных средств, что создаёт питательную среду для теневой экономики.

Принципиальное значение для противодействия подобным схемам имеет правильная квалификация сделок как притворных. В соответствии с пунктом 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, притворная сделка, то есть сделка, совершённая с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна [3, с. 34–36]. Судебная практика последовательно применяет данную норму для признания недействительными договоров, прикрывающих передачу взятки. В одном из дел, рассмотренных Верховным Судом Республики Татарстан, было установлено, что договор купли-продажи доли в уставном капитале товарищества фактически прикрывал иную сделку, и суд признал его притворным [8, с. 11–15]. Апелляционное определение суда от 21 апреля 2022 года имело преюдициальное значение для последующего арбитражного разбирательства [8, с. 23–25]. В другом деле суд признал ничтожными сделки по получению денежных средств как совершённые с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, на основании статьи 169 Гражданского кодекса РФ [3, с. 27–30]. Показательным является также дело, где договор займа был признан притворной сделкой, прикрывающей иные правоотношения, и суд применил последствия недействительности [3, с. 10–14].

В сфере публичных закупок, как отмечается в исследованиях, особенно распространены манипуляции с ценами, использование подставных компаний и схемы дробления лотов [9, с. 14–15]. На примере дел о закупках медицинского оборудования и дорожных материалов демонстрируется, как судебно-бухгалтерская экспертиза позволяет выявлять расхождения в отчётности и оценивать ущерб [9, с. 16–18]. Авторы подчёркивают необходимость интеграции цифровых технологий, включая Big Data и машинное обучение, для автоматизации поиска аномалий в данных Единой информационной системы [9, с. 18–20]. Одним из перспективных направлений является применение алгоритмов сетевого анализа для выявления картельных сговоров и аффилированных структур [9, с. 12–13]. В одном из раскрытых дел злоумышленники создали сеть аффилированных компаний в Москве, Новороссийске и Санкт-Петербурге, через которые закупали дешёвую сталь и подделывали сертификаты качества, продавая продукцию предприятиям, работающим по государственным контрактам [10, с. 9–12]. Организатор схемы вместе с женой, выступавшей номинальным директором одной из компаний, скрылся за рубеж, но дистанционно продолжал руководить преступной деятельностью [10, с. 13–16]. Ущерб от данной схемы превысил пятьсот миллионов рублей [10, с. 4–5].

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство предоставляет достаточно широкий арсенал средств доказывания: показания участников, заключения экспертов и специалистов, вещественные доказательства, протоколы следственных действий, иные документы [11]. Однако при расследовании многоуровневых коррупционных схем эти инструменты часто оказываются недостаточно эффективными. Судебно-бухгалтерская экспертиза, традиционно назначаемая по экономическим делам, ориентирована на проверку формального соответствия бухгалтерского учёта требованиям нормативных актов и не предполагает выстраивания целостной транзакционной цепи [12]. Финансово-экономическая экспертиза обладает более широкими возможностями, но её методический аппарат не включает графическое моделирование движения средств и анализ аффилированности участников через множество посредников [13]. Заключение специалиста, предусмотренное частью 3 статьи 80 УПК РФ, хотя и позволяет привлекать сведущих лиц, не содержит чётких требований к содержанию и структуре финансового исследования, что ведёт к разрозненности подходов и снижению доказательственной значимости таких материалов [14]. В итоге органы предварительного расследования и суды оказываются перед дилеммой: либо признавать доказанным лишь факт отдельных переводов, не усматривая состава преступления, либо пытаться преодолеть обезличивание денег посредством косвенных улик, что не всегда достигает цели.

Именно для разрешения этого противоречия автором разработан метод «Финансовое ДНК», который представляет собой системный подход к анализу движения безналичных денежных средств, позволяющий восстановить полную картину их пути от взяткодателя до конечного выгодоприобретателя. Концептуально метод исходит из того, что, несмотря на обезличенность денег как юридической категории, каждая банковская операция оставляет цифровой след – совокупность записей о дате, сумме, отправителе и получателе. Эти записи, будучи собранными воедино и упорядоченными, образуют своеобразный «генетический код» финансового потока, который поддаётся визуализации и интерпретации [15]. Первым этапом применения метода является сбор и систематизация первичной информации: специалист получает банковские выписки по всем счетам, задействованным в цепочке, а также договоры, платёжные поручения и иные документы, обосновывающие перечисления. На втором этапе на основе этих данных строится графическая карта движения активов, где стрелками обозначается последовательность транзакций с указанием дат, сумм и всех промежуточных контрагентов – юридических и физических лиц, включая счета в разных банках. Такая карта позволяет наглядно увидеть, как средства перетекают из одного звена в другое, и выявить неочевидные связи, которые при разрозненном рассмотрении остаются скрытыми [16].

Третий этап предполагает углублённое исследование аффилированности и родственных отношений между участниками финансовой цепи. Анализируются учредительные документы организаций, сведения о директорах и бенефициарах, совпадения контактных данных, адресов регистрации, а также семейные и иные личные связи между физическими лицами. Как обоснованно отмечается в литературе, использование родственников и приближённых лиц в качестве номинальных владельцев фирм-прокладок является типичным приёмом маскировки коррупционных доходов, и выявление таких пересечений служит весомым аргументом в пользу единства всей схемы [10]. При этом, как показывает практика налоговых органов, автоматизированные системы уже научились собирать цепочки по взаимосвязям между компаниями: по руководителям, учредителям, адресам, операциям, участию в схемах [17, с. 5–6]. В 2026 году проверки стали точнее и глубже, особенно по вторым и последующим звеньям цепочки [17, с. 6–7]. Налоговые инспекторы при построении цепочки контрагентов преследуют две цели: найти истинного выгодоприобретателя – того, кто реально контролирует денежные потоки и получает экономическую выгоду, а также переложить ответственность за разрывы по налогу на добавленную стоимость на платежеспособную компанию [17, с. 9–11]. При этом критически важно проверять не только самого контрагента, но и его окружение: массовые адреса и «массовых» директоров, компании с признаками «технических» [17, с. 30–32].

Для практической реализации метода «Финансовое ДНК» в уголовном судопроизводстве необходима разработка системы индикаторов, позволяющих выявлять подставные фирмы и аффилированные структуры. К числу таких индикаторов относятся: отсутствие у организации собственных основных средств и персонала, необходимых для ведения заявленной деятельности; предоставление в налоговые органы «нулевой» или минимальной отчётности; регистрация по массовому адресу; совпадение учредителей и руководителей с другими организациями, входящими в цепочку; наличие судимостей у номинальных директоров или их нахождение в местах лишения свободы; транзитный характер операций – поступление и списание сопоставимых сумм в короткий промежуток времени; отсутствие реальных расходов на хозяйственную деятельность [18, с. 24–27]; замкнутые платёжные цепочки, когда средства возвращаются к исходному отправителю через цепочку посредников. Как отмечается в исследованиях, анализ банковских выписок выявляет транзитное движение денежных средств: поступление и списание сопоставимых сумм в короткий промежуток времени, замкнутые платёжные цепочки, отсутствие реальных расходов на хозяйственную деятельность [18, с. 24–27]. Кроме того, важным индикатором является использование подставных лиц, которые в соответствии со статьёй 173.1 Уголовного кодекса РФ понимаются как лица, являющиеся учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица, через которых осуществляется образование юридического лица, при этом указанные лица вводятся в заблуждение относительно целей образования юридического лица либо не имеют намерения осуществлять руководство им [2, с. 34–35].

Четвёртый этап метода – оценка экономического смысла каждой операции, которая включает проверку наличия и реального исполнения договоров, на основании которых производились платежи. Специалист устанавливает, имеются ли акты приёмки-сдачи работ, отчётные документы, соответствует ли квалификация исполнителя заявленному виду услуг, а также сопоставляет стоимость с рыночными индикатора-

ми. Если выясняется, что договор носит формальный характер, услуги в действительности не оказывались, а цена явно завышена или необоснованна, то такая сделка квалифицируется как притворная в смысле статьи 170 Гражданского кодекса РФ, поскольку она прикрывает иную волю сторон – передачу взятки [8]. Наконец, на пятом этапе формируется итоговое заключение, которое включает письменный аналитический отчёт и карту перемещения активов в графической форме с выводами о наличии единой финансовой цепи, установленном конечном выгодоприобретателе и признаках притворности отдельных операций.

Данный метод принципиально позволяет преодолеть обезличивание денег, не вступая в противоречие с положениями статьи 140 Гражданского кодекса. Вместо попыток индивидуализировать конкретные денежные знаки он доказывает факт перечисления определённой суммы по определённому маршруту в определённый период через сопоставление реквизитов, дат, сумм и участников. Если сумма, поступившая на счёт первой подставной фирмы, совпадает (с учётом комиссионных издержек) с суммой, зачисленной на счёт супруги чиновника, если транзакции следуют одна за другой с минимальными временными лагами, а в цепочке фигурируют одни и те же лица или аффилированные структуры – это создаёт неоспоримую совокупность косвенных признаков, указывающих на направленность операций на сокрытие преступного дохода [19]. При этом анализ экономической бессмысленности привлечения многочисленных посредников, отсутствие реального оказания услуг и несоответствие квалификации исполнителя заявленным задачам служат дополнительными подтверждениями притворного характера всей конструкции. Таким образом, метод не противопоставляется гражданско-правовому принципу обезличенности, а использует объективные банковские записи для реконструкции фактического перемещения активов.

В качестве алгоритма действий следователя при применении метода «Финансовое ДНК» может быть рекомендована следующая последовательность шагов. Первоначально необходимо вынести постановление о производстве выемки или истребовании банковских выписок по всем счетам лиц, причастных к сделке, включая счета взяткодателя, подставных фирм, транзитных организаций и конечного получателя. Параллельно направляются запросы в налоговые органы для получения регистрационных дел юридических лиц, сведений об их учредителях и руководителях, а также о среднесписочной численности и налоговой отчётности. Далее следует провести анализ полученных данных с построением графической карты, при этом целесообразно использовать специализированное программное обеспечение для визуализации финансовых потоков. После этого назначается судебная финансово-аналитическая экспертиза либо привлекается специалист для дачи заключения, которому ставятся вопросы о наличии единой транзакционной цепи, о признаках притворности сделок, о конечном выгодоприобретателе. Полученное заключение и карта перемещения активов приобщаются к материалам дела и предъявляются сторонам для ознакомления. В ходе судебного разбирательства специалист может быть вызван для дачи показаний и разъяснения составленной карты.

Однако для того чтобы заключение по финансовому анализу и карта перемещения активов могли быть полноценно использованы в уголовном процессе, необходима их процессуальная легитимация. Действующий УПК РФ не содержит специальных норм, регламентирующих данный вид исследований, что порождает неопределённость относительно их допустимости и доказательственной силы. В связи с этим автор предлагает дополнить Уголовно-процессуальный кодекс новыми статьями – 80.3 и 80.4. Статья 80.3 должна закрепить понятие заключения специалиста по финансовому анализу как письменного суждения сведущего лица по вопросам движения денежных средств, выявления финансовых связей, оценки экономической обоснованности сделок и их притворности. В ней следует установить обязательные реквизиты такого заключения: сведения о специалисте, перечень исследованных объектов, описание применённых методик, графическую карту перемещения активов и обоснованные выводы. Статья 80.4 призвана ввести в уголовно-процессуальный оборот саму карту перемещения активов как неотъемлемую часть заключения, определяя её как схематическое отображение пути денежных средств с указанием всех транзакций и ссылок на источники информации [20]. Эти новеллы не противоречат существующим нормам (статьям 58, 80, 84, 195–207 УПК РФ), а органично дополняют их, создавая единую систему использования финансового анализа в коррупционных делах.

Внедрение предлагаемого метода и соответствующих законодательных изменений требует решения ряда организационных вопросов. Прежде всего, необходима подготовка квалифицированных кадров – специалистов, владеющих как экономическими познаниями, так и пониманием уголовно-процессуальных требований к доказа-

тельствам. Целесообразно разработать унифицированные методические рекомендации по проведению финансового анализа в рамках уголовного судопроизводства, аналогичные существующим ведомственным указаниям, но адаптированные к специфике коррупционных схем [21]. Также важно наладить эффективное взаимодействие с банковскими учреждениями для оперативного получения выписок и иных сведений, составляющих банковскую тайну, с использованием механизмов, предусмотренных статьями 183 и 186.1 УПК РФ. При оценке заключения и карты суд должен руководствоваться общими правилами статьи 88 УПК РФ об относимости, допустимости, достоверности и достаточности, при этом данные документы не имеют заранее установленной силы и рассматриваются в совокупности с другими доказательствами. Вместе с тем, как показывает моделирование правоприменительной ситуации, наличие наглядной карты движения активов существенно облегчает восприятие сложной финансовой схемы судом и сторонами, что повышает эффективность состязательного процесса и снижает риск необоснованного оправдания по формальным основаниям.

Особого внимания заслуживает вопрос о доказательственном значении карты перемещения активов. Как справедливо отмечается в литературе, финансовые потоки и отношения между компаниями могут быть отображены в форме графика или диаграммы для наглядной демонстрации различных схем [4, с. 26–28]. Карта должна быть составлена на основе официальных документов – банковских выписок, платёжных поручений, договоров, актов – с обязательным указанием источников информации для каждого отображённого элемента. При этом важно, чтобы карта не являлась произвольной интерпретацией, а строго следовала первичным документам, визуализируя их содержание в доступной для восприятия форме. В тех случаях, когда движение средств осуществляется через офшорные счета или с использованием криптовалют, методика должна предусматривать дополнительные инструменты анализа, включая запросы о международной правовой помощи и использование специализированного программного обеспечения для трассировки криптовалютных транзакций [18, с. 18–21]. Как показывает практика, прослеживание криптовалюты – задача, где без специальных знаний не обойтись, и для её решения разрабатываются уникальные методики анализа движения активов, позволяющие восстановить полную картину вывода средств среди общего потока криптовалютных транзакций [18, с. 18–21].

В контексте противодействия коррупции особую актуальность приобретает использование метода «Финансовое ДНК» на стадии оперативно-розыскной деятельности. Своевременное выявление подозрительных финансовых операций, анализ цепочек контрагентов и построение предварительных карт движения активов позволяют не только выявлять признаки преступления, но и определять круг лиц, подлежащих проверке, а также направления дальнейшего расследования. Как показывает практика, универсальный алгоритм процессуальных и следственных действий выработать достаточно сложно, поскольку каждый факт преступной деятельности оригинален, и особое значение приобретает опыт взаимодействия органов уголовного преследования и суда [4, с. 32–36]. В этой связи метод «Финансовое ДНК» следует рассматривать не как жёсткую процедуру, а как гибкий инструментарий, адаптируемый к конкретным обстоятельствам дела.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Обезличивание денежных средств, закреплённое в статье 140 Гражданского кодекса, создаёт объективные трудности для установления причинно-следственной связи между передачей взятки и конечным обогащением должностного лица при использовании многоуровневых транзитных операций. Существующие процессуальные средства доказывания – судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая экспертизы и общее заключение специалиста – не обладают методическим аппаратом для системного анализа транзакционных цепей и графического отображения движения активов. Предлагаемый метод «Финансовое ДНК» восполняет этот пробел, позволяя на основе совокупности банковских записей, документов о сделках и данных об аффилированности восстановить полный маршрут денежных средств и квалифицировать притворные операции. Для процессуального закрепления данного метода необходимо дополнить УПК РФ статьями 80.3 и 80.4, которые установят статус заключения специалиста по финансовому анализу и карты перемещения активов, определят их содержание и порядок использования. Реализация этих предложений потребует подготовки кадров, разработки методик и совершенствования взаимодействия с банками, однако в перспективе позволит существенно повысить результативность противодействия коррупционным преступлениям, совершаемым с использованием сложных финансовых инструментов.

Заключение

Проведённое исследование, основанное на анализе судебной практики, уголовно-процессуального законодательства и доктринальных источников, позволяет сформулировать итоговый вывод о том, что современная система доказывания по уголовным делам о взяточничестве нуждается в существенной модернизации, адекватной реалиям цифровой экономики и усложняющимся способам сокрытия преступных доходов. Ключевой проблемой, как показано в работе, является обесличивание денежных средств, закреплённое в статье 140 Гражданского кодекса РФ, которое при использовании многоуровневых безналичных транзакций через подставные фирмы и притворные сделки создаёт для правоприменителя практически непреодолимые препятствия в установлении причинно-следственной связи между передачей взятки и конечным обогащением должностного лица. Судебная практика последних лет, проанализированная на примерах конкретных уголовных дел, убедительно демонстрирует, что даже при наличии очевидных фактических обстоятельств – многократных переводов крупных сумм, использования номинальных руководителей, отсутствия реального хозяйственного смысла в операциях – суды нередко отказывают в удовлетворении обвинения, поскольку каждый отдельный транш в отдельности не нарушает законодательства, а совокупность доказательств оказывается фрагментированной и лишённой системной связи.

Выход из сложившейся ситуации автор видит во внедрении в уголовный процесс метода «Финансовое ДНК», который предлагает принципиально иной подход к анализу финансовых операций. Вместо попыток индивидуализировать денежные знаки (что объективно невозможно) метод строит транзакционную цепь на основе банковских записей, сопоставляя даты, суммы, реквизиты участников и выявляя аффилированные связи. Графическая карта перемещения активов, являющаяся ядром метода, позволяет визуализировать весь путь средств от взяткодателя до конечного получателя, преодолевая искусственную раздробленность доказательственной базы. При этом анализ экономического смысла каждой операции, включающий проверку реальности исполнения договоров и соответствия цен рыночным индикаторам, даёт основания для квалификации сделок как притворных в смысле статьи 170 Гражданского кодекса, что переводит финансовый анализ из плоскости формальных бухгалтерских процедур в плоскость юридически значимой оценки.

Однако разработанный метод не может быть эффективно применён в рамках действующего уголовно-процессуального регулирования, которое не содержит специальных норм, определяющих статус заключения специалиста по финансовому анализу и карты перемещения активов. Отсутствие процессуальной легитимации этих документов порождает их неоднозначную судебную оценку, а зачастую и вовсе исключает возможность их использования в качестве допустимых доказательств. В связи с этим автор обосновывает необходимость дополнения УПК РФ статьями 80.3 и 80.4, которые закрепят понятие заключения специалиста по финансовому анализу, установят его обязательные реквизиты, включая графическую карту, и определят порядок приобщения к материалам дела. Предлагаемые новеллы органично встраиваются в существующую систему процессуальных средств, не противоречат статьям 58, 80, 84, 195–207 УПК РФ, а лишь восполняют пробел, устраняя неопределённость в использовании специальных экономических знаний при расследовании коррупционных преступлений.

Практическая реализация метода и законодательных изменений сопряжена с решением организационных задач: подготовкой квалифицированных специалистов, обладающих междисциплинарными компетенциями в области финансов и уголовного процесса; разработкой унифицированных методических рекомендаций по проведению финансового анализа и построению карт перемещения активов; налаживанием эффективного взаимодействия с банковскими учреждениями для оперативного получения выписок и иных сведений, составляющих банковскую тайну. При этом автор подчёркивает, что предлагаемый инструмент не является панацеей и не заменяет традиционные следственные действия и судебные экспертизы, а выступает в роли систематизирующего и визуализирующего средства, позволяющего суду и сторонам целостно воспринять сложную финансовую картину. В случаях использования криптовалют, офшорных счетов или иных анонимных платёжных инструментов метод требует адаптации и привлечения дополнительных ресурсов, включая международную правовую помощь и специализированное программное обеспечение.

Перспективы дальнейших исследований в рамках заявленной темы видятся в нескольких направлениях. Во-первых, это разработка конкретных методик выявления признаков подставных фирм с использованием больших данных и машинного обучения, что позволит автоматизировать часть аналитической работы. Во-вторых, это анализ

практики применения предлагаемых норм в случае их законодательного закрепления, включая оценку их влияния на судебную статистику и качество обвинительных приговоров. В-третьих, это исследование международного опыта использования финансового анализа в противодействии коррупции с целью имплементации наиболее эффективных подходов в российскую правовую систему. В целом, метод «Финансовое ДНК» и предлагаемые процессуальные новеллы способны существенно повысить результативность борьбы с коррупционными преступлениями, совершаемыми с использованием сложных финансовых инструментов, и восстановить доверие общества к справедливости правосудия в сфере противодействия коррупции.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2024 № 309-ЭС23–12310 по делу № А50–21061/2022.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Судебно-бухгалтерская экспертиза по делам об экономических преступлениях: системный анализ уголовно-процессуальных и методологических основ // Федерация судебных экспертов. – 2026. – 10 апреля.
5. Приговор Кумертауского межрайонного суда Республики Башкортостан от 22 августа 2025 г. по делу № 1–47/2025 // Судебные и нормативные акты РФ (sudact.ru).
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 мая 2025 г. по делу о незаконной банковской деятельности // Архив судебных решений.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
8. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.07.2018 № 46-КГ18–20.
9. Лапшина Е.Г. Использование судебно-экономической информации при выявлении и расследовании преступлений в сфере публичных закупок // Научный журнал. – 2025. – № 4. – С. 12–21.
10. Материалы уголовного дела № 1–568/2024 о мошенничестве в сфере поставок металлопродукции // Архив Арбитражного суда г. Москвы.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9.
12. Финансово-экономическая экспертиза в уголовных делах: структура и содержание заключения // Федерация судебных экспертов. – 2024. – 14 ноября.
13. Судебные экономические экспертизы при расследовании уголовных дел: виды и особенности // Федерация судебных экспертов. – 2026. – 10 июня.
14. Получение взятки в виде безналичных денежных средств: проблемы определения места совершения преступления // КонсультантПлюс. – 2023.
15. Экономическая экспертиза по гражданским и уголовным делам: ключевой инструмент правосудия // Федерация судебных экспертов. – 2026. – 7 июня.
16. Участие специалиста в уголовном процессе: процессуальный статус и полномочия // КонсультантПлюс. – 2025.
17. Налоговые проверки 2026: как инспекторы выстраивают цепочки контрагентов // Налоговый вестник. – 2026. – № 3. – С. 4–9.
18. Методика выявления и раскрытия преступлений коррупционной направленности: учеб.-практ. пособие / под ред. А.И. Долговой. – М.: Академия СК России, 2024. – 280 с.
19. Приказ Министерства экономического развития РФ от 5 февраля 2009 г. № 35 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению финансово-экономической экспертизы, назначенной в ходе предварительного следствия, судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2009. – № 14.
20. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт, 2025. – С. 415–418.
21. Афанасьев С.В. Проблемы доказывания коррупционных доходов в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2024. – № 6. – С. 22–27.

«FINANCIAL DNA» AS A TOOL FOR OVERCOMING THE ANONYMIZATION OF FUNDS IN THE SYSTEM OF PROCEDURAL EVIDENTIARY MEANS IN CRIMINAL BRIBERY CASES

Kapitonova E.V.

Prosecutor's Office of the Republic of Tatarstan

This article analyzes the procedural and forensic challenges of proving bribery using multi-tiered cashless payments through shell companies and sham transactions. It is argued that the anonymization of funds, enshrined in Article 140 of the Civil Code of the Russian Federation, is not an insurmountable obstacle if a systemic financial analysis is applied to reconstruct the transaction chain. The author proposes a «Financial DNA» method, which includes graphical mapping of asset flows, identifying affiliations, and identifying signs of sham transactions. Based on a summary of judicial practice and examples from criminal cases, criteria for recognizing shell companies and an investigator's action plan are formulated. Proposals are being made to amend Articles 80.3 and 80.4 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, establishing the procedural status of a financial analysis specialist's report and asset flow map. Organizational measures for implementing this method in law enforcement are being defined.

Keywords: bribery, financial DNA, evidence, depersonalization of funds, shell companies, sham transactions, asset flow map, criminal procedure, judicial practice, financial analysis.

Referents

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on December 29, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 52 (Part I). – Art. 4921.
2. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of June 17, 2024 № 309-ES23–12310 in case № A50–21061/2022.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 № 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.
4. Forensic accounting examination in cases of economic crimes: a systems analysis of criminal procedural and methodological foundations // Federation of Forensic Experts. – 2026. – April 10.
5. Verdict of the Kumertau Interdistrict Court of the Republic of Bashkortostan dated August 22, 2025 in case № 1–47/2025 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation (sudact.ru).

6. Determination of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated May 22, 2025 in the case of illegal banking activities // Archive of court decisions.
7. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 № 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. – Art. 2954.
8. Ruling of the Civil Cases Panel of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 17, 2018, № 46-KG18–20.
9. Lapshina, E.G., «Use of Forensic Economic Information in the Detection and Investigation of Public Procurement Crimes» // Scientific Journal. – 2025. – № 4. – Pp. 12–21.
10. Materials of Criminal Case № 1–568/2024 on Fraud in the Supply of Metal Products // Archive of the Moscow Arbitration Court.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013, № 24 «On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2013. – № 9.
12. Financial and Economic Expertise in Criminal Cases: Structure and Content of the Conclusion // Federation of Forensic Experts. – 2024. – November 14.
13. Forensic Economic Expertise in Criminal Investigations: Types and Features // Federation of Forensic Experts. – 2026. – June 10.
14. Taking a Bribe in the Form of Non-Cash Funds: Problems of Determining the Scene of the Crime // ConsultantPlus. – 2023.
15. Economic Expertise in Civil and Criminal Cases: A Key Instrument of Justice // Federation of Forensic Experts. – 2026. – June 7.
16. Participation of a Specialist in Criminal Proceedings: Procedural Status and Powers // ConsultantPlus. – 2025.
17. Tax Audits 2026: How Inspectors Build Chains of Contractors // Tax Bulletin. – 2026. – № 3. – P. 4–9.
18. Methodology for Detecting and Solving Corruption-Related Crimes: A Textbook and Practical Handbook / edited by A.I. Dolgova. – Moscow: Academy of the Investigative Committee of Russia, 2024. – 280 p.
19. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of February 5, 2009 № 35 «On Approval of the Methodological Recommendations for Conducting a Financial and Economic Expertise Appointed During the Preliminary Investigation and Trial of Criminal Cases Initiated on the Basis of a Crime Under Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation» // Bulletin of Regulatory Acts of Federal Executive Bodies. – 2009. – № 14.
20. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / edited by V.M. Lebedev. – M.: Yurait, 2025. – P. 415–418.
21. Afanasyev S.V. Problems of proving corruption proceeds in criminal proceedings // Russian investigator. – 2024. – № 6. – P. 22–27.

Исполнение обеспечительных мер в международном коммерческом арбитраже: проблемы конкурирующей юрисдикции и пути решения

Кузнецов Арсений Игоревич,

студент магистратуры Международно-правового института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье анализируется российский механизм исполнения обеспечительных мер, принимаемых по спорам, которые рассматриваются в международном коммерческом арбитраже, выявляются его недостатки и предлагаются пути их решения. На основе анализа норм АПК РФ, законопроекта Министерства юстиций РФ и доктринальных позиций автор показывает, что закрепленная в российском законодательстве модель конкурирующей юрисдикции порождает двухстадийность и пересмотр государственным судом принятых арбитражем мер по существу, что нивелирует срочность и практическую ценность обращения в арбитраж. Обосновывается необходимость придания постановлениям арбитража об обеспечительных мерах силы исполнительного документа при сохранении судебного контроля в форме возможности последующего оспаривания. Предлагаемые изменения позволят устранить дублирование процедур, обеспечить реальную оперативность защиты и укрепить автономию арбитража, что особенно важно для участников международного коммерческого оборота.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж; обеспечительные меры; конкурирующая юрисдикция; принудительное исполнение; чрезвычайный арбитраж.

В Российской Федерации закреплена модель конкурирующей юрисдикции. В соответствии с ч. 1 ст. 9 Закона о МКА и ч. 3 ст. 90 АПК РФ сторона вправе обратиться за обеспечительными мерами как в арбитраж, так и в государственный суд. Согласно п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 10.12.2019 № 53, суд, рассматривая заявление в поддержку арбитража, не связан постановлением третейского суда и обязан оценить обоснованность мер по существу. Таким образом, даже если арбитраж уже вынес постановление, суд вправе пересмотреть, изменить или отменить его.

Главный недостаток действующей модели – отсутствие у постановлений арбитража свойства принудительной исполнимости. Как указывает П.А. Ильичев, принцип конкурирующей юрисдикции делает институт обеспечения крайне неэффективным, поскольку сторона вынуждена дублировать обращение в государственный суд [2, с. 177–178]. Это порождает двухстадийность, противоречащую срочности. Д.А. Андреев подчеркивает, что стороне нет смысла идти в арбитраж, так как суды не рассматривают это как обязательный порядок [1, с. 45]. В итоге стимулы обращаться в арбитраж отсутствуют, что подрывает его автономию.

В целях устранения этих недостатков Министерство юстиции РФ разработало законопроект, вводящий процедуру выдачи исполнительного листа на постановления третейских судов об обеспечительных мерах. Суд проверяет лишь формальные основания и не рассматривает обоснованность мер по существу. Механизм действует только для постановлений, вынесенных ПДАУ на территории РФ, заявление рассматривается единолично в срок до 14 дней. Однако законопроект имеет ограничения, так как он не охватывает иностранные ПДАУ, а срок 14 дней не обеспечивает срочности, учитывая необходимость изначального принятия постановления об обеспечительных мерах арбитражем.

Более совершенным представляется подход, при котором постановления арбитража об обеспечительных мерах признаются исполнительными документами и подлежат принудительному исполнению без обращения в суд. Такой подход уже известен зарубежным правовым порядкам (Эквадор) и поддерживается в российской доктрине [5, с. 83]. В частности, П.А. Ильичев прямо предлагает придать постановлениям третейских судов, администрируемых ПДАУ, о принятии обеспечительных мер силу исполнительного документа [2, с. 179].

Развивая данный подход, предлагается распространить предлагаемый механизм также на решения чрезвычайного арбитра и постановления руководителя ПДАУ об обеспечительных мерах, поскольку именно в период до формирования состава сторона наиболее уязвима, а существующие процедуры (предварительные обеспечительные меры) доступны лишь в системе арбитражных судов и не решают проблему в полном объеме. Как отмечает Н.Ю. Солдатенкова, в практике чрезвычайных арбитров уже выработаны устойчивые подходы к толкованию стандартов «вероятности успеха» и «неотвратимого ущерба», что снижает риски необоснованного применения обеспечительных мер в срочных процедурах [4, с. 114–115].

При этом полномочия государственного суда по принятию обеспечительных мер должны сохраняться в субсидиарном порядке на случай, если арбитраж объективно не способен действовать эффективно (до формирования состава при отсутствии процедуры чрезвычайного арбитра, при отказах арбитров, технических сложностях или иных обстоятельствах, препятствующих своевременному рассмотрению ходатайства). Такая модель судебной субсидиарности, при которой вмешательство государственного суда носит вспомогательный характер и направлено на обеспечение доступности защиты, уже обоснована в литературе [3, с. 108–121] и позволит избежать пробелов в защите.

В целях обеспечения баланса интересов сторон и создания дополнительных гарантий от необоснованного применения обеспечительных мер предлагается предоставить сторонам право на судебное обжалование постановления арбитража об обеспечительных мерах. Такое обжалование должно осуществляться в рамках выполнения государственным судом функций контроля в отношении третейского разбирательства по аналогии с порядком оспаривания определений третейского суда о наличии у него компетенции, предусмотренных ч. 3 ст. 16 Закона об арбитраже, п. 3 ст. 16 Закона о международном коммерческом арбитраже, ст. 422.1 ГПК РФ и ст. 235 АПК РФ. Как и постановления

о компетенции, акты арбитража об обеспечительных мерах носят промежуточный характер, поскольку не разрешают спор по существу, что обосновывает применение сходного механизма судебного контроля.

Предлагаемое регулирование позволит устранить двухстадийность, обеспечить срочность исполнения, сохранить судебный контроль в форме последующего оспаривания и субсидиарного вмешательства суда. Такое регулирование повысит автономию арбитража и побудит участников третейского разбирательства обращаться за обеспечительными мерами непосредственно в арбитраж, а не в государственный суд.

Таким образом, анализ действующего правового регулирования позволяет прийти к выводу о неэффективности модели конкурирующей юрисдикции в ее нынешнем виде. Двухстадийный порядок реализации обеспечительных мер, полномочия суда по пересмотру вопроса о принятии обеспечительных мер по существу, а также отсутствие оперативности, необходимой для обеспечения реальной защиты прав сторон, сводят на нет практическую ценность обращения за обеспечительными мерами непосредственно в третейский суд. Законопроект, подготовленный Минюстом России, безусловно, решает часть проблем, однако заложенные в нем ограничения не позволяют говорить о полноценном решении существующей проблемы. В этой связи представляется обоснованным наделение постановлений арбитража об обеспечительных мерах силой исполнительного документа. Подобное регулирование позволит обеспечить подлинную оперативность защиты и укрепить автономию арбитража, что отвечает интересам участников международного коммерческого оборота.

Литература

1. Андреев Д.А. Взаимодействие третейских и государственных судов по вопросам обеспечительных мер // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 1. С. 44–53.
2. Ильичев П.А. Некоторые вопросы обеспечения иска в арбитраже (третейском разбирательстве) // Третейский суд. 2023. № 1/2. С. 177–179.
3. Кобахидзе Д. Некоторые вопросы применения обеспечительных мер в международном коммерческом арбитраже // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 108–121.
4. Солдатенкова Н.Ю. Критерии принятия обеспечительных мер чрезвычайным арбитром в международном коммерческом арбитраже // Третейский суд. 2023. N 3/4. С. 114–123.

5. Хлестова И.О. Типовой закон о международном торговом арбитраже и российский Закон о международном коммерческом арбитраже: общее и особенное // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 78–88.

ENFORCEMENT OF INTERIM MEASURES IN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION: PROBLEMS OF COMPETING JURISDICTION AND SOLUTIONS

Kuznetsov A.I.

Kutafin Moscow State Law University

The article analyzes the Russian mechanism of enforcement of interim measures taken in disputes that are considered in international commercial arbitration, identifies its shortcomings and suggests ways to resolve them. Based on the analysis of the norms of the Russian Federation's Agribusiness Code, the draft law of the Ministry of Justice of the Russian Federation and doctrinal positions, the author shows that the model of competing jurisdiction fixed in Russian legislation generates a two-stage and substantive review of arbitration measures by the state court, which negates the urgency and practical value of applying to arbitration. The necessity of giving the arbitration decisions on interim measures the force of an enforcement document while maintaining judicial control in the form of the possibility of subsequent challenge is substantiated. The proposed changes will eliminate duplication of procedures, ensure real efficiency of protection and strengthen the autonomy of arbitration, which is especially important for participants in international commercial turnover.

Keywords: international commercial arbitration; interim measures; competing jurisdiction; enforcement; emergency arbitrator.

References

1. Andreev D.A. Interaction of arbitration and state courts on issues of interim measures // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2020. No. 1. pp. 44–53.
2. Ilyichev P.A. Some issues of securing a claim in arbitration (arbitration proceedings) // Arbitration Court. 2023. № 1/2. pp. 177–179.
3. Kobakhidze D. Some issues of the application of interim measures in international commercial arbitration // International justice. 2017. No. 1 (21). pp. 108–121.
4. Soldatenkova N.Y. Criteria for the adoption of interim measures by an emergency arbitrator in international commercial arbitration // Arbitration Court. 2023. N 3/4. pp. 114–123.
5. Khlestova I.O. The Model Law on International Commercial Arbitration and the Russian Law on International Commercial Arbitration: general and special // Journal of Russian Law. 2011. No. 6. pp. 78–88.

Особенности нотариального удостоверения сделок с цифровыми активами и виртуальным имуществом

Марченко Ирина Анатольевна,
помощник нотариуса
E-mail: 4109302@mail.ru

Революция цифровых технологий оказала глубокое влияние на все сферы жизни, в том числе и на гражданский оборот. Появление и стремительное развитие таких феноменов, как криптовалюты, невзаимозаменяемые токены (NFT), цифровые права на объекты интеллектуальной собственности, а также виртуальное имущество в метавселенных, ставит перед правовой системой новые, зачастую нетривиальные задачи. Нотариат, будучи институтом, призванным обеспечивать правовую стабильность и предсказуемость гражданских правоотношений, вынужден адаптироваться к новым реалиям. Одной из важнейших задач нотариата становится обеспечение законности и безопасности сделок с цифровыми активами и виртуальным имуществом.

Цель статьи – провести исследование особенностей нотариального удостоверения сделок с цифровыми активами и виртуальным имуществом. Практическая значимость исследования заключается том, что изучение особенностей нотариального удостоверения сделок с цифровыми активами и виртуальным имуществом позволит применить данные знания на практике и повысить эффективность нотариального удостоверения сделок.

Ключевые слова: цифровые активы, виртуальное имущество, нотариальное удостоверение, сделки, научно-творческая деятельность, трудоустройство.

Введение

Цифровые активы и виртуальное имущество все активнее вовлекаются в гражданский оборот, что требует их правового закрепления и надежных механизмов защиты интересов участников сделок. Введение в гражданский оборот цифровых активов способствует его диверсификации, автоматизации исполнения обязательств, снижению издержек и повышению прозрачности сделок, что соответствует потребностям современной хозяйственной и иной экономической деятельности [6]. В этих условиях нотариальное удостоверение становится важным инструментом, обеспечивающим законность, прозрачность и доказательственную силу операций с новыми объектами имущественных прав. Однако нотариальное сопровождение сделок с такими объектами связано с рядом особенностей, обусловленных их нематериальной природой, технологической спецификой и сложностями идентификации правомочий сторон. Необходимость установления правового статуса цифровых активов, проверки источников их происхождения и оценки рисков делает данную сферу особенно значимой для научного и практического анализа. Именно поэтому исследование особенностей нотариального удостоверения подобных сделок представляется своевременным и востребованным.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании было проанализировано действующее законодательство Российской Федерации, регулирующее оборотоспособность объектов гражданских прав, включая цифровые активы как новую категорию, и виртуальное имущество, существующее в рамках цифровых платформ. Полученные данные позволили оценить практические сложности, связанные с нотариальным удостоверением сделок с цифровыми активами и виртуальным имуществом, выявить пробелы в знаниях и навыках практикующих нотариусов, а также сформулировать предложения по адаптации нотариальных процедур к новым реалиям.

Результаты и обсуждение

Цифровая экономика в повседневной жизни является неотъемлемым элементом развития общества, требующая рассмотрения и раскрытия ее сущности, содержания, институционального состава и структуры на всех уровнях управления в стране [5].

На международном уровне к цифровым правам в широком понимании принято относить право на доступ к сети «Интернет», это право можно назвать фундаментальным в условиях нового времени, так как граждане не только общаются и ведут деловую переписку, но и пользуются электронными государственными сервисами, имеют право голосовать, проходить перепись населения, подавать налоговые декларации, получать выписки из реестра лицензий, оплачивать коммунальные услуги, обучаться, заниматься бизнесом, получать сотни необходимых услуг без непосредственного похода по организациям и учреждениям [4].

Правовая природа цифровых активов и виртуального имущества остается неоднородной и во многом определяется их экономической и технологической функцией. Для нотариального удостоверения принципиально важно установить, что именно является объектом сделки: имущественное право, результат цифровой фиксации, доступ к аккаунту, токен, цифровая запись либо совокупность связанных с ними обязательств и исключительных прав.

Категория «цифровых прав» не содержит в себе элемента обособленности, в отличие от иных объектов оборота [2].

Цифровые права могут существовать в форме финансовых активов и утилитарных цифровых прав. Под ними признаются цифровые права, «включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг ...» [7].

Особенность оборота цифровых активов состоит в их высокой технологической зависимости: распоряжение ими нередко возможно только через конкретную платформу, электронный кошелек или учетную запись [1]. Передача права может сопровождаться сменой контроля над приватными ключами, изменением сведений в распределенном

реестре либо выполнением действий в информационной системе. Это осложняет традиционную для нотариата модель проверки содержания сделки, принадлежности имущества и факта перехода права. Нотариус сталкивается с необходимостью подтверждать не только волеизъявление сторон, но и техническую идентифицируемость объекта, его существование на момент удостоверения, а также связь между лицом и цифровым активом.

Существующее правовое регулирование данной сферы недостаточно и не отвечает потребностям современного общества, замедляет потенциальное расширение оборота цифровых прав, а также оставляет пространство для недобросовестных и неправомерных действий [3]. В таблице 1 представлены проблемы правового регулирования в сфере цифровых прав.

Таблица 1. Существующее правовое регулирование в сфере цифровых прав: пробелы и вызовы

Аспект регулирования	Проблемы	Предлагаемые решения
Общее законодательство	Недостаточность и несоответствие потребностям современного общества; замедление оборота цифровых прав; пространство для недобросовестных действий.	Реформирование гражданского законодательства; создание эффективного механизма регулирования в электронной цифровой среде.
Оценка доказательств	Существенные трудности в правовой оценке доказательств.	Требуется выработка четких критериев и стандартов оценки цифровых доказательств.
Правовой режим виртуального имущества	Отсутствие единого правового режима для многих видов виртуального имущества; риски споров о квалификации, оборотоспособности и отчуждении.	Разработка дифференцированного правового режима для различных видов цифровых активов с учетом их специфики.
Идентификация участников	Анонимность или псевдонимность участников цифровых платформ затрудняет установление личности правообладателя и проверку полномочий.	Внедрение надежных механизмов идентификации и верификации личности участников цифровых транзакций.
Нотариальное удостоверение сделок	Требование повышенных стандартов проверки источников, использования технических средств верификации и осторожного подхода к формулированию условий.	Создание специальных нотариальных процедур для сделок с цифровыми активами, обеспечивающих правовую определенность и минимизирующих риски оспаривания.

Таким образом, видится необходимость дальнейшего реформирования гражданского законодательства и создания эффективного механизма регулирования отношений в электронной цифровой среде. Существенные трудности возникают и при оценке доказательств. Отсутствие единого правового режима для многих видов виртуального имущества порождает риски споров о его правовой квалификации, оборотоспособности и допустимых способах отчуждения. Кроме того, анонимность или псевдонимность участников цифровых платформ затрудняет установление личности правообладателя и проверку полномочий. В связи с этим нотариальное удостоверение сделок с цифровыми активами требует повышенных стандартов проверки источников сведений, использования технических средств верификации и осторожного подхода к формулированию условий сделки, чтобы обеспечить правовую определенность и минимизировать риск последующего оспаривания.

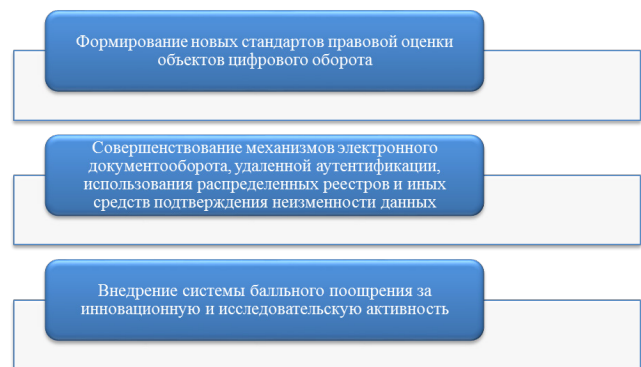

Рис. 1. Перспективы развития нотариальной практики в условиях цифровизации

Так, перспективы развития нотариальной практики в условиях цифровизации связаны не только с расширением технических инструментов удостоверения сделок, но и с формированием новых стандартов правовой оценки объектов цифрового оборота. По мере интеграции цифровых технологий нотариус все чаще сталкивается с необходимостью проверять происхождение цифровых активов, идентифицировать правообладателя, фиксировать волеизъявление сторон в электронной среде и обеспечивать доказательственную силу нотариального действия в отношении виртуального имущества. В этой связи особое значение приобретают механизмы электронного документооборота, удаленной аутентификации, использования распределенных реестров и иных средств подтверждения неизменности данных.

Одновременно развитие нотариальной практики предполагает учет научно-творческой деятельности специалистов, участвующих в выработке решений для цифровой среды. Заверение сделки у нотариуса может служить доказательством для государственных органов, если возникнут какие-либо проблемы или споры в будущем [8]. В современных условиях инновационная активность нотариусов, правоведов и IT-экспертов может выражаться в подготовке научных публикаций, разработке методических рекомендаций, участии в пилотных проектах по цифровому нотариату, создании программных решений для идентификации и хранения юридически значимых сведений. Формирование подходов к такому учету позволяет рассматривать научно-творческую деятельность не как факультативный элемент, а как показатель профессиональной компетентности и способности адаптироваться к новым правовым реалиям.

Особого внимания заслуживает вопрос о том, каким образом научно-исследовательская и творческая активность профессионалов, сосредоточенная вокруг цифровых преобразований нотариата, может быть систематизирована и надлежащим образом зафиксирована в рамках существующих квалификационных систем. Разработка прозрачных и объективных критериев учёта подобных достижений представляется одной из ключевых задач современного профессионального сообщества. При этом речь идёт не просто о формальной регистрации научных публикаций или участия в конференциях, но о создании полноценной инфраструктуры признания инновационного вклада каждого специалиста.

Закключение

В настоящее время назрела острая необходимость в комплексном реформировании гражданского законодательства. Создание эффективного механизма регулирования отношений, возникающих в электронной цифровой среде, является ключевым условием для обеспечения правовой определенности, защиты прав участников и минимизации рисков оспаривания сделок. Это позволит стимулировать развитие экономики цифровых прав и содействовать ее интеграции в общую правовую систему.

Литература

- Арямов, А.А. Цифровые права – новые горизонты или юридический тупик / А.А. Арямов, Е.О. Руева, А.А. Чигак // Правосудие. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 131–149. – DOI 10.37399/issn2686–9241.2020.1.131–149.
- Володькин, Н.Д. Институт цифровых прав в системе объектов гражданских прав / Н.Д. Володькин // Молодежный научный потенциал в юриспруденции XXI века: от теории к практике: IV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция, Москва, 14 октября 2021 года / Российский государственный гуманитарный университет, Институт экономики, управления и права, Юридический факультет. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. – С. 107–121.
- Дмитриенко, А.Я. Некоторые проблемы толкования и применения норм законодательства о цифровых правах / А.Я. Дмитриенко // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 25 ноября 2021 года. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. – С. 19–25.
- Кириллова, Е.А. Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е.А. Кириллова, Т.Э. Зулфугарзаде, С.Е. Метелев // Право-применение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 245–256. – DOI 10.52468/2542–1514.2022.6(1).245–256.
- Основы цифровой экономики / Е.А. Деркачева, К.А. Карташов, Т.И. Козюбро [и др.]; Кубанский государственный технологический университет, Волгодонский инженерно-технический институт (филиал), Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», АНО «Международная ассоциация ученых, преподавателей

и специалистов». – Краснодар: Индивидуальный предприниматель Кабанов Виктор Болеславович (Издательство «Новация»), 2021. – 422 с.

6. Петраков, Н.А. Цифровое имущество как объект гражданских прав: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Петраков Никита Андреевич. – Москва, 2024. – 252 с.

7. Рашева, Н.Ю. Особенности правового регулирования оборота цифровых активов / Н.Ю. Рашева, О.И. Чиркова // Национальная Ассоциация Ученых. – 2022. – № 81. – С. 71–76.

8. Тарарышкина, И. С. К вопросу о нотариальном удостоверении сделок с криптовалютами / И.С. Тарарышкина, М.И. Тюрин // Бюллетень нотариальной практики. – 2023. – № 4. – С. 37–40.

FEATURES OF NOTARIZATION OF TRANSACTIONS WITH DIGITAL ASSETS AND VIRTUAL PROPERTY

Marchenko I.A.

The digital revolution has had a profound impact on all spheres of life, including civil transactions. The emergence and rapid development of such phenomena as cryptocurrencies, non-fungible tokens (NFTs), digital rights to intellectual property, and virtual property in metaverses poses new, often challenging, challenges for the legal system. Notaries, as an institution designed to ensure legal stability and predictability in civil legal relations, are forced to adapt to these new realities. One of the most important tasks of notaries is ensuring the legality and security of transactions involving digital assets and virtual property. The purpose of this article is to examine the specifics of notarial certification of transactions involving digital assets and virtual property.

The practical significance of this study lies in the fact that studying the specifics of notarial certification of transactions involving digital assets and virtual property will enable practical application of this knowledge and improve the efficiency of notarial certification of transactions.

Keywords: digital assets, virtual property, notarial certification, transactions, scientific and creative activity, employment.

References

1. Aryamov, A.A. Cifrovye prava – novye gorizonty ili yuridicheskij tupik / A.A. Aryamov, E.O. Rueva, A.A. Chigak // *Pravosudie*. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 131–149. – DOI 10.37399/issn2686-9241.2020.1.131–149.

2. Volod'kin, N.D. Institut cifrovyyh prav v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav / N.D. Volod'kin // *Molodezhnyj nauchnyj potencial v yurisprudencii XXI veka: ot teorii k praktike: IV Vserossiyskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya*, Moskva, 14 oktyabrya 2021 goda / Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, Institut ekonomiki, upravleniya i prava, Yuridicheskij fakul'tet. – Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2021. – С. 107–121.

3. Dmitrienko, A. Ya. Nekotorye problemy tolkovaniya i primeneniya norm zakonodatel'stva o cifrovyyh pravah / A. Ya. Dmitrienko // *Tolkovanie pravovyh aktov (teoretiko-pravovoj, konstitucionno-pravovoj, grazhdansko-pravovoj i trudo-pravovoj aspekty): Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Simferopol', 25 noyabrya 2021 goda. – Simferopol': Krymskij federal'nyj universitet im. V.I. Vernadskogo, 2022. – С. 19–25.

4. Kirillova, E.A. Institut cifrovyyh prav v grazhdanskom prave Rossii / E.A. Kirillova, T.E. Zul'fugarzade, S.E. Metelev // *Pravoprimenenie*. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 245–256. – DOI 10.52468/2542–1514.2022.6(1).245–256.

5. Osnovy cifrovoy ekonomiki / E.A. Derkacheva, K.A. Kartashov, T.I. Kozyubro [i dr.]; Kubanskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet, Volgodonskij inzhenerno-tekhnicheskij institut (filial), Nacional'nogo issledovatel'skogo yadernogo universiteta «MI-FI», ANO «Mezhdunarodnaya associaciya uchenyh, prepodavatelej i specialistov». – Krasnodar: Individual'nyj predprinimatel' Kabanov Viktor Boleslavovich (Izdatel'stvo "Novaciya"), 2021. – 422 s.

6. Petrakov, N.A. Cifrovoe imushchestvo kak ob"ekt grazhdanskikh prav: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Petrakov Nikita Andreevich. – Moskva, 2024. – 252 s.

7. Rasheva, N. Yu. Osobennosti pravovogo regulirovaniya oborota cifrovyyh aktivov / N. Yu. Rasheva, O.I. Chirkova // *Nacional'naya Associaciya Uchenyh*. – 2022. – № 81. – С. 71–76.

8. Tararyshkina, I. S. K voprosu o notarial'nom udostoverenii sdelok s kriptovalyutami / I.S. Tararyshkina, M.I. Tyurin // *Byulleten' notarial'noj praktiki*. – 2023. – № 4. – С. 37–40.

К вопросу об аутоагрессивном поведении осужденных, не несущем угрозу жизни: психолого-педагогические направления профилактики

Соболев Николай Гургенович,

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Статья посвящена проблеме аутоагрессивного поведения осужденных, не несущего угрозы жизни, совершаемого в условиях исправительных учреждений. На основе теоретического анализа современных исследований рассматриваются детерминанты, психологические особенности и типологии лиц, склонных к демонстративно-шантажным аутоагрессивным проявлениям. Показано, что данная форма поведения, внешне сходная с суицидальными попытками, принципиально отличается по своему целевому и смысловому наполнению, выступая преимущественно инструментом манипуляции, давления на администрацию и получения личных выгод. Обосновывается необходимость комплексного профилактического подхода с акцентом на психолого-педагогическую составляющую. Выделены и охарактеризованы основные направления профилактических мероприятий. Делается вывод о том, что интеграция воспитательных, психологических, правовых и организационных мер при системообразующей роли психолого-педагогического воздействия позволяет эффективно снижать распространенность и негативные последствия аутоагрессивного поведения в пенитенциарных учреждениях. Определены перспективные направления дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: аутоагрессивное поведение; демонстративно-шантажное поведение; осужденные; психолого-педагогическая профилактика; уголовно-исполнительная система.

Аутоагрессивное поведение осужденных, не несущее угрозы жизни, в учреждениях уголовно-исполнительной системы представляет собой сложный и неоднозначный феномен, который в последние годы привлекает все большее внимание исследователей и практиков. Данная форма поведения, в частности ее демонстративно-шантажный вариант, внешне может напоминать попытку самоубийства, однако ее психологическое содержание и целевая направленность принципиально иные. Важно подчеркнуть, что в таких случаях реальный риск летального исхода минимален, а основная функция аутоагрессии – инструментальная (привлечь внимание, решить проблемный вопрос и т.д.).

Подобные аутоагрессивные проявления всегда были и остаются в арсенале поведенческих реакций осужденных, используя как способ избавиться от грозящих неприятностей, избежать перевода на более строгий режим, получить одобрение со стороны референтных групп, привлечь внимание окружающих и т.д. [1] Так, с помощью этих действий многие пытаются добиться от администрации необходимых льгот и уступок, а также изменить ситуацию в благоприятную для себя сторону. Последствиями указанного поведения становятся несчастные случаи, травмы, также дезорганизация деятельности исправительного учреждения. Иногда подобное поведение осужденных получает широкое освещение в СМИ, негативно сказываясь на имидже всей системы исполнения наказаний. В связи с этим важно понимать, какие индивидуально-психологические особенности лежат в основе склонности к аутоагрессивному поведению.

Опираясь на совокупность психологических и криминологических параметров, Д.Н. Землин дифференцирует два подтипа лиц, демонстрирующих аутоагрессивное поведение: шантажно-демонстративной направленности, – «зависимый» и «агрессивный» [2]. «Зависимый» подтип характеризуется слабостью волевых процессов, гиперчувствительностью, неуверенностью в собственных возможностях; ведущим побуждением к самоповреждениям в данном случае выступает психологическая защита и протестная реакция, направленная на обеспечение безопасности от реальных или мнимых притеснений. «Агрессивный» подтип, напротив, отличается выраженной уверенностью, решительностью, повышенной возбудимостью, завышенной самооценкой и общей негативной направленностью личности; доминирующим мотивом здесь является извлечение материальных или режимных преференций посредством оказания давления на администрацию. Инвариантным для обеих групп выступает глубинная мотивационная основа – стремление манипулировать сотрудниками (и иными лицами) с целью коррекции их поведенческих реакций или принимаемых решений. Последствия подобных акций могут выходить далеко за рамки потенциальной угрозы для жизни самого суицидента: они могут существенно дестабилизировать оперативную обстановку в учреждении, осложняя ее и создавая дополнительные риски для правопорядка. При этом сохраняется высокая вероятность стремительного вовлечения в подобные действия других осужденных, особенно в случаях, когда отдельные лица уже имели успешный опыт реализации аналогичных поведенческих сценариев [3]. Таким образом, демонстративно-шантажное аутоагрессивное поведение представляет собой многомерный феномен, купирование которого требует скоординированного участия различных структурных подразделений учреждения [4]. С одной стороны, будучи по внешним признакам суицидальным, оно предполагает оказание медицинской и психолого-педагогической помощи. С другой – с учетом его целевой направленности, инструментальной функции и потенциала дестабилизации обстановки, возникает объективная необходимость применения дополнительных мер воздействия, включая дисциплинарные санкции.

В другом исследовании, проведенном Т.В. Пивоваровой, М.П. Якушевым, были выявлены типы «аутоагрессантов» по мотивационно-волевым признакам: эгоцентрично-волевой, неуверенно-зависимый, демонстративно-шантажный [5]. Эгоцентрично-волевой тип, по мнению авторов, характеризуется стремлением привлечь к себе внимание через демонстрацию страданий, при этом аутоагрессия выступает инструментом манипуляции для достижения личных выгод или изменения отношения окружающих. Неуверенно-зависимый – отличается тревожностью, неспособностью самостоятельно справляться с труд-

ностями, склонностью искать поддержку у других, а аутоагрессивные действия совершаются на фоне чувства беспомощности и страха отвержения. Демонстративно-шантажный тип проявляется в тщательно спланированных, волевых действиях с целью не реального самоуничтожения, а манипуляции окружением для получения конкретных уступок (например, перевода в больницу или послаблений режима), при этом попытки совершаются на виду у свидетелей, чтобы вовремя оказали медицинскую помощь.

Существенным дополнением к приведенным типологиям служат результаты исследования Д.А. Кузнецовой [6]. В ходе работы установлено, что лицам, склонным к рассматриваемому типу поведения, присуща ярко выраженная негативная личностная направленность, проявляющаяся в склонности к дезинформации, систематическом игнорировании социально одобряемых норм, реализации агрессивных реакций, а также склонности к активному манипулированию окружающими. Кроме того, для данного контингента характерна сниженная способность к произвольной саморегуляции и волевому контролю, что нередко обуславливает импульсивность поведенческих реакций и принятие необдуманных решений. Указанные особенности зачастую сопряжены с совершением поступков, сопряженных с повышенным риском для жизни.

Проведенный анализ позволяет заключить, что аутоагрессивное поведение осужденных, не несущее угрозы жизни, в его наиболее распространенной демонстративно-шантажной форме, представляет собой сложный многофакторный феномен, принципиально отличающийся от истинного суицида своей целевой направленностью и психологическим содержанием. Основной целью здесь выступает не добровольный уход из жизни, а манипуляция, давление на администрацию и окружающих с целью получения личных выгод, смягчения режима содержания, перевода в более комфортные условия или изменения неблагоприятной ситуации. Последствия такого поведения выходят за рамки угрозы жизни и здоровью суицидента: они могут дестабилизировать оперативную обстановку в учреждении, провоцировать подражание других осужденных, создают негативный общественный резонанс.

В связи с этим особую значимость приобретают профилактические мероприятия психолого-педагогического характера, среди которых можно выделить следующие:

1. Формирование адаптивных копинг-стратегий у осужденных. В рамках данного направления должно осуществляться целенаправленное обучение осужденных конструктивным способам разрешения конфликтных ситуаций, преодоления фрустрации и стресса без обращения к аутоагрессивным формам реагирования. Данное направление предполагает не сколько коррекцию неадаптивных навыков, сколько активное формирование у осужденных поведенческих альтернатив через систему тренинговых, дискуссионных и игровых психолого-педагогических форм работы.

2. Развитие ценностно-смысловой сферы у осужденных. Необходима системная психолого-педагогическая работа по формированию у осужденных адекватной самооценки, ответственности за собственное поведение, уважения к себе и окружающим, отказа от манипулятивных форм взаимодействия. Психолого-педагогический аспект данного направления заключается в организации рефлексивных практик, способствующих переосмыслению осужденными жизненных целей, смыслов и ценностных ориентиров, а также в создании условий для их успешного исправления и ресоциализации.

3. Психолого-педагогическая подготовка сотрудников УИС. Повышение компетентности персонала в распознавании манипулятивных аутоагрессивных акций, владение техниками психолого-педагогического воздействия, деэскалации конфликтов и профилактики деструктивного поведения. Данное направление ориентировано на формирование у сотрудников психолого-педагогических компетенций, позволяющих не только своевременно выявлять риски, но и грамотно выстраивать психологически и педагогически целесообразное взаимодействие с осужденными группы риска.

4. Правовое и этическое просвещение осужденных. Проведение занятий, разъясняющих юридические последствия демонстративно-шантажного поведения (применение дисциплинарных мер, отсутствие уступок под давлением и т.д.) и одновременно формирующих понимание ценности собственной жизни и здоровья. Данное направление профилактической работы предполагает не только информирование о нормах, но и организацию мероприятий, позволяющих осужденным самостоятельно осмыслить неэффективность аутоагрессивных стратегий и их деструктивное влияние.

5. Профилактика подражания через психолого-педагогическое информирование. Использование разъяснительной работы о недопустимости подражания аутоагрессивным акциям, демонстрация реаль-

ных негативных последствий (в том числе дисциплинарных и правовых) для самих осужденных, а не только имиджевых потерь для учреждения. Это направление предполагает системную и комплексную работу сотрудников всех заинтересованных служб и отделов учреждения по формированию неприятия таких действий у осужденных, направленную на развитие у них критического мышления, укрепление личной ответственности за выбор используемых поведенческих стратегий.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что аутоагрессивное поведение осужденных, не несущее угрозы жизни, представляет собой многоаспектный пенитенциарный феномен, занимающий промежуточное положение между истинными суицидальными актами и деструктивными формами манипулятивного воздействия. Внешнее сходство с суицидальными попытками, как правило, не отражает внутреннего содержания данных действий: их основу составляет инструментальная мотивация, направленная на оказание давления на администрацию, получение льготных условий и определенной выгоды, изменение неблагоприятной ситуации либо привлечение внимания референтной группы.

Несмотря на отсутствие непосредственной угрозы жизни осужденным, рассматриваемая форма поведения требует комплексного решения, в котором центральное место занимают психолого-педагогические меры профилактики. Предложенные в статье направления профилактики в своей интегративной совокупности способны обеспечить целостное воздействие как на мотивационно-смысловую основу аутоагрессивного поведения, так и на выбор поведенческих стратегий осужденными.

Вместе с тем следует признать, что эффективность обозначенных направлений напрямую зависит от их системного внедрения, координации усилий всех субъектов профилактики и учета индивидуально-психологических характеристик самих осужденных. Перспективным направлением дальнейших исследований видится разработка и апробация дифференцированных психолого-педагогических программ профилактики аутоагрессивного поведения применительно к различным категориям осужденных, а также совершенствование системы профессиональной подготовки сотрудников, ответственных за реализацию воспитательно-профилактических мероприятий.

Литература

1. Кулакова С.В. Теоретические и прикладные аспекты деструктивного поведения осужденных, связанного с их демонстративно-шантажным поведением // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 6(87). – С. 15–16.
2. Землин Д.Н. Психологические особенности демонстративно-шантажного поведения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2009. – № 2. – С. 20–28.
3. Новиков В.В. Проблемы суицидального и демонстративно-шантажного поведения среди осужденных ИУ // Ведомости УИС. – 2007. – № 12. – С. 37–41.
4. Кряжева С.Г. Демонстративно-шантажное суицидальное поведение как форма группового неповиновения в местах лишения свободы // Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС: сборник материалов круглого стола, Москва, 30 ноября 2017 года / Под общей редакцией С.В. Гарника. – Москва: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2018. – С. 198–200.
5. Пивоварова Т.В., Якушев М.П. Психологические особенности подозреваемых, обвиняемых, осужденных, склонных к демонстративно-шантажному поведению // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации: Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Вологда, 27–28 октября 2022 года. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2023. – С. 89–96.
6. Кузнецова Д.А. Личностные особенности осужденных мужчин с демонстративно-шантажным поведением // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18, № 1(65). – С. 94–101.

ON THE ISSUE OF NON-LIFE-THREATENING AUTOAGGRESSIVE BEHAVIOR IN CONVICTS: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL APPROACHES TO PREVENTION

Sobolev N.G.

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article examines the problem of non-life-threatening autoaggressive behavior in convicts committed in correctional facilities. Based on a theoretical analysis of modern re-

search, the determinants, psychological characteristics, and typologies of individuals prone to demonstrative and blackmailing autoaggressive behavior are examined. It is shown that this form of behavior, while superficially similar to suicidal attempts, differs fundamentally in its purpose and meaning, serving primarily as a tool for manipulation, pressure on the administration, and personal gain. The need for a comprehensive preventive approach with an emphasis on psychological and pedagogical components is substantiated. The main areas of preventive measures are identified and described. It is concluded that the integration of educational, psychological, legal, and organizational measures, with the system-forming role of psychological and pedagogical interventions, can effectively reduce the prevalence and negative consequences of self-aggressive behavior in penitentiary institutions. Promising areas for further empirical research are identified.

Keywords: self-aggressive behavior; demonstrative-blackmailing behavior; convicts; psychological and pedagogical prevention; penal system.

References

1. Kulakova S.V. Teoreticheskie i prikladnye aspekty destruktivnogo povedeniya osuzhdennykh, svyazannogo s ih demonstrativno-shantazhnym povedeniem [Theoretical and applied aspects of destructive behavior of convicts associated with their demonstrative-blackmail behavior] // Global'nyj nauchnyj potencial. – 2018. – № 6(87). – S. 15–16.
2. Zemlin D.N. Psihologicheskie osobennosti demonstrativno-shantazhnogo povedeniya osuzhdennykh // Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. – 2009. – № 2. – S. 20–28.
3. Novikov V.V. Problemy suicidal'nogo i demonstrativno-shantazhnogo povedeniya sredi osuzhdennykh IU [Psychological characteristics of demonstrative-blackmail behavior of convicts] // Vedomosti UIS. – 2007. – № 12. – S. 37–41.
4. Kryazheva S.G. Demonstrativno-shantazhnoe suicidal'noe povedenie kak forma gruppovogo nepovinoeniya v mestah lisheniya svobody [Demonstrative-blackmail suicidal behavior as a form of group disobedience in places of deprivation of liberty] // Gruppovye nepovinoeniya i massovye besporyadki v uchrezhdeniyah UIS: sbornik materialov kruglogo stola, Moskva, 30 noyabrya 2017 goda / Pod obshchey redakciej S.V. Garnika. – Moskva: Federal'noe kazennoe uchrezhdenie Nauchno-issledovatel'skij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy Rossijskoj Federacii, 2018. – S. 198–200.
5. Pivovarova T.V., Yakushev M.P. Psihologicheskie osobennosti podozrevaemykh, obvinyaemykh, osuzhdennykh, sklonnykh k demonstrativno-shantazhnomu povedeniyu [Psychological characteristics of suspects, accused, and convicts prone to demonstrative-blackmail behavior] // Penitenciar'naya sistema Rossii v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i resocializacii: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 3-h chastyah, Vologda, 27–28 oktyabrya 2022 goda. – Vologda: Vologodskij institut prava i ekonomiki FSIN Rossii, 2023. – S. 89–96.
6. Kuznecova D.A. Lichnostnye osobennosti osuzhdennykh muzhchin s demonstrativno-shantazhnym povedeniem [Personality characteristics of male convicts with demonstrative-blackmail behavior] // Penitenciar'naya nauka. – 2024. – T. 18, № 1(65). – S. 94–101.

Соколов Антон Николаевич,

аспирант, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

E-mail: sokol_anton2001@mail.ru

В статье исследуется институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в эпоху СССР с момента становления советской государственности до принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. Предметом исследования выступают нормативные правовые акты, доктринальные положения и основные этапы развития правового регулирования данного института. Цель работы заключается в выявлении особенностей формирования и эволюции советской модели обстоятельств, исключающих преступность деяния. Методологическую основу исследования составили историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. В результате исследования установлены основные тенденции развития правового регулирования необходимой обороны, крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также выявлены предпосылки формирования современной системы соответствующих уголовно-правовых норм. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении эволюции института в советский период с учетом изменений уголовного законодательства и научных подходов. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении истории отечественного уголовного права и совершенствовании уголовного законодательства. Сделан вывод о преемственности ключевых положений советского уголовного законодательства в действующем уголовном праве Российской Федерации.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; крайняя необходимость; уголовное законодательство СССР; оправданный риск; правовая природа.

Эпоха СССР представляет собой особый и во многом противоречивый период существования института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Его специфика обусловлена глубокой трансформацией общественно-политического строя и идеологических ориентиров, что отразилось на содержании уголовно-правовых норм и принципах их применения. В отличие от дореволюционного законодательства, в центре правового регулирования оказалась не столько защита индивидуальных прав личности, сколько охрана общественных и государственных интересов, что придало данному институту ярко выраженную социально-полезную направленность.

Почти сразу после начала Октябрьской революции 1917 г. значительная часть прежних уголовных законов была отменена. Советской властью накопленный нормативный опыт воспринимался отрицательно, в связи с чем декларировался отказ от его сохранения, продолжения и развития. Так, во введении к Руководящим началам по уголовному праву РСФСР 1919 г., являвшимся первым советским источником уголовного права, указывалось: «Как пролетариат не мог просто приспособить готовую буржуазную государственную машину для своих целей, а должен был, превратив ее в обломки, создать свой государственный аппарат, так не мог он приспособить для своих целей и буржуазные кодексы пережитой эпохи и должен был сдать их в архив истории». Несмотря на это, как отмечает В.И. Михайлов: «разработка положений о необходимой обороне и других ситуациях в Руководящих началах и особенно в УК РСФСР 1922 г. осуществлялась под сильным влиянием Уголовного уложения 1903 г. и других законов Российской империи, в которых содержались нормы уголовного права» [3, с. 129].

Результатом подобной исходной установки при создании первого в советской России систематизированного нормативного акта уголовно-правового характера стало то, что Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. содержали лишь одно нормативное положение, касающееся обстоятельств, исключающих преступность деяния, — необходимую оборону (ст. 15): «Не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает мер необходимой обороны».

Как видно, необходимая оборона допускалась исключительно для защиты личностных интересов как самого обороняющегося, так и других лиц от насильственного посягательства.

В сравнении с законодательными актами Российской империи в вопросе правовой регламентации необходимой обороны был сделан определённый шаг назад. Однако это представляется вполне закономерным, поскольку Руководящие начала РСФСР 1919 г. являлись первым опытом обобщения судебной практики за начальный период существования Советского государства и объективно не могли предусмотреть всего комплекса норм общей части уголовного права, которые позднее были разработаны и закреплены в законодательстве.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. действовали до вступления в силу полноценного Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.

В данном Уголовном кодексе обстоятельства, исключающие преступность деяния, были включены в раздел II «Общие начала применения наказания» наряду с такими правовыми институтами, как задачи уголовного закона, понятие преступления, неоконченное преступление, соучастие и т.д.

Среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, наибольшее внимание было уделено регламентации необходимой обороны. Её законодательное закрепление оказалось более точным и выверенным по сравнению с соответствующим положением, установленным в Руководящих началах РСФСР 1919 г.

Так, статья 19 УК РСФСР 1922 г. существенно расширила содержание необходимой обороны, включив в её пределы защиту не только личности, но и прав обороняющегося либо иных лиц. Претерпело изменения и понимание источника опасности: если ранее он связывался с нападением или насилием, то в рассматриваемой норме речь шла уже о незаконном посягательстве в целом. Одновременно законодатель отказался от прямого указания на допустимость применения насилия лишь в тех случаях, когда оно являлось необходимым средством

отражения нападения либо защиты от насильственных действий в отношении обороняющегося.

В Особенной части УК РСФСР 1922 г. вопрос об уголовно-правовых последствиях превышения пределов необходимой обороны получил нормативное разрешение. В частности, к превышению пределов относилось причинение смерти посягающему (ст. 145) либо причинение тяжких телесных повреждений (ст. 152). Помимо этого, в указанных статьях регламентировалась ответственность и в ситуации причинения вреда при задержании «застыгнутого на месте преступления преступника», формально приравнивая такие действия к необходимой обороне.

Существенной новеллой в советском уголовном праве стало закрепление в ст. 20 УК РСФСР 1922 г. положения «о вынужденном причинении вреда при неотвратимой опасности», то есть крайней необходимости. Закон определял основания и критерии ненаказуемости такого деяния: невозможность устранения опасности иными средствами при данных обстоятельствах, а также меньшую значимость причиненного вреда по сравнению с предотвращенным. При этом целью действий признавалось спасение жизни, здоровья либо иного личного или имущественного блага как своего, так и другого лица.

Следует отметить, что положения статей 19 и 20 УК РСФСР 1922 г. (как и соответствующая норма о необходимой обороне, закреплённая в Руководящих началах РСФСР 1919 г.) исходили из признания деяний, совершённых в условиях необходимой обороны и крайней необходимости, формально наказуемыми, но одновременно освобождаемыми от наказания, что существенно трансформировало представление о правовой природе данных обстоятельств на раннем этапе становления советского уголовного права.

В научных исследованиях также упоминается согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния, которое ранее существовало в УК РСФСР 1922 г.: примечание к ст. 143, предусматривавшей ответственность за умышленное убийство без отягчающих признаков, устанавливало, что лишение жизни, совершённое по просьбе самого потерпевшего из мотивов сострадания, уголовному наказанию не подлежит. Однако в процессе обсуждения поправок к УК РСФСР 1922 г. на IV сессии ВЦИК IX созыва в октябре 1922 г. было высказано предложение об исключении данного примечания. Председательствующий Н.В. Крыленко обосновал его наличием фактов злоупотреблений, связанных с лишением жизни лиц, якобы выразивших согласие на такие действия. В результате примечание к ст. 143 было исключено из текста Кодекса [3, с. 127–128].

Законодательство рассматриваемого исторического этапа, по мнению В.И. Михайлова, допускало и такое обстоятельство, как «осуществление профессиональных (должностных) функций» [3, с. 128]. Данный вывод учёный подтверждает положениями ст. 215 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г., согласно которым «лица, принадлежащие к составу администрации, надзора и стражи мест заключения, имеют право применять оружие в случаях, когда это представляется, безусловно, необходимым за исчерпанием всех других способов: а) в целях обороны от нападения как на них самих, так и на заключённых; б) для прекращения насильственных действий со стороны заключённых; в) при побеге заключённого».

Вместе с тем в научной литературе высказывается и иная точка зрения. Так, С.Ф. Милюков и А.В. Никуленко полагают, что причинение вреда лицу, совершающему побег, в рамках ст. 215 ИТК РСФСР 1924 г. представляло собой лишь одну из форм реализации необходимой обороны [3, с. 128].

Дальнейшее развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, было связано с принятием Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. Аналогично Уголовному кодексу РСФСР 1922 г., Основные начала не формировали развернутой системы таких обстоятельств, ограничившись их закреплением в обобщённом виде.

В соответствии со ст. 9 меры социальной защиты не применялись к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовным законом, если они были совершены в состоянии необходимой обороны. В отличие от Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., объект защиты был сформулирован предельно широко, включая не только личность и права обороняющегося либо другого лица, но и посягательства на советскую власть и революционный порядок. Условием правомерности оставалось отсутствие превышения пределов обороны, содержание которого в Основных началах не раскрывалось.

В той же норме закреплялось положение о «неотвратимой опасности» (крайней необходимости): меры социальной защиты не применялись, если деяние было совершено для отвращения опасности, которая была неустраима при данных обстоятельствах другими средствами, при условии, что причинённый вред являлся менее значимым по срав-

нению с предотвращённым. По своему содержанию данная конструкция в целом совпадала с положением ст. 20 УК РСФСР 1922 г., в связи с чем не требует самостоятельного анализа.

В целом Основные начала 1924 г. сохраняли характерный для раннего советского уголовного права подход, согласно которому деяния, совершённые в условиях необходимой обороны и крайней необходимости, рассматривались как формально уголовно наказуемые, но освобождаемые от применения мер социальной защиты. Вместе с тем включение соответствующих положений в общеобязательный союзный акт свидетельствовало о тенденции к формированию единого подхода к кодификации уголовного законодательства на территории Союза, что оказало влияние на последующее развитие обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном праве союзных республик.

Отметим также, что положения ст. 9 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. с несущественными редакционными изменениями воспроизведены в ст. 13 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., в связи с чем отдельный анализ норм УК РСФСР 1926 г. не требуется.

В 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, которые внесли значительный вклад в развитие исследуемого института. Во-первых, необходимая оборона и крайняя необходимость получили своё официальное наименование, будучи оформлены в виде двух самостоятельных статей. Во-вторых, принципиальным изменением стало то, что необходимая оборона и крайняя необходимость рассматривались не с позиции ненаказуемости, а в рамках непротивности деяния, поскольку в тексте Основ прямо указывалось, что действия, совершённые при данных обстоятельствах, «не являются преступлением». Данная формулировка, как отмечает Т.Ю. Орешкина, была воспринята из Уголовного уложения 1903 г. [4]. Важно подчеркнуть, что именно такой подход к правовой природе изучаемого института закреплён и в современном уголовном законодательстве.

Отдельного внимания заслуживает норма, регулирующая необходимую оборону (ст. 13), в которой круг охраняемых объектов был дополнен общественными интересами, а также впервые было дано определение превышения пределов необходимой обороны как «явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства», сохраняющее своё значение в уголовном законодательстве по настоящее время.

Говоря о крайней необходимости (ст. 14), следует отметить обобщение перечня охраняемых благ, в котором приоритет был отдан интересам государства. Вместе с тем, как и в норме, регулирующей необходимую оборону, впервые под уголовно-правовую защиту были поставлены интересы общества.

Несмотря на все обозначенные нововведения, законодатель так и не закрепил в уголовном законодательстве обобщающего понятия «обстоятельств, исключающих преступность деяния» и не предпринял попыток объединить нормы о них в рамках самостоятельной главы.

Отсутствие единого термина было характерно и для советской уголовно-правовой доктрины. В научной литературе того периода обстоятельства, исключающие преступность деяния, обозначались по-разному: как «обстоятельства, исключающие ответственность» [9, с. 53], «обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния» [11, с. 410], «обстоятельства, исключающие противоправность деяния (оправдывающие обстоятельства)» [8, с. 95], а также как «обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния» [10, с. 104].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., принятый в развитие положений Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., не привнес существенных изменений в регулирование обстоятельств, исключающих преступность деяния. По существу, дополнения сводились, во-первых, к закреплению в нормах Особенной части конкретизированных случаев превышения пределов необходимой обороны, а во-вторых, к установлению требования о том, что действия, совершённые в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости, должны формально подпадать под признаки деяния, предусмотренного Особенной частью уголовного закона (ст. ст. 13–14 УК).

Неоднозначное положение в советском уголовном праве занимало задержание лица, совершившего преступление. Нормы, непосредственно регулирующие данное обстоятельство, отсутствовали как в УК РСФСР 1960 г., так и в предшествующих уголовно-правовых актах. При этом специальные правила о задержании преступника имелись в уголовных кодексах Узбекской и Украинской республик [10, с. 104]. Однако Пленум Верховного Суда СССР на протяжении длительного времени приравнивал вред, причинённый при задержании преступника, к необходимой обороне [5; 6; 7].

В то же время, как справедливо подчёркивал Н.И. Загородников, в общесоюзном уголовном законодательстве задержание преступника рассматривалось как самостоятельное обстоятельство [10, с. 119]. В качестве примера учёный приводил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 № 5362-VI «Об усилении ответственности за хулиганство», в котором было дано разъяснение следующего характера (п. 15): «Действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику». Однако данное указание так и не привело к формированию самостоятельного уголовно-правового института задержания лица, совершившего преступление, на территории РСФСР, поскольку правомерность причинения вреда в таких случаях по-прежнему выводилась из положений о необходимой обороне, выработанных Пленумом Верховного Суда СССР, и не закреплялась непосредственно в уголовном законе.

Существенный этап в развитии исследуемого института связан с принятием в 1991 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Положения об исключении преступности деяния в Основах 1991 г. были восприняты из Основ 1958 г.

Впервые в советском уголовном праве рассматриваемые обстоятельства были оформлены как самостоятельный институт: ему было присвоено официальное наименование «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», а соответствующие нормы объединены в отдельный раздел закона. Наряду с необходимой обороной и крайней необходимостью в перечень обстоятельств были включены задержание лица, совершившего преступление, ранее приравнивавшееся к необходимой обороне, а также оправданный профессиональный и хозяйственный риск, сформированный в рамках советской уголовно-правовой доктрины [1; 2] и впоследствии закреплённый законодателем. Вместе с тем в ст. 24 Основ подчеркивалось ключевое положение: необходимая оборона признавалась правом каждого гражданина. При этом все последующие нормы раздела открывались формулировкой «Не является преступлением действие».

Несмотря на высокую степень концептуальной завершенности и значимость заложенных положений, Основы 1991 г., в условиях распада СССР, так и не вступили в законную силу, однако во многом предопределили структуру и содержание последующего российского уголовного законодательства.

В советский период развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, носило непоследовательный характер. Отказ от дореволюционных теоретических конструкций привёл к сужению его содержания и трактовке необходимой обороны и крайней необходимости преимущественно как обстоятельств, влияющих на наказуемость. Лишь с принятием Основ уголовного законодательства 1958 г. наметился возврат к пониманию данных обстоятельств как исключающих преступность деяния, однако и в этот период они не образовывали единой, системно оформленной совокупности норм. Попытка такой систематизации была предпринята в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г., которые, однако, по политическим причинам так и не вступили в силу. Вместе с тем рассматриваемый период характеризуется расширением содержания данного института за счёт введения новых оснований, ранее не известных отечественному законодательству и доктрине (например, оправданного профессионального и хозяйственного риска), а также уточнением порядка действия отдельных обстоятельств, в частности посредством включения в число объектов защиты интересов общества и государства.

Таким образом, советская эпоха заложила основные концептуальные решения, которые впоследствии были восприняты действующим уголовным законодательством Российской Федерации.

Литература

1. Гринберг М.С. Момент оправданного риска в производственном процессе и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. – 1954. – № 1. С. 99–108
2. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. – Москва: Госюриздат, 1963. – 132 с.
3. Михайлов В.И. Становление института правомерного причинения вреда (обстоятельства, исключающие преступность деяния) в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 117–131.
4. Орешкина Т.Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: учебное пособие для магистрантов [Электронный ресурс]. – Москва: Проспект, 2020. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/book/tatyana-urevna-oresh/obstoyatelstva-iskluchauschie-prestupnost-deyaniya-uc-21567572/chitat-onlayn/?page=1>

deyaniya-uc-21567572/chitat-onlayn/?page=1 (Дата обращения: 30.06.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.10.1956 № 8 «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» // СПС КонсультантПлюс.

6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» // СПС КонсультантПлюс.

7. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // СПС КонсультантПлюс.

8. Советское уголовное право: пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР: ч. общая и особенная / Э.Я. Нemiровский. – Одесса: б.и., 1924. – 292 с.

9. Уголовное право / проф. Б.С. Утевский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 587 с.

10. Уголовное право: (Общая и Особенная части): [Учебник для сред. юрид. школ] / Под ред. проф. Н.И. Загородникова. – Москва: Юрид. лит., 1969. – 587 с.

11. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / Пионтковский А.А. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.

THE INSTITUTION OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIMINALITY OF AN ACT IN THE ERA OF THE USSR

Sokolov A.N.

Dostoevsky Omsk State University

The article examines the institution of circumstances excluding the criminality of an act during the Soviet period, from the establishment of Soviet statehood to the adoption of the 1991 Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics. The subject of the study comprises legal acts, doctrinal approaches, and the main stages in the development of the legal regulation of this institution. The purpose of the research is to identify the specific features of the formation and evolution of the Soviet model of circumstances excluding the criminality of an act. The methodological framework includes historical-legal, formal-legal, comparative-legal, and systemic methods. The study identifies the main trends in the development of legal regulation of necessary defense, necessity, and other circumstances excluding criminality, as well as the prerequisites for the formation of the modern system of relevant criminal law provisions. The scientific novelty of the research lies in its comprehensive analysis of the evolution of this institution during the Soviet period, taking into account changes in criminal legislation and legal doctrine. The findings may be used in further research on the history of Russian criminal law and in improving criminal legislation. It is concluded that the key provisions of Soviet criminal legislation have been preserved in the current criminal law of the Russian Federation.

Keywords: circumstances excluding the criminality of an act; necessary defense; extreme necessity; Soviet criminal legislation; justified risk; legal nature.

References

1. Grinberg, M.S. The Moment of Justified Risk in the Production Process and Its Criminal Law Significance. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo (Soviet State and Law)*. 1954. No. 1. pp. 99–108.
2. Grinberg, M.S. The Problem of Production Risk in Criminal Law. Moscow: Gosyurizdat, 1963. 132 p.
3. Mikhailov, V.I. The Formation of the Institution of Lawful Infliction of Harm (Circumstances Excluding the Criminality of an Act) in the Guiding Principles of Criminal Law of the RSFSR of 1919 and the Criminal Code of the RSFSR of 1922. *Zhurnal rossiiskogo prava (Journal of Russian Law)*. 2019. No. 2. Pp. 117–131.
4. Orezhkina, T. Yu. Circumstances Excluding the Criminality of an Act: A Study Guide for Master's Students [Electronic resource]. Moscow: Prospekt, 2020. Available at: <https://www.litres.ru/book/tatyana-urevna-oresh/obstoyatelstva-iskluchauschie-prestupnost-deyaniya-uc-21567572/chitat-onlayn/?page=1> (accessed: June 30, 2026).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 8 of October 23, 1956, On Deficiencies in Judicial Practice in Cases Related to the Application of Legislation on Necessary Defense. ConsultantPlus Legal Reference System.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 11 of December 4, 1969, On the Practice of the Application by Courts of Legislation on Necessary Defense. ConsultantPlus Legal Reference System.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 14 of August 16, 1984, On the Application by Courts of Legislation Ensuring the Right to Necessary Defense against Socially Dangerous Encroachments. ConsultantPlus Legal Reference System.
8. Nemirowsky, E. Ya. Soviet Criminal Law: A Manual for the Study of the Science of Criminal Law and the Current Criminal Code of the USSR: General and Special Parts. Odessa, 1924. 292 p.
9. Utevsky, B.S. Criminal Law. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1950. 587 p.
10. Zagorodnikov, N.I. (ed.). Criminal Law (General and Special Parts): A Textbook for Secondary Law Schools. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1969. 587 p.
11. Piontkovsky, A.A. The Doctrine of Crime under Soviet Criminal Law. A Course of Soviet Criminal Law: General Part. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 666 p.

Виноградова Тамара Гамидовна,

канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
E-mail: tgvin1@yandex.ru

Магомедмирзоева Джамиля Ярметовна,

канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
E-mail: m-mirzoeva@yandex.ru

Семилетова Яна Игоревна,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
E-mail: net-pk@mail.ru

Магомедмирзоев Магомед Маратович,

бакалавр 4 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: magomed.1303@yandex.ru

В статье анализируется современный этап эволюции российской правовой доктрины в сфере регулирования публичных финансов. Выявлены системные противоречия финансово-контрольной деятельности: параллелизм проверок, методологическая неопределённость оценки эффективности расходов, цифровая разобщённость информационных систем и слабость муниципального звена. На основе практики 2025–2026 годов охарактеризованы ключевые меры институциональной и технологической модернизации – внедрение Единого реестра контрольных мероприятий, риск-ориентированное планирование, создание центров компетенций, развитие межмуниципального аудита и автоматизированных систем отслеживания рекомендаций. Обоснован переход от репрессивной к превентивно-аналитической парадигме контроля. Определены направления дальнейшего совершенствования правового регулирования, включая использование искусственного интеллекта и цифрового рубля.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственный аудит, бюджетный мониторинг, цифровизация, риск-ориентированный подход, межмуниципальный аудит, правовая доктрина, публичные финансы

Введение

Современная стадия эволюции российской правовой доктрины в части регулирования публичных финансов свидетельствует о глубокой структурной перестройке институтов контроля, что объективно актуализирует научное осмысление финансово-контрольных механизмов как системообразующего элемента обеспечения законности, целевого и эффективного использования бюджетных ассигнований. Конституционный базис данной деятельности, закреплённый в статьях 71, 72 и 132 Основного закона Российской Федерации, требует постоянного переосмысления в контексте трансформации бюджетного федерализма, усиления финансовой самостоятельности территорий и императивов верховенства права в экономической сфере. В условиях перехода к программно-целевому бюджетированию, имплементации механизмов управления по результатам и масштабной цифровизации государственных услуг контроль утрачивает исключительно репрессивную функцию, трансформируясь в аналитико-превентивную систему, ориентированную на повышение качества публичных услуг, минимизацию фискальных рисков и обеспечение устойчивости финансовой архитектуры государства. Научная новизна настоящего исследования обусловлена необходимостью доктринального переосмысления классических подходов к финансовому контролю в свете последних изменений бюджетного законодательства [10], а также практической потребностью в устранении системных противоречий, препятствующих формированию единого контрольно-аналитического пространства на всех уровнях публичной власти. Особую значимость приобретает теоретическое разграничение категорий «финансовый контроль», «государственный аудит» и «бюджетный мониторинг», которые в современной правовой науке рассматриваются не как синонимичные понятия, а как взаимодополняющие элементы единого механизма обеспечения финансовой дисциплины, каждый из которых обладает специфическими правовыми основаниями, процессуальными формами и целевыми ориентирами [13, 15]. Эволюция контрольной парадигмы находит отражение в постепенном отказе от ретроспективной проверки исполнения сметных назначений в пользу оценки достижимости социально-экономических эффектов, что требует пересмотра не только методологических подходов, но и правовых механизмов фиксации, верификации и имплементации аудиторских результатов в цикл бюджетного планирования.

Актуальность настоящего исследования определяется комплексом макроэкономических, правовых и институциональных вызовов, с которыми сталкивается российская финансовая система в текущий период. Глобальная экономическая турбулентность, санкционное давление, необходимость перестройки логистических и производственных цепочек, а также реализация масштабных национальных проектов требуют беспрецедентной концентрации бюджетных ресурсов и одновременного усиления механизмов их целевого освоения. В этих условиях государственный и муниципальный финансовый контроль выступает не просто административной процедурой, а стратегическим инструментом обеспечения финансовой безопасности страны, минимизации коррупционных рисков и укрепления доверия граждан к институтам публичной власти. Существенное значение приобретает переход от формального контроля соблюдения бюджетной дисциплины к оценке результативности и эффективности расходования средств, что прямо коррелирует с требованиями Бюджетного кодекса Российской Федерации о внедрении механизмов управления по результатам, закреплёнными в статьях 265, 266 и 269.2 [1]. При этом доктринальное понимание финансового контроля эволюционирует: если ранее акцент делался на выявлении нарушений и применении мер ответственности, то современная парадигма предполагает интеграцию контрольных функций в цикл бюджетного планирования, использование риск-ориентированных моделей и проактивное взаимодействие с объектами контроля. Практическая значимость темы подтверждается официальными данными: по итогам деятельности за 2025 год, отчет о которой был представлен Счетной палатой Российской Федерации Государственной Думе в марте 2026 года, в ходе внешнего государственного аудита выявлено 4 631 нарушение и недостаток на общую сумму 1 527,6 млрд рублей. Эти цифры свидетельствуют не только о масштабах финансовых потоков, но и о сохраняющихся системных рисках нецелевого

использования ресурсов, что требует постоянного совершенствования контрольных механизмов, адаптации нормативной базы к условиям цифровой экономики и укрепления методологической базы оценки эффективности публичных расходов. В условиях формирования новой архитектуры государственных финансов, включающей элементы программируемых транзакций, сквозного мониторинга исполнения бюджетов и интеграции контрольных процедур в информационные системы исполнительной власти, научное осмысление правовых основ финансового контроля приобретает стратегическое значение для обеспечения устойчивого развития страны в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Материалы и методы

В ходе исследования использовались общенаучные методы (анализ, синтез, системный и структурно-функциональный подходы), формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения, а также статистический анализ данных контрольных органов. Нормативно-правовую базу составили Бюджетный кодекс РФ, федеральные законы № 473-ФЗ и № 432-ФЗ, постановления Правительства РФ, ведомственные приказы Минфина России, концептуальные документы Счетной палаты РФ. Эмпирическую основу исследования образуют отчеты о деятельности контрольно-счетных органов за 2025–2026 годы, данные Единого реестра контрольных мероприятий, а также судебная практика арбитражных судов по оспариванию актов финансового контроля.

Литературный обзор

В научной литературе активно спорят о правовой природе мер финансового воздействия [9]. Традиционные инструменты – взыскание неосновательного обогащения или бюджетные штрафы – зачастую совершенно несоразмерны масштабу причиненного ущерба, а их процессуальное оформление отнимает массу времени, что резко снижает превентивный эффект контроля. Вопросы цифровой трансформации контрольной сферы рассматриваются в работах [11, 12], где отмечается, что заявленный переход на электронный документооборот и автоматизированный мониторинг пока не дал сквозной интеграции информационных контуров: базы Федерального казначейства, ФНС и контрольно-счетных органов живут сами по себе, из-за чего невозможно в реальном времени отслеживать движение публичных средств. Особое внимание в литературе уделяется также внутреннему финансовому аудиту [16] и правовым императивам трансформации государственного финансового контроля [17].

Результаты

Системный анализ действующего правового регулирования и правоприменительной практики позволяет выявить ряд устойчивых проблем, препятствующих полноценной реализации потенциала финансово-контрольной деятельности.

Как показывает практика, даже после принятия Федерального закона от 29.12.2020 № 473-ФЗ, который вроде бы четко разграничил функции внешнего и внутреннего контроля [2], на деле сохраняется ощутимый параллелизм. Федеральные, региональные и муниципальные органы сплошь и рядом дублируют проверочные мероприятия, из-за чего бюджетные учреждения задыхаются под избыточной административной нагрузкой, а персональная ответственность за исправление найденных недостатков попросту размывается. В этой связи особую актуальность приобретают исследования механизмов внутреннего финансового аудита [16].

Одновременно зияет методологическая дыра в оценке того, насколько результативно тратятся бюджетные средства. Действующие критерии эффективности на поверку сводятся к формальному исполнению смет, а отраслевая специфика и местные условия остаются за скобками. Механизмы обратной связи, которые должны бы корректировать будущие бюджетные ассигнования с учетом аудиторских заключений, работают урывками и системным характером не отличаются.

Особенно уязвим муниципальный сегмент. Многие контрольно-счетные органы на местах остро нуждаются в финансовой самостоятельности и квалифицированных кадрах, а их работа нередко находится под давлением местных исполнительных властей. Отсутствие у специалистов профильной подготовки в области государственного аудита дополнительно снижает качество экспертно-аналитической работы. Правовая неоднородность усугубляется бланкетным характером ряда норм, отсылающих к региональному и муниципальному регулированию, что порождает различия в процедурах планирования, проведения и оформления результатов проверок, затрудняя формирование единого стандарта качества контрольной деятельности на местном уровне. Кроме того, сохраняется проблема низкой исполнительской

дисциплины в части устранения выявленных нарушений: значительная часть предписаний контрольных органов не исполняется в установленные сроки, а механизмы принудительного исполнения слабо интегрированы в систему межбюджетных отношений. Судебная практика арбитражных судов последних лет показывает, что оспаривание актов финансового контроля часто связано с процессуальными нарушениями при фиксации нарушений, недостаточной доказательной базой или неоднозначностью толкования критериев эффективности, что требует дополнительного законодательного уточнения процедурных гарантий для обеих сторон контрольных правоотношений.

Обсуждение. В ответ на обозначенные системные противоречия в 2025–2026 годах реализуется комплекс институциональных, технологических и методологических мер, формирующих новую архитектуру финансово-контрольной деятельности. Ключевым инструментом снижения дублирования стало внедрение Единого реестра контрольных мероприятий, функционирующего в штатном режиме с 2024 года и к 2025 году охватившего все уровни публичной власти [3]. Реестр позволяет в автоматическом режиме фиксировать планы проверок, выявлять пересечения объектов контроля и перераспределять нагрузку между ведомствами на основе алгоритмов приоритизации. По данным Минфина России, в 2025 году количество повторных проверок одних и тех же получателей бюджетных средств сократилось на 38%, а время согласования межведомственных планов сократилось втрое благодаря цифровому контуру взаимодействия, интегрированному с системой «Электронный бюджет». Параллельно активно внедряется риск-ориентированный подход, утвержденный Концепцией Счетной палаты РФ от 22.06.2021 № 44К (1487) [4] и адаптированный для региональных и муниципальных органов в 2024–2025 годах через соответствующие приказы Минфина [7] и методические рекомендации Совета контрольно-счетных органов [8]. На практике это означает, что более 70% плановых проверок в 2025 году проводились на основе риск-матриц, учитывающих историю нарушений, объем осваиваемых средств, отраслевую специфику, уровень финансовой устойчивости объекта и показатели исполнения предыдущих рекомендаций. Низкорисковые субъекты переведены в режим консультационного сопровождения и выборочного аналитического мониторинга, тогда как высокоприоритетные направления (государственные и муниципальные закупки, капитальное строительство, IT-проекты, льготное кредитование, субсидирование юридических лиц) концентрируют основные аудиторские ресурсы. Для повышения глубины анализа и специализации аудиторской деятельности Счетная палата РФ в 2025–2026 годах создала три специализированных центра компетенций: по аудиту закупочной деятельности, по проектам капитального строительства и по информационным системам и цифровой трансформации. Эти структуры работают по единым федеральным методическим стандартам, разработанным с учетом международных стандартов высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) и национальной специфики, что позволяет применять отраслевые индикаторы эффективности, сопоставлять результаты проверок на всех уровнях бюджетной системы и формировать агрегированные аналитические отчеты для органов законодательной и исполнительной власти.

И все же методологическая унификация идет – постепенно внедряется предварительное согласование планов проверок на уровне межведомственных рабочих групп, что позволяет избежать дублирования еще на стадии формирования годовых программ.

Технологическая модернизация контрольных процессов реализуется через объединение информационных контуров Казначейства, Счетной палаты, ФНС и региональных органов власти. Система «Электронный бюджет» в 2025 году получила масштабное обновление: в нее добавили модуль непрерывного казначейского мониторинга, который с 2026 года применяется уже при открытии лицевых счетов получателям средств [5]. В итоге потенциально нецелевые операции блокируются до их совершения, объем нарушений снижается, а контроль из ретроспективного превращается в превентивный.

В двенадцати пилотных регионах запущены проекты с алгоритмами машинного обучения для поиска аномалий в бюджетных платежах: системы анализируют паттерны расходов, сравнивают их с отраслевыми нормативами, историческими данными и реестрами госконтрактов, а затем выдают сигналы для целевых проверок. По предварительным прикидкам Минфина, такие предиктивные инструменты позволяют выявлять до 25% нарушений еще на стадии планирования операций – это серьезно повышает превентивный потенциал контроля и снижает издержки на традиционные выездные проверки.

Правовой статус данных, полученных при автоматизированном мониторинге, постепенно закрепляется в ведомственных приказах: результаты цифрового анализа уже признаются основанием для внеплановых мероприятий (конечно, при условии верификации первичных

документов), что соответствует статье 269.2 БК РФ о доказательности выводов контрольных органов [12].

Чтобы укрепить муниципальное звено, в 2025–2026 годах активно развивается практика межмуниципального аудита. В пятнадцати субъектах РФ созданы совместные контрольно-счетные центры, которые обслуживают от пяти до двенадцати муниципалитетов каждый. Такое решение оптимизирует затраты на содержание аппаратов, позволяет привлекать узких специалистов и внедрять единые стандарты проверок. Финансирование идет через субсидии из федерального бюджета [6], а методологическое сопровождение обеспечивают региональные КСО и Академия Счетной палаты РФ.

Кроме того, в 2025 году утверждены типовые положения о муниципальных контрольно-счетных органах (разработаны Минфином России). Они унифицируют процедуры планирования, проведения и оформления результатов проверок, снижая правовую пестроту на местном уровне и обеспечивая соответствие муниципальных стандартов федеральным требованиям. Дополнительным стимулом для муниципалитетов стала рейтинговая система оценки качества внешнего муниципального финансового контроля: ее результаты учитываются при распределении межбюджетных трансфертов и предоставлении методической поддержки.

Отдельно стоит сказать о повышении исполнительской дисциплины, внедрении обратной связи и развитии кадров. С 2024 года работает автоматизированная система отслеживания выполнения рекомендаций Счетной палаты и региональных КСО; в 2025 году она охватила все федеральные органы исполнительной власти и 68 субъектов РФ. Система фиксирует сроки устранения нарушений, формирует рейтинги ведомств по исполнению предписаний и интегрирована с бюджетным планированием: в пилотных регионах объем ассигнований на следующий год корректируется с учетом результатов аудита и качества устранения недостатков.

По данным за 2025 год, доля выполненных рекомендаций выросла до 64% – это на 22 процентных пункта выше показателей 2022 года, что свидетельствует о повышении ответственности руководителей подконтрольных объектов и усилении взаимосвязи между аудитом и бюджетным планированием.

Для стимулирования профессионального роста Совет контрольно-счетных органов при Счетной палате РФ продолжает конкурс «Лучший финансовый контролер Российской Федерации». В 2025–2026 годах он расширил номинации: добавились специальные призы за внедрение цифровых инструментов, развитие межмуниципального взаимодействия и вклад в методологическую базу.

Образовательные программы РАНХиГС и Академии Счетной палаты сместили акцент на практические кейсы, работу с большими данными, правовые аспекты цифрового контроля и стандарты ИНТОСАИ – так формируется кадровый резерв, способный работать в условиях высокой технологической насыщенности и сложных межведомственных взаимодействий.

Научно-экспертная дискуссия на площадках «Васильевских чтений» позволяет вырабатывать консенсусные подходы к регулированию новых рисков: контроль за использованием цифрового рубля в бюджетном процессе, оценка ESG-параметров госпрограмм, правовые рамки для ИИ в аудите, механизмы общественного финансового контроля.

В ряде субъектов Российской Федерации уже апробируются модели смарт-контрактов для целевого финансирования инфраструктурных проектов. Это позволяет на уровне программного кода закреплять условия освоения средств, автоматизировать проверку соответствия расходов утвержденным параметрам и минимизировать риски нецелевого использования бюджетных ассигнований. Параллельно прорабатывается вопрос о законодательном закреплении статуса цифровых доказательств в финансово-контрольных правоотношениях – это потребует внесения изменений в процессуальные нормы Бюджетного кодекса и уточнения критериев допустимости автоматизированных данных при оспаривании актов контроля в арбитражных судах.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что институт государственного (муниципального) финансового контроля находится на этапе качественной эволюции, движимой потребностями цифровой экономики, национальной безопасности и повышения качества государственного управления [14, 17]. Анализ правоприменительной практики 2025–2026 годов показывает: несмотря на колоссальные объемы выявляемых нарушений, система демонстрирует растущую способность к предотвращению ущерба, повышению эффективности расходов и укреплению бюджетной дисциплины на всех уровнях публичной власти.

Каковы же ключевые факторы успеха? Это отказ от карательной парадигмы в пользу риск-ориентированного подхода, глубокая специализация контрольных органов через создание центров компетенций, интеграция цифровых инструментов и укрепление муниципального звена через межмуниципальную кооперацию, федеральную методологическую поддержку и унификацию правовых стандартов.

Однако для завершения трансформации еще предстоит устранить пробелы в нормативном регулировании цифровых методов контроля, обеспечить полное информационное взаимодействие между ведомствами на уровне первичных данных, решить проблему кадровой текучести на муниципальном уровне (через механизмы профессиональной сертификации и карьерного роста), а также закрепить на законодательном уровне обязательность учета результатов аудита при формировании бюджетных ассигнований.

Дальнейшее научное сопровождение реформ должно быть направлено на разработку правовых стандартов использования искусственного интеллекта в аудиторских процессах, оценку влияния ESG-принципов на бюджетную эффективность, моделирование правовых режимов программируемых бюджетных транзакций в условиях внедрения цифрового рубля, совершенствование механизмов общественного контроля и гармонизацию национального законодательства с международными стандартами высшего аудита.

Только синтез правовой определенности, технологического лидерства, методологического единства и профессионализма кадров позволит финансовому контролю стать надежным гарантом целевого использования национальных ресурсов, драйвером устойчивого развития регионов и институциональным фундаментом экономической безопасности Российской Федерации в условиях современных геополитических и технологических вызовов.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2020 № 473-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290119>
3. Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415: постановление Правительства РФ от 16.04.2021 № 604 // Normativ.Kontur.ru. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleid=1&documentid=474943>
4. Концепция риск-ориентированного подхода в Счетной палате Российской Федерации: утв. Коллегией Счетной палаты РФ 22.06.2021, протокол № 44К (1487) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388583/
5. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28.11.2025 № 432-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/52639>
6. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15.10.2025 № 1589 // Normativ.Kontur.ru. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleid=1&documentid=502218>
7. Об утверждении дополнительных форм отчетности о результатах контрольной деятельности органа внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля и порядка их составления и представления: приказ Минфина России от 25.04.2023 № 55н (зарегистрирован в Минюсте России 07.09.2023 № 75132) // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=305189
8. О формировании органами ВГ(М)ФК дополнительных форм отчетности в соответствии с приказом Минфина России от 25.04.2023 № 55н: письмо Минфина России от 14.02.2025 № 02-09-08/13852 // ГАРАНТ.РУ. – URL: <https://base.garant.ru/411800868/>
9. Агагомедова, С.А. Теория контрольно-надзорного правоотношения: эволюция подходов и современное содержание / С.А. Агагомедова // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 3. – С. 105–116. – DOI 10.61205/S160565900031908–2. – EDN HEDNOE.
10. Артохин, Р.Е. Государственный финансовый контроль: от институционального подхода к исследованию процедур / Р.Е. Артохин, А.Н. Козырин // Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 12. – С. 105–123. – DOI 10.61205/jrp.2025.12.2. – EDN EYCCCL.
11. Ващенко, Л.А. Цифровая трансформация финансового контроля: направления развития, возможности и ограничения / Л.А. Ва-

щенко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2026. – Т. 12, № 1(166). – С. 175–180. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.01.12.019. – EDN ILKMDH.

12. Зайцева, О.П. Цифровые технологии государственного финансового контроля / О.П. Зайцева, Д.Р. Баева // Фундаментальные исследования. – 2023. – № 6. – С. 12–16. – DOI 10.17513/fr.43464. – EDN JAZTOS.

13. Запольский, С.В. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование / С.В. Запольский, Е.Л. Васянина // Правовая информатика. – 2022. – № 3. – С. 4–12. – DOI 10.21681/1994–1404–2022–3–4–12. – EDN ZERGNA.

14. Романова, Д.Р. Использование цифровых технологий в системе государственного финансового контроля / Д.Р. Романова // Учет и контроль. – 2025. – № 5. – С. 138–144. – DOI 10.36871/u.i.k.2025.05.01.016. – EDN FRJCNL.

15. Миронова, С.М. Контрольный мониторинг в системе методов государственного финансового контроля / С.М. Миронова // Legal Bulletin. – 2026. – Т. 11, № 1. – С. 9–20. – DOI 10.5281/zenodo.20018945. – EDN ORLWKK.

16. Шестемиров, А.А. Тенденции развития правовых и управленческих механизмов внутреннего финансового аудита в бюджетной сфере в условиях трансформации экономики страны / А.А. Шестемиров, Ю.А. Муза, А.А. Емелина // Финансовое право. – 2024. – № 7. – С. 14–17. – DOI 10.18572/1813–1220–2024–7–14–17. – EDN GSOJTV.

17. Хайбрахманова, А.Д. Трансформация государственного финансового контроля: правовые императивы и новые реалии / А.Д. Хайбрахманова // Юридическая наука. – 2025. – № 10. – С. 151–156. – EDN DLLSND.

LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS OF FINANCIAL CONTROL MODERNIZATION IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Vinogradova T.G. Magomedmirzoeva D.Ya., Semiletova Ya.I., Magomedmirzoev M.M.
Saint Petersburg state agrarian university, Saint Petersburg state university

The article analyzes the current stage of evolution of the Russian legal doctrine in the field of public finance regulation. Systemic contradictions of financial control activities are identified: duplication of audits, methodological uncertainty in assessing expenditure efficiency, digital disunity of information systems, and weakness of the municipal level. Based on the practices of 2025–2026, the key measures of institutional and technological modernization are characterized – the introduction of the Unified Register of Control Measures, risk-based planning, creation of competence centers, development of inter-municipal audit, and automated recommendation tracking systems. The transition from a repressive to a preventive-analytical control paradigm is substantiated. The directions for further improvement of legal regulation, including the use of artificial intelligence and the digital ruble, are outlined.

Keywords: financial control, state audit, budget monitoring, digitalization, risk-based approach, inter-municipal audit, legal doctrine, public finance

Referents

1. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law № 145-FZ of July 31, 1998 (as amended of December 28, 2024) // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/

2. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law № 473-FZ of December 29, 2020 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012290119>

3. On Approval of the Rules for the Formation and Maintenance of the Unified Register of Control (Supervisory) Measures and on Amending Decree of the Government of the Russian Federation № 415 of April 28, 2015: Decree of the Government of the Russian Federation № 604 of April 16, 2021 // Normativ.Kontur.ru. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleid=1&documentid=474943>

4. Concept of a Risk-Based Approach in the Accounts Chamber of the Russian Federation: approved by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation on June 22, 2021, Protocol № 44K (1487) // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388583/

5. On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law № 432-FZ of November 28, 2025 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/52639>

6. On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation № 1589 of October 15, 2025 // Normativ.Kontur.ru. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleid=1&documentid=502218>

7. On Approval of Additional Reporting Forms on the Results of Control Activities of the Internal State (Municipal) Financial Control Body and the Procedure for Their Preparation and Submission: Order of the Ministry of Finance of Russia № 55n of April 25, 2023 (registered with the Ministry of Justice of Russia on September 7, 2023 № 75132) // Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=305189

8. On the Formation by Internal State (Municipal) Financial Control Bodies of Additional Reporting Forms in Accordance with the Order of the Ministry of Finance of Russia № 55n of April 25, 2023: Letter of the Ministry of Finance of Russia № 02–09–08/13852 of February 14, 2025 // GARANT.RU. – URL: <https://base.garant.ru/411800868/>

9. Agamagomedova, S.A. Theory of Control and Supervisory Legal Relationship: Evolution of Approaches and Modern Content / S.A. Agamagomedova // Journal of Russian Law. – 2025. – Vol. 29, № 3. – Pp. 105–116. – DOI 10.61205/S160565900031908–2. – EDN HEDNOE.

10. Artyukhin, R.E. State Financial Control: From an Institutional Approach to the Study of Procedures / R.E. Artyukhin, A.N. Kozyrin // Journal of Russian Law. – 2025. – Vol. 29, № 12. – Pp. 105–123. – DOI 10.61205/jrp.2025.12.2. – EDN EYCLLC.

11. Vashchenko, L.A. Digital Transformation of Financial Control: Development Directions, Opportunities and Limitations / L.A. Vashchenko // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2026. – Vol. 12, № 1(166). – Pp. 175–180. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2026.01.12.019. – EDN ILKMDH.

12. Zaitseva, O.P. Digital Technologies of State Financial Control / O.P. Zaitseva, D.R. Baeva // Fundamental Research. – 2023. – № 6. – Pp. 12–16. – DOI 10.17513/fr.43464. – EDN JAZTOS.

13. Zapol'sky, S.V. Digitalization of Financial Control: Legal Regulation / S.V. Zapol'sky, E.L. Vasyanina // Legal Informatics. – 2022. – № 3. – Pp. 4–12. – DOI 10.21681/1994–1404–2022–3–4–12. – EDN ZERGNA.

14. Romanova, D.R. Use of Digital Technologies in the State Financial Control System / D.R. Romanova // Accounting and Control. – 2025. – № 5. – Pp. 138–144. – DOI 10.36871/u.i.k.2025.05.01.016. – EDN FRJCNL.

15. Mironova, S.M. Control Monitoring in the System of State Financial Control Methods / S.M. Mironova // Legal Bulletin. – 2026. – Vol. 11, № 1. – Pp. 9–20. – DOI 10.5281/zenodo.20018945. – EDN ORLWKK.

16. Shestemirov, A.A. Trends in the Development of Legal and Managerial Mechanisms of Internal Financial Audit in the Budgetary Sphere under the Transformation of the Country's Economy / A.A. Shestemirov, Yu.A. Muza, A.A. Emelina // Financial Law. – 2024. – № 7. – Pp. 14–17. – DOI 10.18572/1813–1220–2024–7–14–17. – EDN GSOJTV.

17. Khaibrakhmanova, A.D. Transformation of State Financial Control: Legal Imperatives and New Realities / A.D. Khaibrakhmanova // Legal Science. – 2025. – № 10. – Pp. 151–156. – EDN DLLSND.

Злоупотребление правом на льготное налогообложение при переводе земель сельскохозяйственного назначения в иные категории

Токарев Глеб Олегович,
независимый исследователь
E-mail: gleb.tokarev009@yandex.ru

В статье исследуются проблемы злоупотребления правом на льготное налогообложение при переводе земель сельскохозяйственного назначения в иные категории. Цель – выявление правовых признаков злоупотребления и разработка предложений по совершенствованию законодательства. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы и анализ судебной практики. Проанализированы налоговые преференции, установленные статьей 394 НК РФ, а также судебная практика по спорам о применении льготной ставки земельного налога. Рассмотрены новые ограничения, введенные Федеральным законом от 01.04.2025 № 52-ФЗ. Выявлены правовые коллизии на стыке земельного и налогового законодательства. Сформулированы предложения по внесению изменений в НК РФ.

Ключевые слова: земельный налог, земли сельскохозяйственного назначения, перевод земель, льготная ставка, злоупотребление правом, необоснованная налоговая выгода.

Вопросы перевода земель сельскохозяйственного назначения в иные категории традиционно находятся в центре внимания отечественной правовой доктрины и правоприменительной практики, что обусловлено особым правовым режимом данной категории земель, их стратегическим значением для обеспечения продовольственной безопасности государства, а также фискальным потенциалом, заложенным в механизме земельного налогообложения.

Особую остроту проблематика приобретает в связи с участвующими случаями использования налогоплательщиками формальных признаков сельскохозяйственного назначения земельных участков для применения пониженной налоговой ставки при фактическом отсутствии сельскохозяйственной деятельности.

Параллельно сохраняется проблема необоснованных отказов со стороны публичных органов в переводе земель, что свидетельствует о противоречивости правоприменительной практики.

Отдельные аспекты злоупотребления правом в налоговых правоотношениях рассматривались в работах Д.М. Щекина, И.И. Кучерова, С.Г. Пепеляева; вопросы перевода земель исследовались О.А. Самончик, А.П. Анисимовым; проблемы применения льготной ставки по земельному налогу анализировались Т.В. Зыряновой, С.Б. Зыряновым, А.О. Загурским.

Однако комплексного исследования на стыке земельного и налогового права с учетом новейших изменений законодательства не представлено.

Теоретическую основу работы составили научные публикации, посвященные вопросам земельного и налогового права, а также материалы судебной практики. Нормативную базу образуют Земельный кодекс РФ, Налоговый кодекс РФ (ст. 394), Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую», Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Анализ доступных источников позволяет утверждать, что проблема злоупотребления правом на льготное налогообложение при переводе земель сельскохозяйственного назначения имеет устойчивый характер и проявляется как в действиях налогоплательщиков, так и в противоречивых подходах правоприменительных органов.

В качестве ключевых задач исследования выступили: анализ правового режима земель сельхозназначения и налоговых преференций, выявление схем получения необоснованной налоговой выгоды на основе судебной практики, исследование новых ограничений Закона № 52-ФЗ и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования.

Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации характеризуется особым порядком их оборота и использования.

Согласно статье 7 Земельного кодекса РФ, земли в Российской Федерации по целевому назначению подразделяются на категории, одна из которых – земли сельскохозяйственного назначения.

Правовой режим таких земель определяется исходя из их принадлежности к указанной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий¹.

Особенностью данной категории является то, что земли сельскохозяйственного назначения обладают уникальной природной способностью плодородия, что предопределяет необходимость их особой охраны.

Переходя к вопросу правовой регламентации перевода земель из одной категории в другую, следует сказать о том, что основным актом, регулирующим указанную процедуру, является Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»².

Статьей 7 данного закона установлены случаи, при которых перевод земель сельскохозяйственного назначения в иные категории до-

¹ Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2001. – № 44. – Ст. 4147.

² Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую // Собрание законодательства РФ. – 27.12.2004. – № 52 (часть 1). – Ст. 5276.

пускается, в частности: при изменении границ населенных пунктов, при консервации и т.д.

При этом перевод сельскохозяйственных угодий, кадастровая стоимость которых превышает средний уровень по муниципальному району, не допускается (п. 4 ч. 1 ст. 7 данного ФЗ).

Особое значение для темы настоящего исследования имеет налогообложение земельных участков сельскохозяйственного назначения.

Согласно ч. 1 ст. 394 Налогового кодекса РФ¹, налоговые ставки по земельному налогу устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований и не могут превышать 0,3 процента в отношении земельных участков, отнесенных к землям сельскохозяйственного назначения и используемых для сельскохозяйственного производства, а также приобретенных (предоставленных) для личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества или животноводства, а также дачного хозяйства.

В отношении прочих земельных участков ставка не может превышать 1,5 процента.

Как справедливо отмечают Т.В. Зырянова и соавторы, для применения льготной ставки налога в размере, не превышающем 0,3%, необходимо соблюдение одновременно двух условий: отнесение земельного участка к определенному виду разрешенного использования (для земель сельскохозяйственного использования и назначения); фактическое использование земли в сельскохозяйственном производстве².

При несоблюдении данных условий налогообложение спорного земельного участка должно производиться по ставке, применяемой в отношении прочих земель, т.е. не превышающей 1,5%³.

Именно возможность применения пониженной налоговой ставки при формальном сохранении сельскохозяйственного статуса земельного участка создает предпосылки для злоупотреблений.

Налогоплательщики, приобретая земельные участки по цене, определяемой их сельскохозяйственным статусом, фактически используют их в коммерческих целях – для строительства объектов недвижимости с последующей продажей, для размещения промышленных объектов или для иных видов деятельности, не связанных с сельскохозяйственным производством.

При этом формально категория земель не изменяется, что позволяет применять пониженную ставку земельного налога.

Показательным примером такой модели поведения является дело ООО «Развитие», рассмотренное Арбитражным судом города Санкт-Петербурга и Ленинградской области⁴. Общество являлось собственником 477 земельных участков категории «земли сельскохозяйственного назначения» с разрешенным использованием «для дачного строительства».

В налоговой декларации за 2012 год общество исчислило земельный налог по ставке 0,3%, применив льготу, предусмотренную подпунктом 1 пункта 1 статьи 394 Налогового кодекса РФ, однако в ходе камеральной налоговой проверки налоговый орган установил, что участки фактически использовались обществом в коммерческих целях.

Доказательств использования земельных участков по назначению обществом не представлено. Суд поддержал позицию налогового органа, указав, что применение пониженной ставки земельного налога в размере 0,3% возможно при соблюдении одновременно двух условий, соответствующих тем, что приведены мною выше. Соответственно, в удовлетворении требований общества было отказано.

В научной литературе также обоснованно выделяются обстоятельства, свидетельствующие о неправомерном применении льготной ставки – далеко не все из них предусмотрены нормативно в силу т.н. «опережающего» эффекта доктрины.

Как отмечают Зырянова Т.В., Зырянов С.Б. и Загурский А.О., среди таких обстоятельств – отсутствие признаков использования земли (земли не вспахивались, не засеивались и т.д.); отсутствие операций по приобретению удобрений, сельскохозяйственной техники, реализации сельскохозяйственной продукции; отсутствие у налогоплательщика намерений использовать участки по назначению; реализация участков исключительно для целей извлечения прибыли⁵.

При этом недобросовестные налогоплательщики нередко предпринимают попытки создать видимость использования земли для сельскохозяйственного производства.

К числу таких неправомерных действий относятся заключение фиктивных договоров подряда на однократную обработку участка, фиктивных договоров аренды сельскохозяйственной техники, обоснование отсутствия рабочей силы тем, что все работы выполнялись силами директора в целях экономии⁶, однако суды в подобных случаях, как правило, встают на сторону налоговых органов, оценивая представленные документы критически и принимая во внимание совокупность всех обстоятельств дела.

Так, в деле № А65–706/2017, рассмотренном Арбитражным судом Поволжского округа, налогоплательщик представил договор аренды сельскохозяйственной техники и пояснения о том, что все работы выполнялись директором, однако суд отклонил указанные доводы, отметив, что одному руководителю невозможно выполнить работы на участке при отсутствии у него удостоверения на право управления специальной техникой, а также что отсутствует факт оплаты за выполненные работы.

Суд пришел к выводу, что налогоплательщик не доказал ведение сельскохозяйственной деятельности⁷.

Противоположный аспект проблемы раскрывается в делах, где публичные органы необоснованно отказывают в переводе земель из сельскохозяйственной категории в иную.

Так, в Определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2014 г. № 41-КГ14–30 рассматривалась ситуация, когда Правительство Ростовской области отказало Хатламджиян А.А. в переводе принадлежащего ей земельного участка из категории земель сельскохозяйственного назначения в категорию земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земли для обеспечения космической деятельности, земли обороны, безопасности и земли иного специального назначения.

Основанием для отказа послужило несоответствие испрашиваемого целевого назначения земельного участка утвержденным документам территориального планирования.

Суд установил, что на момент рассмотрения ходатайства был принят генеральный план Чалтырского сельского поселения, согласно которому земельный участок находился в границах промышленной зоны. Кроме того, суд указал, что подготовка документации по планировке территории в данном случае не требовалась, поскольку участок был образован в результате раздела ранее существовавшего земельного участка.

Верховный Суд РФ признал отказ незаконным и обязал Правительство Ростовской области вынести распоряжение о переводе земельного участка⁸.

Сопоставление указанных судебных актов позволяет сделать вывод о том, что ключевая проблема лежит не в действиях одной из сторон, а в отсутствии четких критериев для оценки добросовестности при переводе земель – это порождает как налоговые злоупотребления со стороны бизнеса, так и административные барьеры со стороны государства.

Отсутствие единообразной практики создает правовую неопределенность как для налогоплательщиков, так и для контролирующих органов.

Указанная противоречивость правоприменительной практики обусловила необходимость законодательного вмешательства.

Так, в 2025 году был принят Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который реформирует механизм перевода земель сельскохозяйственного назначения⁹.

Принципиальным нововведением стало дополнение статьи 7 Федерального закона от 21.12.2004 № 172-ФЗ частью 3, устанавливающей прямой запрет на перевод сельскохозяйственных угодий в другую категорию в целях добычи общераспространенных полезных ископаемых.

Тем самым на нормативном уровне закреплён подход, при котором наличие полезных ископаемых само по себе не может служить основанием для изъятия сельхозугодий из оборота.

Существенным нововведением Закона № 52-ФЗ стало изменение подхода к определению границ сельскохозяйственных угодий.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон РФ от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Парламентская газета. – 10.08.2000. – № 151–152.

² Зырянова Т.В., Зырянов С.Б., Загурский А.О. К вопросу о правомерности применения льготной ставки по земельному налогу // Аграрный вестник Урала. – 2018. – № 8 (175). – С. 76.

³ Смирнова Е. Земельный налог. Актуальные проблемы исчисления и уплаты // Финансовая газета. – 2013. – № 21. – С. 13.

⁴ Арбитражная практика по налоговым спорам: суд поддержал решение территориального налогового органа ... [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФНС России. URL: <https://www.nalog.gov.ru/>... (дата обращения: 18.06.2026).

⁵ Зырянова Т.В., Зырянов С.Б., Загурский А.О. Указ. соч. С. 74–80.

⁶ Чупина И.П., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Журавлева Л.А., Фатеева Н.Б. К проблеме перевода земельных участков сельскохозяйственного назначения в другие категории // Московский экономический журнал. – 2022. – № 1. – С. 148–160.

⁷ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 октября 2017 г. № Ф06–25127/2017 по делу № А65–706/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2014 г. № 41-КГ14–30 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Российская газета. – № 75. – 04.04.2025.

С 1 марта 2026 года Минсельхоз России наделяется полномочиями по установлению границ сельскохозяйственных угодий и их изменению на основании имеющихся сведений.

Фактически указанные изменения приводят к усилению централизованного контроля за качественным составом земель и сокращению рисков формального вывода угодий из сельскохозяйственного оборота¹.

Важное значение имеет Федеральный закон от 15.12.2025 № 478-ФЗ, который предусматривает внесение в Единый государственный реестр недвижимости сведений о границах земель сельскохозяйственного назначения и о границах сельскохозяйственных угодий².

Данный закон призван обеспечить практическую реализацию положений Закона № 52-ФЗ за счет повышения прозрачности и определенности земельного статуса участков.

Внесение указанных изменений в законодательство существенно влияет на налоговые правоотношения.

Поскольку запрет на перевод сельскохозяйственных угодий в иные категории для целей добычи полезных ископаемых не позволяет изменить категорию земельного участка, такой участок сохраняет статус земель сельскохозяйственного назначения, соответственно, налогоплательщик формально сохраняет право на применение пониженной ставки земельного налога, однако фактическое использование участка для добычи полезных ископаемых не является сельскохозяйственным производством.

Возникает правовая коллизия: категория земель не изменена, но фактическое использование не соответствует критериям, установленным статьей 394 Налогового кодекса РФ для применения льготной ставки.

Указанная коллизия требует скорейшего разрешения на законодательном уровне.

Представляется необходимым внести изменения в статью 394 Налогового кодекса РФ, закрепив в ней положение о том, что применение пониженной налоговой ставки в размере 0,3% возможно только при условии фактического использования земельного участка для сельскохозяйственного производства, подтвержденного соответствующими документами и результатами проверок.

Также целесообразно установить обязанность налогоплательщиков, использующих земли сельскохозяйственного назначения для иных целей, уплачивать земельный налог по ставке 1,5% независимо от формальной категории земель.

Переходя к выводам, следует сказать, что проблема злоупотребления правом на льготное налогообложение при переводе земель сельскохозяйственного назначения в иные категории имеет устойчивый характер и проявляется как в действиях недобросовестных налогоплательщиков, так и в противоречивых подходах правоприменительных органов.

Судебная практика демонстрирует отсутствие единообразных критериев оценки добросовестности участников соответствующих правоотношений, что создает правовую неопределенность.

Принятие Федерального закона № 52-ФЗ является важным шагом в направлении усиления охраны сельскохозяйственных угодий, однако новые ограничения создают правовые коллизии в налоговой сфере, требующие дополнительного законодательного урегулирования.

В частности, необходимо синхронизировать положения земельного и налогового законодательства, установив четкую зависимость применения льготной ставки земельного налога от фактического использования земельного участка, а не от формальной категории земель.

Предложенные в настоящей статье изменения позволяют повысить эффективность механизмов противодействия злоупотреблениям в сфере земельного налогообложения и обеспечить баланс между частными и публичными интересами.

Литература

1. Зырянова Т.В., Зырянов С.Б., Загурский А.О. К вопросу о правомерности применения льготной ставки по земельному налогу // Аграрный вестник Урала. – 2018. – № 8 (175). – С. 74–80.

2. Смирнова Е. Земельный налог. Актуальные проблемы исчисления и уплаты // Финансовая газета. – 2013. – № 21. – С. 12–14.

¹ Перевод земель сельскохозяйственного назначения для добычи общераспространённых полезных ископаемых: новые правовые ограничения и переходные механизмы Закона № 52-ФЗ. – URL: <https://adm-krom.ru/public/perevod-zemel-selskokhozyaystvennogo-naznacheniya-dlya-dobychi-obscherasprostranyonnykh-poleznykh-iskopaemykh-novye-pravovye-ogranicheniya-i-perekhodnye-mekhanizmy-zakona-52-fz> (дата обращения: 18.06.2026).

² Федеральный закон от 15.12.2025 № 478-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон О государственной регистрации недвижимости // Российская газета. – № 288. – 18.12.2025.

3. Чупина И.П., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Журавлева Л.А., Фатеева Н.Б. К проблеме перевода земельных участков сельскохозяйственного назначения в другие категории // Московский экономический журнал. – 2022. – № 1. – С. 148–160.

4. Перевод земель сельскохозяйственного назначения для добычи общераспространённых полезных ископаемых: новые правовые ограничения и переходные механизмы Закона № 52-ФЗ. – URL: <https://adm-krom.ru/>... (дата обращения: 18.06.2026).

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

6. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

7. Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую // Собрание законодательства РФ. – 27.12.2004. – № 52 (часть 1). – Ст. 5276.

8. Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Российская газета. – № 75. – 04.04.2025.

9. Федеральный закон от 15.12.2025 № 478-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон О государственной регистрации недвижимости // Российская газета. – № 288. – 18.12.2025.

10. Арбитражная практика по налоговым спорам: суд поддержал решение территориального налогового органа ... [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФНС России. URL: <https://www.nalog.gov.ru/>... (дата обращения: 18.06.2026).

11. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2014 г. № 41-КГ14–30 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 октября 2017 г. № Ф06–25127/2017 по делу № А65–706/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

MISUSE OF THE RIGHT TO BENEFICIAL TAXATION WHEN TRANSFERRING AGRICULTURAL LAND TO OTHER CATEGORIES

Tokarev G.O.

The article examines the problems of abuse of the right to preferential taxation in the transfer of agricultural lands to other categories. The purpose is to identify legal signs of abuse and develop proposals for improving legislation. The methodological basis includes formal-legal, comparative-legal methods and analysis of judicial practice. Tax preferences established by Article 394 of the Tax Code and judicial practice on disputes concerning the application of the reduced land tax rate are analyzed. New restrictions introduced by Federal Law № 52-FZ of 01.04.2025 are considered. Legal conflicts at the intersection of land and tax legislation are identified. Proposals for amendments to the Tax Code are formulated.

Keywords: land tax, agricultural land, land transfer, preferential rate, abuse of right, unjustified tax benefit.

References

1. Zyryanova T.V., Zyryanov S.B., Zagursky A.O. On the Legitimacy of Applying a Preferential Land Tax Rate // Agrarian Bulletin of the Urals. – 2018. – № 8 (175). – P. 74–80.

2. Smirnova E. Land Tax. Current Issues of Calculation and Payment // Financial Newspaper. – 2013. – № 21. – P. 12–14.

3. Chupina I.P., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Zhuravleva L.A., Fateeva N.B. On the Problem of Transferring Agricultural Land Plots to Other Categories // Moscow Economic Journal. – 2022. – № 1. – P. 148–160.

4. Transfer of agricultural land for the extraction of common minerals: new legal restrictions and transition mechanisms of Federal Law № 52-FZ. – URL: <https://adm-krom.ru/>... (date of access: 18.06.2026).

5. Tax Code of the Russian Federation (part two): Federal Law of 05.08.2000 № 117-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2000. – № 32. – Art. 3340.

6. Land Code of the Russian Federation: Federal Law of 25.10.2001 № 136-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 44. – Art. 4147.

7. Federal Law of 21.12.2004 № 172-FZ On the Transfer of Lands or Land Plots from One Category to Another // Collected Legislation of the Russian Federation. – 27.12.2004. – № 52 (Part 1). – Art. 5276.

8. Federal Law of 01.04.2025 № 52-FZ On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. – № 75. – 04.04.2025.

9. Federal Law of 15.12.2025 № 478-FZ On Amendments to the Federal Law On State Registration of Real Estate // Rossiyskaya Gazeta. – № 288. – 18.12.2025.

10. Arbitration practice in tax disputes: the court upheld the decision of the territorial tax authority ... [Electronic resource] // Official website of the Federal Tax Service of Russia. URL: <https://www.nalog.gov.ru/>... (date of access: 18.06.2026).

11. Determination of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 12, 2014 № 41-KG14–30 // SPS «ConsultantPlus».

12. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated October 24, 2017 № F06–25127/2017 in case № А65–706/2017 // SPS «ConsultantPlus».